ИЗВѢСТІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ТОМСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

ТОМСКЪ
Паровая Типо-Литографія П. И. Макушина, Магистратская, № 4.
1895

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Томскаго Университета...

Редакторъ, Секретарь Факультета (Деканъ) *Проф. Н. Маліевъ.*

ОТЧЕТЪ

о состояніи Императорскаго Томскаго Университета

за 1893 годъ.

Почетные Члены Университета.

Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ съ 9 марта 1891 года.

Министръ Народнаго Просвѣщенія Статсъ-Секретарь графъ Иванъ Давыдовичъ Деляновъ съ 7 мая 1892 года.

ЛИЧНЫЙ СОСТАВЪ УНИВЕРСИТЕТА.

1) **Ректоръ** Университета Александръ Ивановичъ Судаковъ, ординарный профессоръ по каѳедрѣ гигіены, д-ръ мед., Надв. Сов.

2) **Секретарь** факультета (Деканъ) Николай Михайловичъ Маліевъ, ординарный профессоръ по каѳедрѣ анатоміи, д-ръ мед., Ст. Сов.; онъ же редакторъ Университетскихъ Извѣстій (съ 21 февраля 1889 года) и Предсѣдатель клиническаго хозяйственнаго Совѣта.

3) Профессоръ Православнаго Богословія, священникъ Димитрій Никаноровичъ Бѣликовъ, Магистръ Богословскихъ Наукъ.

Ординарные профессоры:

4) Станиславъ Іосафатовичъ Залѣскій, по каѳедрѣ медицинской химіи, д-ръ мед., Ст. Сов.

5) Владиміръ Николаевичъ Великій, по каѳедрѣ физіологіи, д-ръ зоологіи, Ст. Сов.

6) Эдуардъ Александровичъ Леманъ, по каѳедрѣ фармаціи и фармакогнозіи, магистръ фармаціи, Ст. Сов.; онъ-же завѣдующій клиническою аптекой.

7) Николай Ѳеофановичъ Кащенко, по каѳедрѣ зоологіи и сравнительной анатоміи, д-ръ мед., Кол. Сов.

8) Александръ Павловичъ Коркуновъ, по каѳедрѣ врачебной діагностики и терапевтической факультетской клиники, д-ръ мед., Надв. Сов.

9) Эрастъ Гавриловичъ Салищевъ, по каѳедрѣ госпитальной хирургической клиники и десмургіи, съ ученіемъ о вывихахъ и переломахъ, д-ръ мед., Надв. Сов.

10) Александръ Васильевичъ Репревъ, по каѳедрѣ общей патологіи, д-ръ мед., Надв. Сов.

11) Иванъ Николаевичъ Грамматикати, по каѳедрѣ акушерства и гинекологіи, д-ръ мед., Надв. Сов.

12) Ѳеофилъ Андреевичъ Ерофѣевъ, по каѳедрѣ офталмологіи, д-ръ мед. Надв. Сов.

13) Яковъ Афанасьевичъ Анфимовъ, по каѳедрѣ нервныхъ и душевныхъ болѣзней, д-ръ мед., Колл. Сов.

Экстра-ординарные профессоры:

14) Александръ Станиславовичъ Догель, по каѳедрѣ гистологіи и эмбріологіи, д-ръ мед., Колл. Сов.

15) Алексѣй Михайловичъ Зайцевъ, по каѳедрѣ минералогіи и геологіи, д-ръ минералогіи и геогнозіи, Кол. Сов.

16) Николай Афанасьевичъ Роговичъ, по каѳедрѣ хирургической патологіи и хирургической факультетской клиники, д-ръ мед.

17) Михаилъ Георгіевичъ Курловъ, по каѳедрѣ частной патологіи и терапіи и терапевтической госпитальной клиники, д-ръ мед., Кол. Сов.

18) Федоръ Яковлевичъ Капустинъ, по каѳедрѣ физики, магистрантъ физико-математическихъ наукъ, Надв. Сов.

19) Павелъ Васильевичъ Буржинскій, по каѳедрѣ фармакологіи съ рецептурою и ученіемъ о минеральныхъ водахъ, д-ръ мед., Колл. Асс., онъ же и. д. университетскаго врача.

20) Михаилъ Федоровичъ Поповъ, по каѳедрѣ судебной медицины съ токсикологіей, д-ръ мед., Кол. Сов.

21) Евлампій Степановичъ Образцовъ, по каѳедрѣ дерматологіи и сифилидологіи, д-ръ мед., Кол. Сов.

22) Иванъ Степановичъ Поповскій, по каѳедрѣ оперативной хирургіи съ топографическою анатоміею, д-ръ мед., Колл. Асс.

23) Иванъ Ивановичъ Судакевичъ, по каѳедрѣ патологической анатоміи, д-ръ медицины, Коллежск. Асс.

24 Леонидъ Леонидовичъ Бартеневъ, по каѳедрѣ дѣтскихъ болѣзней, д-ръ мед.

25) Василій Васильевичъ Сапожниковъ, по каѳедрѣ ботаники, магистръ ботаники, Надв. Сов.

26) Евгеній Валеріановичъ Вернеръ, по каѳедрѣ неорганической, органической и аналитической химіи, кандидатъ естественныхъ наукъ, Кол. Сов.

Учебно-вспомогательный персоналъ:

27) И. д. прозектора при каѳедрѣ оперативной хирургіи Сергѣй Михайловичъ Чугуновъ, лекарь, Колл. Асс.

28) И. д. прозектора при каѳедрѣ физіологіи Алексѣй Александровичъ Кулябко, лѣкарь, кандидатъ естественныхъ наукъ С.-Петербургскаго университета.

29) Прозекторъ при каѳедрѣ патологической анатоміи Федоръ Ивановичъ Романовъ, д-ръ мед. Надв. Сов.

30) Прозекторъ при каѳедрѣ анатоміи Николай Александровичъ Геркенъ, д-ръ медицины.

31) Ассистентъ при каѳедрѣ фармакологіи Морицъ Карловичъ Горстъ, провизоръ, Титул. Сов.

32) Лаборантъ при каѳедрѣ химіи Владиміръ Александровичъ Фонъ-Лешъ, кандидатъ химіи Юрьевскаго университета, Титул. Сов.

33) Лаборантъ при каѳедрѣ діагностики Илья Ивановичъ Дочевскій, лѣкарь.

34) Лаборантъ при фармацевтической лабораторіи Николай Ивановичъ Ивановъ, провизоръ.

35) Хранитель физическаго кабинета Валеріанъ Николаевичъ Галанинъ, окончившій въ С.-Петербургскомъ университетѣ курсъ наукъ по математическому разряду, съ дипломомъ 1 степени.

36) Хранитель минералогическаго кабинета Александръ Николаевичъ Державинъ, кандидатъ естественныхъ наукъ Казанскаго университета, Надв. Сов.

37) Садовникъ и хранитель ботаническаго кабинета Порфирій Никитичъ Крыловъ, провизоръ, Кол. Асс.

38) Консерваторъ зоологическаго музея Василій Петровичъ Аникинъ, кандидатъ естественныхъ наукъ Харьковскаго университета.

39) Временно и. д. ординатора терапевтической госпитальной клиники Тимоѳей Демьяновичъ Боровковъ, лѣкарь, уѣздный врачъ.

40) Ординаторъ факультетской хирургической клиники Константинъ Александровичъ Кытмановъ, лѣкарь.

41) Временно и. д. ординатора по кожнымъ и венерическимъ болѣзнямъ Николай Ивановичъ Флоринскій, лѣкарь.

42) Временно и. д. ординатора акушерско-гинекологической клиники Екатерина Николаевна Булюкина, женщина-врачъ.

43) Провизоръ университетской клинической аптеки Густавъ Альбертовичъ Штромбергъ, провизоръ.

44) И. д. повивальной бабки при акушерско-гинекологической клиникѣ Калерія Леонидовна Булыгина, сельская повивальная бабка.

45) Механикъ при физическомъ кабинетѣ Иванъ Петровичъ Бѣлозеровъ, окончившій курсъ въ Омскомъ техническомъ училищѣ.

По инспекціи:

46) Инспекторъ студентовъ Александръ Петровичъ Пятницкій, Ст. Сов.

47) Помощникъ инспектора студентовъ Михаилъ Кузьмичъ Богдановичъ, Ст. Сов.

48) Помощникъ инспектора студентовъ Николай Егоровичъ Доброхотовъ, технологъ, Надв. Сов.

49) Секретарь по студенческимъ дѣламъ Григорій Ефимовичъ Пучковскій, окончившій курсъ наукъ на естественномъ отдѣлѣ физико-математическаго факультета университета Св. Владиміра съ дипломомъ 1-й степени, Колл. Секр.

По хозяйственной части, управленію и дѣлопроизводству:

50) И. д. секретаря правленія Федоръ Дмитріевичъ Катценъ, Губ. Секр.

51) Экзекуторъ университета Вячеславъ Ивановичъ Ржеусскій, Колл. Асс.

52) Бухгалтеръ, онъ же казначей, Александръ Андреевичъ Константиновъ Коллеж. Асс.

53) Архитекторъ университета и Западнаго-Сибирскаго учебнаго округа Павелъ Петровичъ Нарановичъ, гражданскій инженеръ, Надв. Сов.

54) Библіотекарь Степанъ Кировичъ Кузнецовъ, кандидатъ историко-филологическаго факультета, Надв. Сов.

55) Временно и. д. помощника библіотекаря Петръ Львовичъ Черневичъ, бывшій студентъ Императорскаго Казанскаго университета.

56) Смотритель клиники Созонтъ Михаиловичъ Лобатынскій, потомственный почетный гражданинъ.

57) И. д. смотрителя газоваго завода Симха Маделевъ Глейхенгаузъ.

УЧЕНЫЕ ТРУДЫ ЧЛЕНОВЪ УНИВЕРСИТЕТА.

Гг. члены университета въ истекшемъ учебномъ году напечатали слѣдующія работы:

Проф. А. И. Судаковъ напечаталъ: Отчетъ о холерной эпидеміи въ Томскѣ лѣтомъ 1892 года.

Д. Н. Бѣликовъ:—Старообрядческій расколъ въ Томской губерніи и нѣсколько проповѣдническихъ рѣчей.

С. І. Залѣскій:—1) Къ вопросу о мерзлой почвѣ и ледяныхъ слояхъ въ Сибири. Труды Томск. Общ. естеств. и врачей. Кн. IV. 1894. Прот. 18/1 1893, p. 61. 2) Усовершенствованный приборъ для добыванія воды со дна глубокихъ водяныхъ бассейновъ. Ibid. p. 107. 3) Къ вопросу о фосфатуріи и химическомъ составѣ мочи при этой болѣзни. Ib. p. 110. 4) Объясненіе и демонстрація коллекціи, собранной во время бальнео-химическихъ изслѣдованій минувшимъ лѣтомъ на озерахъ Инголь, Широ, Шунетъ, Карачинскомъ и Устьянцевскомъ. Ib. p. 113. 5) Изслѣдованіе пригодности нѣкоторыхъ маловодныхъ мѣстностей Барнаульскаго и Каинскаго округовъ къ заселенію переселенцами Европейской Россіи. Отчетъ о командировкѣ, состоявшейся лѣтомъ 1893 года по предложенію г. Томскаго Губернатора. Томскъ. 1893 г. 6) a) Къ вопросу о содовомъ производствѣ въ Сибири. «Вѣстн. Золотопр. и горн. дѣла вообще». 1893. b) Zur Frage der Sodaproduction in Sibirien. Chemiker Zeitung. 1893. № 91 и 92.

В. Н. Великій:—Свѣтъ и жизнь. Рѣчь произнесенная на торжественномъ собраніи въ четвертую годовщину Императорскаго Томскаго университета. 1892.

Н. Ѳ. Кащенко за 1892 годъ:—1) Краткое руководство по зоологіи. Выпускъ 2-й, съ 14-ю табл. рисунк. Извѣстія Импер. Томск. универс., кн. 5 (приложеніе). 2) О кукушкѣ. Объяснительная лекція, читанная по поводу назначенія темы на медаль. Тамъ-же. — За 1893 годъ: 3) L'Institut zoologique de l'université Imperiale de Tomsk. Труды международнаго зоологическаго конгресса 1892 г. въ Москвѣ. Materiaux. II. 1893. 4) О мѣрахъ борьбы съ болѣзнью рыбъ, производимой ремнецами. Вѣстн. Импер. Общ. акклиматизаціи. Акклиматизаціонный ботанико-зоологическій съѣздъ.

Москва. 1893. 5) О необходимости развитія прикладного естествознанія въ Сибири. Тамъ-же. 6) Живыя актиніи въ Томскѣ. Вѣстникъ Естествознанія. 1893. № 9.

Я. А. Анфимовъ:—Сознаніе и личность. Рѣчь, сказанная на актѣ 22 октября 1893 г. Напеч. въ Универс. Извѣстіяхъ.

А. С. Догель:—1) Zur Frage über die Ausführungsgänge des Pancreas des Menschen. Archiv f. Anat. u. Physiol. 1893. 2) Zur Frage über das Verhalten der Nervenzellen zu einander. Archiv. f. Anat. Physiol. 1893. 3) Die Nervenendigungen in der Haut der äusseren Genitalorgane des Menschen. Archiv. f. mikrosk., Bd. XXXXI, 1893. 4) Neuroglia der Retina des Menschen. Archiv. f. mikrosk. Anat. XXXXI 1893. На русскомъ языкѣ: Гистологическія изслѣдованія. Выпускъ I. Содержаніе. 1) Окончаніе нервовъ въ слизистой оболочкѣ наружныхъ половыхъ органовъ человѣка. 2) Невроглія сѣтчатой оболочки глаза человѣка. 3) Къ вопросу объ отношеніи нервныхъ клѣтокъ другъ къ другу. 4) Къ вопросу о выводныхъ протокахъ поджелудочной железы человѣка. Труды Томск. Общ. естеств. и врачей за 1893 годъ.

А. М. Зайцевъ:—1) О мѣсторожденіяхъ золота въ нѣкоторыхъ заводскихъ округахъ средняго Урала. Вѣстн. Золотопр. и горн. дѣла вообще за 1893 г. 2) Геологическія изслѣдованія вдоль линіи Сиб. жел. дор. (Предварит. отчетъ Горн. Журн. 1893. Мартъ). 3) О коренныхъ мѣсторожденіяхъ золота въ Маріинскомъ округѣ Томской губ. Вѣстн. Золотопр. №№ 10 и 11, 4) Подземныя воды и значеніе ихъ для населенія вообще и города Томска въ частности. Рѣчь, читанная въ годичномъ собраніи Томск. Общ. естеств. и врачей 7 ноября 1893 г. (Прилож. къ № 14 «Вѣстн. Золотопр.»). 5) О золотоносныхъ розсыпяхъ Маріинскаго окр. Томской губ. «Вѣстн, Золотопр.», №№ 14—17.

Н. А. Роговичъ:—Редактировалъ отчетъ перваго года хирургической факультетской клиники. 2) О нервахъ щитовидной железы и мозговаго придатка.

И. С. Поповскій:—1) Современное направленіе въ анатоміи и хирургіи. Вступительная лекція. 2) Подкожная мускулатура оранга и иннервація ея. 3) Ueberbleibsel der A. saphena beim Menschen. Anat. Anzeiger. 1893. 4) Phylogenesis des Arteriensystems der unteren Extremitäten bei den Primaten. Anat. Anz. 1893. 5) Артеріальная система у обезьянъ сравнительно съ расположеніемъ ея у человѣка. 1894.

В. В. Сапожниковъ:—1) Въ 1892 г. Die Grenzen der Anhäufung von Kohlenhydraten in den Blättern. Berichte der Deütsch. Bot. Gesellschaft. 1892. 2) Въ 1892 г. Beitrag zur Kentniss d. Grenzen der Anhäufung von Kohlenhydraten in den Blättern. Berichte d. Dutsch. Bot. Gesellschatt. 1893.

Е. В. Вернеръ—Вліяніе различныхъ радикаловъ на замѣщеніе водородовъ въ углеродистыхъ соединеніяхъ.

М. Г. Курловъ: 1) Обзоръ холерной эпидеміи 1892 года. 2) Къ казуистикѣ аневризмъ аорты (Обѣ работы напечатаны въ Т. IV Трудовъ Томскаго Общества естествоиспытателей и врачей). 3) Что такое холера и какъ отъ нея уберечься (Наставленіе для народа). 1892 г. Приложеніе въ видѣ отдѣльной брошюры къ Трудамъ Общ. естеств. и врачей.

Ф. И. Романовъ:—1) Примѣненіе микро-химической реакціи на желѣзо къ группѣ песчаныхъ и амилоидныхъ тѣлъ. «Врачъ». № 6. 1893. 2) Къ патологической

гистологіи печени при холерѣ. «Врачъ». № 34. 1893. 3) Къ ученію объ опухоляхъ бранхіогеннаго происхожденія. Извѣстія Импер. Томск. универс. за 1893 г.

С. М. Чугуновъ:—Матеріалы для антропологіи Сибири I—V очерки. Въ Извѣстіяхъ Импер. Томск. универс. Т. VI. 1893.

М. К. Горстъ. Матеріалы для изслѣдованія народныхъ лѣкарственныхъ растеній Томской губерніи. Труды Томск. Общ. естеств. и врачей за 1893 г.

П. Н. Крыловъ:—Путешествіе въ Урянхайскую землю въ 1892 г., съ картой. Въ Извѣстіяхъ Импер. русск. геогр. общ. Т. XXIX.

С. К. Кузнецовъ:—1) І. Фр. Эрдмана. Путешествіе по Вятской губ. Часть II. Въ календарѣ Вятской губерніи на 1894 г. 2) Новыя данныя для біографіи гетмана Демьяна Многогрѣшнаго. Въ «Чтеніяхъ Нестора Лѣтописца». Кіевъ.

Т. Д. Боровковъ.—Нѣсколько случаевъ маляріи въ Томскѣ.

К. А. Кытмановъ:—Отчетъ по факультетской хирургической клиникѣ Импер. Томск. Универс. за 1891—92 годъ.

ИЗМѢНЕНІЯ ВЪ ЛИЧНОМЪ СОСТАВѢ:

Въ 1893 учебномъ году въ личномъ составѣ университета произошли слѣдующія перемѣны:

На вновь учрежденную, по ходатайству Совѣта, вторую каѳедру химіи назначенъ въ званіи э. орд. профессора преподаватель химіи въ офицерскомъ минномъ классѣ въ г. Кронштадтѣ, кандидатъ естеств. наукъ *Е. В. Вернеръ*, съ 24-го іюня 1893 г., съ порученіемъ ему вести преподаваніе по неорганической и органической химіи, вмѣстѣ съ практическими упражненіями по аналитической химіи.

На оставшуюся вакантной, за перемѣщеніемъ проф. Коржинскаго, каѳедру ботаники опредѣленъ 1-го мая, приватъ-доцентъ Императорскаго Московскаго университета магистръ ботаники *В. В. Сапожниковъ*.

Э.-орд. проф.: *Ерофѣевъ*, *Анфимовъ* и *Грамматикати* назначены ординарными профессорами, съ 15-го марта 1893 г.

Орд. Проф. *Я. А. Анфимовъ* съ 6-го іюля 1893 г. назначенъ членомъ правленія университета, которое состоитъ въ настоящее время изъ ректора, декана, инспектора и проф. *Лемана* и *Анфимова*.

За выходомъ 31-го мая 1893 г. въ отставку инспектора студентовъ *Еленева* на сдѣлавшуюся свободной должность инспектора опредѣленъ съ 4-го іюля директоръ Новочеркасской гимназіи *А. П. Пятницкій*.

На вновь учрежденную должность второго помощника инспектора назначенъ преподаватель Тюменскаго реальнаго училища *Н. Г. Доброхотовъ* съ 1-го іюля.

На мѣсто оставившаго должность лаборанта при каѳедрѣ физики, Здановича, за перемѣщеніемъ его преподавателемъ математики Томской женской гимназіи, назначенъ хранителемъ Физическаго кабинета кончившій курсъ на Физико-Математическомъ фа-

культетѣ Спб. Университета, съ дипломомъ первой степени, *В. Н. Галанинъ*, съ 15-го мая 1893 г.

Секретарь правленія университета *П. Пучковскій*, вслѣдствіе перехода его на службу въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ чиновникомъ по крестьянскимъ дѣламъ въ Маріинскій округъ, отчисленъ отъ занимаемой должности и на его мѣсто, съ 2-го октября 1893 г., назначенъ временно-исправляющимъ должность секретаря правленія, губ. секр. *Ф. Д. Катценъ*.

Прозекторъ при каѳедрѣ оперативной хирургіи, д-ръ мед. *Геркенъ* и и. д. прозектора при каѳедрѣ нормальной анатоміи, лѣкарь *Чугуновъ*, согласно прошенію, перемѣщены одинъ на мѣсто другого, съ 1-го сентября 1893 года.

Ординаторъ госпитальной хирургической клиники д-ръ мед. *Степановъ* и лаборантъ при каѳедрѣ діагностики лѣкарь *Кевролевъ* оставили эти должности, г. Степановъ съ 1-го іюля и г. Кевролевъ съ 9-го февраля. На мѣсто послѣдняго назначенъ ординаторъ факультетской терапевтической клиники *Дочевскій*.

Высочайшимъ приказомъ отъ 28 января 1894 г. орд. проф. Кащенко назначенъ Ректоромъ университета.

За сказанными опредѣленіями и перемѣщеніями въ настоящее время къ 1 января 1894 года личный составъ университета составляютъ:

26 профессоровъ, изъ нихъ: проф. Богословія . . . 1
ординарныхъ . . 12
экстра-ординарн. . 13

4 прозектора,

7 лаборантовъ, ассистентовъ и хранителей кабинетовъ.

4 ординатора клиники и

16 человѣкъ, служащихъ въ составѣ Правленія по хозяйственной части и дѣлопроизводству, по инспекціи и въ библіотекѣ,—а всего, кромѣ занимающихся въ канцеляріи правленія письмоводствомъ съ платой по найму, общій штатъ служащихъ въ университетѣ: 57-мъ человѣкъ.

Студентовъ въ Императорскомъ Томскомъ университетѣ въ настоящее время состоитъ:

На первомъ курсѣ 101, въ томъ числѣ поступившихъ изъ семинарій 65, изъ гимназій 31 и 5 человѣкъ оставшихся на второй годъ въ томъ же курсѣ.

» второмъ » 81
» третьемъ » 58
» четвертомъ » 69
» пятомъ » 68

Всего. . . . 377 студентовъ

и кромѣ того 10 постороннихъ слушателей (Завадовскій, Каплуновъ, Герасимовъ, Кирейлисъ, Гефтеръ, Кузнецовъ, Спейтъ, Соколовъ, Буяновъ, Ковнацкій).

Изъ означеннаго числа студентовъ въ настоящемъ учебномъ году пользуются стипендіями разныхъ наименованій:

На	5	курсѣ 25	студентовъ,
»	4	» 19	»
»	3	» 9	»
»	2	» 6	»
»	1	» 4	»
Всего		. 63	стипендіата.

Въ осеннемъ полугодіи освобождено отъ взноса платы за ученье 60 человѣкъ.
Въ домѣ общежитія помѣщается въ настоящее время 88 человѣкъ.

Главнѣйшимъ отраднымъ событіемъ въ жизни Императорскаго Томскаго университета за истекшій 1893 годъ было пожалованіе университету большаго фотографическаго портрета Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, съ собственноручнымъ начертаніемъ на портретѣ Его дорогаго имени. На поднесенный Его Императорскому Высочеству со стороны Совѣта университета отвѣтный благодарственный адресъ, завѣдующій дѣлами Августѣйшихъ дѣтей Ихъ Императорскихъ Величествъ генералъ-лейтенантъ Васильковскій сообщилъ Его Сіятельству г. Министру Народнаго Просвѣщенія, что Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, по докладу имъ, генералъ-лейтенантомъ Васильковскимъ, адреса Совѣта Томскаго университета по поводу пожалованнаго Его Высочествомъ университету портрета Его Высочества, на память о посѣщеніи Имъ сего учебнаго заведенія, милостиво соизволилъ повелѣть: «передать Совѣту Томскаго университета благодарность Его Императорскаго Высочества за выраженныя Совѣтомъ въ его адресѣ вѣрнопреданническія чувства и пожеланія».

Вторымъ крупнымъ фактомъ университетской жизни, имѣющимъ существенное значеніе для выполненія предназначенныхъ университету цѣлей, было въ минувшемъ году открытіе въ полномъ объемѣ всѣхъ семи отдѣленій факультетской клиники. Главное клиническое зданіе, съ примыкающими къ нему терапевтическимъ, акушерскимъ и хирургическимъ бараками и отдѣльнымъ павильономъ для больныхъ съ заразительными формами, сооруженное, какъ и весь университетъ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и руководствомъ основателя университета В. М. Флоринскаго, по цѣлесообразности внутренняго устройства и соотвѣтственному приспособленію помѣщеній для врачебныхъ цѣлей, удовлетворяя всѣмъ требованіямъ современной медицинской науки, по справедливости можетъ считаться гордостью и украшеніемъ нашего университета и въ тоже время служитъ весьма существеннымъ обогащеніемъ города, столь нуждающагося въ правильно устроенныхъ врачебныхъ учрежденіяхъ.—Устройство клиники обошлось въ 210,165 р. 41 к., что нельзя не признать суммой весьма умѣренной для такого зданія,—она открыта на 100 кроватей; съ 1-го ноября 1893 г. клиника освѣщается электричествомъ, для каковой цѣли для помѣщенія парового двигателя и динамомашины выстроено особое зданіе, въ которомъ будетъ устроена также дезинфекціонная камера.

ОБЗОРЪ УЧЕБНАГО ДѢЛА.

Учебныя занятія въ университетѣ, чтеніе лекцій и практическія занятія по всѣмъ предметамъ, происходили согласно выработанному Совѣтомъ и утвержденному министерствомъ учебному плану. Гг. Профессора и ихъ помощники посвящали дѣлу преподаванія значительную часть времени отъ 10 до 15 часовъ, а многіе и болѣе 20 часовъ въ недѣлю.

Командированные на борьбу съ холерой студенты заслужили и въ этомъ году, какъ и въ прошедшемъ, какъ со стороны населенія и частныхъ лицъ, такъ равно городскихъ управленій, земскихъ учрежденій и правительственныхъ органовъ—общее одобреніе и самые лестные отзывы о ихъ практической дѣятельности.

Совѣтъ Императорскаго Томскаго университета за истекшій 1893 годъ имѣлъ 16 засѣданій и кромѣ того одно засѣданіе было публичное, назначенное для защиты диссертаціи, предетавленной для полученія степени доктора медицины.

Испытанію на степень доктора медицины подвергались въ истекшемъ году два лица: врачи Дочевскій и Борбвковъ. Лѣкарь Степановъ, по защитѣ диссертаціи, утвержденъ въ степени *доктора-медицины*.

Въ званіи *провизора* утвержденъ, окончившій, какъ теоретическое, такъ и практическое испытаніе, аптекарскій помощникъ г. Штромбергъ; званіе *помощника провизора* получили аптекарскіе ученики гг. Любарскій и Николаи.

Испытанію для полученія званія повивальной (городской) бабки подвергались слѣдующія лица: Дылевская, Соловьева, Елеская, Давыдова, Мельникова, Жаркова, Виноградова, Пензенская, Купенко, Родіонова, Сильверстова, Проданова, Тиховская и Шахова—всего 14 человѣкъ, изъ нихъ послѣднія четыре испытанія не окончили.

На лѣтнее вакаціонное время 1893 года были командированы съ научною цѣлью заграницу гг. профессора Грамматикати, Коркуновъ, Поповскій и Великій, изъ нихъ первые двое разрѣшенной имъ командировкой не воспользовались.

На предложенныя въ истекшемъ 1892—1893 учебномъ году для соисканія медалей темы, представлены были въ Совѣтъ три письменныхъ работы: по гигіенѣ, судебной медицинѣ и гистологіи. По обсужденіи достоинствъ представленныхъ работъ, Совѣтъ Имп. Том. Унив., въ засѣданіи 19 октября, 1893 г. *постановилъ*: наградить на торжественномъ годичномъ собраніи университета 22-го октября 1893 г., авторовъ представленныхъ работъ, выслушавшихъ полный курсъ медицинскихъ наукъ въ Императорскомъ Томскомъ университетѣ—г. *Бутягина* за работу по Гигіенѣ, подъ заглавіемъ «Химико-бактеріологическое изслѣдованіе водъ, употребляемыхъ въ г. Томскѣ для питья»,—г. *Коровина* за работу по судебной медицинѣ подъ заглазіемъ: «О происхожденіи внезапной смерти, отъ причинъ лежащихъ въ сердцѣ» и г. *Королькова*—за работу по гистологіи «Объ окончаніи нервовъ въ слюнныхъ железахъ»—*золотыми медалями*.

Въ засѣданіи Совѣта Императорскаго Томскаго университета 19 октября 1893 г. утверждены на текущій 1893—1894 учебный годъ слѣдующія темы, предложенныя для соисканія медалей:

По Физіологіи: 1) Критическій разборъ теорій о задерживающемъ дѣйствіи nervus vagus на сердце.

2) Иннервація сосудовъ почекъ.

По Гистологіи: 1) Строеніе спиннаго мозга у амфибій.

2) Строеніе зрительнаго бугра у птицъ.

3) Строеніе мозжечка. 4) Окончаніе нервовъ а) въ поджелудочной железѣ б) въ соединительной оболочкѣ глаза.

По Ботаникѣ: О ядрѣ у низшихъ растительныхъ организмовъ.

По Зоологіи. 1) Кладка яицъ у кукушки окрестностей Томска или какой-либо другой мѣстности Сибири.

2) Описаніе наземныхъ или прѣсноводныхъ моллюсковъ любой мѣстности Сибири.

3) Изслѣдованіе процесса созрѣванія или оплодотворенія яйца у птицъ.

4) Описаніе рыбъ любой изъ рѣкъ или озеръ Сибири, служащихъ для рыболовства.

5) Изслѣдованіе архитектуры костей у рептилій.

6) Имѣются-ли въ окрестностяхъ Томска хвостатыя амфибіи и какія именно?

7) Видъ Rana temporaria L. долженъ-ли быть раздѣленъ на нѣсколько самостоятельныхъ видовъ, какъ утверждаютъ нѣкоторые?

По Гигіенѣ: 1) Составъ продаваемыхъ въ г. Томскѣ чаевъ.

2) Измѣненія кумыса при стерилизаціи и составъ стерилизованнаго кумыса.

3) Виды микроорганизмовъ, встрѣчающихся въ питьевыхъ водахъ г. Томска.

4) Изслѣдованіе дезинфецирующихъ свойствъ добываемаго въ Томскомъ округѣ торфа.

5) Составъ различныхъ родовъ пшеницы, культивируемой въ Томской губерніи.

По Частной Патологіи и Терапіи: 1) Морфологическія измѣненія крови при артеріосклерозѣ. 2) Роль эндотелія сосудовъ въ борьбѣ съ микробами, проникшими въ кровь животнаго.

По Медицинской Химіи: 1) Желѣзо селезенки.

2) Желѣзо костнаго мозга.

По Діагностикѣ: 1) Клиническое значеніе термофеугоскопа.

По Общей Патологіи: Количественное опредѣленіе воды въ разныхъ тканяхъ и органахъ при патологическихъ процессахъ (преимущественно дегенеративнаго характера), въ связи съ прижизненными данными водообмѣна.

По Судебной медицинѣ. 1) Отравленіе спиртомъ въ судебно-медицинскомъ отношеніи.

2) Экспериментальное изслѣдованіе смерти отъ замерзанія.

3) Дифференціальная діагностика крови человѣка и нѣкоторыхъ домашнихъ животныхъ при судебно-медицинскомъ изслѣдованіи кровяныхъ пятенъ.

4) Отношеніе нѣкоторыхъ продуктовъ жизни патогенныхъ и непатогенныхъ бактерій къ реактивамъ, употребляемымъ для открытія растительныхъ алкалоидовъ при отравленіяхъ.

По Фармакологіи: 1) Дѣйствія ядовъ, вызывающихъ судороги, на колляпсъ.

2) Вліяніе стрихнина на отравленіе алкоголемъ.

3) Вліяніе никотина на дѣятельность психомоторныхъ центровъ.

Работы на предложенныя темы должны быть представлены въ факультетъ къ 1 сентября 1894 года.

О СТУДЕНТАХЪ.

Къ 1-му января 1893 года въ Императорскомъ Томскомъ Университетѣ состояло 332 студента и 7 посторонніхъ слушателей (изъ нихъ 4 фармацевта). Изъ этого числа въ теченіе перваго полугодія (ко времени пріема вновь поступающихъ) выбыло 47 студентовъ и 2 посторонніхъ слушателя.

А) Студенты:

1) по домашнимъ обстоятельствамъ и недостатку средствъ, согласно прошеніямъ	5	(Владимірскій Н., Соколовъ Д., Нагибинъ А., Поповъ М. и Стрѣлковъ Г.).
2) по болѣзни.	2	(Боннеръ Г. и Поповъ А. Н.)
3) за невзносъ платы за слушаніе лекцій	2	(Земляницынъ С. и Воронинъ П.).
4) по малоуспѣшности	2	(Воронцовъ М. и Переломовъ А.).
5) Переведенъ въ Императорскій Университетъ св. Владиміра. . . .	1	(Пальмовъ А.).
6) По неявкѣ изъ отпуска на каникулярное время	1	(Добромысловъ В.).
7) За выслушаніемъ полнаго курса съ зачетомъ 10 полугодій	34	(Боженовъ А. М., Бутягинъ П. В., Бѣляевъ А. В., Васильевъ В. С., Голубевъ И. Н., Дагаевъ И. В, Зассъ А. Ф., Кедровъ П. И., Конаржевскій И. К., Кореневъ Е. Н., Коровинъ И. П., Корольковъ П. Я., Кривополянскій А. А., Курбановскій М. В., Левашевъ И. М., Левковскій А. М., Ломовицкій П. Ѳ., Мазаевъ П. К., Морковитинъ А. П., Николаевскій В. Н., Орловъ Д. Д., Островскій А. Х., Павскій С. Г.. Петровъ И. В., Петропавловскій Е. И., Прасоловъ Л. М., Рубинштейнъ Л. Э., Селивановъ А. В., Смирновъ И. П., Смородинцевъ А. А., Соколовъ М. П., Темировъ Ѳ. И., Тепляшинъ П. Е. и Тимашевъ С. М.

Кромѣ того, въ февралѣ мѣсяцѣ (Ж. Пр. 16 февр. 1893 г. № 10 ст. 16) былъ зачисленъ вновь на II курсъ уволенный въ минувшемъ 1892 году по неявкѣ изъ отпуска Румянцевъ В. П., который вскорѣ же (Ж. Правлен. 28 апрѣля 1893 года № 22, ст. 24) и былъ уволенъ изъ университета вторично, вслѣдствіе распространенія на него дѣйствія 3-го п. 63 ст. Устава о воинской повинности, какъ на занявшаго, въ бытность внѣ Университета, мѣсто учителя сельской школы.

В) Посторонніе слушатели:

1) по предложенію г. Ректора Университета	1	(Блаутъ П.).
и 2) за выслушаніемъ полнаго курса, съ зачетомъ 10 полугодій	1	(Кулябко А.).

Такимъ образомъ къ началу $18^{93}/_{94}$ академическаго года состояло 285 студентовъ и 5 посторонніхъ слушателей (изъ нихъ 4 фармацевта).

Въ началѣ $18^{93}/_{94}$ академическаго года (августъ, сентябрь и октябрь отчетнаго

года) было подано 109 прошеній (изъ нихъ 3 отъ бывшихъ студентовъ Томскаго Университета) о зачисленіи въ студенты Университета.

Изъ подавшихъ прошенія принято вновь:

на 1-й курсъ 97

на 3-й курсъ . . . . . 2 — Добромысловъ В., уволенный въ 1892 г. по неявкѣ изъ отпуска и Нагибинъ А., уволенный въ 1 полугодіи 1893 года, по домашнимъ обстоятельствамъ.

на 4-й курсъ . . . . . 1 — Смирновъ М., перешедшій въ началѣ 2 полугодія 1893 г. въ Кіевскій университетъ.

Всего принято вновь въ студенты 100 человѣкъ.

Посторонними слушателями зачислено вновь 7 (изъ нихъ 3 фармацевта).

Въ числѣ вновь поступившихъ студентовъ значилось:

1 Ветеринаръ Кытмановъ П. (съ разрѣшенія Министра Народнаго Просвѣщенія).
1 Студентъ Московскаго университета Монбланов Г. (съ разрѣшенія Министра Нар. Просв.). — Оба воспитанники гимназій.

3 Бывшихъ студентовъ Томскаго Университета — 2 изъ воспитанниковъ гимназій (Нагибинъ и Смирновъ) и 1 изъ воспитанниковъ Духовной Семинаріи (Добромысловъ).

30 Воспитанниковъ гимназій (изъ нихъ 6 евреевъ) и 65 воспитанниковъ Духовныхъ Семинарій. — Изъ нихъ 3—Архангельскій Д., Булгаревичъ Д. и Рязановъ А. (съ разрѣшенія Министерства Народн. Просвѣщ.).

Общее число учащихся въ началѣ $18^{93}/_{94}$ академ. года, по окончаніи пріема, возросло слѣдующимъ образомъ:

студентовъ 385

посторонних слушателей . . . . 12 (изъ нихъ 7 фармацевтовъ).

Въ теченіе 2-го полугодія изъ числа учащихся выбыло 10 чел., 8 студентовъ, считая въ томъ числѣ и принятаго вновь на 4 курсъ Смирнова М. и 2 посторонних слушателя, а именно:

А) Студенты:

1) Согласно прошенію, по домашнимъ обстоятельствамъ . . . . . 2 — Гаврилковъ А. и Поповъ И. перваго курса.
2) По болѣзни . . . . . 1 — (Каринскій Н. третьяго курса).
3) По неявкѣ изъ отпуска . . 1 — (Николаевскій Н. четвертаго курса).
4) Умеръ . . . . . 1 — (Богословскій В. четвертаго курса).
5) Переведены въ другіе Универ. 3 — Дьяковъ И. втораго курса, въ Спб. Ун. на юридич. факультетъ.
Мольковъ А. четвертаго курса, въ Московскій, на медицин. факульт.
Смирновъ М. четвертаго курса въ Кіевскій Унив., на медиц. факульт.

В) Посторонніе слушатели:

По неявкѣ и за невзносъ платы. 2 (Ласки И. и Манушевичъ А., оба фармац.).

Такимъ образомъ къ 1-му января 1894 года состояло 377 студентовъ и 10 постороннихъ слушателей, изъ коихъ 5 фармацевтовъ.

Распредѣленіе студентовъ Томскаго Университета по курсамъ и семестрамъ въ концѣ отчетнаго года выражается нижеслѣдующей таблицей.

	I курсъ (2 семестръ).			II курсъ (4 семестръ).			III курсъ (6 семестръ).				IV курсъ (8 семестръ).				V курсъ (10 семестръ).		
	Поступило вновь.	Осталось на повторительный курсъ.	Всего.	Перешло съ предъидущаго курса.	Осталось на повторительный курсъ.	Всего.	Перешло съ предъидущаго курса.	Осталось на повторительный курсъ.	Поступило вновь.	Всего.	Перешло съ предъидущаго курса.	Осталось на повторительный курсъ.	Поступило вновь.	Всего.	Перешло съ предъидущаго курса.	Осталось на повторительный курсъ.	Всего.
Къ 1 января 1894 г. состояло 377 . . .	96	5	101	62	19	81	56	—	2	58	68	—	1	69	68	—	68

Распредѣленіе студентовъ по мѣсту первоначальнаго ихъ воспитанія и мѣсту родины:

I. Бывшихъ воспитанниковъ гимназій:

а) Восточно-Сибирскихъ:

Благовѣщенской	2	Всего 42
Иркутской	20	
Красноярской	14	
Читинской	6	

в) Западно-Сибирскихъ:

Вѣрненской	6	Всего 52
Омской	6	
Ташкентской	1	
Тобольской	11	
Томской	28	

А всего бывшихъ воспитанниковъ Сибирскихъ гимназій—94.

с) Европейской Россіи.

Екатеринбургской	3
Калишской	1
Минской	1
Новгородсѣверской	1
Рязанской	1
С.-Петербургской	1
Слуцкой	1
Смоленской	1
Тамбовской	1

А всего бывшихъ воспитанниковъ гимназій Европейской Россіи—11.

Итого . . . . . 105 бывшихъ воспитанниковъ гимназій, т. е. 27,85% общаго числа студентовъ; изъ нихъ 28 уроженцевъ Европ. Россіи

II. Бывшихъ воспитанниковъ Духовныхъ Семинарій:

а) Восточно-Сибирскихъ:

Иркутской	4	6	А всего бывшихъ воспитанниковъ Сибирскихъ Духовныхъ Семинарій 23.
Якутской	2		

в) Западно-Сибирскихъ:

Тобольской	5	17	
Томской	12		

с) Европейской Россіи:

Архангельской	5	А всего бывшихъ воспитанниковъ Ду-
Астраханской	4	
Витебской	2	
Виѳанской	1	
Владимірской	22	
Вологодской	5	
Волынской	1	
Воронежской	9	
Вятской	10	
Донской	4	
Екатеринославской	4	
Казанской	1	
Калужской	5	
Кишиневской	1	
Кіевской	3	
Костромской	17	
Минской	6	
Могилевской	14	
Московской	3	
Нижегородской	5	
Олонецкой	3	
Орловской	10	
Пензенской	7	
Пермской	10	
Подольской	1	
Полтавской	7	
Рязанской	11	
Самарской	4	
Саратовской	2	
Симбирской	9	
Смоленской	1	
Ставропольской	2	

Тамбовской	9	ховныхъ Семинарій Европейской Россіи—242.
Тверской	12	
Тифлисской	3	
Тульской	7	
Уфимской	5	
Харьковской	3	
Черниговской	5	
Ярославской	9	

Итого . . . . 265 бывшихъ воспитанниковъ Духовныхъ Семинарій, т. е., 70,29% общаго числа студентовъ, изъ нихъ 245 уроженцевъ Евр. Россіи.

III. Бывшихъ воспитанниковъ учительскихъ семинарій:

Московской воен. вѣдомства . . . 1 (Айтбакинъ А., уроженецъ Сибири, киргизъ).

и IV. Бывшихъ воспитанниковъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній (ветеринаръ).

а) Университетовъ:

Варшавскаго	2	(Карповъ П. и Синдаровской Г., оба уроженцы Европейской Россіи, изъ воспитанниковъ Духовн. Сем. Европейской Россіи).
Казанскаго	1	(Шастинъ П., уроженецъ Сибири, воспитанникъ Иркутской гимназіи.
Московскаго	2	Монбланов Г. уроженецъ Европейской Россіи, воспитанникъ Оренбургской гимназіи, Козловъ И., уроженецъ Сибири, воспитанникъ Красноярской гимназіи.

в) Ветеринарныхъ Институтовъ:

Казанскаго	1	Кытмановъ П., уроженецъ Сибири, воспитанникъ Красноярской гимназіи.

Итого бывшихъ воспитанниковъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній 6, изъ нихъ 3—уроженцы Европейской Россіи.

Всего уроженцевъ Европейской Россіи 276 т. е. 73,21% общаго числа студентовъ.

При распредѣленіи бывшихъ воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній по мѣсту ихъ первоначальнаго образованія на бывшихъ воспитанниковъ гимназій и духовныхъ семинарій общее число тѣхъ и другихъ въ отдѣльности измѣнится слѣдующимъ образомъ:

Бывшихъ воспитанниковъ гимназій	109
» » духовныхъ семинарій	267
» » учительскихъ семинарій	1
Итого	377

Изъ сопоставленія этихъ данныхъ видно, что

1) по мѣсту родины большинство учащихся въ Томскомъ Университетѣ, а именно 276 или 73,21% общаго числа,—уроженцы Европейской Россіи.

2) По мѣсту первоначальнаго воспитанія—большинство, а именно 267 или 70,82% общаго числа, бывшіе воспитанники духовныхъ семинарій и при томъ почти исключительно Россійскихъ.

и 3) Изъ 109 учащихся, бывшихъ воспитанниковъ гимназій, считая въ томъ числѣ и поступившихъ изъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній—97 бывшихъ воспитанниковъ Сибирскихъ гимназій и 12—Европейской Россіи.

Распредѣленіе студентовъ Томскаго Университета по вѣроисповѣданіямъ представляетъ слѣдующая таблица.

Христіанскаго.		Не христіанскаго.		
Православнаго.	Римско-Католич.	Іудейскаго.	Магометанскаго.	Буддійскаго.
331	7	37	1	1
338		39		
377				

Сопоставляя число евреевъ съ общимъ числомъ студентовъ, можно видѣть, что въ Томскомъ Университетѣ число евреевъ составляетъ 9,81% общаго числа учащихся.

Тоже число, сопоставленное съ числомъ бывшихъ воспитанниковъ гимназій, составитъ 33% числа послѣднихъ.

Распредѣленіе студентовъ Императорскаго Томскаго Университета по ихъ положенію въ отношеніи воинской повинности:

Всего студентовъ		377
1) Состоитъ на отсрочкѣ:	а) по вынутымъ жребіямъ	164
	в) по заявленію о желаніи отбыть воин. повин. вольноопредѣляющимися	3
	с) по Высочайшему соизволенію безъ ограниченія возраста	8
	д) подлежащихъ зачисленію въ ополчен.	14
2) Ратниковъ ополченія по далекимъ №№ жеребья и по семейному положенію		87
3) Освобожденныхъ отъ службы навсегда		7
4) Состоящихъ въ запасѣ		6*)
5) Подлежащихъ призыву, но не достигшихъ еще призывнаго возраста		48
6) Продолжается переписка съ Воинскими Присутствіями относительно отсрочки		28
7) Казаковъ		6**)
8) Инородцевъ		4
9) Не подлежащихъ воинской повинности		3
	Итого	377

*) Изъ нихъ 2 прапорщика запаса.

**) Изъ нихъ 4 дѣти священниковъ и 1 псаломщика.

Свѣдѣнія о заболѣваемости и смертности среди студентовъ Томскаго Университета въ отчетномъ году могутъ быть выражены въ нижеслѣдующихъ таблицахъ:

I. По даннымъ, сообщеннымъ г. Директоромъ терапевтической факультетской клиники, о. пр. А. П. Коркуновымъ.

а) Стаціонарно лечилось 14 студентовъ.

Названіе болѣзней.	Число случаевъ.	Исходъ леченія.	Названіе болѣзней.	Число случаевъ.	Исходъ леченія.
Брюшной тифъ. . .	5	Выздоровѣли.	Эхинококъ печени. .	1	Выздоровѣли.
Гриппъ	3		Воспаленіе почекъ .	1	
Болотная лихорадка.	1		Бугорчатка легкихъ и мозговыхъ оболочекъ .	1	Умеръ (Богословскій).
Фолликулярная жаба.	1				
Катарральное воспаленіе легкихъ . . .	1				

в) Амбулаторныхъ визитовъ въ клинику студентами за годъ сдѣлано 204, при чемъ преобладающими болѣзнями являлись страданія органовъ дыханія.

с) На дому пособіе было оказано 12 больнымъ.

II. По даннымъ, сообщеннымъ И. д. университетскаго врача э. о. проф. П. В. Буржинскимъ, среди студентовъ, обращавшихся къ нему за врачебною помощью въ отчетномъ году, отмѣчены были слѣдующія заболѣванія:

Названіе болѣзней.	Число случаевъ.	Исходъ леченія.
Различныя страданія кишечнаго канала.	21	Выздоровленіе.
Страданія нервной системы	21	
Заболѣванія органовъ дыханія	18	
Ревматическія заболѣванія	14	
Воспаленіе зѣва и глотки	13	
Лихорадочныя заболѣванія неопредѣленнаго типа.	6	
Страданія зубовъ.	4	
Душевныя болѣзни	3	(Бонперъ, Каринскій, Квашa) неизлечимы (первые двое уволены).
Глисты	3	Выздоровленіе.
Болѣзни кожи	3	
» желудка.	3	
Измѣненія кроветворенія	1	
Страданія желчныхъ путей	1	
Воспаленіе ногтеваго ложа	2	
Измѣненіе въ дѣятельности сердца . .	1	
Отравленіе грибами.	1	
Итого	115 случаевъ.	

III. По даннымъ, сообщеннымъ г. Директоромъ офтальмологической клиники, о. пр. Ѳ. А. Ерофеевымъ.

За помощью и совѣтами обращалось 82 студента, всѣ въ качествѣ приходящихъ больныхъ.

1) аномаліи рефракціи:

а) міопія	26	всего 48
в) гиперметропія	15	
с) астигматизмъ	7	

2) острое и хроническое заболѣваніе соединительной оболочки глаза 28.

3) Изъ остальныхъ 6 случаевъ:

а) iritis	1
в) chalazion	2
с) insufficientia m. m. . . . rectorum internorum . . .	2
d) macula corneae.	1

Во всѣхъ случаяхъ исходъ леченія былъ вполнѣ благопріятный.

Распредѣленіе студентовъ Томскаго Университета по происхожденію представляетъ слѣдующая таблица.

	Къ 1/I 94 г.	По происхожденію: (дѣтей).												
	Всего въ числѣ студентовъ состоитъ.	Священник.	Діаконовъ.	Псаломщик.	Дворянъ.	Чиновник.	Нижнихъ воинскихъ чиновъ.	Купцевъ.	Мѣщанъ.	Крестьянъ.	Ссыльно-поселенц.	Казаковъ.	Инородцевъ	Иностранц.
Бывшихъ воспитанниковъ гимназ.	105	1	1	—	3	29	9	15	38	5	1	1	2	—
Бывш. воспитан. духовн. семинарій.	265	194	18	24	1	6	1	4	5	11	—	—	1	—
Бывш. воспит. др. сред. учебн. завед.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—
Бывш. воспит. др. высш. учеб. завед.:														
Университ. . .	5	4	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	-
Ветер. институт. .	1	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
Итого. . . .	377	199*)	19	24**)	4	35	10	21	43	16	1	1	4	—

Такимъ образомъ, по происхожденію большинство студентовъ Томскаго Университета, а именно 242, что составитъ 64,19% общаго числа студентовъ, принадлежитъ къ духовному званію; изъ прочихъ сословій наибольшее число принадлежитъ къ мѣщанамъ и дѣтямъ чиновниковъ.

Женатыхъ въ числѣ студентовъ въ отчетномъ году числилось 14 человѣкъ.

*) Изъ нихъ 4 казака (Емельяновъ П., Грачевъ А., Николаевъ П. и Семеновъ М.).

**) Изъ нихъ 1 казакъ (Поповъ Н.).

Въ отношеніи матеріальной обезпеченности студенты Томскаго Университета могутъ быть распредѣлены слѣдующимъ образомъ:

110 болѣе или менѣе обезпеченныхъ и въ пособіяхъ со стороны Университета не нуждающихся и 267 очень мало или вовсе не обезпеченныхъ. Послѣднее число составитъ 70,82% общаго числа студентовъ. За норму обезпеченности въ данномъ случаѣ приняты: полная состоятельность родителей или родственниковъ и помощь ихъ студентамъ не менѣе 250 рубл. въ годъ, а равнымъ образомъ и частные заработки и личныя средства студентовъ, дающія имъ возможность обходиться безъ пособій со стороны Университета.

Огромное большинство необезпеченныхъ студентовъ имѣетъ возможность продолжать образованіе почти исключительно благодаря различнаго рода пособіямъ какъ со стороны Университета, главнымъ образомъ, такъ и со стороны другихъ учрежденій, обществъ и частныхъ лицъ.

Случаи увольненія студентовъ за невзносъ платы за слушаніе лекцій въ Томскомъ Университетѣ чрезвычайно рѣдки. Такъ, въ отчетномъ году изъ 53 студентовъ, выбывшихъ изъ Университета по разнымъ причинамъ, лишь 2 человѣка уволены за невзносъ платы.

Недостаточные студенты въ отчетномъ году пользовались слѣдующаго рода вспоможеніями: стипендіями—казенными и разныхъ наименованій, состоящими въ вѣдѣніи Правленія Университета, и другими не подвѣдомственными ему, единовременными безвозвратными пособіями, ссудами съ обязательной уплатой и освобожденіемъ отъ платы за слушаніе лекцій.

А) Распредѣленіе стипендій, состоящихъ въ вѣдѣніи Правленія, и суммъ, израсходованныхъ на выдачу ихъ, выражается нижеслѣдующей таблицей:

Наименованіе стипендій.	Число стипендій.	Сколько лицъ и въ теченіе какого времени пользовалось стипендіями.			Всего состояло стипендіатами.	Размѣръ выданной суммы.	
		Цѣлый годъ.	1-е полугод.	2-е полугод.		руб.	коп.
1) Казенныя { Западной Сибири	10	4	6	6	16	5250	—
{ Восточной Сибири	10	3	2	7	12		
	20	7	8	13	28		
2) Гр. Игнатьева	4	4	—	—	4	1122	25
3) Богдановича	1	1	—	—	1	293	50
4) Цибульскаго Высочайш. наименов.	4	3	—	1	4	1028	75
5) Имени Цыбульскаго	1	1	—	—	1	277	25
6) » Воинова	1	1	—	—	1	257	25
7) Транезникова	2	1	1	—	2	395	—
8) Зензинова	2	—	1	1	2	246	75
9) Бр. Зензиновыхъ	1	1	—	—	1	246	75
10) Васильева	1	1	—	—	1	114	—
11) Гилярова	1	1	—	—	1	55	25
12) Тобол. гор. Общ. им. Имп. Алекс. II.	1	1	—	—	1	197	75
13) Томск. губ. им. Имп. Александ. II.	1	—	1	—	1	69	75
14) Кладищевой	1	1	—	—	1	261	25
15) Соломонова	9	4	2	3	9	1739	50
16) Ген. Колпаковскаго	1	1	—	—	1	142	50
17) Портновой	1	—	—	1	1	49	75
18) Изъ спец. средствъ Университ.	4	—	4	—	4	276	—
Итого	56	28	17	19	64	12023	25

Изъ перечисленныхъ стипендій лишь казенныя связаны съ обязательной службой, по окончаніи курса, по назначенію Правительства; всѣ же остальныя ни съ какими обязательствами не связаны. Таблица показываетъ, что въ отчетномъ году 56 стипендій, состоящихъ въ вѣдѣніи Правленія, могли обезпечить всего 64 лица, при чемъ 28 изъ нихъ пользовались стипендіями круглый годъ; остальныя же только въ теченіи одного полугодія.

B) Распредѣленіе стипендій и единовременныхъ пособій, не состоящихъ въ вѣдѣніи Правленія:

Наименованіе пособій, не состоящихъ въ вѣдѣніи Правленія.	Число лицъ, пользовавшихся пособіями.		Размѣръ выданной суммы. руб.	к.
а) Стипендіи:				
1) Иркутской Городской Управы	11	25	2797	75
2) Пермской Губернской Земской Управы	3		660	—
3) Пермскаго Отдѣленія Общества Краснаго Креста	2		600	—
4) Вѣрненской Городской Удравы	1		311	66
5) Семипалатинскаго Военнаго Губернатора (изъ киргизскихъ суммъ)	1		458	13
6) Пріамурскаго Генералъ-Губернатора	2		350	—
7) Общества Тобольской губерніи	5		400	—
б) единовременныя пособія разныхъ учрежденій, Обществъ и частныхъ лицъ, выдаваемыя согласно волѣ жертвователей	19		1157	08
Итого	44		6734	62

C) Распредѣленіе единовременныхъ безвозвратныхъ пособій и ссудъ съ обязательной уплатой, выданныхъ Правленіемъ Университета изъ суммъ, находящихся въ его распоряженіи, представляетъ нижеслѣдующая таблица.

Наименованіе источниковъ, изъ коихъ произведена выдача единовременныхъ пособій и суммъ.	Безвозвратныя пособія. Число лицъ, получившихъ пособія.	Размѣръ выданной суммы. руб.	к.	ССУДЫ. Число лицъ, получившихъ ссуды.	Размѣръ выданной суммы. руб.	к.
1) Спеціальн. средства Университ.	1	25	—	1	100	—
2) Капиталъ имени Ермака	2	36	—	—	—	—
3) Капит. Тобол. Город. Общества	2	85	25	1	49	75
4) „ Семипалат. Гор. Общест.	1	23	50	—	—	—
5) „ Томскаго Город. Общест.	—	—	—	4	146	50
6) Благотворительныхъ суммъ	29	721	75	36	945	—
7) Суммы дома общежитія	2	50	—	—	—	—
8) Смѣтныя ассигнованія, § 5, ст. 3.	7	410	—	—	—	—
Итого	44	1351	50	42	1241	25
А всего	человѣкъ 86			2592 р. 75 к.		

Изъ разсмотрѣнія этой таблицы видно, что на выдачу пособій и ссудъ Правленіе Университета израсходовало въ отчетномъ году 2592 руб. 75 коп., каковая сумма распредѣлилась между 86 недостаточными студентами. Послѣднее число въ дѣйствитель-

ности нѣсколько меньше, такъ какъ нѣкоторыя лица получили и пособія, и ссуды, вслѣдствіе чего въ таблицу внесены были дважды.

Въ дѣйствительности пособія и ссуды были выданы 78 студентамъ.

Сопоставляя данныя трехъ таблицъ, можно видѣть, что стипендіями въ отчетномъ году пользовалось 89 студентовъ, а другими вспоможеніями 97; всего же денежную помощь имѣли 186 человѣкъ, на что въ общемъ израсходовано: 21350 р. 62 коп.

Возвращено ссудъ, взятыхъ въ отчетномъ году и ранѣе, 21 студентомъ, всего на сумму 662 руб. 95 коп.

Наконецъ, полнымъ освобожденіемъ отъ платы за право ученія, въ счетъ 15% общаго числа студентовъ, пользовалось въ отчетномъ году 88 студентовъ, изъ нихъ:

въ теченіи всего года	25
1-го полугодія. . . .	28
2-го » . . .	35
Итого. . . .	88

Такимъ образомъ общее число студентовъ, пользовавшихся въ отчетномъ году разнаго рода вспоможеніями, составитъ 274.

Исключивъ отсюда пользовавшихся пособіями, но выбывшихъ изъ университета въ теченіи отчетнаго года, и принявъ во вниманіе полученіе нѣкоторыми студентами различныхъ пособій два, три и болѣе разъ въ годъ, можно значительно уменьшить это число. Но сопоставляя его даже значительно уменьшенное, съ числомъ необезпеченныхъ студентовъ, коихъ числится 267, нельзя не видѣть, что если не всѣ, то огромное большинство послѣднихъ имѣло возможность продолжать, образованіе почти исключительно благодаря различнаго рода вспоможеніямъ. Подобное положеніе большинства томскихъ студентовъ станетъ совершенно понятнымъ, если принять во вниманіе, что ни одинъ университетскій городъ въ отношеніи обычныхъ для студентовъ источниковъ существованія, какъ-то: уроки, переписка, пѣніе и другіе заработки, не обставленъ такъ плохо, какъ Томскъ.

Отчетъ по дому общежитія студентовъ за 1893 годъ.

Число студентовъ, помѣщавшихся въ отчетномъ году въ домѣ общежитія, равнялось въ первомъ полугодіи 78 (41 стипендіатъ, 11 своекоштныхъ, пользовавшихся квартирой и столомъ за плату; 7—безплатно, 7—столомъ за плату и помѣщеніемъ безплатнымъ и 12 безплатнымъ помѣщеніемъ, столъ же имѣли на сторонѣ); во второмъ полугодіи 88 (46 стипендіатовъ, 36 своекоштныхъ, 4 пользовавшихся безплатнымъ помѣщеніемъ и столомъ, 2—только безплатнымъ помѣщеніемъ, а столъ имѣли на сторонѣ).

Примѣчаніе. Кромѣ студентовъ, въ теченіе отчетнаго года, за исключеніемъ 3-хъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, пользовались столовымъ довольствіемъ: 3 человѣка служащихъ и 6 человѣкъ прислуги, а всего—9 человѣкъ.

На продовольствіе и содержаніе, помѣщавшихся въ домѣ общежитія, студентовъ поступило въ отчетномъ году 8664 р. 36 к. (считая въ томъ числѣ и остатокъ отъ

1892 года 387 р. 44 к.); изъ нихъ израсходовано въ 1893 году 7647 р. 53 к.; такъ что дѣйствительный остатокъ (за оплатою всѣхъ счетовъ 1892 и 1893 гг.) къ 1 января 1894 года выражается суммой въ 1017 р. 23 к.

Ремонтъ дома общежитія въ отчетномъ году состоялъ въ исправленіи половъ и окраскѣ ихъ во 2-мъ и 3-мъ этажахъ, въ перестилкѣ половъ съ окраской въ двухъ ватерклозетахъ, въ побѣлкѣ стѣнъ и потолковъ по всему дому.

На мебель и разныя хозяйственныя принадлежности израсходовано 381 р. 91 к., на каковую сумму и увеличилась къ 1 января 1894 года стоимость всего имущества, принадлежащаго дому общежитія. Стоимость эта къ означенному времени выразилась суммой въ 6265 р. 71½ к.

Во второй половинѣ отчетнаго года произведена была тщательная провѣрка всего наличнаго имущества дома общежитія.

Библіотека дома общежитія къ 1 января 1893 года состояла изъ 465 названій въ 1279 томахъ. Въ теченіи отчетнаго году поступило: а) пожертвовано разными лицами 52 названія въ 64 томахъ, б) отъ редакцій безплатно, или за пониженную плату 8 названій въ 23 томахъ, в) пріобрѣтено на средства дома общежитія «Путешествіе Наслѣдника Цесаревича на востокъ» одно названіе въ 2 томахъ; итого 61 названіе въ 89 томахъ. Кромѣ того записано въ инвентарь къ соотвѣтственнымъ номерамъ (журналы, газеты) 37 названій въ 165 томахъ. Всего къ 1-му января 1894 г. состоитъ 526 названій въ 1533 томахъ.

Здоровье студентовъ, помѣщавшихся въ домѣ общежитія, въ отчетномъ году въ общемъ было удовлетворительно. Больные студенты пользовались медицинской помощью и. д. университетскаго врача профессора П. В. Буржинскаго. Тяжело больные были помѣщаемы въ клиникѣ. Смертныхъ случаевъ было два: студенты Петропавловскій Евграфъ и Темировъ Оедоръ, переѣзжая 7 августа рѣку Томь, утонули.

УЧЕБНО-ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ.

Анатомическій институтъ.

Къ 1 января 1893 года числилось:	Названіе.	Экземпл.	На сумму.
1) Инструментовъ, препаратовъ, моделей, книгъ .	117	938	1718 р. 48 к.
2) Посуды, банокъ	83	418	741 » 70 »
3) Мебели (шкафы, столы и пр.)	70	189	1628 » 10 »
Въ теченіи 1893 г. пріобрѣтено:			
1) Инструментовъ, моделей, препаратовъ, книгъ. .	2	2	265 » — »
2) Посуды, банокъ	1	3	1 » 70 »
3) Мебели	2	2	57 » — »
Къ 1 января 1894 г. состоитъ:			
1) Инструментовъ, моделей, препаратовъ	119	940	1983 » 48 »
2) Посуды, банокъ	84	421	743 » 40 »
3) Мебели	72	191	1685 » 10 »
Всего имущества . .	275	1552	4411 » 98 »

Главнѣйшія пріобрѣтенія въ теченіи года:

Черепъ *макроцефала* изъ Крыма (типиченъ), отъ проф. Московскаго университета А. Я. Кожевникова.

Черепъ *монгола*, взятый у монастыря Эрдени-Дзо, въ Монголіи, доставленъ изъ Забайкалья Верхне-Удинскимъ окружнымъ врачемъ г. Кириловымъ.

Апохроматическій объективъ 1 : 40,—фокусн. разст.=2.0 съ компенсаторнымъ окуляромъ, пріобрѣтенный отъ Карла Цейсса, въ Іенѣ.

Труповъ въ теченіи года поступило:

а) Изъ пересыльной тюрьмы	33 муж.	4 жен.
б) » тюремнаго замка	6 »	— »
в) » городской больницы Приказа общ. пр.	1 »	1 »
Всего . . .	40 »	5 »

Физіологическій кабинетъ.

Къ 1 января 1893 года числилось:	Названіе.	Экземпл.	На сумму.
1) Инструментовъ, препаратовъ	414	1033	7335 р. 87 к.
2) Посуды, банокъ	300	1224	1107 » 5 »
3) Мебели (шкафы, столы и пр.)	40	58	978 » 50 »
Въ теченіи 1893 г. пріобрѣтено:			
1) Инструментовъ, моделей, препаратовъ	10	63	426 » 23 »
2) Посуды, банокъ	3	3	1 » 10 »
3) Мебели	1	3	95 » — »

Къ 1 января 1894 г. состоитъ:	Назван.	Экземпл.	На сумму.
1) Инструментовъ, моделей, препаратовъ	424	1096	7782 р. 10 к.
2) Посуды, банокъ	303	1227	1108 » 15 »
3) Мебели	42	61	1073 » 50 »
Всего имущества . .	769	2384	9963 » 75 »

Главнѣйшія пріобрѣтенія въ теченіи года:

Кимографъ Бальцара съ часовымъ двигателемъ и регуляторомъ Фуко (отъ механика Циммермана изъ Лейпцига)	1	675 марк.
Гемодинамическія трубки Людвига	4	98 »
Водяной моторъ для искусственнаго дыханія . . .	1	25 руб.

Ботаническій музей.

Къ 1 января 1893 года числилось:	Экземпл.	На сумму.
1) Инструментовъ, препаратовъ, книгъ и коллекцій . . .	9301	6247 р. 7 к
2) Посуды, банокъ	1922	606 » 93 »
3) Мебели (шкафы, столы и пр.)	79	1612 » 10 »
Въ теченіи 1893 г. пріобрѣтено:		
1) Инструментовъ, моделей, препаратовъ, книгъ и коллекцій	57	174 » 11 »
2) Посуды, банокъ, реактивовъ	—	140 » 6 »
3) Мебели	2	38 » — »
Къ 1 января 1894 г. состоитъ:		
1) Инструментовъ, моделей, препаратовъ	9358	6014 » 9 »
2) Посуды, банокъ	1922	746 » 99 »
3) Мебели	92	1650 » 10 »
Всего имущества . .	11362	8411 » 18 »

Ботаническій садъ.

Къ 1 января 1893 года числилось:	Экземпл.	На сумму.
1) Инструментовъ, посуды и проч.	1049	656 р. 60 к.
2) Оранжерейныхъ растеній	4062	2031 » — »
3) Деревья, кустарники и многолѣтники	24904	1990 » — »
Въ теченіи 1893 г. пріобрѣтено:		
1) Инструментовъ, посуды и проч.	3	4 » 30 »
2) Оранжерейныхъ растеній	14	31 » 75 »
3) Деревья, кустарники, многолѣтники	258	25 » 80 »
Къ 1 января 1894 г. состоитъ:		
1) Инструментовъ, посуды и проч.	1017	620 » 55 »
2) Оранжерейныхъ растеній	4066	2057 » 10 »
3) Деревья, кустарники и многолѣтники	25162	2015 » 80 »
Всего имущества . .	30245	4693 » 45 »

Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ, приведеннымъ въ отчетѣ Ботаническаго Кабинета, проф. Сапожниковъ доводитъ до свѣдѣнія Правленія слѣдующее. Исключенія, которыя производились въ матеріальной книгѣ въ предыдущіе года, обыкновенно въ годичныхъ отчетахъ не показывались, и въ настоящемъ отчетѣ должны быть показаны сразу.— Исключенія распредѣляются по годамъ такъ:

въ 1888 — 126 р. 90 коп., въ 1889 — 89 р. 29 коп.
» 1890 — 204 р. 88 коп., « 1891 — 57 р. 87 коп.
» 1892 — 48 р. 75 коп., « 1893 — 60 р. 66 коп.

Всего же на сумму 588 р. 35 коп. Что же касается до графы инструментовъ, то уменьшеніе стоимости произошло отъ того, что коллекціи сухихъ растеній послѣ разсортировки находятся въ иномъ видѣ, о чемъ я уже имѣлъ честь сообщить Правленію; несоотвѣтствіе же въ графѣ оранжерейныхъ растеній по отчету сада зависитъ отъ того, что нѣкоторые экземпляры погибли и поэтому исключены.

ОТЧЕТЪ

о состояніи зоологическаго института за 1893 годъ.

Численныя перемѣны въ составѣ окончательно отдѣланныхъ и занесенныхъ въ инвентарь зоологическихъ препаратовъ въ теченіе 1893 года выражаются слѣдующимъ образомъ:

	Къ 1 января 1893 г. состояло.		Въ теченіи 1893 г. поступило.		Къ 1 января 1894 г. состоитъ.	
	Нумер.	Экземпл.	Нумер.	Экземпл.	Нумер.	Экземпл.
Чучелъ	438	456	49	53*)	487	509
Иныхъ препаратовъ (преимущественно спиртовыхъ) . .	579**)	812	1262	1283	1841	2095
Моделей	5	5	26	26	31	31

Необычно большой приростъ препаратовъ (особенно спиртовыхъ) въ отчетномъ году объясняется отчасти многочисленными покупками, сдѣланными проф. Кащенко, на особо ассигнованную для этой цѣли сумму, во время его годичной командировки 189²/₃ года, отчасти-же необычно большими безденежными поступленіями, вызванными личными сношеніями завѣдывающаго кабинетомъ въ теченіи той-же командировки. Небольшая часть препаратовъ послѣдняго рода была получена еще въ концѣ прошлаго года и вошла въ отчетъ за 1892 годъ. Помимо того, значительная часть этихъ

*) Въ это число вошли 3 чучела, сдѣланныя еще въ 1889 году, но тогда не вписанныя въ инвентарь.

**) Въ таблицѣ, выражающей число препаратовъ въ отчетѣ за 1892 годъ, вкрались опечатки, имѣющія существенное значеніе. А потому эта таблица приводится здѣсь въ исправленномъ видѣ.

	Къ 1 января 1892 г. состояло.		Въ теченіи 1892 г. поступило.		Къ 1 января 1893 г. состоитъ.	
	Нумер.	Экземпл.	Нумер.	Экземпл.	Нумер.	Экземпл.
Чучелъ	335	351	103	105	438	456
Иныхъ препаратовъ (преимущественно спиртовыхъ) .	535	767	44	45	579	812
Моделей	5	5	—	—	5	5

препаратовъ по различнымъ причинамъ не могла быть внесена въ инвентарь (и слѣдовательно, также въ вышеприведенную табличку), а лишь записана въ матеріальную книгу. Подробное перечисленіе всѣхъ безденежныхъ поступленій (предметовъ пожертвованныхъ и полученныхъ въ обмѣнъ) находится въ отчетѣ проф. Кащенко о годичной командировкѣ. Здѣсь-же дѣлается лишь общій ихъ обзоръ.

1) Отъ Императорской Академіи Наукъ въ СПБургѣ получено 5 чучелъ млекопитающихъ, 63 шкурки птицъ (изъ нихъ 28 нынѣ уже поставлены въ видѣ чучелъ), 18 спиртовыхъ препаратовъ рыбъ и 50 спиртовыхъ препаратовъ рептилій. Коллекція эта имѣетъ для нашего музея выдающееся значеніе, такъ какъ большая часть ея препаратовъ принадлежитъ къ числу у насъ отсутствовавшихъ и трудно доступныхъ. Въ составъ коллекціи входитъ значительное количество дорогихъ и красивыхъ экзотическихъ формъ. Почти всѣ препараты точно опредѣлены состоящими при академіи лицами. Большая часть препаратовъ этой коллекціи внесены въ инвентарь нашего музея за № № 1189—1199, 1234—1247, 2252, 1261—1263, 1265, 1266, 1268—1272, 1353—1427. Остальные вписаны въ матеріальную книгу отъ 15 декабря 1892 г.

2) Отъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ—28 различныхъ спиртовыхъ препаратовъ и яйцо страуса. Препараты этой коллекціи внесены въ инвентарь за № № 1670—1698.

Отъ Московскаго Комитета Шелководства—учебная коллекція по шелководству. Вписана въ инвентарь за № 2253.

3) Отъ зоологическаго музея Варшавскаго университета—54 различныхъ спиртовыхъ препаратовъ, преимущественно насѣкомыхъ. Вписаны въ инвентарь за № № 1700 и 1753.

4) Отъ зоологическаго музея Харьковскаго университета—392 вида и разновидностей раковинъ моллюсковъ, преимущественно морскихъ. Коллекція заключаетъ много цѣнныхъ и красивыхъ формъ. Она пополняетъ крупный пробѣлъ въ нашемъ музеѣ, въ которомъ до настоящаго времени почти не было морскихъ раковинъ. Коллекція внесена въ инвентарь за № № 1754—2145.

5) Отъ д-ра Бранчика въ Венгріи—242 вида и разновидностей раковинъ моллюсковъ, преимущественно наземныхъ. Коллекція эта имѣетъ большую научную цѣнность, такъ какъ д-ръ Бранчикъ извѣстный спеціалистъ по моллюскамъ и всѣ его препараты опредѣлены имъ самимъ. По своему составу она представляетъ прекрасное дополненіе къ харьковской коллекціи. Препараты этой коллекціи вписаны въ инвентарь за № № 1428—1669.

Отъ него-же—11 спиртовыхъ препаратовъ амфибій, рептилій и суставчатоногихъ съ острова Мадагаскара. Препараты эти, совершенно новые для нашего музея, вписаны инвентарь за № № 1342—1352.

Отъ него-же коллекція венгерскихъ перепончатокрылыхъ, въ числѣ 140 видовъ. Вписана въ матеріальную книгу отъ 25 ноября 1893 г.

6) Отъ проф. Оболонскаго въ Кіевѣ—два чучела и три живыя черепахи (инвентарь № № 1273—1274 и матеріальная книга отъ 21 ноября 1893 года).

Отъ проф. Совинскаго въ Кіевѣ—еще пока не разработанная коллекція моллюсковъ изъ Кіевской губ., состоящая изъ 37 спиртовыхъ и 40 сухихъ препаратовъ (матеріальная книга отъ 21 ноября 1893 года).

Отъ проф. А. Я. Кожевникова въ Москвѣ — небольшая коллекція насѣкомыхъ, 1 ящикъ (матеріальная книга отъ 11 декабря 1893 г.)

Отъ А. Ѳ. Кащенко—коллекція яицъ 15 видовъ птицъ Екатеринославской губерніи (матеріальная книга отъ 3 декабря 1893 г.).

7) Коллекція изъ 135 спиртовыхъ препаратовъ (въ томъ числѣ 50 сравнительно-анатомическихъ), приготовленныхъ проф. Н. Кащенко на зоологической станціи въ Неаполѣ, во время командировки 1892—1893 года. Входящіе въ составъ этой коллекціи сравнительно-анатомическіе препараты въ большинствѣ принадлежатъ къ числу такихъ, которые не могутъ быть пріобрѣтены покупкой. Они будутъ служить существеннымъ пособіемъ при преподаваніи, тѣмъ болѣе что въ нашемъ музеѣ до настоящаго времени имѣется слишкомъ мало препаратовъ по анатоміи животныхъ. Большая часть препаратовъ этой коллекціи вписана въ инвентарь за № № 2396—2480, остальные вписаны въ матеріальную книгу отъ 20 ноября 1893 г.

8) Коллекція изъ 32 сухихъ (отчасти анатомическихъ) препаратовъ различныхъ животныхъ, приготовленная проф. Н. Кащенко въ Неаполѣ, во время командировки 1892—1893 года. Большая часть этихъ препаратовъ вписана въ инвентарь за № № 2620—2639, остальные вписаны въ матеріальную книгу отъ 3 декабря 1893 г.

9) Коллекція изъ 74 видовъ и формъ раковинъ наземныхъ и прѣсноводныхъ моллюсковъ, собранная проф. Н. Кащенко во время командировки 1892—1893 г. въ разныхъ мѣстностяхъ Италіи и Европейской Россіи. Большая часть видовъ представлена многочисленными экземплярами. Коллекція вписана въ инвентарь за №№ 2481 и 2554.

10) Коллекція изъ 92 видовъ и формъ морскихъ раковинъ, отчасти лично собранныхъ въ Италіи проф. Кащенко, отчасти купленныхъ тамъ-же, въ розницу, на собственныя средства. Формы, собранныя лично проф. Кащенко, въ большинствѣ случаевъ представлены многочисленными экземплярами. Большая часть препаратовъ этой коллекціи вписана въ инвентарь за № № 2557—2619, остальные вписаны въ матеріальную книгу отъ 3 декабря 1893 г.

11) Отъ проф. В. П. Зыкова—15 микроскопическихъ препаратовъ по анатоміи и исторіи развитія безпозвоночныхъ, преимущественно прѣсноводныхъ губокъ. Препараты эти вписаны въ матеріальную книгу отъ 8 декабря 1893 г.

12) Отъ Императорской Академіи Наукъ получено, вслѣдствіи личнаго ходатайства проф. Н. Кащенко передъ покойнымъ непремѣннымъ секретаремъ академіи А. А. Штраухомъ, 67 зоологическихъ сочиненій.

Отъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, также вслѣдствіе ходатайства проф. Н. Кащенко, получено 29 отдѣльныхъ оттисковъ и книгъ.

Зоологическія статьи изъ того и другаго пожертвованія нынѣ разсортировы по ихъ содержанію и переплетены въ 29 большихъ томовъ, которые и записаны въ инвентарь за № № 2640—2668. Въ составъ этихъ томовъ вошли также нѣкоторые отдѣльные оттиски, полученные, какъ дублеты, изъ университетской библіотеки еще въ первые годы существованія университета.

13) Наконецъ, отъ проф. Оболонскаго получена еще коллекція глицериновыхъ и другихъ препаратовъ, содержащая моллюсковъ, амфибій, змѣю, тарантула и 10 шку-

рокъ мелкихъ млекопитающихъ изъ Кіевской г. Коллекція эта, полученная незадолго до составленія этого отчета, еще не разобрана.

Тѣ изъ этихъ коллекцій, которыя собраны проф. Н. Кащенко (№ № 7, 8, 9 и 10) а равно пожертвованія, означенныя подъ № № 12 и 13, конечно, не подлежатъ оплатѣ ни въ какой формѣ. Остальныя коллекціи считаются присланными въ обмѣнъ на наши дублеты. До настоящаго времени, впрочемъ, мы имѣли возможность отослать отвѣтныя коллекціи только на № № 3 и 4 въ сколько нибудь соотвѣтствующихъ размѣрахъ; на остальные-же отослано пока или очень мало, или совсѣмъ ничего. Само собой разумѣется, что мы употребимъ всѣ усилія къ тому, чтобы выслать отвѣтныя коллекціи также и остальнымъ лицамъ и учрежденіямъ. Но такъ какъ мы одѣлены, вообще говоря, очень щедро и безъ требованія немедленной высылки отвѣтныхъ коллекцій, то составитель этого отчета просилъ Совѣтъ Университета отнестись ко всѣмъ безденежнымъ поступленіямъ, означеннымъ подъ №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 11, 12 и 13, какъ къ пожертвованіямъ, и выразить всѣмъ лицамъ, доставившимъ эти коллекціи, благодарность отъ имени Университета.

Покупкой пріобрѣтены въ отчетномъ году слѣдующіе препараты и коллекціи:

1) Чучело орангутанга отъ г. Керца въ Штуттгардтѣ, цѣною въ 145 р. 40 к. (инвентарь № 1699).

2) Коллекція препаратовъ отъ г. Фрича въ Прагѣ. Въ ея составъ входятъ слѣдующіе цѣнные препараты: скелетъ орангутанга, скелетъ страуса, скелетъ морской свиньи и 14 скелетовъ другихъ животныхъ въ спирту и сухихъ. Далѣе, 14 препаратовъ по метаморфозѣ насѣкомыхъ, 70 спиртовыхъ препаратовъ различныхъ животныхъ и 5 другихъ препаратовъ. Стоимостъ этой коллекціи равняется 516 р. 02 к. Вписана въ инвентарь подъ № № 2146—2251.

3) Коллекція препаратовъ отъ фирмы Lenoir & Forster въ Вѣнѣ. Въ ея составъ входятъ слѣдующія модели: пьявки, пчелы, головы гадюки, ротовыхъ органовъ паука и сверчка, модель оптическаго строенія глаза насѣкомыхъ и 20 моделей ископаемыхъ позвоночныхъ. Далѣе коллекціи насѣкомыхъ, отрядовъ: Hymenoptera, Diptera, Orthoptera, Neuroptera, Hemiptera и Micro-lepidoptera; коллекціи насѣкомыхъ вредныхъ и полезныхъ садоводству, огородничеству, лѣсоводству и сельскому хозяйству; коллекціи личинокъ насѣкомыхъ въ спирту, 20 препаратовъ по метаморфозѣ бабочекъ, 14 спиртовыхъ препаратовъ, 5 скелетовъ, между ними скелетъ павіана, летучей собаки, черепахи и др.; 2 чучела птицъ, черепа ревуна (обезьяны) и тюленя, яйца казуара, Dromaeus и кукушки. Коллекція эта вписана въ инвентарь подъ №№ 2255—2341, 2343—2392. Стоимость ея равняется 820 р. 87 коп.

4) Коллекція спиртовыхъ препаратовъ различныхъ морскихъ животныхъ отъ Неаполитанской зоологической станціи, состоящая изъ 84 экземпляровъ. Вписана въ инвентарь за № № 1275—1283, 1305—1341, 2395 и 109, и въ матеріальную книгу отъ 25 іюля 1893 г. Стоимость ея равняется 110 р. 83 коп.

Наконецъ, въ отчетномъ году продолжали поступать мелкія пожертвованія болѣе или менѣе цѣннаго зоологическаго матеріала отъ различныхъ лицъ, изъ числа которыхъ необходимо упомянуть о слѣдующихъ: проф. Сапожниковъ, проф. Залѣскій, ас-

систенты: Крыловъ, Горстъ, Чугуновъ; студенты: Кошко, Ольгскій, Шастинъ, Зассъ, инженеры: Ячевскій, Реутовскій, д-ръ Березницкій, лѣсничій Родзевичъ, гг. Кибортъ Песлякъ и др. Всѣмъ этимъ лицамъ завѣдующій музеемъ считаетъ своимъ долгомъ выразить здѣсь искреннюю признательность.

Изъ числа пріобрѣтеній не зоологическихъ главнѣйшія: два шкафа—112 р. 80 к. (со стеклами), горка для ископаемыхъ костей—25 рубл., экскурсіонный микроскопъ съ 3 объективами и 2 окулярами—80 рубл.

Средства, которыми располагалъ зоологическій институтъ въ 1893 году, заключались въ слѣдующихъ суммахъ:

Штатная сумма на 1893 г.	900 р.
Остатокъ штатной суммы 1892 года	402 р. 37 к.
Сумма, особо ассигнованная въ 1892 году на пріобрѣтеніе зоологическихъ коллекцій изъ процентовъ на Сибиряковскій капиталъ	2000 р.
Остатокъ суммы, ассигнованной въ 1891 году на посуду	86 р. 10 к.
Проценты на Сибиряковскій капиталъ	71 р. 25 к.
Итого	3459 р. 72 к.

Изъ нихъ израсходовано:

На препараты и приборы отъ Lenoir & Forster	875 р. 37 к.*)
На препараты и приборы отъ V. Fric	538 р.*)
На препараты отъ Неаполитанской станціи	110 р. 83 к.
Чучело орангутанга (съ пересылкой)	145 р. 40 к.
Мебель (два шкафа и горка)	137 р. 80 к.
Пересылка купленныхъ и пожертвованныхъ коллекцій	411 р. 55 к.
Коллекція зоологическихъ препаратовъ изъ Архангельска	20 р. 70 к.
Спиртъ	80 р. 92 к.
Посуда	37 р. 27 к.
На упаковочный матеріалъ и упаковку препаратовъ, собранныхъ для музея проф. Кащенко во время путешествія	53 р. 64 к.
Инструменты, приборы и научныя пособія	93 р. 75 к.
Переплетъ книгъ и наклейка стѣнныхъ таблицъ	29 р. 67 к.
На матеріалъ для консервировки животныхъ	42 р.
Израсходовано мелкими суммами на покупку крахмала, картона и цвѣтной бумаги для коробокъ подъ препараты, на покупку клею, красокъ, лака и гвоздей для подставокъ, на очистку спирта, на канцелярскія принадлежности и на мелкія починки въ кабинетѣ и музеѣ	66 р. 18 к.
Итого	2643 р. 08 к.

*) Кажущееся противорѣчіе этихъ цифръ съ указанными выше зависитъ отъ того, что тамъ принята въ разсчетъ стоимость однихъ лишь зоологическихъ препаратовъ, между тѣмъ какъ отъ этихъ фирмъ одновременно были получены также еще нѣкоторые приборы.

Такимъ образомъ, зоологическій институтъ располагаетъ въ настоящее время свободнымъ остаткомъ въ 816 р. 66 к. *) который въ ближайшемъ будущемъ предполагается израсходовать на мебель и посуду, такъ какъ количество ихъ въ настоящее время совершенно не удовлетворяетъ потребностямъ музея.

Перемѣны въ общей стоимости имущества зоологическаго института могутъ быть выражены слѣдующей табличкой.

	Къ 1 янв. 1893 г. состояло на		Въ теченіи 1893 г. поступило на		Къ 1 янв. 1894 г. состоитъ на	
	Рубл.	Коп.	Рубл.	Коп.	Рубл.	Коп.
Мебели	2347	—	137	80	2484	80
Приборовъ, инструментовъ и научныхъ пособій . . .	3291	53	168	68	3460	21
Зоологическихъ колекцій . .	5650**)	—	3000***)	—	8650	—
Всего .	11288	53	3306	48	14595	01 †)

Гистологическій кабинетъ.

	Названій.	Экземпл.	На сумму.
Къ 1 января 1893 года числилось:			
1) Инструментовъ, препаратовъ	53	711	3440 р. 93 к.
2) Посуды, банокъ	22	5467	545 » 12 »
3) Мебели (шкафы, столы и пр.).	20	80	1149 » 87 »
Въ теченіи 1893 года пріобрѣтено:			
1) Инструментовъ, моделей, препаратовъ	3	13	130 » — »
2) Посуды, банокъ	1	5	2 » 50 »
3) Мебели	2	3	1 » 80 »
Къ 1 января 1894 года состоитъ:			
1) Инструментовъ, моделей, препаратовъ	52	723	3570 » 93 »
2) Посуды, банокъ	22	5472	547 » 62 »
3) Мебели.	20	83	1151 » 67 »
Всего имущества. . .	95	6278	5270 » 22 »

Главнѣйшія пріобрѣтенія въ теченіи года:

Микроскопъ Рейхерта – 100 р. и 10 бритвъ—25 р.

*) Размѣръ этого остатка опредѣленъ лишь приблизительно, такъ какъ точная цифра уплатъ, произведенныхъ по заграничнымъ пріобрѣтеніямъ черезъ Иностранное отдѣленіе Государственнаго банка, еще не извѣстна.

**) Въ отчетѣ за 1892 годъ означено 5771 р. Изъ этой суммы вычтена приблизительная стоимость нашихъ дублетовъ, отосланныхъ въ обмѣнъ на другіе препараты.

***) Въ эту сумму вошли, между прочимъ, приблизительная стоимость всѣхъ безплатныхъ поступленій и стоимость спирта и посуды, какъ предметовъ неотдѣлимыхъ отъ препаратовъ.

†) Такъ какъ стоимость пожертвованныхъ препаратовъ не можетъ быть опредѣлена съ точностью, то и общая сумма имѣетъ лишь весьма приблизительное значеніе.

Физическій кабинетъ.

Къ 1 января 1893 года состояло:	№№	На сумму.
Приборовъ и инструментовъ	750	10773 р. 56 к.
Книгъ, картъ и изданій	66	68 » 35 »
Мебели	—	1058 » 20 »
Канцелярскихъ принадлежностей	—	52 » 40 »
Посуды	—	187 » 09 »
Реактивовъ и матеріаловъ	—	386 » 96 »
Всего	—	12526 » 56 »

Въ 1893 году поступило:		
Приборовъ и инструментовъ	27	846 » 79 »
Книгъ пріобрѣтено	3	4 » 35 »
Книгъ переплетено	2	— » 50 »
Прислано разными учрежденіями	30	— » — »
Мебели	—	56 » 50 »
Канцелярскихъ принадлежностей	—	5 » 65 »
Посуды	—	5 » 90 »
Реактивовъ и матеріаловъ	—	58 » 82 »
Всего	—	978 » 51 »

Къ 1 января 1894 года состоитъ:		
Приборовъ и инструментовъ	777	11620 » 35 »
Книгъ картъ и изданій	99	73 » 20 »
Мебели	—	1114 » 70 »
Канцелярскихъ принадлежностей	—	58 » 05 »
Посуды	—	192 » 99 »
Реактивъ и матеріаловъ	—	445 » 78 »
Всего	—	13505 » 07 »

Изъ крупныхъ пріобрѣтеній настоящаго года можно упомянуть о небольшомъ астрономическомъ теодолитѣ работы Гильдебранда въ Фрейбергѣ, пріобрѣтенномъ на сумму, пожертвованную въ физическій кабинетъ по духовному завѣщанію Николая Александровича Дягилева съ нѣкоторымъ дополненіемъ изъ штатной суммы кабинета, всего стоимостью въ 219 р. 69 к., и столовый хронометръ, пріобрѣтенный отъ А. Эриксона въ С.-Петербургѣ стоимостью въ 400 р. изъ суммъ, ассигнованныхъ Совѣтомъ университета на пріобрѣтеніе магнитныхъ приборовъ. Кромѣ того сдѣланъ заказъ Эдельману въ Мюнхенѣ на походный магнитный теодолитъ системы Вильда, большой мостикъ Уитстона и техническій амперометръ съ вольтометромъ. Послѣдніе приборы пріі-

обрѣтаются частью на остатки отъ ассигнованной Совѣтомъ Университета суммы въ 1200 р. на магнитные приборы, частью изъ штатныхъ суммъ 1893 и 1894 годовъ.

На сумму 150 р., ассигнованную Совѣтомъ Университета на устройство метеорологической станціи и часть штатной суммы пріобрѣтены метеорологическіе приборы всего на сумму 229 р., не считая стоимости пересылки.

Минералогическій кабинетъ.

	Въ 1893 году поступило.		Къ 1 января 1894 г. состоитъ.	
	Экз.	На сумму.	Экз.	На сумму.
1) Мебель, канцелярскія принадлежн. и проч.	6	85 р. 25 к.	207	1828 р. 41 к.
2) Приборы и принадлежности для изслѣдованія минераловъ и горныхъ породъ . .	—	— » — »	161	2379 » — »
3) Карты географич. и геологич., атласы, стѣнныя таблицы, микроскопич. препараты .	2	3 » 53 »	67	268 » 57 »
4) Кристаллографич. модели, модели для наглядн. объясненія оптическ. свойствъ .	—	— » — »	250	442 » 89 »
5) Минералы и образцы горныхъ породъ .	3	— » — »	5966	3182 » 54 »
6) Окаменѣлости	5	— » 50 »	5096	7018 » — »
7) Книги	25	23 » 05 »	111	96 » 03 »
	41	112 » 33 »	11858	15215 » 44 »

Кромѣ сего, отъ д-ра Кранца въ Боннѣ, Фохта и Хогезанга въ Геттингенѣ, выписаны минералы для пополненія учебной коллекціи и микроскопическіе шлифы изъ главнѣйшихъ минераловъ и горныхъ породъ—всего на сумму до 240 р., но пока заказанныя пособія въ кабинетѣ не получены.

Пожертвованія въ истекшемъ году заключаются главнымъ образомъ въ книгахъ. Такъ Кіевское Общество естествоиспытателей выслало свои „Записки“ съ 1870 по 1892 г. (включит.), Начальникъ Кавказскаго Горнаго Управленія—„Матеріалы для геологіи Кавказа», I вып., D-r Rohon—4 монографіи по палеонтологіи.

Фармацевтическій кабинетъ.

Къ 1 января 1893 г. числилось:	Названій.	Экземпл.	На сумму.
1) Инструментовъ, аппаратовъ	423	771	3041 р. 59 к.
2) Посуды, банокъ.	8	696	311 » 27 »
3) Мебели (шкафы, столы и пр.).	48	85	1443 » 83 »
Въ теченіи 1893 г. пріобрѣтено:			
1) Инструментовъ, моделей, аппаратовъ	4	7	30 » 16 »

Къ 1 января 1894 года состоитъ:	Названій.	Экземпл.	На сумму.
1) Инструментовъ, моделей, аппаратовъ.	427	798	3071 р. 75 к.
2) Посуды, банокъ	8	696	311 » 27 »
3) Мебели.	48	85	1443 » 83 »
Всего имущества. . .	483	1559	4826 » 85 »

Главнѣйшія пріобрѣтенія въ теченіи года:

Атласъ медицинскихъ растеній Köhler'a съ текстомъ, 2 тома.

По матеріальной книгѣ фармацевтич. кабинета къ 1 января 1893 г. числилось:

Химическихъ и фармакологическихъ препаратовъ, мелкой стекл. и фарф. посуды и др. аптечн. матеріаловъ	327 р. 2 к.
Въ теченіи 1893 г. пріобрѣтено: аптечн. матеріаловъ и проч. .	320 » 6 »
Въ теченіи 1893 г. израсходовано	314 » 71 »

Къ 1 января 1894 г. состоитъ:

Фармацевтич. матеріаловъ, посуды и проч.	332 » 37 »

Клиническая аптека.

Къ 1 января 1893 года числилось:	Названій.	Экземпл.	На сумму.
1) Инструментовъ, препаратовъ.	122	437	1677 р. 27 к.
2) Посуды, банокъ	25	1007	542 » 96 »
3) Мебели (шкафы, столы и пр.)	46	69	1581 » 40 »

Въ теченіи 1893 года пріобрѣтено:

1) Инструментовъ, моделей, препаратовъ. . . .	25	39	307 » 68 »
2) Мебели	22	45	250 » 90 »

Къ 1 января 1894 года состоитъ:

1) Инструментовъ, моделей, аппаратовъ	247	476	1981 » 95 »
2) Посуды, банокъ.	25	1008	542 » 96 »
3) Мебели	68	144	1831 » 40 »
Всего имущества . .	340	1598	4357 » 31 »

Главнѣйшія пріобрѣтенія въ теченіи года:

Микроскопъ, гидростатическіе вѣсы, резиновая подушка для газовъ, аппараты, мебель.

Въ теченіи отчетнаго 1893 года изготовлено и отпущено, состоящими при клинической аптекѣ Имп. Томск. Университета штатнымъ провизоромъ и двумя аптекарскими учениками, разнаго рода лекарственныхъ формъ и перевязочныхъ средствъ по 8824 рецептамъ, изъ нихъ: 8020 собственно для клиники, по предписаніямъ директоровъ и ординаторовъ отдѣльныхъ клиникъ; 804 для больныхъ, несостоятельныхъ студентовъ Имп. Томск. университета, по рецептамъ студенческаго врача.

Стоимость медикаментовъ, перевязочныхъ матеріаловъ, виноградныхъ винъ, минеральныхъ водъ, посуды и другихъ аптечныхъ матеріаловъ, израсходованныхъ на составленіе вышеупомянутаго числа лекарственныхъ формъ, опредѣляется, по подробной оцѣнкѣ согласно дѣйствительной ихъ стоимости на мѣстѣ (включая сюда расходы на провозъ, на укупорку, на трату при изготовленіи и проч.) въ 3641 р. 80 к., изъ коихъ по клиникѣ на сумму 3398 р. 32 к., по студенческимъ рецептамъ—243 р. 48 к.

При этомъ израсходовано: перевязочныхъ матеріаловъ, какъ-то:

марли мягкой, апретирован. и проч. на 670 р., ваты гигроскопич. и простой на 377 р., бинтовъ на 72 р. 70 к., морского каната на 19 р., фланели на 13 р., тафты шелк. и проч. всего на . . .	1193 р. 21 к
Iodoform'a на	303 » 96 »
Chloroform'a	119 » 43 »
Спирту 95% и абсолютнаго алкоголя: 195 р. и 55 р. и пр. .	254 » — »
Виноградныхъ винъ: портвейна 112 р., мадеры 30 р., хереса 16 р., коньяка 42 р., шампанскаго 5 р. и пр.	205 » 66 »
Минеральныхъ водъ, натуральн. и искусственныхъ	22 » 26 »
Патентованныхъ средствъ и медицинск. мылъ	70 » 12 »
Собственно медикаментовъ какъ то: Acid. carbol. cryst. на 86 р. Acid. boric. cryst. на 34 р., Antipyrini на 40 р., Argent. nitric. на 19 р., Atropin на 7 р., Butyr. Cacao на 22 р. 70 к., Amon. sulfocarbol. на 14 р., Codein на 30 р., Cocain 59 р., Chinin mur. и sulf. 20 р., Hydrargyr. praepar. на 29 р., Kal. jodat. на 48 р., Salol. на 43 р., salipyrin на 48 р., Lysol на 19 р., Vaselin на 40 р., Lanolin на 49 руб. и проч. и проч. всего на	1050 » 18 »
Посуды аптечной на	202 » 20 »
Разныхъ аптечныхъ матеріаловъ какъ то: бумаги, пробокъ, облатокъ и лабораторныхъ принадлежностей на	250 » 78 »
Итого	3641 » 80 »

Патолого-анатомическій кабинетъ.

Къ 1 января 1893 г. числилось:	Названій.	Экземпл.	На сумму.
1) Микроскоповъ съ принадлежностями . . .	5	36	2931 р. 59 к.
2) Разныхъ инструментовъ и предметовъ, необходимыхъ для вскрытій и изслѣдованій . . .	90	383	913 » 30 »
3) Посуды	5	33	223 » — »

	Названій.	Экземпл.	На сумму.
4) Мебели	25	96	913 р. 30 к.
5) Справочныхъ книгъ по патологической анатоміи съ бактеріологіею	36	39	214 » 71 »
Въ теченіи 1893 г. пріобрѣтено:			
1) Инструментовъ	1	1	132 » 90 »
2) Мебели	2	4	168 » 3 »
3) Справочныхъ книгъ	13	13	99 » 42 »
Къ 1 января 1894 г. состоитъ:			
1) Микроскоповъ съ принадлежностями . . .	5	36	2931 » 59 »
2) Разныхъ инструментовъ и предметовъ, необходимыхъ для вскрытій и изслѣдованій . . .	91	384	1046 » 20 »
3) Посуды	5	33	223 » — »
4) Мебель	27	100	1081 » 33 »
5) Справочныхъ книгъ по патологической анатоміи съ бактеріологіею	49	52	314 » 13 »
Всего имущества, записаннаго въ инвентарь	177	605	5596 » 25 »
На предметы, внесенные въ матеріальную книгу, израсходовано:			
Къ 1 января 1893 года			2144 » 2 »
Въ теченіи 1893 года			364 » 49 »
Всего			2508 » 51 »
Общая сумма расходовъ, сдѣланныхъ на пріобрѣтеніе имущества по инвентарной и матеріальной книгамъ патолого-анатомическаго института къ 1 января 1894 года			8104 » 76 »
Главнѣйшія пріобрѣтенія въ теченіе отчетнаго года.			
1) Микротомъ съ принадлежностями			132 » 90 »
2) Три шкафа			167 » 50 »
3) Справочныя книги			99 » 42 »
4) Посуда			124 » 15 »

Въ теченіи 1893 г. произведено 44 вскрытія. Мужскихъ труповъ было 36 и женскихъ—8. Изъ Томской городской больницы было доставлено 27 труповъ и изъ факультетскихъ клиникъ—17.

Въ патолого-анатомическомъ музеѣ въ настоящее время имѣется 301 препаратовъ, изъ которыхъ 42 приготовлены въ теченіи отчетнаго года.

Кабинетъ Общей и Экспериментальной патологіи.

Къ 1 января 1893 г. числилось:	Назван.	Экземпл.	На сумму.
1) Инструментовъ, препаратовъ	171	414	2967 р. — к.
2) Посуды, банокъ	—	—	504 » 76 »
3) Мебели (шкафы, столы и пр.)	—	—	509 » 50 »
4) Химическихъ реагентовъ	—	—	526 » 88 »
5) Хозяйственныхъ и канцеляр. принадлежностей	—	—	147 » 8 »
Въ теченіи 1893 г. пріобрѣтено:			
1) Инструментовъ, моделей, препаратовъ	14	26	688 » 6 »
2) Посуды, банокъ	10	30	13 » 4 »
3) Мебели	9	13	167 » 90 »
4) Химическихъ реагентовъ	—	—	35 » 41 »
5) Хозяйственныхъ и канцеляр. принадлежностей	—	—	77 » 72 »
6) Книгъ	5	5	17 » 80 »
Къ 1 января 1894 г. состоитъ:			
1) Инструментовъ, моделей, препаратовъ	185	437	3655 » 6 »
2) Посуды, банокъ	—	—	517 » 81 »
3) Мебели	—	—	677 » 40 »
4) Химическихъ реагентовъ	—	—	562 » 29 »
5) Хозяйственныхъ и канцеляр. принадлежносей	—	—	224 » 80 »
6) Книгъ	5	5	17 » 80 »
Всего имущества	—	—	5655 » 16 »
Главнѣйшія пріобрѣтенія въ теченіи года:			
a) Серія зондовъ сердечныхъ	—	—	40 » — »
b) Object-Tisch съ принадлежностями къ нему	—	—	81 » — »
c) Miscroscop Stadio.	—	—	35 » — »
d) Centrifuge	—	—	43 » — »
e) Kymographion	—	—	175 » — »
f) Сфимографъ нормальный Ридчарсона	—	—	40 » — »

Фармакологическая лабораторія.

Къ 1 января 1893 года числилось:	Названіе.	Экземпл.	На сумму.
1) Инструментовъ, препаратовъ	210	443	3220 р. 95 к..
2) Посуды, банокъ	2	101	38 » — »»
3) Мебели (шкафы, столы и пр.)	46	55	880 » 46 »»

Въ теченіи 1893 г. пріобрѣтено:	Названій.	Экземпл.	На сумму.
1) Инструментовъ, моделей, препаратовъ, книгъ. . .	67	143	866 р. 48 к.
2) Посуды, банокъ	—	—	— » — »
3) Мебели	4	5	20 » 85 »
Къ 1 января 1894 г. состоитъ:			
1) Инструментовъ, моделей, препаратовъ	277	586	4087 » 43 »
2) Посуды, банокъ	2	101	38 » — »
3) Мебели	50	60	918 » 10 »
Всего имущества . .	329	747	5043 » 89 »

Главнѣйшія пріобрѣтенія въ теченіи года:

Кимографіонъ въ 261 р. 18 к.

Кабинетъ Оперативной хирургіи и Топографической анатоміи.

Къ 1 января 1893 года числилось:	Названій.	Экземпл.	На сумму.
1) Инструментовъ, препаратовъ	116	819	2810 р. 93 к.
2) Посуды, банокъ	24	137	209 » 79 »
3) Мебели (шкафы, столы и пр.)	29	87	635 » 87 »
Въ теченіи 1893 года пріобрѣтено:			
1) Инструментовъ, моделей, препаратовъ . . .	6	8	14 » 80 »
2) Посуды, банокъ	—	—	— » — »
3) Мебели	—	—	— » — »
Къ 1 января 1894 года состоитъ:			
1) Инструментовъ, моделей, препаратовъ	122	827	2825 » 76 »
2) Посуды, банокъ	24	137	209 » 79 »
3) Мебели	29	87	635 » 10 »
Всего имущества . .	175	1051	3670 » 65 »

Кабинетъ судебной медицины.

Къ 1 января 1893 г. числилось:	Названій.	Экземпл.	На сумму.
1) Инструментовъ, препаратовъ и литературныхъ пособій	185	347	2503 р. 24 к.
2) Посуды, банокъ	18	25	115 » 23 »
3) Мебели (шкафы, столы и пр.)	22	59	392 » 77 »

Въ теченіи 1893 г. пріобрѣтено:	Названій.	Экземпл.	На сумму
1) Инструментовъ, моделей, препаратовъ и литературныхъ пособій	39	43	720 р. 45 к.
2) Посуды, банокъ	7	13	62 » 20 »
3) Мебели	8	9	112 » — »
Къ 1 января 1894 г. состоитъ:			
1) Инструментовъ, моделей, препаратовъ и литературныхъ пособій	224	389	3223 » 69 »
2) Посуды, банокъ	25	38	177 » 43 »
3) Мебели	30	68	504 » 77 »
Всего имущества . .	279	495	3905 » 89 »
Главнѣйшія пріобрѣтенія въ теченіи года:			
1) Термостатъ д-ра Roux съ горѣлкой въ 10 рожковъ	1	1	112 » 50 »
2) Спектроскопъ PL. Pellin'a съ 2-мя призмами, 2-мя окулярами и 2-мя горѣлками	1	1	112 » 50 »
3) Аппаратъ для дестилляціи J. Ogier	1	1	80 » — »
4) Чистой ртути три пуда для наполненія различныхъ приборовъ	—	—	120 » — »

Преподаваніе судебной медицины состояло въ 1893 году изъ теоретическихъ чтеній и практическихъ занятій преподавателя со студентами.

I. Въ осеннемъ полугодіи студентамъ VII семестра были прочитаны: а) часть судебной медицины юридическая; б) предметы, относящіеся къ преступленіямъ противъ жизни—смерть и гніеніе, судебно-медицинскій осмотръ трупа, смерть скоропостижная и насильственная; виды послѣдней—смерть скоропостижная, смерть отъ ранъ и другихъ механическихъ поврежденій и смерть отъ динамическихъ причинъ—холода и жара, голода и электричества; в) не смертельныя поврежденія: побои, раны, увѣчья и другія нарушенія здоровья; значенія поврежденій отдѣльныхъ частей тѣла; г) опредѣленіе тождества лица на основаніи изслѣдованія живаго человѣка и трупа.

Въ весеннемъ полугодіи студентамъ VII семестра прочитаны: а) предметы, относящіеся къ половому чувству и половой функціи: неспособность къ брачному сожитію со стороны мужа и жены, гермафродитизмъ, скопчество, изнасилованіе и другіе виды противузаконнаго удовлетворенія половаго влеченія, скрываемая беременность, преступный выкидышъ, тайные роды; б) дѣтоубійство; в) душевныя и нервныя болѣзни съ точки зрѣнія правоспособности и вмѣняемости; г) токсикологія—главнѣйшія отравленія, распознаванія ихъ и способы открытія ядовъ.

II. Практическія занятія состояли изъ судебно-медицинскихъ вскрытій, производившихся въ анатомическомъ театрѣ по мѣрѣ поступленія труповъ*), и изъ микроскопическихъ и токсикологическихъ работъ и упражненій въ судебно-медицинской лабораторіи **).

*) Всѣхъ вскрытій въ теченіи 1893 года было произведенно 37 (муж. 28, женщ. 9). Въ этомъ числѣ случаевъ насильственной смерти было 20, случаевъ смерти скоропостижной, зависѣвшей отъ причинъ болѣзненныхъ—16 и 1 мертворожденный. По роду насилія: раненій огнестрѣльнымъ оружіемъ—3, раздробленій черепа тупымъ орудіемъ—2, повѣшеній—4, утопленіе—1, сгораніе—1, замерзаній—3 (всѣ въ состояніи опьяненія), отравленій: спиртомъ—4, мышьякомъ—1, фосфоромъ—1. Въ числѣ случаевъ насильственной смерти было убійствъ—2, самоубійствъ—8 и несчастныхъ случаевъ—10. Смерть внезапная или скоропостижная: отъ воспаленія мозга и его оболочекъ—1, паралича сердца—6, отъ разрыва аневризмы дуги аорты—3, гангрены легкихъ—1, перитонита—1, отъ кровоизліянія въ мозгъ—1, отъ старческаго маразма—1, истощенія вызваннаго хронической язвой голени—1 и отъ асфиксіи, происхожденіе которой осталось невыясненнымъ—1 (новорожденный).

Одно вскрытіе обыкновенно исполнялось двумя студентами. Вскрытія сопровождались упражненіями слушателей въ микроскопическомъ изслѣдованіи органовъ, жидкостей изъ трупа, пятенъ на одеждѣ погибшаго, на орудіяхъ насилія, опредѣленіями содержанія въ органахъ спирта, жира, измѣреніями тонкихъ оболочекъ въ трупѣ и пр. Органы, представлявшіе интересъ въ судебно-медицинскомъ отношеніи, брались въ лабораторію и обрабатывались для составленія музея судебно-медицинскаго, а имѣвшіе патолого-анатомическое значеніе или требовавшіе химической обработки (въ случаяхъ отравленія) служили матеріаломъ для микроскопическихъ и токсикологическихъ изслѣдованій.

Употребляемыя мною при вскрытіяхъ способы опредѣленія въ органахъ спирта, жира (при жировомъ перерожденіи) и измѣренія тонкихъ оболочекъ, а равно служащіе для этого приборы будутъ въ скоромъ времени описаны.

**) Лабораторныя занятія состояли въ демонстраціи главныхъ способовъ изслѣдованія судебныхъ вещественныхъ доказательствъ—микроскопическаго, спектральнаго и токсикологическихъ, съ объясненіемъ относящихся сюда аппаратовъ. Такимъ образомъ, были показаны: методы изслѣдованія кровяныхъ и другихъ пятенъ, опредѣленіе тождества лица; общій ходъ анализа при отравленіяхъ, способы разрушенія органическихъ веществъ и открытія минеральныхъ ядовъ—фосфора, мышьяка, сурьмы, ртути и пр.; доказательство летучихъ ядовъ—синильной и карболовой кислотъ, спирта, хлороформа, эфира, методы экстракціи растительныхъ алкалоидовъ и характерныя для послѣднихъ реакціи; способы открытія окиси углерода въ крови.

Многіе студенты сами упражнялись въ изслѣдованіи пятенъ крови и полученіи изъ нихъ кристалловъ гемина, количественномъ опредѣленіи въ органахъ спирта и пр., а два фармацевта продѣлали способы анализа и открытія главныхъ ядовъ—минеральныхъ и органическихъ—летучихъ и нелетучихъ. Студентъ (въ настоящее время врачъ и помощникъ прозектора) И. Коровинъ сдѣлалъ изслѣдованіе по вопросу «О происхожденіи внезапной смерти отъ причинъ лежащихъ въ сердцѣ», представилъ по нему письменную работу, за которую награжденъ отъ Совѣта золотою медалью.

Всѣ практическія занятія велись преподавателемъ лично или исполнялись занимающимися подъ его руководствомъ. Имъ кромѣ того, сдѣлано нѣсколько изслѣдованій по просьбѣ лицъ мѣстнаго судебнаго вѣдомства и два изслѣдованія для вѣрненскаго городскаго судьи—микроскопическое по дѣлу объ изнасилованіи и химическое по подозрѣнію объ отравленіи.

Мѣстный губернскій судъ продолжалъ доставлять вещественныя доказательства по дѣламъ рѣшеннымъ. Нѣкоторыя изъ этихъ объектовъ служили подходящимъ матеріаломъ для практическихъ занятій студентовъ, другіе вошли въ составъ сохраняемой въ лабораторіи коллекціи средствъ преступленія.

Гигіеническій кабинетъ.

	Названіе.	Экземпл.	На сумму.
Къ 1 января 1893 года числилось:			
1) Инструментовъ, препаратовъ, аппаратовъ, книгъ.	319	1105	4751 р. 06 к.
2) Посуды, банокъ, реактивовъ (№№ по матеріальной книгѣ.)	433	—	1052 » 96 »
3) Мебели (шкафы, столы, и пр.)	20	60	536 » — »
Въ теченіи 1893 г. пріобрѣтено:			
1) Инструментовъ, моделей, препаратовъ, аппаратовъ, книгъ	38	128	453 » 23 »
2) Посуды, банокъ, реактивовъ (№№ по матеріальной книгѣ)	131	—	557 » 04 »
3) Мебели	2	2	13 » — »
Къ 1 января 1894 г. состоитъ:			
1) Инструментовъ, моделей, препаратовъ, аппаратовъ, книгъ	357	1233	5204 » 29 »
2) Посуды, банокъ, реактивовъ (№№ по матеріальной книгѣ)	564	—	1510 » — »
3) Мебели	22	62	549 » — »
Всего имущества	943	1295	7363 » — »
Главнѣйшія пріобрѣтенія въ теченіи года:			
1) Спирометръ Гетчинсона	1	1	20 » — »
2) Пневматическая камера	1	1	3» » — »
3) Актинометръ	1	1	45 » — »

Въ концѣ 1893 года гигіеническая лабораторія была переведена во вновь отстроенное каменное зданіе гигіено-фармакологическаго института. Здѣсь гигіеническая лабораторія помѣщается въ верхнемъ этажѣ и занимаетъ шесть комнатъ, имѣющихъ слѣдующее расположеніе и назначеніе.

1) Большая свѣтлая комната, въ 8 оконъ, вмѣстимостью 259.8 куб. метр. (25.98 куб. с.), при квадратной площади въ 64.97 кв. метр. и высотѣ 4 метр., служитъ для химико-гигіеническихъ изслѣдованій. По срединѣ этой комнаты находится большой столъ, за которымъ одновременно могутъ заниматься 12 человѣкъ Въ нижней части стола помѣщается 12 шкафиковъ для храненія посуды, а подъ нимъ столько же выдвижныхъ ящиковъ съ отдѣльными замками и ключами. Такого же устройства столы—еще на 20 человѣкъ расположены и по тремъ наружнымъ стѣнамъ комнаты. Въ столы врѣзано—12 раковинъ, при которыхъ имѣется столько же водопроводныхъ кранов. Для каждаго мѣста стола проведенъ отдѣльный газовый крюкъ. По внутренней стѣнѣ комнаты—устроенъ вытяжной шкафъ съ двумя вентиляціонными отверстіями и газо-

выми горѣлками; по одну сторону шкафа находится перегонный кубъ для дестилляціи воды, а по дрругую—утермарковская печь и отдѣльная большая раковина для мытья посуды. Въ простѣнкахъ между окнами, надъ столами имѣются полки для установки реактивовъ. Для вечерняго освѣщенія служатъ 10 газовыхъ лампъ съ аргантовыми горѣлками и два освѣтительныхъ простыхъ газовыхъ рожка.

2) Вторая—центральная комната, съ 3 окнами, вмѣстимостью 221.4 метр. (22.1 куб. с.), при квадратной площади—55.35 кв. метр. и высотѣ—4 м., служитъ для занятій по бактеріологіи. Въ этой комнатѣ находятся—два большихъ рабочихъ стола длиною $4^3/_4$ и шириною $1^1/_2$ арш. каждый и три стола меньшихъ размѣровъ—длиною $2^1/_2$ арш., шириною—1 арш. 2 вершка. Всѣ стѣны имѣютъ выдвижные ящики, запирающіеся на ключъ. Кромѣ того—здѣсь же помѣщаются аппараты для стерилизаціи, термостаты и разные приборы, необходимые при бактеріологическихъ изслѣдованіяхъ. Для установки посуды и реактивовъ по стѣнамъ навѣшано пять полокъ. Газъ въ достаточномъ количествѣ проведенъ къ каждому рабочему столу; для снабженія водой—имѣются четыре раковины съ кранами. Вечернее освѣщеніе доставляютъ шесть лампъ съ аргантовыми горѣлками.

3) Третья и четвертая комнаты расположены по правую сторону отъ бактеріологической, съ которой сообщаются отдѣльными дверями. Одна изъ нихъ, въ три окна, вмѣстимостью 174.84 куб. метр. (17.48 куб. с.), при квадратной площади—43.71 м. и высотѣ—4 м., предназначена отчасти для занятій по бактеріологіи, а также для производства какихъ либо спеціальныхъ работъ. Здѣсь находятся: по всей оконной стѣнѣ рабочій столъ такого же устройства, какъ и въ первой комнатѣ, т. е. съ шкафиками и выдвижными ящиками, затѣмъ—два другихъ стола (одинъ—длиною $4^3/_4$ арш., шириною $1^1/_2$ арш., другой—$2^1/_2$ арш. длиною и 1 а. 2 в. шириною)—по срединѣ и у наружной стѣны комнаты два большихъ шкафа со стеклянными дверками, четыре стѣнныхъ полки для установки реактивовъ и посуды, вытяжной шкафъ и 4 раковины съ водопроводными кранами. Для вечерняго освѣщенія имѣется одна лампа съ аргантовою горѣлкою и два обыкновенныхъ освѣтительныхъ рожка.

4) Четвертая комната, въ одно окно, вмѣстимостью 62.0 куб. метр. (6.2 куб с.), при квадратной площади—15.5 метр. и высотѣ—4 метр. назначена спеціально для храненія химическихъ вѣсовъ. Таковыхъ здѣсь имѣется двое и кромѣ того—гидростатическіе вѣсы Вестфаля.

5) Слѣва отъ центральной бактеріологической находятся еще двѣ комнаты. Одна изъ нихъ—въ 4 окна, вмѣстимостью 163.84 куб. м. (16.38 куб. саж.), при квадратной площади 40.96 кв. метр. и высотѣ—4 метр., занята подъ кабинетъ профессора и въ тоже время назначена для помѣщенія музея какъ различныхъ аппаратовъ и препаратовъ, относящихся къ области гигіены (модели, рисунки, карты, коллекціи пищевыхъ веществъ и проч.), такъ и препаратовъ, относящихся къ области эпизоотологіи. Въ настоящее время въ этой комнатѣ имѣется: три стола—два рабочихъ и одинъ письменный, шкафъ съ различными болѣе или менѣе цѣнными аппаратами и приборами, шкафъ съ библіотекой лабораторіи, двѣ стѣнныхъ полки и двѣ раковины. Для вечерняго освѣщенія съ потолка спускается люстра съ тремя лампами, а также по стѣнамъ имѣется еще двѣ лампы съ аргантовыти горѣлками.

6) Послѣдняя комната, рядомъ съ предыдущей, въ одно окно, вмѣстимостью 92.8 куб. метр. (9.2 куб. саж.), при квадратной площади 23.2 кв. м. и высотѣ—4 метр., служитъ для храненія посуды, реактивовъ и другихъ матеріаловъ, для чего—вдоль всей наружной стѣны предполагается поставить большой шкафъ съ стеклянными дверками. Въ настоящее же время здѣсь находится одинъ небольшой шкафъ съ химическими реактивами.

Изъ корридора верхняго этажа небольшая дверь ведетъ въ ватерклозетъ, гдѣ поставленъ деревянный шкафъ и писсуаръ съ водопроводными кранами.

Отопленіе верхняго этажа и корридора производится при помощи 7 печей, изъ которыхъ три—кафельныхъ, три—круглыхъ утермарки и одна—кирпичная.

Въ нижнемъ этажѣ—соотвѣтственно подъ первой большой комнатой верхняго этажа находится аудиторія, вмѣщающая въ себѣ около 80 человѣкъ. Въ ней имѣется класная доска, неподвижный столъ съ двумя шкафами и двумя ящиками, въ столѣ врѣзана круглая раковина, водопроводный и газовый краны. На одной изъ стѣнъ устроенъ водяной моторъ для искуственнаго дыханія при фармакологическихъ опытахъ надъ животными. Освѣщается вечеромъ аудиторія пятью освѣтительными рожками. Подъ амфитеатромъ аудиторіи—помѣщается кладовая фармакологической лабораторіи.

На устройство гигіенической лабораторіи израсходовано 45 арш. столовъ съ шкафиками и ящиками и стѣнными полками (14½ а.) по 8 руб. 10 коп. за аршинъ	364 р. 50 к.
Перегонный кубъ съ холодильникомъ	130 » — »
Два вытяжныхъ полированныхъ шкафа	85 » — »
Вѣшалка въ прихожей	8 » — »
Итого. . . .	587 » — »

Въ теченіи отчетнаго 1893 года въ гигіенической лабораторіи занятія велись со студентами III и V курсовъ: съ первыми два раза, со вторыми—одинъ разъ въ недѣлю. Тѣ и другіе упражнялись въ производствѣ способовъ гигіеническаго изслѣдованія воздуха, почвы, воды, пищевыхъ веществъ и прочихъ. Кромѣ того нѣсколько студентовъ занимались также производствомъ нѣкоторыхъ спеціальныхъ изслѣдованій. Именно: студентъ Бутягинъ Павелъ (V курса) производилъ химико-бактеріологическое изслѣдованіе питьевыхъ водъ города Томска; работа эта Совѣтомъ Императорскаго Томскаго Университета удостоена—золотой медали; студентъ Тепляшинъ Петръ (V курса) анализировалъ различные сорта пшеницы Томской губерніи и Амурской области; студентъ Айтбакинъ Амре (IV курса) изслѣдовалъ составъ стерилизованнаго и нестерилизованнаго кумыса; студентъ Уфтюжаниновъ Владиміръ (III курса) занимался опредѣленіемъ состава различныхъ сортовъ чая, продаваемаго въ городѣ Томскѣ.

Клиника нервныхъ болѣзней.

Къ 1 января 1893 года числилось:	Названіе	Экземпл.	На сумму.
1) Инструментовъ, препаратовъ	4	8	8 р. 60 к.
1) Посуды, банокъ	2	10	10 » 46 »
3) Мебели (шкафы, столы и пр.)	5	24	292 » 25 »

Въ теченіи 1893 г. пріобрѣтено:	Названій.	Экземпл.	На сумму.
1) Инструментовъ, моделей, препаратовъ	29	47	408 р. 24 к. и 2773 марки.
2) Посуды, банокъ	6	32	14 » 70 »
3) Мебели.	3	3	87 » 80 »
Къ 1 января 1894 г. состоитъ:			
1) Инструментовъ, моделей, препаратовъ	31	52	411 » 79 » и 2773 марки.
2) Посуды, банокъ	8	38	22 » 9 »
3) Мебели.	11	27	380 » 5 »
Всего имущества . .	50	117	813 » 89 » и 2773 марки.

Главнѣйшія пріобрѣтенія въ теченіи года:

На суммы Сибиряковскаго капитала пріобрѣтены слѣдующія вещи:

1) Аппаратъ для гальваническаго тока въ 30 элементовъ системы Spamer'a, съ принадлежностями	75 рублей.
2) Микроскопъ Зейберта съ принадлежностями.	75 »
3) Аппаратъ для постояннаго и индуктивнаго тока Гиршмана № 8 съ принадлежностями	608 марокъ.
4) Микроскопъ К. Цейса съ принадлежностями	500 »
5) Микротомъ Шанца большой съ принадлежностями.	280 »
6) Микротомъ Шанца малый съ принадлежностями	141 »
7) Кресло-вѣсы съ разновѣсками	100 »
8) Аппаратъ Фосса-Гольца для статическаго электрич.	550 »
9) Аппаратъ для гальваническаго тока въ 30 элементовъ съ абсолютнымъ гальванометромъ	130 »
10) Гальванометръ большой съ зеркаломъ	108 »
11) Санный аппаратъ Дюбуа-Реймона	84 »
12) Термокаутеръ	65 »
13) Эстезіометръ, термоэстезіометръ, баръ-эстезіометръ, элементы Грене, Даніеля и другія мелкія вещи всего на сумму	2773 » и 150 р.
За пересылку ихъ заплачено.	188 » 73 к.
Слѣдовательно, изъ суммъ Сибиряковскаго капитала всего израсходовано:	2773 марки. и 388 р. 73 к.

На штатныя суммы кабинета въ 1893 году, въ размѣрѣ 400 рублей, кромѣ мебели (стойка къ аппарату для подвѣшиванія ширмы и кресло на колесахъ) на 87 р. 80 коп., пріобрѣтено еще книгъ по нервнымъ болѣзнямъ и психіатріи на 141 руб.

15 коп. и инструментовъ и приборовъ для клиническихъ цѣлей (аппаратъ для подвѣшиванія Sayer'a, термометры, вѣсы Робервaля съ разновѣсками и проч.) на 69 р. 51 коп.

Остальные-же 101 руб. 54 коп., недостающіе до 400 рублей, пошли собственно на содержаніе и мелкіе расходы кабинета въ 1893-мъ году, т. е. на спиртъ и соли для мозговыхъ препаратовъ, на полировку и окраску мебели, на переплетъ нѣкоторыхъ книгъ, на фотографическія пластинки, бланки для исторій болѣзней, температурные листки и проч.

Кабинетъ клиники нервныхъ болѣзней съ началомъ осенняго полугодія 1893 года изъ нижняго этажа главнаго клиническаго корпуса, гдѣ онъ находился раньше, перемѣщенъ во второй этажъ клиническаго зданія, на мѣсто прежней госпитальной хирургической клиники. Крайняя комната этой клиники, съ однимъ окномъ, обращеннымъ на сѣверъ и примыкающая къ наружной западной стѣнѣ, приспособлена на случай появленія душевно-больнаго между гг. студентами или служащими въ университетѣ. Слѣдующія двѣ комнаты, смежныя съ крайней, заняты подъ кабинетъ клиники нервныхъ болѣзней. Въ одной изъ нихъ находится машина для статическаго электричества и шкафы съ приборами и препаратами; — въ другой — письменный столъ, шкафъ съ книгами, шкафъ для микроскопическихъ препаратовъ и проч. Двѣ комнаты, находящіяся между кабинетомъ и церковью, въ два окна обращенныя на сѣверъ каждая, служатъ — одна женской палатой въ 5 кроватей, другая мужской палатой на 5 же кроватей клиники нервныхъ болѣзней.

Въ клиникѣ нервныхъ болѣзней за 1893—94 акад. годъ больные были съ слѣдующими діагнозами:

	Съ сент. 93 г. по янв. 94.		Съ янв. 94 г.	
Surditas verbalis	1	чел.	—	чел.
Myelitis	3	»	3	»
Neuritis	4	»	1	»
Tabes dorsalis	1	»	1	»
Tabes dorsalis et myelitis	—	»	1	»
Poleomyelitis chronica	1	»	—	»
» anterior acuta	2	»	1	»
Hemi-athetosis dextra	1	»	—	»
Hemiplegia sinistra	1	»	—	»
» dextra	1	»	—	»
» » et aphasia	1	»	—	»
Monoplegia superior	1	»	—	»
Angio-neurosis	1	»	1	»
Coxitis	1	»	—	»
Hystero-epilepsia	1	»	—	»
Atrophia muscul. juvenal. Erb'a	—	»	1	»
Cephalalgia	—	»	1	»
Sclerosis amyotrophica lateralis	1	»	—	»
Syringomyelia	—	»	1	»
	22	»	11	»

На амбулаторныхъ пріемахъ 1893—94 акад. года, по понедѣльникамъ 5—7 час. вечера, были больные съ слѣдующими формами нервныхъ болѣзней:

	Съ 1 янв. 93 г. по 1 сент. 93.	Съ 1 сент. 93 г. по 1 ян. 94.	Съ 1 янв. 94 г. по апр. 94.
Neurasthenia	15	35	9
Hysteria	6	4	1
Hysteriasis	7	1	4
Hystero-epilepsia	2	2	—
Hemiplegia	5	4	1
Cephalalgia	8	4	6
Epilepsia	8	8	3
Myelitis	4	6	5
Polio-myelitis	3	1	3
Tabes dorsalis	10	9	7
Hemicrania	7	2	1
Neuritis	4	5	8
Chorea	6	1	1
Hemi-chorea dextra	—	—	1
Monoplegia	—	1	—
Babbuties	1	2	3
Dementia	4	6	6
Paralysis progressiva alienor	4	3	1
Hemi-paresis	5	3	6
Paresis n. facialis	—	1	—
Meningo-myelitis	2	—	—
Neuralgia	2	—	1
Hydrocephalus	1	—	1
Idiotismus	1	1	—
Psycho-neurosis acuta hallucinatoria	4	3	—
Hemi-athetosis	1	1	1
Paramyoclonus miltiplex	1	—	—
Tremor essentialis	—	1	—
Dypsomania	2	—	1
Melancholia	2	—	1
Sclerosis lateral. amyotrophica	1	—	—
Tic convulsiv. (hysteriasis)	1	—	—
Imbecillitas	2	—	—
Atrophia muscul. spinalis	1	1	—
Paranoja	1	1	—
Ischias	1	1	1
Mutismus psychica	1	—	—
Ophtalmoplegia	—	1	—
Hemi-anaesthesia hysterica	—	1	—

	Съ 1 янв. 93 г. по 1 сент. 93.	Съ 1 сент. 93 г. по 1 янв. 94.	Съ 1 янв. 94 г. по апр. 94.
Enuresis nocturna hysterica	—	2	—
Hypochondria	—	1	—
Torticolis reumatica	—	1	—
Angineurosis	—	1	—
Coxitis	—	1	—
Cöcitas verbalis psychica	—	1	—
Syringomyelia	—	—	1
Amblyopia congenita	—	—	1
Mogigraphia	—	—	1
Contractura m. bicipitis sub. trauma	—	—	1
Hyperaesthaesia plantaris	—	—	1
Reumatismus muscularis	7	—	1
Morbus Pottii	—	—	2
Impotentia psychica	—	—	1
Rachitis	1	—	1
Encephalitis nonpurulenta	—	—	1
Amnesia polineuretica	—	—	1
Больные внутренними и хирургич. болѣзнями, отосланные въ соотвѣтств. клиники	12	3	3

Офтальмологическій кабинетъ.

Къ 1 января 1893 года числилось:	Названіе.	Экземпл.	На сумму.
1) Инструментовъ, аппаратовъ	49	176	1801 р. 3 к.
2) Посуды, банокъ, красокъ и другихъ принадлежностей микроскопіи	48	120	203 » 49 »
3) Мебели (шкафы, столы и пр.)	20	34	400 » 50 »
Въ теченіи 1893 г. пріобрѣтено:			
1) Инструментовъ (моделей, препаратовъ)	10	47	165 » 50 »
2) Посуды, банокъ			
3) Мебели			
Къ 1 января 1894 г. состоитъ:			
1) Инструментовъ, моделей, аппаратовъ	59	224	1966 » 53 »
2) Посуды, банокъ, красокъ и другихъ принадлежностей микроскопіи	37	100	175 » — »
3) Мебели	20	34	400 » 50 »
Всего имущества	116	358	2542 » 3 »

Главнѣйшія пріобрѣтенія въ теченіи года:	Названій.	Экземпл.	На сумму.
12 Катаракталь ныхъ ножей Грефэ	1	12	19 р. 80 к.
2 Керосиновыхъ лампы для офталмоскопіи . . .	1	2	12 » — »
10 Малыхъ офталмоскоповъ Либрейха	1	10	62 марки.
1 Гальванокаутеръ	1	1	35 »
1 Элементъ Гренэ	1	1	22 »

Краткій отчетъ о стаціонарныхъ и приходящихъ больныхъ офталмологической факультетской клиники Императорскаго Томскаго университета за 1893 годъ.

Всѣхъ стаціонарныхъ больныхъ офталмологической клиники (устроенной на 10 мѣстъ) въ 1893 г. было 58 человѣкъ, 18 мужчинъ и 40 женщинъ, которымъ было произведено 64 глазныхъ операцій, именно:

Extractio cataractae	27	Вылущеніе опухоли	1
Iridectomia	8	Операцій Entropion'a (съ canthopla-	
Tenotomia	4	stic'ой)	5
Syndectomia.	3	Операцій Trichiasis'a	4
Облитерація слезнаго мѣшка . .	2		

Изъ упомянутыхъ 27 экстракцій катаракты (произведенныхъ по способу Грэфе) 11 операцій произведено у мужчинъ (7 разъ на правомъ и 4 раза на лѣвомъ глазу) и 16 операцій—у женщинъ (11 разъ на правомъ и 5 разъ на лѣвомъ глазу). Оперированные больные были въ такомъ возрастѣ: отъ 25 до 40 лѣтъ—3 человѣка, отъ 40 до 50 лѣтъ—6 человѣкъ, отъ 50 до 60 лѣтъ—6 человѣкъ, отъ 60 до 70 лѣтъ—8 человѣкъ, одной женщинѣ было 75 лѣтъ и одному мужчинѣ 77 лѣтъ. Острота зрѣнія, послѣ извлеченія катаракты и соотвѣтственной коррекціи, получилась слѣдующая: $^{20}/_{100}$—у 2 больныхъ, $^{20}/_{70}$—у 9 больныхъ, $^{20}/_{50}$—у 4 больныхъ, $^{20}/_{40}$—у 7 больныхъ и $^{20}/_{30}$ у 5 больныхъ. Многимъ изъ оперированныхъ въ клиникѣ больныхъ (несостоятельнымъ) выдавались безплатно афакическіе очки, выписанные для этой цѣли въ прошломъ году на средства офтальмологическаго кабинета.

Амбулаторныхъ (въ первый разъ пришедшихъ) глазныхъ больныхъ въ 1893 году было 1227 человѣкъ, 527 мужчинъ и 700 женщинъ. Въ пріемѣ приходящихъ глазныхъ больныхъ участвовали студенты 4 и 5 курсовъ по группамъ. Считая въ отчетномъ году 8 пріемныхъ (учебныхъ) мѣсяцевъ, на каждый мѣсяцъ приходилось 153—154 человѣка новыхъ (въ первый разъ явившихся) глазныхъ больныхъ, или на каждый пріемъ 12—14 человѣкъ новыхъ и 20—30 человѣкъ повторно приходившихъ глазныхъ больныхъ.

Различныя формы глазныхъ болѣзней выразились въ слѣдующихъ числахъ:

Болѣзни:	вѣкъ.	256 (21,1%)
»	Слезныхъ органовъ	26 (2,4 »)
»	Соединительной оболочки	740 (61,2 »)

Болѣзни	Роговой оболочки	480 (39,4%)
»	Склеры	21 (1,6 »)
»	Хрусталика	79 (5,2 »)
»	Стекловиднаго тѣла	15 (1,1 »)
»	Радужной оболочки	63 (4,1 »)
»	Циліарнаго тѣла	18 (1,2 »)
»	Сосудистой оболочки	170 (11,1 »)
»	Glaucoma	21 (1,6 »)
»	Сѣтчатой оболочки	30 (2,2 »)
»	Зрительнаго нерва	71 (5,9 »)
»	Глазнаго яблока и глазницы	53 (4,2 »)
»	Наружныхъ мышцъ глаза и нервовъ	85 (6,5 »)

Въ томъ числѣ:

Strabismus convergens	20	Strabismus divergens	14

Аномалій рефракціи и аккомодаціи 476 (39%)

Изъ нихъ:

Міопія	124	Спазмъ аккомадаціи	16
Гиперметропія	153	Недостаточность аккомодаціи	86
Астигматизмъ	18	Пресбіопія	67
Анизометропія	12		

Глазныхъ операцій на приходящихъ больныхъ въ 1893 году было сдѣлано 117, именно:

Операцій	Entropion'a 24	Операцій	Paracentesis corneae 8
»	Trichiasis'a 8	»	Syndectomiae 2
»	Canthoplasticae 18	»	Iridectomiae 2
»	Blepharoplasticae 4	»	Татуированія роговой обо-
»	Tenotomiae 3		лочки 2
»	Pterygii 9	»	Symblepharon'a 4
»	Chalazion'a 14	»	На слезныхъ органахъ 14

Кабинетъ частной патологіи и терапіи.

	Названій.	Экземпл.	На сумму.
Къ 1 января 1892 года числилось:			
1) Инструментовъ препаратовъ	141	207	2826 р. 09 к.
2) Посуды, банокъ	65	1392	288 » 78 »
3) Мебели (шкафы, столы и пр.)	14	35	375 » 25 »
Въ теченіи 1893 г. пріобрѣтено:			
1) Инструментовъ, моделей, препаратовъ	15	62	220 » 50 »
2) Посуды, банокъ	2	41	8 » 95 »
3) Мебели	5	11	279 » — »

Къ 1 января 1894 г. состоитъ:	Названій	Экземпл.	На сумму.
1) Инструментовъ, моделей, препаратовъ	156	269	2947 » 50 »
2) Посуды, банокъ	67	1434	297 » 43 »
3) Мебели	19	46	654 » 25 »
Всего имущества . .	—	—	3899 » 88 »

Главнѣйшія пріобрѣтенія въ теченіи года:

Диванъ, обитый кожей	—	1	75 » — »
Шкафы для лабораторіи	—	4	118 » — »
Столы	—	3	45 » — »
Умывальникъ.	—	1	33 » — »
Вѣсы химическ.	—	1	30 » — »
Ларингоскопъ.	—	1	16 » 50 »
Сфигмоманометръ Basch'a	—	1	15 » — »

Кабинетъ факультетской хирургической клиники.

Къ 1 января 1893 года числилось:	Названіе	Экземпл.	На сумму.
1) Инструментовъ, аппаратовъ, моделей и препарат.	209	454	5743 р. 50 к.
2) Посуды банокъ микроскопическихъ стеколъ . .	80	1005	384 » 82 »
3) Мебели	75	162	1627 » 22 »
Въ теченіи 1893 года пріобрѣтено:			
1) Инструментовъ, аппаратовъ, моделей и препарат.	44	136	641 » 22 »
2) Посуды, банокъ, микроскопическихъ стеколъ . .	28	313	297 » 58 »
» » . .	—	3474	66 » 53 »
3) Мебели.	19	63	662 » 30 »
Къ 1 января 1894 года состоитъ:			
1) Инструментовъ, аппаратовъ, моделей и препарат.	353	590	6384 » 72 »
2) Посуды.	108	4762	748 » 91 »
3) Мебели.	94	225	2289 » 52 »
Всего имущества . .	555	5577	9423 » 15 »

Отчетъ о движеніи больныхъ факультетской клиники съ 1 января 1893 по 1 января 1894 года.

I. Стаціонарные больные:

Всѣхъ больныхъ было въ клиникѣ 109, изъ нихъ мужчинъ 65, женщинъ 33, дѣтей 11 человѣкъ.

По роду болѣзней больные распредѣлялись въ слѣдующемъ порядкѣ:

Meningocele	1 не оперир.	Angina follicularis . .	1 не оперир.
Epithelioma labii infer. .	9 всѣ оперир.	Carcinoma linguae . .	1 »

Hygmoritis purulenta	1	оперирован.	Strictura urethrae	1	»
Atresia meat. nasi	1	»	Retentio testicul.	1	»
Epulis maxill. super	1	»	Hernia inguinal	5	»
Periostitis purul.	1	»	Lues articulor.	2	не оперир.
Sarcoma parotidis	1	»	Luxat. humeri	3	»
Struma parenchymat.	2	»	» tali	1	оперир.
Polypus laryngis	1	»	» cubiti	1	»
Papilloma laryngis	1	»	» cruris	1	»
Polypus auris	1	»	Exostosis digit.	1	»
Fistula thoracis	1	не оперир.	Congelat.	2	»
Caries scapulae	1	опер.	Necrosis digit	3	»
Pteryg. in fossa axillaris post ambustur.	2	опер.	» femoris	3	»
			» humeri	1	»
Carcinoma mammae	1	»	Necros. phosphor.	2	»
Adeno-carcinoma	1	»	» Polyarthritis acut.	1	не оперир.
Naevus vasculos.	1	»	Изобилующая мозоль	3	оперир.
Galacto-cysta	1	не оперир.	Caries troch. maj.	1	»
Kyphosis	1	»	Coxitis	1	»
Varices haemmor.	5—4	опер.	Contractura genu	2	»
Vulnera lacero-puncta	3	одна опер.	Tuberculos. genu	5	»
Vulnera sclopetaria	4	опер.	» pedis.	1	не оперир.
Abscessus paraoesophageus.	1	»	Sarcoma digit	1	оперир.
Abscessus praeperitonealis	1	»	Fibroma fem.	2	»
Fibromyoma	1	не оперир.	» cruris.	1	»
Cancer dorsi	1	опер.	Дюпюитрен. контр.	1	»
Cysta in. trigon. Petit	1	»	Incarnatio unguis.	1	»
Cancer in regione inguinal.	1	»	Contractura digit.	1	»
Bubo strumos.	1	»	Tuberculosis cubit.	1	не оперир.
Phymosis	2	»	Fractura cruris	1	опер.
Hydrocele	5	»	Cancer cruris	1	»

II. Амбулаторные больные:

Ulcera simpl.	9		Spondylit tubercul.	6	
» varicos.	4		Panarit.	21	
Pernio	1		Abscessus	5	
Ambustur	3		Haemorrhoid	7—5	оперир.
Cysta mucos.	3	оперир.	Prolapsus ani	1	не оперир.
Contusiones.	11	»	Mastitis.	3	опер.
Coxitis	3—1	опер.	Cancer mamm.	1	»
Lues.	8		Adeno-carcin. mam.	1	»
Atherom.	7	оперировв.	Angioma	1	»
Dermoid.	1		Hydrocele	6—5	оперир.

Hernia	8—5 оперир.	Phymosis	2 оперир.
Lipoma	3 »	Funiculitis	1 не оперир.
Furuncul.	3 »	Cancer cruris	1 оперир.
Caries dentis	15	Struma	2 »
Periost. purul.	7—2 оперир.	Bubones.	2—1 оперир.
Phlegmone	3 »	Lupus.	2
Parotitis	2 не оперир.	Pseudoerisypelas	1
Lymphadenitis.	3—1 оперир.	Necrosis phosphor.	3—2 оперир.
Atresia nasi	1 оперир.	» oss. tempor.	3 оперир.
Fistula dentis.	1	Osteomyel.	4
Epidydim	1 не оперир.	Tuber. articul.	7—5 оперир.
Vulnera.	6 »	Veruccae.	1 оперир.
Gingivitis	1 »	Condylom.	1 »
Synovitis acut. et chron.	8	Cancer recti	1 »
Pseudovaginitis	4	Pes equino-varus	2—1 »
Corpus alienum	1	Incarnat. unguis	3—2 »
Rhagades ani	2	Contractura genu.	2 оперир.
Hygmoritis.	1 оперир.	Odontalgia	4
Epistaxis	4	Rachitis.	8
Clavus	2 оперир.	Ischias	5
Fractura	9		

Всѣхъ посѣщавшихъ хирургическую амбулаторію было 239 человѣкъ.

III. Больные, посѣщавшіе вечернюю амбулаторію по ушнымъ, носовымъ и горловымъ болѣзнямъ, распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

Laryngitis acuta	6	Fractura septi narii	1
» chronica	5	Rhagades nasi.	2
» tuberculos.	2	Lues nasi	2
» syphilit.	3	Polypus nasi	1 оперир.
Polypus laryngis.	1 оперир.	Otitis media	57
Papilloma laryngis	1 »	Perforatio membr. tymp.	31
Paralys. m. thyr-aryt.	1	Myringitis chron.	6
Syphilis palat. moll	1	» acuta	1
Pharyngitis acuta.	8	Polypus aurae.	5 оперир.
» chronic.	4	Corpora aliena.	2
Ang. follicul.	2	Cerum aureum	9
Tonsillitis	9—8 оперир.	Otitis externa	6
Angina phlegmonosa	1	Ekzema нар. слух. прох.	3
Rhinitis chronica	4 оперир.	Нарывъ слух. прох.	1
» acuta	5	Катарръ Евстах. труб.	5
Hypertroph conch.	4—3 оперир.		

Всего на вечернихъ пріемахъ было 188 человѣкъ.

Кабинетъ госпитальной хирургической клиники.

Къ 1 января 1893 года числилось:	Назван.	Экзем.	На сумму.
1) Инструментовъ, препаратовъ	52	190	2534 » 62
2) Посуды, банокъ	21	174	147 » 37
3) Мебели (шкафы, столы и пр).	23	123	1229 » 90
Въ теченіи 1893 года пріобрѣтено:			
1) Инструментовъ, моделей, препаратовъ	40	226	1024 » 91
2) Посуды, банокъ	14	167	95 » 63
3) Мебели	—	2	93 » —
Къ 1 января 1894 года состоитъ:			
1) Инструментовъ, моделей, препаратовъ	92	416	3559 » 53 »
2) Посуды, банокъ	35	341	243 » — »
3) Мебели	23	128	1322 » 90 »
Всего имущества .	150	885	5125 » 43 »

Главнѣйшія пріобрѣтенія въ теченіи года:

Хирургическіе инструменты отъ Collin'a на 877 р. 56 к. и микротомъ отъ Rechert'a на 89 р. 17 к.

Вслѣдствіе закрытія госпитальнаго хирургическаго отдѣленія въ зданіи факультетскихъ клиникъ значительная часть мебели отчислена изъ имущества отдѣленія и, по соблюденіи всѣхъ формальностей въ Правленіи университета, изъ инвентаря госпитал. хир. клиники будетъ исключено мебели	12	87	626 » 90 »

Кабинетъ дѣтской клиники.

Къ 1 января 1893 г. числилось:	Названій.	Экземпл.	На сумму.
1) Инструментовъ, препаратовъ	22	34	48 р. 95 к.
2) Посуды, банокъ	6	7	6 » 50 »
3) Мебели (шкафы, столы и пр.)	17	68	379 » 90 »
Въ теченіи 1893 г. пріобрѣтено:			
1) Инструментовъ, моделей, препаратовъ	30	77	98 » 45 »
2) Посуды, банокъ	8	15	4 » 40 »
3) Мебели	8	22	289 » — »

Къ 1 января 1894 г. состоитъ:	Названій.	Экземпл.	На сумму.
1) Инструментовъ, моделей, препаратовъ . . .	52	111	147 » 40 »
2) Посуды, банокъ	14	22	10 » 90 »
3) Мебели	25	90	668 » 90 »
Всего имущества . .	91	223	827 » 20 »

Главнѣйшія пріобрѣтенія въ теченіи года:

Пріобрѣтено справочныхъ книгъ на сумму 68 р. 60 к.

Дѣтская клиника.

Дѣтская клиника состоитъ изъ 2-хъ палатъ на 8 кроватей въ главномъ клиническомъ зданіи, и изъ одной палаты на 2 кровати—въ заразномъ баракѣ. Палаты клиническаго зданія находятся рядомъ съ палатами клиники накожныхъ и венерическихъ болѣзней.

При клиникѣ находится кабинетъ для профессора и комната для фельдшерицы.

Служебный персоналъ состоитъ только изъ фельдшерицы, живущей при клиникѣ, служителя и 2-хъ сидѣлокъ.

Въ истекшемъ 1893 году спеціальными вопросами изъ области педіатріи занимались въ клиникѣ, подъ руководствомъ профессора, студенты: И. В. Введенскій и А. Д. Айтбакинъ.

За 1893 годъ, вѣрнѣе—съ 14 января по 15 апрѣля и съ 12 сентября по 20 декабря 1893 г., стаціонарныхъ больныхъ въ клиникѣ лежало 74 человѣка, причемъ одинъ больной ребенокъ лежалъ дважды.

Принимались больныя дѣти до 13 лѣтъ включительно; размѣщались, смотря по характеру заболѣваній, или въ палатахъ главнаго клиническаго зданія, или въ заразномъ баракѣ.

Въ палатахъ главнаго зданія лежало 68 чел., въ заразномъ баракѣ 6 чел.

Многія больныя дѣти страдали одновременно нѣсколькими болѣзненными формами; слѣдующія формы были наблюдаемы на вышеупомянутыхъ 74 стаціонарныхъ больныхъ:

	Случ.		Случ.
Eczema.	10	Scrophulosis	38
Scabies.	5	Febris typhoidea	1
Incontinentia urinae.	1	Malaria.	5
Masturbatio	1	Tuberculosis	4
Arthritis chronica serosa . . .	1	Scrophulosis	86
Furunculosis	1	Syphilis congenita	3
Arthrocace.	1	» acquisita	2
Panaritium.	1	Rachitis	52
Hernia umbilicalis acquisita . .	1	Anaemia	10
Morbilli.	1	Polyarthritis rheumatica . . .	1
Pertussis	4	Hydrocephalus chronicus. . . .	2

Eclampsia	2	Anchyloglosson	1
Chorea minor	3	Gingivitis	1
Neurasthenia	1	Stomatitis aphthosa	1
Pavor nocturnus	3	Oesophagitis	1
Paralysis post diphtheritidem	1	Dyspepsia	13
Epistaxis	1	Enteritis	4
Rhinitis chronica	1	Obstipatio alvi	2
Laryngitis chronica	2	Helminthiasis	5
Bronchitis acuta	9	Gastro-enteritis	3
» capillaris	3	Prolapsus recti	1
» chronica	3	Vitium cordis complic.	1
Pleuritis chronica	1	Blepharo-conjunctivitis	2
Pneumonia catarrhalis	6	Blennorrhoea neonatorum	1
» crouposa	1	Keratitis	1
Angina catarrhalis	5	Atrophia nerv. optic.	1

Дерматологическій кабинетъ.

Къ 1 января 1893 года числилось:	Названій.	Экземпл.	На сумму.
1) Инструментовъ, препаратовъ	34	124	282 р. 70 к.
2) Посуды, банокъ	8	76	30 » — »
3) Мебели (шкафы, столы и пр.)	15	41	413 » 55 »
Въ теченіи 1893 года пріобрѣтено:			
1) Инструментовъ, моделей, препаратовъ	41	69	1219 » 2 »
2) Посуды, банокъ	—	—	— » — »
3) Мебели	2	2	42 » — »
Къ 1 января 1894 года состоитъ;			
1) Инструментовъ, моделей, препаратовъ	75	193	1501 р. 72 к.
2) Посуды, банокъ	8	76	30 » — »
3) Мебели	17	43	455 » 55 »
Всего имущества	100	312	1987 » 27 »

Главнѣйшія пріобрѣтенія въ теченіи года:

Микроскопъ Zeiss'a	—	—	432 » 93 »
2 микроскопа Leitz'a	—	—	204 » 60 »
Пластическіе препараты различныхъ болѣзней кожи	—	—	286 » 89 »

Діагностическій кабинетъ.

	Назван.	Экзем.	На сумму.
Къ 1 января 1893 года числилось:			
1) Инструментовъ, препаратовъ	421	725	5130 р. 57 к.
2) Посуды, банокъ и пробирокъ.	341	3994	847 » 39 »
3) Мебели (шкафы, столы и пр.)	21	91	818 » 95 »
Въ теченіи 1893 г. пріобрѣтено:			
1) Инструментовъ, моделей, препаратовъ	32	59	112 » 18 »
2) Посуды банокъ и пробирокъ.	44	1785	255 » 10 »
3) Мебели	7	8	176 » 80 »
Къ 1 января 1894 г. состоитъ:			
1) Инструментовъ, моделей, препаратовъ	453	784	5242 » 75 »
2) Посуды, банокъ и пробирокъ	385	5779	1102 » 49 »
3) Мебели	28	99	995 » 75 »
Всего имущества .	866	6562	7340 » 99 »
Главнѣйшія пріобрѣтенія въ теченіи года:			
Анероидъ	1	1	30 » — »
Вѣсы никкелированные.	1	1	16 » — »

Примѣчаніе. Къ 1-му января 1894 г. по матеріальной значится посуды, банокъ и пробирокъ 385 назв. и 5779 экземпл., изъ нихъ во время работъ 91—92 года и 93 года разбито 80 названій и 2000 экземпляровъ, слѣд. къ 94 г. остается посуды 305 названій и 3779 экземпляровъ.

Терапевтическая факультетская клиника.

Съ января 1893 по январь 1894 г. въ терапевтической клиникѣ при Императорскомъ Томскомъ университетѣ стаціонарныхъ больныхъ было 97, изъ нихъ умерло 8. По роду заболѣваній всѣ больные распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: съ болѣзнями сердца, околосердечной сумки и крупныхъ сосудовъ больныхъ было 13; съ острыми и хроническими болѣзнями легкихъ и плевры 14; съ болѣзнями желудка, кишекъ и брюшины 15; съ болѣзнями печени и селезенки 4; почекъ 3; съ заразными болѣзнями (брюшной и сыпной тифъ, рожа, дифтеритъ, бугорчатка легкихъ и гортани, гриппъ и ревматизмъ) 40; съ болѣзнями крови и общимъ разстройствомъ питанія 3; съ нервными болѣзнями 3; съ болѣзнями половыхъ органовъ 1 и съ отравленіемъ минеральными солями 1.

На амбулаторныхъ пріемахъ принято было всѣхъ больныхъ 512, не считая повторныхъ посѣщеній, при чемъ больныхъ съ болѣзнями пищеварительныхъ органовъ было 157; съ острыми и хроническими болѣзнями дыхательныхъ органовъ 110; почекъ 4; съ болѣзнями крови и органовъ кровообращенія 52; съ бугорчаткой 76; третичнымъ сифилисомъ 16; съ брюшнымъ тифомъ 13; гриппомъ 7; ревматизмомъ 28; болотной лихорадкой 7; съ нервными болѣзнями и болѣзнями головнаго и спиннаго мозга 39; съ опухолью щитовидной желѣзы 1; съ свинцовымъ отравленіемъ 1.

Акушерско-гинекологическій кабинетъ.

Къ 1-му января 1893 года числилось:	Названіе.	На сумму.
1) Инструментовъ, аппаратовъ и препаратовъ	155	2257 р. 99 к.
2) Посуды банокъ	—	1203 » 2 »
3) Мебели	89	2159 » 67 »

Въ теченіи 1893 г. пріобрѣтено:

1) Инструментовъ, аппаратовъ, моделей и препаратовъ	41	635 » 30 »
2) Посуды, банокъ и проч. вещей по матер. книгѣ	127	521 » 95 »
3) Мебели и предметовъ обстановки по инвентар. книгѣ	25	617 » 34 »
4) Пересылка и поправка разн. вещей (занесени. въ матер. книгу)	—	180 » 52 »

Къ 1-му января 1894 г. состоитъ:

1) Инструментовъ, аппаратовъ, моделей и препаратовъ	196	2893 » 29 »
2) Посуды, банокъ	—	1724 » 97 »
3) Мебели	114	2777 » 1 »
Всего имущества на сумму		7395 » 27 »

Главнѣйшія пріобрѣтанія въ теченіе года сдѣланы слѣдующія:

По инвентарной книгѣ пріобрѣтено 63 ном.	1252 » 64 »
По матеріальной книгѣ пріобрѣтено 127 ном.	521 » 95 »

Наиболѣе существенныя пріобрѣтенія:

1) Большой термостатъ для бактер. работъ	160	» — »
3) Фантомъ Буденъ-Пинара	250	» »
3) Дорожка изъ линолеума	102	» — »
Всего израсходовано	1865	» 81 »

Сумма эта составлена:

1) Изъ штатной суммы, ассигнованной на содержаніе акушерско-гинекологической клиники на 1893 годъ.

2) Изъ единовременныхъ заимствованій изъ спеціальныхъ клиническихъ суммъ.

3) и изъ Сибиряковскаго капитала, отдѣленнаго на устройство акушерско-гинекологической клиники.

Въ помѣщеніи Акушерско-гинекологической клиники въ теченіи истекшаго отчетнаго года произошло слѣдующее измѣненіе:

Въ корридорѣ Гинекологической клиники устроена стеклянная арка, съ цѣлью изолированія Гинекологическаго отдѣленія отъ остальнаго зданія клиники, основаніемъ для такой изоляціи послужила потребность съ большой тщательностью приспособить отдѣленіе къ спеціальнымъ цѣлямъ, напримѣръ, къ производству серьезныхъ хирургическихъ операцій, требующихъ безъукоризненной чистоты помѣщенія.

Изъ 8-ми гинекологическихъ больныхъ, поступившихъ въ Гинекологическое отдѣленіе 37 внесли плату (слишкомъ 46%) въ размѣрѣ 1508 рублей (вмѣсто 196 рублей, слѣдуемыхъ съ 4-хъ кроватей, считая по 7 рублей въ теченіи 7 больничныхъ мѣсяцевъ истекшаго года; такая сумма образовалась вслѣдствіе того, что большинство больныхъ уплачивало по 50 руб. за кровать).

Краткія свѣдѣнія касательно движенія больныхъ въ акушерско-гинекол. клиникѣ:

Къ 1-му января 1893 года состояло:

Беременныхъ	1	Родильницъ	0
Роженицъ	0	Гинекологическихъ больныхъ	18

За время отъ 1 января 1893 года и по 1 января 1894 года поступило:

Беременныхъ	15	Послѣ выкидыша	1
Роженицъ	41	Гинекологическихъ больныхъ	80
Послѣ родовъ	1		

Изъ беременныхъ:

Оставило клинику до окончанія родовъ	4	Разрѣшилось въ срокъ	11
Осталось къ 1-му января 1894 г.	0	Разрѣшилось преждевременно	1

Изъ 53 разрѣшившихся (въ томъ числѣ 4 выкидыша):

Выздоровѣло	53	Подверглось оперативному пособію	15

Слѣдующія операціи имѣли мѣсто въ акушерскомъ отдѣленіи:

Versio foetus in pedes	4	Extractio placentae	4
Perforatio capitis cum consequente craniectasia	1	Perineorhaphia	3
Applicatio forcipis	3	Abrasio mucosae uteri post abortum	3

Изъ 2-хъ поступившихъ послѣродовыхъ за время отъ 1-го января 1893 года и по 1-е января 1894 года:

1) Умерла (привезенная въ состояніи септическаго перитонита) спустя нѣсколько часовъ по поступленіи.

2) Умерла (привезенная въ состояніи острѣйшей анеміи) спустя 2 дня по поступленіи.

Гинекологич. больныхъ за время отъ 1 января 1893 г. и по 1 января 1894 года

Поступило	80	Умерло	2
Оставило клинику съ облегченіемъ до окончанія болѣзни	22	Осталось къ 1-му января 1894 г.	11
Выздоровѣло	45	Подверглось оперативному пособію	49

Указаннымъ только что гинекологическимъ больнымъ произведено 62 операціи.

Операціи распредѣлены слѣдующимъ образомъ:

	Число.	Выздоровѣло.
1) Laparotomia	10	
a) Parovario-cystoectomia	2	1
b) Ovario-cystoectomia sub peritonitide ex ruptura cystis	1	1
c) Ovario-cystoectomia	4	4
d) Ovario-cystoectomia sub peritonitide ex torsio pedunculi cystis	1	1
e) Parovario-cystoectomia duplex	1	1
f) Ovario-cystoectomia duplex sub peritonitide	1	—
2) Abrasio mucosae uteri	22	22
3) Hystero-trachelo-rhaphia	12	12
4) Perineo-rhaphia	7	7
5) Fistulo-rhaphia	3	3
6) Discisio services	2	2
7) Abrasio neoplasmat. port. vag.	3	3
8) Extractio polyp. fibros. canal. cervic.	1	1
9) Colporhophia anterior	2	2

Амбулаторныхъ посѣщеній клиники за этотъ годъ было 1215.

За январь	128	За іюнь	108
» февраль	234	» сентябрь	47
» мартъ	161	» октябрь	63
» апрѣль	135	» ноябрь	154
» май	81	» декабрь	103

Студенты для изученія методовъ акушерскаго изслѣдованія приглашались къ родамъ по 5 человѣкъ.

Для изученія методовъ гинекологическаго изслѣдованія студенты вызываются по группамъ въ 5 человѣкъ на амбулаторные пріемы, производимые ординаторомъ клиники по росписанію.

Кромѣ того студенты присутствовали на производимыхъ въ клиникѣ операціяхъ въ количествѣ отъ 5—10 человѣкъ.

Отчетъ по клиникѣ.

Въ теченіи истекшаго года всѣхъ стаціонарныхъ больныхъ, принятыхъ для леченія въ факультетскія клиники, было 560,—они въ совокупности оставались въ клиникѣ 16363 дня. Каждый больной среднимъ числомъ находился въ клиникѣ 29 дней; изъ общаго числа кроватей (100) ежедневно занято было среднимъ числомъ 68 кроватей. Содержаніе каждаго больного въ общемъ итогѣ обошлось, кромѣ аптеки, 24 р. 43 к.; а вмѣстѣ съ послѣднею 30 р. 72 к.,—слѣдовательно нѣсколько больше одного рубля въ день. Ежедневный расходъ по продовольствію больнаго равнялся 20.86 коп. Общая сумма расхода по содержанію больныхъ и продовольствію простирается 13620 р.

66 к., а вмѣстѣ съ тѣми суммами, которыя были ассигнованы на пріобрѣтеніе лекарствъ и перевязочныхъ средствъ, расходы по клиникѣ достигли въ 1893 г. 17205 р. 04 коп., изъ коихъ 12700 р. покрыты изъ штатныхъ клиническихъ средствъ и изъ кредиторскаго списка и 4505 р. 04 к. изъ суммъ, поступившихъ въ рессурсы клиники съ платныхъ больныхъ. Всего въ теченіи года по статьѣ на продовольствіе больныхъ пищей израсходовано 3420 р. 56 к., на прислугу 5325 р. 61 к.; освѣщеніе клиники потребовало 1158 р. 9½ к., чистка бѣлья въ прачешной — мыло, ультрамаринъ — 358 р. 10 коп., ремонтъ зданія и разные экстренные расходы 2087 р. 9 к. Кромѣ того на обзаведеніе клиники постельными принадлежностями, бѣльемъ, мебелью, посудой въ истекшемъ году израсходовано 1271 р. 14 коп.

Главныя статьи расхода по продовольствію больныхъ въ клиникѣ, за 1893 годъ.

	Количество.	Вѣсъ. пуд.	фун.	Сумма. руб.	коп.
1) Мясо: говядина, телятина	—	568	33¼	1138	36½
2) Рыба	—	73	24¼	133	33¼
3) Хлѣбъ бѣлый, вѣсовой и франц. хлѣбовъ	2246½ шт.	725	28	1072	7¾
4) » ржаной	—	214	9	146	17¼
5) Молоко	10541½ бут.	—	—	532	13¼
6) Масло коровье	—	32	31	264	10
7) Яица	4946 шт.	—	—	113	49
8) Сахаръ	—	25	30	235	55
9) Чай	—	1	36	106	40

Имущество клиники къ 1 января 1893 заключалось въ слѣдующемъ:

1) Иконы	36	руб.	36 коп.
2) Бѣлье: рубашки, халаты, одѣяла, матрацы	10948	»	42½ »
3) Мебель: кровати, шкафы, столы	6199	»	92 »
4) Посуда кухонная, столовая, чайная	1432	»	73½ »
5) Лампы и подсвѣчники	694	»	86 »
Всего на сумму	19311	»	86 »

Въ теченіи 1893 г. пріобрѣтено:

1) Мебели на	434	руб.	60 коп.
2) Бѣлья, рубашекъ, халатовъ, подкладн. судна на	776	»	44 »
3) Посуды	60	»	11 »

Къ 1 января 1893 года состоитъ:

1) Иконъ	36	руб.	36 коп.
2) Бѣлья	11724	»	86½ »
3) Мебели	6634	»	52 »
4) Посуды	1492	»	83½ »
5) Лампъ	694	»	86 »
Всего на сумму	20583	»	44 »

Сборъ съ платныхъ кроватей въ 1893 году составился изъ слѣдующихъ поступленій по разнымъ отдѣленіямъ клиники:

	Весеннее полуг.	Осеннее полуг.	Всего.
Акушерско-гинекологическое . .	598 р. — к.	910 р. — к.	= 1508 р. — к.
Терапевтическое	517 » 40 »	244 » 50 »	= 761 » 90 »
Хирургическое (факульт.) . . .	170 » 50 »	298 » — »	= 468 » 50 »
Офтальмологическое	218 » — »	206 » — »	= 424 » — »
Второе хирургическое (госпит.) .	291 » — »	— » — »	= 291 » — »
Дерматологическое	125 » — »	71 » — »	= 196 » — »
Нервныхъ болѣзней	— » — »	106 » — »	= 106 » — »
Дѣтскихъ болѣзней	— » — »	— » — »	— » — »
Всего. .	1919 » 90 »	1835 » 50 »	3755 » 40 »

Отчетъ о состояніи библіотеки за 1893 г.

I. Въ отчетномъ году напечатано каталога:

a) по медицинскому отдѣленію 6 листовъ тоже IV (№№ 42001—42610).

b) 2½ листа каталога роскошныхъ изданій Строгановской библіотеки (№№ 1—297).

c) алфавитнаго указателя къ каталогу русскаго отдѣленія библіотеки листы 1—3 (А—Извлеченія).

Кромѣ того переписаны для помѣщенія въ печатный каталогъ:

1) вновь доставленныя отъ заслуж. проф. Императорской Военно-Медицинской Академіи *В. А. Манассеина* книги и періодическія изданія, въ количествѣ 5 ящиковъ.

2) 6 ящиковъ книгъ, доставленныхъ изъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати.

3) внесены на карточки всѣ дефекты, накопившіеся отъ разныхъ поступленій прежнихъ лѣтъ.

4) занесены въ алфавитные списки изъ числа оставшихся некаталогизированными брошюръ, на иностранныхъ языкахъ, поступившихъ изъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати и другихъ источниковъ, пока на буквы A—N. P—R.

II. Въ истекшемъ году были слѣдующія дарственныя поступленія въ библіотеку:

1) отъ проф. Московскаго университета *Л. Мороховца* 29 диссертацій и медицинскихъ книгъ.

2) отъ русскаго консула въ Чугучакѣ *П. Падерина* 30 названій разнообразныхъ книгъ и брошюръ.

3) отъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати черезъ Департаментъ Министерства Народнаго Просвѣщенія доставлено 6 ящиковъ книгъ, вѣсомъ 60 п. 4 ф.

4) отъ заслуженнаго проф. Императорской Военно-Медицинской Академіи *В. А. Макассеина* поступило 5 ящиковъ книгъ и журналовъ, вѣсомъ 65 п. 30 ф.

III. Списокъ различныхъ учрежденій и частныхъ лицъ, доставившихъ для библіотеки свои изданія въ отчетномъ году прилагается особо.

IV. Къ 1 января 1893 года штатныхъ и иныхъ библіотечныхъ суммъ *состояло*:

1) *Штатныхъ средствъ* отъ предыдущаго года	1586 р. 69 к.
2) *Сибиряковскаго* библіотечнаго *капитала* 7283 р. 33 к. (въ томъ числѣ: a) на книги по химіи 29 р. 60 к., a) по физіологіи 367 р. 46 к., c) на библіографическія пособія 78 р. 84 коп., d) на пріобрѣтеніе медицинскихъ журналовъ за старые годы и на вновь открытыя медицинскія каѳедры 6808 р. 23 к., всего. . .	9245 р. 89 к.
Въ отчетномъ году *ассигновано* было: 1) на переплеты 800 р., 2) на пересылку книгъ 500 р., 3) на канцелярскіе расходы и на наемъ писцовъ 600 р., 4) на книги и журналы [a) общаго содержанія 485 р. 75 к., b) спеціальнаго содержанія 2400 р.] 2885 р. 75 коп., всего.	4785 » 75 »
А всего на 1893 годъ . .	14031 » 64 »

Въ теченіи года *израсходовано* было: 1) весь штатный остатокъ прошлаго года 1586 р. 69 к., 2) на канцелярію 762 р. 50 к., 3) на пересылку 629 р. 59 к., 4) на переплеты 547 р. 97 коп., 5) на изданія общаго и спеціальнаго содержанія 2114 р. Итого. .	5640 » 75 »
Изъ *особыхъ ассигнованій*: 1) на книги по богословію 175 р. 87 коп., 2) по химіи 29 р. 60 к., 3) на библіографическія пособія 77 р. 84 к., 4) на физіологію 69 р. 5) на медицинскіе журналы прежнихъ лѣтъ и книги 3111 руб. 84 коп., итого.	3464 » 15 »
Всего израсходовано . . .	9104 » 90 »

Состоитъ въ остаткѣ къ 1 января 1894 года:

a) штатныхъ средствъ 731 р. 60 коп., b) Сибиряковскаго капитала 3819 руб. 18 коп., всего	4551 » 87 »

V. Выдача книгъ производилась джедневно для профессоровъ (съ 10 утра до 4 часовъ по полудни) и дважды въ недѣлю для студентовъ (по вторникамъ и пятницамъ, съ 12 до 2 часовъ дня).

VI. По алфавитнымъ перечнямъ, въ которые заносились съ росписокъ выдаваемыя изъ библіотеки книги, ниже приводится вѣдомость выданнымъ за отчетный годъ для чтенія книгамъ. Текущая научная и общелитературная журналистика, равно и газеты сюда не включаются, такъ какъ выдаются особо, изъ лекторіи.

	Названіе.				Названіе.		
	На русск. язык.	На иностр. язык.	Общее число томовъ		На русск. язык.	На иностр. язык.	Общее число томовъ
1) Анатомія и антропологія	34	58	193	16) Педагогика	3	1	4
2) Беллетристика. . . .	638	208	1646	17) Соціальныя науки . .	26	3	29
3) Богословіе	26	10	36	18) Спортъ.	—	1	1
4) Ботаника	31	37	168	19) Справочныя изданія и словари.	52	7	69
5) Географія и путешествія	185	43	288	20) Статистика	21	—	21
6) Геологія и минералогія.	29	18	67	21) Технологія	4	—	4
7) Гистологія	17	2	19	22) Учебники иностр. язз.	9	1	10
8) Естествознаніе вообще .	37	16	83	23) Физика и метеорологія	18	24	63
9) Періодич. изданія. . .	359	236	696	24) Физіологія.	24	10	36
10) Зоологія	23	40	68	25) Философія и психологія	49	12	64
11) Искусства.	5	2	7	26) Химія	62	9	81
12) Исторія и вспомогател. науки	76	15	192	27) Юридическія науки. .	30	1	39
13) Исторія и литература.	3	1	4				
14) Математика и астроном.	11	6	17	Итого . .	2276	960	5599
15) Медицина вообще . .	504	189	1694				

Списокъ учрежденій, правительственныхъ и земскихъ, частныхъ лицъ и редакцій, доставившихъ безплатно свои изданія въ 1893 г.

	Томовъ.
Императорская Академія Наукъ	26
Императорская Военно-Медицинская Академія	93
Императорская Археологическая Комиссія	4
Архивъ Государственнаго Совѣта.	1
Императорская Публичная Библіотека	1
Библіотека С.-Петербургскаго университета.	2
Иркутская Городская Публичная библіотека	1
Дѣтская больница Св. Ольги	1
Варшавскій Уяздовскій военный госпиталь.	1
Вашингтонское Бюро для воспитанія	1
Геологическій Комитетъ.	11
Императорское Русское Географическое общество	10
Главное тюремное управленіе	1
Главный штабъ	2
Директоръ Рижской Александровской гимназіи	1
Начальница Московской частной женской гимназіи	1
Горный ученый Комитетъ	1
Государственный Банкъ.	4
Государственное Казначейство.	2
Государственный Контроль.	3
Государственный Дворянскій Земельный Банкъ	1
Государственный Совѣтъ	1

Департаменты: 1) Земледѣлія и сельской промышленности 2
» 2) Лѣсной (Мин. Госуд. Имуществъ). 4
» 2) Медицинскій (Мин. Внутр. Дѣлъ). 1
» 4) Народнаго Просвѣщенія. 16
» 5) Неокладныхъ сборовъ 3
» 6) Таможенныхъ сборовъ 14
» 7) Торговли и мануфактуръ 10
» 8) Хозяйственный (Мин. Внутр. дѣлъ) 5
Духовныя Академіи: 1) Казанская 7
» » 2) Кіевская 5
» » 3) Московская 5
» » 4) С.-Петербургская 2
Казанскій Ветеринарный Институтъ 1
Книжные магазины: 1) Н. А. Мамонтова 2
» » 2) К. Риккера 1
Колумбійскій Колчеданъ въ Нью-Іоркѣ 1
Комитетъ о сельскихъ судо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ 2
Комитетъ по постройкѣ въ г. Томскѣ Кафедральнаго собора 18
Комитетъ Севастопольской морской офицерской библіотеки 3
Комиссія по устройству IV международнаго Тюремнаго Конгресса 5
Министерства: 1) Путей Сообщенія 3
» 2) Юстиціи. 3
Музеи: 1) Красноярскій 2
» 2) Тобольскій 1
Акушерско-гинекологическое Общество въ Кіевѣ 2
Московское Археологическое Общество 8
Общество вспомоществованія студентамъ университета Св. Владиміра . . . 2
Общества Естествоиспытателей: 1) Варшавское 3
» » 2) Казанское 12
» » 3) Кіевское 20
» » 4) Московское. 1
Императорское Московское Общество испытателей природы. 1
Общество испытателей природы при Император. Харьковскомъ университетѣ . 1
Уральское Общество любителей естествознанія. 1
Императорское Общество любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи 22
Медицинскія Общества (общества врачей): 1) Восточной Сибири въ Иркутскѣ . 2
» » » » 2) Кавказское 5
» » » » 3) Минское 2
» » » » 4) Московское 1
» » » » 5) Тамбовское 1
» » » » 6) Уральское. 1
Императорское С.-Петербургское Минералогическое Общество 2
Общество морскихъ врачей въ Кронштадтѣ 1

Общество невропатологовъ и психіатровъ при Московскомъ университетѣ	1
Одесскій Отдѣлъ Императорскаго Россійскаго Общества садоводства	1
Общество содѣйствія учащимся въ С.-Петербургѣ сибирякамъ	1
Императорское Московское Общество сельскаго хозяйства	8
Харьковское общество сельскаго хозяйства	2
Сифилидологическое и дерматологическое общество	1
Императорское Православное Палестинское Общество	11
Петровское Общество изслѣдователей Астраханскаго края	3
Главная физическая обсерваторія	3
Обсерваторіи: 1) Екатеринбургская	1
» 2) Тифлисская	2
Отдѣльныя лица: Абашевъ, Н.	1
» » Бракенгеймеръ, П.	2
» » Виноградовъ, Влад.	1
» » Воронихинъ, Н.	1
» » Гольдгаммеръ, проф. Д. А.	1
» » Зайцевъ, проф. А. М.	2
» » Залѣскій, проф. С. І.	2
» » Зеландъ, Ник.	1
» » Иноевсъ, К.	1
» » Кулишеръ, М. И.	1
» » Кобертъ, проф, Руд.	1
» » Кривскій, А. и В. Чемезовъ	1
» » Крыловъ, проф. В. Т.	3
» » Левицкій, Г. В.	2
» » Максвель, Т.	1
» » Мизеровъ, М. И.	2
» » Мосальская, княгиня Софья Влад.	1
» » Муратовъ, Д. Л.	1
» » Оглоблинъ, Н. Н.	2
» » Павловская, д-ръ Р. А.	1
» » Падеринъ, П.	30
» » Порчинскій, І. А.	2
» » Савенковъ, И. Т.	4
» » Самаринъ. Д. Ѳ.	1
» » Сибиряковъ, И. М.	1
» » Славянскій, проф. К. Ф.	1
» » Тепловъ, М. Н.	6
» » Феноменовъ, проф. Н. Н.	1
» » Фридеръ, Я. Д.	1
» » Фритше, Г.	2
» » Чугуновъ, С М.	1
» » Шевелевъ, А.	1

Отдѣльныя лица: Шнаубертъ, В.	1
» » Ядринцевъ, Н. М.	1
» » Ярковскій, Н. О.	1
Редакціи: 1) Военно-медицинскаго журнала	7
» 2) Всемірной Иллюстраціи.	2
» 3) Вѣстника Золотопромышленности.	1
» 4) Журнала: Przeglad chirurgiczny.	2
» 5) Извѣстій Императорскаго Томскаго университета	1
» 6) Морскаго Сборника.	1
» 7) Педагогическаго Сборника.	1
» 8) Хирургическаго Вѣстника.	4
Попечитель Кавказскаго учебнаго округа	5
Статистическія Бюро: 1) Казанскаго Губернскаго Земства	2
» » 2) Полтавскаго Губерн. Земства	3
Статистическіе Комитеты: 1) Закавказскій.	2
» » 2) Томскій	1
Статистическое Отдѣленіе С.-Петербургской Земской Управы	1
Статистическій Отдѣлъ Министр. Путей Сообщенія	2
Петровская Сельско-хозяйственная Академія	4
Семирѣченское Областное Правленіе	2
Курскій Губ. Земскій врачебный Совѣтъ	2
Слушательницы высшихъ женскихъ курсовъ	1
Томскій Епархіальный училищный Совѣтъ	1
Науковое Товарищество имени Шевченка	3
Университеты: Варшавскій	6
» Казанскій	11
» Кіевскій.	10
» Московскій.	19
» Новороссійскій.	3
» С.-Петербургскій	9
» Харьковскій.	12
» Юрьевскій	63
Уржумская уѣздная земская управа.	2
Губернскія земскія управы: 1) Вятская.	9
» » » 2) Казанская	1
» » » 3) Костромская	6
» » » 4) Курская	11
» » » 5) Нижегородская.	5
» » » 6) Полтавская	4
» » » 7) Орловская.	1
» » » 8) Саратовская	12
С.-Петербургскій Практическій Технологическій институтъ	1
Кавказская шелководственная станція	6
Итого томовъ и брошюръ.	728

Списокъ учрежденій, которымъ высылаются Извѣстія Императорскаго Томскаго Университета:

1) Императорская академія наукъ въ С.-Петербургѣ.
2—9) Императорскіе университеты: С.-Петербургскій, Московскій, Кіевскій Св. Владиміра, Харьковскій, Новороссійскій, Казанскій, Варшавскій, Юрьевскій.
10) Библіотека Императорскаго Томскаго университета.
11) Императорская военно-медицинская академія.
12) С.-Петербургская духовная академія.
13) Московская духовная академія (въ Троицко-Сергіевской лаврѣ).
14) Кіевская духовная академія.
15) Казанская духовная академія.
16) Главная физическая обсерваторія.
17) С.-Петербургскій лѣсной институтъ.
18) » практическій технологическій институтъ.
19) Императорское русское географическое Общество.
20) С.-Петербургское общество естествоиспытателей.
21) Императорское Московск. общ. любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи.
22) » Общество испытателей природы въ Москвѣ.
23) Казанское Общество естествоиспытателей.
24) Харьковское Общество естествоиспытателей
25) Кіевское Общество естествоиспытателей.
26) Русское антропологическое общество при С.-Петербургскомъ университетѣ.
27) Императорское Московское археологическое общество.
28) Горный ученый комитетъ при Министерствѣ земледѣлія и государств. имуществъ.
29) Геологическій комитетъ.
30) Петровско-Разумовская сельско-хозяйственная академія въ Москвѣ.
31) Императорскій ботаническій садъ.
32) Императорская публичная библіотека въ С.-Петербургѣ.
33) Департаментъ Министерста Народнаго Просвѣщенія.
34) Восточно-Сибирскій отдѣлъ Импер. русск. географич. Общества въ Иркутскѣ.
35) Западно-Сибирскій отдѣлъ Императорск. русск. географич. Общества въ г. Омскѣ.
36) Кавказскій отдѣлъ Императорскаго русскаго географич. Общества въ г. Тифлисѣ.
37) Императорское православное палестинское Общество въ С.-Петербургѣ.
38) » Московское Общество сельскаго хозяйства.
39) Энтомологическое Общество въ С.-Петербургѣ.
40) Императорскій институтъ экспериментальной медицины въ С.-Петербургѣ.
41) Статистическій отдѣлъ Министерства Путей Сообщенія въ С.-Петербургѣ.
42) Государственный дворянскій банкъ въ С.-Петербургѣ.
43) Редакція Кіевскихъ университетскихъ Извѣстій.
44) Харьковскій ветеринарный институтъ.
45) Казанскій » »
56) Военно-топографическій отдѣлъ главнаго штаба.

57) Совѣтъ русскаго литературнаго Общества въ С.-Петербургѣ.
48) С.-Петербургское Общество русскихъ врачей.
49) Кіевское Общество врачей.
50) Общество военныхъ врачей въ Москвѣ.
51) Императорское Кавказское медицинское Общество въ Тифлисѣ.
52) Уральское Общество любителей естествознанія въ Екатеринбургѣ.
53) Казанское Общество врачей.
54) Общество для изученія Амурскаго края во Владивостокѣ.
55) Варшавскій Уяздовскій военный госпиталь.
56) Медицинская секція общества опытныхъ наукъ въ Харьковѣ.
57) Общество Омскихъ врачей.
58) Московское хирургическое Общество.
59) Общество врачей Енисейской губерніи въ Красноярскѣ.
60) Петровское Общество изслѣдователей Астраханскаго края въ г. Астрахани.
61) Соловецкая біологическая станція.
62) Московская дѣтская больница св. Ольги.
63) Музей Гимэ въ Парижѣ, чрезъ Коммиссію для международнаго обмѣна изданіями при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія въ С.-Петербургѣ.
64) Тобольскій губернскій музей, состоящій подъ покровительствомъ Государя Наслѣдника Цесаревича.
95) Красноярскій губернскій музей и библіотека.
66) Минусинскій музей.
67) Редакція газеты «Вѣстникъ Золотопромышленности» въ Томскѣ.
68) Редакція газеты «Врачъ».
69) Редакція газеты «Новое Время».
70) Севастопольская офицерская морская библіотека.
71) Библіотека перваго Московскаго студенческаго общежитія.
72) Библіотека студенческаго общежитія въ Томскѣ.

Музей археологіи и этнографіи.

Къ 1 января 1893 года состояло въ музеѣ 4858 номеровъ разныхъ предметовъ, относящихся къ Сибирской археологіи и этнографіи. Въ теченіе 1893 г. поступило до десяти новыхъ предметовъ; всѣ поступленія были дарственныя.

За отсутствіемъ особаго хранителя, завѣдываніе музеемъ остается, какъ и въ предыдущіе годы, непосредственно въ рукахъ его основателя г. Попечителя Западно-Сибирскаго учебнаго округа В. М. Флоринскаго; при музеѣ для черныхъ работъ состоитъ особый служитель.

Свѣдѣній о состояніи кабинетовъ Общей и Медицинской химіи завѣдующими не доставлено.

Денежныя средства университета.

I. **Изъ суммъ государственнаго казначейства въ 1893 году было отпущено**			209920 85
Въ томъ числѣ:			
1. На содержаніе личнаго состава		132551 —	
2. » учебно-вспомогательныя установленія и хозяйственныя разсходы, а именно:			
а) На содержаніе кабинетовъ, лабораторій, музеевъ и ботаническаго сада	13400 —		
б) На библіотеку (газеты и журналы) .	4785 75		
в) » содержаніе госпитальныхъ клиникъ.	1200 —		
г) » » факультетскихъ клиникъ и студентовъ больныхъ	12700 —		
д) На содержаніе церкви съ причтомъ .	1000 —		
е) » » леченіе студентовъ въ каникулярное время	300 —		
ж) На содержаніе канцеляріи правленія .	3400 —		
з) » » канцеляріи инспекціи. .	1600 —		
и) » изданіе ученыхъ трудовъ . . .	3000 —		
і) » отопленіе, освѣщеніе, ремонтъ, содержаніе въ чистотѣ университетскихъ зданій и наемъ нижнихъ служителей	24300 —		
		65685 75	
3) На стипендіи и пособія студентовъ		6000 —	
4) » добавочное жалованье за службу въ Сибири какъ въ привилегированной мѣстности		3347 27	
5) На прогоны и путевыя издержки должностнымъ лицамъ		2336 83	
Всего			209920 85

Смѣтное назначеніе.		Исполненіе смѣты 1893 года въ теченіи смѣтнаго періода.	Въ 1893 г. израсходовано.		По счетамъ 1893 г. израсходовано въ льготный срокъ.		Внесено въ кредитный списокъ и поступило въ казну.	
руб.	к.		руб.	к.	руб.	к.	руб.	к.
		§ 5 ст. 1.						
132551	—	Содержаніе личнаго состава	120959	74	30	—	11200	—
							361	26
		§ 5 ст. 2.						
		Учебныя пособія, хозяйственные и др. расходы:						
		1) На содержаніе лабораторій, кабинетовъ и музеевъ.						
750	—	Физическаго кабинета	411	32	108	99	229	69
400	—	Ботаническаго	314	63	54	37	31	—
750	—	Физіологическаго	649	39	100	61	—	—
900	—	Анатомическаго института	708	26	191	74	—	—
900	—	Химическаго кабинета съ лабораторіей . . .	900	—	—	—	—	—
500	—	Фармацевтическаго	272	18	—	—	227	82
400	—	Гистологическаго	370	15	29	85	—	—
400	—	Минералогическаго	171	—	—	—	229	—
800	—	Ботаническаго сада съ оранжереей	727	19	—	—	72	81
900	—	Зоологическаго кабинета съ музеемъ	784	63	115	37	—	—
800	—	Патолого-анатомическаго кабинета.	529	10	160	90	110	—
750	—	Кабинета и музея общей патологіи	749	50	—	—	—	50
600	—	Фармакологическаго кабинета съ лабораторіею.	513	44	22	46	64	10
750	—	Гигіеническаго кабинета съ лабораторіею . .	750	—	—	—	—	—
400	—	Кабинета судебной медицины	400	—	—	—	—	—
600	—	Кабинета терапевтической факультет. клиники съ лабораторіею діагностики	600	—	—	—	—	—
500	—	Кабинета хирургической факульт. клиники .	428	60	71	40	—	—
450	—	» оперативной хирургіи съ топографической анатоміей	111	50	250	05	88	45
400	—	» акушерской и гинекологич. клиники.	330	89	69	11	—	—
300	—	» офтальмологической клиники . . .	136	33	—	—	163	67
250	—	» дѣтской клиники	207	20	42	80	—	—
400	—	» душевныхъ и нервныхъ болѣзней. .	396	71	3	29	—	—
300	—	» частной патологіи и терапіи . . .	233	35	66	65	—	—
200	—	» сифилитическихъ и накожн. болѣзней.	63	50	19	58	116	92
13100	—		10758	87	1307	17	1333	96
		2. Библіотека.						
800	—	Переплетъ книгъ	634	23				
500	—	Пересылка	500	—				
600	—	Наемъ писцовъ и канцелярскія принадлежности.	730	—				
		На выписку книгъ и журналовъ:			1948	15		
485	75	Общаго научнаго содержанія.	105	10			731	69
2400	—	По спеціальностямъ	136	58				
4785	75		2105	91	1948	15	731	69
		3) Содержаніе госпитальныхъ клиникъ.						
600	—	Хирургической	387	29	173	45	39	26
300	—	Терапевтической	200	45	75	68	23	87
300	—	Дерматологической	69	—	231	—	—	—
1200	—		656	74	480	13	63	13

Смѣтное назначеніе.		Исполненіе смѣты 1893 года въ теченіи смѣтнаго періода.	Въ 1893 г. израсходовано.		По счетамъ 1893 г. израсходовано въ льготный срокъ.		Внесено въ кредитный списокъ и поступило въ казну.	
руб.	к.		руб.	к.	руб.	к.	руб.	к.
		4) Содержаніе факультетской клиники.						
5000	—	На содержаніе больныхъ	3174	59	1200	47	119	33
4500	—	» прислугу	5080	79				
3000	—	» аптеку	2924	82				
200	—	» освѣщеніе	200	—				
12700	—		11380	20	1200	47	119	33
		5) Содержаніе университетской церкви.						
150	—	Вознагражденіе настоятелю церкви	150	—	—	—	—	—
360	—	Жалованье діакону	360	—	—	—	—	—
150	—	» псаломщику за 10 мѣсяцевъ . . .	150	—	—	—	—	—
340	—	Регенту и пѣвчимъ	340	—	—	—	—	—
1000	—		1000	—	—	—	—	—
		6) На содержаніе и леченіе студентовъ						
300	—	въ теченіи каникулярнаго времени	47	50	—	—	252	50
		7) Содержаніе канцеляріи правленія.						
2580	—	Жалованіе служащимъ	2588	98	527	94	28	13
450	—	На канцелярскіе матеріалы и проч.	197	10				
284	—	Печатаніе извлеченій изъ отчета и проч. . .	26	20				
70	—	На мебель	—	—				
46	—	Журналы и газеты	61	65				
3430	—		2873	93	527	94	28	13
		8) Содержаніе канц. инспектора студентовъ.						
960	—	Жалованье педелямъ	959	—	209	51	—	—
300	—	» писцу	305	—				
340	—	Канцелярскіе матеріалы и проч.	126	49				
1600	—		1390	49	209	51	—	—
		9) Изданіе ученыхъ трудовъ.						
800	—	На печатаніе каталога библіотеки.	237	95	—	—	562	05
2200	—	» Трудовъ и «Извѣстій» университета.	2200	—	—	—		
3000	—		2437	95	—	—	562	05
		10) Содержаніе университетскихъ зданій.						
10000	—	Отопленіе	9395	60	604	40	—	—
157	20	Освѣщеніе	153	14	4	06	—	—
10860	—	Содержаніе нижнихъ служителей	10508	07	351	93	—	—
200	—	Содержаніе лошадей	68	95	353	11	114	69
485	20	Газовый заводъ (реторты и содерж.) . . .	441	97				
56	15	Разные расходы по водокачкѣ	12	52				
82	—	Замазка оконъ на зимнее время	37	20				
35	—	Очистка снѣга	5	—				
65	—	Набивка погребовъ льдомъ	65	—				
36	—	Заводъ часовъ	30	—				
200	—	Обмундированіе служителей	180	92				
85	—	Абонементъ телефона	85	—				
160	—	Очистка выгребныхъ ямъ и пр. мелочн. расх.	2	85				
1848	45	Ремонтъ зданій	1855	59				
24270	—		22841	81	1313	50	114	69
65785	75	По смѣтѣ. По § 5 ст. 2 . .	55493	40	6986	87	3205	48

Смѣтное назначеніе.		Исполненіе смѣты 1893 года въ теченіи смѣтнаго періода.		В 1893 г. израсходовано.		По счетамъ 1893 г. израсходовано въ льготный срокъ.		Внесено въ кредитный списокъ и поступило въ казну.	
руб.	к.			руб.	к.	руб.	к.	руб.	к.
		§ 5 ст. 3.							
6000	—	Стипендіи и пособія студентамъ		5660	—	—	—	340	—
		§ 18 ст. 1.							
3347	27	Добавочное жалованье за службу въ привилегированныхъ мѣстностяхъ.		2530	59	—	—	816	68
		§ 3 ст. 4.							
2336	83	Прогоны и путевыя издержки опредѣляемымъ и перемѣщаемымъ лицамъ.		2336	83	—	—	—	—
209920	85	Всего въ 1893 г.	Израсходовано	186980	56	7016	87	—	—
			Остатокъ къ 15 март. 1894 г.	—	—	—	—	14405	48
			Поступило въ доходъ казны.	—	—	—	—	1517	94

Остатокъ по ст. 1 § 5 на 1 января 1894 г. былъ 11591 р. 26 коп., къ нему поступило на вознагражденіе членовъ медицинскаго экзаменаціоннаго комитета и секретаря 1350 р., итого 12941 руб. 26 коп., изъ коихъ въ теченіи льготнаго срока выписано въ расходъ: въ пенсіонный и инвалидный капиталы съ должности 2-го помощника инспектора студентовъ 30 р. и выданы по принадлежности помянутые 1350 р. итого 1380 р.; изъ остающихся такимъ образомъ 11561 руб. 26 к. перечислено во 2 ст. 11200 р., а остатокъ на 15 марта въ суммѣ 361 руб. 26 коп. имѣетъ быть зачисленъ въ доходъ казны.

Остатка отъ 2 ст. § 5 на 1 января 1894 года состояло 10192 руб. 35 коп.; изъ нихъ израсходовано по 15 марта 1894 года 6986 р. 87 к., а къ оставшимся 3205 руб. 48 коп. перечислено изъ 1 ст. 11200 руб. итого 14405 руб. 48 коп., на которые заявлены кредиторы казны.

По § 5 ст. 3 остатокъ на 1 января 1894 г. въ суммѣ 340 руб. долженъ поступить въ доходъ казны.

и остатокъ по § 18 ст. 1 въ суммѣ 816 р. 68 коп. также долженъ поступить въ доходъ казны.

II. **Университетъ имѣлъ, кромѣ того, въ отчетномъ году слѣдующія суммы:**

а) по кредиторскому списку смѣты 1890 г. состояло на 1 января 1893 г.	—	—	83 22
Изъ нихъ израсходовано по 15 марта 1893 года .	—	—	80 82
Остатокъ 2 р. 36 к. поступилъ въ доходъ казны.			
б) По кредиторскому списку смѣты 1891 г. состояло на 1 января 1893 г.	—	—	19562 39

Изъ нихъ израсходовано въ 1893 г. 17864 10
Остатокъ на 1 января 1894 г. въ суммѣ 1698 руб. 29 коп. поступилъ въ доходъ казны.
в) По кредиторскому списку смѣты 1892 г. состояло на 1 января 1893 г. 21568 15
Изъ нихъ израсходовано въ 1893 году 15937 77
Остается для расхода въ 1894 году состоящіе на 1 января 1894 г. 5630 38
и г) По § 13 ст. 1 смѣты 1892 г. на устройство прачешной и дезинфекціонной камеры при клиникахъ университета состояло на 1 января 1893 г. 3422 10
Которыя и израсходованы въ 1893 г. полностью.

III. Спеціальныя средства университета.

Сборъ за слушаніе лекцій въ пользу университета.

Оставалось въ 1 января 1893 г.	8456 45	
Поступило отъ студентовъ въ 1893 г.	14850 —	
» » % съ цѣнныхъ бумагъ	228 —	
Возвращено студентами ссудъ	104 25	
» аванса инсп. студ. Еленева.	50 —	
» И. д. бухг. казн. Константинова . . .	34 93	
Разность отъ пріобрѣтенія цѣнныхъ бумагъ на 1000 р., за которыя заплачено 965 руб. 06 коп.	34 94	
		23758 57

Изъ нихъ израсходовано:

На стипендіи и содержаніе студентовъ въ д. общежитія.	276 —
На жалованье причту клинической церкви	420 —
» » сверхштатному лаборанту	783 96
» » студент. за исполн. разн. обязан. при кабинет. и лаборатор.	800 —
Добавочное жалованье хранителю физическаго кабинета	123 01
Пособія: должностнымъ лицамъ	200 —
» служителямъ	38 10
» аптекарскимъ ученикамъ.	60 —
» ссуды студентамъ	127 25
Квартирныя діакону университетской церкви . . .	22 67
Разныхъ расходовъ по клинической церкви. . . .	3 50
» » » клиникамъ.	269 15
Книги и газеты для общежитія	39 81
» » » библіотеки	197 20
На оркестров. инструм., ноты и другія музык. принадл.	330 —

Расходъ на отправл. душевно-больныхъ студентовъ: (Каринскаго и Боннера)	320 —	
На дезинфекціонныя средства для университета	10 74	
За снятіе видовъ университета	308 —	
За медали за работы на темы, предложенныя факультетомъ	552 48	
Разн. расх. по устройству гигіеническаго корпуса.	423 76	
Служебныя телеграммы	95 51	
Городской налогъ	324 24	
Объявленіе въ газет. о пріем. студент.	90 45	
Добавочный расходъ по электрич. освѣщенію	17 81	
Похороны умершихъ студентовъ	76 20	
На содержаніе кабинета каѳедры общей химіи.	400 —	
» жалованье пѣвчимъ университетской церкви	33 33	
Расходъ по акту 22 октября	91 75	
2-хъ % вычеты въ пользу ученаго комитета.	268 —	
Доставка рамы для портрета Государя Наслѣдника Цесаревича	42 08	
Въ пенсіонный капиталъ за должность лаборанта.	18 48	
Священнику университетской церкви за исполненіе церковныхъ требъ	150 —	
		6913 48
За тѣмъ къ 1 января 1894 г. состоитъ остаткомъ сбора за лекціи		16845 09
% бумагами	6000 —	
Наличными деньгами	10845 09	

Сборъ за слушаніе лекцій въ пользу профессоровъ.

Оставалось на 1 января 1893 г.	9 —	
Поступило отъ студентовъ въ 1893 г.	13022 25	
		13031 25

которые и выданы профессорамъ полностью.

Плата за пользованіе больныхъ въ клиникахъ.

Состояло остаткомъ на 1 января 1893 года.	1792 63	
Поступило въ 1893 году	3506 40	
		5299 03
Изъ нихъ израсходовано:		
На мебель	301 —	
» посуду, туфли и проч.	235 05	
» пособія разнымъ лицамъ	72 91	
» малярныя работы	673 02	
» сколачиваніе половъ	100 —	

На разный ремонтъ и мелкіе расходы	1380 96	
» освѣщеніе	1300 —	
» квартирныя деньги фельдшерамъ	206 80	
» замазку оконъ и вставку стеколъ	126 —	
» канцелярскія расходы по конторѣ	30 45	
» газеты и журналы	35 25	
» вентиляторы	16 60	
» установленіе ваннъ и водопровод. раб.	15 —	
		4493 04
Затѣмъ на 1 января 1894 года состоитъ		805 99

Сборъ съ лицъ, подвергающихся испытанію на званіе аптекарскаго помощника и провизора.

Состояло на 1 января 1893 г.	5 —	
Поступило въ 1893 г.	15 —	
		20 —
Состоитъ на 1 января 1894 года		20 —

IV. Капиталъ пожертвованный потомств. почетн. гражданиномъ Александромъ Михайловичемъ Сибиряковымъ на устройство и обзаведеніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій.

Состояло къ 1 января 1893 г.		106221 48
Въ томъ числѣ:		
а) Въ спеціальныхъ средствахъ:		
Оставалось къ 1 янв. 1893 г. на неоткрытые факультеты.	66271 27	
На медицинскій факультетъ оставшіеся отъ раздѣла процентовъ	3872 20	
	70143 47	
Наросло %	3052 34	
Возвращено 5% налога	371 50	
Разность отъ пріобрѣтенныхъ цѣнныхъ бумагъ на 1400 р., за которыя заплач. 1332 р. 42 к.	66 58	
	3490 42	
		73633 89
Изъ нихъ перечислено въ депозиты:		
На обзаведеніе кабинета душевныхъ и нервныхъ бол.	3500 —	
На пріобрѣтеніе микроскопа и апохромата для гистологическаго кабинета.	186 —	
Дополнительное ассигнованіе на обзаведеніе кабинета судебной медицины	186 —	
		3872 —
Затѣмъ на 1 января 1894 г. состоитъ Сибиряковскаго капитала въ спеціальныхъ средствахъ.		69761 89

б) Въ депозитахъ:

На 1 января 1893 г. состояло	37078 01	
Наросло %	1339 50	
Перечислено изъ спеціальныхъ средствъ на кабинетъ душевн. и нервн. болѣзней, гистологич. и судебн. медиц.	3872 —	
Возвращено проф. Кащенко оставшихся отъ аванса выданн. ему въ 1892 г.	207 87	
		42497 38
Изъ нихъ израсходовано въ 1893 году:		
На обзаведеніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій .	7866 30	
Убытка отъ обмѣна цѣнныхъ бумагъ на наличныя деньги.	153 82	
		8020 12
Затѣмъ къ 1 января 1894 г. состоитъ остаткомъ въ депозитахъ		34477 26

А всего остатка Сибиряковскаго капитала въ спеціальныхъ средствахъ.

На неоткрытые факультеты	69761 89	
Въ депозитахъ.		
На медицинскій факультетъ	34477 26	
		104239 15
% бумагами въ спеціальн. средствахъ.	68500 —	
Наличными деньгами	1261 89	
% бумагами въ депозитѣ.	34400 —	
Наличными деньгами	77 26	

Изъ 34477 р. 26 к. на медицинскій факул. состоитъ:

На физическій кабинетъ	968 08	
» ботаническій	550 —	
» гистологическій	86 —	
» анатомическій.	176 67	
» зоологическій	1779 12	+56 43 изъ спец. ср.
» физіологическій	223 34	
» частной патологіи и терапіи	283 28	
» патологической анатоміи	81 51	
» общей патологіи	3409 75	
» фармакологическій	1849 34	
» гигіенической.	1343 79	
» хирургическій патологіи	31 39	
» оперативной хирургіи	208 14	
» діагностическій	359 77	
» хирургической факульт. клиники.	244 92	
» судебной медицины	271 45	

На кабинетъ акушерско-гинекологической клиники .	988 65	
» терапевтической клиники	772 29	
» офталмологіи	2366 98	
» госпитально-хирургической клиники	911 72	
» дерматологической клиники	3156 47	
» дѣтской клиники.	1990 84	
» душевныхъ и нервныхъ болѣзней.	3161 27	
» каѳедру богословія	291 85	
» ботаническій садъ	351 11	
» библіотеку.	6906 63	
	32764 36	
	+ 56 43	
		32820 79
Накопившихся % по 1 января 1894 года.		1656 47
		34477 26

(Сумма 34477 руб. 26 коп. должна уменьшиться на 191 р. 68 к. по случаю обмѣна цѣнныхъ бумагъ 4600 р. на наличныя деньги).

V. **Капиталы пожертв. частными лицами и обществами на учрежденіе стипендій.**

Къ 1 января 1893 г. состояло	271393 52	
Вновь поступило:		
Капиталъ Кяхтинскаго купечества.	16067 02	
» И. Н. Некрасова	12000 —	
	299460 54	
Наросло въ 1893 г. %	11938 72	
Возвращено 5% налога въ капиталъ Соломонова. .	331 —	
Разность отъ пріобрѣтенія цѣнныхъ бумагъ на 700 р. за которыя заплачено 666 руб. 72 коп.	33 28	
		311763 54
Израсходовано въ 1893 г. на стипендіи студентамъ.		6497 25

Остатокъ отъ неизрасходованныхъ % присоединенъ къ капиталамъ, которыхъ на 1 января 1894 г. состоитъ:

1) Имени графа Игнатьева	25992 56
2) Тайнаго совѣтника Е. В. Богдановича	9488 02
3) Пожертвованный З. М. Цибульскимъ на 2 стип. имени въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра II и 1 стипендію царствующаго Государя Императора Александра III.	22716 44
4) Пожертвованный имъ же Цибульскимъ на стипендіи своего имени	7648 27

5) Имени Тюменскаго купца И. П. Воинова . . .	6573 89	
6) » коммерц. совѣтн. А. К. Транезникова . .	14539 52	
7) » М. А. Зензинова.	5701 79	
8) » Братьевъ Зензиновыхъ	5698 79	
9) » отставн. фельдшера П. В. Васильева . .	2349 81	
10) » дѣйств. статск. сов. М. А. Гилярова . .	1636 34	
11) Пожертв. Тобольскимъ гор. общ. на стип. имени въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра II .	5339 80	
12) Пожертв. разными лицами, прожив. въ Томской губерніи на стипендію того же Высочайшаго наименованія	4758 15	
13) Пожертв. потомств. почетн. гражд. И. М. Сибиряковымъ на стипендію имени А. М. Кладищевой . . .	6250 10	
14) Имени Кяхтинскаго купца А. Л. Соломонова . .	52406 46	
15) » генерала отъ инфант. Г. А. Колпаковскаго	3029 75	
16) » потомств. почетн. гражд. А. П. Портновой	64612 05	
17) » потомств. почетн. гражд. Л. П. Кузнецова на стипендіи на естеств. факультетѣ.	38153 53	
18) Имени торгующаго чрезъ Кяхту купечества . .	16371 02	
19) » И. Н. Некрасова	12000 —	
Остатокъ на 1 января 1894 г.		305266 29
% бумагами . . . . . 296400 —		
Наличными деньгами 8866 29		

VI. **Неприкосновенные капиталы, % съ которыхъ назначаются на пособіе и взносы за недостаточныхъ студентовъ и содержаніе ихъ въ домѣ общежитія:**

Къ 1 января 1893 г. имѣлось	19351 58	
Поступило %.	802 13	
» 10% отчисленій	25 05	
Возвращено студентами ссудъ	46 25	
		20225 01
Изъ нихъ выдано въ 1893 году:		
Пособій студентамъ	144 75	
Ссудъ студентамъ.	49 75	
Перечислено въ депозиты на пособія и взносы. . .	272 52	
		467 02
На 1 января 1894 г. состоитъ этихъ капиталовъ:		
1) Имени Ермака, собранный въ Москвѣ въ память присоединенія Сибири.	7040 22	
2) Тобольскаго городскаго общества	3314 99	
3) Красноярскаго	1011 88	
4) Семипалатинскаго.	1047 75	
5) Семирѣченской области	1535 62	

6) Имени А. И. Дерова.		1071 25	
7) » доктора Н. А. Бѣлоголоваго		500 —	
8) » дворянина И. К. Платонова		511 87	
9) Пожертв. профессорами Томскаго университета .		2500 —	
10) 10% отчисленій со сборовъ отъ спектаклей, концертовъ и вечеровъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ		1224 41	
На 1 января 1894 г.			19757 99
% бумагами.	18100 —		
Наличными деньгами	1657 99		

VII. **Капиталъ, пожертвованный Томскимъ городскимъ обществомъ для выдачи ссудъ недостаточнымъ студентамъ для взноса платы за слушаніе лекцій 1000 р.,**

котораго на 1 января 1893 года состояло.	125 08	
Возвращено ссудъ студентами	155 70	
		280 78
Вновь въ 1893 г. выдано ссудъ студентамъ		146 50
Остатокъ на 1 января 1894 года въ наличныхъ деньгахъ.		134 28

VIII. **Капиталъ С. І. Залѣскаго на усиленіе средствъ химической лабораторіи.**

Къ 1 января 1893 г. состояло	110 20	
Поступило %.	3 80	
		114 —

Расхода не было.

На 1 января 1894 г. состоитъ		114 —
% бумагами	100 —	
Наличными деньгами	14 —	

IX. **Капиталъ, пожертвованный надв. совѣтн. И. С. Костомеревскимъ въ 1 билетѣ 1-го внутр. съ выигрышами займа.**

На 1 января 1893 г.	127 37	
Поступило %.	4 74	
		132 11
На 1 января 1894 г. состоитъ		132 11
% бумагами	125 —	
Наличными деньгами	7 11	

X. **Капиталъ дома общежитія студентовъ, составленный изъ вырученныхъ отъ продажи изданія Бантышъ-Каменскаго.**

На 1 января 1893 состояло	5
Состоитъ на 1 января 1894 г.	5 —

Изъ нихъ выдано въ 1893 г.

Пособій студентамъ	721 75	
Ссудъ студентамъ	945 —	
На путевые расходы студентамъ въ Тобольскую губ. для борьбы съ холерою	900 —	
10 % отчисленія	25 05	
Разные расходы	5 —	
		2596 80
Остатокъ на 1 января 1894 года		403 11

XV. Единовременныя пособія и стипендіи отъ разныхъ учрежденій именнаго назначенія.

Состояло на 1 января 1893 года	424 25	
Къ нимъ поступило въ 1893 г.	7079 21	
		7503 46
Изъ нихъ выдано въ 1893 году		6861 87
Осталось на 1 января 1894 года		641 59

XVI. Переходящія суммы.

На 1 января 1893 г. состояло	76 80	
Къ нимъ поступило	1766 28	
		1843 08
Изъ нихъ выдано по принадлежности		1680 61
Осталось на 1 января 1894 г.		162 47

XVII. Ремонтныя суммы.

Состояло на 1 января 1893 г.	51 —	
Поступило за проданную газовую смолу	10 —	
		61 —
На 1 января 1894 г. состоитъ		61 —

XVIII. Церковныя суммы:

Состояло на 1 января 1893 г. . . . . 25 —
которые въ 1893 г. израсходованы полностью.

XIX. Поступило отъ г. Дягилева на обзаведеніе физической лабораторіи 163 71
которые и израсходованы полностью.

XX. Поступило отъ окончившихъ полный курсъ медицинскаго факультета, за производство испытанія въ государственной коммиссіи на степень лекаря . . . . . 620 —
Изъ нихъ израсходовано . . . . . 36 —
Осталось на 1 января 1894 года . . . . . 584 —

XI. Капиталъ, завѣщанный потомств. почетн. гражд. Л. П. Кузнецовымъ, на выдачу премій.

Къ 1 января 1893 г. состояло	17599 59	
Поступило %.	806 54	
Разность отъ пріобрѣтенія цѣнныхъ бумагъ на 400 р., за которыя заплачено 380 р. 98 к.	19 02	
		18425 15

ДЕПОЗИТЫ ПРАВЛЕНІЯ УНИВЕРСИТЕТА.

XII. Капиталъ, пожертвованный А. Е. Кухтеринымъ на пріобрѣтеніе платиновой посуды и др. нужды химической лабораторіи въ 1000 руб.

На 1 января 1893 г. состояло	221 44
которые и израсходованы полностію въ 1893 году.	

XIII. Капиталъ по содержанію дома студенческаго общежитія.

На 1 января 1893 г. состояло	387 44	
Поступило отъ студентовъ	7868 40	
% съ разныхъ капиталовъ.	272 52	
Разныхъ поступленій.	136 —	
		8664 36
Израсходовано въ 1893 г.		
На столовое довольствіе студ.	3494 98	
» прислугу	1108 66	
» освѣщеніе	727 60	
» пріобрѣтеніе разныхъ хозяйственныхъ предметовъ.	80 06	
» мебель и поправку мебели.	93 65	
» матрацы	144 20	
» стирку бѣлья.	230 40	
» ремонтъ и вставка стеколъ	537 10	
» разные расходы	482 83	
		6899 48
Остатокъ на 1 января 1894 года		1764 88
(Остатки на 1 января 1893 г. и 1 января 1894 г. показаны безъ платежей, произвед. въ январѣ 93—94 гг. за счетъ декабря мѣсяца 1892—1893 г.)		

XIV. Суммы, пожертвованныя и собранныя съ благотворительною цѣлію и отчисленія % съ капитала на пособія и взносы за недостаточныхъ студентовъ.

Къ 1 января 1893 года состояло	570 19	
Поступило въ 1893 г.	2429 72	
		2999 91

XXI. Кромѣ того въ депозитахъ состояло изъ перечисленныхъ спеціальныхъ средствъ университета и клиники:

а) На достройку гигіеническаго корпуса состояло на 1 января 1893 года (изъ 3400 руб.)			259 64
которые и израсходованы въ 1893 году полностію.			
б) На устройство метеорологической станціи (изъ 150 руб.) оставалось на 1 января 1893 года			48 —
которые и израсходованы въ 1893 г. полностію.			
в) Перечислено въ 1893 г. на обзаведеніе 2-й каведры химіи			400 —
которые и израсходованы въ 1893 году полностію.			
г) На устройство оркестровыхъ классовъ пожервованныхъ г. Кокоулинымъ	500 —		
Перечислено изъ спеціальныхъ средствъ . . .	330 —		
		830 —	
Изъ нихъ израсходовано въ 1893 г.			340 20
Осталось на 1 января 1894 года			489 80
д) На ремонтъ и мелкіе расходы по клиникамъ (изъ сбора съ платныхъ кроватей въ клиникѣ).			940 73
Изъ нихъ израсходовано			915 73
На 1 января 1894 года состоитъ			25 —

Къ 1 января 1894 года состояло:

Штатныхъ суммъ: смѣты 1893 г.	22940 29		
» » » 1892 г.	5630 38		
Всѣхъ спеціальныхъ средствъ и неприкосновенныхъ капиталовъ университета.	426859 47		
Въ депозитахъ.	34009 11		
		489439 25	

Въ томъ числѣ:

% бумагами	441625 —	
Наличными деньгами	47814 25	
		489439 25

ДОБАВЛЕНІЕ.

Въ минувшемъ году окончена постройка и завершается внутренняя отдѣлка особаго двухъэтажнаго зданія, предназначеннаго для гигіеническаго института и кафедры фармакологіи, съ аудиторіей, лабораторіями, кабинетами и гигіеническимъ музеемъ.— Въ теченіе настоящаго года на устройство гигіеническаго корпуса употреблено 6183 р. 24 копѣйки.

На устройство зданія для постановки электрической машины и пароваго двигателя: 4446 р. 45 к.

На достройку и ремонтъ университетской клиники 3218 р. 62 к.

Новый каменный полъ и ремонтъ анатомическаго института 708 р. 53 к.

Ремонтъ дома общежитія студентовъ 1089 р.

Устройство каменныхъ тротуаровъ отъ клиники до главныхъ университетскихъ воротъ 1446 р.

Ремонтъ квартиръ служащихъ и водокачки 832 р. 41 к.

Всего въ теченіе лѣта 1893 года произведено ремонтныхъ работъ на сумму 16,481 р. 95 к.

ЖУРНАЛЫ

ЗАСѢДАНІЙ

Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Томскаго Университета

за вторую половину 1893 года.

ЖУРНАЛЪ ЗАСѢДАНІЯ

Совѣта Императорскаго Томскаго Университета.

19-го Августа 1893 года.

№ 9-й.

Присутствовали: Предсѣдатель, Ректоръ **А. И. Судаковъ.**
Члены: Проф. Богословія **Д. Н. Бѣликовъ,** ординарные профессоры: **С. І. Залѣскій, Э. А. Леманъ, Н. Ѳ. Кащенко, А. П. Коркуновъ, А. В. Репревъ, Я. А. Анфимовъ, Ф. А. Ерофѣевъ,** и **И. Н. Грамматикати.**
Экстра-ординарные профессоры: **А. С. Догель, А. М. Зайцевъ, Ф. Я. Капустинъ, Н. А. Роговичъ, М. Г. Курловъ, М. Ф. Поповъ, Е. С. Образцовъ, Л. Л. Бартеневъ** и **В. В. Сапожниковъ.**
Секретарь факультета (деканъ) орд. проф. **Н. М. Маліевъ.**
Отсутствовали: нахождящіеся въ отпускѣ профессоры: **Э. Г. Салищевъ, П. В. Буржинскій, И. С. Поповскій, И. И. Судакевичъ** и проф. **В. К. Великій**—въ заграничной командировкѣ.

---

1. Прочитано и почтительно выслушано слѣдующее предложеніе г. Попечителя Учебнаго Округа отъ 27 іюля за № 1849:

Завѣдывающій дѣлами Августѣйшихъ дѣтей Ихъ Императорскихъ Величествъ генералъ-лейтенантъ Васильковскій сообщилъ Его Сіятельству г. Министру Народнаго Просвѣщенія, что Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, по докладу имъ, генералъ-лейтенантомъ Васильковскимъ, адреса Совѣта Томскаго Университета по поводу пожалованнаго Его Высочествомъ этому Университету портрета Его Высочества на память о посѣщеніи Имъ сего учебнаго заведенія, милостиво соизволилъ повелѣть: передать Совѣту Томскаго Университета благодарность Его Императорскаго Высочества за выраженныя Совѣтомъ въ его адресѣ вѣрноподданническія чувства и пожеланія.

Исполняя симъ волю Государя Наслѣдника Цесаревича, Его Сіятельство, въ предложеніи отъ 4 сего іюля за № 12202 проситъ меня не оставить объявить о вышеизложенномъ Совѣту Томскаго Университета.

Объ этомъ имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство для свѣдѣнія и надлежащаго исполненія.

2. Доложены слѣдующія предложенія Попечителя Учебнаго Округа на имя ректора:

а) отъ 21 іюля за № 1817:

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. Министра Народнаго Просвѣщенія, въ 24-й день минувшаго іюня Высочайше соизво-

лилъ на назначеніе кандидата естественныхъ наукъ Вернера исправляющимъ должность экстра-ординарнаго профессора Томскаго университета по каѳедрѣ химіи.

О таковомъ Высочайшемъ повелѣніи, сообщенномъ мнѣ въ предложеніи г. Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 30 іюня сего года за № 11964, имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство для надлежащаго свѣдѣнія и зависящихъ распоряженій.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

б) отъ 1 іюля за № 1289:

Возвращая при семъ, по миновании надобности, представленный Вашимъ Превосходительствомъ отъ 29 минувшаго мая за № 1732 журналъ Совѣта Императорскаго Томскаго Университета отъ 22 апрѣля сего года за № 6, имѣю честь присовокупить, что выписки ст. ст. 7 и 8 сего журнала мною вмѣстѣ съ симъ представлены Его Сіятельству г. Министру Народнаго Просвѣщенія.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

в) отъ 2 іюля за № 1306;

Вслѣдствіе представленія предмѣстника Вашего Превосходительства отъ 10 ноября 1892 г. за № 2896, имѣю честь увѣдомить, что Его Сіятельство г. Министръ Народнаго Просвѣщенія не нашелъ возможнымъ допустить какихъ либо измѣненій въ постановленіяхъ дѣйствующаго университетскаго устава о правахъ на приватъ-доцентуру лицъ, имѣющихъ ученую степень доктора, и вопросъ о назначеніи такимъ лицамъ пробныхъ лекцій изволилъ разрѣшить, на точномъ основаніи университетскаго устава, отрицательно.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію и руководству.

г) отъ 14 іюля за № 1740:

Циркуляромъ отъ 6 октября 1866 года за № 7762 Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, между прочимъ, предложило начальникамъ губерній, областей и отдѣльныхъ мѣстностей Имперіи, чтобы общества, на учрежденіе коихъ дано разрѣшеніе съ утвержденіемъ правилъ для руководства ихъ, всякій разъ извѣщали мѣстное начальство о днѣ, часѣ и мѣстѣ предполагаемыхъ собраній обществъ, съ означеніемъ предметовъ, подлежащихъ обсужденію.

Между тѣмъ изъ дѣлъ Министерства Народнаго Просвѣщенія усматривается, что существующія при учебныхъ заведеніяхъ общества весьма часто уклоняются отъ исполненія такого требованія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и не доносятъ мѣстному гражданскому начальству ни о предстоящихъ засѣданіяхъ своихъ, ни о предметахъ, предположенныхъ къ обсужденію въ этихъ засѣданіяхъ.

Нынѣ за Министра Народнаго просвѣщенія, г. Товарищъ Министра, признавая необходимымъ поставить на видъ всѣмъ обществамъ, существующимъ при учебныхъ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, неуклонное руководство вышеприведеннымъ требованіемъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, въ предложеніи отъ 9 іюня сего года за № 10656, проситъ меня сдѣлать по сему надлежащія распоряженія въ предѣлахъ ввѣреннаго мнѣ учебнаго округа.

Объ изложенномъ имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство для руководства и непремѣннаго исполненія на будущее время вышеупомянутаго циркуляра Министерства Внутреннихъ дѣлъ отъ 6 октября 1866 года за № 7762.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію и исполненію.

д) отъ 13 августа за № 1983:

Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, по соглашенію съ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, представило на Высочайшее утвержденіе черезъ Государственный Совѣтъ проектъ устава лѣчебныхъ заведеній вѣдомства Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, причемъ включило въ этотъ проектъ ст. 39 слѣдующаго содержанія: «Въ больницы допускаются для практическихъ занятій студенты медицинскихъ факультетовъ университетовъ и лица, обучающіяся въ иныхъ медицинскихъ учебныхъ заведеніяхъ, съ тѣмъ, чтобы занятія эти велись подъ руководствомъ преподавателей и не имѣли послѣдствіемъ стѣсненія больныхъ. Подробныя правила о допущеніи въ больницы учащихся для занятій опредѣляются Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, по соглашенію съ Министромъ Народнаго Просвѣщенія или съ главнымъ начальствомъ сихъ заведеній, по принадлежности».

Государственный Совѣтъ, въ общемъ собраніи, соглашаясь вообще съ заключеніемъ соединенныхъ департаментовъ, остановился лишь на статьѣ 39 проекта устава лѣчебныхъ заведеній. По силѣ сей статьи, въ больницы допускаются, для практическихъ занятій, студенты медицинскихъ факультетовъ университетовъ и лица, обучающіяся въ иныхъ медицинскихъ заведеніяхъ, съ тѣмъ, чтобы подробныя по сему предмету правила опредѣлялись Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, по соглашенію съ Министромъ Народнаго Просвѣщенія или съ главнымъ начальствомъ учебныхъ заведеній, по принадлежности.

Обсудивъ приведенное постановленіе, Государственный Совѣтъ нашелъ, что имъ затрогиваются весьма существенные интересы лѣчебнаго дѣла и медицинской науки. Нельзя, конечно, отрицать, что допущеніе постороннихъ лицъ къ занятіямъ въ больницы можетъ быть сопряжено въ иныхъ случаяхъ съ нѣкоторыми неудобствами для призрѣваемыхъ въ лѣчебныхъ заве-

деніяхъ и для администраціи послѣднихъ. Съ другой стороны, надлежитъ имѣть въ виду, что наши университеты, за исключеніемъ Московскаго, не имѣютъ собственныхъ госпитальныхъ клиникъ и что устройство при нихъ клиническихъ госпиталей связано съ такими затратами, которыя должны быть признаны непосильными для казны, по крайней мѣрѣ въ настоящее время. По этому закрытіе доступа въ общія больницы для занятій лицамъ, обучающимся медицинѣ, лишало бы университеты возможности давать симъ лицамъ практическія свѣдѣнія, входящія въ курсъ медицинскаго факультета. Слѣдуетъ лишь поставить подобныя занятія въ такія условія, при которыхъ нужды медицинскаго образованія удовлетворялись бы безъ ущерба для успѣшнаго хода больничнаго призрѣнія.

Въ дѣйствительности, однако, условія эти у насъ донынѣ не регламентированы закономъ, а вырабатываются практикою, на основаніи мѣстныхъ распоряженій и соглашенія подлежащихъ вѣдомствъ. Пробѣлъ сей не восполняется и проектомъ, предоставляющимъ изданіе правилъ о практическихъ занятіяхъ въ лѣчебныхъ заведеніяхъ тому же соглашенію административныхъ вѣдомствъ. Между тѣмъ настоящій вопросъ, по важности своей, несомнѣнно требуетъ законодательныхъ опредѣленій.

Въ виду изложеннаго и за отсутствіемъ въ дѣлѣ необходимыхъ данныхъ для правильнаго рѣшенія означеннаго вопроса, Государственный Совѣтъ призналъ наиболѣе цѣлесообразнымъ, исключивъ изъ проекта статью 39, сохранить, до времени, существующій, порядокъ клиническихъ занятій въ общихъ больницахъ, съ тѣмъ, чтобы Министръ Народнаго Просвѣщенія, по соглашенію съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ и другими подлежащими вѣдомствами, разработалъ и внесъ на уваженіе законодательной власти, особо отъ настоящаго дѣла, проектъ правилъ о порядкѣ веденія учебныхъ занятій въ упомянутыхъ больницахъ.

Вслѣдствіе сего, Государственный Совѣтъ, въ общемъ собраніи, постановилъ мнѣніе, удостоенное Высочайшаго Его Императорскаго Величества утвержденія.

Во исполненіе сего Высочайшаго повелѣнія, г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, выработавъ проектъ правилъ и препроводивъ таковой ко мнѣ, въ предложеніи отъ 20 минувшаго іюля за № 13263, проситъ меня предложить медицинскому факультету ввѣреннаго мнѣ университета разсмотрѣть оный и нанести на самомъ проектѣ тѣ измѣненія, какія факультетъ найдетъ нужнымъ сдѣлать; объясненіе же къ этимъ измѣненіямъ изложить особо.

Сообщая объ изложенномъ и препровождая при семъ означенный проектъ правилъ, въ числѣ двухъ экземпляровъ, имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство предложить таковой на разсмотрѣніе Совѣта Императорскаго Томскаго Университета и, по надлежащемъ и точномъ испол-

неніи приведенныхъ распоряженій г. Министра, возвратить мнѣ для представленія по принадлежности.

Постановлено: просить гг. клиницистовъ представить въ Совѣтъ свои соображенія о возможно цѣлесообразномъ устройствѣ клиническихъ отдѣленій въ посторонніхъ университету больницахъ, не позднѣе 15 сентября текущаго года.

3. Прибывшій въ Томскъ, вновь назначенный на каѳедру ботаники, профессоръ В. В. Сапожниковъ представилъ въ Совѣтъ обозрѣніе преподаванія ботаники на оба семестра наступающаго 1893—94 учебнаго года.

По обсужденіи этого обозрѣнія преподаванія, постановлено: представленное профессоромъ Сапожниковымъ обозрѣніе преподаванія ботаники на оба семестра наступающаго 1893—94 учебнаго года одобрить и представить, согласно пункту 12 § 30 университетскаго устава, на утвержденіе г. Министра Народнаго Просвѣщенія.

4. Секретарь доложилъ о поступившихъ изданіяхъ въ библіотеку университета:

1) Отъ Кавказской Шелководственной станціи, въ г. Тифлисѣ, III и IV томы «Трудовъ» и съ просьбой о высылкѣ «Извѣстій» университета.

2) Отъ Императорской Академіи Наукъ—бюллетень №№ 1 и 2, 1893 г.

3) Отъ Императорскаго Московскаго Общества любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи—послѣдніе выпуски.

4) Отчетъ о дѣятельности Импер. Археолог. Ком. за 1889, 1890 г. и матеріалъ по археологіи Россіи № 10, 11.

5) Обзоръ дѣятельности земствъ по народному продовольствію. Томы I и II.

Отъ хозяйственнаго департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ:

6) Отчетъ о дѣятельности библіотеки за 1889 г. отъ Директора Императорской публичной библіотеки.

7) Отъ Императорскаго Юрьевскаго университета Академическія сочиненія съ 30 апрѣля 1892 г.

8) Bulletin № 1 des naturalistes de Moscou.

Отъ Императорскаго Московскаго Общества Испытателей природы.

9) Кишечные свищи и ихъ леченіе Мих. Черняховскаго. Докторская диссертація.

10) Вл. Роттертъ О геліотропизмѣ. Докторская диссертація.

11) Варлихъ Вольдемаръ. Клѣтки у грибовъ и ниточныхъ водорослей. Магистерская диссертація.

№ 9, 10 и 11 отъ ректора Кіевскаго Университета.

12) Брауштейнъ. Къ ученію объ иннерваціи движенія зрачка.

13) Тратенбергъ. О нѣкоторыхъ общихъ вопросахъ центральной нервной системы.

14) Воскресенскій В. Синовіальныя влагалища кисти руки.

15) Гутниковъ. Матеріалы къ ученію о химическомъ составѣ головнаго мозга человѣка.

16) Пенскій П. Опыты пересадки (реплантаціи и трансплантаціи) суставныхъ поверхностей эпифизовъ.

17) Поповъ М. О нейроглiи и ея распространеніи въ области продолговатаго мозга у взрослаго человѣка.

№№ 12—17 Отъ ректора Императорскаго Харьковскаго университета.

18) Геологическая карта Россіи, составленная Геологическимъ комитетомъ.

Отъ Горнаго Департамента.

19) Никольскій Н. О литературныхъ трудахъ Митрополита Климента Смолятича, писателя XII вѣка. Диссертація. 1892 г. С. Петербургъ.

Отъ Совѣта С. Петербургской Духовной Академіи.

20) Диссертаціи: Стефановскаго, Иванова, Неболюбова, Тепляшина, Внукова, Иловайскаго и Фабриціуса. Отъ ректора Императорскаго Казанскаго университета.

21) Диссертаціи: Глаголева и Васильева. Отъ ректора Московской Духовной Академіи, что въ Сергіевомъ посадѣ.

Императорская С. Петербургская Академія наукъ, препроводивъ программу конкурса для работы: „О природѣ рыбнаго яда и о средствахъ противъ него“, проситъ довести о томъ до свѣдѣнія Медицинскаго факультета Томскаго университета.

Постановлено: означенную программу препроводить циркулярно ко всѣмъ членамъ Совѣта.

6. Доложено слѣдующее отношеніе Казанской Духовной Академіи:

Совѣтъ Казанской Духовной Академіи считаетъ своимъ долгомъ изъявить Совѣту Императорскаго Томскаго Университета свою глубокую и искреннюю благодарность за его сердечное участіе въ празднованіи Казанскою Академіею своего пятидесятилѣтняго юбилея, выразившееся въ присылкѣ ей глубоко-благожелательнаго адреса. При семъ Совѣтъ Академіи честь имѣетъ препроводить для библіотеки Императорскаго Томскаго Университета книгу «Пятидесятилѣтній юбилей Казанской Духовной Академіи 21 сентября 1892 г.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

7. Профессоръ фармаціи Э. А. Леманъ вошелъ съ ходатайствомъ объ избраніи и. д. провизора университетской клинической аптеки г. Штромберга на должность штатнаго провизора университетской аптеки.

Постановлено: баллотировать г. Штромберга на должность провизора при клинической аптекѣ Императорскаго Томскаго Университета, въ ближайшемъ засѣданіи Совѣта.

8. Департаментъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, по разряду общихъ дѣлъ, по приказанію Его Сіятельства г. Министра, препроводилъ на имя ректора Императорскаго Томскаго университета 5 экземпляровъ объявленій (на итальянскомъ языкѣ) профессора Брунетти о сдѣланномъ имъ анатомическомъ открытіи.

Постановлено: разослать сказанное объявленіе гг. профессорамъ Императорскаго Томскаго Университета.

9. Начальникъ Военно-Медицинской Академіи, препроводивъ копію съ письма главнаго секретаря XI международнаго медицинскаго конгресса, съ приложеніемъ 15 печатныхъ бланокъ приглашеній на конгрессъ медиковъ студентовъ всѣхъ университетовъ, проситъ сдѣлать по этому дѣлу зависящее распоряженіе.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

10. Редакторъ польскаго медицинскаго журнала Обозрѣніе хирургіи «Przelad Chirurgiczny» докторъ Краевскій, прислявъ первую книгу издаваемаго имъ журнала, предлагаетъ Совѣту вступить во взаимный обмѣнъ изданія на диссертаціи изъ области наружной медицины: хирургіи, офтальмологіи, отіятріи, ларингологіи, акушерства, гинекологіи, сифилидологіи и дерматологіи.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

11. Допущена къ испытанію въ коммиссіи изъ профессоровъ Грамматикати и Коркунова, подъ предсѣдательствомъ декана, для полученія званія повивальной бабки, какъ видно изъ метрическаго свидѣтельства, дочь именующаго себя маріинскимъ мѣщаниномъ изъ ссыльныхъ Василія Виноградова, дѣвица Афанасія Виноградова, 19 лѣтъ, окончившая курсъ въ Томской повивальной школѣ.

12. Предсѣдательствующій заявилъ, что согласно постановленію Совѣта, 8 февраля 1893 года (Журналъ № 2, § 7), относительно изысканія средствъ для уплаты за выписанный профессоромъ Образцовымъ атласъ Гербы, Правленіе нашло возможнымъ уплатить за означенный атласъ изъ имѣющихся въ его распоряженіи средствъ 300 руб.,—недостающую-же для полной оплаты сумму около 200 руб. предложилъ принять на себя представителямъ тѣхъ спеціальностей, которыя наиболѣе заинтересованы въ пріобрѣтеніи означен-

наго атласа, и съ этою цѣлію отчислить недостающую сумму изъ штатныхъ библіотечныхъ средствъ другихъ кабинетовъ.

Постановлено: Доставить къ ближайшему засѣданію Совѣта справку о количествѣ свободныхъ библіотечныхъ суммъ, остающихся для выписки книгъ и журналовъ въ распоряженіи отдѣльныхъ каѳедръ.

Подписано Предсѣдателемъ и членами Совѣта.

ЖУРНАЛЪ ЗАСѢДАНІЯ

Совѣта Императорскаго Томскаго Университета.

4-го Сентября 1893 года.

№ 10-й.

Присутствовали: Предсѣдатель Ректоръ, ординарный профессоръ **А. И. Судаковъ.**

Члены: ординарные профессоры: **С. І. Залѣскій, Э. А. Леманъ, Н. Ф. Кащенко, Э. Г. Салищевъ, А. П. Коркуновъ, А. В. Репревъ, Я. А. Анфимовъ, Ф. А. Ерофѣевъ.**

Экстра-ординарные профессоры: **Ѳ. Я. Капустинъ, М. Г. Курловъ, М. Ѳ. Поповъ, Е. С. Образцовъ, Л. Л. Бартеневъ, В. В. Сапожниковъ, Е. В. Вернеръ.**

Секретарь факультета (деканъ) орд. проф. **Н. М. Маліевъ.**

Отсутствовали: профессоры: **Д. Н. Бѣликовъ**—по церковно-служебнымъ обязанностямъ, **В. Н. Великій**—по нахожденію въ заграничной командировкѣ, **И. И. Судакевичъ, И. С. Поповскій,** и **П. В. Буржинскій**—по нахожденію въ отпуску, **А. М. Зайцевъ**—по болѣзни, **И. Н. Грамматикати, А. С. Догель** и **Н. А. Роговичъ**—не явились на засѣданіе, не извѣстивъ о причинахъ своего отсутствія.

---

1. Читанъ и утвержденъ журналъ предшествовавшаго засѣданія Совѣта 19 августа, № 9.

2. Доложены предложенія г. Попечителя Учебнаго Округа на имя Ректора.

а) Отъ 16-го августа № 20001:

„Ординарный профессоръ Императорскаго Томскаго университета Коркуновъ обратился въ министерство Народнаго Просвѣщенія съ прошеніемъ о переводѣ его на службу въ Кіевскій или Харьковскій университетъ.

Изъ имѣющихся въ Министерствѣ свѣдѣній усматривается, что молодые ученые, прельщаясь матеріальными выгодами, пріобрѣтаемыми при назначеніи на службу въ Томскій Университетъ и возможностію скораго полученія званія ординарнаго профессора, домогаются назначенія въ названный университетъ не съ цѣлію посвятить себя постоянной службѣ въ этомъ университетѣ, а въ видахъ только пріобрѣтенія ординатуры и перехода затѣмъ въ другое учебное заведеніе Европейской Россіи.

Вслѣдствіе сего г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, находя съ своей стороны такой взглядъ на службу въ Томскомъ Университетѣ неправильнымъ и весьма вреднымъ для успѣха преподаванія, въ предложеніи отъ 20

минувшаго іюля за № 13265, проситъ меня объявить г.г. профессорамъ Томскаго Университета, чтобы они смотрѣли на службу въ этомъ университетѣ, какъ на мѣсто постоянной службы, а не считали бы Томскій Университетъ мѣстомъ легкаго способа пріобрѣтенія званія ординарнаго профессора и переходною лишь ступенью для дальнѣйшей службы въ Европейской Россіи.

Сообщая объ этомъ, имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство объявить г.г. профессорамъ Императорскаго Томскаго университета изложенное распоряженіе г. Министра Народнаго Просвѣщенія въ одномъ изъ засѣданій Совѣта".

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

о) Отъ 24 августа № 2064.

„Изъ имѣющихся въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія свѣдѣній усматривается, что нѣкоторые изъ профессоровъ университетовъ пропускаютъ весьма значительное число лекцій, такъ напримѣръ, при общемъ числѣ 88 лекцій въ полугодіе пропущено 61 лекція или изъ 58 лекцій пропущено 44 и т. п.

Находя такое отношеніе нѣкоторыхъ г.г. профессоровъ къ дѣлу преподаванія крайне вреднымъ для успѣшнаго прохожденія курса, Его Сіятельство г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, въ предложеніи отъ 23 мая сего года за № 8171, проситъ меня обратить на это особенное вниманіе начальства университета и предложить на будущее время представлять въ Министерство точныя свѣдѣнія о числѣ пропущенныхъ въ каждомъ полугодіи лекцій; Министерство же съ своей стороны будетъ имѣть въ виду эти данныя при разсмотрѣніи ходатайствъ о командированіи и о награжденіи почетными наградами г.г. проффессоровъ и приватъ-доцентовъ университетовъ.

Объ этомъ имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство для свѣдѣнія и зависящихъ распоряженій".

По выслушаніи этого предложенія г. Ректоръ заявилъ, что, согласно словесному разъясненію г. Попечителя, г.г. профессора, неимѣющіе возможности почему-либо читать лекціи, обязаны присылать о томъ письменное увѣдомленіе инспекціи, для своевременнаго извѣщенія студентовъ,—вмѣстѣ съ тѣмъ такія записки будутъ служить для инспекціи точнымъ матеріаломъ при составленіи мѣсячныхъ вѣдомостей о числѣ пропущенныхъ лекцій отдѣльными преподавателями.

Профессоръ Залѣскій замѣтилъ, что указываемаго г. Ректоромъ порядка онъ всегда придерживался и до настоящаго времени.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію и исполненію.

3. Секретарь доложилъ о результатахъ повѣрочныхъ и повторительныхъ испытаній, происходившихъ, согласно постановленію факультета, 21 и 22 минувшаго августа мѣсяца.

Повторительному испытанію изъ одного предмета подвергались нижепоименованные студенты II, IV и VI семестровъ, получившіе при испытаніи слѣдующія отмѣтки:

Студенты VI семестра.

Изъ фармакологіи:		Изъ фармакологіи:	
Гавриловъ Алексѣй . . .	3	Сухановъ Владиміръ . . .	3
Кудржинскій Михаилъ . .	3	Фуксманъ Моисей	3
Рудневъ Алексѣй	3		

Студенты IV семестра.

Изъ анатоміи:		Изъ анатоміи:	
Агѣевъ Никита	4	Предтеченскій Василій . .	4
Афонинъ Михаилъ. . . .	3	Пурверъ Леонъ.	4—
Вановскій Иванъ	3	Соколовъ Сергѣй	3
Дмитріевскій Николай . .	3		

Изъ физіологіи:		Изъ физіологіи:	
Богоявленскій Александръ. .	3—	Горскій Степанъ	3
Вирсаладзе Спиридонъ . .	4+	Киркевичъ Федоръ. . . .	4—
Гадомскій Ромуальдъ . . .	3	Оржешко Владиславъ . . .	3
Гаприндашвили Аввакумъ .	4—	Якубовичъ Лука	4

IV семестра.

Изъ органич. химіи:	
Смирновъ Александръ	3

Студенты II семестра.

Изъ минералогіи:		Изъ минералогіи:	
Бурмакинъ Иннокентій . .	4	Гзеліевъ Семенъ	5
Востоковъ Михаилъ . . .	5		

Изъ неорганич. химіи:		Изъ физики:	
Плавтовъ Николай. . . .	4	Лучникъ Михаилъ. . . .	4

Постановлено: вышепоименованные студенты, какъ удовлетворяющіе требованіямъ §§ 4 и 19 правилъ о зачетѣ полугодій, признаны имѣющими зачтенными: Гавриловъ Алексѣй, Кудржинскій Михаилъ, Рудневъ Алексѣй, Сухановъ Владиміръ и Фуксманъ Моисей—шесть полугодій; Агѣевъ Никита, Афонинъ Михаилъ, Вановскій Иванъ, Дмитріевскій Николай, Предтеченскій Василій, Пурверъ Леонъ, Соколовъ Сергѣй, Богоявленскій Александръ, Вирсаладзе Спиридонъ, Гадомскій Ромуальдъ, Гаприндашвили Аввакумъ, Горскій Степанъ, Киркевичъ Федоръ, Оржешко Владиславъ, Яку-

бовичъ Лука и Смирновъ Александръ—четыре полугодія; Бурмакинъ Иннокентій, Востоковъ Михаилъ, Гзеліевъ Семенъ, Плавтовъ Николай и Лучникъ Михаилъ—два полугодія.

Не явившіеся къ испытанію студенты II семестра:

Образцовъ Петръ—изъ минералогіи.
Делекторскій Николай—изъ неорганич. химіи.
Марковъ Василій—изъ » »
Марковъ Павелъ—изъ » »
Онушкевичъ Даніилъ—изъ физики,

на основаніи § 16 правилъ о зачетѣ полугодій, какъ имѣющіе баллъ—два по одному изъ предметовъ, допускаются къ переэкзаменовкѣ изъ указанныхъ предметовъ, черезъ годъ, при испытаніи изъ второй части полукурсоваго испытанія; означенные студенты признаны имѣющими зачтенными два полугодія.

Не явившихся къ повторительному испытанію, студентовъ—IV семестра: Каморзина Капитона,—имѣющаго неудовлетворительную отмѣтку по физіологіи, по § 6 правилъ, Постановлено: уволить изъ числа студентовъ университета, по малоуспѣшности, какъ не выдержавшаго полукурсоваго испытанія въ теченіи шести полугодій. а студента Родіонова Николая, имѣющаго также неудовлетворительный балъ (два) изъ физіологіи, оставить на другой годъ въ томъ-же (второмъ) курсѣ.

Уволенъ изъ числа студентовъ университета студентъ VI семестра Каринскій Николай, по неизлечимой тяжкой душевной болѣзни.

Уволенный постановленіемъ факультета отъ 28 мая, по § 6 правилъ о зачетѣ полугодій, студентъ Добросцевъ Николай, не выдержавшій полукурсоваго испытанія въ теченіи шести полугодій, съ начала университетскаго курса, по распоряженію г. Министра Народнаго Просвѣщенія, принятъ вновь въ число студентовъ университета и допущенъ къ слушанію лекцій во второмъ курсѣ на третій годъ.

Точно также, распоряженіемъ г. Министра, оставленъ на третій годъ во второмъ курсѣ, не явившійся къ испытаніямъ по болѣзни, студентъ Кваша Андрей.

На первый курсъ изъ духовныхъ семинарій, послѣ повѣрочнаго испытанія, принято 62 человѣка; изъ гимназій по аттестату зрѣлости поступило 28,—итого съ оставшимися на второй годъ на первомъ курсѣ 95 человѣкъ.

Въ настоящее время всѣхъ студентовъ состоитъ въ университетѣ 375 человѣкъ.

На I курсѣ	95	человѣкъ
» II »	82	»
» III »	57	»
» IV »	71	»
» V »	68	»
Итого . .	375	студентовъ.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

4. Секретарь заявилъ, что вслѣдствіе совпаденія въ одни и тѣ-же часы нѣкоторыхъ лекцій, обязательныхъ для слушателей—фармацевтовъ втораго года, въ росписаніи лекцій и практическихъ занятій на текущее осеннее полугодіе необходимо сдѣлать слѣдующія измѣненія:

По вторникамъ:	фармакологія вмѣсто . .	12— 2	— 9—11	ч.
	частная патологія вмѣсто .	10—12	—11—12	»
	гигіена (вмѣсто суббот.) .	11—12	—12— 1	»
	патолог. анатомія вмѣсто .	9—10	-- 1— 2	»
По пятницамъ:	медицинская химія » .	9—10	— 8— 9	»
	зоологія вмѣсто	12— 2	— 9—11	»
	фармація »	10—11	—11—12	»
	анатомія »	11—12	—12— 1	»
По субботамъ:	частная патолог. (вм. вторн.)	10—11	—11—12	»
	ботаника вмѣсто	12— 1	— 2— 3	»

Практическія занятія: по гистологіи въ пятницу вмѣсто отъ 9—10 будутъ происходить отъ 12—1 ч.

По ботаникѣ въ субботу вмѣсто отъ 1—2 отъ 12—1 ч. (студ. I к.) и отъ 1—3 (студ. III сем.).

По зоологіи въ субботу вмѣсто отъ 1—3 отъ 1—2 ч.

Постановлено: означенное измѣненіе въ росписаніи лекцій утвердить.

5. Вслѣдствіе назначенія второго преподавателя по каѳедрѣ химіи, г. Ректоръ предложилъ Совѣту раздѣлить преподаваніе химіи и распредѣлить чтеніе различныхъ отраслей химіи между профессорами Вернеромъ и Залѣскимъ, причемъ пояснилъ, что, по его мнѣнію, наиболѣе правильнымъ и равномѣрнымъ по числу обязательныхъ часовъ преподаванія было бы такое раздѣленіе предметовъ, чтобы одному изъ г.г. преподавателей химіи поручить чтеніе неорганической и органической химіи, вмѣстѣ съ практическими упражненіями по аналитической химіи, а на другаго возложить преподаваніе обоихъ отдѣловъ медицинской химіи т. е. ея физіологической и патологической частей, также съ практическими упражненіями въ оба полугодія. При та-

комъ раздѣленіи предметовъ и тотъ и другой преподаватели химіи имѣлибы совершенно одинаково въ оба полугодія по 6 и 7 обязательныхъ часовъ занятій.

На вопросъ, обращенный предсѣдательствующимъ къ профессорамъ Вернеру и Залѣскому, что они съ своей стороны могли бы возразить противъ такого рода распредѣленія, первый изъ нихъ отвѣчалъ, что онъ предоставляетъ Совѣту рѣшить этотъ вопрсъ, съ своей же стороны онъ не предъявляетъ никакихъ желаній,—но что въ Министерствѣ ему было заявлено, что на него возлагается чтеніе общей химіи;—съ другой стороны профессоръ Залѣскій, на вопросъ предсѣдательствующаго, заявилъ, что онъ не желалъ-бы разставаться съ болѣе близкой ему медицинской химіей.

При голосованіи этого вопроса, единогласно постановлено: распредѣлить чтеніе лекцій и практическія занятія по химіи такимъ образомъ, что профессору Вернеру предоставить изложеніе неорганической и органической химіи, вмѣстѣ съ аналитической химіей, а на профессора Залѣскаго возложить преподаваніе медицинской химіи, согласно выработанному и утвержденному факультетомъ примѣрному учебному плану.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Совѣтъ единогласно постановилъ: предоставить въ распоряженіе профессора Вернера лабораторію для аналитической химіи и одну изъ трехъ, находящихся въ первомъ этажѣ и занимаемыхъ профессоромъ Залѣскимъ, комнатъ, подъ кабинетъ профессору Вернеру.

Профессоръ Залѣскій протестовалъ сначала противъ такой уступки принадлежавшаго ему помѣщенія, указывая, что въ остающейся части ему трудно будетъ вести со студентами практическія занятія по физіологической химіи,—но потомъ уступилъ единогласному рѣшенію Совѣта, послѣ осмотра сказаннаго помѣщенія Совѣтомъ in corpore; комнатой въ подвальномъ этажѣ, назначенной для изготовленія сѣроводорода, Совѣтъ постановилъ пользоваться обоимъ г.г. профессорамъ совмѣстно.

Что касается распредѣленія между обоими г.г. преподавателями принадлежащаго химическому кабинету имущества такимъ образомъ, чтобы г. профессоръ Вернеръ въ самомъ непродолжительномъ времени могъ приступить къ чтенію порученнаго ему курса химіи и веденію практическихъ занятій со студентами, то г. Ректоръ заявилъ, что при произведенномъ имъ, совмѣстно съ г.г. профессорами Залѣскимъ и Вернеромъ, осмотрѣ имущества химическаго кабинета профессоръ Залѣскій заявилъ, что изъ всего имущества онъ г. профессору Вернеру можетъ выдѣлить только весьма незначительное количество; въ особенности онъ не можетъ дать ему фарфоровыхъ чашекъ, каучуковыхъ пробокъ и трубокъ, стеклянныхъ трубокъ и другихъ первой необходимости принадлежностей химической лабораторіи за полнымъ почти ихъ неимѣніемъ. Точно также и опять таки за неимѣніемъ

онъ не можетъ дать полагающагося при аналитическихъ занятіяхъ на каждомъ отводимомъ работающему столѣ—набора аналитическихъ принадлежностей и самое главное—набора для количественнаго анализа—какъ-то: градуированныхъ цилиндровъ, бюретокъ, штативовъ для нихъ и проч. Наконецъ, относительно реактивовъ, которые могли бы быть выдѣлены г. профессору Вернеру, ректоръ заявилъ, что на основаніи произведеннаго осмотра лабораторіи, пока еще трудно судить, сколько можетъ быть выдѣлено г. профессору Вернеру этихъ реактивовъ, и потому для обсужденія этого вопроса придется произвести новый—болѣе тщательный осмотръ принадлежащихъ лабораторіи реактивовъ.

Въ общемъ выводѣ г. ректоръ замѣтилъ, что, по его мнѣнію, существующій химическій кабинетъ можетъ уступить г. Вернеру сравнительно незначительное количество различнаго рода имущества и что для организаціи преподаванія химіи г. Вернеру придется, получивъ изъ химической лабораторіи извѣстное количество потребнаго для занятій имущества, затѣмъ кое-что пріобрѣсти въ аптекарскихъ магазинахъ г. Томска и, можетъ быть, за нѣкоторыми аппаратами и матеріалами придется обратиться къ другимъ г.г. профессорамъ съ тѣмъ, что-бы они временно, до болѣе правильнаго обзаведенія 2-й каѳедры по химіи учебно-вспомогательными принадлежностями, ссудили г. Вернера находящимися въ ихъ распоряженіи реагентами и аппаратами,—на что нѣкоторые изъ членовъ совѣта и изъявили свое согласіе.

Въ виду всего вышеизложеннаго Совѣтъ постановилъ: на обзаведеніе 2-й химической каѳедры и лабораторіи посудой и реагентами Совѣтъ полагаетъ необходимымъ ассигновать:

1) изъ процентовъ съ Сибиряковскаго капитала, отчисленнаго на неоткрытые факультеты, 7000 руб.

2) на текущіе мелочные расходы по кабинету, на настоящее полугодіе, изъ спеціальныхъ средствъ университета, до распредѣленія штатныхъ суммъ, 400 руб.; кромѣ того

3) библіотечную сумму, отпускавшуюся на каѳедру химіи (180 р.), Совѣтъ признавалъ бы цѣлесообразнымъ раздѣлить по ровну (по 90 р.) между обѣими каѳедрами химіи.

Объ утвержденіи этого постановленія ходатайствовать предъ г. Попечителемъ Западно-Сибирскаго Учебнаго Округа.

6) Профессоръ Анфимовъ заявилъ Совѣту, что на предстоящемъ 22 октября годичномъ университетскомъ актѣ онъ прочтетъ рѣчь, подъ заглавіемъ: «Сознаніе и личность при душевныхъ болѣзняхъ».

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

7. Лекарь Боровковъ вошелъ въ Совѣтъ съ прошеніемъ о допущеніи его къ экзамену на степень доктора медицины.

Постановлено: допустить.

8. Профессоръ Коркуновъ внесъ предложеніе, что-бы практическіе экзамены на степень доктора медицины происходили всегда въ коммиссіи.

Постановлено: внесенное профессоромъ Коркуновымъ предложеніе обсудить въ слѣдующемъ засѣданіи Совѣта.

9. Согласно постановленію Совѣта, сдѣланному въ предшествовавшемъ засѣданіи, въ настоящемъ засѣданіи произведена была баллотировка г. Штромберга на должность штатнаго провизора клинической университетской аптеки.

По баллотировкѣ оказалось, что г. Штромбергъ получилъ 10 избирательныхъ и 6 неизбирательныхъ шаровъ.

Постановлено: объ утвержденіи г. Штромберга въ должности штатнаго провизора при университетской аптекѣ ходатайствовать предъ г. Попечителемъ Западно-Сибирскаго Учебнаго Округа.

10. Допущены къ испытанію: дѣвица Зинаида Соловьева, дочь мѣщанина города Уржума, Вятской губерніи, 19 лѣтъ, окончившая курсъ въ Томской повивальной школѣ. Свидѣтельство отъ 28 мая, № 1849.

— Руфина Елескина, дочь инородца, Кузнецкаго округа, Томской губерніи, 22 лѣтъ, представившая свидѣтельство объ окончаніи Томской повивальной школы, отъ 28 мая 1893 г., № 1863,—объ для полученія званія повивальной бабки.

11. Въ библіотеку университета поступили отъ профессора А. Зайцева: а) Геологическія изслѣдованія вдоль линіи Сибирской желѣзной дороги, въ области рѣкъ Яи и Кіи (предварительный отчетъ). 1893 г.; б) О мѣсторожденіяхъ золота въ нѣкоторыхъ заводскихъ округахъ Средняго Урала. 1893 г.

12. Профессоръ Коркуновъ просилъ Совѣтъ уволить его отъ исполненія обязанностей депутата при производствѣ испытанія повивальнымъ бабкамъ.

Постановлено: просить профессора Бартенева присутствовать въ коммиссіи, въ качествѣ депутата, при производствѣ испытаній для полученія званія повивальной бабки.

13. Прочитано и утверждено представленное профессоромъ Курловымъ съ нѣкоторыми измѣненіями противъ прежней редакціи обозрѣніе преподаванія терапевтической госпитальной клиники на оба семестра текущаго учебн. года.

Постановлено: означенное обозрѣніе преподаванія, въ замѣнъ прежде представленнаго профессоромъ Курловымъ, препроводить г. Попечителю Учебнаго Округа для представленія въ Министерство.

Подписано Предсѣдателемъ и членами Совѣта.

ЖУРНАЛЪ ЗАСѢДАНІЯ

Совѣта Императорскаго Томскаго Университета.

2-го Октября 1893 года.

№ 11-й.

Присутствовали: Предсѣдатель, ректоръ Университета орд. проф. **А. И. Судаковъ.**

Члены: Ординарные профессоры: **С. І. Залѣскій, В. Н. Великій, Э. А. Леманъ, Н. Ф. Кащенко, Э. Г. Салищевъ, А П. Коркуновъ, А. В. Репревъ и И. Н. Грамматикати.**

Экстра-ординарные профессоры: **А. М. Зайцевъ, Ф. Я. Капустинъ, М. Г. Курловъ, М. Ф. Поповъ, Е. С. Образцовъ, И. С. Поповскій, Л Л. Бартеневъ, В. В. Сапожниковъ и Е. В. Вернеръ.**

Секретарь факультета (деканъ) ордин. проф. **Н. М. Малѣевъ.**

Отсутствовали: **Д. Н. Бѣликовъ,** по церковно-служебнымъ обязанностямъ. **П. В. Буржинскій, А. С. Догель, Я. А. Анфимовъ** по болѣзни,—**Ф. А. Ерофѣевъ, Н. А. Роговичъ и И. И. Судакевичъ** не явились на засѣданіе, не извѣстивъ о причинахъ своего отсутствія.

---

1. Читанъ и утвержденъ журналъ предшествовавшаго засѣданія Совѣта 4-го сентября № 10.

2. Доложены слѣдующія предложенія г. Попечителя Учебнаго Округа на имя ректора университета:

а) отъ 16 сентября за № 2198:

«По случаю собирающагося въ Римѣ въ апрѣлѣ будущаго года международнаго медицинскаго конгресса, тамъ будетъ устроена международная медицинская и гигіеническая выставка, на которую итальянское правительство проситъ прислать старинные предметы по медицинѣ, хирургіи и гигіенѣ; въ коллекцію могутъ входить различные инструменты, аппараты, статуи, вазы, барельефы, медали, монеты, гравюры, картины, эстампы, рукописи и т. д.; съ вещей, которыя не удобны для перевозки, по причинѣ большихъ размѣровъ и особенной ломкости или по дорогой цѣнѣ, могутъ быть присланы гипсовые или фотографическіе снимки. Помѣщенія и витрины для этого спеціальнаго отдѣла будутъ предоставлены комитетомъ выставки безплатно. Выставляемыя вещи должны быть доставлены на имя профессора Pagliani, Ministero dell' Interno, Roma. За болѣе подробными свѣдѣніями можно обращаться къ доктору Sambon, Palazzo delle Belle Arti, Roma.

Объ изложенномъ, вслѣдствіе предложенія Его Сіятельства г. Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 26 минувшаго августа № 15285, имѣю честь

увѣдомить Ваше Превосходительство, для сообщенія медицинскому факультету Императорскаго Томскаго университета, на случай, не пожелаетъ ли означенный факультетъ или кто либо изъ профессоровъ онаго принять участіе въ упомянутой выставкѣ».

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

б) отъ 27 сентября за № 2278:

«Вслѣдствіе представленія Вашего Превосходительства отъ 25 сентября за № 2948 имѣю честь сообщить, что я утверждаю постановленіе Совѣта по ст. 5 журнала засѣданія бывшаго 4 сентября сего года по вопросу о распредѣленіи преподаванія общей и медицинской химіи и о раздѣленіи имущества этой каѳедры между представителями ея, профессорами Залѣскимъ и Вернеромъ. Но при этомъ я нахожу необходимымъ сдѣлать слѣдующія замѣчанія:

1) Для практическихъ занятій со студентами по аналитической химіи и для лабораторныхъ занятій профессора общей химіи, связанныхъ съ преподаваніемъ этой послѣдней, по моему мнѣнію, недостаточно одной, отведенной профессору Вернеру, лабораторной комнаты. Для сказанной цѣли необходимо предать въ вѣдѣніе профессора Вернера еще одну комнату, въ два окна, по другую сторону корридора, въ томъ же подвальномъ этажѣ. При такомъ, болѣе равномѣрномъ и цѣлесообразнымъ раздѣленіи помѣщеній химической лабораторіи, у профессора Залѣскаго для потребностей медицинской химіи останется въ подвальномъ этажѣ двѣ—большихъ угловыхъ комнаты и третья матеріальная, отдѣленная отъ корридора, а для общей химіи—двѣ комнаты въ помѣщеніяхъ подвальнаго этажа, раздѣленныя корридоромъ. Сѣроводородная комната можетъ быть общая для того и другаго отдѣленія каѳедры, согласно постановленію Совѣта.

2) Что касается до раздѣленія химическаго имущества, бывшаго до сего времени въ завѣдываніи профессора Залѣскаго, то я затрудняюсь понять заявленіе послѣдняго, изложенное въ журналѣ Совѣта, будто бы профессоръ Залѣскій не можетъ удѣлить лабораторіи общей химіи ни фарфоровыхъ чашекъ, каучуковыхъ пробокъ и трубокъ, ни другихъ первой необходимости принадлежностей химической лабораторіи, за полнымъ ихъ неимѣніемъ. Равнымъ образомъ изъ журнала Совѣта я вижу, что у профессора Залѣскаго не имѣется въ лабораторіи наборовъ посуды, необходимыхъ для аналитическихъ занятій работающихъ студентовъ, набора для количественнаго анализа, какъ то: градуированныхъ цилиндровъ, бюретокъ, штативовъ для нихъ и проч. Затрудняясь уяснить себѣ по тексту журнала Совѣта, какъ понимать заявленіе профессора Залѣскаго о неимѣніи въ его лабораторіи необходимѣйшихъ принадлежностей для преподаванія общей хи-

міи и для практическихъ занятій студентовъ по аналитической химіи, другими словами,—не понимая, какимъ способомъ могло быть ведено преподаваніе химіи въ предшествовавшіе годы, если въ лабораторіи не имѣется необходимыхъ приборовъ и матеріаловъ, я покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство нынѣ же обревизовать, черезъ Правленіе, лабораторное имущество профессора Залѣскаго и о послѣдующемъ мнѣ донести. Безотлагательное уясненіе этого вопроса необходимо не только для своевременнаго открытія профессоромъ Вернеромъ курсовъ по общей химіи, но и въ виду того обстоятельства, что Правленіемъ университета затрачена на снабженіе химической лабораторіи весьма значительная денежная сумма, свыше 15 т. рублей, слѣдовательно, трудно допустить, чтобы лабораторія не имѣла въ наличности необходимѣйшихъ приборовъ, посуды и матеріала для преподаванія химіи. Я не могу допустить такого предположенія уже по тому самому, что въ случаѣ неприбытія втораго преподавателя химіи, профессоръ Залѣсскій долженъ былъ имѣть въ виду какъ чтеніе курса неорганической и органической химіи, такъ и практическія занятія студентовъ по аналитической химіи, слѣдовательно у него должны быть въ наличности и лабораторныя средства для этого, т. е. приборы, посуда и матеріалы, которые въ настоящее время и должны быть немедленно переданы въ вѣдѣніе профессора Вернера.

3) Въ виду вышеизложеннаго, я затрудняюсь, до выясненія имущественнаго вопроса, утвердить постановленіе Совѣта объ ассигнованіи на вторую каѳедру химіи 7000 рублей изъ %-въ Сибиряковскаго капитала, отчисленнаго на неоткрытые факультеты. Не отклоняя вполнѣ этого ассигнованія, если бы оно оказалось необходимымъ, я нахожу возможнымъ имѣть его въ виду только послѣ окончательнаго раздѣленія имущества химической лабораторіи, и въ томъ размѣрѣ, въ какомъ ассигнованіе дополнительныхъ средствъ окажется нужнымъ.

4) Ассигнованіе 400 руб. изъ спеціальныхъ средствъ университета на расходы по кабинету второй каѳедры химіи на текущее полугодіе при неимѣніи на этотъ предметъ въ настоящемъ смѣтномъ періодѣ свободныхъ штатныхъ суммъ, я утверждаю, равно какъ и раздѣленіе штатной библіотечной суммы поровну (по 90 р.) между обѣими каѳедрами химіи.

Наконецъ, считаю не излишнимъ напомнить Совѣту, что для полной организаціи преподаванія по второй каѳедрѣ химіи необходимо нынѣ же возбудить вопросъ объ изысканіи средствъ на содержаніе сверхштатнаго лаборанта для профессора Вернера и объ отчисленіи на эту каѳедру съ 1 января 1894 года соотвѣтствующей штатной суммы изъ 13400 руб., отпускаемыхъ университету на учебно-вспомогательныя установленія».

Профессоръ Залѣсскій, по прочтеніи настоящаго предложенія, просилъ Совѣтъ дать ему копію заслушаннаго предложенія для представленія разъясненій съ его стороны.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію и исполненію.

в.) отъ 30 сентября за № 2292:

«Въ виду появленія въ послѣдніе два года многочисленныхъ брошюръ объ «эфедрѣ» (Ephedra vulgaris), средствѣ знахаря Кузьмича, а также рекламъ и объявленій о немъ въ газетахъ, Медицинскій Совѣтъ, съ цѣлью лучшаго выясненія терапевтическаго дѣйствія означеннаго средства, призналъ нужнымъ имѣть въ виду отзывы медицинскихъ факультетовъ университетовъ о томъ, насколько терапевтическое дѣйствіе «эфедры» соотвѣтствуетъ его огромному распространенію.

Сообщая объ изложенномъ Вашему Превосходительству, вслѣдствіе распоряженія г. Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 7 сего сентября за № 15912, имѣю честь покорнѣйше просить Васъ, Милостивый Государь, предложить Совѣту Томскаго Университета доставить въ Медицинскій Департаментъ отзывъ по сему предмету и о послѣдующемъ мнѣ донести».

Постановлено: просить представителя по каѳедрѣ фармакалогіи профессора П. В. Буржинскаго представить Совѣту отзывъ о терапевтическомъ дѣйствіи на организмъ человѣка и животныхъ Ephedra vulgaris, для представленія его съ заключеніемъ Совѣта въ Министерство, согласно предложенію послѣдняго.

3. Секретарь доложилъ, что на предложенныя факультетомъ темы для соисканія медалей доставлены три письменныхъ работы:—одна по судебной медицинѣ—подъ девизомъ: «Слово серебро, а молчаніе золото»—«О причинахъ внезапной смерти отъ измѣненій въ сердцѣ»; вторая по гистологіи —подъ девизомъ; «Исторія произведеній тѣсно связана съ судьбою человѣка» —«О строеніи слюнныхъ железъ» и третья по гигіенѣ—безъ девиза—подъ заглавіемъ: «Химико-бактеріологическій составъ воды, употребляемой въ Томскѣ для питья».

Постановлено: Для разсмотрѣнія означенныхъ работъ образовать коммиссіи каждая изъ трехъ лицъ; въ составъ коммиссіи входятъ представители соотвѣтствующихъ спеціальностей и два члена; въ составъ коммиссій вошли—для разбора первой работы—профессора Поповъ, Судакевичъ (14 голосовъ) и Репревъ (8 голосовъ); для рецензіи второй работы коммиссія составлена изъ профессоровъ: Догеля, Великаго (14 голосовъ) и Судакевича (9 голосовъ), и для разсмотрѣнія работы по гигіенѣ избрана коммиссія изъ профессоровъ: Судакова, Лемана (12 голосовъ) и Курлова (8 голосовъ); просить коммиссію представить отзывъ о работахъ къ ближайшему засѣданію Совѣта; къ тому же ближайшему засѣданію Совѣта постановлено:

просить гг. членовъ Совѣта представить новыя темы для соисканія медалей въ 1893—1894 учебномъ году.

4). Выписка изъ постановленія Совѣта, единогласно утвержденнаго летучимъ протоколомъ, отъ 16 сентября.

«Студ. IV сем. Каморзинъ Капитонъ, получившій въ маѣ мѣсяцѣ неудовлетворительную отмѣтку изъ физіологіи и не явившійся къ повторительному испытанію изъ этого предмета 21 августа, постановленіемъ Совѣта (засѣданіе 4-го сентября т. г.), уволенъ изъ числа студентовъ Императорскаго Томскаго университета, какъ не сдавшій полукурсоваго испытанія въ продолженіи шести полугодій.

Въ настоящее время отудентъ Каморзинъ явился изъ отпуска и представилъ уважительныя причины своей неявки къ испытанію (болѣзнь и роды жены.)

Доводя до свѣдѣнія гг. членовъ Совѣта, имѣю честь покорнѣйше просить выразить на прилагаемомъ листѣ свое согласіе или несогласіе на допущеніе бывшаго студента Каморзина къ повторительному испытанію изъ физіологіи, въ коммиссіи подъ предсѣдательствомъ декана, изъ профессоровъ Репрева, Анфимова и Попова».

Вслѣдствіе утвердительнаго постановленія Совѣта, при произведенномъ повторительномъ испытаніи изъ физіологіи студентъ Каморзинъ получилъ отмѣтку—3.

Совѣтъ руководствуясь § 18 «Правилъ и зачетѣ полугодій»

постановилъ: студента Каморзина, какъ удовлетворительно выдержавшаго полукурсовое испытаніе въ полномъ его объемѣ, признать имѣющимъ зачтенныхъ четыре полугодія и зачислить въ число студентовъ третьяго курса.

5) Представленное профессоромъ Салищевымъ обозрѣніе преподаванія по госпитальной хирургической клиникѣ на 1893—1894 учебный годъ, въ замѣнъ прежде доставленнаго, по его разсмотрѣніи и одобреніи

постановлено: препроводить черезъ г. Попечителя въ Министерство Народнаго Просвѣщенія,—точно также

постановлено: препреводить въ Министерство обозрѣніе преподаванія по медицинской химіи, представленное професоромъ Залѣсскимъ.

6). Секретарь доложилъ, что допущенная къ испытанію для полученія званія повивальной бабки, окончившая курсъ въ Томской повивальной школѣ дѣвица, Афанасія Виноградова означенное испытаніе окончила удовлетворительно.

Постановленно: утвердить Виноградову въ званіи повивальной бабки, въ удостовѣреніе чего и выдать ей установленное закономъ свидѣтельство.

7). Для обезпеченія преподаванія по второй каѳедрѣ химіи г. ректоръ предложилъ Совѣту заняться разсмотрѣніемъ вопроса объ учрежденіи при Томскомъ Университетѣ новой должности сверхштатнаго лаборанта, и указалъ, что для вознагражденія по означенной должности на первые два года Совѣтъ могъ бы ходатайствовать о разрѣшеніи воспользоваться остатками отъ содержанія личнаго состава, которыхъ въ настоящемъ 1893 году предвидится около 8000 руб. *).

На предложеніе г. ректора, профессоръ Вернеръ заявилъ, что на должность сверхштатнаго лаборанта нельзя разсчитывать найти соотвѣтствующаго кандидата и что потому онъ проситъ Совѣтъ ходатайствовать объ учрежденіи при второй каѳедрѣ химіи новой *штатной* должности лаборанта.

Профессоръ Маліевъ, возражая профессору Вернеру, заявилъ что въ виду недавняго отказа со стороны Министерства относительно открытія новой штатной должности лаборанта при каѳедрѣ діагностики, а также въ виду отказа объ учрежденіи должности втораго помощника библіотекаря, онъ не предвидитъ успѣха въ новомъ ходатайствѣ въ томъ же направленіи, и потому предлагаетъ возбудить ходатайство передъ Министерствомъ объ учрежденіи новой должности сверхштатнаго лаборанта при каѳедрѣ химіи, съ содержаніемъ изъ остатковъ отъ личнаго состава или изъ спеціальныхъ средствъ университета.

Совѣтъ при голосованіи этого вопроса большинствомъ 17 голосовъ противъ 2 (профессоровъ Судакова и Маліева)

постановилъ: ходатайствовать черезъ г. Попечителя Учебнаго Округа объ учрежденіи при Томскомъ Университетѣ новой штатной должности лаборанта для пріуроченія ея ко второй каѳедрѣ химіи.

8). Отложены до слѣдующаго засѣданія, до полученія затребованныхъ справокъ, рѣшенія по вопросу о производствѣ практическаго испытанія на степень доктора медицины и относительно пользованія для занятій со студентами лѣчебными заведеніями, не принадлежащими къ университету.

Подписано Предсѣдателемъ и членами Совѣта.

*) По послѣднимъ свѣдѣніямъ, сообщеннымъ г. ректоромъ въ засѣданіи 19 окт., размѣръ остатковъ отъ содержанія личнаго состава за 1893 г. предвидится къ 1 января 1894 г. до 11000 руб. Н. Маліевъ.

ЖУРНАЛЪ ЗАСѢДАНІЯ

Совѣта Императорскаго Томскаго Университета.

19-го октября 1893 года.

№ 12-й.

Присутствовали: Предсѣдатель ректоръ—орд проф. **А. И. Судаковъ.**

Члены: Орд. проф. **С. І. Залѣскій, В. Н. Великій, Э. А. Леманъ, Н. Ф. Кащенко, Э. Г. Салищевъ, А. П. Коркуновъ, А. В. Репревъ, Ѳ. А. Ерофѣевъ, И. Н. Грамматикати, Я. А. Анфимовъ.**

Экстр. орд. проф. **А. С. Догель, А. М. Зайцевъ, Ф. Я. Капустинъ, Н. А. Роговичъ, М. Г. Курловъ, М. Ѳ. Поповъ, П. В. Буржинскій, Е. С. Образцовъ, И. С. Поповскій, Л. Л. Бартеневъ и В. В. Сапожниковъ.**

Секретарь факультета орд. проф. **Н. М. Маліевъ.**

Отсутствовали: проф. богословія **Д. Н. Бѣликовъ,** экстра-орд. проф.: **И. И. Судакевичъ и Е. В. Верверъ.**

---

1). Читанъ и утвержденъ журналъ предшествовавшаго засѣданія Совѣта отъ 5 октября за № 11.

2). Предсѣдательствующій доложилъ телеграмму, полученную отъ и. д. ректора Императорскаго Московскаго университета на запросъ, сдѣланный имъ, согласно постановленію Совѣта, производится ли въ Московскомъ университетѣ при испытаніи на степень доктора медицины экзаменъ по клиникѣ дѣтскихъ болѣзней, по клиникѣ нервныхъ болѣзней и дерматологической клиникѣ, слѣдующаго содержанія: «изъ спеціальныхъ клиникъ практическаго испытанія на степень доктора не производится».

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

3). Доложены предложенія г. Попечителя Западно-Сибирскаго учебнаго округа на имя г. Ректора университета:

а) отъ 4 октября за № 2305.

«Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія въ предложеніи отъ 12 минувшаго сентября за №16152 сообщилъ мнѣ, что въ имѣющую быть въ ноябрѣ мѣсяцѣ сего года при Императорскомъ Томскомъ Университетѣ медицинскую коммиссію предсѣдателемъ оной его Сіятельство назначаетъ меня, а членами Васъ и ординарныхъ профессоровъ университета Маліева, Великаго, Анфимова и Ерофѣева.

Сообщая объ этомъ Вашему Превосходительству, имѣю честь покорнѣйше просить пригласить г. г. членовъ коммиссіи въ среду, 6-го сего октября въ 7 часовъ вечера въ залѣ Совѣта для обсужденія распредѣленія экзаменаціонныхъ дней».

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

б) отъ 6 октября за № 2332:

«Его Сіятельство г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, утвердивъ представленное мною обозрѣніе преподаванія въ Императорскомъ Томскомъ Университетѣ на $189^3/_4$ учебный годъ и сообщивъ мнѣ объ этомъ, въ предложеніи отъ 12 минувшаго сентября за № 16188, проситъ сдѣлать распоряженіе о доставленіи въ Министерство обозрѣнія преподаванія по каѳедрамъ химіи и госпитальнымъ тераневтической и хирургической клиникамъ.

Сообщая объ этомъ Вашему Превосходительству, имѣю честь покорнѣйше просить предложить профессору Вернеру ускорить доставленіемъ обозрѣнія преподаванія по порученнымъ ему отдѣламъ химіи; что же касается остальныхъ каѳедръ, какъ то: физіологической химіи, госпитальныхъ тераневтической и хирургической клиникъ, то обозрѣнія преподаванія по онымъ мною вмѣстѣ съ симъ уже представлены Его Сіятельству г. Министру Народнаго Просвѣщенія».

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

в) отъ 14 октября за № 2402:

«Вслѣдствіе предложенія г. Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 21 минувшаго сентября за № 16891, имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство, что Его Сіятельствомъ утверждено обозрѣніе преподаванія по каѳедрѣ ботаники на медицинскомъ факультетѣ Императорскаго Томскаго Университета на первое и второе полугодіе $189^3/_4$ учебнаго года, съ подраздѣленіемъ лекцій по днямъ недѣли и часамъ».

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

4). Доложено слѣдующее заявленіе профессора Е. В. Вернера на имя ректора: «Представляя Вашему Превосходительству обозрѣніе преподаванія химіи въ Императорскомъ Томскомъ Университетѣ, нахожу необходимымъ пояснить, что указанное распредѣленіе занятій я считаю нормальнымъ; но въ настоящемъ 1893—94 уч. г., за неимѣніемъ необходимой посуды, не представляется возможности вести со студентами практическія занятія, и при чтеніи лекцій, по той же причинѣ, прійдется ограничиться черезчуръ скромными демонстраціями.

Для студентовъ II курса, слушавшихъ уже химію углеродистыхъ соединеній и не занимавшихся практически, для аналитической химіи, по неизвѣстнымъ мнѣ соображеніямъ, назначено время на IV-мъ семестрѣ; въ

этомъ году, для этой группы студентовъ, прійдется удовольствоваться только чтеніемъ, вмѣсто практическихъ занятій по аналитической химіи.

Въ виду сказаннаго, преподаваніе химіи въ наступившемъ 1893—94 уч. г. можетъ быть поведено слѣдующимъ образомъ:

Для студентовъ I и II семестровъ чтеніе неорганической химіи, 3 лекціи въ недѣлю, по понедѣльникамъ, вторникамъ и средамъ отъ 9—10 ч.

Для студентовъ IV семестра чтеніе аналитической химіи, по 4 лекціи въ недѣлю.

Такъ какъ, до моего пріѣзда, было объявлено студентамъ I-го курса по 6 лекцій въ недѣлю, то въ этомъ году въ 1-ое полугодіе и останется по 6 лекцій, а во 2-е полугодіе будетъ читаться по 3 лекціи въ недѣлю.

Принимая во вниманіе, что обозрѣніе преподаванія химіи Совѣтомъ Университета не обсуждалось, а также въ виду совершенно необычайныхъ условій, въ которыя поставлено въ этомъ году преподаваніе порученнаго мнѣ предмета, имѣю честь покорнѣйше просить указаній Вашего Превосходительства, въ какомъ видѣ должно быть составлено обозрѣніе для представленія высшему начальству».

Вслѣдъ за тѣмъ прочитано было, составленное профессоромъ Вернеромъ на будущее время, какъ нормальный планъ преподаванія химіи, «нормальное распредѣленіе» лекцій и практическихъ занятій по неорганической, органической и аналитической химіи.

«Осеннее полугодіе.

Для студентовъ I семестра неорганическая химія (металлоиды) по 3 лекціи въ недѣлю).

Практическія занятія по аналитической химіи 9 часовъ въ недѣлю.

Для студентовъ III сем. химія углеродистыхъ соединеній, по 5 лекцій въ недѣлю.

Практическія занятія для желающихъ.

Весеннее полугодіе

Для студентовъ II семестра неорганическая химія (металлы) по 3 лекціи въ недѣлю.

Практическія занятія по аналитической химіи по 9 часовъ въ недѣлю.

Часъ совѣщательный послѣ лекцій». Затѣмъ было прочитано и обозрѣніе преподаванія по неорганической, органической и аналитической химіи, сосоставленное профессоромъ Вернеромъ, на текущій $189^3/_4$ учебный годъ.

При разсмотрѣніи прочитаннаго обозрѣнія преподаванія профессоръ Залѣсскій замѣтилъ, что, по его мнѣнію, отлагать чтеніе лекцій по органической химіи до второго курса едва ли удобно; со второго курса начинается изложеніе физіологической химіи, преподаваніе которой, безъ знанія студентами органической химіи, было бы крайне затруднительно.

На тоже затрудненіе указалъ съ своей стороны представитель каеедры физіологіи профессоръ Великій, находя, что предлагаемое разспредѣленіе химіи противорѣчило-бы министерскому учебному плану.

Профессоръ Курловъ, напомнивъ, что въ сходныхъ условіяхъ находятся и другіе преподаватели, какъ напр., представитель частной паталогіи и терапіи, вынужденный излагать свой предметъ до выслушанія студентами общей патологіи и патологической анатоміи,—думаетъ, что избѣжать указываемыхъ профессоромъ Залѣскимъ затрудненій едва ли возможно и по необходимости съ ними нужно мириться, какъ неустранимыми на практикѣ, по существу дѣла.

Предсѣдательствующій высказалъ опасеніе, чтобы предлагаемыя профессоромъ Вернеромъ отступленія отъ выработаннаго факультетомъ учебнаго плана не вызвали затрудненія, при перенесеніи на второй курсъ органической химіи, въ пріисканіи свободныхъ часовъ для преподаванія химіи и въ составленіи росписанія лекцій въ будущемъ учебномъ году.

Секретарь факультета находилъ, что проэктируемое распредѣленіе лекцій по химіи, какъ наиболѣе цѣлесообразное, по убѣжденію профессора Вернера, для усвоенія слушателями этого предмета, не можетъ встрѣтить затрудненій при своемъ осуществленіи, такъ какъ въ будущемъ учебномъ году на второмъ курсѣ освобождаются часы, временно занятые въ настоящемъ году предметами перваго курса—ботаникой и зоологіей. Далѣе профессоръ Маліевъ указалъ, что проектируемое профессоромъ Вернеромъ перенесеніе органической химіи на второй курсъ допускается и примѣрнымъ учебнымъ министерскимъ планомъ, гдѣ для неорганической химіи отводится или одно первое полугодіе по 6 часовъ въ недѣлю, или два первыхъ полугодія по 3 часа въ недѣлю, а органическая химія можетъ быть отнесена къ предметамъ второго курса, какъ желаетъ профессоръ Вернеръ, и для изложенія ея указано 5 часовъ въ недѣлю на третьемъ семестрѣ.

Единогласно постановлено: представленное профессоромъ Вернеромъ обозрѣніе преподаванія неорганической, органической и аналитической химіи на текущій $189^3/_4$ учебный годъ одобрить и представить г. Попечителю для препровожденія въ Министерство.

5) Доложены отзывы профессоровъ: Судакова, Репрева, Догеля, Судакевича, Курлова, Великаго, Лемана и Попова о письменныхъ работахъ, представленныхъ для соисканія медалей.

Означенные отзывы прилагаются въ подлинникѣ въ концѣ журнала.

При обсужденіи достоинства представленныхъ работъ, такъ какъ одна изъ нихъ была уже напечатана въ видѣ предварительнаго сообщенія, возникъ вопросъ, могутъ ли вообще быть допускаемы для соисканія медалей печатныя работы.

Совѣтъ большинствомъ 19 голосовъ противъ 2-хъ постановилъ: для соисканія медалей кромѣ рукописныхъ могутъ быть допускаемы и печатныя работы.

По выслушаніи представленныхъ отзывовъ единогласно постановлено: наградить золотыми медалями авторовъ представленныхъ работъ, выслушавшихъ полный курсъ медицинскихъ наукъ, г. Бутягина за работу по гигіенѣ, подъ заглавіемъ: «Химико-бактеріологическое изслѣдованіе питьевыхъ водъ въ г. Томскѣ», г. Коровина за работу по судебной медицинѣ, подъ заглавіемъ: «О происхожденіи внезапной смерти отъ причинъ, лежащихъ въ сердцѣ» и г. Королькова, за работу по гистологіи: «Объ окончаніи нервовъ въ слюнныхъ железахъ»; означенныя медали выдать на торжественномъ годичномъ актѣ 22-го октября 1893 года; самыя же работы напечатать въ Университетскихъ Извѣстіяхъ.

6. Утверждены факультетомъ для объявленія студентамъ на годичномъ актѣ темы, предложенныя для соисканія медалей на $189^3/_4$ учебный годъ.

По Физіологіи: 1) Критическій разборъ теорій о задерживающемъ дѣйствіи nervus vagus на сердце.

2) Иннервація сосудовъ почекъ.

По Гистологіи: 1) Строеніе спиннаго мозга у амфибій.

2) Строеніе зрительнаго бугра у птицъ.

3) Строеніе мозжечка. 4) Окончаніе нервовъ: а) въ поджелудочной железѣ б) въ соединительной оболочкѣ глаза.

По Ботаникѣ: О ядрѣ у низшихъ растительныхъ организмовъ.

По Зоологіи; 1) Кладка яицъ у кукушки окрестностей Томска или какой-либо другой мѣстности Сибири.

2) Описаніе наземныхъ или прѣсноводныхъ моллюсковъ любой мѣстности Сибири.

3) Изслѣдованіе процесса созрѣванія или оплодотворенія яйца у птицъ.

4) Описаніе рыбъ любой изъ рѣкъ или озеръ Сибири, служащихъ для рыболовства.

5) Изслѣдованіе архитектуры костей у рептилій.

6) Имѣются-ли въ окрестностяхъ Томска хвостатыя амфибіи и какія именно?

7) Видъ Rana temporaria L. долженъ-ли быть раздѣленъ на нѣсколько самостоятельныхъ видовъ, какъ утверждаютъ нѣкоторые?

По Гигіенѣ: 1) Составъ продаваемыхъ въ г. Томскѣ чаевъ.

2) Измѣненія кумыса при стерилизаціи и составъ стерилизованнаго кумыса.

3) Виды микроорганизмовъ, встрѣчающихся въ питьев. водахъ г. Томска.

4) Изслѣдованіе дезинфецирующихъ свойствъ добываемаго въ Томскомъ округѣ торфа.

5) Составъ различныхъ родовъ пшеницы, культивируемой въ Томской губ.

По Частной Патологіи и Терапіи: 1) Морфологическія измѣненія крови при артеріосклерозѣ. 2) Роль эндотелія сосудовъ въ борьбѣ съ микробами, проникшими въ кровь животнаго.

По Медицинской Химіи: 1) Желѣзо селезенки.

Желѣзо костнаго мозга.

По Діагностикѣ: 1) Клиническое значеніе термофеугоскопа.

По Общей Патологіи: Количественное опредѣленіе воды въ разныхъ тканяхъ и органахъ при патологическихъ процессахъ (преимущественно дегенеративнаго характера), въ связи съ прижизненными данными водообмѣна.

По Судебной медицинѣ: 1) Отравленіе спиртомъ въ судебно-медицинскомъ отношеніи.

2) Экспериментальное изслѣдованіе смерти отъ замерзанія.

3) Дифференціальная діагностика крови человѣка и нѣкоторыхъ домашнихъ животныхъ при судебно-медицинскомъ изслѣдованіи кровяныхъ пятенъ.

4) Отношеніе нѣкоторыхъ продуктовъ жизни патогенныхъ и непатогенныхъ бактерій къ реактивамъ, употребляемымъ для открытія растительныхъ алкалоидовъ при отравленіяхъ.

По Фармакологіи: 1) Дѣйствія ядовъ, вызывающихъ судороги, на коллясъ.

2) Вліяніе стрихнина на отравленіе алкоголемъ.

3) Вліяніе никотина на дѣятельность психомоторныхъ центровъ.

Работы на предложенныя темы должны быть представлены въ факультетъ къ 1 сентября 1894 года.

7. Ко дню тридцатилѣтія Императорскаго Московскаго Общества Любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи постановлено: отправить Обществу отъ имени Совѣта Императорскаго Томскаго Университета слѣдующее привѣтствіе: „Совѣтъ Императорскаго Томскаго Университета считаетъ своимъ пріятнымъ долгомъ привѣтствовать Императорское Общество Любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи съ тридцатилѣтіемъ его плодотворной дѣятельности и пожелать ему еще много лѣтъ славнаго существованія на пользу науки и отечества.

Томскій Университетъ, будучи самымъ молодымъ изъ разсадниковъ высшаго просвѣщенія, отрѣзаннымъ къ тому-же отъ остальной Россіи громадными пространствами, живо сознаетъ необходимость тѣсной связи съ другими просвѣтительными центрами Россіи и высоко цѣнитъ тотъ фактъ, что Императорское Общество Любителей Естествознанія было однимъ изъ первыхъ, оказавшихъ новому университету, въ самый день его открытія, нравственную поддержку предложеніемъ своихъ ученыхъ трудовъ и коллекцій.

Совѣтъ Университета, искренно сожалѣя о томъ, что, благодаря своей отдаленности, не могъ прислать настоящаго привѣтствія своевременно, надѣется, однако, что и этотъ запоздалый откликъ изъ далекой окраины не будетъ излишнимъ среди многочисленныхъ другихъ поздравленій».

Редакція означеннаго привѣтствія была составлена профессоромъ Кащенко.

8. Заявленіе профессора Поповскаго:

«Имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ Императорскаго Томскаго Университета разрѣшить мнѣ печатать въ университетскихъ Извѣстіяхъ работу съ рисунками: „Артеріальная система у обезьянъ сревнительно съ расположеніемъ ея у человѣка".

Постановлено: разрѣшить.

9. Доложены отношенія: Костромской городской управы отъ 22 сентября т. г. за № 2395 о добросовѣстномъ и усердномъ исполненіи обязанностей завѣдывавшимъ холернымъ баракомъ въ г. Костромѣ, съ 12 августа по 21 сентября студентомъ Томскаго Университета Гундоровымъ и временнаго Красноярскаго Переселенческаго Комитета отъ 19 сентября т. г. за № 189 о таковой же усердной и полезной дѣятельности студента Быстрова.

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

10. Производилось испытаніе на степень доктора медицины лекаря Дочевскаго изъ дѣтскихъ болѣзней и лекаря Боровкова изъ медицинской химіи, общей и частной патологіи и терапіи. Передъ началомъ испытанія было постановлено: 1) испытаніе производить по билетамъ;

2) присутствующіе въ засѣданіи члены Совѣта, по окончаніи испытанія спеціалистомъ, могутъ предлагать испытуемому вопросы въ предѣлахъ взятыхъ экзаменующимся двухъ билетовъ (принято большинствомъ 13 голосовъ противъ 9).

3) оцѣнка достоинства отвѣтовъ испытуемаго рѣшается большинствомъ голосовъ.

Противъ этого постановленія возражалъ профессоръ Репревъ, находя, что по закону право оцѣнивать степень знанія и подготовки испытуемаго принадлежатъ не Совѣту, а экзаменатору-спеціалисту предмета.

11. Допущены къ испытанію для полученія званія повивальной бабки:

1) Марія Христофоровна Тиховская, жена отставнаго канцелярскаго служителя, 33 лѣтъ, имѣющая свидѣтельство на званіе сельской бабки отъ завѣдующаго Екатеринбургскимъ родильнымъ домомъ (доктора Онуфріева) отъ 14 мая 1889 г. за № 22.

и 2) Христина Шахова, жена мѣщанина, 25 лѣтъ, имѣющая свидѣтельство объ окончаніи курса Томской повивальной школы, за № 3199, отъ 15 сентября 1893 года.

Подписано Предсѣдателемъ и членами Совѣта.

Приложенія къ Журналу Совѣта 19 окт. 1893 г., № 12, п. 5.

Отзывъ проф. А. И. Судакова о работѣ подъ заглавіемъ: „Химико-бактеріологическое изслѣдованіе состава питьевыхъ водъ г. Томска".

Работа подъ заглавіемъ: «Химико-бактеріологическое изслѣдованіе состава питьевыхъ водъ, употребляемыхъ въ г. Томскѣ», раздѣляется на двѣ части:

1-я заключаетъ въ себѣ обозрѣніе литературы названнаго вопроса и 2-я —самое изслѣдованіе питьевыхъ водъ.

Литературная часть названной работы составлена на основаніи данныхъ, имѣющихся въ русской литературѣ, и почти всецѣло составлена не по источникамъ, а на основаніи литературныхъ данныхъ, собранныхъ другими авторами, писавшими относительно разсматриваемаго вопроса, и главнымъ образомъ заимствована изъ трудовъ профессора Эрисмана и его учениковъ.

Вторая часть работы, т. е. самое химико-бактеріологическое изслѣдованіе питьевыхъ водъ, произведена по общеупотребительному плану подобнаго рода изслѣдованій, именно: количество бактерій въ изслѣдованныхъ образцахъ воды опредѣлялось по способу Коха только путемъ счисленія въ изслѣдуемой водѣ зародышей микроорганизмовъ; при химическомъ же изслѣдованіи авторъ, кромѣ опредѣленій, требуемыхъ отъ подобнаго рода изслѣдованій, внесъ еще опредѣленіе растворенаго въ водѣ кислорода, при чемъ это опредѣленіе производилось по весьма точному способу Тимана и Прейссе.

Анализируя воду, авторъ производилъ свои изслѣдованія не только надъ различными употребляемыми въ г. Томскѣ питьевыми водами, но и надъ образцами воды, употребляемой въ многочисленныхъ, находящихся въ названномъ городѣ, общественныхъ баняхъ.

Точность всѣхъ количественныхъ опредѣленій автора была предварительно провѣрена имъ контрольными опытами надъ искусственными смѣсями и, на основаніи этихъ контрольныхъ данныхъ, можно судить, что всѣ изслѣдованія автора отличаются полной достовѣрностію.

Изъ изслѣдованій автора отчетливо видно: во 1-хъ, что лучшимъ критеріемъ для оцѣнки воды должно считать опредѣленіе въ водѣ амміака, органическихъ веществъ и кислорода; во 2-хъ, что многочисленныя питьевыя воды г. Томска, отличаются значительнымъ непостоянствомъ своего состава и рѣзкимъ періодическимъ ухудшеніемъ этого состава, благодаря обильному періодическому загрязненію воды различнаго рода веществами, а въ особенности экскрементальными веществами.

Наконецъ, въ 3-хъ, указанное колебаніе въ составѣ питьевыхъ водъ, употребляемыхъ какъ для питья, такъ равно и для обмыванія тѣла, доказанное достаточно точными изслѣдованіями автора, указываютъ на насущную потребность въ необходимости болѣе правильной организаціи водоснабженія г. Томска, по сравненію съ существующей организаціей.

Въ общемъ выводѣ работа автора названнаго сочиненія отличается двумя весьма похвальными въ молодомъ человѣкѣ качествами, именно: обстоятельностью и добросовѣстностью разработки взятой на себя задачи, и, сверхъ того, обстоятельнымъ знакомствомъ его съ методикой изслѣдованія,— и по моему мнѣнію, благодаря такого рода достоинствамъ разсматриваемаго труда, авторъ его вполнѣ заслуживаетъ со стороны Совѣта соотвѣтствующаго награжденія и поощренія, именно золотою медалью.

Отзывъ о той же работѣ проф. Э. А. Лемана.

Работа подъ заглавіемъ: „Химико-бактеріологическое изслѣдованіе питьевыхъ водъ, употребляемыхъ въ Томскѣ“, представленная въ Совѣтъ для соисканія почетныхъ наградъ, изложена очень обстоятельно.

Она содержитъ въ себѣ 200 слишкомъ страницъ in quarto съ приложеніемъ 5 таблицъ, заключающихъ въ себѣ цифровыя данныя анализовъ воды рѣки Томи, рѣчки Ушайки, почти всѣхъ, имѣющихся въ городѣ Томскѣ, общественныхъ водохранилищъ и ключей, а также многихъ частныхъ колодцевъ.

Въ виду этого, представленная работа содержитъ безспорно богатый матеріалъ для оцѣнки химико-бактеріологическаго состава питьевыхъ водъ г. Томска за извѣстный періодъ времени и доказываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ довольно близкое знакомство автора съ доступными ему литературными данными по этому вопросу, съ новѣйшими методами санитарно-химическихъ изслѣдованій водъ, а главнымъ образомъ, свидѣтельствуетъ о серьезномъ отношеніи автора къ избранной темѣ.

По причинѣ слишкомъ ограниченнаго срока, даннаго мнѣ на разсмотрѣніе представленной объемистой работы (всего 3—4 дня), я, къ сожалѣнію, не могъ подробнѣе разобрать интересныя детали изслѣдованія, не успѣлъ даже сличить цифровыя данныя анализовъ автора съ тѣми данными, которыя получены были мною при химическомъ изслѣдованіи тѣхъ же почти питьевыхъ водъ г. Томска четыре года тому назадъ.

Изслѣдованія эти цитированы авторомъ разсматриваемой работы лишь весьма поверхностно, а анализы воды нѣкоторыхъ Томскихъ колодцевъ г-на Боголюбскаго даже совсѣмъ не упомянуты. Поэтому я, въ своемъ отзывѣ о представленномъ трудѣ, долженъ буду ограничиться только нѣкоторыми общими указаніями и замѣчаніями.

По моему мнѣнію, въ разбираемомъ сочиненіи слишкомъ много мѣста—болѣе половины всего сочиненія—отведено: введенію, разбору сравнительнаго достоинства химическаго и бактеріологическаго анализа питьевыхъ водъ съ санитарной точки зрѣнія, критерію санитарной оцѣнки питьевыхъ водъ, описанію бактеріологическаго анализа вообще, нормѣ составныхъ частей питьевой воды и непостоянству ея состава и пр. и пр.

Все это гораздо подробнѣе излагается, какъ общеизвѣстно, въ соотвѣтственныхъ руководствахъ и всѣмъ доступныхъ трудахъ другихъ, болѣе авторитетныхъ изслѣдователей, такъ что высказанныя авторомъ сужденія о достоинствахъ того или другаго метода и самоувѣренная критика результатовъ, полученныхъ другими изслѣдователями, врядъ ли могутъ считаться позволительными автору настоящаго труда, какъ лицу, не провѣрившему въ достаточной степени все это и, слѣдовательно, не вполнѣ компетентному въ такихъ вопросахъ.

Правильнѣе было бы и болѣе подходяще для автора, какъ для лица, только что начинающаго трудиться на научномъ поприщѣ, предоставить такой критическій разборъ болѣе опытнымъ лицамъ и довольствоваться только подробнымъ изложеніемъ тѣхъ методовъ и контрольныхъ опытовъ, которыми онъ пользовался при своихъ изслѣдованіяхъ питьевой воды г. Томска. Затѣмъ, при бѣгломъ даже просмотрѣ результатовъ его анализа, бросаются въ глаза, между прочимъ, слишкомъ уже рѣзкія колебанія минеральныхъ веществъ въ анализированной имъ водѣ. Напримѣръ, въ водѣ рѣки Томи, взятой авторомъ на одномъ и томъ же мѣстѣ (противъ Рыбнаго базара) въ очень незначительные промежутки времени—31 марта и 4 мая 1891 года (таблица I), было найдено:

въ перв. случ. CaO—108,0 mgr., MgO—14,2, Cl—3,0, SO_3— 6.8 mgr. въ Ltr.
во второмъ CaO— 31,2 „ MgO— 2,3, Cl—2,0, SO_3—13,2 „ въ Ltr.

Этотъ результатъ трудно объяснить, даже наступившимъ въ этотъ промежутокъ времени весеннимъ разливомъ рѣки; но въ особенности не понятно непомѣрное увеличеніе количества SO_3 (болѣе чѣмъ вдвое), при одновременномъ и значительномъ уменьшеніи количества CaO (втрое) и MgO (даже въ шесть разъ). Если допустить здѣсь, случайное, мѣстное загрязненіе воды какими то сѣрнокислыми соединеніями, то анализъ этотъ теряетъ уже свое значеніе для оцѣнки обыкновеннаго непостоянства состава воды рѣки Томи.

Что у автора возможны ошибки, даже если количественные анализы производилось и „lege artis“, какъ самоувѣренно онъ выражается, это доказывается, до очевидности, цифрами, приведенными авторомъ въ таблицахъ 3 и 4: 1) найденное въ водѣ ключа, подъ Воскресенской горой, на берегу Ушайки, количество одной только окиси кальція=498,4 mgr. въ Ltr. пре-

вышаетъ значительно вѣсъ полученнаго изъ воды прокаленнаго сухаго остатка=468,5 mgr. въ Ltr., если не считать даже MgO, Na_2O и SO_3, несомнѣнно также содержащихся въ водѣ этого ключа и при прокаливаніи сухаго остатка воды врядъ ли улетучивающихся.

2) при анализѣ воды колодца по Тверской улицѣ, на дворѣ дома Фуфкина (таб. 4) констатировано авторомъ: CaO—238,56, MgO—73,2, Fe_2O_3—3,7 mgr. въ Ltr.,—въ суммѣ=315,4 mgr., а сухаго остатка послѣ прокаливанія только=306,9 mgr. въ ltr. и проч.

Не смотря на явныя неточности, указанныя въ нѣкоторыхъ анализахъ, я полагаю, что въ общемъ, данныя химико-бактеріологическихъ изслѣдованій, представленныя авторомъ разсматриваемой работы, отвѣчаютъ дѣйствительности и подтверждаютъ ранѣе уже констатированный фактъ неодинаковости и непостоянства состава питьевыхъ водъ города Томска. Также и общіе выводы, сдѣланные авторомъ, на основаніи его испытаній, относительно доброкачественности питьевыхъ водъ г. Томска, съ санитарной точки зрѣнія, должны быть признаны, въ общемъ, правильными, хотя большинство изъ его анализовъ и не производилось періодически, въ продолженіи болѣе длиннаго періода времени, въ какомъ случаѣ они доставили бы намъ болѣе цѣнныя и положительныя данныя для такого сужденія и выяснили бы, вѣроятно, еще рельефнѣе причины столь рѣзкихъ, замѣченнымъ авторомъ въ различное время года, колебаній въ химико-бактеріологическомъ состояніи питьевыхъ водъ города Томска.

Принимая все высказанное мною во вниманіе, главнымъ образомъ, дѣйствительно серіозный трудъ, вложенный авторомъ въ представленную работу и другія несомнѣнныя достоинства этой послѣдней, я, съ своей стороны, считаю вполнѣ возможнымъ, въ поощреніе къ общеполезнымъ научнымъ трудамъ, наградить автора золотою медалью.

Отзывъ о той же работѣ проф. М. Г. Курлова.

Разсматриваемый трудъ: „химико-бактеріологическое изслѣдованіе питьевыхъ водъ, употребляемыхъ въ Томскѣ“, является продолженіемъ и развитіемъ работъ по этому же вопросу проф. Э. А. Лемана и, отчасти, горнаго инженера Н. С. Боголюбскаго. Помимо химико-физическихъ изслѣдованій уже произведенныхъ указанными авторами, авторъ разбираемаго труда прибавляетъ еще бактеріологическія данныя, необходимыя для оцѣнки санитарнаго достоинства питьевыхъ водъ и кромѣ того для той же цѣли примѣняетъ еще одинъ критерій—опредѣленіе содержанія растворенаго въ водѣ кислорода, что до него никѣмъ сдѣлано еще не было.

Этимъ изслѣдованіямъ онъ предпосылаетъ обширное введеніе, въ которомъ передаетъ довольно подробно обще-извѣстныя положенія по вопросу о

значеніи химическихъ и бактеріологическихъ изслѣдованій для опредѣленія качества питьевой воды. Надо замѣтить лишь, что, выдвигая впередъ необходимость бактеріологическихъ изслѣдованій, авторъ въ то же время, какъ бы, подрываетъ значеніе ихъ, указывая, что таковыя могутъ имѣть цѣну только тогда, когда будутъ отыскиваться въ водѣ патогенные зародыши, что до сихъ поръ, однако, трудно выполнимо, а потому приходится довольствоваться опредѣленіемъ въ водѣ только количества „обычныхъ водяныхъ микроорганизмовъ“.

Въ этомъ послѣднемъ выраженіи кроется, конечно, ошибка, такъ какъ при опредѣленіи количества зародышей въ водѣ для санитарной ея оцѣнки въ разсчетъ входятъ не только обычныя водныя бактеріи, но и тѣ, которыя не свойственны водѣ, которые поступаютъ въ нее извнѣ, главнымъ образомъ съ гніющими органическими отбросами, опредѣленіе поступленія которыхъ въ санитарномъ отношеніи только и имѣетъ значеніе, такъ какъ съ такими отбросами могутъ попасть въ воду и возбудители различныхъ заразныхъ болѣзней. Число бактерій можетъ увеличиться и въ водѣ вполнѣ доброкачественной, если послѣдняя напр. постоитъ нѣсколько часовъ въ какой нибудь посудѣ, но это еще не говоритъ за ея недоброкачественность. Только при наличности гніющихъ органическихъ соединеній въ водѣ увеличеніе въ ней количества бактерій дѣлается подозрительнымъ, причемъ, понятно, мы не считаемъ уже этихъ бактерій обычными обитателями воды, а поступившими извнѣ. Въ этомъ смыслѣ говорить при санитарной оцѣнкѣ доброкачественности воды о сосчитываніи только „обычныхъ водяныхъ микроорганизмовъ“ будетъ неправильно.

Переходя къ спеціальному отдѣлу своей работы, авторъ подробно знакомитъ читателя съ методами изслѣдованія и сообщаетъ результаты своихъ анализовъ рѣкъ Томи и Ушайки, 12-ти общественныхъ и частныхъ ключей, 16-ти городскихъ колодцевъ и 15-ти городскихъ бань. Этими указаніями достаточно обрисовывается та широкая задача, которую онъ себѣ поставилъ; изъ этихъ же указаній видно, что авторъ самъ расширилъ рамки своей работы, введя въ кругъ своихъ изслѣдованій и банныя воды. Такое расширеніе работы могло бы быть оправдано только въ томъ случаѣ, еслибъ наиболѣе существенныя ея стороны были вполнѣ выяснены, между тѣмъ такого полнаго выясненія въ работѣ мы не находимъ, такъ какъ авторъ ограничился лишь однократными изслѣдованіями источниковъ, хотя самъ же указываетъ на непостоянство ихъ состава въ связи съ различными внѣшними условіями. Кромѣ того объ этихъ условіяхъ онъ не считаетъ нужнымъ оговориться ни при одномъ изъ своихъ анализовъ. Даже, беря воду изъ рѣкъ, онъ указываетъ только, что вода взята противъ зданія университета или такой-то церкви, но на какомъ разстояніи отъ берега, съ поверхности или

съ какой глубины, какова была погода, не предшествовали ли этимъ изслѣдованіямъ дождь, вѣтеръ, какова была t° воздуха, воды—все это оставлено безъ вниманія и результаты анализовъ, производившихся въ теченіи 2-хъ лѣтъ и каждый разъ изъ различныхъ мѣстъ и источниковъ сопоставляются другъ съ другомъ.

Здѣсь приходится высказать еще сожалѣніе о томъ, что авторъ, не имѣя своихъ повторныхъ анализовъ отдѣльныхъ источниковъ, не счелъ нужнымъ сопоставить свои данныя съ имѣющимися уже въ литературѣ данными другихъ авторовъ, что, конечно, значительно выяснило бы дѣло.

Мнѣ не хотѣлось бы, чтобъ эти мои указанія вызвали какія либо сомнѣнія по разбираемой работѣ. Просматривая ее, невольно удивляешься той массѣ труда, которую затратилъ на нее авторъ. Вся работа и литература по вопросу изложены вполнѣ ясно и, если находятся кое-какія шероховатости въ изложеніи, то въ общей массѣ онѣ вполнѣ стушевываются, даже забываются и такіе промахи, какъ смѣшеніе элементарныхъ понятій о пищевомъ средствѣ съ пищевымъ веществомъ. Повторяю, не смотря на всѣ эти пробѣлы, работа производитъ очень пріятное, отрадное впечатлѣніе, почему я и думаю, что авторъ ея заслуживаетъ быть награжденнымъ золотой медалью.

Отзывъ проф. М. Попова о работѣ подъ заглавіемъ „О происхожденіи внезапной смерти отъ причинъ лежащихъ въ сердцѣ“.

Работа на тему: „О происхожденіи внезапной смерти отъ причинъ, лежащихъ въ сердцѣ“ касается тѣхъ случаевъ этого рода смерти, въ судебно-медицинской практикѣ довольно частыхъ, когда въ сердцѣ микроскопическимъ изслѣдованіемъ открываются незначительныя измѣненія или никакихъ, но когда на основаніи другихъ свѣдѣній и данныхъ вскрытія причину смерти слѣдуетъ полагать въ остановкѣ дѣятельности этого органа. Подобные случаи смерти среди полнаго здоровья или кажущагося таковымъ не часто встрѣчаются на обыкновенныхъ патологоанатомическихъ вскрытіяхъ, между тѣмъ какъ при судебной экспертизѣ они не рѣдки, и при нашихъ вскрытіяхъ ежегодно ихъ бываетъ нѣсколько. Освѣтить эти случаи болѣе тщательнымъ изслѣдованіемъ, опредѣлить свойства и размѣры измѣненій въ сердечной мышцѣ и было задачей автора. Вопросъ этотъ тѣмъ болѣе интересенъ, что онъ мало подвергался изслѣдованію. Въ послѣднее время, сначала за границей, а потомъ и у насъ (см. Вѣстн. гигіены, практ. и суд. медицины, 1893 г. сентябрь, статья пр-доц. Беллина) эти случаи смерти стараются связать съ атероматознымъ процессомъ въ сосудахъ, такъ какъ онъ здѣсь наблюдается довольно часто (по однимъ до 30%, по другимъ до 74,5%) и приписываютъ все значеніе менѣе дѣятельнымъ частямъ кровеносной си-

стемы, оставляя безъ вниманія постоянно работающее сердце. При этомъ забываютъ, какъ часто вообще встрѣчается этотъ процессъ и какъ часто клинически развитая атерома сосудовъ не вызываетъ внезапной смерти. Сущность работы автора состояла въ микроскопическихъ и параллельныхъ имъ химическихъ изслѣдованіяхъ сердечной мышцы. О достоинствѣ микроскопическаго изслѣдованія, кромѣ личнаго свидѣтельства моего, можно судить по работѣ сдѣланной авторомъ этимъ методомъ и напечатанной раньше въ «Извѣстіяхъ» Томскаго университета. Что касается химическихъ изслѣдованій, то они состояли въ опредѣленіи въ сердцѣ: сухого вещества, воды, экстрактивныхъ веществъ, золы, растворимаго бѣлка, міозина, міостромина и частей послѣдняго, растворяющихся и нерастворяющихся при нагрѣваніи до 150°—160° С. Анализы производились подъ моимъ наблюденіемъ. Правильность примѣненія, описанныхъ авторомъ методовъ, можетъ быть мною подтверждена. Всѣ числа, выражающія составъ сердечной мышцы, провѣрены мною по подлиннымъ записямъ, веденнымъ авторомъ при изслѣдованіи, и оказались точными. Достоинство анализовъ подкрѣпляется незначительными предѣлами ошибокъ, вычисленныхъ мною: они простираются до 0,1%—0,2%, только въ одномъ случаѣ ошибка равна 0,8%.

Изслѣдованіе дало интересные результаты. Микроскопъ открывалъ всегда тѣ или другія измѣненія въ строеніи сердца, чаще жировое перерожденіе мѣстное или разлитое, бурую атрофію одну или въ сочетаніи съ жировымъ перерожденіемъ, развитіе соединительной ткани и пр. Согласныя съ этими результатами числа далъ и химическій анализъ. По этимъ числамъ можно судить о *степени* измѣненій, на натуру которыхъ указываетъ микроскопъ. Отъ разнообразія измѣненій зависитъ то, что составъ сердца въ моментъ, когда оно отказывалось работать, представляется не одинаковымъ.

Въ одномъ случаѣ въ немъ много жира, именно, при жировомъ перерожденіи, въ другомъ — много экстрактивныхъ веществъ, именно, при бурой атрофіи, однихъ или кромѣ того жира,—въ третьемъ—много глютинирующихся веществъ, при обильномъ развитіи соединительной ткани. Соотвѣтственно увеличенію этихъ дѣятельныхъ составныхъ частей въ сердцѣ получаются уменьшенныя количества дѣятельнаго бѣлка, различныя въ разныхъ случаяхъ. Между прочимъ одинъ анализъ относится къ сердцу молодой женщины, отравившейся фосфоромъ: въ немъ было 12% жира и только 6% веществъ бѣлковой натуры. Это—наименьшее количество бѣлка, найденнаго въ сердцѣ, при которомъ оно еще въ состояніи работать. Интересно отмѣтить тотъ фактъ, что авторомъ получены изъ сердца во всѣхъ случаяхъ незначительныя количества міозина, сравнительно съ тѣми, которя получаются изъ другихъ поперечнополосатыхъ мышцъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что авторъ для опредѣленія міозина примѣнилъ новый методъ, именно, фильтрацію черезъ фильтръ Шамберлена.

Въ заключеніе, вообще слѣдуетъ сказать, что примѣненіе химическаго метода къ изученію анатомическихъ измѣненій въ сердцѣ, въ случаяхъ внезапной смерти отъ прекращенія дѣятельности этого органа, доставляетъ болѣе полныя данныя для сужденія не только о свойствахъ, но и о размѣрахъ этихъ измѣненій и, слѣдовательно, представляетъ болѣе прочныя основанія для утвержденій, что въ этомъ органѣ, а не въ другомъ заключались условія внезапности наступленія смерти.

Работа потребовала много труда и времени, исполнена добросовѣстно, обнаруживаетъ въ авторѣ знаніе предмета и умѣнье пользоваться разнообразными способами изслѣдованія и, по моему мнѣнію, заслуживаетъ премированія золотою медалью.

Отзывъ проф. общей патологіи Репрева о работѣ студента, представившаго подъ девизомъ „Слово — серебро, молчаніе — золото“ описаніе самостоятельныхъ изысканій въ вопросъ „О происхожденіи внезапной смерти отъ причинъ лежащихъ въ сердцѣ“.

Работа распадается на 2 отдѣла; въ первомъ—студентъ на основаніи приводимыхъ имъ литературныхъ данныхъ доказываетъ raison d'être патолого-химическихъ изысканій въ мышцѣ сердца у скоропостижноумершихъ и опредѣляетъ цѣль подобныхъ изысканій для судебной медицины.

Во второмъ отдѣлѣ приводитъ авторъ свои собственныя изслѣдованія на 7 сердцахъ отъ скоропостижноумершихъ.

Послѣ микроскопическаго изслѣдованія сердецъ, авторъ производилъ опредѣленія въ интересующемъ его органѣ: вѣса всего органа, H_2O, жира, золы, міозина, міостромина, переходящаго и не переходящаго въ растворъ при 160°, растворимаго бѣлка и экстрактивныхъ веществъ.

Результаты своихъ опредѣленій авторъ группируетъ въ таблицу и, разбирая цифровыя данныя, указываетъ при какомъ количествѣ тѣхъ или другихъ веществъ сердце отказывается работать; выводы свои авторъ дѣлаетъ съ оговоркой, не придавая имъ рѣшающаго значенія въ интересующемъ его вопросѣ и, считая свои опредѣленія малочисленными, указываетъ, что онъ смотритъ на представленныя имъ цифровыя данныя, какъ на матеріалъ для будущаго рѣшенія вопроса.

Авторъ подробно описываетъ тѣ манипуляціи, тѣ способы, помощью которыхъ онъ получалъ тѣ, или другія цифровыя данныя. Методъ, имъ избранный для опредѣленія протеиновыхъ веществъ въ мышцѣ сердца, въ довольно важныхъ частностяхъ отличается отъ общепринятаго; особенно должно отмѣтить примѣненіе фильтра Шамберлена для полученія совершенно безупречнаго по чистотѣ фильтрата.

При скрупулезности патологохимическихъ изслѣдованій, приведенная авторомъ таблица ошибокъ въ его анализахъ, даетъ поводъ заключить о навыкѣ съ его стороны въ производствѣ анализовъ.

Вообще съ общепатологической точки зрѣнія матеріалы, представленные студентомъ подъ девизомъ „слово—серебро, молчаніе—золото“ должны быть названы очень цѣнными, особенно-же потому, что такихъ изслѣдованій относительно сердца произведено весьма мало, съ разсматриваемой-же авторомъ точки зрѣнія, насколько мнѣ извѣстно, изслѣдованій совершенно нѣтъ. Имѣющіяся литературныя данныя, напримѣръ, совершенно не касаются представленнаго авторомъ раздѣленія бѣлковыхъ веществъ.

Къ числу недостатковъ работы должно отнести отсутствіе подробнаго описанія микроскопическаго изслѣдованія взятыхъ органовъ и нѣкоторую поспѣшность въ отдѣлкѣ представленной работы.

Авторъ работы заслуживаетъ награжденія медалью.

Рецензія проф. Судакевича на сочиненіе „О происхожденіи внезапной смерти отъ причинъ лежащихъ въ сердцѣ“.

Патолого-анатомамъ и судебнымъ медикамъ очень часто приходится имѣть дѣло на секціонномъ столѣ съ такими случаями, въ которыхъ ни микроскопическая картина, ни микроскопическое изслѣдованіе не позволяютъ съ положительностью объяснить ближайшую причину смерти состояніемъ сердца; нерѣдко можно бываетъ высказать это только въ видѣ болѣе или менѣе вѣроятнаго предположенія.

Авторъ работы подъ девизомъ: „рѣчь—серебро, молчаніе—золото“ поставилъ себѣ задачей ближе выяснить измѣненія сердца въ случаяхъ внезапной смерти—опредѣлить химическій составъ его.

Въ трудѣ своемъ вначалѣ онъ довольно подробно разсматриваетъ вопросъ относительно скоропостижной или внезапной смерти, руководствуясь при этомъ статьей Paul Bernard'a „De l'origine cardiaque de la mort subite, par le Paul Bernard. 1890 г.“

Онъ говоритъ о вліяніи возраста, пола, временъ года и наконецъ въ вопросѣ о наиболѣе частой причинѣ скоропостижной смерти приходитъ къ заключенію, что въ большинствѣ случаевъ, именно въ 28,5%, такой причиной является разстройство сердечной дѣятельности. Для отысканія мѣрила подобныхъ разстройствъ онъ обращается къ химическимъ анализамъ подобныхъ сердецъ.

Всего изслѣдовано имъ 7 сердецъ; изъ каждаго случая приведены вполнѣ отчетливыя описанія встрѣченныхъ измѣненій не только сердца, но и другихъ органовъ. При анализахъ онъ опредѣляетъ содержаніе воды, растворимаго бѣлка, жира, экстрактивныхъ веществъ, золы, міозина и міостромина.

На основаніи этихъ опредѣленій авторъ заключаетъ, что minimum дѣятельнаго бѣлка въ сердцѣ въ моментъ смерти равнялся 6,9%, количество его, слѣдовательно, уменьшалось.

Возникалъ вопросъ, куда исчезъ бѣлокъ, чѣмъ онъ замѣнился. Анализы показываютъ, что онъ переходилъ то въ жиръ, то въ экстрактивныя вещества, то въ недѣятельныя ткани.

Выводъ автора тотъ, что при 7% содержаніи дѣятельнаго бѣлка сердце не въ состояніи работать и что для доказательства смерти отъ паралича сердца не достаточно опредѣленія одной химической его части, а необходимъ полный анализъ.

Такимъ образомъ къ анатомическимъ даннымъ для рѣшенія вопроса о скоропостижной смерти изслѣдованія автора прибавляютъ еще новыя—химическія данныя.

Само собой разумѣется, какъ это и сознаетъ самъ авторъ, количество его анализовъ не многочисленно, отсюда и выводы большой вѣроятности пока имѣть не могутъ.

Одно,—о чемъ можно пожалѣть—это то, что авторъ рядомъ съ тщательными химическими анализами не произвелъ микроскопическихъ изслѣдованій узловъ сердца, измѣненіямъ которыхъ, начиная съ изслѣдованій проф. К. Н. Виноградова, и до послѣдняго времени придаютъ такое важное значеніе въ случаяхъ смерти отъ хлороформа.

Трудъ автора, по нашему мнѣнію, вполнѣ заслуживаетъ награды золотой медалью.

Отзывъ проф. А. Догеля о работѣ на тему „Окончаніе нервовъ въ слюнныхъ железахъ", представленной для соисканія награды подъ девизомъ: „исторія произведеній земныхъ тѣсно связана съ судьбою человѣка, со всѣми его чувствованіями, мыслями и дѣйствіями".

Авторъ работы, которая была напечатана имъ въ „Anatomischer Anzeiger"*) и въ „Вѣстникѣ Естествознанія" довольно толково и тщательно излагаетъ свои наблюденія надъ окончаніемъ нервовъ въ слюнныхъ железахъ человѣка и млекопитающихъ животныхъ. Въ началѣ своего труда онъ приводитъ краткій литературный обзоръ работъ, касающихся даннаго вопроса, а затѣмъ переходитъ къ изложенію собственныхъ наблюденій.

Литературный отдѣлъ составленъ имъ достаточно подробно и указываетъ на знакомство автора съ результатами главнѣйшихъ работъ объ окончаніи нервовъ въ слюнныхъ железахъ.

Правда авторъ не цитируетъ послѣдней работы G. Retzius'a («Zur Kenntniss der Drüsennerven, Biologische Untersuchungen, T. IV, 1892), но

*) Ant. Anz., № 18, 1892. Вѣстникъ Естествознанія, № 3—4, 1892.

въ виду того, что она появилась въ концѣ прошлаго года, когда его собственныя изслѣдованія были закончены и притомъ относится къ низшимъ позвоночнымъ, упущеніе это ему нельзя поставить въ вину.

Что касается собственныхъ изслѣдованій автора надъ окончаніемъ нервовъ въ слюнныхъ железахъ, то они были сдѣланы помощью новѣйшихъ способовъ окраски нервной ткани метиленовою синькою и серебромъ. Несмотря на значительныя затрудненія, какія приходилось встрѣчать автору при окраскѣ нервовъ, онъ, видоизмѣнивъ самый способъ, все-таки добился ихъ окраски и описалъ весьма подробно распредѣленіе нервовъ между железистыми дольками, отношеніе ихъ къ железистымъ пузырькамъ и клѣткамъ. По изслѣдованіямъ автора, нервы образуютъ на поверхности железистыхъ пузырьковъ, подъ ихъ membrana propria, густую сѣть, составленную изъ тончайшихъ нервныхъ фибриллъ; послѣднія непосредственно прилегаютъ къ железистымъ клѣткамъ. Такимъ образомъ автору удалось указать на весьма тѣсное отношеніе нервныхъ элементовъ къ железистымъ клѣткамъ, что, конечно, имѣетъ весьма важное физіологическое значеніе. Только что означенныя наблюденія въ настоящее время подтверждаются отчасти Retzius'омъ и мною съ тѣмъ лишь различіемъ, что по нашимъ изслѣдованіямъ, надклѣточную нервную сѣть автора нельзя еще считать за конечную сѣть, такъ какъ отъ нея, повидимому, отдѣляются нервныя ниточки, проникающія между железистыми клѣтками каждаго пузырька.

Кромѣ того, авторъ работы болѣе или менѣе выяснилъ участіе мякотныхъ и безмякотныхъ, нервныхъ волоконъ въ образованіи надклѣточной сѣти и указалъ на отношеніе нервовъ къ выводнымъ протокамъ и кровеноснымъ сосудамъ железы.

Принимая во вниманіе интересные, имѣющіе безспорно научное значеніе, результаты настоящей работы и ту массу труда и времени, которые пришлось затратить автору во время своихъ изслѣдованій, я признаю работу объ окончаніи нервовъ въ слюнныхъ железахъ, заслуживающей золотой медали.

Отзывъ проф. В. Великаго о работѣ: „Окончаніе нервовъ въ слюнныхъ железахъ", представленной на соисканіе медали.

Вопросъ, затронутый авторомъ этого труда, представляетъ одинъ изъ самыхъ трудныхъ вопросовъ микроскопической анатоміи. Трудность рѣшенія вопроса главнымъ образомъ лежала въ невозможности до послѣдняго времени найдти надлежащій методъ для окраски тончайшихъ развѣтвленій нервовъ въ слюнныхъ железахъ, такъ какъ прежній способъ золоченія препаратовъ, дававшій почти для всѣхъ другихъ органовъ блестящіе результаты оказывался вовсе непригоднымъ для слюнныхъ железъ. Только съ примѣненіемъ окраски метиленовою синью по способу Erlich'a, въ особенности и отчасти

серебромъ, по способу Golgi, стало нѣсколько выясняться распредѣленіе нервовъ въ слюнныхъ железахъ и въ теченіи послѣднихъ лѣтъ появилось нѣсколько цѣнныхъ работъ по вопросу занимающему автора.

Эти работы авторъ приводитъ въ своемъ изслѣдованіи. Самъ онъ, примѣнивъ къ изслѣдованію слюнныхъ железъ, совершенно впервые физіологическій методъ окраски (окраска живой ткани железы подкожнымъ впрыскиваньемъ метиленовой сини), „не только во многомъ подтвердилъ наблюденія нѣкоторыхъ своихъ предшественниковъ (Ретціусъ), но и расширилъ ихъ. Ретціусъ въ своей работѣ (1892 г.) выражается весьма осторожно говоря, что видѣлъ развѣтвленіе по наружной поверхности железистыхъ клѣтокъ, а не между ними и во всякомъ случаѣ видѣнныя имъ развѣтвленія не считаетъ послѣдними окончаніями. Нашъ авторъ, идя дальше въ своихъ изслѣдованіяхъ, добавляетъ, что онъ видѣлъ, какъ эти нити образуютъ *непрерывную сѣть* подъ membrana propria около надъ-и подъ-клѣтками железъ и считаетъ эту сѣть непрерывною и замкнутую послѣднимъ окончаніемъ. Крайне интересными и совершенно новыми наблюденіями автора является замѣченное имъ отношеніе мякотныхъ нервовъ къ волокнамъ межъ-пузырьковой сѣти, и окончаніе нервовъ въ выводныхъ протокахъ.

Можно только пожалѣть, что авторъ не обратилъ должнаго вниманія на физіологическое состояніе железъ т. е. не указываетъ, изслѣдовалъ ли онъ окончаніе нервовъ во время покоя или работы железы; очень можетъ быть, что работая въ этомъ направленіи, онъ нашелъ бы рѣшеніе вопроса, почему онъ не находилъ свободныхъ окончаній, а только замкнутыя петли.

Во всякомъ случаѣ трудъ этотъ представляетъ много новаго какъ по методу, такъ и по результатамъ, и я считаю возможнымъ поощрить молодого изслѣдователя присужденіемъ ему золотой медали.

Рецензія проф. И. Судакевича на сочиненіе „Окончаніе нервовъ въ слюнныхъ железахъ“.

Окрашиваніе нервныхъ волоконъ по способу Ehrlich'a оказало громадныя услуги при изученіи взаимнаго отношенія между нервами и различными органами.

Результаты, получаемые при помощи этого метода, если и представляются иногда капризными, то во всякомъ случаѣ далеко оставляютъ за собой тѣ, какіе даютъ хлористое золото, осміева кислота и гематоксилинъ по Weigert'y.

Достаточное число работъ произведено по этому методу въ лабораторіи проф. А. С. Догеля, которому принадлежатъ весьма существенныя усовершенствованія самого метода.

Число этихъ работъ увеличивается еще одной, посвященной трудному вопросу окончанія нервовъ въ слюнныхъ железахъ.

Работа эта, несмотря на малый объемъ, производитъ отрадное впечатлѣніе.

Вначалѣ авторъ подробно излагаетъ литературу самого вопроса, затѣмъ описываетъ нѣсколько модифицированную методику и, наконецъ, переходитъ къ описанію распространенія нервовъ въ собственножелезистой ткани, выводныхъ протокахъ и кровеносныхъ сосудахъ слюнныхъ железъ.

Результаты, полученные авторомъ съ помощью метода Ehrlich'a, какъ оказывается, подтверждаются новыми работами по тому же вопросу, произведенными по способу Golgi—обстоятельство, увеличивающее цѣнность данныхъ, сообщаемыхъ авторомъ.

Къ работѣ приложены 4 весьма отчетливыхъ рисунка.

Принимая во вниманіе все сказанное, мы считаемъ трудъ автора вполнѣ достойнымъ награды золотой медалью.

ЖУРНАЛЪ ЗАСѢДАНІЯ

Совѣта Императорскаго Томскаго Университета.

30-го Октября 1893 года.

№ 13-й.

Присутствовали: И. об. Предсѣдателя Секретарь факультета ординарный профессоръ **Н. М. Маліевъ.**

Члены: ординарные профессоры: **С. І. Залѣскій, В. Н. Великій, Н. Ф. Кащенко, Э. Г. Салищевъ, А. П. Коркуновъ и И. Н. Грамматикати.**

Экстра-ординарные профессоры: **Ѳ. Я. Капустинъ, Н. А. Роговичъ, М. Г. Курловъ, Е. С. Образцовъ, И. С. Поповскій и В. В. Сапожниковъ.**

Отсутствовали: ординарные профессоры: **А. И. Судаковъ, А. В. Репревъ, Я. А. Анфимовъ** и экстра-орд. профессоры: **А. М. Зайцевъ, П. В. Буржинскій** и **Л. Л. Бартеневъ**—по болѣзни; орд. проф.: **Э. А. Леманъ, Ф. А. Ерофѣевъ** и экстра-орд. проф.: **А. С. Догель, И. И. Судакевичъ** и **Е. В. Вернеръ**—по неизвѣстной причинѣ и проф.: **Д. Н. Бѣликовъ** и **М. Ѳ. Поповъ** оставили засѣданіе, не дождавшись разсмотрѣнія дѣлъ, вслѣдствіе поздняго открытія засѣданія.

---

1. Прибывшій въ засѣданіе профессоръ А. И Судаковъ, вынужденный вслѣдствіе болѣзни оставить засѣданіе, просилъ, согласно § II п. 3 Университетскаго Устава, принять на себя предсѣдательскія обязанности секретаря факультета профессора Н. М. Маліева.

Для исполненія секретарскихъ обязанностей избранъ профессоръ С. І. Залѣскій.

2. Производилось испытаніе на степень доктора медицины лекаря Боровкова изъ акушерства и женскихъ болѣзней и хирургической патологіи; испытаніе изъ дѣтскихъ болѣзней не могло состояться, за отсутствіемъ въ засѣданіи профессора педіатріи Л. Л. Бартенева.

3. Читанъ и утвержденъ журналъ предшествовавшаго засѣданія Совѣта отъ 19 октября с. г. № 12.

4. Предсѣдательствующій доложилъ просьбу студентовъ III семестра, ходатайствующихъ о допущеніи ихъ къ испытанію въ концѣ текущаго осенняго семестра изъ органической химіи и фармакогнозіи.

Въ виду послѣдовавшихъ при обсужденіи этого вопроса со стороны нѣкоторыхъ членовъ Совѣта возраженій, вопросъ былъ поставленъ на голосо-

ваніе, и Совѣтъ большинствомъ голосовъ (8 противъ 5) постановилъ: допустить студентовъ второго курса къ испытанію изъ означенныхъ предметовъ въ декабрѣ мѣсяцѣ текущаго года, по окончаніи лекцій, въ коммиссіи подъ предсѣдательствомъ Декана изъ профессоровъ Лемана и Буржинскаго —по фармакогнозіи, изъ профессоровъ: Залѣскаго и Вернера—по органической химіи.

5. Профессоръ Военно-Медицинской Академіи П. М. Альбицкій прислалъ къ 22-му октября 1893 года слѣдующую телеграмму, доложенную на торжественномъ университетскомъ актѣ: „Привѣтствуя дорогой университетъ въ его пятую годовщину неизмѣнно горячо желаю ему счастья, процвѣтанія. Сердечно скорблю о погибели питомцевъ его моихъ бывшихъ слушателей Темирова и Петропавловскаго. Дай Богъ, чтобы ихъ товарищей, выступающихъ въ жизнь, не покидали здоровье, счастье, ревнивая любовь къ своей Alma mater и ея высокіе завѣты".

Подписано Предсѣдателемъ и членами Совѣта.

ЖУРНАЛЪ ЗАСѢДАНІЯ

Совѣта Императорскаго Томскаго Университета.

16-го Ноября 1893 года.

№ 14-й.

Присутствовали: Предсѣдатель, ректоръ Университета орд. проф. **А. И. Судаковъ.**

Члены: профессоръ Богословія **Д. Н. Бѣликовъ**; Ординарные профессоры: **С. І. Залѣскій, В. Н. Великій, Н. Ф. Кащенко, Э. Г. Салищевъ, А П. Коркуновъ, А. В. Репревъ, Ф. А. Ерофѣевъ, Я. А. Анфимовъ,**

Экстра-ординарные профессоры: **А. С. Догель, Ф. Я. Капустинъ, Н. А. Роговичъ, А. М. Зайцевъ, М. Г. Курловъ, М. Ф. Поповъ, П. В. Буржинскій, Е. С. Образцовъ, И. С. Поповскій, Л. Л. Бартеневъ** и **В. В. Сапожниковъ.**

Секретарь факультета ординарный профессоръ **Н. М. Маліевъ.**

Отсутствовали: Ординарный проф. **И. Н. Грамматикати**—по болѣзни, орд. проф. **Э. А. Леманъ** и экстра-орд. профессоры: **И. И. Судакевичъ** и **Е. В. Вернеръ**, не извѣстившіе о причинахъ своего отсутствія.

---

1). Предсѣдательствующій доложилъ слѣдующее предложеніе г. Попечителя Западно-Сибирскаго учебнаго округа отъ 15 ноября текущаго года за № 2668:

„Вслѣдствіе предложенія г. Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 19 „октября текущаго года за № 18642, честь имѣю покорнѣйше просить Ва„ше Превосходительство прочесть въ полномъ собраніи университетскаго Со„вѣта нижеслѣдующее предложеніе Его Сіятельства:

„Доставленныя командированнымъ мною въ Томскъ дѣйствительнымъ стат„скимъ совѣтникомъ Фонъ-Анрепомъ и имѣющіяся въ министерствѣ свѣдѣнія о дѣйствіяхъ нѣкоторыхъ профессоровъ Томскаго университета заставляютъ меня обратить особенное вниманіе на профессоровъ: Залѣскаго, Курлова и Салищева.

„Цѣлый рядъ журналовъ Совѣта университета указываетъ на крайнюю „безтактность профессора Залѣскаго при сужденіи дѣлъ, преимущественно „касающихся занимаемой имъ каѳедры. Искажая иногда фактическую сторо„рону разсматриваемаго вопроса, профессоръ Залѣсскій позволяетъ себѣ дѣ„лать возраженія въ рѣзкой и даже дерзкой формѣ. Оставаясь иногда при „отдѣльномъ мнѣніи, профессоръ Залѣскій, часто излагаетъ свое мнѣніе „на самомъ журналѣ крайне неряшливо. Такой же способъ изложенія отъ„дѣльныхъ мнѣній позволяетъ себѣ и профессоръ Курловъ и, что всего важ-

„нѣе допускаетъ въ своихъ дѣйствіяхъ неприличныя для профессора, по „отношенію къ начальствующимъ лицамъ, выходки. Профессоръ Салищевъ, „въ качествѣ предсѣдателя Общества естествоиспытателей и врачей, обна„ружилъ значительную несдержанность въ сношеніяхъ своихъ съ начальст„вомъ учебнаго округа, при чемъ упускаетъ изъ виду, что, состоя предсѣ„дателемъ Общества, онъ въ тоже время, по должности профессора является „подчиненнымъ попечителю учебнаго округа лицомъ.

„Обращаясь къ остальнымъ членамъ Совѣта Томскаго университета, я „не могъ не замѣтить въ нѣкоторыхъ изъ нихъ пристрастное отношеніе къ „разсматриваемымъ въ Совѣтѣ дѣламъ, что, къ сожалѣнію, не остается безъ „вліянія на постановленіяхъ Совѣта.

„Сообщая объ этомъ Вашему Превосходительству, имѣю честь покорнѣй„ше просить Васъ, Милостивый Государь, поставить объ изложенномъ на „видъ Совѣту Томскаго университета, предупредивъ профессоровъ Залѣска„го, Курлова и Салищева, что всякое съ ихъ стороны рѣзкое проявленіе „отсутствія миролюбія и сдержанности въ сужденіяхъ, а тѣмъ болѣе въ „дѣйствіяхъ, можетъ вызвать со стороны Министерства такія противъ нихъ „мѣры, которыя повлекутъ полное прекращеніе ихъ дѣятельности въ ка„кихъ бы то ни было учебныхъ заведеніяхъ“.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

2. Происходило испытаніе лекаря Боровкова на степень доктора медицины изъ физіологіи, фармакологіи и психіатріи съ нервными болѣзнями.

3. Разсматривался и обсуждался вопросъ относительно устройства госпитальныхъ отдѣленій и организаціи клиническихъ занятій со студентами въ больницахъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и въ лечебныхъ учрежденіяхъ другихъ вѣдомствъ.

Проектъ правилъ веденія учебныхъ занятій въ означенныхъ больницахъ, выработанный Его Сіятельствомъ г. Министромъ Нероднаго Просвѣщенія и предложенный на разсмотрѣніе Совѣта, былъ доложенъ въ засѣданіи 19 августа текущаго года.

Въ томъ же засѣданіи, согласно рѣшенію большинства членовъ, проектъ этотъ для предварительнаго всесторонняго обсужденія переданъ былъ представителямъ клиническихъ каѳедръ Императорскаго Томскаго Университета для представленія Совѣту соотвѣтствующихъ докладовъ.

Въ настоящемъ засѣданіи, во исполненіе состоявшагося 19 августа постановленія, секретаремъ факультета было доложено въ извлеченіи резюме изъ поступившихъ по этому вопросу докладовъ.

По выслушаніи этого доклада, Совѣтъ единогласно постановилъ: такъ какъ означенный проектъ вполнѣ удовлетворяетъ всѣмъ условіямъ порядка

веденія учебныхъ занятій въ больницахъ другихъ вѣдомствъ и въ частности въ Томской больницѣ Приказа Общественнаго Призрѣнія, то въ виду этого соображенія Совѣтъ не нашелъ возможнымъ сдѣлать какія либо дополненія по заслушанному и разсмотрѣнному въ Совѣтѣ проекту.

О таковомъ заключеніи Совѣта, въ отвѣтъ на предложеніе отъ 13 августа за № 1083, постановлено: довести чрезъ г. Попечителя учебнаго округа до свѣдѣнія г. Министра Народнаго Просвѣщенія.

Экземпляръ проекта безъ всякихъ измѣненій при этомъ возвращается.

4. Обсуждался вопросъ относительно выписки книгъ и журналовъ на предстоящій 1894 годъ, при чемъ предсѣдательствующій пояснилъ, что, въ виду многочисленныхъ заявленій о крайней медленности полученія выписываемыхъ книгъ необходимо изыскать мѣры къ устраненію указываемаго существеннаго неудобства.

При обсужденіи этого вопроса профессоръ Поповъ вошелъ въ Совѣтъ съ слѣдующимъ заявленіемъ:

„Разсмотрѣвъ и провѣривъ переданные мнѣ г. Ректоромъ списки книгъ и журналовъ, выписанныхъ для каѳедры судебной медицины, честь имѣю, по поводу ихъ, довести до свѣдѣнія Совѣта слѣдующія мои замѣчанія.

Совѣтъ Университета въ засѣданіи своемъ 18 апрѣля 1892 года (журналъ № 6) постановилъ: выписать для каѳедры судебной медицины, наравнѣ съ другими каѳедрами, на счетъ суммы, отчисленной изъ Сибиряковскаго капитала на выписку журналовъ за старые годы (3900 рублей), между прочимъ, два журнала:

1) Vierteljahrsschrift für gerichtliche Mèdicin und offentliches Sanitätswesen, за все время его существованія т. е. съ 1852 по 1890 годъ включительно.

2) Annales d' hygiène publique et de médecine legale за послѣднія 12 лѣтъ (3-я серія) съ 1879 по 1890 годъ.

Между тѣмъ, изъ отчета г. библіотекаря, доложеннаго Совѣту, видно, что это постановленіе послѣдняго до сихъ поръ выполнено лишь отчасти, а именно, для обоихъ журналовъ выписаны только годы съ 1885-го по 1890-й.

Отчетъ умалчиваетъ и не обѣщаетъ, что эти журналы будутъ выписаны и за остальное время, за которое положено ихъ имѣть въ библіотекѣ университета.

Напротивъ, по отчету можно видѣть, что это и не предполагается исполнить, такъ какъ въ числѣ журналовъ, о которыхъ г. библіотекаремъ сдѣланъ заказъ въ послѣднее время, названныхъ изданій не значится, хотя этимъ заказомъ онъ заканчиваетъ, какъ самъ выражается, операцію по пріобрѣтенію старыхъ изданій.

Въ виду этого, а также въ виду того, что г. библіотекарь, помимо согласія и разрѣшенія Совѣта, какъ видно изъ его отчета, выписываетъ журналы прежнихъ лѣтъ, ему неуказанные, а нѣкоторые передъ посылкой просить г. г. книгопродавцевъ снабжать изящными переплетами (хотя для переплета книгъ существуетъ особая сумма), т. е. затрачиваетъ ассигнованныя ему деньги не по назначенію, честь имѣю покорнѣйше просить Совѣтъ Университета сдѣлать ему (г. библіотекарю) напоминаніе и дать, по возможности скорѣе распоряженіе о выпискѣ вышеназванныхъ журналовъ, на счетъ предназначенныхъ для того суммъ, за все время, за которое ихъ положено пріобрѣсти.

Стоимость Vierteljahrschr, f. gerichtl. Medicin за время съ 1852 по 1884 г. включительно—около 80—90 руб. (Каталогъ W. Weber'a. Berlin Markgrafenstrasse, 46)—съ 1852—1879 г.—110 марокъ, каталогъ Franz'a Pietzeker'a (Medicinischen Bücher—Lager in Tübingen) 1893 г., за время съ 1852 г. по 1883 г.—200 марокъ, годовой абонементъ у Hirschwala'd въ Берлинѣ —14 марокъ). Стоимость Annalls d' hyg. et de méd. légale за 1879—1884 г. около 50 рублей (Librairie J.—B. Baillieri et fils, Paris, rue Hautefeuille, 19, третья серія—съ 1879 по 1887 г. стóить 198 франковъ, а по 1894 годъ включительно 132 франка). Что касается выписки книгъ для каѳедры судебной медицины, то честь имѣю обратить вниманіе Совѣта на ту медленность, съ которою она производится. Не смотря на то, что списки книгъ и журналовъ, по заявленію г. библіотекаря же, получены имъ въ маѣ 1892 года (мои списки переданы ему со всѣми необходимыми свѣдѣніями еще въ ноябрѣ 1891 года), заказы сдѣланы имъ только въ іюнѣ 1893 года.

Тѣ объясненія, которыя г. библіотекарь приводитъ въ отчетѣ въ свое оправданіе совершенно не удовлетворяютъ меня, такъ какъ упреки имъ сдѣланные ко мнѣ не приложимы и несправедливы. Какъ на одну изъ важныхъ причинъ замедленія, онъ указываетъ на несовершенство списковъ, доставляемыхъ ему нѣкоторыми г. г. профессорами, именно, тѣми, которые приносили на него оффиціальныя жалобы по выпискѣ книгъ. Между тѣмъ въ рапортѣ, съ которымъ я имѣлъ честь входить по этому дѣлу въ Правленіе Университета, въ маѣ сего года, мною было уже объяснено, что въ моемъ спискѣ недостатковъ и затрудненій для г. библіотекаря не было. Мною были указаны всѣ свѣдѣнія, которыхъ онъ желаетъ, т. е. точное заглавіе книги, имя автора, цѣна, годъ и мѣсто изданія, имя издателя, словомъ, было дано все, что нужно. Въ своихъ спискахъ я не нахожу ничего, что было бы въ этомъ отношеніи г. библіотекаремъ измѣнено или прибавлено, хотя списки находятся у него уже два года. Не смотря на такой долгій промежутокъ времени, до сихъ поръ еще многихъ книгъ не достаетъ и когда онѣ будутъ получены, не извѣстно.

Затрудненія для преподаванія, возникающія изъ такой медленности, заставляютъ меня утруждать вниманіе Совѣта этимъ заявленіемъ".

Профессоръ Репревъ съ своей стороны просилъ занести въ протоколъ слѣдующее: „Относительно выписки книгъ на штатныя суммы по общей и экспериментальной патологіи имѣю честь заявить слѣдующее.

Мнѣ до сихъ поръ неизвѣстно, какія книги выписаны по предмету общей патологіи до меня; изъ разспросовъ для этой цѣли я узналъ только то, что мой предшественникъ, кажется, всю свою штатную сумму передалъ въ пользованіе проф. патологической анатоміи. Что сдѣлано на штатныя суммы при моемъ предшественникѣ, мнѣ неизвѣстно. Представленный для просмотра реестръ книгъ отличается условными отмѣтками, значеніе которыхъ для меня непонятно. На счетъ выписанныхъ книгъ въ 1892 г. долженъ замѣтить, что 27 іюня 1892 г. я оффиціально покорнѣйше просилъ г. библіотекаря сообщить, какія книги выписаны до іюня мѣсяца для каѳедры общей патологіи. Заявленіе мое отъ 27 іюня 1892 г. за № 18 осталось безъ отвѣта до сего времени. Въ концѣ же года я узнаю, при представленіи г. библіотекаремъ отчета за 1892 г., что на предметъ общей патологіи истрачены не только всѣ штатныя суммы на 1892 годъ, но безъ моего вѣдома и согласія истрачена и часть изъ Сибиряковскаго капитала, назначеннаго на пополненіе книгъ по предмету общей патологіи. Г. библіотекарь въ концѣ отчета по выпискѣ книгъ для предмета общей патологіи за 1892 годъ, прибавляетъ, что на 1893 г. по предмету общей патологіи нельзя выписать ни книгъ, ни журналовъ. Не зная, до представленія отчета г. библіотекаря, какія книги выписаны и, не зная стоимости многихъ, назначенныхъ къ выпискѣ книгъ, не имѣя возможности быть поставляемымъ въ извѣстность, черезъ какой промежутокъ книги могутъ быть получены, въ годъ выписки, или на пріобрѣтеніе ихъ придется употребить большій срокъ, не могу при примѣрномъ реестрѣ точно обозначать количество выписываемыхъ книгъ на опредѣленную сумму. Въ виду изложеннаго считаю необходимымъ заявить, что порядокъ выписки книгъ долженъ быть измѣненъ".

Поддерживая предложеніе профессора Репрева, профессоръ Буржинскій заявилъ, что списокъ книгъ по каѳедрѣ фармакологіи отданъ имъ г. библіотекарю для выписки еще въ 1891 году, но по настоящее время нѣкоторыя намѣченныя изданія не получены и что ему также г. библіотекарь на запросы о положеніи дѣла не даетъ отвѣта, прибавляя, что никакихъ справокъ онъ и не дастъ.

Профессоръ Кащенко заявилъ:

„Въ представленномъ г. библіотекаремъ отчетѣ по выпискѣ зоологическихъ изданій имѣются лишь свѣдѣнія за послѣдніе три года (1891—1893), но нѣтъ никакихъ данныхъ относительно первыхъ двухъ лѣтъ моего пребы-

ванія въ университетѣ (1889—1890). Между тѣмъ, именно въ эти первые два года были отпущены значительныя суммы на первоначальное обзаведеніе библіотеки зоологическими изданіями и были мной сдѣланы значительные же заказы, о судьбѣ которыхъ я не имѣю настолько полныхъ свѣдѣній, какъ было бы желательно. Поэтому я желалъ бы получить отъ г. библіотекаря для провѣрки во 1-хъ мои подлинные заказные листы и во 2-хъ списки въ дѣйствительности полученныхъ изданій, съ означеніемъ ихъ цѣнъ".

Профессоръ Великій заявилъ, что дефицитъ, образовавшійся по исчисленію г. бибіотекаря при выпискѣ книгъ для каѳедры физіологіи только кажущійся, и возникъ вслѣдствіе уплаты изъ суммъ, назначенныхъ для каѳедры физіологіи, кромѣ стоимости и за доставку книгъ, что не должно бы имѣть мѣста, такъ какъ на пересылку всѣхъ книгъ отчисляется ежегодно особая сумма изъ общихъ библіотечныхъ средствъ.

Профессоръ Бѣликовъ, въ связи съ разсматриваемымъ вопросомъ, предложилъ Совѣту ассигновать средства для пополненія университетской библіотеки книгами историко-философскаго содержанія, въ виду крайней неполноты этого отдѣла библіотеки.

По выслушаніи всѣхъ этихъ заявленій, предсѣдательствующій доложилъ отчетъ по выпискѣ книгъ, представленный г. библіотекаремъ, отчетъ этотъ въ концѣ журнала прилагается въ подлинникѣ.

Совѣтъ, выслушавъ означенный отчетъ, и не удовлетворялсь доводами г. библіотекаря, относительно медленности полученія выписываемыхъ книгъ, пришелъ къ слѣдующимъ рѣшеніямъ:

а) Продолжать выписывать на 1894 годъ тѣже журналы, которые получались въ настоящемъ году съ добавленіемъ газеты „Русское Обозрѣніе" (по предложенію профессора Бѣликова), журнала „Научное Обозрѣніе" (по предложенію профессора Анфимова) „Revue des deux mondes" (по предложенію профессора Попова) и за исключеніемъ журнала „Zoologischer Jahrbücher" (согласно заявленію профессора Кащенко), въ виду недостаточности суммы, отчисленной на книги по зоологической каѳедрѣ.

б) Выписку журналовъ возложить по прежнему на г. библіотекаря, что же касается выписки книгъ, то разрѣшить г. г. профессорамъ выписывать книги непосредственно, послѣ предварительнаго о выписываемыхъ книгахъ заявленія въ Совѣтѣ, чтобы избѣжать пріобрѣтенія дублетовъ и при полной отвѣтственности въ случаѣ перерасхода.

в) Увеличить бюджетъ каѳедры гигіены и судебный медицины до 100 руб. каждой съ отнесеніемъ этого добавочнаго ассигнованія (въ 80 руб.) на счетъ библіотечныхъ суммъ, отчисляемыхъ на переплеты книгъ.

г) Покрыть библіотечный дефицитъ, имѣющійся въ настоящее время по нѣкоторымъ каѳедрамъ, всего въ размѣрѣ 437 р. 37 к. изъ могущихъ

образоваться въ концѣ года остатковъ отъ хозяйственныхъ суммъ или, при отсутствіи таковыхъ, изъ спеціальныхъ средствъ университета.

д) Просить профессора Бѣликова представить въ Совѣтъ списокъ важнѣйшихъ книгъ историко-философскаго содержанія, которыя было бы желательно пріобрѣсти немедленно, для пополненія библіотеки университета.

е) Предложить г. библіотекарю немедленно сообщить профессору Попову свѣдѣнія относительно выписки указанныхъ имъ журналовъ и профессору Кащенко о суммахъ, израсходованныхъ на книги по зоологической каѳедрѣ въ 1889 и 1890 годахъ.

5) Въ библіотеку университета поступили:

а) 92 экземпляра докторскихъ дисертацій и протоколы Академіи за 1890 и 1891 г. г. Отъ Императорской Военно-Медицинской Академіи.

б) Missouri botanigal garden Fourth annual report. Отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, изъ Коммиссіи по международному обмѣну изданій.

6) Секретарь факультета доложилъ, что допущенныя къ испытанію для полученія званія повивальной бабки: Дылевская Марія, Соловьева Зинаида и Елескина Руфина означенное испытаніе какъ теоретическое, такъ и практическое окончили удовлетворительно.

Постановлено: утвердить Дылевскую, Соловьеву и Елескину въ званіи повивальной бабки,—въ удостовѣреніе чего и выдать имъ установленныя закономъ свидѣтельства.

7) Малоархангельская Уѣздная Земская Управа Орловской губерніи отношеніемъ отъ 27 октября того года за № 1491 доводитъ до свѣдѣнія университета о полезной дѣятельности приглашеннаго для усиленія медицинскаго персонала въ борьбѣ съ холерной эпидеміею студента Томскаго университета Кокшарова.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

8) Допущены къ испытанію для полученія званія повивальной бабки.

а) жена мѣщанина Вѣра Степановна Проданова 25 лѣтъ, имѣющая свидѣтельство объ окончаніи въ Томской повивальной школѣ, отъ 28 мая 1893 года за № 1862.

б) Валентина Васильевна Пензенская, жена священника, имѣющая свидѣтельство объ окончаніи въ Томской повивальной школѣ въ 1886 г., выданное 17 іюня 1886 г. за № 1131.

в) Агнія Лукинишна Купенко, жена дворянина, окончившая курсъ въ Томской повивальной школѣ 25 мая 1893 года, свидѣтельство за № 1854.

Подписано Предсѣдателемъ и членами Совѣта.

Къ Журналу Совѣта 16-го ноября 1893 г. № 14.

Библіотечный бюджетъ по отдѣльн. каѳедрамъ на спеціальныя изданія.

1. Частной патологіи и врачебной діагностики . .	180 р.	13. Фармакологіи . . .	100 р.
2. Хирургіи	150 „	14. Общей патологіи . .	100 „
3. Зоологіи	150 „	15. Патологич. анатоміи .	100 „
4. Физики	135 „	16. Психіатріи	100 „
5. Ботаники	120 „	17. Фармаціи	90 „
6. Минералогіи	120 „	18. Акушерства	90 „
7. Анатоміи	120 „	19. Офталмологіи . . .	90 „
8. Гистологіи	120 „	20. Сифилидологіи . . .	90 „
9. Гигіены	100 „	21. Химіи медицинской .	75 „
10. Судебной медицины .	100 „	22. Химіи органической и неорганической . . .	75 „
11. Физіологіи	100 „	23. Дѣтскихъ болѣзней .	70 „
12. Богословіе	100 „	Итого . .	2475 р.

Заявленіе г. Библіотекаря Университета отъ 12 ноября.

На основаніи § 22 правилъ пользованія библіотекою, имѣю честь представить при семъ отчетъ по выпискѣ научныхъ періодическихъ изданій, которыя признано было необходимымъ пріобрѣсти въ полномъ составѣ, или же въ дополненіе къ имѣющимся въ библіотекѣ дефектнымъ изданіямъ.

Постановленіе Совѣта по этому предмету состоялось 18 апрѣля 1892 г., причемъ согласно заключенію библіотечной комиссіи, всѣ вообще журналы должны были выписываться исподоволь, по возможно дешевымъ цѣнамъ. Но такъ какъ моя смѣта по этой выпискѣ была составлена въ декабрѣ 1891 и январѣ 1892 г.г., а сдѣлать заказы возможно было лишь по утвержденіи г. Попечителемъ журнала Совѣта (что имѣло мѣсто въ маѣ мѣсяцѣ), то оказалось, что многія изъ періодическихъ изданій, показанныя мною въ смѣтѣ по самой дешевой цѣнѣ, ко времени заказа были уже проданы, почему въ иныхъ случаяхъ произошло незначительное повышеніе цѣнъ противъ смѣты.

Далѣе, при составленіи смѣты я вездѣ допускалъ возможность покупки отдѣльныхъ тетрадей къ дефектнымъ томамъ журналовъ, но книгопродавцы не признали возможнымъ разрознить свои экземпляры, почему и пришлось покупать вмѣсто выпусковъ цѣлые томы, напр. для Schmidt's Jahrbücher, Virchow's Archiv и Deutsches Archiv f. klinische Medicin. По этимъ только тремъ журналамъ пришлось превысить смѣту на 103 р. 25 к.

Кромѣ того, постановленіемъ библіот. комиссіи моя, и безъ того минимальная, оцѣнка была въ иныхъ случаяхъ еще болѣе понижена, хотя и незначительно.

По всѣмъ этимъ причинамъ, а также потому, что наиболѣе цѣнные журналы я поручилъ книгопродавцамъ передъ отправкой въ Россію переплести, произошло незначительное превышеніе противъ смѣты, хотя и уравновѣшиваемое иной разъ пониженіемъ стоимости нѣкоторыхъ изданій, какъ видно изъ ниже слѣдующей таблицы:

№№ по смѣтѣ.	НАЗВАНІЕ ЖУРНАЛОВЪ.	Цѣна въ рубляхъ. По смѣтѣ. руб.	к.	По постан. библ. комм. руб.	к.	Дѣйств. стоимость. руб.	к.	Разница. + дешевле. − дороже. руб.	к.
	I. По счету Брокгауза отъ $\frac{24}{I.}$ 1893 г.								
17	Revue de chirurgié. Vols 1—10 *Mk. 106*. . . .	54	50	54	50	53	—	+ 1	50
27	Annales de l' institut Pasteur. Vols 1—4. *Mk. 64.*	35	—	30	60	32	—	— 1	40
33	Revue d' hygiène. Vols 1—12. *Mk. 175.* . . .	100	—	100	—	78	50	+ 12	50
		за 2 сер.		за 5 л.					
4	Annales d' hygiène publique. Vols 15—24. *Frs 100.*	197	70	84	—	40	—	+ 44	—
10	Comptes rendus de l' Acad. de Paris. Vols. 70—71. 76—81. 86—107. Mk. 290 + упаковка M. 15.51 = *Mk. 305.50*	232	—	232	—	152	75	+ 79	25
	II. Библіографич. соч. по счету Гаррасовица отъ $\frac{6}{XII.}$ 1892 г.								
	(Всчетъ остатка отъ первонач. ассигнов. Сибир. кап. 78 р. + 130 р.)	208	—	208	—	177	30	+ 30	70
	III. По счету Брокгауза отъ $\frac{20}{XII.}$ 1892 г.								
25	Arbeiten aus d. Kais. Gesundheitsamte. Bde 1—6. *Mk. 120.*	52	50	51	—	60	—	+ 8	—
13	Deutsches Archiv für klinische Medicin. Bde 1—2. 10—22. 24—45. *Въ переплетѣ. Mk. 270.*	174	—	176	—	135	—	+ 41	—
24	Zeitschrift für. Hygiene. Bde 1—9. *Mk. 127.* . .	70	85	68	—	63	50	+ 4	50
20	Zeitschrift für klinische Medicin. Bde 15—18. *Mk. 40.*	21	50	21	50	20	—	+ 1	50
	IV. По счету книгопр. Г. Фокка отъ $\frac{30}{XII.}$								
38	Baumgartens Jahresbericht, n. Reg. Bde 1—5, *въ 6 перепл. Mk. 52.40.*	31	80	31	80	27	20	+ 4	60
1	Archiv f. klinische Chirurgie. Bde. 25—40, *въ 16 перепл. Mk. 334.*	175	—	186	—	167	—	+ 9	—
15	Fortschritte d. Medicin. Bde 1—3, *въ 2 перепл. Mk. 32.20.*	16	—	16	—	16	10	—	10
6	Archiv f. experim. Pathologie Bde. 17—27 и XI, Heft 4. *въ 11 перепл. Mk. 152.60.*	66	50	66	50	76	30	— 9	80
14	Deutsche Zeitschrift f. Chirurgie. Bde 1—31, *въ 31 перепл. Mk. 299.80.*	159	—	139	—	149	80	+ 9	20
3	Archiv f. Hygiene. Bde 1—11, *въ 11 перепл. Mk .143.20.*	56	50	56	—	71	60	— 15	60
18	Schmidt's Jahrbücher Bde 117—136. 181—104. 189—220, *въ 56 перепл. Mk. 356.*	129	—	129	—	153	—	— 24	—
11	Centralblatt f. Chirurgie. Bde 1—2. 7—18, *въ 14 перепл. Mk. 200.*	98	—	98	—	100	—	— 2	—
39	Archiv f. Ophthalmologie. Bde 1—6. 13—36, *42 переплетахъ Mk. 742.*	309	—	309	—	371	—	— 62	—
*	Virchow-Hirsch's Jahreber. üb. d. Leistungen in der gesammt. Medicin, *1887—91* (10 томовъ). *Mk. 155.*	—	—	—	—	77	50	—	—
7	Virhhow's Archiv f. patholog. Anatomie, Bde 1—16. 10. 22. 28. 45. 68. 93—114, *въ 63 перепл. Mk. 744.50.* (Ф. $\frac{20}{II.}$ 93)	294	—	—	—	372	25	— 78	25

№№ по смѣтѣ.	НАЗВАНІЕ ЖУРНАЛОВЪ.	Цѣна въ рубляхъ. По смѣтѣ. руб.	к.	По постан. библ. комм. руб.	к.	Дѣйств. стои-мость. руч.	к.	Разница. + дешевле. − дороже. руб.	к.
*	General-Register zu Schmidt's Jahrbücher, къ томамъ 101—220, *въ 4 перепл. Mk. 44.* (Ф. $\frac{20}{III.}$ 93) .	—	—	—	—	22	—	—	—
22	Therapeutische Monatshefte. Bde 1—4, *въ 4 пер.* (Ф. $\frac{2}{XII.}$ 92) *Mk. 45.*	23	—	23	—	12	50	+ —	50
*	General-Register zu Virchow-Hirsch's Jahresbericht. Бр. *Mk. 24.*	—	—	—	—	12	—	—	—
36	* Jahresber. üb. d. Fortschritte im geb. d. Ophthalmologie Bde 1—20. Ф. *Mk 180.*	92	70	90	—	90	—	—	—
35	Jahresbericht üb. d. Fostschritte auf d. Gebicete d. Geburtshülfe. Bde 1—5. Бр. $\frac{20}{XII.}$ 92 *Mk. 60.* . . .	36	—	28	—	30	—	— 2	—
21	Zeitschrift f. Biologie. Bde 1—4. 12—27. и 3 отд. выпуска	161	50	160	—	ож	ид	ается.	
26	Centralblatt f. Bakteriologie. Bde 1—5.	30	65	29	85	ож	ид	ается.	
	Итого. . .	2825	70	2691	75	2579	30	+ 33	10

Въ силу особенныхъ условій, пришлось выдѣлить изъ этой таблицы и отчислить на отпущенные изъ Сибиряковскаго капитала для отдѣльныхъ каѳедръ 2650 р. слѣдующіе журналы, по нижеуказываемымъ причинамъ:

№№ по смѣтѣ.	НАЗВАНІЕ ЖУРНАЛОВЪ.	Цѣна въ рубляхъ. По смѣтѣ. руб.	к.	По постан. библ. комм. руб.	к.	Дѣйств. стои-мость. руб.	к.	Разница. + дешевле. − дороже. руб.	к.
40	1) на счетъ каѳедры *судебной медицины*: Vierteljarsschrift f. ger. Medicin 1888—90. Бр. *Mk. 65.* 1885—87. Ф. *Mk. 38* и 1891. Ф. *Mk. 12.20.* Всего *Mk. 115.20.* потому что, не зная постановленія Совѣта о томъ, что проф. Судакову разрѣшено было въ теченіе 2 лѣтъ употреблять на нужды гигіенич. каѳ. ежегодно ассигнуемые на каѳ. судебной медицины 60 руб. я ввелъ ихъ на приходъ въ разсчетную вѣдомость проф. Попова и ошибочно увеличилъ его штатный бюджетъ.	42	—	42	—	56	60	— 15	60
2	2) на счетъ *каѳедры гинекологіи*: Archiv. Gynäkologie. Bde 1—12. 14. 31—39, *въ 29 переплетахъ* Ф. $\frac{30}{XII.}$ *Mk. 312.*	200	—	200	—	156	—	+ 44	—
	Всего. . .	242	—	242	—	213	60	× 28	40
	Окончательный выводъ . .	3067	70	2912	25	2792	90	+ 62	50

за невозможностью выдѣлить, согласно предложенію г. Попечителя отъ 8 мая 1892 за № 1081, на пріобрѣтеніе этого журнала что-либо изъ разверстанныхъ уже 3900 рублей, такъ какъ Совѣтъ не далъ мнѣ надлежащаго на это предметъ указанія, а состояніе бюджета по каѳедрѣ гинекологіи вполнѣ допускало такой разсчетъ.

Мнѣ остается еще упомянуть о томъ, что книгопродавцемъ Фоккомъ доставлены въ совершенно новыхъ, изящныхъ и прочныхъ переплетахъ 291 томъ періодическихъ изданій.

Теперь позволю себѣ остановиться на вышеприведенной таблицѣ и попытаюсь объяснить значеніе конечныхъ цифровыхъ данныхъ.

Во 1-хъ) По смѣтѣ библіотечной коммиссіи на выписку всѣхъ вообще журнальныхъ дефектовъ назначено 3900 р., считая въ томъ числѣ расходы по пересылкѣ (350 р.), на библіографическія пособія (130 р.) и ассигнованіе на каѳедры: нервныхъ болѣзней (300 руб.), сифилисъ и дѣтскія болѣзни (вмѣстѣ 300 р.); собственно же на пріобрѣтеніе журналовъ отчислено 2717 р. 75 (въ постановленіи библіотечной коммиссіи ошибка на 1 р.— 2716 р. 75). Но если взять итогъ всѣхъ этихъ частныхъ ассигнованій— 3797 р. 65 к., то мы получаемъ свободный отъ 3000 р. остатокъ въ 102 р. 25 к., который долженъ былъ служить фондомъ на покрытіе перерасхода по той или иной статьѣ.

Изъ суммы на выписку дефектовъ нужно вычесть стоимость и пока неполученныхъ журналовъ—Zeitschrift für Biologie (160 р.) и Centralblatt für Bakteriologie (29 р. 85 к.), всего 180 р. 85 к. b) журналовъ Berliner Klinische Wochenschritt (96 руб.) и Deutsche Medicinische Wochenschrift (96 р.), на сумму 192 р., выписка коихъ была отмѣнена, такъ какъ проф. Курловъ получилъ извѣстіе отъ В. А. Манассеина о высылкѣ этихъ изданій въ полномъ составѣ. Такимъ образомъ расходъ по выпискѣ долженъ простираться до (2717 р. 75—381 р. 85) 2335 р. 90 коп., тогда какъ по моей таблицѣ употреблено на это 2579 руб. 30 коп., т. е. перерасходовано 243 р. 40 коп.

Перерасходъ этотъ произошелъ отъ того, что я выписалъ регистры ко всѣмъ изданіямъ и дополнилъ *Jahresbericht* v. Virchow – Hirsch и *Zeitschrift* für klinische Medicin, на что потребовалось 129 р. 50 к. Регистры выписаны для облегченія справокъ, являясь за которыми г.г. профессора отнимаютъ у меня много времени, а *Zeitschr**) f. kl. Medizin – по желанію клиницистовъ. Остальные 113 р. 90 коп. изъ суммы перерасхода падаютъ на переплеты, исполненные Фоккомъ въ количествѣ 201 тома, т. е. въ среднемъ по $39^1/_7$ коп. за переплетъ.

Во 2-хъ) Является вопросъ: всѣдствіе произведеннаго перерасхода, будетъ ли достаточно остающихся отъ 3900 р. за вычетомъ дѣйствительнаго расхода въ 2579 р. 30 к., свободными 1320 р. 70 к. на покрытіе всѣхъ расходовъ по этой операціи?

---

*) Ошибка см. постан. библ. комиссіи.

Для рѣшенія этого вопроса я разсмотрю прежде всего расходы по пересылкѣ книгъ. Всѣ вообще журналы доставлены были въ 7 ящикахъ, а библіографическія пособія—въ 1 ящикѣ, именно:

а) отъ книгопр. *Брокгауза*:

ящикъ № 2941, вѣсу. . . .	6 п. 20 ф.	40 р. 93 к.		
„ № 2824, „	15 „ 20 „	— „ — „		
	22 „ — „	— „ — „	149 р. 11 к.	

в) отъ книгопр. *Гаррасовица*:

ящикъ № 361 вѣсу	2 „ 8 „	— „ — „	16 „ 88 „	

с) отъ книгопр. *Фокка:*

ящикъ № 1517—1518, вѣсу .	11 „ 13 „	62 „ 49 „		
„ №№ 6—7, вѣсу . . .	23 „ 25 „	108 „ 95 „		
„ № 124, вѣсу	4 „ 24 „	34 „ 39 „		
	39 „ 22 „	205 „ 83 „		

Но такъ какъ экспедиторъ фирмы Фокка допустилъ при упаковкѣ ошибку, вложивъ въ эти ящики книги, лично мнѣ адресованныя и выписанныя мною для нѣкоторыхъ изъ г.г. профессоровъ, то съ меня взыскано было 94 р. 25 к., такимъ образомъ пересылка трехъ ящиковъ обошлась въ . . . . 111 „ 58 „

Весь расходъ по пересылкѣ достигаетъ, съ присоединеніемъ выведенныхъ Брокгаузомъ за упаковку книгъ 4 руб. 281 „ 57 „

Дальнѣйшіе расходы изъ остатка въ 1320 р. 70 коп. слѣдующіе:

1) Въ бюджетъ каѳедры нервныхъ болѣзней отчислено.	300 „ — „
2) Тоже, на каѳедры сифилит. и дѣтск. болѣзней . .	300 „ — „
3) За покрытіемъ части расхода на библіографическія пособія остаткомъ отъ первоначальнаго ассигнованія на библіотеку въ 78 р., на этотъ предметъ дѣйствительно употреблено не 177 р. 30 к., какъ выведено въ таблицѣ, а	98 „ 30 „
Всего израсходовано въ счетъ 1320 р. 70 к.	979 „ 87 „

Остается не израсходованной суммы *340 р. 83 к.*

Остатка этого съ избыткомъ хватитъ на уплату за неполученные еще журналы Zeitschrift f. Biologie (160 р.) и Centralblatt für Bakteriologie (29 р. 85 к.), если бы даже цѣны этихъ журналовъ были нѣсколько повышены противъ смѣты.

Въ заключеніе отчета я позволяю себѣ сказать, что утвержденная Совѣтомъ смѣта исполнена мною возможно точно. Около $^4/_5$ изъ всего количества журналовъ выписано мною въ переплетахъ, ко всѣмъ журналамъ пріобрѣтены регистры и дополнено справочное изданіе—*Jahresbericht* Virchow—Hirsch'a, что совсѣмъ не входило въ смѣту.

Что касается упрека въ медленности, съ какою получаются книги и журналы, и которую мнѣ ставятъ на видъ нѣкоторые изъ г.г. профессоровъ, то я просилъ бы Совѣтъ принять во вниманіе слѣдующее.

Томскъ отдаленъ отъ книжныхъ центровъ на многія тысячи верстъ; транспортированіе производится медленно до такой степени, что ящики съ книгами приходятъ изъ Лейпцига иногда черезъ полгода; подборъ журналовъ за старые годы даже за границей совершается книгопродавцами не очень быстро. Самое подъискиваніе книгъ затрудняется для меня и книгопродавцевъ тѣмъ обстоятельствомъ, что г.г. профессора иной разъ неточно приводятъ заглавія выписываемыхъ ими книгъ, пропуская годъ изданія и мѣсто печатанія и за частую совсѣмъ не указываютъ стоимости книги. Если все это принять во вниманіе, то значительная доля вины въ медленности должна быть снята съ меня.

Въ самомъ дѣлѣ: могу ли я *немедлено* сдѣлать заказъ на книги, неизвѣстно сколько стоющія?

Если *не могу*, то не долженъ ли я, предварительно заказа, употребить нѣкоторое время (иногда значительное) на опредѣленіе стоимости и времени выхода въ свѣтъ этихъ книгъ, чтобы книгопродавецъ быстро нашелъ книгу и не взялъ за нее лишнихъ денегъ?

Если же *могу*, то я ли долженъ отвѣтствовать за всѣ послѣдствія заказа, исполненнаго быстро, по собственноручнымъ спискамъ г.г. профессоровъ?

Книгопродавецъ тщетно будетъ искать нужныя книги, а если и найдетъ случайно, то поставитъ за нихъ высокія цѣны, причемъ можетъ прислать, напр., совсѣмъ не то изданіе, которое имѣлось въ виду.

Поэтому, почтительнѣйше прося Совѣтъ о всестороннемъ разсмотрѣніи моего отчета, вмѣстѣ съ тѣмъ ходатайствую, чтобы списки дезидератъ по отдѣльнымъ каѳедрамъ не имѣли указываемыхъ мною недостатковъ.

Приложеніе къ журналу Совѣта 16 ноября, № 14.

КОПІЯ.

Проектъ правилъ о порядкѣ веденія учебныхъ занятій въ лечебныхъ заведеніяхъ вѣдомства Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и другихъ вѣдомствъ.

1. Дѣйствію сихъ правилъ подлежатъ тѣ изъ состоящихъ въ вѣдомствѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ лѣчебныя заведенія какъ государственныя, такъ и частныя, кои могутъ служить госпитальными клиниками Императорскихъ университетовъ, для чтенія лекцій студентамъ медицинскаго факультета по предметамъ, требующимъ наблюденія у кровати больныхъ.

2. Каждое лечебное заведеніе можетъ дѣлиться на клиническія отдѣленія: число и составъ отдѣленій опредѣляются Совѣтомъ университета по ходатайству медицинскаго факультета и не иначе, какъ по соглашенію съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ.

3. Въ означенныхъ выше лѣчебныхъ заведеніяхъ можетъ преподаваться, если позволитъ мѣсто, патологическая анатомія. Снабженіе кабинета патологической анатоміи учебно-вспомогательными предметами производится университетомъ.

4. Каждое клиническое отдѣленіе по учебно-лѣчебной части находится въ завѣдываніи у одного изъ профессоровъ по избранію и *назначенію Совѣта университета*, соотвѣтственно преподаваемымъ имъ отраслямъ практической медицины. О такомъ назначеніи профессора Попечитель сообщаетъ Медицинскому Департаменту Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Профессоръ же патологической анатоміи посѣщаетъ госпиталь только для чтенія лекцій и завѣдываетъ заломъ для патолого-анатомическихъ вскрытій.

5. Завѣдывающій клиническими отдѣленіями лѣчебнаго заведенія состоитъ консультантомъ его заведенія.

6. Въ помощь завѣдывающему отдѣленіемъ опредѣляются по его выбору и по соглашенію съ главнымъ врачемъ въ качествѣ ассистента одинъ какъ изъ штатныхъ или сверхштатныхъ врачей лѣчебницы, такъ и изъ университетскихъ ординаторовъ и ассистентовъ, съ подчиненіемъ сихъ послѣднихъ главному врачу на общемъ основаніи.

7. Избраніе больныхъ для клиническихъ отдѣленій изъ вновь вступающихъ въ лѣчебницу лицъ и перемѣщеніе больныхъ изъ одного отдѣленія въ другое производятся завѣдывающими отдѣленіями, по соглашенію съ главнымъ врачемъ.

8. Для чтенія практическихъ лекцій въ лѣчебницѣ, если позволитъ мѣсто, назначается особое помѣщеніе, въ которое больные доставляются изъ отдѣленія для демонстраціи предъ студентами.

9. Больные, умершіе въ отдѣленіи, подлежатъ вскрытію. О времени вскрытія извѣщаются завѣдывающій отдѣленіемъ и студенты. Патолого-анатомическіе препараты, составляя собственность патолого-анатомическаго кабинета лѣчебнаго заведенія, предоставляются въ пользованіе завѣдующихъ отдѣленіями, какъ научный матеріалъ.

10. При назначеніи лѣкарствъ и порцій больнымъ, завѣдывающіе отдѣленіями руководствуются существующими больничными каталогами и табелями. Для пользы больныхъ они могутъ назначать врачебныя и діэтетическія средства и неположенныя каталогами и табелями, но расходъ въ этомъ случаѣ относится на счетъ университета.

11. Вскрытія тѣлъ на лекціяхъ производятся студентами, подъ руководствомъ профессора патологической анатоміи. Назначеніе труповъ, сверхъ получаемыхъ изъ клиническихъ отдѣленій, для вскрытія на лекціяхъ и для другихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій зависитъ отъ главнаго врача.

12. Студенты посѣщаютъ палаты, избранныя для клиническихъ лекцій, въ назначенные университетскимъ начальствомъ часы, по соглашенію съ главнымъ врачемъ. Они обязаны исполнять установленный въ госпиталѣ порядокъ и подчиняются по занятіямъ въ клиническихъ отдѣленіяхъ—распоряженіямъ завѣдывающихъ этими отдѣленіями, въ остальныхъ отношеніяхъ—распоряженіямъ главнаго врача. Въ клиническихъ отдѣленіяхъ студенты дежурятъ поочередно, по назначенію завѣдывающихъ сими отдѣленіями, и въ это время вполнѣ подчиняются главному врачу и ассистенту.

13. Главный врачъ больницы содѣйствуетъ всѣми мѣрами распоряженіямъ по устройству клиническихъ отдѣленій и необходимыхъ при нихъ помѣщеній для научнаго веденія клиническаго преподаванія и къ лучшему ходу преподаванія въ нихъ, но безъ стѣсненія больныхъ и не выходя изъ опредѣленной на лѣчебное заведеніе суммы.

ЖУРНАЛЪ ЗАСѢДАНІЯ

Совѣта Императорскаго Томскаго Университета.

30-го Ноября 1893 года.

№ 15-й.

Присутствовали: Предсѣдатель ректоръ—орд. проф. **А. И. Судаковъ**.

Члены: профессоръ богословія **Д. Н. Бѣликовъ**, ординарные профессоры: **С. І. Залѣскій, В. Н. Великій, Э. А. Леманъ, Н. Ф. Кащенко, Э. Г. Салищевъ, А. П. Коркуновъ, А. В. Репревъ, Я. А. Анфимовъ.**

Экстр. орд. проф. **А. С. Догель, А. М. Зайцевъ, Ф. Я. Капустинъ, Н. А. Роговичъ, М. Г. Курловъ, М. Ѳ. Поповъ, П. В. Буржинскій, Е. С. Образцовъ, И. С. Поповскій, Л. Л. Бартеневъ и В. В. Сапожниковъ.**

Секретарь факультета орд. проф. **Н. М. Маліевъ.**

Отсутствовали: ординарные профессоры: **Ѳ. А. Ерофѣевъ И. Н. Гриматикати** и экстра-орд. проф.: **И. И. Судакевичъ**—по болѣзни и экстра-орд. проф. **Е. В. Вернеръ.**

---

1) Обсуждался проэктъ редакціи привѣтственной телеграммы ко дню Тезоименитства Августѣйшаго Почетнаго Члена Томскаго университета Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича.

Постановлено: поручить ректору и декану отправить за ихъ подписью отъ имени Совѣта Императорскаго Томскаго университета, ко дню Тезоименитства Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича привѣтственную телеграмму съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ и пожеланій.

2) Происходило испытаніе на степень доктора медицины лекаря Боровкова изъ гигіены, судебной медицины, кожныхъ и венерическихъ и дѣтскихъ болѣзней.

По окончаніи испытанія секретарь факультета заявилъ, что г. лекарь Боровковъ въ установленный для теоретическаго испытанія шестинедѣльный срокъ экзаменъ по всѣмъ предметамъ окончилъ удовлетворительно; испытаніе было начато 19 октября и окончено 30 ноября.

Постановлено: допустить лекаря Боровкова къ практическимъ испытаніямъ на степень доктора медицины.

3) Согласно § 4 библіотечныхъ правилъ, въ замѣнъ выбывшихъ по жеребью, какъ пробывшихъ годъ въ составѣ коммиссіи, двухъ очередныхъ членовъ

библіотечной коммиссіи проф. Бѣликова и Зайцева,—большинствомъголосовъ избраны въ члены библіотечной коммиссіи проф. Коркуновъ и Поповъ.

4) Профессоръ Курловъ, какъ предсѣдатель библіотечной ревизіонной коммисіи сдѣлалъ докладъ о результатахъ ревизіи, произведенной въ апрѣлѣ мѣсяцѣ текущаго года, первыхъ 10,000 томовъ иностраннаго отдѣленія университетской библіотеки.

Изъ доклада видно, что № 3224, седьмой томъ № 4955 и восьмой томъ № 6072 оказались при ревизіи не найденными.

Кромѣ того, подъ № 7150 долженъ бы, согласно каталогу, находиться архивъ Графа Строганова,—а вмѣсто него коммиссіей найдены помѣщенными подъ этимъ номеромъ переплетенныя ноты разныхъ музыкальныхъ сочиненій,—при чемъ г. библіотекарь заявилъ, что означенный подъ № 7150 архивъ, по распоряженію г. попечителя, былъ возвращенъ графу Строганову.

Совѣтъ постановилъ: согласно § 90 библіотечныхъ правилъ, обязать г. библіотекаря розыскать въ полугодовой срокъ не оказавшіяся при ревизіи сочиненія, объясненіе же г. библіотекаря относительно архива графа Строганова представить на благоусмотрѣніе г. попечителя.

Подлинный докладъ ревизіонной коммиссіи въ концѣ журнала прилагается.

5) Обсуждался вопросъ о распредѣленіи на предстоящій 1894 годъ штатныхъ суммъ на учебно-вспомогательныя учрежденія и вмѣстѣ съ тѣмъ объ ассигнованіи изъ этихъ суммъ штатнаго содержанія для вновь учрежденной второй каѳедры химіи.

Внося на обсужденіе сказанный вопросъ, предсѣдательствующій пояснилъ, что для веденія практическихъ занятій по аналитической химіи, равно какъ и для теоретическаго изложенія неорганической и органической химіи, необходимо выдѣлить, согласно заявленію профессора Вернера, для второй каѳедры химіи сумму не менѣе 800 руб. и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо также сдѣлать нѣкоторыя дополнительныя ассигнованія для тѣхъ каѳедръ, штатныя суммы которыхъ оказались до извѣстной степени недостаточными, именно: увеличить содержаніе лабораторій каѳедръ судебной медицины и врачебной діагностики.

Для достиженія этой цѣли предсѣдательствующій полагалъ бы поступить слѣдующимъ образомъ: а) сократить ежегодныя штатныя ассигнованія изъ 13400 руб., отпускавшіяся по настоящее время для ботаническаго сада въ размѣрѣ 800 р., и медицинской химіи въ размѣрѣ 900 р. на 200 руб. каждую; б) уменьшить содержаніе анатомическаго института (900) р.), патолого-анатомическаго кабинета (800 р.) и зоологическаго музея (900 р.) на 100 рублей каждый; в) сократить содержаніе по каѳедрамъ: физіологіи,

общей патологіи, гигіены, физики, акушерства, хирургической патологіи и дерматологіи, каждой на 50 руб. Изъ составившейся такимъ образомъ суммы въ 1050 руб., ассигновать профессору Вернеру, согласно его заявленію 800 руб., для судебной медицины 150 и 100 руб. профессору Коркунову для діагностической лабораторіи.

Противъ проэкта такого распредѣленія послѣдовали возраженія и заявленія со стороны г. г. профессоровъ: Сапожникова, Великаго, Залѣскаго, Капустина, Кащенко, Коркунова, Анфимова и другихъ.

Завѣдущій ботаническимъ садомъ профессоръ Сапожниковъ полагаетъ, что „штатная сумма сада (800 р.) весьма не велика въ виду слѣдующихъ соображеній.

1) Для содержанія въ порядкѣ четырехъ отдѣленій сада (оранжереи, систематическое отдѣленіе, отдѣленіе аптекарскихъ растеній и питомникъ) требуются значительные расходы на наемъ поденныхъ рабочихъ, покупку садовыхъ матеріаловъ и пр.

2) Оранжереи, до сихъ поръ не получившія спеціальной суммы на пріобрѣтеніе растеній, составились изъ экземпляровъ, или выведенныхъ изъ сѣмянъ, или пожертвованныхъ, и требуютъ пополненія новыми растеніями, необходимыми при изложеніи курса. Расходы на этотъ предметъ предполагалось производить изъ штатной суммы.

3) Штатная сумма сада съ 1893 года уже сократилась на 180 руб. тѣмъ, что университетъ рѣшилъ оплачивать изъ общихъ средствъ только трехъ садовниковъ, вмѣсто прежнихъ четырехъ,—четвертаго же приходится оплачивать изъ штатной суммы. Такимъ образомъ послѣдняя, строго говоря, уже понижена до 620 руб.

Наконецъ, если бы оказался незначительный остатокъ, завѣдующій находилъ бы весьма полезнымъ завести опыты посадки и акклиматизаціи новыхъ древесныхъ породъ.

Въ виду вышеизложеннаго завѣдующій садомъ полагаетъ, что уменьшеніе штатной суммы должно весьма неблагопріятно отозваться на правильномъ развитіи и ростѣ учрежденія, на которое уже сдѣланы значительныя затраты, и поэтому проситъ Совѣтъ сохранить за садомъ прежнюю штатную сумму (800 р.), если окажется возможнымъ расходы по каѳедрѣ химіи, какъ вновь учрежденной, отнести на спеціальныя средства. Если же послѣднее не возможно, то уменьшить штатную сумму сада не болѣе какъ на 100 р.

Профессоръ Коркуновъ указалъ на то, что въ его діагностической лабораторіи производятся изслѣдованія студентами всѣхъ трехъ высшихъ курсовъ и что на ассигнуемые 600 руб. ему приходится кромѣ реактивовъ выписывать посуду, приборы, инструменты, которые неизбѣжно портятся и уничтожаются при употребленіи въ большемъ количествѣ. Такъ напр. въ

прошедшемъ году при занятіяхъ въ клиникѣ однихъ термометровъ разбито и испорчено студентами слишкомъ три дюжины. Поэтому онъ обращалъ вниманіе Совѣта на то, что на ассигнуемые для лабораторіи 600 рублей крайне затруднительно удовлетворять всѣмъ требованіямъ учебнаго дѣла.

Профессоръ Анфимовъ заявилъ, что если будетъ сдѣлано дополнительное ассигнованіе для діагностической лабораторіи, то нельзя-ли постановить пользоваться этой лабораторіею для производства изслѣдованій и представителямъ другихъ клиническихъ кафедръ, съ чѣмъ однако не нашелъ возможнымъ согласиться профессоръ Коркуновъ, въ виду крайняго обремененія работами состоящаго при терапевтической клиникѣ лаборанта и исполненія имъ кромѣ того ординаторскихъ обязанностей.

Профессоръ Залѣскій указалъ на то, что «теперь введены Совѣтомъ практическія занятія по медицинской химіи, которыя не велись раньше. Эти занятія должны вестись въ теченіе круглаго учебнаго года, требуютъ много посуды, реактивовъ, матеріаловъ и другихъ принадлежностей. При разверсткѣ штатныхъ суммъ слѣдуетъ вообще отдавать извѣстное преимущество тѣмъ каѳедрамъ, по которымъ практическія занятія по уставу обязательны, и веденіе ихъ связано съ извѣстною затратою матеріала, боемъ посуды, порчею инструментовъ и аппаратовъ.

Въ виду приведенныхъ соображеній профессоръ Залѣскій просилъ бы оставить сумму по его каѳедрѣ въ прежнемъ ея размѣрѣ.

Профессоръ Капустинъ заявилъ слѣдующее: «Въ виду дороговизны физическихъ приборовъ и неполноты физическаго кабинета я просилъ бы не уменьшать штатной суммы кабинета, тѣмъ болѣе, что для успѣшности преподаванія физики необходимо курсъ сопровождать помимо демонстрацій еще и практическими занятіями, которыя пока по недостатку средствъ обставлены весьма бѣдно: въ кабинетѣ напр. имѣются только одни вѣсы, между тѣмъ необходимо было бы, чтобы почти каждый занимающійся могъ хотя немного попрактиковаться съ этимъ основнымъ измѣрительнымъ приборомъ, чего въ настоящее время, къ сожалѣнію, нельзя предоставить для студентовъ, желающихъ основательно усвоить предметъ».

Проф. Поповъ заявилъ: «Я бы покорнѣйше просилъ Совѣтъ прибавить къ моей штатной суммѣ—400 р., еще 200 р., т. е. довести ее до 600 р.

Профессоръ Догель также ходатайствовалъ объ увеличеніи средствъ для гистологическаго кабинета.

По поводу просьбы профессора Коркунова объ увеличеніи штатной суммы на лабораторію при каѳедрѣ діагностики и факультетской клиники профессоръ Кащенко заявилъ слѣдующее:

„Нѣкоторые изъ представителей неклиническихъ каѳедръ изъявили свое согласіе на уменьшеніе штатныхъ суммъ по ихъ каѳедрамъ. Это было сдѣ-

лано, по крайней мѣрѣ что касается меня, единственно въ виду заявленной г. ректоромъ необходимости образовать ежегодную штатную сумму на содержаніе вновь учрежденной каѳедры химіи, а также въ виду необходимости увеличенія штатныхъ суммъ по другимъ не клиническимъ каѳедрамъ: гистологіи и судебной медицины. Я, однако, считаю своимъ долгомъ положительно протестовать противъ уменьшенія штатныхъ суммъ по неклиническимъ каѳедрамъ, если это сдѣлается для увеличенія средствъ каѳедръ клиническихъ. Вполнѣ признавая первенствующее значеніе каѳедръ клиническихъ въ дѣлѣ медицинскаго образованія, я долженъ, однако, обратить вниманіе на тотъ фактъ, что и нынѣ клиническія кафедры обставлены несравненно лучше каѳедръ не клиническихъ. Это совершенно ясно для каждаго, кто сравнитъ обстановку и научныя приспособленія тѣхъ и другихъ. Сверхъ того, каѳедры клиническія имѣютъ не одинъ, а нѣсколько источниковъ для удовлетворенія своихъ потребностей: штатную сумму на содержаніе клиникъ, штатную сумму на содержаніе кабинетовъ при клиникахъ и спеціальныя средства клиникъ, получаемыя отъ платныхъ кроватей. Помимо этого, сколько мнѣ извѣстно, на клиники расходуется также и нѣкоторая часть обще-университетскихъ спеціальныхъ средствъ (единовременныя ассигновки изъ Сибиряковскаго капитала здѣсь не принимаются въ расчетъ, такъ какъ онѣ дѣлались также и по отношенію къ неклиническимъ каѳедрамъ). Каѳедры же неклиническія имѣютъ или по крайней мѣрѣ имѣли до сихъ поръ, единственный источникъ покрытія своихъ ежегодныхъ расходовъ: это именно штатныя средства. Каждое, даже незначительное уменьшеніе этихъ средствъ ложится тяжелымъ бременемъ на эти каѳедры. Я боюсь, потому, что переносъ штатныхъ средствъ съ каѳедръ неклиническихъ на клиническія, не принеся существенной пользы послѣднимъ, отразится вредно на преподаваніи подготовительныхъ и основныхъ медицинскихъ наукъ и тѣмъ придастъ преподаванію, въ его цѣломъ, узко-технической характеръ, во всякомъ случаѣ нежелательный для университета.

Не считая, однако, себя въ правѣ отрицать основательность желанія профессора Коркунова по существу, я предлагаю увеличить отпускаемую на содержаніе лабораторіи при каѳедрѣ діагностики и факультетской терапевтической клиники сумму на счетъ спеціальныхъ средствъ университета или, еще правильнѣе, на счетъ спеціальной суммы отъ платныхъ кроватей, которая назначается, согласно примѣчанію къ ст. 66 Положенія о клиникѣ Императорскаго Томскаго университета, на увеличеніе средствъ и на содержаніе клиникъ вообще".

Профессоръ Великій: «Такъ какъ сокращеніе изъ штатныхъ суммъ, ассигнованныхъ на учебно-вспомогательныя учрежденія, имѣется въ виду для каѳедры химіи вновь учрежденной, которая не могла быть принята во вни-

маніе при ассигнованіи 13400 р. при основаніи университета, Совѣтъ имѣетъ право ходатайствовать объ отдѣльномъ ассигнованіи изъ спеціальныхъ средствъ для каѳедры неорганической и органической химіи, тѣмъ болѣе, что въ смѣтѣ спеціальныхъ средствъ есть графа съ ассигнованіемъ на улучшеніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій».

Возражая профессору Великому, секретарь факультета находилъ болѣе правильнымъ ассигновать на содержаніе второй каѳедры химіи изъ штатныхъ суммъ, отпускаемыхъ на учебно-вспомогательныя учрежденія, тѣмъ болѣе что, основываясь на опытѣ прежнихъ лѣтъ, онъ не предвидитъ успѣха для удовлетворенія сказаннаго ходатайства.

По обсужденіи всѣхъ этихъ заявленій, принимая во вниманіе, что на пересылку выписываемыхъ для лабораторій учебно-вспомогательныхъ пособій приходится въ Томскѣ тратить около 20—25% стоимости, т. е. весь штатный бюджетъ на учебно-вспомогательныя учрежденія Томскаго университета въ 13400 руб., долженъ быть сокращенъ противъ нормальной цифры болѣе чѣмъ на 2½ тысячи рублей, Совѣтъ постановилъ:

а) Ходатайствовать передъ г. попечителемъ учебнаго округа о назначеніи для второй каѳедры химіи штатнаго содержанія, въ размѣрѣ 700 р. изъ спеціальныхъ средствъ университета; постановленіе это принято большинствомъ голосовъ.

б) Недостающіе 100 р. для второй кафедры химіи перечислить изъ суммъ, отпускавшихся доселѣ для медицинской химіи.

в) Для увеличенія бюджета каѳедры судебной медицины перечислить 100 р. отъ патолого-анатомическаго кабинета и по 50 р. отъ каѳедръ зоологіи и медицинской химіи.

г) Перечислить 50 р. отъ анатомическаго института для увеличенія содержанія гистологическаго кабинета.

Объ утвержденіи настоящаго постановленія ходатайствовать предъ г. попечителемъ учебнаго округа.

6) Профессоръ Бѣликовъ вошелъ въ Совѣтъ съ слѣдующимъ ходатайствомъ:

„Въ интересахъ и своей богословской каѳедры и общенаучныхъ я находилъ бы не только желательнымъ, но и необходимымъ обратиться отъ имени Совѣта во всѣ Духовныя Академіи съ просьбою о присылкѣ въ даръ нашему университету академическихъ періодическихъ изданій, какъ равно и всѣхъ выходящихъ изъ академіи диссертацій".

Постановлено: войти въ соотвѣтствующія сношенія съ духовными Академіями.

7) Для производства испытанія изъ органической химіи и фармакогнозіи назначены слѣдующіе сроки.

Четвергъ 16-го декабря органическая химія.
Пятница 17 } декабря фармакогнозія.
Суббота 18 }

Испытанія имѣютъ происходить въ залѣ Совѣтскихъ засѣданій, съ 9-ти часовъ утра.

Подписано Предсѣдателемъ и членами Совѣта.

Къ журналу Совѣта 30-го ноября № 15.

Докладъ ревизіонной библіотечной коммиссіи, составленной изъ проф. Курлова, Капустина, Зайцева и Бѣликова.

Прилагая при этомъ протоколъ о найденныхъ опущеніяхъ и дефектахъ въ библіотекѣ Императорскаго Томскаго университета, при ревизіи первыхъ 1000 ея номеровъ по описательному каталогу, съ объясненіемъ господина библіотекаря университета, библіотечная ревизіонная коммиссія имѣетъ честь увѣдомить Совѣтъ университета, что замѣченныя ею опущенія, а именно: 1) по №№ 1566, 1856, 2422, 3256, 3607, 3691, 3776, 3797, 3986, 4082, 4194, 4221, 4373, 4375, 4809, 4940, 5257, 5303, 5503, 5728, 5926, 7293, 7452, 7835, 7965, 8774, 8075, 8910, 9130, 9289, 9559 должны быть оговорены въ опечаткахъ. 2) Относительно № 7164 необходимо постановить внести въ опечатки переносъ папокъ съ брошюрами, которые въ каталогѣ не описаны, а также и переписать и 136 экземляровъ нотъ и партитуръ, поставленныхъ на мѣсто архива графа Строганова за № 7150, изъятаго изъ библіотеки, по заявленію библіотекаря, по распоряженію г-на попечителя Западно-Сибирскаго Учебнаго округа,—въ оправданіе чего документовъ коммиссіи представлено не было.

Наконецъ 3) утраченные №№ а) 3244. Gauthier Auben. Histoire du somnambulisme. Paris 1842. 2 тома б) 7-ой томъ изъ № 4956, Annales der Chemie und Pharmacie. Supplementbände I—VIII. 2861—72 и в) 8-ой томъ изъ № 6072. J. v. Müller. Sämmtliche Werke. Tübingen. Cotte. 1810—13. 27 vol. въ шагрени, слѣдуетъ согласно § 90 библіотечныхъ правилъ, взыскать съ библіотекаря, но принимая во вниманіе, что библіотека Императорскаго Томскаго университета ревизуется еще впервые, и что возможно, что утерянные номера могутъ быть найдены въ томъ же отдѣленіи библіотеки, случайно поставленные служителемъ на какую нибудь иную полку, шкафъ, члены библіотечной коммисіи полагали бы возможнымъ отсрочить

взысканіе книгъ до полной ревизіи иностраннаго отдѣленія библіотеки, что будетъ исполнено въ началѣ наступающаго 1894 года.

Заканчивая этимъ, коммиссія считаетъ своимъ долгомъ указать на вполнѣ правильное веденіе библіотечнаго дѣла и на отличный порядокъ обревизованнаго отдѣла библіотеки.

Протоколъ найденныхъ опущеній и дефектовъ въ библіотекѣ Императорскаго Томскаго университета при ревизіи ея въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1893 года ревизіонной библіотечной коммиссіей.

№№	ОПУЩЕНІЯ.	ОБЪЯСНЕНІЯ БИБЛІОТЕКАРЯ.
1566	опущенъ въ каталогѣ.	*Benazet*, Théod. Question d'Orient. Paris, Gosselin. Imprim. de Bourgogne et Martinet. 1836. 8°. (Гр. Строганова). Оговорено въ *опечаткахъ*.
1856	имѣется 3, а не 2 тома.	Т. III дополненъ послѣ каталогизаціи (Спб. 1845. Съ 10 портр. и 13 таблиц.). Оговорено въ *опечаткахъ* (Спб. 1831—45. 3 тома. Съ 29 портр. и 43 таблиц. рис.
2422	не въ 16, а въ 18 корешкахъ.	Въ каталогѣ пропущено 2 изданіе II тома (Nouv. edit. Paris, Treuttel et Wurtz. 1837—41. 2 vols). Первое изданіе вышло въ 1830 г. Оговорено въ опечаткахъ.
3121—24	стоятъ не на 11, а на 10 полкѣ.	Переставлены.
3115—3120	стоятъ не на 10, а на 11 полкѣ.	Переставлены.
3234	нѣтъ.	Утрачено неизвѣстн. образомъ сочиненіе „*Gauthier*, Aubin. Histoire du somnambulisme. Paris. Malteote. 1842. 2 vols 8°. R. d.—maroq. vert.“
3356	2 вмѣсто 1 тома.	*Опечатка*, хотя на книгѣ помѣчено вѣрно.
3607	слѣдуетъ написать: 8 частей въ 4 томахъ а не обратно.	Переплетено въ 4 тома уже послѣ каталогизаціи, а въ каталогъ записаны вѣрно. Оговорено въ *опечаткахъ*.
3691	3 вмѣсто 2 томовъ.	Томъ III дополненъ позднѣе напечатанія каталога (Lwas, wild. 1856. 8°. Пер.) Оговорено въ *опечаткахъ*.
3776	11 томъ (Beilage) не указанъ въ каталогѣ.	Nachtrag, а не Beilage (Artikel *Russland*) выдѣленъ въ особый томъ уже послѣ каталогизаціи, при переплетѣ томовъ IV—XI, п. ч. снабженъ особою нумераціей. Оговорено въ *опечаткахъ*.
3797	не „протоенидъ“, а „протеинидъ“.	Должно быть „протеинидовъ“. Внесено въ *опечатки*.
3986	всѣ томы въ переплетѣ, кромѣ 19 и XXI.	Томы XIX (1863) и XXI (1865) послѣ каталогизаціи нельзя было переплести, ибо они имѣютъ только по одному I Abth. Оговорено въ *опечаткахъ* (dont.—21 R. d.—bas. brune).
4082	2 лишнихъ тома.	Томы I—III (1797—1802) были при каталогизаціи. Потомъ нашлись т.т. V (1802) и IX (1801). Оговорено въ *опечаткахъ*.
4194	въ томѣ XXI добавленъ выпускъ № 5.	Въ томѣ XXI выпускъ 5 добавленъ послѣ каталогизаціи. Оговорено въ *опечаткахъ*.

№№	ОПУЩЕНІЯ.	ОБЪЯСНЕНІЯ БИБЛІОТЕКАРЯ.
4221	лишній 1 выпускъ (1843—45 г.).	Не лишній, но оставленъ послѣ каталогизаціи безъ переплета, п. что недостаетъ 1—2 тетради, чтобы получился томъ за 1843—45 годы. Оговорено въ *опечаткахъ*.
4373	1 лишній томъ (опечатка).	*Опечатка*. Оговорена (2 vols.).
4375	лишній 13 томъ.	Томъ XIII добавленъ послѣ каталогизаціи. Оговорено въ *опечаткахъ*.
4809	неполный экземпляръ изъ библіотеки Эвальда замѣненъ полнымъ экземпляромъ графа Валуева.	Поэтому должно быть напечатано: 1845—58. 4 Bde. R. perc. verte. (Гр. Валуева). Экз. Эвальда отчисленъ въ дублеты. Оговорено въ *опечаткахъ*.
4940	не сказано, что 20 томовъ переплетены въ 10 корешкахъ.	Число выпусковъ (Bändchen) опредѣлено вѣрно, но не указано, что они въ 10 переплетахъ, ибо послѣдніе были исполнены послѣ каталогизаціи. Внесено въ *опечатки*.
4955	одного (7) тома нѣтъ.	Утратился неизвѣстно какимъ образомъ.
5257	одинъ томъ лишній (3).	*Опечатка*, ибо на книгѣ помѣчено вѣрно: „3 Bde". (III Bd. Berlin, 1846).
5303	сочиненіе значится въ 1, а ихъ 2 тома.	*Опечатка*, п. ч. на книгѣ помѣчено вѣрно: „2 vols."
5503	предъ этимъ № пропущено заглавіе 2 полки.	Внесено въ *опечатки*.
5505	не переплетенъ 1 томъ.	Не переплетенъ потому, что изъ 52 №№ на лицо только 3—13, что отмѣчено и въ каталогѣ.
5523	(?).	Въ каталогѣ все описано вѣрно.
5575—6, 7	исправить чернилами.	Исправлено чернилами.
	На полкѣ 8, шкафа XXXII найдено 3 лишнихъ книги: Toulotte 2 и 3 томъ. Memoir Louis XIV.	Когда былъ переплетенъ № 5573 (Bible de Vence), то, вслѣдствіе сильнаго прессованія при переплетѣ, на полкѣ оказалось пустое мѣсто, которое на время заставлено было дефектными дублетами, забытыми потомъ на мѣстѣ.
5579	№ (Sismond) надо обозначить 5578.	Поправка была уже сдѣлана карандашемъ, когда впервые замѣчена ошибка; теперь исправлено чернилами.
5628	имѣется 4, вмѣсто 3 томовъ.	Томъ IV (La Haye. 1755) вставленъ послѣ каталогизаціи. Оговорено въ *опечаткахъ*.
5926	надо сказать: въ 3 томахъ.	Было при описаніи 4 vols, п. что III б. въ 2 выпускахъ потомъ соединенныхъ въ 1 пер. Оговорено въ *опечаткахъ*.
6072	8 тома нѣтъ.	Утратился неизвѣстно какимъ образомъ.
	Полка 3, шкафъ XXXVII необходимо исправить №№ чернилами.	Исправлено.
6718	1 томъ завалился.	Всѣ на мѣстѣ.
7150	вмѣсто архива графа Строганова, стоятъ въ 136 корешкахъ ноты и партитуры.	По требованію графа Строганова, архивъ отправленъ г. попечителемъ по его адресу въ 1887 г., а свободное мѣсто заставлено нотами, коимъ составляется опись и будетъ внесена въ *опечатки*.
7164	желательно, чтобы была составлена опись папкамъ.	Опись составляется и будетъ внесена въ *опечатки*.

№№	ОПУЩЕНІЯ.	ОБЪЯСНЕНІЯ БИБЛІОТЕКАРЯ.
7293	не въ 2, а въ 3 томахъ.	Опечатка. Оговорена.
7451	въ каталогѣ, по ошибкѣ, написано 6, вмѣсто 5 томовъ.	*Опечатка,* ибо на корешкѣ помѣчено правильно. Оговорено.
7565	названъ 7566.	Описка на книгѣ исправлена. (Entretiens).
7835	вмѣсто 49—51 тома (добавить 63 и 64 т.т.).	Томы 63 и 64 (Спб. 1811—812) добавлены послѣ каталогизаціи. Внесено въ *опечатки.*
7965	полка 8 не отмѣчена.	Внесено въ *опечатки.*
8774	2 переплета вмѣсто 1 и опущенъ форматъ.	*Опечатка.* Должно быть „2 vols gr. 12“.
8075	вмѣсто 10 имѣется 12 т.	*Опечатка,* ибо на книгѣ внесена поправка.
8910	заглавіе 2 полки опущено.	*Опечатка.*
9130	2 тома вмѣсто 1.	*Опечатка,* ибо на книгѣ показано правильно.
9289	напечатано 13 vol., имѣется 14 переплетовъ.	Опечатка оговорена (13 tomes en 14 vols).
9559	въ каталогѣ не указано, что это сочиненіе въ 5 томахъ.	*Опечатка,* ибо на книгахъ помѣчено вѣрно (5 томовъ).

Росписаніе экзаменовъ, имѣющихъ происходить въ концѣ осенняго семестра 1893—94 учебнаго года.

Декабря 16 четвергъ. Органическая химія для студентовъ II курса въ комиссіи подъ предсѣдательствомъ декана изъ профессоровъ Залѣскаго и Вернера.

Декабря 17 пятница и 18 суббота. Фармакогнозія въ комиссіи подъ предсѣдательствомъ декана изъ профессоровъ Лемана и Буржинскаго.

Экзамены имѣютъ происходить въ залѣ совѣтскихъ засѣданій, съ 9-ти часовъ утра.

ЖУРНАЛЪ ЗАСѢДАНІЯ

Совѣта Императорскаго Томскаго Университета.

23-го декабря 1893 года.

№ 16-й.

Присутствовали: Предсѣдатель, Ректоръ университета ординарный профессоръ **А. И. Судаковъ.**

Члены: Проф. Богословія **Д. Н. Бѣликовъ,** ординарные профессора: **В. Н. Великій, Э. А. Леманъ, Н. Ѳ. Кащенко, А. П. Коркуновъ, Ф. А. Ерофѣевъ, И. Н. Грамматикати.**

Экстра-ординарные профессора: **А. С. Догель, А. М. Зайцевъ, Ф. Я. Капустинъ, Н. А. Роговичъ, М. Ф. Поповъ, Е. С. Образцовъ, И. С. Поповскій, Л. Л. Бартеневъ, В. В. Сапожниковъ, Е. В. Вернеръ.**

Секретарь факультета (деканъ) орд. проф. **Н. М. Маліевъ.**

Отсутствовали: Ординарные профессора: **С. І. Залѣскій, Э. Г. Салищевъ, А. В. Репревъ, Я. А. Анфимовъ** и экстраординарные профессора: **М. Г. Курловъ, П. В. Буржинскій** и **И. И. Суданевичъ**—по болѣзни.

---

1) Передъ началомъ засѣданія въ залъ Совѣта прибылъ г. попечитель Западно-Сибирскаго учебнаго округа В. М. Флоринскій и прочелъ собравшимся здѣсь врачамъ, только что кончившимъ испытаніе въ Медицинской Коммиссіи при Императорскомъ Томскомъ университетѣ, факультетское обѣщаніе. Послѣ прочтенія факультетскаго обѣщанія В. М. обратился къ окончившимъ курсъ съ краткой рѣчью, въ которой указалъ на предстоящіе имъ труды и обязанности, выяснилъ отвѣтственную и вмѣстѣ съ тѣмъ благодарную роль врача и окончилъ пожеланіемъ первымъ питомцамъ Императорскаго Томскаго университета не забывать свою alma mater и счастливой и плодотворной дѣятельности въ будущемъ.

Послѣ чего г. попечитель оставилъ залъ Совѣта.

2) Доложена слѣдующая телеграмма Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича на имя ректора университета: «Прошу передать Совѣту Томскаго университета Мою искреннюю благодарность за пожеланія. Николай».

Означенная телеграмма послѣдовала въ отвѣтъ на слѣдующую телеграмму, отправленную къ высокоторжественному дню Тезоименитства Его Высочества: «Совѣтъ Императорскаго Томскаго университета въ настоящій торжественный день 6-го декабря имѣетъ счастіе принести Вашему Император-

скому Высочеству, Августѣйшему Почетному Члену Томскаго университета, свои искреннѣйшія поздравленія, чувства безпредѣльной преданности и сердечныя пожеланія здравія и благоденствія».

3) Секретарь факультета прочелъ журналы двухъ предшествовавшихъ засѣданій отъ 16 ноября № 14 и отъ 30 ноября № 15; означенные журналы были утверждены подписью присутствовавшихъ членовъ.

4) Профессоръ Н. Ф. Кащенко обратился къ членамъ Совѣта съ слѣдующимъ предложеніемъ:

«М.м. г.г. Сегодняшній день является исключительнымъ въ жизни нашего университета, сегодня состоялся первый выпускъ врачей-воспитанниковъ Томскаго университета. Этотъ день останется навсегда памятнымъ не только въ исторіи Сибири, но и въ исторіи просвѣщенія всей Россіи. Нашъ нравственный долгъ повелѣваетъ намъ отмѣтить этотъ день знакомъ вниманія къ лицу, много потрудившемуся для осуществленія давнишняго желанія правительства и сибирскаго населенія: открытія Томскаго университета. Я предлагаю поэтому избрать Его Превосходительство Василія Марковича Флоринскаго почетнымъ членомъ Томскаго университета, въ ознаменованіе его несомнѣнныхъ, выдающихся заслугъ въ дѣлѣ основанія нашего университета».

Совѣтъ, относясь вполнѣ сочувственно къ предложенію профессора Кащенко, единогласно избралъ Василія Марковича Флоринскаго почетнымъ членомъ Императорскаго Томскаго университета.

Постановленіе объ этомъ избраніи, согласно ст. 30 § III пункта 1 университетскаго устава, рѣшено представить на утвержденіе его Сіятельства г. Министра Народнаго Просвѣщенія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Совѣтомъ было п о с т а н о в л е н о: отправить депутацію къ В. М. Флоринскому и извѣстить его о состоявшемся избраніи. Въ составъ депутаціи вошли профессора: Судаковъ, Маліевъ, Бѣликовъ, Великій и Кащенко. Для приведенія въ исполненіе состоявшагося рѣшенія, засѣданіе Совѣта было прервано на $^1/_4$ часа.

По возвращеніи депутаціи и открытіи вновь засѣданія, предсѣдательствующій передалъ членамъ Совѣта искреннюю признательность В. М. Флоринскаго за оказанныя ему честь и вниманіе.

5) Доложены слѣдующія предложенія г. попечителя учебнаго округа, на имя ректора университета.

а) отъ 1 декабря т. г. за № 2786:

«Препровожденный мною для поднесенія Государю Наслѣднику Цесаревичу альбомъ фотографическихъ снимковъ зданій Императорскаго Томска-

го университета, съ объяснительною къ нимъ запискою, представленъ Ею Императорскому Высочеству 2-го минувшаго ноября.

Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, милостиво принявъ означенный альбомъ, соизволилъ передать подносителямъ таковаго благодарность Его Высочества.

Объ изложенной волѣ Его Императорскаго Высочества, сообщенной генералъ-адъютантомъ Васильковскимъ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія, Его Сіятельство увѣдомилъ меня въ письмѣ отъ 10 минувшаго ноября за № 20152.

Объ этомъ, имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство для сообщенія Совѣту Императорскаго Томскаго университета.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

б) отъ 4 декабря т. г. за № 2824:

«Вслѣдствіе предложенія г. Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 10 минувшаго ноября за № 20214, имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство, что Его Сіятельствомъ утверждено обозрѣніе преподаванія на текущій $189^3/_4$ учебный годъ по каѳедрамъ физіологической химіи и госпитальныхъ терапевтической и хирургической клиникамъ Императорскаго Томскаго университета».

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

в) отъ 9 декабря т. г. за № 2840:

«Вслѣдствіе предложенія г. Управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія отъ 19 минувшаго ноября за № 20626, имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство, что Его Сіятельствомъ утверждено обозрѣніе преподаванія по каѳедрѣ химіи на медицинскомъ факультетѣ Императорскаго Томскаго университета на первое и второе полугодіе $189^3/_4$ учебнаго года профессора Вернера, съ подраздѣленіемъ лекцій по днямъ недѣли и часамъ».

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

г) отъ 17 декабря т. г. за № 2942:

«Императорское Россійское посольство въ Парижѣ сообщило въ Министерство Народнаго Просвѣщенія ходатайство директора музея Гимэ въ Парижѣ объ оказаніи содѣйствія къ высылкѣ въ музей изданій россійскихъ университетовъ и ученыхъ учрежденій въ обмѣнъ на изданія названнаго музея.

Въ виду вышеизложеннаго г. Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, въ предложеніи отъ 26 минувшаго ноября за № 20993, проситъ меня предложить Императорскому Томскому университету, не пожелаетъ ли онъ обмѣниваться своими изданіями съ музеемъ Гимэ.

Объ этомъ, имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство для сообщенія университетскому Совѣту».

Постановлено: принять предложеніе директора Парижскаго музея Гимэ объ обмѣнѣ изданіями и выслать въ комиссію, состоящую при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія для международнаго обмѣна изданіями, «Извѣстія Императорскаго Томскаго университета», о чемъ и увѣдомить г. управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія.

6. Выслушано слѣдующее отношеніе Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи отъ 18 ноября т. г. за № 3489:

«Императорское Общество Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, получивъ 15 минувшаго октября, по случаю исполнившагося тридцатилѣтія своей дѣятельности, любезное привѣтствіе отъ Императорскаго Томскаго университета, честь имѣетъ принести глубокую благодарность за столь лестный для него знакъ вниманія и просить принять увѣреніе въ полной своей готовности, по мѣрѣ своихъ слабыхъ силъ и средствъ, быть полезнымъ университету, этому высшему разсаднику знанія на нашей великой восточной окраинѣ».

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

7. Предсѣдатель особаго Распорядительнаго Комитета деканъ физико-математическаго факультета Кіевскаго университета профессоръ Бобрецкій обратился въ Совѣтъ съ слѣдующимъ заявленіемъ:

«Съ разрѣшенія его сіятельства, господина Министра Народнаго Просвѣщенія, Императорскій университетъ св. Владиміра будетъ праздновать 22 января 1894 года пятидесятилѣтній юбилей государственной службы заслуженнаго профессора, почетнаго члена Императорскихъ университетовъ С.-Петербургскаго и Московскаго, Императорскаго минералогическаго Общества, Императорскаго Московскаго Общества испытателей природы, Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, С.-Петербургскаго и Кіевскаго Обществъ естествоиспытателей, тайнаго совѣтника, Константина Матвѣевича Ѳеофилактова. Увѣдомляя объ этомъ, Распорядительный Комитетъ по устройству юбилейнаго празднества, отъ имени Совѣта Императорскаго университета св. Владиміра, имѣетъ честь обратиться къ учрежденіямъ и лицамъ, которыя пожелаютъ почтить полувѣковую ученую и преподавательскую дѣятельность высокоуважаемаго юбиляра, съ покорнѣйшей просьбой принять участіе въ юбилейномъ празднествѣ».

Постановлено: отправить юбиляру къ 22-му января привѣтственную телеграмму отъ имени Совѣта Императорскаго Томскаго университета, редакцію которой просить составить профессора геологіи и минералогіи А. М. Зайцева.

8. Для замѣщенія свободныхъ мѣстъ штатныхъ должностей учебно-вспомогательнаго персонала предложены слѣдующіе кандидаты изъ числа окончившихъ курсъ медицинскихъ наукъ въ Императорскомъ Томскомъ университетѣ:

а) На должность лаборанта при каѳедрѣ гигіены профессоръ Судаковъ представилъ лекаря Бутягина.

б) Въ ординаторы терапевтической факультетской клиники профессоръ Коркуновъ представилъ лекаря Левашова.

в) На штатное мѣсто помощника прозектора при каѳедрѣ судебной медицины профессоръ Поповъ представилъ лекаря Коровина.

г) Профессоръ Грамматикати вошелъ въ Совѣтъ съ слѣдующимъ заявленіемъ:

„Честь имѣю покорнѣйше просить Совѣтъ Императорскаго Томскаго университета утвердить въ званіи штатнаго ординатора акушерско-гинекологической клиники окончившаго курсъ въ Томскомъ университетѣ Степана Павскаго, съ 1 января 1894 года. Вмѣстѣ съ тѣмъ считаю необходимымъ сообщить Совѣту, что означенный Степанъ Павскій, уже въ бытность свою студентомъ, занимался въ завѣдуемой мною клиникѣ и, по всѣмъ даннымъ, обѣщаетъ быть полезнымъ сотрудникомъ въ веденіи клиники и хорошо подготовленнымъ врачемъ для разработки научныхъ задачъ».

д) Профессоръ Салищевъ: «Имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ представить на утвержденіе начальства въ должности ординатора госпитальной хирургической клиники врача Михаила Петровича Соколова, который втеченіи 1892—1893 года состоялъ помощникомъ ординатора клиники, произвелъ болѣе 30 разнообразныхъ операцій и вообще въ достаточной степени ознакомился съ предстоящими ему обязанностями при клиническихъ занятіяхъ».

е) Профессоръ Образцовъ: «Временно-исправляющій обязанности ординатора при клиникѣ кожныхъ и венерическихъ болѣзней младшій врачъ Томскаго военнаго баталіона Николай Ивановичъ Флоринскій 31-го декабря 1893 года оканчиваетъ срокъ своей службы при клиникѣ. На освобождающееся мѣсто ординатора дерматологической клиники имѣю честь представить окончившаго нынѣ въ Томскомъ университетѣ курсъ медицинскихъ наукъ врача Павла Фирсовича Ломовицкаго.

ж) Профессоръ Догель: «Совѣту университета извѣстно, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ я не имѣю лаборанта. Принимая во вниманіе, что вести одному практическія занятія съ 80 и болѣе студентами, подготовлять препараты для демонстрацій и пр. пр. было бы крайне трудно, почти невозможно, я два года тому назадъ ходатайствовалъ передъ Совѣтомъ университета о разрѣшеніи взять въ качествѣ помощника студента Королькова,

который уже съ перваго курса занимался гистологіей. Совѣтъ нашелъ возможнымъ уважить мою просьбу и постановилъ въ видѣ вознагражденія выдавать Королькову по 20 р. въ мѣсяцъ. Постановленіе Совѣта было утверждено господиномъ Попечителемъ округа, и такимъ образомъ студентъ Корольковъ исполнялъ у меня обязанности лаборанта въ теченіи двухъ лѣтъ. Занимаясь усидчиво въ продолженіи пяти лѣтъ гистологіей, г. Корольковъ за все это время успѣлъ настолько ознакомиться съ самымъ предметомъ и способомъ веденія занятій въ лабораторіи, что въ настоящее время является человѣкомъ, имѣющимъ необходимую для надлежащаго исполненія обязанностей лаборанта научную подготовку и практическій навыкъ.

Въ виду того, что теперь г. Корольковъ кончилъ курсъ медицинскихъ наукъ, я покорнѣйше ходатайствую передъ Совѣтомъ о назначеніи его на должность штатнаго лаборанта при каѳедрѣ гистологіи.

Кромѣ того, считаю нужнымъ прибавить, что г. Корольковъ, будучи еще студентомъ напечаталъ двѣ научныя работы: «Объ окончаніи нервовъ въ слюнныхъ железахъ» (Вѣстникъ Естествознанія, № 3 и 4 и «Anatomischer Anzeiger», № 18, 1892) и «Ueber die Nervenendigungen in der Leber» (Anatomischer Anzeiger, № 21—22 1893); за одну изъ нихъ Совѣтъ университета наградилъ г. Королькова золотою медалью».

По выслушаніи всѣхъ этихъ заявленій, при обсужденіи вопроса относительно замѣщенія свободныхъ мѣстъ учебно-вспомогательнаго персонала, секретарь факультета высказалъ мнѣніе, что было бы желательно оставлять при университетѣ и избирать на штатныя должности ассистентовъ, лаборантовъ и проч. тѣхъ молодыхъ врачей, которые оказали наибольшіе успѣхи при окончательномъ испытаніи, получили дипломы первой степени и извѣстны факультету, какъ наиболѣе выдающіеся по своимъ способностямъ и усердію къ дѣлу. Предлагаемая мѣра несомнѣнно способствовала бы удержать при университетѣ лучшія молодыя силы и открывала бы послѣднимъ широкую дорогу на научномъ поприщѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ профессоръ Маліевъ полагалъ бы желательнымъ, для поощренія студентовъ къ научнымъ занятіямъ въ продолженіи университетскаго курса, вносить имена одного или первыхъ двухъ окончившихъ курсъ съ наибольшимъ успѣхомъ на мраморную доску, о постановкѣ которой въ актовомъ залѣ университета ходатайствовать въ установленномъ порядкѣ.

Постановлено: баллотировать представленныхъ кандидатовъ на соотвѣтствующія должности въ ближайшемъ засѣданіи Совѣта, при чемъ три свободныя вакансіи: двухъ лаборантовъ и одной ассистента, по взаимному соглашенію, распредѣлить слѣдующимъ образомъ: должности лаборантовъ пріурочить къ каѳедрамъ гигіены и общей патологіи, а должность ассистента къ каѳедрѣ гистологіи.

9. Обсуждался вопросъ о зачетѣ студентамъ истекающаго полугодія,— при чемъ Совѣтъ руководствуясь §§ 2, 6, 18 правилъ о зачетѣ полугодій и отзывами г.г. профессоровъ о занятіяхъ студентовъ, постановилъ: зачесть всѣмъ студентамъ истекшее полугодіе, за исключеніемъ студента III семестра Кваши Андрея, какъ страдающаго тяжкой душевной болѣзнью. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ виду заявленія инспекціи о недостаточно исправномъ посѣщеніи лекцій нѣкоторыми студентами въ послѣдніе два мѣсяца, факультетъ, озабочиваясь устраненіемъ этого явленія, постановилъ: предупредить г.г. студентовъ особымъ объявленіемъ, что тѣ изъ нихъ, которые будутъ замѣчены въ неисправномъ посѣщеніи лекцій, какъ неудовлетворяющіе требованіямъ § 2 правилъ о зачетѣ полугодій, будутъ оставляемы на повторительный курсъ въ томъ же семестрѣ и не будутъ допущены къ переходнымъ и полукурсовымъ испытаніямъ.

10. Разсматривалось росписаніе лекцій и практическихъ занятій на весеннее полугодіе $189^3/_4$ учебнаго года,—при чемъ, въ виду заявленія профессора Вернера о невозможности, за неимѣніемъ посуды и матеріаловъ, организовать для студентовъ перваго и второго курсовъ практическія занятія по аналитической химіи, постановлено: такъ какъ, согласно утвержденному г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія обозрѣнію преподаванія по аналитической химіи въ Императорскомъ Томскомъ университетѣ преподаваніе этого предмета въ настоящемъ $189^3/_4$ учебномъ году ограничивается демонстративнымъ курсомъ (по 4 часа въ недѣлю), то при производствѣ испытанія по качественному химическому анализу рѣшено довольствоваться требованіемъ отъ студентовъ однихъ устныхъ отвѣтовъ по аналитической химіи.

Объ утвержденіи этого постановленія, связаннаго съ отступленіемъ отъ § 17 п. 6 правилъ полукурсовыхъ испытаній, въ видѣ временной, исключительной мѣры, вызванной устройствомъ новой химической лабораторіи, ходатайствовать передъ г. Попечителемъ учебнаго округа.

11. Профессора Кащенко и Бѣликовъ вошли съ ходатайствомъ о напечатаніи въ университетскихъ Извѣстіяхъ, проф. Кащенко представленнаго имъ отчета о годичной заграничной командировкѣ, а проф. Бѣликовъ слѣдующихъ двухъ статей: а) «Старообрядческій расколъ въ Томской губерніи, по судебнымъ даннымъ» и б) «Чудо, какъ принадлежность Божественнаго Откровенія».

Постановлено: печатаніе представленныхъ работъ разрѣшить,—послѣднія двѣ статьи, согласно ходатайству профессора Бѣликова, напечатать въ видѣ отдѣльнаго приложенія къ Извѣстіямъ Императорскаго Томскаго университета.

12. Прозекторъ при каѳедрѣ патологической анатоміи докторъ медицины Романовъ вошелъ въ Совѣтъ, съ слѣдующимъ заявленіемъ: «честь имѣю покорнѣйше просить Совѣтъ университета удостоить меня званія частнаго преподавателя по каѳедрѣ патологической анатоміи».

При обсужденіи ходатайства доктора Романова, профессоръ Поповскій заявилъ слѣдующее: «Мнѣ кажется, что, съ какой бы точки зрѣнія ни разсматривать даннаго кандидата, со стороны ли его научныхъ качествъ, со стороны ли его преподавательскихъ способностей,—о немъ можно дать лишь самый лестный отзывъ. Такъ, критеріемъ научнаго ценза доктора Романова въ достаточной степени служатъ его многочисленные труды, изъ которыхъ нѣкоторые пользуются извѣстностію. Въ пользу преподавательскихъ его способностей можетъ въ достаточной степени говорить уже то обстоятельство, что онъ ведетъ, и при томъ весьма успѣшно, уже въ продолженіи болѣе года всѣ практическія занятія по патологической анатоміи и патологической гистологіи со студентами 3-го курса и производитъ самостоятельно патолого-анатомическія вскрытія, всегда въ присутствіи многочисленнаго собранія студентовъ высшихъ курсовъ. Студенты усердно посѣщаютъ его практическія занятія и вскрытія и очень довольны веденіемъ имъ дѣла преподаванія.

Наконецъ, нельзя умолчать еще о двухъ весьма лестныхъ качествахъ доктора Романова, качествахъ, которыя, къ сожалѣнію, въ нашъ практическій вѣкъ становятся между молодыми людьми все рѣже и рѣже: я имѣю въ виду удивительную скромность доктора Романова и замѣчательное трудолюбіе, преданность его наукѣ,—онъ проводитъ цѣлые дни, начиная съ 8 часовъ утра и до вечера въ лабораторіи, занимаясь съ любовью научными изслѣдованіями, практикой же онъ совершенно не занимается.

Въ виду всего сказаннаго, мнѣ кажется, университетъ пріобрѣтетъ въ лицѣ доктора Романова весьма полезнаго преподавателя, въ качествѣ приватъ-доцента».

Постановлено: присвоить доктору медицины Романову званіе приватъ-доцента Императорскаго Томскаго университета и допустить его къ чтенію лекцій по патологической анатоміи.

Настоящее постановленіе, согласно статьи 27 университетскаго устава (§ 4, пунктъ 3), рѣшено представить на утвержденіе г. Попечителя.

13. Императорское Московское Общество испытателей природы, извѣщая объ имѣющемъ быть съ 3 по 11 января 1894 года IX съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей и врачей, проситъ принять участіе въ занятіяхъ съѣзда личнымъ присутствіемъ и присылкою ученыхъ трудовъ.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

14. Секретарь факультета доложилъ, что подвергавшіяся испытанію для полученія званія (городской) повивальной бабки, жена священника Вален-

тина Пензенская, дочь отставного рядового Елена Давыдова и крестьянки Маріамна Родіонова означенное испытаніе, какъ теоретическое, такъ и практическое окончили удовлетворительно.

Постановлено: утвердить поименованныхъ лицъ въ званіи повивальной бабки и выдать имъ отъ факультета установленныя закономъ свидѣтельства.

15. Профессоръ Кащенко вошелъ въ Совѣтъ съ слѣдующимъ заявленіемъ:

Во время моего годичнаго пребыванія въ Европейской Россіи и заграницей мною добыто различными способами значительное количество весьма цѣнныхъ зоологическихъ коллекцій, книгъ и другихъ предметовъ. Помимо покупки на отпущенныя университетомъ для этой цѣли средства, я старался также возбудить въ зоологическихъ учрежденіяхъ и отдѣльныхъ лицахъ желаніе оказать поддержку нашему зоологическому музею уступкой своихъ дублетовъ взамѣнъ нашихъ. Нынѣ большая часть обѣщанныхъ коллекцій получена, приведена въ порядокъ, и составлены подробные списки коллекцій. Краткое содержаніе этихъ списковъ въ нижеизложенномъ имѣю честь сообщить Совѣту; подлинные же подробные списки коллекцій, по напечатаніи ихъ въ моемъ отчетѣ, будутъ переданы въ Правленіе университета, съ означеніемъ и всѣхъ нумеровъ, подъ которыми отдѣльные препараты внесены въ инвентарь. Изъ вышеизложеннаго видно, что сообщаемыя здѣсь свѣдѣнія касаются исключительно предметовъ, университетомъ не оплаченныхъ и не подлежащихъ оплатѣ.

1) Отъ Императорской академіи наукъ въ С.-Петербургѣ 5 чучелъ млекопитающихъ, 68 шкурокъ птицъ (изъ нихъ 28 нынѣ уже поставлены у насъ, въ видѣ чучелъ), 18 спиртовыхъ препаратовъ рыбъ и 50 спиртовыхъ препаратовъ рептилій. Коллекція эта имѣетъ для нашего музея выдающееся значеніе, такъ какъ большая часть ея препаратовъ принадлежитъ къ числу у насъ отсутствовавшихъ и трудно доступныхъ. Въ составъ коллекціи входитъ значительное количество дорогихъ и красивыхъ экзотическихъ формъ. Почти всѣ препараты точно опредѣлены состоящими при Академіи лицами. Большая часть препаратовъ этой коллекціи внесены въ инвентарь нашего музея подъ №№ 1189—1199, 1234—1247, 2252, 1261—1263, 1265—1266, 1268—1272, 1353—1427. Остальные вписаны въ матеріальную книгу отъ 15 декабря 1892 г.

2) Отъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ. 28 различныхъ спиртовыхъ препаратовъ и яйцо страуса. Препараты этой коллекціи внесены въ инвентарь подъ №№ 1676—1698.

Отъ Московскаго комитета шелководства. Учебная коллекція по шелководству. Вписана въ инвентарь подъ № 2253.

3) Отъ Зоологическаго музея Варшавскаго университета. 54 различныхъ спиртовыхъ препаратовъ, преимущественно насѣкомыхъ. Вписаны въ инвентарь подъ №№ 1700—1753.

4) Отъ Зоологическаго музея Харьковскаго университета. 320 видовъ и разновидностей раковинъ моллюсковъ, преимущественно морскихъ. Коллекція заключаетъ много цѣнныхъ и красивыхъ формъ; она пополняетъ крупный пробѣлъ въ нашемъ музеѣ, въ которомъ до настоящаго времени почти не было морскихъ раковинъ. О размѣрахъ коллекціи можно отчасти судить уже по тому, что одинъ отборъ входящихъ въ ея составъ дублетовъ занялъ у меня въ Харьковѣ 10 дней усидчивой работы, а разборъ этой коллекціи въ Томскѣ производился мной, совмѣстно съ консерваторомъ музея, въ теченіи 3 мѣсяцевъ. Коллекція внесена въ инвентарь подъ №№ 1754—2145.

5) Отъ доктора Бранчика въ Австро-Венгріи. 242 вида и разновидности раковинъ моллюсковъ, преимущественно наземныхъ. Коллекція эта имѣетъ большую научную цѣнность, такъ какъ докторъ Бранчикъ извѣстный спеціалистъ по моллюскамъ, и всѣ его препараты опредѣлены имъ самимъ. По своему составу она представляетъ прекрасное дополненіе къ Харьковской коллекціи. Препараты этой коллекціи внесены въ инвентарь подъ №№ 1428—1669.

Отъ него же. 11 спиртовыхъ препаратовъ амфибій и рептилій съ острова Мадагаскара. Препараты эти, совершенно новые для нашего музея, вписаны въ инвентарь подъ №№ 1342—1352.

Отъ него же. Коллекція венгерскихъ перепончатокрылыхъ, въ числѣ 140 видовъ. Вписана въ матеріальную книгу отъ 21 ноября 1893 г.

6) Отъ проф. Оболонскаго Ник. Алекс. два чучела и три живыя черепахи (инвентарь №№ 1274 и 1273 и матер. книга отъ 21 ноября 1893 г.).

Отъ проф. Совинскаго еще пока не разработанная коллекція моллюсковъ изъ Кіевской губ., состоящая изъ 37 спиртовыхъ и 40 сухихъ препаратовъ (матеріальн. кн. отъ 21 ноября 1893 г.).

Отъ А. Ф. Кащенко коллекція птичьихъ яицъ изъ Екатеринославской губ., въ числѣ 15 видовъ (матер. книга отъ 3 декабря 1893 г.).

Отъ проф. А. Я. Кожевникова небольшая коллекція насѣкомыхъ, 1 ящикъ (матер. книга отъ 11 декабря 1893 г.).

7) Коллекція изъ 135 спиртовыхъ препаратовъ (въ томъ числѣ 50 сравнительно-анатомическихъ), приготовленныхъ мной на Зоологической станціи въ Неаполѣ. Входящіе въ составъ этой коллекціи сравнительно-анатомическіе препараты, въ большинствѣ принадлежащіе къ числу такихъ, которые не могутъ быть пріобрѣтены покупкой, будутъ служить существеннымъ пособіемъ при преподаваніи, тѣмъ болѣе что въ нашемъ музеѣ до настоящаго времени имѣется слишкомъ мало препаратовъ по анатоміи жи-

вотныхъ. Большая часть препаратовъ этой коллекціи внесены въ инвентарь подъ №№ 2396—2480. Остальные вписаны въ матеріальн. книгу отъ 20 ноября 1893 г.

8) Коллекція изъ 32 сухихъ (отчасти анатомическихъ) препаратовъ различныхъ животныхъ, приготовленная мной тамъ же. Большая часть этихъ препаратовъ внесена въ инвентарь подъ №№ 2620—2639. Остальные вписаны въ матер. книгу отъ 3 декабря 1893 г.

9) Коллекція изъ 74 видовъ и формъ раковинъ наземныхъ и прѣсноводныхъ моллюсковъ, собранная мной въ различныхъ мѣстностяхъ Италіи и Европейской Россіи. Большая часть формъ представлены многочисленными экземплярами. Коллекція внесена въ инвентарь подъ №№ 2481—2554.

10) Коллекція изъ 92 видовъ и формъ морскихъ раковинъ, отчасти собранныхъ мной въ Италіи, отчасти купленныхъ мной тамъ же въ розницу на собственныя средства. Формы, собранныя мной, въ большинствѣ случаевъ представлены многочисленными экземплярами. Большая часть препаратовъ этой коллекціи вписана въ инвентарь подъ №№ 2557—2619; остальные внесены въ матеріальную книгу отъ 3 декабря 1893 г.

11) Отъ проф. Владиміра Павловича Зыкова. 15 микроскопическихъ препаратовъ по анатоміи и исторіи развитія безпозвоночныхъ, преимущественно прѣсноводныхъ губокъ. Препараты эти внесены въ матеріальную книгу отъ 8 декабря 1893 г.

12) Отъ Императорской академіи наукъ получено, вслѣдствіе личнаго моего ходатайства передъ покойнымъ непремѣннымъ секретаремъ академіи Александромъ Александровичемъ Штраухомъ, 67 зоологическихъ сочиненій.

Отъ Императорскаго Общества любителей естествознанія, также вслѣдствіе моего ходатайства, получено 29 отдѣльныхъ оттисковъ и книгъ.

Зоологическія статьи изъ того и другого пожертвованія нынѣ разсортированы по ихъ содержанію и переплетены въ 29 большихъ томовъ, которые и записаны въ инвентарь подъ №№ 2640—2668. Въ составъ этихъ 29 томовъ вошли также нѣкоторые отдѣльные оттиски, полученные (какъ дубликаты) изъ университетской библіотеки еще въ первые годы существованія университета.

Наконецъ, въ самый день составленія этого заявленія, получена отъ проф. Оболонскаго еще коллекція глицериновыхъ и другихъ препаратовъ, содержащая моллюсковъ, амфибій и нѣсколько шкурокъ млекопитающихъ изъ Кіевской губерніи. Коллекція эта еще не разобрана.

Что касается приготовленныхъ мной препаратовъ и собранныхъ мною коллекцій (списки №№ 7—10), то я считаю ихъ собственностью университета, такъ какъ спиртъ, посуда и пересылка этихъ препаратовъ были оплачены на счетъ университета. Сверхъ того, будучи въ теченіи цѣлаго года

освобожденъ отъ преподаванія, я обязанъ былъ сдѣлать для университета въ другихъ отношеніяхъ все, что было возможно. Относительно же прочихъ коллекцій считаю необходимымъ сообщить слѣдующее. Большая часть изъ нихъ прислана намъ съ обѣщаніемъ также и съ нашей стороны присылки мѣстныхъ объектовъ. По отношенію къ Харьковскому и Варшавскому университетамъ, отчасти также по отношенію къ Императорской академіи наукъ и къ Императорскому Обществу любителей естествознанія это обѣщаніе уже болѣе или менѣе выполнено; по отношенію же къ другимъ лицамъ и учрежденіямъ я постараюсь выполнить его въ возможно непродолжительномъ времени. Матеріаломъ для обмѣна съ нашей стороны никогда не служатъ предметы, оплаченные университетомъ, а лишь предметы пожертвованные и чаще всего собранные лицами, состоящими при нашемъ университетѣ. Такимъ образомъ, этотъ обмѣнъ, принося нашему университету много полезныхъ объектовъ, не сопровождается почти никакими жертвами съ его стороны. Сверхъ того, вслѣдствіе особенной любезности тѣхъ лицъ, съ которыми мы ведемъ обмѣнъ, до настоящаго времени мы обыкновенно получали значительно болѣе, чѣмъ давали. Въ виду этого, я покорнѣйше прошу Совѣтъ отнестись къ указаннымъ подъ №№ 1—6 и 11—12 коллекціямъ, какъ къ пожертвованіямъ, и благодарить всѣхъ лицъ, которыя ихъ присылали, и такъ или иначе содѣйствовали ихъ присылкѣ.

Вотъ списокъ этихъ лицъ: академикъ Федоръ Дмитріевичъ Плеске, консерваторы зоологическаго музея академіи Соломонъ Марковичъ Герценштейнъ и Евгеній Александровичъ Бихнеръ, проф. Анатолій Петровичъ Богдановъ въ Москвѣ, консерваторъ зоологическаго музея Московскаго университета Николай Михайловичъ Кулагинъ, комитетъ шелководства въ Москвѣ, бывшій секретарь этого комитета (нынѣ начальникъ Анадырскаго Округа) Николай Львовичъ Гондатти, проф. Харьковскаго университета Александръ Федоровичъ Брандтъ, проф. Варшавскаго университета Николай Викторовичъ Насоновъ, докторъ Бранчикъ въ Венгріи (Dr. Brancsik, Trencsin, Ungarn), профессора Кіевскаго университета Николай Александровичъ Оболонскій и Василій Карловичъ Совинскій и проф. Московскаго университета Владиміръ Павловичъ Зыковъ.

Постановлено: выразить поименованнымъ въ заявленіи профессора Кащенко лицамъ и учрежденіямъ искреннюю признательность отъ имени Совѣта Императорскаго Томскаго университета.

16. Доложено отношеніе комитета директоровъ Севастопольской морской офицерской библіотеки отъ 15-го ноября т. г. за № 418 слѣдующаго содержанія:

«Севастопольская офицерская библіотека, при довольно скудномъ годовомъ бюджетѣ и не разъ перенесенныхъ бѣдствіяхъ (пожаръ 1844 г., пе-

рейздъ въ Николаевъ послѣ разгрома Севастополя, уменьшеніе членовъ при замираніи Черноморскаго флота), за 70-лѣтнее свое существованіе успѣла скопить себѣ замѣтное богатство: при возвращеніи въ свой родной городъ она насчитывала уже 17000 слишкомъ названій въ 39000 томахъ и за 1890 и 1891 годы пріобрѣла около 2000 названій въ 3000 томахъ. При возрастающемъ спросѣ на сочиненія спеціальныхъ отдѣловъ оказывается однако крупный пробѣлъ, какъ въ недостаткѣ нѣкоторыхъ капитальныхъ сочиненій, такъ особенно многочисленныхъ и весьма цѣнныхъ работъ отечественныхъ ученыхъ Обществъ. Невозможность пополнить эти пробѣлы, кромѣ матеріальной стороны, объясняется и безъизвѣстностью затерявшагося на окраинѣ Россіи книгохранилища, сослужившаго однако не малую службу въ дѣлѣ развитія своихъ членовъ—черноморскихъ моряковъ. Все болѣе и болѣе возрастающій спросъ на серьозныя книги и увеличивающееся количество лицъ интересующихся научными занятіями убѣдило администрацію библіотеки въ невозможности держать наше собраніе книгъ на должной высотѣ безъ поддержки и совѣтовъ компетентныхъ лицъ, поэтому комитетъ директоровъ рѣшился обратиться къ извѣстнымъ ученымъ Обществамъ и во главѣ ихъ къ Императорскимъ Университетамъ съ просьбою не отказать въ содѣйствіи пополненія научныхъ отдѣловъ, подѣлившись съ нашею библіотекою какими возможно изданіями университета и прислать каталогъ своей библіотеки съ отмѣтками въ немъ капитальныхъ сочиненій по разнымъ отдѣламъ. Такое содѣйствіе вызоветъ признательность не одного только Общества морскихъ офицеровъ, но и многихъ другихъ работающихъ въ библіотекѣ; съ своей стороны она можетъ выразить свою искреннюю благодарность ежегодно присылкою каталоговъ и отчетовъ».

Постановлено: высылать Извѣстія Императорскаго Томскаго университета въ Севастопольскую морскую библіотеку.

17. Смотритель библіотеки перваго студенческаго общежитія въ Москвѣ, г. Частухинъ, письмомъ отъ 2 декабря, отъ имени студентовъ 1-го общежитія, проситъ о безплатной высылкѣ въ библіотеку общежитія изданій университета.

Постановлено: удовлетворить просьбу смотрителя библіотеки 1-го Московскаго студенческаго общежитія. (Москва. Арбатъ, Филиповскій пер., I студ. общ.).

18. Ректоръ Томской духовной семинаріи, отношеніемъ отъ 7 декабря за № 497 на имя редактора университетскихъ Извѣстій, выражаетъ искреннюю благодарность педагогическаго собранія семинаріи, за доставленіе въ библіотеку семинаріи пяти книгъ университетскихъ Извѣстій.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

19. Профессоръ Сапожниковъ вошелъ въ Совѣтъ съ слѣдующимъ заявленіемъ:

«Совѣтъ Императорскаго Томскаго университета, по предложенію моего предшественника профессора Коржинскаго, ассигновалъ 550 р. изъ Сибиряковскаго капитала на пріобрѣтеніе коллекціи лапландскихъ растеній. Этотъ заказъ однако не состоялся, и означенная сумма остается не израсходованной и пріурочена къ нуждамъ ботаническаго кабинета. Вполнѣ сочувствуя мысли пріобрѣтенія интересной коллекціи, я не могу однако не отмѣтить, что она имѣетъ чисто спеціальный интересъ, тогда какъ, по моему мнѣнію, ботаническій кабинетъ нуждается въ болѣе необходимыхъ приборахъ и учебныхъ пособіяхъ, такъ, напримѣръ, въ кабинетѣ нѣтъ аналитическихъ вѣсовъ, спектроскопа, стѣнныхъ таблицъ по систематикѣ и пр., безъ чего, ни научныя занятія, ни самое преподаваніе не могутъ идти съ желаемой успѣшностью.

Въ виду вышеизложеннаго, покорнѣйше прошу Совѣтъ разрѣшить мнѣ дать иное назначеніе означенной суммѣ, сообразно нуждамъ кабинета и запискѣ представленной по этому предмету въ Правленіе».

Постановлено: удовлетворить ходатайство профессора Сапожникова.

20. Профессоръ Бартеневъ, прилагая списокъ книгъ по педіатріи въ числѣ 32, которыя ему желательно было бы выписать на штатныя библіотечныя суммы, просилъ Совѣтъ разрѣшить ему лично выписать означенныя изданія.

Постановлено: разрѣшить, за исключеніемъ тѣхъ, которыя окажутся, по справкѣ, имѣющимися въ библіотекѣ университета.

По доставленнымъ послѣ засѣданія свѣдѣніямъ, такихъ изданій въ числѣ намѣченныхъ оказалось пять названій.

21. Въ библіотеку университета поступили слѣдующія изданія.

1) Дворниченко. Къ вопросу объ отличіи крови человѣка отъ крови млекопитающихъ животныхъ. Дисс.

Отъ ректора Императорскаго Харьковскаго университета.

2) Годичный актъ въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ 5-го ноября 1893 года.

Отъ ректора Казанскаго университета.

3) Бюллетень (Bulletin) №№ 2 и 3 1893 г.

Отъ Императорскаго Московскаго Общества испытателей природы.

4) Профессоръ С. Залѣсскій. О пригодности нѣкоторыхъ мѣстностей Барнаульскаго и Каинскаго округовъ къ заселенію переселенцами. Отчетъ о командировкѣ лѣтомъ 1893 г.

Его же: Zur Frage der Sodaproduction in Sibirien. Chemiker Zeitung. 1893 г. № 91 и 92.

5) Карскій. Обзоръ звуковъ и формъ Бѣлорусской рѣчи. Москва. 1893 г.

Къ исторіи звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи. Варшава 1893 г. Магистерская диссертація.

Отъ ректора Кіевскаго университета.

6) Отчетъ Иркутской городской библіотеки.

Отъ Иркутской городской библіотеки.

22. Согласно ходатайству профессора Вернера постановлено: увеличить штатныя библіотечныя средства по кафедрѣ химіи до 90 р. въ годъ (вмѣсто отпускавшихся до сего 75 р.).

Подписано Предсѣдателемъ и членами Совѣта.

ОТДѢЛЪ II.

Ученые труды членовъ Университета.

В. М. Флоринскій.

ПЕРВОБЫТНЫЕ СЛАВЯНЕ

ПО ПАМЯТНИКАМЪ

ИХЪ ДОИСТОРИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.

ОПЫТЪ СЛАВЯНСКОЙ АРХЕОЛОГІИ.

I.

ОБЩАЯ ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

ТОМСКЪ
Типо-Литографія П. И. Макушина, Магистратская, № 4.
1894.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Томскаго Университета.
Секретарь факультета (Деканъ) Проф. *Н. Маліевъ.*

(Извлеч. изъ Извѣстій Императорскаго Томскаго Универс. за 1894 г. кн. VII).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Введеніе. . . . . стр. I—XXIV

ГЛАВА I.

Колыбель арійской народности. Краткій очеркъ культурныхъ теченій. Начало арійской и семитской культуры (стр. 2).—Переселеніе арійцевъ изъ центральной Азіи и пути этого переселенія (стр. 6).—Санскритъ и его значеніе въ исторіи народовъ (11).—Родство санскритскаго языка съ славянскимъ (13).—Родство азіатскихъ скиѳовъ съ европейскими по слѣдамъ географическихъ названій (18).—Культурное развитіе скиѳовъ (23).—Сопоставленіе скиѳской культуры съ славянскою по даннымъ языка (25).

ГЛАВА II.

Появленіе славянъ въ сѣверной Европѣ. Разселеніе арійцевъ по Европѣ (29).—Первыя свѣдѣнія о сѣверныхъ европейскихъ странахъ.—Пифій.—Рѣка Эридавъ и Танаисъ (31).—Cronium, Thule (33).—Morimarusa и мысъ Rubeas (35).—Объясненіе слова Thule и Baltia (37).—Посѣщеніе сѣверныхъ морей Венетами (41).—Повѣствованіе Тацита о Германіи (42).—Юлій Цезарь о Венетахъ въ Галліи (47).—Адріатическіе Венеты (51).—Славянство Венетовъ (53).—Балтійскіе славяне (57).—Причины ослабленія Балтійскихъ славянъ (61).—Отношеніе Балтійскихъ славянъ къ Русскому Государству (63).—О происхожденіи слова Варягъ (69).—Прибавленіе къ 1-й и 2-й главѣ: о русскомъ судоходствѣ и мореходствѣ въ связи съ объясненіемъ сибирскихъ городищъ (71).

ГЛАВА III.

Славяне на Балканскомъ полуостровѣ и въ южной Россіи.—Фракійскія племена. Геты и Даки и отношенія ихъ къ славянству. Значеніе славянства при императорѣ Юстиніанѣ (87).—Отношеніе Болканскихъ славянъ къ византизму (89).—Внѣшнія черты византизма и его источники (93).—Связь византизма съ Персіей и Сарматіей (95).—Національность Скиѳовъ и Сарматовъ (97).—Скиѳо-сарматская культура (99).—Церковно-византійскій стиль и его происхожденіе (103).—Древніе христіанскіе храмы въ Абхазіи и Сванетіи (105).—Сходство кавказскаго церковнаго зодчества съ славянскимъ (106).—Слѣды древнихъ каменныхъ городовъ на сѣверномъ

Кавказѣ (107).—Древній городъ Можары (113).—Археологическое значеніе кирпича (118).—Ассирійскій, троянскій, греческій и римскій кирпичъ и его размѣры (120).—Размѣры древне-русскаго и европейскаго кирпича (125).—Происхожденіе слова кирпичъ (127). Общій выводъ изъ первыхъ трехъ главъ (128).

ГЛАВА IV.

Славянскіе города и земляныя укрѣпленія. Происхожденіе слова городъ и славянская терминологія городскихъ укрѣпленій (133).—Днѣпній городъ или дѣтинецъ (135).—Происхожденіе словъ: кремль, стѣна, вежа, столпъ, башня, костеръ, острогъ (136—139).—Ассирійскія и вавилонскія укрѣпленія (144).—Городскія стѣны у Евреевъ и Персовъ (146).—Первыя земляныя насыпи при осадѣ городовъ (147).—Національная привязанность къ способамъ фортификацій. Первыя земляныя укрѣпленія у Римлянъ (151).—Земляныя укрѣпленія у Галловъ (152)—и Британцевъ (155).—Отсутствіе укрѣпленій у древнихъ Германцевъ (156).—Города у Балтійскихъ славянъ. Равенсбергское городище (157).—Земляные окопы у западныхъ славянъ (159).—Полевые окопы у Гунновъ, Каталаунское побоище (161).—Земляныя укрѣпленія въ древней Руси (165).—Укрѣпленія Новгорода, Старой Ладоги, Изборска, Рязани, Кіева, Владиміра и Твери (167—169).—Появленіе на Руси деревянныхъ городскихъ стѣнъ (170—172).—Первыя каменныя ограды въ Россіи (173).—Укрѣпленія у сѣверныхъ Финновъ и у камскихъ Болгаръ (175).—Археологическое значеніе древнихъ земляныхъ укрѣпленій и ихъ типическіе признаки (177—183).

ГЛАВА V.

Великая Пермь въ связи съ Камской Болгаріей и Сибирью. Мѣховая торговля сѣвера (185),—Происхожденіе слова соболь (188).—Происхожденіе слова Пермь (192).—Границы Пермской области (193).—Торговое значеніе Перми и причины ея упадка (195).—Скандинавскія саги о Біарміи. Путешествіе Отера (199).—Пермскіе клады и археологическое закамское серебро (200—204).—Источники богатства пермскаго края и горные промыслы древнихъ (205—209).—Уральское и алтайское золото и мѣдныя руды въ Западной Сибири (210—211).—Древняя разработка рудъ въ Акмолинской области (212).—Акмолинское, Семипалатинское и Алтайское золото древнихъ (214).—Уральскіе горные промыслы (216).—Гумешевскій рудникъ (218).—Древнія рудныя работы въ Уфимской губерніи (219)—Городища по рѣкѣ Бѣлой (221).—Городища по р.р. Вяткѣ и Чепцѣ (223).—Городища по р.р. Обвѣ, Камѣ и Колвѣ (224—226).—Галкинское городище при устьѣ р. Чусовой (227).—Городища по нижнему теченію Камы (228).—Водяные пути и волоки черезъ Уралъ (230).—Городища по р. Тавдѣ (231).—Городища по Тоболу, Турѣ и Исети (234).—Городища по Иртышу (235).—Чувашскій мысъ и Искеръ, походъ Ермака и завоеваніе Сибири (236).—Археологическое значеніе Искера (239).—Происхожденіе слова Сибирь (243).—Основаніе городовъ Тюмени и Верхотурья (245).—Выходъ съ Туры на Чусовую (247).—Писаные камни по р. Тагилу (248—251).—Городища по р. Чусовой (252).—Происхожденіе болгарскихъ и сибирскихъ городищъ (253).—Торговыя связи древней Сибири съ Болгаріей и Пермью (256).—Упадокъ древней Болгаріи и Перми (258).—Возрожденіе Сибири (259).

ГЛАВА VI.

Городище Болгары и Камская Болгарія. Топографія городища Болгары. Старая Кама и вытекающія отсюда соображенія о времени основанія города Болгара (261—264).—Обзоръ литературы объ этомъ городищѣ (265).—Описаніе укрѣпленій городища (266).—Время основанія города Болгара (270).—Находки на городищѣ, подтверждающія его древность (272).—Сравненіе болгарской культуры съ сибирскою: орнаментированная глиняная посуда, напрясла, глиняныя водопроводныя трубы, костяные наконечники стрѣлъ, желѣзныя стрѣлы большого формата, копья, топоры, кельты, бронзовыя долота и серпы, птицевидные идолы (274—284).—Архитектурные памятники Болгаръ: Большой и Малый столпъ (285).—Археологическое значеніе болгарскихъ руинъ (289).—Значеніе слова *Столпъ* (291).—Историческое происхожденіе столповъ и отношеніе ихъ къ индійскимъ топамъ и китайскимъ пагодамъ (292).—Башня Бураны въ Семирѣченской области (295).—Сауранскія башни (298).—Сходство болгарскихъ столповъ съ азіатскими (299).—Религіозное значеніе столповъ (301).—Татарскія постройки въ Казани и Сумбекина башня (303).—Описаніе Бѣлой палаты (305).—Сходство ея съ христіанской церковью (310).—Черная или судная палата (313.—Назначеніе ея (317).—Изображеніе креста въ ея окнахъ (318).—Башни болгарской цитадели (321).—Назначеніе ихъ (322).—Палатки и церковь св. Николая (325).—Долговѣчность каменныхъ построекъ (327).—Сравненіе болгарской и русской строительной техники (328).—Историческія свѣдѣнія о болгарахъ (331).—Упадокъ города Болгара (334).—Національность древнихъ болгаръ (335).—Слѣды христіанства въ Болгарахъ, греческая палата (339).—Три періода болгарскихъ древностей: славянскій, арабскій и татарскій (343).—Замѣтка объ имени Болгаръ (345).—Отношеніе Болгаръ къ гуннамъ и о національности тѣхъ и другихъ (350).—Заключеніе первой части.

ТАБЛИЦЫ ЧЕРТЕЖЕЙ И РИСУНКОВЪ.

Табл. I—VI. Начертанія на скалахъ по берегамъ рѣки Тагила.

I. Начертанія на камнѣ *Балабанъ*, на правомъ берегу Тагила. Къ стр. 249.
II. Начертанія на *Карауломъ* и *Сокольемъ* камнѣ, на лѣвомъ берегу Тагила. Къ стр. 249.
III. Надписи на *Змѣевомъ* камнѣ. Къ стр. 250.
IV. Начертанія на томъ же камнѣ. Къ стр. 250.
V. Изображенія на камнѣ, называемомъ *Писаный*. Къ стр. 250.
VI. Изображенія на томъ же *Писаномъ* камнѣ. Къ стр. 251.
VII. Планъ окрестностей города Тобольска, съ указаніемъ городищъ. Къ стр. 236.
VIII. Планъ городища Искеръ. Къ стр. 236.
IX. Глазомѣрный планъ старой дельты рѣки Камы, отъ Спасскаго затона до городища Болгары. Къ стр. 261.
X. Планъ городища Болгары (изъ атласа Шмита). Къ стр. 266. (Объясненіе нумерацій плана см. на стр. 265 подъ строкой).
XI. Планъ и фасадъ Бѣлой палаты въ Болгарахъ (по рисунку Палласа). Къ стр. 310

XII. Черная палата и Болгарскіе столпы (по рисунку Палласа) Къ стр. 314.
XIII. Церковь св. Николая (по рис. Палласа). Къ стр. 325.
XIV. Планы и разрѣзы Бѣлой и Черной палатъ (по рисунку Шмита). Къ стр. 315.
XV. Фасадъ и разрѣзъ башни Бураны, въ Семирѣчьи, по рисунку снятому въ 1886 году. Къ стр. 295.
XVI. Фотографическій снимокъ той же башни въ 1891 году.

ПРОГРАММА ЧАСТИ ВТОРОЙ.

Сибирскія древности въ связи съ Россійскими и западно-славянскими. (*Предполагаемое* содержаніе этой части).

ГЛАВА I.

Географическій обзоръ Западной Сибири со включеніемъ областей: Акмолинской, Семипалатинской и Семирѣченской. Алтай и его предгорія. Черноземныя степи и песчаныя пустыни. Бараба, сѣверная тайга и тундра.

Орошеніе страны и пути сообщенія. Вѣроятныя измѣненія въ природѣ страны въ продолженіи послѣднихъ двухъ тысячелѣтій. Существовали ли въ сибирскихъ степяхъ лѣса? Не измѣнилось ли протяженіе черноземныхъ степей и песчаныхъ пустынь въ связи съ орошеніемъ почвы? Климатическія условія и характеръ растительности по археологическимъ даннымъ. Предѣлы распространенія древняго курганнаго населенія Сибири.

ГЛАВА II.

Такъ называемый каменный вѣкъ въ Сибири и его хронологическое значеніе. Описаніе каменныхъ орудій Томскаго археологическаго музея и сравненіе ихъ съ соотвѣтствующими орудіями другихъ странъ. Совмѣстное нахожденіе каменныхъ и бронзовыхъ орудій, дающее поводъ заключать объ одновременномъ ихъ употребленіи. Каменные пестики и молотки, ручные жернова, топоры и скребки, копья и стрѣлы, точильные бруски и другія подѣлки изъ камня.

Частное описаніе костяныхъ сибирскихъ орудій: наконечники стрѣлъ, ножи, скребки, орудія рыболовства и птицеловства, костяныя стемена, ложки, гребни, астрагалы и игральныя бабки, амулеты и привѣски и т. п. Не обдѣланныя кости животныхъ, находимыхъ въ могилахъ и городищахъ, какъ слѣды мѣстной фауны древняго времени.

ГЛАВА III.

Сибирская керамика (гончарное искусство). Общій характеръ глиняной посуды курганныхъ могилъ: форма, величина и цвѣтъ, орнаменты, наведенные по сырой глинѣ и общій характеръ ихъ. Виды тисненыхъ орнаментацій. Сходство сибирской узорчатой посуды съ такою же посудой изъ кургановъ Европейской Россіи и другихъ славянскихъ

странъ, а также съ посудой древней Трои по раскопкамъ Шлиманна. Отсутствіе такихъ типовъ въ передней Азіи, Греціи, Галліи и древней Германіи. Узорчатые черепки, находимые на городищахъ и полное сходство ихъ орнаментовъ съ глиняною посудою изъ курганныхъ могилъ.

Глиняныя напрясла и разныя лѣпныя подѣлки изъ глины. Гончарныя водопроводныя трубы. Глиняныя и мастиковыя бусы и пронизки, стеклянныя бусы, бисеръ и цвѣтные камни.

ГЛАВА IV.

Сибирская бронза. Химическій анализъ бронзовыхъ сибирскихъ издѣлій. Доказательства ихъ мѣстной отливки. Откуда получались олово и свинецъ для бронзовыхъ сплавовъ. Совершенство литейнаго дѣла и степень художественности этого искусства. Оригинальные типы бронзовыхъ издѣлій. Звѣриный орнаментъ. Сходство сибирскихъ бронзовыхъ издѣлій съ пермскими, болгарскими и южно-русскими (скиѳскими). Такъ называемый бронзовый вѣкъ и его хронологическое значеніе въ Сибири. Переходъ отъ бронзы къ желѣзу и трудность разграниченія между этими двумя эпохами.

ГЛАВА V.

Описаніе сибирскихъ бронзовыхъ издѣлій въ частности. а) **Военное оружіе:** 1) кельты: ихъ форма, величина и орнаменты, сопоставленіе ихъ съ западнымъ оружіемъ того же типа. Назначеніе кельтовъ и ихъ повсемѣстное употребленіе. Деревянная рукоятка и способъ прикрѣпленія къ ней бронзоваго кельта. 2) Бронзовыя сѣкиры и брадвы, оригинальность этого оружія, его форма и орнаменты. Повтореніе этихъ же типовъ въ Камской Болгаріи и Перми. Назначеніе и способъ употребленія. 3) Бронзовые кинжалы, ихъ форма и орнаменты, сопоставленіе съ западнымъ оружіемъ того же типа. 4) Бронзовыя стрѣлы, разнообразная ихъ форма, сходство ихъ со скиѳскими и европейскими стрѣлками. 5) Копья и дротики. 6) Булавы или шестоперы.

б) **Ремесленныя орудія:** 1) мѣдный плотничный топоръ. 2) Бронзовыя долота и стамески. 3) Бронзовые и мѣдные ножи, ихъ многочисленность и разнообразіе, форма и орнаменты. 4) Бронзовыя шилья и швейныя бронзовыя тонкія иголки съ ушкомъ. 5) Бронзовые серпы. 6) Орудія горнаго промысла.

в) **Предметы религіознаго значенія:** 1) птицевидные идолы. 2) Идолы въ формѣ человѣческаго лица, или солнца. 3) Диски и кружки религіознаго значенія. 4) Идолы въ человѣческой формѣ.

г) **Личныя украшенія:** 2) Наборные пояса и пряжки. 2) Серьги и кольца. 3) Браслеты, ожерелья и привѣски. 4) Металлическія зеркала. 5) Бляхи съ изображеніемъ людей и животныхъ.

д) **Конская сбруя и доспѣхи:** бронзовыя удила и стремена. Употребленіе сѣдла. Отсутствіе шлемовъ, латъ, кольчугъ и щитовъ.

ГЛАВА VI.

Топографическое обозрѣніе курганныхъ могилъ и кладбищъ Западной Сибири и Семирѣчья. Форма и устройство кургановъ земляныхъ, полукаменныхъ и каменныхъ. Расположеніе могилъ и способы погребенія. Обыкновенныя находки въ могилахъ и опредѣляемая по этому степень ихъ древности. Отличіе финскихъ могилъ отъ древнѣйшихъ арійскихъ. Могильные черепа и скелеты. Надмогильные памятники: камни и каменныя бабы.

Предѣлы распространенія каменныхъ бабъ.

ГЛАВА VII.

Сибирскія письмена: общая ихъ характеристика, сходство алфавита съ древнимъ греческимъ и финикійскимъ по очертанію буквъ, манерѣ письма и строчнымъ знакамъ. Догадки о происхожденіи древняго сибирскаго письма, отношеніе его къ скандинавскимъ рунамъ и древнимъ русскимъ «чертамъ и рѣзамъ».

ГЛАВА VIII.

Желѣзный вѣкъ въ Сибири и желѣзныя орудія болѣе поздней эпохи.

ГЛАВА IX.

Отношеніе древняго курганнаго населенія Сибири къ финскому сѣверу.

ВВЕДЕНІЕ.

Живой интересъ къ тому или другому научному вопросу нерѣдко возбуждается случайностью. Чаще всего это должно имѣть мѣсто въ тѣхъ отрасляхъ знанія, которыя не входятъ въ курсъ общеобразовательныхъ или профессіональныхъ школьныхъ доктринъ, а существуютъ въ видѣ необязательнаго придатка къ формальнымъ или патентованнымъ наукамъ. Въ такомъ положеніи находится археологія или наука о доисторическихъ древностяхъ. Строго говоря, до сихъ поръ это только зародышъ науки, предметъ любительскаго знанія и изученія, безъ точно выработанной системы, безъ ясно опредѣленной цѣли. Не смотря на то, что этимъ предметомъ въ продолженіе почти цѣлаго столѣтія были заняты съ достойнымъ увлеченіемъ десятки и сотни просвѣщенныхъ любителей, что въ настоящее время существуютъ по этому отдѣлу нѣсколько спеціальныхъ ученыхъ обществъ*), было

*) 1) Изъ спеціальныхъ археологическихъ обществъ первое было основано въ Одессѣ въ 1839 году. Первый томъ его трудовъ, подъ заглавіемъ: „Записки Одесскаго Общества исторіи и древностей“ появился въ свѣтъ въ 1844 году 4°. Это изданіе продолжалось до 1867 г. и заключаетъ въ себѣ весьма много важныхъ изслѣдованій, преимущественно относящихся къ югу Россіи.

2) Съ 1846 года существуетъ археологическое (впослѣдствіи Императорское) общество въ Петербургѣ, издающее свои труды на русскомъ языкѣ съ 1849 г. подъ заглавіемъ: „Записки археологическаго общества“ (до 1865 г. 14 томовъ), потомъ подъ заглавіемъ: „Записки отд. славянской и русской археологіи“, и съ 1859 г. подъ заглавіемъ: „Извѣстія Императорскаго археологическаго общества.“

3) Съ 1864 г. существуетъ Московское археологическое общество. Труды его, подъ заглавіемъ: „Древности“, выходятъ съ 1863 г. Москва, 4°.

4) Съ 1850 г. продолжаетъ свои роскошныя изданія Археологическая Комиссія при Кабинетѣ Его Императорскаго Величества, отчеты по раскопкамъ преимущественно южной Россіи.

5) Съ 1878 г существуетъ при Казанскомъ университетѣ Общество археологіи, исторіи и этнографіи. Первый томъ „Извѣстій“ этого общества вышелъ въ свѣтъ въ 1879 г. Въ этомъ изданіи, продолжающемся до сихъ поръ, главнымъ образомъ помѣщаются изслѣдованія древностей Поволжья и Камской Болгаріи.

6) Въ Кіевѣ существуетъ археологическое общество имени Нестора лѣтописца.

Кромѣ того, археологическіе отдѣлы входятъ въ составъ нѣкоторыхъ историческихъ, географическихъ и иныхъ обществъ въ разныхъ городахъ Россіи, въ томъ числѣ и въ Томскѣ при мѣстномъ университетѣ.

уже восемь археологическихъ съѣздовъ*). издано множество замѣчательныхъ и цѣнныхъ археологическихъ трудовъ, не смотря на все это, археологія по сіе время не получила полныхъ научныхъ правъ, до сихъ поръ не преподается, какъ отдѣльная и самостоятельная отрасль знанія, ни въ одномъ учебномъ заведеніи.

За немногими исключеніями, разработка ея предоставляется любителямъ-самоучкамъ, является дѣломъ случая и личнаго расположенія.

У меня лично любовь къ археологическимъ занятіямъ развилась также случайно. Первое, поверхностное ознакомленіе съ отечественными древностями я пріобрѣлъ во время поѣздокъ по южной Россіи въ 60-хъ годахъ. Въ то время курганы нашихъ южныхъ степей и предметы, собранные въ музеяхъ Одессы и Керчи, настолько поразили мое воображеніе, что я ревностно принялся за чтеніе всего, что было извѣстно по этому предмету. Въ путешествіяхъ Палласа, Лепехина, Гмелина, въ сочиненіяхъ Ашика, Спасскаго, графа Уварова и въ трудахъ Одесскаго и Петербургскаго археологическихъ обществъ я нашелъ столько любопытныхъ и вызывающихъ на размышленіе фактовъ, что невольно увлекся этимъ предметомъ, не переставая интересоваться имъ до послѣдняго времени. Въ 1874 году я спеціально объѣхалъ съ этою цѣлію Оренбургскую, Уфимскую и Пермскую губерніи; въ началѣ 80-хъ годовъ, живя въ Казани, я познакомился съ древностями Казанской губерніи и съ знаменитыми „Камскими Болгарами“, а въ 1881 г. въ первый разъ встрѣтился съ курганами и городищами Западной Сибири, проѣздомъ изъ Шадрин-

*) Первый археологическій съѣздъ былъ открытъ въ Москвѣ въ 1869 г. Два тома его трудовъ in 4° были изданы въ 1870 и 1871 гг. подъ редакціей графа А. С. Уварова.

Второй археологическій съѣздъ состоялся въ Петербургѣ по случаю 25-лѣтія С.-Петербургскаго археологическаго общества въ 1871 г. Труды этого съѣзда появились въ свѣтъ въ 1876 г. 2 выпуска in 4°, съ атласомъ fol.

Третій археологическій съѣздъ былъ въ Кіевѣ въ 1874 г. Издано 2 тома трудовъ in 4° съ атласомъ fol.

Четвертый археологическій съѣздъ былъ въ Казани въ 1877 г. Первый томъ трудовъ вышелъ въ 1884 г., 4°.

Пятый съѣздъ состоялся въ Тифлисѣ въ 1881 г. Труды изданы въ 1882—87 гг. 2 тома in 4°.

Шестой съѣздъ въ Одессѣ въ 1884 г. 4 тома трудовъ изданы въ 1886—90 г.

Седьмой съѣздъ въ Ярославлѣ въ 1887 г. Два тома трудовъ изданы въ 1889—90 гг.

Восьмой съѣздъ въ Москвѣ въ 1890 году. До сихъ поръ вышелъ одинъ томъ трудовъ.

ска по коммерческому тракту на Ишимъ, Тюкалинскъ, Омскъ и далѣе до Томска. Сибирскія курганныя кладбища по своей грандіозности превзошли все, прежде мною видѣнное. Сравнивая ихъ съ Оренбургскими, Уфимскими, Донскими и южно-русскими, я въ первый разъ невольно подчинился гипотетической мысли о принадлежности тѣхъ и другихъ одному и тому же народу. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ я сдѣлалъ въ то время (лѣтомъ 1881 года) въ своемъ дорожномъ дневникѣ слѣдующую замѣтку:

„Со второй станціи за Шадринскомъ появляется первая полоса сибирскихъ кургановъ, именно въ трехугольникѣ между рѣками Исетью и Міясомъ и далѣе между Міясомъ и Тоболомъ. По берегамъ этихъ рѣкъ они далеко идутъ—къ сѣверу до Тобольска, а къ юго-западу съ одной стороны въ Курганскій уѣздъ и Акмолинскую область, съ другой въ за-уральскіе уѣзды Оренбургской губерніи. Первое ознакомленіе съ курганами на пути до р. Тобола произвело на меня глубокое впечатлѣніе. Въ открытой степи, по высокимъ равнинамъ ряды и группы ихъ далеко обрисовывались точно большія копны сѣна на скошенномъ лугу, или какъ деревенскія постройки. Часто они стоятъ въ одну линію по ту и другую сторону дороги, напоминая деревенскую улицу, либо разбросаны неправильными группами, или въ одиночку, точно хутора. Вѣроятно вслѣдствіе такого впечатлѣнія, у крестьянъ сложилась легенда, что это были жилища какого-то древняго народа Чуди. Такое представленіе подкрѣплялось находками въ разрытыхъ курганахъ, вмѣстѣ съ человѣческими скелетами, и разныхъ вещей домашней утвари. Изъ этого вывели заключеніе, что Чудь похоронила себя заживо въ своихъ жилищахъ вмѣстѣ съ своимъ имуществомъ, подрубивъ деревянныя стойки въ своихъ землянкахъ, сдѣлавшихся такимъ образомъ ихъ могилами. Въ этой, не лишенной поэзіи, баснѣ курганы представляются чѣмъ-то въ родѣ Геркуланума и Помпеи, но еще въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ. Тамъ мы видимъ погребенные подъ пепломъ и лавой только два города, и притомъ извѣстной эпохи и извѣстнаго народа, а здѣсь рисуется воображенію цѣлый народъ, неизвѣстно какой и когда здѣсь жившій. Сотни и тысячи его могилъ, такъ рельефно выдающихся на всемъ пространствѣ широчайшихъ степей южной Россіи и Сибири, не смотря на одно-

образіе ихъ содержимаго, стóятъ помпейскихъ сокровищъ. Правда, они не дадутъ намъ дорогихъ образцовъ античнаго искусства, не будутъ имѣть высокой рыночной цѣны, но для науки они могутъ быть дороже золота и художественно обдѣланнаго мрамора. Помпейскія древности—это изящная виньетка къ одной главѣ Римской исторіи; Сибирскія же древности—это затерянный томъ самаго текста изъ жизни древнѣйшихъ народовъ.

„Глядя на Тобольскіе курганы и обнимая умственнымъ взоромъ громадную полосу ихъ распространенія почти по всѣмъ предѣламъ Россійской Имперіи, невольно приходитъ на мысль: не имѣютъ ли эти памятники болѣе прямаго отношенія къ древнѣйшимъ судьбамъ славянскаго народа?

„А что, если географическія совпаденія ихъ съ нынѣшнею русскою территоріею—не простая случайность, если это дѣйствительно могилы нашихъ предковъ, сооруженныя въ назиданіе и воспоминаніе потомству? Не будетъ ли тогда съ нашей стороны святотатствомъ отрекаться отъ этихъ прадѣдовскихъ могилъ, съ такимъ пренебреженіемъ попирать ихъ священную память, съ легкимъ сердцемъ уступая ихъ то финнамъ, то татарамъ? Добро бы мы дѣлали это сознательно, не желая мѣнять нѣчто извѣстное на проблематическое, могли бы указать на другое, болѣе опредѣленное мѣсто нашей первоначальной родины; но наши историки не указываютъ такого мѣста. Всю среднюю и сѣверную полосу Россіи они отдаютъ финнамъ, южныя степи—скиѳамъ и сарматамъ, не дозволяя видѣть ни въ тѣхъ, ни въ другихъ нашихъ родоначальниковъ,—всю Сибирь пріурочили къ туранскимъ племенамъ, Балканскій полуостровъ—оракійцамъ, западную Европу—кельтамъ и германцамъ, Малую Азію—эллинамъ и семитамъ, а колоссальному славянскому организму не оставили ни одного клочка земли, который онъ могъ бы назвать своей колыбелью.

„Всякая попытка отыскать и опредѣлить исконныя мѣста того или другаго племени не можетъ быть разсматриваема, какъ плодъ одной досужей любознательности. Я бы считалъ это нравственнымъ долгомъ потомковъ передъ предками. Кромѣ того, здѣсь чувствуется еще нѣчто, разъясняющее прошедшую и будущую судьбу народовъ, нѣчто указывающее на исконное предопредѣленіе въ судьбахъ человѣческихъ племенъ, на ихъ географическій

жребій. Вспомнилась мнѣ при этомъ рѣчь проф. В. В. Григоровича, сказанная на годовомъ актѣ Новороссійскаго Университета, 30 августа 1866 года. Въ этой рѣчи приводятся слова константинопольскаго патріарха Николая, обращенныя къ Симеону, князю Болгарскому въ X столѣтіи: „Кождому народу, говорилъ патріархъ, даровано Провидѣніемъ свое мѣсто, своя честь, свое призваніе. Народы, соблюдающіе свою имъ дарованную честь, пребудутъ и достигнутъ своего назначенія, народы же пытающіеся, какъ бы пренебрегая богодарованною честью, стяжать болѣе того, что имъ даровано, хотя бы на время достигали могущества, вскорѣ, однакожъ, среди обладанія, всего что ни есть лишены бываютъ“,

„Вематриваясь въ историческіе факты, мы дѣйствительно видимъ, что каждый народъ имѣетъ свой жребій, занимая данное ему мѣсто въ продолженіе многихъ тысячелѣтій, съ тѣхъ поръ какъ объ этомъ знаетъ исторія. Китайцы, Египтяне, Греки, Персы, Армяне, Латинцы, Галлы и Германцы, какъ и всѣ почти остальные культурные народы показываютъ замѣчательную устойчивость по отношенію къ мѣстамъ обитанія. Сколько ни дѣлали они завоевательныхъ попытокъ, какъ ни старались расширить кругъ своей земли, все это въ конечномъ результатѣ не приводило ни къ чему. Послѣ многократныхъ колебаній и пертурбацій, границы культурныхъ народовъ и государствъ остаются почти тѣ же самыя, какъ и при первоначальномъ разселеніи. Все, переходящее эти границы, или этотъ данный Богомъ жребій, рано или поздно отбрасывалось, народъ возстановлялъ исконные предѣлы, и не было силы, которая могла бы его столкнуть съ законно занимаемаго мѣста. Сколько распрей дала галльскимъ и германскимъ племенамъ небольшая полоска земли около Рейна, сколько было попытокъ отнять у славянъ сѣверные берега Чернаго моря и Дуная, какъ ни расширялись Римъ и Персія въ цвѣтущее время своего могущества, но въ концѣ концовъ исторія возвращала каждый народъ въ свое первоначальное русло. Насильственное отторженіе земель и порабощеніе народовъ всегда имѣло характеръ лишь временной пертурбаціи, за которою рано или поздно, иногда черезъ много столѣтій, возстановлялось прежнее равновѣсіе. Присоединенныя провинціи отпадали, порабощен-

ные народы возвращали свою политическую свободу и поглощающее государство въ періодъ своего упадка оставалось лишь съ тѣмъ удѣломъ, на которомъ былъ основанъ его первый политическій строй. Всѣ народности, которыя водворялись на чужихъ земляхъ, какъ пришлые паразиты, не имѣя здѣсь въ прошедшемъ осѣдло устроенной родины, обыкновенно оказывались неустойчивыми. Таковы монголы, татары и турки. Съ ослабленіемъ ихъ политической силы они разсыпались въ мелкіе обломки.

„Возстановленіе древнихъ границъ у обездоленныхъ народовъ составляетъ ихъ историческую задачу, къ которой инстинктивно стремится государственная жизнь, и рано или поздно достигаетъ этой законной цѣли. Здѣсь-то археологическіе памятники, правильно истолкованные, могли бы служить путеводною нитью. Они, какъ старые, долго затерянные документы, какъ межевые столбы могли бы помочь возстановить древнія границы народной жизни. Такая граница была бы основана не на политическомъ захватѣ, не на научныхъ соображеніяхъ тѣхъ или другихъ государственныхъ удобствъ, а на нравственномъ правѣ исконной давности. Скажутъ, что въ нашъ вѣкъ логоловнаго вооруженія смѣшно руководиться такими отвлеченными соображеніями. Но я и высказываю ихъ, конечно, не для руководства, а для освѣщенія русской исторической правды. Для народной совѣсти и для предчувствія будущаго далеко не все равно, будемъ ли мы сознавать, что славянское племя водворилось въ нынѣшнихъ земляхъ путемъ насилія и захвата, хотя бы и слишкомъ отдаленнаго отъ нашей эпохи, или оно наслѣдуетъ родную землю и въ дальнѣйшихъ территоріальныхъ пріобрѣтеніяхъ лишь возвращаетъ себѣ то, что было неправильно отнято въ минувшіе вѣка.

„Такія мысли навѣяли на меня Тобольскіе курганы. Чувствуется мнѣ, что народная русская волна не даромъ стремится на югъ и востокъ. Не однѣ матеріальныя выгоды и политическія соображенія влекутъ насъ сюда, а народный инстинктъ, безсознательно сохранившійся въ коллективной памяти народныхъ массъ, подобно инстинкту перелетныхъ птицъ.

„Народы и государства дѣлаются достояніемъ исторіи обыкновенно лишь съ того времени, когда они вступаютъ во взаимо-

дѣйствіе съ остальнымъ цивилизованнымъ міромъ, когда объ ихъ дѣяніяхъ появляются письменныя хроники, или, по крайней мѣрѣ, достовѣрныя преданія. Исторія, такимъ образомъ, представляетъ собою нѣчто въ родѣ формулярнаго списка, гдѣ хронологически отмѣчаются семейныя перемѣны, имущественныя пріобрѣтенія и міровая служба каждаго народа. Начало такой исторіи, очевидно, можетъ относиться только къ возмужалому возрасту. Но если мы хотимъ понять развитіе народнаго генія и характера, оцѣнить его прежнія дѣянія и предугадать будущую судьбу, мы должны изучать его дѣтство и отрочество и всѣ тѣ отдаленныя условія, которыя вліяли на его физическій ростъ и нравственно-интеллектуальный складъ. Эти данныя не почерпаются изъ формулярныхъ списковъ. Они кроются въ наслѣдственныхъ качествахъ и семейныхъ преданіяхъ, или, по отношенію къ народностямъ, въ доисторической эпохѣ. Открытую книгу такихъ, еще не разобранныхъ, лѣтописей представляютъ намъ древнія городища и безчисленныя могилы, разсыпанныя по всему необъятному пространству русской земли. Эти нѣмые свидѣтели доисторической культурной жизни, особенно поражающіе глазъ путника на открытыхъ сибирскихъ равнинахъ, должны содержать въ себѣ добрую долю тѣхъ именно документовъ о происхожденіи и первомъ дѣтскомъ возрастѣ славянскаго народа, которые до сихъ поръ считались навсегда затерянными. Сердцемъ чувствуется, что эта широкая привольная степь, разстилающаяся сплошной полосой отъ Оби до Волги и Дуная, близка русскому человѣку не со вчерашняго дня, что она выростила и воспитала не одни полудикія татарскія и монгольскія племена, а была когда-то колыбелью другаго народа, болѣе осѣдлаго и болѣе культурнаго. Раскрыть эту таинственную завѣсу могутъ только настойчивые археологическіе труды, а дѣятельными работниками для выполненія такой задачи должны быть члены нашего будущаго университета. Если бы систематическими научными разысканіями удалось доказать, что домонгольская Сибирь была исконною родиною славянскаго народа, это было бы со стороны будущей университетской корпораціи первой и, можно сказать, достойною платою отечеству за дарованный Сибири разсадникъ высшаго просвѣщенія.

„Сознаніе собственнаго достоинства въ исторіи есть одно изъ лучшихъ основаній народнаго достоинства въ настоящемъ и сѣмя будущаго; питать и укрѣплять это сознаніе въ народѣ есть прямая обязанность писателей, столь же священная и благотворная въ послѣдствіяхъ, какъ и обязанность указывать слабости народнаго характера, обличать заблужденія, преслѣдовать невѣжество и предразсудки: это два способа обнаруженія одного и того же патріотическаго призванія литературы“ *.

Такова была общая идея, явившаяся при первомъ моемъ ознакомленіи съ сибирскими памятниками въ 1881 году.

Съ 1885 года, благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ я поставленъ былъ въ особенно благопріятныя условія для ознакомленія съ сибирскими древностями не только на всемъ протяженіи Тобольской и Томской губерніи, но также въ Акмолинской, Семипалатинской и Семирѣченской областяхъ. Обнимая такой обширный районъ важнѣйшихъ водныхъ сообщеній и сухопутныхъ дорогъ Западной Сибири, вплоть до границъ Китая и Сыръ-Дарьинской области, не трудно было составить довольно полную общую картину географическаго распространенія археологическихъ памятниковъ одного и того же типа. Въ этомъ отношеніи особенно были любопытны древности Семирѣчья, какъ ближайшаго пункта отъ арійской прародины, предполагаемой въ Центральной Азіи, а именно въ бассейнѣ Сыръ и Аму-Дарьи, откуда пра-арійцы должны были, по мѣрѣ размноженія, распространяться на западъ (черезъ Персію и Малую Азію) и на сѣверовостокъ (черезъ Западную Сибирь и Оренбургскія степи). Подробныя свѣдѣнія о Семирѣченскихъ курганныхъ кладбищахъ будутъ мною изложены въ своемъ мѣстѣ. Теперь же я мимоходомъ замѣчу, что ни одна изъ извѣстныхъ мнѣ доселѣ областей Европейской и Азіатской Россіи не представляетъ такой величавой и цѣльной картины древняго курганнаго погребенія, какъ многочисленныя кладбища, расположенныя на отлогихъ сѣверныхъ предгоріяхъ Алатавскаго хребта (по дорогѣ изъ Семипалатинска въ Вѣрный). Достаточно взглянуть на эти грандіозныя группы искусственныхъ холмовъ, на ихъ типическую форму и расположе-

*) *И. Былярскій.* Судьбы церковнаго языка. О Кирилловской части Реймскаго Евангелія. Спб. 1848 г., стр. 18.

ніе, сравнить ихъ съ такими же группами сибирскими, сѣверно-кавказскими и новороссійскими, чтобы явилась мысль о принадлежности этихъ однородныхъ памятниковъ какому либо одному, многочисленному и могучему народу. Не дряблымъ финскимъ инородцамъ, думалось мнѣ во время моихъ продолжительныхъ скитаній, не татарамъ и монголамъ, болѣе позднимъ пришельцамъ въ эти страны, должны принадлежать такія грандіозныя могилы, а тому устойчивому, издавна культурному и сильному племени, которое до сихъ поръ стоитъ во главѣ міровой цивилизаціи, т. е. народамъ европейскимъ.

Одновременно съ многократными поѣздками по Сибири и въ связи съ ними у меня явилась мысль объ основаніи при готовившемся тогда Томскомъ университетѣ спеціальнаго музея сибирскихъ древностей. При изобиліи этого мѣстнаго матеріала, въ скоромъ времени удалось собрать, частію пожертвованіями, частью путемъ личныхъ раскопокъ, весьма значительныя и цѣнныя коллекціи, преимущественно бронзовыхъ и мѣдныхъ издѣлій и образцовъ древней керамики. Ко времени открытія университета въ 1888 году въ музеѣ находилось болѣе 2660 предметовъ *). Этотъ матеріалъ, вмѣстѣ съ коллекціями другихъ сибирскихъ музеевъ, именно: Минусинскаго, Тобольскаго, Омскаго и отчасти Семипалатинскаго и Тюменскаго, давалъ возможность судить о сибирскихъ древностяхъ не по одному наружному виду могилъ, но и по ихъ внутреннему содержанію. Сравнивая въ общемъ и въ частностяхъ типы находимыхъ здѣсь предметовъ съ подобными же архаическими издѣліями южной и сѣверной Россіи, нельзя было не замѣтить между тѣми и другими поразительнаго сходства. Это усугубляло интересъ къ сибирскимъ древностямъ, заставляя думать, что Западная Сибирь и почти вся остальная Россія жили нѣкогда одною и тою же культурною жизнію, и притомъ далеко не низменною. Это не была жизнь полудикихъ, бродячихъ или кочующихъ племенъ, подобно нынѣшнимъ монгольскимъ и финскимъ инородцамъ, а жизнь во многихъ случаяхъ осѣдлая, промыш-

*) См. изданный мною печатный каталогъ подъ заглавіемъ: „Археологическій музей Томскаго университета“, 1888 г. Томскъ. Примѣчанія къ каталогу стр. I—V и стр. 1—275. Въ настоящее время музей имѣетъ уже болѣе 4800 предметовъ.

ленная, не уступающая раннимъ періодамъ гражданственности и культуры древнихъ классическихъ народовъ. По большому числу находимыхъ здѣсь бронзовыхъ серповъ (весьма сходныхъ съ древними греческими и римскими) можно заключать, что древніе обитатели Сибири не были чужды земледѣлія. Тоже подтверждаютъ и находимые обугленные знаки. Множество бронзовыхъ долотъ, стамесокъ, нѣсколько найденныхъ бронзовыхъ и мѣдныхъ топоровъ, приближающихся къ нынѣшнему европейскому и русскому типу, доказываютъ, что плотничное искусство также было здѣсь развито. Типы боевыхъ бронзовыхъ топоровъ (кельтовъ) и сѣкиръ, копій, дротиковъ и бронзовыхъ стрѣлъ вполнѣ напоминаютъ древній обще-европейскій или классическій стиль. При томъ всѣ эти издѣлія въ Сибири не были привозными, а выдѣлывались на мѣстѣ, изъ мѣстныхъ рудъ и отливались въ здѣсь же приготовленныя формы. Масса гончарныхъ издѣлій и черепковъ битой посуды, типической формы и своеобразнаго, тисненнаго по сырой глинѣ, орнамента вполнѣ тождественны съ курганной керамикой южной, западной, восточной, и сѣверной Россіи. Эти издѣлія, особенно массы черепковъ въ городищахъ, также служатъ признакомъ осѣдлости и мѣстной индустріи. Все это и многое другое, о чемъ въ частностяхъ будетъ сказано въ соотвѣтствующихъ главахъ, указываютъ на близкую, родственную связь древней сибирской культуры съ русской доисторическою культурою, опредѣляемою по слѣдамъ тѣхъ же археологическихъ раскопокъ.

Въ 1881 году появилось въ свѣтъ извѣстное сочиненіе Генриха Шлимана — Ilios, Stadt und Land der Trojaner. Этотъ замѣчательный трудъ, снабженный многочисленными рисунками, проливаетъ новый свѣтъ на сибирскія древности. По раскопкамъ Шлимана оказывается, что троянская культура отличалась отъ эллинской и во многихъ случаяхъ представляла типы весьма сходные, или даже тождественные, по рисунку и орнаментамъ предметовъ, съ типами сибирскихъ курганныхъ древностей. Чаще всего это замѣчается на гончарныхъ издѣліяхъ. Такое же, нерѣдко поразительное, сходство съ троянскою глиняною посудою мы видимъ въ археологическихъ находкахъ побережья Балтійскаго моря и въ сѣверной Пруссіи. Въ этой послѣдней оказываются тѣ же,

какъ въ Россіи и Сибири, формы земляныхъ и каменныхъ курганныхъ могилъ, тѣже многочисленныя группы кургановъ, представляющихъ собою общія кладбища, устраиваемыя на высокихъ открытыхъ мѣстахъ, преимущественно по берегамъ рѣкъ, тѣ же, или во многомъ сходные, способы погребенія, тѣ же предметы, находимые въ могилахъ. Такое совпаденіе нельзя назвать случайнымъ. Равнымъ образомъ нельзя его приписать общему для всего человѣчества, въ извѣстную эпоху, культурному складу жизни, ибо въ другихъ мѣстностяхъ Западной Европы, изстари населенныхъ напр. нѣмецкимъ или галльскимъ племенемъ, такихъ типовъ не замѣчается. Наконецъ, нельзя допустить и того предположенія, чтобы весь очерченный нами районъ обширнѣйшаго курганнаго царства, начиная съ одной стороны отъ Семирѣчья и Западной Сибири вплоть до Варяжскаго моря, съ другой стороны—отъ азіатскаго берега Босфора до Ладожскаго озера и далѣе на сѣверъ, былъ населенъ, хотя бы и въ разное время, одними только финскими племенами, которымъ археологи такъ охотно уступали всѣ сибирскія и т. н. скиѳскія древности. Безъ излишней притязательности и безъ патріотическаго увлеченія, мнѣ кажется, позволительно высказать догадку, что въ созданіи упомянутаго курганнаго царства должно было принимать преобладающее участіе и славянское племя, издавна столь многочисленное и столь богато одаренное отъ природы физическими и духовными силами. Этотъ вопросъ, доселѣ смутно представляемый на основаніи общихъ гипотетическихъ соображеній, можетъ быть разъясненъ только при помощи вещественныхъ доказательствъ, почерпаемыхъ изъ археологическихъ данныхъ. Одна археологія можетъ сказать свое правдивое слово тамъ, гдѣ молчитъ исторія, если къ изученію доисторическихъ древностей будутъ примѣнены болѣе точные методы и если доисторическая археологія будетъ сосредоточиваться на болѣе опредѣленныхъ цѣляхъ.

Выше мы сказали, что археологія до сихъ поръ представляетъ собою не вполнѣ установившуюся науку. Еще такъ недавно главнѣйшею ея цѣлью было изученіе классическихъ древностей греческаго и римскаго міра. Здѣсь она шла параллельно исторіи, выясняя и пополняя то, чего недоставало въ литературныхъ источникахъ. Эта отрасль знанія, наравнѣ съ ну-

мизматикой и палеографіей, имѣетъ опредѣленныя цѣли, какъ пособіе при изученіи классическихъ наукъ. Тоже самое можно сказать про другія отрасли археологическихъ знаній—изученіе христіанскихъ древностей, архитектурныхъ и другихъ памятниковъ народной жизни, относящихся, хотя и къ давнему, но все же историческому времени. Во всѣхъ этихъ случаяхъ археологія имѣетъ опредѣленныя рамки, представляя собою вспомогательную науку для исторіи.

Другое положеніе она имѣетъ тамъ, гдѣ изслѣдованія касаются временъ доисторическихъ. Въ этой сферѣ исходною точкою научныхъ разысканій является нѣчто общее, неопредѣленное, непріуроченное ни къ эпохѣ, ни къ народности. Поэтому доисторическая археологія до сихъ поръ разработывается, безъ непосредственной связи съ живою природою, или съ судьбами живущаго человѣчества. Подобно анатоміи, географіи, геологіи и другимъ описательнымъ наукамъ, она констатируетъ факты, наноситъ ихъ на топографическую карту и группируетъ по общимъ, довольно неопредѣленнымъ эпохамъ, такъ называемаго, каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣка. Дѣйствуя въ этомъ направленіи, археологія теряетъ связь съ исторіей и съ жизнью. Доисторическія древности являются чѣмъ-то въ родѣ палеонтологическихъ слѣдовъ допотопной фауны и флоры; по нимъ отыскивается первобытный человѣкъ въ отвлеченномъ представленіи, безъ прямаго отношенія къ нынѣ живущимъ племенамъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, смотрятъ нѣкоторые изъ археологовъ на слѣды каменнаго вѣка и на краніологію этого періода. Бронзовый вѣкъ считается менѣе отдаленнымъ. Его пробовали связать съ извѣстнымъ періодомъ времени и съ тою или другою народностью, но до сихъ поръ эти попытки большею частію не имѣли прочныхъ основаній. По новости и, можетъ быть, по трудности такой задачи, большинство археологовъ все еще не рѣшаются свести доисторическія разысканія на національную почву, полагая, что такой матеріалъ имѣетъ слишкомъ отдаленную и неуловимую связь съ существующимъ нынѣ человѣчествомъ и его доисторическими судьбами.

Яркіе слѣды предшествовавшей народной жизни время отъ времени, однако же, понуждали мыслящихъ изыскателей не ог-

раничиваться однимъ описаніемъ древностей и отвлеченными выводами, а требовали опредѣленныхъ заключеній о народности.

Еще въ прошломъ столѣтіи (1763 г.) такой вопросъ о сибирскихъ памятникахъ былъ предложенъ извѣстному историку Миллеру Императрицею Екатериною II, по поводу поднесенія ей найденныхъ въ Сибири и въ Новой Сербіи (въ Новороссійскомъ краѣ) древнихъ предметовъ. „Ея Императорское Величество, говоритъ Миллеръ, по неизрѣченному своему въ наукахъ любопытству, соизволила указать оныя вещи сообщить мнѣ, чтобы я сочинилъ объ нихъ, *а паче о народахъ, коимъ оныя вещи приписуемы быть могутъ,* нѣкоторыя изъясненія“ *). Отвѣтить на данный вопросъ въ то время было весьма трудно, и Миллеръ позволилъ себѣ высказать только въ формѣ догадки, что сибирскія древнія могилы могли принадлежать уйгурамъ, монголамъ и татарамъ (стр. 493). Что касается до южнорусскихъ кургановъ, то Миллеръ отрицаетъ ихъ татарское происхожденіе, склоняясь къ нерѣшительной догадкѣ о принадлежности ихъ уграмъ или венгерцамъ. Высказывая эту мысль, авторъ дѣлаетъ оговорку, что это не болѣе какъ одно предположеніе, не имѣющее прочнаго основанія, такъ какъ русскіе археологическіе памятники изслѣдованы весьма недостаточно. Въ своихъ предположеніяхъ Миллеръ основывается больше на историческихъ данныхъ, чѣмъ на оцѣнкѣ самыхъ древностей, и въ этомъ отношеніи онъ не отрицаетъ мысли, что и другіе историческіе народы, въ разныя времена населявшіе южную Россію, могли оставить въ курганныхъ могилахъ слѣды своего пребыванія. Сюда относятся: сарматы, скиѳы, готы, гунны и болгары. „*Болгары, славянскій народъ*“, пишетъ авторъ, „съ Волги переходили въ нижнія страны рѣки Дуная, однако, затѣмъ не опустѣли прежнія ихъ жилища; паче всего славяне изъ сихъ первыхъ своихъ извѣстныхъ жилищъ на Волгѣ, такъ какъ прежде, непрерывно далѣе въ Россію и въ другія государства распространились“ (стр. 510). Такимъ образомъ, по мнѣнію Миллера, болгары (какъ славянскій народъ) и значительная часть прочихъ славянскихъ племенъ въ исконныя времена жили въ приволжскихъ степяхъ,

*) Ежемѣсячн. сочиненія. Декабрь 1764 г., стр. 483. О могильныхъ вещахъ.

а слѣдовательно и они могли имѣть долю участія въ разсматриваемыхъ археологическихъ памятникахъ.

Мысль о монгольскомъ или татарскомъ происхожденіи россійскихъ и сибирскихъ кургановъ скоро была оставлена. Собранныя съ теченіемъ времени значительныя коллекціи курганныхъ череповъ ясно показали, что о монгольской расѣ здѣсь не можетъ быть рѣчи, а на присутствіе осѣдлыхъ поселеній тюркскихъ племенъ въ средней и южной полосѣ Россіи до начала русскаго государства не было никакихъ историческихъ намековъ. Поэтому археологи предпочтительно остановились на мысли о финскомъ происхожденіи разсматриваемыхъ нами памятниковъ. Въ пользу этого мнѣнія подкупало то обстоятельство, что древности одинаковаго типа встрѣчались не только въ южной и центральной Россіи, но и въ сѣверной ея полосѣ, гдѣ признавались исконныя поселенія финскихъ племенъ. Эта мысль еще болѣе укрѣпилась послѣ того, когда однородные памятники въ весьма большомъ числѣ стали обнаруживаться почти на всемъ пространствѣ сибирскихъ земель, относительно которыхъ невозникало даже и мысли, чтобы когда либо здѣсь могло существовать другое населеніе кромѣ нынѣшняго инородческаго. Такимъ образомъ, сѣверная Россія и Сибирь сдѣлались излюбленнымъ мѣстомъ для археологическихъ разысканій древней финской культуры. Образованные фины (финляндцы, мадьяры), проникнутые національнымъ самосознаніемъ, съ замѣчательнымъ усердіемъ стали посѣщать эти страны, надѣясь найти здѣсь фактическія доказательства болѣе счастливыхъ временъ своего племени. Въ Буда-Пештѣ и Гельсингфорсѣ созидаются національные музеи, собираются, такъ называемыя, финскія древности, жертвуются правительствомъ значительныя суммы на ученыя экспедиціи и изданія археологическихъ трудовъ. Благодаря этимъ стараніямъ и матеріальнымъ пособіямъ, археологическая наука пріобрѣла богатые вклады, несомнѣнно полезные даже въ томъ случаѣ, если основная мысль финскихъ ученыхъ впослѣдствіи оказалась бы и не вполнѣ состоятельною.

Одновременно съ этимъ работала и русская мысль, хотя и не всегда въ опредѣленномъ направленіи. Въ трудахъ нашихъ ученыхъ археологовъ нерѣдко проявляются тѣ же увлеченія фин-

скими теоріями, при отсутствіи національнаго сознанія, что и славянское племя можетъ имѣть право на доисторическую древность, что оно, до начала своей государственной жизни, гдѣ нибудь должно было существовать въ пространствѣ и времени и оставить вещественые слѣды своего существованія.

Въ числѣ первыхъ тружениковъ, стремившихся проложить путь собственно къ славянскимъ доисторическимъ древностямъ, слѣдуетъ упомянуть Зоріана Яковлевича *Ходаковскаго*. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ, онъ первый обратилъ вниманіе на наши безчисленныя городища, какъ памятники древнѣйшихъ славянскихъ поселеній. Городища, говорилъ онъ, простираются отъ Камы до Лабы (Эльбы), отъ Сѣверной Двины до горъ Балканскихъ и Адріатическаго моря; число ихъ такъ велико, что на каждую квадратную милю, населенную славянами, приходилось по одному городищу. Всѣ они похожи между собою, имѣя круглые валы, насыпанные исключительно изъ чернозема. По мнѣнію Ходаковскаго, эти сооруженія, можетъ быть, служили идолопоклонническими капищами*). Въ свое время это заявленіе не произвело должнаго впечатлѣнія. Къ нему отнеслись съ полнымъ недовѣріемъ по той причинѣ, что казалось вполнѣ невѣроятнымъ, чтобы славяне въ такое отдаленное время могли имѣть такое густое населеніе и притомъ на такомъ громадномъ пространствѣ.

Въ концѣ тридцатыхъ годовъ *Чертковымъ***) была высказана мыслъ о варяго-русскомъ происхожденіи нашихъ кургановъ. Первыя раскопки были сдѣланы имъ въ Московской губерніи въ 1838 году, а потомъ въ 1845 году. Основываясь на характерѣ найденныхъ вещей, изслѣдователь относитъ древность этихъ кургановъ къ эпохѣ до Р. Х., а народъ, въ нихъ погребенный, признаетъ за Варяго-Руссовъ, плававшихъ по судоходнымъ рѣкамъ центральной Россіи. Такое же мнѣніе развито въ изданномъ въ 1842 г. извѣстномъ сочиненіи Дерптскаго, нынѣ Юрьевскаго, профессора Фридриха *Крузе* о ливонскихъ древностяхъ (Necrolivonica).

---

*) Русскій историческій сборникъ, ред. М. Погодина, 1838 года кн. 3, стр. 3—109. Въ томъ же изданіи напечатано разсужденіе Ходаковскаго: „О водяныхъ путяхъ въ древней Россіи. Кн. 1, стр. 1—50.

**) „Описаніе найденныхъ въ Звенигородскомъ уѣздѣ древностей“, помѣщено Чертковымъ въ первомъ томѣ, „Записокъ С.-Петербургскаго археологическо-нумизматическаго общества“ стр. 234—254.

Академикъ К. М. *Бергъ*, изслѣдовавъ нѣсколько курганныхъ череповъ Московской губерніи, призналъ ихъ не финскими и также непохожими на скандинавскіе черепа, изображенные Нильсономъ. Къ тому же заключенію приходитъ профессоръ Московскаго университета Анатолій Петровичъ *Богдановъ*. Въ своемъ обширномъ трудѣ по антропологіи курганнаго періода Московской губерніи *), основанномъ на многочисленномъ матеріалѣ и точныхъ измѣреніяхъ, онъ говоритъ: „Курганное племя было довольно высокаго роста (2 арш. 6 вершк. и 2 арш. 8 вершк.) и сильнаго сложенія. Племя было русоволосое, скорѣе темнорусое, чѣмъ свѣтлорусое" (стр. 17). По формѣ черепа его нельзя признать за финское. Въ заключеніе своего труда профессоръ прибавляетъ: „Нашъ результатъ, изъ принятаго нами способа изложенія, цифроваго и фактическаго, никакъ нельзя объяснить какимъ либо субъективнымъ мотивомъ: онъ вытекаетъ прямо изъ массы фактовъ и его приговоръ рѣшителенъ, безсердеченъ и строго ученъ. Оказывается, что первые заселенцы средней Россіи были не финны по организаціи: это печально для тѣхъ, которые желали бы видѣть только доказательства того, что всегдашнее народонаселеніе средней Россіи было изъ какой-то Чуди, но русскіе могутъ совершенно объективно принять этотъ результатъ, какъ приняли бы хладнокровно и противуположный" (стр. 176).

Въ новѣйшихъ археологическихъ трудахъ усерднѣйшимъ изслѣдователемъ русской доисторической старины и приверженцемъ славянской теоріи кургановъ и городищъ является профессоръ Варшавскаго университета Дмитрій Яковлевичъ *Самоквасовъ*. Онъ разъясняетъ, что городища дѣйствительно представляютъ собою укрѣпленные пункты (древніе города) многочисленнаго русскаго населенія, а курганы заключаютъ въ себѣ много предметовъ, прямо указывающихъ на русское ихъ происхожденіе. Благодаря вышеприведеннымъ разысканіямъ, племенной вопросъ о происхожденіи кургановъ сталъ понемногу разъясняться. Финскія теоріи мало по малу отходятъ на второй планъ, хотя до

*) Извѣстія Общ. любителей естествознанія при Императорскомъ Московскомъ университетѣ", т. IV, вып. I. „Матеріалы для антропологіи курганнаго періода въ Московской губ." Москва. 1867. 4°.

сихъ поръ еще имѣютъ не мало приверженцевъ въ средѣ русскихъ ученыхъ.

Такимъ образомъ національный вопросъ невольно напрашивался на страницы археологическихъ работъ. Иначе и быть не могло. Всякій археологическій фактъ имѣетъ значеніе не самъ по себѣ, а только по отношенію къ древнимъ судьбамъ того или другаго народа. Напрасно мы стали бы отклонять эти назойливые вопросы подъ тѣмъ предлогомъ, что ископаемыя древности могли относиться къ племенамъ, теперь уже не существующимъ. Народы не исчезаютъ съ лица земли такъ-же быстро, какъ имена ихъ со страницъ древней исторіи. Кажущееся исчезновеніе доказываетъ только неустойчивость (перемѣну) народныхъ названій, или, въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ, сліяніе части того или другаго племени съ сосѣднимъ господствующимъ народомъ. Китайцы, индусы, евреи, древніе персы, эллинскія и латинскія племена, съ тѣхъ поръ какъ знаетъ ихъ исторія, и по сіе время не утратили своихъ племенныхъ чертъ. Тоже самое можно сказать о галлахъ, германцахъ и славянахъ. Давность ихъ начинается не съ лѣтописной исторіи, а съ той отдаленнѣйшей сѣдой старины, когда эти народности выдѣлились изъ общей арійской семьи. Въ этомъ безконечно длинномъ ряду вѣковъ каждая народность должна была оставить свои слѣды какъ въ себѣ самой, т. е. на своемъ духовномъ обликѣ, такъ и въ мѣстахъ своего пребыванія. Мѣста народной жизни мѣняются, еще болѣе измѣнчивы географическія и историческія имена; но плоды національнаго творчества большею частію сохраняютъ свой національный отпечатокъ, если не во все время существованія народа, то, во всякомъ случаѣ, въ продолженіи очень долгаго времени. Привычки, вкусы, наклонности и вѣрованія обыкновенно соблюдаются народомъ, какъ святыня, по инстинктивному чувству народнаго самосознанія. Поэтому перемѣны въ основныхъ народныхъ привычкахъ являются только въ исключительныхъ случаяхъ, напр. съ перемѣною религіи или съ усвоеніемъ новой заимствованной цивилизаціи, и при томъ они все же не распространяются на весь складъ народной жизни. Эти-то національныя черты, ведущія свое начало изъ глубины доисторическихъ вѣковъ и выраженныя вещественными памятниками могутъ слу-

жить точкою опоры при національномъ направленіи археологическихъ разысканій.

Національное направленіе въ изученіи древностей Европейской Россіи, какъ мы уже видѣли, пустило довольно глубокіе корни. Тамъ, на берегахъ исконныхъ славянскихъ рѣкъ и областей не трудно было освоиться съ мыслію о принадлежности наибольшей части кургановъ и городищъ нашимъ предкамъ славянамъ. Это гармонировало съ историческими данными, не противорѣчило намекамъ классическихъ писателей и потому не представлялось неожиданностію. Но какъ скоро тотъ же вопросъ и тотъ же археологическій матеріалъ переносится за Волгу, отношеніе къ нему исторической критики совершенно мѣняется. Мы такъ привыкли считать Сибирь родиной финскихъ, монгольскихъ и татарскихъ народовъ, что всякій намекъ на пребываніе здѣсь другихъ, болѣе культурныхъ, расъ и на существованіе осѣдлой жизни въ доисторическія времена a priori считается исторической ересью, чѣмъ-то невѣроятнымъ и невозможнымъ. Всѣ историческія данныя, повидимому, располагали къ такому мнѣнію. Но при этомъ забывали, что эти данныя относятся ко временамъ не столь отдаленнымъ. Сибирскія степи, дѣйствительно, взростили и вскормили полчища монголовъ и татаръ, наводнившихъ Россію въ первой половинѣ XIII вѣка. Отсюда, еще ранѣе того, вѣроятно, перекочевали печенѣги и половцы; отсюда же, въ началѣ V вѣка, происходитъ многочисленный народъ гунновъ, давшій себя почувствовать Византіи и всей западной Европѣ. Это все, что мы знаемъ о населеніи Сибири въ историческія времена. Если прибавить къ этому извѣстія русскихъ лѣтописцевъ о финскомъ сѣверѣ X—XII вѣка, то этимъ исчерпываются всѣ свѣдѣнія того времени о нынѣшнихъ восточноазіатскихъ владѣніяхъ Россіи. Далѣе, за рубежомъ христіанской эры, остаются одни пустыя слова, названія разныхъ неизвѣстныхъ народовъ, сохраненныя частію китайскими писателями, частью греками во времена ихъ знакомства съ областями по Сыру и Аму-Дарьѣ.

Изъ этихъ историческихъ показаній мы можемъ вывести слѣдующее заключеніе: 1) населеніе южныхъ областей Сибири съ V до XVI вѣка было несомнѣнно монголо-татарское. Сѣверныя

области, по всей вѣроятности, также какъ и нынѣ, заняты были финскими и тунгузскими племенами, стоявшими на такомъ же крайне низменномъ культурномъ уровнѣ, на какомъ они оказались при первой исторической встрѣчѣ съ русскою народностью. 2) Всѣ монгольскія и татарскія племена несомнѣнно вели въ то время кочевой образъ жизни, не имѣли ни осѣдлыхъ жилищъ, ни крѣпостей, ни судоходства, ни собственной индустріи. Яркимъ образчикомъ ихъ бытоваго облика могутъ служить историческія свѣдѣнія о половцахъ и печенѣгахъ, или раньше того описанія гунновъ, какія даютъ Амміанъ Марцеллинъ и Іорнандъ въ VI вѣкѣ. Читая эти описанія, очевидно относящіяся не ко всему гуннскому народу, а только къ части зауральскихъ выходцевъ, можно составить себѣ совершенно ясное представленіе о полудикихъ ордахъ киргизовъ или башкиръ позднѣйшаго времени. Таковы были зауральскіе кочевники V—VI вѣка, почти такими же они являются при нашествіи монголовъ на Россію, такими большинство изъ нихъ остаются до сихъ поръ (монголы и киргизы). Впослѣдствіи, при спеціальномъ разборѣ сибирскихъ древностей мы надѣемся доказать, что всѣ эти бродячія и кочевыя орды, населявшія Сибирь съ V вѣка, или нѣсколько ранѣе того, не имѣютъ отношенія къ интересующимъ насъ памятникамъ. 3) Иной вопросъ составляютъ болгары и настоящіе гунны (по Приску). Несомнѣнно, что они также нѣкогда жили въ зауральскихъ степяхъ, но передъ глазами европейскихъ писателей они являются уже съ явными признаками культурнаго строя, совсѣмъ не похожими ни на позднѣйшихъ татаръ, ни на монголовъ. Это совсѣмъ другой народъ, о которомъ, благодаря пристрастному Іорнанду и неразборчивому Амміану Марцеллину, у европейскихъ историковъ составилось извращенное понятіе. 4) Что касается до временъ еще болѣе отдаленныхъ и до народовъ древности, извѣстныхъ только по имени, напр. саковъ, массагетовъ, или, (по китайскимъ источникамъ) уссуней, динлиновъ и т. под., то ихъ имена могутъ быть раскрыты только археологическими данными. Пока это иксъ и игрекъ,— тотъ же темный скиоскій вопросъ, который въ отношеніи европейскихъ скиѳовъ сталъ немного разъясняться только въ послѣднее время, и также благодаря археологическимъ трудамъ.

Болѣе крупные, если можно такъ выразиться, основные археологическіе факты западной Сибири относятся къ эпохѣ до Рождества Христова, или, по крайней мѣрѣ, не позднѣе первыхъ 2—3 столѣтій нашего лѣтосчисленія (бронзовая культура). Но встрѣчается не малое число могильныхъ насыпей менѣе древняго происхожденія, съ признаками желѣзнаго вѣка. Это большею частію убогія могилы, содержащія неуклюжіе черепа тунгузскаго или финскаго типа, съ бѣдною вещественною обстановкою. Онѣ преимущественно оказываются въ сѣверныхъ областяхъ, до сихъ поръ отчасти занятыхъ финскими инородцами. По нимъ можно заключить, что у этихъ инородцевъ, точно также какъ и въ сѣверныхъ областяхъ Европейской Россіи, нѣкогда былъ тоже усвоенъ обычай курганнаго погребенія (сравни мерянскія могилы и древности). Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы всѣ сибирскія древности принадлежали финскому или тунгузскому племени. Принять такое предположеніе по отношенію къ могильникамъ Европейской Россіи, значило бы допустить, что финны передали свои культурныя привычки языческимъ славянамъ и руссамъ, что они были просвѣтители славянъ, тогда какъ гораздо вѣроятнѣе и естественнѣе предполагать обратное явленіе. Это легко подтвердить историческими фактами и данными языка. Тоже самое отношеніе могло существовать и въ Сибири въ доисторическія времена; но мы не будемъ пока касаться этого вопроса. Въ настоящемъ случаѣ для насъ важно то обстоятельство, что могилы бронзоваго вѣка, указывающія на несравненно болѣе высокій строй народной жизни, на большое многолюдство, силу, богатство и сравнительно высокую культуру, принадлежатъ къ числу древнѣйшихъ, относимыхъ къ эпохѣ до Рождества Христова. Слѣдовательно, при разсмотрѣніи вопроса о древнемъ сибирскомъ населеніи необходимо принимать во вниманіе не одни монгольскія, татарскія или финскія племена, но главнымъ образомъ тѣ народы, о которыхъ упоминаютъ греческіе и китайскіе историки. При такой точкѣ зрѣнія, взглядъ на сибирскія древности существенно измѣняется; замѣчаемое близкое сходство ихъ съ соотвѣтствующими памятниками славянскихъ земель получаетъ другое значеніе и идея о древнѣйшемъ пребываніи въ Сибири арійскихъ народовъ не можетъ казаться праздною, ни на чемъ не основанною фантазіей.

Относительно сибирскихъ древностей слѣдуетъ замѣтить вообще, что они до сихъ поръ совершенно не разработаны. То, что собрано въ мѣстныхъ музеяхъ, большею частью принадлежитъ къ случайнымъ находкамъ, а если дѣлались, далеко не многочисленныя, болѣе или менѣе правильныя раскопки курганныхъ могилъ, то объектомъ этихъ археологическихъ работъ обыкновенно выбирались мелкія курганныя насыпи, не требовавшія при раскопкѣ большаго труда и затраты времени и денежныхъ средствъ. Естественно, что такія скромныя могилы оказывались бѣдными по содержанію. Кромѣ глиняной посуды, бронзовыхъ издѣлій и личныхъ украшеній скромнаго достатка, здѣсь трудно было разсчитывать найти что-либо соотвѣтствующее богатому вкусу и характеризующее быть высшихъ слоевъ скиѳскаго населенія. Между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что въ сибирскихъ курганныхъ могилахъ находилось и находится много издѣлій драгоцѣнныхъ. На это указываютъ образцы замѣчательныхъ сибирскихъ древностей, получавшіеся въ прошломъ столѣтіи, хотя тоже пріобрѣтаемые случайнымъ путемъ (въ коллекціяхъ Императорскаго Эрмитажа) и свѣдѣнія, передаваемыя Палласомъ и другими, о массѣ золотыхъ находокъ, извлекавшихся изъ кургановъ мѣстными крестьянами — хищниками, не жалѣвшими труда при раскопываніи болѣе крупныхъ курганныхъ могилъ. Алтай всегда былъ источникомъ золота. Богатство черноморскихъ скиѳовъ заключалось въ отпускной торговлѣ произведеніями земледѣльческой культуры и сырыми продуктами страны; западная Сибирь получала золото въ натурѣ и обработывала его для высшихъ классовъ мѣстнаго населенія по своему мѣстному вкусу. Поэтому въ богатыхъ сибирскихъ могилахъ легче найти цѣльный, хотя и варварскій, типъ начальнаго скиѳскаго вкуса, безъ примѣси вліянія классическихъ художественныхъ образцовъ. *) Одно это обстоятельство

*) Въ могилахъ подъ курганами крупнаго размѣра до настоящаго времени добывается хищниками значительное количество золотыхъ издѣлій. Объ этомъ я имѣю свѣдѣнія, между прочимъ, отъ одного весьма почтеннаго и образованнаго лица, служащаго при Алтайской духовной миссіи. Въ письмѣ отъ 12 мая 1893 года мнѣ сообщаютъ слѣдующее: „золотыя вещи, извлекаемыя изъ могилъ, состоятъ главнымъ образомъ изъ украшеній для одежды, сдѣланныхъ изъ тонкаго листоваго золота. Всѣ онѣ продаются для сплава мѣстнымъ кузнецамъ. Въ одномъ курганѣ оказалось золота съ этихъ украшеній послѣ сплава 120 золотниковъ, не считая похищеннаго кузнецомъ во время сплава. Занимаются этимъ дѣломъ (раскопкою

должно было бы заставить обратить на разработку сибирскихъ древностей такое же вниманіе, какое было обращено на Геродотову Скиѳію. Тогда можно было бы сказать послѣднее слово науки относительно значенія сибирской археологіи въ ряду памятниковъ искусства и средневѣковой культуры.

Чѣмъ дальше подвигаться на западъ, тѣмъ богаче и разнообразнѣе по содержанію оказываются археологическія находки. Въ сѣверныхъ пермскихъ и вятскихъ краяхъ, а также въ Камской Болгаріи и Черноморской Скиѳіи попадаются вещи болѣе усовершенствованной техники, напр. серебряные витые шейные обручи, изящныя привѣски и головные уборы, серебряныя блюда съ чеканными рисунками бытовыхъ сценъ, дорогіе металлическіе сосуды и т. под. Общій скиѳскій типъ этихъ предметовъ одинаковъ съ сибирскимъ, но техническая обработка ихъ тоньше и сложнѣе; здѣсь больше выражается примѣсь персидскаго вліянія (черезъ Каспійское море и Волгу), а нѣкоторые предметы прямо указываютъ на персидское происхожденіе, напр. серебряныя блюда съ бытовыми сценами. Вообще можно сказать, на Волгѣ и Камѣ выразилось сарматское (мидійское или парѳянское) вліяніе, тогда какъ у черноморскихъ скиѳовъ въ художественной отдѣлкѣ предметовъ видно участіе греческихъ мастеровъ. Подъ этими двумя вліяніями, персидскимъ и греческимъ, развивался постепенно, въ смыслѣ усовершенствованія техники, скиѳо-сармат-

---

кургановъ) два бѣдняка Чолоказака, работаютъ иногда недѣли по двѣ и больше, такъ какъ приходится дорываться на значительную глубину, аршинъ въ 9—10. Несмотря на мои просьбы въ прошломъ году, много вещей пропало даромъ, изломаны, или затеряны, къ моему огорченію. Очень жаль золотыхъ украшеній, такъ какъ они промѣниваются на товаръ.—Простите великодушно, что не описываю кургановъ: ихъ здѣсь такъ много, что это и не легко. Стоитъ выѣхать на гору за поселокъ Челоказаковъ, и этихъ кургановъ видно множество, иные въ полуверстѣ, другіе въ нѣсколькихъ саженяхъ другъ отъ друга. Вамъ очень хотѣлось и мнѣ слѣдовало бы осмотрѣть пещеры и камни съ надписями, но при всемъ желаніи, я здѣсь, проѣздомъ на короткое время, не могъ этого сдѣлать. Пещеры и камни всего верстахъ въ 15—20 отъ села Букапскаго". Какъ образчикъ золотыхъ издѣлій изъ Кокпектинскихъ пещерныхъ могилъ мною пріобрѣтена головка лошади изящной работы. Она вырѣзана изъ дерева и обложена листовымъ золотомъ, вѣроятно составляла часть какого либо предмета, въ полности не доставленнаго. Мѣстная областная администрація не въ состояніи услѣдить за хищниками киргизами въ глухихъ безлюдныхъ мѣстахъ Алтайскихъ долинъ. Поэтому весьма желательно было бы предупредить расхищеніе другимъ способомъ - организаціей правильныхъ раскопокъ по порученію Императорской археологической комиссіи. Это необходимѣе всего сдѣлать въ южной, незаселенной половинѣ Семипалатинской области и въ Семирѣчьѣ, гдѣ можно ожидать самое богатое въ матеріальномъ и научномъ отношеніи содержаніе курганныхъ могилъ. Такую работу необходимо поручить не отдѣльному лицу, а особой экспедиціи, съ опытнымъ спеціалистомъ во главѣ, подобно тому, какъ это дѣлалось при изслѣдованіи Черноморскихъ кургановъ.

скій вкусъ и стиль, въ основѣ котораго все-же лежитъ мѣстное національное чувство. Зародилось оно, можетъ быть, еще на общей арійской родинѣ, питалось впечатлѣніями степной сибирской и россійской природы и условіями своеобразнаго быта, своихъ вкусовъ и духовныхъ идей. Поэтому скиоо-сарматскій стиль представляетъ нѣчто своеобразное, отличное не только отъ западноевропейскаго, но и отъ собственно персидскаго, хотя съ послѣднимъ онъ имѣетъ много точекъ соприкосновенія. Въ началѣ среднихъ вѣковъ эти самые образцы, доведенные до значительнаго совершенства въ южной Россіи, стали проникать за Дунай вмѣстѣ съ потокомъ народныхъ переселеній. Въ части византійскихъ владѣній они встрѣтили родственную народную почву, были культивированы здѣсь при содѣйствіи утонченнаго византійскаго искусства и мало по малу вошли въ моду и обычай. Отсюда началась новая византійская культура, освященная авторитетомъ Восточной Римской Имперіи и уже потерявшая значеніе варварской. Она распространилась по Европѣ преимущественно въ областяхъ, занятыхъ славянскими и частію сѣверно-германскими племенами, подобно тому, какъ обновленная римская культура нашла себѣ мѣсто преимущественно между племенами романскими.

Строгая научная критика и доля скептицизма необходимы при каждомъ изучаемомъ вопросѣ. Это обуздываетъ научный произволъ и предохраняетъ отъ излишнихъ увлеченій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и прежде всего не менѣе необходима самая идея предпринимаемаго труда. Она должна лежать въ основѣ каждаго изслѣдованія, безъ нея не мыслимы ни планъ, ни цѣль научной работы. Высказываемая нами новая идея о сибирскихъ древностяхъ есть не болѣе какъ проблемма знанія,—вопросъ, который слѣдуетъ разсмотрѣть и разрѣшить въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ. Первыя ближайшія основанія для того или другаго рѣшенія я постараюсь изложить въ предстоящемъ трудѣ, но впередъ долженъ сказать, что поднимаемый мною вопросъ слишкомъ новъ и слишкомъ сложенъ для того, чтобы рѣшить его однимъ почеркомъ пера. Поэтому я сочту себя вполнѣ удовлетвореннымъ, если мнѣ удастся достаточно пояснить свою мысль, для многихъ можетъ быть неожиданную, и положить начало для дальнѣйшихъ изслѣдованій въ этомъ направленіи.

Описаніе западно-сибирскихъ древностей я предполагаю вести совмѣстно съ россійскими и европейскими. Только при сопоставленіи тѣхъ и другихъ возможно показать ихъ сходство и различіе, дѣлать сравненія и сопоставленія. Въ этомъ долженъ лежать центръ тяжести національной доисторической археологіи. Для историческаго освѣщенія памятниковъ предполагаю пользоваться литературными указаніями, преимущественно древнихъ писателей, соотвѣтственно мѣсту и времени, а также, гдѣ умѣстно, русскими лѣтописями и актами. Съ этихъ историческихъ указаній я начну свое изложеніе, чтобы оріентироваться въ положеніи вещей.

В. Ф.

ГЛАВА I.

Краткій очеркъ культурныхъ теченій. Начало арійской и семитской культуры.—Переселеніе Арійцевъ изъ Центральной Азіи и пути этого переселенія.—Санскритъ и его значеніе въ исторіи народовъ.—Ближайшее родство санскритскаго языка съ славянскимъ, какъ доказательство продолжительныхъ и близкихъ взаимодѣйствій этихъ двухъ народностей.—Этнографическое родство азіатскихъ Скиѳовъ съ европейскими по слѣдамъ географическихъ названій.—Степень культурнаго развитія и образъ жизни азіатскихъ Скиѳовъ по археологическимъ указаніямъ.—Сопоставленіе скиоской культуры съ древне-славянскою по даннымъ языка.

Культурная жизнь человѣчества представляетъ собою одинъ непрерывный потокъ, истекающій изъ одного источника и доходящій вплоть до нашихъ дней. Всемірная исторія не дастъ намъ ни одного примѣра, гдѣ бы возникали совершенно самобытные культурные центры, безъ всякой связи съ общимъ міровымъ достояніемъ этого рода. Напротивъ того, мы видимъ, что накопленное вѣками богатство человѣческаго ума всегда передавалось изъ поколѣнія въ поколѣніе, отъ народа къ народу, какъ общее и вѣчное міровое наслѣдство. Даже самыя первыя пріобрѣтенія человѣчества, счетъ и мѣра, одежда и жилище, добываніе огня, прирученіе домашнихъ животныхъ, начальныя орудія, такъ называемаго, каменнаго вѣка, и тѣ носятъ общій характеръ наслѣдственности. Но чѣмъ выше и сложнѣе становились изобрѣтенія, тѣмъ они дѣлались устойчивѣе и тѣмъ яснѣе показывали, что они не суть случайныя вспышки человѣческаго генія, являвшіяся безъ всякой связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ ростомъ человѣчества. Напротивъ, всякій новый вкладъ въ міровую культуру былъ исподволь подготовленъ предшествовавшимъ періодомъ и, въ свою очередь, служилъ ступенью для дальнѣйшихъ усовершенствованій. Какъ физическое размноженіе человѣчества ведетъ свое начало отъ одной пары, какъ языки вѣтвятся отъ одного начальнаго корня, видоизмѣняясь и дробясь по племенамъ и народностямъ, сообразно индивидуальнымъ свойствамъ и духовнымъ силамъ каждаго народа, такъ и человѣческая индустрія представляетъ непрерывную нисходящую цѣпь, связывающую въ одно родственное цѣлое весь культурный міръ. Поэтому такія изобрѣтенія, какъ добываніе и плавка металловъ, строительное

искусство съ его инструментами, типы военныхъ и хозяйственныхъ орудій, гончарное искусство, культивированіе злаковъ, обработка стекла, изобрѣтеніе письменности и т. п. мы можемъ прослѣдить съ древнѣйшихъ до новѣйшихъ временъ какъ нѣчто цѣлое, переходящее отъ народа къ народу*). Тоже самое мы видимъ въ религіозныхъ идеяхъ, въ нравственныхъ, политическихъ, соціальныхъ и научныхъ доктринахъ. Вся совокупность свѣдѣній, коими владѣлъ древній міръ, дошла до нашихъ дней, съ разными лишь видоизмѣненіями и наращеніями, сообразно творческому генію дальнѣйшихъ поколѣній.

Первыя начатки культурнаго развитія, какъ продуктъ творческаго народнаго ума, должны были проявиться у племени, наиболѣе одареннаго отъ природы физическими и духовными способностями. Таково было кавказское племя, насколько о немъ сохранились свѣдѣнія въ преданіяхъ и исторіи. Изъ числа народностей этого племени ранѣе другихъ выступили на историческую сцену и болѣе всего внесли культурныхъ началъ семито-арійцы, которыхъ по справедливости можно считать основателями существующей нынѣ цивилизаціи. Къ семитамъ принадлежали въ древнее время: Вавилонское и Ассирійское царство, финикіяне, евреи и карѳагеняне, въ средніе вѣка сирійцы и арабы; къ арійцамъ — индусы, иранцы (древніе мидяне и персы), армяне, эллины, всѣ романскія, германскія и литво-славянскія племена.

По библейскимъ сказаніямъ, колыбелью человѣчества считается Месопотамія, страна между р. Тигромъ и Евфратомъ, предполагаемая исконная родина семитовъ. Этому не противорѣчила и всемірная исторія; тоже подтверждали и археологическія данныя открываемыхъ нынѣ вавилонскихъ древностей. Въ этомъ отношеніи сверстникомъ Вавилона можно поставить только древній Египетъ, цивилизація котораго также принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ. Она, повидимому, имѣла связь съ халдейской цивилизаціей, судя по тому, что многіе ученые лингвисты считаютъ языкъ древняго Египта древнѣйшею вѣтвію арамо-ассирійской (халдейской) группы языковъ. Не касаясь этого вопроса, мы отмѣчаемъ здѣсь только тотъ фактъ, что халдейская и египетская культура родственны между собой и по языку, и по вре-

*) Связь древнѣйшей египетской и ассиро-вавилонской культуры съ еврейскою, персидскою и вообще азіатскою, а равно съ греческою и римскою вполнѣ очевидна. Наиболѣе самобытною представлялась прежде китайская цивилизація, но при болѣе внимательномъ ея изученіи и она оказалась вполнѣ родственною арійской и семитской. Тоже самое мы видимъ въ мексиканскихъ древностяхъ и всюду на земномъ шарѣ, гдѣ только сохранились какіе либо слѣды культурной жизни. Слѣдовательно, о коренныхъ смѣнахъ разныхъ, совершенно новыхъ міровыхъ цивилизацій (кромѣ преемственныхъ) не можетъ быть рѣчи. Нынѣшней всеобщей культурѣ могло предшествовать только зоологическое состояніе человѣческой разновидности, которое не могло оставить никакихъ слѣдовъ разумнаго творчества. Искать же первобытнаго (Дарвиновскаго) человѣка на ступеняхъ зоологіи,—значило бы переступать границы не только археологіи, но и антропологіи.

мени*). Это было первое гнѣздо человѣческаго прогресса, занимавшее области Тигра и Евфрата, Сирію, Аравію и весь юго-восточный и африканскій берегъ Средиземнаго моря (Халдея, Палестина, Финикія, Египетъ). Эти страны, занятыя съ древнѣйшихъ временъ Семитами и Хамитами, не давали мѣста поколѣнію Афетову (арійцамъ). Оно должно было занимать другія области, распространяться въ другую сторону, именно только къ сѣверо-востоку отъ Персидскаго залива, такъ какъ другаго свободнаго направленія не было: югъ замыкался океаномъ, сѣверъ—кавказскимъ хребтомъ и морями Чернымъ и Каспійскимъ. Такимъ образомъ, считая Месопотамію родиной человѣчества и ядромъ культурнаго (кавказскаго) племени, для разселенія потомковъ Афета ближе всего могла служить нынѣшняя Персія и Малая Азія. Послѣдняя, однако же, для пастушескаго народа не представляла достаточныхъ удобствъ и простора (замкнутость и гористость страны). Персія отчасти имѣла тѣже недостатки, но она давала широкій выходъ на востокъ, чрезъ нынѣшній Хоросанъ въ закаспійскія равнины. Здѣсь, такъ сказать, въ восточной Месопотаміи, между Оксусомъ**) и Яксартомъ, между Тянь-Шанемъ, Гиндукушемъ и Персидскимъ заливомъ впервые сформировалось, такъ называемое, арійское племя, на которомъ потомъ сосредоточились вся будущность и весь блескъ дальнѣйшаго развитія человѣчества, вплоть до нашихъ дней.

По индѣйскимъ и иранскимъ преданіямъ колыбель человѣчества указывается не въ халдейской Месопотаміи, а въ Центральной Азіи. Намекъ на это можно видѣть и въ Книгѣ Бытія (гл. 2-ая, ст. 10—14), гдѣ сказано: „И насади Господь Богъ рай во Едемѣ на востоцѣхъ, и введе тамо человѣка, его же созда. Рѣка же исходитъ изъ Едема напаяти рай: оттуду разлучается въ *четыре начала*. Имя единой Фисонъ, сія окружающая всю землю Евилатскую: тамо убо есть злато, злато же оныя земли доброе; и тамо есть анфраксъ, и *камень зеленый*. И имя рѣцѣ второй Геонъ, сія окружающая всю землю Ефіопскую. И рѣка третія *Тигръ*, сія проходящая прямо Ассиріомъ. Рѣка же четвертая *Евфратъ*". Приведенное изъ Книги Бытія мѣсто Ренанъ пріурочиваетъ къ предгоріямъ Памира. Рѣку *Фисонъ* онъ признаетъ за верхній Индъ, страну Евилатскую (Havila), гдѣ находится золото и драгоцѣнные камни,—за древнюю *Дараду* (около Кашмира, знаменитую своими богатствами***). Рѣку Гіонъ (Gihon) онъ считаетъ за Oxus (Аму-Дарью), а имена Тигра и Евфрата въ этомъ мѣстѣ Книги Бытія Ренанъ считаетъ позднѣйшею вставкою, взятою изъ семитской географіи и за-

*) По библейскому дѣленію Египтянъ относятъ къ поколѣнію Хама (Хамитовъ), а не Сима (Семитовъ).

**) *Оксусъ*—древнее названіе Аму-Дарьи, *Яксартъ*—нынѣшняя Сыръ-Дарья.

***) Камень зеленый это—нефритъ, столь цѣнимый древними и получавшійся главнымъ образомъ изъ Дарады. Нынѣ мѣсторожденія его встрѣчаются преимущественно въ горахъ Куэнъ-Лунь.

мѣнившею названія остальныхъ двухъ рѣкъ, вытекающихъ съ Памировъ (можетъ быть Яксарта и Тарима)*). Съ общей антропологической точки зрѣнія, теорія Ренана представляется весьма правдоподобною. На нашемъ полушаріи нѣтъ другого такого мѣста, какъ центральный узелъ среднеазіатскихъ горныхъ хребтовъ (Гималая, Тянь-Шаня и Гиндукуша), которое могло бы такъ близко соединять и вмѣстѣ раздѣлять всѣ человѣческія племена. Идущія за хребтами во всѣ четыре стороны открытыя широкія долины могли отлично содѣйствовать распространенію и разъединенію расъ: къ югу за Гималаемъ, до переселенія индусовъ, оказалось черное племя кушитовъ (Эфіопія), на востокъ за Тянь-Шанемъ и Памирами—желтое племя китайцевъ, къ сѣверу и сѣверо-востоку отъ Яксарта—финскія и монгольскія племена, а на западъ, по долинамъ Сыръ- и Аму-Дарьи – кавказское племя. По этой теоріи Месопотамія и вся передняя Азія была бы второю родиной семитовъ, распространившихся сюда ранѣе другихъ племенъ кавказской расы и успѣвшихъ здѣсь развить свою культурную и государственную жизнь въ то время, когда арійскія племена совсѣмъ еще не выступали на историческую сцену.

Гораздо больше и яснѣе говорится о странахъ Центральной Азіи въ древнихъ писаніяхъ индусовъ и иранцевъ. Тѣ и другія прямо указываютъ свою начальную родину въ горахъ *Имауса* (Гималаевъ), гдѣ они были окружены и должны были вести борьбу съ низшими расами, говорившими на непонятныхъ языкахъ. Страна, откуда вышли индусы, лежала на сѣверѣ (отъ Индіи) и имѣла суровый зимній климатъ. Санскритологи пріурочиваютъ эту страну къ нынѣшнему Кашгару, Яркенду и Хотану. Отсюда индусы впослѣдствіи перебрались черезъ проходы Гималая на верховья Инда и заняли Индію, вытѣснивъ оттуда черное племя Кушитовъ. Оставаясь на югѣ, индусы всегда вспоминали сѣверныя гималайскія страны, какъ нѣчто священное. Здѣсь они представляли свой земной рай *Уттара-куру*; здѣсь была священная гора *Меру*, исходная точка браминской космографіи. *Уна-Меру* (Памиръ)**)—это высшій міръ человѣческаго обитанія, *Су-Меру*—это то, что выше земнаго міра, обиталище боговъ, *Ку-Меру*—то, что подъ міромъ, бездна, преисподняя, жилище злыхъ духовъ. Всѣ народы Азіи представляли Памиръ

*) *Ernest Renan*, de l'origine du langage. Paris 1864 p. 230.

**) Слово *Памиръ* и *Уна-Меру*, повидимому, имѣютъ какое-то отношеніе къ нашему праславянскому *міръ*, въ значеніи *mundus* и *pax*. Съ нимъ тоже связывается понятіе о горномъ (небесномъ) и дольнемъ мірѣ. о всей вселенной и объ обществѣ людей, а также о тишинѣ, согласіи и спокойствіи. Этимологію славянскаго *миръ* сближаютъ съ санскритск. *mitra* —другъ и зендск. *mithra*—договоръ (Фикъ). Ренанъ высказываетъ догадку, не происходитъ ли названіе Киммерійцевъ Κιμμέριοι отъ древне-арійскаго *Кчи-мерои*, а равно греческій миоъ о Μέροπες и выраженіе μέροπες ἄνθρωποι не означаютъ ли: люди вышедшіе изъ Меру (1. c. p. 228).

крышею міра, средоточіемъ (пупомъ) земли, переходною ступенью отъ земли къ небу. Дѣйствительно, эти гигантскіе хребты должны были производить такое впечатлѣніе. Отсюда берутъ начало важнѣйшія рѣки Центральной Азіи, всюду разносящія жизнь и плодородіе, здѣсь сосредоточены контрасты и переходы всѣхъ климатовъ, здѣсь выразилась въ наибольшемъ блескѣ и полнотѣ творческая сила природы, какъ въ растительномъ, такъ и въ животномъ царствѣ*). Поэтому описываемая страна имѣла больше основанія считаться первобытнымъ раемъ, нежели Халдейская Месопотамія; но для насъ въ данномъ случаѣ важно не это обстоятельство, а то, что Центральная Азія была дѣйствительною родиной и средоточіемъ того народа, изъ котораго потомъ произошли всѣ поколѣнія, такъ называемыхъ, индо-европейскихъ или арійскихъ языковъ.

Выше мы уже упоминали, что индусы занимали сѣверо-восточную часть памирскихъ окраинъ, соприкасаясь, такимъ образомъ, съ нынѣшнею Ферганскою долиною на сѣверо-западѣ и съ Бактріей и Согдіаной на юго-западѣ (по верхнимъ притокамъ Оксуса), гдѣ расположились иранцы.

Дальнѣйшее разселеніе иранцевъ направлялось черезъ Афганскій Туркестанъ на Мервъ, Гератъ и черезъ Закаспійскія степи въ Хоросанъ и въ остальную Персію. О другихъ индо-европейскихъ поколѣніяхъ не упоминается ни въ санскритскихъ Ведахъ, ни въ Зендавестѣ, ни въ другихъ браминскихъ источникахъ. Но эти поколѣнія, безъ сомнѣнія, въ то время уже существовали, наравнѣ съ индусами и иранцами, какъ обособившіяся уже народности, по-крайней мѣрѣ, въ общихъ родовыхъ группахъ. Мѣсто ихъ жительства должно было находиться въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ общимъ арійскимъ центромъ: этого требуетъ исторія ихъ языковъ, очевидно, развившихся изъ общаго праарійскаго корня.

По мѣстнымъ географическимъ условіямъ, начальное пребываніе арійской семьи (не считая индусовъ и иранцевъ, мѣста которыхъ опредѣлены точнѣе) должно было находиться въ предѣлахъ нынѣшняго русскаго Туркестана (Аму-Дарьинской, Сыръ-Дарьинской и Ферганской областей, со включеніемъ Бухары и части закаспійскихъ степей, если онѣ были въ то время орошены пересохшими нынѣ рукавами Аму, Мургаба и Геріруда, впадавшими въ Каспійское море). Какъ ни значительно казалось бы это пространство, но для пастушескаго народа оно не могло давать достаточнаго простора. Необходимость разыскать новыя пастбища для скота и другія средства къ жизни, а также стремленіе избѣгать порубежныхъ столкновеній съ сосѣдними родами, хотя бы и того же племени, не говоря уже о многихъ другихъ

*) Культурныя растенія и прирученныя животныя также имѣютъ свою исторію и свою до-историческую судьбу. Громадное большинство ихъ тоже ведетъ свое начало изъ Центральной Азіи, откуда они передвигались, вмѣстѣ съ народностями, въ другія страны и части свѣта.

народныхъ потребностяхъ, всѣ эти причины должны были заставить размножающійся народъ искать выхода въ другія, болѣе свободныя и обширныя страны.

По тѣмъ же географическимъ условіямъ выходъ представлялся возможнымъ только съ двухъ сторонъ: либо на западъ, въ сторону Персіи и Малой Азіи, либо на сѣверо-востокъ или на сѣверо-западъ, къ нынѣшнему Семирѣчью и Западной Сибири, или въ сторону Оренбургскихъ и Черноморскихъ степей. Первое направленіе избирали попреимуществу иранскія племена*), впослѣдствіи основавшія на западѣ, въ сосѣдствѣ съ Халдеей и Ассиріей, не менѣе знаменитое Персидское царство. Вслѣдъ за Персами, а можетъ быть и одновременно съ ними, тѣмъ же путемъ стали выселяться въ Малую Азію и далѣе на острова Егейскаго моря Ѳракійскія и эллинскія племена, о существованіи которыхъ даютъ намъ первыя свѣдѣнія безсмертныя поэмы Гомера. Изъ содержанія Иліады видно, что задолго до Троянской войны Малая Азія была уже населена, кромѣ эллиновъ, разными народностями, входившими въ составъ Троянскаго ополченія. Они отличались по языку не только отъ эллиновъ, но и между собою, какъ это выражено въ поэмѣ (Иліада, II, 813):

„Много народовъ союзныхъ въ Пріамовомъ градѣ великомъ,
„*Разныхъ своимъ языкомъ*, по землѣ разсѣянныхъ смертныхъ".

Гомеръ не даетъ намъ ключа къ этнографическому опредѣленію этихъ народностей. Равнымъ образомъ и послѣдующіе греческіе писатели не разъясняютъ этого вопроса, ограничиваясь общими или географическими прозваніями народовъ. Для эллина каждый иностранецъ былъ скифъ или варваръ; точно также иранцы классифицировали сосѣдей своихъ въ три общихъ формулы: *Арьясъ* (значитъ почтенный, отличный, отсюда греческое ἀριστος), *турасъ* (значитъ подвижный, бродячій, кочевой) и *млечасъ* (невнятно говорящій, косноязычный, говорящій на непонятномъ языкѣ**). Такая неопредѣленность наименованій и пренебреженіе къ собственнымъ народнымъ именамъ произвели большую историческую путаницу. Только благодаря новѣйшимъ лингви-

*) Можетъ быть дорогу имъ показали семиты, если за родину ихъ также считать Центральную Азію, какъ думаетъ Ренанъ.

**) Названіемъ *Арьясъ* Иранцы обозначали собственно осѣдлыя племена индо-европейской семьи. Производимое нынѣ отсюда слово *аріецъ, арійскій* не вполнѣ, поэтому, отвѣчаетъ первоначальному его значенію. Нѣмецкіе ученые, вмѣсто слова арійскій, обыкновенно употребляютъ выраженіе *индо-германскій* (въ смыслѣ племенъ и языковъ), но правильнѣе всего, принятое въ другихъ странахъ, выраженіе *индо-европейскій*. Ту же неточность до сихъ поръ допускаютъ иногда въ примѣненіи слова *турасъ, туранецъ, туранскій*, подразумѣвая подъ этимъ некультурныя монголо-татарскія и финскія племена. Слово *турасъ* относилось иранцами также къ племенамъ индо-европейскимъ, но только отличавшимся отъ аріевъ образомъ жизни, т. е. не имѣющимъ полной осѣдлости. Третье наименованіе *млечасъ* относилось уже къ народностямъ иноязычнымъ, не принадлежащимъ къ колѣну Афета, инородцамъ.

стическимъ, этнографическимъ и археологическимъ трудамъ удалось нѣсколько оріентироваться въ этомъ темномъ вопросѣ и доказать, что утрата народныхъ историческихъ именъ не означаетъ вырожденія или потери народности, что тѣ же самыя историческія племена большею частію продолжаютъ существовать до сихъ поръ, но только подъ другими названіями. Тоже самое можно сказать и по отношенію къ союзникамъ Трои. Нѣкоторые изъ нихъ впослѣдствіи обозначились точнѣе, явившись на другой исторической сценѣ, каковы напр. Венеты, Латинцы, Македонцы и пр.; остальныя фракійскія племена имѣли дальнѣйшія отношенія къ Персіи, Греціи и Риму, при чемъ можно было видѣть, что они были, если не исключительно арійской, то во всякомъ случаѣ кавказской расы. Изъ этого можно заключить, что за долго до Троянской войны уже существовалъ обильный потокъ переселеній изъ Центральной въ Малую Азію.

Мы уже сказали, что въ Западной Азіи раньше всего водворились потомки Сима (Семитскія племена). За XIII вѣковъ до Р. Х. ими была уже основана здѣсь Ассирійская монархія. Вавилонъ существовалъ еще раньше; халдейскій городъ Уръ, по бытописанію Моисея, былъ родиной Авраама. Семиты, по видимому, занимали также и Малую Азію, съ которою связывается у нихъ воспоминаніе о потопѣ и распространеніи потомковъ Ноя отъ горы Арарата. Здѣсь Ной насадилъ свой виноградъ и высказалъ пророчество относительно дѣтей своихъ. Непочтительному Хаму онъ сказалъ: „проклятъ буди ханаанъ отрокъ: рабъ будетъ братіямъ своимъ“. Относительно младшаго сына, Афета (праотца арійцевъ) предсказано: «да распространитъ Богъ Іафета и да вселится въ селеніяхъ Симовыхъ и да будетъ Ханаанъ рабъ ему (Кн. Бытія, гл. 9, ст. 25—27). Въ выраженіи: „да вселится въ селеніяхъ Симовыхъ“ можно видѣть намекъ на первыя столкновенія Семитовъ съ Арійцами и на вытѣсненіе первыхъ изъ Араратской области и изъ Малой Азіи къ южнымъ берегамъ Средиземнаго моря. Получивши благословеніе, потомки Сима и Афета, дѣйствительно, стали во главѣ человѣчества, какъ насадители культуры и носители прогресса, но съ первыхъ же шаговъ они стали во враждебныя другъ къ другу отношенія. Патріархальныя времена пастушескаго быта прошли. Принципомъ жизни является не миръ и любовь, какъ у первыхъ арійцевъ, а борьба за существованіе: „око за око, зубъ за зубъ“—вотъ основной кодексъ семитской морали. Кромѣ національнаго эгоистическаго характера состязавшихся народовъ, къ этому располагали и условія ихъ новаго быта: географическая замкнутость Западной Азіи, недостатокъ земли и осѣдлая городская жизнь, всегда содѣйствующая ожесточенію людей и развращенію нравовъ.

Первая волна арійскихъ переселенцевъ, водворившихся въ Араратскихъ странахъ и въ малой Азіи, по всей вѣроятности, состояла уже изъ разныхъ

народностей. Греки впослѣдствіи называли ихъ *Пелазгами*, т. е. жителями равнинъ (отъ πελὲα или πέλω живу и ἄργος равнина, поле=по славянски поляне, или отъ πελασγὴ старожилы). Въ этомъ названіи не заключается никакихъ этнографическихъ намековъ. Несомнѣнно одно,—что это были арійцы, первые насельники Эллады, но, по свидѣтельству Геродота, говорившіе не на греческомъ языкѣ. Пелазги были земледѣльцы, отличные землекопы и строители. Имъ приписываютъ сооруженіе плотинъ, для защиты полей отъ затопленія избыткомъ водъ, и первыхъ каменныхъ укрѣпленій. Характеръ этихъ построекъ былъ настолько грандіозенъ, что еще въ древности они получили названіе *циклопическихъ*, т. е. возведенныхъ сказочными великанами циклопами. Знаменитѣйшія изъ нихъ—фундаментъ Аѳинскаго акрополя и первая стѣна древнѣйшаго Рима (Roma quadrata). Греки и Римляне выучились каменнымъ постройкамъ у пелазговъ*), а эти послѣдніе, можетъ быть, заимствовали это искусство отъ Финикіянъ или отъ Египтянъ. Пелазги были также отличными мореходами. Въ эпоху Троянской войны мореходство уже составляло общую принадлежность почти всѣхъ малоазійскихъ племенъ. Это искусство вынесено было Арійцами изъ ихъ первоначальной родины. Оно выросло на водахъ Оксуса и Яксарта и на Аральскомъ морѣ, поэтому можетъ считаться однимъ изъ древнѣйшихъ пріобрѣтеній индо-европейской цивилизаціи**).

Съ какого времени появилась эта первая группа арійскихъ народовъ на берегахъ Средиземнаго и Чернаго моря,—объ этомъ не сохранилось у потомковъ ихъ никакихъ воспоминаній. Можно сказать только одно, что въ этотъ, во всякомъ случаѣ, весьма длинный, до-историческій періодъ европейская вѣтвь арійцевъ окончательно раздѣлилась здѣсь на тѣ національности, которымъ суждено было проявить, болѣе или менѣе блестящимъ образомъ, свой народный геній въ исторіи древняго европейскаго міра. Здѣсь же, повидимому, началась и та безпощадная человѣческая вражда, которая до сихъ поръ присуща европейцамъ: не соревнованіе только или зависть, но взаимное озлобленіе, стремленіе подчинить и поработить себѣ подобныхъ, раздвинуться и расширить свои владѣнія на счетъ сосѣдей. Такою борьбою начинается первая страница исторіи европейскихъ народовъ. Это была знаменитая *Троянская война*, воспѣтая безсмертнымъ Гомеромъ, время которой относятъ приблизительно за 900 лѣтъ до Р. Х.

Въ эпоху Троянской войны населеніе Малой Азіи и острововъ стояло уже на достаточной высотѣ культурнаго развитія. Это были вполнѣ орга-

*) Халдеи, какъ мы увидимъ ниже, строили свои зданія изъ глины и кирпича, сырого или обожженнаго.

**) Собственно Индусы не были мореходнымъ народомъ; у Персовъ и Халдеевъ, точно также, судоходство не имѣло большого развитія. Финикіяне, вѣроятно, усовершенствовали это искусство подъ вліяніемъ пелазговъ.

низованныя общины, не только осѣдлыя, большею частію земледѣльческія, но усвоившія также почти всѣ главныя отрасли промышленности (ремесла, отчасти даже искусства). Отличительнымъ характеромъ ихъ политическаго строя была крайняя раздробленность общинъ, еще не сознававшихъ важности національнаго единенія. Каждая община имѣла свой центръ—*городъ*, укрѣпленный *каменными стѣнами*, своего главу или вождя. Такое дробленіе составляло отличительную черту первыхъ самостоятельныхъ шаговъ каждаго племени, своего рода историческій законъ. Выдѣлившись изъ общей начальной семьи, родовыя вѣтви прежде всего заботятся объ индивидуальности, стремятся жить своимъ умомъ, по своему вкусу. Въ этомъ разнообразіи кроются начала прогресса, но здѣсь же и залогъ не долговѣчности: мелкому организму суждена болѣе скоротечная и менѣе широкая жизнь, чѣмъ крупному. Поэтому, въ видахъ самосохраненія, во второмъ фазисѣ развитія общинъ является потребность единенія, сначала въ формѣ союзовъ, потомъ—сліянія одноплеменныхъ общинъ въ болѣе крупное, а потому и болѣе долговѣчное политическое тѣло. Троянская война застаетъ малоазійскія племена въ началѣ второго фазиса политическаго развитія, въ переходную эпоху отъ родоваго начала къ племенному или національному. Въ общихъ чертахъ здѣсь обрисовываются двѣ стороны: одна эллинская, изъ которой впослѣдствіи сформировалась блестящая, но не долговѣчная греческая республика, другая троянская, федеративная, далеко не одноплеменная. Въ составъ этой федераціи входили: 1) *Пафлагонцы*, жившіе по берегу Чернаго моря, къ западу отъ устья р. Галиса; 2) западнѣе ихъ *Ѳракійцы*, къ которымъ принадлежали также *Тины* и *Битины*; 3) южнѣе послѣднихъ *Фригійцы*, одноплеменные съ жившими на европейскомъ берегу Босфора *Бригами**); 4) на берегу Геллеспонта жили *Мизійцы*, *Дарданы* и *Троянцы*. Наконецъ, далѣе по берегу полуострова жили *Ликійцы* и *Лелеги*. Изъ иноплеменныхъ народовъ въ составъ троянской федераціи входили *Кары* (кушиты) и *Лидійцы* (семиты). Такимъ образомъ троянская федерація занимала почти всю западную половину Малой Азіи, отъ р. Галиса до Геллеспонта; эллинскія племена занимали острова и полуострова Архипелага съ европейской стороны.

Всѣ перечисленныя народности, входившія въ составъ троянскаго ополченія, за исключеніемъ Карійцевъ и Лидійцевъ, считаются несомнѣнно арійцами, потомками первыхъ колонизаторовъ Малой Азіи (такъ называемыхъ пеласговъ). Въ поэмѣ Гомера они противополагаются эллинамъ, какъ народу, получившему уже опредѣленную національную физіономію. Но и ѳракійскія племена, перечисляемыя въ поэмѣ подъ разными названіями, несомнѣнно точно также имѣли въ то время свой національный обликъ, отличались

*) Зевсъ назывался у нихъ, какъ и у славянъ, *Багай*, *Бага*, Богъ. Въ числѣ древнихъ фригійскихъ надписей VII—VIII в. до Р. Х. есть эпитафія царя ихъ *Мидаса*.

по языку не только отъ Грековъ, но и между собой. Нѣкоторыя изъ нихъ впослѣдствіи, послѣ переселенія въ Европу, продолжали носить прежнія имена, напр. Балтійскіе и Адріатическіе Венеты. Прочія ѳракійскія племена, передвинувшіяся на Балканскій полуостровъ и далѣе въ Европу, также неоднократно появлялись на исторической сценѣ подъ тѣми же, или видоизмѣненными названіями, но имена ихъ, переданныя Греками, очевидно, еще не соотвѣтствовали общему національному прозванію, поэтому со временемъ затерялись въ массѣ историческихъ народныхъ именъ.

Торжество Грековъ оттѣснило троянскихъ союзниковъ частію на западъ, частію на сѣверъ, но нѣкоторыя изъ нихъ еще долго оставались въ Малой Азіи и впослѣдствіи были ассимилированы греками. Еще при Александрѣ Великомъ, Македонцы, напримѣръ, имѣли свой національный языкъ и считали себя потомками Троянцевъ. Александръ Македонскій, особенно интересовавшійся памятью о герояхъ Иліады, отыскалъ въ Пафлагоніи, на берегахъ рѣки Галиса еще уцѣлѣвшій обломокъ древнихъ Венетовъ, сражавшихся подъ Троей подъ предводительствомъ вождя ихъ Пелемона. Фракійскіе Геты и Даки, Мизы и Трибалы, жившіе на Балканскомъ полуостровѣ, при наслѣдникахъ Александра Великаго и во времена римскаго могущества, тоже, вѣроятно, принадлежали къ раннимъ выходцамъ въ Европу черезъ Малую Азію. Киммерійскій (Таманскій) полуостровъ еще до Троянской войны былъ не только заселенъ, но имѣлъ уже гражданское устройство, подобно Малой Азіи. По свидѣтельству Гомера, здѣсь была родина знаменитаго Ахиллеса. Очень вѣроятно, что и южно-русскія степи въ эпоху Троянской войны имѣли уже долю арійскаго населенія (предки Геродотовыхъ скиѳовъ), пришедшаго сюда частію черезъ Кавказскіе проходы, частію прямымъ путемъ черезъ степи отъ Аральскаго и Каспійскаго морей. Это была первая европейская волна народной эмиграціи, непрерывавшейся потомъ въ теченіе многихъ вѣковъ, такъ называемаго, скиѳскаго періода. Передній прибой ея устремлялся дальше и дальше, какъ со стороны Малой Азіи въ Западную Европу, такъ и со стороны сѣверной Скиѳіи въ Скандинавію и сѣверную Европу.

Упомянутыми эмиграціями изъ Средней Азіи, происшедшими до эпохи Троянской войны, обыкновенно исчерпывали весь вопросъ о нынѣшнемъ заселеніи Европы. Всѣ дальнѣйшія азіатскія передвиженія сѣверныхъ народовъ ученые историки приписывали, такъ называемымъ, урало-алтайскимъ племенамъ, предполагая, что на сѣверно-азіатской родинѣ не могло уже оставаться ни одного арійца. Переселеніе народовъ представлялось какъ нѣчто единовременное и полное, въ родѣ перекочевки киргизовъ съ лѣтнихъ на зимнія стоянки (иногда за нѣсколько сотъ верстъ), при чемъ на прежнемъ мѣстѣ обыкновенно не остается ни одной души, ни одного живого слѣда. На са-

момъ дѣлѣ это происходило и до сихъ поръ происходитъ совершенно иначе. Народная волна, открывая новое русло, устремляется сюда медленнымъ потокомъ, переливается въ теченіе вѣковъ, пока вновь не установится экономическое равновѣсіе. Такъ населились европейцами на глазахъ нашихъ поколѣній Америка и Австралія, такъ заселяется нынѣ Сибирь, тотъ же самый органическій процессъ народной экономической жизни совершался и въ древнія времена. Первые колонисты на Западѣ могли образовать большія группы народностей и устроить свою соціальную жизнь на прежнихъ или на новыхъ началахъ, въ новой средѣ и при другихъ окружающихъ условіяхъ въ то время, когда остальная масса того же племени оставалась еще на прежнихъ азіатскихъ мѣстахъ. Въ этой постепенности и разновременности народныхъ передвиженій лежитъ главная причина сформированія новыхъ арійскихъ языковъ и нарѣчій. Языкъ въ этомъ случаѣ служитъ однимъ изъ убѣдительнѣйшихъ доказательствъ не только происхожденія европейскихъ народовъ изъ общей арійской семьи, но и времени ихъ переселенія, т. е. выдѣленія въ особую національность вслѣдствіе разобщенія съ первоначальнымъ центромъ.

Лингвистика или наука исторіи языковъ, въ частности наука о группѣ индо-европейскихъ или арійскихъ языковъ, есть достояніе новѣйшаго времени. Она явилась послѣ того, когда были открыты въ Индіи *санскритскія* рукописи, въ 1767 году, при чтеніи которыхъ оказалось большое сходство многихъ словъ съ латинскими и греческими*). Въ 1786 году В. Джонсъ провозгласилъ окончательно фактъ этого родства и не только съ латинскимъ и греческимъ, но также съ готскимъ, кельтскимъ и древне-персидскимъ. Настоящая научная разработка этого вопроса началась съ первой четверти или даже съ половины текущаго столѣтія, особенно капитальными трудами Бопна**), Шлейхера, Ляссена, Фика и др.

По мѣрѣ изученія Санскрита и возстановленія корней этого языка, въ связи съ живыми языками индо-европейскими, открылся новый историческій, или, точнѣе сказать, до-историческій міръ. Только благодаря санскриту явилась возможность связать въ одно цѣлое всѣ европейскіе современные и классическіе языки съ древними индо-иранскими, понять исторію ихъ развитія и доказать происхожденіе европейскихъ народовъ отъ одной родоначальной семьи. Кромѣ того, при помощи новыхъ лингвистическихъ методовъ

---

*) Слово санскритъ происходитъ отъ sanskrta—украшенный, совершенный. Древнѣйшія формы этого языка, давно уже вышедшаго изъ употребленія, обнаруживаются въ языкѣ Ведъ, подъ которыми разумѣется собраніе гимновъ, воспѣвающихъ олицетворенныя силы природы, особенно же въ Риг-ведѣ.

**) Германскій ученый *Бопп* сдѣлалъ первую попытку настоящей научной разработки индо-европейскихъ языковъ въ 1816 году.

удалось выяснить вопросъ о сформированіи націй (вѣтвей языковъ и нарѣчій), а отчасти и о времени этого сформированія. Не говоря о частностяхъ, мы укажемъ здѣсь на общее, выработанное лингвистикой положеніе: чѣмъ дальше отклоняется тотъ или другой европейскій языкъ отъ основныхъ формъ санскрита, тѣмъ раньше онъ выдѣлился изъ своей первоначальной родины. Такое положеніе въ извѣстной мѣрѣ согласуется и съ историческими данными: болѣе древніе европейскіе народы, греки, латинцы, кельты, оказываются стоящими въ болѣе отдаленной линіи отъ пра-арійскаго источника; народности же, выступившія послѣ нихъ на историческую сцену, готы, германцы, литовцы и славяне носятъ на своихъ языкахъ слѣды наиболѣе близкаго родства съ санскритомъ. Это объясняется географическими условіями обитанія указанныхъ народностей въ до-историческое время, болѣе близкимъ сосѣдствомъ ихъ съ народомъ, употреблявшимъ санскритскій языкъ и болѣе позднимъ выселеніемъ изъ Азіи въ Европу. Указанная черта особенно любопытна по отношенію къ германцамъ и славянамъ. По изслѣдованіямъ *Шлейхера**) оказывается, что „славянскій, литовскій и нѣмецкій языки по своимъ родственнымъ отношеніямъ ближе другъ къ другу, чѣмъ къ прочимъ языкамъ индо-европейскаго племени, родство же между славянскимъ и литовскимъ такъ близко, что эти два языка опытнѣйшими лингвистами были принимаемы за одну отрасль. Славянскій и литовскій являются близнецами, которые составляютъ одно цѣлое, отдѣльное отъ нѣмецкаго, — семью литво-славянскую“ (стр. 16). Въ другомъ мѣстѣ Шлейхеръ высказываетъ, что для сформированія сѣверо-восточнаго отдѣла арійскихъ языковъ, т. е. германскаго и славяно-литовскаго, эти народности выдѣлились изъ общей арійской семьи въ особую группу, составляя когда то одно сѣверно-арійское племя**). Потомъ изъ этой группы выдѣлились германцы, въ то время, когда славяно-литовцы оставались еще въ Азіи. Слѣдовательно, наша народность выселилась изъ Азіи позднѣе всѣхъ остальныхъ арійцевъ и дольше всѣхъ оставалась въ соприкосновеніи съ санскритомъ. Мѣсто общаго пребыванія сѣверо-восточнаго отдѣла арійцевъ (славяно-германцевъ), гдѣ сформировался этотъ отдѣлъ и откуда началось его развѣтвленіе на германскую и славянскую отрасль, Шлейхеръ предполагаетъ на сѣверо-востокѣ Азіи, т. е. вѣроятнѣе всего въ предѣлахъ нынѣшней юго-западной части Сибири, въ сосѣдствѣ съ Сыръ-Дарьинскою областью. Раздѣленіе славянъ и литовцевъ произошло въ болѣе позднее, можетъ быть, даже въ предъ-историческое время. Эти данныя

*) *Шлейхеръ*. «Краткій очеркъ до-исторической жизни сѣверо-восточнаго отдѣла индо-германскихъ языковъ.» Приложенія къ VIII тому записокъ Императорской Академіи наукъ. Спб. 1865 г.

**) Гильфердингъ считаетъ эту теорію ошибочной. Онъ признаетъ между славянами и нѣмцами не коренное, первобытное родство, а лишь историческое взаимодѣйствіе. См. его статью въ „Вѣстникѣ Европы“, 1868 г. Іюль, стр. 285.

имѣютъ чрезвычайно важное значеніе для сибирской археологіи, подтверждая исторіей языка то, чего не досказываютъ нѣмые археологическіе памятники.

Но еще важнѣе для нашего вопроса отношеніе къ санскриту собственно славяно-литовскихъ языковъ. При начальной разработкѣ санскритологіи, эта группа нѣкоторое время оставалась какъ бы въ тѣни, на второмъ планѣ, можетъ быть вслѣдствіе того, что европейскіе ученые прежде всего примѣняли новый источникъ знанія къ древнимъ классическимъ и своимъ европейскимъ языкамъ, не обращая должнаго вниманія на славянство. Отчасти могло быть причиною тому и господствовавшее въ Европѣ предубѣжденіе, что мы народъ азіатскій, не въ смыслѣ, конечно, арійства, а въ значеніи помѣси съ такъ называемыми туранскими народностями, поэтому въ происхожденіи нашего языка вначалѣ не предполагали чистаго арійскаго источника. Иначе отнеслись къ этому славянскіе ученые, которыхъ этотъ вопросъ касался ближе. Въ 1853 г. *Гильфердингъ**) напечаталъ первое систематическое изслѣдованіе „о сродствѣ языка славянскаго съ санскритскимъ“, въ которомъ, между прочимъ, высказываетъ слѣдующее положеніе: „изо всѣхъ родственныхъ языковъ, славянскій и литовскій имѣютъ наибольшее сходство съ санскритскимъ. Изслѣдованіе, которое мы предпринимаемъ, покажетъ, что нашъ языкъ гораздо ближе къ древнѣйшему языку отдаленной Индіи, чѣмъ къ языкамъ сосѣднихъ племенъ греческаго и германскаго. Этого свойства мы не замѣтимъ ни въ греческомъ, ни въ латинскомъ, ни въ нѣмецкомъ, ни въ кельтскомъ, ни въ албанскомъ языкахъ, и прійдемъ къ заключенію, что, кромѣ общаго родства между языками санскритскимъ, славянскимъ и литовскимъ, какое находится между всѣми языками индо-европейскими, существуетъ между ними родство ближайшее, семейное“ (стр. 7). Въ другомъ мѣстѣ, говоря о трудахъ германскихъ лингвистовъ, направленныхъ преимущественно къ изученію языковъ греческаго, латинскаго и нѣмецкихъ нарѣчій, авторъ замѣчаетъ: „но странно, что изо всѣхъ языковъ славянскій въ ихъ трудахъ занимаетъ послѣднее мѣсто. Они скорѣе основываютъ свои выводы на языкѣ зендскомъ, или литовскомъ, или кельтскомъ, чѣмъ на богатомъ и цвѣтущемъ языкѣ племени, занимающаго восточную половину Европы.“ Трудно объяснить такое явленіе: или не могутъ они выучиться языку славянскому (но они могли же выучиться языку, котораго никто не зналъ, и котораго письмена даже были не извѣстны,—древне-персидскому), или они теряются во множествѣ славянскихъ нарѣчій, или не хотятъ дотронуться

*) Еще ранѣе Гильфердинга, въ 1845 году, М. Н. *Катковъ* напечаталъ свое разсужденіе: «Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка» (магистерская диссертація), въ которомъ онъ за основаніе своихъ выводовъ принимаетъ уже языкъ санскритскій, сличая его съ славянскимъ.

до области, которую слѣдовало бы разработать самимъ славянамъ. Какъ бы то ни было, сравнительное языковѣдѣніе, созданное на западѣ нѣмецкими учеными, не знаетъ языка славянскаго: оно знаетъ только, что есть весьма богатый языкъ семьи индо-европейской, извѣстный подъ названіемъ славянскаго. Но что это за языкъ, въ какомъ онъ отношеніи къ языкамъ родственнымъ, — объ этомъ не спрашивайте у языковѣдовъ нашихъ западныхъ сосѣдей".

Въ появившемся 12 лѣтъ спустя вышеуказанномъ сочиненіи Шлейхера (русскаго академика), смягчается упрекъ, высказанный Гильфердингомъ (извѣстнымъ русскимъ славистомъ). Но Шлейхеръ, изучая нѣмецкій и славяно-литовскій языкъ въ связи съ санскритомъ и находя между ними тѣснѣйшую связь, все же ставитъ славянскій языкъ въ нѣкоторыя подчиненныя отношенія къ нѣмецкому. Замѣчая въ нѣмецкомъ и славянскомъ языкахъ массу общихъ словъ, явно заимствованныхъ отъ того или другого, независимо отъ общаго санскритскаго источника, Шлейхеръ не безъ доли національнаго самомнѣнія говоритъ: „было бы рѣшительно странно, если бы славянскій языкъ вовсе не имѣлъ словъ заимствованныхъ отъ нѣмецкаго (почему не наоборотъ?), когда славяне и нѣмцы съ незапамятныхъ временъ были сосѣдями и когда нѣмецкія племена раньше славянъ (?) пріобрѣли историческое значеніе. Само собой становится понятнымъ, что значительнѣйшій народъ (т. е. нѣмецкій) обыкновенно сообщаетъ народу менѣе культурному и подчиненному и что языки выше стоящихъ народовъ лишь изрѣдка берутъ у сосѣднихъ народовъ, занимающихъ низшую степень развитія, слова, по своему значенію менѣе важныя для исторіи образованія, хотя и не могутъ уберечь свою систему звуковъ отъ нѣкотораго зараженія звуками сосѣднихъ языковъ. Поэтому вполнѣ понятно, если въ славянскомъ мы находимъ такія важныя слова, какъ кънязь, хлѣбъ, стекло, пѣнязь, заимствованными изъ нѣмецкаго kuning, гот. hlaibs, stikls, англо-сакс. penning" (l. c. стр. 5).

Нѣмецкій языкъ болѣе всего сближается съ санскритомъ при посредствѣ т. н. древне-прусскаго языка, который не составляетъ собственно нарѣчія германскаго, а имѣетъ право быть причисленнымъ къ вѣтви литво-славянской. Сѣверная Пруссія и Померанія, какъ извѣстно, съ давнихъ поръ были населены славянами, жившими здѣсь рядомъ съ германцами. Это сосѣдство должно было отразиться на языкѣ тѣхъ и другихъ. Поэтому древне-прусскій языкъ едвали можетъ служить доказательствомъ ближайшихъ отношеній германскаго языка къ санскриту. Тоже самое можно сказать про языкъ готскій, въ которомъ также заключаются слѣды славянскихъ наслоеній. Впрочемъ, эти частности не относятся къ задачамъ нашего очерка, поэтому возвратимся опять къ санскриту.

Въ 1871 году проф. Харьковскаго университета *Шерцль* напечаталъ свой объемистый трудъ по сравнительной грамматикѣ славянскихъ и другихъ родственныхъ языковъ*). О литовскомъ языкѣ онъ говоритъ, что этотъ языкъ „по древности звуковъ и по цѣлости своей грамматики, между индоевропейскими языками настоящаго времени занимаетъ первое мѣсто. Такъ напр., семь санскритскихъ падежей въ немъ еще сохранились (равно какъ и въ славянскихъ языкахъ), удержалось и двойственное число, конечное s какъ обозначеніе именит. падежа при существительныхъ и пр. Самая древняя форма этого языка была, такъ называемое, *древанское* или *древне-прусское наречіе*, вымершее во второй половинѣ XVII в.“ (т. 1, стр. 82). О славянскомъ языкѣ Шерцль выражается такъ: „Эта отрасль, вмѣстѣ съ литовской семьей, стоитъ въ весьма близкомъ родствѣ съ языкомъ санскритскимъ, что объясняется особенно занимаемымъ ею пространствомъ на востокѣ Европы, находящимся ближе къ предполагаемому центру индо-европейскихъ языковъ. (По той же причинѣ языки кельтскіе, отодвинутые отъ востока больше остальныхъ, удалились столь значительно отъ древняго типа). Кромѣ того, въ славянскихъ языкахъ проглядываетъ особое стремленіе придерживаться древнѣйшихъ формъ и полныхъ соотвѣтствующихъ имъ звуковъ, гласныхъ и согласныхъ. Въ этомъ отношеніи они совпадаютъ съ языкомъ литовскимъ: фонетика ихъ стоитъ ближе къ санскритской; по благозвучію они превосходятъ языкъ древней Индіи; несовмѣстныхъ съ духомъ языка накопленій согласныхъ они избѣгаютъ особенно вставками гласныхъ“ и т. д. (стр. 87).

Передавая вкратцѣ принятыя нынѣ наукой общія положенія объ отношеніяхъ славянства къ санскриту, мы не можемъ касаться здѣсь частностей этого, весьма любопытнаго и поучительнаго для народной исторіи вопроса. Изучая лексическій и грамматическій составъ славянскаго языка въ связи съ санскритомъ, легко убѣдиться каждому, даже не спеціалисту въ этой области, что славяно-литовскій языкъ, дѣйствительно, родной, ближайшій братъ древне-индійскому, что оба они выдѣлились въ первой линіи изъ пра-арійскаго языка, или, точнѣе сказать, дольше всѣхъ остальныхъ европейскихъ языковъ оставались во взаимномъ соприкосновеніи и меньше всего подвергались чуждому вліянію сосѣднихъ, не арійскихъ расъ. Связь эта такъ очевидна, что если бы не дальнѣйшія грамматическія отступленія и перестановки въ значеніи нѣкоторыхъ словъ, то можно бы думать, что древне-индійскій и славяно-литовскій языкъ есть продолженіе одного и того же діалекта, лишь разлученнаго пространствомъ и временемъ.

Языкъ—это живая струя человѣческой жизни. Въ устахъ живущаго народа онъ не можетъ оставаться на неподвижной точкѣ. Какъ выразитель

*) В. Н. *Шерцль*. Сравнительная грамматика славянскихъ и другихъ родственныхъ языковъ. Два тома 8°. Харьковъ. 1871 г.

личной мысли и субъективнаго чувства, онъ продолжаетъ безпрерывно расти и развиваться либо изъ собственныхъ коренныхъ началъ, либо обогащаясь новыми словами, по мѣрѣ воспріятія извнѣ новыхъ готовыхъ понятій. Чѣмъ ближе соприкасается народъ съ чужою высшею культурой, тѣмъ больше онъ пестритъ и искажаетъ свой языкъ чужими элементами. Славянскій народъ, очевидно, не находился въ такихъ условіяхъ. Въ его древнемъ языкѣ весьма мало привходящихъ чужихъ словъ, но онъ видоизмѣнялъ и разнообразилъ свой лексическій составъ, развивая изъ старыхъ корней новые оттѣнки значеній. Такъ напр. если сравнить слово *кровь* съ санскр. *kravya*, что значитъ сырое мясо, греч. κρέας (отъ санскр. *kru*, крушить, повреждать), мы увидимъ здѣсь переходъ значеній даннаго слова съ одного понятія на другое. Изъ *кравья* образовались: латинск. *cruor* и *caro*, а въ славянскомъ языкѣ *кровь*, (sanguis) и *чрево*. Изъ санскр. *rudhira*—кровь и красный, кровавый, образовалось русское *руда* (кровь) *рудый*, рыжій, ruber. Здѣсь названіе крови взято по ея цвѣту, ровно какъ и названіе металлической руды. Слово *мозгъ* вполнѣ соотвѣтствуетъ зендск. *mazga*, medulla. Происходитъ оно отъ санскр. *masg*, *masgati*—погружать, окунуть, нырять, т. е. погруженный въ костяную полость (откуда латинск. *merg-us*, *mergere* и нѣм. *Mark*.). Въ латинскомъ языкѣ тоже слово образовалось изъ другаго понятія :*medulla* отъ medius, средній, т. е. находящійся въ срединѣ, замкнутый въ костную полость. Латинское названіе головнаго мозга, *cerebrum*, производятъ отъ санскр. *siras* или *saras*, что значитъ голова, caput, отъ *sar*—защищать, охранять, пасти, питать, зендск. *sara*—властелинъ, повелитель, царь. Такимъ образомъ въ этимологіи санскр. *saras* и лат. *cerebrum* лежитъ идея о значеніи головы или головнаго мозга, какъ органа, управляющаго всѣми движеніями и помыслами человѣка. Тоже самое должно было въ свое время имѣть мѣсто и въ славянскомъ языкѣ, но у насъ это первенствующее значеніе органа выразилось не въ словѣ мозгъ, а въ словѣ *глава*. Что же касается санскритскаго *saras*, то оно нашло другое примѣненіе, подобное зендскому и ассирійскому, въ словѣ *царь*, и притомъ не въ смыслѣ земнаго властелина, а въ значеніи верховнаго, небеснаго существа.

Сердце по санскр. *hrd*, отсюда нѣм. *Herz*, лит. *sirdis*, лат. *cor* (cord-is), греч. καρδία. Изъ того же санскр. слова, повидимому, образовалось и слав. *грудь*, pectus, передняя верхняя часть тѣла, вмѣстилище сердца, явившееся синонимомъ болѣе древняго названія *перси*. Это послѣднее совершенно созвучно санскритскому parçu, въ значеніи ребра, Rippe.

Подобныхъ примѣровъ перестановки значенія однозвучныхъ словъ въ связи съ дифференцированіемъ условныхъ понятій можно привести множество. Этимъ прежде всего начинается отклоненіе языковъ отъ общаго ихъ родоначальника, независимо отъ иноплеменныхъ лексическихъ наслоеній. Флексіи,

префиксы и суффиксы и грамматическія украшенія, являющіяся какъ плоды языкосозидательнаго народнаго генія, довершаютъ остальное. По истеченіи вѣковъ языкъ настолько уклоняется отъ своего прародителя, что дѣлается для другихъ почти совсѣмъ непонятнымъ. Такъ разошлись группы и вѣтви языковъ индоевропейскихъ.

Но тотъ изъ нихъ, который больше всего сохранилъ въ себѣ неизмѣненныхъ первоначальныхъ словъ, имѣетъ право считаться позднѣе другихъ разлученнымъ съ своею родоначальною семьей. Таковъ именно славянскій языкъ. Въ немъ мы имѣемъ наибольшее число однозвучныхъ и однозначущихъ съ санскритомъ словъ *), и это даетъ намъ право думать, что славянскій народъ позднѣе всѣхъ разлучился съ своею азіатскою прародиной. Въ то время, когда греки, латинцы, кельты и даже германцы жили уже давно въ европейскихъ странахъ, славяне, по крайней мѣрѣ значительная часть ихъ, оставались въ Азіи, въ сосѣдствѣ съ древней Бактріей и Согдіаной. Здѣсь они имѣли ближайшія отношенія къ Иранцамъ (древнимъ персамъ) и не теряли связи съ индусами, даже послѣ переселенія послѣднихъ за Гималай. У Иранцевъ наши предки были извѣстны здѣсь подъ именемъ *Турас* (что значитъ подвижный, кочующій) и *Дасасъ* (бѣднякъ, въ противоположность благоустроенному, осѣдлому обществу). Греки называли ихъ либо общимъ именемъ *скиѳовъ*, либо частными собственными прозваніями: *саки*, *массагеты*, *сколоты*, и т. п., какъ они являются уже на страницахъ ихъ древней исторіи**). Часть этихъ закаспійскихъ кочевниковъ арійскаго племени входила въ составъ древняго Персидскаго царства, и впослѣдствіи, при распаденіи его, выселилась въ южные предѣлы Россіи подъ именемъ Сарматовъ. Но большая ихъ часть продолжали занимать Сырь-Дарьинскія, Южно-Сибирскія, Оренбургскія и Черноморскія степи, подъ общимъ именемъ азіатскихъ и европейскихъ скиѳовъ, составляя такимъ образомъ сплошное и однородное полукочевое населеніе, въ продолженіе многихъ вѣковъ жившее

*) Кромѣ вышеуказанныхъ приведемъ для болѣе яснаго уразумѣнія и наглядности еще нѣсколько такихъ примѣровъ: *гарь*—горѣть, *гарма*—жаръ, *грйвй*—грива, шея, *гурус*—грузъ, *думас*—дымъ, *дурмана*—дурманъ раст. (отъ *дур*—дурной и *мана* -духъ), *дру* - древо, *древайна*, зенд. *дрвена*—древяный, holzern, *вотара* - вѣтеръ, *бйд*—разъединеніе (русское бѣда), *чатур*—четыре, *чатвйр*—четвертый, *кеса*—(волосы) коса и гл.—чесать, *четати*—чьтить, *четаіати*—читать (отъ *чит*, noscere, cogitare), *читра*—хитрый, *ошта*—уста, *ак акши*—око, очи, *агни* -огнь, *одака*—ѣдокъ, essend, *там*—томить, *тану*- тонкій, тонокъ, *тада*—тогда, *дина*—день, *брадж*—брезжить, *бру-с*—бровь, *(субрус*—прекраснобровая, русское бѣлобрысая), *гадус*—червь, гадъ, *ндру-с*—капля (иней вм. индей, заиндевѣть), *калакала-с*—глухой шумъ (колоколъ, калякать), *ласа-с*—ласка, пляска, *ласка-с*—объятіе и т. д.

**) Всѣ эти кочевыя и полукочевыя племена принадлежали къ арійскимъ поколѣніямъ, въ томъ числѣ и европейскіе скиѳы. На это есть прямыя доказательства, также изъ области языка этихъ народностей. См. книгу В. В. *Григорьева*: «О скіоскомъ народѣ Сакахъ». Спб. 1871 г., а также *Гильфердинга*: «Древнѣйшій періодъ исторіи славянъ. Вѣстникъ Европы 1868 г. іюль, стр. 234».

и развивавшееся здѣсь на старыхъ праарійскихъ началахъ, безъ замѣтнаго вліянія семитской и вообще западной культуры.

Разсматривая древнѣйшій бытъ азіатскихъ скиѳовъ, мы должны коснуться вопроса о томъ: на какомъ уровнѣ культурнаго развитія находились они до переселенія въ Европу и какіе слѣды, кромѣ археологическихъ памятниковъ, оставили они на мѣстахъ своего прежняго обитанія. Начнемъ прежде всего съ географическихъ названій, указывающихъ на связь азіатскихъ скиѳовъ съ европейскими. Главнѣйшая рѣка на ихъ азіатской родинѣ была нынѣшняя *Сырг-Дарья*. Въ древности она носила четыре названія: *Раса*, *Танаисъ*, *Яксартъ* и *Силисъ*. Не подлежитъ сомнѣнію, что это были названія одной и той же рѣки, но только въ разное время. На это есть точныя историческія указанія. Раса, по мнѣнію Гильфердинга, есть древне-индійское *расâ*, волна и названіе миѳической рѣки, отдѣляющей страну благотворнаго Индра, т. е. осѣдлыхъ арійцевъ, отъ страны зловредныхъ, охраняющихъ какія то сокровища, демоновъ, т. е. кочевыхъ племенъ. Въ Зендавестѣ имя это, съ обычнымъ переходомъ звуковъ въ форму *Ранха*, обозначаетъ крайнюю къ сѣверу рѣку, извѣстную Персамъ, т. е. очевидно Сыръ-Дарью. Отъ того же слова *раса* волна (греч. ῥέω теку) произошло старое названіе Волги—*Ра*, а также Роны, Ріона и Аракса.

Другое имя Сыра *Танаисъ* является у Арріана въ описаніи походовъ Александра Македонскаго и весьма опредѣлительно отличается имъ отъ европейскаго *Танаиса*, т. е. Дона. Это названіе происходитъ отъ древне-индійскаго слова *данусъ*, песчаная отмель, санскр. *дâну* жидкость, влага, и *дуни*, какъ существительное — рѣка, какъ прилагательное — бушующій. Отсюда же европейскій Донъ, Дунай (Данави, по греч. Танаисъ), а можетъ быть также Двина (вм. Дуна), Днѣпръ и Днѣстръ. Арріанъ прибавляетъ при своемъ описаніи, что Танаисъ называется у мѣстныхъ варваровъ и другимъ именемъ, *Яксартъ*. Это слово Гильфердингъ объясняетъ такъ: „вторая составная часть его—*сартъ* тождественна съ древне-индійскимъ *сритъ*, — рѣка, скрывается ли въ первой его части ведическое *яхва*, — великій, или другое слово, трудно рѣшить“. Наконецъ у Плинія (VI, 7 и 16) есть указаніе, что скиѳы называли какъ европейскій, такъ и азіатскій Танаисъ именемъ Silis (отъ санскр. *сила* камень, что порусски значило бы каменка; сравни уральскую Сылву и Каму, отъ древне-славянскаго слова камы, камень). Нынѣшнее имя *Сыръ* (и Дарья, рѣка) произошло отъ *Яксарта*, т. е. отъ древне-индійскаго *сритъ* и ведическаго *сâрâ* рѣка и *сара-м* вода. Всѣ эти четыре названія Сыра производятся изъ арійскихъ корней, слѣдовательно даны арійцами, а изъ нихъ первые два,— *Раса* и *Танаисъ*, прямо указываютъ на родство азіатскихъ скиѳовъ съ черноморскими.

Другая рѣка средней Азіи, Аму Дарья, въ древности носила только одно названіе, *Оксъ* (греч. *Оксосъ*), переданное греческими и римскими писателями. Это слово производятъ отъ древне-индійскаго *ока-с* потокъ. Можетъ быть отсюда же происходитъ русское—*Ока*.

Древняго собственнаго имени *Аральскаго* моря не сохранилось, а можетъ быть и совсѣмъ не существовало. Во времена Александра Македонскаго оно называлось греками *Oxiana palus*, отъ впадавшей въ него рѣки Окса—(Аму-Дарьи). Сѣверные арійцы обыкновенно называли моря по цвѣту. Такъ прозвано Балтійское, Бѣлое и Черное море. Аральское море встарину называлось русскими *Синимъ моремъ* (географ. слов. Семенова). Въ пѣсняхъ и былинахъ прилагательное *синій* особенно охотно примѣняется къ южнымъ водамъ, въ томъ числѣ и къ Хвалынскому (Каспійскому) морю и Дону (тихій Донъ, или синій Донъ). Рѣка *Индъ* по санскр. называлась *Синду* (зенд. hindu). Это же слово означало океанъ, море, что до извѣстной степени созвучно русскому *синій Донъ*, синяя вода (какъ сокращен. изъ *sin—danu*). Можетъ быть въ этомъ русскомъ названіи *синяго моря* (Аральскаго и Каспійскаго) кроется слѣдъ старыхъ географическихъ воспоминаній*).

Въ древности Оксъ и Яксартъ вливались не только въ Аральское, но и въ Каспійское море, соединяя такимъ образомъ эти моря въ одинъ непрерывный водный путь**), обнимающій при помощи упомянутыхъ двухъ рѣкъ всю закаспійскую страну. У осѣдлыхъ арійцевъ это должно было дать первый толчекъ къ развитію мореходства. И мы, дѣйствительно, видимъ, что въ эпоху Троянской войны, какъ Эллины, такъ и союзники Трои были уже хорошо знакомы съ морскою стихіей. Мореходству они выучились не у семитовъ (Финикіянъ), а еще на азіатской родинѣ, на что указываетъ вся ихъ мореходная терминологія. Санскр. *nâva* и древнеперс. *navi*—корабль дали происхожденіе греческому νῆς, ναῦς, лат. *navis*, санскр. *nâvya* значитъ судоходная рѣка (не отсюда ли и наша Нева?).

На основаніи этихъ данныхъ можно предполагать, что арійскія племена, послѣ сформированія Ассирійскаго царства и занятія семитами земель, примыкавшихъ къ Малой Азіи съ востока, должны были направляться къ Черному морю и Архипелагу не столько сухимъ путемъ, черезъ Персію, сколько водами, черезъ Каспійское море. Оттого Кавказъ и окрестности горы Арарата играютъ такую выдающуюся роль въ еврейскихъ и арійскихъ бытописаніяхъ (кн. Бытія IX, 27). Поколѣнія Сима (семиты) были вытѣснены

*) Слово *синій*, греч. κυάνεος Фикъ производитъ отъ санскр. *суета*, *суені*—бѣлый, замѣчая при этомъ, что значенія цвѣтовъ при одномъ и томъ же названіи часто не совпадаютъ между собой у разныхъ народовъ.

**) На это есть указанія у греческихъ писателей. Слѣды старыхъ руслъ Аму-Дарьи, направлявшихся въ Каспійское море, до сихъ поръ явственно видны въ Закаспійской степи.

отсюда потомками Афета (арійцами), наплывавшими сюда больше и больше, изъ закаспійскихъ странъ. Часть ихъ направлялась восточными проходами кавказскихъ горъ на сѣверный Кавказъ и къ Азовскому морю, другая часть шла въ Малую Азію, гдѣ существовало Троянское царство. Это былъ самый обычный и наиболѣе извѣстный въ древности путь народныхъ переселеній. Этимъ путемъ двигалась и часть славянскихъ племенъ изъ Азіи въ Европу.

Кромѣ Оксуса и Яксарта, названія прочихъ рѣкъ и озеръ азіятской Скиѳіи представляютъ весьма ненадежный матеріалъ для исторической географіи. Причина понятна: мѣстности за Яксартомъ совершенно не были извѣстны ни персамъ, ни древнимъ грекамъ, потому объ нихъ не сохранилось ни одного письменнаго указанія. Нынѣшнія же географическія имена представляютъ собою либо искаженные до неузнаваемости слѣды древнихъ наименованій, либо, гораздо чаще, новыя названія, данныя турко-монгольскими или финскими обитателями этихъ мѣстъ за послѣднія полторы тысячи лѣтъ.

О географическихъ названіяхъ Семирѣчья мною уже были высказаны нѣкоторыя догадки и соображенія въ статьѣ, напечатанной въ «Извѣстіяхъ Императорскаго Томскаго университета» за $188^{8}/_{9}$ годъ, подъ заглавіемъ: „Топографическія свѣдѣнія о курганахъ Семирѣченской и Семипалатинской области (стр. 40—43). Тамъ было указано, что за 100 лѣтъ до Р. Х., еще до татарской эпохи, китайцы отчасти знали этотъ край. Оз. *Иссыкъ-куль* они называли *теплымъ озеромъ—Же-хай*, но, къ сожалѣнію, это названіе передано не на мѣстномъ языкѣ жившихъ здѣсь Усуней, а на китайскомъ.

Изъ рѣкъ имъ были извѣстны *Или* и *Лепса*, которыя и до сихъ поръ сохранили тѣже прежнія имена, носящія слѣды арійскихъ корней. Слово *Или* значитъ сіяющій, блестящій (Геогр. Риттера. русск. перев. т. II, стр. 94). Это напоминаетъ звуки греч. ἥλιος. Названіе *Лепсы*, китайское *Липса*, можетъ указывать на слав. лѣпый, или липа. Имя третьей рѣки, *Баскань*, по той же гипотезѣ можно было бы сопоставить съ русскими словами *баса*, баско́й, т. е. красивый, блестящій. Впрочемъ, это не болѣе, какъ догадки. Такую же догадку можно высказать и по вопросу объ имени оз. *Балхаша*, или *Балкаша*, иначе *Денгизъ* или *Ак-денгизъ*. То и другое названіе, очевидно, — древнія, но испорченныя въ татарской (киргизской) переработкѣ. Тюркская приставка *ак*, бѣлый, наводитъ на предположеніе, что въ имени *Балхашъ* первая половина слова *бал* тоже должна соотвѣтствовать значенію бѣлый. По этому соображенію, можетъ быть, имя *Балхашъ* обозначало когда-то, *Бѣлое море* или *Бѣлое озеро* *), а *Ак-денгизъ* есть только переводъ прежняго названія на татарскій языкъ, подобно Иссыкъ-Кулю (теплое озеро). Слово *Денгизъ* или *Тенгизъ* на туркскомъ языкѣ означаетъ *море*.

*) Не столько по цвѣту воды, сколько потому, что она зимою покрывается льдомъ и снѣгомъ.

Изъ отдаленныхъ рѣкъ наибольшее значеніе для азіатскихъ скиѳовъ должна была имѣть р. Обь. У татаръ она извѣстна подъ именемъ *Омаръ* или *Уморъ*, у Сургутскихъ остяковъ—*Асъ*, *Ясъ* или *Колта*, у Нарымскихъ *Ема*, у самоѣдовъ *Куай* (словарь Семенова). Русскимъ нижнее теченіе этой рѣки, Обдорія, или Обдоры, было извѣстно очень давно, со временъ первыхъ сношеній съ сѣверомъ, въ XI—XII вѣк., и всегда подъ именемъ Оби. Есть даже поводъ предполагать, что и Иртышъ у насъ слылъ встарину подъ тѣмъ же именемъ Оби*), потому это названіе можно считать древнѣйшимъ и первоначальнымъ, а происхожденіе его основаннымъ на первыхъ принципахъ наименованія текучихъ водъ. Мы уже видѣли выше, что у древнихъ арійцевъ имена рѣкъ чаще всего обозначали въ той или другой формѣ значеніе воды, влаги, теченія, или источника (см. объясненіе Танаиса и Окса), поэтому и этимологію Оби слѣдуетъ подводить подъ тотъ же законъ. Въ санскритскихъ корняхъ можно указать въ данномъ случаѣ *ар*, *апа* (апа), что значитъ вода, сокъ, сила, *ап-апа* (апапа), Wasserlos, и *апа—vant*, Wasserreich. Въ древне-перс. *арі* значитъ Wasser, въ древне-прусскомъ *аре* Fluss, *apus* Quelle, въ литовскомъ *upes*, *upis* Fluss, готск. *ufjo* Fulle, лат. *opia*—изобиліе (Фикъ). Отсюда же должно происходить и названіе р. Оби (сибирскія крестьяне произносятъ *Опь*). Что это дѣйствительно такъ,—подтвержденіемъ можетъ служить переносъ того же названія на другія русскія рѣки—*Упу* (въ Тульск. губ.) и *Уфу*. Слово *упа* въ значеніи воды сохранилось въ русскомъ языкѣ въ названіи *упо-ловникъ*, ловящій, черпающій воду, ковшъ**).

Названіе *Иртыша* я объяснить не умѣю, равнымъ образомъ затрудняюсь сказать, съ какого времени онъ носитъ это имя ***). Надо думать, что корнемъ здѣсь служитъ *Ир* и онъ часто примѣнялся къ названіямъ водъ, напр. р. *Ир-гизъ*, *Ир-битъ*, *Ир-кутъ*, р. *Ир-ень*, оз. *Ир-тяшъ*, и всѣ эти имена, кромѣ Иркута, встрѣчаются въ восточныхъ предгоріяхъ Урала.

---

*) Такъ онъ показанъ въ старыхъ географическихъ картахъ, напр. у Исаака Массы, см. I т. путеш. Миддендорфа.

**) На такое объясненіе Оби обратилъ вниманіе еще *Фишеръ* въ началѣ своей «Сибирской исторіи» (Спб. 1774 г.). Въ примѣч. на стр. 4 онъ говоритъ: «Абь на персидскомъ языкѣ значитъ воду, а *дарь*, въ имени *Обдоръ*, есть слово персидское-жъ, и значитъ ворота или устье. Теперь спрашивается токмо, какъ персидскія слова перешли къ зырянамъ?» Въ настоящее время, съ открытіемъ общаго источника для арійскихъ языковъ, мы начинаемъ понимать, какъ могли распространиться арійскія географическія названія отъ Индіи до устья Оби и Ледовитаго океана. Но въ имени *Об-дора*, Обдорія, для насъ становится еще любопытнѣе вторая половина слова. Санскр. *dvâra*, *dvâra*, зенд. *dvara*, нѣм. *Thur*—дверь, ворота, *Об-дора* значитъ дверь, выходъ въ Сѣверный океанъ, или, по крайней мѣрѣ, въ бассейнъ западныхъ рѣкъ. Поэтому Обдорскій, Югорскій и Печерскій край такъ давно извѣстны въ русскихъ лѣтописяхъ по сношенію съ сѣверомъ.

***) Иртышъ по Монгольски *Эрисъ-голъ*, по калмыцки *Эрцисъ*. Абрамовъ объясняетъ это слово отъ татарскаго *ир*—земля и *тышъ*—рой, сверли,—землерой. Основательность такого объясненія крайне сомнительна.

Изъ западныхъ притоковъ Иртыша заслуживаетъ вниманія имя рѣки *Туры*. Какъ географическій терминъ, оно очень распространено. У *Ортелія**) указаны: *Thuria* рѣка въ Италіи, по имени которой былъ названъ городъ Thurium, называвшійся прежде *Sybaris* (стр. 324, Varro de re rustica, Lib. 1, cap. 7). Другая рѣка того же имени въ Италіи упоминается Плиніемъ. Въ Испаніи былъ городъ *Turris* Syllana. *Колларъ* указываетъ на рѣку *Туръ* въ Швейцаріи (Винтертуръ), *Turicum*, нынѣшній Цюрихъ, и *Туринъ*; есть р. *Туръ* во Франціи. Въ Венгріи и сосѣднихъ съ ней краяхъ *Колларъ* насчитываетъ цѣлую серію рѣкъ съ подобнымъ именемъ: Туръ, Старая Тура, Турья, Турова, Турикъ, Турица и т. д. У насъ есть Тура и Турья, обѣ берутъ начало съ Уральскихъ горъ; *Турій* полуостровъ на сѣверномъ берегу Кандалакскаго залива на Бѣломъ морѣ; *Турій* мысъ тамъ же; *Тура*-тау —гора на нагорномъ берегу р. Бѣлой, въ Уфимской губерніи, и т. д. Происхожденіе этихъ названій въ Западной Европѣ обыкновенно связываютъ съ *taurus*, горный хребетъ, по мѣсту истеченія рѣкъ. У насъ въ подобныхъ случаяхъ, по видимому, тоже съ словомъ Туръ связывалось представленіе о горной возвышенности, пригоркѣ, утесѣ, крутомъ берегѣ. Въ этомъ смыслѣ слово Тура перешло съ русскаго въ финскіе языки (Веске 1 с. стр. 74).

Не менѣе любопытны въ смыслѣ исторической географіи и многія другія рѣки восточнаго и западнаго склона Урала (напр. *Исеть*, *Теча*, *Міясъ*, *Орь*, *Яикъ*, *Кама*, *Сылва*; изъ сибирскихъ: *Тартасъ*, *Омь*, *Томь*, *Кеть*, *Кія*, *Я*, сибирская *Ока*), но разборъ ихъ отклонилъ бы насъ слишкомъ далеко отъ главнаго предмета, между тѣмъ какъ выводы изъ подобнаго матеріала были бы, во всякомъ случаѣ, крайне шатки. Поэтому возвратимся опять къ изображенію древняго быта сѣверныхъ арійцевъ.

Азіатскіе и европейскіе скиѳы, обыкновенно рисуются, какъ народъ не имѣвшій осѣдлости. Такъ изображаетъ ихъ Геродотъ, такъ представляли Персы сѣверныхъ кочевыхъ арійцевъ за Яксартомъ подъ именемъ *Турасъ*, т. е. быстро перемѣняющихъ мѣста, бродячихъ. Такое понятіе, однако-же, не всегда согласуется съ археологическими данными. Быть скиѳовъ едва ли можно приравнивать къ перекочевкамъ напр. нынѣшнихъ киргизовъ. Это было нѣчто среднее, полуосѣдлое, переходъ отъ пастушескаго примитивнаго быта къ болѣе устойчивому, хозяйственному. Главнымъ основаніемъ народнаго благосостоянія было, дѣйствительно, скотоводство, требовавшее обширныхъ луговъ и перемѣны пастбищъ по временамъ года, но азіатскіе скиѳы не были чужды также земледѣлія и ремесленной промышленности, которыя привязывали ихъ къ опредѣленнымъ мѣстамъ обитанія, къ селу или городу. Была у нихъ и другая осѣдлая, высоко чтимая привязанность—это могилы предковъ,

*) *Abrahami Ortelii* antverpiani, Synonimia geographica 1578.

которыя, по возможности, устраивались на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ (общественныхъ кладбищахъ) и тщательно охранялись не только отъ поруганія врагами или иновѣрцами, но и отъ разрушительнаго вліянія времени*).

Какъ въ Европейской Скиѳіи были скиѳы земледѣльцы (пахари) и скиѳы скотоводы, такъ точно и въ Азіи существовали тѣ и другіе, причемъ скотоводство, даже развитое въ обширныхъ размѣрахъ, не исключало еще существованія осѣдлыхъ деревень. Если у скиѳовъ въ начальномъ періодѣ не было настоящихъ многолюдныхъ городовъ, какъ у персовъ или грековъ, то все же существовали городки—крѣпости, защищенныя валами и рвами, а можетъ быть и деревянными стѣнами сверхъ валовъ**). Около этихъ центральныхъ пунктовъ ютилась часть населенія въ домахъ и хижинахъ. Перекочевки скиѳовъ я представляю себѣ въ родѣ лѣтнихъ переѣздовъ нашихъ крестьянъ, въ многоземельныхъ сибирскихъ губерніяхъ, на отдаленныя поля или покосы. Въ это время деревни остаются почти пустыми; крестьяне съ чадами и домочадцами поселяются таборомъ среди своихъ полей, возвращаясь въ деревню развѣ только къ большому празднику, или по окончаніи полевыхъ работъ. У скиѳовъ такія отлучки могли быть болѣе продолжительными и отдаленными, особенно у скотоводовъ; но при всемъ томъ странствующій въ своихъ повозкахъ скиѳъ не былъ бездомнымъ скитальцемъ.

Степень культурнаго развитія азіатскихъ скиѳовъ яснѣе всего могла-бы выражаться въ ихъ языкѣ; но къ сожалѣнію, наука совсѣмъ не знаетъ этого языка, даже въ его отрывочныхъ словахъ. Его необходимо искать въ тѣхъ живыхъ народностяхъ, которыя, по историческимъ соображеніямъ, должны происходить отъ древняго скиѳскаго населенія. По археологическимъ даннымъ потомки скиѳовъ должны принадлежать къ культурнымъ поколѣніямъ. Въ языкѣ ихъ должны сохраняться старые слѣды того земледѣльческаго, промышленнаго и гражданскаго быта, какой представляютъ нынѣ скиѳскія могилы и городища. Такихъ слѣдовъ мы не найдемъ ни въ одномъ изъ урало-алтайскихъ языковъ. Изъ этого можно заключить, что продолженіе скиѳскаго вѣка (народа) слѣдуетъ искать въ поколѣніяхъ индо-европейскихъ,

*) Это характерно выражено Геродотомъ при описаніи переговоровъ пословъ Дарія со скифами: «Если бы вамъ (персамъ) крайне необходимо было ускорить сраженіе, отвѣчали скиѳы, то вотъ: есть у насъ гробницы предковъ; розыщите ихъ, попробуйте разрушить, тогда узнаете, станемъ ли мы сражаться съ вами изъ за этихъ гробницъ, или нѣтъ». (Герод. кн. IV, 127).

**) Говоря о Будинахъ, Геродотъ замѣчаетъ (IV, 108), что въ землѣ ихъ «есть *деревянный городъ* по имени Гелонъ. Высокая стѣна, его ограждающая, вся изъ дерева, равно какъ и *дома* и храмы Будиновъ» (тоже деревянные). Въ 123 § тоже говорится, что Персы напали на *деревянное укрѣпленіе* Будиновъ и *сожгли* его. Въ другомъ мѣстѣ Геродотъ замѣчаетъ о кочевыхъ Скифахъ, что у нихъ «нѣтъ городовъ и засаженныхъ деревьями полей», почему имъ нечего опасаться покоренія, или опустошенія войсками Дарія; но въ § 125 они, однако, упоминаетъ о *разореніи* Меланхленовъ, Андрофаговъ и Агафирсовъ, частію самими же скиѳами, частію персами, гнавшимися за ними. Разореніе здѣсь можно понимать не въ смыслѣ расхищенія, а въ смыслѣ разрушенія и уничтоженія недвижимостей.

именно въ тѣхъ, которыя позднѣе другихъ могли занимать восточныя страны древней скиѳіи. Поэтому мы считаемъ позволительнымъ и не противорѣчащимъ исторической критикѣ сопоставить археологическія данныя скиѳскаго быта съ языкомъ древне-славянскимъ, такъ какъ славянское племя дольше всѣхъ европейцевъ оставалось въ восточной Азіи. Начнемъ съ земледѣлія, которымъ прежде всего выражается осѣдлый быть народа. Наименованіе злаковъ и термины земледѣлія у насъ принадлежатъ къ числу древнѣйшихъ словъ; они взяты непосредственно изъ обще-арійскаго источника и стоятъ гораздо ближе къ санскриту, чѣмъ соотвѣтствующія слова прочихъ европейскихъ народовъ. Сюда относятся:

Рожь, литов. *rugis*, нѣм. *Roggen*, греч. ὄρυζα.

Овесъ, лит. *aviza*, лат. *avena*, происходитъ отъ санскр. *avana*, *avas*, satisfaction, отъ av, juvare, нѣм. *Hafer*.

Пшеница отъ санскр. *psana* пшено (отъ *psâ* manger); нѣм. *Weizen* и лат. *triticum* другого корня.

Просо отъ санскрит. *prksha*, nurriture, или отъ *rasa*, Hirse, древне-прусск. *prassan*, лат. millium.

Жито, санскр. *Sitya*, grain, греч. σῖτος литов. *geits*, Brod. Слав. жито имѣло общее значеніе злаковъ (отъ жи-ти *).

Точно также слова: *орать* (пахать), лат. *arare* (отъ санскр. глаг. *ar* поднимать), и *молоть* греч. μύλλειν, лат. *molare*, индійское *malana-m* молотье—указываютъ на древнѣйшее ихъ происхожденіе. Но еще убѣдительнѣе говорятъ слова: *амбаръ*, *пупя* и *рига*, взятыя непосредственно съ древне-индійскаго и сохранившіяся только у насъ. Инд. *амбара-м* означаетъ вообще покровъ, хранилище. *Пупя* отъ инд. *пу*, *пунами*, значитъ: я вѣю хлѣбъ. *Рига* отъ инд. глаг. *ридж*, *реджами*,—я жарю**).

---

*) Подробное перечисленіе культурныхъ растеній см. у *Буслаева*: «Первобыти. славяне въ ихъ языкѣ», а также у *Гена*: Культурныя растенія и домашнія животныя при переходѣ ихъ изъ Азіи въ Европу».

**) По свидѣтельству Геродота войска Дарія во время похода въ Скифію должны были продовольствоваться мѣстнымъ скиѳскимъ хлѣбомъ, не рѣдко съ опасностью жизни при его разыскиваніи. Въ статьѣ проф. *Мищенко*: „Торговыя сношенія Аѳинской республики съ царями Босфора“ (Кіевск. универс. извѣстія 1878 г.) собрано много весьма интересныхъ данныхъ, доказывающихъ, что еще за 300—400 лѣтъ до Р. Х. Босфорское царство служило главнымъ источникомъ хлѣба, вывозимаго въ Аттику и во всѣ части средиземноморскаго побережья. Изъ портовъ Ѳеодосіи и Пентикапеи въ то время ежегодно вывозилось хлѣба около полутора милліона пудовъ, не считая мѣстнаго его потребленія. Хлѣбъ шелъ преимущественно изъ Ѳеодосіи, слѣдоват. изъ крымскаго полуострова, но привозился также съ Азовскаго моря, слѣдоват., и съ береговъ Дона. Но нѣтъ основанія думать, чтобы хлѣбопашество ограничивалось только этими областями. Оно несомнѣнно существовало и въ болѣе отдаленныхъ краяхъ Скиѳіи, въ томъ числѣ и въ южной Сибири, на что указываютъ находимые здѣсь въ большомъ числѣ *бронзовые серпы* (весьма сходные по формѣ съ древними греческими и древне-персидскими), безъ сомнѣнія имѣвшіе у сибирскихъ скиѳовъ практическое примѣненіе для жатвы. Въ тобольскихъ кургa-

О словѣ *городъ* и о древности русскихъ городовъ мы скажемъ въ особой главѣ. Слово *весь* (деревня) точно также носитъ на себѣ слѣды древнѣйшаго, доисторическаго происхожденія. Его производятъ отъ санскр. *вйс* и *вéса-с* домъ; тоже слово у древнихъ персовъ (зенд. *вйс*) значитъ и домъ и семья, и село и община; въ лат. и готск. *vicus, veihs* значитъ деревня. Въ древне-индійскомъ языкѣ есть и другое слово того же значенія, близко стоящее къ славянскому языку,— это *грамасъ*—жилое мѣсто, деревня, община, *грамâтâ*, совокупность нѣсколькихъ селеній. Въ церковно-славянскомъ этому слову соотвѣтствуетъ *храмъ*, храмина, домъ и южно-русское *громада*, общество жителей селенія, община, толпа. Слово *домъ*, лат. *domus*, греч. δόμος, тоже появилось въ раннемъ періодѣ раздѣленія арійцевъ. Что же касается частностей строительныхъ названій, то въ большинствѣ случаевъ онѣ въ славянскомъ языкѣ самобытны, т. е. выработались у себя дома въ древнѣйшія времена. Таковы напр. слова: *изба* (отъ ѣсть, здать, или топить, истопка), *клѣть*, *строп*ъ (крыша, стропила), *стрѣха*, *тесъ*, *драть*, *окно*, *косякъ*, *порогъ* и т. д. Плотничныя орудія, *сѣкира*, *топоръ*, *долото*, *сверло*, по всѣмъ лингвистическимъ и археологическимъ даннымъ появились у славянъ еще до раздѣленія ихъ на племена, въ глубокой древности. *Топоръ* считается древне-персидскимъ (сарматскимъ) словомъ (*teber*). *Долото*, лат. *dolatorium*, орудіе для тесанія, и *dolabra* мотыка, кирка, производятъ отъ глагола *dalare* рубить, тесать (русск. долбить). Принимая, однако же, во вниманіе, что бронзовыя долота довольно часто встрѣчаются между сибирскими курганными древностями *) и что они по внѣшней формѣ почти совершенно сходны съ нынѣшними русскими и европейскими (со втулкою), можно думать, что названіе русскаго долота взято не отъ латинскаго *dolabra* или *dalare*, а сформировалось у славянъ на обще-арійской почвѣ, или же самостоятельно. Славяне изстари были плотники по преимуществу. Постройки ихъ были почти исключительно деревянныя, а равно утварь и всѣ домашнія подѣлки предпочтительно работались изъ дерева; по этому естественно, что орудія и

нахъ были найдены и обугленные злаки, *ячмень* и *овесъ* (см. каталогъ Томскаго археологическаго музея, примѣчаніе 29). Въ лѣтописи Нестора и въ другихъ древнихъ русскихъ актахъ о земледѣліи нашихъ предковъ упоминается много разъ, какъ о занятіи давно привычномъ. Такъ напр. подъ 946 г., при описаніи осады древлянскаго города Коростеня княгиня Ольга говоритъ коростенцамъ: «а вси гради ваша предашася мнѣ и *дѣлаютъ нивы своя*, а вы хочете измрети гладомъ».

Въ курганахъ Московской и другихъ губерній сѣверо-западной Россіи языческой эпохи не рѣдко находили женскіе скелеты съ желѣзнымъ *серпомъ* въ рукахъ. Въ южной Россіи встрѣчались и *бронзовые серпы* болѣе отдаленной эпохи. Все это доказываетъ, что земледѣліе было исконнымъ и непрерывнымъ занятіемъ славянъ, начиная отъ скиѳскаго періода. Азіатскіе скиѳы, не смотря на свой полукочевой образъ жизни, не были сыроядцы: они воздѣлывали землю и питались хлѣбомъ, какъ и остальные осѣдлые арійцы.

*) До 1888 г. въ Минусинскомъ музеѣ ихъ было собрано 15 экземпляровъ, въ Томскомъ университетскомъ музеѣ теперь ихъ имѣется около десятка.

термины по этой спеціальности въ славянскомъ языкѣ должны были получить широкое и притомъ самостоятельное развитіе. Подробнѣе объ этомъ предметѣ сказано мною въ 35 примѣч. къ каталогу Томскаго археологическаго музея (1888 г. стр. 112—120). Въ одной изъ слѣдующихъ главъ мы еще возвратимся къ этому вопросу.

Кромѣ перечисленныхъ культурныхъ словъ, въ славянскомъ языкѣ заключается множество другихъ, не менѣе древнихъ и также указывающихъ на непосредственный источникъ духовнаго развитія славянъ во взаимодѣйствіи съ праарійскимъ народомъ. Здѣсь мы получили впервые нравственные и гражданскіе устои, первыя религіозныя идеи (олицетвореніе природы, какъ божества, какъ изображается она въ гимнахъ Ведъ), усвоили извѣстное народное міросозерцаніе, положили основу народному характеру, болѣе мягкому и гуманному, нежели у другихъ западныхъ народовъ, дѣтское воспитаніе которыхъ совершалось подъ вліяніемъ другихъ условій и при другой, болѣе суровой обстановкѣ иноплеменной вражды и борьбы. Обстановка перваго, дѣтскаго воспитанія всегда кладетъ неизгладимую печать на всю жизнь человѣка. Воспитаніе народнаго характера зависитъ отъ тѣхъ же причинъ и даетъ тѣ же послѣдствія. Патріархальный складъ пастушеской жизни на лонѣ природы, въ привольныхъ степяхъ, въ умѣренномъ климатѣ, мирныя занятія земледѣліемъ и скотоводствомъ, отсутствіе опасныхъ враговъ извнѣ,—воспитали въ славянахъ-скиѳахъ тотъ младенчески простодушный оттѣнокъ характера, который донынѣ отличаетъ ихъ отъ западныхъ, болѣе эгоистическихъ племенъ. Эти начала до сихъ поръ живутъ въ славянскомъ и русскомъ простонародьѣ. Красной чертой проходятъ они черезъ всю нашу исторію, начиная съ мирнаго устройства государственнаго быта и добровольно-кроткаго перехода отъ языческихъ вѣрованій къ христіанству, и кончая послѣдними событіями безкорыстнаго освобожденія одноплеменныхъ намъ народностей отъ иноземнаго ига. Покорность Богу, власти и судьбѣ, смиреніе при силѣ и успѣхѣ, терпѣливость въ несчастіи, состраданіе къ слабымъ и угнетеннымъ, твердыя семейныя и общественныя начала, вѣра въ свѣтлую будущность народной жизни, развивающейся послѣдовательно и постепенно изъ самой себя, а не изъ рабскаго подражанія другимъ,—таковы были основные принципы допетровской Руси, таковыми ихъ желательно видѣть и на будущее время, не увлекаясь мишурой европейскаго прогресса. Эти свойства укоренились въ славянской душѣ не со времени принятія христіанскаго ученія; само христіанство нашло уже здѣсь подготовленную, воспріимчивую почву, унаслѣдованную съ младенческихъ временъ народной жизни. Намеки на это опять-таки кроются въ корняхъ славянскаго языка.

Мы уже видѣли, что словомъ *міръ* у насъ выражается понятіе какъ о вселенной, такъ и о гармоніи жизни, о спокойствіи и согласіи. Вселенная,

по взгляду славянина, есть *миръ* и любовь; община и племя обозначаются тѣмъ же словомъ,

Слово *Богъ* сличается съ санскр. *бага*, какъ съ нарицательнымъ именемъ, значащимъ *блаженство, божественную* силу (откуда *багават*—одаренный такою силой, счастливый, богатый. *Багас*—податель благъ. *Багасъ* имѣетъ корень въ глаголѣ *бадж*—распредѣлять, даровать, ущедрить, поэтому санскр. *багас* значитъ также счастіе, благополучіе.

Славянскій языкъ кажется единственнымъ изъ европейскихъ языковъ, въ которомъ понятіе о Богѣ, какъ верховномъ Владыкѣ и промыслителѣ, выражается не въ признакахъ свѣтлаго неба или благодѣтельнаго солнца, а въ непосредственномъ благодѣяніи къ человѣку, въ идеѣ ниспосылаемаго ему свыше счастія. Греч. Θεός, Διός, Ζεῦς, лат. *Deus*, древне-инд. *див* (*дивјами* сіять), отъ *девас*—свѣтлый, обозначали собственно небо, жилище боговъ, потомъ стали олицетворять понятіе о божествѣ, сначала въ солнцѣ, потомъ въ человѣчесомъ образѣ Юпитера громовержца. Славянскій народъ впослѣдствіи также допустилъ у себя языческія искаженія въ понятіяхъ о божествѣ (Дивъ, Перунъ, Стрибогъ и др.), но рѣченіе *Богъ* у него сохранилось въ первоначальной чистотѣ до христіанскихъ временъ. Слово *Господь*, господинъ соотвѣтствуетъ древне-индійскому *джаспати-с*, что значитъ владыка рода (*джас* родит. над. слова *джа*—родъ, *пати*—владыка).

О семейной жизни первобытныхъ арійцевъ Гильфердингъ, основываясь на данныхъ языка, даетъ такое мнѣніе: «Ихъ жизнь преимущественно была семейная; бракъ былъ ея основою, и брачный союзъ имѣлъ у этихъ древнихъ людей такое святое значеніе, что у нихъ вполнѣ господствовало единобрачіе. Свидѣтельствомъ тому служитъ, между прочимъ, опредѣлительность выраженій для обозначенія, во всѣхъ оттѣнкахъ, степеней родства, происходящихъ отъ брачнаго союза,—опредѣлительность возможная только при постоянномъ и единомъ бракѣ: *тесть* и *тещи*, *свекоръ* и *свекровь*, *зять* и *сноха*, *деверь и золовка*,—всѣ эти слова принадлежатъ еще времени первобытнаго арійскаго народа. Общество держалось на родовой связи и признавало своею цѣлію взаимную помощь». Санскр. и зендскія слова, сюда относящіяся, большею частію общи всѣмъ европейскимъ языкамъ, каковы напр. *матар* отецъ, собственно питатель, *матар* мать, *братар* братъ, Bruder, *свасар* сестра, Schwester, *свасура* свекоръ, *девар* деверь, Schwager, *джна* mulier, зенд. *жена*, совершенно созвучное и тождезначущее нашему *жена*, отъ корня *джан* generare, откуда санскр. *джани* человѣкъ, homo.

Мы сдѣлали общій, предварительный, по возможности краткій очеркъ доисторическаго быта индо-европейскихъ народовъ и въ частности нашихъ предковъ славянъ. Эти данныя необходимо было положить въ основаніе изслѣдованій о сибирскихъ древностяхъ, иначе всякое сужденіе о соприкосно-

вѣніи сибирской археологіи съ индоевропейскими народностями показалось бы неожиданнымъ и страннымъ. Восемнадцать вѣковъ безпрерывнаго пребыванія на сѣверо-востокѣ Азіи урало-алтайскихъ племенъ, естественно, заглушили всякій слѣдъ воспоминанія о бывшемъ здѣсь ранѣе того другомъ, арійскомъ населеніи. Но въ такомъ же невѣдѣніи была до текущаго столѣтія европейская наука и о центральной Азіи, какъ общей арійской родинѣ. Научный горизонтъ расширяется по мѣрѣ открытія новыхъ источниковъ знанія. Ассирія, Вавилонъ и Египетъ точно также раскрыли свою недосягаемую прежде старину только въ недавнее время, при помощи археологіи и лингвистики. Сибирь должна пользоваться тѣми-же орудіями знанія.

Принявъ за исходную точку славянскихъ древностей сѣверную страну за Яксартомъ, гдѣ жили Геродотовы саки и массагеты, т. е. нынѣшнюю Сыръ-Дарьинскую и Семирѣченскую области, мы не можемъ иначе разсматривать азіатскую Скиѳію, какъ въ связи съ европейской. Какъ прежде не было между тою и другою рѣзкихъ географическихъ границъ, такъ и нынѣ не представляется почти никакой разницы въ археологическихъ памятникахъ той у другой части Россіи. Затѣмъ, при разсматриваніи поставленнаго нами вопроса, мы должны помнить, что доисторическая археологія имѣетъ дѣло съ эпохами весьма отдаленными. Не арабская культура и не царство Чингисхана наполнили Сибирь археологическими монументами, а тѣ народности, о которыхъ писали греческіе историки за нѣсколько вѣковъ до Р. Х. Бронзовая культура во всякомъ случаѣ лежитъ за предѣлами христіанскаго лѣтосчисленія. То, что писали Геродотъ и Гиппократъ о черноморскихъ скиѳахъ, можетъ быть смѣло отнесено къ скиѳамъ азіатскимъ. Хронологическія частности и значеніе каждой группы памятниковъ выяснятся впослѣдствіи при спеціальномъ ихъ описаніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, смѣю думать, уяснится при дальнѣйшемъ изложеніи настоящаго труда и основная моя мысль о національномъ значеніи сибирскихъ древностей.

ГЛАВА II.

Разселеніе арійцевъ по Европѣ.—Первыя географическія свѣдѣнія о сѣверныхъ европейскихъ странахъ.—Географы: Пифій, Страбонъ и Птоломей.—Извѣстія Тацита о Германіи и Юлія Цезаря о Венетахъ.—Борьба балтійскихъ славянъ съ германцами и участіе ихъ въ образованіи Русскаго Государства.

Въ предыдущей главѣ мы дали краткій очеркъ происхожденія арійцевъ и ихъ переселенія изъ Азіи въ Европу. Тамъ мы имѣли дѣло съ эпохами доисторическими, открытыми наукою въ недавнее время, главнымъ образомъ при помощи сравнительной филологіи. Въ настоящей главѣ мы должны коснуться разселенія народовъ по европейскимъ странамъ, обращая главнѣйшее вниманіе на славянскія старожитности. Цѣль какъ того, такъ и другого очерка состоитъ въ томъ, чтобы по возможности освѣтить почву для нашихъ археологическихъ разысканій и сопоставленій. Для того, чтобы имѣть право говорить о національныхъ древностяхъ той или другой страны, необходимо знать предварительно, что въ данномъ районѣ дѣйствительно жили, или могли находиться тѣ народности, которымъ древности могутъ быть приписываемы по ихъ отличительнымъ признакамъ.

Историческія свѣдѣнія о заселеніи Европы арійскими племенами появляются только послѣ эпохи Троянской войны (900—800 л. до Р. Х). Эта новая, историческая жизнь начинается въ Греціи и Италіи, по берегамъ Средиземнаго и Адріатическаго моря. Вслѣдъ за симъ возникаютъ греческія колоніи по сѣвернымъ берегамъ Чернаго моря, благодаря которымъ греки отчасти знакомятся съ прилежащими мѣстами Европейской Скиѳіи (Южной Россіи) *). Позднѣе выступаютъ на сцену заальпійскія страны, съ которыми знакомятъ насъ римскіе писатели, имѣвшіе дѣло съ Галліей, Бельгіей и Южной Гер-

*) Первыя колоніи грековъ изъ Милета появляются по берегамъ Понта Евксинскаго около половины VII в. до Р. Х. Впослѣдствіи они захватываютъ весь берегъ, отъ устья Дуная до Босфора Киммерійскаго и Дона. Черезъ этихъ колонистовъ греческіе географы получаютъ первыя извѣстія о нашихъ черноморскихъ краяхъ. Затѣмъ около 513 г. до Р. Х. свѣдѣнія эти нѣсколько разширились, благодаря походу Дарія противъ скиѳовъ, въ которомъ принимали участіе и греческія войска изъ Малой Азіи. Но самыя основательныя данныя о Скиѳіи сообщены были классическому міру знаменитымъ историкомъ *Геродотомъ* (родился въ 484 г.), путешествовавшимъ здѣсь около 448 г. до Р. Х. Геродотъ посѣтилъ не только греческія колоніи, но, по видимому, отчасти проникалъ съ караванами и вглубь Черноморскихъ степей.

маніей. Берега Нѣмецкаго и Балтійскаго моря долгое время были извѣстны грекамъ и римлянамъ только по слухамъ, благодаря получаемому оттуда янтарю, считавшемуся въ древности драгоцѣннымъ произведеніемъ природы. Янтаремъ торговали финикіяне; но сами ли они плавали въ эти моря, или получали янтарь изъ вторыхъ рукъ—это остается неизвѣстнымъ. Вѣрно лишь одно, что ранѣе 400 лѣтъ до Р. Х. ни одинъ изъ греческихъ географовъ не посѣщалъ сѣверныхъ морей; объ этихъ моряхъ существовали только смутные слухи, доходившіе и до ушей Геродота во время его путешествія по Скиѳіи.

Первый ученый мореплаватель, лично видѣвшій Нѣмецкое и Балтійское море былъ знаменитый *Пифій*, изъ греческой колоніи Массиліи (нынѣ городъ Марсель). Марсельцы имѣли дѣла съ купцами Тира и Карѳагена, знали отъ нихъ о громадныхъ выгодахъ торговли янтаремъ и оловомъ, привозимыми откуда-то изъ отдаленныхъ сѣверныхъ морей, поэтому рѣшились провѣрить эти слухи и захватить въ свои руки выгодную торговлю. Осуществленіе такихъ плановъ они поручили извѣстнѣйшему въ то время астроному и географу Пифію. Пифій блистательно разрѣшилъ эту задачу, прошелъ черезъ Гибралтаръ и Ламаншъ до сѣверной оконечности Британскихъ острововъ, узналъ мѣста, гдѣ добывалось олово, затѣмъ датскими проливами вошелъ въ Балтійское море до устья Вислы, или Двины и убѣдился, откуда получается янтарь. Это было за 400 лѣтъ до Р. Х.

Изъ путешествія Пифія мы узнаемъ, не считая географическихъ свѣдѣній, относящихся до Нѣмецкаго моря, два факта, имѣющіе непосредственное отношеніе къ нашимъ древностямъ, именно: 1) самая отдаленная рѣка, до которой доходилъ Пифій и откуда получался янтарь, названа имъ по гречески *Танаисъ**) и 2) въ этихъ же мѣстахъ онъ называетъ народъ по имени *Ostiaei*, въ которомъ послѣдующіе комментаторы видятъ предковъ литвы, или нынѣшнихъ эстонцевъ. Названіе *Танаисъ* происходитъ отъ корня *тан* или *дон*, *дну*, означающаго по санскритски рѣку. Отсюда р.р. Донъ, Дунай. Днѣпръ (Danaprіs), Днѣстръ (Danastris) и обѣ русскія Двины (Западная и Сѣверная). Широкое распространеніе этихъ названій, именно въ сѣверовосточной Европѣ, несомнѣнное арійство въ образованіи этихъ именъ и сохраненіе ихъ до настоящаго времени въ устахъ и земляхъ славянскихъ ясно доказываютъ, что и имя западной Двины, упоминаемое Пифіемъ, дано было

---

*) Янтарь шелъ въ Грецію разными путями: 1) по Вислѣ, Бугу и Принети на Днѣпръ 2) по Западной Двинѣ, на Березину и Днѣпръ къ Черному морю, 3) равнинами нынѣшней Польши къ Карпатамъ, въ Паѳонію и къ Адріатическому морю, 4) черезъ нѣмецкія земля и Галлію въ Марсель (Массилію), гдѣ покупали его Финикіяне и Карѳагеняне. Русскими путями, кромѣ янтаря, шли также кожи и другія произведенія сѣвера. Они сосредоточивались въ греческой колоніи *Ольвіи* (основанной въ 655 г. до Р. Х.), откуда моремъ направлялись въ Грецію.

славянскимъ народомъ. Въ этомъ заключается важность приведеннаго свидѣтельства: имя р. Двины и славянскія или литовскія поселенія по ней, значитъ, существовали ранѣе 400 л. до Р. Х. и торговля янтаремъ шла отъ славянъ, литовцевъ, или эстовъ, населявшихъ берега Балтійскаго моря.

Повидимому та же самая рѣка, которую Пифій называетъ Танаисомъ, у Грековъ была извѣстна еще ранѣе подъ именемъ *Ериданa*. Объ ней упоминаетъ Геродотъ, высказывая, впрочемъ, сомнѣніе въ существованіи такой рѣки. „О западныхъ окраинахъ Европы не могу сказать ничего достовѣрнаго", замѣчаетъ отецъ исторіи, „ибо я не допускаю существованія рѣки, которую *варвары называютъ Ериданомъ*, которая будто бы впадаетъ въ сѣверное море и отъ которой, какъ говорятъ, приходитъ янтарь; не знаю я также, дѣйствительно ли существуютъ оловянные острова, съ которыхъ приходитъ къ намъ олово. Во первыхъ, самое названіе *Ериданa*, сочиненное какимъ нибудь поэтомъ, обличаетъ эллинское, а не варварское его происхожденіе; во вторыхъ, не смотря на всѣ мои усилія, я не могу найти ни одного очевидца, который посвидѣтельствовалъ бы, что по ту сторону Европы есть еще море" (Герод. III, 115). Въ этихъ словахъ сказывается степень правдивости сообщеній Геродота. Онъ не вѣритъ слухамъ, а ищетъ очевидца, который засвидѣтельствовалъ бы ему правду сообщаемаго. О варварскомъ названіи Ериданa Геродоту, очевидно, разсказывали черноморскіе греки, или скиѳы, но никто изъ нихъ не бывалъ въ прибалтійскихъ краяхъ. Поэтому ученый путешественникъ не довѣряетъ ихъ разсказамъ, тѣмъ болѣе, что имя Ериданa, давно извѣстное въ Греціи, онъ считаетъ греческимъ, а не туземнымъ (варварскимъ). Это было слишкомъ за 50 лѣтъ до путешествія Пифія въ сѣверныя страны.

Изъ отзыва Геродота, равно и изъ другихъ греческихъ писателей, раньше его жившихъ, видно, что имя рѣки Ериданъ, связанное съ происхожденіемъ янтаря, было извѣстно въ Греціи по меньшей мѣрѣ за 600—700 лѣтъ до Р. Х. Слѣдовательно, съ того же времени жилъ у Балтійскаго моря и народъ, давшій это имя рѣкѣ. Этотъ народъ — были балтійскіе Венеты, о которыхъ будетъ сказано ниже. Въ словѣ *Ериданъ* есть звуки, тождественные съ *Танаисомъ* Пифія, именно санскр. корень *дан* или *дану*, составляющій вторую половину слова. Что касается до первой половины, *ери*, то она соотвѣтствуетъ древне-индійскому *ара* быстрый, *ари* стремительный, жадный, что равносильно славянскому *ярый*. Изъ сложенія этихъ двухъ словъ составляется *ярый—Донъ*, однозвучное древнему Ериданy, о которомъ говоритъ Геродотъ*). Такимъ образомъ имя рѣки, сообщенное Пифіемъ (Танаисъ), есть тотъ же *Ериданъ*, но только безъ прилагательнаго эпитета

*) Гильфердингъ. «Древнѣйшій періодъ исторіи славянъ», гл. II. Венеты, примѣч. 87.

*ери**). Ясно, что это имя не греческое, а мѣстное, народное, славянское. Комментаторы новѣйшихъ временъ его относили то къ Вислѣ, то къ Одрѣ (Одеръ), одинаково славянскимъ рѣкамъ, то къ Западной Двинѣ. Послѣдняя здѣсь болѣе умѣстна уже по тому самому, что въ звукахъ ея имени до сихъ поръ слышится древній корень *дану*, тогда какъ Одра и Висла не сохранили этихъ звуковъ. Въ пользу послѣднихъ двухъ рѣкъ, однакоже, говоритъ то обстоятельство, что близъ устья ихъ болѣе всего встрѣчается янтаря и что Пифій едва ли проникалъ до оконечности Рижскаго залива, не упоминая о другихъ рѣкахъ этого побережья, кромѣ одного Танаиса. Входить въ подробный разборъ этихъ соображеній мы считаемъ здѣсь излишнимъ, такъ какъ наша цѣль при ссылкѣ на Геродота и Пифія заключалась только въ констатированіи факта, что восточное побережье Балтійскаго моря за много вѣковъ до Р. Х. было заселено славянскими и литовскими племенами**).

Дальнѣйшія открытія и свѣдѣнія о странахъ сѣверной Европы принадлежатъ уже не грекамъ, а римлянамъ. Они пріобрѣтались мало по малу, благодаря расширенію границъ и политическаго вліянія Римской Имперіи, преимущественно въ послѣднемъ вѣкѣ до Р. Х. и въ I—II по Р. Х. Между римскими географами этой эпохи наибольшее значеніе для изученія сѣвера имѣютъ: Страбонъ, Помпоній Мела и Птоломей; между историками—Тацитъ для Германіи и Юлій Цезарь для Галліи и для славянскаго народа Венетовъ.

Греческіе и римскіе географы до Р. Х. и даже до начала среднихъ вѣковъ, какъ извѣстно, представляли землю въ видѣ большого острова, окруженнаго со всѣхъ сторонъ океаномъ. Океанъ—это конецъ свѣта. *Post omnia Oceanus, post Oceanum nihil.* Страбонъ изображалъ землю раздѣленною экваторомъ и меридіаномъ на четыре сегмента. Два изъ нихъ лежатъ къ сѣверу отъ экватора и два къ югу. Одинъ только изъ сѣверныхъ сегментовъ соотвѣтствовалъ странамъ, извѣстнымъ грекамъ и римлянамъ, все остальное, т. е. $^3/_4$ земного полушарія было совсѣмъ неизвѣстно. Предѣльный океанъ на югѣ ограничивался сѣверными берегами Африки, Персидскимъ и Аравійскимъ заливами. Имѣлись свѣдѣнія объ Индіи, но довольно смутныя. О Китаѣ и дальнемъ востокѣ совсѣмъ ничего не знали. Страны,

---

*) Присоединеніе къ имени рѣкъ разныхъ эпитетовъ всего обычнѣе у славянъ. У насъ до сихъ поръ говорятъ: тихій Донъ, синій Донъ, матушка Волга, широкій Днѣпръ и т. п.

**) Названіе *Эридант* греческіе географы впослѣдствіи переносили иногда и на нѣкоторыя другія рѣки Адріатическаго побережья. Это дѣлалось либо по неясности представленія объ источникахъ полученія янтаря, либо по существованію тѣхъ же корней въ наименованіи рѣкъ у Адріатическихъ Венетовъ (того же славянскаго колѣна). Латинское имя нынѣшней Роны—*Rodanus*, тоже смѣшивали съ Балтійскимъ Эридановъ, но здѣсь, повидимому, два самостоятельныхъ корня. *Ро* греч. ῥέω, откуда *Ра* (Волга), *Рейнъ*, *Ра-рона*. *Рона*, —и *дану-с*, о которомъ мы говорили выше.

прилежащія къ Атлантическому океану были извѣстны до сѣверной оконечности Британскихъ острововъ; но Пифій и Страбонъ уже упоминаютъ о большихъ островахъ къ сѣверу отъ Германіи, а Плиній передаетъ ихъ имена: *Scandia*, *Dumna*, *Bergos* и *Nerigos* (нынѣшняя Норвегія, называвшаяся въ старину *Norreg* или *Norege*). До Плинія доходили также слухи, что сѣвернѣе острова Nerigos есть еще земля; у римскихъ географовъ она носила названіе *Thule*.—Объ островѣ *Thule*, впрочемъ, упоминалъ еще Пифій, прибавляя, что въ этой странѣ бываетъ время, когда солнце совсѣмъ не скрывается съ горизонта. За *Thule* простирается Ледовитое море, носившее у римлянъ названіе *Cronium**). Здѣсь уже предполагалось какое-то смѣшеніе стихій: ни земля, ни море, въ собственномъ смыслѣ, а смѣсь всѣхъ элементовъ на подобіе мягкой и спонгіозной субстанціи, преграждающей путь кораблямъ и дѣлающей эту часть океана не возможною для пребыванія живыхъ существъ.

Второй сегментъ, обращенный къ сѣверу отъ экватора (по Страбону), т. е. сѣверо-восточная половина земнаго полушарія была извѣстна римлянамъ не дальше прибрежной черноморской полосы и устьевъ Дона. О центральной и сѣверной Скиѳіи (Россіи) имѣли самое смутное представленіе, по слухамъ. О сѣверныхъ берегахъ Каспійскаго моря и областяхъ нижней Волги разсказывались однѣ басни. Помпоній Мела, Страбонъ и Плиній повторяли мнѣніе, будто-бы Каспійское море имѣетъ длинный проливъ, соединяющійся съ Сѣвернымъ океаномъ, а этотъ послѣдній непосредственно сливается съ Восточнымъ и Индійскимъ океаномъ. Такое представленіе было не болѣе какъ гипотеза, основанная только на воображеніи, или, точнѣе сказать, на теоретическомъ представленіи, что земля со всѣхъ сторонъ должна быть окружена водой. За сѣверный проливъ Каспійскаго моря, очевидно, принимались разсказы о Волгѣ, а Сѣверный океанъ, какъ сказано выше, былъ совершенно недоступенъ и неизвѣстенъ далѣе сѣверной оконечности Норвегіи.

Въ числѣ знаменитыхъ географовъ древняго міра необходимо указать еще на Птоломея (около 140 г. по Р. Х.), хотя онъ прибавилъ немного новыхъ свѣдѣній о сѣверныхъ странахъ Европы. Извѣстное уже въ то время Балтійское море онъ именуетъ *Oceanus Sarmaticus*, или *Venedicus sinus*, по имени жившаго здѣсь народа Венетовъ, о которомъ уже упоминалъ Тацитъ. У Птоломея въ первый разъ является имя *славянъ*,—народа, населяющаго равнины Сарматіи. У того же автора въ первый разъ описывается теченіе Волги, носившей тогда названіе *Ра* (Rha) и опровергается старая басня о мнимомъ проливѣ Каспійскаго моря, вливавшемся въ Сѣверный океанъ.

Вотъ въ общихъ чертахъ почти всѣ географическія свѣдѣнія, какія существовали у грековъ и римлянъ о сѣверныхъ странахъ Германіи, Скан-

*) Названіе *Cronium* производятъ отъ кельтскаго слова *croin*, что означаетъ мерзлый.

динавіи и Россіи. Даже въ ближайшихъ частяхъ они были настолько отрывочны и смутны, что по нимъ нельзя было составить никакого яснаго представленія о жизни обитавшихъ здѣсь народовъ, о ихъ племенномъ составѣ и культурномъ строѣ. Этнографическія черты покрывались общими фразами, названіе племенъ передавалось въ общемъ прозвищѣ, либо въ искаженныхъ формахъ греческой и римской транскрипціи.

О сѣверныхъ краяхъ Россіи, а тѣмъ болѣе о странахъ зауральскихъ разсказывались невѣроятныя басни, или даже не было никакого представленія. Объ нихъ знали не больше, если не меньше того, что въ средніе вѣка знали объ Америкѣ, или Австраліи, или что мы теперь предполагаемъ о сѣверномъ или южномъ полюсѣ. Между тѣмъ, на этомъ громадномъ невѣдомомъ пространствѣ сѣвернаго полушарія текла своя жизнь, можетъ быть, не менѣе многолюдная и не менѣе дѣятельная, хотя и болѣе скромная, какъ и въ историческихъ областяхъ древняго міра. Отголоскомъ этой жизни остались только отрывочныя имена народовъ и слѣды географическихъ терминовъ. По этимъ намекамъ, да по безмолвнымъ археологическимъ памятникамъ приходится возстановлять теперь давно забытую сѣдую старину, какъ палеонтологическій слой допотопной исторіи земли.

Въ сочиненіяхъ греческихъ и римскихъ писателей много разъ обращали на себя вниманіе приводимыя ими нѣкоторыя географическія названія крайнихъ сѣверныхъ странъ, очевидно, взятыя изъ языковъ жившихъ тамъ, или посѣщавшихъ эти страны народовъ. Сюда относятся, напр., географическія имена: Cronium, Morimarusa, Baltia, Thule, Rubeas. Филологическое разъясненіе этихъ терминовъ вызывалось не однимъ безцѣльнымъ любопытствомъ: на немъ надѣялись основать нѣкоторыя догадки о доисторической жизни этихъ странъ. Съ тою же цѣлію и мы останавливаемся на этихъ вопросахъ. Описаніе интересующихъ насъ мѣстностей мы беремъ у Плинія. Въ VI книгѣ его Naturalis historiae (гл. 27, 4—7) говорится слѣдующее: «Septentrionalis Oceanus: *Amalchium* eum Hecataeus appellat a Parapamiso amne, qua Scythiam alluit, quod nomen ejus gentis lingua significat congelatum. Philemon *Morimarusam* a Cimbris vocari, hoc est, mortuum mare, usque ad promontorium *Rubeas*; ultra deinde *Cronium*. Xenophon Lampsacenus, a littore Scytharum tridui navigatione, insulam esse immensae magnitudinis, *Baltiam* tradit. Eamdem Pytheas Basiliam nominat».

По приведенному тексту Плинія можно заключить, что Сѣверный океанъ въ прежнее время имѣлъ три названія: восточная его часть, отъ устья рѣки Парапамиза (Сѣверная Двина, или Печора?), текущей изъ Скиѳіи, называлась, по Гекатею, *mare Amalchium*, что на мѣстномъ скиѳскомъ языкѣ означало, будто бы, замерзшее море (congelatum). Слѣдующая за нимъ (къ западу) часть называлась на языкѣ кимбровъ *Morimarusa*, что по мнѣнію Филемона

и Плинія означало мертвое море (mortuum mare). Наконецъ, начиная отъ мыса *Rubeas* (Нордкапъ?), еще далѣе къ западу, океанъ назывался *Cronium*. Можно предполагать, что эти три названія, присвоенныя разнымъ частямъ или заливамъ Сѣвернаго океана, соотвѣтствовали тремъ языкамъ или народностямъ, жившимъ около его береговъ, при чемъ каждое изъ нихъ выражало одно и то же понятіе о стужѣ и мерзлотѣ.

Выше мы уже упоминали, что *Cronium* происходитъ отъ кельтскаго слова *croin*, мерзлый. Слѣдовательно, западный участокъ океана до Нордкапа (Rubeas) получилъ свое имя отъ кельтовъ, или скандинавовъ, посѣщавшихъ это море со стороны Британскихъ острововъ и Норвегіи. Названіе средняго участка океана—*Morimarusa*, очевидно, составлено изъ двухъ словъ: *Mori*—море и *marusa*. Шлецеръ объясняетъ эту вторую половину слова отъ кимрскаго *maru* или арморійскаго *marvus*, что значитъ, мертвый и такимъ образомъ даетъ буквальный переводъ значенія, приведеннаго Плиніемъ—mortuum mare. Не отвергая правдоподобности этого объясненія, мнѣ кажется, можно было бы имѣть здѣсь въ виду и другое словопроизводство, именно славянское, еще болѣе подходящее къ звукамъ и къ смыслу наименованія. *Mori*, какъ въ славянскомъ, такъ и въ древнихъ скандинавскихъ нарѣчіяхъ одинаково означаетъ море. Что же касается до слова *marusa*, то его также возможно произвести отъ глагола мразати, мразъ, морозъ. Въ этомъ смыслѣ Morimarusa имѣло бы значеніе студенаго или ледовитаго моря (море мраза или мороза), какъ оно и до сихъ поръ у насъ называется. Это было бы тоже скандинавское или кельтское *Cronium*, но только на языкѣ другого народа; между тѣмъ какъ толкованіе Шлецера отъ слова мертвый вводитъ совсѣмъ другую идею въ наименованіи, не имѣющую себѣ аналогіи въ сѣверныхъ географическихъ терминахъ и не соотвѣтствующую сущности понятія. Сѣверное студеное море—не мертвое море. Въ немъ кипитъ своя жизнь, привлекающая промышленниковъ, и люди, дающіе ему имя, не могли назвать его мертвымъ. Названіе морозный, студеный, напротивъ того, къ нему еще болѣе подходило, нежели Cronium (замерзшій, congelatum), ибо океанъ, омывающій берега Норвегіи не покрывается сплошнымъ льдомъ, но нагоняетъ стужу.

По описанію Плинія, границею между Cronium и Morimarusa служилъ мысъ *Rubeas*. Относительно этого слова также были высказываемы разныя толкованія. Сопоставляли это слово съ именемъ рѣки Рубонъ (Rhubon) и Рубиконъ, но это нисколько не выясняло его этимологическаго значенія. Принимая во вниманіе, что въ повѣствованіи Плинія promontorium Rubeas указывается какъ граница между Cronium и Morimarusa, нельзя ли предположить, что въ этомъ словѣ могло выражаться значеніе именно пограничной черты. Если Моримарузу считать славянскимъ словомъ, то и Rubeas могло имѣть славян-

скій смыслъ, въ значеніи *рубежъ*, граница. Названіе третьяго моря *Amalchium*, что на мѣстномъ народномъ языкѣ тоже означало, по словамъ Плинія, ледовитое море, mare congelatum, представляетъ еще больше трудностей для объясненія. Шлецеръ по этому поводу замѣчаетъ: „я не въ состояніи объяснить этого имени, но, сколько мнѣ извѣстно, его нельзя произвести съ греческаго языка. Möglich wäre es, dass Stammwort von *Milch* auch zugleich die Wurzel von *Amalchium* wäre, und geronnen bedeutete; aber Möglichkeiten befriedigen mich im Etymologisiren nicht“ *). Мы нарочно привели въ подлинникѣ слова извѣстнаго ученаго Шлецера, чтобы показать, какія невѣроятныя сближенія по части этимологіи высказывались о словѣ Amalchium въ серьезныхъ историческихъ сочиненіяхъ. Если бы было необходимо доискиваться значенія этого слова, то, мнѣ кажется, его слѣдуетъ искать въ финскихъ нарѣчіяхъ, по аналогіи съ первыми двумя названіями сѣвернаго моря, кельтскимъ и славянскимъ. Можетъ быть, не откроется ли здѣсь какого либо родства звуковъ съ именемъ полуострова Ялмалъ, или съ какимъ нибудь другимъ финскимъ словомъ, имѣющимъ отношеніе къ крайнему сѣверу.

Въ атласѣ *Шпрунера* (Atlas antiquus, Gothae 1855) на таб. IX имя *Morimarusa* отнесено къ Балтійскому морю, *Amalchium mare*—къ финскому заливу, а островъ *Thule* поставленъ подъ знакомъ вопроса противъ Исландіи и Шотландскихъ острововъ. На картѣ, приложенной къ сочиненію *Шопинга*, (l. c. 1762 г., p. 101), составленной по даннымъ Помпонія Мелы и Плинія, Thule и Rubeas означаютъ сѣверную оконечность Норвегіи, Morimarusa—океанъ, омывающій эти берега. Такое объясненіе, мнѣ кажется, болѣе согласуется съ текстами древнихъ географовъ, начиная съ Пифія. Главнымъ возраженіемъ противъ этого ставили недоступность Норвежскаго моря для греческихъ и римскихъ судовъ и отсутствіе тамъ какихъ либо практическихъ интересовъ для мореплаванія. Здѣсь не мѣсто касаться подробнаго разбора этихъ вопросовъ, но нельзя не замѣтить, что крайній сѣверъ Россіи и Норвегіи съ отдаленныхъ временъ снабжалъ Европу дорогими мѣхами, а можетъ быть и другими произведеніями, слѣдовательно, здѣсь должны были существовать промыслы и торговля, благодаря которымъ мѣстные мореходцы (балтійскіе венеты и скандинавы) могли посѣщать эти страны и сообщать о нихъ свѣдѣнія Грекамъ и Римлянамъ. По этой причинѣ и географическія имена сѣверныхъ странъ были усвоены древними писателями съ языковъ посѣщавшихъ эти страны народовъ.

Изъ географическихъ именъ мы должны еще сказать о Thule и о словѣ Baltia. Эти слова много разъ возбуждали любопытство историковъ, надѣявшихся раскрытіемъ ихъ этимологіи выяснить—какимъ народомъ даны были

*) *Chöning* Gerhard. Vorläufige Abhandlung von der Unwissenheit der alten Griechen und Römer in der Erd und Geschichtkunde des Nordens, p. 114.

эти названія. Это было тѣмъ болѣе любопытно, что слово *Thule*, сообщенное Пифію, принадлежитъ къ весьма древнимъ географическимъ названіямъ, слѣдовательно, подобно Ериданy, оно можетъ указывать на эпоху посѣщенія крайнихъ сѣверныхъ странъ тѣмъ народомъ, въ языкѣ котораго существовало это слово. Разъясненіе этого слова, однакоже, оказалось крайне труднымъ. Высказывалось предположеніе, будто бы Thule должно имѣть финикійское происхожденіе, на томъ основаніи, что финикіяне раньше Пифія посѣщали эти мѣста. Отъ финикіянъ оно усвоено греками, а отъ грековъ перешло въ Скандинавію, гдѣ оно натурализировалось и сохранилось до новѣйшаго времени въ имени одной изъ Норвежскихъ провинцій—*Thielemark*, жители коей издавна носятъ прозваніе *Thilir* (*Schöning*, l. c. § 12 p. 19). Во всякомъ случаѣ это слово не имѣетъ ни кельтскаго, ни германскаго корня. Объясненіе его съ финикійскаго языка основано только на исторической догадкѣ, ничѣмъ недоказанной. Поэтому, не зная лучшаго объясненія, я позволяю себѣ высказать догадку о славянскомъ происхожденіи слова *Thule*, болѣе гармонирующую съ географическими и историческими данными о посѣщеніи сѣверныхъ странъ славянскими мореходцами, именно Венетами.

Въ славянскомъ языкѣ есть глаголъ *тулити*—выгибать, дѣлать на чемъ нибудь выпуклость, или впадину; за тѣмъ, *тулиться*—прижиматься къ чему, прятаться, закрывать; *тула*, *затулье*,—скрытое, недоступное мѣсто, ц. сл. *тулъ*—колчанъ, коробка, или мѣшокъ, гдѣ хранятся стрѣлы (Словарь Даля). Сюда же можетъ быть отнесено и имя города *Тулы**), а можетъ быть и французскаго *Тулона*. Основа этихъ словъ тулъ, тулити, существуетъ во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ—восточныхъ и западныхъ, слѣдовательно, это слово древнее и общеславянское**). По значенію своему оно могло бы вполнѣ соотвѣтствовать норвежскимъ фіордамъ, узкимъ заливамъ, или закрытымъ гаванямъ, глубоко врѣзывающимся въ материкъ. Эта характерная особенность норвежскаго берега могла дать поводъ къ названію *Thule*, въ славянскомъ смыслѣ означающему убѣжище, пристань, закрытое мѣсто. Если мое объясненіе вѣрно, то оно могло бы служить, наравнѣ съ именемъ Morimarusa и Rubeas, новымъ доказательствомъ усвоенной греками славянской номенклатуры нѣкоторыхъ частей Сѣвернаго океана, а, слѣдовательно, и давнишняго знакомства славянскихъ мореходовъ съ этими далекими странами.

*) Въ географическомъ словарѣ *Щекатова* о городѣ *Тулѣ* сказано: „Самое названіе его доказываетъ, что созидали его первобытные жители сихъ странъ, Сарматы, или Чудскіе народы... Древняя Тула не на томъ была мѣстѣ, гдѣ находилась впослѣдствіи и гдѣ находится нынѣ. Въ настоящей окружности города есть мѣсто доднесь называемое *городищемъ*; находится оно на правой сторонѣ р. Упы, при устьѣ рѣки Тулицы. На этомъ мѣстѣ и былъ древній городъ Тула".

**) *Becke* (Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка. Казань 1890 г.) считаетъ финскія слова: *tul—tulk*—втулка, *tulo*, кранъ, заимствованными изъ славянскаго языка (стр. 231).

Тоже самое говоритъ намъ и имя *Балтійскаго моря* съ *Бельтскими* проливами. Слово *Baltia* не менѣе древне, какъ и Thule. О немъ также упоминаетъ Пифій, но въ греческой передѣлкѣ называетъ его *Basilia*, разумѣя подъ этимъ именемъ большой островъ, лежащій въ трехъ дняхъ морскаго пути отъ скиѳскихъ береговъ. Позднѣйшіе греческіе и римскіе писатели имя *Baltia* относили къ морю, которое и до сихъ поръ такъ называется. Если во время Пифія и существовалъ островъ Baltia (Basilia), то онъ назывался по имени окружающаго его моря.

Происхожденіе слова *Baltia* также чуждо нѣмецкому языку. Проф. Шонингъ высказывалъ догадку, не разумѣлось ли встарину подъ этимъ словомъ понятіе о заливѣ, или о такомъ морѣ, которое окружало Скандинавію какъ поясомъ (l. c. p. 24). Такое предположеніе ни на чемъ не основано и никѣмъ болѣе не поддерживалось *Шлецеръ* указалъ, что имя *Baltia* и *Balticum mare* происходитъ отъ древне-прусскаго слова и значитъ *бѣлое море* (weisse Meer). Отсюда же названіе проливовъ—*Бельтъ*. Мы уже говорили выше, что подъ древне-прусскимъ языкомъ разумѣется собственно древанское нарѣчіе литовскаго или славянскаго языка; слѣдовательно, слово *Balt, Belt*, или *бѣлъ, бѣлый*—не скандинавское, или нѣмецкое, а славянское слово*). Литовск. *baltas*, лет. *balt* значитъ бѣлый, отсюда болгарское *бѣлтък*, бѣлокъ. Такимъ образомъ мы вправѣ думать, что Балтійское море получило свое имя отъ славянъ, или литовцевъ, жившихъ на его берегахъ, вѣроятнѣе всего отъ Венетовъ, съ давнихъ временъ отличавшихся мореходными способностями и державшихъ въ своихъ рукахъ сѣверную морскую торговлю. (См. ниже ссылку на Юлія Цезаря). Они же, Венеты, посѣщали, вѣроятно, гавани (фіорды) Норвежскаго берега и дали имъ названіе *Туле*, сдѣлавшееся потомъ столь извѣстнымъ у греческихъ и римскихъ географовъ. Если принять при этомъ во вниманіе названіе мыса *Rubeas* и считать его за венетское слово—рубежъ, граница, то можно было бы заключить отсюда о существовавшемъ въ былое время разграниченіи сѣверныхъ морскихъ промысловъ между славянами и британскими кельтами или скандинавами: море по восточную сторону Нордкапа считалось въ рубежѣ славянскомъ, а по западную —въ британскомъ, или скандинавскомъ (Cronium). Таково могло быть естественное разграниченіе сѣверныхъ норвежскихъ фіордовъ между скандинавскими и славянскими промышленниками, дорожившими Сѣвернымъ океаномъ и его прибрежными странами, какъ источникомъ прибыльной морской торговли.

Съ наступленіемъ среднихъ вѣковъ прекратились всѣ дальнѣйшія свѣдѣнія о земляхъ глубокаго сѣвера, не считая, конечно, Скандинавіи и Бри-

*) Сравни *Балканы*, озеро *Балкашъ* (Балхашъ), русск. *Былуха, бѣлки*, снѣжныя горы. Корень *бѣлъ* считается праславянскимъ, равно какъ и слова: *бѣлокъ* (яичный) и *бѣлмо* (Будиловичъ).

танскихъ острововъ. Только въ концѣ VIII в. снова появляется имя *Туле*, связанное съ Исландіей. Въ 795 г. ирландскимъ монахамъ удалось проникнуть на этотъ островъ, гдѣ они оставались около шести мѣсяцевъ. Затѣмъ въ 861—878 г. въ Исландіи появляются первыя норвежскія и датскія колоніи и островъ получилъ имя *Iceland* на томъ основаніи, что его временами окружаютъ плавучіе сѣверные льды. Послѣ того, норвежцами же была открыта Гренландія, а въ концѣ перваго тысячелѣтія послѣ Р. Х. имъ удалось случайно проникнуть сѣвернымъ океаномъ до береговъ Америки (Гудзонова залива), за 500 лѣтъ раньше Колумба*).

Такимъ образомъ въ исторіи открытій на Ледовитомъ океанѣ является какъ бы двѣ эпохи, отдѣленныя другъ отъ друга цѣлымъ рядомъ вѣковъ: одна древнѣйшая, о которой извѣстно со временъ Пифія, другая—средневѣковая, норвежская. Но было-ли это открытіе однихъ и тѣхъ же странъ? Дѣйствительно-ли Исландія была извѣстна греческимъ и римскимъ географамъ и къ ней-ли именно могло относиться названіе *Thule*? Изъ данныхъ VIII—IX вѣка, мнѣ кажется, этого не вытекаетъ. Исландія—не Америка. Она отстоитъ отъ Шотландіи и Норвегіи всего на 3—4 дня паруснаго плаванія, поэтому трудно допустить, чтобы, разъ открытая, она могла быть совершенно забыта ирландцами и норвежцами послѣдующихъ столѣтій. Если бы даже она считалась не пригодною ни для промысловъ, ни для поселеній, то все же имя этой новой земли сохранилось бы въ народной памяти. Между тѣмъ при вторичномъ (сомнительномъ) открытіи островъ названъ былъ не Thule, а Исландіей. Первое изъ этихъ именъ, очевидно, къ нему не относилось, и если *Dicuil*, сообщившій свѣдѣнія о первомъ путешествіи въ Исландію ирландскихъ монаховъ, присвоилъ этому острову классическое имя *Thule*, то онъ, вѣроятно, руководился не реальнымъ, а книжнымъ (латинскимъ) значеніемъ этого слова. Въ дѣйствительности это старое названіе относилось не къ Исландіи, а къ норвежскимъ гаванямъ, но съ удаленіемъ отсюда Венетовъ оно было забыто и замѣнено норвежскимъ названіемъ фіордовъ.

Касаясь средневѣковой исторіи сѣвернаго океана, кстати здѣсь упомянуть, что въ нынѣшнемъ Кольскомъ уѣздѣ сохранилось два географическихъ имени, указывающихъ на посѣщеніе этихъ береговъ норманнами и варягами. Это именно—*Мурманскій, берегъ***) и *Варангскій заливъ*. Первое названіе передѣлано съ скандинавскаго—*норманскій*, а второе указываетъ на имя варяговъ, примѣненное къ заливу норвежцами. *Waranger-fiord* находится, какъ извѣстно, къ сѣверо-западу отъ Колы, между полуостровомъ Рыбачьимъ и сѣверовосточнымъ берегомъ Норвегіи. То и другое названіе, очевидно, относятся къ тому времени, когда имя норманновъ было

*) *Vivien de Saint Martin.* Histoire de la Géographie. Paris 1873, p. 386.

*) Такъ называется прибрежье Сѣвернаго океана отъ Святаго носа до Кольской губы.

общеупотребительно, какъ оно понимается историками, а имя варяговъ не утратило еще своего русскаго значенія, въ какомъ понималъ его Несторъ. Слѣдовательно, эти названія могли возникнуть не позднѣе X—XII вѣка, одно на русскомъ языкѣ, взятое съ скандинавскаго (мурманскій вмѣсто норманскій), другое на норвежскомъ, взятое съ русскаго (варангскій вмѣсто варяжскій заливъ, соотвѣтственно имени Вяряжскаго моря).

Русскіе историческіе акты не даютъ намъ обстоятельныхъ свѣдѣній, съ какого времени новгородцы стали посѣщать берега Сѣвернаго океана. Документальныя данныя по этому вопросу появляются не ранѣе XI вѣка. Въ актахъ подъ 1264 г. уже упоминается имя Колы, какъ населеннаго пункта, гдѣ новгородцы имѣли рыбные промыслы. Въ 1421 г. была основана на Бѣломъ морѣ Соловецкая обитель. Имя *Холмогоры* упоминается въ грамотѣ вел. кн. Іоанна Іоанновича, въ 1355 г. «къ Двинскому посаднику на Колмагоры и къ боярамъ двинскимъ». Первыя наши лѣтописныя свѣдѣнія о томъ, что новгородцы проникли въ Заонежье и въ Лопскую землю, относятся ко временамъ Ярослава I, т. е. къ XI вѣку. Но этими фактическими данными едва-ли можно ограничивать времена посѣщенія русскими сѣверныхъ морей. Въ скандинавскихъ источникахъ есть намеки на существовавшую въ IX вѣкѣ при устьяхъ рѣкъ Сѣвёрной Двины и Печоры значительную торговлю, при чемъ упоминаются населенныя мѣста *Гольмгардъ* (Холмградъ, Холмогоры?) и *Біармія*, или наша Великая Пермь. Сопоставляя эти данныя съ приведеннымъ выше указаніемъ на имена Мурманскаго*) берега и Варангскаго залива, мы можемъ не безъ основанія предполагать, что сѣверныя моря были извѣстны и эксплоатировались новгородцами ранѣе основанія Русскаго государства. Новгородцы промышляли здѣсь по слѣдамъ варяговъ и норманновъ, какъ ближайшіе ихъ ученики и наслѣдники.

Такимъ образомъ до IX в. мы можемъ говорить съ нѣкоторою увѣренностью, что норманны и славяне имѣли торговые промыслы на берегахъ Ледовитаго моря и могли оставить здѣсь слѣды географическихъ именъ, взятыхъ съ ихъ языка. Но какія историческія доказательства мы представимъ о славянскомъ происхожденіи названій *Thule*, *Rubeas* и *Morimarusa*? Времена Плинія и Страбона очень еще далеки отъ IX вѣка. Мы не можемъ подтвердить прямыми историческими ссылками, что сѣверная промышленность въ I—II в. послѣ Р. Х. также была въ славянскихъ рукахъ, какъ и въ IX—X вѣкѣ. Но въ данномъ вопросѣ едва-ли можно и требовать такихъ ссылокъ. Ихъ могутъ замѣнить косвенныя доказательства и общія историческія соображенія.

---

*) Названіе *Мурманскаго* берега происходитъ отъ *Мурмановъ*, подъ которыми разумѣли также новгородскихъ славянъ мореходовъ, промышлявшихъ на Сѣверномъ океанѣ. О происхожденіи слова варягъ см. ниже въ этой же главѣ.

Древняя исторія Греціи. и Рима даетъ указанія на обширную торговлю, существовавшую между сѣверными областями нынѣшней Россіи и классическою Европою. Греческія черноморскія колоніи торговали не однимъ янтаремъ, русскимъ хлѣбомъ и рыбой, но и нѣкоторыми произведеніями сѣвера, въ томъ числѣ дорогими мѣхами пушныхъ звѣрей. Звѣроловный промыселъ, какъ нынѣ, такъ и въ древности, могъ существовать только въ лѣсныхъ сѣверныхъ странахъ, гдѣ имъ занимались по преимуществу мѣстные жители—финскія племена. Пушнина направлялась къ греческимъ колоніямъ и къ Дунаю болѣе всего привычнымъ варяжскимъ путемъ, т. е. отъ Балтійскаго моря, и лишь частію по Волгѣ и Дону. Посредниками этой торговли были предки новгородцевъ и балтійскіе венеты. О послѣднихъ мы имѣемъ точныя свѣдѣнія, сообщаемыя Юліемъ Цезаремъ, что они имѣли отличный флотъ и «вся торговля сѣверныхъ морей была въ ихъ рукахъ». Если венетскіе корабли плавали по Балтійскому и Нѣмецкому морю, то не представляется повода отрицать, что они могли проникать и въ норвежскія гавани, а можетъ быть и въ Бѣлое море. Сюда могла привлекать Венетовъ выгодная торговля съ финскими инородцами, подобно тому, какъ впослѣдствіи тѣ же стимулы направляли новгородцевъ къ Сѣверному морю, заставляя основывать здѣсь промышленныя колоніи и факторіи, или, позднѣе,—русскихъ казаковъ въ далекіе края вновь открытой Сибири, до Камчатки включительно. Какъ природа и ея богатства остаются неизмѣнными въ теченіи цѣлыхъ тысячелѣтій, такъ и людскія потребности и способы ихъ удовлетворенія требуютъ однихъ и тѣхъ же средствъ. Исторія промышленности и торговли сплошь и рядомъ даетъ намъ примѣры поразительнаго консерватизма въ повтореніи однѣхъ и тѣхъ же традицій, если только не мѣняются существенно природныя условія страны и международныя отношенія людей. Съ этой точки зрѣнія я не вижу принципіальнаго затрудненія въ попыткѣ усмотрѣть въ древнихъ географическихъ терминахъ сѣверныхъ морей элементы венетскаго или славянскаго языка, если нельзя подыскать для этихъ словъ другого, болѣе удовлетворительнаго объясненія.

Познакомившись съ географическими открытіями въ Сѣверныхъ моряхъ, перейдемъ теперь къ римскимъ историкамъ. Изъ нихъ *Тацитъ*. считается важнѣйшимъ для ознакомленія съ древнимъ бытомъ Германіи, а Юлій Цезарь—для ознакомленія съ Галліей, и въ особенности съ жившими тамъ, на берегу моря, Венетами. Въ сочиненіи Тацита De moribus Germanorum описываются почти неизвѣстныя, или мало извѣстныя до того времени страны между Рейномъ и Сарматіей и по берегамъ Нѣмецкаго моря. Тациту была хорошо извѣстна южная и западная часть Германіи (прилегавшая къ Галліи и Бельгіи), гораздо меньше—центральная ея часть и весьма поверхностно (по разсказамъ) сѣверовосточная часть, примыкавшая къ сарматскимъ

равнинамъ. Здѣсь онъ упоминаетъ о венетахъ и финнахъ, сообщаетъ нѣкоторыя частныя черты ихъ жизни, не лишенныя значенія при оцѣнкѣ въ настоящее время археологическихъ памятниковъ этихъ странъ. Въ перечисленіи народныхъ именъ Тацитъ приводитъ очень много частныхъ наименованій, едва-ли точно переданныхъ и потому не имѣющихъ большого значенія. Этнографическое раздѣленіе народностей представляется имъ очень смутно, точно также какъ и границы ихъ областей. Будучи ближе всего знакомъ съ южными и западными германцами и имѣя этихъ послѣднихъ цѣлію своего описанія, Тацитъ включаетъ иногда въ составъ германскихъ народностей смежныя съ ними славянскія племена, не дѣлая между ними строгаго разграниченія.

Германію Тацитъ описываетъ, какъ страну малодоступную и весьма слабо культивированную, сравнительно съ Галліей. Она была покрыта лѣсами и болотами, имѣла суровый и влажный климатъ, не представляя въ себѣ ничего привлекательнаго: ни ископаемыхъ богатствъ, ни особенно плодородныхъ земель. Германцы считаются здѣсь аборигенами: „не было между ними примѣси ни другихъ пришлыхъ народовъ, ни гостей.“ „Да и кому вздумается, замѣчаетъ Тацитъ, стремиться въ Германію: невеселъ тамъ видъ земли, суровъ климатъ; все навѣваетъ скуку и печаль, не говоря уже объ опасностяхъ грознаго и малоизвѣстнаго моря.“ Сами германцы издревле пришли сюда не сухимъ путемъ, но на судахъ, разыскивая новыя мѣста для жительства“ (§ 2). Послѣднее замѣчаніе, если видѣть въ немъ отголосокъ старыхъ преданій, было бы любопытно въ томъ отношеніи, что оно могло бы служить намекомъ на распространеніе германцевъ съ ихъ первоначальной арійской родины не черезъ Малую Азію, или южную Россію, а сѣвернымъ путемъ, черезъ сѣверныя Сибирскія рѣки и Скандинавію. Этимъ можно было бы объяснить раннее заселеніе Швеціи и Норвегіи, и также и то обстоятельство, что германцы заняли въ Европѣ такую невыгодную, въ смыслѣ границъ, территорію, окруженную со всѣхъ сторонъ враждебными племенами,—галлами и славянами.

О наружности германцевъ Тацитъ даетъ такой отзывъ: „народы Германіи не получили примѣси чужой крови отъ помѣсей съ какими либо чужими народами; они образуютъ племя особое, чистой крови и только на себя похожее. Оттого при огромной численности людей, они всѣ имѣютъ одинаковый тѣлесный обликъ: суровые выраженіемъ голубые глаза, рыжіе (бѣлокурые или русые) волосы; тѣломъ они массивны, но сильны только для перваго натиска. Для трудовъ и работъ они не достаточно терпѣливы. Жажду и жаръ они вовсе не въ состояніи переносить, а къ холоду и недостатку пріучили ихъ климатъ и почва“ (§ 4).

„Достаточно извѣстно, что ни одинъ германскій народъ не живетъ въ городахъ; они не могутъ даже выносить жилищъ, стоящихъ въ связи одно

съ другимъ. Живутъ они отдѣльно и порознь, гдѣ кому понравились источникъ, поле или роща. Села они строятъ не по нашему обычаю, соединенными вмѣстѣ и смыкающимися строеніями, но каждый заботится, чтобы около его дома было пустое мѣсто... Не употребляютъ они въ дѣло (при постройкахъ) ни извести, ни черепицы, а—только самый грубый матеріалъ, нисколько не думая о красотѣ наружнаго вида и объ удовольствіи" (§ 16). Въ этихъ словахъ Тацита ясно выражается старая германская привычка жить особнякомъ, въ розницу, отдѣльными усадьбами, а не селомъ или общиной. Это коренная народная германская черта, сохранившаяся до сихъ поръ въ нѣмецкой деревнѣ, въ противоположность славянскому обычаю ютиться въ кучу, жить міромъ и общимъ мірскимъ умомъ.—Такъ долговѣчны и устойчивы народныя склонности!

Германцы во времена Тацита занимались земледѣліемъ, но еще болѣе любили скотоводство. „Въ серебрѣ и золотѣ имъ отказали боги". Собственной монеты у нихъ не было; товаръ мѣнялся на товаръ, хотя въ областяхъ смежныхъ съ Галліею начинали привыкать къ римской серебряной монетѣ. Желѣза было также мало. „Рѣдкіе изъ германцевъ, замѣчаетъ Тацитъ, употребляютъ мечи, или длинныя копья. Они носятъ пики, называя ихъ по своему фрамеями, съ желѣзнымъ наконечникомъ, короткимъ и узкимъ. Всадники довольствуются щитомъ и фрамеею, а пѣшіе бросаютъ и дротики, которыхъ у каждаго по многу. У нихъ нѣтъ стремленія хвалиться убранствомъ; только щиты расцвѣчиваютъ они самыми отборными красками. У немногихъ есть панцыри, и съ трудомъ найдешь у одного или двухъ шлемъ или каску", (§ 5и 6). „Одежда у всѣхъ—короткій плащъ, который держится на пряжкѣ, а если ея нѣтъ, то на колючкѣ терновника. Впрочемъ, они безъ всякой одежды проводятъ цѣлые дни у очага и огня. Самые богатые отличаются одеждою не волнующеюся, какую носятъ сарматы и парфы, но тѣсною и плотно обхватывающею члены порознь. Носятъ они и шкуры звѣрей (мѣховое платье),—тѣ, которые живутъ ближе къ берегу Рейна, нерадиво, а тѣ, которые живутъ подальше—съ большою изысканностью, обшивая шкуры мѣхами животныхъ, которыхъ производитъ внѣшній (самый отдаленный) океанъ и невѣдомое море. Одежда женщинъ отличается отъ одежды мужчинъ развѣ только тѣмъ, что женщины чаще носятъ льняныя ткани, прошивая ихъ краснымъ: но верхнюю часть одежды онѣ не продолжаютъ въ рукава—плечи и руки остаются голыми, да и ближайшая часть груди остается не покрытою» (§ 17).

О воспитаніи дѣтей у германцевъ Тацитъ говоритъ, что въ «каждомъ домѣ выростаютъ онѣ, обнаженныя и неопрятныя, до такихъ громадныхъ тѣлъ, до тѣхъ огромныхъ членовъ, которые для насъ составляютъ предметъ удивленія. Каждаго мать выкармливаетъ своими сосцами, не ввѣряя служан-

камъ и кормилицамъ. Ни господина, ни слугу не отличишь никакими утонченностями воспитанія, пока возрастъ не отдѣлитъ свободно рожденныхъ, пока доблесть не обнаружитъ ихъ» (§ 20).

При погребеніи у германцевъ существовалъ обычай сожиганія труповъ. При этомъ «обрядъ сожиганія былъ одинаковъ для знатныхъ и бѣдныхъ, наблюдалось только, чтобы трупы знатныхъ людей сожигались извѣстнаго рода деревомъ; но костра не украшали ни одеждами, ни благовоніями; клали туда только оружіе умершаго, нѣкоторымъ присоединяли и коня. Могильный холмъ сооружался *изъ дерна*». Тяжелую постройку памятниковъ германцы отвергали, по словамъ Тацита, «съ пренебреженіемъ, въ томъ убѣжденіи, что онъ служитъ лишь бременемъ для отшедшаго» (§ 27).

Такова была южная Германія въ концѣ перваго вѣка нашей эры. Земледѣльческая культура здѣсь находилась еще въ зачаточномъ состояніи, равно какъ и промышленность (для собственнаго обихода). Изъ металловъ добывали и обработывали, только желѣзо, и то въ очень ограниченномъ размѣрѣ. О добычѣ мѣди и о мѣдныхъ орудіяхъ и оружіи Тацитъ не упоминаетъ: германцы, очевидно, находились уже въ желѣзномъ вѣкѣ, какъ и вся Европа того времени. Желѣзо употреблялось для издѣлій не потому, чтобы оно предпочиталось мѣди, а потому, что было доступнѣе. Мѣдные рудники еще не были открыты въ этихъ странахъ, точно также какъ серебро, свинецъ и золото.

Трудно сказать, были-ли знакомы германцы съ дорогими металлами ранѣе водворенія въ Германіи. Объ этомъ можно было бы судить по названію металловъ, сохранившемуся въ нѣмецкомъ языкѣ. Слово *Gold* повидимому не древняго происхожденія (ср. *Geld* деньги, *gelten* имѣть силу, вѣсъ, значеніе), *Silber*—сходно съ славянскимъ серебро, *Kupfer*—взято съ латинскаго cuprum, *Zinn*—производятъ отъ прилагательнаго синій, какъ и *Blei* (свинецъ) отъ *blau* (синій, голубой). Такая терминологія не говоритъ въ пользу древняго и самостоятельнаго знакомства германцевъ съ металлами. Скорѣе она согласуется съ повѣствованіемъ Тацита, по словамъ котораго въ Германіи никто не искалъ ни золотыхъ, ни серебряныхъ жилъ и что германцы, не слишкомъ дорожатъ владѣніемъ и употребленіемъ этихъ металловъ: «можно видѣть у нихъ серебряныя чаши, *данныя въ даръ* ихъ посламъ и старѣйшинамъ; они имъ даютъ такое же безразличное и простое употребленіе, какъ и глинянымъ сосудамъ». «Впрочемъ, прибавляетъ Тацитъ, тѣ изъ германцевъ, которые живутъ ближе по Рейну, выучились вслѣдствіе торговыхъ сношеній, узнавать и цѣнить нѣкоторые виды нашихъ монетъ. Серебряную монету они предпочитаютъ золотой, не по какому либо особому расположенію къ этому металлу, но потому, что мелкая серебряная монета удобнѣе для употребленія при ихъ разнообразныхъ и не дорогихъ покупкахъ» (§ 5).

Земледѣльческая культура Германіи, судя по даннымъ языка, представляетъ больше самостоятельности и древности, хотя и въ этой области въ языкѣ германцевъ встрѣчаются не мало заимствованныхъ, или общихъ съ славянскими и латинскими словъ. Таковы напр. *Pflug*—плугъ, *Pflugeisen*, *Pflugschaar*, dens aratri, лемешъ; *Mühle* mola, млинъ (жерновъ); *Korn*, зерно, granum, *Roggen*, рожь, *Garten*, hortus, *Stroh*, stramentum (солома), *Egge*, осса, отъ occare боронить и т. п. Вообще можно сказать, что нѣмецкая земледѣльческая и промышленная терминологія въ древности значительно уступала славянской, имѣющей для большинства понятій собственные праславянскіе корни, тогда какъ нѣмецкій языкъ даетъ въ этомъ отношеніи массу новыхъ словъ, сформировавшихся подъ вліяніемъ латинской и славянской культуры. Тоже подтверждаютъ и археологическіе факты. На исконныхъ нѣмецкихъ земляхъ не оказывается ничего подобнаго тому богатству и разнообразію содержимаго курганныхъ могилъ, какое представляютъ намъ гробницы черноморскихъ скиѳовъ. Отсюда можно было бы заключить, что въ эпоху около Р. Х. и въ первые вѣка послѣ того скифская культура стояла выше германской. Скиѳія представляла къ тому несравненно болѣе выгодныя условія и по своему мѣстоположенію (плодородныя равнины южной Россіи), и по непосредственной связи съ цвѣтущими государствами Греціи и передней Азіи, откуда притекали на сѣверъ богатства и познанія. Что же касается Германіи, то она долгое время (до первыхъ вѣковъ по Р. Х.) представляла страну изолированную и по природѣ своей неподготовленную къ процвѣтанію культурной жизни (горы, лѣса и болота). Нужно было положить много труда и усилія, чтобы разчистить эти дебри и создать здѣсь болѣе высокій общественный строй.

Мы уже сказали выше, что до Р. Х. центральная Германія была мало извѣстна и почти не доступна ни грекамъ, ни римлянамъ. Въ вѣкъ Юлія Цезаря и Тацита сюда въ первый разъ стали проникать со стороны Галліи римскія культурныя идеи. Въ то же время сѣверъ и востокъ Германіи продолжалъ оставаться подъ воздѣйствіемъ смежнаго славянства (Венетовъ, Бойевъ или Богемцевъ и Сербовъ), служившаго посредникомъ или проводникомъ въ центральную Германію восточныхъ культурныхъ началъ. Такимъ образомъ нѣмецкій народъ долженъ былъ развиваться подъ вліяніемъ съ одной стороны славянскихъ элементовъ, съ другой галльскихъ или римскихъ. То и другое отразилось на его языкѣ и культурѣ. Славянское вліяніе особенно отпечатлѣлось на языкѣ сѣверной Пруссіи и на ея этнографическихъ помѣсяхъ, галльское и римское—на языкѣ и государственномъ строѣ южной Германіи.

Свѣдѣнія Тацита о сѣверной Германіи были далеко не такъ полны и точны. Еще меньше онъ зналъ о прибрежныхъ краяхъ Нѣмецкаго и Сарматскаго или Венетскаго (Балтійскаго) моря, хотя и здѣсь его указанія

имѣютъ большую историческую цѣну. Онъ, точно также какъ и Пифій, помѣщаетъ въ сосѣдствѣ съ сѣверо-восточною Германіей народъ *Эстіевъ**), далѣе за ними *Певкиновъ*, *Венетовъ и Финновъ*, хотя и высказываетъ сомнѣніе, къ какому племени отнести эти народности—къ германцамъ, или къ сарматамъ. Отъ римскаго писателя того времени и невозможно было ожидать точной этнографической группировки малоизвѣстныхъ народовъ. Но тѣмъ не менѣе упоминаніе объ Эстіяхъ (литовцахъ), Венетахъ и Финнахъ важно уже по тому самому, что оно констатируетъ пребываніе этихъ народностей въ концѣ перваго вѣка на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, гдѣ находилъ ихъ Пифій за 500 лѣтъ раньше. Кромѣ того, Тацитъ пополняетъ эти свѣдѣнія нѣкоторыми весьма характерными чертами быта упоминаемыхъ имъ народностей, что имѣетъ большое значеніе для археологіи. Объ Эстахъ онъ говоритъ, что «обычаи и наружность ихъ свевскіе, а языкъ ближе къ британскому; употребленіе желѣза у нихъ рѣдко, а больше въ ходу палки. Они чтутъ матерь боговъ, и занимаются хлѣбопашествомъ, и съ большимъ терпѣніемъ, чѣмъ какое совмѣстно съ обычною въ этомъ отношеніи лѣнью Германцевъ. Они производятъ поиски въ самомъ даже океанѣ, и только они одни, по словамъ Тацита, собираютъ по мелководнымъ мѣстамъ и по берегу янтарь, который они сами называютъ глезомъ» (§ 45).

Финновъ Тацитъ описываетъ въ очень непривлекательномъ видѣ. «Не имѣютъ они (Финны) ни оружія, ни коней, ни домашняго пріюта; питаются травой, одѣваются шкурами, спятъ на землѣ. Единственная ихъ надежда на стрѣлы, а у нихъ, за недостаткомъ желѣза, дѣлаютъ остріе *изъ кости***). И мужчины и женщины одинаково кормятся охотою; послѣднія вездѣ сопровождаютъ первыхъ и просятъ себѣ часть добычи. И дѣтямъ нѣтъ другого убѣжища отъ дикихъ звѣрей и дождей, кромѣ шалаша изъ сплетенныхъ сучьевъ. Сюда же возвращаются молодые люди, здѣсь же убѣжище стариковъ. Но они считаютъ себя счастливѣе, чѣмъ томиться надъ обработываніемъ земли, трудиться надъ построеніемъ домовъ, заботиться о своей и другихъ судьбѣ съ надеждою и опасеніями» (§ 46). Въ этой характеристикѣ Финновъ весьма наглядно описывается то состояніе дикаря-номада, въ которомъ сѣверныя и восточныя финскія племена пребываютъ до сего времени (остяки, самоѣды). Почти въ такомъ же положеніи рисуется Чудь нашими лѣтописцами въ XI—XV в. Это могло бы служить достаточнымъ доказательствомъ неосновательности претензій нынѣшнихъ финнологовъ, отыскивающихъ въ скіоскихъ и сибирскихъ древностяхъ мнимые слѣды древней культуры финскаго народа.

---

*) Подъ именемъ Эстіевъ разумѣется здѣсь *литовское племя*, жившее въ сѣверной Пруссіи.

**) Костяные наконечники стрѣлъ были въ обычаѣ у Сарматовъ и Гунновъ.

Свѣдѣнія Тацита о Балтійскихъ Венетахъ не отличаются такою подробностью и точностью, какъ свѣдѣнія о германцахъ и финнахъ. Тацитъ высказываетъ неувѣренность, къ какой народности причислить Венетовъ, къ германцамъ, или къ сарматамъ. По его мнѣнію они «скорѣе могутъ быть отнесены къ германцамъ, потому что они и дома строятъ, и щиты носятъ, и любятъ ходить пѣшкомъ, и при томъ очень быстро. Сарматы же живутъ въ повозкахъ и на коняхъ». Эти общія выраженія, взятыя изъ ходячихъ слуховъ, доказываютъ, что Тацитъ лично не былъ знакомъ съ этими народностями. Свѣдѣнія о нихъ пополняются многими другими писателями, отъ которыхъ мы узнаемъ, что племя Венетовъ въ древности было весьма многолюдное и распространенное. За нѣсколько вѣковъ до Р. Х. оно занимало обширное пространство земель между Адріатическимъ и Балтійскимъ моремъ, граница съ одной стороны съ германцами и галлами, съ другой—съ скиѳами и сарматами. Отдѣльныя части того же народа жили также по берегамъ Атлантическаго океана, между Бельгіей и Галліей, въ такъ называемой Арморикѣ.—Объ этихъ-то Венетахъ, сражавшихся съ Юліемъ Цезаремъ во время галльской войны, Цезарь оставилъ намъ наиболѣе подробныя и точныя свѣдѣнія, какъ очевидецъ, имѣвшій съ ними дѣло*).

Венеты Юлія Цезаря жили въ Арморійской Галліи, близъ океана, на полуостровѣ, окруженномъ морскимъ заливомъ. Въ то время они славились больше всѣхъ народовъ Галліи, Бельгіи, Британіи и Германіи, вели цвѣтущую морскую торговлю, имѣли отличный флотъ и хорошо укрѣпленные города, понимали стратегію не хуже римлянъ. Въ Британіи у нихъ были отдѣльныя колоніи, отъ которыхъ самая область впослѣдствіи получила названіе *Wenedotij* и *Gwineth*. Очень вѣроятно, что при такихъ средствахъ морскихъ передвиженій, какими обладали Галльскіе Венеты, они находились въ близкихъ сношеніяхъ съ Венетами, жившими по берегамъ Нѣмецкаго и Балтійскаго моря, тоже хорошими мореходцами. Единство имени тѣхъ и другихъ даетъ основаніе думать, что всѣ эти народы морскаго побережья принадлежали къ одной національности. Поэтому свѣдѣнія о Галльскихъ Венетахъ, сообщаемыя Цезаремъ, могутъ до извѣстной степени освѣщать бытъ и гражданское устройство того времени и Венетовъ Балтійскихъ. По этой причинѣ мы позволяемъ себѣ подробнѣе остановиться на данныхъ Юлія Цезаря, тѣмъ болѣе, что изъ древнихъ писателей только у него можно найти подробныя и точныя свѣдѣнія очевидца, имѣвшаго дѣло съ Венетами**). То что Тацитъ представляетъ для Германіи, Юлій Цезарь даетъ для Галліи, Британіи и для части Венетской земли.

---

*) *Caesar*, de Bello gallico. Объ этихъ же Венетахъ писали *Страбонъ* и *Діонъ Кассій*.

**) Выписки изъ Юлія Цезаря мы беремъ по переводу Клеванова, Москва 1869 г.

«Всѣ города Венетовъ, говоритъ Юлій Цезарь, были расположены такъ, что, находясь на оконечностяхъ мысовъ, вдававшихся въ море, они были недоступны для войскъ, потому что приливъ морской, случающійся по два раза въ сутки, совершенно прекращалъ сообщеніе съ сушею, корабли же могли подходить къ стѣнамъ ихъ только во время прилива, а съ отливомъ они остались бы на мели. Такимъ образомъ то и другое обстоятельство препятствовало осадѣ городовъ. Если послѣ величайшихъ трудовъ и усилій намъ удавалось среди самыхъ волнъ моря сдѣлать насыпь и по ней достигнуть стѣнъ города, то осажденные, доведенные до крайности, во время прилива садились на суда, собранныя во множествѣ, и со всѣмъ имуществомъ перебирались въ близълежащій городъ. Тутъ они защищались тѣми же, для нихъ благопріятными, условіями мѣстности» (кн. 3, § 12 *).

«Суда Венетовъ, по описанію Цезаря, имѣли слѣдующее устройство и вооруженіе: днища у нихъ болѣе плоски, чѣмъ у нашихъ (римскихъ), для удобнѣйшаго движенія по мелямъ и низинамъ во время отлива. Кормы у нихъ весьма высокія и носы приспособлены выдерживать силу волнъ во время бурь. Эти суда во всѣхъ частяхъ были сдѣланы изъ дуба и потому не боялись ни какого удара. Скамьи для гребцовъ на нихъ были изъ бревенъ въ цѣлый футъ толщины, прибитыхъ гвоздями въ большой палецъ толщины (болтами). Якори были прикрѣплены не на веревкахъ, но на желѣзныхъ цѣпяхъ. Кожи звѣрей, тонко выдѣланныя, служили имъ вмѣсто парусовъ, или по неимѣнію льна и незнанію его употребленія, или, что вѣроятнѣе, потому, что такіе (кожанные) паруса способнѣе льняныхъ могли служить къ управленію столь тяжелыми судами и выдерживать порывы бурь, свирѣпствующихъ въ океанѣ. Въ стычкѣ нашихъ судовъ съ судами Венетовъ, первыя превосходили быстротой и легкостью движенія, послѣднія же, болѣе приспособленныя къ мѣстности и къ силѣ бурь, во всѣхъ отношеніяхъ были удобнѣе и лучше нашихъ. Крѣпкіе бока венетскихъ судовъ безвредно выносили удары носовъ нашихъ судовъ, а вышина ихъ дѣлала наши стрѣлы безвредными. Во время вѣтровъ суда венетскія выдерживали ихъ легко и безвредно, оставаясь на мели во время отлива; для нашихъ же судовъ всѣ эти случайности были предметомъ опасеній» (§ 13).

Въ слѣдующемъ § (14) Цезарь описываетъ рѣшительную битву римскаго флота съ венетскимъ. У Венетовъ было около 220 судовъ, вполнѣ готовыхъ къ бою и снабженныхъ всякаго рода оружіемъ. Они вышли изъ пристани и стали противъ римскихъ кораблей, сознавая свое превосходство. Только

*) Это описаніе Венетскихъ городовъ можетъ отчасти иллюстрировать, почему почти всѣ русскія и сибирскія городища непремѣнно устраивались на выдающихся мысахъ, примыкавшихъ къ рѣкѣ, или даже при сліяніи двухъ рѣкъ. Рѣка въ этомъ случаѣ, безъ сомнѣнія, имѣла значеніе пути отступленія, въ случаѣ крайности.

благодаря особымъ случайностямъ побѣда осталась за римлянами, именно вслѣдствіе того, что наступила совершенно безвѣтренная погода, и тяжелыя венетскія суда не могли пользоваться парусами, римляне же, имѣя болѣе многочисленный флотъ, брали венетскіе корабли приступомъ, окружая каждый изъ нихъ двумя или тремя своими, обрѣзывали снасти острыми косами и взбирались на палубу непріятельскихъ судовъ. Изъ этого описанія видно, на какой высокой степени стояло у венетовъ искусство судостроенія и мореходства. Въ этомъ отношеніи римляне ихъ ставили выше всѣхъ сѣверныхъ народовъ: галловъ, британцевъ и германцевъ. Вся морская торговля сѣверныхъ морей была въ ихъ рукахъ. «Имѣя многочисленный флотъ, обладая знаніемъ и опытностью морскаго дѣла и имѣя въ своей власти тѣ немногія пристани, какія только есть на этомъ открытомъ и бурномъ морѣ, венеты берутъ дань со всѣхъ мореходцевъ, его посѣщающихъ» (§ 8). Они занимали всю сѣверную прибрежную чать Атлантическаго океана между Галліей и Бельгіей (древняя Armorica). Отъ Британіи, гдѣ также были ихъ поселенія, ихъ отдѣлялъ узкій проливъ. Отъ балтійскихъ венетовъ, владѣнія которыхъ простирались съ сѣвера до устья Эльбы, ихъ отдѣляло лишь небольшое пространство (морскимъ путемъ) Нѣмецкаго моря. При такихъ условіяхъ вполнѣ естественно думать, что арморійскіе венеты имѣли оживленныя сношенія съ венетами балтійскими и что совпаденіе ихъ народныхъ именъ не было случайностью.

Степень культурнаго развитія арморійскихъ венетовъ въ вѣкъ Юлія Цезаря была значительно выше, чѣмъ у германцевъ во время Тацита. Хотя въ запискахъ Цезаря, имѣвшихъ совсѣмъ другія цѣли, на эту сторону не было обращено достаточнаго вниманія, но уже изъ описанія военныхъ дѣйствій противъ венетовъ ясно усматривается, что гражданскій строй и складъ жизни этого народа былъ совсѣмъ другой, чѣмъ у германцевъ. Галлія и Британія шли вообще впереди Германіи по причинѣ болѣе близкихъ сношеній съ просвѣщеннымъ Римомъ. Въ то время, когда у Германцевъ существовали только деревянныя хижины и едва возникало земледѣліе, у Галловъ были города, процвѣтала промышленность и развивалось искусство. Здѣсь разрабатывались мѣдныя и желѣзныя руды, производилась плавка и обработка металловъ, знали цѣну серебру и золоту, употребляли монету, вели правильную, а не мѣновую торговлю. Галлія быстро развивалась подъ вліяніемъ Рима и первая открыла новый циклъ европейской цивилизаціи съ наступленіемъ среднихъ вѣковъ, какъ ближайшая наслѣдница римской культуры.

Венеты, по свидѣтельству Юлія Цезаря, не только не уступали Галліи, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ шли даже впереди ея. Подобно нынѣшней Великобританіи, венеты держали въ своихъ рукахъ сѣверную морскую торговлю, и въ прежнія времена, можетъ быть, учились этому дѣлу у финикіянъ и карѳагенянъ, что давало имъ возможность расширить горизонтъ своихъ

познаній. Всякая изолированная морская держава разцвѣтаетъ гораздо быстрѣе континентальной, хотя, обыкновенно, и увядаетъ въ болѣе короткій срокъ (примѣры: Венеція, Испанія, Голландія, въ древнія времена Финикія и Греція). Тоже, повидимому, повторилось и съ арморійскими венетами. Оторванные отъ общаго племеннаго центра, они, будучи окружены галлами и белгами, были поглощены этими народностями, лишь только послѣднія проявили свою настоящую политическую силу и самобытность. Таже участь постигла балтійскихъ и адріатическихъ венетовъ.

Судьба адріатическихъ или италійскихъ венетовъ, равно какъ и обстановка ихъ гражданскаго быта, представляютъ близкую аналогію съ венетами арморійскими. Первые точно также водворились съ давняго времени (не позже 500—400 лѣтъ до Р. Х.) на прибрежьѣ Адріатическаго моря (въ нынѣшней Венеціанской области), въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ этрусскими, быстро восприняли этрусскую культуру, расцвѣли морской торговлей, промышленностью и богатствомъ, потомъ увлеклись блескомъ римской цивилизаціи и быстро угасли (въ смыслѣ потери народности), добровольно подчинившись Риму. Слияніе ихъ съ Римомъ произошло незамѣтно, безъ всякихъ кровавыхъ потрясеній, вслѣдствіе увлеченія блескомъ римской цивилизаціи. Это началось около 200 лѣтъ до Р. Х. Въ вѣкъ Юлія Цезаря италійскіе венеты получили уже право римскаго гражданства и область ихъ превратилась въ нераздѣльную римскую провинцію. Причиною недолговѣчности этихъ венетовъ, также какъ и въ Галліи, служила оторванность занимаемой ими страны отъ кореннаго мѣстожительства остальной одноплеменной имъ массы народа и преждевременное увлеченіе соблазнительнымъ блескомъ чужой цивилизаціи. Примѣръ поучительный для нѣкоторыхъ народностей и нынѣшняго западнаго славянства!

Италійскіе венеты, также какъ галльскіе, любили строить свои города, подобно нынѣшней Венеціи, среди воды, гдѣ они стояли какъ острова (Страбонъ, V, 1, § 5). Гражданское общежитіе приняло у нихъ по преимуществу городской складъ (начиная съ IV вѣка до Р. Х.), а близость моря воспитала у населенія духъ мореходства, судостроенія и торговли. При посредствѣ венетовъ Римъ получалъ товары, въ томъ числѣ и драгоцѣнный янтарь, со всего сѣверо-востока Европы, какъ со стороны Балтійскаго моря, такъ и изъ-за Дуная и Иллиріи. Во время Страбона, главнымъ складочнымъ пунктомъ этой торговли служилъ городъ Аквилея, основанный Римлянами на восточномъ краю венетской земли, у самаго сѣвернаго угла Адріатическаго моря. Раньше Аквилеи центромъ торговли служилъ собственный венетскій городъ *Патавій**), стоявшій не далеко отъ нынѣшней Венеціи. Онъ

*) Имя этого города (нынѣшняя Падуа) Гильфердингъ производитъ отъ славянскаго слова *пта* — птица. Въ томъ же сочиненіи (стр. 159) авторъ приводитъ нѣсколько другихъ геогра-

считался еще во время Страбона лучшимъ городомъ верхней Италіи и велъ съ Римомъ обширную торговлю. Здѣсь выработывались разныя издѣлія изъ шерсти, ткались драгоцѣнные ковры, сукна и разныя другія ткани. Этой промышленности способствовало овцеводство, процвѣтавшее въ венетскомъ краѣ. Венетскія лошади тоже славились во всей Италіи. Предметами отпускной торговли на сѣверъ служили деревянное масло, виноградное вино и промышленныя издѣлія; обратно получалось разное сырье, мѣха, скотъ и жизненные продукты.

Такимъ образомъ адріатическіе венеты, о которыхъ сохранилось довольно много точныхъ и подробныхъ сказаній*), были главными проводниками римской цивилизаціи къ закарпатскому и подунайскому славянству. Они играли въ этомъ отношеніи туже роль, какъ греческія черноморскія колоніи, съ тою лишь разницей, что послѣднія относились къ скиѳамъ, какъ варварамъ и со стороны скиѳовъ не пользовались большимъ довѣріемъ, между тѣмъ какъ венеты имѣли торговыя дѣла съ родственными имъ племенами и легче могли воздѣйствовать на нихъ культурными идеями.

Вопросъ о національности Венетовъ въ настоящее время можетъ считаться достаточно выясненнымъ. Подъ этимъ общимъ именемъ греки и римляне разумѣли особое народное племя, отличавшееся и отъ кельтовъ (галловъ), и отъ германцевъ, и отъ иллирійцевъ. Этимъ именемъ назывался народъ, занимавшій по преимуществу приморскія страны, имѣвшій въ своихъ рукахъ морскую торговлю и обладавшій искусствомъ судостроенія и судоходства: таковы были адріатическіе, арморійскіе и балтійскіе венеты, хорошо извѣстные римлянамъ. Это обстоятельство давало поводъ позднѣйшимъ толкователямъ считать имя венетовъ не народнымъ, а географическимъ терминомъ, производя его отъ слова *winda* или *wenda*, означавшаго въ индоевропейскихъ языкахъ воду. Въ этомъ смыслѣ имя венетовъ означало бы просто поморянъ, безъ опредѣленнаго народнаго значенія. Неосновательность такого толкованія подробно разъяснена Шафарикомъ (1. с. т. I кн. 1, стр. 271), какъ съ филологической, такъ и съ исторической стороны. Имя венетовъ или вендовъ относилось не къ поморянамъ только, но и къ народамъ, жившимъ далеко отъ моря: какъ общее народное, оно охватывало обширныя пространства земель, лежащихъ между морями Адріатическимъ и Балтійскимъ,

фическихъ названій, напр. *Сремъ* (Sirmium), р. *Нада* (По), гор. *Викетія* (нынѣ Виченца), *Цьлина* (нынѣ Zelina), *Белукъ* (Belluno) и нѣкоторыя другія, производимыя изъ славянскихъ корней. Въ той же статьѣ Гильфердингомъ разбираются народныя черты Венетовъ, доказывающія ихъ славянство.

*) Объ нихъ упоминалъ еще Геродотъ, но болѣе подробныя свѣдѣнія даетъ Титъ Ливій, уроженецъ города Патавія, затѣмъ Страбонъ, Полибій и многіе другіе. Въ этихъ свѣдѣніяхъ заключается достаточно данныхъ, характеризующихъ національныя черты Венетскаго народа. Разборъ ихъ приведенъ у Шафарика въ славянскихъ древностяхъ и у Гильфердинга въ сочиненіи: „Древнѣйшій періодъ исторіи славянъ".

распространялось даже въ Малую Азію и присваивалось далеко не всѣмъ приморскимъ жителямъ, а именно опредѣленному племени. По мнѣнію Шафарика, основанному на анализѣ всѣхъ историческихъ данныхъ, имя венетовъ относилось только къ славянскому народу, именно къ южнымъ и западнымъ славянамъ, по нынѣшнему дѣленію. Это было ихъ общее, родовое имя; въ частности же имена ихъ были многоразличны, смотря по родовымъ, географическимъ и политическимъ группировкамъ.

Было-ли имя венетовъ собственнымъ, народнымъ, или ихъ только такъ называли греки и римляне, этотъ вопросъ тоже подлежитъ обсужденію, хотя онъ имѣетъ уже второстепенное значеніе. Въ виду отдаленной древности и общераспространенности этого имени и по сохранившимся географическимъ слѣдамъ его въ земляхъ, нѣкогда занимаемыхъ венетами, естественнѣе думать, что это имя было не нарицательное, а собственное. Несомнѣнно, что италійскіе, галльскіе и балтійскіе венеты сами себя называли тѣмъ же именемъ, хотя, можетъ быть, усвоеннымъ отъ римлянъ. Отсюда сохранившееся до сихъ поръ названіе Венеціанской (Венетской), области, городовъ нынѣшней Венеціи и Вѣны, въ древности Виндобоны (Vindobona), или по славянски Видень. Мало того, географическій слѣдъ имени венетовъ сохранился даже на сѣверѣ Россіи. Такъ напр. у финляндцевъ русскіе славяне называются Wenaläinen, Wenämees, Русь — Wenalämmaa, Ладожское озеро — Weneenmjeri (Венетское море или озеро). Самая Финляндія собственно означаетъ землю Венетовъ — Weneen-land или Wen-land. Можетъ быть къ той же категоріи старыхъ вендскихъ географическихъ названій слѣдуетъ отнести имя р. *Виндавы*, по латышски *Вента*, и городъ того же имени, названный по рѣкѣ, по латышски *Вентесъ-пилсъ*. Замокъ *Венденъ*, основанный меченосцами въ 1224 г., нынѣ городъ Венденъ въ Лифляндіи, названъ тоже по имени вендовъ, еще существовавшихъ въ то время въ сѣверной Пруссіи. Имя народа венетовъ существовало и на Волгѣ, въ сосѣдствѣ съ камскими Болгарами. Объ этомъ упоминается въ письмѣ хозарскаго царя Іосифа къ Ибнъ-Шапруту, служившему при Халифѣ Абдуррахманѣ III въ Кордовѣ (около 960 года). Въ этомъ письмѣ, въ числѣ народовъ, живущихъ по Волгѣ, упоминается *Венентеръ*, съ которымъ воевали Хазары. Гаркави, опубликовавшій это письмо, поясняетъ, что въ имени Венентеръ можно узнать названіе Вентъ или Венетъ (Венетарь), подъ которымъ славяне были извѣстны какъ на западѣ, такъ и Финскимъ народамъ.»*) Послѣднимъ отголоскомъ имени вендовъ или вене-

*) Основываясь на томъ, что адріатическіе и балтійскіе венеты изстари отличались мореходствомъ и торговлей, можно высказать догадку, не произошло ли латинское ихъ имя отъ *vendere*—продавать, venus, venum—торгъ, отсюда же славянское *вьно*—выкупъ, даръ, плата за невѣсту. По этому производству *вендъ* или *венетъ* было бы равнозначуще слову купецъ. Это согласуется съ историческими извѣстіями о венетахъ. Наравнѣ съ финикіянами, они были по преимуществу купцы, мореплаваніе и торговля были ихъ стихіею. Съ именемъ балтій-

товъ на Волгѣ считается названіе *Вятскаго края.* Вяты или Вятичи и Вятка (рѣка и область) упоминаются въ русскихъ лѣтописяхъ почти съ самаго начала сформированія русскаго государства. Все это достаточно показываетъ, что имя Венетовъ было имя собственное и относившееся именно къ славянамъ. Поэтому свѣдѣнія о древней исторіи венетовъ итальянскихъ, арморійскихъ и балтійскихъ получаютъ для насъ особую важность, какъ доказательства отдаленной связи славянской культуры съ культурою римскою, что необходимо имѣть въ виду, при изученіи нашихъ археологическихъ памятниковъ.

Въ началѣ этой главы было уже сказано, что первыя свѣдѣнія о Балтійскомъ побережьѣ греки и римляне получили отъ Пифія, около 400 лѣтъ до Р. Х. Отъ него же узнали они, что здѣсь существуетъ рѣка Танаисъ, ранѣе извѣстная грекамъ подъ именемъ Еридана. По имени рѣки заключаютъ, что въ это время здѣсь уже существовала вѣтвь того племени, которое давало такое же названіе рѣкамъ, впадающимъ въ Азовское и Черное море (въ Скиѳіи),—слѣдовательно племени однороднаго. Но точное имя этого народа все еще было неизвѣстно. Оно въ первый разъ, и при томъ случайно, обнаруживается въ разсказѣ Корнелія Непота объ индійскихъ купцахъ, выброшенныхъ бурей на берегъ Германіи, попавшихъ во власть короля Батавскаго и подаренныхъ послѣднимъ римскому проконсулу Метеллу въ 58 г. до Р. Х. Этихъ плѣнниковъ, назвавшихъ себя виндами или вендами, по созвучію имени принимали за жителей Индіи, тогда какъ на самомъ дѣлѣ это были балтійскіе венеты, о которыхъ потомъ дали болѣе подробныя свѣдѣнія Юлій Цезарь, Плиній, Страбонъ, Тацитъ и Птоломей. Всѣ эти писатели не только опредѣляютъ дѣйствительное названіе Венетовъ, но называютъ ихъ великимъ народомъ, занимающимъ обширныя пространства земель, болѣе или менѣе точно опредѣляютъ границы ихъ обитанія и даютъ свѣдѣнія о бытѣ этого народа. Съ того времени (отъ Р. Х.) свѣдѣнія о Балтійскихъ Венетахъ уже не прерывались. Это племя оставалось здѣсь непрерывно

скихъ венетовъ связана древняя торговля янтаремъ; арморійскіе венеты, по свидѣтельству Юлія Цезаря, имѣли отличный торговый флотъ; древній венетскій городъ Патавій и замѣнившая его Аквилея славились обширною торговлею. Все это могло дать римлянамъ поводъ присвоить адріатическимъ славянамъ прозваніе *вендовъ* или *венетовъ*, т. е. купцовъ, или точнѣе *продавцевъ* (*venditor*, а собственно купецъ—*mercator*). Римскіе историки, какъ извѣстно, связывали имя венетовъ съ легендой о Троянской войнѣ, но эта поэтическая прикраса могла сложиться въ то время, когда за италійскими венетами было уже закрѣплено ихъ народное имя.

Любопытно при этомъ замѣтить, что въ русскомъ языкѣ, правда въ провинціальныхъ говорахъ, въ значеніи купца до сихъ поръ употребляется слово *варягъ*. *Варять* значитъ заниматься развозною торговлей по селеніямъ, *варягъ*—мелочной, наѣзжій купецъ, маклакъ, офеня; *варяжа* въ Архангельской губерніи значитъ заморье, заморская сторона (словарь Даля). Эти термины очевидно сохранились отъ Несторовыхъ балтійскихъ варяговъ, но они любопытны потому, что рисуютъ варяговъ не въ качествѣ военной дружины, а въ качествѣ купцовъ и такимъ образомъ сближаютъ ихъ съ венетами. О варягахъ и ихъ отношеніяхъ къ венетамъ будетъ сказано ниже.

до IX и даже до XIII вѣка, когда оно частію выселилось въ другія славянскія страны, частію германизировалось.

Нѣмецкое племя, занявшее при первоначальномъ водвореніи въ западной Европѣ наименѣе выгодную въ политическомъ отношеніи полосу земли, между Рейномъ и Эльбою, было обрѣчено силою судьбы расширять свои границы на счетъ сосѣднихъ народовъ. Отсюда безпрерывныя многовѣковыя столкновенія германцевъ, съ одной стороны съ галлами, съ другой съ славянами. Эта международная борьба, начавшаяся не менѣе 2000 лѣтъ тому назадъ, продолжается съ перемѣннымъ счастіемъ вплоть до нашихъ дней. Болѣе всего терпѣли въ ней балтійскіе славяне. Во II—III в. саксы тѣснили ихъ со стороны Эльбы, готы—со стороны Карпатъ и Дуная. Избытокъ нѣмецкихъ силъ искалъ выхода, добычи и славы. Германскія военныя дружины вторгались въ исконныя славянскія земли, покоряли себѣ менѣе воинственныя земледѣльческія племена полабскихъ славянъ. Тоже происходило на Днѣпрѣ и Дунаѣ: при королѣ Эрманарикѣ нѣмцы поработили себѣ почти все восточное и южное славянство и уже предвкушали полную побѣду надъ славянской народностью, но этому не суждено было осуществиться. Насильственные захваты чужихъ земель и неумѣренное притѣсненіе побѣжденныхъ вызвали реакцію, сплотили раздробленное славянство въ одно цѣлое, послѣ чего Германія безъ труда была отброшена въ свои естественные предѣлы. Завоеванія Эрманарика имѣли такое же эфемерное значеніе, какъ замыслы Наполеона I-го, мечтавшаго покорить всю Европу. Попытки Наполеона нашли себѣ отпоръ въ лицѣ Императора Александра I и Россіи, замыслы Эрманарика разбились о несокрушимую силу сплоченнаго славянства, нашедшаго себѣ достойнаго вождя въ лицѣ Аттилы. Съ того времени начинается въ исторіи Европы новая эпоха, извѣстная подъ названіемъ среднихъ вѣковъ.

Начало среднихъ вѣковъ, какъ извѣстно, открывается цѣлымъ рядомъ народныхъ передвиженій. Точно всеобщій ураганъ пронесся надъ европейскимъ материкомъ, или море временно выступило изъ своихъ береговъ и затопило сушу, взбаломутило вѣковой строй установившейся жизни, перепутало международныя грани и предѣлы и снова отхлынуло въ свое прежнее ложе. Галлію наводнили франки и бургунды, Испанію—визиготы и свевы, Британію англы и саксы, Италію—остроготы и ломбарды. Вѣтеръ, нагнавшій эту колосальную бурю, дулъ съ сѣверо-востока, отъ сарматскихъ равнинъ. Въ центръ урагана попали по преимуществу германскія племена, потѣсненныя славянами, сплотившимися въ общую массу подъ главенствомъ случайно оказавшагося геніальнаго вождя изъ племени гунновъ.

Средневѣковая буря, пошатнувшая равновѣсіе Европы не разыгралась вдругъ и неожиданно. Ее подготовили исподволь перемѣны въ политической атмосферѣ сѣверной Европы, выражавшіяся въ состязаніи двухъ, наиболѣе

сильныхъ въ то время народностей—германской и славянской, оспаривавшихъ другъ у друга право на преобладаніе. Старый и вполнѣ естественный процессъ международныхъ недоразумѣній, порубежныхъ распрей, домогательствъ и захватовъ подготовилъ племенную вражду, а извѣстное столкновеніе съ готами на Дунаѣ послужило лишь поводомъ къ вмѣшательству въ эту международную борьбу, еще мало извѣстнаго въ то время въ Европѣ, восточнаго племени гунновъ. Здѣсь не мѣсто разсуждать ни о наружности гунновъ, ни объ ихъ племени, ни о происхожденіи знаменитаго вождя ихъ—Аттилы. Можно сказать лишь одно, что переворотъ въ Европѣ сдѣлали не тѣ полудикіе, бездомные зауральскіе выходцы, какіе описываются подъ именемъ гунновъ въ извѣстіяхъ Іорнанда и Амміана Марцеллина и какіе дѣйствительно существовали въ рядахъ гуннскаго ополченія, въ числѣ другихъ народностей*). Самое имя гунновъ до сихъ поръ остается спорнымъ. *Венелинъ*,

*) По описанію Амміана Марцеллина въ наружности и образѣ жизни гунновъ нельзя не признать весьма характерныя и вѣрно схваченныя черты монголо-татарскаго типа. Это живой портретъ нынѣшняго калмыка или киргиза, ясно доказывающій, что въ III—IV в. часть этихъ зауральскихъ дикарей дѣйствительно кочевала между Дономъ и Волгой, или въ заволжскихъ астраханскихъ степяхъ. Впослѣдствіи они являются въ русской исторіи подъ именемъ печенѣговъ и половцевъ, потомъ башкиръ и киргизовъ. Во время Аттилы можетъ быть ихъ называли гуннами, но ошибка здѣсь заключается въ томъ, что это прозвище распространено западными писателями на народности совсѣмъ не монгольскаго происхожденія. Слово гунны до извѣстной степени замѣнило въ Европѣ прежній терминъ скиѳы и сарматы и примѣнялось безразлично не только къ славянамъ, но и къ нѣкоторымъ другимъ племенамъ. Въ славянскихъ лѣтописяхъ и хроникахъ не сохранилось никакого слѣда объ имени гунновъ. Въ русскомъ языкѣ есть слова: *гуня, гуни, гунявый* въ значеніи паршивый, облѣзлый, оборвышъ, или косноязычный (гугнивый-гунявый). Не отсюда ли произошло прозваніе гунновъ, данное дикарямъ кочевникамъ, принимавшимъ участіе въ походахъ Аттилы, какъ вспомогательное войско. Необычайный видъ этого сброда долженъ былъ поразить европейцевъ, и данное ему славянами уничижительное прозвище было принято за настоящее народное имя, съ которымъ, сперва по ненависти къ врагамъ, потомъ по привычкѣ стали связывать (обобщать) все, что относилось къ борьбѣ между славянами и западною Европою. Какъ бы ни было, но въ жизни и дѣяніяхъ Аттилы, въ его грандіозныхъ и побѣдоносныхъ походахъ отъ Дуная до Парижа и Рима, въ его военной тактикѣ и политическомъ складѣ ума нѣтъ ни одной черты, которая напоминала бы монгольскаго кочевника. Вся сила и значеніе такъ называемыхъ гуннскихъ войнъ заключалась не въ случайномъ напливѣ азіатской орды, а въ международной борьбѣ восточнаго славянства съ западомъ Европы. Аттилу нельзя приравнивать ни къ Чингизхану, ни къ Тамерлану, а скорѣе можно поставить его въ параллель съ европейскими политическими умами и всемірными завоевателями, напр. съ Александромъ Македонскимъ, Юліемъ Цезаремъ, или Наполеономъ I. Для славянскаго міра онъ былъ не только геніальный полководецъ, но и великій человѣкъ, подобно тому, чѣмъ былъ впослѣдствіи для Германіи Карлъ Великій. Подробный разборъ доказательствъ о славянствѣ гунновъ въ первый разъ высказанъ *Венелинымъ* (Древніе и нынѣшніе болгаре), потомъ былъ пространнѣе развитъ *Забѣлинымъ* (Исторія русской жизни, ч. 1, Москва 1876 г., стр. 346—365) и *Пловайскимъ* (Розысканія о началѣ Руси). Въ этихъ же сочиненіяхъ указанъ рядъ гуннскихъ собственныхъ именъ, обличающихъ ихъ славянское происхожденіе. Таковы напр. *Валамиръ* (Велиміръ или Волиміръ, первый князь гунновъ), *Улдъ* или *Владъ*, *Влада* Βλάδας — братъ Аттилы, *Крека* его жена (гор. Краковъ), *Ислъ* его сынъ (гор. Ислазъ на Дунаѣ, р. Ислава въ Галиціи). *Ирна* младшій сынъ Аттилы и остальныя дѣти *Эллакъ*, *Денизикъ*, повидимому, имѣютъ связь съ географическими именами Семирѣчья (оз. Денгизъ). Тѣми же отношеніями Болгаръ къ зауральскимъ степямъ можетъ быть объяснено, почему въ числѣ вспомогательныхъ войскъ Аттилы являются азіатскіе кочевники (предки нынѣшнихъ киргизовъ и башкиръ), можетъ быть, находившіеся въ политической зависимости отъ тѣхъ же болгаръ.

Савельевъ-Ростиславичъ (Славянскій сборникъ 1845 г.), *Забѣлинъ* и *Иловайскій* высказывали мнѣніе, что гуннами назывались когда-то камскіе или волжскіе болгары, но это не болѣе какъ догадка. Ни въ одной славянской лѣтописи, ни въ устныхъ славянскихъ преданіяхъ не сохранилось никакого слѣда имени Гунновъ, не смотря на громкую извѣстность ихъ во всей Европѣ (въ IV—VII вѣкахъ). Несторъ безъ сомнѣнія зналъ по византійскимъ источникамъ тѣ грозныя и не столь отдаленныя отъ его времени событія, которыя описывались подъ именемъ нашествія гунновъ, но онъ не включилъ этого имени въ свою космографію, по всей вѣроятности потому, что не считалъ его настоящимъ народнымъ, а лишь книжнымъ прозвищемъ (латинскимъ и византійскимъ), въ родѣ того, какъ онъ замѣтилъ о скиѳахъ—славянахъ («да то ся зваху отъ грекъ великая Скуѳь»). Перечисляя въ своей вступительной космографіи почти всѣ, не только славянскія и западно-европейскія народности, но и чудскія племена, даже заволочскую чудь, Пермь, Печеру и Югру, Несторъ не дѣлаетъ ни одного намека ни на имя гунновъ, ни на имя венетовъ. Этотъ кажущійся пропускъ можно объяснить только тѣмъ, что европейское имя гунновъ у него скрывается подъ другимъ славянскимъ именемъ, какъ оно понималось на Руси, можетъ быть подъ именемъ болгаръ, а венеты—можетъ быть подъ именемъ варяговъ. Болгары дѣйствительно являются въ дальнѣйшей исторіи какъ бы замѣстителями гунновъ, а варяги повидимому замѣняютъ у Нестора имя венетовъ, съ тѣми же географическими подраздѣленіями. Вяряги—Русь—это Балтійскіе венеты, а тѣ варяги, которые по Нестору «присѣдятъ къ востоку до предѣла Симова» (Азіи) могутъ соотвѣтствовать древнему названію юго-восточныхъ венетовъ, примыкавшихъ къ Ѳракіи и Венеціанской области.

Борьба за существованіе и непримиримая вражда между Балтійскими славянами и германцами началась, вѣроятно, съ самыхъ первыхъ лѣтъ ихъ географическаго соприкосновенія. Въ III и IV в. на славянъ напирали саксы и готы, вторгаясь въ ихъ области и покоряя отдѣльныя племена. Власть Аттилы сплотила славянъ въ одно могучее государство и отбросила нѣмцевъ въ ихъ собственные предѣлы. Въ началѣ VI вѣка на всемъ Балтійскомъ поморьѣ, до Карпатскихъ горъ и до устьевъ Дуная, и во всей странѣ, которая потомъ называлась Русью, не оставалось ни одного клочка нѣмецкой земли. Славянскія племена, искони занимавшія эти пространства, раздѣлялись въ то время, по свидѣтельству Іорнанда*); на три главныя вѣтви: на венетовъ, антовъ и славянъ (Veneti, Antes, Sclavi). Главною границею, раздѣлявшею ихъ отъ нѣмцевъ, была рѣка *Лаба* (Albis, Эльба), отъ ея вершинъ и до устья. Все, что лежало по правую сторону этой рѣки, счита-

*) Іорнандъ писалъ во второй половинѣ VI вѣка.

лось славянскимъ, а по лѣвую—нѣмецкимъ, хотя въ верхнемъ теченіи славянскія земли распространялись на значительное пространство и за лѣвымъ берегомъ. По распаденіи царства Аттилы снова началась борьба на порубежныхъ мѣстахъ между славянами и германцами. Нѣмецкое Drang nach Osten возобновилось съ прежней настойчивостью, въ силу территоріальной необходимости, но успѣхи Германіи, стремившейся отбросить славянъ на востокъ, долго оставались безъ всякаго результата. Борьба и опустошеніе ограничивались только берегами Эльбы, но внутрь славянской страны не смѣла проникать ни одна германская рать.

Славянскія племена, занимавшія равнину по южному берегу Балтійскаго моря, между рѣками Эльбою и Вислою, гдѣ нынѣ находятся области Лауенбургъ, часть Голштиніи, Мекленбуръ-Шверинъ и Стрелицъ, Бранденбургъ и Померанія,—составляли нѣсколько отдѣльныхъ колѣнъ, или родовъ, временами соединявшихся въ политическія союзныя группы, но не представлявшихъ организованнаго государства. Въ настоящее время эти славянскія вѣтви принято называть *Балтійскими славянами*. Въ VIII, IX и X. вѣкахъ они образовали слѣдующія народныя группы*). Первую группу или союзъ составляли т. н. *Бодричи*. Сюда входили: 1) *Вагры*, жившіе въ восточной половинѣ нынѣшней Голштиніи, главный городъ у нихъ былъ *Старгардъ*, нынѣшній Альденбургъ. 2) Къ югу отъ нихъ, по берегу Эльбы, жили *Полабцы*, въ нынѣшнемъ Лауенбургскомъ герцогствѣ. 3) Далѣе отъ нихъ по Эльбѣ помѣщались *Глиняне* и *Смольяне*, въ югозападной части Мекленбургіи и въ сѣверо-западномъ углу Бранденбургіи. 4) *Рароги* или *Бодричи*, у нѣмецкихъ писателей называвшіеся *Ободритами*. Они жили по берегу Балтійскаго моря отъ рѣки Травны (Trave) до Висмарскаго залива, въ западной приморской половинѣ нынѣшняго великаго герцогства Мекленбургъ-Шверинскаго. 5) *Варны*, жившіе тоже по берегу моря, у рѣки Варновы (Warnow), въ восточной части Мекленбургъ-Шверинскаго герцогства.

Другая группа племенъ, жившихъ на востокѣ отъ Бодричей, отъ рѣки *Ракитницы* (Reckenitz) до рѣки Одры, обозначалась общимъ именемъ *Лютичей* или *Велетовъ*. Къ нимъ принадлежали: 1) *Кичане*, около рѣки Ракитницы; 2) *Черезпѣняне*, между морскимъ берегомъ и теченіемъ рѣки Пѣны (Peene), въ сѣверо-западномъ углу нынѣшней Помераніи; 3) *Доленчане*, на югъ отъ рѣки Пѣны до р. Доленицы (Tollense), на пограничной чертѣ Мекленбургіи и Помераніи; 4) *Ратаре* или *Радгощане*, въ нынѣшнемъ Мекленбургъ Стрелицкомъ герцогствѣ; 5) *Моричане*, на югъ отъ Долечанъ, въ юго-западномъ краю Мекленбургъ-Шверинскаго герцогства. 6) *Укряне* и *Рѣчане* на востокъ отъ Ратарей, по р. Укрѣ (Ucker) и до Одры (Oder).

*) Перечисленіе вѣтвей Балтійскихъ славянъ мы беремъ изъ сочиненія Гильфердинга, спеціально посвященнаго этому вопросу (т. 4-й Спб. 1874 г. Исторія Балтійскихъ славянъ).

На сѣверъ отъ земли Лютичей лежалъ островъ *Руя* (Рюгенъ), населенный тоже славянами; они составляли особое племя, называвшееся *Руянами*, или по сокращенному произношенію *Ранами*. За р. Одрой примыкало къ Лютичамъ большое племя *Поморянъ*, въ нынѣшней Помераніи и части западной Пруссіи. Оно простиралось по берегу моря до низовьевъ Вислы, гранича съ польскими славянами. Къ Поморянамъ принадлежали также *Волынцы*, жители острова Волыня (Wollin), лежащаго насупротивъ устья рѣки Одера.

Къ югу отъ Бодричей и Лютичей жили *Стадоряне*, въ нынѣшней Бранденбургіи. Къ этой группѣ принадлежали: *Брежане*, по берегу Эльбы, *Гаволяне*, по теченію р. Гаволы (Havel), *Спревяне*, занимавшіе нижнее теченіе р. Спревы (Spree), близъ впаденія ея въ Гаволу, *Любушане* жили восточнѣе Спревянъ, по берегу р. Одры.

Всѣ перечисленыя вѣтви Балтійскихъ славянъ назывались также у нѣмецкихъ писателей общимъ именемъ *Slavi*, *populi Slavorum*, а также *populi Winularum* (Винды или Венеты). При такомъ сплошномъ и многолюдномъ славянскомъ населеніи, жившемъ въ Балтійскихъ областяхъ непрерывно болѣе 1000 лѣтъ, естественно ожидать, что вся эта страна должна быть испещрена славянскими археологическими памятниками и славянскими географическими названіями. Такъ и оказывается на самомъ дѣлѣ. Если взять любую географическую карту сѣверной Германіи XVI—XVII вѣка, то мы ясно увидимъ, что здѣсь въ прежнее и при томъ еще недавнее время было почти сплошное славянское населеніе. Многія имена рѣкъ и городовъ до сихъ поръ звучатъ по славянски, но они еще болѣе открываются въ сочиненіяхъ старыхъ нѣмецкихъ писателей, напр. у Титмара, Гельмольда, Адама Бременскаго, гдѣ прежнія славянскія названія нерѣдко сопоставляются съ современными этимъ авторамъ нѣмецкими именами. Здѣсь было бы неумѣстно перечислять всѣ города, крѣпости и населенные пункты, существовавшіе у Балтійскихъ славянъ, но позволительно указать на нѣкоторые изъ нихъ для болѣе яснаго представленія о бывшихъ славянскихъ центрахъ.

Славянскія названія.	Современныя нѣмецкія названія.
Старгардъ или Старградъ . .	Ольденбургъ.
Велеградъ или Великій городъ .	Мекленбургъ, прежде Mikilinburg, переводимый по латини Magnopolis или Megalopolis.
Браниборъ (у Гаволянъ). . .	Бранденбургъ.
Звѣринъ или *Звѣрина*, Zuarina (у Бодричей).	Шверинъ.
Щетинъ, Щетина.	Штетинъ.

Колобрегъ	Кольбергъ.
Волынъ или Волынь	нынѣ Filehne, въ Помераніи.
Гданскъ	Данцигъ.
Любица	Любекъ.
Камень (у Поморянъ). . . .	нынѣ Cammin.
Дыминъ на р. Пѣнѣ	Demmin.
Добролугъ (у Лужичанъ) . .	Dobraluh
Липскъ, Липецкъ	Лейпцигъ.
Глинскъ	Glinzig.
Блатница	Flattnitz.
Боровляны, Боровли	Förelach, Förlach.
Глиница.	Gleinitz.
Горица	Görz.
Холмъ.	Kulm.
Холмецъ	Kolmitz.
Лѣпница.	Leibnitz.
Градище.	Garz.
Градецъ	Grätz.
Яблонна	Gablenz
Млинце	Linz, Lebnitz.
Брезница	Prissnitz.
Меляны	Mellach.
Ясеница	Assling.
Лядина	Lieding.
Перунъ (крѣпость).	нынѣ Pron.
Выдухово	Fiddichow.

Встарину у Поморянъ были также города: *Любушинъ* (Liubusa), *Ярина* (Jarina), *Стрьла* (у Гломачей), *Междурѣчье*, *Черниковъ*, *Ругодивъ*, *Устье* (Usez), *Бѣлгардъ* и многіе другіе. Изъ славянскихъ рѣкъ можно указать, кромѣ *Лабы*, *Бобру*, *Соляву* (нынѣ Сала), *Ильменаву* (Jlmenow).

Изъ приведенныхъ географическихъ словъ легко усмотрѣть, что всѣ они не только соотвѣтствуютъ общимъ принципамъ славянскихъ наименованій, но многія изъ нихъ буквально повторяются въ Россіи. Особенно въ этомъ отношеніи характерны р. *Ильменава*, по сходству съ озеромъ *Ильменемъ*, и городъ *Ругодивъ* по сходству съ нашимъ лѣтописнымъ *Ругодивомъ* (нынѣшнею Нарвою, или точнѣе Иванъ-Городомъ). Эти два имени могутъ непосредственно указывать на переселеніе Балтійскихъ славянъ въ древнія новгородскія области. Такое же сходство мы видимъ и въ личныхъ именахъ. Такъ напр. у племени Бодричей были князья: *Гостомыслъ*, *Добромыслъ*,

Славомиръ, *Мстивой* (у Титмара *Mistiwoi*, сравни р. Мсту), *Мстислав*ъ, *Годолюбъ*, у полабскихъ сербовъ—*Милодухъ*, *Милогостъ*, *Цьлодрогъ*, *Любъ*, *Болеславъ* и т. д. Прочія черты народной жизни, какъ-то: постройка домовъ и городовъ (деревянныхъ), складъ родоваго быта, религіозныя вѣрованія, порядокъ суда и управленія у Балтійскихъ славянъ не отличались отъ общеславянскихъ.

Въ такомъ положеніи находились Балтійскіе славяне въ VIII—IX вѣкѣ. Во всѣхъ отношеніяхъ они имѣли перевѣсъ надъ смежными германцами, къ которымъ питали непримиримую вражду. Равнымъ образомъ они не особенно дружелюбно относились къ Датчанамъ и Норманнамъ, съ которыми, однакоже, вступали иногда въ союзы для нападенія на общихъ враговъ—нѣмцевъ. Между собою Балтійскіе славяне также не имѣли ни единства, ни согласія, что составляло самую слабую сторону ихъ политическаго строя и роковымъ образомъ отразилось на ихъ будущности. Бодричи враждовали съ Лютичами, эти послѣдніе ссорились съ Поморянами и Полабскими сербами. При такихъ невыгодныхъ условіяхъ они должны были встрѣтить завоевательные замыслы Карла Великаго. Подчинивъ себѣ саксовъ и воспользовавшись славянскою рознью, Карлъ заключилъ союзъ съ Бодричами и напалъ на Велетовъ (Лютичей). Въ первый разъ послѣ Аттилы (спустя три съ половиною столѣтія) нѣмецкая рать переступила завѣтную черту Эльбы, произвела опустошеніе въ странѣ Велетовъ и вынудила короля ихъ Драговита заключить миръ, присягнувъ въ вѣрности нѣмецкому государю. Это было въ 789 г.*)

Но результаты побѣды Карла Великаго надъ славянами были такъ же не прочны, какъ результаты Аттилы. Держава Каролинговъ вскорѣ послѣ смерти ея основателя представляла хаосъ и разложеніе. Общая неурядица охватила всю Германію, которая настолько ослабѣла, что не въ состояніи была не только удержать власть надъ славянами, но даже защищаться отъ нихъ. Всѣ области Балтійскихъ славянъ, отъ моря до Эльбы, не только остались за ними, но распространились даже на лѣвую сторону этой рѣки. Послѣ Аттилы это былъ второй, наиболѣе благопріятный моментъ, когда Балтійскіе славяне могли образовать прочное, равносильное Германіи, государство, если бы они поняли необходимость политическаго объединенія. Но этого не было. Раздробленность и взаимная вражда между отдѣльными колѣнами и родами заставляла ихъ охотнѣе примыкать къ союзамъ съ норманнами и датчанами, чтобы сообща громить ненавистныхъ имъ Саксовъ, чѣмъ создавать собственный политическій центръ. Это политическое недомысліе погубило Балтійскихъ славянъ, хотя народность ихъ храбро и стойко защи-

*) Подробную исторію этихъ войнъ и отношеній Балтійскихъ славянъ къ франкамъ и саксамъ со времени Карла Великаго см. у Гильфердинга въ полномъ изданіи его сочиненій (1874 г.), т. IV „Исторія Балтійскихъ славянъ“, ч. 2, стр. 260.

щала свои предѣлы еще болѣе 200 лѣтъ послѣ Карла Великаго. Въ началѣ XI в., когда писалъ *Титмаръ* свою хронику, земли между Эльбою и Балтійскимъ моремъ принадлежали еще славянамъ. Даже въ половинѣ XII вѣка, когда писалъ *Гельмольдъ*, значеніе ихъ народности далеко еще не было потеряно, хотя опасность видимо уже приближалась со всѣхъ сторонъ.

Въ то время, когда на западѣ формировалась сильная держава Франковъ и образовались устойчивые славянскіе центры въ Моравіи и Чехіи, на сѣверѣ тоже зарождался могучій по ширинѣ основанія русскій государственный организмъ. Совпаденіе этихъ обстоятельствъ не могло пройти безслѣдно для Балтійскихъ славянъ. Каждый центръ имѣетъ свою притягательную силу; къ нему роковымъ образомъ устремляются раздробленныя, болѣе мелкія частицы: элементы разнородные втягиваются насильственно, — однородные въ силу внутренняго сродства и взаимнаго тяготѣнія. Чехія и Моравія должны были, по мѣрѣ своего политическаго возрастанія, привлекать къ себѣ смежныя колѣна Балтійскихъ славянскихъ родовъ и быть можетъ втянули бы ихъ въ свой развивающійся организмъ, если бы не помѣшало этому случайное обстоятельство, именно появленіе новаго въ западной Европѣ народа и царства Мадьяръ. Мадьяры помѣшали естественному росту Велико-Моравскаго царства и послужили значительнымъ противовѣсомъ при состязаніи на западѣ германской и славянской стихіи. Какъ гунны въ V вѣкѣ перетянули чашку вѣсовъ на славянскую сторону, такъ и Мадьяры въ X вѣкѣ помогли Германіи, хотя и косвеннымъ образомъ, получить перевѣсъ надъ славянами. Съ этого времени Балтійское славянство видимо клонится къ паденію, уступая нѣмецкой силѣ. Въ XII—XIII вѣкѣ оно почти совсѣмъ теряетъ свою самостоятельность и постепенно поглощается, въ послѣдующіе вѣка, нѣмецкою средой. Этому содѣйствовало также быстрое возрастаніе политической силы скандинавскихъ государствъ, тѣснившихъ Балтійскихъ славянъ съ сѣвера.

Вспоминая прошлое Балтійскихъ славянъ, ихъ многолюдство, довольно высокое культурное развитіе и равносильное соперничество съ цѣлою Германіей въ продолженіи почти 1000 лѣтъ, нельзя не задать себѣ вопросъ: какимъ образомъ эта многочисленная и сильная вѣтвь славянской народности могла такъ быстро ослабѣть (въ X—XI в.) и такъ легко уступить свое мѣсто нѣмецкому племени (въ XII—XIV в.). Обыкновенно это объясняютъ, съ одной стороны, недостаткомъ у славянъ національнаго самосознанія и единства, съ другой стороны—безцеремонной настойчивостью и безсердечной суровостью нѣмцевъ при насильственной германизаціи славянскихъ земель*). Признавая несомнѣнно долю участія этихъ причинъ, мы тѣмъ

*) Германская политика въ этомъ отношеніи весьма любопытна и поучительна. Мѣры направленныя къ уничтоженію славянства состояли: 1) въ лишеніи славянъ земельной собственности подъ разными предлогами, 2) въ насильственой германизаціи, шедшей рука объ

не менѣе, затруднились бы уяснить себѣ: почему славяне X—XII в. такъ ослабѣли, что почти сразу потеряли способность противодѣйствовать германскимъ вожделѣніямъ. Этого нельзя объяснить ни духомъ принятаго ими христіанства, ни преклоненіемъ передъ нѣмецкою культурою. Исторія даетъ намъ много примѣровъ, гдѣ даже малочисленныя и слабыя народности вѣками сохраняютъ свою національность, не смотря на политическую зависимость отъ подавляющей массы господствующаго племени. Таковы въ наше время эсты, латыши, финляндцы и разные другіе инородцы центральной и восточной Россіи. Чтобы сломить и искоренить народность, нужно прежде ослабить ее численно и духовно и послѣ того уже принимать мѣры къ насильственной ассимиляціи. Въ этомъ родѣ долженъ былъ происходить и процессъ обезличенія Балтійскихъ славянъ.

Выше мы говорили, что начало упадка поморскихъ славянъ совпадало съ эпохой нарожденія трехъ славянскихъ государствъ: Моравіи, Богеміи и Россіи. Въ концѣ IX в. моравскій политическій союзъ достигъ своего наибольшаго расширенія. «Несомнѣнно, пишетъ К. Я. Гротъ, что кромѣ Чехіи на западѣ, Панноніи на югѣ, къ нему добровольно примкнули или же были присоединены многія небольшія славянскія племена и земли на сѣверѣ (по Эльбѣ и Одеру) и на сѣверо-востокѣ, въ нынѣшней Галиціи. Возможно, что верховную власть моравскаго князя признавали тогда славяне въ нынѣшнихъ Лужицахъ Силезіи и даже поляки западной Галиціи*). Такимъ образомъ, благодаря моравскому союзу, значительная доля Балтійскихъ славянъ отошла въ эту сторону, гдѣ продолжала борьбу съ нѣмцами уже въ послѣдующіе вѣка. Остальныя части, лежащія по Балтійскому поморью западнѣе Одера, гдѣ жили *Варны* (нынѣшній Мекленбургъ-Шверинъ), *Вагры* (въ Голштиніи), *Рароги* и прочіе Поморяне, повидимому, болѣе тяготѣли къ формировавшейся въ то время Россіи. Допуская логическую вѣроятность призванія русскихъ князей именно изъ этихъ приморскихъ областей варяжскаго поморья, мы должны вмѣстѣ съ тѣмъ признать, согласно русскимъ лѣтописямъ, что вмѣстѣ съ варяжскими князьями, а можетъ быть и значительно раньше того, переливалась въ предѣлы Россіи значительная колонизаціонная волна варяжскаго населенія. На это указываетъ имя Руси, явившееся, какъ народное имя, прежде призванія князей. «Отъ тѣхъ Варяговъ прозвася русская земля Новугородьци». «Поляне, яже нынѣ зовомая Русь». «Въ лѣто 6360 (852) начася прозывати русская земля». Черное море называлось Русскимъ моремъ.

руку съ такимъ же водвореніемъ католицизма, 3) въ ограниченіи правъ славянъ сравнительно съ нѣмцами и 4) въ систематическомъ заселеніи нѣмецкимъ народомъ отнятыхъ или запустѣвшихъ славянскихъ земель. Много любопытныхъ подробностей по этому вопросу можно найти въ журналѣ „Jahrbücher des Vereins für meklenburgische Geschichte und Alterthumskunde. Издавался съ 1836 года въ Schwerin'ѣ.

*) К. Я. *Гротъ*, Моравія и Мадьяры. Спб. 1881 г., стр. 136.

И внутри Россіи, особенно въ Новгородской области, появилось много географическихъ слѣдовъ съ именемъ Русь, или съ именами водъ и городовъ, существовавшими ранѣе въ приморскихъ областяхъ у Балтійскихъ славянъ. Очевидно, все это занесено къ намъ Варягами Русью, и не вслѣдствіе одного только призванія князей, а постепенно приливавшею къ намъ изъ-за моря народною волною. Подобно тому, какъ нынѣшняя Болгарія получила свое имя отъ Камскихъ болгаръ, Франція отъ франковъ, вслѣдствіе смѣшенія двухъ народностей, и имя Руси явилось результатомъ такого же смѣшенія,— не шведскаго, конечно, и не нѣмецкаго, а единокровнаго славянскаго*).

Такое предположеніе логично и понятно. Въ такомъ случаѣ имя Руси должно было явиться не отъ личности трехъ витязей, а отъ вѣковаго процесса народнаго переселенія. Для того, чтобы Кіевская и Новгородская области усвоили себѣ это общее имя, вмѣсто прежнихъ частныхъ географическихъ названій, или общаго имени славянъ, необходимо, если не численное, то духовное преобладаніе здѣсь пришельцевъ изъ племени Русь, что достигается не вдругъ, а въ продолженіе значительнаго періода времени. Такъ, повидимому, и было на самомъ дѣлѣ. Путь изъ варягъ въ греки былъ извѣстенъ очень давно, за долго до начала государственной Руси. Этимъ путемъ шла торговля сѣвера съ греческими колоніями еще до Р. Х., и Балтійскіе венеты принимали въ этомъ участіе. Позднѣе тѣмъ же путемъ шли наемники норманны и вяряги на византійскую службу. Равнымъ образомъ, Венеты также усердно посѣщали русскіе берега Балтійскаго моря и Финскаго залива, гдѣ они оставили по себѣ много географическихъ воспоминаній. Интересы торговли и матеріальныя выгоды тянули ихъ къ сѣверу и къ Черному морю. Здѣсь открывался широкій просторъ ихъ предпріимчивому духу и приволье для всякаго рода промышленности, особенно послѣ того, когда усиливавшіяся Скандинавія, Германія и Британія стали стѣснять венетовъ въ территоріи и въ промыслахъ. При такихъ условіяхъ вполнѣ естественно было ожидать, что издревлѣ знакомые торговые пути служили Венетамъ и потокъ Балтійскимъ славянамъ путемъ переселеній. На новыхъ мѣстахъ они встрѣчали не чужія, враждебныя имъ племена, а родственныя по крови и языку. Здѣсь они могли найти новую родину, сюда перенести свою венетскую культуру, вмѣстѣ съ русскимъ народнымъ именемъ. Отъ нихъ «прозвася русская земля Новугородци» и южные поляне стали называться Русью. На этихъ началахъ впослѣдствіи сформировалась русская государственная жизнь. Руская культура явилась продолженіемъ нѣкогда передовой въ славянствѣ венетской культуры, слившейся впослѣдствіи съ другимъ, еще болѣе богатымъ и обильнымъ

*) Извѣстно, что ни въ географическихъ, не въ личныхъ именахъ древней Руси, ни въ старомъ русскомъ языкѣ не имѣется ни малѣйшей скандинавской или нѣмецкой примѣси, что было бы неизбѣжно, если бы Варяги-Русь были не славянскаго поколѣнія.

источникомъ византійскимъ. Славянскій міръ раздѣлился на двѣ половины: одна изъ нихъ, южная, удержала общее имя славянъ, другая, сѣверная—общее имя руссовъ.

Такъ можно представлять себѣ въ общихъ чертахъ процессъ сформированія русской гражданственности. Высказанную гипотезу о тождествѣ Варяговъ и Венетовъ нельзя, конечно, принять за строго научное положеніе. Она не основана на точныхъ документахъ; но гдѣ ихъ взять, когда дѣло идетъ о событіяхъ не занесенныхъ на писанные листы. Тѣ отрывочные слова и факты, какіе встрѣчаются у Нестора, у византійцевъ, у арабскихъ и западныхъ писателей далеко не исчерпываютъ полноты и вразумительности варяжскаго и русскаго вопроса. Слова и факты требуютъ поясненія и логической оцѣнки. При этомъ, естественно, они могутъ дать поводъ къ разнымъ, иногда противуположнымъ выводамъ, смотря по складу субъективнаго мышленія. Примѣромъ тому служатъ русская и норманская школы, освѣщающія одинъ и тотъ же вопросъ и на основаніи однихъ и тѣхъ же данныхъ съ совершенно различныхъ точекъ зрѣнія. Надъ словами и неяснымъ фактами должна господствовать логика событій: теоретическій выводъ иногда можетъ вѣрнѣе угадать правду, чѣмъ запутанный историческій намекъ. Эта теоретическая правда, если она стоитъ на вѣрномъ пути, можетъ найти себѣ подтвержденіе и сдѣлаться аксіомой, когда найдутся для нея фактическія доказательства изъ другой научной области, которой еще такъ скудно пользуется историческая наука, именно изъ области филологіи и археологіи. Если же не найдется такихъ доказательствъ, то брошенная въ обращеніе идея замретъ сама собой, не причинивъ вреда ни людямъ, ни достоинству науки.

Я невольно и можетъ быть слишкомъ увлекся варяжскимъ вопросомъ, которому въ русской исторической литературѣ были посвящены обширныя спеціальныя сочиненія людей вполнѣ авторитетныхъ и котораго не слѣдовало бы касаться вскользь и мимоходомъ. Оправдываю себя тѣмъ, что варяжскій вопросъ имѣетъ прямое отношеніе къ изученію археологическихъ памятниковъ Балтійскихъ и русскихъ славянъ; ниже эти памятники придется изучать паралельно и сопоставлять между собой.

Постепенное переселеніе Балтійскихъ поморянъ въ древнюю Россію должно было значительно усилиться со второй половины IX вѣка. Этому благопріятствовала, кромѣ установившейся у насъ Варяжской династіи, начавшаяся на Балтійскомъ Поморьѣ насильственная пропаганда христіанства. Славяне язычники находили въ Россіи не одни свободныя земли и выгодные промыслы, но также привычную религіозную сферу, отвѣчавшую народному складу ихъ міровоззрѣнія. Все болѣе живое, подвижное и энергичное покидало родные края, гдѣ оставалось по преимуществу только сельское населеніе, привязанное къ землѣ и питавшееся отъ земли. Такимъ образомъ, мало по малу

нарушалось на Балтійскомъ побережьѣ равновѣсіе нѣмецкихъ и славянскихъ силъ, соперничавшихъ между собой въ продолженіи длиннаго ряда вѣковъ. Германія стала побѣждать не отъ возрастанія своей силы и не вслѣдствіе высоты своей культуры, а вслѣдствіе добровольнаго отступленія непріятеля. Здѣсь мы видимъ тотъ же самый процессъ, который въ древности повторялся неоднократно, когда удаленіе одного народа влекло за собой замѣщеніе пустоты другою народностью, иногда менѣе сильною. Такъ, вѣроятно, подвигались изъ глубины Сибири монголо-татарскія и финскія племена вслѣдъ за отступающими азіатскими скифами-арійцами. Такъ замѣстилось Болгарское царство на Камѣ и Волгѣ мадьярами и чувашами, послѣ выселенія древнихъ славянскихъ болгаръ на югъ Россіи и за Дунай. Тоже повторилось послѣ выселенія мадьяръ, мѣсто которыхъ заняла мордва и черемиса. Подобныя переселенія и замѣщенія встарину были явленіемъ не исключительнымъ. Тотъ же процессъ, можно полагать, повторился и на Балтійскомъ поморьѣ. Военныя дружины и витязи исчезли, города опустѣли, остающееся сельское населеніе, безъ повелѣвающаго центра и руководства, сдѣлалось легкой добычею германизаціи. То, что Германія не была въ состояніи сдѣлать въ продолженіи тысячи лѣтъ, при измѣнившихся условіяхъ, удалось окончить въ 2—3 столѣтія: къ XIII—XIV вѣкамъ на земляхъ Балтійскихъ славянъ процвѣтало уже исключительно нѣмецкое царство.

Такъ закончила свое существованіе самая древняя и самая передовая, въ географическомъ и культурномъ смыслѣ, вѣтвь сѣверозападнаго славянства. Сверстница древней Греціи и Риму, она, подъ именемъ венетовъ, ознаменовала себя въ исторіи народомъ предпріимчивымъ, отважнымъ, разумнымъ и храбрымъ. Господствуя на сѣверныхъ моряхъ, древніе венеты были здѣсь едва ли не первыми иниціаторами правильной морской торговли и обширнаго мореплаванія вообще, развившагося у нихъ въ то время, когда о скандинавскихъ викингахъ не было еще помину и когда германскія племена находились въ примитивномъ родовомъ быту (вѣкъ Юлія Цезаря). Непосредственные потомки этихъ венетовъ, поморскія вѣтви Балтійскихъ славянъ, пользовались не меньшею славою. Вплоть до IX или даже до X вѣка они имѣли перевѣсъ надъ Германіей и соперничали съ Скандинавіей въ мужествѣ и силѣ, принимая иногда участіе въ норманнскихъ дружинахъ *викинговъ* *) Во второй половинѣ IX вѣка славянское поморье стало осла-

*) Слово *Wiking* по значенію вполнѣ тождественно славянскому *витязь*, лит. *vitis*, древне-прусскому *Witing*, что значитъ герой, авантюристъ. Трудно сказать, на какомъ языкѣ первоначально образовалось это слово. Въ славянскихъ корняхъ его можно связать съ глаголомъ *витати*,—имѣть гдѣ либо пребываніе на короткое время, заходить къ кому въ гости. „Въ странѣ нашей приходяще Русь, да *витаютъ* у святаго Мамы“ (лѣтоп. Кенигсб. списка). Такимъ образомъ слово *Витязь* первоначально могло обозначать пріѣзжій человѣкъ, гость. Норманское слово *vikingar* обыкновенно производятъ отъ *vik*—морская бухта, или отъ *vig*—война. Русское *витязь*, очевидно, ближе всего къ древанскому Witing (подобно слову Вярягъ и Варангъ) и вѣроятно перенесено къ намъ съ Балтійскаго поморья витязями—варягами.

бѣвать, вслѣдствіе перемѣщенія его народныхъ силъ дальше на сѣверъ и востокъ, въ Новгородскую и Кіевскую области. Въ строгомъ смыслѣ Балтійскіе славяне и послѣ того не окончили свой вѣкъ и не исчезли: они возродились въ другой странѣ и въ другой формѣ. Тысячелѣтіемъ созданная и накопившаяся энергія этого племени нашла себѣ полный политическій разцвѣтъ на русскихъ широкихъ равнинахъ, а оставшіяся на прежней родинѣ народныя силы пошли на духовное оплодотвореніе сѣверной Германіи.

«Много разъ обращалъ на себя вниманіе тотъ фактъ, что нѣмецкое племя образовало значительныя государственныя тѣла только на завоеванной землѣ и преимущественно на славянской: таковы Пруссія и Австрія, въ противуположность всѣмъ другимъ мелкимъ нѣмецкимъ владѣніямъ, на которыя раздроблены коренныя земли Германіи». Такой выводъ дѣлаетъ Гильфердингъ въ концѣ своего прекраснаго изслѣдованія о Балтійскихъ славянахъ (стр. 343). Государственное начало нынѣшней объединенной Германіи зародилось, какъ извѣстно, на Бранденбургской почвѣ и потомъ въ Пруссіи, которая до сихъ поръ стоитъ во главѣ Германской имперіи. Всѣ наиболѣе выдающіеся въ наукѣ творческіе умы и государственные дѣятели Германіи выходили отсюда. И этого нельзя считать явленіемъ случайнымъ. Съ точки зрѣнія соціальной физіологіи здѣсь должна была имѣть значеніе помѣсь двухъ, одинаково даровитыхъ, но разныхъ по характеру и направленію народностей, давшая въ результатѣ улучшеніе расы. Славянская натура носила въ себѣ идею политическаго единенія, ширину взгляда на задачи жизни и мысли, смѣлость въ предпріятіяхъ и упорство въ достиженіи цѣли; отличительнымъ свойствомъ нѣмецкаго характера были: индивидуализмъ, сосредоточенность въ самомъ себѣ, глубина мысли въ частностяхъ, тщательность и усидчивость въ разработкѣ деталей. Изъ сліянія тѣхъ и другихъ свойствъ, взаимно умѣряющихъ и пополняющихъ крайности того и другаго племени, сложился нынѣшній типъ сѣверно-германской народности, превосходящей по таланту и энергіи народонаселеніе Южной Германіи.

Каждое человѣческое племя, при многовѣковой исторической жизни, требуетъ подновленія, если можно такъ выразиться, освѣженія крови. Національный типъ, предоставленный исключительно самому себѣ, неизбѣжно современемъ мельчаетъ и вырождается. Тоже самое мы видимъ въ замкнутыхъ сословіяхъ и изолированныхъ кастахъ. Индивидуальный талантъ рѣдко передается по прямой наслѣдственной линіи. Прогрессивное умственное возрастаніе народа точно также требуетъ освѣженія старыхъ запасовъ новыми элементами, притекающими извнѣ. Примѣненіе этого историческаго закона мы видимъ на всѣхъ древнихъ и новыхъ народностяхъ (Греція, Италія, Франція, Англія, Россія). Для Германіи это составляло такую же физіологическую необходимость, которая и была восполнена ассимиляціей остатковъ Балтійскихъ славянъ.

Тѣмъ же привходящимъ народнымъ матеріаломъ воспользовалась Россія, чтобы начать свою, съ первыхъ же шаговъ широко задуманную, государственную жизнь. Разница здѣсь состояла лишь въ томъ, что въ Россіи произошло добровольное слiяніе двухъ народныхъ колѣнъ, а въ Германіи (равно и въ другихъ европейскихъ государствахъ)—насильственное. Могло ли послѣднее обстоятельство оказать какое либо существенное вліяніе на дальнѣйшую историческую судьбу новыхъ государствъ (напр. въ смыслѣ единства народнаго духа, устойчивости государственныхъ учрежденій и всего государственнаго организма), это покажетъ будущее.

Приведенный въ этой главѣ краткій обзоръ исторіи Балтійскихъ славянъ можетъ служить намъ путеводною нитью при дальнѣйшихъ археологическихъ розысканіяхъ, что составляетъ главную цѣль нашей работы. Зная напередъ, гдѣ можно и гдѣ слѣдуетъ искать славянскихъ памятниковъ, какъ слѣдовъ давнопрошедшей исторической жизни, мы будемъ въ состояніи оріентироваться въ этомъ матеріалѣ и, по возможности, опредѣлить тѣ отличительныя черты, которыми собственно характеризуются славянскія древности въ отличіе отъ германскихъ и другихъ. Такая задача едва ли можетъ считаться недоступною. Не смотря на культурное сходство всѣхъ цивилизованныхъ народовъ между собой, каждый изъ нихъ имѣетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣчто свое собственное,—свой обликъ, свой характеръ. Это мы видимъ въ настоящемъ, можемъ усмотрѣть и въ прошедшемъ, какъ задачу національной археологіи. Но не одни вещественные памятники могутъ пролить свѣтъ на темныя страницы начальной русской исторіи. Балтійское поморье могло бы указать намъ не мало и другихъ слѣдовъ, подтверждающихъ связь его прежняго населенія съ народившеюся новою жизнью Россіи. Слѣды эти окажутся въ языкѣ поморянъ, въ существовавшихъ у нихъ обычаяхъ, привычкахъ, въ религіозныхъ (языческихъ) вѣрованіяхъ, въ складѣ соціальной жизни и т. д. Изъ совокупности этихъ источниковъ можно почерпнуть гораздо болѣе вѣскія и убѣдительныя доказательства о происхожденіи варяжской Руси, нежели изъ филологическаго толкованія имени Варанговъ и нѣсколькихъ другихъ русскихъ словъ, искаженныхъ въ передѣлкѣ у византійскихъ писателей (напр. названіе Днѣпровскихъ порогoвъ у Константина Багрянороднаго), на которыхъ зиждется, вопреки историческому смыслу, норманская теорія.

Защитники норманской теоріи основъ Русскаго государства, начиная съ Байера и Шлецера, производятъ имя Варяговъ отъ скандинавскаго *Vaeringiar*, германскаго *Waeria*—защита, *Warda*—беречь, стеречь. Норманны, въ IX столѣтіи служившіе въ Византіи вмѣстѣ съ другими варварами въ качествѣ наемнаго войска, назывались по гречески Βάραγγοι, а по германски *Waering*, что и послужило будто бы основою для имени Варяговъ. Слово

Веринг означало такимъ образомъ федерацію или союзъ (отъ англосаксонскаго Waere и аллеманскаго Wara—pactum, foedus), а слѣдовательно имя варяговъ относилось не къ опредѣленному народу, а къ общинѣ или союзу, федераціи морскихъ промышленниковъ или пиратовъ, гдѣ могли находиться разныя національности. Изъ такой федераціи, въ родѣ русскаго казачества, иногда выдѣлялись дружины, нанимавшіяся служить въ качествѣ наемнаго войска въ Византіи (готскіе федераты), но чаще они образовали шайки морскихъ разбойниковъ, громившихъ прибрежныя страны. Большею частью это были норманны (шведы, датчане), но въ федераціи участвовали также и Балтійскіе венеты. Изъ такой морской вольницы русскіе историки норманской школы производятъ нашихъ первыхъ князей, призванныхъ изъ-за моря для установленія гражданскаго порядка въ русской землѣ и положившихъ начало русскому государству. Искуственность этой теоріи бросалась въ глаза съ перваго раза и вызвала основательныя возраженія со стороны нѣкоторыхъ русскихъ ученыхъ, не принадлежавшихъ къ норманскому лагерю. Это породило цѣлую полемическую литературу, начавшуюся болѣе ста лѣтъ тому назадъ и до сихъ поръ не приведенную къ окончательному результату. Въ числѣ спорныхъ пунктовъ не послѣднее мѣсто занимало имя варяговъ, такъ какъ на немъ, а не на исторической логикѣ главнымъ образомъ основывалась норманская школа.

Защитники славянской теоріи варяговъ производили это слово отъ древнеславянскаго *варяю,—варяти*, идти впередъ, *предварять*—предупреждать кого или что. Въ отношеніи къ народу слово варягъ въ этомъ случаѣ значило бы передовой, піонеръ, что логически и исторически соотвѣтствовало бы значенію венетовъ, какъ передовой волны славянства, ранѣе другихъ вошедшаго въ соприкосновеніе съ образованнымъ міромъ и прежде другихъ развившаго у себя начала благоустройства и гражданственности. Но эта этимологія слова варягъ была отвергнута, какъ несоотвѣтствующая, по мнѣнію филологовъ, законамъ славянской лингвистики и словопроизводства. Имя варягъ старались непремѣнно сопоставить съ скандинавскимъ варангъ, предполагая, что въ буквѣ *я* должны существовать слѣды ринизма. Поэтому Потоцкій, Бутковъ и Гедеоновъ указываютъ на другое слово, отысканное въ старомъ балтійско-славянскомъ словарѣ древанскаго нарѣчія, именно *Warang*, что значитъ мечь,—отсюда полабское *варанг*—мечникъ, меченосецъ, русское *варягъ*. При этомъ Гедеоновъ замѣчаетъ, что «у Балтійскихъ вендовъ, судя по дошедшимъ до насъ остаткамъ ихъ древняго языка, господствовало, при обычной наклонности западныхъ славянскихъ нарѣчій къ ринизму, особое влеченіе къ усвоенію себѣ литовскихъ окончаній и звуковъ на *ang*, *ank*, ung и т. д. Они говорили дитя—*tetang*, рамо—*ramang*, имя—*geimang*, вечеря—*wätzerang*, щенокъ—*stinang*, паукъ—*poyang* и

т. д. Подобно тому у нихъ могла существовать и форма *Warang*, по рускому произношенію *варягъ* (*Гедеоновъ*, о варяжскомъ вопросѣ стр. 159). Трудно судить, на сколько все это примѣнимо къ разрѣшенію варяжскаго вопроса. Казалось бы проще и убѣдительнѣе въ данномъ случаѣ руководиться не этимологическими тонкостями, а совокупностью историческихъ фактовъ, которые яснѣе говорятъ въ пользу одноплеменности варяговъ съ Балтійскими славянами, т. е. венетами.

Имя скандинавскихъ варанговъ, является не ранѣе IX столѣтія, послѣ того, когда появились византійскія извѣстія о βαραγγ'ахъ, служившихъ въ Греціи въ качествѣ наемнаго войска. Въ самой Скандинавіи это имя было совсѣмъ не обычное, скорѣе книжное, чѣмъ народное. Иначе оно является на Руси. Здѣсь слово варягъ имѣло точный смыслъ, примѣнялось къ опредѣленному народу, сохранилось въ письменности и въ преданіи до позднѣйшихъ временъ и запечатлѣлось на географическихъ или бытовыхъ терминахъ. Несторъ, говоря о варягахъ, могъ знать въ точности, что это за народъ, ибо въ его время варяжская дружина и варяжскіе гости были на Руси явленіемъ обыкновеннымъ. Отъ нихъ самихъ онъ могъ узнать нѣкоторыя подробности не только національныхъ отношеній ихъ къ славянамъ, но и о тѣхъ краяхъ, откуда они приходили. Въ этомъ отношеніи свѣдѣнія, сообщенныя Несторомъ, могли бы имѣть больше значенія, чѣмъ отрывочные факты, сообщаемые византійцами, германцами и позднѣе арабами. Что же мы узнаемъ изъ Нестора?—1) Ни о какой федераціи или разноплеменномъ союзѣ, носившемъ имя варяговъ, онъ не говоритъ ни слова. Въ его повѣствованіи варяги являются опредѣленной страной и народомъ. Онъ описываетъ путь «изъ Варягъ въ Греки», чѣмъ точно опредѣляетъ, что Варяги были не община, не сословіе, а особая народность, занимавшая опредѣленную страну. Балтійское море онъ называетъ *Варяжскимъ*. Это названіе существовало только у русскихъ славянъ, замѣняя старое западное имя *Oceanus Sarmaticus* или *Venedicus sinus*; у норманновъ оно называлось *Ostersalt*. Названіе моря взято, очевидно, не отъ сословія купцовъ или дружинниковъ, а отъ имени народности. По тому же принципу получили свои имена: море Русское (Черное), Хвалынское (Каспійское, отъ хвалисовъ), море Нѣмецкое (mare Germanicum). Все это ясно показываетъ, что варяги были не федерація, а народъ, и Несторъ не могъ иначе понимать ихъ какъ въ этомъ смыслѣ. 2) Національность Варяговъ Несторъ, повидимому, не причисляетъ къ чистой славянской семьѣ. О славянахъ онъ говоритъ: «по многѣхъ же временехъ (послѣ столпотворенія Вавилонскаго) сѣли суть словѣни на Дунаеви, гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарьска. Отъ тѣхъ словѣнъ (т. е. отъ древне-болгарскихъ, иначе оракійскихъ и карпатскихъ) разыдошася по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ сѣша на которомъ мѣстѣ: яко пришедше сѣдоша на рѣцѣ

имянемъ Морава и прозвашася Морава, а друзіи Чеси на рѣкошася; а се ти же славѣни—Хровате бѣліи, и Сербь, и Хорутане.... Словени же ови пришедше сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхове, а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне, Ляхове-друзіи Лужичи, ини Мазовшане, ини Поморяне (далѣе идетъ перечисленіе русскихъ славянъ). Тако разидеся словѣнскій языкъ.»

По мѣсту, занимаемому въ начальной лѣтописи и по послѣдовательности этого повѣствованія, оно очевидно относится ко временамъ отдаленнымъ, о которыхъ у славянъ сохранилось только преданіе. За этимъ отрывкомъ слѣдуетъ описаніе пути изъ Варягъ въ Греки, а дальше идетъ повѣствованіе о благовѣстіи апостола Андрея. По порядку изложенія можно думать, что приведенный отрывокъ долженъ относиться приблизительно къ эпохѣ около Р. Х. При перечисленіи Балтійскихъ славянъ здѣсь упоминаются Несторомъ только Поморяне, но ни слова не сказано ни о варягахъ, ни о венетахъ. Сомнительно, чтобы Несторъ совсѣмъ не зналъ объ ихъ существованіи, но варяговъ онъ перечисляетъ въ общей космографіи, на ряду съ прочими европейскими народностями, венетовъ же совсѣмъ не называетъ. Слѣдуетъ ли отсюда заключать, что Несторъ не считалъ венетовъ или варяговъ своими соплеменниками? Вывести такое заключеніе едва ли возможно. Когда писалась русская начальная лѣтопись (около $2^1/_2$ столѣтій послѣ основанія русскаго государства), венеты, какъ и всѣ Балтійскіе славяне были уже, если можно такъ выразиться, исключены изъ общей славянской семьи, не смотря на свое несомнѣнное славянство. Оторванные отъ славянскаго центра, окруженные датчанами и германцами, они во времена Нестора уже не имѣли самостоятельнаго народнаго значенія, почему лѣтописецъ имѣлъ основаніе не упоминать объ нихъ при перечисленіи славянскихъ народностей.

Прибавленіе къ 1-й и 2-й главѣ.

Замѣтка о русскомъ судоходствѣ и мореходствѣ, въ связи съ объясненіемъ происхожденія сибирскихъ городищъ.

Вопросъ о плаваніи древнихъ жителей Россіи и Сибири по большимъ сѣвернымъ рѣкамъ, а, можетъ быть, отчасти и по Ледовитому океану имѣетъ важное археологическое значеніе. Что рѣчное судоходство существовало здѣсь въ глубокой древности, это не подлежитъ сомнѣнію. Этотъ фактъ подтверждается: 1) расположеніемъ почти всѣхъ городищъ, примыкавшихъ открытою стороною непосредственно къ судоходной рѣкѣ, слѣдовательно разсчитанныхъ на отступленіе, въ случаѣ крайности, водянымъ путемъ. 2) Большая часть древнихъ городковъ, расположенныхъ по торговымъ рѣчнымъ путямъ, видимо были разсчитаны на охрану этихъ путей, какъ опорные пункты среди инородческаго чудскаго населенія (напр. по Камѣ, Вяткѣ, Иртышу, Турѣ и

Тавдѣ). 3) Въ этихъ городищахъ, иногда очень далеко на сѣверъ, напр. въ Обдорскомъ и Печерскомъ краѣ, нерѣдко были находимы бронзовые и серебряные предметы южнаго происхожденія, въ томъ числѣ древнія персидскія монеты, серебряные сосуды, металлическія зеркала съ греческимъ орнаментомъ и съ рисунками южной природы (въ Пермскихъ древностяхъ и въ Тобольскомъ музеѣ). Очевидно, что предметы далекой южной торговли проникали сюда при помощи рѣчнаго судоходства. 4) Арійскія, или прямо славянскія названія сѣверныхъ рѣкъ, напр. Двины, Печоры, Оби, также подтверждаютъ, что имена эти даны не мѣстными обитателями сѣверныхъ тундръ, а арійскимъ народомъ, господствовавшимъ на этихъ рѣчныхъ путяхъ, вѣроятнѣе всего восточными славянами.

Между тѣмъ въ русской исторіи почему-то укоренилось мнѣніе, что наши предки не были склонны къ судоходству. Это недоразумѣніе можно объяснить только скудостью историческихъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ и недостаточнымъ вниманіемъ къ нашимъ древностямъ. Какъ ни скудны, однако-же, такія свѣдѣнія, сообщаемыя нашими лѣтописцами, но и по нимъ можно видѣть, что о судоходствѣ и мореходствѣ на Руси извѣстно съ того самаго времени, какъ началась наша историческая Русь. Самый фактъ призванія князей изъ-за моря показываетъ, что новгородцы умѣли пользоваться морскою стихіей. Я не буду говорить о плаваніи по Днѣпру и Западной Двинѣ (путь изъ варягъ въ греки), существовавшемъ задолго до призванія князей, о плаваніи Руссовъ по Камѣ и Волгѣ, по свидѣтельству арабскихъ писателей, и о многихъ другихъ несомнѣнныхъ фактахъ, подтверждающихъ мореходныя и судоходныя способности древнихъ славянъ*). Остановлюсь на водахъ крайняго сѣвера, какъ имѣющихъ болѣе близкое отношеніе къ сибирской археологіи. Историческихъ данныхъ мы имѣемъ здѣсь очень не много, но изъ того, что занесено въ лѣтописи, можно видѣть, что съ первыхъ же лѣтъ нашей гражданской исторіи мы являемся уже знакомыми съ приморскимъ сѣверомъ Россіи.

Описывая распредѣленіе славянскихъ родовъ и перечисляя вмѣстѣ съ тѣмъ иноязычныхъ данниковъ Руси, Несторъ упоминаетъ въ числѣ послѣднихъ *Пермь* и *Печору*. Изъ этого видно, что съ печерскимъ и пермскимъ краемъ Русь была знакома издавна. Сообщеніе съ этими далекими краями

*) Преподобный Несторъ въ самомъ началѣ своей лѣтописи подробно описываетъ существовавшіе въ его время водные пути, очевидно, руководясь не одними византійскими источниками. „Изъ Грекъ по Днѣпру, и вверхъ Днѣпра волокъ до Ловати, по Ловати внити въ Илмерь озеро великое, изъ него же озера потечетъ Волховъ и втечетъ въ озеро великое Нево; того озера внидетъ устье въ море Варяжское, и по тому морю идти до Рима, а отъ Рима прити по тому же морю (т. е. тоже моремъ) къ Царю-Граду, а отъ Царя-Града прити въ Понтъ море, еже словеть Русское, въ не же втечетъ Днѣпръ рѣка.... А Двина идетъ на полунощье, и внадетъ въ море Варяжское“ и. т. д.

совершалось по рѣкамъ, переходя *волокомъ*, гдѣ необходимо, съ одного рѣчнаго бассейна въ другой. Поэтому страны между Двиною и Печерою въ IX в. назывались *Заволоцкою Чудью*. Въ X—XI в. Двинское поморье уже было заселено русскими. Въ началѣ XII в. при устьѣ Двины существовалъ Заволоцкій монастырь во имя архангела Михаила. Не позже этого времени началось и мореходство по Сѣверному океану. Въ лѣтописи по Софійскому, Воскресенскому и Никоновскому спискамъ подъ 1032 годомъ значится, что «Великій Князь Ярославъ почя городы ставити на Руси. Того же лѣта Улѣбъ иде на *желѣзныя врата* изъ Новгорода, и вспять мало ихъ возвратишася, но мнози тамо погибоша». Подъ желѣзными вратами разумѣлись проливы между Новою Землею и остр. Вайгачемъ (нынѣ Карскіе ворота); также назывались два пролива въ Бѣломъ морѣ, между островами Соловецкимъ и Муксалмы и между сѣверною оконечностью Мудьюжскаго острова и материкомъ*). Это первое лѣтописное свѣдѣніе о плаваніи русскихъ по Ледовитому океану. Въ 1421 г. была основана на Бѣломъ морѣ Соловецкая обитель. Въ 1499 г. былъ построенъ князьями Курбскимъ, Ушатовымъ и Заболоцкимъ—Пустозерскій острогъ, въ 100 верстахъ отъ устья р. Печоры. Около 1500 г. на географическихъ картахъ западной Европы уже отмѣчали островъ *Новая Земля* съ этимъ русскимъ названіемъ**). Въ 1556 г., когда этотъ островъ посѣтилъ первый изъ европейскихъ путешественниковъ, Стефанъ *Баррафъ*, онъ уже нашелъ тамъ суда русскихъ промышленниковъ, хорошо знакомыхъ съ фарватеромъ и страною. *Норденшильдъ*, въ описаніи своего недавняго путешествія вокругъ Европы и Азіи на пароходѣ Вега, по этому поводу замѣчаетъ: «Весьма даже вѣроятно, что также, какъ самая сѣверная часть Норвегіи тысячу лѣтъ тому назадъ была извѣстна не только бродячимъ Лапландцамъ, но и норманнамъ съ квенами,—о странахъ около Югорскаго шара и острова Вайгача знали за нѣсколько столѣтій до Баррафа» ***). Далѣе, при подробномъ изложеніи путешествія этого мореходца, Норденшильдъ замѣчаетъ (стр. 216), что въ половинѣ XVI столѣтія существовало довольно развитое русское мореходство не только между Бѣлымъ моремъ и Новою Землею, но даже морскія плаванія до устья Оби. Русскіе, по свидѣтельству Баррафа, были смѣлые и хорошіе моряки, они обладали хорошими судами, скорость которыхъ при попутномъ вѣтрѣ даже превосходила скорость англійскихъ судовъ (къ сочиненію приложены и рисунки русской морской ладьи). Изъ описанія путешествія голландцевъ въ 1595 г. мы узнаемъ, что русскіе

*) *Литке.* Четырехкратное путешествіе въ Сѣверный Ледовитый Океанъ. Спб. 1828. ч. I, стр. 8.

**) *Witsen*, Nord end ost Tartarye, p. 928. *Литке.* 1 с., стр. 13.

***) Путешествіе А. Э. Норденшильда на пароходѣ Вега съ 1878—1880 г. Русск. перев. Спб. стр. 206.

сѣверные моряки ежегодно ходили въ то время черезъ Вайгачскій проливъ не только до Оби, но и до устья Енисея (тамъ же, стр. 233). Отважные походы русскихъ казаковъ по сибирскимъ рѣкамъ и морямъ въ XVII столѣтіи (Дежневъ, Хабаровъ, Поярковъ и др.) хорошо извѣстны изъ сибирской исторіи.

Изъ вышеприведенной исторической справки видно, какъ давно и какъ широко пользовалась сѣверная Русь рѣчнымъ и даже морскимъ судоходствомъ. Конечно, лѣтопись не могла исчерпать всего, что совершалось на далекомъ сѣверѣ; тѣмъ болѣе она не касалась временъ доисторическихъ, стоящихъ внѣ лѣтописнаго повѣствованія, но уже изъ тѣхъ данныхъ, какія занесены на писанныя страницы, можно видѣть, что Россія выучилась судоходству и мореходству не отъ пресловутыхъ норманновъ.

Теперь спрашивается: кто же могли быть тѣ древніе плаватели по сибирскимъ рѣкамъ, которые унизали берега ихъ укрѣпленными городищами? На это можетъ быть одинъ отвѣтъ: это былъ тотъ народъ, который далъ имена главнѣйшимъ сѣвернымъ рѣкамъ: Оби, Печорѣ, Двинѣ,—который открылъ и наименовалъ островъ Новую землю и проливы Ледовитаго или студенаго моря (Югорскій, Маточкинъ шаръ*),—который раньше другихъ мореходцевъ завладѣлъ берегами сѣверныхъ морей и держалъ въ своихъ рукахъ съ незапамятныхъ временъ сибирскую пушную торговлю, а по русскимъ лѣтописямъ привозилъ отсюда закамское серебро**). Исторія прямо указываетъ, что этотъ народъ—были Новгородцы. Они плавали по Варяжскому (Балтійскому) морю еще ранѣе такъ называемаго норманскаго періода, они же, естественнѣе всего, могли завладѣть и сѣвернымъ морями. Такъ было въ предъисторическое время, тоже повторилось при завладѣніи Сибирью послѣ Ермака. Въ XVI и XVII вѣкѣ Новгородцы, Архангельцы и Вологжане повторили старинную доисторическую систему подчиненія себѣ сѣверной инородческой страны и для тѣхъ же цѣлей, какъ и въ древности, т. е. для прибыльной пушной торговли,—строя «на усторожливыхъ мѣстахъ», по бере-

*) Названіе *Югорскаго шара* было извѣстно европейскимъ географамъ въ 1611 году (Норденшильдъ. 1 с., стр. 163).

**) Вопросъ о знаменитомъ въ лѣтописяхъ закамскомъ серебрѣ до сихъ поръ остается не разъясненнымъ. Высказывалось мнѣніе, будто серебряные рудники существовали на Новой землѣ (тамъ есть мѣсто, называемое губа Серебрянка), но это едва ли вѣрно. Предполагали также, что закамское серебро добывалось въ зырянскомъ краѣ, на притокахъ Печоры, гдѣ дѣйствительно существуютъ серебряныя и мѣдныя руды, разработывавшіяся при Великомъ князѣ Иванѣ III въ 1491 г. (Клавдій *Поповъ*. Зыряне и зырянскій край. 1874 г. Москва. стр. 41), но и это мнѣніе не вполнѣ согласуется съ исторіей русской промышленности. Правдоподобнѣе предполагать, что это серебро шло изъ Пермскаго края (древней Біарміи) съ водораздѣла Печоры и Камы, гдѣ до сихъ поръ находятъ много древнихъ серебряныхъ вещей, рублевыхъ серебряныхъ слитковъ и старыхъ персидскихъ монетъ. Серебро вѣроятно притекало сюда съ юга въ обмѣнъ на пушные товары (соболя), а съ Камы попадало уже въ центральную Русь, потому называлось *закамскимъ*.

гамъ судоходныхъ рѣкъ остроги и укрѣпленные городки. Читая сибирскую исторію этого времени, видя воочію, какъ въ теченіе немногихъ десятковъ лѣтъ преемники Ермака обошли на своихъ судахъ всю западную и восточную Сибирь, до Камчатки и Берингова пролива включительно, невольно переносишься въ древнюю археологическую эпоху и представляешь себѣ ту же систему дѣйствій и, по всей вѣроятности, тѣхъ же людей, только на X—XV вѣковъ раньше. Въ теченіе такого длиннаго періода времени система отношеній къ инородцамъ, очевидно, не прерывалась, но примѣнялась она не въ одинаковомъ масштабѣ: то шире, то ограниченнѣе. И скиѳы временъ Геродота, и Камскіе болгары и новгородцы послѣ IX в. всегда тяготѣли къ сѣверу, на немъ основывали свою богатую торговлю, отлично знали эти пути и старались удержать ихъ за собой по мѣрѣ возможности. Съ теченіемъ вѣковъ это обратилось въ родъ инстинкта, въ наслѣдственную народную привычку, и этимъ объясняется фактъ неожиданнаго и какъ бы излишняго по тому времени завоеванія безмѣрныхъ пространствъ Сибири въ XVII вѣкѣ, лишь только Россіи удалось свергнуть съ себя главное препятствіе въ этомъ дѣлѣ—татарское иго.

Рѣчное судоходство и мореходство у того или другого народа обыкновенно развивается въ связи съ географическимъ положеніемъ страны. Населенію, не имѣющему прямаго соприкосновенія съ моремъ, трудно развить у себя мореходныя способности. Равнымъ образомъ жители маловодныхъ степей, по природѣ страны должны были пользоваться только караванными путями, при которыхъ верблюдъ, лошадь или волъ замѣняли ладью и корабль.

Относительно нашихъ предковъ, скиѳовъ и сарматовъ, было извѣстно, что они жили въ степяхъ нынѣшней южной Россіи; конь и повозка были обычнымъ способомъ ихъ передвиженій. Поэтому утвердилось мнѣніе, что славяне никогда не пользовались водяными путями, не были народомъ судоходнымъ. Этотъ взглядъ настолько укоренился въ наукѣ, что даже и послѣ образованія Россійскаго государства нашимъ предкамъ отказывали въ судоходныхъ способностяхъ, утверждая, что мы выучились судостроенію отъ норманновъ и что во всѣхъ случаяхъ, гдѣ у греческихъ, арабскихъ и персидскихъ писателей говорится о морскихъ походахъ руссовъ и славянъ, подъ руссами необходимо понимать скандинавское племя, такъ какъ славяне будто бы не умѣли плавать по морямъ*). Односторонность и крайность такого мнѣнія очевидны. Здѣсь упускаются изъ вниманія древнѣйшая исторія славянъ и ихъ географическое распространеніе. Не говоря уже о венетахъ, мореходное значеніе которыхъ не подлежитъ никакому сомнѣнію (см. выше

*) *Дорнъ.* О походахъ древнихъ русскихъ въ Табаристанъ. Спб. 1875. Другіе историки норманской школы держатся того же взгляда.

стр. 48), нельзя забывать, что славяне съ давнихъ поръ соприкасались съ восточнымъ берегомъ Балтійскаго моря, участвовали въ древней сѣверной торговлѣ съ греческими черноморскими колоніями, плавая по рѣкамъ, соединяющимъ эти моря. Жители центральной, сѣверной и восточной Россіи не могли обойтись безъ судоходства. Въ мѣстахъ лѣсистыхъ и болотистыхъ рѣки служили единственными путями сообщенія. Волга съ ея притоками, прорѣзая и оплетая всю страну, неизбѣжно должна была развить у сѣверныхъ славянъ привычку и любовъ къ судоходству. Камскіе болгары, равно какъ и новгородцы съ давнихъ поръ пользовались этими роскошными водяными путями, проникали въ Каспійское море и черезъ него имѣли сношенія съ Персіей. При столь благопріятныхъ гидрографическихъ условіяхъ, можетъ ли быть сомнѣніе въ томъ, что сѣверные славяне издавна знали судоходство и мореходство, и что они учились этому никакъ не у норманновъ.

Со времени появленія русской письменности, въ церковно-славянскомъ и въ лѣтописномъ русскомъ языкѣ оказывается уже полная, безъ сомнѣнія выработанная гораздо раньше, терминологія русскаго судоходнаго дѣла. Нашимъ предкамъ давно были знакомы слова: *ладья*, *челнокъ*, *корабль*, *парусъ* и т. д. Эти слова сохранились въ той же формѣ и значеніи во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, южныхъ, западныхъ и сѣверныхъ, какъ общія, праславянскія. Замѣчаніе *Дорна*, что слово *ладья* произошло отъ литовскаго *eldija* или исландскаго *elliði* (l. c. Каспій, стр. 58), едва-ли можетъ убѣдить въ томъ, что славяне самостоятельно не имѣли даже простой парусной лодки. Слово *lotja*, перешедшее въ финскіе языки, очевидно, заимствовано отъ славянъ. Если даже принять за первоначальную форму литовское eldija, или древне-славянское *алдія*, то и въ этомъ случаѣ ладья останется славянскимъ словомъ, можетъ быть образовавшимся на Балтійскомъ побережьѣ у литовскихъ или венетскихъ мореходовъ. Венгерское *ladik* и русское *лодка*, образовавшееся изъ ладьи, какъ уменьшительное имя, должно было появиться у мадьяръ еще на прежней ихъ родинѣ, т. е. въ сосѣдствѣ съ Камской Болгаріей, гдѣ они усвоили отъ славянъ первые начатки культуры и восприняли въ свой языкъ множество славянскихъ культурныхъ словъ.

Слово *корабль* встрѣчается въ нашихъ самыхъ старыхъ письменныхъ памятникахъ, въ томъ числѣ и въ Остромировомъ евангеліи, въ опредѣленномъ значеніи большаго палубнаго судна. При переводѣ священныхъ книгъ на славянскій языкъ это слово не было взято съ греческаго, такъ какъ тамъ соотвѣтственно ему всегда стоитъ не κάραβος, а πλοῖον. Первое изъ этихъ словъ у древнихъ греческихъ авторовъ не встрѣчается, а принадлежитъ новогреческому языку. По этому происхожденіе его слѣдуетъ искать не на востокѣ, а на западѣ. Здѣсь мы имѣемъ литовское *karabli-us*, *karabl-is* и латинское *corbita*, *corbis*,—грузовое судно, *корветта* (Плавтъ, Ци-

церонъ*). Сюда же принадлежатъ испанское *cáraba*, *carabella*, итальянское *caravella* и французское *caravelle*,—морское судно.

Нельзя сказать, чтобы всѣ эти слова указывали на скандинавское происхожденіе. Даже и то сомнительно, чтобы корабль происходилъ отъ латинскаго corbis, corbita. Скорѣе можно думать, что это было коренное славянское слово, взятое отъ *коробъ*, церковнославянское *крабій*, богемское *корба*—деревянный ящикъ.—Отсюда же и латышское *kârbe*—рыбачья лодка. Изъ слова коробъ легко могло образоваться слово корабль, какъ изъ древне-славянскаго судъ (со-судъ, по-суда)—ящикъ, вмѣстилище, образовалось впослѣдствіи судно.

Изъ приведенныхъ лингвистическихъ данныхъ можно заключить, что первое понятіе о кораблѣ появилось либо у балтійскихъ венетовъ, либо у смежныхъ съ ними литовцевъ. Венеты, какъ мы видѣли выше, отличались высокими мореходными качествами (данныя Юлія Цезаря), имѣли большія морскія суда, на которыхъ плавали, между прочимъ, и по Балтійскому морю, гдѣ могли передать мореходное искусство одноплеменнымъ имъ сѣвернымъ славянамъ (впослѣдствіи новгородцамъ). Такая догадка, по моему мнѣнію, ближе къ истинѣ, нежели предположенія норманнской исторической школы о производствѣ нашей мореходной терминологіи съ шведскаго или нѣмецкаго языка.

Защитники норманнскихъ началъ въ славянской культурѣ, въ числѣ доказательствъ нашей мнимой неспособности къ мореплаванію, обыкновенно ссылаются на извѣстное свидѣтельство Константина Багрянороднаго о русскихъ однодеревкахъ (моноксилахъ). Мнѣ кажется, этому свидѣтельству придается слишкомъ много рѣшающаго значенія, или, можетъ быть, объясняется оно слишкомъ буквально. Оно не совсѣмъ гармонируетъ съ русскими лѣтописями и съ другими арабскими и византійскими источниками, изъ которыхъ мы видимъ, какіе отважные и побѣдоносные набѣги дѣлали руссы и славяне на прибрежные города Чернаго и Каспійскаго моря. Приведемъ для примѣра одинъ относящійся сюда отрывокъ изъ русской лѣтописи: «Въ лѣто 6551 паки на весну посла великій князь Ярославъ сына своего Володимера на греки, давъ ему воя многи: Варяги, Русь, и воеводство поручи Вышатѣ, Яневу отцю. И поиде Володимеръ на *Царьградъ въ ладіяхъ* и прошедъ пороги, и пріидоша къ Дунаю; и варяги рекоша: поидемъ въ лодіяхъ по Градъ. И послуша Володимеръ варягъ, и отъ Дуная поиде Володимеръ къ Царь-Граду. Грецы же видѣвше, и изыдоша на море, и начаша погружати въ

*) Какъ въ латинскомъ языкѣ есть слово carabus, морской ракъ, крабъ (у Плинія), такъ и въ древнегреческомъ было κάραβος въ смыслѣ жука (scarabaeus) и морскаго рака, но эти слова едва-ли могли имѣть какое либо отношеніе къ кораблю, кромѣ случайнаго созвучія.

море пелены Христовы съ мощами святыхъ, и Божіимъ гнѣвомъ возмутися море и громъ бысть великъ и силенъ, и бысть буря велика, и начаше *лодіи разбивати*, и *разби корабли*, и побѣгоша варязи воспять; и княжъ корабль Володимеровъ вѣтръ разби, и одва Иванъ Творимиричъ князя Володимера *всади во свой корабль*, и воеводу Ярославля. Прочіи же вои Володимеровы вывръжени быша на брегъ, числомъ 6000, и сташа на брезѣ нази, и хотяще поити въ Русь, и не иде съ ними никтоже отъ дружины княжія.... И бысть вѣсть грекомъ, яко избило море Русь, и посла царь, именемъ Мономахъ, *по Руси* во слѣдъ *оляди**) 14; Володимеръ же видѣ въи его яко идутъ по нихъ, и воспятився изби оляди греческія, и возвратися на Русь. Вышату же яша (греки) со извръженными на брезѣ, и приведоша я ко Царюграду и ослѣпиша Руси много» **).

Изъ приведеннаго отрывка видно, что въ 1043 г. наши предки, въ числѣ свыше 6000 человѣкъ, ходили въ ладьяхъ вдоль берега Чернаго моря до Константинополя, не страшась греческаго флота. Только случайно поднявшаяся сильная буря разметала часть ихъ судовъ и помогла грекамъ прогнать непріятелей. Не смотря на постигшее Руссовъ крушеніе, вслѣдствіе котораго большая часть ихъ вынуждены были искать спасенія на берегу, оставшіеся въ ладьяхъ все-таки отразили нападеніе греческаго флота и возвратились невредимо во свояси. Въ числѣ русскихъ судовъ были *ладьи* и *корабли*. Послѣдніе, вѣроятно, отличались отъ первыхъ размѣромъ и устройствомъ. Во всякомъ случаѣ это не могли быть однодеревки въ томъ смыслѣ, какъ объясняютъ наши историки извѣстія Константина Багрянороднаго. Уже одно то обстоятельство, что на ладьяхъ пришло къ Царьграду болѣе 6000 человѣкъ показываетъ, что такое многочисленное войско, съ оружіемъ и припасами, невозможно перевезти по бурному морю и на такомъ большомъ разстояніи въ долбленыхъ плоскодонныхъ челнокахъ, могущихъ поднимать не болѣе 2—3 человѣкъ.

Положимъ, древніе корабли вообще не отличались большими размѣрами ни у римлянъ, ни у грековъ ***), но все же это были настоящія мореходныя сооруженія. Венеты, какъ мы видѣли выше (по описанію Юлія Цезаря), строили корабли больше римскихъ и отлично приспособляли ихъ къ условіямъ плаванія по бурнымъ сѣвернымъ морямъ. Я не вижу причинъ сомнѣваться, почему бы балтійскіе славяне, какъ непосредственное поколѣніе тѣхъ

---

*) Олядь соотвѣтствуетъ греческому названію длиннаго морскаго судна Χελάνδιον.

**) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Спб. 1856, 4°, лѣтопись по Воскресенскому списку, ч. 7, стр. 331.

***) Греческія *хеландіи* считались сравнительно большими кораблями, употреблявшимися также для перевозки конницы. Они глубоко сидѣли въ водѣ, были длинны и неуклюжи, на подобіе нынѣшнихъ барокъ средней величины. Далекій отголосокъ имени *хеландіи* остался въ русскомъ языкѣ въ словѣ *шеланда*, въ значеніи рѣчнаго плоскодоннаго судна или порома.

же венетовъ, все время жившее у моря и пользовавшееся выгодами приморской страны, не могли передать своего искусства судостроенія одноплеменнымъ имъ руссамъ и новгородскимъ славянамъ, чувствовавшимъ въ этомъ настоятельную потребность. Поэтому въ русскихъ словахъ ладья и корабль я охотнѣе допускаю понятіе о палубномъ суднѣ (въ родѣ позднѣйшаго струга, или барки), чѣмъ о лодкѣ-однодеревкѣ.

Величина и форма древнихъ русскихъ судовъ безъ сомнѣнія примѣнялись къ ихъ назначенію. Одно дѣло рѣчное плаваніе, другое дѣло—отдаленныя морскія поѣздки. Рѣки съ своей стороны тоже требовали судовъ различной осадки, смотря по глубинѣ фарватера. При этомъ необходимо имѣть въ виду еще одно важное условіе древняго плаванія, именно переволакиваніе судовъ съ одного рѣчнаго бассейна въ другой. Въ древней Россіи, когда не было еще устроенныхъ сухопутныхъ дорогъ, такихъ междурѣчныхъ пунктовъ было очень много. Они назывались волоками (отсюда Заволочье, гор. Волочекъ, Волоколамскъ и т. п.). Слово волокъ показываетъ, что въ такихъ случаяхъ суда *переволакивались* по землѣ, можетъ быть при помощи катковъ или подставныхъ колесъ, какъ это дѣлалось въ болѣе позднее время. На это выраженіе мы обращаемъ вниманіе потому, что оно можетъ указывать на значительный размѣръ судовъ; ибо небольшую легкую лодку нѣтъ необходимости волочить по землѣ,—ее свободно можно нести на рукахъ, какъ это дѣлаютъ нынѣ сибирскіе сѣверные инородцы съ своими берестяными и выдолбленными изъ дерева легкими лодками *) (обласками). Тѣмъ не менѣе волоковое судно не могло быть такого же размѣра, какъ предназначенное для большихъ рѣкъ, по той причинѣ, что сходящіяся къ волоку вершины притоковъ обыкновенно имѣютъ малую глубину и ширину. Но даже и въ этихъ случаяхъ русскіе едва ли пользовались однодеревками, такъ какъ они по величинѣ своей мало пригодны для далекихъ путешествій, когда нужно было переходить съ большой воды на малую и везти съ собой значительный грузъ съѣстныхъ припасовъ и товаровъ. Размѣръ моноксилы естественно ограничивался величиной растущаго въ нашихъ широтахъ дерева и никогда не могъ превышать нынѣшняго обыкновеннаго челнока. Понятно, что на такихъ утлыхъ ладьяхъ нельзя было производить морскіе набѣги на Византію, съ многочисленнымъ войскомъ, или громить прибрежные города Персіи, какъ это многократно дѣлали руссы и славяне. Тѣ моно

*) Это настоящія моноксилы, сдѣланныя изъ одного цѣльнаго дерева, очень легкія, но крайне неустойчивыя на водѣ. Необходимо большое искусство остяка или самоѣда, чтобы держать равновѣсіе на такой лодкѣ, даже при слабомъ рѣчномъ волненіи. Въ нее обыкновенно садятся не болѣе 2 — 3 человѣкъ. Такія же однодеревки иногда употребляютъ русскіе крестьяне для плаванія по тихимъ водамъ (по озеру или небольшой рѣкѣ), когда нѣтъ волненія. Въ Пермской губерніи такая однодеревка называется *батъ*. О морскомъ плаваніи на этихъ посудинахъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи.

ксилы, о которыхъ говоритъ Багрянородный, могли служить развѣ для перевозовъ черезъ рѣки, или для плаванія по рѣкамъ, но не по морямъ.

Мы позволили себѣ сдѣлать эту замѣтку о русскомъ судоходствѣ по двумъ причинамъ, связаннымъ съ задачами нашего изслѣдованія. Во первыхъ, какъ уже было сказано въ началѣ замѣтки, съ этимъ вопросомъ связывается объясненіе нашихъ древнихъ городищъ, строившихся всегда при рѣкѣ, или даже при двухъ рѣкахъ, и, очевидно, разсчитанныхъ на судоходство. Слѣдовательно, если бы въ русской исторіи не оказалось никакихъ данныхъ относительно существованія у насъ болѣе или менѣе развитаго судоходнаго дѣла, то мы не имѣли бы тогда основанія связывать эти городища съ нашимъ доисторическимъ прошлымъ. Второю причиною, заставившею насъ остановиться на этомъ вопросѣ, послужило распространенное въ исторической литературѣ мнѣніе, будто бы сѣверные славяне совсѣмъ не имѣли склонности ни къ рѣчному судоходству, ни къ мореходству и не знали этого дѣла до тѣхъ поръ, пока ихъ не просвѣтили норманны. Раздѣляя такой, по нашему мнѣнію, неосновательный, взглядъ, мы должны бы были отказаться отъ мысли связать съ славянскимъ племенемъ наибольшую часть доисторическихъ древностей нынѣшней европейской Россіи и Сибири, предоставивъ это либо другимъ европейскимъ народамъ, либо сѣвернымъ финнамъ. Но неужели 1000 или 1500 лѣтъ назадъ финны стояли выше славянъ по судоходству, или нашими сѣверными рѣками въ то время владѣли норманны? Ни то, ни другое невѣроятно. Потому мы думаемъ, основываясь, между прочимъ, и на этой замѣткѣ, что выборъ мѣстоположенія для древнихъ городищъ скорѣе можетъ служить однимъ изъ доказательствъ судоходныхъ способностей славянства, чѣмъ мнимое отсутствіе такихъ способностей, навязываемое славянству (до появленія норманновъ),—служить помѣхою къ тому, чтобы искать въ постройкѣ прирѣчныхъ доисторическихъ городовъ славянскую инициативу.

ГЛАВА III.

Оракійскія племена.—Геты и Даки и отношенія ихъ къ славянству.—Императоръ Юстиніанъ и византійская культура.—Источники византизма.—Происхожденіе византійскаго архитектурнаго стиля.—Слѣды каменныхъ болгарскихъ городовъ на сѣверномъ Кавказѣ и по Волгѣ.—Формы и размѣры древняго кирпича, какъ матеріалъ для археологическихъ умозаключеній.

Исторія оракo-иллирійскихъ племенъ, не смотря на усердную разработку весьма солидными учеными, до сихъ поръ представляетъ много темнаго. Причина неясности главнымъ образомъ заключается въ томъ, что, разсуждая о древнемъ населеніи Балканскаго полуострова и основываясь на лѣтописныхъ названіяхъ дѣйствовавшихъ здѣсь народностей, часто упускаютъ изъ вниманія ихъ дѣйствительный племенной составъ. Слова «оракійскій», или «иллирійскій» сами по себѣ ничего не говорятъ объ этническомъ составѣ населенія; это не болѣе какъ географическій терминъ. Для того, чтобы съ нимъ соединялось опредѣленное представленіе, необходимо, хотя приблизительно, уяснить себѣ: какое племя можно разумѣть подъ оракійцами и иллирійцами, гдѣ и подъ какимъ именемъ живутъ потомки этого племени въ настоящее время? Историки весьма склонны разрѣшать, или правильнѣе отклонять такіе вопросы довольно обычной гипотезой о вымираніи древнихъ народовъ; но это не есть разрѣшеніе вопроса. Разсматривая древнюю исторію съ этой точки зрѣнія, мы лишили бы ее реальной основы. Она не многимъ отличалась бы отъ сказки, или отъ миѳа, если бы не имѣлось въ виду разрѣшить, кого именно нужно разумѣть подъ дѣйствовавшими народами, напр. вавилонянами, ассиріянами, мидянами, парѳами и т. п. Историки нашего времени не ограничиваются описаніемъ царствъ и хода событій. Они стараются по возможности возстановить связь между древнимъ и новымъ міромъ не только въ смыслѣ послѣдовательныхъ культурныхъ теченій, но также и въ живой народной преемственности.

Съ точки зрѣнія натуралиста и антрополога не только человѣческія расы, но и основныя народности отличаются большою долговѣчностью. Трудно даже сказать, изчезло ли хотя бы одно племя съ тѣхъ поръ, какъ помнитъ себя человѣчество. Семиты, иранцы, индусы, эллины, кельты, славяне и гер-

манцы, точно также какъ и прочія племена земнаго шара существуютъ съ незапамятныхъ временъ, непрерывно, вплоть до нашихъ дней. Историческій возрастъ народовъ есть лишь условный терминъ, опредѣляющій ихъ историческую роль, но не выражающій нарожденія новыхъ народностей. Племя можетъ дробиться на вѣтви, перемѣнять мѣсто жительства, мѣнять свое имя, расцвѣтать и увядать; отдѣльныя его вѣтви могутъ исчезать совсѣмъ, вымирая или ассимилируясь другимъ племенемъ, но цѣлое племя не можетъ погибнуть. Основываясь на этомъ общемъ положеніи и примѣняя его къ ѳракійскимъ племенамъ, я нахожу возможнымъ искать народную связь между древнимъ населеніемъ Балканскаго полуострова и нынѣ живущими европейскими народностями, тѣмъ болѣе, что исторія ѳракійцевъ не представляетъ эпохи слишкомъ отдаленной.

Относительно ѳракійцевъ необходимо сдѣлать еще одно общее замѣчаніе. Всѣ входившія сюда народности несомнѣнно принадлежали къ индо-европейскимъ поколѣніямъ, слѣдовательно онѣ должны были входить въ ту или другую національную группу и имѣть въ Европѣ или въ Азіи своихъ соплеменниковъ, родственныхъ по языку и національному дѣленію племенъ *). Основныя національныя европейскія группы, какъ извѣстно, весьма немногосложны. Не считая элиновъ и латинцевъ, сюда могутъ быть отнесены только кельты, славяне и германцы (въ частности готы). Къ той или другой изъ этихъ народныхъ группъ должны были принадлежать и ѳракійцы, если не считать ихъ народомъ выморочнымъ, не оставившимъ послѣ себя ни родства, ни потомства.

Ѳракійскія племена представляютъ большой интересъ въ исторіи европейскихъ народовъ. Отъ ѳракійцевъ, участниковъ троянской войны, латинскіе писатели производили адріатическихъ венетовъ и даже часть самихъ римлянъ (Титъ Ливій **); черезъ Ѳракію же, вѣроятно, передвигалась когда-то изъ Азіи въ Европу значительная доля кельтовъ, германцевъ и славянъ. Послѣ паденія Трои нѣкоторыя ѳракійскія племена были ассимилированы греками (напр. македонцы), отъ другихъ остались въ настоящее время лишь незначительные обломки, наприм., албанцы, румыны, перемѣшавшіеся съ латинцами; но значительнѣйшая часть ѳракійскихъ народностей, передвинувшихся на сѣверъ къ Дунаю и на западъ къ Адріатическому морю, не потеряли своего національнаго характера. Въ числѣ этихъ послѣднихъ были *геты* и *даки*, хорошо извѣстные римскимъ писателямъ. По мнѣнію Шафарика, геты и даки—

*) См. гл. I. стр. 9 и 10.

**) По словамъ *Плинія*, разсказъ о троянскомъ происхожденіи венетовъ пущенъ въ ходъ *Катономъ* и *Корнеліемъ Непотомъ*. *Титъ Ливій* тоже начинаетъ свою исторію Рима повѣствованіемъ о переселеніи Антенора съ энетами изъ подъ разрушенной Трои въ новое отечество, на Адріатическое побережье. Антенора Римляне считали основателемъ перваго венетскаго города въ Италіи—Патавія. *Страбонъ* повторялъ тѣ же общераспространенныя легенды о странствованіяхъ Антенора съ венетами черезъ Ѳракію въ сѣверную Италію, но не признавалъ ихъ вѣроятными.

одинъ и тотъ же народъ, извѣстный только подъ двумя именами, подъ первымъ—грекамъ, подъ вторымъ—римлянамъ. Германскій ученый *Гриммъ* отождествляетъ *гетовъ* съ *готами* и признаетъ въ нихъ германское племя. Польскіе и русскіе историки, изъ послѣднихъ въ особенности *Чертковъ*, доказывали, напротивъ того, что дунайскіе геты были славяне. Гильфердингъ считаетъ и то, и другое ошибочнымъ, признавая въ гетахъ родоначальниковъ румынъ. Заключенія Гримма и Гильфердинга были основаны главнымъ образомъ на сохранившихся (довольно скудныхъ) остаткахъ гетскаго языка (собственныя имена и пр.). Они оказались противорѣчивыми и недостаточно убѣдительными. Выводы Черткова основываются на общихъ историческихъ сопоставленіяхъ*). Если ихъ тоже нельзя признать вполнѣ достовѣрными, то все же они имѣютъ за себя достаточно логическихъ основаній.

Вотъ вкратцѣ свѣдѣнія о гетахъ. По сказанію Геродота, во время похода персидскаго царя Дарія въ Скиѳію (513 г. до Р. Х.), они жили на южной сторонѣ Дуная, въ нынѣшней Болгаріи. Въ 422 году до Р. Х. геты, по словамъ Ѳукидида, жили на томъ же мѣстѣ, между Дунаемъ и Балканами, и участвовали, вмѣстѣ съ другими ѳракійскими народами, въ походѣ ѳракійскаго князя *Ситалка*, владѣтеля одризовъ, противъ Македоніи. Въ 335 г. до Р. Х. мѣстопребываніе гетовъ распространилось уже на сѣверную сторону Дуная, гдѣ съ ними воевалъ Александръ Македонскій (Арріанъ).

По Страбону, земля гетовъ простиралась отъ Гирканскаго лѣса (въ Богеміи) до Днѣстра. По словамъ этого писателя (въ концѣ послѣдняго столѣтія до Р. Х.) геты считались, равно какъ и мизы, ѳракійцами и говорили на одномъ съ ѳракійскими племенами языкѣ. Въ другомъ мѣстѣ Страбонъ разсказываетъ, что гетскій народъ раздѣляется на двѣ части: *даковъ* и *гетовъ*. Даками называются тѣ, которые живутъ ближе къ Германіи и къ верховьямъ Дуная, а гетами—обитающіе ближе къ Черному морю; но что у тѣхъ и другихъ одинъ языкъ. *Овидій*, жившій съ 8 до 17 года по Р. Х. въ ссылкѣ въ городѣ Томахъ**) (на южной сторонѣ Дуная, на границѣ

---

*) Между прочимъ здѣсь можно указать, что въ IX вѣкѣ именемъ *Геты* (Haetum) назывался городъ въ странѣ Балтійскихъ славянъ, нынѣшній Шлезвигъ. Это имя упоминается въ описаніи путешествія *Wulfstan'a* (Langebeck, scriptores rerum danicarum, vol II, 1772). У *Адама Бременскаго* (въ XI в.) этотъ же городъ, или гавань называется *Heidaba*, а у другихъ писателей того времени *Haithaby* или *Heythabae*. Въ путешествіи Вульфстана говорится, что во время плаванія по Балтійскому морю отъ Геты до устья Вислы (Visla) весь правый берегъ назывался землею *Weonodland*, а за Вислой—*Witland*. Первое изъ этихъ названій происходитъ отъ народа венеговъ или вендовъ, а второе отъ литовскаго племени витовъ или витинговъ. Географическое имя *Haetum*, существовавшее въ славянской землѣ, можетъ имѣть связь съ названіемъ народа гетовъ.

**) Названіе города *Томы* имѣетъ созвучіе съ словомъ тьма, или *томить*. Ему родственны слова *Тамань* (древняя *Тама-тарха* или *Тмутаракань*), а также рр. *Темешь*, *Темза* и наша сибирская *Томь*. У гетовъ былъ и другой городъ, имя котораго звучитъ по славянски, это *Vimiacium*,—выминакій, можетъ быть, указывающій на пунктъ мѣновой торговли.

римскихъ владѣній, въ коренной странѣ гетовъ), оставилъ въ своихъ сочиненіяхъ довольно подробное описаніе этого народа. Въ его время по правую сторону Дуная жили геты, подвластные Риму, по лѣвую—*Сарматы*. Тѣ и другіе имѣли постоянныя сношенія между собой, такъ что Овидій могъ изучать ихъ въ подробности при постоянныхъ личныхъ столкновеніяхъ. «Вездѣ кругомъ меня, говоритъ онъ, звучитъ *ѳракійская* и *скиѳская рѣчь*, и мнѣ кажется, что я могъ бы писать *гетскими* стихами». Въ другомъ мѣстѣ Овидій выражается: «кажется мнѣ, что я разучился уже по латыни, потому что выучился говорить по *гетски* и по *сарматски*». Изъ этихъ выраженій, равно какъ и изъ словъ другихъ римскихъ писателей видно, что скиѳскій и сарматскій языкъ былъ одинъ и тотъ же (Геродотъ IV, 117 г.). А такъ какъ скиѳы, имѣвшіе въ городѣ *Томахъ* постоянныя сношенія съ гетами относились къ нимъ не какъ разноязычники, и, по описанію Овидія, имѣли съ ними много сходныхъ чертъ, то изъ этого видно, что геты и скиѳы были родственнаго поколѣнія, что ѳракійскій и сарматскій языки были настолько сходны, что позволяли этимъ двумъ народамъ свободно между собою объясняться.

Во второй половинѣ перваго вѣка по Р. Х. о гетахъ писали *Помпоній Мела*, *Плиній* и *Діонъ Хризостомъ*. Послѣдній писатель прибавляетъ, что мизы, упоминаемые въ Иліадѣ, были тотъ же народъ, что современные ему геты. Тоже подтверждаетъ *Діонъ Кассій*, жившій во второй половинѣ втораго вѣка, замѣчая, что гетовъ называютъ также *мизами* и *даками*, что они были ѳракійцы, жившіе по ту и другую сторону Дуная, что даки суть въ нѣкоторомъ смыслѣ *скиѳы*.

Изъ приведеннаго краткаго перечня древнихъ писателей, говорившихъ о гетахъ, видно, что, по прямому свидѣтельству исторіи, этотъ народъ болѣе чѣмъ за 500 лѣтъ до Р. Х. жилъ на берегахъ Дуная, что это потомки тѣхъ *мизовъ*, союзниковъ Трои, которыхъ, по сказанію Гомера, привелъ на троянскую войну предводитель *Хромій* (Иліада, пѣс. 2, ст. 358). Стало быть *мизы* или *геты* (они же даки) существуютъ на сѣверѣ Балканскаго полуострова со времени троянской войны и остаются здѣсь непрерывно подъ этимъ именемъ до вторженія готовъ, начавшагося въ концѣ III столѣтія. По свидѣтельству Іорнанда, у готовъ сохранилось преданіе о приходѣ ихъ съ сѣвера, съ острова Скандіи (предполагаемая Скандинавія). Въ началѣ IV вѣка они, подъ предводительствомъ *Ерманарика* напали на славянъ, обитавшихъ на югѣ Россіи и, покоривъ ихъ, двинулись за Дунай въ предѣлы римскихъ владѣній, отняли у римлянъ Дакію, вторглись въ Мизію, Ѳракію и Македонію. Господство готовъ было, однако же, непродолжительно. Въ концѣ того же вѣка ихъ вытѣснили изъ предѣловъ нынѣшней Россіи гунны, занявшіе Молдавію, Валахію, Венгрію и Трансильванію.

Временное вторженіе во Оракію готовъ, народа нѣмецкаго племени, и сходство ихъ имени съ гетами дало поводъ Гримму, а за нимъ и многимъ другимъ германскимъ ученымъ, искать между этими двумя народами племенное родство. Такое предположеніе, однако же, не могло быть подтверждено ни данными исторіи, ни слѣдами оракійскаго и готскаго языка. Современная наука пока остановилась на той, въ сущности неудовлетворительной мысли, что оракійскія племена, когда-то составлявшія совершенно особую народность, не похожую ни на славянъ, ни на германцевъ, ни на кельтовъ, послѣ вторженія въ ихъ землю гунновъ и славянъ въ IV вѣкѣ, растаяли въ массѣ новаго населенія, ассимилировались съ нимъ и такимъ образомъ исчезли съ лица земли, оставивъ послѣ себя небольшіе клочки прежней народности, въ формѣ румынъ и албанцевъ.

Защитники славянской народности гетовъ не признаютъ такого быстраго растворенія ихъ въ чуждой стихіи, а видятъ въ фактѣ исчезновенія ихъ имени—сліяніе ихъ съ общею славянскою семьей. Стало быть, тѣ же самые геты и даки, послѣ нашествія гунновъ продолжали существовать подъ именемъ нынѣшнихъ южныхъ славянъ *). Дальнѣйшая исторія, повидимому, подтверждаетъ такое предположеніе. Въ концѣ IV вѣка имя гетовъ и даковъ исчезаетъ; мѣсто ихъ занимаютъ славяне Балканскаго полуострова, начинающіе выдвигаться въ Византіи все болѣе и болѣе. Они оказываются преобладающими въ войскахъ и во всѣхъ частяхъ управленія Восточной Римской Имперіи. Вліяніе ихъ настолько велико, что въ половинѣ V вѣка славянинъ *Оногостъ*, сынъ *Унъславы*, дѣлается начальникомъ всей Оракіи и защищаетъ имперію отъ гунновъ. Въ первой половинѣ VI вѣка славяне являются уже на престолѣ кесарей. Императоръ Юстинъ, пришедшій въ Византію пѣшкомъ изъ *Ведряны* (Wederiana, деревня въ Дарданіи, гдѣ нынѣ Кюстендиль и Софія), изъ простыхъ земледѣльцевъ дѣлается повелителемъ Восточной Имперіи. Достигши почестей, онъ не гнушается своего происхожденія и родства, выписываетъ къ себѣ жену свою, прозвищемъ *Лупкину*, (Λουπικίνη), племянницу *Быленицу* и сестру *Быленицу* же (Bigleniza, Βιγλενίζα),—мать знаменитаго *Управды* (Οὐπράυδα), переименованнаго потомъ *Юстиніаномъ*. Отецъ Управды по домашнему назывался *Истокъ*, а по оракійски—*Sabbatius* (Шафарикъ, слав. древн. т. II, кн. 1, стр. 258, перев. Бодянск.). Сдѣлавшись преемникомъ дяди своего Юстина, Юстиніанъ является знаменитѣйшимъ изъ императоровъ восточнаго Рима. Творя великія дѣла, какъ воинъ и законодатель, онъ по достоинству цѣнитъ качества своего роднаго племени, отдавая ему преимущество передъ измельчавшими кровными византійцами. Первый полководецъ его, *Велисарій* (по славянски *Величарь*)

*) У византійскихъ и римскихъ писателей славянскія племена назывались разными частными именами, разборъ которыхъ не входитъ въ задачу нашего изложенія.

былъ родомъ изъ той же Дарданіи, откуда происходилъ и императорскій домъ. Конницу Велисарія во время италійскаго похода составляли гунны, славяне и анты. Равнымъ образомъ въ персидскихъ походахъ конными отрядами начальствовали славяне—*Доброгостъ* и *Всегордъ*; Доброгостъ былъ изъ племени антовъ, жившаго на сѣверѣ отъ Чернаго моря и по Дунаю. Изъ этого же племени былъ у Юстиніана приближенный человѣкъ, по имени *Хвалибудъ*, котораго онъ сдѣлалъ воеводою Ѳракіи*).

Такимъ образомъ, въ VI вѣкѣ на императорскомъ престолѣ въ Византіи сидѣлъ славянинъ, окруженный славянами; византійскія войска состояли изъ весьма большаго числа славянъ и наиболѣе значительные вожди ихъ происходили изъ того же племени. На Балканскомъ полуостровѣ оказалось значительное славянское населеніе, судя по географическимъ названіямъ, очевидно древнее, которое, чѣмъ ближе къ Дунаю, тѣмъ становилось сплошнѣе и гуще. Прокопій въ описаніи городовъ и крѣпостей, лежащихъ въ Мизіи, Ѳракіи и Македоніи приводитъ многія географическія названія, по мнѣнію Шафарика, «ясно и безъ малѣйшей словопроизводной натяжки указывающія собой на славянское ихъ происхожденіе. Между такими названіями встрѣчаемъ напр. *Milareka*, *Kawetza* (нынѣ Ковица), *Labutza* (нынѣ Лабица), *Debre* (нынѣ Дебрь), *Dolebin* (нынѣ Дулебинъ), *Miletis*, *Berzana*, *Kleswestita* (нынѣ Клештевица), *Wratzista* (нынѣ болгар. Врачишта), *Streden* и др. «Всѣ эти названія, продолжаетъ Шафарикъ, знающему славянскіе языки съ перваго раза говорятъ и видомъ, и составомъ своимъ о своемъ славянскомъ происхожденіи, и кои до сихъ поръ еще, большею частью, удержались въ

*) Юстиніанъ происходилъ изъ деревенскихъ крестьянъ. По свидѣтельству его жизнеописателя и учителя, игумена Ѳеофила, онъ пришелъ въ Византію и началъ учиться грамотѣ будучи уже 30 лѣтъ отъ роду. Многіе изъ историковъ, не желая видѣть въ Юстиніанѣ славянское происхожденіе, считаютъ его первоначальное имя *Управда* переводомъ латинскаго слова *justinianus*; но цѣль такого переименованія или даже прозвища была бы совершенно непонятна и невѣроятна. Византійское или христіанское имя, Юстиніанъ, ни одинъ біографъ не могъ бы замѣнить параллельнымъ варварскимъ, если бы такого имени не существовало раньше. Напротивъ того, совершенно естественно предположить, что для человѣка, являющагося при дворѣ императора Юстина и выступающаго на широкую государственную дѣятельность, не удобно было носить деревенское, чуждое византійскому слуху, варварское имя *Управды*, поэтому замѣна его латинскимъ переводомъ вполнѣ понятна. Родственники и ближайшіе сослуживцы Юстиніана тоже носили чисто славянскія имена, отчасти переиначенныя въ латинскомъ или греческомъ произношеніи. Мать Управды *Вылемину* нѣкоторые писатели превратили даже въ Vigilantia.

Подробная исторія Юстиніана, его дѣяній и частной жизни имѣетъ для славянъ величайшій интересъ. Она могла бы служить прекрасною темою для обширнаго отдѣльнаго сочиненія, весьма полезнаго и поучительнаго, особенно для насъ русскихъ, полнѣе всего вмѣстившихъ политическія и культурныя идеи Юстиніана. У современныхъ ему византійскихъ писателей, особенно у Прокопія и Ѳеофила, находится много данныхъ для уясненія характера этого великаго человѣка, въ связи съ его эпохою. Изъ русскихъ сочиненій по этому вопросу болѣе подробныя данныя собраны въ трудѣ г. *Куранова*, напечатанномъ въ Казани въ 1880 году подъ заглавіемъ „Отношеніе между церковною и гражданскою властію въ Византійской имперіи“. Изъ новыхъ иностранныхъ сочиненій можно указать на Isambert'a — Histoire de Iustinien. 2 vol. Paris. 1856 г.

тѣхъ же краяхъ» (Слав. древн. перев. Бодянск. т. II, кн. I, стр. 277). Всѣ вышеприведенныя славянскія имена сообщаются Прокопіемъ (около 552 г.) и Ѳеофиломъ (воспитателемъ и біографомъ Юстиніана; умеръ въ 534 г.). Поэтому трудно предполагать, чтобы славянскія географическія имена на Балканскомъ полуостровѣ въ первый разъ появились только при жизни этихъ писателей, или не задолго передъ царствованіемъ Юстина и Юстиніана. Очевидно, какъ самая Дарданія, такъ и названія ея рѣкъ и населенныхъ мѣстъ носили слѣды славянства съ отдаленныхъ временъ и что славянское населеніе ея было не случайное и пришлое, а давно осѣвшее, исконное. Оттого оно и получило такой вѣсъ въ государственныхъ дѣлахъ Византіи и оказало существенное вліяніе на складъ византійской культуры, получившей особый восточный оттѣнокъ со времени Юстиніана. Я иначе не могу уяснить себѣ этого вопроса, какъ допустивъ коренную, исконную осѣдлость славянства на Балканскомъ полуостровѣ. Поэтому не вижу основанія считать гетовъ и даковъ, о которыхъ исторія знала со времени Геродота, народомъ какого-то неопредѣленнаго ѳракійскаго племени, почему-то вдругъ исчезнувшимъ съ лица земли. Народности такъ быстро не исчезаютъ; онѣ являются подъ другими собственными именами, которыя также могутъ быть неустойчивы и недолговѣчны, но, не смотря на перемѣну именъ, народъ продолжаетъ жить тысячелѣтіями, выполняя свою историческую роль въ той или другой формѣ.

По свидѣтельству Страбона, греки называли среднюю Дакію Дарданіей, а жителей ея гетами (Getae), а также *генетами* (Henetae), что соотвѣтствовало впослѣдствіи *венетамъ*, *вендамъ* и *антамъ*, въ лицѣ которыхъ историки признаютъ славянъ. Имя венетовъ, какъ мы уже видѣли выше, было весьма распространенное, повидимому родовое, дѣйствительно народное, тогда какъ остальныя названія были либо мѣстныя, географическія, либо чужеземныя, подъ которыми народъ былъ извѣстенъ грекамъ или римлянамъ. Вслѣдствіе такой неопредѣленности народныхъ названій, встрѣчающихся у классическихъ писателей, происходитъ едва преодолимая путаница въ исторіи древнихъ народовъ. Историческіе факты приходится возстановлять косвенными путями, пользуясь географическими намеками, собственными именами и сопоставленіями историческихъ событій.

Всматриваясь въ древнюю исторію Балканскаго полуострова, нельзя не обратить вниманія на слѣдующій фактъ. Не смотря на то, что забалканскія земли находились въ такомъ близкомъ разстояніи отъ центра высокообразованнаго греческаго міра, а затѣмъ отъ восточнаго центра могучаго Рима (Византіи), инородческое населеніе этихъ странъ въ теченіи многихъ вѣковъ не могло быть вполнѣ эллинизировано. Инородческій элементъ оставался здѣсь въ полномъ преобладаніи до самыхъ послѣднихъ дней Византійской имперіи. Какъ во время грече-

скихъ республикъ, такъ и въ эпоху римскаго могущества, греческая и римская колонизація не могла ни вытѣснить отсюда, ни поглотить туземнаго инородческаго населенія. Это доказываетъ его національную стойкость и племенное единство; иначе разрозненныя, мелкія племена не могли бы удержаться здѣсь въ продолженіи цѣлаго ряда вѣковъ. Народная стойкость въ данномъ случаѣ можетъ быть объяснена, между прочимъ, тѣмъ, что древнее населеніе Балканскаго полуострова, во первыхъ, не было разнородно, во вторыхъ не было изолировано отъ своихъ одноплеменниковъ.—Оно черпало свою силу и на сѣверѣ, со стороны Дуная, и на западѣ—изъ адріатическихъ и прикарпатскихъ странъ, изстари населенныхъ славянскими народностями. Всякое вторженіе въ эти страны чужихъ народностей, напр. аваровъ, или готовъ, не было продолжительно и прочно, между тѣмъ какъ перемѣщенія славянскихъ племенъ обыкновенно не встрѣчали противодѣйствія ни со стороны туземнаго населенія, ни со стороны грековъ. Послѣдніе, особенно со времени Юстиніана, даже покровительствовали такимъ переселеніямъ, водворяя задунайскихъ славянъ на свободныя или опустѣвшія земли въ Мизіи, Ѳракіи, Дарданіи и Македоніи. Эти переселенія дали поводъ нынѣшнимъ славистамъ и историкамъ установить въ наукѣ господствующее теперь мнѣніе, будто славянскій элементъ появился на Балканскомъ полуостровѣ только со времени Юстиніановскихъ переселеній. Держась такого взгляда, приходилось игнорировать и славянство готовъ, и славянское происхожденіе Юстиніанова дома, и географическія славянскія имена въ этихъ странахъ, передаваемыя Прокопіемъ и другими писателями того времени. Подобные факты либо оставлялись въ тѣни, безъ должнаго историческаго разъясненія, либо объяснялись не въ пользу славянства: географическія названія признавались позднѣйшими, имена Управды, Истока, Бѣгленицы, Величара и т. п. считались переводомъ латинскихъ словъ на варварскій языкъ, въ гетахъ охотнѣе усматривали германское племя, или же считали эту народность не имѣющею связи ни съ славянами, ни съ германцами,—какимъ-то неопредѣленнымъ, нынѣ вымершимъ, ѳракійскимъ народомъ. Такой скептицизмъ или индефферентизмъ отношеній къ древнему населенію Балканскаго полуострова понятенъ въ сочиненіяхъ западныхъ историковъ; но тотъ же вопросъ получаетъ совсѣмъ другое значеніе, коль скоро онъ имѣетъ какое либо отношеніе къ исторіи славянской культуры. Для насъ далеко не безразлично, будутъ ли геты и дарданцы признаны неопредѣленнымъ ѳракійскимъ племенемъ, или въ нихъ будутъ усмотрѣны слѣды славянской національности. Въ первомъ случаѣ имя ихъ представляло бы въ исторіи звукъ пустой, вымерочное достояніе, на которое никто не можетъ предъявить наслѣдственныхъ историческихъ правъ. Во второмъ случаѣ съ гетами, дарданцами, съ дѣяніями императора Юстиніана и со всей византійской культурой будутъ связаны основные корни славянской

исторической жизни. Византія явилась бы въ такомъ случаѣ источникомъ нашего просвѣщенія не съ IX или X вѣка, а многими столѣтіями раньше; она оказалась бы тогда колыбелью славянскаго возрожденія, при посредствѣ балканскихъ славянъ-старожиловъ, а потомъ болгаръ, подобно тому какъ западныя государства видятъ свою колыбель на развалинахъ древняго Рима. Для нашей исторіи эти вопросы имѣютъ первостепенную важность; поэтому излишній скептицизмъ при разсмотрѣніи ихъ едва ли полезенъ.

Вопросъ въ данномъ случаѣ сводится къ тому: существовало ли славянское населеніе на Балканскомъ полуостровѣ ранѣе IV—V вѣка, а если существовало, то какое вліяніе оно могло имѣть на Византію, и съ своей стороны—въ какой мѣрѣ оно подчинялось византійской культурѣ. Не вдаваясь въ подробное разсмотрѣніе перваго вопроса, мы не видимъ никакого основанія отвѣчать на него отрицательно. Все то, что выше было сказано по этому поводу, заставляетъ думать, что среди такъ называемыхъ ѳракійскихъ племенъ искони существовали славянскіе элементы, среди которыхъ греческія и римскія колоніи представляли лишь меньшую, хотя и господствующую политически долю. Это давно осѣвшее славянство Дарданіи, Македоніи и другихъ ѳракійскихъ областей никогда не теряло связи съ западными и сѣверными славянами, потому оно не потеряло своей силы и не легко подчинялось греческой ассимиляціи. Дальнѣйшія переселенія славянъ за Дунай и Балканы съ сѣвера, происходившія при Юстиніанѣ, а равно прежде и послѣ того, не были новостью, а лишь продолженіемъ стараго процесса, подновленіемъ и умноженіемъ славянщины этихъ странъ. Тоже значеніе имѣли впослѣдствіи вторженія гунновъ и болгаръ. Эти послѣдніе, равно какъ и прочія сѣверныя славянскія вѣтви, извѣстныя византійцамъ подъ общимъ именемъ скиѳовъ или сарматовъ, сравнительно съ Балканскими славянами-старожилами, представлялись варварами. Въ исторіи упадка Византіи они играли туже самую роль, какъ готы, франки и германцы по отношенію къ Риму. Они дали первый толчокъ къ разрушенію дряхлѣющей Византійской монархіи и представляли потомъ новое славянское населеніе на Балканскомъ полуостровѣ, подчинивъ себѣ славянъ старожиловъ. Этотъ процессъ насильственныхъ вторженій начался еще съ V вѣка (гунны). Юстиніану пришлось употреблять большія усилія для защиты имперіи отъ сѣверныхъ варваровъ. Между прочимъ, въ числѣ другихъ мѣръ онъ примѣнилъ систему водворенія задунайскихъ хищниковъ на свободныхъ земляхъ ѳракійскихъ областей. Историки думаютъ, что эти переселенія дѣлались съ цѣлію пріучить кочевыя племена (антовъ, гунновъ и болгаръ) къ мирной осѣдлой жизни и воздѣйствовать на нихъ путемъ распространенія христіанства и культурныхъ византійскихъ началъ. Но можно предполагать и другую политическую цѣль Юстиніана, именно усиленіе въ забалканскихъ краяхъ

одноплеменныхъ императорскому дому славянскихъ элементовъ, начавшихъ оскудѣвать вслѣдствіе предшествовавшихъ, почти безпрерывныхъ, войнъ и опустошеній. Симпатіи Юстиніана къ славянству извѣстны и вполнѣ естественны. Лучшіе полководцы и правители его были изъ этого племени, въ византійскихъ и наемныхъ войскахъ тоже преобладали славяне, въ столицѣ имперіи они играли замѣтную роль. Императоръ, очевидно, довѣрялъ своему родному племени, цѣнилъ его и потому, естественно, могъ желать, чтобы славянскій народъ не оскудѣвалъ въ его владѣніяхъ. Совсѣмъ другое значеніе имѣли бы эти переселенія въ томъ случаѣ, если бы за Балканами ранѣе того совсѣмъ не было кореннаго славянства, или оно водворилось бы здѣсь путемъ насильственнымъ, вопреки желанію византійцевъ. При такихъ условіяхъ искусственное привлеченіе новыхъ переселенцевъ, какъ элемента враждебнаго, было бы вполнѣ не разсчетливо и не безопасно. Мудрый императоръ не могъ бы допустить такой политической ошибки.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ позволительно заключить, что въ забалканскихъ краяхъ византійскихъ владѣній существовало два славянскихъ населенія,—одно коренное, древнее, культурно осѣдлое, съ которымъ греки издавна сроднились и не враждовали, другое—притекающее извнѣ (съ сѣвера), хищное и враждебное, съ которымъ приходилось вести борьбу, или ублаготворять его. Это были гунны, болгары и анты. Въ исторіи византійской и славянской культуры имѣетъ наибольшее значеніе первый слой населенія. Благодаря вѣковому мирному сожительству его съ греками, оно гораздо ранѣе сѣверныхъ славянъ усвоило греческія начала государственной жизни и было болѣе подготовлено къ воспріятію византійской цивилизаціи. Въ IV и V вѣкѣ здѣсь было уже не мало христіанъ, въ V и VI в. эта славянская среда принимала дѣятельное участіе въ политической жизни Византіи и сама оказывала на эту жизнь замѣтное вліяніе.

Въ эпоху Юстиніана начинается первая заря славянскаго возрожденія, именно для славянъ византійскихъ. Исторія отмѣчаетъ, что къ этому времени произошелъ въ восточной римской имперіи полный переворотъ: явились другіе вкусы и другія формы въ искусствахъ, въ зодчествѣ, внѣшнемъ одѣяніи, въ оружіи и украшеніяхъ, во всемъ строѣ жизни. Древній классическій міръ уступилъ мѣсто, такъ называемымъ, восточнымъ вліяніямъ, совершенно не похожимъ ни на латинскіе, ни на греческіе образцы. Въ общей сложности это новое направленіе культуры получило названіе византизма, въ отличіе отъ эллинскаго и римскаго стиля. Съ этого времени началась новая эпоха всемірной исторіи, расколовшейся на двѣ половины,—западную или романскую и восточную или византійско-славянскую. Та и другая въ лицѣ новыхъ историческихъ народовъ пошла по своему особому пути, мало похожему одинъ на другой, и такъ продолжается до сихъ поръ, въ теченіе почти

полуторы тысячи лѣтъ. Западный міръ, усвоившій римскія начала, культивировалъ у себя въ политическомъ отношеніи феодальный и муниципальный строй, жертвуя общимъ для частнаго, выставляя на первый планъ личные интересы гражданъ; въ религіозномъ отношеніи онъ также пошелъ по стопамъ Рима, мечтая покорить весь міръ путемъ католицизма и объединить всѣ народности путемъ общаго латинскаго богослужебнаго и культурнаго языка. Восточная или византійская половина новаго міра развилась изъ другихъ началъ и преслѣдовала другія цѣли. Религіозною основою она положила греческое вѣроученіе, проповѣдуемое на мѣстныхъ народныхъ языкахъ, не примѣшивая къ нему, чуждыхъ религіи, политическихъ разсчетовъ. Въ Византіи также имѣли въ виду стремиться къ образованію «единаго Христова стада съ единымъ пастыремъ во главѣ», но достигали этого не общебогослужебнымъ греческимъ языкомъ, а духомъ христіанской религіи. Восточное христіанство росло не на греческой, а на національной почвѣ.

Въ политическомъ и гражданскомъ отношеніи въ основу византійскаго міра было положено единодержавіе и единоначаліе, общее предпочиталось частному, личное приносилось въ жертву государственному и общественному, индивидуальные интересы и личный починъ въ дѣлахъ государственныхъ отходили на второй планъ, поглощаясь общими интересами страны. Эти начала, положенныя въ основу институцій Юстиніана*), могутъ быть признаны коренными славянскими началами. Они, равно какъ и вообще весь византійскій укладъ, цѣликомъ перешли на русскую почву и достигли здѣсь своего полнаго разцвѣта. Россія считается преемницею Византіи не потому только, что она приняла отсюда православную вѣру, письменность и просвѣщеніе, но потому, что византійскія стихіи были и остаются для нея родными греко-славянскими народными стихіями, непонятными и недоступными западному міру.

Византійскія государственныя начала едва ли можно считать плодомъ греческой и латинской мудрости, или наслѣдствомъ восточно-азіатскаго (персидскаго)

*) Знаменитый кодексъ Юстиніана, играющій такую важную роль въ исторіи права, составленъ былъ учеными юристами того времени, но по иниціативѣ и при непосредственномъ руководствѣ императора. Изъ него удалено все, что напоминало такъ называемую политическую свободу римлянъ, что возвышало значеніе Сената, муниципальныхъ и областныхъ учрежденій. Отсюда ведетъ свое начало абсолютизмъ монархической власти, не имѣющій ничего общаго ни съ деспотическими формами древнихъ восточныхъ монархій, ни съ феодальными и конституціонными основами прежняго и нынѣшняго правленія. Византійскій абсолютизмъ основанъ на централизаціи законной власти, но не на произволѣ, какъ въ деспотическихъ монархіяхъ; при немъ прочіе органы управленія имѣютъ совѣщательное, или исполнительное значеніе, а не законодательное. Принципы Юстиніана впослѣдствіи полнѣе и прочнѣе всего воплотились въ русскомъ самодержавіи, которое зиждется не на теоретическихъ началахъ политической юрисдикціи, а на коренныхъ свойствахъ народнаго духа и характера. Можно предполагать, что и Юстиніанъ, переработывая римское право согласно своему міровоззрѣнію, руководился тѣми же народными славянскими идеями, по которымъ царская власть является идеаломъ правды и силы, символомъ единенія и могущества.

абсолютизма. Они не отвѣчаютъ греческому народному характеру, въ которомъ рѣзкой чертой проходитъ черезъ всю исторію Греціи индивидуализмъ и преобладаніе муниципальныхъ правъ. Персидское вліяніе здѣсь также не могло имѣть мѣста, ибо Персія ни въ нравственномъ, ни въ политическомъ, ни въ народномъ отношеніи не могла быть авторитетомъ для великаго Византійскаго Императора. Государственныя начала обыкновенно согласуются съ народнымъ духомъ, имъ онѣ держатся, имъ развиваются. Нераздѣляемыя народомъ, или несродныя народному духу, они не могутъ быть насильственно привиты въ несоотвѣтствующей средѣ: это было бы деспотическимъ порабощеніемъ народа, всегда шаткимъ и непрочнымъ. Идеалъ абсолютизма, установленнаго Юстиніаномъ, полнѣе всего выразился въ русской исторіи не потому, чтобы мы приняли его какъ догму вмѣстѣ съ греческой вѣрой, а потому что онъ соотвѣтствовалъ русскому характеру и народнымъ традиціямъ. Тѣже начала подчиненія частнаго общему, отреченіе отъ индивидуальнаго въ пользу общества и государства у насъ примѣняются не къ одной только державной власти, но проявляются во всѣхъ сферахъ жизни. Это—отличительная русская народная черта, укрѣпленная не книжнымъ или церковнымъ ученіемъ, а прирожденная нашему племени.

Если смотрѣть на византизмъ и на дѣянія Юстиніана съ этой точки зрѣнія, то можно допустить догадку, что источникомъ новыхъ началъ въ восточно-римской имперіи было усиливающееся славянство. Вѣянія его созидательнаго духа отразились на духовной и внѣшней жизни византійскаго двора, на государственныхъ основахъ правленія, на художественномъ стилѣ построекъ и на всемъ, чѣмъ отличается византизмъ отъ Рима и Греціи.

Въ третьемъ выпускѣ русскихъ древностей, издаваемыхъ графомъ *И. И. Толстымъ* и профессоромъ *Н. Кондаковымъ**), византійская эпоха по памятникамъ искусства характеризуется слѣдующими словами: «въ эпоху Юстиніана римскіе императоры носятъ уже персидскія стемы-короны въ видѣ металлическихъ обручей, съ матерчатою шапочкою внутри, осыпанныя жемчугомъ и жемчужными подвѣсками, падающими по вискамъ. Домашній головной уборъ мужчинъ разнообразится восточными «тимпанами», камилавками, туфами; у женщинъ—высокими персидскими кокошниками. На шеѣ варвара воина, прежняго наемника, нынѣ свободнаго вождя, почетнымъ знакомъ является маніакъ—металлическая *гривна*, или металлическое оплечье, украшенное камнями и жемчугомъ. Широкія восточныя одежды и короткіе кафтаны подпоясываются драгоцѣннымъ поясомъ, который составляетъ видный предметъ въ ряду восточныхъ уборовъ, перенесенныхъ въ Европу. Восточные штаны

*) Русскіе древности въ памятникахъ искусства. Выпускъ третій. Древности временъ переселенія народовъ. С.-Петербургъ, 1890 г., стр. 2—4.

и шаровары появляются на ряду съ кожанными сапогами—чагами, съ длинными голенищами, или матерчатыми пестро расшитыми.

«Императорамъ Византіи приходилось перенимать богатые уборы головные, шейные и другіе, потому что ихъ *давно уже носили варварскіе царьки*. Такъ древнѣйшая металлическая діадема, извѣстная намъ въ качествѣ женской короны, принадлежитъ кладу варварскаго царька, найденному въ *Новочеркасскѣ*. Оружіе варваровъ: ихъ мечи, копья, топоры, пики, шапки перенимались отъ наемниковъ для византійскихъ отрядовъ, вмѣстѣ съ соотвѣтствующими доспѣхами—кольчугами, бронями, щитами, а затѣмъ все это становилось образцомъ вооруженія. Для многихъ этнографическихъ особенностей древняго восточнаго міра наступило время стать типомъ и обычаемъ. Разнообразныя одежды и облаченія персидской знати были самими персами заимствованы отъ различныхъ народностей, входившихъ въ составъ сасанидскаго царства: таковы шишакъ и кольчуга, кафтанъ и чаги. Византійскій кабадъ ведетъ свое происхожденіе черезъ Персію отъ варваровъ закаспійскихъ, а расшитый пестрыми узорами скарамангій былъ, повидимому, славяно-болгарскою мѣховою одеждою». «Прокопій замѣчаетъ (Anecdota p. 32), что византійцы перенимали отъ гунновъ въ эпоху Юстиніана и накидки, и штаны и обувь, усваивая и самыя названія костюмовъ и модничая варварскою наружностью. Вообще, пестрыя матеріи, парчи и всякое шитье продолжаютъ именоваться фригійскимъ или варварскимъ, ибо для константинопольскаго грека всѣ эти прикладныя промышленныя художества, процвѣтавшія въ азіатскихъ окраинахъ Византійской Имперіи, не составляютъ собственнаго искусства, какъ ясно опредѣляетъ Іоаннъ Златоустъ, а только варварскую роскошь. Такъ, Антіохійцы его времени носили расшитую обувь, шубы, крытыя золотыми матеріями, парчевыя одежды, золотые пояса; кони ихъ имѣли золотыя наборныя узды, а слуги щеголяли золотыми гривнами (маніаками)».

«Въ тѣсномъ смыслѣ всѣ упреки въ роскоши, столь обильные въ проповѣдяхъ IV—V столѣтій, были протестомъ противъ варварскихъ вкусовъ, укоренившихся въ греческомъ обществѣ по образцу нахлынувшихъ въ имперію варваровъ. Классически образованные проповѣдники не понимали смысла богатыхъ личныхъ и конскихъ уборовъ и справедливо опасались за судьбы самаго христіанства подъ вліяніемъ новыхъ нравовъ».

«Дѣйствительно, сводя вмѣстѣ данныя археологіи варварскаго быта Европы въ эпоху переселенія народовъ, мы замѣчаемъ, прежде всего, мишурное, пестрое богатство личныхъ украшеній, какого *не знаемъ вовсе въ древнемъ германскомъ быту*. Цвѣтныя, расшитыя одежды, оружіе, покрытое драгоцѣнными камнями или цвѣтными стеклянными инкрустаціями; большія, особенно длинныя и фигурныя, золотыя и бронзовыя фибулы и броши, браслеты и серги; на всѣхъ металлическихъ уборахъ-камни или эмаль, или цвѣтныя стекла;

золотой листикъ или позолота покрываютъ тонкую рѣзьбу на бронзѣ. Это пышное богатство тяжелаго вкуса, расточающее золото на востокѣ поражаетъ въ кладахъ Кавказа, Румыніи и Венгріи (прибавимъ—и въ Сибири), мелчаетъ и блѣднѣетъ въ могилахъ франковъ и бургундовъ, англо-саксовъ и вестготовъ въ Испаніи и Африкѣ».

«Варварскія или народныя древности начальнаго средневѣковья южной Европы, отъ предѣловъ Каспійскаго моря до Франціи, Англіи и Испаніи, связываются въ одно цѣлое общимъ стилемъ, господствующимъ съ II столѣтія по VII включительно. Единство этого стиля открывается прежде всего манерою украшать предметы цвѣтными камнями или стеклянными инкрустаціями, покрывать поля геометрическимъ орнаментомъ, раздѣлывать оконечности звѣриными формами; стиль опредѣлялся техникою металлическихъ вещей—рѣзьбою, филигранью и сканью, и самымъ подборомъ предметовъ, ихъ формою и назначеніемъ».

«Мѣстомъ средоточія этого стиля служила южная Россія: именно здѣсь застаемъ мы болѣе ранніе, извѣстные намъ образцы и здѣсь же можемъ мы наблюдать различныя отношенія этого стиля къ искусству античному, восточному и примитивному, собственно варварскому».

Мы позволили себѣ сдѣлать эту довольно пространную выписку изъ сочиненія графа И. И. Толстаго и проф. Кондакова потому, что она въ сжатомъ видѣ и мастерски характеризуетъ внѣшнюю сторону новаго византійскаго вкуса. Изъ этого археологическаго очерка ясно усматривается, что внѣшняя сторона византизма обязана своимъ происхожденіемъ, такъ называемымъ, варварамъ, воздѣйствовавшимъ на коренное греческое населеніе. Для того, чтобы инородческое вліяніе отразилось такъ глубоко на вкусахъ и на всемъ складѣ жизни византійцевъ, необходимо не мимолетное соприкосновеніе съ варварами, а постоянное и продолжительное сожительство и сверхъ того нѣкоторое нравственное и культурное подчиненіе имъ. Кровный византійскій императоръ никогда не рѣшился бы, по чувству національной гордости, копировать въ своемъ вѣнценосномъ нарядѣ какого либо варварскаго царька. Равнымъ образомъ придворная знать и византійское общество не облекались бы въ восточныя варварскія одежды потому только, что ненавистные имъ гунны, анты или скиѳы подаютъ этому примѣръ. Очевидно, здѣсь нужно предполагать другую, болѣе органическую и глубокую причину, именно физическое и духовное преобладаніе инородцевъ, живущихъ въ самой византійской имперіи*). Значеніе ихъ, именно славянъ, какъ мы видѣли выше, особенно выразилось въ эпоху Юстиніана. Поэтому вполнѣ естественно, что

*) Примѣръ этому мы, отчасти, видимъ въ Россіи послѣ татарскаго погрома, при продолжительномъ господствѣ татаръ, когда бояре стали до нѣкоторой степени подражать татарскому одѣянію (ермолки, цвѣтные халаты и пр.). Впрочемъ, татарское вліяніе въ этомъ отношеніи у насъ обыкновенно преувеличиваютъ, приписывая татарамъ много такихъ предметовъ, которые имъ совсѣмъ не принадлежатъ, а скорѣе заимствованы ими отъ насъ.

таже эпоха наиболѣе всего соотвѣтствовала блеску восточныхъ нововведеній. Они охотно усваивались дворомъ и народомъ потому, что тотъ и другой заключали въ себѣ много славянскихъ элементовъ, для которыхъ варварская новизна была далеко не чуждою. Она удовлетворяла національному чувству, особенно послѣ того, когда явилась при императорскомъ дворѣ и въ высшихъ слояхъ общества въ пышныхъ и дорогихъ формахъ византійской обработки.

Византійскій стиль, обычаи и моды обыкновенно связываютъ съ персидскою культурою. Графъ И. И. Толстой и Кондаковъ въ выше цитированномъ сочиненіи держатся того же мнѣнія, но объясняютъ эту связь не непосредственно, а перенесеніемъ персидскихъ вкусовъ во время народныхъ передвиженій. «Вліяніе персидскихъ нравовъ, говорятъ они, и заимствованіе византіею азіатскихъ модъ не можетъ быть объясняемо ни сношеніями странъ, вообще рѣдкими и случайными, ни изнѣженностью высшаго сословія восточной имперіи. Глубокія причины и неотразимая сила этого вліянія Персіи заключалась въ его народномъ характерѣ: это вліяніе съ третьяго вѣка проникало непрестанно въ южную Европу черезъ посредство варваровъ и вмѣстѣ съ ними самими притекало къ греко-римской культурѣ». Въ этихъ словахъ выражается почти таже самая мысль, какая была высказана мною выше, но безъ объясненія—кто были эти притекающіе варвары и какую связь они имѣли съ Персіей. Повидимому авторы склонны думать, что передача шла ближайшимъ путемъ—черезъ Малую Азію; но едва-ли не вѣрнѣе искать для нея сѣверный путь,—изъ-за Дуная.

Черноземныя степи сѣвернаго Кавказа, Дона и южной Россіи, какъ извѣстно, съ отдаленнѣйшихъ временъ были заняты народомъ, носившимъ у грековъ общее названіе киммерійцевъ, скиѳовъ или сарматовъ. Болѣе или менѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ нихъ сохранились въ сочиненіяхъ греческихъ и римскихъ писателей, начиная съ Геродота и Гиппократа и кончая писателями начала среднихъ вѣковъ. По историческимъ даннымъ извѣстно, что эти народности не представляли собою бродячихъ номадовъ или полудикихъ кочевниковъ, но имѣли зачатки своей оригинальной культуры. Южная Россія, какъ мы уже упоминали выше (стр. 24), за нѣсколько столѣтій до Р. Х. питала Грецію и часть южной Европы своимъ скиѳскимъ хлѣбомъ; отсюда же вывозились черезъ сѣверные порты Чернаго моря массы другихъ сырыхъ продуктовъ земледѣлія, скотоводства, рыболовства и охоты (дорогіе мѣха). Русская отпускная торговля, производимая чрезъ Азовское и Черное море, 2—2½ тысячи лѣтъ тому назадъ имѣла почти тотъ же характеръ, что и нынѣ, съ тою лишь разницей, что она въ то время была сосредоточена исключительно въ рукахъ греческихъ колонистовъ, хотя производителями отпускаемыхъ продуктовъ были скиѳы-пахари и скотоводы. Заграничная

торговля давала грекамъ-колонистамъ и скиѳамъ—производителямъ большія выгоды, она же служила проводникомъ въ прибрежную Скиѳію греческаго искусства и культурныхъ идей античнаго міра. При такихъ условіяхъ Скиѳія въ скоромъ времени получила значеніе богатой, промышленной и культурной страны, хотя греки и называли ея жителей варварами и кочевниками, потому что скиѳы никогда не сливались съ греками, не теряли своей самобытности и не позволяли иностранцамъ проникать вглубь своей страны и знакомиться съ настоящимъ народнымъ бытомъ.

Къ какой національности (по нынѣшнему дѣленію) принадлежали киммерійцы, скиѳы и сарматы, это до сихъ поръ остается не вполнѣ раскрытымъ. Несомнѣнно, однако же, что между ними долженъ былъ преобладать славянскій элементъ. На это есть много доказательствъ, приводить которыя въ подробности здѣсь было бы неумѣстно. Первое историческое свидѣтельство о славянствѣ южно-русскихъ скиѳовъ высказано лѣтописцемъ Несторомъ (*и вся си*, т. е. перечисленныя въ лѣтописи славянскія племена,—*звахуть Великая Скуѳь*), но болѣе реальныя, убѣдительныя доказательства по этому вопросу дала археологія нашего времени. Между прочимъ сюда относятся изображенія наружности и одежды скиѳовъ и сцены изъ скиѳской жизни, представленныя на извѣстныхъ вазахъ и металлическихъ бляхахъ, найденныхъ въ курганахъ южной Россіи (наприм. чертомлыцкія и кульобскія вазы), а также изображенія сценъ на фрескахъ катакомбы, открытой въ Керчи въ въ 1872 году, и многія другія типичныя скиѳскія фигуры на статуэткахъ и разныхъ металлическихъ украшеніяхъ. Безъ всякой натяжки можно сказать, всматриваясь въ эти изображенія, что оригиналомъ ихъ служили не финскія или урало-алтайскія народности, а именно славяне. Такъ думаютъ въ настоящее время большинство русскихъ историковъ, не зараженныхъ неумѣреннымъ скептицизмомъ относительно нашего далекаго прошлаго.

Какое національное отношеніе существовало между скиѳами, сарматами и киммерійцами, этотъ вопросъ также остается темнымъ. Изъ исторіи извѣстно, что киммерійцы первоначально жили на Таманскомъ полуостровѣ и сѣверномъ Кавказѣ, откуда ихъ вытѣснили скиѳы, прогнавъ въ Малую Азію. Но и сами скиѳы, т. е. отдѣльныя части ихъ, неоднократно переходили въ Закавказье и въ малоазіатскія страны, входили въ составъ персидскихъ владѣній и снова возвращались оттуда въ европейскую Скиѳію, обыкновенно черезъ восточные проходы Кавказа, мимо Каспійскаго моря. Этимъ путемъ сношенія изъ европейской Скиѳіи съ Закавказьемъ и Персіей были довольно обычны, и продолжались они безпрерывно до среднихъ вѣковъ и позднѣе. Такимъ образомъ объясняется культурная связь Скиѳіи съ Персіей. Эта связь, повидимому, не ограничивалась торговлею и военными столкновеніями, или заимствованіемъ модъ и восточныхъ идей, но выражалась также народными

переселеніями, преимущественно изъ Азіи въ восточную Европу. Есть свѣдѣнія, что такимъ образомъ передвинулась въ равнины южной Россіи часть народа мидянъ; имя сарматовъ тоже ведетъ свое начало изъ персидскихъ странъ*) По Діодору, сарматы были колоніею, выведенною скиѳскими царями изъ Мидіи на Танаисъ (Донъ). Тоже мнѣніе передаетъ *Плиній* въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Берега Танаиса, вливающагося двумя устьями, населяютъ сарматы, которые, какъ говорятъ, были переселенцы изъ Мидіи; сами они раздѣляются на многія вѣтви: во первыхъ савроматы гинекократумены (т. е. подчиненные женщинамъ), мужья амазонокъ, потомъ еварзы, котты» и т. д. **).

Мидяне и сарматы, очевидно имѣли между собой какія-то родственныя отношенія. Собственно въ имени мидянъ и въ сохранившихся объ нихъ историческихъ свѣдѣніяхъ нѣтъ достаточныхъ указаній, что это былъ за народъ по національности. Въ древнія времена они имѣли ближайшія политическія соприкосновенія съ Ассиріей и Персіей, отчасти съ Іудеей (самаряне), и изъ этихъ странъ Азіи мидійскіе колонисты (переселенцы) перенесли въ черноморскую Скиѳію много персидскихъ и вавилонскихъ преданій, до сихъ поръ сохранившихся въ памяти русскаго народа (напр. повѣрья, заклинанія, нѣкоторыя черты изъ миѳологіи и народной медицины). Ниже мы увидимъ, что изъ Ассиріи и Персіи перешли въ скиѳію также нѣкоторые пріемы строительнаго искусства и орнаментировки, вѣроятно, при посредствѣ тѣхъ же мидянъ (сарматовъ***). Всѣ греческіе историки, начиная съ Геро-

*) Имя сарматовъ производятъ отъ персидскихъ словъ *сар*—царь, начальникъ и *мада*—женщина (мать), что значитъ—управляемые женщинами, а въ греческомъ переводѣ соотвѣтствуетъ имени *гинекократумены*. Названіе сарматовъ нынѣ производятъ также отъ санскр. слова *сарма* ходъ, движеніе. По этому производству сарматъ значило бы кочевникъ, или переселенецъ.

**) Plin. natural. hist., lib. VI, c. 7, 1.

***) Нѣкоторые филологи сближаютъ имя *Мидянъ* съ славянскимъ словомъ *мьдь*, что означало бы въ отношеніи къ народу прозваніе кузнецовъ, или рудокоповъ, добывателей металловъ, а въ отношеніи къ славянскому народу показывало бы, что мы познакомились съ мѣдью черезъ мидянъ. Послѣднее изъ этихъ предположеній не соотвѣтствуетъ археологическимъ даннымъ. Слово мѣдь, хотя и не принадлежитъ къ общеарійскому корню, но въ славянскомъ и германскомъ языкахъ оно очевидно было взято не отъ мидянъ, а скорѣе мидяне имѣли у себя это слово въ томъ же значеніи, и въ этомъ отношеніи примыкали къ общей славяно-германской семьѣ. Въ нѣм. языкѣ *Messing* означаетъ собственно желтую латунь (отъ слав. мѣдь, какъ *Kupfer* отъ латинскаго *cuprum*). На древне-нѣмецкомъ языкѣ *smida* значитъ скованныя вещи, откуда *Smid* или позднѣе *Smidt* кузнецъ, мѣдникъ. Коренную близость съ славянскимъ можно видѣть въ лат. *metallum*—металлъ, тѣмъ болѣе, что въ древности это родовое названіе относилось не къ цѣлому ряду ископаемыхъ, а только къ наиболѣе распространенному изъ нихъ—мѣди. По персидски мѣдь *miss*; тоже у нынѣшнихъ сартовъ въ Туркестанѣ. Греческое Χαλκός и латинское *cuprum* вѣроятно взяты отъ географическихъ мѣстъ привоза, или добычи мѣди, остр. Кипра и Халкидона.

Изъ сарматскихъ или мидійскихъ географическихъ названій, сохранившихся до сихъ поръ въ русской географіи, любопытно имя рѣки и горы *Самары*. Объясненіе этого слова и сопоставленіе его съ еврейскою *Самаріею*, *самарянами* (мидянами, переселенными въ Палестину (и съ древнимъ бельгійскимъ городомъ *Самаробривой* (нынѣ городъ Амьенъ) изложено мной въ 50 примѣч. къ каталогу археологическаго музея Томскаго университета. Томскъ 1888 г., стр. 229—234.

дота, признаютъ большое сходство между скиѳами и сарматами, не только по образу жизни и внѣшности, но и по языку. Геродотъ замѣчаетъ, что «Сарматы говорятъ языкомъ скиѳскимъ, но съ давняго времени искаженнымъ». По Овидію, хорошо знавшему сарматовъ, скиѳовъ и гетовъ на Дунаѣ, языкъ всѣхъ этихъ народностей былъ болѣе или менѣе сходенъ (вѣроятно представляя собою нарѣчія славянскаго языка *). Помпоній Мела и Тацитъ считаютъ сарматовъ народомъ весьма близкимъ къ парѳянамъ, по наружности, одеждамъ и вооруженію. Относительно сарматовъ и азіатскихъ скиѳовъ у большинства классическихъ писателей проводится мысль о политической равноправности женщины, что, повидимому, поражало грековъ какъ явленіе необычное. Отсюда настойчивыя басни объ амазонкахъ, свѣдѣнія о знаменитыхъ и мудрыхъ царицахъ—Семирамидѣ, Тамирисѣ, у массагетовъ, Заринѣ, у саковъ и т. п. Въ сарматскихъ и скиѳскихъ гробницахъ южнорусскихъ кургановъ царицы погребались съ тою же пышностью какъ и цари, а женщины вообще пользовались у этихъ народовъ большимъ значеніемъ въ обществѣ, чѣмъ у грековъ и римлянъ; тоже самое продолжается въ исторіи славянъ и въ средніе вѣка.

Изъ этихъ краткихъ историческихъ указаній можно вывести заключеніе, что скиѳы и сарматы въ племенномъ отношеніи были родственны между собой. Первые во время Геродота, вѣроятно, составляли сѣверную вѣтвь славянскихъ племенъ, вторые—юговосточную, переплетенную съ народностями, входившими нѣкогда въ составъ персидской, а можетъ быть отчасти и ассирійской монархіи. Такимъ образомъ можно объяснить культурное родство сѣверныхъ и восточныхъ славянъ съ древними персами: это выражается съ одной стороны близостью звуковыхъ формъ, рѣченій и состава зендскаго языка съ славянскимъ, съ другой стороны древнѣйшимъ распространеніемъ персидскихъ идей, вкусовъ и культурныхъ образцовъ въ сѣверовосточную Скиѳію, а впослѣдствіи, преемственно, и въ Россію.

Сарматы, образовавшіе извѣстное въ исторіи Босфорское царство, въ послѣднихъ столѣтіяхъ до Р. Х. и въ первыхъ столѣтіяхъ нашей эры, повидимому, уже не представляли различія со скиѳами. Судя по предметамъ и изображеніямъ, найденнымъ въ курганныхъ могилахъ и катакомбахъ южной Россіи, они показываютъ одинъ и тотъ же народный типъ: тотъ же стиль въ своихъ украшеніяхъ, въ оружіи и въ издѣліяхъ искусства, тѣ же погребальные обычаи. Изъ этого можно заключить, что культура персидскихъ выходцевъ была родственна скиѳской культурѣ и что сарматы въ скоромъ

*) Во время ссылки Овидія въ г. Томы (съ 8 по 17 г. по Р. Х.) сарматы жили на сѣверной сторонѣ Дуная, а геты на южной.

времени слились со скиѳами въ одну нераздѣльную народность *). Имя сарматовъ римскіе писатели стали употреблять вмѣсто имени скиѳовъ, или безразлично одно вмѣсто другаго. Вся нынѣшняя Европейская Россія называлась *Sarmatia*, Балтійское море носило имя *oceanus Sarmaticus*. Вся сѣверная и западная Европа раздѣлялась по населяющимъ ее племенамъ на Сарматію, Германію и Галлію, что соотвѣтствовало, какъ и нынѣ, тремъ основнымъ народностямъ — славянской, германской и романской. Остальныя, частныя подраздѣленія имѣли уже второстепенное значеніе, по географическимъ, или по политическимъ (родовымъ) группамъ тѣхъ же народностей.

Принимая, такимъ образомъ, въ имени скиѳовъ и сарматовъ, если не исключительно, то въ преобладающемъ большинствѣ славянское начало, мы имѣемъ основаніе считать археологическіе памятники скиѳо-сарматской эпохи за памятники славянской жизни. Изучая ихъ въ частностяхъ, мы найдемъ здѣсь тѣ элементы, которые послужили основаніемъ для новой, такъ называемой, византійской культуры. Не изъ Персіи непосредственно пришли они, а зародились на скиѳской и сарматской почвѣ, въ широкихъ южно-русскихъ и зауральскихъ степяхъ, потомъ возрастали и совершенствовались подъ вліяніемъ съ одной стороны художественнаго вкуса и техническаго искусства греческихъ черноморскихъ колоній, съ другой стороны отъ народныхъ соприкосновеній съ цвѣтущею Персіею. Къ началу среднихъ вѣковъ, достаточно уже выработанный сарматскій стиль распространился на Балканскій полуостровъ и охватилъ Византію, въ связи съ умноженіемъ и возвышеніемъ тамъ славянскаго духа.

Чтобы пояснить нашу мысль, мы должны были бы подробно разобрать здѣсь важнѣйшіе памятники, характеризующіе скиѳо-сарматскую культуру и сопоставить ихъ съ отличительными чертами византійскаго стиля. Эта задача можетъ быть выполнена только въ дальнѣйшихъ, сцеціально археологическихъ главахъ настоящаго сочиненія; теперь же я коснусь ея въ общемъ очеркѣ.

По византійскому вопросу скиѳо-сарматскія древности представляютъ собою матеріалъ довольно ограниченный. Онъ сосредоточивается почти исключительно въ могильныхъ (курганныхъ) находкахъ, и притомъ относится только до металлическихъ предметовъ и глиняныхъ статуетокъ, по которымъ можно воспроизвести болѣе или менѣе характерные типы скиѳскихъ нарядовъ и украшеній. Большое значеніе имѣли бы также монеты съ изображеніемъ

*) Не этимъ ли смѣшеніемъ скиѳовъ и сарматовъ объясняется двойственный типъ русскаго народа. Бѣлокурые, круглолицые и голубоглазые сѣверяне (новгородскій и западный типъ), болѣе сходные съ сѣверными германцами и западными финнами, могли принадлежать къ скиѳскому поколѣнію, а черноволосые, длинноголовые, съ черными или карими глазами южане даютъ поводъ искать происхожденіе этого типа въ болѣе жаркихъ странахъ Персіи и Малой Азіи. Таже двойственность замѣтна у западныхъ и южныхъ славянъ: чехи по преимуществу блондины, сербы и болгары—брюнеты.

Босфорскихъ царей, но они чеканились по образцу греческихъ и римскихъ монетъ, потому, кромѣ надписи, не представляютъ ничего характернаго. Тѣмъ не менѣе, и по этому, хотя и обильному, по однообразному матеріалу, можно составить себѣ достаточно ясное представленіе о скиѳо-сарматскомъ типѣ. Начнемъ съ личныхъ украшеній.

1) Шейная гривна въ формѣ обруча (византійскій маніакъ) между скиѳскими древностями встрѣчается чрезвычайно часто. Ее мы находимъ, какъ общераспространенное, обычное украшеніе во всѣхъ курганныхъ областяхъ, начиная съ Семирѣчья и Западной Сибири (въ Тобольской и Томской губерніяхъ), затѣмъ въ Пермскомъ, Вятскомъ и Оренбургскомъ краѣ, въ Донскихъ и Черноморскихъ краяхъ, однимъ словомъ во всей Россіи, гдѣ только встрѣчаются курганныя могилы. Большею частію эти обручи бронзовые, но въ Вятскомъ, Пермскомъ и Болгарскомъ (Камскомъ) краяхъ не рѣдко встрѣчаются также серебряные, довольно массивные. На каменныхъ бабахъ Семирѣчья, Семипалатинской, Донской и Черноморскихъ областей многія изваянія также представлены съ этими шейными обручами. По русскимъ лѣтописямъ гривны употреблялись въ старой Россіи очень долгое время, очевидно, какъ наслѣдіе древнѣйшихъ временъ.

2) Тоже самое можно сказать о серьгахъ, браслетахъ, кольцахъ, ожерельяхъ, фибулахъ и дорогихъ поясахъ съ металлическимъ наборомъ. Въ восточныхъ зауральскихъ областяхъ эти пестрыя разнообразныя украшенія большею частію встрѣчаются бронзовыя, но общій типъ ихъ одинаковъ съ скиѳскими черноморскими. Послѣднія отличаются болѣе роскошною и изящною отдѣлкою, благодаря участію греческихъ мастеровъ, и болѣе дорогимъ матеріаломъ (золото, серебро и драгоцѣнные камни), но стремленіе къ той же роскоши и пестротѣ замѣчается и въ сибирскихъ находкахъ. Мужскія серьги (не рѣдко только для одного уха) обыкновенно имѣютъ форму большаго круглаго кольца съ утонченными не спаянными концами, въ родѣ шейнаго обруча въ маломъ размѣрѣ, женскія же серьги отличаются длинными, широкими или спиральными подвѣсками и массивностью. Обычай носить круглую мужскую серьгу въ одномъ ухѣ существовалъ и въ древней Руси. Такъ изображается Великій князь Святославъ въ описаніи Льва Діакона: «въ одномъ ухѣ его висѣла золотая серьга, украшенная карбункуломъ, а по обѣимъ сторонамъ двумя жемчужинами» (Чертковъ. «Описаніе войны В. К. Святослава противъ болгаръ и грековъ», стр. 91). Въ музеѣ Томскаго университета мы имѣемъ нѣсколько мужскихъ серегъ съ крупными бусами внизу большаго кольца. Бронзовые браслеты, находимые въ курганахъ, носились на запястьѣ а на плечѣ, потому они встрѣчаются двухъ размѣровъ. Форма ихъ либо спиральная, либо круглая, не рѣдко съ звѣриными головками на концахъ. Ожерелья были любимымъ женскимъ украшеніемъ. Чаще всего они состояли изъ бусъ, нанизанныхъ на нитку или

проволоку, къ которымъ иногда привѣшивались различныя металлическія привѣски. Бусы въ великорусскихъ и въ сибирскихъ курганахъ встрѣчаются въ большомъ количествѣ, разной величины, цвѣта и состава, чаще всего синяго и голубаго цвѣта и стеклянныя золоченыя или мастиковыя, покрытыя красками и узорами. Женскіе головные уборы тоже отличались большою сложностью и пестротой. На одной изъ бронзовыхъ пластинокъ, находящихся въ музеѣ Томскаго университета (№ 696), на головѣ женщины показано нѣчто въ родѣ короны изъ бляхъ и завитковъ, а отъ висковъ, полукругомъ къ подбородку опускается цѣпь или ожерелье. Ниже подбородка, на шеѣ, ожерелье опускается въ четыре ряда. Кольца и перстни тоже встрѣчаются довольно часто. Пояса съ пряжками и металлическимъ фигурнымъ наборомъ носились повсемѣстно какъ въ нынѣшней Европейской Россіи, такъ и въ Сибири. Наборъ обыкновенно дѣлался весьма нарядный, часто съ изображеніемъ разныхъ животныхъ (звѣриный орнаментъ). Таковы же были бляхи у застежекъ (фибулы).

3) Конская сбруя украшалась такимъ же красивымъ металлическимъ наборомъ, особенно уздечки. Сибирскіе всадники ѣздили въ стременахъ и, повидимому, имѣли сѣдла. Мѣдныя и бронзовыя стремена встрѣчаются въ числѣ археологическихъ находокъ, а сѣдла на глиняныхъ фигуркахъ.

4) Кольчуги, заимствованныя византійцами, точно также раньше существовали не у однихъ персовъ. Ихъ не одинъ разъ находили въ курганныхъ могилахъ южной и центральной Россіи, вмѣстѣ со щитами и шлемами. Эпоха, къ которой можно было отнести эти находки, по обстановкѣ погребенія, соотвѣтствуетъ времени не позднѣе VI—VII вѣка по Р. Х. Изобрѣтеніе кольчужнаго панцыря ведетъ свое начало съ глубокой древности, можетъ быть изъ Индіи, или изъ Ассиріи. Римлянамъ онъ тоже былъ извѣстенъ съ давнихъ поръ (за 4½ в. до Р. Х. Полибій), но у нихъ этотъ доспѣхъ не получилъ широкаго распространенія. Онъ вошелъ въ общее употребленіе только въ средніе вѣка, и преимущественно въ Византіи. Мода на кольчугу могла прійти сюда, съ одинаковой вѣроятностью, какъ изъ Персіи, такъ и отъ задунайскихъ славянъ. По изложеннымъ выше соображеніямъ, послѣднее предположеніе намъ кажется даже болѣе вѣроятнымъ. Если въ древнѣйшихъ скиѳскихъ могилахъ не оказывается этого доспѣха, то въ началѣ среднихъ вѣковъ кольчуга у славянъ несомнѣнно уже существовала. На изображеніяхъ траяновой колонны конница сарматовъ представлена въ кольчугахъ и шлемахъ. Въ битвѣ подъ Доростоломъ въ 971 г. Великій князь Святославъ былъ въ кольчугѣ, которая, по сказанію Льва Діакона, спасла его отъ удара Анемаса, тѣлохранителя Цимисхія. Въ извѣстномъ разсказѣ Нестора о Кіевскомъ воеводѣ Притичѣ, подарившемъ печенѣжскому князю *броню*, щитъ и мечъ, подъ бронею можно также подразумѣвать кольчужный панцырь, несомнѣнно

уже существовавшій въ Россіи въ X вѣкѣ. Въ послѣдующія времена русской исторіи кольчуга была у насъ постоянной принадлежностью воинскаго доспѣха, и пришла она къ намъ не изъ Византіи, а гораздо ранѣе, изъ передней Азіи, можетъ быть дѣйствительно изъ Персіи, при посредствѣ сарматовъ.

Нельзя не сожалѣть, что русская исторія сохранила намъ слишкомъ мало воспоминаній о древнихъ формахъ одеждъ, доспѣховъ и украшеній. Все что мы знаемъ изъ этой области, относится, за исключеніемъ немногихъ отрывочныхъ фактовъ, не къ древнему великокняжескому быту, а ко временамъ болѣе позднимъ (XVI—XVII в.). Но и въ сохранившихся данныхъ нельзя не усмотрѣть ближайшаго сходства внѣшнихъ формъ русской жизни съ византійскими формами. Та же пышная роскошь въ мужскихъ и женскихъ нарядахъ, та же любовь къ золоту, цвѣтнымъ каменьямъ и жемчугу, та же цвѣтная, расшитая верхняя одежда съ дорогими наборными поясами, тѣ же тяжелыя украшенія конской сбруи, съ кистями и бляхами. Въ царскихъ одеждахъ и регаліяхъ сходство съ византійскими образцами объясняется прямымъ подражаніемъ византійскимъ императорамъ, но едва-ли такое объясненіе примѣнимо къ формамъ обыденной русской жизни, въ особенности въ отношеніи къ боярскимъ костюмамъ и женскимъ нарядамъ. Здѣсь пестроту одѣянія многіе стараются объяснить татарскими вкусами, но это предположеніе можно считать по меньшей мѣрѣ преувеличеннымъ. Древняя допетровская Русь была болѣе самобытна и консервативна, чѣмъ въ нынѣшнія времена. Она не увлекалась модами, не только взятыми отъ враговъ, но и отъ друзей, а была вѣрна своимъ преданіямъ, своимъ народнымъ привычкамъ. По этому замѣчаемое сходство нашей жизни съ византійскою внѣшностью естественнѣе всего искать въ общихъ началахъ (источникахъ) нашей и византійской культуры. Я представляю себѣ процессъ этого взаимодѣйствія въ такой приблизительно формѣ: основы византизма, какъ сырой матеріалъ, вѣками сформировавшійся на скиѳо-сарматской почвѣ, были перенесены въ восточную римскую имперію при посредствѣ усилившагося тамъ славянства,— были культивированы здѣсь при помощи классическаго искусства и высокой цивилизаціи греко-латинскаго міра и въ этомъ духовно-оплодотворенномъ видѣ снова возвратились къ намъ вмѣстѣ съ христіанскими и книжными идеями греческаго закона. Въ этой формѣ византійская культура притекла къ намъ какъ иноземный продуктъ, выработанный изъ нашего собственнаго сырья и, потому для насъ болѣе близкій и дорогой. Онъ отвѣчаетъ русскимъ народнымъ вкусамъ и склонностямъ и потому такъ легко привился у насъ и далъ плодъ,—не искусственно аклиматизированный, а произрастающій на привычной родной почвѣ, послѣ благородной прививки.

Выдающеюся особенностью византійскихъ нововведеній, характеризующихъ новое направленіе искусства, считается своеобразный архитектурный стиль

построекъ, преимущественно церковныхъ, появившихся съ V—VI вѣка, главнымъ образомъ въ царствованіе императора Юстиніана.

Первымъ храмомъ, построеннымъ въ новомъ (византійскомъ) стилѣ считаютъ церковь св. апостоловъ, сооруженную Константиномъ Великимъ въ 329 году, но потомъ заново перестроенную Юстиніаномъ въ 556 году *). Прокопій, современникъ Юстиніана, описывая эту новую постройку, замѣчаетъ: «сооруженіе это такъ воздушно, что не вѣрится въ его прочность, хотя въ дѣйствительности оно очень прочно». Это замѣчаніе прямо показываетъ, что типъ Юстиніановой постройки былъ для византійцевъ новостью. Дѣйствительно, римлянамъ и грекамъ, не привыкшимъ къ такимъ зданіямъ, могло показаться, что высокіе купола, утвержденные на аркахъ, не могутъ представлять достаточной устойчивости. Церковь эта была пятиглавая, въ планѣ имѣла форму креста, въ центрѣ пересѣченія его вѣтвей (по срединѣ церкви) подъ главнымъ куполомъ былъ помѣщенъ алтарь. Тѣмъ же императоромъ Юстиніаномъ былъ построенъ знаменитый храмъ св. Софіи или премудрости Божіей. Здѣсь византійскій стиль выраженъ въ самомъ блестящемъ развитіи. Строили его архитекторы Артемій Тральскій и Исидоръ Милетскій, но по народному преданію они были только исполнителями повелѣній самаго императора, которому видѣніемъ свыше были указаны всѣ формы зданія и средства для его постройки. Во этомъ преданіи, можетъ быть, сказывается настоящій славянскій источникъ мотивовъ новаго архитектурнаго стиля. Дѣйствительно, самъ императоръ былъ почти неотлучно при работахъ, лично награждалъ болѣе прилежныхъ рабочихъ и руководилъ всѣми постройками. Постройка св. Софіи началась въ 532 г. и окончена въ 537. Третьимъ знаменитымъ сооруженіемъ императора Юстиніана была церковь св. Виталія, въ Равеннѣ. Она была построена въ память св. Виталія, патрона этого города, послѣ изгнанія готовъ изъ Италіи (около 547 г.). Форма ея плана восьмиугольная, съ пилонами, на которыхъ перекинуты полукруглыя арки. По образцу этой церкви былъ построенъ въ VIII вѣкѣ Карломъ Великимъ Ахенскій соборъ. Основа его архитектурнаго стиля византійская. Сюда же можно отнести церковь св. Марка въ Венеціи (въ концѣ X вѣка). Въ Германіи и Франціи, восточные принципы, положенные къ основу византійскаго стиля, вскорѣ были переработаны, сообразно съ національнымъ вкусомъ, въ особый готическій стиль **). Одна Россія осталась вѣрна византійскому искусству; оно ближе и понятнѣе для ея народнаго сердца, какъ родное наслѣдство по прямой линіи, созданное славянскимъ народнымъ духомъ и возвеличенное геніемъ византійскаго императора славянина.

---

*) Гагаринъ. Происхожденіе пятиглавныхъ церквей. Спб. 1881 г.

**) Первый готическій храмъ былъ выстроенъ въ Парижѣ, во имя св. Діонисія, въ 1137—1144 г. Rieger, Slovnik naukny. Прага 1863 г. стр. 465.

Происхожденіе византійскаго архитектурнаго стиля, точно также какъ и прочихъ элементовъ византизма, принято приписывать Персіи. По этому вопросу было уже мною замѣчено выше, что Персія сама по себѣ, по своимъ политическимъ и народнымъ отношеніямъ, едва-ли могла служить для Византіи образцомъ новыхъ идей и вкусовъ. Тѣмъ болѣе это можно сказать по отношенію къ новой архитектурѣ византійскихъ церквей. Отдѣльные элементы персидскаго зодчества, напр. сводъ, стрѣльчатыя арки, примѣненіе къ постройкамъ квадратнаго обожженаго кирпича, даже самые архитектурные типы зданій, съ очень отдаленныхъ временъ были распространены не только по всей передней и центральной Азіи, но проникали также на Кавказъ и на Волгу, гдѣ персидскіе строительные принципы были усвоены раньше, чѣмъ въ Византіи.

Своеобразное искусство постройки глиняныхъ и кирпичныхъ зданій ведетъ свое начало изъ Ассиріи и Вавилона. Отсюда оно перешло въ Персію и въ Кавказскія страны, а можетъ быть и далѣе на сѣверъ, до предѣловъ Камской Болгаріи. Персія, какъ преемница Ассиріи, усовершенствовала этотъ строительный стиль, придала ему своеобразныя архитектурныя формы, которыя воспроизводились потомъ и въ нашихъ сѣверныхъ странахъ еще до начала среднихъ вѣковъ. На сѣверномъ Кавказѣ и по восточному берегу Чернаго моря во времена Страбона существовали каменные города, при постройкѣ которыхъ несомнѣнно должно было примѣняться персидское строительное искусство, такъ какъ эти страны въ предшествовавшее время находились подъ культурнымъ воздѣйствіемъ Персіи. Съ распространеніемъ христіанства на Кавказѣ тѣ же самые, давно привычные, архитектурные типы должны были отразиться на постройкѣ мѣстныхъ церквей. Слѣдовательно, здѣсь, а не въ самой Персіи, естественнѣе всего искать зарожденіе, такъ называемаго, византійскаго церковнаго зодчества, что повидимому подтверждается какъ исторіей распространенія христіанства на Кавказѣ, такъ и сохранившимися многочисленными памятниками храмовъ на восточномъ берегу Чернаго моря, относимыхъ по древности къ первымъ вѣкамъ христіанства и носящихъ на себѣ признаки настоящаго византійскаго стиля*). Кавказскій берегъ Чернаго моря считается однимъ изъ первыхъ по времени мѣстъ, куда распространилось и гдѣ процвѣтало христіанство. Сохранилось преданіе, что апостолъ Симонъ Канонитскій въ Абхазіи погибъ мученическою смертію. Здѣсь же проповѣдывалъ христіанство первозванный Андрей, съ именемъ котораго связывается распространеніе апостольской проповѣди у Черноморскихъ скиѳовъ, по Днѣпру и даже до областей сѣвернаго Новгорода (Нес-

*) *Dubois de Montpéreux.* Voyage autour du Caucase. Parie, 1839. Tome I, p. 223 и слѣд. Изъ русскихъ авторовъ писали о грузинскихъ и абхазскихъ церковныхъ древностяхъ *Броссе, Гриммъ*, кн. *Гагаринъ, Іосселіани, Бакрадзе, Кондаковъ, Нарышкинъ.*

торъ). Іоаннъ Златоустъ былъ сосланъ въ Абхазію и умеръ въ этой, нѣкогда цвѣтущей и усѣянной христіанскими храмами, странѣ *). Такимъ образомъ святыни Иберіи и Абхазіи, воспріявшихъ христіанство изъ первыхъ источниковъ, не только не могли быть забыты византійскими императорами-христіанами, но могли внушить имъ благоговѣйное желаніе воспроизвести при послѣдующихъ церковныхъ постройкахъ тѣ внѣшнія формы, которыми отличались древнѣйшіе храмы кавказскаго побережья. Объ императорѣ Юстиніанѣ извѣстно, что онъ ревностно заботился о процвѣтаніи христіанства въ этихъ странахъ и строилъ здѣсь новыя церкви, именно въ томъ стилѣ, который потомъ получилъ названіе византійскаго. Исторія не имѣетъ прямыхъ доказательствъ, былъ ли этотъ стиль перенесенъ изъ Константинополя на Кавказъ, или, наоборотъ, образцы его взяты съ древнѣйшихъ кавказскихъ церквей. Этотъ вопросъ могутъ рѣшить впослѣдствіи только детальныя археологическія изслѣдованія; но историческая логика позволяетъ предугадывать его рѣшеніе въ пользу Кавказа. За это говорятъ: 1) ближайшая связь кавказскаго христіанства съ его первоисточниками, 2) родственныя племенныя отношенія жителей сѣвернаго Кавказа съ дунайскими и балканскими славянами въ первые вѣка христіанства, воздѣйствовавшими, какъ мы говорили выше, на распространеніе новыхъ византійскихъ вкусовъ**), 3) отсутствіе въ самой Византіи непосредственныхъ классическихъ источниковъ, изъ которыхъ могъ бы возникнуть новый строительно-церковный стиль. Этотъ послѣдній во всякомъ случаѣ признается не греческимъ, а заимствованнымъ изъ Азіи; но подражаніе въ постройкѣ храмовъ естественнѣе было взять изъ христіанской и до нѣкоторой степени родственной страны, чѣмъ изъ Персіи, которая не была связана съ Византіей никакими духовными отношеніями.

Древнѣйшимъ изъ уцѣлѣвшихъ христіанскихъ памятниковъ Кавказа считается знаменитый храмъ Абхазіи, Бидшвинту, въ Пицундѣ. Его относятъ ко времени Юстиніана (550 г.). Вотъ какъ описываетъ его Дюбуа-де-Монтпере, посѣтившій эти мѣста въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія. «Мнѣ уже прежде приходилось слышать объ этой замѣчательной постройкѣ, но

*) На мѣстѣ заточенія Іоанна Златоуста и мученической кончины апостола Симона лѣтъ 15 тому назадъ основанъ *Новый Аѳонъ*. При этомъ реставрированы сохранившіеся здѣсь нѣкоторые древнѣйшіе храмы, освященные во имя Успенія Божіей Матери, Іоанна Златоуста и апостола Симона (Газ. „Новое Время“ 1889 г. 29 сентября, статья Молчанова).

**) Извѣстно, что въ это время, до появленія Хозаръ, весь сѣверный Кавказъ занимали Болгары, переселившіеся потомъ за Дунай. На Кавказѣ у нихъ былъ городъ Семендеръ, имя котораго перенесено было на нынѣшнюю Семендрію (Семедрово) близъ Бѣлграда. Кромѣ Болгаръ, здѣсь же у сѣверо-восточнаго берега Чернаго моря жили Анты, славянское племя. Какія отношенія имѣли Болгары къ древностямъ Абхазіи и Сванетіи, это уяснить трудно, но можно предполагать, что архитектурный стиль построекъ, какъ проистекающій изъ одного и того же первоначальнаго (персидскаго) источника, могъ имѣть у тѣхъ и другихъ общія черты, какъ это проявляется и на уцѣлѣвшихъ зданіяхъ древнихъ Камскихъ Болгаръ, о которыхъ будетъ сказано ниже.

дѣйствительность превзошла мои ожиданія: благородный и смѣлый стиль среди одичавшей въ настоящее время Абхазіи возбуждаетъ невольное удивленіе. Соборъ этотъ, выстроенный изъ кирпича, съ трехъ сторонъ имѣетъ три высокихъ фронтона.... Но что особенно поражаетъ и придаетъ этой церкви наиболѣе живописный видъ, это своеобразная смѣсь матеріаловъ, примѣненныхъ къ ея постройкѣ. Нижняя часть храма на нѣсколько футовъ отъ земли выстроена изъ тесаннаго камня, а далѣе до крыши стѣны покрыты какъ бы широкими лентами, идущими кругомъ всей церкви. Эти полосы состоятъ изъ чередующихся рядовъ краснаго кирпича и кубическихъ каменей сѣроватаго известняка. Внутренность храма соотвѣтствуетъ его наружному величію. На четырехъ громадныхъ аркахъ, изъ коихъ каждая около тридцати футовъ въ пролетѣ и возвышается отъ земли около шестидесяти футовъ, величественно покоится куполъ, высотою до 36 футовъ. Въ немъ 8 оконъ, каждое 14 футовъ высоты. Длина всего храма, со включеніемъ стѣнъ,—118 футовъ, ширина—68, высота—102 фута. Онъ не имѣетъ никакихъ особенныхъ архитектурныхъ орнаментовъ ни снаружи, ни внутри: вся красота его заключается въ величинѣ и прекрасныхъ пропорціяхъ. Штукатуркою покрыты только куполъ и хоры, остальныя стѣны прямо кирпичныя, или изъ тесанаго камня, смотря по рядамъ. Въ планѣ церковь раздѣляется на четыре части, образующія форму греческаго креста. Восточную часть занимаетъ алтарь, западную притворъ, а боковыя короткія вѣтви креста предназначены для боковыхъ дверей. Притворъ занимаетъ всю ширину церкви и соединяется съ среднимъ нефомъ и подхорными пространствами тремя большими дверями. Отсюда идетъ кирпичная лѣстница, ведущая на галлерею, расположенную на сводахъ по боковымъ сторонамъ церкви. Передняя часть алтарной стѣны снаружи имѣетъ три полукруглыхъ выступа, соотвѣтствующіе тремъ придѣламъ церкви».

Постройки древней христіанской эпохи встрѣчаются на Кавказѣ во многихъ другихъ мѣстахъ. Подробное перечисленіе ихъ въ данномъ случаѣ не представляется необходимымъ, тѣмъ болѣе, что всѣ онѣ по архитектурному стилю весьма сходны между собой. Отличительнымъ признакомъ ихъ зодчества служатъ: 1) примѣненіе къ постройкамъ квадратнаго обожженнаго кирпича; 2) прямоугольная форма плана съ выдающимися на алтарной стѣнѣ тремя полукружіями и пристройками для боковыхъ дверей (боковые порталы) по срединѣ боковыхъ стѣнъ, придающими плану церкви форму креста; 3) массивные пилоны съ арками большаго пролета, на которыхъ покоятся барабанъ и центральный куполъ; 4) раздѣленіе церкви на три нефа, изъ коихъ средній, подъ центральнымъ куполомъ, значительно шире боковыхъ; 5) раздѣленіе боковыхъ нефовъ, арками и сводами, на два яруса, съ лѣстницею на верхнюю галлерею изнутри притвора церкви; 6) восьмигранная

форма барабана съ узкими и длинными окнами, по одному въ каждой грани; 7) пирамидальная многогранная форма купола. Всѣ эти признаки повторяются въ архитектурѣ византійскихъ (аѳинскихъ и пелопонезскихъ) и древнерусскихъ церквей. Поэтому заключаютъ, что грузинскіе, абхазскіе и сванетскіе храмы выстроены по образцу византійскихъ.

Нельзя не сознаться, что древности Кавказа, въ томъ числѣ и христіанскіе храмы, по настоящее время изслѣдованы весьма поверхностно. Ученый міръ въ первый разъ ознакомился съ ними только въ 1839 году послѣ изданія вышеупомянутаго путешествія Дюбуа. Но это было не настоящее изслѣдованіе, а лишь внѣшнее описаніе древностей, осмотрѣнныхъ любознательнымъ туристомъ. Тоже самое можно сказать и о послѣдующихъ писателяхъ по отношенію къ фактической сторонѣ изслѣдуемаго вопроса. Для полноты научныхъ данныхъ, которыя должны лежать въ основѣ историческихъ умозаключеній, необходимо было бы изучить не однѣ только внѣшнія формы храмовъ, но и способы ихъ постройки, мѣру и обработку строительныхъ матеріаловъ, а равно и заключающіеся въ окружающемъ культурномъ слоѣ археологическіе предметы (путемъ систематическихъ раскопокъ), могущіе выяснить хронологическую сторону вопроса и дѣйствительное отношеніе грузинской архитектуры къ византійской. Тогда, можетъ быть, дѣло могло бы представиться совсѣмъ съ другой стороны.

Извѣстный цѣнитель русской старины *Віолле-ле-Дюкъ*, анализируя элементы византійскаго строительнаго искусства, приходитъ къ тому заключенію, что оно имѣетъ общіе источники съ искусствомъ славянскимъ. «Съ перваго взгляда, прибавляетъ авторъ, это можетъ показаться парадоксомъ; но изслѣдованіе памятниковъ не должно оставлять въ этомъ никакого сомнѣнія. И эти источники кроются въ срединѣ азіатскаго материка»*). Такое заключеніе французскаго писателя доказываетъ его глубокую проницательность. По однимъ внѣшнимъ формамъ и отрывочнымъ элементамъ онъ видитъ, что славянская культура не есть исключительно плодъ духовнаго воздѣйствія со стороны Византіи, но что она родная сестра этой послѣдней, происходящая отъ одной матери. Ознакомившись подробнѣе съ эпохами развитія той и другой, можно было бы сдѣлать еще болѣе рѣшительный выводъ, именно, что византизмъ получилъ свою полную окраску только при пробудившемся самосознаніи славянства, что элементы византійскаго искусства въ сущности суть элементы славянскіе.

Противъ высказанной нами мысли, естественно, явится слѣдующее возраженіе: имѣли ли сами восточные славяне тотъ культурный запасъ національныхъ мотивовъ и полезныхъ изобрѣтеній, которыми они могли бы подѣлиться съ такою образованною страною, какъ восточная Римская имперія? Слѣдуя

*) *Віолле-ле-Дюкъ*, „Русское искусство, его памятники и составные элементы". Переводъ Султанова. Москва 1879 г. стр. 31

установившемуся мнѣнію, привыкли думать, что древняя Скиѳія представляла варварскую страну, населенную кочевыми народностями, не имѣвшими историческихъ запасовъ цивилизованной жизни. Ошибочность такого мнѣнія едвали нуждается въ подробныхъ доказательствахъ. Археологическія изслѣдованія показываютъ, что не только болгарское царство (на Камѣ и Волгѣ), имѣвшее болѣе близкія сношенія съ образованными странами востока, но и все остальное пространство нынѣшней Европейской Россіи, можно сказать, усѣяно памятниками, подтверждающими болѣе или менѣе развитую культурную жизнь. А своеобразный складъ славянской жизни, славянскихъ вкусовъ, привычекъ и преданій, имѣющихъ такъ мало общаго съ западною Европою, развѣ не указываетъ на богатое наслѣдство отъ древнѣйшихъ временъ, выработанное славянскимъ геніемъ и свято сохраняемое до сего времени. Что касается до вещественныхъ памятниковъ древняго славянскаго искусства и зодчества, то и они постепенно начинаютъ открываться, по мѣрѣ того, какъ ученые изслѣдователи, отбросивъ искусственно привитый намъ предразсудокъ пренебреженія къ своему прошлому, стали смотрѣть на этотъ вопросъ съ нѣкоторымъ довѣріемъ.

Чтобы имѣть нѣкоторое право говорить о скиѳскомъ, или доисторическомъ болгарскомъ и славянскомъ зодчествѣ, необходимо доказать, что оно дѣйствительно существовало въ древнѣйшую скиѳскую эпоху. Поэтому мы должны указать хотя бы на слѣды каменныхъ построекъ въ этихъ странахъ. Древнѣйшія изъ нихъ найдены на Таманскомъ полуостровѣ. Въ отчетѣ Императорскаго археологическаго Общества за 1859 г. (стр. XIII) упоминается, что „въ Фанагоріи были открыты въ двухъ мѣстахъ остатки кирпичныхъ стѣнъ, болѣе четырехъ аршинъ толщины“. Въ извѣстномъ трудѣ К. К. Герца *) описывается курганъ, около озера Цукура, въ которомъ находилась гробница, выложенная изъ сырцоваго кирпича. По найденнымъ здѣсь вещамъ, соотвѣтствующимъ находкамъ въ скиѳскихъ гробницахъ на Днѣпрѣ, эту могилу относятъ къ скиѳской эпохѣ. На сѣверномъ берегу того же озера, на мѣстѣ, гдѣ нынѣ расположена Стеблевская станица, находятся обширныя развалины древняго города. Павелъ *Сумароковъ* находилъ здѣсь обломки старыхъ кирпичей и кувшиновъ **). Далѣе, на югозападномъ берегу Таманскаго залива, вблизи станціи Сѣнной, находится громадное городище со множествомъ замѣчательныхъ земляныхъ кургановъ. Въ 1711 г., по описанію путешественника *Лемотре*, здѣсь еще существовали развалины каменныхъ зданій, но, по словамъ этого автора, онѣ съ каждымъ днемъ уничтожались, потому что жители гор. Тамани и Темрюка разбирали находящійся здѣсь строительный матеріалъ для своихъ построекъ Другой фран-

*) «Древности», Т. II, вып. 3. Москва 1870 г., стран. 250 и слѣд.
**) «Досуги крымскаго судьи», Ч. II, стр. 144.

цузскій путешественникъ *Дюбуа* (1832—1834 г.), при описаніи того же мѣста, замѣчаетъ, что городище занимаетъ пространство на протяженіи версты, и здѣсь еще можно распознать слѣды стѣнъ, *преимущественно кирпичныхъ*, окружавшихъ городъ. *) К. К. Герцъ, изслѣдовавшій то же самое мѣсто въ 1859 г., не нашелъ уже слѣдовъ города, но онъ опредѣляетъ площадь городища, по прямой линіи отъ моря, въ длину 1150 саженъ. Разрѣзъ этого культурнаго слоя отчетливо видѣнъ на отвѣсномъ обвалѣ морскаго берега, откуда, по словамъ К. К. Герца, „торчали обломки известковыхъ плитъ и колоннъ, *кирпичи*, черепки разбитыхъ сосудовъ и кости“. При раскопкахъ этого городища въ 1859 году, въ числѣ разнообразныхъ предметовъ и обломковъ греческихъ колоннъ, найденъ былъ уголъ зданія, стѣны котораго были сложены изъ *обожженнаго*, или земляного (сырцоваго?) *кирпича*. „Видно, замѣчаетъ г. Герцъ, что разрушеніе нѣсколько разъ проносилось надъ этимъ мѣстомъ и одно поколѣніе созидало себѣ жилища изъ памятниковъ другаго, ему предшествовавшаго“ (Стр. 275). При тѣхъ же раскопкахъ 1859 г. здѣсь найдено было 25 грубыхъ глиняныхъ амфоръ и пять большихъ глиняныхъ бочекъ. Эти послѣднія имѣютъ шаровидную форму, безъ ручекъ, и узкое (острое) коническое дно. Величина ихъ отъ двухъ аршинъ до сажени и болѣе. Помѣщенный въ сочиненіи Герца рисунокъ одного изъ этихъ сосудовъ (стр. 276) совершенно сходенъ съ рисунками такихъ же сосудовъ, найденныхъ Шлиманномъ въ Троѣ. Здѣсь же не излишне повторить, что подобные сосуды съ коническимъ неустойчивымъ дномъ часто встрѣчаются между находками Камской Болгаріи.

Въ 1853 году К. Р. Бѣгичевъ производилъ изслѣдованіе другаго подобнаго же городища, между хуторами Семеняки и Боровика. Прорѣзая слой до пяти саженъ глубины, онъ все-таки не достигъ материка: такъ глубокъ мусоръ, накопленный вѣками. Въ обрѣзѣ видно было нѣсколько фундаментовъ бывшихъ здѣсь зданій, которые шли въ разныхъ направленіяхъ и на разныхъ высотахъ; нижніе слои состояли изъ дикихъ камней, верхніе изъ *обожженныхъ кирпичей*. Далѣе же, къ концу пятой сажени, встрѣтились *слои черепицъ* и амфорныхъ черепковъ, перемѣшанныхъ съ золою и углями. «Весь этотъ хаосъ бывшихъ здѣсь въ древности построекъ и пятисаженная высота насыпи положительно доказываютъ, — замѣчаетъ г. Герцъ, что на этомъ мѣстѣ существовалъ какой то большой городъ, который нѣсколько разъ подвергался конечному разрушенію и снова строился на развалинахъ прежняго. Такого рода насыпи могутъ образоваться только въ теченіе тысячелѣтій». (Стр. 281). При раскопкѣ одного изъ близъ лежащихъ кургановъ въ 1859 г. въ головахъ саркофага, между прочимъ, была найдена мужская

*) Dubois de Montpéreux, Voyage etc. t. V, стр. 65.

шапка, изъ верблюжьей шерсти, сшитая изъ нѣсколькихъ кусковъ. По формѣ своей она походитъ совершенно на тѣ, въ которыхъ изображены скиѳы на знаменитомъ золотомъ сосудѣ, открытомъ въ Куль-Обо и хранящемся нынѣ въ Императорскомъ Эрмитажѣ. Это—колпакъ, къ которому сзади пришитъ широкій лоскутъ изъ той же ткани верблюжьей шерсти для прикрытія шеи. Въ шапкѣ найдены остатки волосъ покойника, чернаго цвѣта. Эта находка, равно какъ и другіе предметы, напр. *бронзовыя стремена*, показываютъ, что въ курганныхъ могилахъ погребены были не греческіе колонисты, а туземные обыватели—скиѳы.»

Въ археологическихъ изслѣдованіяхъ на Таманскомъ полуостровѣ, къ сожалѣнію, ни въ одномъ случаѣ не указывается ни на размѣры найденнаго тамъ кирпича, ни даже на его форму. Это обстоятельство лишаетъ насъ возможности сдѣлать необходимыя сравненія и опредѣлить, какого типа былъ этотъ кирпичъ: соотвѣтствовалъ ли онъ болгарской (волжской), древне-греческой, или римской формѣ, или, можетъ быть, имѣлъ своеобразный мѣстный типъ? По этимъ признакамъ можно было бы угадать, принадлежали ли разрушенные города греческимъ колоніямъ, или возникли они въ цвѣтущее время Босфорскаго царства, подъ вліяніемъ латинской культуры, или, наконецъ, кирпичное зодчество проникло сюда изъ Персіи, вмѣстѣ съ сарматами. Одно едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію, что таманскія кирпичныя постройки принадлежатъ къ древнѣйшимъ памятникамъ этого рода въ Россіи, что нѣкоторыя изъ нихъ одновременны съ находящимися здѣсь скиѳскими курганами, указывающими, по характеру найденныхъ въ нихъ предметовъ, на эпоху до Р. Х. Такимъ образомъ можно констатировать фактъ, что скиѳы имѣли города, а каменыя зданія они строили изъ кирпича, который имъ былъ извѣстенъ очень давно. Они могли узнать его изъ прямыхъ источниковъ, если не непосредственно изъ Ассиріи, или изъ Трои, то, по крайней мѣрѣ, отъ персовъ, или мидянъ, съ коими киммерійцы имѣли прямыя сношенія. Сомнительно, что бы кирпичныя постройки этой эпохи были греческаго издѣлія, потому что у самихъ грековъ того времени обожженный кирпичъ употреблялся рѣдко, а можетъ быть и совсѣмъ не былъ въ употребленіи.

По сосѣдству съ Таманскимъ полуостровомъ, по другую сторону р. Кубани, найдены во многихъ мѣстахъ развалины древнихъ каменныхъ построекъ. Почти всѣ онѣ представляютъ собою христіанскіе храмы, слѣдовательно, относятся ко времени послѣ Р. Х. Архитектура этихъ построекъ имѣетъ большое сходство съ русскими постройками, что наводитъ на мысль о связи привычныхъ мотивовъ русскаго церковнаго зодчества съ древнимъ сванетскимъ. При описаніи этихъ памятниковъ мы будемъ руководствоваться отчетомъ гг. Нарышкиныхъ, совершившихъ археологическое путешествіе на Кавказъ (въ Сванетію) въ 1867 году. На 42 стр. этого отчета сказано:

«При впаденіи рѣчки Каракентъ въ Кубань, я осмотрѣлъ мѣстность, которая особенно поразила меня тѣмъ, что отъ впаденія рѣчки Кубыши въ Кубань до самаго подножія близъ лежащихъ горъ вся плоскость покрыта слѣдами многочисленныхъ зданій всякаго вида, между которыми ясно виднѣются линіи улицъ и обросшіе зеленью фундаменты капитальныхъ стѣнъ довольно большихъ зданій. Вѣроятно на этомъ мѣстѣ было значительное поселеніе или городъ... Вся эта мѣстность носитъ названіе Каракентъ. Къ полудню я доѣхалъ до небольшой рѣчки Шани. На лѣвомъ берегу ея, близъ впаденія въ Кубань, на скалѣ почти неприступной, находится старинная христіанская церковь, описанная г. Фирковичемъ въ 1849 г. Своды церкви выведены изъ обожженнаго кирпича, отличающагося отъ теперешняго своею формою: онъ шире и длиннѣе, хотя тоньше тѣхъ, которые теперь дѣлаютъ въ Россіи».

По приложенному плану и рисунку этой церкви (табл. II) видно, что она была построена въ такъ называемомъ византійскомъ стилѣ, весьма часто повторяющемся въ древнихъ русскихъ церквахъ. Передняя алтарная стѣна состоитъ изъ трехъ полукружныхъ выступовъ (три придѣла). Барабанъ надъ центральнымъ куполомъ имѣетъ восьмигранную форму, съ узкимъ окномъ въ каждой грани; онъ возведенъ на четырехъ толстыхъ пилонахъ; такіе же два пилона отдѣляютъ алтарную часть отъ остальнаго храма. Стѣны церкви, повидимому, сложены изъ тесаннаго камня, а своды изъ кирпича, но о способѣ кладки, а равно и о точныхъ размѣрахъ кирпича не приведено никакихъ указаній. Не въ далекомъ разстояніи отъ Шонійской церкви, за рѣкою Тибердою, на утесѣ горы находится другая церковь точно такой же конструкціи, но нѣсколько меньшихъ размѣровъ. Своды ея также сложены изъ кирпича; на внутренней штукатуркѣ сохранились остатки византійской живописи (Стр. 46, табл. X).

Далѣе, на правомъ берегу р. Зеленчука находятся три церкви, въ разстояніи одна отъ другой приблизительно на полверсты. «Стѣны ихъ сложены изъ грубо отесанныхъ камней, въ перемежку съ плитами, и связаны цементомъ, а всѣ своды выведены изъ обожженнаго кирпича (Стр. 57 табл. III, IV, V и VI). Архитектурный типъ ихъ точно такой же, какъ и у предыдущихъ, т. е. съ тремя полукруглыми алтарными придѣлами, съ восьмиграннымъ барабаномъ, возведеннымъ на пилонахъ, съ длинными и узкими окнами. Послѣднія три церкви расположены въ долинѣ рѣки Зеленчука, расширяющейся въ этомъ мѣстѣ до трехъ верстъ. Начиная отъ второй церкви, вверхъ по рѣкѣ до крутой балки, отъ которой долина снова обращается въ тѣснину, все пространство усѣяно слѣдами многочисленныхъ зданій разнаго вида и размѣровъ. Въ разныхъ мѣстахъ ясно видно начертаніе бывшихъ тутъ улицъ и переулковъ и развалившихся круглыхъ башенъ и укрѣпленій». Очевидно, здѣсь былъ какой-то городъ.

Какому народу и времени принадлежатъ эти постройки, остается вопросомъ не рѣшеннымъ. Несомнѣнно одно, что здѣсь жили христіане. Время постройки этихъ загадочныхъ церквей и городовъ могли-бы разъяснить только тщательныя археологическія изслѣдованія Закубанья, которыхъ по настоящее время мы не имѣемъ. Между тѣмъ изысканія подобнаго рода могли бы въ значительной мѣрѣ освѣтить исторію русскаго зодчества, которое, повидимому, имѣетъ непосредственную связь съ типами сванетскихъ и грузинскихъ церквей. Едва-ли это архитектурное сходство можетъ быть объяснено однимъ только общимъ для Россіи и Кавказа религіознымъ источникомъ—Византіею, ибо между кавказскими и русскими храмами замѣчается больше близости, чѣмъ тѣхъ и другихъ съ византійскими. Поэтому невольно является мысль, что нѣкоторые мотивы ихъ выработались подъ вліяніемъ не одного только византійскаго искусства, но и при участіи мѣстныхъ народныхъ элементовъ.

Кромѣ Таманскаго полуострова и Кубанской области, слѣды древнихъ каменныхъ городовъ находятся также и на восточной сторонѣ сѣвернаго Кавказа, особенно по р. Кумѣ. Далѣе на сѣверовостокъ тѣ-же слѣды въ большихъ размѣрахъ оказываются при устьяхъ Волги и во многихъ мѣстахъ по берегамъ этой рѣки, вплоть до рѣки Камы. *) Равнымъ образомъ не мало развалинъ городовъ съ каменными постройками сохранилось въ предѣлахъ древней Великой Болгаріи. Не считая столицы Болгаръ «Великаго города», гдѣ нѣсколько старыхъ зданій уцѣлѣло до сихъ поръ, не далѣе какъ въ концѣ прошлаго столѣтія существовали и другіе подобные пункты. Такъ, напр., по словамъ *Рычкова* **) въ его время въ Билярскѣ, еще стоялъ «преогромный каменный столбъ, построенный изъ краснаго кирпича, смѣшаннаго съ дикимъ камнемъ» (Стр. 13). Болгарскія городища съ каменными руинами замѣчательны тѣмъ, что всѣ они укрѣплены, по древнему скиѳскому типу, двойнымъ или тройнымъ полукруглымъ валомъ, а древности, находимыя въ городищахъ, прямо подтверждаютъ, что города эти существовали раньше татарской эпохи. Было бы еще возможно допустить, что татары, покоривъ эти страны, занимали потомъ старыя укрѣпленныя мѣста и строили на нихъ кирпичныя зданія; но и это едва-ли можетъ относиться

*) Описаніе развалинъ значительнаго числа каменныхъ городовъ, существовавшихъ по берегамъ Волги было опубликовано въ разныхъ археологическихъ изданіяхъ, въ томъ числѣ въ «Извѣстіяхъ Общ. арх., ист. и этн. при. Каз. унив». и въ трудахъ IV археологическаго съѣзда въ Казани. Въ 1888 году въ №№ 182 и 189 «Московскихъ Вѣдомостей» помѣщено свѣдѣніе о вновь открытомъ большомъ городѣ на правомъ берегу Волги, близъ посада Дубовки. Каменныя постройки, изящно отдѣланная домашняя утварь, мраморъ и *водопроводъ* свидѣтельствуютъ, что этотъ городъ былъ богатъ и принадлежалъ осѣдлому народу, стоявшему на значительной высотѣ культуры» Взятые отсюда квадратные кирпичи имѣли 5 верш. (22 сант.) длины и ширины (№ 189, 10 іюля 1888 г.)

**) «Дневныя записки путешествія капитана Рычкова 1769—1770 года». Спб. 1770 года.

ко многимъ случаямъ. Число городищъ съ каменными руинами такъ велико, что пришлось-бы тогда приписать татарамъ такую-же искони осѣдлую и промышленную жизнь, какую имѣла въ то время коренная Русь. Нужно еще при этомъ замѣтить, что нѣкоторыя изъ городищъ съ слѣдами каменныхъ построекъ находятся слишкомъ далеко за чертою татарскаго водворенія. Таковы напр., упоминаемыя *Рычковымъ* городища Чердынскаго и Соликамскаго края. Кирпичи найдены были имъ въ Губинскомъ городищѣ (въ 25 верстахъ отъ Чердыни). Оно было окружено тремя рядами валовъ и рвовъ, а внутри его найдены плитные камни и кирпичи. «Знаки градскаго строенія, прибавляетъ Рычковъ, были версты на четыре, гдѣ еще и нынѣ находятъ серебряныя, мѣдныя, а иногда и золотыя вещи» (Стр. 126). Къ этому-же разряду слѣдуетъ отнести городище по р. Обвѣ (около села Рождественскаго), также окруженное валами. Внутри его, по словамъ Рычкова, видно было «множество дикаго камня, кирпича и муравленыхъ плитъ, которые видимо составляли какое нибудь каменное зданіе». За 50 лѣтъ до Рычкова, среди валовъ этого укрѣпленія, по разсказамъ стариковъ, существовали еще ворота, сооруженныя изъ дикаго камня. Въ городищѣ находятъ много бронзовыхъ и мѣдныхъ вещей, такъ называемой, чудской культуры (Стр. 75).

Въ числѣ упомянутыхъ выше развалинъ древнихъ городовъ на восточной сторонѣ сѣвернаго Кавказа, дольше всего сохранялись остатки города *Маджары* *) или *Можары* на р. Кумѣ. Эти руины весьма любопытны въ томъ отношеніи, что онѣ сохраняли архитектурную форму нѣкоторыхъ зданій почти до конца прошлаго столѣтія, были посѣщаемы и описываемы многими учеными путешественниками **), а въ началѣ 18 вѣка съ нихъ были сняты подробные планы и рисунки, воспроизведенные потомъ по архивнымъ оригиналамъ Академіи Наукъ въ изданіи академиковъ Бера и Гельмерсена: «Beiträge zur Kenntniss des russischen Reiches und der angränzenden Län-

---

*) Такъ называли этотъ городъ въ XIII столѣтіи арабскіе писатели. Въ русскихъ лѣтописяхъ и актахъ это имя пишется различно: чаще всего *Можары*, иногда *Моржары* или *Мочъжары*. Русская форма *Можары*—едва-ли не древнѣе арабской и татарской (*Маджары*), такъ какъ городъ основанъ былъ не татарами, а равно и арабскіе писатели передавали уже готовое имя съ свойственнымъ имъ произношеніемъ. Въ спискахъ населенныхъ мѣстъ Казанской губерніи (гдѣ была древняя Болгарія) значится четыре селенія: *Можарка*, *Можарки*, *Можаровъ* и *Можары*. Въ другихъ губерніяхъ подобныхъ именъ не встрѣчается, за исключеніемъ, можетъ быть, гор. *Можайска*, по звукамъ нѣсколько напоминающаго Можары. Въ западно-славянскихъ земляхъ есть городъ *Могачъ*, у Мадьяръ, и *Могуч* у Чеховъ, латин. *Moguntium*, нѣм. *Maінz* (Географ. словарь Головацкаго, Вильно 1884 г.). Не скрывается ли въ этихъ западныхъ именахъ корень для имени Можары и Можайска, отъ глагола *мочь*, *мощи*, *могу*, соотвѣтственно греч. μέγας и лат. *magnus* великій, могучій.

**) О Маджарахъ писали: *Гмелинъ*, Reise durch Russland. Bd. IV, p. 17—22. *Палласъ* Reise in die südlichen Statthalterschaften, Bd. 1, p. 277. *Гюльденштедтъ*. Reise durch Russland und im Caucasischen Gebirge, Bd, II, p. 27 *Klaproth*, voyage au mont Caucase et en Georgie I, p. 142—186. *Müller*, Sammlung Russ.Geschichte IV, p. 7—147.

der Asiens (Petersburg 1841. Viertes Bändchen, p. 55—96). По описанію *Гмелина* (1772 г.) въ его время руины Маджаръ представляли три группы, расположенныя на берегу р. Кумы, которыя онъ называетъ верхними, средними и нижними Маджарами. Средніе были самыми значительными по размѣрамъ. Они находились при устьѣ рѣчки Буйволы, впадающей въ Куму, занимая пространство около пяти верстъ въ длину и ширину, сплошь покрытое слѣдами каменныхъ строеній. По периферіи этого пространства, при посѣщеніи Гмелина, существовало еще свыше 20 каменныхъ зданій, не потерявшихъ своей формы. Они были выстроены изъ кирпича на известковомъ растворѣ. Фундаменты очень прочные, тоже изъ кирпича или бута. Кирпичъ имѣлъ такъ называемую татарскую форму (квадратный), иногда покрывался глазурью. Зданія почти всѣ со сводами и стрѣльчатыми окнами. Форма ихъ либо круглая (столпы), либо шести или восьмиугольная, рѣже четырехугольная. Вышина ихъ отъ 4 до 9 саженъ, иногда съ особымъ подземнымъ этажемъ, тоже подъ сводами. Высокія и большія зданія, кромѣ свода, заканчивались пирамидальнымъ куполомъ. Въ этотъ куполъ вела потайная винтовая узкая лѣстница, не болѣе 15″ ширины, выложенная въ боковой стѣнѣ. Куполъ освѣщался узкими окнообразными просвѣтами. Окна главнаго внутренняго помѣщенія тоже дѣлались длинныя и узкія. Входная дверь большею частію одна и довольно низкая.

Судя по описанію уцѣлѣвшихъ зданій, правда довольно краткому и поверхностному, но въ особенности по приложеннымъ къ статьѣ академика Бера планамъ и рисункамъ, нельзя не видѣть, что постройки города Можаръ носятъ на себѣ частію персидскій, частію византійскій характеръ (форма кирпича, своды, куполы, стрѣльчатыя арки на окнахъ и дверяхъ) По этимъ основнымъ признакамъ онѣ имѣютъ нѣкоторое сходство съ закубанскими и сванетскими христіанскими храмами, но еще болѣе съ древними постройками Камскихъ Болгаръ, о которой мы будемъ говорить подробнѣе въ одной изъ слѣдующихъ главъ. Поэтому, независимо отъ вопроса, какому народу могъ принадлежать этотъ разрушенный городъ, архитектурный стиль его построекъ во всякомъ случаѣ долженъ указывать, что въ странахъ сѣвернаго Кавказа персидскіе строительные пріемы господствовали съ давнихъ поръ, усвоенные тѣмъ народомъ, который въ древности населялъ эти мѣста и имѣлъ здѣсь цвѣтущіе города.

О происхожденіи города *Маджары* были высказываемы разныя догадки. Извѣстный русскій историкъ *Татищевъ*, изслѣдовавшій эти руины въ въ 1735 году, будучи въ это время Астраханскимъ губернаторомъ, приписывалъ построеніе Можаръ скиѳамъ. *Гмелинъ* высказывалъ то же предположеніе. Основываясь на томъ, что кругомъ города находится много кургановъ, онъ замѣчаетъ, что древними жителями здѣсь были не татары. Мад-

жары онъ называетъ «прекраснымъ скиѳскимъ городомъ» (eine prächtige scythische Stadt). *Клапротъ* и *Френъ*, основываясь на монетахъ, найденныхъ въ городищѣ, и на арабскихъ писателяхъ, считаютъ Маджары татарскимъ городомъ. Найденныя монеты и историческія свидѣтельства арабовъ относятся къ XII—XIV столѣтіямъ, когда городъ несомнѣнно находился во владѣніи хановъ Золотой Орды. *) Въ это время о немъ упоминаютъ и русскія лѣтописи послучаю убіенія въ ордѣ Великаго Князя Михаила Ярославича въ 1318 г. Тѣло убитаго князя было отправлено въ г. Маджары (по лѣтописи Моджъгары), гдѣ въ то время была русская православная церковь и жило много русскихъ купцовъ **). Въ XIII—XIV вѣкѣ Маджары, также какъ и Камскіе Болгары, были во власти татаръ, но изъ этого ни чуть не слѣдуетъ, что основали и строили его татары. Имъ болѣе было свойственно разрушать города, а не созидать ихъ вновь. Овладѣвая богатыми городами, татары обыкновенно опустошали ихъ, но не препятствовали ихъ дальнѣйшему существованію, если это не противорѣчило ихъ выгодамъ и разсчетамъ. Населеніе такихъ городовъ въ большинствѣ было не татарское, а прежнее туземное, или пришлое торговое. Не чувствуя привычки къ осѣдлой жизни, татары XIII—XIV в. предпочитали домамъ подвижныя палатки. Съ принятіемъ мусульманства, арабы и турки стали пріучать ихъ къ нѣкоторой осѣдлости, и прежде всего стали строить мечети, школы и бани въ тѣхъ городахъ и населенныхъ, преимущественно торговыхъ, пунктахъ, которыми они владѣли. Такимъ образомъ татарскія, или правильнѣе арабскія постройки могли появиться въ Маджарахъ едва ли раньше конца XIII вѣка, слѣдовательно, въ то время, когда городъ уже клонился къ упадку и былъ близокъ къ запустѣнію ***).

Принимая во вниманіе обширное пространство, занимаемое городомъ и множество руинъ отъ бывшихъ здѣсь каменныхъ строеній, необходимо предполагать, что онъ существовалъ не одно или два столѣтія. Когда онъ возникъ первоначально и какимъ народомъ былъ основанъ, объ этомъ не сохранилось никакихъ извѣстій. Къ такимъ вопросамъ можно подходить только гадательно. При этомъ можно имѣть въ виду слѣдующіе факты:

---

*) Основываясь на имени *Маджаръ*, нѣкоторые историки, въ томъ числѣ и Карамзинъ думали, что этотъ городъ былъ основанъ *Мадьярами* или нынѣшними венгерцами. Это предположеніе нынѣ признается неосновательнымъ; ему противорѣчитъ исторія Мадьяръ, жившихъ до переселенія въ Паннонію, за Волгой, въ сосѣдствѣ съ Камской Болгаріей, вѣроятно, въ нынѣшней Уфимской или Самарской губерніи. Кромѣ того венгерцы до переселенія съ Волги на Дунай, не знали осѣдлости, не строили городовъ и вообще были народомъ некультурнымъ, что ясно доказывается лексическимъ составомъ ихъ языка. Подробное выясненіе этого вопроса см. въ сочиненіи К. Я. Грота «Моравія и Мадьяры» Спб. 1881 г. Стр. 167—180.

**) *Карамзинъ*, Исторія Государства Россійскаго, т. 4, стр. 188 (изд. Слениныхъ 1819 г.) и примѣч. 238 того же тома.

***) Въ началѣ XV вѣка городъ уже не существовалъ; отъ него оставались только однѣ руины, сохранявшіяся до конца прошлаго столѣтія. Нынѣ отъ Маджаръ не осталось почти никакого слѣда.

1) Маджары были основаны вблизи залива Каспійскаго моря, на берегу рѣки Кумы, при устьѣ одного изъ ея притоковъ, р. Буйволы, отъ которой въ прошломъ столѣтіи оставались только слѣды стараго русла съ затонами или курьями, образующими здѣсь два озера. Изъ этого мѣстоположенія можно заключить, что городъ былъ основанъ по скиѳскому типу, подъ естественной защитой двухъ рѣкъ и съ разсчетомъ пользоваться моремъ для торговыхъ сношеній съ закаспійскими краями и съ Волгой. Кромѣ разсчета на морское сообщеніе, городъ занималъ очень выгодное положеніе и для сухопутныхъ сношеній, съ одной стороны съ нынѣшнимъ астраханскимъ краемъ, съ другой—съ обычными встарину дорогами по восточному Кавказскому берегу, въ Персію (черезъ такъ называемыя Желѣзныя ворота на Дербентъ и Баку). Если при этомъ принять, очень вѣроятное, предположеніе, что Кума въ то время представляла рѣку болѣе многоводную, то изъ Маджаръ могло существовать по этой рѣкѣ наиболѣе удобное сообщеніе на Кубань и къ берегамъ Чернаго моря. Эти топографическія данныя говорятъ за вѣроятность основанія города въ древнѣйшую эпоху; 2) существующія или существовавшія въ прошломъ столѣтіи, по описанію ученыхъ путешественниковъ, группы земляныхъ кургановъ вблизи города Маджаръ могутъ служить нѣкоторымъ указаніемъ на жившую здѣсь народность *). Такіе же курганы разсѣяны по всему сѣверному Кавказу и они несомнѣнно принадлежатъ къ скиѳской эпохѣ; 3) вышеупомянутыя изслѣдованія Герца на Таманскомъ полуостровѣ и въ Кубанской области ясно доказываютъ, что на сѣверномъ Кавказѣ существовали съ древнѣйшихъ временъ каменные города, при постройкѣ которыхъ употреблялся кирпичъ персидскаго типа. Отсюда можно заключить, что одновременно съ ними могли существовать такіе же города и въ восточной половинѣ сѣвернаго Кавказа, по рѣкѣ Кумѣ. 4) Сходство архитектурнаго стиля Маджарскихъ построекъ съ уцѣлѣвшими зданіями Камскихъ Болгаръ**) доказываетъ, что эти два города существовали при одинаковыхъ культурныхъ условіяхъ и весьма вѣроятно принадлежали одному и тому же народу. Это подтверждается и историческими данными относительно пребыванія Болгаръ на сѣверномъ Кавказѣ. До переселенія Болгаръ за Дунай и до образованія Хазарскаго царства въ низовьяхъ Волги, по этой рѣкѣ существовало много болгарскихъ городовъ, слѣды которыхъ открываются

*) Въ географическомъ словарѣ *Щекатова* (1804 г.), при описаніи рѣки Кумы, сказано: «По обѣимъ сторонамъ рѣки, а особливо по правой, даже до поемныхъ мѣстъ, находится *безчисленное множество старыхъ кургановъ*, изъ коихъ иные, какъ кажется, до 8 саженъ вышиною и имѣютъ соразмѣрную окружность. Какъ сіи курганы, такъ и остатки каменныхъ строеній и признаки нарочито обширнаго города, который и по сіе время видѣнъ и во всей Кавказской губерніи подъ именемъ Маджары извѣстенъ, суть доказательства, что страна сія нѣкогда весьма заселена была» (ч. III, стр. 963).

**) Объ этомъ сходствѣ и вообще о значеніи болгарскихъ зданій будетъ сказано въ особой главѣ.

больше и больше. Торговля съ закавказскими странами и съ Персіей находилась въ рукахъ у Болгаръ. По свидѣтельству арабскихъ писателей, въ XIII—XIV в. дорогіе мѣха пріобрѣтались исключительно при посредствѣ болгарскихъ и русскихъ купцовъ, изъ страны Буртасовъ и изъ далекаго сѣвера, откуда они получались и въ древнѣйшія времена. При такихъ условіяхъ не можетъ казаться невѣроятнымъ, что Болгары могли основать городъ на р. Кумѣ, *) какъ передаточный пунктъ для товаровъ, идущихъ съ сѣвера въ Закавказье и Персію, или съ Каспійскаго моря къ Черному морю.

Говоря о древности Маджаръ и предполагая въ нихъ болгарскій городъ, мы не можемъ, конечно, утверждать, что описанныя Гмелиномъ и другими путешественниками руины должны быть разсматриваемы какъ остатки зданій, выстроенныхъ Болгарами. Нѣкоторыя изъ нихъ, можетъ быть, даже наиболѣе значительная часть, весьма вѣроятно, принадлежатъ болѣе позднему татарскому періоду и носятъ на себѣ слѣды арабскаго зодчества; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы не можемъ отрицать, что одновременно съ арабскими постройками здѣсь же существовали въ XIII в. и раньше того русскія постройки, о которыхъ упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ. Здѣсь были русскія церкви, жило много русскихъ купцовъ, слѣдовательно должны были существовать и русскіе дома. Но не на этомъ фактѣ сосредоточивается наше вниманіе. Если мы такъ подробно распространились о Маджарахъ, то имѣли въ виду этимъ показать, что какъ на западной, такъ и на восточной сторонѣ сѣвернаго Кавказа издревле существовали каменные города. Жители ихъ, по мѣстоположенію города, имѣли ближайшія и непосредственныя сношенія съ Персіей, слѣдовательно могли быть проводниками персидскихъ культурныхъ идей, въ томъ числѣ и строительной техники, въ сѣверныя скиѳскія области. Персидскій архитектурный стиль могъ утвердиться здѣсь съ давнихъ поръ, быть перенесенъ болгарами на Волгу, гдѣ также существовало значительное число древнихъ каменныхъ городовъ, и съ Волги, или съ сѣвернаго Кавказа распространиться за Дунай, въ эпоху переселенія народовъ, и послужить стимуломъ для новаго византійскаго зодчества. Высказывая эту гипотезу, я не противорѣчу общему установившемуся въ наукѣ мнѣнію о проис-

*) Въ настоящее время Кума не доходитъ до Каспійскаго моря на 74 версты, теряясь въ песчаныхъ низинахъ, образующихъ рядъ озеръ. Въ древности это былъ морской заливъ, извѣстный теперь подъ именемъ Кумскаго Култука, который нынѣ покрывается водой только въ весеннее время. Въ географіи Птоломея р. Кума называется *Удонъ*,—имя, очевидно, скиѳское (см. выше стр. 18). О происхожденіи нынѣшняго имени *р. Кумы* я не могъ найти въ литературѣ никакихъ свѣдѣній. По всей вѣроятности это названіе было дано Персами (сравни древній городъ *Кумы*). Извѣстное въ русской исторіи татарское племя Куманы, или иначе Половцы, получили свое прозваніе отъ рѣки, гдѣ они обитали, а не наоборотъ. Эти Куманы, разбитые татарами послѣ сраженія при Калкѣ, въ XIII в., бѣжали въ Венгрію (въ числѣ 40 тысячъ семей) гдѣ они получили земли и особыя права отъ угорскихъ королей, принявшихъ титулъ *Rex Cumaniae*. Область, ими населенная, называлась Великая и Малая Куманія (Kumanenm—Distrikt, Kumanien).

хожденіи византійскаго стиля изъ Персіи, но предполагаю этотъ переходъ не прямо и непосредственно, а при участіи славянства, преимущественно Болгаръ. Персія переняла своей архитектурный стиль отъ Ассиріи, разработала и усовершенствовала его и въ свою очередь передала его болгарамъ и позднѣе — арабамъ. Подобная культурная преемственность составляетъ явленіе обыкновенное, но она совершается не случайно и не по личному желанію и вкусу одного, хотя-бы и великаго человѣка, а по народной волѣ и по общему народному чувству, когда новыя идеи постепенно и мало по малу внѣдряются въ жизнь и дѣлаются народной привычкой. Если мы видимъ, что персидское вліяніе отразилось на болгарахъ, скиѳахъ и сарматахъ, то объясняемъ это не эфемерной модой, а вѣковымъ воздѣйствіемъ, можетъ быть даже народными помѣсями. Равнымъ образомъ и арабская культура росла не десятками лѣтъ, не смотря на то, что она цѣликомъ была заимствована частію отъ древнеклассическаго міра, частію отъ Персіи. Быстрое заимствованіе можетъ быть понятно въ народѣ новомъ, только что выступающемъ на историческую сцену съ весьма слабымъ запасомъ собственныхъ культурныхъ пріобрѣтеній. Но то же самое явленіе было бы не логично и не естественно въ отношеніи къ народу, имѣвшему глубокіе историческіе корни и стоящему во главѣ блестящей европейской цивилизаціи, каковы были византійцы. У нихъ перемѣна культурныхъ началъ могла совершиться никакъ не изъ подражанія увядающей Персіи, а только вслѣдствіе измѣнившагося состава дѣятельныхъ и вліятельныхъ народныхъ массъ, предъявившихъ государству свои новыя формы жизни.

Говоря о славянскомъ, или въ частности о болгарскомъ архитектурномъ стилѣ, само собою разумѣется, мы не имѣемъ въ виду предположенія, что славяне до Юстиніана были въ состояніи строить такія величественныя зданія, какія строили потомъ византійцы, а говоримъ только объ основныхъ принципахъ новаго архитектурнаго направленія. Эти принципы или мотивы, удовлетворяющіе національному чувству, могли быть взяты съ небольшихъ, не только каменныхъ, но и деревянныхъ зданій, *) подобно тому, какъ нынѣшніе архитекторы-художники заимствуютъ идеи, такъ называемаго, рус-

*) Деревянныя постройки въ древней Руси и у славянъ вообще несомнѣнно преобладали надъ каменными и существовали съ древнѣйшихъ временъ. Образцы ихъ мы видимъ въ описаніи дворца Аттилы (по Приску). Древніе русскіе терема тоже представляютъ своеобразный типъ славянскаго зодчества. Насколько въ деревянныхъ постройкахъ можно воспроизвести сложныя и оригинальныя архитектурныя формы, это показываютъ наши древнія деревянныя церкви (см. сочин іеромонаха А. Н. Виноградова: «Памятники деревяннаго церковнаго зодчества въ епархіяхъ Новгородской, Тверской, Ярославской, Иркутской и Красноярской въ XVII и XVIII вѣк. съ 36 таблицами чертежей. Спб. 1892 года). Подобно тому, какъ въ XVII в. и раньше на деревянныхъ церквахъ въ точности воспроизводился византійскій и русскій стиль, деревянные же образцы гражданскихъ, частныхъ и общественныхъ зданій, существовавшихъ въ славянскихъ земляхъ до V—VI в. могли дать талантливому архитектору идею для оригинальнаго церковнаго стиля, усвоеннаго въ Византіи.

скаго стиля съ древнихъ русскихъ построекъ, большею частію, весьма скромныхъ, разработывая по этимъ образцамъ проекты величественныхъ сооруженій. Задачи послѣдняго рода требуютъ большого запаса техническихъ силъ и матеріальныхъ средствъ, что оказывается по силамъ только могущественному государству. Такія силы и средства нашлись у византійскихъ императоровъ, и это дало имъ возможность облечь идеи скромнаго славянскаго зодчества въ грандіозныя формы и возвести его на степень исторически признаннаго самостоятельнаго архитектурнаго стиля.

Въ связи съ исторіей византійскаго зодчества, считаю не безполезнымъ коснуться вопроса о размѣрахъ и формахъ древняго кирпича, съ которымъ археологу часто приходится имѣть дѣло при изслѣдованіяхъ городищъ и каменныхъ руинъ. Обожженный кирпичъ имѣетъ археологическое значеніе главнымъ образомъ потому, что онъ какъ нынѣ, такъ и въ древности выдѣлывался по болѣе или менѣе опредѣленнымъ формамъ и размѣрамъ, согласно установившимся правиламъ и обычаямъ. Слѣдовательно, по нему во многихъ случаяхъ можно опредѣлить какъ эпоху постройки, такъ и происхожденіе тѣхъ или другихъ принциповъ строительной техники, независимо даже отъ архитектурной формы бывшаго зданія. Къ сожалѣнію, въ археологическихъ сочиненіяхъ до настоящаго времени рѣдко обращали должное вниманіе на точные размѣры и форму кирпичей. Въ описаніяхъ развалинъ древнихъ городовъ Россіи этотъ пробѣлъ требуетъ новыхъ и значительныхъ фактическихъ дополненій, которыхъ можно ожидать въ будущемъ. Для того, чтобы дать точки сравненія, я помѣщаю здѣсь тѣ историческія и числовыя данныя, какія мнѣ удалось собрать по этому вопросу.

Изобрѣтеніе кирпича, какъ уже было упомянуто выше, ведетъ свое начало изъ Ассиріи и Вавилона, гдѣ климатическія и почвенныя условія страны содѣйствовали широкому развитію и примѣненію этого изобрѣтенія. За недостаткомъ строительнаго камня и дерева, самымъ доступнымъ и подходящимъ матеріаломъ для общественныхъ и частныхъ построекъ въ Месопотаміи служила глина. Изъ глины сооружали массивныя стѣны укрѣпленныхъ городовъ, дворцы и частные дома. Практическій опытъ, вѣроятно, скоро научилъ приготовлять глину спеціально для строительныхъ цѣлей, въ формѣ массивныхъ, болѣе или менѣе правильныхъ кусковъ, высушенныхъ на солнцѣ, до сихъ поръ употребляемыхъ въ Азіи подъ именемъ сырцоваго кирпича, иногда съ примѣсью соломы. За этимъ шагомъ слѣдовало искусство обжигать глину, приготовлять настоящій кирпичъ, не только для построекъ, но даже для болѣе высокой потребности,—письменности (кирпичная литература клиновидныхъ письменъ).

Древній халдейскій обожженный кирпичъ, какъ показываютъ нынѣшнія раскопки, имѣлъ квадратную форму и небольшую толщину, въ родѣ лещад-

ныхъ плитокъ. Въ статьѣ Харьковскаго профессора Рославскаго-Петровскаго *) размѣръ древнѣйшихъ вавилонскихъ кирпичей показанъ отъ 11 1/4 до 13 дюймовъ (29—32 сант.), при толщинѣ отъ 3 1/2 до 3 дюймовъ (6—7 сант.), По описанію *Layard'a* **) размѣръ древняго ассирійскаго и вавилонскаго обожженнаго кирпича обыкновенно оказывается въ квадратный футъ, при толщинѣ въ 3 1/2 дюйма, но встрѣчаются иногда и продолговатыя формы. Кирпичи отъ наружной облицовки часто бываютъ покрыты *глазурью* синяго, краснаго, темнозеленаго, бѣлаго и чернаго цвѣта. Ниже мы увидимъ, что, приблизительно, тѣже самые размѣры при выдѣлкѣ квадратнаго кирпича повторялись при византійскихъ и русскихъ постройкахъ, архитектурный типъ которыхъ ведетъ свое начало съ востока. Такой же квадратный кирпичъ употребляли арабы, по примѣру Персіи, и до сихъ поръ онъ употребляется въ Средней Азіи подъ именемъ персидскаго или татарскаго кирпича.

Ассиро-Вавилонское царство, съ древнѣйшихъ временъ распространившее свое вліяніе на востокъ до Аральскаго моря и Сыръ-Дарьи и на сѣверъ до Кавказскихъ горъ, заключало въ себѣ разныя племена и народности. Поэтому древне-халдейская культура преимущественно распространилась въ восточно-азіатскихъ странахъ и у тѣхъ народовъ, которые подчинены были Вавилону. Ближе всего она отразилась въ Малой Азіи и Персіи, а отсюда, преемственно, черезъ Кавказъ, перенесена была на югъ Россіи и въ Поволжье; но въ не меньшей степени она укоренилась, особенно при послѣдующемъ вліяніи Персовъ, въ Центральной Азіи.

Въ Малой Азіи ассиро-вавилонское строительное искусство отразилось на троянскихъ и отчасти на древнѣйшихъ греческихъ постройкахъ. По изслѣдованіямъ доктора Шлиманна, многіе частные дома, а равно отчасти и городскія стѣны въ древнѣйшихъ частяхъ Трои, Тиренъ и Микенъ, были выстроены изъ кирпича, сырцоваго или обожженнаго ***). У грековъ, при дальнѣйшемъ развитіи ихъ культуры, этотъ способъ постройки не привился, и вообще халдейское вліяніе коснулось ихъ только слегка, какъ-бы посредственно и мимолетно; но за то у азіатскихъ народовъ оно пустило глубокіе корни, не заглохшіе до сихъ поръ. Отъ троянцевъ привычка къ употребленію кирпича перешла къ народамъ римской федераціи и къ потомкамъ ѳракійскаго племени.

Въ Троѣ и въ древнѣйшихъ греческихъ постройкахъ кирпичъ имѣлъ, по описанію Шлиманна, слѣдующіе размѣры:

*) Исторія древнѣйшаго халдейскаго царства. Приложеніе къ протоколамъ Совѣта Харьков. унив. 1869 г. № 6, стр. 73.

**) *Layard*, Austin Henry, Nineveh und Babylon; нѣм. перев. *Zenker'a*, Leipzig. Стр. 404, § 531 и примѣч. къ нему; также § 165, 167, 499, 507.

***) Въ Тиренахъ весьма часто нижняя часть домовъ строилась изъ камня, а верхняя—изъ сырца или изъ обожженнаго кирпича. Сырцовые кирпичи часто приготовлялись здѣсь съ большою примѣсью соломы, что и до сихъ поръ практикуется по всей Центральной Азіи и въ Семирѣченской области.

	Длина въ сантиметр.	Ширина въ сантиметр.	Толщина въ сантиметр.
ТРОЯ:			
II-й городъ:			
№ 1.	67—72	44—48	12—13
2.	66	30	12
3.	69—71	19—20	11—12
III—IV города:			
4.	30	30	7
5.	42	?	8
ХАНАЙ-ТЕПЕ:			
6.	28	14	7
7.	25—28	20—25	6—7
8.	45—48	30—31	7
9.	41	21	9
10.	49	24	7
ТИРЕНЫ:			
11.	47—48	36	10
12.	36—37	21	12—13
13.	52—52	?	9
14.	43	25—26	9
МИКЕНЫ:			
15.	?	35	8—9
ELEUSIS:			
16.	44	44	9

Не всегда легко уяснить, относятся-ли эти измѣренія къ сырцовому, или обожженному кирпичу, тѣмъ болѣе, что, по словамъ Шлиманна, въ городахъ погибшихъ отъ пожара, сырцовыя стѣны могли быть обожжены уже послѣ постройки, въ моментъ разрушенія. Между тѣмъ практика новѣйшаго времени показываетъ, что сырцовые кирпичи весьма часто приготовляются гораздо массивнѣе предназначаемыхъ для обжига и они обыкновенно имѣютъ не квадратную, а болѣе продолговатую форму. Изъ кирпичей, указанныхъ въ таблицѣ Шлиманна, болѣе всего приближаются къ архаическимъ азіатскимъ № 4-й изъ Трои и № 16 изъ Eleusis'a,

По измѣреніямъ *Burnouf'a* наичаще встрѣчающіеся размѣры кирпичей въ развалинахъ Трои (третьяго города) слѣдующіе: $52 \times 43 \times 13\frac{1}{2}$ сант. Всѣ они неизмѣнно смѣшаны съ соломою; нѣкоторые изъ нихъ совсѣмъ не обожжены, другіе обожжены весьма слабо, но встрѣчаются и сильно обожженные.

Свѣдѣнія о древнемъ греческомъ и римскомъ кирпичѣ можно найти въ сочиненіяхъ *Витрувія* и *Плинія*.*) Первый изъ этихъ авторовъ (современникъ Юлія Цезаря) въ главѣ о кирпичахъ прежде всего описываетъ способъ ихъ приготовленія (выборъ глины и способъ сушки). При этомъ онъ замѣчаетъ, что самое удобное время для ихъ формовки—весна и осень, потому что во время сильныхъ лѣтнихъ жаровъ глина слишкомъ сильно и быстро высыхаетъ съ поверхности, а внутри кирпича остается сырость, которая потомъ производитъ трещины и портитъ заготовленный матеріалъ. Лучшимъ кирпичомъ считается тотъ, который оставляютъ просыхать не менѣе двухъ лѣтъ. Въ Утикѣ позволялось употребленіе кирпича въ кладку стѣнъ только по истеченіи пяти лѣтъ послѣ его приготовленія, убѣдившись, что онъ совершенно сухъ. Изъ этого описанія видно, что Витрувій говоритъ только о сырцовомъ, а не объ обожженномъ кирпичѣ. На это указываетъ и употребленное имъ слово *later*, безъ прилагательнаго *testaceus*. Обожженный кирпичъ латинцы называли *testa*, или later testaceus, later coctus. *Плиній* (кн. 35, гл. 48 и 48) тоже говоритъ о сырцовомъ кирпичѣ (later crudus), восхваляя его прочность ссылкою на сохранившіяся постройки временъ Аннибала. О приготовленіи этого кирпича онъ говоритъ тоже самое, что и Витрувій.

Форматъ кирпича (сырца) по Витрувію былъ трехъ родовъ: первый назывался у грековъ *лидійскимъ* (λύδιος). Этотъ сортъ по преимуществу былъ въ употребленіи у римлянъ во времена Витрувія (id est, quo nostri utuntur). Длина его—пядь, ширина—полпяди. Остальные два сорта употреблялись греками для постройки ихъ зданій: одинъ изъ нихъ назывался *пентадоронъ* (Πενταδῶρον), другой *тетрадоронъ*. Словомъ δῶρον греки называютъ ладонь; поэтому пентадоронъ называется кирпичъ, имѣющій во всѣхъ размѣрахъ по пяти ладоней (въ квадратѣ), а тетрадоронъ—по четыре ладони. Шлиманнъ, переводя это на современную намъ мѣру, считаетъ размѣры лидійскаго кирпича 0,44 метра—0,30 метр., пентадоронъ 0,37 метр., тетрадоронъ 0,30 метр. въ квадратѣ. По Плинію размѣръ лидійскаго кирпича въ его время былъ длиною полторы пяди, шириною одна пядь. Пентадоронъ и тетрадоронъ имѣли по пяти и по четыре ладони въ квадратѣ, отчего происходитъ и ихъ названіе. Кирпичъ меньшаго размѣра (въ 4 ладони) греки употребляли для постройки частныхъ зданій, а въ пять ладоней—для зданій общественныхъ. Далѣе Плиній прибавляетъ: «греки предпочитаютъ строить кирпичныя стѣны всюду, гдѣ нѣтъ по близости камня. И дѣйствительно, такія стѣны, говоритъ онъ, могутъ считаться вѣчными, если только онѣ правильно и вертикально сложены». Такимъ образомъ изъ кирпича строились у грековъ общественныя зданія и даже дворцы. «Въ Римѣ, прибавляетъ

*) *Vitruvii* Pollionis de architectura, Lib. II. c. 3, de lateribus. *Plinii Secundi* Historia naturalis. Lib. XXXV, 49.

Плиній, построекъ этого рода не производятъ, потому что стѣны въ полторы пяди толщины не могутъ выдерживать болѣе одного этажа». (Plin. XXXV, 49). Послѣднее замѣчаніе Плинія показываетъ, что здѣсь идетъ рѣчь именно о сырцовомъ кирпичѣ, такъ какъ въ его время въ Римѣ существовали зданія и изъ обожженнаго кирпича, но размѣры его, какъ показываютъ развалины такихъ зданій, не совпадаютъ съ описаніями Плинія и Витрувія.

Витрувій также упоминаетъ о томъ, что кирпичныя (сырцовыя) постройки въ Римѣ не употреблялись, ссылаясь на ту-же причину, какая приведена у Плинія, именно, что по закону нельзя было строить наружныхъ стѣнъ болѣе полуторыхъ пядей толщины, а внутреннія стѣны неудобно было дѣлать толще наружныхъ, чтобы не стѣснять пространства въ комнатахъ. Между тѣмъ сырцовыя стѣны (latericii), если-бы даже онѣ были въ два или три кирпича, толщиною въ полторы пяди, не могутъ вынести болѣе одного этажа. Въ такомъ величественномъ и многолюдномъ городѣ какъ Римъ, для помѣщенія жителей въ одноэтажныхъ домахъ, пришлось-бы занять постройками слишкомъ большое пространство, а такъ какъ этого сдѣлать было невозможно, то вмѣсто ширины городъ долженъ былъ расти въ вышину. Такого поднятія стѣнъ можно было достигнуть только помощію каменныхъ пилоновъ (pilis lapideis) и употребленія обожженнаго кирпича на цементѣ (structuris testaceis). При этомъ только условіи можно было безъ труда возводить высокія стѣны, воздвигая одинъ этажъ надъ другимъ. Изъ этого видно, что Витрувій отличаетъ обожженный кирпичъ (testa) отъ сырца (later). Послѣдній не примѣнялся для постройки городскихъ зданій, а первый употреблялся совмѣстно съ камнемъ. Части зданія, требовавшія большой крѣпости, какъ-то углы, косяки, пилоны, выкладывались изъ камня, а простѣнки изъ кирпича на цементѣ.

Въ городахъ Греціи распространеніе кирпичныхъ построекъ едва-ли имѣло большой успѣхъ, если судить объ этомъ по весьма ограниченному числу кирпичныхъ развалинъ на почвѣ древней Эллады. Изобиліе отличныхъ каменныхъ породъ, пригодныхъ для построекъ, утонченное развитіе эстетическаго вкуса и выработавшійся у грековъ самостоятельный архитектурный стиль вытѣснили кирпичную строительную технику. Свѣдѣнія, сообщенныя объ этомъ производствѣ Витрувіемъ и почти буквально повторенныя Плиніемъ, говорящія о способахъ приготовленія кирпича и кладки сырцовыхъ стѣнъ у грековъ, еще болѣе подтверждаютъ существовавшее въ ихъ время весьма недостаточное развитіе кирпичной строительной техники.

Въ древне-римскихъ постройкахъ обожженный кирпичъ встрѣчается двухъ сортовъ, продолговатый и квадратный. Первый употреблялся по преимуществу для кладки стѣнъ, второй—для половъ, облицовки стѣнъ и для сводовъ. Размѣры перваго, по сохранившимся памятникамъ, были слѣдующіе:

	Длина въ сантиметр.	Ширина въ сантиметр.	Толщина въ сантиметр.
Въ Римѣ	22	14	3
	23	14	3
	24	14	3—4
	25	14	3—4
	29	14—16	3—4
	34	34	3—4
	59	59	3—4
	60	60	3—4
Въ Тиволи	42	42	3
» Терентѣ	59	59	3
» Тріерѣ	54	54	6
	55	55	6
	56	56	6
	60	60	6
	55	55	5—7
	34	35	4

Продолговатые кирпичи въ Тріерѣ имѣли размѣръ 54 сант. длины и 26 ширины, а также 53 и 28, при толщинѣ 4 сант.

Кирпичи, употреблявшіеся въ романскихъ и древне-германскихъ постройкахъ отличались размѣрами отъ римскихъ, какъ это видно изъ нижеприведенной таблицы *).

	Длина въ сантиметр.	Ширина въ сантиметр.	Толщина въ сантиметр.
August	36	36	4
Mannheim	36	36	4
	39	31	3,5
Neuenheim	22	22	5
Badenweiler	38—39	32	4
Mainz	28	28	3
Hüfingen	28	28	3
Messkirch	46	46	5
	30	30	5
	46	20	5
Baden	48	48	6
	27	27	6

О размѣрахъ византійскаго кирпича я не имѣю подъ рукой достаточныхъ свѣдѣній. Въ исторіи зодчества Султанова упоминается, что этотъ кирпичъ былъ квадратный, имѣлъ 37 сант. длины и ширины, при толщинѣ 5,3

*) Durm. Handbuch der Architektur. Zweiter Theil, Die Baukunst der Römer, Стр. 114.

сант.; но эти данныя слишкомъ кратки. Желательно было бы знать размѣры кирпича съ указаніемъ зданій, откуда они взяты, и съ опредѣленіемъ, въ какую конструкцію постройки они входили. Весьма возможно, что, во время Константина Великаго или Ѳеодосія, кирпичъ болѣе приближался по размѣрамъ къ римскому, а при Юстиніанѣ и въ послѣдующее время онъ могъ имѣть другіе размѣры. Равнымъ образомъ кирпичъ для сводовъ могъ имѣть другіе, болѣе широкіе размѣры, чѣмъ для стѣнъ, гдѣ требуется перевязка рядовъ кладки. Точно также зданія, выстроенныя изъ сплошнаго кирпича, могли требовать другаго размѣра строительнаго матеріала, чѣмъ зданія смѣшанной кладки, изъ рядовъ камня и кирпича, гдѣ этотъ послѣдній могъ быть шире, такъ какъ онъ здѣсь служилъ до извѣстной степени перевязкою для камней.

Кирпичъ въ древнихъ русскихъ постройкахъ по формѣ и размѣрамъ приближается къ византійскому. Самая древняя изъ Кіевскихъ каменныхъ церквей—церковь Спаса на Берестовѣ (988 г.) была сооружена изъ булыжника и кирпича, скрѣпленнаго цементомъ. Размѣры ея кирпича: длина 33—34, ширина 29—30 и толщ. 4 сант. Въ Кіевскомъ Софійскомъ соборѣ (1020—1037 г.) кирпичъ имѣетъ длины 35, шир. 30, толщ. 4 сант. Въ Кіевскихъ Золотыхъ воротахъ (первой полов. XI в.) длина кирпича 31—37, шир. 27—29, толщ. 4; въ церкви св. Ирины длина 31, шир. 27, толщ. 4.*) О размѣрахъ квадратнаго кирпича сѣверныхъ русскихъ построекъ (въ старой Ладогѣ, церковь св. Георгія 1114 и 1116 г., въ древнихъ церквахъ Новгородской и Суздальской области), къ сожалѣнію, я не могъ собрать опредѣленныхъ свѣдѣній.

Архаическій кирпичъ изъ Семирѣченской области (экземпляры нашего музея) представляетъ слѣдующіе размѣры: доставленный съ башни Бураны имѣетъ въ длину и ширину 25 сантим., толщ. 4 сант. Обжигъ его весьма хорошій, цвѣта краснаго, съ слѣдами приставшаго известковаго цемента; форма совершенно правильная; на плоскихъ поверхностяхъ видны слѣды правки въ видѣ слегка углубленныхъ, продолговатыхъ и довольно широкихъ желобковъ, какъ-бы отъ нажиманія скалкой. Кирпичъ съ озера Иссыкъ-куля **) двоякой формы: квадратный и продолговатый. Первый имѣетъ совершенно тѣ-же размѣры, какъ и съ башни Бураны, т. е. по 25 сант. въ длину и ширину и 4 сант. толщины. Продолговатый кирпичъ въ длину 32 сант. и въ ширину 14½ сант., толщ. 4 сант. Форма того и другаго совершенно правильная, обжигъ весьма хорошій, по цвѣту напоминающій нынѣшній полужелѣзнякъ. На поверхностяхъ замѣтенъ довольно значительный и плотно

*) Размѣры кирпича церкви св. Ирины и Золотыхъ воротъ въ Кіевѣ взяты мною съ натуры; у перваго памятника измѣрено 3 кирпича, у втораго 5. Размѣры по остальнымъ кіевскимъ постройкамъ заимствованы изъ литературныхъ источниковъ.

**) Изъ стѣнъ затопленнаго озеромъ древняго города, повидимому относившагося къ бронзовому вѣку.

приставшій бѣлесовато-зеленоватый налетъ, можетъ быть, остатокъ цемента съ присоединеніемъ осадка солей озерной воды. Кирпичъ, доставленный изъ Лепсинскаго уѣзда, съ развалинъ древняго города, имѣетъ на одномъ экземплярѣ длину 26 сант. и ширину 27, а на другомъ экземплярѣ длина и ширина 25 сант.; толщина того и другаго 4 сант., цвѣтъ желтобурый. Второй экземпляръ не вполнѣ правильной формы, сильно пережженъ и при обжигѣ его нѣсколько покоробило. Былъ-ли въ употребленіи продолговатый кирпичъ при постройкѣ башни Бураны и существуетъ-ли онъ въ Лепсинскихъ развалинахъ, это остается еще не выясненнымъ. Судя по присутствію его въ Иссыкъ-кульскихъ развалинахъ и по полному сходству размѣровъ иссыкъ-кульскаго квадратнаго кирпича съ прочими, можно предполагать, что продолговатый кирпичъ долженъ встрѣчаться также въ Токмакскихъ и Лепсинскихъ древностяхъ. Къ этому предположенію склоняетъ и то обстоятельство, что кладка большихъ зданій, при одномъ квадратномъ кирпичѣ, была бы затруднительна въ смыслѣ прочной перевязки рядовъ. Вслѣдствіе этого строительная практика скоро должна была указать на необходимость приготовленія половинчатаго кирпича, во избѣжаніе невыгодной обтески большихъ квадратныхъ плитъ.

Для большей наглядности считаю не лишнимъ представить размѣры русскаго архаическаго кирпича въ особой таблицѣ, съ присоединеніемъ сюда византійскихъ, германскихъ и болгарскихъ кирпичей.

	Длина въ сантиметр.	Ширина въ сантиметр.	Толщина въ сантиметр.
Византійскій	37	37	5
Церковь Спаса на Берестовѣ . .	33—34	29—30	4
Кіевскій Софійскій соборъ. . .	35	30	4
Церковь Св. Ирины.	31	27	4
Золотыя ворота	37	29	4
Тоже	31	27	4
Болгары на Волгѣ	26	26	4
Селитрян. городокъ на Волгѣ .	23—24	23—24	4
Озеро Иссыкъ-куль	32	14	4
Тоже	25	25	4
Тоже (Казанскій экземпляръ). .	30	19	4
Башня Бураны	25	25	4
Лепса	27	26	4
Тоже	25	25	4
Баденъ.	27	27	6
Майнцъ	28	28	3
Гюфингенъ	28	28	3
Нейенгемъ.	22	22	5

Сравнивая византійскій, древне-европейскій и древне-русскій кирпичъ съ болгарскимъ и семирѣченскимъ, мы не видимъ между ними существенной разницы. Въ тѣхъ и другихъ преобладаютъ квадратныя формы, но размѣръ ихъ представляетъ нѣкоторое разнообразіе не только въ разныя эпохи, но даже въ одно и тоже время. Очевидно, что разнообразіе проистекало не столько отъ національной привычки, сколько отъ практическихъ потребностей и частныхъ цѣлей постройки. Кирпичъ для сводовъ и перемычекъ приготовлялся нѣсколько большихъ размѣровъ, чѣмъ для стѣнъ. Размѣры могли измѣняться и по эпохѣ постройки, какъ мы это видимъ теперь при сравненіи напр. болѣе массивныхъ кирпичей Петровскаго или Екатерининскаго времени съ нынѣшними. *) По отношенію къ квадратному археологическому кирпичу, обыкновенно встрѣчающемуся въ развалинахъ древнихъ городовъ сѣвернаго Кавказа, Поволжья и южной Россіи для насъ важно отмѣтить здѣсь тотъ несомнѣнный фактъ, что его квадратная форма и указанные выше размѣры сами по себѣ не могутъ служить доказательствомъ арабскаго или татарскаго зодчества. Выше мы видѣли, что не только византійскія и древнія русскія постройки X—XI в. имѣли такой же квадратный кирпичъ, но онъ могъ быть употребляемъ въ Россіи даже гораздо раньше византійской эпохи, по примѣру Персіи. Это обстоятельство не слѣдуетъ упускать изъ вниманія при будущихъ изслѣдованіяхъ развалинъ нашихъ каменныхъ городовъ, особенно въ Поволжьѣ, которыя нынѣ многими признаются за слѣды татарщины потому только, что тамъ оказываются квадратные кирпичи. Въ заключеніе слѣдуетъ сказать еще нѣсколько словъ о происхожденіи названія кирпича.

Кирпичъ по греч. πλίνθος, лат. *later*, обожженный кирпичъ *later coctus* или *coctilis*, *testa* (κεράμιον), нѣм. *Backstein*, франц. *la brique*, анг. *brick*; по туркестански (у сартовъ) *гыштъ*, *хыштъ*, *пшикъ гыштъ*, *хамъ гыштъ* (сырецъ). Русское слово кирпичъ тождественно съ турецкимъ (*kerpidz*, *kerpidj*), сербскимъ (*cerpic*) и болгарскимъ. Въ данномъ случаѣ для насъ наиболѣе интересны турецкое и русское названія. Тождество ихъ показываетъ, что либо мы взяли это слово отъ турокъ (арабовъ), либо турки отъ насъ. Выяснить этотъ вопросъ можетъ только филологическое производство слова кирпичъ. Не зная восточныхъ языковъ, я не могу высказать никакого мнѣнія на счетъ того, существуетъ-ли въ арабскомъ, турецкомъ, или персидскомъ языкѣ соотвѣтствующій корень для этого слова; но по отношенію къ славянскому названію едва-ли можетъ оставаться сомнѣніе, что оно самобытное, не заимствованное отъ какого либо восточнаго корня. Оно происходитъ отъ *чрепъ* (твердая, жесткая покрышка, корка), *черепица*, *черепокъ*; въ церковно-славянскомъ языкѣ *чрепіе*, раковина. Доказательствомъ того, что слово

*) Нынѣ, какъ извѣстно, принята мѣра кирпича въ 6 вершковъ длины, 3 в. ширины и 1½ в. толщины.

кирпичъ происходитъ отъ черепъ, черепица, можно видѣть въ литов. формѣ *kerpetis*, что означаетъ *cranium* и *testa*. Слово *kerpetis*, черепъ, весьма близко въ звуковомъ отношеніи къ русскому слову кирпичъ, а также къ болгарскому *керпичъ* и турецкому *kepridz*. Такимъ образомъ весьма вѣроятно, что обожженный кирпичъ получилъ у насъ свое имя отъ ранѣе существовавшаго слова черепъ, черепица (греч. κέραμος), происходящаго въ свою очередь отъ санскр. *karpara*, testa, слѣдовательно турецкое названіе кирпича по всѣмъ признакамъ должно происходить отъ литво-славянскаго, а не наоборотъ. Изъ этого можно вывести предположеніе, что турки познакомились съ обожженнымъ кирпичемъ черезъ славянъ, можетъ быть въ Византіи, или гдѣ нибудь въ странахъ смежныхъ съ Кавказомъ. Для того, чтобы эта догадка подтвердилась вполнѣ, остается провѣрить форму древняго персидскаго кирпича и его названіе на этомъ языкѣ. Если бы они оказались не сходными съ турецкимъ названіемъ и съ формою кирпича византійскаго и болгарскаго, это могло-бы служить доказательствомъ, что славяне имѣли кирпичныя постройки раньше X вѣка и что арабы заимствовали слово кирпичъ отъ славянъ.

Общій выводъ изъ первыхъ трехъ главъ.

1) Обозрѣвая историческія и лингвистическія данныя, указывающія на пути разселенія народовъ изъ Центральной Азіи въ Европу, мы этимъ самымъ отчасти уже намѣтили географическіе предѣлы, гдѣ можно и должно искать доисторическихъ слѣдовъ обитанія и передвиженія арійцевъ. Въ частности для славянскаго племени тѣже данныя даютъ намъ историческій намекъ на возможность и вѣроятность распространенія славянъ съ общей арійской родины двумя путями: 1) черезъ закаспійскія степи въ Малую Азію и оттуда—съ одной стороны черезъ Кавказскіе проходы на Терекъ, Кубань и къ Азовскому морю, съ другой стороны,—черезъ Босфоръ и Дарданелы, на Балканскій полуостровъ. 2) Съ сѣвернаго берега Яксарты (Сыръ-Дарьи) черезъ нынѣшнія области Семирѣченскую, Семипалатинскую и Акмолинскую и по рѣкамъ Западной Сибири въ Оренбургскія, Донскія и Черноморскія степи, представлявшія собою одно нераздѣльное цѣлое (въ древности Азіатская и Европейская Скиѳія). По общимъ историческимъ и лингвистическимъ соображеніямъ и по однородности на всемъ этомъ громадномъ пространствѣ археологическихъ памятниковъ (курганныхъ могилъ и городищъ), намъ представляется весьма вѣроятнымъ, что въ древности (до Р. Х.) всѣ эти черноземныя степи, отъ Оби и Яксарта до Дуная и Западной Двины, должны были быть долгое время заняты однимъ господствующимъ народомъ—скиѳами. Собранные до настоящаго времени факты по изученію скиѳскихъ древ-

ностей южной Россіи даютъ уже достаточный матеріалъ для заключенія о національности черноморскихъ скиѳовъ. По археологическимъ признакамъ они принадлежали не къ финскимъ или монгольскимъ, а къ арійскимъ поколѣніямъ и въ числѣ ихъ славянскій элементъ, по всей вѣроятности, былъ преобладающимъ.

2) По свѣдѣніямъ греческихъ и римскихъ историковъ отдѣльныя вѣтви славянскаго племени за нѣсколько вѣковъ до Р. Х. распространились до южныхъ береговъ Балтійскаго и Нѣмецкаго моря и были извѣстны здѣсь подъ именемъ Венетовъ. Южною границею исконныхъ славянскихъ земель Балтійскаго побережья служила р. Эльба. Страна между Эльбою и Рейномъ съ той же отдаленной древности была занята Германскимъ племенемъ, а между Рейномъ и Океаномъ—племенами Галловъ или Кельтовъ.

3) Кромѣ сѣверозападной вѣтви, въ древнія времена (до Р. Х.) существовала еще югозападная вѣтвь славянскаго разселенія, распространившаяся по берегамъ Адріатическаго моря, извѣстная подъ именемъ адріатическихъ Венетовъ. Сюда же относятся древнія поселенія славянъ на Балканскомъ полуостровѣ, непрерывно сохранившіяся здѣсь до историческихъ временъ (Геты и Даки) и до нашихъ дней.

4) Общее движеніе славянскихъ племенъ, какъ и остальныхъ арійцевъ, совершалось въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ съ востока на западъ (изъ Азіи въ Европу). При этомъ главнѣйшій и наиболѣе многолюдный сѣверный потокъ славянства, разливавшійся по сибирскимъ и южнорусскимъ степямъ, долгое время не прерывалъ связи съ своею первоначальною родиною (съ нынѣшнею Сыръ-Дарьинскою областью). Окончательное выселеніе изъ сѣверной Азіи остатковъ славянскаго племени (Болгаръ) по всей вѣроятности совершилось не позже второго столѣтія по Р. Х., когда въ южныхъ предѣлахъ Западной Сибири появляются уже татарскія и монгольскія племена.

5) Культурное развитіе славянскаго племени, кромѣ общихъ арійскихъ зачатковъ, совершалось въ скиѳскомъ періодѣ главнымъ образомъ подъ вліяніемъ иранскихъ началъ. Съ Иранцами наши предки могли соприкасаться частію черезъ закаспійскія степи (въ древнѣйшія времена), но главнымъ образомъ черезъ кавказскія области (съ Персіей). При существованіи греческихъ черноморскихъ колоній доля культурнаго воздѣйствія притекала въ Скиѳію также изъ Греціи. Эллинскія начала въ древности, однако же, не имѣли такого глубокаго вліянія на славянство, какъ начала иранскія. Только съ наступленіемъ среднихъ вѣковъ, именно въ византійскомъ періодѣ, когда славянскіе элементы получили значительный вѣсъ въ самой Восточной римской имперіи, явилось живое взаимодѣйствіе между греческою и славянскою культурою.

6) Не менѣе обильнымъ источникомъ культурныхъ теченій въ среду славянства служилъ Римъ, воздѣйствовавшій на балтійскихъ (черезъ Галлію)

и адріатическихъ венетовъ. Римскія начала, воспринятыя арморійскими и адріатическими венетами, впослѣдствіи были перенесены варягами на русскую почву и вмѣстѣ съ византизмомъ послужили основою нашего дальнѣйшаго духовнаго развитія.

Въ такомъ видѣ мнѣ представляется канва или почва для изученія славянской доисторической археологіи. На ряду съ безспорными фактами, нѣкоторыя изъ моихъ предположеній могутъ показаться здѣсь недостаточно обоснованными, слишкомъ смѣлыми и даже произвольными, но я и высказываю ихъ не какъ историческую догму, а какъ проблемму, требующую дальнѣйшаго подтвержденія и разъясненія. Таковы вопросы о славянствѣ азіатскихъ (сибирскихъ) скиѳовъ, о родствѣ варяговъ съ балтійскими венетами, объ участіи славянскихъ началъ въ византійской культурѣ и т. д. Относительно этихъ вопросовъ наука еще не сказала послѣдняго слова, не исчерпала всѣхъ данныхъ, могущихъ служить къ ихъ разъясненію. Поэтому высказанная гипотеза здѣсь не будетъ неумѣстною даже въ томъ случаѣ, если бы ее не удалось осязательно доказать при настоящемъ запасѣ археологическихъ данныхъ. Идея можетъ предшествовать факту, а факты открываются не вдругъ и не всегда въ томъ объемѣ, въ какомъ было бы желательно ихъ видѣть.

Нельзя оспаривать, что аналитическій методъ изслѣдованія есть наилучшій критерій для правильности умозаключенія. Археологическіе труды въ этомъ отношеніи не должны составлять исключенія, ибо археологія не есть умозрительная наука, а настолько же реальная, какъ и прочія отрасли естествознанія. Ея факты имѣютъ осязательную форму, подлежатъ мѣрѣ, вѣсу, химическому разложенію, сличенію и сопоставленію. Въ этомъ смыслѣ они могутъ служить реальнымъ доказательствомъ времени и мѣста своего происхожденія, болѣе чѣмъ палеонтологическіе слѣды для исторіи земной коры. Геологическія умозаключенія о допотопныхъ эпохахъ и ярусахъ, не смотря на свою реальную основу, все же не лишены гадательности, тогда какъ археологическіе выводы могутъ быть подтверждаемы либо письменными, либо живыми фактами, болѣе близкими къ нашимъ временамъ.

Подобно тому какъ геологическіе ярусы (системы) опредѣляются по ископаемымъ остаткамъ допотопной флоры и фауны, по археологическимъ даннымъ возможно опредѣлить не только эпоху культурныхъ наслоеній, но и народность, оставившую послѣ себя доисторическіе слѣды. Народное творчество всегда носило и будетъ носить на себѣ индивидуальныя черты, иначе оно не было бы творчествомъ, а лишь механическимъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же формъ, не представляло бы культурнаго прогресса при мертвой неподвижной рутинѣ. Человѣчество безпрерывно идетъ впередъ; вѣтвясь и индивидуализируясь, оно стремится къ оригинальности и разнообразію. Также точно и дѣла его рукъ всегда носили и будутъ носить печать времени и самобытной національности.

Въ древнія времена, при большомъ разобщеніи племенъ, народная индивидуальность должна была проявляться рѣзче и устойчивѣе, чѣмъ при нынѣшнихъ международныхъ сношеніяхъ, когдя европейская культура стремится къ обобщенію и обезличенію. Въ наши дни европейскій типъ начинаетъ терять народные оттѣнки: французскія, англійскія, нѣмецкія и русскія издѣлія мало чѣмъ отличаются другъ отъ друга; но если мы сопоставимъ европейскій стиль, напр., съ персидскимъ, китайскимъ и японскимъ, то увидимъ между ними рѣзкую разницу. Въ такомъ же, если еще не болѣе рельефномъ разнообразіи должны были представляться древніе общеарійскіе типы сравнительно съ китайскими, монгольскими и финскими, если только послѣднія двѣ народности могли въ то время представлять какую либо самостоятельную индустрію. Въ слѣдующемъ періодѣ, при разселеніи арійцевъ по отдаленнымъ странамъ Азіи и Европы, ранѣе пробужденная у нихъ сила творчества должна была проявить себя въ широкомъ національномъ разнообразіи. Не выходя изъ общихъ арійскихъ основъ, каждая народность создавала, рядомъ съ своимъ національнымъ языкомъ, національную культуру. Пелазги, этруски, греки и римляне, точно также какъ племена иранцевъ и семитовъ, выражали свои потребности и вкусы далеко не одинаково. Каждый народъ жилъ своимъ умомъ, подчинялся своимъ склонностямъ, дорожилъ своими народными привычками и изобрѣтеніями. Это мы ясно видимъ на археологическихъ памятникахъ названныхъ народностей, привносившихъ свой стиль и въ строительное искусство, и въ систему вооруженія и защиты, и во всѣ частности бытоваго склада. Новыя европейскія племена развивались при такихъ же условіяхъ. Съ наступленіемъ среднихъ вѣковъ они внесли въ европейскую жизнь свои культурныя начала, выработанныя раньше и лишь оплодотворенныя на европейской почвѣ классическими идеями и образцами искусства Въ этомъ періодѣ европейской исторіи совершается тотъ же процессъ культурнаго разнообразія, слагающагося изъ индивидуальнаго народнаго творчества. Галлы, германцы и славяне вносятъ свои національные вклады въ міровой культурный прогрессъ. Археологическій анализъ этихъ вкладовъ, сохранившихся на вещественныхъ памятникахъ, долженъ показать, что принадлежитъ въ разсматриваемыхъ культурныхъ наслоеніяхъ классическому міру, что творческому духу каждой изъ новыхъ европейскихъ народностей. Здѣсь, при разслѣдованіяхъ европейской почвы, могутъ помочь прямыя историческія указанія, освѣщающія древнѣйшія находки каждой страны опредѣленными историческими данными (свидѣтельствомъ древнихъ писателей, находками монетъ и т. д.). Благодаря этимъ условіямъ европейскія древности получаютъ сугубую научную цѣну, не только сами по себѣ, но и по сравненію ихъ съ ископаемыми типами древностей азіатскихъ (скиѳскихъ), о которыхъ не имѣется такихъ точныхъ историческихъ указаній. Такъ, напр., сравнивая находимые на

почвѣ древнихъ балтійскихъ славянъ или венетовъ типы гончарныхъ издѣлій, съ ихъ оригинальною орнаментовкою,—формы оружія, домашней утвари и украшеній—съ точно такими же типами, находимыми въ Малой Азіи или въ нынѣшней Россіи и Сибири, мы получаемъ такимъ образомъ вѣское доказательство въ пользу одноплеменности происхожденія этихъ находокъ, не смотря на отдѣляющія ихъ громадныя пространства. Такое же заключеніе мы имѣемъ право сдѣлать при сопоставленіи гальскихъ и германскихъ могилъ и ихъ содержимаго съ соотвѣтствующими типами каменныхъ могильныхъ памятниковъ (дольмены и т. п.), находимыхъ въ другихъ отдаленныхъ краяхъ (напр. въ Минусинскомъ округѣ). При надлежащей, пока лишь желательной, разработкѣ археологическихъ данныхъ, такія сопоставленія не ограничиваются внѣшнею стороною сравниваемыхъ предметовъ. Наука можетъ углубляться въ самую сущность древней промышленной техники, возстановить и сопоставить пріемы техническаго производства и тѣмъ доказать, какимъ путемъ оно развивалось и переносилось изъ одной страны въ другую помимо торговыхъ связей.

За исходный пунктъ систематическихъ разысканій о доисторическихъ древностяхъ правильнѣе всего было бы взять тѣ области, въ которыхъ по научнымъ соображеніямъ предполагается начальное мѣстожительство арійскихъ племенъ, т. е. среднюю Азію. Эту задачу ближе всего могли бы взять на себя русскіе археологи; но до настоящаго времени въ этомъ направленіи почти ничего еще не было предпринимаемо. Причина понятна: Туркестанскій край сдѣлался доступенъ для русскихъ и европейскихъ ученыхъ не болѣе 25 лѣтъ тому назадъ, послѣ завоеванія Ташкента, Самарканда, Хивы, Бухары и Ферганы. Въ такой короткій промежутокъ времени русское правительство и русская наука сдѣлали слишкомъ много для изученія вновь пріобрѣтенныхъ областей въ естественно-историческомъ, этнографическомъ и экономическомъ отношеніи. Это были первыя, настоятельныя, жизненныя задачи; но археологія не принадлежитъ къ числу такихъ насущныхъ и спѣшныхъ потребностей. Тѣмъ не менѣе, мимоходомъ, и на нее было обращено вниманіе какъ администраціей края, такъ и отдѣльными любителями. Въ Ташкентѣ былъ основанъ мѣстный музей съ отдѣломъ доисторическихъ древностей. Были попытки къ раскопкамъ нѣкоторыхъ городищъ и курганныхъ могилъ. Лица, служившія въ Туркестанскомъ краѣ и интересовавшіяся археологіей, передавали мнѣ, что какъ въ Сыръ-Дарьинской области, такъ и въ окрестностяхъ Ташкента и Самарканда встрѣчаются такія же точно курганныя могилы, какъ въ смежномъ Семирѣчьѣ и по долинѣ р. Чу. Г. Лессаръ сообщилъ свѣдѣнія о курганахъ въ Мервскомъ оазисѣ. Тоже самое, вѣроятно, окажется въ Ферганѣ и по верховьямъ Аму-Дарьи. Все это пока одни намеки на генетическую связь Туркестанскихъ курганныхъ древностей съ Семирѣченскими и Западно-Сибирскими, но намеки въ высокой степени интересные. Рано или

поздно, наука должна разобраться въ этомъ матеріалѣ, который можетъ повести къ весьма любопытнымъ, можетъ быть къ неожиданнымъ открытіямъ.

Средняя Азія, какъ извѣстно, съ незапамятныхъ временъ служила ареною разныхъ, смѣнявшихъ другъ друга, цивилизацій и народностей. Въ ея древностяхъ должны встрѣчаться разныя наслоенія, начиная съ обще-арійскаго и иранскаго, потомъ греческаго и персидскаго, и кончая арабскимъ и новѣйшимъ татарскимъ. Разобраться въ этихъ слояхъ не всегда легко, и это составляетъ одну изъ наиболѣе интересныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе трудныхъ задачъ при разработкѣ средне-азіатской археологіи. Греческія наслоенія, легко опредѣлимыя по типу предметовъ и по могущимъ встрѣтиться монетамъ и надписямъ, должны быть особенно цѣнны какъ хронологическій критерій по сравненію съ скиѳскими древностями Сыръ-Дарьинской области. Позднѣйшіе слѣды персидской и арабской культуры (преимущественно строительно-архитектурные) имѣютъ здѣсь меньше значенія, какъ матеріалъ для изученія славянскихъ древностей, ибо эти типы большею частію имѣютъ подражательный характеръ. Родина ихъ Персія, откуда они въ одинаковой мѣрѣ могли распространяться какъ въ Туркестанъ, такъ и въ южную Россію,— въ первомъ случаѣ въ мусульманско-арабской переработкѣ, во второмъ— еще ранѣе, въ византійско-славянской.

Болѣе цѣнными и оригинальными должны представляться тѣ древности Туркестанскаго края, которыя имѣютъ аналогію съ семирѣченскими, сибирскими и южно-русскими. Въ этихъ послѣднихъ областяхъ не было смѣны цивилизацій и нѣтъ такихъ наслоеній въ археологическихъ памятникахъ, какія оказываются въ Малой Азіи, въ Персіи и вѣроятно окажутся въ древней Бактріи и Согдіанѣ. Въ сѣверныхъ областяхъ древне-арійскую культуру смѣнили кочевыя племена монголо-татарскія, не имѣвшія ни строительнаго искусства, ни собственной, болѣе или менѣе развитой индустріи. Поэтому, въ теченіе болѣе чѣмъ полуторы тысячи лѣтъ, они не оставили на мѣстахъ своего пребыванія почти никакихъ культурныхъ слѣдовъ. Такимъ образомъ сибирскія курганныя могилы и городища сохранились до нашихъ дней въ томъ же видѣ и составѣ содержимаго, въ какомъ они были сооружены до окончательнаго выселенія арійскихъ сѣверныхъ народовъ въ западныя европейскія страны. На сибирскихъ древностяхъ незамѣтно вліянія и сосѣднихъ цивилизованныхъ народовъ, какъ у черноморскихъ скиѳовъ, время отъ времени воспринимавшихъ и персидскую, и отчасти греческую культуру. Поэтому сибирскія древности цѣльнѣе и самобытнѣе, не смотря на свое однообразіе. Если въ ихъ типахъ оказывается близкое сходство съ типами западными (южной Россіи и Балтійскаго побережья), то можно безошибочно заключить, что западные типы ведутъ свое начало изъ Средней Азіи и Сибири, а не наоборотъ. Неизбѣжность такого заключенія будетъ ясна для читателей послѣ того, какъ мы разсмотримъ въ спеціальной части нашего труда объекты сибирскихъ древностей параллельно съ западно-европейскими.

ГЛАВА IV.

Происхожденіе слова городъ и славянская терминологія городскихъ укрѣпленій.—Типы городскихъ укрѣпленій у азіатскихъ и европейскихъ народовъ и ихъ историческое происхожденіе.—Земляныя укрѣпленія у славянъ.—Общая характеристика россійскихъ и сибирскихъ древнихъ городищъ.

Подъ вліяніемъ ученія Шлецера, производившаго русскій государственный строй, въ томъ числѣ и первую постройку русскихъ городовъ, отъ варяговъ—шведовъ, этимологическій смыслъ слова городъ искали въ германскомъ языкѣ, именно отъ *garda* или *warda*, стеречь, оборонять. Въ примѣненіи къ городу это означало защищаемое укрѣпленное мѣсто. Въ этимологическомъ лексиконѣ Рейфа (1836 г.) слово городъ производится отъ древне-славянскаго *гра-дить*, соотвѣтственно персидскому *guird* ограда, окружность, огороженное пространство, также еврейскому *kereth* и арабскому *karjet*, ville; отсюда же шведское *gard*, городъ, нѣм. *garten*, латинское *hortus*, садъ.

По этому производству слово городъ обозначаетъ огороженное, защищенное мѣсто, и славянское произношеніе его *градъ* слѣдовало бы считать болѣе правильнымъ *) (отъ *градить*, ограждать, *ограда*). Между тѣмъ въ лѣтописи Нестора и въ древнѣйшихъ русскихъ актахъ чаще пишется не градъ, а городъ. Поэтому нѣкоторые допускаютъ, что буква *о* здѣсь не случайная, а коренная. Въ такомъ случаѣ слово городъ въ древнѣйшемъ этимологическомъ значеніи сопоставляется съ словомъ *гора* (отъ санскр. *ghiri*, литов. *giri*, евр. *har*, греч. ὄρος). Въ русскомъ языкѣ горою называется всякая земная возвышенность, въ томъ числѣ, чаще всего, высокій рѣчной берегъ. Сравнивая нѣм. *Berg* (славянское *брегъ*) и *Burg* (укрѣпленное мѣсто, замокъ) можно предположить, что послѣднее также взято отъ горы, выдающейся возвышенности, или высокаго рѣчнаго *берега*.

Слово гора въ славянскомъ языкѣ, безъ сомнѣнія, существовало гораздо раньше слова городъ. Пункты первыхъ осѣдлыхъ поселеній, а тѣмъ болѣе

*) Совершенно однозвучное этому дославянское слово *градъ*, лат. *grando*, замороженныя въ воздухѣ дождевыя капли, не имѣетъ къ слову городъ никакого отношенія, кромѣ случайнаго созвучія; его производятъ отъ санскр. *hrâduni*, tempestas.

укрѣпленныхъ мѣстъ, всегда избирались на возвышенностяхъ, защищаемыхъ самою природою. Поэтому съ горою могло быть связано первое представленіе о естественной крѣпости, и отсюда могло, со временемъ, выдѣлиться частное понятіе объ огражденіи и о городѣ, какъ центрѣ укрѣпленія и защиты окрестной страны. Поэтому слово ограждать, или городить можно считать позднѣйшимъ производнымъ отъ города, именно съ того времени, когда укрѣпленные, возвышенные и защищенные природою пункты стали обноситься искусственными сооруженіями, земляным валомъ, стѣною, или палисадомъ. При такомъ производствѣ слова городъ, буква *д* въ глаголѣ *град-ить* должна принадлежать другому корню. Какъ сложное слово, городъ такимъ образомъ производили отъ *гора* и *родъ*, племя, т. е. центръ или мѣсто управленія при первоначальномъ родовомъ складѣ общинъ. Но принимая во вниманіе дославянскую древность слова *град-ить*, можно думать, что буква *д* есть слѣдъ какого либо санскритскаго корня, напр. *dai.*, *дѣяти* или *dâ*, *dayati*, binden—соединять, замыкать, скрѣплять. Отсюда санскритское *Gardha*, замкнутое пространство, зенд. *geredha*, полость, впадина, пещера. Изъ этихъ двухъ корней *gar*, *giri*, гора, и *dâ*, замыкать, скрѣплять, могло образоваться слово, выражающее понятіе объ укрѣпленіи, замкнутой горной возвышенности, соотвѣтствующее славянскому *горо-дъ*, городокъ. Впослѣдствіи времени, при дифференцировкѣ понятій, изъ той же темы выдѣлилось слово, выражающее самый актъ огражденія или укрѣпленія, славянск. *град-ить*, *гра-дарь*, огородникъ, садовникъ, и лат. hortus. Основываясь на приведенной этимологіи слова городъ, мы можемъ думать, что у славянскаго племени города или укрѣпленные городки существовали съ самыхъ отдаленныхъ временъ и строились они на возвышенныхъ мѣстахъ, или на высокомъ берегѣ рѣки, каковыми дѣйствительно оказываются большинство древнихъ русскихъ городищъ.

Слово *городище* (средн. рода) обозначаетъ собственно мѣсто, занятое или предназначенное для города, соотвѣтственно слову *займище*, мѣсто расчищенное подъ пашню или покосъ, или, въ нынѣшнемъ значеніи, заливной лугъ, пойма. Къ тому же разряду существительныхъ средняго рода, оканчивающихся на *ище*, принадлежатъ кладбище, верховище, зрѣлище, капище и мн. др., въ отличіе отъ существительныхъ мужскаго рода съ тѣмъ же окончаніемъ, выражающимъ увеличительную степень, напр. домище, глазище, идолище и пр.

Въ древнихъ русскихъ актахъ и лѣтописяхъ слову городище дается опредѣленное значеніе мѣста нѣкогда бывшаго города. Такъ напр. у Нестора разсказывается преданіе о походѣ Кія въ Грецію и объ основаніи на Дунаѣ городка, гдѣ онъ предполагалъ «сѣсти съ родомъ своимъ»; но этого ему не позволили туземные жители, и оставленное Кіемъ мѣсто, по словамъ Нестора,

«Дунайцы донынѣ нарицаютъ *городище* Кіевецъ» *). Еще опредѣленнѣе встрѣчается выраженіе въ описаніи путешествія митрополита Пимена въ Царьградъ, гдѣ, упоминая о Серклін градѣ, діаконъ Игнатій замѣчаетъ: «не градъ же убо, но точію *городище*» **). Въ книгѣ Большаго Чертежа и во всѣхъ другихъ историческихъ источникахъ слову городище придается также значеніе бывшаго, оставленнаго города, или мѣста, на которомъ нѣкогда существовалъ укрѣпленный пунктъ народнаго поселенія. Въ подобномъ значеніи употребляются въ русскомъ народномъ языкѣ слова селище, церковище, монастырище, пожарище, т. е. опустѣлыя мѣста бывшаго нѣкогда села, церкви, монастыря, или пожара ***).

Важнѣйшіе русскіе города въ болѣе позднее, историческое время нерѣдко обносились не однимъ, а нѣсколькими параллельными рядами укрѣпленій. Каждое изъ нихъ носило въ такомъ случаѣ особое названіе. Такъ напр. важнѣйшая, центральная или внутренняя часть крѣпости называлась *дѣтшнимъ городомъ* или *дѣтинцемъ*, а впослѣдствіи *кремлемъ* или *кремникомъ*; наружныя, периферическія огражденія назывались *окольнымъ городомъ*, *охабнемъ*, городомъ *кромнымъ*, или *кромомъ*.

Слово *дѣтшній* †) происходитъ отъ древне-славянскаго *дѣть*—внутри, внутренній, отъ древнерусскаго слова *дна*—матка (uterus), внутренность, а это, въ свою очередь, отъ санскр. *dhâ* доить, питать, *dhenâ* дойный, также сущ. питаніе, подкрѣпленіе. *Дѣтшній* городъ въ этомъ смыслѣ означаетъ центръ, важнѣйшую часть укрѣпленія. Тоже значеніе имѣлъ и *дѣтинецъ*. Происхожденіе послѣдняго названія ставили въ связь съ словомъ *дѣти* (дитя), предполагая, что при осадѣ городовъ дѣтинецъ, какъ внутренняя наиболѣе безопасная часть укрѣпленія, предназначался для охраненія дѣтей. Генералъ Ласковскій по этому поводу высказываетъ слѣдующія соображенія: «позволительно предполагать, говоритъ онъ, что при угрожавшей городу опасности жители прятали въ дѣтинецъ все, что для нихъ было дорого: церковную святыню, старцевъ, женъ, дѣтей, имущество и пр., и очень можетъ быть, что названіе *дѣтинецъ* произошло отъ слова дѣвать, *дѣть*, помѣстить, означая между прочимъ и обезпеченное убѣжище для дѣтей» †*) Если принять во вниманіе, что въ старину существовало названіе *дѣтскій отрокъ*, въ значеніи тѣлохранитель при князѣ, такъ сказать отборная гвардія, то слово дѣтинецъ могло бы еще обозначать мѣсто для охраны князя и его семейства, или мѣсто, поручаемое защитѣ его личныхъ тѣлохранителей.

*) Полн. собр. русск. лѣтоп. т. I стр. 4.

**) Карамзинъ, Истор. государ. Россійскаго т. V, стр. 133.

***) См. Древніе города Россіи. Проф. Самоквасова, Спб. 1873 г., стр. 99.

†) Лаврент. лѣтоп. т. I, 1078 г.

†*) Матеріалы для исторіи инженернаго искусства въ Россіи. Ч. I., стр. 12. Спб. 1858 г.

Названіе *кремль* появляется въ русскихъ лѣтописяхъ только съ 1331 года, *) поэтому нѣкоторые думаютъ, что это слово татарское. Трудно, однако же, предположить, чтобы наши предки замѣнили родное слово дѣтинецъ татарскимъ названіемъ, тѣмъ болѣе, что сами татары въ то время еще не имѣли каменныхъ крѣпостей. Поэтому основательнѣе думать, что татарское слово *Кремль*, крѣпость, наоборотъ, взято съ русскаго. Если оно ранѣе не встрѣчалось въ лѣтописяхъ, это можно объяснить только старою привычкою къ названію дѣтинецъ, какъ синониму кремля. По филологическому производству слово кремль сближается съ церковно-славянскимъ *кремы*, *кремыкъ*, твердый, жесткій камень, кремень. Отсюда *Миклошичъ* производитъ древнерусское *кромы*, ящикъ, цитадель и кремль **). *Шимкевичъ* ***) по поводу этого слова дѣлаетъ такое примѣчаніе: можно полагать, что было слово *кремый*, крѣпкій, и что отъ него произошло названіе кремня, который между обыкновенными камнями отличается своею крѣпостью. Отсюда же слово кремль т. е. самая крѣпкая часть въ каждомъ городѣ. Оттого по разности мѣстъ, говорили еще *кремъ* и *кремникъ*». Того же мнѣнія держался и нашъ историкъ *Карамзинъ* †). По этому толкованію кремлемъ должна была называться каменная ограда, или стѣны, сложенныя изъ дикаго камня, въ отличіе отъ рубленнаго, деревяннаго города, или земляныхъ валовъ. Начало постройки каменныхъ городскихъ стѣнъ русскія лѣтописи относятъ къ первой половинѣ XI вѣка, а собственно Московскій кремль обнесенъ каменными стѣнами въ 1367 году и назывался тогда каменнымъ городомъ.

Слово *стѣна* считается нѣмецкаго происхожденія, отъ *Stein*-камень (Рейфъ, Шимкевичъ). Отсюда заключаютъ, что каменныя сооруженія не были извѣстны древнимъ славянамъ, хотя самое слово стѣна (paries, murus) и признается праславянскимъ (Будиловичъ). Нѣм. *Stein*, готск. *stainas*—камень, Фикъ производитъ отъ санскр. корня *stî* суживаться, греч. στενός узкій, стѣсненный. Отсюда онъ производитъ и церковно-славянское стѣна, Wand. Такое объясненіе можетъ казаться болѣе вѣроятнымъ и оно болѣе соотвѣтствуетъ греческому и славянскому значенію, чѣмъ нѣм. Stein. Стѣна, стѣнка въ этомъ смыслѣ выражала бы понятіе о преградѣ, или о томъ предметѣ, который замыкаетъ извѣстное пространство. Это примѣнимо и къ архитектурнымъ сооруженіямъ, безъ обозначенія изъ какихъ матеріаловъ онѣ возводятся. Поэтому, въ русскомъ языкѣ обыкновенно въ такихъ случаяхъ къ слову стѣна прибавляется прилагательное каменная, или деревянная.

---

*) «Въ лѣто 6839 мѣсяца мая 3 былъ пожаръ въ Москвѣ, погорѣ городъ *Кремль*», а по другимъ спискамъ городъ *Кремникъ*.

**) *Будиловичъ*, первобытные славяне въ ихъ языкѣ, ч. I, стр. 53. Кіевъ. 1878 г.

***) Корнесловъ русскаго языка, стр. 117. Спб. 1842 г.

†) Исторія Госуд. Россійск. изд. 1819 г. т. 4. Примѣч. 322.

Такимъ образомъ нѣмецкое *Stein* слѣдуетъ считать не родоначальникомъ славянской *стѣны*, а общеарійскимъ словомъ, не имѣющимъ къ стѣнѣ прямого отношенія.

Слово *стѣна*, *murus* можно сопоставить еще съ другимъ санскритскимъ корнемъ: *stâna*, stand, ort, откуда латин. *de-stina*, подпора, подставка, *de-stin-are* въ значеніи укрѣплять, утверждать. Отсюда же славянское *станъ*, стоянка, полевое укрѣпленіе.

При городскихъ стѣнахъ обыкновенно строились деревянныя или каменныя башни. Первыя назывались *вежами*, а вторыя *столпами*. Слово *вежа* обозначало не только башню, родъ каланчи или помоста, возвышающагося надъ стѣной или валомъ, но также шатеръ или палатку. Такъ, напримѣръ, у Нестора подъ 898 годомъ, при описаніи похода Угровъ мимо Кіева сказано: «Идоша Угри мимо Кіева горою (берегомъ), иже ся зоветь нынѣ угорьское, и пришедше къ Днѣпру сташа *вежами*; бѣша бо ходяще аки се половци». Въ этомъ случаѣ вежа имѣетъ значеніе шатра или походной палатки. Приведенное въ другомъ мѣстѣ названіе Бѣлая вежа или Саркелъ относится уже къ осѣдлому пункту, или городу. О городищѣ съ этимъ именемъ упоминается три раза въ книгѣ Большаго Чертежа, именно: въ 60 верстахъ отъ Чернигова «рѣка Острь вытекла изъ городища изъ подъ *Бѣлыя вежи*, отъ верху рѣки Удая» (стр. 56, 95 и 96). Въ географическомъ словарѣ *Щекатова* *) указаны три бывшихъ города подъ этимъ именемъ 1) *Бѣлая вежа* или Саркелъ на Донцѣ, 2) при устьѣ Днѣпра и 3) при верховьѣ рѣки Остра. Къ той же географической номенклатурѣ слѣдуетъ отнести и извѣстную донынѣ *Бѣловѣжскую пущу* въ Гродненской губерніи.

Слово *вежа* Будиловичъ считаетъ древне-славянскимъ, такъ какъ оно встрѣчается во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ **). Происхожденіе его въ Рейфовомъ лексиконѣ ставится въ связь съ глаголомъ *видѣть* (дозорная башня); возможно также производить его отъ глагола *вѣдать*—знать, распознавать (старинное *вѣжа* знающій, ученый и *не—вѣжа*—наоборотъ), либо отъ *вѣжда*, вѣко. Въ первомъ случаѣ это соотвѣтствовало бы значенію башни, какъ обсерваціоннаго пункта, во второмъ выражало бы понятіе о покрытіи (палатка, крытый помостъ надъ земляннымъ валомъ, вышка, шалашъ).

Столпомъ называлась каменная башня, входящая въ составъ городоваго укрѣпленія, либо отдѣльно стоящая, возвышающаяся надъ прочими городскими постройками. Столпы такого рода до сихъ поръ сохранились въ числѣ древнихъ памятниковъ русскаго зодчества, напр. въ Кременцѣ, въ Камскихъ болгарахъ и т. д. Впослѣдствіи ихъ замѣнили башни и колокольни видоизмѣненной конструкціи, по образцу европейскихъ.

*) Москва. 1801 г. т. I, стр. 645, Бѣлая вежа.

**) Первобытные славяне. Ч. II, стр. 120.

Слово *столпъ* принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ, праславянскихъ. Рейфъ производитъ его отъ санскр. *Stmaba*, être fixé; *Stambha* Pfeiler (Фикъ). Тоже слово столпъ находится въ датскомъ, шведскомъ (Stolp-e) и англо-саксонскомъ языкѣ (Staple), въ литов. *Stalpas*, въ исландскомъ *Stolpi*—свая. Первымъ, извѣстнымъ въ исторіи столпомъ этого рода была знаменитая по библейскимъ сказаніямъ Вавилонская башня. Древніе русскіе столпы обыкновенно имѣли круглую форму, въ родѣ колонны, и состояли изъ сплошной кладки, въ толщѣ которой оставлялось пустое пространство только для винтовой лѣстницы, выходившей на самый верхъ колонны. Этимъ конструкція столпа отличалась отъ позднѣйшей башни или колокольни. О происхожденіи и значеніи этихъ любопытныхъ памятниковъ въ Россіи будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ (См. ниже главу о Камскихъ Болгарахъ).

Слово *башня* считается татарскимъ, отъ *башъ* голова (Рейфъ). Но съ другой стороны, если принять во вниманіе, что башни у насъ строились задолго до нашествія татаръ и не всѣ онѣ назывались столпами или вежами, затѣмъ, не видя никакого логическаго основанія заимствовать съ татарскаго языка названіе башни, тѣмъ болѣе, что сами татары въ XIII—XIV в. не имѣли у себя подобныхъ сооруженій, невольно является мысль о происхожденіи слова башня изъ другаго источника. Въ лексиконѣ трехъязычномъ (*Поликарпова*, 1704 г.) подъ этимъ словомъ значится: «башня, πύργος, turris, phala, *bassa*. Въ словарѣ Даля въ числѣ синонимовъ башни названы *вѣжа*, *батура* (ряз.), *костеръ* и *башта*. Поэтому правильнѣе думать, что слово *башня* взято не съ татарскаго, а скорѣе съ итальянскаго, или средне-латинскаго языка, откуда происходитъ и европейское слово *бастіонъ*.

О словѣ *костеръ* у Савельева сказано слѣдующее: «костеръ означалъ родъ городскаго укрѣпленія, башни, замка или стрѣльницы. Въ Псковской лѣтописи, гдѣ наиболѣе это слово встрѣчается, находимъ, что костеръ впервые упоминается во второй половинѣ XIV столѣтія, въ тотъ періодъ, когда русскіе стали имѣть сношенія съ ливонцами, часто употреблявшими латинскій языкъ: замка или укрѣпленія они не могли иначе назвать полатыни, какъ castrum. Такимъ образомъ, псковичи, слыша это слово, передѣлали его по своему въ *костеръ*. Что слово костеръ обозначало у насъ иногда башню, это можно видѣть изъ того, что Ливонскій городъ Альтентурмъ (Altenthurm) русскіе называли *старымъ костромъ*, а подъ *новымъ костромъ* разумѣли замокъ Вербакъ»*). Съ такимъ толкованіемъ, однако же, едва ли можно согласиться. Въ русскихъ лѣтописяхъ слово костеръ упо-

*) *Савельевъ*, «Матеріалы къ исторіи инженернаго искусства въ Россіи». Спб. 1853 года, стр. 21.

требляется не въ смыслѣ castrum, а именно въ смыслѣ turris, Thurm*); при томъ для перваго у насъ существовало старинное и давно привычное слово, городъ или станъ (для полевыхъ укрѣпленій), слѣдовательно, не было надобности ни заимствовать у ливонцевъ, ни искажать иностраннаго слова.

Происхожденіе русскаго слова костеръ не вполнѣ ясно. Имъ обыкновенно теперь обозначаютъ кучу дровъ, сложенныхъ въ клѣтку, но въ старину это слово должно было имѣть болѣе широкое значеніе. *Даль* въ своемъ словарѣ высказываетъ весьма правдоподобную догадку, что костеръ прежде означалъ также бревенчатую рубку, высокій срубъ, или выступъ площадкой на городской стѣнѣ («сдѣлаша врата и костеръ на верху большой»). При такомъ значеніи роль костра на городской стѣнѣ вполнѣ понятна. Онъ представлялъ собою деревянную постройку, вышку, выдающуюся въ родѣ балкончика башенку, съ которой удобно было наблюдать какъ за дѣйствіями непріятеля, такъ и обстрѣливать наружныя части стѣны въ разныхъ направленіяхъ, какъ это достигается въ нынѣшнихъ фортификаціяхъ выдающимися углами (профилями) крѣпостей и бастіоновъ. Костры, какъ и городскія стѣны, прежде были деревянные, но потомъ на каменныхъ стѣнахъ стали дѣлать тѣже пристройки и башенки изъ камня, какъ упоминается въ Псковской лѣтописи.

Острогомъ назывался частоколъ или полисадникъ изъ свай (бревенъ), поставленныхъ стоймя и заостренныхъ сверху. Такою оградою окружали менѣе значительные укрѣпленные пункты, взамѣнъ бревенчатыхъ стѣнъ, рубленныхъ вѣнцами, съ углами и башнями. Послѣднія назывались городкомъ или городомъ. Поэтому въ лѣтописяхъ различались выраженія: «городы *рубити*, а острогъ *ставити*». При постройкѣ каменныхъ стѣнъ говорилось—«*заложити* городъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ острогомъ называлось и самое поселеніе, защищенное такою стѣной, небольшая крѣпость, городокъ, укрѣпленный станъ. Острогъ въ значеніи частокола нерѣдко устраивался и около большихъ городовъ, имѣющихъ уже каменныя или рубленныя стѣны, какъ вторая линія укрѣпленій. «Оступиша Рязань и острогомъ оградиша ю». «Ляхомъ же остроживщимся нападоша (Ятвяги) нощь... Острогъ проломити

*) Въ Псковской лѣтописи подъ г. 6895 сказано: «Поставиша три *костры* камены у новыя стѣны на приступѣ». Тамъ же подъ 1398 г. сказано: «князь Иванъ Андреевичъ и князь Григорій Астафьевичъ, и Захарія посадникъ Костромичъ и псковичи поставиша три *костры* на приступной стѣнѣ, единъ на углѣ Великія рѣки, а другой на лужищи, а третій отъ Пскова на углѣ». Подъ 1400 г.: «Заложивше сдѣлаша новую стѣну къ старой стѣнѣ на приступѣ, толще и выше и поставиша три *костры*». Подъ слѣдующимъ годомъ: «Пріѣха въ Псковъ преосвященный архіепископъ Іоаннъ, и благослови дѣтей своихъ, весь Псковъ, и вдаша неколико серебра, и сдѣлаша его серебромъ на Радчинѣ всходѣ *костеръ*, а другой костеръ въ куту города; того же лѣта заложиша въ старой стѣнѣ новую, толще и выше, возлѣ Великую рѣку, отъ Бурковыхъ воротъ *отъ костра и до крому* (кремля)». Въ Ростовской лѣтописи подъ г. 6894 сказано: «Повгородцы послаша Василія Кузьмина городъ Орѣшекъ починивати и *костровъ*».

хотяху». Теперь острогомъ называютъ тюрьму, окруженную стѣною, все равно, каменною или бревенчатою, и мѣсто (за́мокъ), гдѣ находятся преступники*).

Слово *острогъ* принадлежитъ къ древнеславянскимъ; оно существуетъ почти во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ и происходитъ не отъ *острый* (заостренные колья, палисадъ), а отъ глагола *стрегу, остерегаю*, отсюда же *осторожность, осторожный*. Слѣдовательно острогъ прежде обозначалъ городовое или полевое укрѣпленіе, сторожевую ограду, которую ставили на окопахъ или валахъ, по примѣру римскихъ лагерей.

Всѣ древніе славянскіе города окружались *валомъ* и *рвомъ*. Эти послѣдніе сооружались иногда въ нѣсколько концентрическихъ рядовъ. Обычай земляныхъ укрѣпленій у славянъ считается самымъ древнимъ, чему должна бы была соотвѣтствовать и ихъ терминологія. Къ сожалѣнію, слова, сюда относящіяся, дошли до насъ только въ выраженіи общихъ понятій. Очень можетъ быть, что другой, частной номенклатуры для этихъ сооруженій и не существовало. Земляныя работы выражались общими терминами *рыть, валить, копать, сыпать*, откуда произошли слова *ровъ, валъ, сопъ, ко́пань*, одинаково относимыя какъ къ спеціальнымъ фортификаціямъ, такъ и къ прочимъ землянымъ работамъ. Въ числѣ этихъ словъ валъ имѣетъ еще болѣе опредѣленное значеніе.

Валъ, какъ земляная насыпь, принадлежитъ къ числу древне-славянскихъ, или даже до-славянскихъ словъ. Кромѣ церковно-славянскаго и русскаго языка это слово сохранилось въ чешскомъ (Val), полабскомъ (Wal) и въ нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Тоже самое слово существуетъ въ средне-латинскомъ vallum и нѣмецкомъ Wall. Въ греческомъ языкѣ βάλλειν значитъ бросать, валить. Въ санскритскомъ языкѣ слово *val, valate* значитъ прикрывать, обложить, окружать, *val-aya* то, что окружаетъ (Фикъ). Такимъ образомъ въ латинскомъ, славянскомъ и нѣмецкомъ языкахъ слово *валъ* сохранилось въ томъ именно значеніи, какое онъ долженъ былъ имѣть какъ элементъ укрѣпленія (земляная насыпь). Греческое и санскритское слова не имѣютъ такого конкретнаго значенія, но и они, очевидно, стоятъ по темѣ въ близкомъ родствѣ съ славянскимъ валомъ.

Я позволилъ себѣ остановиться на филологическихъ вопросахъ по терминологіи городскихъ сооруженій, можетъ быть, больше, чѣмъ имѣлъ на это право. Но этого требовала цѣль предстоящаго сочиненія. Безъ справокъ подобнаго рода невозможно археологическое сужденіе. Данныя языка представляютъ собою одно изъ важныхъ основаній для тѣхъ или другихъ заклю-

*) Кстати замѣтить, слово *тюрьма* взято у насъ съ нѣмецкаго, отъ *Thurm* башня, польск. turma. Старое церковно- и обще-славянское названіе было темница (отъ слова тьма, темный) и *узница* (carcer), отъ узы, заключеніе.

ченій о національныхъ древностяхъ. Живой языкъ носитъ въ себѣ неизгладимые слѣды пережитой культуры, болѣе опредѣленные, чѣмъ вещественные памятники. На немъ, какъ на самопишущей графической лентѣ, отпечатлѣваются почти всѣ основныя черты народной жизни. Онъ можетъ освѣщать не только историческія времена, но и вести насъ въ доисторическую глубь, откуда не доходитъ ни одного луча ни въ народныхъ преданіяхъ, ни въ письменности. Для археологіи языкъ есть своего рода документальный каталогъ, которымъ никогда не слѣдуетъ пренебрегать.

Что же говоритъ намъ славянскій языкъ въ вопросѣ о городахъ и способахъ ихъ укрѣпленій? Прежде всего онъ доказываетъ: 1) что понятіе о городѣ, какъ укрѣпленномъ пунктѣ, вынесено изъ нашей арійской прародины, изъ тѣхъ отдаленныхъ странъ Азіи, гдѣ наши предки жили когда-то въ сосѣдствѣ съ народомъ, пользовавшимся общимъ индо-европейскимъ языкомъ. Будемъ ли мы производить это слово отъ гора (ghirî), или отъ градить, огрождать (сан. *gardha*, зен. *geredha*), во всякомъ случаѣ оно носитъ на себѣ архаическій слѣдъ и не имѣетъ никакой связи съ нѣмецкою культурою. По даннымъ языка города—крѣпости у насъ существовали искони вѣковъ, и въ этомъ отношеніи славянскій языкъ даетъ намъ больше права на городскую давность, чѣмъ прочіе европейскіе языки, не говоря уже о финскихъ и монголо-татарскихъ языкахъ и преданіяхъ *). 2) Изъ того же словообразованія мы можемъ заключить, что предки наши избирали для постройки городовъ преимущественно возвышенные пункты (по слову гора), ограждая ихъ тѣми или другими искусственными укрѣпленіями. А такъ какъ въ русскомъ простонародномъ языкѣ и во многихъ югославянскихъ нарѣчіяхъ (серб., хорв., полабск.) горою чаще всего называется высокій берегъ рѣки **), то отсюда можно предположить, что древніе русскіе

*) Нѣм. слово *Burg* (Berg, брегъ) и *Stadt* неимѣютъ непосредственной связи съ санскритомъ. Франц. *ville* производятъ отъ средне-латинскаго *villa*, деревня, дача, а можетъ быть, и отъ *vallum*, *vallare* укрѣплять валомъ, окопомъ, окружать, защищать. Лат. *urbs*, *oppidum*, *civitas* и греч. πόλις также принадлежатъ къ числу не начальныхъ праарійскихъ, а уже европейскихъ словъ (πόλις отъ санскр. *pal*, *pipalti* füllen, наполнять, слав. полный; здѣсь выражается понятіе не объ укрѣпленіи, а о собраніи людей, о множествѣ, многолюдствѣ, отсюда πολυς много). Латинское *urbs* Моммсенъ производитъ отъ *urvus*, *curvus* или *orbis*. Съ этими словами связывается понятіе объ окружіи, кольцѣ, т. е. о чертѣ или границѣ. *Urvare* значитъ обводить окружность города сохою или плугомъ; *urvam* или *urbum*—кривизна сохи. Въ финскихъ языкахъ понятія, соотвѣтствующія городу или огражденію, взяты съ славянскаго, либо съ шведскаго. (см. *Becke*: славяно-финскія культурныя отношенія. Казань, 1890 г. стр. 275). По даннымъ финскаго языка оказывается, что у сѣверо-восточныхъ и западныхъ финновъ не только нѣтъ собственнаго слова для выраженія понятія о городѣ, но даже всѣ слова, относящіяся до осѣдлой жизни заимствованы отъ славянъ, либо отъ германцевъ.

**) Настоящіе горные хребты и горы въ древнемъ русскомъ языкѣ назывались просто *камень* или *камы*. Ураль до сихъ поръ мѣстные жители называютъ камнемъ, а по книжному онъ былъ *каменный поясъ*. На горахъ, ѣхать горою, значитъ на берегу, ѣхать берегомъ, или высокою равниной, въ которую переходитъ берегъ.

города строились по берегамъ рѣкъ, преимущественно на выдающихся мысахъ. Это филологическое соображеніе для насъ имѣетъ особенную важность, потому что громадное большинство разсѣянныхъ по Россіи и Сибири городищъ имѣютъ именно такое расположеніе.

3) *Валы* и *рвы*, составляющіе неизмѣнную принадлежность каждаго городища, находятъ въ корняхъ славянскаго языка подтвержденіе доисторической давности этихъ словъ, а слѣдовательно, и выражаемыхъ ими понятій. Тождество славянскаго *валъ* съ латинскимъ *vallum* и нѣмецкимъ *Wall* едва ли можно объяснить послѣдовательной передачей этого слова отъ одного народа къ другому. Совпаденіе названій въ данномъ случаѣ указываетъ не на заимствованіе, а на одновременное существованіе понятія о земляномъ валѣ какъ у латинцевъ, такъ и у славянъ. Праславянское значеніе корня валить и его многообразныя производныя во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ служатъ доказательствомъ, что у насъ названіе земляного вала сформировалось самостоятельно, а не было взято съ латинскаго языка.

4) Спеціально русскія названія разныхъ частей городскихъ укрѣпленій, какъ напримѣръ кромы, дѣтинецъ, днѣпній городъ, острогъ, вѣжа, столпъ, стѣна и т. д. доказываютъ, что при созиданіи городовъ наши предки не руководились европейскими образцами, а пользовались своими стародавними преданіями. Наша, довольно сложная и оригинальная городовая номенклатура не могла образоваться быстро, со временъ основанія Русскаго государства. Она, очевидно, существовала раньше и развивалась постепенно, по мѣрѣ усовершенствованія городскихъ укрѣпленій. Зародившись, какъ у римлянъ и галловъ, въ ту эпоху, когда народъ переходилъ отъ пастушескаго состоянія къ полуосѣдлому, городъ вначалѣ обнималъ собой лишь общее понятіе о временномъ, защищенномъ природою убѣжищѣ. Затѣмъ, по мѣрѣ централизаціи власти и съ развитіемъ земледѣлія, привязывающаго народъ къ опредѣленнымъ участкамъ земли, около городковъ стало группироваться населеніе, потребовавшее искусственной защиты. Эта послѣдняя должна была постепенно разширяться, осложняться и совершенствоваться по мѣрѣ возраставшей опасности и ухищренія враговъ, нападавшихъ на защищенные пункты. Каждое такое нововведеніе, составляло ли оно собственную выдумку, или подражаніе сосѣднимъ народамъ, требовало спеціальнаго названія. Отсюда сложность терминологіи русскихъ городовыхъ укрѣпленій, доказывающая съ одной стороны глубокую древность нашихъ городовъ, съ другой стороны ихъ самостоятельное развитіе изъ собственныхъ народныхъ началъ.

Теперь мы должны коснуться исторіи фортификацій вообще у всѣхъ народовъ, дабы имѣть возможность сравнивать ихъ съ славянскими. Способъ укрѣпленія городовъ представляетъ одно изъ самыхъ древнихъ изобрѣтеній человѣческаго общежитія. Съ тѣхъ поръ какъ люди раздѣлились на народ-

ныя и родовыя группы и установилось понятіе о народной собственности, явилась необходимость защищать эту собственность отъ вражескихъ вторженій. Потребность искусственной защиты должна была возникнуть не только съ началомъ осѣдлости, когда народное достояніе сосредоточивалось въ недвижимыхъ центрахъ (городахъ), но даже и въ то время, когда племена находились въ полукочевомъ или кочевомъ быту. Въ послѣднемъ случаѣ они должны были защищать свои пастбища, свои стада, а, главное, женъ, дѣтей и самихъ себя отъ плѣна, или истребленія. Поэтому исторія крѣпостныхъ сооруженій не только одновременна съ появленіемъ исторіи древнѣйшихъ народовъ, но она могла бы захватывать даже болѣе отдаленныя доисторическія эпохи, если бы были средства проникнуть въ такую глубину вѣковъ.

Касаясь вопроса объ укрѣпленіяхъ, мы имѣемъ въ виду не полную исторію этихъ сооруженій, а будемъ разсматривать ихъ, какъ матеріалъ преемственныхъ культурныхъ теченій. Въ манерѣ фортификацій, точно также, если не болѣе, какъ и во всемъ культурномъ складѣ даннаго народа выражаются старыя народныя привычки, частію заимствованныя и укрѣпленныя преданіемъ, частію самобытныя. По этимъ даннымъ часто можно прослѣдить взаимныя отношенія народовъ и связь культуръ. Это въ особенности относится къ такимъ сооруженіямъ, которыя имѣютъ опредѣленный, болѣе или менѣе оригинальный типъ, повторяющійся только у извѣстной группы народностей.

Разсматривая исторію фортификацій, мы прежде всего должны раздѣлить ихъ на два вида: 1) укрѣпленія городовъ, какъ постоянныхъ осѣдлыхъ центровъ, и 2) полевыя или временныя укрѣпленія лагерей. Такое раздѣленіе существовало съ глубокой древности. Типы полевыхъ укрѣпленій, повидимому, возникли раньше городскихъ, можетъ быть съ того времени, когда еще несуществовало городовъ; они сохранились до временъ осѣдлости и были цѣликомъ примѣняемы къ укрѣпленію населенныхъ мѣстъ; у большинства культурныхъ народовъ они остались только для походнаго времени, тогда какъ для защиты городовъ были придуманы иные фортификаціонные пріемы, именно каменныя стѣны и башни. Земляныя и деревянныя городскія укрѣпленія (валы, рвы и деревянныя стѣны), были усвоены болѣе всего сѣверными народами, преимущественно кельтами, галлами и славянами, которые пользовались ими не только въ древнее, но и въ новое, историческое время, когда въ южной Азіи, въ Греціи и Римѣ города обносились исключительно каменными стѣнами. На эту національную привычку мы обращаемъ вниманіе какъ на фактъ, могущій служить къ разъясненію происхожденія древнихъ городищъ нынѣшней Россіи и Сибири. Яснѣе это будетъ видно изъ нижеслѣдующаго очерка исторіи фортификацій.

Во всѣхъ азіатскихъ государствахъ, съ тѣхъ поръ какъ знаетъ ихъ исторія, городскія стѣны строились изъ глины, кирпича, или камня. Таковы

были Вавилонъ, Ниневія и Экбатана, описаніе которыхъ мы находимъ у Геродота, Діодора Сицилійскаго и у другихъ историковъ. Вавилонъ былъ окруженъ двумя стѣнами, изъ коихъ наружная была сложена изъ обожженнаго кирпича и имѣла 200 локтей вышины и 50 локтей толщины *). На стѣнахъ возвышались двѣ башни въ одинъ ярусъ, а для входа въ городъ имѣлось 100 воротъ, сдѣланныхъ изъ чистой мѣди съ мѣдными же косяками и перекладинами. Внутренняя стѣна была немногимъ тоньше наружной; Евфратъ протекалъ по срединѣ города, раздѣляя его на двѣ половины. Въ одной изъ нихъ находился царскій дворецъ, окруженный особыми, еще болѣе крѣпкими стѣнами, въ другой половинѣ былъ главный храмъ Белы. Въ срединѣ храма стояла массивная башня въ 8 ярусовъ. Основаніе башни занимало по одной стадіи въ длину и ширину, а храмъ имѣлъ по двѣ стадіи въ каждой сторонѣ. Кругомъ наружной стѣны существовалъ глубокій ровъ, въ который напускалась вода изъ Евфрата. Городскія стѣны имѣли форму *четырехугольника*; протяженіе каждой стороны городской наружной стѣны было въ 120 стадій (стадія=87½ саж. 40 стадій=7 верстамъ **). Городъ Экбатана, расположенный на горѣ и по скатамъ ея, былъ окруженъ *семью* кирпичными стѣнами, возвышавшимися одна надъ другой. На самой вершинѣ горы находился царскій замокъ. Въ томъ же родѣ были укрѣплены Ниневія и другіе ассирійскіе города.

По словамъ Геродота Вавилонскія стѣны были выстроены изъ обожженнаго кирпича. Въ то время, когда рыли ровъ (окружавшій городъ), рабочіе изъ вынимаемой земли (глины) приготовляли кирпичи и *обжигали ихъ въ печахъ*. Цементомъ для кирпичей служилъ горячій асфальтъ (§ 179). Съ котораго времени вошелъ у Вавилонянъ въ употребленіе обожженный кирпичъ, опредѣлить едва-ли возможно, но несомнѣнно, что это изобрѣтеніе прежде всего явилось въ Вавилонѣ. Городскія стѣны, которыя описывалъ Геродотъ, строились Навуходоносоромъ послѣ покоренія Іудеи (около 600 лѣтъ до Р. Х.). Раньше этого времени городъ, можетъ быть, имѣлъ глинобитныя стѣны, или сложенныя изъ сырцоваго кирпича. Глинобитный способъ здѣсь существовалъ съ незапамятныхъ временъ***). Въ наше время, благодаря изученію ассирійскихъ и вавилонскихъ памятниковъ клиновиднаго письма, явилась возможность точнѣе опредѣлить вавилонскую хронологію. Чтобы дать понятіе о ея глубокой древности, мы приведемъ здѣсь одну изъ надписей, свидѣтельствующую о времени построенія перваго вавилонскаго столпа (библейской башни столпотворенія). Найденная надпись принадлежитъ Навуходо-

*) Локоть=10½ вершковъ.

**) Геродотъ, кн. 1, § 178—181.

***) Въ Средней Азіи и Персіи онъ до настоящаго времени примѣняется къ обыкновеннымъ городскимъ и сельскимъ постройкамъ.

носору. Вотъ извлеченіе изъ ея содержанія, прочитаннаго Оппертомъ. «Домъ семи лучей земли, незапамятный памятникъ Борсипы*) построилъ древній царь тому сорокъ два вѣка человѣческихъ**), но не возвысилъ главу его, и со дня потопа оставили (тотъ домъ) люди, въ смѣшеніи произнося словеса. Землетрясеніе и громъ разрушили глину, треснули *кирпичи покрышки* (облицовки?), развалилась въ груды *глина* внутреннихъ стѣнъ. Къ возстановленію сего подвинулъ сердце мое владыка великій Мородахъ. Мѣсто онаго не перемѣнилъ я, не коснулся и камней основанія его. Въ благополучный день мѣсяца мира глину стѣнъ и кирпичи облицовки прорѣзалъ я арками, все возобновилъ и славу имени моего начерталъ на вѣнцѣ портиковъ. На строеніе сіе и возвышеніе главы его подъялъ я руку мою. Какъ издревле было, такъ содѣялъ я и построилъ оное; какъ въ древніе дни было, такъ возвысилъ я главу его» ***). Въ этой надписи упоминается, что даже древняя башня была облицована кирпичами, при глиняныхъ внутреннихъ стѣнахъ, слѣдовательно обожженный кирпичъ употреблялся въ Вавилонѣ за 3500 лѣтъ до Р. Х. Таже самая Вавилонская башня можетъ служить древнѣйшимъ образцомъ послѣдующихъ столповъ, строившихся въ разныхъ странахъ Азіи и имѣвшихъ не стратегическое, а религіозное значеніе. Отсюда же ведутъ начало и наши высокія колокольни.

При господствовавшихъ во всей передней Азіи каменныхъ постройкахъ, тамъ употреблялись иногда и временныя земляныя и деревянныя укрѣпленія, т. е. валы и рвы, но исключительно только для защиты лагерей. И этотъ обычай былъ далеко не повсемѣстный. Его, повидимому, придерживались ассиріяне и персы, притомъ не какъ опредѣленнаго стратегическаго пріема, а лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Обыкновенно же лагерь ограждали составленными въ кругъ повозками. Персы, по словамъ Геродота, въ подобныхъ случаяхъ иногда строили деревянную стѣну, даже съ башнями (кн. IX § 70).

Евреи, при завоеваніи обѣтованной земли при Іисусѣ Навинѣ (около 1500 л. до Р. Х.) встрѣтили здѣсь многочисленные города туземцевъ (Хананеянъ), укрѣпленные *каменными* стѣнами. Сильнѣйшіе изъ нихъ были Іерихонъ и Гай, взятые приступомъ послѣ разрушенія стѣнъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ библейская исторія. Сами евреи укрѣпляли свои города по примѣру Египтянъ, отъ которыхъ они выучились этому искусству во время своего плѣна. Между Іудейскими царями наибольшія заслуги по части ук-

*) Башня была посвящена семи планетамъ. Борсипа означаетъ мѣсто разсѣянія языковъ.

**) Вѣкъ человѣческій считался у Халдеевъ въ два поколѣнія, каждое въ 35 лѣтъ. 42 человѣческихъ вѣка составляютъ по нашему счисленію 2940 лѣтъ, протекшихъ отъ перваго основанія башни до ея возобновленія Навуходоносоромъ (за 600 л. до Р. Х.). Слѣдовательно столпотвореніе вавилонское было за 3500 лѣтъ до Р. Х. (П. Савельевъ).

***) Извѣстія Императорскаго Археологическаго Общества Т. I Спб. 1859 г. стр. 207.

рѣпленія городовъ приписываются Давиду и Соломону (1055—975 г. до Р. Х.). Изъ какого матеріала они возводили каменныя стѣны, т. е. изъ камня, или кирпича, мы въ точности не знаемъ; но судя по тому, что у смежныхъ съ ними финикіянъ и у Египтянъ болѣе значительныя общественныя постройки возводились изъ тесаннаго или дикаго камня, можно думать, что какъ въ землѣ ханаанской, такъ и въ Іудеѣ держались того же обычая.*) Къ этому располагала и природа страны, изобилующей каменными породами. Впослѣдствіи времени, послѣ Вавилонскаго плѣненія, въ Палестину должны были проникнуть и нѣкоторые халдейскіе строительные пріемы, но они не пустили здѣсь глубокихъ корней.

Персы со времени Кира стали укрѣплять свои города, по примѣру ассиріянъ и вавилонянъ, каменными стѣнами. При Кирѣ начато было построеніе знаменитаго Персеполя. По описанію Діодора Сицилійскаго, цитадель или внутренняя крѣпость этого города была ограждена *тройнымъ рядомъ* каменныхъ зубчатыхъ стѣнъ: первая или наружная стѣна была вышиною около 6 саженъ, вторая вдвое выше, а третья господствовала надъ предъидущими (около 13 саженъ). Стѣны эти имѣли форму *четыреугольника* и были сложены изъ твердаго камня.

Высокія каменныя стѣны, коими окружались почти всѣ, болѣе значительные, азіатскіе города, представляли почти непреодолимыя препятствія для осаждающихъ. Осада обыкновенно продолжалась цѣлыми мѣсяцами, даже годами, въ надеждѣ истощить жителей голодомъ и болѣзнями, или же въ ожиданіи особаго благопріятнаго случая ворваться въ городъ какимъ либо неожиданнымъ путемъ. Такъ, напримѣръ, Вавилонъ былъ взятъ Киромъ вслѣдствіе того, что отведены были воды Евфрата и персы могли войти въ городъ черезъ обсохшее русло рѣки. Трудности, обнаружившіяся при штурмованіи высокихъ каменныхъ стѣнъ, вызвали цѣлую систему осадныхъ сооруженій, которыя противупоставлялись осаждаемымъ стѣнамъ. Наука брать города тоже ведетъ свое начало отъ азіатскихъ народовъ, потомъ переходитъ къ грекамъ и римлянамъ и у послѣднихъ продолжается до среднихъ вѣковъ, и даже далѣе, почти безъ существенныхъ измѣненій или крупныхъ усовершенствованій. Однимъ изъ древнѣйшихъ способовъ проникнуть въ осажденный городъ было возведеніе вблизи его стѣнъ искусственной земляной насыпи, высота которой равнялась бы высотѣ стѣны. Этотъ пріемъ въ первый

*) Знаменитый храмъ Соломоновъ, по описанію Іосифа Флавія, былъ выстроенъ изъ тесанныхъ камней, «выглаженныхъ на подобіе стекла. Каждый камень такъ искусно былъ соединенъ съ сосѣдними (притесанъ), что казалось они срослись между собой, а не соединены помощію обтески». (Flavius Ios. Antiquitatum Iudaicarum libri XX. Lib. VIII. c. 3, § 2. Дворецъ Соломона тоже былъ выстроенъ изъ большихъ тесанныхъ камней въ 10 локтей длины (гл. V, § 2). Такое же искусство въ обдѣлкѣ камней мы встрѣчаемъ въ древнихъ египетскихъ постройкахъ.

разъ мы встрѣчаемъ во время Іудейскихъ войнъ. По свидѣтельству Іосифа Флавія, Ададъ, царь Дамаска и Сиріи, въ войнѣ съ Ахавомъ, царемъ Израильскимъ, при осадѣ Самаріи, поручилъ передать послѣднему, что онъ напрасно гордится высотою своихъ стѣнъ, что онъ (Ададъ) гораздо выше ихъ *насыплетъ валъ*, когда только каждый изъ его воиновъ броситъ по горсти земли. Вслѣдъ затѣмъ онъ дѣйствительно приказываетъ своему войску окружить Самарію рвомъ и обвести высокимъ валомъ. Подобный же пріемъ употребилъ Навуходоносоръ при осадѣ Іерусалима. Онъ окружилъ городъ высокими насыпями, поставилъ на нихъ многія башни (вѣроятно деревянныя) и съ нихъ поражалъ евреевъ. Земляной валъ Навуходоносора, по словамъ Флавія, равнялся высотою съ городскими стѣнами. Осада продолжалась 18 мѣсяцевъ и Іерусалимъ былъ взятъ послѣ того, когда его жители были крайне ослаблены недостаткомъ продовольствія и частію были истреблены развившимися болѣзнями и непріятельскимъ оружіемъ.

Насыпи при осадѣ городовъ употребляли и ассиріяне. По разсказу Флавія такъ осаждалъ Ассирійскій царь Сеннахеримъ (Санахарибъ) египетскій городъ Пелусій (Πηλούσιον), находившійся на границѣ съ Азіей. Послѣ продолжительной осады, «когда уже валы насыпаны были такъ высоко, что можно было входить по нимъ на стѣны города» Санахарибъ долженъ былъ отступить, узнавъ о приближающемся изъ Египта свѣжемъ войскѣ *). Мы не будемъ приводить дальнѣйшихъ примѣровъ описываемаго способа поліорцетики (осады и обороны укрѣпленныхъ городовъ и крѣпостей), такъ какъ намъ нужно было только показать, откуда ведутъ свое начало земляные валы и рвы, о которыхъ дальше придется еще говорить не одинъ разъ.

Изъ приведеннаго краткаго очерка мы видимъ, что во всей передней Азіи, а равно и въ Египтѣ, съ древнѣйшихъ временъ строительнымъ матеріаломъ служили либо глина и кирпичъ (у Вавилонянъ), либо твердые камни. Изъ нихъ строили и крѣпости, и городскіе дома. Дерево употреблялось, какъ болѣе цѣнный матеріалъ, только для внутреннихъ частей жилыхъ помѣщеній и для крышъ. Земляныя сооруженія (валы) въ Азіи примѣнялись только при осадѣ городовъ, гораздо рѣже при укрѣпленіи лагерей. Подобные же пріемы фортификаціи мы видимъ у Грековъ, а впослѣдствіи и у Римлянъ. Въ эпоху троянской войны городскія стѣны всюду были каменныя. Такими же онѣ оставались и во все время греческой исторіи. При раскопкахъ на мѣстѣ бывшей Трои Шлиману удалось опредѣлить очертаніе городскихъ стѣнъ и матеріалъ, изъ котораго онѣ были сложены. Большею частію это были массивные, правильно обтесанные камни, въ родѣ тѣхъ, какіе встрѣчаются въ древнѣйшихъ циклопическихъ постройкахъ, у пелас-

*) Геродотъ приписываетъ это отступленіе нападенію полевыхъ мышей, которыя погрызли у Ассирійскаго войска колчаны, луки и рукоятки щитовъ (Геродотъ, кн. II, § 141).

говъ, или у египтянъ и финикіянъ. Тоже самое мы видимъ въ Микенахъ, Орхоменахъ, Аѳинахъ и въ другихъ древне-греческихъ городахъ.

Очертаніе городскихъ стѣнъ во всѣхъ древне-азіатскихъ государствахъ, равно какъ въ Египтѣ и Греціи, почти всегда имѣло видъ четыреугольника, съ башнями по угламъ. У персовъ и грековъ, а впослѣдствіи и у европейскихъ народовъ на верхней части стѣны устраивался зубчатый парапетъ, въ вышину человѣческаго роста, съ открытыми амбразурами, для прикрытія воиновъ, помѣщавшихся на широкихъ площадкахъ городской стѣны. Почти въ каждомъ столичномъ городѣ существовалъ свой акрополь, располагавшійся на болѣе возвышенномъ пунктѣ и укрѣпленный особыми стѣнами. Это было, такъ сказать, сердце города,—важнѣйшій пунктъ, гдѣ помѣщались дворцы, храмы и прочія народныя драгоцѣнности. Въ систему древней фортификаціи нерѣдко также входилъ глубокій ровъ, окружавшій наружныя стѣны, но рѣкѣ, если она протекала вблизи города, обыкновенно не придавалось особаго стратегическаго значенія. По этому, если можно такъ выразиться, каменному типу строились крѣпости съ древнѣйшихъ временъ. Вавилонъ и Египетъ могутъ считаться родиной этой системы, откуда она перешла въ Персію, Грецію, а впослѣдствіи и во всѣ европейскія государства, начиная съ Рима. Въ этомъ подражаніи мы видимъ большое постоянство и устойчивость типа, дожившаго не только до среднихъ вѣковъ, но даже до нашихъ дней. Каменная высокая стѣна считалась въ Азіи, Африкѣ и Европѣ самымъ надежнымъ оплотомъ противъ вторженія непріятеля.

Но на ряду съ древнѣйшей и наиболѣе распространенной системой каменныхъ укрѣпленій мы видимъ другой, можетъ быть не менѣе древній, *типъ земляныхъ крѣпостей*. Откуда онъ ведетъ свое начало, это прослѣдить гораздо труднѣе по недостатку письменныхъ данныхъ, но нельзя сомнѣваться, что онъ существовалъ въ доисторическія времена и сформировался независимо отъ египетскаго, халдейскаго или персидскаго вліянія. Первые намеки на эту систему мы встрѣчаемъ у Гомера при описаніи укрѣпленнаго лагеря Ахейцевъ. Станъ ихъ передъ Троею былъ огражденъ широкимъ и глубокимъ рвомъ и земляннымъ валомъ, за которымъ, кромѣ того, были поставлены стѣны съ башнями. Стѣны и зубчатыя башни, судя по тексту Иліады, были, повидимому, обычныя каменныя, но ровъ и валъ составляли мало распространенную въ то время въ Азіи принадлежность даже лагерныхъ укрѣпленій. Еще болѣе оригинальнымъ является здѣсь то обстоятельство, что укрѣпленіе воздвигается на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была насыпана братская могила надъ убитыми воинами, входившая такимъ образомъ какъ бы въ систему укрѣпленія.

Тамъ гдѣ тѣла сожигали, *насыпали* дружно могилу,
Общую всѣмъ на долинѣ; близъ оной воздвигнули стѣну,

Башни высокія, воинству ихъ и судамъ оборону;
Въ нихъ сотворили ворота и крѣпко сплоченные створы,
Путь бы чрезъ оныя былъ колесницамъ и конямъ просторный.
Подлѣ стѣны той, снаружи *ровъ ископали великій*,
Всюду широкій, глубокій, и *колья по немъ водрузили*.

(Иліада, пѣснь VII, ст. 435—441).

Греческіе боги посмотрѣли недоброжелательно на такое сооруженіе и заранѣе предрѣшили, что оно не принесетъ счастія Ахейцамъ и само не будетъ долговѣчно.

Не по волѣ безсмертныхъ было воздвигнуто
Зданіе это и не долго оно на землѣ уцѣлѣло.

. . . . . .

Въ оное время (послѣ паденія Трои) совѣтъ Посидаонъ и Фебъ сотворили
Стѣну разрушить, могущество рѣкъ на нее устремивши;
Устья ихъ всѣхъ Аполлонъ обратилъ во едино и бѣгъ ихъ
Девять дней устремлялъ на твердыню, а Зевсъ безпрерывный
Дождь проливалъ, да скорѣе твердыня потонетъ въ пучинѣ.
Самъ земледержецъ съ трезубцемъ въ рукахъ передъ бурной водою
Грозно ходилъ ,и все до основъ *разсыпалъ* по разливу,
Бревна и *камни*, какіе съ трудомъ Аргивяне сложили,—
Все онъ съ землею сравнялъ до стремительныхъ волнъ Геллеспонта.

(Пѣснь XII, ст. 8—9, 17—19, 24—30).

Выраженное Гомеромъ нерасположеніе греческихъ боговъ къ этому сооруженію можетъ быть даетъ намекъ, что оно не соотвѣтствовало греческимъ обычаямъ, а было заимствовано отъ варваровъ.

Укрѣпленія грековъ послѣ Троянской войны продолжали строиться по примѣру ассиріянъ и вавилонянъ. Города ихъ были ограждаемы высокими каменными зубчатыми стѣнами, съ такими же башнями; но впереди стѣнъ, для большей ихъ недоступности, греки стали устраивать глубокій ровъ, нерѣдко наполняемый водою. На полевыя укрѣпленія также было обращено больше вниманія. Они примѣнялись либо для огражденія болѣе или менѣе значительныхъ пространствъ страны отъ вторженія непріятеля, либо для обложенія непріятельскихъ городовъ, рѣже для укрѣпленія собственныхъ становъ. Въ этихъ случаяхъ иногда возводились земляные валы и рвы, иногда деревянныя или каменныя стѣны, плетни и засѣки. Для наблюденія за непріятелемъ устраивались легкія деревянныя башни, на которыхъ помѣщались сторожевые отряды. При осадѣ городовъ больше всего разсчитывали на истощеніе непріятельскихъ войскъ при перестрѣлкахъ и стычкахъ. Для этого

старались окружить городъ по возможности со всѣхъ сторонъ, чтобы преградить къ нему доступъ свѣжихъ силъ и подвозъ съѣстныхъ припасовъ. Къ городскимъ стѣнамъ тѣмъ временемъ приближались подъ защитой искусственныхъ, земляныхъ и деревянныхъ прикрытій. У самой стѣны старались насыпать высокій, земляной валъ, какъ это дѣлали ассиріяне, чтобы съ этой возвышенности легче взобраться на стѣны, или придвинуть къ нимъ стѣнобитныя орудія, или, наконецъ, подрыть и уронить стѣну. Такимъ образомъ у грековъ за 400—500 лѣтъ до Р. Х. мы видимъ уже почти всѣ основныя правила фортификаціи и поліорцетики, которыми впослѣдствіи пользовались римляне и другіе европейскіе народы. Эти правила неукоснительно перенимались и примѣнялись во всѣхъ культурныхъ странахъ, испытывавшихъ печальную необходимость защищать свою свободу, жизнь и имущество отъ порабощенія или истребленія. Если въ настоящее время, благодаря христіанскимъ и гуманитарнымъ идеямъ, война потеряла прежнее варварское всеистребляющее значеніе, каждое государство считаетъ неуклонною обязанностью стоять на высотѣ военной силы и искусства, то въ древнемъ языческомъ мірѣ эти требованія должны были являться для всѣхъ вопросомъ жизни или смерти. Поэтому ни одно человѣческое изобрѣтеніе не воспринималось такъ жадно и не распространялось такъ быстро, какъ искусство фортификаціи. Персы усвоили все, что сдѣлано было въ этомъ отношеніи ассиріанами и вавилонянами; греки во время персидскихъ войнъ подражали въ укрѣпленіяхъ тѣмъ и другимъ, но многое прибавили и усовершенствовали въ частностяхъ, благодаря собственному творческому генію. Римляне учились военному искусству отъ грековъ, галлы отъ римлянъ и т. д. до нашихъ временъ. Каждый народъ старался не отстать въ военномъ дѣлѣ отъ другихъ, болѣе сильныхъ, примѣняясь къ историческимъ требованіямъ времени.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, если не у каждаго народа, то у извѣстныхъ народныхъ группъ, особенно въ самомъ началѣ ихъ политическаго устройства, мы видимъ въ искусствѣ фортификаціи и свои собственныя народныя черты, старыя привычки и пріемы, унаслѣдованныя отъ предковъ. Они обыкновенно не устраняются совсѣмъ при усвоеніи новыхъ заимствованныхъ способовъ фортификаціи, а продолжаютъ существовать одновременно съ послѣдними, какъ дополнительныя укрѣпленія, совершенствуясь согласно требованіямъ вѣка. Такъ можно смотрѣть на земляные окопы грековъ и римлянъ и на своеобразныя укрѣпленія галловъ, британцевъ и славянъ. У всѣхъ этихъ народностей, можетъ быть за исключеніемъ грековъ, земляные валы служили древнѣйшимъ и любимымъ способомъ искусственной защиты, практиковавшимся, вѣроятно, еще въ доисторическія времена. Послѣ усвоенія восточно-азіатской системы каменныхъ крѣпостныхъ стѣнъ, названныя народности не только не забыли земляныхъ валовъ, но во все время своей дальнѣйшей

исторіи продолжали совершенствовать этотъ способъ укрѣпленій, предпочитая землю и дерево твердымъ камнямъ.

Значеніе земляного вала, замѣняющаго каменную городскую стѣну, дольше всего сохранилось у восточныхъ славянъ. Въ Россіи каменныя городскія стѣны появились, въ подражаніе Западной Европѣ, не раньше X—XI в., но онѣ медленно входили въ общее употребленіе. Большинство нашихъ городовъ до XIV—XV в. продолжали предпочитать земляныя укрѣпленія, съ деревянными стѣнами и башнями, какъ болѣе соотвѣтствовавшія старымъ народнымъ привычкамъ. Существовавшая у римлянъ, галловъ и славянъ особая привязанность къ землянымъ укрѣпленіямъ яснѣе будетъ видна при дальнѣйшемъ изложеніи нашего краткаго очерка исторіи фортификацій *).

Послѣ паденія Трои часть Ѳракійскихъ племенъ, какъ мы уже упоминали выше, передвинулась на западъ. Въ числѣ этихъ переселенцевъ были народности, вошедшія потомъ въ латинскій союзъ и положившія начало могучему Риму. Онѣ принесли съ собой изъ Малой Азіи въ Италію старыя культурныя привычки, въ числѣ которыхъ мы видимъ и способъ укрѣпленія городовъ земляными валами и рвами. Мѣсто для вновь созидаемаго Рима было выбрано не по вавилонскимъ, или персидскимъ и даже не по эллинскимъ соображеніямъ, а по тѣмъ принципамъ, которыхъ впослѣдствіи держались новыя европейскія народности, именно галлы и славяне. Рѣка Тибръ, съ близкимъ выходомъ къ морю, здѣсь имѣлась въ виду какъ первое условіе городскаго поселенія. Далѣе, капитолій (т. е. глава города, отъ capitulum) съ его двумя вершинами составлялъ ядро крѣпости, соотвѣтственно славянскому вышгороду, греческой акрѣ и впослѣдствіи нѣмецкому бургу. Эти высоты назначались не для частныхъ домовъ, а для священныхъ храмовъ и общественныхъ сборищъ**). Жилой городъ разростался у подош-

*) Многіе авторы считаютъ земляные валы и рвы за такую систему укрѣпленій, которая, по ихъ мнѣнію, была свойственна почти всѣмъ народностямъ, въ самомъ началѣ ихъ политической жизни. Поэтому предполагали, что земляные окопы выражаютъ собой не какую либо національную привычку, а лишь низкую ступень народнаго развитія. Съ такимъ мнѣніемъ едва ли можно согласиться. Исторія фортификацій ясно показываетъ, что существовали народы, которые совсѣмъ не знали земляныхъ оконовъ, а рядомъ съ ними были другія племена, не строившія, или не любившія каменныхъ стѣнъ, хотя уровень ихъ гражданскаго быта позволялъ бы это дѣлать. Римляне даже на высотѣ своего могущества всегда цѣнили земляныя насыпи и пользовались ими, тогда какъ германцы, какъ вначалѣ своей осѣдлой жизни, такъ и впослѣдствіи не любили ни оконовъ, ни каменныхъ стѣнъ. Привычка къ тому или другому строительному матеріалу несомнѣнно представляетъ извѣстную черту народнаго характера. Славяне всегда предпочитали для построекъ дерево и землю, и это ихъ свойство сохраняется до сихъ поръ; народы юга и запада, напротивъ того, любили предпочтительно глину и камень. Эту привычку тѣ и другіе выразили на своихъ древнихъ могилахъ и крѣпостяхъ (сравни земляные курганы и долмены, каменныя стѣны и валы). Какъ въ настоящее время земляные форты предпочитаются каменнымъ стѣнамъ, такъ и въ прежнее время они могли имѣть своего рода преимущества въ глазахъ людей, умѣвшихъ ими пользоваться.

**) Моммсенъ предполагаетъ, что капитолій ранѣе служилъ убѣжищемъ для пастуховъ и земледѣльцевъ, располагавшихся въ долинѣ, на случай нечаяннаго нападенія непріятеля. Слѣдовательно, вначалѣ это былъ не жилой городъ, а городокъ, въ родѣ тѣхъ, какіе устраивались скиѳами по берегамъ рѣкъ, т. е. какъ большая часть изучаемыхъ нами нынѣ городищъ.

вы капитолія и здѣсь онъ былъ окруженъ вначалѣ его основанія не каменными стѣнами, какъ было обычно во всѣхъ азіатскихъ и греческихъ городахъ, а земляным *валомъ и рвомъ*. Впослѣдствіи, когда пригороды стали увеличиваться и сливаться въ одно цѣлое, строились новые валы по ихъ периферіи. Одинъ изъ такихъ валовъ исторія приписываетъ царю Сервію Туллію, который окружилъ весь городъ однимъ огромнымъ земляным кольцомъ. Этотъ валъ начинался отъ рѣки Тибра, у деревяннаго моста на сваяхъ, обнималъ потомъ все пространство Капитолія, Квиринала, Виминала и Эсквилина, далѣе огибалъ холмы Целій и Авентинъ, а здѣсь опять примыкалъ къ рѣкѣ. Въ этомъ земляномъ укрѣпленіи мы видимъ въ первый разъ подлинное историческое свидѣтельство *о примѣненіи валовъ и рвовъ къ защитѣ города*, а не временнаго воинскаго стана, какъ это иногда встрѣчалось у эллиновъ и персовъ, не придававшихъ этой системѣ укрѣпленій большаго значенія. Впослѣдствіи Римляне начали строить каменныя городскія стѣны, но это было уже новое культурное наслоеніе, заимствованное отъ грековъ. «Древнѣйшія постройки римлянъ, говоритъ Моммсенъ, были деревянныя или земляныя (валъ), каменныя же строенія введены были уже при помощи греческаго примѣра и греческихъ инструментовъ».

О земляныхъ укрѣпленіяхъ галловъ и полевыхъ фортификаціяхъ римлянъ мы имѣемъ подробныя свѣдѣнія у латинскихъ историковъ. Изъ нихъ мы ограничимся данными Юлія Цезаря, вполнѣ достаточными для нашей цѣли. Описывая войну съ галлами, онъ наглядно рисуетъ не только форму ихъ земляныхъ городковъ, но и способъ ихъ защиты, и такимъ образомъ иллюстрируетъ намъ на историческихъ примѣрахъ значеніе и пользованіе тѣми земляными городищами, которыя составляютъ главный предметъ нашего разсмотрѣнія въ настоящей главѣ.

Вотъ, напримѣръ, одинъ изъ эпизодовъ галльской войны Цезаря противъ Верцингеторикса. Дѣло идетъ объ осадѣ галльскаго города Алезіи, расположеннаго на вершинѣ высокаго холма, подошву котораго съ двухъ сторонъ омывала рѣка. Передъ городомъ съ открытой стороны разстилалась широкая равнина, гдѣ расположился галльскій лагерь, окруженный рвомъ и валомъ. Нападающіе римляне съ своей стороны возвели такіе же окопы, именно: вырыли ровъ въ 20 футовъ ширины, съ отвѣсными боками. За этимъ рвомъ, въ разстояніи 600 футовъ, были проведены еще два рва, каждый въ 15 футовъ ширины и такой же глубины, наполненные водою, проведенною изъ рѣки. Позади рвовъ сдѣлана была насыпь (валъ) въ 12 футовъ ширины и высоты, укрѣпленная брустверомъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ брустверъ соединялся съ валомъ, сдѣланы крѣпкіе отводы, съ цѣлію воспрепятствовать непріятелю взобраться на валъ. На валахъ поставлены деревянныя башни, на разстояніи одна отъ другой въ 80 футовъ. Чтобы еще бо-

лѣе преградить доступъ къ этимъ укрѣпленіямъ, снаружи ихъ вырытъ еще четвертый ровъ, въ 5 футовъ глубины, дно и бока котораго были усажены заостренными древесными сучьями и кольями. Наконецъ, впереди ихъ на открытомъ полѣ расположены были коническія ямы, въ три фута глубиной, куда также были врыты заостренныя сверху колья, въ ногу толщиной, выдававшіеся изъ земли не болѣе 4 вершковъ. Ямы эти, для большаго обмана непріятеля, были сверху заметаны хворостомъ и травой. Онѣ расположены въ 8 рядовъ, въ разстояніи одна отъ другой на 3 фута. Остальное пространство между ямами было усажено едва торчащими изъ земли желѣзными остріями, носившими названіе жалъ. Всѣ эти сооруженія укрѣпленнаго лагеря занимали пространство въ 14 миль (De bello gallico, lib. VII, §72—73). Защищая эти укрѣпленія во время штурма, римскіе воины располагались *на открытыхъ валахъ* и на башняхъ, откуда пускали въ непріятелей стрѣлы, дротики и заготовленные камни. Съ своей стороны галлы старались засыпать волчьи ямы и рвы фашинникомъ и землей, разрушить валъ и ворваться въ лагерь. При этомъ они пользовались и общераспространенными въ то время вспомогательными средствами для штурма крѣпостей, какъ то: таранами, черепахами, осадными лѣстницами и косами и т. п. Этимъ утонченнымъ пріемамъ они, очевидно, выучились у римлянъ. Отъ нихъ же вѣроятно заимствованы нѣкоторыя частности въ укрѣпленіи галльскихъ городовъ и становъ; но общіе принципы земляныхъ фортификацій они должны были знать раньше столкновенія съ римлянами, т. е. изъ первоначальныхъ общихъ для того и другого народа праарійскихъ источниковъ.

Городскія стѣны Галлы устраивали слѣдующимъ образомъ. Въ основаніи вала они дѣлали бревенчатую обвязку, располагая продольныя бревна въ разстояніи двухъ футовъ одно отъ другаго и соединяя ихъ поперечными связями. Эти деревянныя клѣтки засыпались землей, а снаружи облицовывались камнями. Дерево и земля чередовались между собой рядъ за рядомъ до такой высоты, какая требовалась*). Такая стѣна, по отзыву Цезаря, прочнѣе каменной и удобнѣе для обороны. Ее труднѣе разбить стѣнобитными машинами и невозможно ни сжечь, ни разрыть, ни растаскать крючьями. Снаружи она очень красива отъ чередующихся рядовъ бревенъ и каменной облицовки въ земляныхъ прослойкахъ. Цезарь замѣчаетъ, что такъ были устроены стѣны всѣхъ галльскихъ городовъ и описываетъ это какъ своеобразный, оригинальный способъ постройки, незнакомый Римлянамъ. Наверху стѣны устраивались деревянныя башни и парапеты. Осаждая такія крѣпости, римляне должны были возводить искусственныя земляныя насыпи, которыя равнялись бы высотѣ стѣнъ. Въ свою очередь осажденные также могли под-

*) Постройку насыпей изъ чередующихся слоевъ земли и камня мы встрѣчаемъ въ массивныхъ курганныхъ могилахъ Семирѣченской области.

нимать высоту стѣны или надстраивать башни, чтобы держаться выше непріятеля (l. c. lib. VII, § 23 и 24).

Описывая осаду другого галльскаго города *Аварика**), Цезарь говоритъ, что мѣсто для основанія этого города было выбрано почти неприступное. Помѣщаясь на высокомъ берегу, городъ почти со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ рѣкой и непроходимымъ болотомъ и только съ одной стороны имѣлъ узкій доступъ по сухому перешейку. На этомъ перешейкѣ римляне должны были возводить осадныя сооруженія, т. е. высокія земляныя насыпи и деревянныя башни съ крытыми галлереями, чтобы поравняться съ вышиною осаждаемыхъ стѣнъ. Галлы съ своей стороны старались разрушить воздвигаемую насыпь, проводили подземныя мины и поджигали деревянныя части въ осадныхъ работахъ.

Изъ описанія осады Аварика мы видимъ, какое значеніе, по стратегическимъ соображеніямъ галловъ, имѣли рѣки и глубокія болота, окружающія городъ: на нихъ нельзя было основать ни насыпей, ни деревянныхъ башенъ, а безъ этого невозможно было взобраться на городскія стѣны. Такимъ образомъ рѣки и трясины представляли собой болѣе надежную защиту, нежели искусственные рвы и валы, которыми ограждали городскія стѣны только въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ не было естественныхъ заграждений. По такому принципу выбирались мѣста для основанія древнихъ городовъ въ Западной Европѣ и сѣверной Азіи. То же мы увидимъ ниже при описаніи мѣстоположенія почти всѣхъ городищъ Европейской Россіи и Сибири. Это была не простая случайность, а общій стратегическій законъ у сѣверныхъ арійцевъ. Откуда ведетъ свое начало эта древнѣйшая система, сказать трудно, но наши сибирскія городища могутъ доказывать, что она была извѣстна древнимъ сибирскимъ жителямъ курганной эпохи, и можетъ быть отсюда она распространилась, при переселеніи народовъ, въ Западную Европу (кельты и славяне).

Послѣ выбора мѣстности для построеній города или крѣпости, не меньшее сходство съ сибирскими и болгарскими городищами представляютъ намъ самыя формы римскихъ и галльскихъ земляныхъ укрѣпленій, т. е. расположеніе валовъ и рвовъ. Выше мы видѣли, что римскіе лагери окружались *двойнымъ*, *тройнымъ* и даже *четвернымъ валомъ*, съ такимъ же количествомъ рвовъ. Тоже самое дѣлали и галлы, преграждая доступъ съ суши къ городскимъ стѣнамъ. Станы свои они укрѣпляли такими же окопами. Городскія стѣны они дѣлали не каменныя, а земляныя, съ бревенчатыми прокладками. Эти послѣднія, равно какъ и каменная облицовка земляныхъ про-

*) Городъ *Avaricum*, нынѣ *Bourges*, былъ столицею кельтскаго племени Битуриговъ. Во времена римскаго владычества онъ былъ центромъ области, къ которой принадлежали галльскіе города: *Caesarodunum* (Туръ), *Бибракта* или *Augustodunum* (Отюнъ), *Noviodunum* (Неверъ), *Limonum* (Пуатье) и *Augustonemetum* (Клермонъ). Во время Цезаря третья часть Галліи, по словамъ Тита Ливія, была заселена кельтами.

слойковъ, должны быть разсматриваемы какъ дальнѣйшее усовершенствованіе простаго землянаго вала, дабы придать ему болѣе отвѣсную форму и болѣе значительную вышину. Галламъ это было необходимо потому, что они имѣли дѣло съ римлянами, искусными въ осадѣ городовъ и пользовавшимися при этомъ древнимъ ассирійскимъ способомъ достигать вышины городскихъ огражденій при посредствѣ искусственныхъ земляныхъ насыпей. Обыкновенный валъ въ такихъ случаяхъ представлялъ бы защиту недостаточную.

Въ Британіи во времена Цезаря города имѣли болѣе примитивное устройство. «Городомъ, говоритъ Цезарь, называется у британцевъ мѣсто въ густомъ лѣсу, *обнесенное валомъ и рвомъ*, куда они удаляются обыкновенно въ случаѣ непріятельскаго нашествія» (lib. V, § 21). Въ другомъ мѣстѣ при описаніи британскаго укрѣпленія сказано, что оно примыкало къ берегу рѣки, и было защищено тыномъ изъ острыхъ кольевъ (палисадомъ или острогомъ). Черезъ рѣку существовалъ только одинъ бродъ, который также былъ загражденъ острыми кольями (§18). У галловъ временъ Цезаря мы не видимъ подобныхъ палисадовъ; на валахъ они строили только деревянныя башни. Послѣ завоеванія Галліи римлянами, въ этой странѣ стали строить каменныя укрѣпленія и города по римскому образцу.

О германцахъ Цезарь даетъ такой отзывъ: «они не занимаются земледѣліемъ; главная ихъ пища заключается въ молокѣ, сырѣ и мясѣ. Никто изъ нихъ не имѣетъ своего собственнаго и опредѣленнаго извѣстными рубежами участка, но сановники и старѣйшины ежегодно дѣлятъ землю по семействамъ и родамъ, собравшимся жить вмѣстѣ. По истеченіи года ихъ заставляютъ переходить на другія мѣста». «Дѣлается это, между прочимъ, для того, чтобы германцы не пристрастились къ земледѣлію и не забыли войну, а также чтобы они не привыкли строиться удобнѣе и защищаться отъ зноя и стужи» (lib. VI, § 22). «За великую себѣ честь считаютъ германцы, если опустошатъ прилежащія къ нимъ земли на большое пространство, окруживъ себя пустынею. По ихъ мнѣнію, это доказательство храбрости, если вблизи ихъ никто не осмѣливается поселиться. Кромѣ того, этимъ они хотятъ обезопасить себя отъ возможности внезаннаго нападенія» (§ 23). О существованіи городовъ у германцевъ Цезарь не упоминаетъ. Судя по вышеприведенной характеристикѣ ихъ образа жизни, можно думать, что они ихъ дѣйствительно не имѣли, не дорожа прочной осѣдлостью, развивающеюся въ связи съ земледѣліемъ и съ земельной собственностью. Вмѣсто крѣпостей и городскихъ стѣнъ, они больше разсчитывали на опустошенныя пространства земли, отдѣляющія ихъ владѣнія отъ сосѣдей. Этотъ своеобразный способъ защиты сохранялся у германцевъ очень долго. Въ описаніяхъ ихъ, почти безпрерывныхъ, средневѣковыхъ войнъ съ пограничными славянами нерѣдко упоминается, что берега Эльбы на извѣстномъ разстояніи представляли пустыню, гдѣ не смѣли селиться ни славяне, ни нѣмцы.

Полевыя укрѣпленія (окопы) у германцевъ, повидимому, тоже не были въ обычаѣ. Описывая сраженія съ ними, Цезарь говоритъ, что они сражались изъ за телѣгъ и обозныхъ вещей (lib. IV § 14). Въ другомъ мѣстѣ, по поводу битвы съ гельветами, Цезарь замѣчаетъ, что «битва происходила у обоза: повозки служили непріятелю вмѣсто окопа; одни сверху (съ горы) осыпали римлянъ стрѣлами, другіе изъ за повозокъ и колесъ, метали дротики и копья» (lib. I, § 26). Обычай сражаться изъ за телѣгъ мы встрѣчаемъ гораздо раньше у персовъ; тѣмъ же способомъ нерѣдко пользовались скиѳы и наша *древняя*, княжеская Русь при отдаленныхъ степныхъ походахъ, въ сраженіяхъ съ татарами.

Слабая привязанность германцевъ къ недвижимой собственности и въ связи съ этимъ отсутствіе у нихъ городовъ и прочныхъ укрѣпленій обнаруживается и въ первыя столѣтія послѣ Р. Х. Наводняя Галлію и Сѣверную Италію, германскія племена перекочевывали сюда съ женами и дѣтьми. Остававшіеся на родинѣ также не имѣли у себя стройной политической организаціи. Только съ покореніемъ римскихъ провинцій германцы стали селиться въ завоеванныхъ чужихъ городахъ. Собственные города нѣмецкаго основанія у нихъ являются не раньше VIII столѣтія. Это были пограничные бурги, строившіеся, по примѣру римлянъ и галловъ, въ завоеванныхъ земляхъ. Собственно города, какъ торговые и политическіе центры, появились въ Германіи еще позднѣе, именно съ X или XI вѣка, когда развилась торговля и водворилась новая жизнь мирнаго труда и гражданственности. Вслѣдствіе такого поздняго появленія бурговъ и городовъ въ Германіи, мы не видимъ въ этой странѣ той массы древнихъ городищъ, какая встрѣчается въ Галліи и въ славянскихъ земляхъ. По той же причинѣ весьма многіе изъ нынѣ существующихъ германскихъ городовъ образовались не самостоятельно, а перешли во владѣніе германцевъ отъ покоренныхъ ими народовъ, преимущественно отъ славянъ и кельтовъ (см. выше гл. II, стр. 59).

О способахъ защиты городовъ у венетовъ мы говорили выше (см. стр. 48). Венеты въ этомъ отношеніи больше всего разсчитывали на воду, окружающую городъ и дѣлающую его недоступнымъ съ суши. Но независимо отъ этого, они также укрѣпляли городъ стѣнами, которыя, вѣроятно, имѣли сходство съ гальскими. О существованіи такихъ стѣнъ можно заключить изъ слѣдующихъ словъ Цезаря: «если, послѣ величайшихъ трудовъ и усилій, намъ удавалось среди самыхъ волнъ моря сдѣлать насыпь и по ней достигнуть *стѣнъ города*, то осажденные, доведенные до крайности, садились на суда и перебирались въ другой, близлежащій городъ» (lib. III, § 12). Въ приведенномъ текстѣ недостаточно ясно выражено: производилась ли насыпь для того, чтобы добраться до города съ суши черезъ морскія лагуны, или чтобы подняться до высоты стѣны, какъ это вообще дѣлалось

римлянами при осадѣ городовъ. Послѣднее предположеніе, кажется, вѣроятнѣе. Во всякомъ случаѣ о существованіи городскихъ стѣнъ у венетовъ не можетъ быть сомнѣнія.

Города балтійскихъ славянъ также строились, по возможности, въ неприступныхъ мѣстахъ, окруженныхъ рѣками, болотами, или морскимъ заливомъ. Они ограждались земляными валами, а иногда и стѣнами, независимо отъ валовъ и рвовъ. Правда, ни Цезарь, ни Тацитъ, ни другіе писатели того времени не говорятъ объ этихъ укрѣпленіяхъ, не будучи знакомы съ странами за Эльбою, но о существованіи названныхъ укрѣпленій свидѣтельствуютъ сохранившіеся археологическіе ихъ слѣды. Для примѣра мы укажемъ на *Равенсбергское городище*, находящееся въ разстояніи полумили отъ новаго Бранденбурга, въ исконной славянской землѣ, въ нынѣшнемъ великомъ герцогствѣ Мекленбургъ-Стрелицкомъ. *) Описаніе его мы беремъ изъ журнала Jahrbuch der Verein Meklenburg. Geschichte (Bd. 5, 1840 г., p. 112—117). Городище занимаетъ небольшую возвышенность, окруженную глубокимъ болотомъ. Оно обнесено *тройнымъ рядомъ валовъ*, образующихъ неправильное полукружіе. Внутренній валъ опоясывалъ самый холмъ, слѣдуя очертанію послѣдняго, потому онъ имѣлъ неправильную форму, въ общемъ представляющую сомкнутый кругъ, около 300 шаговъ въ окружности. Съ наружной стороны онъ окруженъ глубокимъ и широкимъ рвомъ. Средній валъ имѣетъ вышину 16 футовъ, протяженіе его 562 шага. Отъ внутренняго вала онъ отстоитъ на 90 шаговъ, а отъ наружнаго на 60 шаговъ. Валъ этотъ насыпанъ съ обѣихъ сторонъ, но преимущественно съ внѣшней, вслѣдствіе чего по наружной его сторонѣ существуетъ глубокій и широкій ровъ. Съ внутренней стороны тоже замѣтна значительная выемка земли, шириною около двухъ саженъ, представлявшая прежде внутренній ровъ, въ который напускалась вода. Въ дождливые годы, при высокой водѣ въ рѣкѣ и болотѣ, вода и нынѣ попадаетъ во внутренній ровъ и, застаиваясь здѣсь, поддерживаетъ густую растительность ольхи и камышей, вслѣдствіе чего ровъ постепенно засоряется. Средній валъ имѣетъ полукруглое очертаніе и концами своими примыкаетъ къ внутреннему валу, отъ котораго онъ въ конечныхъ пунктахъ отдѣляется только рвомъ, имѣвшимъ непосредственное соединеніе съ наружнымъ рвомъ внутренняго вала. Третій, самый внѣшній валъ находится по срединѣ болота. Сравнительно съ предыдущими онъ довольно низокъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ едва возвышается надъ поверхностью болота, въ другихъ же мѣстахъ въ ростъ человѣка и не выше 8 футовъ. Концы его, также какъ и въ предыдущемъ случаѣ, приближаются къ среднему и внутреннему валу, отдѣляясь отъ нихъ только

*) Новый Бранденбургъ основанъ въ 1248 году Маркграфомъ бранденбургскимъ, на границѣ земли Гавольянъ.

рвами. Уровень болота лежитъ такъ низко, что весною изъ него образуется родъ пруда; глубина покрывающей его въ это время воды бываетъ около 2 футовъ, причемъ вода наполняетъ и рвы. Въ то время, когда пользовались этимъ городкомъ, такое полноводіе вѣроятно было постояннымъ и нынѣшнее болото, можетъ быть, представляло изъ себя озеро. Къ цитированной статьѣ приложенъ подробный планъ очертанія и размѣровъ Равенсбергскаго городища.

На описанномъ городищѣ въ 1839 году были сдѣланы попытки къ раскопкамъ. Разрытъ участокъ около 1½ саженъ съ внутренней стороны перваго вала, глубиною въ ростъ человѣка. Здѣсь были найдены ряды булыжника, въ родѣ мостовой, подъ которыми встрѣчались и погребальныя урны. Послѣднія были обложены крупными обтесанными камнями, отъ ½ до 1 фута величиной. Здѣсь же найдены были человѣческія кости, обдѣланные точильные камни, обожженная глина, похожая на красный кирпичъ. При раскопкѣ самаго вала найдены угли, иногда въ отдѣльныхъ кускахъ, иногда пластами. Одинъ такой пластъ, на глубинѣ 4 футовъ внутри вала, простирался на шесть футовъ въ длину. Здѣсь были найдены слѣды ржаваго желѣза, желѣзныя пряжки и кости животныхъ. Въ городищѣ найдено большое количество черепковъ орнаментированной глиняной посуды, чернаго и коричневаго цвѣта. Цѣльныхъ горшковъ найдено 6 штукъ; они стояли на каменной плитѣ въ насыпи вала, покрытые тоже каменною плитою. Горшки были наполнены пепломъ и землей.

Въ той же статьѣ, откуда мы заимствовали описаніе Равенсбергскихъ валовъ, упоминается, что такое же городище съ земляными валами и рвами существуетъ на островѣ Рюгенѣ (древняя Руя), нѣкогда населенномъ славянскимъ племенемъ Рулнъ, (См. выше стр. 58). Но, само собой разумѣется, что указанными двумя примѣрами далеко не исчерпываются археологическіе слѣды всѣхъ укрѣпленныхъ пунктовъ, существовавшихъ у Балтійскихъ славянъ. Не имѣя возможности перечислять ихъ въ отдѣльности, мы сошлемся на изслѣдованія по этому вопросу Г. О. Оссовскаго, изданныя въ Краковѣ въ 1881 году, подъ заглавіемъ: Carte Archeologique de Prusse occidentale (texte explicatif gr. 4-me c. II Retranchements (Okopy), стр. 4—12 и отдѣльная карта, напечатанная въ Парижѣ въ 1880 году). По даннымъ г. Оссовскаго оказывается, что въ славянскихъ земляхъ нынѣшней Сѣверной Пруссіи до сихъ поръ сохранилось весьма много древнихъ земляныхъ городковъ, большею частію окруженныхъ двойнымъ валомъ, съ соотвѣтствующими рвами. Очертаніе ихъ всегда круглое, возвышенная, искусственно насыпанная площадь, занимаемая этими окопами обыкновенно невелика, слѣдовательно, это были не настоящіе города, а небольшія укрѣпленія въ родѣ цитаделей. Почти всегда они примыкали къ болоту, озеру или къ рѣкѣ,

т. е. къ мѣстамъ трудно доступнымъ, что соотвѣтствовало общему принципу древнихъ славянскихъ укрѣпленій. Этимъ городищамъ обыкновенно сопутствуютъ могильники, заключающіе въ себѣ урны съ пепломъ или съ пережженными костями покойника. Г. Оссовскій находилъ погребальные горшечки въ самыхъ насыпяхъ и на внутреннихъ площадкахъ укрѣпленія, что несомнѣнно указываетъ на доисторическую древность описываемыхъ имъ окоповъ и на существовавшій у балтійскихъ славянъ обычай трупосожиганія.

Описываемыя круглыя насыпи у мѣстныхъ крестьянъ носятъ названіе городищъ, «шведскихъ шанцевъ», или «Burgwälle». Значеніе ихъ не вполнѣ ясно. Малое пространство, занимаемое верхней площадью насыпи и присутствіе здѣсь могилъ могли бы указывать на религіозное значеніе этихъ сооруженій; но съ другой стороны выборъ мѣста для такихъ окоповъ (на высокомъ берегу рѣки, подъ прикрытіемъ овраговъ или болотъ) и окружающіе ихъ рвы говорятъ въ пользу ихъ стратегическаго значенія. Тоже подтверждается и общимъ топографическимъ расположеніемъ многихъ десятковъ этихъ сооруженій, повидимому представлявшихъ обдуманныя линіи укрѣпленныхъ пунктовъ, ограждавшихъ страну отъ вторженія сосѣднихъ народовъ (см. археол. карту Г. Оссовскаго и его же статьи о доисторическихъ памятникахъ королевства Пруссіи *).

Въ началѣ двадцатыхъ годовъ текущаго столѣтія подобныя же небольшія укрѣпленія описывалъ З. Я. *Ходаковскій*. По его словамъ они простираются отъ Камы до Эльбы, отъ Сѣверной Двины до горъ Балканскихъ и Адріатическаго моря; число ихъ такъ велико, что на каждую квадратную милю, населенную славянами, приходилось по одному такому городищу. Всѣ они похожи между собою, имѣя круглые валы, насыпанные изъ чернозема. По мнѣнію Ходаковскаго, эти сооруженія могли служить идолопоклонническими капищами**). Если допустить и это послѣднее предположеніе, оно не будетъ противорѣчить стратегическому значенію описываемыхъ насыпей. Извѣстно, что у римлянъ капитолій служилъ не только для защиты, но и для общественныхъ святынь, богослуженій и народныхъ совѣщаній. Это былъ центръ духовной общественной жизни, святыня города. У скиѳовъ мы также видимъ, что могилы предковъ охранялись какъ святыня и, въ случаѣ посягательства враговъ, защищались подобно городамъ (извѣстный отвѣтъ скиѳовъ посламъ Дарія). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ курганныя кладбища, или отдѣльные большіе курганы, обыкновенно располагавшіеся на высокомъ берегу рѣки, подобно городищамъ, обводились валомъ и рвомъ, т. е. находи-

*) *Ossowskiy* o pomnikach przedhistorycznych Prus krolevskich. Torun 1878. Съ тремя таблицами рисунковъ.

**) Русскій историческій сборникъ ред. М. *Погодина* 1838 г. Кн. 3, страницы 3—109. Въ томъ же изданіи напечатано разсужденіе Ходаковскаго о водяныхъ путяхъ въ древней Россіи Кн. I 1837 г. стр. 1—50.

лись въ чертѣ укрѣпленій, или же располагались вблизи послѣднихъ, какъ отдѣльные форты. Поэтому можно судить, что по древнимъ скиѳскимъ обычаямъ могилы и капища не отдѣлялись отъ укрѣпленій, слѣдовательно, и у балтійскихъ славянъ вышеописанныя насыпи могли имѣть одновременно то и другое назначеніе.

Обозрѣвая исторію фортификацій въ Западной Европѣ въ началѣ среднихъ вѣковъ, мы должны также обратить вниманіе на военныя дѣйствія Гунновъ. Войны Аттилы съ римлянами были описаны современниками съ значительною исторической подробностью (Іорнандъ, Амміанъ Марцеллинъ) и въ этихъ описаніяхъ могъ сохраниться слѣдъ тѣхъ стратегическихъ пріемовъ и правилъ, которыми руководилось гуннское ополченіе при осадѣ городовъ и при открытыхъ сраженіяхъ. Равнымъ образомъ, отсюда же можно извлечь нѣкоторыя данныя о существовавшихъ въ это время способахъ защиты у Германцевъ, галловъ и римлянъ, съ которыми Аттила имѣлъ дѣло. Описаніе гуннскихъ войнъ въ этомъ отношеніи могло бы служить для V вѣка такимъ же отличнымъ пособіемъ, какъ описаніе галльской войны для вѣка Юлія Цезаря. Къ сожалѣнію, ни у Іорнанда, ни у Марцеллина мы не находимъ такихъ спеціально военныхъ подробностей, какъ у Цезаря, но тѣмъ не менѣе въ ихъ сочиненіяхъ встрѣчаются нѣкоторыя указанія и по вопросамъ фортификацій, которые насъ интересуютъ въ данную минуту.

Федеративное войско Аттилы, какъ извѣстно, двинулось въ Галлію съ береговъ Дуная, изъ Панноніи, въ началѣ января 451 года. Въ первыхъ числахъ марта оно уже было на берегахъ Рейна. Прежде всего при этомъ походѣ обращаетъ на себя вниманіе отсутствіе какихъ либо намековъ на существованіе въ земляхъ германскихъ не только городовъ, но и вообще укрѣпленныхъ пунктовъ. Гунны шли безпрепятственно, не встрѣчая активнаго сопротивленія. Для переправы черезъ Рейнъ они построили нѣсколько пловучихъ мостовъ, вырубивъ для этого въ ближайшихъ лѣсахъ тысячи столѣтнихъ дубовъ и построивъ изъ нихъ плоты и барки для моста *). Эта операція доказываетъ, что въ войскахъ Аттилы были люди искусные въ этомъ дѣлѣ. По заготовленнымъ мостамъ переправилась полумилліонная, пѣшая и конная армія съ безчисленнымъ обозомъ телѣгъ. Перейдя Рейнъ, Аттила направился къ берегамъ Мозеля на Тревъ (Tréves), по дорогѣ, которой раньше обыкновенно слѣдовали римскіе легіоны. Въ Галліи онъ встрѣтилъ много укрѣпленныхъ городовъ, противъ которыхъ нужно было вести правильную осаду, или брать ихъ приступомъ, какъ напр. Мецъ, Реймсъ, Орлеанъ и многіе другіе. Въ описаніи осадныхъ дѣйствій Аттилы мы не встрѣчаемъ ни земляныхъ насыпей, ни деревянныхъ башенъ, при помощи

*) *Amédée Thierry*, histoire d'Attila. T. I, Paris. 1865, p. 136.

которыхъ римляне и галлы того времени обыкновенно старались взобраться на осаждаемыя высокія стѣны. Этотъ военный пріемъ былъ неизвѣстенъ гуннамъ; но они умѣли вести подкопы, знали употребленіе тарана (стѣнобитныхъ машинъ), метательныхъ машинъ и штурмовыхъ лѣстницъ*). Принимая во вниманіе совершенство римскихъ укрѣпленій такихъ, почти неприступныхъ городовъ, какъ Орлеанъ и Аквилея, тѣмъ не менѣе взятыхъ Аттилою, можно думать, что гунны были страшны римлянамъ не одной многочисленностью и мѣткостью своихъ стрѣлъ, но и военнымъ искусствомъ ихъ вождей. Военная тактика Аттилы напоминаетъ не полчища Тамерлана или Батыя, а скорѣе русскую стратегію, наприм. при Куликовской битвѣ; осаду Орлеана и Аквилеи можно сравнить съ осадой Казани при Іоаннѣ Грозномъ. При этомъ нужно принять во вниманіе, что Аттила имѣлъ дѣло съ римлянами, военное искусство которыхъ стояло неизмѣримо выше, чѣмъ у татаръ, съ которыми сражалась Россія.

Въ описаніи гуннскихъ войнъ насъ больше всего интересовалъ вопросъ о полевыхъ укрѣпленіяхъ гунновъ. Это имѣло бы связь съ нашими городищами Камской Болгаріи и Сибири, гдѣ обитала эта народность до переселенія въ южно-русскіе и придунайскіе края. Само собой разумѣется, что если бы на своей родинѣ гунны привыкли строить земляные, укрѣпленные рвами и валами городки, то и во время европейскихъ походовъ, особенно въ критическія минуты, они не преминули бы воспользоваться своею опытностью по этой части. Такимъ образомъ данныя о полевыхъ укрѣпленіяхъ еще разъ подтвердили бы намъ, что гунны по развитію своему стояли гораздо выше степныхъ кочевниковъ монгольскаго или финноугорскаго племени, къ которому обыкновенно ихъ приравниваютъ. Съ другой стороны тотъ же историческій фактъ относительно гуннскихъ окоповъ могъ бы послужить къ уясненію народности, создавшей болгарскія и сибирскія городища. Обращая вниманіе на это обстоятельство, мы должны, однако же, сказать, что ни у Іорнанда, ни у Павла Діакона, ни у другихъ писателей этой эпохи нѣтъ прямыхъ указаній на обычай гунновъ ограждать свои станы земляными окопами. Вмѣсто земляныхъ валовъ, при кратковременныхъ остановкахъ, они ограждали свой станъ телѣгами, изъ которыхъ образовали периферическій кругъ. Но можно ли отсюда заключить, что гунны не знали окоповъ и никогда ими не пользовались? Такое заключеніе было бы преждевременно. Окопы возводятся только въ тѣхъ случаяхъ, когда армія останавливается на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, или готовится къ сраженію съ сильнымъ непріятелемъ. Такъ поступалъ Цезарь въ войнѣ съ галлами, такъ дѣйствовали и галлы, готовясь къ сраженію съ римлянами. Но Аттила находился въ другихъ условіяхъ. До послѣдней Каталаунской битвы войска

*) Iornand. De rebus Geticis, 42.

его имѣли подавляющій численный перевѣсъ, сравнительно съ непріятелемъ, и они не ощущали надобности въ искусственной защитѣ. Переправившись черезъ Рейнъ въ первыхъ числахъ марта, Аттила въ теченіе $3^1/_2$ мѣсяцевъ покорилъ всю Галлію: въ апрѣлѣ были взяты Мецъ, Тулъ, Реймсъ, въ началѣ мая онъ былъ уже подъ Орлеаномъ. При такомъ быстромъ и побѣдоносномъ шествіи не представлялось никакой надобности въ окопахъ. Орлеанъ съ своими неприступными твердынями задержалъ движеніе гунновъ болѣе чѣмъ на полтора мѣсяца, но и онъ былъ взятъ 23 іюня. Къ этому же времени подоспѣли римскіе и галльскіе легіоны съ знаменитымъ Аэціемъ во главѣ, что заставило Аттилу оставить уже покоренный и полуразрушенный городъ. Обратное отступленіе его на Шалонъ требовало больше осторожности: за нимъ слѣдовалъ искусный римскій полководецъ съ многочисленнымъ войскомъ. Предстояло рѣшительное сраженіе, къ которому Аттила приготовился надлежащимъ образомъ на поляхъ Каталаунскихъ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Шалона на Марнѣ.

Мѣсто знаменитаго Каталаунскаго побоища до сихъ поръ сохранило слѣды земляныхъ укрѣпленій и по народному преданію носитъ названіе *Camp d'Attila* (лагерь или укрѣпленный станъ Аттилы). Не смотря на истекшіе четырнадцать вѣковъ, замѣчаетъ Амедей Тьерри (l. c. p. 173), эти укрѣпленія сохранились въ очень хорошемъ состояніи. Они состоятъ изъ земляныхъ насыпей (валовъ), рвовъ и редутовъ, устроенныхъ, по мнѣнію Тьерри, римлянами. Г. *Torneux*, бывшій воспитанникъ политехнической школы, написавшій объ этихъ укрѣпленіяхъ спеціальное изслѣдованіе *), доказываетъ, напротивъ того, что эти земляныя сооруженія построены гуннами. То и другое предположеніе основано на историческихъ догадкахъ, вообще довольно шаткихъ. Тьерри въ пользу своего мнѣнія приводитъ слѣдующія соображенія: 1) форма каталаунскихъ оконовъ напоминаетъ римскій лагерь. Отсюда авторъ заключаетъ, что укрѣпленіе это существовало раньше и Аттила только воспользовался имъ случайно, готовясь къ битвѣ съ Аэціемъ; 2) гунны, по мнѣнію автора, не имѣли ни привычки, ни умѣнья возводить подобные окопы и кромѣ того не имѣли бы времени соорудить ихъ при своемъ отступленіи, такъ сказать, на глазахъ у римскаго полководца. Въ доказательство того, что варвары не любили окоповъ, Тьерри ссылается на примѣръ визиготовъ, служившихъ въ войскахъ Аэція, которые не желали слѣдовать въ этомъ отношеніи примѣру римлянъ и галловъ и никогда не укрѣпляли своего лагеря**).

*) M. *Torneux*, Attila dans les Gaules en 451. Paris 1833.

**) Разборъ этого вопроса изложенъ *Амедеемъ Тьерри* въ особомъ примѣчаніи въ концѣ перваго тома его сочиненія Histoire d'Attila, стр. 428—437. Примѣчаніе это написано по поводу письма Императора Наполеона III къ знаменитому историку гуннскихъ войнъ. Наполеонъ III, будучи знакомъ съ вышеупомянутымъ сочиненіемъ Турнэ, гдѣ каталаунскія древности приписываются гуннамъ, а не римлянамъ, былъ спеціально заинтересованъ этимъ вопросомъ и прислалъ его разъясненія.

По поводу этихъ соображеній мы позволили бы себѣ обратить вниманіе на слѣдующія данныя, которыхъ Амедей Тьерри, повидимому, не имѣлъ въ виду. Принимая вмѣстѣ съ авторомъ за историческій фактъ, что визиготы и вообще германскія племена не любили земляныхъ окоповъ и не примѣняли ихъ къ своимъ лагерямъ, мы не видимъ основанія обобщать это положеніе, распространяя его на федерацію войскъ Аттилы. Безчисленное множество земляныхъ городищъ, отлично сохранившихся на всемъ пространствѣ Европейской Россіи и Западной Сибири, во многихъ случаяхъ превосходящихъ своею древностью эпоху Аттилы, могутъ несомнѣнно доказывать, что славянскія племена, въ томъ числѣ и гунны, любили земляныя укрѣпленія и часто ими пользовались. Искусство ихъ въ этомъ отношеніи не уступало ни галламъ, ни римлянамъ и имѣло много общаго съ тѣми и другими, какъ мы это увидимъ ниже. По этимъ историческимъ соображеніямъ мы не видимъ основанія принципіально отклонять мысль о возможности сооруженія Шалонскихъ укрѣпленій именно гуннами, готовившимися къ рѣшительному сраженію. Это не противорѣчитъ ихъ народному обычаю, а скорѣе подтверждаетъ ошибочность взгляда европейскихъ писателей, считавшихъ гунновъ за дикую степную орду.—Сходство формы каталаунскихъ окоповъ съ римскимъ укрѣпленнымъ лагеремъ также не есть безспорное доказательство ихъ римскаго происхожденія. Выше мы видѣли, что галлы и кельты временъ Цезаря строили окопы по тому же типу, какъ римляне, и дѣлали это не вслѣдствіе подражанія послѣднимъ, а по старой народной привычкѣ. Равнымъ образомъ мы касались уже и того вопроса, что сибирскія и болгарскія городища по очертанію валовъ, рвовъ и по выбору мѣста для укрѣпленія имѣютъ большое сходство съ галльскими и съ римскими лагерями. Слѣдовательно, съ этой точки зрѣнія тоже едва-ли возможно категорически утверждать, что типъ каталаунскихъ укрѣпленій былъ исключительно римскій. Народное преданіе, сохранившее до сихъ поръ за этимъ лагеремъ названіе *Camp d'Attila*, можетъ быть вѣрнѣе угадываетъ его происхожденіе. Чтобы убѣдиться въ вѣрности мнѣнія г. Тьерри, было бы весьма важно имѣть прямое указаніе въ римскихъ литературныхъ источникахъ о существовавшемъ вблизи Шалона римскомъ укрѣпленномъ лагерѣ, но такого указанія не существуетъ, а безъ этого высказанное предположеніе остается догадкой, равно какъ и предположеніе Турнэ *). При такомъ положеніи данныхъ едвали есть надобность говорить о послѣднемъ доводѣ Тьерри, именно, что Аттила, преслѣдуемый Аэціемъ, не имѣлъ времени соорудить приписываемые ему окопы. Для сужденія по этому пункту не имѣется въ исторіи ни точ-

*) Въ объясненіи Тьерри упоминается, что къ сочиненію *Tournens* приложены рисунки очертанія и формы каталаунскихъ укрѣпленій, но, къ сожалѣнію, мы не имѣли возможности пріобрѣсти это сочиненіе. Сравненіе окоповъ, хотя бы по рисункамъ, съ очертаніемъ нашихъ городищъ можетъ быть послужило бы къ большему уясненію этого вопроса.

ныхъ хронологическихъ чиселъ, ни обстоятельныхъ свѣдѣній объ отношеніяхъ между двумя великими арміями во время слѣдованія ихъ отъ Орлеана до Шалона.

Съ какой бы стороны ни разсматривать вопросъ о каталаунскомъ лагерѣ, онъ остается для насъ одинаково цѣннымъ фактомъ, доказывающимъ, что гунны понимали и цѣнили земляныя укрѣпленія. Сами ли они соорудили ихъ, или воспользовались прежде существовавшими римскими окопами, въ томъ и другомъ случаѣ остается несомнѣннымъ, что Аттила предпочелъ дать рѣшительное сраженіе именно здѣсь, подъ прикрытіемъ рвовъ и валовъ. Слѣдовательно, онъ понималъ ихъ значеніе и умѣлъ ими пользоваться, изъ чего можно заключить, что гунны и славяне познакомились съ системой земляныхъ укрѣпленій не въ первый разъ, во время похода по Галліи, а знали ихъ раньше у себя дома. Какую услугу оказалъ имъ укрѣпленный лагерь, это извѣстно изъ исторіи. Сбитые съ позиціи въ открытомъ полѣ, они укрылись за валами и телѣгами и тѣмъ спасли себя отъ пораженія. Благодаря только укрѣпленному лагерю, каталаунская битва не принесла полной побѣды ни римлянамъ, ни гуннамъ. Послѣдніе получили возможность безпрепятственно отступить за Рейнъ и на слѣдующій годъ снова сдѣлать не менѣе грозное нападеніе на Италію (взятіе Аквилеи), а первые не могли воспользоваться плодами своихъ побѣдъ, т. е. преслѣдовать и тѣснить непріятеля при дальнѣйшемъ его отступленіи къ Рейну.

Теперь намъ слѣдуетъ перейти къ историческому очерку земляныхъ укрѣпленій собственно у сѣверныхъ славянъ. Эти данныя будутъ имѣть наиболѣе близкое отношеніе къ основному нашему вопросу о сибирскихъ городищахъ. Но прежде чѣмъ начать послѣдовательное изложеніе относящихся сюда данныхъ изъ русскихъ лѣтописей, считаю не безполезнымъ привести небольшой отрывокъ изъ Краледворской рукописи, показывающій, какую роль играли земляные валы въ Богеміи. Отрывокъ представляетъ собою историческій разсказъ о пораженіи татаръ Чехами и Моравами при Ольмюцѣ въ 1241 году. Мы его беремъ въ прекрасномъ переложеніи Берга, изъ книги Обручева *).

Той порой, во мракѣ (ночью), христіане
Навалили подъ горою насыпь.
Какъ заря блеснула на востокѣ:
Зашумѣли орды супостатовъ
И кругомъ ту гору обступили.
. . . . . .

*) *Обручевъ*, Обзоръ рукописныхъ и печатныхъ памятниковъ, относящихся до исторіи военнаго искусства въ Россіи. С.-Петербургъ 1854 г. стр. 13.

Собралися въ кучу всѣ ихъ силы
Къ одному они шатнулись боку;
И полѣзли по горѣ на нашихъ,
Оглашая крикомъ всю окрестность.
Христіане поднялись *на насыпь*
Божья Матерь силу въ нихъ вложила:
Натянулись ихъ тугіе луки,
Ихъ мечи булатные сверкнули—
Отступили отъ холма татары.
Разъярился народъ некрещеный,
Закипѣло сердце хана гнѣвомъ;
На три полчища разбился таборъ,
Съ трехъ сторонъ обловили ту гору.
Тутъ скатили христіане бревна,
Двадцать бревенъ, сколько тамъ ихъ было,
И за *валомъ* ихъ сложили въ кучу.
Побѣжали къ насыпи татары,
Въ облака ударились ихъ вопли
И хотѣли вражьи дѣти насыпь
Раскидать, но бревна покатились—
Какъ червей приплюснуло тутъ погань.

Не смотря на то, что описываемое здѣсь событіе относится къ XIII в., поэтическая форма его изложенія носитъ на себѣ черты болѣе древнихъ эпическихъ преданій. Упоминаемая здѣсь земляная насыпь, оказавшая христіанамъ такую пользу, очевидно, представляла для чеховъ старую, привычную, народную форму обороны. Поэтому, приведенный отрывокъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ одинъ изъ документовъ, повѣствующихъ о тѣхъ археологическихъ славянскихъ валахъ, о которыхъ мы говорили выше и будемъ говорить далѣе по русскимъ источникамъ.

Съ самыхъ первыхъ страницъ русской исторіи, съ того времени, какъ появляются лѣтописные акты о строющихся городахъ, мы встрѣчаемъ многократныя упоминанія о земляныхъ огражденіяхъ. Въ лѣтописяхъ они называются *спомъ*, *приспомъ* (приспа), *переспомъ*, *осыпью* (отъ глагола сыпать, осыпать), а впослѣдствіи *валомъ*, *земляною стѣною* или *земляными городомъ*. Такъ, напр., въ лѣтописи по Воскресенскому списку подъ 6498 г. (990) говорится: «поставиі Володимеръ въ Кіевѣ первую церковь св. Георгія и пришедъ изъ Кіева въ Суздальскую землю постави градъ во свое имя Володимеръ и *спомъ посыпа*»*). Въ войнѣ съ Ярополкомъ, Владиміръ, осаж-

*) Объ этихъ валахъ города Владиміра см. ниже.

дая Кіевъ, окружилъ свой станъ окопами: «и стоя Володимеръ *обрывся* на Дорогожичи, между Дорогожичемъ и Каничемъ, и есть ровъ тотъ и до сего дни». Въ 988 г. «Володимеръ постави церковь въ Корсунѣ на горѣ, иже ссыпаша посредѣ града крадуще *приспу*». «Въ лѣто 6654 (1146)... и поидоша къ Новугороду, и пришедше сташа у *переспы*». 1605 г. «И какъ городъ (Кромы) сгорѣ, государевы люди *сьдоша на осыпи* (на валу) бьюшесь безпрестанно» *). Этими лѣтописными ссылками, конечно, не исчерпываются всѣ случаи, когда примѣнялись земляные окопы при укрѣпленіи русскихъ городовъ. Почти каждый городъ имѣлъ встарину такое укрѣпленіе; у весьма многихъ городовъ земляные валы, возведенные въ историческое время, сохранились до нашихъ дней. Въ сочиненіи Ласковскаго (l. c. стр. 68) приведены, для примѣра, взятые изъ историческихъ актовъ размѣры нѣкоторыхъ валовъ. Такъ, Костромской валъ имѣетъ отвѣсную вышину 10 саж., Стародубскій 6—8 саж., Суздальскій 8—10 саж., Бѣлозерскій 8 саж., Мосальскій 10 саж., Угличскій 5 саж. и т. д. Валы сопровождались наружнымъ рвомъ, глубина котораго простиралась отъ 2 до 4 саж. Эти земляныя укрѣпленія имѣли у насъ встарину (до IX—X вѣка), самостоятельное значеніе, т. е. замѣняли собою городскія стѣны. На валахъ этой эпохи обыкновенно не устраивалось ни палисадовъ, ни рубленыхъ бревенчатыхъ стѣнъ, которыя появились позднѣе и притомъ большею частію не какъ надстройка къ земляной насыпи, а отдѣльно отъ послѣдней, какъ вторая линія укрѣпленій. Въ этомъ отношеніи древніе русскіе города существенно отличались отъ западно-европейскихъ. Тамъ городскимъ укрѣпленіемъ служили каменныя стѣны, у насъ—открытый валъ и ровъ. Уже по этому одному можно судить, что русская система земляныхъ крѣпостей не была заимствована изъ Европы, а унаслѣдована нами отъ эпохи доисторической. Подтвержденіемъ тому могутъ служить нерѣдкіе факты существованія старыхъ городищъ, съ сохранившимися земляными валами, въ окрестностяхъ нынѣшнихъ городовъ, основанныхъ въ историческое время на мѣстахъ болѣе древнихъ поселеній. Приведемъ этому нѣсколько примѣровъ.

Одинъ изъ самыхъ древнихъ русскихъ городовъ, Великій Новгородъ, былъ основанъ во второй разъ подлѣ стараго города и потому получилъ имя *Новгородъ* **). Мѣсто стараго города находилось въ разстояніи двухъ верстъ выше по Волхову. По свидѣтельству Щекатова (Географ. Словарь ч. IV, стр. 686) слѣды этого городища (валы и рвы) были видны еще въ на-

*) *Ласковскій*, Матеріалы для исторіи инженернаго искусства въ Россіи. Спб. 1858, стр. 66. *Карамзинъ*, Ист. Государ. Росс. Т. I примѣч. 122. *Погодинъ*, изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о русск. ист. Москва 1846, т. III, стр. 234.

**) Это событіе приписывается Рюрику: «Прія Рюрикъ власть всю единъ, и пришедъ къ Ильменю и сруби городъ надъ Волховомъ и прозваша Новгородъ».

чалѣ текущаго столѣтія. Архимандритъ Макарій (нынѣ архіепископъ въ Новочеркаскѣ) описываетъ эту мѣстность такимъ образомъ: «Городище находится къ югу отъ Новгорода, на правомъ берегу Волхова, на красивомъ и возвышенномъ мѣстѣ, образующемъ островъ и холмъ, откуда видѣнъ весь Новгородъ со всѣми его церквами и окрестными монастырями. Сіе мѣсто имѣетъ названіе *городища* потому, что на немъ былъ городъ, построенный первымъ варяго-русскимъ княземъ Рюрикомъ. Этотъ городъ, извѣстный у нѣкоторыхъ писателей подъ именемъ *Славянска*, былъ мѣстопребываніемъ князей Новгородскихъ не только до Ярослава, устроившаго дворъ съ вѣчемъ на торговой сторонѣ Новгорода, но и послѣ Ярослава и даже послѣ присоединенія Новгорода къ Московской державѣ. Здѣсь находили пріютъ и убѣжище князья Новгородскіе отъ шумнаго вѣча; здѣсь же жили Симеонъ Іоанновичъ Гордый, Дмитрій Іоанновичъ Донской, Василій Васильевичъ Темный, потому что здѣсь былъ загородный дворецъ и садъ княжескій»*). По поводу Новгородскаго городища проф. Д. Я. Самоквасовъ въ сочиненіи «Древніе города Россіи» (Спб.—1873 г. стр. 136) доказываетъ, что славянскій городъ на берегу озера Ильменя, при истокѣ Волхова, существовалъ съ незапамятныхъ временъ и что лѣтописное свѣдѣніе о Рюрикѣ, какъ основателѣ Новгорода, слѣдуетъ понимать не иначе, какъ въ смыслѣ постройки новаго укрѣпленія, т. е. деревянныхъ стѣнъ («сруби городъ»). Была ли деревянная крѣпость построена Рюрикомъ на мѣстѣ нынѣшняго городища, или въ существовавшемъ уже тогда новомъ городѣ, обнесенномъ лишь земляными валами, на это не могутъ дать опредѣленнаго отвѣта ни лѣтописи, ни историческіе акты. Но принимая во вниманіе, что холмъ, гдѣ былъ по преданію древній славянскій городъ, въ XII в. въ лѣтописяхъ называется городищемъ, не смотря на то, что и раньше и послѣ того здѣсь находились загородныя княжескія палаты **), т. е. было не запустѣвшее, а населенное мѣсто, можно предполагать, что упомянутый пригородъ получилъ названіе городища не отъ Рюриковой крѣпости, а по воспоминанію о старомъ городѣ, существовавшемъ здѣсь до основанія нынѣшняго Новгорода.

Новый городъ первоначально былъ основанъ на лѣвомъ берегу Волхова (такъ называемая Софійская сторона) и былъ окруженъ *высокимъ земляным валомъ* и глубокимъ рвомъ. Позднѣе возникла, такъ называемая, торговая сторона, по другую сторону рѣки. Она была обнесена деревянными

---

*) Арх. Макарій, Археолог. описаніе церковн. древностей въ Новгородѣ и его окрестностяхъ. Москва 1860 г. ч. I, стр. 485.

**) Въ 1148 г. въ этомъ загородномъ дворцѣ вел. кн. Изяславъ Мстиславовичъ угощалъ народъ, выставивъ 500 берковцевъ меду. Въ 1170 г. во время Новгородскаго мятежа новгородцы «послаша къ князю (Ярославу) на *городище* (гдѣ онъ имѣлъ мѣстопребываніе), исписавше на грамоту всю вину его» (Полное собраніе русскихъ лѣтопис. Т. III, Новгор., I лѣтоп. стр. 61).

стѣнами. Софійская сторона*), какъ болѣе укрѣпленная, носила названіе *кромнаго города*. Здѣсь же находился *дѣтинецъ*, обнесенный деревянными стѣнами. Въ 1302 г. было положено основаніе каменнаго дѣтинца**).

Старая Ладога (нынѣ село Успенское, на лѣвомъ берегу Волхова) до Рюрика тоже имѣла только земляныя укрѣпленія; потомъ она была обнесена деревянною стѣной, а въ 1114 году были построены каменныя стѣны, часть которыхъ уцѣлѣла до настоящаго времени. Ладога, наравнѣ съ Новгородомъ, Изборскомъ, Псковомъ, Ростовомъ, Кіевомъ и многими другими, принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ русскихъ городовъ, существовавшихъ до IX вѣка. Ея древнія земляныя укрѣпленія теперь уже не существуютъ, такъ какъ городъ, построенный на берегу Волхова, подмывался водой и обваливался, вслѣдствіе чего позднѣйшія каменныя стѣны были уже возведены на другомъ мѣстѣ.

Древній *Изборскъ*, по описанію Щекатова, былъ окруженъ *земляным валомъ* въ 250 саженъ длины. Въ 1830 году онъ былъ перенесенъ на другое мѣсто (на гору Жераву) и обнесенъ каменною стѣною, сложенною изъ плитняка, вышиною въ 5 саж., толщиною въ 3 аршина, частію сохранившейся до сего времени. Старое мѣсто Изборска носитъ названіе *городища*. Въ настоящее время тамъ устроено кладбище (Словарь Семенова).

Старая Рязань (въ 2-хъ верстахъ отъ уѣзднаго города Спасска) была построена на высокомъ и крутомъ берегу Оки. Сохранившаяся до сихъ поръ древняя крѣпость (389 саж. длины и 334 саж. ширины) съ трехъ сторонъ окружена *высокимъ валомъ*, а съ четвертой стороны защищена крутизною берега Оки. О старой Рязани въ лѣтописяхъ упоминается въ 1096 году, но начало ея основанія неизвѣстно. Близъ этого городища «видны два высокіе холма, изъ коихъ одинъ былъ разрытъ въ 1836 году; подъ нимъ открыты остатки древняго Борисоглѣбскаго собора, стѣны и своды котораго сложены изъ каменныхъ плитъ, а также каменныя гробницы бывшихъ князей Рязанскихъ» (Словарь Семенова).

Кіевъ до IX столѣтія занималъ часть высокаго берега Днѣпра, между Андреевскою церковью и Боричевскимъ спускомъ. Онъ былъ обнесенъ *земляным валомъ*, представлявшимъ сомкнутую ограду, около 600 саженъ въ окружности. Вслѣдствіе быстраго увеличенія населенія при Владимірѣ Великомъ, прежняя земляная ограда оказалась тѣсною, что побудило вел. кн. Ярослава Владиміровича заложить въ 1037 году новую земляную же огра-

*) Церковь св. Софіи была построена въ 989 г. изъ дубоваго лѣса, о 13 главахъ. Въ 1045 г. она сгорѣла и въ томъ же году былъ заложенъ новый каменный Софійскій соборъ, существующій донынѣ. Онъ построенъ изъ дикаго камня, обложеннаго внизу цоколемъ, а вверху кирпичами.

**) Эти каменныя стѣны имѣютъ до 2 саженъ толщины. Сложены они изъ булыжника, плитняка и известняка, залитыхъ известью, снаружи стѣны облицованы кирпичомъ.

ду, которая примыкала оконечностями къ старому городу. На югозападной оконечности этой ограды находились извѣстныя по лѣтописямъ *золотыя ворота*. При вел. кн. Святославѣ II, городская ограда по берегу Днѣпра была увеличена построеніемъ новаго *земляного вала*, который отдѣлялся отъ стараго города Боричевскимъ спускомъ (Ласковскій, стр. 57).

Владиміръ (на Клязьмѣ и Лыбеди) упоминается въ лѣтописяхъ съ 1151 года. Въ 1237 году онъ былъ раззоренъ татарами (подъ предводительствомъ Батыя). Въ это время городъ имѣлъ двойное укрѣпленіе *земляными валами*: первое, болѣе древнее, называлось «Печернимъ», а подлѣ него вторая линія валовъ называлась «*новымъ городомъ*». Владимірскіе валы частію сохранились до сего времени. По описи 1715 года они представлялись въ слѣдующемъ видѣ: внутренняя часть города (Кремль) была обнесена *по валамъ* каменною стѣной съ башнями. На западѣ отъ Кремля до золотыхъ воротъ занималъ мѣсто земляной городъ (Словарь Семенова, т. I стр. 492).

Тверь (на Волгѣ, Тверцѣ и Тьмакѣ). Основаніе города относятъ къ 1180 году. Крѣпость (твердь) *) предназначалась для защиты Суздальскаго княжества отъ Новгородцевъ. Укрѣпленіе первоначально состояло, по общему въ то время обыкновенію, изъ земляныхъ валовъ, имѣвшихъ форму неправильнаго трехугольника. Съ двухъ сторонъ городъ окружали Волга и Тьмака, а съ третьей стороны ровъ, протянутый отъ Тьмаки до Волги, отдѣлявшій городъ отъ загородныхъ посадовъ. Крѣпость имѣла 300 саж. длины и 218 саж. ширины. Мѣстоположеніе Твери, при началѣ великаго волжскаго пути, естественно требовало здѣсь прочнаго опорнаго пункта. Такая потребность должна была явиться не съ половины XII вѣка, а съ того времени, когда начались торговыя сношенія Новгородскихъ областей съ Камскими Болгарами и Великою Пермью. Это подтверждается древнимъ городищемъ, сохранившимся до сихъ поръ недалеко отъ Твери, на лѣвомъ берегу Волги, выше устья р. Дубны. *Городище* называется нынѣ *Пекуновское*. По значенію своему оно представляетъ собою какъ бы старую Тверь; поэтому мы вкратцѣ коснемся его описанія, помѣщеннаго въ VII томѣ Трудовъ Московскаго Археологическаго общества (вып. 2-й, Москва 1878 года стр. 149). Это древнее укрѣпленіе примыкало къ Волгѣ, берегъ которой почти ежегодно отмывается водой, вслѣдствіе чего значительная часть площади городища нынѣ уже не существуетъ. Отъ крѣпости остался одинъ сегментъ, хорда котораго равняется 81 аршину. Городище окружено *двумя валами* и тремя рвами, непосредственно чередующимися одинъ за другимъ. Внѣшній

*) Щекатовъ (Геогр. словарь) производитъ названіе *Твери* отъ *твердь*, твердыня, крѣпость. Трудно судить, насколько основательна такая догадка. Въ лѣтописяхъ имя этого города пишется *Туферь*, *Тфверь* или *Тхферь*.

ровъ нынѣ имѣетъ около 2 арш. глубины; за нимъ слѣдуетъ валъ, вышиной около 9 аршинъ. Второй ровъ, длиною около 54 саженъ, съ обѣихъ сторонъ открытъ къ Волгѣ; второй валъ выше перваго; за нимъ слѣдуетъ ровъ глубиною около 6 аршинъ. Оконечности рвовъ перваго и третьяго, примыкающія къ обрыву берега, нынѣ засыпаны землей съ обвалившихся валовъ. Самая площадь городища представляетъ собой тоже искусственную черноземную насыпь, толщиною около 4 аршинъ (см. выше стр. 158 о подобныхъ насыпяхъ у Балтійскихъ славянъ). Къ городищу примыкаетъ группа кургановъ, начинающихся отъ внѣшняго рва. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ ихъ было до 30, а нынѣ сохранилось всего 14. Изъ нихъ три были разрыты, при чемъ найдено: шейная витая гривна изъ двухъ толстыхъ бронзовыхъ проволокъ, браслетъ на рукѣ покойника, кольца, бусы, пряжки, разныя бронзовыя привѣски и украшенія и узорчатые черепки отъ глиняной посуды. Эти курганныя могилы, сопутствующія городищу, указываютъ на доисторическую древность послѣдняго.

«Земляныя ограды, говоритъ г. Ласковскій, въ простомъ ихъ видѣ исключительно употреблялись славянами до появленія деревянныхъ, т. е. до половины IX столѣтія; въ послѣдующее же время построеніе ихъ становилось постепенно рѣже» (l. c. стр. 67). Съ половины IX вѣка стали появляться деревянные оплоты, въ видѣ острога, или рубленой бревенчатой стѣны, возводимые либо на старыхъ земляныхъ валахъ, либо особо отъ нихъ, какъ вторая линія укрѣпленій. Это фортификаціонное нововведеніе пріурочивается къ началу варяжскаго періода. До варяговъ наши предки довольствовались простыми земляными укрѣпленіями (открытыми валами), а послѣ того стали строить либо деревянные городки, либо сложныя земляныя ограды.

Выше мы уже упоминали, что въ Западной Европѣ, у галловъ, венетовъ и у Балтійскихъ славянъ городскія стѣны существовали очень давно (вѣкъ Цезаря). Поэтому естественно предположить, что Рюрикъ и его преемники прежде всего начали строить крѣпости въ Россіи по западному образцу (по выраженію лѣтописей «нача городы рубити» или городы ставити) «Прія Рюрикъ власть всю одинъ и пришедъ къ Ильменю и *сруби городъ надъ Волховомъ* и прозваша Новгородъ» *). Какъ бы мы ни разсматривали варяжскій вопросъ, но необходимо признать, что варяги, утверждая свою власть въ русскомъ государствѣ, должны были не только строить опорныя крѣпости, но и населять ихъ по возможности надежными воинами изъ своего племени. Такъ поступали всѣ колонизаторы, водворявшіеся на чужихъ

*) М. П. *Погодинъ* въ постройкѣ варягами новыхъ городовъ видитъ одно изъ доказательствъ скандинавскаго ихъ происхожденія. «Такъ точно поступали норманны, замѣчаетъ онъ, водворяясь въ Сѣверной Франціи» (Изслѣдов., замѣч. и лекціи т. III, стр. 235). Далѣе авторъ приводитъ выдержки изъ Эймундовой саги, гдѣ говорится о городскихъ стѣнахъ, о военныхъ ставкахъ, знаменахъ и т. под., предполагая, что это можетъ подкрѣплять норманскую теорію.

земляхъ, начиная съ основателей Рима и кончая русскими піонерами XVI—XVII вѣка, распространившимися на востокъ, до предѣловъ Камчатки. Въ выраженіяхъ лѣтописи: «*отъ тѣхъ Варягъ прозвана Русская земля Новгородцы*»; или «*ти суть людье Новгородци отъ рода Варяжьска, прежде бо быша Словени*» можно видѣть намекъ именно на такія переселенія. Еще яснѣе указывается на это въ другомъ мѣстѣ лѣтописи: «И раздая (Рюрикъ) мужемъ своимъ грады, овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро. И *по тѣмъ градомъ* суть *находници* (пришельцы, переселенцы) *Варязи*, а первіи *насельници* въ Новѣгородѣ славяне, Полотьскѣ Кривичи, въ Ростовѣ Меря» и проч*). Изъ этого видно, что въ названныхъ городахъ, существовавшихъ еще до Рюрика, прежнее, туземное населеніе постепенно смѣнялось новымъ, пришлымъ, варяжскимъ. Это были не одни князья, начальники и дружинники, а настоящіе колонисты, прибывшіе изъ за моря и осѣвшіе въ Новгородскихъ областяхъ, преимущественно по городамъ, какъ господствующее племя. Процессъ этой колонизаціи, о которой мы уже упоминали выше (стр. 62) долженъ былъ совершаться по общему историческому закону, какъ это происходило всюду съ древнѣйшихъ и до новыхъ временъ,— въ Италіи передъ основаніемъ Рима, въ Галліи сначала при завоеваніяхъ римлянъ, потомъ при нашествіи франковъ, въ Британіи при водвореніи саксовъ и норманновъ, наконецъ, въ нашемъ Остзейскомъ краѣ при занятіи его нѣмцами. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такихъ переселеній и народныхъ помѣсей остаются тѣ или другіе слѣды въ языкѣ, нравахъ и обычаяхъ, иногда даже въ характерѣ туземнаго населенія. Новгородское племя, повидимому, дѣйствительно отразило на себѣ варяжское вліяніе въ своей широкой торговой предпріимчивости, въ смѣлости и отвагѣ, въ свободныхъ муниципальныхъ учрежденіяхъ, отчасти, можетъ быть, даже въ своемъ антропологическомъ типѣ, но всѣ эти черты не доказываютъ скандинавскаго вліянія. Оно прежде всего сказалось бы въ народномъ языкѣ и въ характерѣ Новгородцевъ, однако ни въ томъ, ни въ другомъ мы не видимъ ни малѣйшаго слѣда германизаціи. Новгородское нарѣчіе оказывается наиболѣе древнимъ и чистымъ; въ немъ мы не найдемъ ни одного нѣмецкаго или скандинавскаго слова, или географическаго названія. Этого не могло бы случиться, если бы варяги были шведы или датчане. Еще менѣе можно было бы ожидать въ послѣднемъ случаѣ чистой славянской, большею частію своеобразной и самобытной терминологіи въ наименованіи частностей городскихъ укрѣпленій, такъ какъ болѣе сложная постройка городовъ у насъ началась только послѣ Рюрика и всѣ варяжскія нововведенія неизбѣжно сопровождались бы иностранными терминами.

---

*) Полн. собр. русск. лѣтописей, изд. 1846 г. Т. I, стр. 9.

Появившіяся въ варяжскомъ періодѣ городскія стѣны часто возводились на старыхъ земляныхъ валахъ, какъ дополнительное укрѣпленіе. Такъ, напр. древній доисторическій городъ *Бѣлозерскъ* (на южномъ берегу Бѣлаго озера, недалеко отъ рѣки Шексны) былъ обнесенъ *земляным валомъ*, окружностью въ 550 саж. и вышиной до 8 саженей, не считая глубины рва. На этой земляной насыпи впослѣдствіи были построены деревянныя стѣны и башни (Словарь Щекатова). *Устюгъ*, основанный въ доисторическое время, при сліяніи рѣкъ Юга и Сухоны, прежде находился на горѣ, именуемой Глядень. Нынѣ на этомъ мѣстѣ находится Троицкій монастырь и пустынь во имя устюжскаго чудотворца Іоанна. Городъ перенесенъ отсюда въ началѣ XII вѣка, потому что берегъ сильно подмывался водой. Отъ укрѣпленій прежняго Устюга слѣдовъ не осталось; въ новомъ, нынѣшнемъ городѣ сохранились земляные валы и рвы, а первая деревянная рубленая ограда съ башнями была построена лишь въ 1438 году. *Кострома* тоже принадлежитъ къ древнѣйшимъ городамъ Россіи. Изъ оборонительныхъ оградъ ея уцѣлѣлъ старинный валъ, около 420 саж. въ окружности. Къ тому же разряду относится *Курскъ*, на высокомъ берегу р. Тускари, при устьѣ р. Куры. Время основанія его неизвѣстно, но въ X вѣкѣ онъ уже несомнѣнно существовалъ. По словамъ Щекатова «городъ древлѣ былъ укрѣпленъ превеликимъ рвомъ и валомъ», по которому былъ палисадъ и оборонительныя башни, какъ то видно по древнимъ свѣдѣніямъ о городѣ. Нынѣ отъ времени палисада и башенъ нѣтъ и никакого вновь крѣпостнаго строенія не имѣется. Ровъ же зарытъ въ 1782 г., гдѣ и сдѣлана площадь, и названа *Красная*» (Геогр. слов. ч. III, стр. 1018). Палисадъ и башни на валахъ были построены въ 1593 г. Послѣ разоренія татарами (при Батыѣ) городъ болѣе 300 лѣтъ оставался въ запустѣніи. Существовали ли здѣсь деревянныя стѣны и башни раньше Батыя, объ этомъ свѣдѣній не имѣется.

Въ болѣе позднее время многіе русскіе города стали укрѣплять предпочтительно деревянными рубленными стѣнами, а небольшія второстепенныя крѣпости—палисадами (остроги). Стѣна въ этомъ случаѣ представляла главное укрѣпленіе, но при этомъ нерѣдко примѣнялся и земляной валъ, какъ добавочная, наружная линія защиты. Такъ, напр. *Москва* (съ половины XII в.) съ самаго начала была обнесена деревянною стѣной, на мѣстѣ нынѣшняго кремля. Въ 1367 году эта деревянная ограда была замѣнена каменною, перестроенною въ 1485 г. Вслѣдствіе значительнаго расширенія города, посадъ, расположенный передъ кремлемъ, былъ обнесенъ второю каменною стѣною въ 1534—38 году (Китай—городъ). При царѣ Ѳедорѣ Іоанновичѣ часть Москвы, лежащая передъ Китай-городомъ и называвшаяся въ то время Загородьемъ, была окружена третьею каменною стѣной (въ 1587 г.), поставленной на существовавшемъ здѣсь ранѣе земляномъ валѣ (Бѣлый городъ). При томъ же

государѣ была возведена новая земляная ограда, охранявшая части Москвы, находившіяся за стѣною Бѣлаго города, а также лежавшія на правомъ берегу р. Москвы. Эта ограда и часть Москвы въ ней заключающаяся носила названіе *Земляного города*. На этомъ земляномъ валу помѣщался *острогъ* (палисадъ) и 36 проѣзжихъ башенъ, изъ коихъ 2 были каменныя и 34 деревянныхъ.

Каменныя ограды начали строить въ Россіи не раньше XI вѣка. Самая древняя изъ нихъ была заложена въ *Кіевѣ* Великимъ Княземъ Ярославомъ въ 1037 году. Каменный дѣтинецъ *Новгорода* начатъ постройкою въ 1044 году. Въ 1090 г. построены каменныя стѣны въ Переяславлѣ, а въ 1114 году «*заложенъ бысть Ладога каменіемъ на приспѣ*» (Ипатьев. лѣт. 6622 г.). Употребленное лѣтописцемъ выраженіе «*на приспѣ*» показываетъ, что каменныя стѣны возведены были на вершинѣ земляного вала, очевидно, существовавшаго раньше и настолько уже окрѣпшаго (осѣвшаго), что на немъ можно было положить основаніе каменнымъ стѣнамъ. Часть этихъ стѣнъ сохранилась въ Старой Ладогѣ до сего времени и извѣстна подъ именемъ Рюриковой крѣпости. Стѣны были выстроены изъ большихъ булыжныхъ камней и плитняка, обильно залитыхъ цементомъ. Одновременно съ ними здѣсь же была построена церковь св. Георгія, тоже изъ плиты, булыжника и частію изъ квадратнаго кирпича*). Во второй половинѣ XIII в. окруженъ былъ каменными стѣнами *Псковъ*. Въ 1280 и 1297 годахъ Новгородцы построили каменную ограду въ *Копоріи*, въ 1330 году въ Изборскѣ, въ 1424 г. въ Гдовѣ. Каменная ограда Нижняго Новгорода построена въ 1374 году, Порхова въ 1387 году. Начиная съ XV вѣка каменныя укрѣпленія стали строиться въ Россіи гораздо чаще, по крайней мѣрѣ въ наиболѣе важныхъ въ стратегическомъ отношеніи пунктахъ.

Позднее появленіе въ Россіи каменныхъ городскихъ стѣнъ и медленное ихъ распространеніе могутъ доказывать, что система каменныхъ укрѣпленій проникла къ намъ не черезъ варяговъ, и сами варяги, очевидно, не были опытны въ сооруженіи такихъ построекъ. Въ лѣтописяхъ каменныя стѣны называются иногда *мурами***). Слово *мурованный* иногда употреблялось въ смыслѣ каменный***), *замуровать*—заложить камнемъ. Это слово могло попасть въ русскій языкъ либо отъ западныхъ славянъ (отъ латинскаго *murus*, французск. *mur*, *muraille*), либо отъ нѣмцевъ (*Mauer*). Во всякомъ случаѣ, оно принадлежитъ къ числу новыхъ иностранныхъ словъ и потому не укоренилось въ русскомъ языкѣ въ томъ значеніи, въ какомъ оно употреб-

---

*) *Прохоровъ*. Христіанскія древности и археологія. 1862 г., кн. 2.

**) «Священники по *мурамъ* хождаху со кресты» (Густынск. лѣтопись, годъ 1453).

***) «Облегъ мѣсто великое *мурованное* Тулу» (Сказаніе кн. Курбскаго, гл. 2, ст. 14).

ляется на западѣ*). Каменная кладка все же обыкновенно называется стѣною, а не муромъ.

Отсутствіе въ Россіи каменныхъ городскихъ стѣнъ до XI вѣка, однако же, не доказываетъ того, чтобы сѣверные славяне до того времени совершенно не знали каменныхъ построекъ. Они не возводили каменныхъ оградъ потому, что не сознавали въ этомъ надобности и предпочитали давно привычную имъ систему земляныхъ укрѣпленій. Но для другихъ цѣлей они могли строить и, повидимому, дѣйствительно строили иногда, каменныя зданія, руины которыхъ сохранились во многихъ мѣстахъ (см. предыдущую главу). Они сооружались изъ булыжника, плитняка и кирпича на цементѣ. Можетъ быть, тѣ же самые строительные пріемы, заимствованные отъ Камскихъ Болгаръ, примѣнялись и къ постройкѣ первыхъ каменныхъ крѣпостей и церквей, кладка которыхъ въ XI—XII в. производилась тѣмъ же болгарскимъ способомъ.

По поводу деревянныхъ оградъ намъ остается еще сказать о распространеніи этого способа укрѣпленій у сѣверныхъ финскихъ инородцевъ. Въ русскихъ лѣтописяхъ неоднократно упоминается о чудскихъ городкахъ и о взятіи ихъ русскими воеводами. Такъ напр. въ описаніи похода воеводы Ядрея на Югру въ 1193 году говорится, что Югра «*затворишася въ градѣ*» и что Новгородцы стояли пять недѣль подъ этимъ городомъ, не зная, что въ немъ дѣлается. «И высылаху къ нимъ Югра льстьбою, рекуще тако: яко копимъ сребро и соболи и ина узорочья, а не губите своихъ смьрдъ и своей дани,—а льстяще ими, а вье копяче; и яко скопиша вое, и выслаша изъ города къ воеводѣ» **). Изъ этого эпизода, такъ неудачно окончившагося для Новгородцевъ, можно видѣть, что городки у Югры были закрытые, т. е. обнесенные стѣной или палисадомъ, а не простымъ земляным валомъ. При описаніи другого похода въ Югорскую землю, князя Ушатаго и Бражника, упоминается, что первый изъ нихъ взялъ 33 югорскихъ городка, и второй 8. Самое число ихъ уже показываетъ, что это были небольшіе деревянные оплоты, куда югричи укрывались съ своимъ имуществомъ въ случаѣ нападенія Новгородцевъ.

У Камскихъ Болгаръ въ XII—XIII вѣкѣ существовали настоящіе города. Форма ихъ укрѣпленій опредѣляется въ Тверской лѣтописи, гдѣ говорится о походѣ Святослава Всеволодовича на Болгаръ въ 1219 году. «И пріидоша близъ града Ошля и выидоша изъ лодей на брегъ, и

---

*) Слово *замуровать*—заложить, запечатать, могло произойти и отъ другого корня, именно отъ персидскаго *тонг*—полива, глазурь, откуда *мурава*, *муравленный*, по отношенію къ глиняной посудѣ, или изразцамъ. Муравленныя печки и стѣны у насъ существовали съ очень давняго, можетъ быть даже доисторическаго времени. Цвѣтная полива (глазурь) кирпичей ведетъ свое начало изъ древняго Вавилона и могла быть занесена къ Камскимъ Болгарамъ изъ Персіи.

**) Полн. собран. русск. лѣтоп. Т. III, 1841 г. стр. 21 (Перв. Новгор. лѣтопись).

выиде противу имъ князь Болгарскій съ силою своею. Болгаре же стрѣливше по стрѣлѣ, побѣгоша въ градъ и затворишася. Святославъ же Всеволодичъ съ вои своими иде къ граду, *около же града бѣ острогъ, тынъ дубовъ, а за нимъ два оплота, и межи ими валъ ссыпанъ*; потому (валу) рыщучи Болгаре *изъ затынія біяхуся*. Приступи же Святославъ къ граду съ всѣ стороны и напередъ пѣшцы съ огнемъ и топоры, а за ними стрѣльцы и копейникы, и бысть брань зла, посѣкоша тынъ и оплотъ раскопаша и зажгоша, а Болгаре бѣжаша въ городъ, а сіи за ними сѣкуще; потомъ къ граду приступльше отвсюду зажгоша его, и бысть буря и дымъ великъ на сихъ потяну. Они же (новгородцы) ополчившеся поидоша зъ другую сторону, и тако напередъ всѣхъ потече самъ князь Святославъ, а по немъ вси вои; и тамъ посѣкоша оплоти и Болгаре бѣжаша въ городъ, а сіи (новгородцы) пришедъ зажгоша его, и тако отвсюду обстояше огнь и бысть вопль великъ... А Святославъ стоя ту, дондеже изгорѣ градъ, и взяша *Ошель* градъ, иже бѣ созданъ Александромъ Македонскымъ... И тако возвратишася къ лодіямъ и поидоша по Волзѣ въ врьхъ. То же слышавше въ Великомъ градѣ Болгаре и въ прочихъ градѣхъ, и сбравшеся идоша къ Исадомъ на брегъ, а Святославъ то слышавъ, повелѣ воемъ вооружитися, и стяги наволочны изрядивъ полкы вънасадѣхъ, и ударища въ накры, и въ органы, и въ трубы, и въ сурны, и въ посвистѣли; а Болгаре стояще по берегу, зряще своихъ плѣнныхъ, плакахуся. Святославъ же, минувъ Исады, еже на усть Камы, и ту пріиде Воиславъ Добрыничъ съ Ростовцы и съ Устюжаны и съ полономъ многимъ, тыи бѣ по Камѣ взяша многіе грады и села и всѣ области тѣ поплѣниша»*).

Изъ приведеннаго описанія видно, что городъ Ошель былъ укрѣпленъ: 1) дубовымъ палисадомъ, 2) земляным валомъ и 3) двойною деревянною стѣною. На вершинѣ земляного вала не было никакого прикрытія; на ней располагались защищавшіе городъ «по тому (валу) рыщучи, изъ затынія біяхуся». Деревянныя стѣны, повидимому, служили второю линіею укрѣпленій, съ внутренней стороны вала. Такимъ образомъ городъ Ошель представлялъ собою обыкновенный въ то время типъ русскихъ укрѣпленій, за исключеніемъ развѣ того, что земляной валъ былъ помѣщенъ здѣсь не впе-

*) Полн. собр. русскихъ лѣтоп. Т. XV Спб. 1863 г. Тверская лѣтоп., стр. 330. Мѣстоположеніе болгарскаго города *Ошеля* въ точности опредѣлить довольно трудно. По данным лѣтописи видно, что онъ находился недалеко отъ лѣваго берега Волги, ниже устья Камы, вѣроятно въ предѣлахъ нынѣшняго Спасскаго уѣзда Казанской губ. Упоминаемая въ лѣтописяхъ мѣстность *Исады* повидимому находилась не при старомъ, а при нынѣшнемъ устьѣ Камы (см. главу о Болгарахъ). Если подъ выраженіемъ «*Великій градъ*» разумѣть *Билярскъ*, какъ предполагаетъ проф. С. М. Шпилевскій, то названіе *Ошеля* можно было бы даже отнести къ нынѣшнему селу Успенскому, гдѣ находится знаменитое городище Болгары. Болгары— имя славянское; по выселеніи отсюда славянъ, городъ могъ получить и другое финское или татарское имя—Ошель, подобно тому, какъ древній городъ Сибирь (на Иртышѣ) носилъ также татарское названіе Искеръ или Ковымъ.

реди ограды, а между тыномъ (острогомъ) и деревянною стѣной. При этомъ онъ терялъ свое оборонительное значеніе, служа главнымъ образомъ для того, чтобы, пользуясь его высотой, отражать (обстрѣливать) нападающихъ на наружную ограду.

Въ лѣтописи есть намекъ, что городъ Ошель принадлежалъ къ числу древнѣйшихъ городовъ Камской Болгаріи («Иже бѣ созданъ Александромъ Македонскымъ»). А такъ какъ всѣ города этой области у древнихъ (славянскихъ) народовъ окружены были валами, то можно думать, что и земляной валъ города Ошеля представлялъ собою остатокъ древнихъ укрѣпленій, а дубовый тынъ и деревянныя стѣны были уже сооружены позднѣе, когда ихъ стали строить для защиты русскихъ городовъ (послѣ Рюрика).

Сравнительно съ Югрой и съ другими сѣверными финскими областями Камская Болгарія считалась страной издавна осѣдлой, болѣе культурной и богатой *). Многочисленные города ея были обстроены не только деревянными, но даже каменными зданіями, между тѣмъ какъ сѣверные финны въ то же время вели бродячій образъ жизни и имѣли кое-гдѣ только укрѣпленные городки, на случай нападенія непріятелей, едва-ли постоянно обитаемые. Всѣ культурныя привычки финско-татарскаго населенія Болгарскихъ областей непосредственно перешли отъ древнихъ жителей этихъ мѣстъ—славянскихъ Болгаръ, подъ воздѣйствіемъ которыхъ мѣстные финны находились въ продолженіи многихъ столѣтій. Сѣверная Югра не имѣла такого близкаго соприкосновенія съ славянами, хотя и здѣсь мы имѣемъ очень много культурныхъ словъ, взятыхъ съ славянскаго языка, въ томъ числѣ и слово *pilsäät*, укрѣпленіе, тождественное русскому *палисадъ*, частоколъ, острогъ **). Судя по этому слову, а также по отсутствію въ финскихъ языкахъ собственныхъ словъ для выраженія понятія о городѣ и огражденіи, мы имѣемъ основаніе думать, что Югра и финскіе Болгары выучились строить укрѣпленія отъ древнихъ Болгаръ и отъ русскихъ.

Изъ приведенныхъ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ русскихъ лѣтописей мы видимъ ясно, что финскія народности въ *XI—XIII* в. пользовались иногда деревянными оградами для защиты своихъ городовъ и городковъ. По примѣру русскихъ, они ставили остроги, дѣлали въ лѣсахъ засѣки («*тверди*»), иногда строили и деревянныя рубленыя стѣны. Но было ли у нихъ въ обычаѣ устраивать земляныя ограды въ ту эпоху, когда ими пользовались восточные славяне, не знавшіе еще деревянныхъ оградъ (до IX в.), объ этомъ нельзя сказать ничего опредѣленнаго, за неимѣніемъ документальныхъ

*) Сравни разсказъ Нестора о походѣ кн. Владиміра на Болгары въ 955 г. Въ то время Болгары, носившіе *сапоги*, считались сильнѣе и культурнѣе *лапотниковъ*, съ которыми обыкновенно приходилось имѣть дѣло первымъ русскимъ князьямъ.

**) Слово *Палисадъ* происходитъ отъ палица, палка, колъ, свая ,латин. *palus*, колъ, нѣм. *Pfal*, латышское *pahlis* колъ, свая, и глагола *садить*, въ значеніи вбивать, заколачивать.

данныхъ. Между тѣмъ для задачъ славянской археологіи этотъ вопросъ имѣетъ существенное значеніе. Безчисленное множество городищъ, сохранившихся въ восточной и сѣверной Россіи, могутъ быть приписываемы только двумъ народностямъ: либо славянамъ, либо финнамъ. Почва городищъ заключаетъ въ себѣ весьма обильный и разнообразный матеріалъ для возстановленія доисторическаго культурнаго облика тѣхъ народностей, которыя нѣкогда населяли эти мѣста. Слѣдовательно, городища, приписываемыя финнамъ, служили бы доказательствомъ культурнаго развитія послѣднихъ въ былыя времена; если же ихъ считать исключительно славянскими, то о финской доисторической культурѣ, воспроизводимой на основаніи вещественныхъ археологическихъ памятниковъ, не могло бы быть рѣчи.

За исходную точку при разсмотрѣніи этого вопроса мы взяли исторію земляныхъ укрѣпленій вообще. Въ настоящей главѣ мы показали, откуда эта система ведетъ свое начало, когда и у какихъ народовъ она появилась въ Западной Европѣ и съ котораго времени она существуетъ у славянъ. Изъ приведеннаго историческаго очерка, мнѣ кажется, нельзя не усмотрѣть, что земляные окопы не представляли собой такой примитивной ограды, которой пользовалась каждая народность въ начальномъ періодѣ своей осѣдлости. Напротивъ того, въ этихъ сооруженіяхъ видны система и постоянство, свойственныя однимъ народностямъ и чуждыя другимъ. Римляне во все время ихъ блестящей исторіи любили земляные окопы; греки, иранцы и семиты, наоборотъ, не выражали къ нимъ никакой привязанности. Такую же противуположность мы видимъ въ средніе вѣка у галловъ и германцевъ. Первые укрѣпляли города и лагери земляными окопами, вторые не выражали къ этому никакого расположенія. О славянахъ извѣстно, съ эпохи Юлія Цезаря, что они жили въ городахъ (венеты) и строили земляныя укрѣпленія, подобно римлянамъ и галламъ. Въ частности восточные или русскіе славяне имѣли города ранѣе IX вѣка и точно также укрѣпляли ихъ исключительно земляными окопами. Исторія подтверждаетъ, что этому способу укрѣпленій русскіе славяне выучились не у варяговъ, а имѣли его гораздо раньше и пользовались имъ предпочтительно передъ каменными и деревянными стѣнами даже въ то время, когда послѣднія были имъ уже хорошо извѣстны. Эти историческіе факты ясно говорятъ въ пользу того, что наибольшая часть земляныхъ городищъ Европейской Россіи несомнѣнно были выстроены славянами. Что же касается до сѣверныхъ и восточныхъ областей Россіи, то и здѣсь мы имѣемъ основаніе предполагать, что земляные доисторическіе валы были сооружены либо славянскою народностью, либо, по примѣру славянъ, замѣстившими ихъ и принявшими ихъ культуру финскими племенами. Послѣднее предположеніе мы допускаемъ, однако же, не на основаніи прямыхъ историческихъ доказательствъ, а лишь по аналогіи съ

деревянными оплотами. Лѣтописи говорятъ, что Югра и Болгары XII—XIV в. имѣли остроги и деревянныя стѣны вокругъ городовъ, но строили ли они земляные валы, мы этого не знаемъ. Но такъ какъ остроги у Югры и деревянныя стѣны у Болгаръ строились по примѣру русскихъ, то отчасти можно допустить подобное же подражаніе и въ болѣе древнія времена, по отношенію къ землянымъ укрѣпленіямъ.

По какимъ признакамъ можно было бы отличать финское городище отъ славянскаго, объ этомъ мы будемъ говорить при частномъ разборѣ археологическихъ данныхъ. Здѣсь же можемъ вкратцѣ указать, что въ числѣ отличительныхъ признаковъ могутъ быть курганныя могилы, не рѣдко сопутствующія городищамъ,—извлекаемые изъ могилъ черепа, по которымъ болѣе или менѣе опредѣляется народный типъ, далѣе характеръ культурныхъ предметовъ, находимыхъ въ городищѣ и, наконецъ, топографическое распредѣленіе городищъ, въ большинствѣ случаевъ опредѣляющихъ пограничные предѣлы разноплеменныхъ народностей и существовавшіе пути сообщенія по рѣкамъ.

Въ заключеніе этой главы, прежде чѣмъ перейти къ топографическому обзору и къ частному описанію городищъ на почвѣ древней Болгаріи и Западной Сибири, мы должны коснуться общей ихъ характеристики: по выбору мѣста для этихъ укрѣпленій, по ихъ устройству и очертанію и по находимымъ здѣсь предметамъ, характеризующимъ эпоху ихъ основанія.

1) *Выборъ мѣстоположенія.* Весьма большое число городищъ восточной полосы Россіи расположено близъ рѣки, на высокомъ крутомъ берегу, нерѣдко при сліяніи двухъ рѣкъ. Сторона укрѣпленія, обращенная къ берегу, обыкновенно не ограждалась валомъ, оставаясь открытою. Изъ этого можно заключить, что рѣки въ такихъ случаяхъ служили не только защитой, но и средствомъ сообщенія: слѣдовательно, люди, строившіе городища, знали судоходство и пользовались имъ. Указанная черта при выборѣ мѣста для города оказывается на множествѣ нынѣ существующихъ русскихъ городовъ, какъ древнихъ, такъ и новыхъ. Нѣтъ необходимости приводить этому примѣры: они слишкомъ многочисленны и извѣстны. Основаніе городовъ при двухъ рѣкахъ почти всегда практиковалось въ тѣхъ случалхъ, когда избирался стратегическій пунктъ. Этимъ правиломъ руководились не только въ древней Россіи, но и во всѣ послѣдующія времена, что подтверждаютъ, сравнительно новые, сибирскіе города, напр. *Тобольскъ* (при Иртышѣ и Тоболѣ), *Тара* (при Иртышѣ и Тарѣ), *Томскъ* (при Томи и Ушайкѣ), *Омскъ* (при Иртышѣ и Оми), *Бійскъ* (при Біи и Катуни), *Иркутскъ* (при Ангарѣ и Иркутѣ), *Красноярскъ* (при Енисеѣ и Качѣ), *Благовѣщенскъ* (при Амурѣ и Зеѣ), *Хабаровскъ* (при Амурѣ и Уссури) и многіе другіе.

Нѣкоторыя изъ древнихъ городищъ въ настоящее время оказываются не при самой рѣкѣ, а при такъ называемой старицѣ, или при пересохшемъ

руслѣ прежняго теченія рѣки, на старомъ высокомъ ея берегѣ. Это можетъ служить однимъ изъ доказательствъ древности городища. Кромѣ рѣки, при выборѣ мѣста для земляныхъ городковъ обыкновенно обращалось вниманіе и на другія естественныя огражденія, именно на озера, болота и глубокіе овраги.

2) *Искусственныя укрѣпленія* городищъ всегда состоятъ изъ земляныхъ валовъ и рвовъ. Очертаніе ихъ почти никогда не бываетъ прямолинейное, а обыкновенно представляетъ собою дугообразную линію. Для Болгарскихъ городищъ въ этомъ отношеніи придумано довольно удачное выраженіе «*формы кокошника*». Эта форма встрѣчается весьма часто, какъ въ Болгарскихъ, такъ и въ Сибирскихъ городищахъ, имѣющихъ небольшіе размѣры. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда укрѣпленія занимаютъ большое протяженіе, форма ихъ оказывается весьма разнообразною, что зависитъ отъ ограждаемой мѣстности, но очертаніе древнихъ валовъ никогда не бываетъ четырехугольнымъ. Эта форма изогнутыхъ линій составляетъ характерную черту древнихъ земляныхъ крѣпостей. Такихъ полукруглыхъ, овальныхъ, или удлиненно яицевидныхъ очертаній мы не встрѣчаемъ ни на вавилонскихъ и ассирійскихъ стѣнахъ, ни на средневѣковыхъ крѣпостяхъ Западной Европы, гдѣ преобладающею формою былъ либо четырехугольникъ, либо другая геометрическая фигура, гдѣ стѣны смыкались подъ тѣмъ или другимъ угломъ. Тоже самое мы видимъ и у насъ въ Россіи на позднѣйшихъ деревянныхъ рубленныхъ и на каменныхъ оградахъ *). Прямолинейная форма деревянныхъ стѣнъ, естественно, могла обусловливаться самымъ строительнымъ матеріаломъ (бревнами), но острогамъ и каменнымъ стѣнамъ можно было придавать любую форму. Слѣдовательно, если мы съ XI—XII в. встрѣчаемъ уже прямоугольныя стѣны, то это слѣдуетъ объяснять не случайностью, а явившимися другими требованіями оборонительнаго искусства, подобно тому, какъ съ изобрѣтеніемъ пороха измѣнили свою форму и земляные окопы (выдающіеся, прямоугольные бастіоны).

Полукруглая или круглая форма окоповъ, очевидно, была древнѣйшая. Она была взята, вѣроятно, отъ существовавшаго у Персовъ, Мидянъ и Скиѳовъ обычая окружать свои станы составленными вкругъ телѣгами, какъ объ этомъ говорятъ историки. Убѣдившись въ практическомъ удобствѣ круговой или чаще полукружной линіи при защитѣ подвижныхъ становъ, стали примѣнять туже форму къ неподвижнымъ укрѣпленіямъ. Съ теченіемъ времени это обратилось въ народную привычку и систему, которая оказывается, судя по земляным городищамъ, весьма устойчивою и постоянною.

*) Рисунки городскихъ стѣнъ многихъ русскихъ городовъ, преимущественно поволжскихъ, можно видѣть въ сочиненіи Олеарія, Voyages faits en Moscovie. Амстердамское изд. 1727 года fol.

Ее мы видимъ въ очертаніи русскихъ валовъ доисторическаго и историческаго времени, ее же встрѣчаемъ у западныхъ славянъ, судя по формѣ ихъ древнихъ городищъ (см. выше стр. 157).

3) *Земляныя укрѣпленія* въ восточныхъ областяхъ Россіи часто оказываются состоящими не изъ одной линіи валовъ, а *изъ нѣсколькихъ параллельныхъ линій*. Встрѣчаются двойные, тройные и даже четверные валы, съ соотвѣтствующимъ числомъ рвовъ. Ряды этихъ укрѣпленій обыкновенно отстоятъ одинъ отъ другого на значительное разстояніе, при чемъ внутренній валъ всегда оказывается нѣсколько выше предшествовавшаго наружнаго. Такая система расположенія валовъ тоже является историческимъ наслѣдствомъ древнѣйшихъ азіатскихъ привычекъ. Выше мы видѣли, что халдеи и персы окружали свои каменные города параллельными рядами стѣнъ. Въ городѣ Экбатанѣ ихъ было семь рядовъ. Также поступали римляне, устраивая полевые окопы лагерей иногда въ три и четыре ряда параллельныхъ валовъ. Также поступали западные славяне, судя по очертаніямъ Равенсбергскаго городища. Многіе русскіе города, какъ напр. Новгородъ, Москва, Владимиръ имѣли по нѣскольку оградъ, изъ коихъ внутреннія устраивались наиболѣе неприступными (дѣтинцы). Все это, по моему мнѣнію, имѣетъ анологію съ множественными валами русскихъ и сибирскихъ городищъ. Параллельные ряды насыпей и стѣнъ во всѣхъ этихъ случаяхъ возводились не потому, чтобы одинъ валъ, или одна стѣна не могли быть устроены такой высоты и крѣпости, чтобы гарантировать городъ отъ вторженія непріятеля; но въ этой, если можно такъ выразиться, раздробленной защитѣ видна своя система и цѣль. Двойственные и тройные валы играли роль нынѣшнихъ передовыхъ фортовъ. Они давали городу возможность защищаться болѣе продолжительное время, даже въ томъ случаѣ, когда первая линія укрѣпленій не выдерживала нападенія. Осажденные могли отступить за вторую линію и снова защищаться до тѣхъ поръ, пока непріятель не принудитъ ихъ оставить городъ, при чемъ они имѣли еще возможность воспользоваться рѣкой, какъ путемъ отступленія, подобно Венетамъ временъ Цезаря. Такимъ образомъ устройство болгарскихъ и сибирскихъ *параллельныхъ валовъ* можетъ быть разсматриваемо какъ особая, древнѣйшая стратегическая система, которой по преимуществу пользовались славянскія народности.

4) Валы насыпались изъ той земли, которая тутъ же вынималась изъ рвовъ. Поэтому ровъ и валъ почти всегда идутъ параллельно, сопутствуя другъ другу. Снаружи валы обкладывались дерномъ, иногда въ нѣсколько слоевъ, съ цѣлію предохранить ихъ отъ оползанія и отъ размыванія дождевыми водами. Вершина вала обыкновенно дѣлалась плоская и настолько широкая, чтобы здѣсь могли стоять сражающіеся воины. При археологиче-

скихъ раскопкахъ валовъ нерѣдко оказывалось, что они на извѣстную толщину состоятъ изъ чистаго чернозема. По всей вѣроятности это соотвѣтствуетъ именно тому слою, который былъ сложенъ изъ дерна. Встрѣчаются ли валы, насыпанные исключительно изъ чернозема, объ этомъ пока трудно сказать, безъ болѣе тщательныхъ раскопокъ. Во всякомъ случаѣ надо думать, что земля, извлекаемая изъ рвовъ едва-ли могла быть отвозима въ сторону,—она естественно должна была утилизироваться тутъ же на мѣстѣ на постройку валовъ.

5) На земляныхъ окопахъ у западныхъ и Балтійскихъ славянъ нерѣдко оказывается, что насыпалась искусственно цѣлая площадь городища, независимо отъ валовъ. Практиковалось ли это у сѣверныхъ славянъ, по крайней мѣрѣ въ иныхъ случаяхъ, объ этомъ трудно судить. Подобнаго рода примѣръ мы указали выше на Пекуновскомъ городищѣ, о которомъ сообщены свѣдѣнія, что площадь его состояла изъ искуственной черноземной насыпи около 4-хъ аршинъ толщиной. Въ большинствѣ прочихъ городищъ этого, повидимому, не замѣчается.

6) Наполненіе крѣпостныхъ рвовъ водой (какъ мы это видѣли на Равенсбергскомъ городищѣ) по всей вѣроятности зависѣло отъ условій мѣстности. Но такъ какъ большинство русскихъ городищъ устраивалось на высокихъ ярахъ, нерѣдко сопровождаясь крутыми и глубокими оврагами, то можно предполагать, что рвы ихъ большею частію оставались сухими.

7) Устраивались ли иногда на валахъ древнихъ городищъ деревянныя стѣны или палисады, этотъ вопросъ могъ бы быть разъясненъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ мѣстнымъ изслѣдованіемъ. Отъ сожженныхъ стѣнъ могли сохраниться угли въ верхнихъ слояхъ землянаго вала. Мнѣ лично не приходилось встрѣчать этого признака и, сколько извѣстно, не встрѣчали его и другіе изслѣдователи на городищахъ восточной полосы Россіи и Сибири. Поэтому можно предполагать, что древнѣйшіе валы не имѣли стѣнъ, а сами по себѣ составляли оборонительную линію, какъ это было и въ древнихъ русскихъ городахъ.

8) Величина городищъ бываетъ весьма разнообразна. Въ этомъ отношеніи можно различать два вида земляныхъ укрѣпленій: городки и настоящіе города. Первые представляютъ собою небольшую, полукруглую или неправильнаго очертанія цитадель, въ нѣсколько десятковъ саженъ въ діаметрѣ, вторые достигаютъ иногда болѣе версты въ ширину и длину. Обширныя городища чаще встрѣчаются въ древней Камской Болгаріи, гдѣ существовали цвѣтущіе города. Въ Пермскомъ краѣ и Сибири такія обширныя городища встрѣчаются рѣдко, но существуетъ весьма много городковъ того же типа, но небольшихъ размѣровъ. Они располагаются главнымъ образомъ по теченію сѣверныхъ рѣкъ и, очевидно, назначались для охраны путей со-

общенія и какъ опорные пункты въ инородческой землѣ. Значеніе ихъ опредѣлится яснѣе, при топографическомъ обзорѣ ихъ распредѣленія, о чемъ мы будемъ говорить въ слѣдующей главѣ.

Незначительная величина городковъ не должна служить доказательствомъ слишкомъ малаго осѣдлаго населенія въ данномъ пунктѣ. Даже въ недавнее, сравнительно, историческое время жилые дома обыкновенно располагались внѣ укрѣпленія, крѣпость же служила только убѣжищемъ въ случаѣ нападенія непріятеля. Въ примѣръ такого значенія крѣпости приведемъ отрывокъ изъ Новгородской лѣтописи, гдѣ говорится о нападеніи Шведовъ на Ладогу. Ладожане прежде всего сами сожгли свои дома, расположенные внѣ крѣпостныхъ стѣнъ, и заперлись въ городѣ. Это было въ лѣто «6672 (1164)». Придоша Свеа подъ Ладогу, и *пожгоша Ладожане хоромы своя, а сами затворишася* въ градѣ съ посадникомъ съ Нежатою, а по князя послаша и по Новгородци. Они же (Шведы) приступиша подъ городъ въ суботу и не успѣша ничтоже къ граду, нъ большю рану воспріяша, и отступиша въ рѣку Воронаи. Пятый же день приспѣ князь Святославъ съ Новгородци... и побѣдиша я Божіею помощію, овы изсѣкоша, а иныя изымаша; пришли бо бяху въ полушестидесятъ шнекъ, изымаша 43 шнекъ, и мало ихъ убѣжаша и ти ѣзвьни» *).

9) Весьма нерѣдко встрѣчается, что въ ближайшихъ окрестностяхъ древнихъ земляныхъ валовъ помѣщаются или одиночныя курганныя могилы, или цѣлыя группы ихъ (курганныя кладбища). На этотъ признакъ нельзя не обратить особеннаго вниманія потому, что курганы, по находимымъ въ нихъ предметамъ, оказываются современниками городищъ, слѣдовательно, они могутъ облегчить опредѣленіе эпохи этихъ сооруженій и ихъ народности. Сверхъ того, присутствіе кургановъ вблизи городища, или даже въ чертѣ его укрѣпленій, само по себѣ представляетъ характерную особенность, указывающую на славянскій обычай охранять и защищать могилы своихъ предковъ (см. выше стр. 159 и 148). Подобный же обычай существовалъ, какъ мы видѣли выше, у Балтійскихъ славянъ; тоже оказывается у галловъ. Въ сочиненіи полковника *Де ля Ное* **) описывается нѣсколько пунктовъ сохранившихся до сего времени древнихъ галльскихъ кладбищъ, расположенныхъ на высокихъ, защищенныхъ природою, мѣстахъ и огражденныхъ валами изъ набросанныхъ камней. Могилы расположены какъ внутри валовъ, такъ и внѣ ихъ, по вершинѣ горы. Авторъ предполагаетъ, что эти укрѣпленныя мѣста предназначались не столько для обороны, сколько для народныхъ собраній и общественныхъ богослуженій. Въ этихъ древностяхъ Галліи нельзя

*) Полн. собр. русск. лѣтоп. т. III, 1841 г. стр. 13, Новгородская первая лѣтопись.

**) *De la Noë.* Principes de la fortification antique, depuis les temps préhistoriques susqu'aux croisades. Paris. 1888. Fascicule I, pag. 1—31.

не замѣтить аналогіи съ нашими могильниками въ окружности древнихъ городковъ. Разница только въ томъ, что у насъ валы и могилы земляные, а у галловъ—каменные.

10) *Древность городищъ* должна представлять большое разнообразіе. Съ одной стороны имѣется множество городищъ, особенно въ Европейской Россіи и Камской Болгаріи, историческаго или предъисторическаго времени, съ другой стороны также несомнѣнно, что весьма многія городища относятся къ древнѣйшимъ эпохамъ, такъ называемаго, бронзоваго вѣка, то есть ко времени до Р. Х. Это опредѣляется не формою земляныхъ укрѣпленій, которая почти ничѣмъ не отличается отъ позднѣйшихъ историческихъ валовъ, а ископаемымъ содержимымъ каждаго городища въ отдѣльности. Бронзовая культура и переходная эпоха отъ бронзы къ желѣзу представляютъ такіе характерные признаки, что по нимъ всегда можно опредѣлить въ общихъ чертахъ къ какому времени слѣдуетъ относить изучаемую древность. Сибирскія городища въ этомъ отношеніи представляютъ собою матеріалъ еще болѣе поучительный, потому что въ Сибири не было смѣны разныхъ культуръ, слѣдовательно, въ почвѣ городищъ не оказывается разныхъ напластованій болѣе древней и новой цивилизацій. Древнѣйшая скиѳская эпоха оставила здѣсь свои яркіе слѣды, которыхъ не могли затушевать тѣ немногіе случаи, когда на старыхъ скиѳскихъ мѣстахъ водворялись полуосѣдлыя татарскія поселенія, какъ напр. въ укрѣпленіяхъ городища Сибирь, на Иртышѣ, временно пріютившихъ послѣдняго изъ сибирскихъ царей—Кучума.

ГЛАВА V.

Великая Пермь, какъ древнѣйшій центръ звѣроловной промышленности и мѣновой торговли.—Значеніе соболя, бобра и куницы.—Значеніе слова Пермь.—Границы Великой Перми и отношеніе ея къ Новгородцамъ.—Рудныя богатства Урала и сибирскихъ горъ и древняя разработка металловъ въ этихъ странахъ.—Пермь какъ международный рынокъ.—Древности Великой Перми и ихъ археологическое значеніе.—Топографическій обзоръ городищъ Камской Болгаріи и Сибири.

Сѣверовосточная часть Европейской Россіи съ незапамятныхъ временъ служила средоточіемъ звѣроловнаго промысла и мѣновой торговли. Безконечные хвойные лѣса глубокаго сѣвера, до сихъ поръ изобилующіе самыми цѣнными породами пушныхъ звѣрей, въ древнее доисторическое время, безъ сомнѣнія, представляли тѣ же самыя богатства. Шкурки соболей, куницъ, бобровъ, чернобурыхъ лисицъ и разныхъ другихъ, менѣе цѣнныхъ звѣриныхъ породъ составляютъ естественный продуктъ сѣверныхъ холодныхъ странъ. Ни въ какой другой странѣ Европы и Азіи нельзя было найти такихъ густыхъ, красивыхъ, прочныхъ и пышныхъ мѣховъ, какъ на нашемъ сѣверѣ. Поэтому, совершенно естественно, что эти исключительно мѣстныя произведенія сѣверной природы всегда должны были цѣниться очень высоко и привлекать въ сѣверныя страны предпріимчивыхъ купцовъ и промышленниковъ. Выше мы уже упоминали (стр. 40), какъ новгородцы, а можетъ быть еще раньше того за много вѣковъ Балтійскіе венеты стремились на сѣверъ, привлекаемые обиліемъ тамъ пушнаго звѣря. То же самое повторилось въ XVI—XVII в. при завоеваніи Сибири, когда отважные казаки и промышленники въ короткое время заняли всю сѣверную страну до Камчатки включительно. Главнымъ побудительнымъ стимуломъ въ этомъ колоссальномъ предпріятіи было не исканіе новыхъ земель для поселенія, а погоня за соболемъ. Расплываясь по безконечнымъ сибирскимъ рѣкамъ, казаки подчиняли себѣ мѣстныхъ инородцевъ, налагая на нихъ дань соболиными и иными шкурками. Одновременно съ этимъ они строили по берегамъ рѣкъ небольшія укрѣпленія, остроги и городки, и селились здѣсь, чтобы упрочить свое положеніе въ далекой инородческой окраинѣ и самимъ принять участіе въ прибыльномъ пушномъ промыслѣ.

Припоминая недалекую отъ нашего времени исторію первой колонизаціи Сибири, невольно приходитъ на мысль, что и въ древнія времена могъ совершаться по берегамъ сѣверныхъ сибирскихъ рѣкъ тотъ же самый процессъ и по тѣмъ же самымъ побужденіямъ. Искатели дорогой пушнины, проникая въ глубину сѣверныхъ финскихъ областей, должны были основывать здѣсь городки и факторіи, какъ для личной своей безопасности въ чужой далекой странѣ, такъ и для того, чтобы въ этихъ центрахъ могла совершаться, болѣе или менѣе правильная, мѣновая торговля съ бродячими инородцами-звѣроловами. Этимъ обстоятельствамъ, по всей вѣроятности, обязаны своимъ происхожденіемъ большая часть земляныхъ городковъ, сохранившихся до сего времени по берегамъ главныхъ судоходныхъ рѣкъ сѣверной Россіи.

Съ какого времени началась торговля сѣвернымъ пушнымъ товаромъ, объ этомъ историческіе акты не даютъ намъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній. Но косвеннымъ путемъ мы все же можемъ прійти къ заключенію, что этотъ промыселъ существовалъ за много вѣковъ до начала русской исторіи. Первое указаніе на это мы встрѣчаемъ у Тацита, когда онъ, описывая германцевъ, замѣчаетъ, что у нихъ было въ обычаѣ «обшивать мѣховое платье шкурками животныхъ, которыхъ производитъ самый отдаленный (сѣверный) океанъ и невѣдомое море» (См. выше стр. 43). Можно догадываться, что здѣсь рѣчь идетъ о мѣховыхъ, можетъ быть, собольихъ или бобровыхъ опушкахъ, которыми издавна щеголяли славяне и германцы, какъ самымъ любимымъ украшеніемъ зимней одежды. Выраженіе Тацита, что эти шкурки получаются отъ звѣрей, «которыхъ производитъ самый отдаленный океанъ и невѣдомое море», очевидно, слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что они привозятся морскимъ путемъ изъ далекихъ сѣверныхъ странъ (см. выше о торговлѣ венетовъ). Собственно океанъ, какъ извѣстно, не заключаетъ въ себѣ такихъ животныхъ, которыя были бы пригодны для украшеній платья.

Далѣе, въ началѣ среднихъ вѣковъ мы опять встрѣчаемъ указаніе, что въ числѣ новыхъ византійскихъ модъ, заимствованныхъ отъ варваровъ, является дорогое мѣховое платье (скарамангій). Мѣха для него, очевидно, получались изъ Скиѳіи, какъ это показываетъ греческое названіе соболя γαλὴ σκυθικὴ, ικτὶς σκυθικὴ, или латинское mustela scityca (Лексик. Поликарпова). Въ IX—X в. у арабскихъ писателей встрѣчаются уже положительныя указанія, что арабы и персы получали дорогіе мѣха изъ Камской Болгаріи, а сами болгары привозили ихъ изъ далекихъ сѣверныхъ странъ. *Ибнъ Батута*, описывая свою поѣздку въ Болгары, говоритъ, что дальше Болгаръ находится *страна мрака*, въ разстояніи 40 дней пути къ сѣверу. Онъ имѣлъ желаніе проникнуть туда, но непреодолимыя трудности пу-

тешествія заставили любознательнаго араба отказаться отъ этого намѣренія. По словамъ *Батуты*, туда ѣздятъ только богатые купцы, составляя цѣлый караванъ изъ сотни телѣгъ (саней), въ которыя запрягаются собаки. При этомъ приходится везти съ собой всю провизію и даже дрова, такъ какъ сорокодневный путь пролегаетъ по пустынѣ, гдѣ нѣтъ никакого населенія. Изъ этихъ-то странъ мрака (вѣроятно, изъ Чердынскаго или Печерскаго края) болгарскіе купцы, по словамъ Батуты, получали дорогую пушнину, которую перепродавали арабамъ и персамъ. У того же писателя отмѣчается еще одна любопытная черта мѣновой торговли съ сѣверными инородцами. По словамъ болгарскихъ купцовъ, «въ странѣ мрака», они совсѣмъ не видятъ того, кто имъ продаетъ товаръ. Привезенныя въ обмѣнъ вещи они должны положить на землю и удалиться. Черезъ извѣстный срокъ времени туземцы приносятъ сюда свою пушнину и кладутъ рядомъ съ привезенными вещами въ томъ количествѣ, какое соотвѣтствуетъ по ихъ усмотрѣнію. Пріѣзжіе купцы берутъ ее съ собой, а что привезено въ обмѣнъ, оставляютъ на мѣстѣ, не зная кто этимъ воспользуется *).

Само собою разумѣется, что повѣствованіе Ибнъ-Батуты о мѣховой торговлѣ въ Болгарахъ во время арабскаго періода не даетъ повода думать, что эта торговля началась съ IX или X вѣка. Объ ней упоминается какъ о фактѣ обычномъ, установившемся; но съ какого времени она началась, объ этомъ не могутъ сказать никакія историческія повѣствованія. Можно съ увѣренностью предполагать, что гораздо раньше арабовъ болгарскіе мѣха покупали персы, такъ какъ въ Персіи и въ Малой Азіи мода на нихъ существовала издавна. Еще болѣе она была распространена въ сѣверныхъ германскихъ странахъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Тацитъ. Знаменитая Біармія, о которой упоминаетъ извѣстный Норвежскій путешественникъ Отеръ въ IX вѣкѣ, издавна пользовалась торговою славою, главнымъ образомъ вслѣдствіе получаемыхъ отсюда дорогихъ мѣховъ. Отеръ отправился въ свое путешествіе изъ сѣверной Норвегіи, прошелъ на кораблѣ Сѣвернымъ океаномъ въ Бѣлое море до устья Двины и по берегамъ этой рѣки встрѣтилъ довольно густое населеніе «Беормовъ и Финновъ», что заставило его отказаться отъ попытки проникнуть внутрь страны. Изъ описанія путешествія Отера можно видѣть, что морской путь въ Біармію въ то время былъ совершенно неизвѣстенъ, а можетъ быть и забытъ, и берега Лапландіи представляли тогда пустыню. Между тѣмъ имя Біарміи давно знали въ Европѣ. Изъ этого можно заключить, что торговля съ этою страной въ IX вѣкѣ находилась не въ рукахъ норманновъ, а въ рукахъ славянъ, предковъ новогородцевъ. Она направлялась тогда не морскимъ путемъ, а сухопутно, черезъ Новгородскія области. Это отчасти подтверждаютъ и русскія лѣтописи.

*) *Voyage d' Ibn-Batoutah*, trad. par Defrèmery et Sanguinetti, t. II, p. 399, 1854.

Одно изъ любопытныхъ повѣствованій о походахъ Новгородцевъ въ сѣверныя страны записано у Нестора подъ 1096 годомъ. «Се же хощю сказати, говоритъ Несторъ, яже слышахъ преже сихъ 4 лѣтъ, яже сказа ми Гюрята Роговичъ Новгородецъ, глаголя *сице*: яко посла отрокъ свой въ Печеру, люди, яже суть дань дающе Новугороду; и пришедшу отроку моему къ нимъ, и оттуда иде въ Югру. Югра же людье есть языкъ нѣмъ и сѣдять съ Самоядью на полунощныхъ странахъ. Югра же рекоша отроку моему: дивьно мы находихомъ чюдо, его же не есмы слышали преже сихъ лѣтъ: се же третье лѣто поча быти, суть горы зайдуче луку моря, имъ же высота яко до небеси *), и въ горахъ тѣхъ кличь великъ и говоръ, и сѣкутъ гору, хотяще высѣчися; и въ горѣ той просѣчено оконце мало, а тудѣ молвятъ, а есть не разумѣти языку ихъ, но кажутъ на желѣзо и помаваютъ рукою, просяще желѣза; и аще кто дастъ имъ ножъ ли, или сѣкиру, *даютъ скорою противу*. Есть же путь до горъ тѣхъ непроходимъ пропастьми, снѣгомъ и лѣсомъ; тѣмъ же не доходимъ ихъ всегда; есть же и подаль на полунощіи» **).

Въ этомъ разсказѣ прежде всего заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что населеніе Печерскаго края (зыряне?) давало Новгороду дань и, конечно, ни чѣмъ другимъ, какъ шкурками пушныхъ звѣрей. Подчиненіе печерцевъ, очевидно, было не съ XI или X вѣка, а гораздо раньше, такъ какъ новгородскіе купцы посылали туда своихъ приказчиковъ или довѣренныхъ (отроковъ), какъ въ страну, имъ давно извѣстную. Восточнѣе Печеры, ближе къ Уралу, находилась Югра, граничившая съ самоѣдами, кочующими, какъ и нынѣ, на полуостровѣ Ялмалъ, между Обскою и Хайпутырскою губой. Употребленное въ разсказѣ выраженіе «*Югра же людье есть языкъ нѣмъ*» можетъ навести на мысль, что печерцы либо говорили другимъ языкомъ, чѣмъ Югра, либо многіе изъ нихъ понимали русскій языкъ вслѣдствіе давнихъ сношеній съ новгородцами. Въ разсказѣ о неизвѣстныхъ людяхъ сѣвернаго Урала, сѣкущихъ гору и просящихъ желѣзныхъ орудій, въ обмѣнъ на которыя они предлагали звѣриныя шкуры (скоры) передаются такіе же полубаснословные слухи, какіе приходилось слышать Ибнъ-Батутѣ отъ болгарскихъ купцовъ по поводу мѣновой торговли съ сѣверными дикарями, о чемъ мы говорили выше. Въ томъ и другомъ случаѣ для насъ интересенъ тотъ фактъ, что въ IX—XI в. сѣверные финны были народомъ некультурнымъ. Главный промыселъ ихъ состоялъ

*) Очевидно здѣсь разумѣется сѣверный Уралъ; подъ лукоморьемъ, вѣроятно, слѣдуетъ понимать заворотъ морскаго берега по восточную сторону отъ р. Печеры, въ нынѣшней Большеземельной Печерской тундрѣ.

**) Полн. собр. русск. лѣтоп. томъ I, 1842, страница 107. Древній текстъ лѣтописи Нестора.

въ звѣроловствѣ, но выгодами этого промысла пользовались не они сами, не понимая цѣны дорогихъ мѣховъ, а новгородскіе и болгарскіе купцы *). Это и заставляло русскихъ съ самыхъ отдаленныхъ временъ стремиться на сѣверъ, подчинять себѣ финнскія племена, налагая на нихъ дань пушниной, заводить здѣсь факторіи и остроги, чтобы удержать въ своихъ рукахъ такую прибыльную мѣновую торговлю.

Показавъ на основаніи историческихъ данныхъ, что германцы и славяне въ древнія времена были главными любителями и потребителями дорогихъ сѣверныхъ мѣховъ, а новгородцы и болгары были главными распространителями ихъ на торговыхъ рынкахъ Европы и Азіи, мы должны еще обратить вниманіе на славянскія названія наиболѣе цѣнныхъ пушныхъ звѣрей нашего сѣвера, служившихъ предметомъ этой торговли. Въ этомъ случаѣ лингвистическія данныя могутъ имѣть особенную цѣну потому, что они вводятъ насъ въ болѣе далекіе доисторическіе предѣлы существовавшаго у славянъ знакомства съ этими полезными животными. Они же могутъ показать, какому народу принадлежитъ право первенства въ торговлѣ сѣверной пушниной и въ распространеніи этого товара въ болѣе отдаленныя страны. Съ археологической точки зрѣнія подобные лингвистическіе выводы важны потому, что съ ними до нѣкоторой степени можетъ быть связанъ вопросъ о доисторическихъ городищахъ сѣверной полосы Россіи и Сибири, такъ какъ слѣды осѣдлой жизни этихъ далекихъ странъ должны были оставить именно тѣ народности, въ рукахъ которыхъ находилась древнѣйшая эксплоатація сѣвернаго звѣроловнаго промысла.

Изъ интересующихъ насъ животныхъ съ этой точки зрѣнія больше всего имѣетъ значеніе *соболь*, составлявшій главнѣйшій предметъ звѣроловной промышленности и водящійся исключительно въ нашихъ сѣверныхъ странахъ.

На всѣхъ европейскихъ языкахъ *соболь* называется одинаково: среднелатинское *sabellinus*, нѣмецкое *Zobel*, англійское *sable*, французское *zibeline*, шведское и датское *sobel*, голландское *sabel*, исландское *safali*, венгерское *zobel*, литовское *sabula*. Равнымъ образомъ и во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ мы встрѣчаемъ одно и то же слово: церковно-славянское и русское *соболь*, болгарское, хорутанское, чешское, полабское и верхне-лужицкое *sobol*. Только въ сербскомъ языкѣ удержалось персидское названіе соболя *самуръ*, вѣроятно, взятое съ персидско-турецкаго *samûr*. Такимъ обра-

*) Въ статьѣ Л. П. *Сабанѣева* подъ заглавіемъ, «*Соболь*» помѣщенной во второй книжкѣ естественно- историческаго сборника «*Природа*» (Москва 1874 г. стр. 186) приводятся факты, что «еще въ XVI столѣтіи дикари Біарміи платили за топоръ столько соболей, сколько пролѣзало ихъ въ проушину. При Стеллерѣ камчадалы давали за желѣзный котелъ столько соболей, сколько въ него входило, а за ножъ 6 соболей, да при этомъ еще смѣялись надъ легкомысліемъ продавцовъ». Въ IX—X в. такая торговля, очевидно, была еще прибыльнѣе, такъ какъ пушнаго звѣря въ то время было гораздо больше.

зомъ всѣ европейскія названія соболя указываютъ на одинъ источникъ словопроисхожденія, и этотъ источникъ долженъ находиться на мѣстѣ родины этого звѣрка, т. е. гдѣ нибудь на сѣверѣ *). Было бы всего естественнѣе предположить, что слово соболь взято съ какого нибудь изъ финскихъ языковъ, такъ какъ сѣверные финны несомнѣнно раньше всего познакомились съ этимъ полезнымъ животнымъ и никто другой, какъ они первые охотились за нимъ, добывая для себя его пушныя и красивыя шкурки. Это предположеніе, однако же, оказывается несостоятельнымъ. Въ сочиненіи Л. П. Сабанѣева (l. c., стр. 199) собраны названія соболя на всѣхъ инородческихъ языкахъ нашего сѣвера (числомъ болѣе 37) и ни на одномъ изъ нихъ нѣтъ слова соболь, за исключеніемъ Мордвы, у которой этотъ звѣрокъ называется *ветбачà* и *соболь*. Послѣднее очевидно взято съ русскаго. Тоже самое можно сказать о названіи у амурскихъ тунгусовъ *собо* и у казанскихъ татаръ—соболь. На всѣхъ остальныхъ, финскихъ, тунгузскихъ монгольскихъ, татарскихъ языкахъ и нарѣчіяхъ названія соболя крайне разнообразны, но не имѣютъ ни малѣйшаго сходства съ русскимъ названіемъ. Для примѣра возмемъ слова изъ западныхъ финскихъ языковъ. У черемисовъ соболь называется *лугмучъ*, у зырянъ—*низъ*, у вотяковъ—*ныйисъ*, у пермяковъ—*нычъ*, у вогуловъ—*ньюхзе*, *непсъ*, у казанскихъ и сибирскихъ татаръ—*кышъ*, у калмыковъ--*булганà*, у монголовъ—*бологанъ*, у киргизовъ--*джюсаръ* (также называется и куница). Отсюда ясно усматривается, что слово соболь не финскаго происхожденія, хотя г. Сабанѣевъ почему-то признаетъ его «всего вѣроятнѣе чудскимъ» (l. c. стр. 199).

Извѣстный спеціалистъ и знатокъ славянскихъ нарѣчій А. С. *Будиловичъ* называетъ слово соболь древнеславянскимъ **), основываясь на томъ, что оно въ тождественной формѣ повторяется во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Отсюда необходимо предполагать, что всѣ остальныя европейскія названія соболя, происходящія изъ того же корня, были распространены по Европѣ славянами, по мѣрѣ ознакомленія съ мѣхомъ этого красиваго животнаго. Такое заключеніе вполнѣ вѣроятно, потому что ни одинъ изъ европейскихъ народовъ, кромѣ сѣверныхъ славянъ, не могъ знать соболя

*) Соболь, какъ извѣстно, водится только на сѣверовостокѣ Европы и Азіи, въ глухихъ хвойныхъ лѣсахъ, преимущественно въ кедровникахъ, отъ р. Печеры до Камчатки. Въ прежнее время онъ встрѣчался и по западную сторону отъ Печеры, по Мезени и Сѣверной Двинѣ, но теперь въ этихъ мѣстахъ его болѣе не оказывается, вѣроятно, вслѣдствіе истребленія, или отъ того, что онъ удаляется на востокъ въ болѣе глухіе хвойные лѣса и урманы. Граница южнаго распространенія соболя зависитъ отъ характера лѣсной растительности. Въ степяхъ и тундрѣ соболь не живетъ; онъ также не любитъ чернолѣсья и вообще открытыхъ мѣстъ. Поэтому истребленіе дѣвственныхъ лѣсовъ и заселеніе страны служитъ одною изъ главныхъ причинъ удаленія соболя. На Уралѣ и по восточному его склону теперь соболь встрѣчается въ предѣлахъ отъ 64 до 58° сѣв. широты.

**) Первобытные славяне и проч. Ч. I, 1878 г. Кіевъ, стр. 193.

на мѣстѣ его родины и не могъ получать эту дорогую пушнину изъ первыхъ рукъ, какъ это дѣлали новгородцы и древніе камскіе болгары.

Было бы весьма любопытно разъяснить, съ какого времени слово соболь существуетъ въ славянскомъ языкѣ и когда оно появилось въ Европѣ. Это отчасти показало-бы, съ какихъ поръ сѣверъ Россіи сдѣлался доступенъ для русскихъ промышленниковъ. Къ сожалѣнію наука обладаетъ въ этомъ отношеніи крайне ограниченными данными. Они не восходятъ дальше начала германской и славянской письменности, слѣдовательно, не даютъ больше того, что можно извлечь изъ историческихъ актовъ. Соболю не посчастливилось такъ, какъ янтарю, о которомъ, благодаря греческимъ поэтамъ, историкамъ и географамъ, сохранились свѣдѣнія за 500—600 лѣтъ до Р. Х. Но тѣмъ не менѣе, если розыскивать начальную эпоху соболинаго промысла по письменнымъ актамъ, то ихъ слѣдуетъ искать въ персидской, греческой или латинской литературѣ, по тѣмъ отрывкамъ и намекамъ, гдѣ можетъ оказаться упоминаніе о нашемъ сѣверномъ звѣркѣ. Во всякомъ случаѣ можно быть увѣреннымъ, что появленіе соболя на рынкахъ Персіи, Малой Азіи и Западной Европы должно совпадать не съ IX или X вѣкомъ, а гораздо раньше.

Названія другихъ пушныхъ звѣрей нашего сѣвера, какъ напр. бобра, куницы, лисы, горностая и т. д. не имѣютъ такого археологическаго значенія, какъ соболь, такъ какъ эти животныя водятся не исключительно на сѣверѣ, слѣдовательно и славянскія имена ихъ могли быть взяты изъ общеарійскаго источника. Слово *бобръ*, дѣйствительно, встрѣчается даже въ санскритскомъ языкѣ, *babhrâ*, flavus. Также точно и въ остальныхъ древнихъ языкахъ это слово является общимъ: персидское *бебръ*, латинское *fiber*, литовское *bebrus*, нѣмецкое *Biber*, грузинское *бобра*.

Слово *куна*, *куница*, распространенное во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, считается праславянскимъ. Ближе всего оно стоитъ къ латинскому *cuniculus*, кроликъ (Плиній). Отсюда взято нѣмецкое *Kaninchen* *).

Слово куница, въ значеніи mustela, является спеціально славянскимъ словомъ. Оно не вошло въ новые романскіе и германскіе языки, гдѣ его замѣняетъ слово Martes, marder, la Martre, Martin.—По литовски куница—*Kiaune*. Это напоминаетъ греческое κύων и латинское *canis* собака, отъ санскритскаго *kvan*, *kunas*, Hund. (Фикъ l. c. стр. 52). Такимъ образомъ славянское слово *куна*, происходящее отъ одного корня съ κύων и *canis*, могло бы указывать на древнѣйшее общеарійское происхожденіе. Впослѣдствіи, при деференцировкѣ понятій, санскритское *kunas* у славянъ было перенесено

*) Небезинтересно здѣсь вспомнить, что у римлянъ слово *cunnus* обозначало также *pudendum muliebre*. Тотъ же переносъ значенія куны мы встрѣчаемъ въ новгородскомъ нарѣчіи въ словѣ *кунка*, наружныя половыя части женщины.

на куницу, а для обозначенія собаки было взято санскритское же слово *песъ*, отъ *paça* bestia, латинское pecus, и древне-персидское *spaka* (собака). По аналогіи съ словомъ *куна*, имѣющимъ праарійское отношеніе къ латинскому canis, можетъ быть позволительно было бы подойти и къ этимологіи слова *соболь* отъ *соб-ака*, *коб-ель*.

Средоточіе русскаго звѣроловнаго промысла въ Европейской Россіи имѣло мѣсто, какъ мы уже говорили выше, въ сѣверной лѣсной полосѣ *по водораздѣлу рѣкъ*, съ одной стороны впадающихъ въ Сѣверный океанъ (Двина, Мезень и Печера), съ другой стороны направляющихся къ югу въ бассейнъ Камы и Волги. Это пространство, обнимающее сѣверо-восточную половину нынѣшней Архангельской и Вологодской, и сѣверную часть Вятской и Пермской губерній издревле носило названіе *Перми Великой* или по западному произношенію *Біарміи* или *Беорміи* (Бебрма). Это имя перешло къ намъ отъ временъ доисторическихъ. Въ начальной лѣтописи Нестора оно упоминается уже въ смыслѣ опредѣленной страны и народности, подчиненныхъ новгородцамъ, слѣдовательно, Пермь была извѣстна новгородцамъ раньше основанія русскаго государства. Слѣдуетъ предполагать, что первоначальное значеніе этого слова было не этнографическое, а географическое, подобно именамъ Печера, Югра, Вятка и Сибирь. Инородцы пермскаго края называютъ себя общимъ именемъ *Коми*, а имя *пермяковъ* они получили впослѣдствіи отъ русскихъ, по названію страны. Въ начальной лѣтописи и въ послѣдующихъ историческихъ актахъ слово пермякъ не встрѣчается, его замѣняетъ общее для страны и населенія слово *Перми* *). У византійскаго писателя *Chalcocondyla* (1350 г.) о жителяхъ пермской страны сказано слѣдующее: «Permii (περμίοι) versus Boream supra sarmatas morantur. Sarmatis finitimi sunt, *ejus linguae commertio utentes*. Permios ferunt gentem esse antiquissimam; *venationibusque vivunt*, et plurimam vitae partem eo in studio consumunt **). Здѣсь подъ словомъ *Permii* едва-ли также слѣдуетъ разумѣть финское племя пермяковъ. Византіецъ Халкокондилъ, очевидно, имѣлъ въ виду выразить этимъ названіе того народа, въ рукахъ котораго была пермская торговля; слѣдовательно это было имя не этнографическое, а географическое, или нарицательное. Это вытекаетъ и изъ дальнѣйшихъ словъ автора, гдѣ онъ замѣчаетъ, что Перміи, смежные съ сарматами (т. е. русскими славянами) употребляютъ въ торговыхъ сно-

*) Подъ этимъ именемъ разумѣлись не только предки нынѣшнихъ пермяковъ, но и одноплеменные имъ *зыряне*, коренные жители древней Великой Перми. Въ настоящее время они живутъ въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ имъ проповѣдывалъ Слово Божіе Св. Стефанъ, т. е. по р. Выму, сѣверному притоку Вычегды. Имя пермяковъ сохранилось до сего времени только въ Соликамскомъ уѣздѣ Пермской губерніи. Древнюю Югру признаютъ теперь въ Вогулахъ, незначительные остатки коихъ сохранились въ Тобольской губерніи по р. р. Турѣ и Тавдѣ.

**) *Stritter.* Memor. popul. tom. II, p. 1055.

шеніяхъ сарматскій языкъ: точнѣе сказать, подъ именемъ *Перміи* вѣроятно разумѣлись новгородскіе купцы и промышленники Пермскаго края. Западное *Беорма* или *Біармія*, скандинавское *Бярміэръ*, *Беорміеръ*, или *Бярмаландъ*, очевидно произошло отъ слова Пермь, а не наоборотъ. Въ Скандинавіи знали Пермскую землю и пермяковъ только по наслышкѣ, а жители древней Россіи соприкасались съ ними непосредственно, слѣдовательно, должны были точнѣе сохранить въ своемъ языкѣ звуки подлиннаго имени Перми. Вѣроятно, тоже должны подтверждать и фонетическіе законы въ перестановкѣ звуковъ Б. вмѣсто П. (Беорма-Пермь), какъ мы это видимъ, напримѣръ, въ готскомъ словѣ *Barn*, Kind и русскомъ *парень*, *puer*.

О происхожденіи слова Пермь мнѣ не удалось отыскать въ литературныхъ источникахъ ни одного удовлетворительнаго объясненія. Поэтому позволяю себѣ высказать мои личныя догадки, которыя представляются мнѣ не лишенными основанія. Въ фонетическомъ отношеніи это слово близко стоитъ къ греческому πέραμα переѣздъ, путь, дорога, и къ славянскому *поромъ*—орудіе перевоза. Эти слова въ свою очередь стоятъ въ связи съ санскритскимъ *pâra*, übersetzen, überschiffen, hinübergelangen; какъ существительное имя pâra значитъ другой, противуположный берегъ, конецъ, цѣль; зендское *pâra* Ufer, Seite, Ende, *Übergangspunkt* (*Фикъ*, l. c., p. 123). Всѣ эти значенія, мнѣ кажется, вполнѣ соотвѣтствуютъ географическому положенію древняго Пермскаго края, который представлялъ собою рядъ водораздѣловъ, или *волоковъ* между сближающимися здѣсь вершинами рѣчныхъ бассейновъ Сѣвернаго и Каспійскаго морей. Съ другой стороны, это была далекая украйна, конецъ населеннаго міра, куда предстоялъ далекій переѣздъ (πέραμα) для иноземныхъ купцовъ, въ данномъ случаѣ для новгородцевъ и болгаръ. Такимъ образомъ этимологическое значеніе слова Пермь выражало бы почти тоже самое, что впослѣдствіи новгородцы выражали словомъ Волокъ, *Заволочье*, т. е. страна, лежащая за волокомъ, за переправой съ южныхъ бассейновъ на сѣверные.

На зырянскомъ и пермяцкомъ языкѣ слово *Päärma* употребляется въ значеніи далекая страна, украйна*). Принимая во вниманіе, что по мѣсту жительства зырянъ и пермяковъ Пермская область представляла искони вѣковъ не окраину финскаго міра, а напротивъ, центръ его, мнѣ кажется, что это слово не финскаго корня, а скорѣе вышеуказаннаго арійскаго. Зыряне только сохранили древнее значеніе этого слова, происходящаго отъ санскритскаго и зендскаго *pâra* и греческаго πέραμα. Другіе авторы сопоставляли слово Пермь съ зырянскимъ же словомъ «*парма*», что, говорятъ, означаетъ, возвышенность или гору, поросшую лѣсомъ**). Въ финскихъ словаряхъ такого слова я не отыскалъ.

*) *Савельевъ* П. С. Пермская губернія въ археологическомъ отношеніи. Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ 1852 г. часть XXXIX, стр. 119.

**) Списки населенныхъ мѣстъ. Пермская губернія. Спб. 1875 г. стр. CXXXVIII.—Городскія поселенія, часть III, стр. 619.

скалъ. По всей вѣроятности оно также не коренное финское, а взятое съ древняго имени Перми въ значеніи водораздѣла, лѣсной возвышенности, откуда берутъ свое начало важнѣйшія рѣки этого края. Такимъ образомъ мѣстныя зырянскія слова, которыми старались объяснить происхожденіе слова Пермь, не только не противорѣчатъ предложенному мною объясненію, но скорѣе подтверждаютъ его. Они вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ указывать на глубокую древность этого слова, первоначальный смыслъ котораго былъ затерянъ какъ въ славянскомъ, такъ и въ скандинавскихъ языкахъ, но сохранился въ финскихъ, именно въ значеніи украйны, или крайняго предѣла населенной земли, а также въ значеніи водораздѣла, волока, или лѣсной возвышенности. Въ русскомъ языкѣ отзвукомъ древняго значенія разсматриваемаго слова остается слово *порѣмъ*, происходящее изъ одного корня съ Пермью.

Древнія границы Пермской области въ точности опредѣлить довольно трудно. Во время путешествія норвежца *Отера* (въ IX в.) предѣлы Біарміи, повидимому, простирались на западъ до Бѣлаго моря и Сѣверной Двины *). По русскимъ лѣтописямъ, въ X—XI в. эта часть новгородскихъ областей называлась уже не Пермью, а *Заволочьемъ* (за волокомъ, отдѣляющимъ Онегу отъ Двины). Собственно Пермью въ то время считалось пространство по теченію и притокамъ р. Вычегды, въ нынѣшнихъ Яранскомъ и Устьсысольскомъ уѣздахъ, населенныхъ зырянами. Въ этой Великой Перми подвизался въ XIV в. святитель Стефанъ, первый епископъ Великопермскій († въ 1396 г.). Онъ жилъ въ центрѣ пермской земли, въ Усть-Вымскѣ (при впаденіи р. Выма въ Вычегду), гдѣ проповѣдывалъ зырянамъ слово Божіе **). За этой Вычегодскою Пермью къ сѣверо-востоку начиналась область Печора, а южнѣе Печоры—Югра. Восточныя границы Великой Перми касались Уральскаго хребта (въ Чердынскомъ и Соликамскомъ уѣздахъ), а южныя соприкасались съ Вяткою (областью). Все очерченное пространство характеризуется тѣмъ, что здѣсь, на высокомъ плоскогоріи, сближаются вершины главнѣйшихъ сѣверныхъ рѣкъ: Вычегды, Печоры, Камы и Вятки, слѣдовательно, Великая Пермь представляла собою узелъ рѣчныхъ сообщеній: это былъ, если можно такъ выразиться, сплошный волокъ. Поэтому предложенное мной объясненіе названія Перми вполнѣ согласуется съ ея географическимъ положеніемъ.

---

*) На картѣ, приложенной къ сочиненію *Шеффера* (Joannis Schefferi Lapponia. 1674 года) въ предѣлы Біарміи включается и нынѣшняя Лапландія, до р. Колы и Кольскаго залива. Но этому показанію едва-ли слѣдуетъ придавать серьезное значеніе. У норвежцевъ, плохо знакомыхъ съ русскимъ сѣверомъ, понятіе о Біарміи совпадало съ границами сѣверной полосы Россіи.

**) *Архіепископъ Макарій*, Сказаніе о жизни и трудахъ св. Стефана, епископа Пермскаго. 1856 г.— Повѣсть о Стефанѣ, еписк. Пермскомъ, сборникъ XVI в. Синод. библіотеки, изд. Графа Кушелева-Безбородко. (Памятники старинной русской литературы, выпускъ IV, 1862 г., стран. 19).

Въ XIV вѣкѣ границы Великой Перми довольно подробно описываются въ повѣсти о Стефанѣ, епископѣ Пермскомъ, въ которой объ этомъ говорится такъ: «Должно есть взысковати и роспытывати и извѣстно увѣдати о Пермьской землѣ, гдѣ есть и въ кіихъ мѣстѣхъ отстоитъ и промежи кіими предѣлы повѣдается, и которыи рѣки обходятъ ю и проходятъ сквозѣ ню, и которыи языцы обсѣдятъ ю и живущіи въ сусѣдѣхъ около ея. А се имена мѣстамъ, и странамъ, и землямъ, и иноязычникамъ, живущимъ вкругъ Перми: Двиняне, Усть-южане, Вилежане, Вычегжане, Пинежане, Южане, Зырьяне, Гаиане, Вятчане, Лопь, Корела, Югра, Печора, Вогуличи, Самоѣдь Пертасы, *Пермь Великая, глаголемая Чусовая*. Рѣка же едина, ей же имя Вымь, си обходящія всю землю Пермскую, и вниде въ Вычегду; рѣка же другая именемъ Вычегда, си исходящіи изъ земли Пермскія и шествующа ко сѣверной странѣ и своимъ устьемъ вниде въ Двину, ниже града Устюга на четыредесятъ поприщъ; рѣка же третья, нарицаемая Вятка, яже течетъ въ другую страну Перми, и вниде въ Каму; рѣка же четвертая, именемъ Кама. Сіи есть, сіи убо обходящіи и проходящіи всю землю Пермьскую сквозѣ ню, по ней же мнози языцы сѣдять; сіи убо грядущіи устремленіемъ прямо яко къ югу и своимъ устіемъ вниде въ Волгу, близъ града, нарицаемаго Болгаръ. Всякому же хотящему шествовати въ Пермьскую землю удобезненъ путь есть отъ града Устьюга рѣкою Вычегдою вверхъ, *дондеже внидетъ въ самую Пермь*» *).

Изъ приведеннаго описанія видно, что во времена епископа Стефана Пермью называлась область на водораздѣлѣ и на вершинахъ рѣкъ Камы, Вятки, Печоры и Вычегды. Черезъ этотъ волокъ новгородцы спускались на Вятку и Каму **); отсюда же они ходили на Печору и къ сѣверному Уралу. Устюжане, мимо которыхъ Новгородцы должны были проходить въ Пермь и обратно, нерѣдко нападали на нихъ и отнимали товары, что служило поводомъ къ военнымъ столкновеніямъ ***). Съ верховьевъ Камы новгородцы привозили не одну пушнину, но и *закамское серебро*. „Въ лѣто 6840 великій князь Иванъ приде изъ орды и възверже гнѣвъ на Новгородъ, прося у нихъ *серебра закамскаго*» (l. c. стр. 76 †).

Въ грамотахъ XVI—XVII в. *Пермью Великой* называются уже только сѣверные уѣзды нынѣшней Пермской губерніи. Главнымъ городомъ этой

*) Повѣсть о Стефанѣ, изд. гр. Кушелева-Безбородко, подъ редакціей Костомарова. Спб. 1863 вып. 4, стр. 123.

**) „Въ лѣто 6832 идоша Новгородцы съ княземъ Юрьемъ на Заволочье, и взяша Устюгъ на щитъ, а князь Юрій *поиде въ орду изъ Заволочья по Камь рѣкѣ*“. (Полн. собр. русск. лѣтоп. т. 3, 1841 г. стр. 73).

***) „Въ лѣто 6831 заратишася Устюжане съ Новгородци, изъимаша Новгородцевъ, кто ходилъ на Югру, и ограбиша ихъ“ (тамъ же стр. 73). „Тои же зимы (6837) избиша Новгородцевъ, которіи были пошли на Югру, Устьюжскыи князи“ (тамъ же стр. 74).

†) О закамскомъ серебрѣ см. выше стр. 73, примѣчаніе.

области былъ Чердынь *). Сюда же принадлежалъ весь водораздѣлъ между верховьями Камы и Печоры. На этомъ волокѣ, какъ извѣстно, находится довольно значительное по размѣрамъ *Чусовское озеро*, по которому волокъ носилъ названіе „*Пермь Великая, глаголемая Чусовая*“ **).

Съ XI—XII вѣка, когда о Великой Перми появились историческія свѣдѣнія (русскія, скандинавскія, византійскія и арабскія), торговое значеніе этого края, повидимому, уже начинало терять прежнюю славу. Съ этого времени мы знаемъ Пермь главнымъ образомъ только по ея соболиному промыслу; но есть поводы думать, что въ болѣе древнія времена этотъ край имѣлъ еще другое, болѣе важное значеніе,—какъ транзитный путь для товаровъ, направляющихся изъ отдаленныхъ странъ Южной Азіи (Персіи, можетъ быть даже Индіи) въ сѣверную Европу. Фактическое основаніе для такого предположенія имѣется въ археологическихъ находкахъ, о которыхъ мы скажемъ ниже, теперь же коснемся этого вопроса только съ географической стороны. Прежде всего нужно принять во вниманіе, что въ древнія времена (до Р. Х.) ни грекамъ, ни римлянамъ не былъ извѣстенъ морской путь въ Индію. Свѣдѣнія объ этой странѣ получались постепенно съ Азіатскаго материка и касались только сѣверо-западной части Индіи. Тѣмъ же путемъ шли и торговыя сношенія съ южною Азіей до конца XV в., когда португальцами былъ открытъ Мысъ Доброй Надежды (въ 1486 г.) и знаменитый *Васко-де Гама* въ первый разъ проникъ въ Индію морскимъ путемъ кругомъ Африки (въ 1497 г.). До того времени вся азіатская торговля направлялась караванами къ Каспійскому, Средиземному или къ Черному морю, откуда товары перевозились на судахъ въ болѣе отдаленныя страны Европы. При этомъ для сѣверной Европы естественными географическими условіями опредѣлялись два пути: одинъ съ сѣвернаго берега Понта къ Балтійскому морю (извѣстный варяжскій путь по Днѣпру), другой отъ Каспійскаго моря по Волгѣ и Камѣ въ Великую Пермь. Это послѣднее направленіе должно было представлять большія удобства, такъ какъ на огромномъ протяженіи товары могли слѣдовать водой, именно сначала Волгой и Камой, потомъ Колвой и Вишеркой въ Чусовское озеро, а изъ послѣдняго по Березовкѣ и Еловкѣ до Печорскаго волока. Самый волокъ представляетъ собою разстоя-

*) О Перми великой этого періода см. въ Собраніи Государств. грамотъ и договоровъ т. II, стр. 546, т. III, страница 360 грам. № 106, стр. 362 грамоты № 107, стр. 357 грам. № 176 и въ нѣкоторыхъ другихъ. Въ этихъ актахъ слово Пермь принимается не только въ значеніи области, но и въ значеніи города (синонимъ Чердыня). Имя нынѣшняго губернскаго города Перми, основаннаго въ 1781 году, не имѣетъ къ древней Перми прямого отношенія. Оно было дано только по старому воспоминанію имени области.

**) Интересное описаніе этого печорскаго волока и Чусовскаго озера можно найти въ статьѣ Латкина (въ Зап. русск. географ. Общ. 1853 г. VII) подъ заглавіемъ: «Дневникъ во время путешествія на Печору».

ніе всего въ 4 версты до р. Волосяницы, впадающей въ Печору. Не менѣе удобный путь представлялся съ вершинъ Камы на Вычегду при посредствѣ сѣверной и южной Кельтмы, гдѣ проектировался въ прошломъ столѣтіи Екатерининскій каналъ*). Въ этомъ пунктѣ волокъ оказывается тоже ничтожнымъ. По Вычегдѣ и Двинѣ открывался прекрасный путь въ Бѣлое море и въ Сѣверный океанъ, куда направлялись и Печорскіе грузы. Товары, идущіе къ Новгороду, направлялись съ Вычегды и Двины на Сухону, откуда волокомъ на Бѣлоозеро и, примѣнительно къ нынѣшней Маріинской системѣ, до Балтійскаго моря. Вершины рѣкъ по водораздѣламъ, и въ настоящее время представляющія достаточную глубину для прохода малыхъ судовъ съ незначительною осадкою, поднимающихъ до 300—500 пудовъ груза,—въ древнія времена могли быть многоводнѣе, а слѣдовательно и движеніе по нимъ должно было вполнѣ удовлетворять потребностямъ вѣка. Если же при этомъ принять во вниманіе возможность судоходства по Сѣверному океану, на что имѣются нѣкоторыя данныя, то описанный сѣверный путь въ свое время долженъ былъ представлять собою въ торговыхъ сношеніяхъ Азіи съ Европой такое же важное значеніе, какое получилъ съ XVI—XVII в. южный океанскій путь, при сношеніяхъ съ Азіатскимъ востокомъ.

Пермскій или Чердынскій узелъ рѣчныхъ бассейновъ усугублялъ свое значеніе въ древности еще тѣмъ, что сюда же выходили рѣчные пути изъ обширнаго материка далекой Сибири. Многоводныя сибирскія рѣки—Обь и Иртышъ, берущія свое начало въ алтайскихъ горахъ, почти на границѣ съ Китаемъ, западными своими притоками близко подходятъ къ тому же Пермскому водораздѣлу. Главными соединительными артеріями со стороны Иртыша служили Тура и Тавда, послѣдняя съ притоками Сосвы и Лозвы, вершины которыхъ сближаются съ притоками Камы (Яйва, Вышера и Колва) и съ вершинами Печоры. Южнѣе Туры, другою артеріею могла служить Исеть (притокъ Тобола) и Чусовая, вершины конхъ сближаются въ нынѣшнемъ Екатеринбургскомъ уѣздѣ. Для выхода съ Оби на Печеру могли пользоваться Березовскою Сосвою, а можетъ быть даже Усою (притокъ Печоры), не считая возможности прямого выхода съ нижней Оби въ Хойпутырскую губу Сѣвернаго океана, при посредствѣ р. Щучьей, какъ это дѣлали впослѣдствіи русскіе казаки.

Описанная система роскошныхъ рѣчныхъ сообщеній, оплетающихъ собою громадное пространство нынѣшнихъ русскихъ владѣній и совершенно неиз-

---

*) Сѣверный *Екатерининскій каналъ*, соединяющій сѣверную Кельтму съ южною Кельтмою или Зырянкой, имѣетъ длину 17 верстъ. Постройка его начата при императрицѣ Екатеринѣ II, но въ 1787 г. была приостановлена на 15 лѣтъ по случаю войны съ Турціей и Швеціей. Работа возобновилась въ 1803 г., но по недостатку воды каналъ оказался мало пригоднымъ.

вѣстныхъ ни грекамъ, ни римлянамъ, не могла оставаться безъ должной эксплоатаціи. Ни въ Европѣ, ни въ Азіи нѣтъ другой подобной страны, которая представляла бы такія выгодныя для торговли географическія условія. Между тѣмъ этотъ сѣверный путь, которымъ несомнѣнно пользовались въ древнѣйшее время, былъ совершенно забытъ и потерялъ свое значеніе именно тогда, когда ему слѣдовало бы, напротивъ того, развиваться и совершенствоваться, т. е. со времени основанія Русскаго государства. Это произошло, конечно, не отъ неспособности Новгородцевъ къ судоходству и мореходству, а отъ причинъ, лежащихъ внѣ ихъ вліянія. Главными причинами оскудѣнія великой Перми можно считать: 1) Установившійся новый путь изъ южной Азіи въ сѣверную Европу черезъ Средиземное море, Гибралтарскій проливъ и Атлантическій океанъ, а съ XVI в. черезъ Тихій океанъ кругомъ Африки. Открываемые новые пути обыкновенно ведутъ за собою запустѣніе старыхъ, что можно видѣть на многочисленныхъ примѣрахъ древней, средней и новой исторіи. 2) Постепенный упадокъ политическаго значенія и торгово-промышленной жизни государствъ передней Азіи, преимущественно Персіи, которая болѣе всего принимала участіе въ торговлѣ черезъ сѣверную Россію. 3) Возвышеніе политическаго могущества новыхъ европейскихъ государствъ (Франціи, Германіи, Британіи и Скандинавіи), развивавшихся подъ римскимъ вліяніемъ и всегда тяготѣвшихъ къ романской культурѣ. Вслѣдствіе этого, нѣкогда существовавшія торговыя связи названныхъ государствъ съ русскимъ сѣверомъ, мало по малу были прерваны и замѣнены новыми связями съ романскимъ югомъ и Африкой. Съ своей стороны и вновь организованное Русское государство не выказывало стремленія войти въ кругооборотъ экономической жизни Западной Европы. Подобно древней Скиѳіи, оно предпочитало вести изолированную жизнь, по возможности избѣгая слишкомъ близкихъ сношеній съ усиливающимся въ умственномъ и политическомъ отношеніи западомъ. Внѣшняя торговля Новгородцевъ на сѣверѣ ограничивалась Балтійскимъ моремъ. Великая Пермь сносилась съ Европой только этимъ путемъ, при посредствѣ Новгорода, но Бѣлое и Ледовитое моря были закрыты для иноземныхъ купцовъ, въ томъ числѣ и для ближайшихъ сосѣдей Норвежцевъ. 4) Немаловажную роль въ упадкѣ Перми, какъ международнаго рынка, играла коренная перемѣна въ населеніи южной Сибири. Послѣ занятія этой страны монголами и татарами, что произошло въ первыхъ вѣкахъ нашего лѣтосчисленія, всякая связь Европейской Россіи съ Сибирью прекратилась. Кочевыя монголо-татарскія племена не могли поддержать ни древней сибирской промышленности (добыча мѣди, свинца, серебра и золота), ни торговыхъ сношеній съ южными странами Азіи. Чуждаясь водныхъ путей, степные кочевники не могли пользоваться прекрасными сибирскими рѣками и не позволяли другимъ утилизировать ихъ.

Съ XIII в., съ началомъ татарскаго ига, это стѣсненіе отчасти распространилось и на Волгу и на рѣки южной Россіи. Въ эту бѣдственную эпоху русскіе потеряли доступъ къ морямъ Черному и Каспійскому, что на долгое время парализовало ихъ стремленія къ мореходству и прогрессивныя усовершенствованія въ этомъ искусствѣ. При такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ торговля Великой Перми совершенно заглохла. Новгородъ потерялъ свою самобытность; Пермью завладѣла Москва, которая дорожила этой страной уже не для серебра закамскаго, а только для дорогихъ мѣховъ, получаемыхъ съ инородцевъ въ видѣ дани. Выраженіе *Великая Пермь* осталось лишь отголоскомъ старыхъ преданій, истинный смыслъ которыхъ мало по малу совершенно затерялся.

Намъ могутъ возразить: не слишкомъ ли мы преувеличиваемъ значеніе древней Великой Перми? Существуютъ ли достаточныя основанія для всего того, что мы говорили о ея богатствѣ и всемірной торговлѣ? Въ историческихъ актахъ мы не найдемъ для этого никакого подтвержденія, но это потому, что здѣсь идетъ вопросъ не объ исторической эпохѣ, а о времени, когда историческая жизнь сѣверныхъ странъ не закрѣплялась еще никакими письменными свидѣтельствами. Ихъ должны замѣнить преданія и ископаемыя свидѣтельства археологіи, къ которымъ мы теперь и обратимся.

Свѣдѣнія о Пермской землѣ, почерпаемыя изъ скандинавскихъ сагъ, носятъ на себѣ характеръ смутныхъ воспоминаній о далекомъ прошломъ. Облеченныя въ поэтическую форму и разукрашенныя пылкимъ воображеніемъ скальдовъ, они не могутъ служить основаніемъ для историческихъ выводовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ нельзя не признать и нѣкоторой доли реальности: это не выдуманная сказка, а былина, основанная на преданіи. Въ сагахъ Біармаландія (Biarmaland) представляется баснословно-богатой страной, процвѣтавшей съ глубокой древности. Здѣсь есть намеки, что сами жители Скандинавіи вышли когда-то изъ этихъ пермскихъ краевъ *), что было въ миѳическія времена Одина, или во всякомъ случаѣ задолго до Р. Х. Послѣ того Скандинавы не прерывали сношеній съ Біарміей. Конунги Норвежскіе и Датскіе женятся на Пермскихъ царевнахъ, иногда же изъ за отказа руки происходятъ битвы и единоборства. Войны, грабежи, мирныя и родственныя отношенія постоянно связываютъ Біармію съ Скандинавіею. Такъ говорятъ саги о далекихъ временахъ. Эти преданія, за давностью лѣтъ принявшія миѳическую форму, поддерживали у Норвежцевъ вѣковыя мечты — снова войти въ непосредственныя сношенія съ Біарміей. При этомъ была двойная цѣль: во первыхъ воспользоваться воображаемыми здѣсь несмѣтны-

*) Въ этомъ преданіи можетъ быть доля правды, если принять во вниманіе догадки о переселеніи сѣверныхъ арійцевъ (Германцевъ и Славянъ) изъ средней Азіи въ Европу. См. выше стр. 12 и стр. 21 примѣч.

ми богатствами, во вторыхъ отыскать тѣ сѣверные кратчайшіе пути въ Китай и Индію, о которыхъ, очевидно, также сохранилось нѣчто въ родѣ преданія. Но этими путями служилъ не Сѣверный Океанъ, а колоссальныя сибирскія и русскія рѣки, по которымъ, дѣйствительно, когда-то направлялись въ Пермь часть китайскихъ и индѣйскихъ товаровъ, о чемъ, вѣроятно, въ свое время было не безъизвѣстно въ Скандинавіи.

Тѣ же самыя мечты возстановить забытый морской путь и завязать прерванное сношеніе съ Пермью побудили въ IX в. богатаго норвежскаго негоціанта *Отера* сдѣлать попытку морского плаванія въ эти, давно забытыя мѣста. Попытка, какъ мы говорили выше, удалась только отчасти и не принесла никакихъ практическихъ результатовъ. Отеръ, проходя моремъ около береговъ русской Лапландіи, нашелъ здѣсь пустыню, а при устьѣ Сѣверной Двины встрѣтилъ враждебное норвежцамъ населеніе, поэтому, не рѣшившись идти далѣе для изслѣдованія этой рѣки, долженъ былъ возвратиться на родину. Послѣ Отера, норвежцы, повидимому, не покидали мысли о возможности морскихъ сношеній съ Біарміей, хотя поѣздки ихъ не простирались далѣе Бѣлаго моря и береговъ Сѣверной Двины. О такомъ путешествіи упоминается въ 1222 году*). Но все это имѣло характеръ мѣстныхъ, пограничныхъ связей, не претендовавшихъ на широкое международное значеніе. Только съ половины XVI в., когда въ Европѣ, по примѣру португальцевъ, явилось непреодолимое стремленіе въ обѣтованныя земли Китая и Индіи, снова вспомнили о сѣверномъ пути; англичане и голландцы надѣялись проложить этотъ путь Сѣвернымъ Океаномъ. Попытки эти, какъ извѣстно, оказались неудачными, за исключеніемъ экспедиціи *Ченслера*, которому случайно удалось попасть въ 1553 г. въ устье Сѣверной Двины и завязать первыя торговыя сношенія съ Россіей черезъ Бѣлое и Ледовитое море**).

Скандинавскія саги и преданія сами по себѣ не могли бы имѣть опредѣленнаго доказательнаго значенія въ вопросѣ о цвѣтущемъ состояніи древней Перми, если бы не оказалось другихъ, болѣе точныхъ и несомнѣнныхъ доказательствъ. Доказательства эти нашлись въ пермскихъ и вятскихъ кладахъ и въ другихъ ископаемыхъ древностяхъ этого края. Въ этомъ отношеніи особенно цѣнны монеты, такъ какъ по нимъ въ точности можно опредѣлить и время, и мѣсто, откуда онѣ были привезены. Нѣсколько примѣровъ такихъ кладовъ указано въ цитированной выше статьѣ *Савельева* (Пермская губ. стр. 122). Приведемъ эти данныя словами автора: „Въ 1846 г. въ Соликамскомъ уѣздѣ, близъ береговъ рѣки Камы, найденъ былъ

*) *Torfaeus*, Histor. rerum Norveg.

**) *Стуфитскій*, исторія открытія морского пути изъ Европы въ Сибирскія рѣки и до Берингова пролива. Спб. 1883 г. стр. 3.—Путешествіе *Норденшильда* вокругъ Европы и Азіи на пароходѣ Вега въ 1878—1880 г. Перев. съ шведскаго Спб. 1881 г.—*Литке*, четырехкратное путешествіе въ Сѣверный Ледовитый океанъ. Спб. 1828 г.

весьма примѣчательный кладъ, состоявшій исключительно изъ серебряныхъ монетъ Сасанидскихъ V и VI вѣка отъ Р. Х. и изъ серебряной чаши, покрытой неизвѣстными средне-азіатскими письменами. Монеты принадлежатъ тремъ государямъ—Ездегирду II, Кобаду и Хозрою II, царствовавшимъ отъ 441 по 594 г. послѣ Рождества Христова". „Въ прошломъ 1851 году въ южной части Пермской губерніи, именно въ Красноуфимскомъ уѣздѣ, близъ деревни Шестаковой и берега р. Иргина, вырытъ былъ новый, столь же примѣчательный кладъ, доставленный въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ начальникомъ губерніи. Онъ состоялъ изъ серебрянаго кувшина, вѣсомъ въ 2½ фунта, серебрянаго, искусно-витого жгута съ застежками, того же металла подвѣсокъ и серегъ, обломковъ отъ золотыхъ перстней, ожерелій изъ бусъ горнаго хрусталя, сердолика, и другихъ камней, и болѣе чѣмъ изъ 20 монетъ Сасанидскихъ, Византійскихъ и Индо-Бактрійскихъ, пятаго, шестаго и начала седьмаго вѣка отъ Р. Х. Древнѣйшія изъ этихъ монетъ Сасанидскія, половины V столѣтія, новѣйшія императора Ираклія и сына его Ираклія—Константина, 613—641 годовъ. Едва ли можно приписать простому случаю, заключаетъ авторъ, что монеты одной и той же эпохи, отъ половины V до начала VII в., чеканенныя притомъ въ различныхъ краяхъ—въ Восточной Римской Имперіи, въ Персіи и Сѣверной Индіи, зашли именно на берега Камы, въ Біармію, тогда какъ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи онѣ нигдѣ не остались". „Изъ монетъ X и XI вѣка вырыты были въ разныхъ мѣстахъ Пермскихъ имѣній графа Строганова англосаксонскія и нѣмецкія монеты, въ небольшомъ, впрочемъ, количествѣ". Онѣ, вѣроятно, были завезены сюда Новгородскими купцами.

Во второй книжкѣ „Пермскаго Сборника"*) описывается коллекція серебряныхъ вещей, найденныхъ крестьяниномъ Ужеговымъ въ 1851 году въ Соликамскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи, близъ села Рождественскаго, въ имѣніи гг. Лазаревыхъ, и переданныхъ землевладѣльцемъ въ Лазаревскій Институтъ восточныхъ языковъ. Эти древніе предметы, вѣсомъ 5½ фунтовъ, были найдены при распашкѣ въ первый разъ пустоши, тотчасъ подъ поднятымъ дерномъ. Они представляютъ собою: 1) серебряное блюдо вѣсомъ 1 ф. и 21 золотникъ, украшенное вытисненными вглубь, золоченными орнаментами изъ цвѣтовъ и медальономъ посрединѣ, на которомъ изображенъ выпукло олень и дерево; 2) три серебряныхъ витыхъ, шейныхъ обруча, каждый длиною около 1¼ аршина; 3) богатое шейное украшеніе въ видѣ серебряной цѣпи изъ 16 серебряныхъ проволокъ, длиною 14 вершковъ, вѣсомъ 43 золотника. На концахъ цѣпи придѣлано по серебряному же наконечнику, состоящему изъ трехъ шаровъ, на которыхъ по гладкому золоче-

*) Пермскій сборн. кн. II. Москва. 1860 г. отд. I, стр. 35. Пермскія древности, находящіяся въ Москвѣ, въ Лазаревскомъ институтѣ восточн. языковъ.

ному фону размѣщены ободочки изъ витой проволоки и треугольныя украшенія изъ мелкихъ шариковъ. Каждый наконечникъ оканчивается петлей съ привѣсками и застежкой; 4) два серебряныхъ вѣнчика въ видѣ полумѣсяца, съ тѣми же украшеніями, какъ наконечники цѣпи; 5) серебряная дощечка, вѣсомъ въ 27 золотниковъ, на которой по золоченому фону такія же украшенія, какъ на предыдущихъ предметахъ, очевидно составлявшихъ одинъ общій нарюръ. Кромѣ того, на дощечкѣ было посрединѣ вставлено три цвѣтныхъ камня. Кромѣ перечисленныхъ предметовъ, къ той же находкѣ крестьянина Ужегова принадлежатъ два куска серебра въ слиткахъ: одинъ вѣсомъ въ 20 золотниковъ, другой въ 1 фунтъ 80½ золотниковъ. Одна сторона послѣдняго покрыта письменами, вырѣзанными вглубь, о которыхъ бывшій профессоръ Казанскаго университета А. В. Поповъ (оріенталистъ) отозвался, что они, повидимому, китайскія іероглифическія.

С. *Ешевскій*, которому принадлежитъ цитируемая статья въ „Пермскомъ Сборникѣ“, сообщаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что пермскія древнія вещи нерѣдко можно встрѣтить въ московскомъ Серебряномъ ряду, какъ предметы торговли. Онѣ скупаются отъ крестьянъ на Ирбитской ярмаркѣ. Автору удалось купить тамъ нѣсколько серебряныхъ шейныхъ обручей, браслетовъ и серегъ, весьма сходныхъ по работѣ и рисунку съ описанными имъ пермскими древностями Лазаревскаго института. Этотъ ирбитскій археологическій товаръ въ Москвѣ продавался на вѣсъ. Тотъ же авторъ говоритъ, что „нѣсколько лѣтъ назадъ (въ началѣ 50-хъ годовъ) купецъ А. недалеко отъ Чердыни нашелъ богатый кладъ древнихъ вещей, почти исключительно серебряныхъ: идоловъ, сосудовъ, украшеній и т. п. Отъ этой богатой находки осталось весьма немногое, а большая часть давно уже сплавлена. И такихъ примѣровъ много“. Отсюда можно заключить, сколько этого *„закамскаго серебра“* вывозилось изъ Пермской губерніи въ прежнее время и, можетъ быть, вывозится до сихъ поръ, переплавляется и переработывается въ другія издѣлія, или безслѣдно расходится по рукамъ несвѣдущихъ любителей старины.

Въ той же книжкѣ „Пермскаго Сборника“ (стр. 41) есть замѣтка о древней серебряной чашѣ, найденной на сѣверѣ Пермской губерніи. Вѣсомъ она 2½ фунта, круглой формы, въ видѣ большой чайной полоскательной чашки съ довольно высокимъ поддономъ, съ отваломъ по верхнему краю и съ плоскою ручкою. „По отвалу вычеканены барельефомъ деревья и животныя южныхъ странъ: тигръ, крокодилы и большія змѣи, а также птицы (аистъ) и рыбы. На днѣ выбиты изображенія рыбъ, дерева съ гнѣздомъ, изъ котораго выглядываютъ птицы; двухъэтажная башня, на которой видны письмена; передъ башнею стоитъ юноша въ наклонномъ положеніи, упершись руками въ землю; на спинѣ у него другой юноша съ молоткомъ и клиномъ въ рукахъ, выбивающій на башнѣ какія то изображенія, можетъ быть, письмена,

которыя отчасти уже изображены на башнѣ. На ручкѣ чаши отлито изображеніе Нептуна съ трезубцемъ въ одной рукѣ и рыбою въ другой, поставившаго лѣвую ногу на дельфина". Академикъ Броссе полагаетъ, что чаша эта греческая VI вѣка. Подобную же чашу, найденную въ окрестностяхъ Чердыни, видѣлъ въ 1811 году Н. С. Поповъ, авторъ хозяйственнаго описанія Пермской губерніи. „На ней снаружи были изображены выпуклою работою (отливкою, а не чеканомъ) разныя животныя странъ южныхъ, какъ то: слонъ, строфокамилъ съ сидящимъ на немъ человѣкомъ, крокодилъ, тигръ и другія. По всему видно, замѣчаетъ Никита Савичъ Поповъ, что сосудъ сей не европейскаго вкуса и искусства, но индѣйскаго или азіатскаго народа» *).

Много древнихъ находокъ изъ Пермскаго края, въ особенности серебряныхъ блюдъ, поступившихъ въ Петербургскіе музеи (Эрмитажный и графа Строганова) въ послѣднія два десятилѣтія, описано въ новѣйшемъ изданіи „Русскихъ древностей" графа И. И. Толстого и Н. Кондакова **). Мы укажемъ на нѣкоторыя изъ нихъ. По мѣсту и времени ихъ производства онѣ раздѣляются на два отдѣла: греко-римскій и персидскій Сасанидской эпохи. Къ первому причисляются: 1) блюдо изъ массивнаго серебра съ изображеніями чеканной работы, на сюжетъ кормленія змѣй при орфическихъ таинствахъ; его относятъ ко II столѣтію по Р. Х.; 2) прекрасное серебряное блюдо съ изображеніемъ охоты; по работѣ и клеймамъ оно принадлежитъ ранней византійской эпохѣ, находится въ Императорскомъ Эрмитажѣ, найдено въ Пермской губерніи; 3) тамъ же найденный и хранящійся ковшъ съ изображеніемъ р. Нила, съ водящимися въ немъ животными; на нижней сторонѣ византійскія клейма; 4) блюдо изъ собранія графа Строганова, найденное въ Пермской губерніи въ 1881 году; внутри изображеніе спора изъ за Ахиллесова оружія, снаружи растительные орнаменты съ птицами; 5) ковшъ изъ коллекціи князя Оболенскаго, найденный въ Пермской губерніи; на немъ изображена сцена рыбной ловли въ присутствіи Посидона; на наружной сторонѣ византійскія клейма; 6) блюдо изъ Перми, поступившее въ 1888 году въ Императорскую Археологическую Комиссію; изображенія: Вакхъ верхомъ на пантерѣ, сзади вакханка трубитъ въ рогъ, кругомъ въ медальонахъ переднія части быка, лошади, льва и въ промежуткахъ бьющійся гладіаторъ; 7) въ 1878 г. изъ Пермской губерніи поступило въ собраніе графа Строганова блюдо съ изображеніемъ Силена и Менады. Чеканная работа указываетъ на II или III столѣтіе по Рожд. Христ. Изъ предметовъ сасанидскаго отдѣла въ цитированномъ изданіи графа

*) Казанскія извѣстія 1812 г. № 24 статья *Попова* подъ заглавіемъ „Нѣчто относящееся къ древностямъ Пермской губерніи.

**) Русскія древности въ памятникахъ искусства, выпускъ третій 1890 г. стр. 74. Почти каждая изъ описываемыхъ здѣсь находокъ сопровождается рисункомъ.

Толстого и Кандакова перечисляется 50 номеровъ. Многіе изъ нихъ, какъ и въ первомъ греко-римскомъ отдѣлѣ, сопровождаются рисунками. Это большею частію серебряныя блюда, кувшины и кубки съ изображеніемъ охотничьихъ и военныхъ сценъ. Мы упомянемъ здѣсь о нѣкоторыхъ изъ нихъ. Такъ напримѣръ, подъ № 12 и 13 описываются два блюда изъ коллекціи графа Строганова, найденныя въ Пермской губерніи въ 1872 году. На нихъ изображенъ всадникъ, занятый кабаньей охотой. № 14 изъ той же коллекціи—чаша въ формѣ полушарія съ изображеніемъ трехъ всадниковъ въ сасанидскомъ костюмѣ, сражающихся съ тремя львами. Найдена тамъ же въ 1872 году. № 16—блюдо съ изображеніемъ лежащаго каменнаго барана, найденное въ Пермской губерніи въ 1880 г. № 17—блюдо тамъ же найденное въ 1872 г.; на внутренней сторонѣ его изображено дерево съ обвившеюся вокругъ него змѣей, а подлѣ него съ каждой стороны по одному каменному барану. № 25—кубокъ конической формы, съ изображеніемъ человѣческой фигуры, сидящей на леопардѣ; чаша индусской работы изъ коллекціи графа Строганова. № 29—чаша индусскаго стиля и работы, найденная въ Слуткѣ Пермской губерніи, изъ собранія графа Строганова. Внѣшняя сторона этого сосуда богато орнаментирована. Въ срединѣ полукругомъ изображено по лежащему оленю или сахатому (весь складъ, въ особенности морда вполнѣ соотвѣтствуютъ этому послѣднему животному, но рога болѣе приближаются къ оленьимъ). № 30—блюдо въ Императорской Археологической Комиссіи, получено изъ Вятки. Въ среднемъ медальонѣ представлена башня, опирающаяся на оленя, кругомъ разводы виноградной лозы. № 31 серебряный кувшинъ, найденный въ Пермской губерніи; внутри арки представлена женская фигура въ нимбѣ, съ попугаемъ на лѣвой рукѣ и съ двумя геніями и павлинами внизу. № 32—серебряный кувшинъ персидской работы, сасанидскаго времени, съ изображеніями четырехъ пляшущихъ женщинъ. Найденъ въ Пермской губерніи. № 34—блюдо изъ собранія графа Строганова. На немъ изображенъ сасанидскій царь верхомъ, на всемъ скаку стрѣляющій въ убѣгающаго вепря. № 39—серебряный кувшинъ съ ручкою и крышкою, найденный въ 1878 г. въ Слутской волости, Пермской губерніи; (изъ собранія графа Строганова); работа выполнена прекраснымъ рельефомъ, фонъ позолоченъ. № 40—блюдо изъ собранія А. Ѳ. Лихачева въ Казани. На немъ изображенъ сасанидскій царь, сидя на верблюдѣ и имѣя позади себя маленькую женскую фигуру, стрѣляющій изъ лука въ козулю. № 58 серебряный дискъ VI вѣка, найденный въ Березовскомъ округѣ и представляющій „поклоненіе кресту“, съ двумя ангелами, славящими крестъ и 4 евангельскими рѣками, текущими отъ подножія его (Изъ собранія графа Строганова).

Въ 1886 г. я видѣлъ въ Тюмени у директора реальнаго училища И. Я. Словцова круглое серебряное блюдо, 23 сентим. въ діаметрѣ, съ

изображеніемъ на внутренней его поверхности крылатыхъ драконовъ и птицъ. Здѣсь же мнѣ показывали серебряную бляху, въ родѣ тарелки, 17 сент. въ діаметрѣ, съ изображеніемъ на лицевой ея сторонѣ трехъ человѣческихъ фигуръ, изъ коихъ средняя имѣетъ на головѣ нѣчто въ родѣ короны съ тремя зубцами. На краю бляхи припаяно для подвѣшиванія мѣдное ушко грубой работы. Блюдо и бляха доставлены исправникомъ изъ Обдорска, взятые изъ самоѣдской кумирни, гдѣ, какъ мнѣ передавали, эти предметы употреблялись самоѣдами при ихъ языческомъ богослуженіи. По поводу этихъ предметовъ мнѣ пришлось слышать въ Тобольскѣ отъ рыбопромышленниковъ, ежегодно бывающихъ въ Березовскомъ и Обдорскомъ краѣ, что остяки и самоѣды привыкли считать подобныя блюда священными и помѣщаютъ ихъ въ кумирняхъ потому, что находятъ ихъ случайно въ землѣ, чаще всего при обвалѣ береговъ рѣкъ. Случается, что такія серебряныя находки, если онѣ не соотвѣтствуютъ ихъ вкусу или требованіямъ языческаго культа, они передаютъ тобольскимъ купцамъ для выдѣлки изъ найденнаго серебра предметовъ того рисунка, какой требуется язычникамъ. Упомянутое Тюменское блюдо и бляха, повидимому, принадлежатъ къ тобольскимъ издѣліямъ этого рода.

Возвращаясь съ низовьевъ Оби, тобольскіе рыбопромышленники и рабочіе иногда привозятъ съ собой разные археологическіе предметы, найденные случайно, или пріобрѣтенные отъ инородцевъ, и продаютъ ихъ старьевщикамъ на сплавъ. Часть такихъ находокъ, случайно замѣченная у лавочниковъ, была пріобрѣтена для Тобольскаго музея, гдѣ я ихъ видѣлъ въ 1890 году. Изъ нихъ я упомяну здѣсь: 1) круглую серебряную бляху съ рельефнымъ изображеніемъ Діаны, повидимому, греческой работы. 2) Такая же бронзовая или латунная литая бляха съ рельефнымъ изображеніемъ южнаго пейзажа,—какой то богини и двухъ мужчинъ въ персидскомъ одѣяніи. Найдена на р. Кондѣ. 3) Нѣсколько круглыхъ литыхъ пластинокъ съ припаяннымъ къ каждой изъ нихъ ушкомъ. На лицевой ихъ сторонѣ находится рельефное изображеніе одного изъ слѣдующихъ животныхъ: орла, лебедя, коня. На другихъ пластинкахъ большого размѣра и безъ ушковъ представлены: 1) центавръ въ конической шапкѣ на человѣческой головѣ, съ натянутымъ лукомъ и стрѣлою въ рукахъ; 2) такой же крылатый центавръ съ копьемъ въ рукѣ; 3) всадникъ на конѣ съ копьемъ въ рукахъ. Эти предметы проданы были на толкучемъ рынкѣ рыбаками, возвратившимися изъ Обдорска, поэтому можно думать, что они были найдены на берегахъ Оби, ниже Березова.

Въ 1891 году въ Глазовскомъ уѣздѣ, Вятской губерніи, близъ деревни Качкашуры, было найдено въ одномъ мѣстѣ десять серебряныхъ шейныхъ обручей (гривенъ), доставленныхъ въ Императорскую Археологическую Ко-

миссію. Одинъ экземпляръ этой находки Комиссія препроводила въ даръ музею Томскаго университета, при отношеніи отъ 27 іюля 1892 года (каталогъ № 4773). Въ Пермской и Вятской губерніяхъ также неоднократно были находимы клады изъ серебряныхъ слитковъ или такъ называемыхъ старыхъ рублей.

Всѣ находки, сдѣланныя на почвѣ древней Великой Перми и занесенныя въ археологическую литературу было бы невозможно перечислить, не говоря уже о громадномъ числѣ подобныхъ же предметовъ, поступившихъ къ старьевщикамъ и переплавленныхъ въ другія издѣлія. Но и перечисленныхъ литературныхъ указаній достаточно, чтобы убѣдиться въ фактѣ необыкновенно обильнаго прилива серебра въ Пермскую область въ монетахъ и издѣліяхъ. Изъ тѣхъ же данныхъ можно видѣть: 1) что серебро это было не мѣстное, а привозное, 2) что наибольшая его часть шла изъ южныхъ странъ Азіи, частію изъ Византіи. 3) Почти несомнѣнно, что наибольшая часть этого серебра попадала сюда вслѣдствіе торговыхъ сношеній пермскихъ купцовъ съ азіатскими купцами и 4) цвѣтущее время такой оживленной торговли, судя по монетамъ и серебрянымъ издѣліямъ, необходимо отнести къ первымъ вѣкамъ послѣ Р. Х. (II—VI столѣт.). Въ мусульманскую эпоху эта торговля хотя и продолжалась, при посредствѣ болгаръ, но уже видимо клонилась къ упадку.

Теперь желательно было бы уяснить себѣ вопросъ: могла ли торговля одной пушниной привлекать въ сѣверную часть Пермской и Вятской губерніи такую массу серебра и не было ли здѣсь въ древнѣйшее время другихъ источниковъ богатства? Какъ бы высоко ни цѣнились шкурки соболей, бобровъ, куницъ и чернобурыхъ лисицъ, онѣ все же, мнѣ кажется, не могли бы дать въ обмѣнъ нашимъ сѣвернымъ областямъ такого обилія именно серебра. Далѣе, почему это серебро сосредоточивается главнымъ образомъ въ Пермскомъ и Вятскомъ краѣ, за Камой, а не въ другихъ торговыхъ центрахъ, которые въ то же отдаленное время несомнѣнно существовали и въ древней Камской Болгаріи, и на югѣ нынѣшней Россіи, а можетъ быть и въ Новгородской области. Пушнина, какъ и въ настоящее время, даетъ богатство пришлымъ купцамъ, эксплоатирующимъ этотъ промыселъ, а не странѣ, гдѣ водятся дорогіе звѣри. Поэтому я позволяю себѣ думать, что древняя Великая Пермь богатѣла не отъ одного звѣроловства, а столь же, если не болѣе, отъ мѣстной и *сибирской горной промышленности.*

Извѣстно, что ни одна область европейскаго материка не обладаетъ такими богатыми рудными мѣсторожденіями, какъ сѣверовосточная Россія и Сибирь. Въ древнія времена во всемъ культурномъ мірѣ самымъ употребительнѣйшимъ металломъ служила мѣдь, изъ которой, въ соединеніи съ оловомъ или свинцомъ, приготовлялась бронза, имѣвшая такое же широкое примѣненіе ко всѣмъ житейскимъ потребностямъ, какъ нынѣ желѣзо. Золото

и серебро всегда считались болѣе рѣдкими и дорогими металлами, какъ предметы роскоши. Главнымъ мѣсторожденіемъ всѣхъ этихъ металловъ искони вѣковъ служила Азія. Разработка ихъ въ Европѣ началась слишкомъ поздно и рѣдко достигала очень большихъ размѣровъ. Между тѣмъ спросъ на металлы съ каждымъ столѣтіемъ возрасталъ больше и больше. Ближайшія страны Малой и передней Азіи, со включеніемъ даже Африки и Кавказа, не могли вполнѣ удовлетворить этой потребности. Поэтому естественно предположить, что въ древности всюду должны были розыскивать мѣдь и серебро, гдѣ только они находились въ природномъ состояніи. Европейская и Азіатская Скиѳія, по свидѣтельству греческихъ историковъ, всегда изобиловала этими металлами и широко пользовалась ими не только для своихъ мѣстныхъ потребностей, но, можно предполагать, и для вывоза въ другія страны. Правда, въ древней классической литературѣ мы не имѣемъ прямыхъ указаній на торговлю этого рода, подобно торговлѣ янтаремъ и оловомъ, но это могло происходить отъ того, что скиѳская мѣдь и серебро попадали въ Европу не прямымъ, а окольнымъ путемъ, черезъ Южную Россію и Азію, съ Каспійскаго моря. Для того, чтобы высказанная нами гипотеза имѣла долю основанія, мы должны разсмотрѣть фактическую сторону добычи металловъ въ древней Скиѳіи.

Со второй половины прошлаго столѣтія, когда наши знаменитые ученые путешественники *Палласъ*, *Лепехинъ*, *Гмелинъ* и *Рычковъ* указали на весьма любопытные факты осмотрѣнныхъ и описанныхъ ими, такъ называемыхъ, Чудскихъ копей въ Уральскихъ и Алтайскихъ горахъ, читающему міру стало извѣстно, что уральская и сибирская металлургія ведетъ свое начало съ древнѣйшихъ временъ. Эти факты еще раньше, чѣмъ они были занесены въ литературу, ближе были извѣстны мѣстнымъ горнымъ промышленникамъ. Не только въ Сибири, но также въ Вятской, Пермской и Уфимской губерніяхъ нѣтъ въ настоящее время почти ни одного пріиска, который не былъ бы открытъ по слѣдамъ древнихъ рудныхъ разработокъ. Многіе изъ нихъ, особенно серебро-свинцовые на Алтаѣ, работали почти исключительно на старыхъ отвалахъ *). Въ этихъ, уже переработанныхъ въ древности, кучахъ оставалось

*) Профессоръ *Щуровскій* въ извѣстномъ своемъ сочиненіи „*Геологическое путешествіе по Алтаю*“ (Москва 1846 г.) говоритъ: „Здѣсь повсюду встрѣчаются слѣды горныхъ работъ, производимыхъ какими то древними народами. Работы ихъ, называемыя обыкновенно *Чудскими копями*, такъ многочисленны, что почти нѣтъ ни одного рудника, сколько нибудь значительнаго въ наше время, который бы предварительно не былъ развѣданъ древними горорытцами, или не былъ Чудскою копью“ (стр. 4). Профессоръ Э. И. *Эйхвальдъ* еще подробнѣе разсматриваетъ этотъ вопросъ въ спеціальной статьѣ о „*Чудскихъ копяхъ*“ (Записки Импер. Археол. общ. т. IX, вып. 2-ой Спб. 1857 г. стр. 269—370). Между прочимъ онъ говоритъ: „Безчисленныя Чудскія копи указываютъ на обширное производство драгоцѣнныхъ металловъ Чудью на Алтаѣ, и на то, что она (Чудь) занималась горнымъ промысломъ не только для собственнаго употребленія, *но и преимущественно для обширной торговли съ народами южной Россіи*, какъ о томъ уже упоминаютъ Геродотъ и Страбонъ“ (стр. 275).

еще такое обильное количество серебра, что Алтайскими заводами изъ Чудскихъ отваловъ было извлечено болѣе 20,000 пудовъ этого металла. Отсюда можно заключить, какъ были богаты руды въ древности. Профессоръ Эйхвальдъ по этому поводу замѣчаетъ: „Всѣ штоки (или рудныя жилы), идущіе отъ нѣдръ земли обыкновенно расширяются кверху и съуживаются внизу, такъ что благородные металлы болѣе изобилуютъ въ верхнихъ пластахъ и дѣлаются бѣдными въ нижнихъ; это, безъ сомнѣнія, главная причина, почему Чудь обработывала одни верхніе пласты, а русскіе рудокопы, не находя болѣе богатыхъ поверхностныхъ пластовъ, принуждены были спускаться въ нижніе“ (стр. 274). Разработывая болѣе рыхлые, поверхностные пласты, древніе рудокопы ограничивались этимъ потому, что поверхностныя руды въ то время были слишкомъ богаты и многочисленны, слѣдовательно, не было надобности слишкомъ углубляться въ нѣдра земли. Кромѣ того для разработки жилъ въ твердыхъ каменныхъ породахъ въ то время не было достаточно крѣпкихъ орудій и нужныхъ для того техническихъ средствъ. Наибольшая часть Чудскихъ копей разработывалась въ бронзовомъ вѣкѣ *). Орудіями для этого служили мѣдныя и бронзовыя кирки и топоры и массивные каменные молотки, но въ шахтахъ ни разу не было найдено ни стальныхъ, ни желѣзныхъ орудій. Это обстоятельство, между прочимъ, показываетъ, съ какого отдаленнаго времени началось въ Сибири и на Уралѣ горнозаводское дѣло.

Древніе сибирскіе и уральскіе рудокопы добывали главнымъ образомъ мѣдь и серебро, но послѣднее, повидимому, не столько для своихъ мѣстныхъ потребностей, сколько для торговли съ другими странами. На такое предположеніе наводятъ археологическія данныя. Въ древнихъ курганныхъ могилахъ и городищахъ Сибири оказывается масса бронзовыхъ и мѣдныхъ издѣлій мѣстнаго производства, но серебряныя вещи встрѣчаются, довольно рѣдко. Между тѣмъ, судя по копямъ и отваламъ мы ясно видимъ, что серебра добывалось на Алтаѣ очень много и оно непремѣнно должно было бы встрѣчаться въ древнихъ могилахъ, если бы мѣстные жители употребляли его исключительно для своихъ потребностей. Этого, однако же, не оказывается. Отсюда является естественное предположеніе, что серебро вывозилось изъ Сибири въ другія страны не въ издѣліяхъ, а въ металлѣ, можетъ быть потому, что въ другихъ странахъ, гдѣ нѣтъ его мѣсторожденія, оно цѣнилось слишкомъ высоко.

*) Слово *Чудской* мы употребляемъ здѣсь не въ этнографическомъ смыслѣ, какъ оно понималось на Руси въ примѣненіи къ финскимъ народностямъ, а въ условномъ значеніи, слѣдуя общепринятой, хотя и неправильной терминологіи. По старымъ легендамъ у насъ привыкли всѣ русскія древности приписывать миѳической Чуди, не соединяя съ этимъ названіемъ опредѣленнаго представленія о дѣйствительной народности, которую должно разумѣть подъ этимъ именемъ.

Естественныя мѣсторожденія серебряныхъ рудъ встрѣчаются вообще не часто. Въ наше время изъ всѣхъ странъ стараго свѣта въ этомъ отношеніи первенствующее значеніе имѣютъ Сибирь и Австрія, въ остальныхъ же странахъ Европы и Азіи серебра добывается немного*). Можно предполагать, что подобныя же условія, какъ вытекающія изъ природы названныхъ странъ, существовали и въ древности. Слѣдовательно, судя по современнымъ даннымъ, старый континентъ Европы и Азіи не могъ изобиловать серебромъ. По свидѣтельству *Геродота* его добывали въ горахъ Лидіи и Македоніи и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ Малой Азіи**). Римляне вначалѣ совсѣмъ не имѣли собственнаго серебра, а получали его въ видѣ дани отъ покоренныхъ народовъ. По этому поводу *Плиній* замѣчаетъ слѣдующее: „Для меня удивительно то, что Римскій народъ всегда налагалъ на побѣжденныхъ дань не золотомъ, а серебромъ. Такъ напр. Карфагеняне, побѣжденные при Аннибалѣ, должны были платить ежегодно по 16 тысячъ фунтовъ серебра въ теченіе 50 лѣтъ, что въ общемъ составило 800 тысячъ фунтовъ, но при этомъ совсѣмъ не упоминается о золотѣ (nihil auri). И это происходило не потому, чтобы на свѣтѣ не было золота. Уже Мидасъ и Крезъ обладали несмѣтнымъ количествомъ этого металла, а Киръ при своихъ завоеваніяхъ въ Азіи собиралъ съ покоренныхъ народовъ дань золотомъ въ 34 тысячи фунтовъ, не считая золотыхъ вазъ и другихъ золотыхъ издѣлій„ ***). Изъ этихъ словъ Плинія можно заключить, что Римляне больше дорожили серебромъ, чѣмъ золотомъ, такъ какъ послѣдняго въ древности добывалось очень много (въ Египтѣ, на Кавказѣ, въ Бактріи и въ Индіи), поэтому и пріобрѣсти его было легче. Отсюда же можно видѣть, что въ ближайшихъ къ Риму провинціяхъ (въ нынѣшней Австріи, гдѣ имѣется много серебряныхъ рудъ), во времена Плинія серебро совсѣмъ не разработывалось, иначе авторъ упомянулъ бы объ этомъ. Онъ не говоритъ также о добычѣ серебра и въ Германіи, изъ чего можно заключить, что въ названныхъ странахъ наиболѣе богатыя мѣсторожденія его не были еще открыты.

Во времена Плинія самые богатые серебряные рудники находились въ Испаніи. Они разработывались здѣсь еще со времени Аннибала. Отсюда бы-

*) По даннымъ 1845 года Алтайскіе рудники ежегодно давали по *1000 пудовъ серебра*, изъ которыхъ на петербургскомъ монетномъ дворѣ отдѣлялось отъ *30 до 35 п. чистаго золота*. Изъ остальныхъ европейскихъ государствъ, Бельгія выработывала всего 10 пудовъ, Баденъ 19 п., Савойя 35 п., Франція 54 п., Нассау 54 п., Англія 300 п., Пруссія 342 п., Швеція 392 п., Гарцъ 700 п., Саксонія 942 п., и Австрія 2856 п. въ годъ. Послѣ открытія Америки самая громадная масса серебра получалась изъ этой страны, преимущественно изъ Мексики. Въ половинѣ текущаго столѣтія отсюда ежегодно вывозилось до 29 тыс. пудовъ серебра. (*Щуровскій.* Путеш. по Алтаю, стр. 24).

**) *Геродотъ* V, 17, 49; VII, 112 144. О Вавилонскомъ серебрѣ III, 92,95. Въ показаніяхъ Геродота о серебрѣ, которое подвластные Персіи народы вносили Дарію въ видѣ подати, трудно опредѣлить, было ли это серебро мѣстное, или привозное.

***) *Plinii Secundi*, Naturalis historiae lib. XXXIII c. 15. Trad. Littré, Paris 1855.

ло извлечено то серебро, полученное Римлянами отъ Карѳагенянъ въ видѣ дани, о которомъ было говорено выше (l. c. lib. XXXIII, 31). Описывая въ подробностяхъ способы добычи и обработки серебро-свинцовыхъ испанскихъ рудъ, Плиній ничего не говоритъ объ азіатскомъ серебрѣ, о которомъ писалъ Геродотъ. Принимая во вниманіе этотъ кажущійся пробѣлъ въ книгѣ автора, вообще отличающагося необыкновенной тщательностью и подробностью при разсмотрѣніи каждаго вопроса, особенно по части металлургіи, невольно является мысль, что при жизни Плинія Малая Азія и Персія уже истощили свои естественныя металлоносныя богатства. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что рудныя мѣсторожденія вообще не могутъ считаться неисчерпаемыми, а въ Малой Азіи и Персіи они разработывались съ древнѣйшихъ временъ (Троянское и Вавилонское серебро), потому, естественно, должны были истощиться. Во всякомъ случаѣ, они едва ли могли удовлетворять возрастающему съ каждымъ вѣкомъ спросу на серебро и дать ту массу металла, которая потомъ оказывается въ Персіи въ эпоху Сассанидовъ.

Погоня за драгоцѣнными металлами во всѣ времена представляла одну изъ выдающихся человѣческихъ слабостей. Не ограничиваясь тѣми богатствами, какія природа дала каждой странѣ, корыстолюбіе побуждало людей искать золото и серебро всюду, гдѣ его можно было получить. Въ эту сферу далекихъ поисковъ издавна включены были и наши мѣсторожденія: Алтайскія, Акмолинскія и Уральскія. Передаваемыя Геродотомъ басни о муравьяхъ, величиной съ собаку, добывающихъ золотой песокъ гдѣ-то въ сѣверо-восточной пустынѣ, и о грифахъ, стерегущихъ золото на сѣверѣ за Аримаспами, заключаютъ въ себѣ намекъ на доставку дорогихъ металловъ именно изъ нашихъ странъ*). Самая форма приводимыхъ Геродотомъ басно-

*) *Геродотъ*, кн. III, 16. Здѣсь сказано: „Въ сѣверной части Европы есть несомнѣнно очень много золота, но о способѣ его добыванія я не могу сказать ничего достовѣрнаго. Разсказываютъ, впрочемъ, что одноглазые Аримаспы похищаютъ его у грифовъ. Однако, я не вѣрю въ существованіе людей одноглазыхъ". По сопоставленію съ дальнѣйшимъ текстомъ той же книги ясно усматривается, что здѣсь идетъ рѣчь о сѣверномъ Уралѣ. Относительно индійскаго золота у *Геродота* сказано (III, 102), что за нимъ ходятъ жители сѣверной Индіи въ какую то пустыню, на верблюдахъ. Разсказы эти авторъ слышалъ отъ персовъ, посѣщавшихъ Бактрію. Поэтому можно догадываться, что здѣсь рѣчь идетъ о степяхъ южной части Акмолинской и Семипалатинской области, гдѣ дѣйствительно существуютъ золотыя розсыпи и также находятся слѣды древнихъ разработокъ руднаго золота. Басня о муравьяхъ—очевидный вымыселъ, точно также какъ и о грифахъ, стерегущихъ золото на сѣверѣ и объ одноглазыхъ людяхъ. О муравьиномъ золотѣ имѣются также разсказы въ древнихъ индѣйскихъ книгахъ. Извѣстный санскритологъ *Лассенъ* пріурочиваетъ страну, откуда получалось такое золото, къ *Кашмиру* или *Кашгару*, гдѣ жилъ народъ *Касы* (откуда *khaça-hairi*, т. е. гора касовъ). Муравьевъ (по санскритски piriliса) онъ принимаетъ за тибетскихъ сурковъ. Басни объ индійскомъ золотѣ могли существовать независимо отъ персидскихъ разсказовъ, о которыхъ сообщаетъ Геродотъ. Первый грекъ, посѣтившій сѣверную Индію былъ *Скилаксъ* (въ 509 г. до Р. Х.), но болѣе точныя свѣдѣнія объ этой странѣ доставилъ *Ктезій* (въ 398 г. до Р. Х.); онъ же первый сообщилъ о муравьиныхъ кучахъ, въ которыхъ находятъ золото, объясняя, что подъ муравьями слѣдуетъ разумѣть сурковъ, которые будто-бы собираютъ золото въ свои норы. Геродотъ, очевидно, сообщилъ свѣдѣнія не по Ктезію (жившему позднѣе), слѣдов., его разсказъ могъ относиться не къ Кашгару, или къ Кашмиру, а къ болѣе близкимъ и доступнымъ золотоноснымъ странамъ, за рѣкою Яксартомъ, откуда бактрійцы и персы также могли получать золото.

словныхъ разсказовъ доказываетъ, что здѣсь идетъ рѣчь о такихъ странахъ, которыя не были въ точности извѣстны ни персамъ, ни грекамъ. Это вѣроятнѣе всего могло относиться къ Уралу и къ южнымъ областямъ Западной Сибири, гдѣ несомнѣнно существовала добыча золота и серебра въ древнѣйшія времена.

По словамъ Эйхвальда, уральское и алтайское золото находится непосредственно подъ дерномъ, нерѣдко довольно большими самородками, одинъ близъ другого, отъ 1 до 10, иногда до 50 фунтовъ, даже, какъ въ Міясскомъ округѣ Уральскаго хребта, до двухъ и болѣе пудовъ вѣсомъ. Самородковъ въ древнія времена было вѣроятно еще больше, а потому неудивительно, замѣчаетъ Эйхвальдъ, что „греческія колоніи на берегахъ Черноморскихъ еще въ глубокой древности узнали объ этомъ золотѣ, составлявшемъ главный предметъ торговли съ Алтаемъ и Ураломъ“ (l. c. стр. 279). Профессоръ *Щуровскій* по тому же вопросу говоритъ о Змѣиногорскомъ рудникѣ слѣдующее: „этотъ рудникъ, разработываемый нѣкогда Чудью, былъ чрезвычайно богатъ самороднымъ *серебромъ*, даже въ то время, когда открытъ русскими. Самороднаго серебра, какъ говоритъ недавнее преданіе, было такъ много, что нѣсколько работниковъ употреблялись для того только, чтобы отбирать его простыми руками, и даже поставлялось въ обязанность каждому изъ нихъ набрать въ сутки рукавицу чистаго серебра*)“ (l. c. стр. 392). Тоже самое замѣчалось и относительно самородной мѣди. Въ Акмолинской и Семипалатинской области даже въ новѣйшее время часто находили большіе куски этого металла не въ оруденѣломъ, а въ чистомъ видѣ. Въ 1888 году при открытіи Томскаго университета мнѣ доставлены были изъ этихъ мѣстъ два довольно большихъ куска почти чистой мѣди, переданные мною въ минералогическій музей. Въ Каркаралинскихъ горахъ, въ 1857 г. найденъ былъ громадный самородокъ мѣди, въ которомъ оказалось *до 400 пудовъ вѣсу* **).

Встрѣчавшіеся почти на поверхности земли самородки золота, серебра и мѣди по всей вѣроятности служили первыми указателями рудныхъ мѣсторожденій для древнихъ обитателей разсматриваемыхъ нами мѣстъ. При та-

*) Чтобы имѣть понятіе о количествѣ встрѣчающихся на Уралѣ и Алтаѣ самородковъ *золота*, мы сошлемся на данныя, сообщенныя въ книгѣ проф. *Щуровскаго* (путеш. по Алтаю, стр. 271). Въ 1838 г. сдѣлано было распоряженіе, чтобы самородки, превышающіе вѣсомъ 1 фунтъ были доставляемы въ музей горнаго института. Въ 1841 г., т. е. въ продолженіи двухъ лѣтъ, такихъ самородковъ накопилось уже въ музеѣ до 27 пудовъ. Въ 1842 году былъ найденъ въ Міясскомъ округѣ самородокъ въ 2 пуда 7 фунт. 32 золотн. чистаго золота. По этимъ образчикамъ можно судить, сколько могло быть собираемо самороднаго золота въ древнія времена, не говоря уже о промывкѣ песковъ и разработкѣ золотоносныхъ рудъ. Масса скиѳскаго золота сохранилась въ древнихъ курганныхъ могилахъ, но, вѣроятно, несравненно больше того вывозилось въ другія страны при торговлѣ. Тоже самое можно сказать и о серебрѣ.

**) Красовскій. Матеріалы для географіи и статистики Россіи, собранные офицерами генеральнаго штаба. Область сибирскихъ киргизовъ ч. I стр. 279. Спб. 1868 г.

комъ необычайномъ изобиліи драгоцѣнныхъ металловъ и при ихъ легкой доступности вполнѣ естественно, что древніе сибирскіе жители очень рано развили у себя въ широкихъ размѣрахъ горный промыселъ, который превышалъ ихъ личныя потребности и долженъ былъ представлять крупную статью вывоза въ чужія страны. Поэтому, едва ли въ какой либо другой мѣстности, или даже въ странѣ свѣта, встрѣчается такое множество слѣдовъ древнихъ рудныхъ разработокъ, какъ въ Сибири и на Уралѣ. Всѣ онѣ несомнѣнно относятся къ бронзовому вѣку, такъ какъ ни въ одной старой копи не было до сихъ поръ найдено желѣзныхъ орудій, но исключительно мѣдныя, бронзовыя и каменныя (кайлы, топоры, молоты и т. п.). Слѣдовательно, мы имѣемъ полное основаніе отнести эти горныя работы не позднѣе эпохи Р. Х., а многія изъ нихъ, вѣроятно, гораздо раньше.

Древніе сибирскіе рудокопы несомнѣнно обработывали руду и выплавляли металлы на мѣстѣ. На это есть много доказательствъ. Въ старыхъ рудникахъ, или вблизи ихъ нерѣдко находили массу шлаковъ, какъ слѣды древнихъ плавильныхъ работъ,—большіе глиняные горшки, или обломки ихъ, въ которыхъ производилась плавка, и самыя плавильныя печи. Равнымъ образомъ много разъ были находимы и орудія (формы) металлическихъ отливокъ, соотвѣтствующія тѣмъ бронзовымъ и мѣднымъ предметамъ, какіе встрѣчаются въ древнихъ курганныхъ могилахъ (копья, стрѣлы, топоры, разныя украшенія и т. п.). Здѣсь мы не можемъ цитировать подобныя находки, такъ какъ ихъ было очень много и свѣдѣнія объ нихъ помѣщались въ разныхъ археологическихъ и другихъ изданіяхъ. Въ свое время, при частномъ описаніи предметовъ (во второй, спеціальной части) мы подробнѣе укажемъ на такіе примѣры.

Въ настоящей главѣ было бы также неумѣстно въ подробности перечислять всѣ, весьма многочисленные пункты, гдѣ до настоящаго времени были найдены слѣды древнихъ рудныхъ работъ. Здѣсь мы имѣемъ въ виду лишь въ общихъ чертахъ опредѣлить районы такъ называемаго чудскаго, или, правильнѣе, скиѳскаго горнаго промысла, чтобы отсюда вывести заключеніе о размѣрахъ этой промышленности и о той торговой роли, какую въ этомъ отношеніи играли Великая Пермь и Камская Болгарія. Намъ кажется весьма правдоподобнымъ, что международное торговое значеніе Перми и Болгаріи, ихъ богатство и слава во многомъ зависѣли отъ торговли сибирскими и уральскими металлами.

Если разсматривать нашъ вопросъ съ хронологической точки зрѣнія, то едвали не самымъ древнимъ райономъ для поисковъ драгоцѣнныхъ металловъ служила нынѣшняя Акмолинская область, именно въ ея южныхъ предѣлахъ, со включеніемъ Каркаралинскаго округа. Въ то далекое время, когда сѣверныя вѣтви арійскихъ народовъ, выдѣлившись изъ общей арійской пра-

родины, жили по сѣверную сторону Яксарта (Сыръ-Дарьи), въ Семирѣчьи и кругомъ озера Балхаша (см. выше стр. 17), самою ближайшею для нихъ металлоносною страною были нынѣшніе Каркаралинскій, Баянъ-Аульскій и Акмолинскій округа. Здѣсь и по настоящее время находятся довольно богатыя серебро-свинцовыя и мѣдныя руды, первыя съ значительнымъ содержаніемъ золота; есть также и золотыя розсыпи*). Всѣ эти мѣсторожденія, заявленныя лишь въ недавнее время, открыты, также какъ на Алтаѣ и Уралѣ, по слѣдамъ древнихъ копей. Приведемъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ изъ книги Красовскаго. „Судя по находимымъ въ области древнимъ копямъ, мѣсторожденія мѣди и свинца съ давнихъ временъ обращали на себя вниманіе прежнихъ ея обитателей. Русскіе же начинаютъ съ практическою цѣлью заниматься изслѣдованіемъ степи въ минералогическомъ отношеніи не раньше начала нынѣшняго столѣтія". Изслѣдованія начались съ оренбургской стороны въ 1814 и въ 1815 г., когда посланная сюда экспедиція отыскала свинцовую гору (Кургашъ-тау) и въ продолженіи 18 дней извлекла отсюда 6046 пудовъ руды, изъ которой получилось 2524 пуда свинца, съ примѣсью серебра и золота. „Въ 20 верстахъ отъ той же горы найдена мѣдная руда, которая дала изъ 10 пудовъ, взятыхъ для образчика, 7 п. 35 ф. чистой мѣди, а куски, взятые *изъ находящихся здѣсь древнихъ отваловъ*, отличались еще большимъ процентомъ металла" (стр. 152). Въ цитированной статьѣ Горнаго Журнала говорится, что одно изъ разсматриваемыхъ мѣсторожденій мѣди въ Акмолинской области киргизы называютъ *мѣдною горою* (Мысъ-тау). Авторъ замѣчаетъ, что „такъ называется древній рудникъ, безъ сомнѣнія принадлежащій къ системѣ Чудскихъ копей, открытыхъ въ Уральскихъ и Алтайскихъ горахъ и въ другихъ мѣстахъ Киргизской степи". „Слѣды этихъ древнихъ копей представляютъ собою воронкообразныя углубленія, окруженныя рудными насыпями, имѣющими болѣе двухъ саженъ вертикальной вышины". „Руды взятыя изъ этихъ насыпей по лабораторнымъ пробамъ оказали содержаніе 10 пудовъ мѣди въ 100 пудахъ руды. Такое богатое содержаніе отваловъ, замѣчаетъ авторъ, доказываетъ, что древніе рудокопы отбирали только такую руду, въ которой содержаніе мѣди было гораздо важнѣйшее, или, можетъ быть, даже бросали они всякій добытый ими рудный кусокъ, если онъ не содержалъ въ себѣ чистой самородной мѣди" (стр. 339). Далѣе въ статьѣ говорится: „По глубинѣ шурфовъ и бурованію, произведеннымъ въ пространствѣ оставленнаго рудника, также по величинѣ рудныхъ насыпей должно полагать, что древнія выработки производились здѣсь долговременно и способомъ такого народа, который въ гражданскомъ домо-

*) *Красовскій.* Область Сибирскихъ киргизовъ, часть I стр. 279—283 и часть II, стр. 151—173.—Горный журналъ 1829 года, часть I, кн. 3-я, стр. 316—344. Статья о горныхъ развѣдкахъ въ Киргизской степи экспедиціею 1815 года.

строительствѣ и горномъ дѣлѣ имѣлъ уже нѣкоторые успѣхи; сіе свидѣтельствуетъ, что не нынѣшніе обитатели киргизской степи суть виновники древнихъ выработокъ" (стр. 338).

Въ 1836 г. была командирована подобная же экспедиція отъ Западно-Сибирскаго генералъ-губернатора для изслѣдованія собственно Акмолинской области. Инженеръ Шангинъ, которому было поручено это дѣло, началъ изслѣдованія съ верховьевъ р. Ишима, откуда прошелъ въ Кокчетавскій округъ и вездѣ находилъ слѣды древнихъ копей и отваловъ, содержащихъ мѣдь и серебро. Двигаясь отъ вершинъ Ишима на югъ по Терсъ-Акану, экспедиція открыла „обширныя древнія выработки мѣдныхъ рудъ, по всей долинѣ руднаго протяженія обработанныхъ разносами древнихъ. Толстота руднаго мѣсторожденія отъ 6 до 15 саженъ, длина отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, судя по *древнимъ работамъ*, на 120 саженъ. Вся поверхность горы покрыта кочками горной сини, зелени, лучистымъ малахитомъ, кирпичной, печенковой и стекловатой мѣдной рудою, которая разбросана либо по отваламъ, либо по окрестнымъ площадямъ въ мѣстахъ сортировки и складки древнихъ рудъ". „Въ среднихъ частяхъ р. Нуры снова показались древнія работы. Наконецъ, въ верховьяхъ Нуры открыты богатѣйшія мѣдныя и серебро-свинцовыя руды на площади въ 30—50 квадратныхъ верстъ".

Относительно древней добычи золота въ разсматриваемой мѣстности существуютъ точныя данныя только для Каркаралинскаго округа, гдѣ были найдены копи и отвалы золотоносныхъ рудъ, разработывавшихся прежними жителями этой страны. Въ томъ же округѣ нынѣ существуютъ и золотыя розсыпи, хотя промывка золотосодержащихъ песковъ нынѣ производится въ незначительныхъ размѣрахъ (всего на 4 пріискахъ), по причинѣ недостаточнаго количества воды и другихъ неблагопріятныхъ условій края. Для насъ въ археологическомъ отношеніи важенъ тотъ фактъ, что Акмолинская область принадлежитъ не только къ числу рудоносныхъ, но и такихъ, гдѣ золото, серебро, мѣдь и свинецъ издревле находились въ верхнихъ слояхъ почвы, нерѣдко большими самородками, слѣдовательно, были весьма доступны для отысканія и обработки этихъ металловъ даже при младенческомъ состояніи горнаго дѣла. Акмолинская почва представляетъ собою остатки давно разрушеннаго геологическими процессами горнаго хребта, простиравшагося нѣкогда отъ южнаго Урала къ озеру Балхашу и сливавшагося съ Алатавскими (Семирѣченскими) и Алтайскими горами. Поэтому рудоносныя жилы здѣсь не залегаютъ въ глубокихъ толщахъ твердыхъ горныхъ породъ, а оказываются на поверхности и онѣ прежде всего должны были обратить на себя вниманіе древнихъ жителей.

Тоже самое можно сказать и о золотыхъ розсыпяхъ, которыя здѣсь, особенно въ южной части Акмолинской области, должны были существовать и

эксплоатироваться древними, подобно разработкамъ руднаго золота въ Каркаралинскомъ округѣ, о чемъ мы говорили выше. На этомъ основаніи я считаю болѣе вѣроятнымъ пріурочивать вышеприведенный разсказъ Геродота о похищеніи жителями сѣверной Индіи*) муравьинаго золота не къ Кашгару, какъ предполагаетъ Ляссенъ, а къ степямъ Акмолинской области. Возможно, что уже въ то время сѣверныя и западныя прибрежья Балхаша, за рѣкою Чу (нынѣшняя Голодная степь), представляли собой страну безводную и безлѣсную, потому къ нимъ примѣнимо употребленное Геродотомъ выраженіе—*Пустыня*. Населенныя мѣста здѣсь начинались, не считая Каркаралинскаго округа, только къ сѣверу отъ рѣки Нуры и съ верхнихъ притоковъ Ишима и Тобола (уѣзды Баянъ-Аульскій, Акмолинскій и Атбасарскій), гдѣ до сихъ поръ видны слѣды болѣе или менѣе осѣдлой жизни, судя по сохранившимся многочисленнымъ курганнымъ могиламъ. Южнѣе этой полосы (къ Балхашу), гдѣ нѣтъ кургановъ, но существуютъ слѣды древнихъ рудныхъ работъ, очевидно, не было постояннаго населенія; сюда ходили только на промыслы для добычи металловъ, какъ нынѣ ходятъ въ горныя пустыни Якутской области, наприм. на Витимъ, или на Олекму**).

Изъ Акмолинской области древніе рудоискатели могли распространять свои дальнѣйшіе поиски металловъ въ двухъ ближайшихъ направленіяхъ: къ сторонѣ Алтая, черезъ Каркаралинскъ, и къ сторонѣ Южнаго Урала. Семипалатинская область и западный Алтай давали очень много золота и серебра, что подтверждается массой золотыхъ издѣлій, открытыхъ въ курганныхъ могилахъ именно этой области. Профессоръ Щуровскій приводитъ описаніе одной изъ такихъ могилъ, гдѣ трупъ былъ положенъ на золотой выбитой тонкой доскѣ и сверху тоже былъ покрытъ золотыми листами, толщиною въ писчую бумагу. Всего золота здѣсь оказалось около пуда; потому эту могилу и доселѣ называютъ пудовикъ (ї. с. стр. 392). Золотыя и серебряныя вещи, хранимыя въ музеяхъ С.-Петербургской академіи наукъ и Императорскаго эрмитажа, большею частію получены съ Иртыша и верхняго Тобола. Въ

*) Во времена Геродота границы Индіи представлялись смутно. Въ приведенномъ текстѣ выраженіе „*другіе индійцы* (которые ходятъ за золотомъ въ пустыню), *живущіе на сѣверъ отъ прочихъ индійцевъ*“, можетъ быть относимо не только къ Кашгару, но и къ болѣе сѣвернымъ странамъ, напримѣръ къ нынѣшней Кульджѣ, или даже къ горнымъ областямъ около Иссыкъ-Куля.

**) Источники полученія золота, особенно въ древности, всегда окружались таинственностью, что порождало у греческихъ писателей различныя басни по этому поводу. У индусовъ тоже существовали разсказы, что страна, откуда привозили золото въ Индію, представляетъ страшную пустыню. За нимъ ходятъ вооруженной толпой въ 1000—2000 человѣкъ, которые собираютъ золото по ночамъ, чтобы избѣжать нападенія грифовъ. Возвращаются назадъ (въ Индію) съ этого промысла на третій, или на четвертый годъ (Ляссенъ). Все это показываетъ, что золото какъ въ Индіи, такъ и въ Персіи и Греціи привозилось откуда-то издалека, изъ странъ невѣдомыхъ. Къ числу такихъ странъ могла относиться и наша Западная Сибирь, такъ какъ здѣсь въ древности золото несомнѣнно добывалось наравнѣ съ серебромъ и мѣдью.

одномъ курганѣ на лѣвомъ берегу р. Алея, въ 60 верстахъ отъ Локтевскаго завода, въ разныя времена было вырыто болѣе 60 фунтовъ золота, въ конскихъ уборахъ и другихъ вещахъ, что и подало поводъ назвать его золотаремъ (тамъ же). О золотѣ, добываемомъ по сію пору изъ курганныхъ и пещерныхъ могилъ Кокпектинскаго округа мною уже было говорено выше (въ предисловіи стр. XXI, примѣч.). Въ путешествіи Палласа упоминается нѣсколько разъ о томъ, что въ юго-западныхъ частяхъ Барнаульскаго округа и въ степи между Барнауломъ и Семипалатинскомъ, въ прошломъ столѣтіи существовалъ у крестьянъ организованный промыселъ для отыскиванія, такъ называемаго, бугроваго или могильнаго золота. Масса этого металла добывалась крестьянами хищнически изъ разрываемыхъ древнихъ могилъ. И все это золотое богатство, похороненное въ курганныхъ могилахъ азіатскихъ скиѳовъ, въ свое время добывалось тутъ же на мѣстѣ, а не привозилось изъ другихъ странъ. На это указываютъ слѣды древней разработки золотоносныхъ охристыхъ рудъ и старые отвалы отъ промывки песковъ. Едвали въ самой Индіи, или въ смежныхъ съ нею странахъ по сѣверную сторону Гималаевъ и Памировъ, въ Кашгарѣ и Яркендѣ, столь прославляемыхъ древними писателями за добычу золота, найдутся такія осязательныя и безспорныя доказательства древней золотопромышленности, какія оказываются въ нашей Сибири. И что особенно важно, эти доказательства вмѣстѣ съ тѣмъ указываютъ и на эпоху издревле процвѣтавшаго въ Сибири горнаго дѣла, именно мы имѣемъ всѣ основанія относить это къ тому отдаленному времени, когда еще не знали употребленія желѣза, то есть приблизительно ко временамъ Геродота, а можетъ быть и раньше того.

Разъ начавшаяся горная промышленность, вслѣдствіе приносимыхъ ею огромныхъ выгодъ, неизбѣжно должна была расширять свои предѣлы, захватывая болѣе и болѣе отдаленные районы. Въ томъ же бронзовомъ вѣкѣ мы видимъ, что горный промыселъ распространился не только по всему Алтаю и въ Саянахъ, но даже въ отдаленнѣйшихъ краяхъ Восточной Сибири. Золотоносныя, серебро-свинцовыя и мѣдныя руды розыскивались и разработывались всюду, гдѣ представлялась къ тому возможность. Въ горахъ Кокпектинскаго, Семипалатинскаго и Устькаменогорскаго округовъ по сіе время продолжаютъ находить незамѣченныя ранѣе, такъ называемыя, Чудскія копи съ бронзовыми орудіями и ясными слѣдами древнихъ работъ *). Объ Алтайскихъ копяхъ

*) Въ 1886 г. П. И. *Сапожниковъ* доставилъ мнѣ для передачи въ музей Томскаго университета два экземпляра бронзовыхъ литыхъ орудій, служившихъ для разбиванія крѣпкой руды, одинъ цѣлый, другой въ обломкѣ. Они найдены на Троицкомъ золотомъ пріискѣ, въ Устькаменогорскомъ округѣ, на двухъ-аршинной глубинѣ золотоноснаго пласта. Цѣльный экземпляръ орудія (№ каталога 1251) имѣетъ форму толстаго, массивнаго прута, 24 сент. длины; оба конца его закруглены въ видѣ пальца, а толстая, выгнутая горбомъ, средина имѣетъ трехгранную форму. Здѣсь же найденный обломокъ подобнаго же орудія (№ 1252) представляетъ собою острый четырехгранный конецъ его.

было уже говорено выше. Здѣсь должно прибавить, что древніе рудоискатели, очевидно, проникали далеко на востокъ, черезъ Кузнецкій хребетъ въ Минусинскій округъ и вообще въ Восточную Сибирь, гдѣ также оказываются слѣды древнихъ рудныхъ разработокъ. Но мы не будемъ такъ далеко уклоняться въ разслѣдованіи этого вопроса и снова обратимся на западъ, въ сторону Великой Перми и Болгаріи, къ южному и среднему Уралу.

Сѣверная половина Акмолинской области, начиная отъ вершинъ р. Ишима (Атбасарскій и Кокчетавскій округъ), и прилежащія части Оренбургской и Тобольской губерній, съ Курганскимъ и Троицкимъ уѣздами, какъ нынѣ, такъ и въ древнія времена представляли страну весьма привольную не только для скотоводства, но и для земледѣлія. Многочисленныя курганныя кладбища доказываютъ, что здѣсь въ бронзовую эпоху было большое, прочно водворившееся населеніе. Эта населенная плодородная полоса связывала горную страну южно-Акмолинской и Семипалатинской области съ горными областями южнаго и средняго Урала, а вытекающія отсюда рѣки, Ишимъ и Тоболъ, съ западными притоками послѣдняго Міясомъ, Исетью, Турой и Тавдой давали выходъ къ сѣверному Уралу и въ Великую Пермь. При такихъ благопріятныхъ гидрографическихъ условіяхъ рудныя богатства Урала не могли не обратить на себя вниманія тѣхъ же рудоискателей, которые такъ усердно занимались этимъ промысломъ въ Акмолинскихъ, Семипалатинскихъ и Алтайскихъ горахъ. Уралъ въ этомъ отношеніи оказался новымъ золотоноснымъ кладомъ, особенно его ближайшій Міясскій округъ, и обильнымъ источникомъ для добычи мѣди. Можетъ быть именно благодаря уральскимъ металламъ, древнее населеніе Сибири, въ поискахъ за ними, прежде всего ознакомилось съ водяными путями, ведущими на западные склоны этого хребта и такимъ образомъ открыло для себя новый міръ—сѣверную половину нынѣшней Европейской Россіи. Слѣды древнѣйшихъ рудныхъ работъ и слѣды охраны рѣчныхъ путей (городища и курганы по берегамъ) могутъ служить доказательствомъ такого предположенія. Къ уясненію этихъ слѣдовъ мы теперь и обратимся.

Уральскія горы заключали и заключаютъ въ себѣ громадныя рудныя богатства, изъ которыхъ въ древности эксплоатировались здѣсь только золото и мѣдь. Богатѣйшія желѣзныя руды оставались неприкосновенными, и это доказываетъ, что древній горный промыселъ на Уралѣ, также какъ и въ Сибирскихъ горахъ, относился къ той эпохѣ, когда еще не знали желѣза. Мѣсторожденія мѣдныхъ рудъ, напротивъ того, разработывались всюду, гдѣ только они открывались на поверхности земли. Слѣдовъ, такъ называемыхъ, Чудскихъ копей на Уралѣ столько же, какъ и на Алтаѣ. Рычковъ по этому поводу говоритъ: „всѣ, находящіяся въ сихъ мѣстахъ (въ Уфимской губерніи и по Южному Уралу) рудокопныя ямы суть Чудскія ко-

ни; но Чудь ли, или другіе какіе иноплеменные народы въ древнія времена обитали въ сей обширной области, того познать очень трудно, а можно справедливо заключить, что сія страна и въ самой древности процвѣтала *мѣдными промыслами*, и что древніе обитатели сихъ мѣстъ были довольно искусны находить металлы, скрытые въ нѣдрахъ земли и употреблять ихъ въ свою пользу. Сіе искусство и знаніе ихъ ни мало не согласно съ мнѣніемъ тѣхъ, кои полагали въ сей странѣ жилища кочующихъ непросвѣщенныхъ и дикихъ народовъ. Обитающіе въ Яицкихъ степяхъ киргизъ-кайсаки достойны сего названія, но самый образъ ихъ житія и непросвѣщенія послужитъ доказательствомъ, что прежде жившіе здѣсь народы были имъ ни мало не подобны“ *).

За невозможностью перечислить здѣсь всѣ древнія уральскія копи, о которыхъ упоминается въ запискахъ путешественниковъ и число коихъ далеко еще ими не исчерпывается, мы коснемся только наиболѣе важныхъ пунктовъ этого рода, чтобы показать, гдѣ и какимъ образомъ распространялось горное дѣло (добыча мѣди) на Уралѣ. Здѣсь же, попутно, укажемъ и на древнія городища, обыкновенно располагавшіяся въ тѣхъ же промысловыхъ пунктахъ. Начнемъ съ восточнаго склона южнаго и средняго Урала, откуда, какъ намъ представляется, древніе сибирскіе обитатели курганной эпохи начали эксплоатацію уральскаго горнаго дѣла. Раньше всего, повидимому, ихъ привлекла сюда *масса золота въ самородкахъ* и розсыпяхъ въ Міясскомъ округѣ (см. объ этомъ выше) и *серебряныя руды* по р. *Ую***). Эти мѣсторожденія серебряной руды описываетъ *Палласъ*, прибавляя, что „отъ нынѣшняго рудника за версту къ Ую на нѣкоторомъ бугрѣ видны *различныя древнія, чудскія или скивскія копани* и въ оныхъ является мѣдная жила съ серебросодержащею рудою, въ пядень толщины“ ***).

Притоками Тобола *Уемъ*, *Міясомъ*, *Течей* и *Исетью* какъ бы обозначается входъ въ глубину Уральскаго хребта. Съ вершинъ Міяса и Течи лежитъ путь на нынѣшніе заводы *Кыштымскій*, *Каслинскій* и *Полевской* и перевалъ въ бассейнъ р. *Уфы*. На пути между Кыштымомъ и Каслями находится извѣстное озеро, *Иртяшъ*, на берегу котораго, на возвышенномъ холмѣ, Палласъ описываетъ древнее чудское укрѣпленіе. Съ сѣвера оно примыкаетъ къ крутому утесу и озеру, съ прочихъ сторонъ холмъ укрѣпленъ рвомъ, длиною въ 60 саженъ. Недалеко отсюда, на другомъ скалистомъ мысу того же озера, описывается такое же укрѣпленіе еще большихъ размѣровъ

*) *Рычковъ*. Журналъ или дневныя записки путешествія по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства 1769 и 1770 году. С.-Петербургъ 1770 г., стр. 124.

**) Уй, притокъ Тобола въ Троицкомъ уѣздѣ Оренбургской губ. Описываемыя по Ую руды находятся на вершинахъ этой рѣки, въ Міясскомъ округѣ.

***) *Палласъ*. Путешествіе по разнымъ мѣстамъ Россійскаго государства. Часть вторая, кн. I, 1770 г. (путешествія). С.-Петербургъ 1786 г., стр. 150.

(стр. 167—169). Въ этой же мѣстности на мысу озера *Большая Палляга* находится городище, укрѣпленное валами и рвами въ 1½ сажени глубины. Пространство внутри городища имѣетъ 53 саж. въ поперечникѣ и 130 саж. длины.

Близъ *Полевскаго* завода, на которомъ во времена Палласа ежегодно выплавлялось мѣди до 25 тыс. пудовъ, находится извѣстный по многократнымъ описаніямъ путешественниковъ *Гумешевскій рудникъ*, считавшійся самымъ ботатымъ на Уралѣ по содержанію мѣди. Для насъ онъ любопытенъ въ томъ отношеніи, что здѣсь въ одной изъ древнихъ чудскихъ шахтъ найдены были не только орудія древнихъ рудокоповъ, но даже *воткнутыя въ стѣны полуобгорѣлыя лучины*, коими освѣщались подземныя шахты. Здѣсь же были найдены, незадолго до посѣщенія Палласа, лосинная сумка (12 вершковъ длины и 10 вершковъ ширины) и рукавица, сшитая изъ звѣриной головы, шерстью вверхъ. Въ этомъ рудникѣ чудскія работы простирались въ глубину до 10 и болѣе саженъ, что уже указываетъ на значительное усовершенствованіе горнозаводскаго дѣла, сравнительно съ работами въ Акмолинской области и на Алтаѣ, гдѣ добыча рудъ велась почти исключительно „разносами“. *Гумешевскій* рудникъ былъ основанъ на этихъ старыхъ копяхъ. „При заведеніи его, говоритъ Палласъ, найдено было поверхъ земли великое гнѣздо самой лучшей руды“. Авторъ полагаетъ, что эта руда была заготовлена древними рудокопами, вынутая изъ горы (стр. 198).

Въ семи верстахъ отъ Полевского завода лежитъ *Сиверскій* заводъ, въ окрестностяхъ котораго Палласъ указываетъ такія же старыя чудскія шахты. Тотъ и другой заводъ находятся въ близкомъ разстояніи отъ верхнихъ пристаней р. Чусовой, куда сплавляются барки по заводскимъ рѣчкамъ, поднимая въ нихъ высоту воды при помощи заводскихъ прудовъ. Такимъ образомъ производится нынѣ сплавъ издѣлій почти всѣхъ заводовъ средняго Урала, направляющихъ свои продукты либо на Чусовую, либо на Уфу. Той же системой сообщеній, повидимому, пользовались и въ древности, когда по Уральскимъ горамъ не было другихъ путей, кромѣ водяныхъ. Поэтому и древнія рудокопни почти всегда оказываются расположенными вблизи уральскихъ рѣкъ и рѣчекъ. На это обстоятельство нельзя не обратить вниманія, такъ какъ подобное расположеніе древнихъ рудныхъ работъ, очевидно, было разсчитано на судоходство по рѣкамъ (какъ и нынѣ), а это послѣднее давало возможность древнимъ рудоискателямъ, а вслѣдъ за ними и древнему сибирскому населенію вообще, распространяться въ болѣе далекія зауральскія страны.

Главными артеріями сообщеній черезъ средній Уралъ должны были служить р. *Быля* съ *Уфой* и р. *Чусовая*. Первая открывала путь въ Камскую Болгарію, вторая въ Великую Пермь. Для Перми существовалъ еще

одинъ, болѣе сѣверный, путь съ Тобола по Турѣ и Тавдѣ, выводившій, при посредствѣ Сосвы и Лозвы, почти непосредственно къ Печорскому волоку. Эти водяные пути, коими пользуются и въ настоящее время, въ древности, очевидно, имѣли тоже коммуникаціонное значеніе, доказательствомъ чему служатъ древнія горныя работы и укрѣпленія, расположенныя именно въ этомъ направленіи. Начнемъ обозрѣніе ихъ съ Уфимской области, руководясь описаніемъ *Рычкова*. Рычковъ начинаетъ свое обозрѣніе Уфимской провинціи съ югозападной ея стороны; поэтому и мы будемъ придерживаться того же географическаго порядка.

Слѣдуя по нагорному берегу р. *Ика* (южный притокъ Камы), Рычковъ, при описаніи мѣдноплавильныхъ заводовъ этой мѣстности, замѣчаетъ, что онъ слышалъ отъ заводчиковъ и самъ видѣлъ лично, что мѣдныя руды почти всегда находили здѣсь по слѣдамъ чудскихъ копей. „Горное искусство древнихъ, говоритъ авторъ, во всемъ было отлично отъ нынѣ употребляемаго: ибо они входили въ землю, не дѣлая никакихъ подставъ, а отверстія ихъ (шахты) подкрѣпляла таже самая земля, которой верхи выдѣлывали они *на подобіе свода*. Такимъ образомъ проходили они въ самыя глубокія мѣста, и сводъ, держащій на себѣ превеликую тяжесть земли, еще и до нынѣ во многихъ мѣстахъ не обрушился“. Старинныя рудокопныя ямы находятъ обыкновенно по случаю оставшихся на верху земли рудныхъ кучь. „Обычай древнихъ былъ такой, чтобъ выбирать самую лучшую жилку, а прочую руду, презирая, оставляли въ недѣйствіи. Сіи-жъ остатки служатъ еще и до нынѣ къ пользѣ и прибытку нашихъ заводчиковъ“ (Стр. 67 и 68). Тоже самое, какъ мы видѣли выше, имѣло мѣсто на Алтаѣ и въ Акмолинской области.

Далѣе, внизъ по Ику, Рычковъ описываетъ чудскую копь, въ двухъ верстахъ отъ *Нагайбацкой крѣпости*, на вершинѣ высокой горы. Мѣдная руда здѣсь находится почти на поверхности. По слѣдамъ древнихъ, рудникъ этотъ разработывался въ продолженіи 40 лѣтъ и принадлежалъ къ числу весьма богатыхъ (стр. 69). Недалеко отсюда „на верху высокой горы находится старинный городокъ, небольшимъ валомъ укрѣпленный“ (стр. 72). Другая крѣпость упоминается на вершинахъ рѣки Ика, въ трехъ верстахъ отъ татарской деревни *Чехень*, на верху горы, омываемой рѣкой. Старинные валы занимаютъ пространство около 150 саженъ (75 стр.).

Близъ Троицкаго завода, принадлежавшаго г. Осокину, самый богатый мѣдный рудникъ (въ разстояніи 400 саж. отъ р. Ика) найденъ былъ также по слѣдамъ древнихъ копей. Рудоносный слой его имѣлъ толщину отъ 8 до 9 аршинъ. Здѣсь г. Рычковъ нашелъ двѣ человѣческія берцовыя кости, полости которыхъ были наполнены самой лучшей мѣдной рудой. Такія находки въ древнихъ рудникахъ встрѣчались неоднократно. Рычковъ ихъ приписываетъ тѣмъ рудокопамъ, которые, работая здѣсь когда-то, были по-

гребены подъ обвалами шахты (стр. 101). Далѣе, на стр. 118 авторъ описываетъ рудникъ того же заводчика Осокина, работающій на старыхъ отвалахъ чудскихъ копей. „Старинные рудокопатели, говоритъ Рычковъ, оставили здѣсь такое множество руды, что хотя уже болѣе двадцати лѣтъ работаютъ нынѣшніе промышленники, но еще до сего дня находятъ превеликое множество руды, которой положеніе видимо на ровномъ мѣстѣ". Отъ 100 пудовъ она давала 5—6 пудовъ чистой мѣди. Въ верстѣ разстоянія отъ этого рудника находится другой, принадлежащій Вознесенскому заводу, на рѣчкѣ *Иргизлѣ*, впадающей въ р. Бѣлую. „Сей рудникъ, говоритъ Рычковъ, есть также изъ числа тѣхъ рудокопныхъ ямъ, которыя бывали копаны прежде обитавшими въ сей странѣ народами и знать еще до нынѣ проходы древнихъ рудокопателей" (стр. 120). На этомъ рудникѣ въ бытность Рычкова работали уже 15 лѣтъ и онъ все казался неистощимымъ.

Въ 1770 году Рычковъ отправился изъ Уфы для изслѣдованій по р. Бѣлой. Въ первый же день, проѣзжая по нагорной сторонѣ этой рѣки, онъ обратилъ вниманіе на „огромные бугры (курганы) или кладбища прежнихъ жителей (стр. 127). Въ 20 верстахъ за татарской деревней *Изякъ*, Рычковъ описываетъ осмотрѣнное имъ, такъ называемое, *Карашбызово городище*. Оно помѣщается на высокомъ утесистомъ берегѣ р. Бѣлой и занимаетъ обнесенное валами пространство около 300 саженъ. „Въ срединѣ этого укрѣпленія не видно никакихъ каменныхъ развалинъ, но находится множество ямъ и бугровъ, наполненныхъ золою и горшечнымъ черепомъ" (стр. 141). Въ 4 верстахъ отсюда находится Благовѣщенскій мѣдный заводъ, принадлежавшій Симбирскому купцу Мясникову. На немъ выплавлялось до 7000 пудовъ мѣди въ годъ. Въ 15 верстахъ отъ этого завода и въ трехъ верстахъ отъ села Дуванеи (въ 35 верстахъ отъ Бирска), Рычковъ опять описываетъ *городище*, примыкающее къ высокому и крутому берегу р. Бѣлой. Валы занимаютъ окружность въ 200 саженъ и оканчиваются у самой крутизны берега. Въ пяти верстахъ отъ этого укрѣпленія находится другое такое же, обнесенное валами, мѣсто посреди густаго лѣса (стр. 145).

Въ двухъ верстахъ отъ Бирска находится, такъ называемое, *„Чортово городище"* на верху высокаго мыса, отдѣленнаго отъ прочихъ горъ глубокими долинами. „Такое природное укрѣпленіе сего мѣста, говоритъ Рычковъ, было причиною, что древніе обитатели сея земли укрѣпили его валами только съ восточной стороны, гдѣ пологая долина являла имъ опасность въ случаѣ нападенія непріятельскаго" (стр. 148). Размѣръ этого городка не болѣе 80 саженъ въ діаметрѣ. Рѣка Бѣлая, къ которой примыкало Чортово городище, въ настоящее время отошла отъ этого берега болѣе 100 саженъ (во время путешествія Рычкова), а близъ подошвы горы образовалось озеро, на-

зываемое Усольемъ. Въ трехъ верстахъ отъ озера, среди густого лѣса, находится еще старинный городокъ, который и пространствомъ и высотой валовъ подобенъ предыдущему городищу. Рѣка Бѣлая течетъ отъ него въ трехъ верстахъ. Въ 15 верстахъ отъ Бирска, на нагорной сторонѣ р. Бѣлой находится *Айбашево городище* (по имени татарской деревни). Рычковъ описываетъ его такимъ образомъ. „Крутизна берега, на верху коего видимо оное городище, есть самая лучшая высота Бѣльскихъ береговъ, потому что возвышеніе сіе составляетъ болѣе 50 саженъ и столь круто, что едва взойти можно. Трудамъ древнихъ жителей способствовало и самое природное положеніе сего мѣста; ибо они должны были защитить себя только съ восточной стороны, ради плоской долины, гдѣ и укрѣпили себя *четырьмя валами*, отдѣляя ихъ другъ отъ друга довольнымъ разстояніемъ. Прочія же части городка укрѣпляли глубокіе овраги, лѣсистыя и непроходимыя горы“ (стр. 151)*). Внутри городища авторъ нашелъ, конечно, при самомъ поверхностномъ изслѣдованіи, тоже самое, что и въ предъидущихъ, т. е. ямы, бугры и черепки битой посуды.

Всѣ городища, обозначенныя по р. Бѣлой устроены по общему скиѳскому типу: расположены на высокихъ берегахъ, подъ прикрытіемъ рѣки, и защищены съ открытыхъ сторонъ рвами и валами. Расположеніе ихъ ясно показываетъ, что народъ, строившій эти городища, пользовался рѣчнымъ судоходствомъ и охранялъ этотъ водяной путь. Рѣки Бѣлая и Уфа, въ предѣлахъ нынѣшней Уфимской и Оренбургской губерній, играли въ этомъ отношеніи главнѣйшую роль, давая выходъ въ Каму, а черезъ эту послѣднюю—въ Вятку и въ Великую Пермь. Уфимская же область цѣнилась и охранялась въ древности не только по своимъ привольнымъ и плодороднымъ мѣстамъ, пригоднымъ для поселеній, но въ особенности по ея рудным богатствамъ, представляя одинъ изъ главныхъ центровъ добычи мѣди. Мѣдный промыселъ, очевидно, существовалъ здѣсь въ очень широкихъ размѣрахъ и притомъ очень продолжительное время, какъ показываютъ старыя чудскія копи. Въ связи съ этимъ промысломъ, вѣроятно, существовала и торговля мѣдью, отправляемой при посредствѣ тѣхъ же сплавныхъ и судоходныхъ рѣкъ на центральные рынки того времени.

Для полнаго обзора древностей разсматриваемой области намъ слѣдуетъ еще обратить вниманіе на рѣки Большой и Малый *Черемшанъ* (лѣвый притокъ Волги), протекавшія въ предѣлахъ древней Камской Болгаріи. Главнымъ населеннымъ и торговымъ пунктомъ здѣсь служилъ городъ *Булымеръ* или нынѣшній *Билярскъ*. Древности Билярска Рычковъ описываетъ такимъ

*) Въ текстѣ сочиненія Рычкова при описаніи почти каждаго городища дѣлается ссылка на приложенный планъ, но въ экземплярѣ, которымъ мы пользовались, къ сожалѣнію, этихъ плановъ не оказалось.

образомъ: „Укрѣпленіе его состояло *въ трехъ глубокихъ рвахъ* и въ томъ же числѣ возвышенныхъ *валовъ*. Первый валъ начинается съ сѣверовосточной стороны отъ рѣчки Билярки и представляетъ окружность болѣе *12 верстъ*. За этимъ валомъ находится другой, отдѣленный довольнымъ разстояніемъ отъ перваго, гдѣ (?) видно множество знаковъ каменныхъ развалинъ. Послѣдній валъ, гораздо лучше укрѣпленный, подаетъ поводъ думать, что онъ былъ замкомъ сего древняго города, гдѣ между различными разрушенными зданіями находится еще донынѣ преогромный каменный столпъ, построенный посреди сего замка, изъ краснаго кирпича, смѣшаннаго съ дикимъ камнемъ... По сторонамъ его видно множество развалившихся каменныхъ зданій, гдѣ находилъ я гончарной работы изразцы вида синяго и зеленаго".

Въ 20 верстахъ отъ Билярска, близь татарской деревни *Камкикой*, на берегу р. Малаго Черемшана, на верху крутой горы находится укрѣпленный валами старинный городокъ. Валы его имѣютъ *форму дуги или полукружія*. Окружность валовъ болѣе 300 саженъ, а вышина, вмѣстѣ со рвомъ, до 3 саженъ. Внутри валовъ груды дикаго камня и битаго кирпича (Продолж. дневн. зап. стр. 8). По берегу той же рѣки, въ трехъ верстахъ отъ деревни *Чибашъ*, Рычковъ указываетъ на древнее укрѣпленіе, окруженное *тремя рядами высокихъ дугообразныхъ валовъ и рвовъ*. Западная сторона городища примыкаетъ къ крутому берегу р. Чибашъ, за которою простирается болотистая долина, потому эта сторона не имѣетъ искусственныхъ укрѣпленій. Внутри городка находится много бугровъ и ямъ, при раскапываніи которыхъ оказался битый кирпичъ и камень, почему Рычковъ заключаетъ, что здѣсь были каменныя постройки. Размѣръ этого городища опредѣленъ авторомъ 91 сажень длины, 86 саж. ширины и 354 сажени по окружности валовъ. Вышина валовъ со рвами болѣе трехъ саженъ. За чертою валовъ оказывается еще множество ямъ и грудъ каменнаго мусора, простирающихся, на протяженіи 120 саженъ, до рѣчки Качей, впадающей въ рѣчку Чибашъ. Первая изъ этихъ рѣчекъ протекала, повидимому, внутри пригорода, такъ какъ за нею еще видны слѣды бывшихъ зданій (стр. 6).

Далѣе въ направленіи къ Волгѣ, близь села *Кандаловъ*, при рѣчкѣ того же имени описывается городище, на верху горы, окруженное *двумя рядами* высокихъ валовъ, между коими находится глубокій ровъ. Валы полукруглой формы имѣютъ окружность въ 350 саж., концы ихъ примыкаютъ къ крутизнѣ горы, при подошвѣ которой течетъ рѣчка Кандала. Остатковъ древнихъ зданій или развалинъ внутри городища не было замѣчено (стр. 3). Здѣсь же Рычковъ упоминаетъ, что въ трехъ верстахъ отъ татарской деревни *Старый Баранъ* находится городище такого же размѣра, какъ при селѣ Кандалахъ; въ четырехъ верстахъ отъ Баранскаго городища находится укрѣпленіе, обнесенное *двойнымъ валомъ*, а недалеко отъ него есть еще другой подобный городокъ (стр. 5).

Обратимъ вниманіе, что почти всѣ древнія болгарскія укрѣпленія оказываются по западную сторону Уральскаго хребта, преимущественно по среднему и нижнему теченію р. Бѣлой. Но этого не замѣчается ни по восточному склону средняго Урала, ни на югѣ, со стороны оренбургскихъ степей. Отсюда можно заключить, что Уральскія крѣпости строились для защиты не отъ народовъ, населявшихъ Западно-Сибирскія и Оренбургскія степи, а отъ сѣверныхъ лѣсныхъ жителей, вѣроятно финновъ, издревле населявшихъ эту страну (Черемисы, Вотяки, Чуваши, впослѣдствіи оттѣсненные новыми пришельцами въ Казанскую, Вятскую и Нижегородскую губерніи). Такую же роль играли земляные городки Вятскаго края, къ описанію которыхъ мы теперь переходимъ.

По сѣверную сторону Камы городищъ оказывается весьма много. Они расположены преимущественно по рѣкѣ Вяткѣ и по ея восточному притоку р. Чепцѣ, которая вершинами сближается съ р. Обвой, впадающей въ Каму выше нынѣшней Перми. Эти два притока, вмѣстѣ съ Вяткой и Камой, окружаютъ пространство наилучшихъ Вятскихъ земель, богатыхъ не однимъ хлѣбопашествомъ, но и рудными мѣсторожденіями. Потому названный районъ въ древнія времена былъ защищенъ по теченію рѣкъ многочисленными городками. При перечисленіи ихъ мы будемъ держаться того же источника—путешествія Рычкова*).

Начнемъ съ р. Вятки. На стр. 56 Рычковъ говоритъ: „цѣлый день препроводилъ я, осматривая запустѣлыя городища, въ которыхъ до пришествія Новгородцевъ обитали Чудскіе народы. Первое изъ нихъ находится въ четырехъ верстахъ отъ города *Хлынова*, на западномъ берегу р. Вятки, у деревни *Лосевой*. Въ немъ, кромѣ валовъ, сдѣланныхъ на подобіе *полукружія*, нѣтъ ничего достопамятнаго. Малое его пространство даетъ случай думать, что валы служили или замкомъ какого нибудь селенія, или въ немъ совсѣмъ не было никакого жилища, развѣ только, что древніе жители сей земли искали тамъ безопаснаго убѣжища во время нашествія своихъ непріятелей“.

„Другое городище находится въ 15 верстахъ отъ города Хлынова и есть то самое мѣсто, которое въ Вятской лѣтописи названо *Чудь—Болванскій городокъ* и кое прежде всего покорили подъ власть свою славяне, шедшіе на поселеніе въ Вятскую страну. Названіе *Никулицына*, данное сему Чудскому городу отъ сихъ побѣдителей, имѣетъ нынѣ русское село, стоящее посреди древнихъ валовъ. Валы, укрѣпляющіе сіе достопамятное городище, круты, пространны и возвышены такъ, что ни самая древность не могла истребить рачительные труды народовъ, обитавшихъ въ сей странѣ“.

*) Рычковъ, продолженіе журнала или дневныхъ записокъ путешествія въ 1770 году. Спб. 1772 года.

Далѣе по р. Чепцѣ, около Глазова, описывается городище „укрѣпленное съ западной стороны крутизною горы, съ полудня преглубокою долиною, посреди которой течетъ р. Пиза,—съ востока крутыми валами, касающимися концами своими высокихъ береговъ обѣихъ вышеупомянутыхъ рѣкъ“ (стр. 70). Въ 20 верстахъ отъ этого городища, на восточной сторонѣ той же рѣки (Чепцы), близь села *Балезино* находится другое такое же городище. „Валы, его окружающіе, говоритъ Рычковъ, столько жъ возвышены, какъ и первые, но они разнятся только тѣмъ, что укрѣпленіе ихъ составляетъ *видъ полукружія*, пресѣкающагося у крутизны стоящей тутъ горы“ (стр. 71).

Вершина р. Чепцы, въ предѣлахъ Пермской губерніи, сближается съ вершинами р. Камы и Обвы, впадающей въ Каму. На этомъ водораздѣлѣ, въ двухъ верстахъ отъ села *Рождественскаго*, на восточномъ берегу Обвы, Рычковъ описываетъ слѣды бывшаго города, окруженнаго высокими валами. Внутри этого укрѣпленія онъ видѣлъ множество дикаго камня, кирпича и муравленныхъ плитъ, которые, очевидно, составляли остатки нѣкогда бывшихъ здѣсь каменныхъ зданій. Рычкову разсказывали, что 50 лѣтъ передъ тѣмъ среди валовъ сохранялись еще остатки столбовъ, сложенныхъ изъ дикаго камня, составлявшихъ городскія ворота. На этомъ городищѣ крестьяне находили много древнихъ мѣдныхъ предметовъ, золотыхъ и серебряныхъ колецъ, перстней, серегъ и разныхъ другихъ украшеній, а также бисера и цвѣтныхъ каменьевъ (стр. 75). Городище это занимаетъ пространство больше версты, но позади его, за глубокими каменными оврагами, на высотѣ той же горы было устроено еще добавочное укрѣпленіе въ родѣ цитадели, тоже окруженное высокими валами. Оно имѣетъ форму круга; ворота въ этихъ земляныхъ валахъ устроены съ запада. Внутри этого малаго городка тоже находятся слѣды бывшихъ каменныхъ зданій (муравленыя плиты и камни). Вся окружность этого замка не болѣе 50 саженъ (стр. 77).

Въ 10 верстахъ отъ Рождественскаго, въ направленіи къ Соликамску, снова оказывается городище, но большая часть его земляныхъ валовъ во времена Рычкова были уже распаханы крестьянами подъ пашни. Далѣе отсюда въ 50 верстахъ находится село *Купрòсъ*, построенное на мѣстѣ древняго укрѣпленія, валы котораго хорошо сохранились. Здѣсь, по словамъ Рычкова, находятъ древнія серебряныя и мѣдныя вещи“ и землепахатныя орудія, находимыя въ городскихъ развалинахъ и въ поляхъ, лежащихъ около сихъ мѣстъ; изъ чего можно заключить, что древніе обитатели сей земли были земледѣльцы“ (стр. 78).

Отъ села Купроса въ 20 верстахъ, близь села Майкова, стоящаго на большой соликамской дорогѣ, находится такое же городище, а дальше отъ него въ 15 верстахъ вверхъ по р. Инвѣ видно еще другое укрѣпленное валами мѣсто (стр. 79).

При выходѣ съ р. Обвы на Каму на мѣстѣ древняго городища расположено село *Городище*, гдѣ во времена Рычкова были валы окружностью въ 150 саженъ. По другую сторону Камы, близъ *Висимскаго завода*, почти противъ самаго устья Обвы, на высокой горѣ, тоже существовала крѣпость, окруженная валами. По описанію Рычкова, гора эта выдается въ видѣ треугольника, и потому три части ея защищены естественною крутизною, но съ сѣверовосточной стороны, гдѣ открывается пространная равнина, возведены два высокіе вала (стр. 82). Описывая мѣдноплавильные заводы Соликамскаго уѣзда, Рычковъ замѣчаетъ, что рудники ихъ прежде считались весьма богатыми; „въ нихъ находили самородную мѣдь большими глыбами, а нынѣ не видно тамъ ничего, кромѣ развалинъ *старыхъ работъ*“ (93). Подобные же мѣдные рудники существовали по р.р. Обвѣ и Чепцѣ, но въ концѣ прошлаго столѣтія они находились въ упадкѣ. Хотя о слѣдахъ Чудскихъ копей въ этихъ мѣстахъ авторъ не упоминаетъ, но мнѣ кажется, не будетъ невѣроятнымъ предположеніе, что древніе рудоискатели не должны были оставить безъ вниманія и этихъ рудныхъ мѣсторожденій, находящихся въ самыхъ предѣлахъ Великой Перми, населенной, судя по городищамъ, тѣмъ же промышленнымъ народомъ, какъ и въ Уфимской области.

На пространствѣ отъ Висимскаго завода до Чердыня Рычковъ не упоминаетъ ни объ одномъ городищѣ; но въ окрестностяхъ Чердыни оказывается особый центръ укрѣпленныхъ городковъ, доказывающихъ, что эта мѣстность въ древности имѣла особое стратегическое значеніе. Первое укрѣпленіе указывается авторомъ въ шести верстахъ отъ Чердыни при селѣ *Пахиѣ*; въ 14 верстахъ отъ него второе у села *Вильгоръ*; то и другое на утесистомъ берегу р. Колвы. Далѣе въ 20 верстахъ отъ Вильгора вверхъ по Колвѣ находится городище *Искоръ*. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ, внутри земляныхъ валовъ, находятъ, по словамъ Рычкова, различныя серебряныя и мѣдныя вещи, изображающія то человѣческія фигуры, то разныхъ птицъ и звѣрей. Авторъ прибавляетъ вслѣдъ затѣмъ, что, по слухамъ, много запустѣлыхъ городищъ находится и въ другихъ мѣстахъ, дальше отъ береговъ р. Колвы, но такъ какъ всѣ они очень однообразны, то авторъ не призналъ нужнымъ осматривать ихъ (стр. 116). На Колвѣ же, въ пяти верстахъ отъ села *Ныробъ*, описывается укрѣпленное валами мѣсто на одномъ изъ утесовъ горы *Ветланъ*, и въ такомъ же разстояніи за нимъ другое укрѣпленіе на такъ называемой *Дивьей горѣ*.

При возвращеніи изъ Чердыни въ Соликамскъ, въ 25 верстахъ отъ перваго, на берегу р. Камы находится *Губинское городище* при деревнѣ того же имени. Этотъ городъ былъ укрѣпленъ *тремя рядами валовъ* съ такимъ же числомъ рвовъ. Огражденное пространство имѣло въ діаметрѣ около четырехъ верстъ. Здѣсь Рычковъ указываетъ на слѣды бывшихъ ка-

менныхъ зданій (камни и *кирпичъ*), а въ почвѣ городища крестьяне часто находятъ серебряныя, мѣдныя и даже золотыя вещи, которыя они продаютъ на сплавъ Чердынскимъ серебреникамъ и мѣдникамъ (стр. 126). Изъ всѣхъ городищъ, лежащихъ по берегамъ Камы, Губинское Рычковъ считаетъ „самымъ превосходнѣйшимъ“ и высказываетъ предположеніе: не здѣсь ли была главная столица и пристань древней Пермской страны.

Въ дополненіе къ даннымъ Рычкова о древностяхъ Соликамскаго уѣзда приведемъ результаты изслѣдованій *Ѳ. А. Теплоухова*, произведенныхъ въ недавнее время *при устьѣ рѣчки Гаревой*, въ 55 верстахъ къ сѣверу отъ города Перми, на правомъ берегу Камы*). При раскопкахъ здѣсь было найдено весьма много костяныхъ наконечниковъ стрѣлъ, совершенно сходныхъ съ сибирскими. Авторъ предполагаетъ, что здѣсь приготовлялись эти издѣлія для продажи, такъ какъ независимо отъ множества стрѣлокъ, скученныхъ на одномъ мѣстѣ, многія изъ нихъ оказываются не бывшими въ употребленіи, т. е. безъ поломокъ и зазубринъ. Кромѣ костяныхъ стрѣлъ, здѣсь же найдена масса узорчатыхъ черепковъ и нѣсколько цѣлыхъ экземпляровъ глиняной посуды. Судя по приложеннымъ рисункамъ, форма и орнаменты ихъ не отличаются отъ издѣлій подобнаго рода, постоянно встрѣчающихся почти на всѣхъ сибирскихъ, болгарскихъ и россійскихъ городищахъ и въ курганныхъ могилахъ. Кромѣ того, на урочищѣ Гаревой найдены были глиняныя, мастиковыя и стеклянныя бусы, по рисунку совершенно одинаковыя съ тобольскими курганными и болгарскими (См. Арх. Музей Томск. универс. прим. 20, стр. 51). Бронзовыхъ издѣлій найдено здѣсь немного; но попадались также желѣзныя стрѣлки, ножи и копья древняго типа. По этимъ находкамъ можно заключить, что на Камѣ существовала въ древности (въ курганную эпоху) та же самая культура, какая оказывается при раскопкахъ сибирскихъ городищъ и могильниковъ. Поэтому данныя г. Теплоухова, касающіяся не одного внѣшняго описанія камскихъ городищъ, получаютъ особую цѣну при крайне ограниченномъ числѣ систематическихъ раскопокъ въ Пермской области. По этимъ изслѣдованіямъ мы имѣемъ право считать Пермскія и Сибирскія городища одновременными и принадлежавшими одной культурѣ, слѣдовательно, и родственному народу.

Заканчивая свое путешествіе по Камѣ устьемъ р. Чусовой, Рычковъ описываетъ въ двухъ верстахъ отъ этого устья, на высокомъ берегу Камы обширное укрѣпленіе, высокіе валы котораго, *полукруглой формы*, занимаютъ пространство въ 400 саженъ. Внутри городища находится много ямъ, которыя, по словамъ Рычкова, „суть свидѣтели бывшихъ здѣсь старинныхъ зданій“ (стр. 132).

*) *Teplouchoff*, über die prähistorischen Opferstätten am Uralgebirge. Archiv für Anthropologie, Bd. VIII, S. 142, съ 2 таблицами рисунковъ.

Повидимому объ этомъ самомъ городищѣ въ 1878 г. сообщалъ въ Казанскомъ археологическомъ Обществѣ профессоръ *Штукенбергъ**). Онъ называетъ его *Галкинскимъ*, по имени близъ лежащей деревни. Оно расположено на крутомъ выдающемся клинообразномъ мысу между правымъ берегомъ Чусовой и лѣвымъ берегомъ Камы. Мысъ окруженъ съ трехъ сторонъ низменностью, примыкающей непосредственно къ Камѣ и Чусовой, а открытая его сторона, переходящая въ равнину высокаго берега, защищена валомъ. За валомъ непосредственно начинаются распаханныя поля деревни Галкиной. Раскопки на этомъ городищѣ производилъ профессоръ *Кротовъ***). При этомъ оказалось, что валъ до 2 арш. высоты былъ сложенъ изъ плитняковыхъ известняковъ, съ примѣсью сѣрой глины и растительной земли, а снаружи покрытъ черноземомъ и дерномъ. Кромѣ обломковъ костей, небольшихъ кусочковъ угля и черепковъ глиняной посуды, найденныхъ подъ дерномъ вала и въ ближайшей къ нему мѣстности внутри городища, другихъ предметовъ здѣсь не оказалось. Но въ прежнее время, по словамъ Кротова, при распашкахъ площади городища крестьяне находили бронзовыя вещи и костяные наконечники стрѣлъ. Подъ горой, у самой рѣки были также найдены кремневыя стрѣлки и черепки глиняной посуды. Если Галкинское городище считать за то самое, о которомъ упоминалъ Рычковъ, то изъ сопоставленія его описанія съ данными Штукенберга и Кротова нельзя не видѣть, что по истеченіи столѣтія отъ этихъ древностей остались только слабые слѣды. Раздѣлка почвы подъ деревенскія постройки и пашни служитъ главною причиною уничтоженія доисторическихъ памятниковъ.

Древности, расположенныя въ Чердынскомъ и Соликамскомъ уѣздахъ, а тѣмъ болѣе къ сѣверу отъ нихъ на Печорскомъ водораздѣлѣ, до сего времени остаются, по причинѣ отдаленности края, мало разслѣдованными. Рычковъ былъ первымъ и единственнымъ путешественникомъ, сдѣлавшимъ полный обзоръ городищъ цѣлаго края, но въ его сочиненіи нѣтъ указанія на ихъ содержимое, для чего у любознательнаго путешественника не было ни средствъ, ни времени. Послѣ Рычкова посѣтилъ эти мѣста, въ 1821 году, Василій Берхъ ***), но его больше интересовали историческіе акты, чѣмъ археологическія данныя. Кое-гдѣ, наприм., на Искорѣ имъ были произведены поверхностныя раскопки, давшія предметы смѣшаннаго характера (серебряное кольцо, мѣдныя серьги, много замковъ и ключей съ золотою насѣчкой и т. п.). Тутъ же оказались при раскопкахъ во многихъ мѣстахъ глинобитныя печи

---

*) Извѣстія Общ. Археологіи, истор. и этногр. при Императорскомъ Казанскомъ универс. Томъ I, Казань 1889 года, стран. 96.

**) *Кротовъ*, о раскопкахъ, произведенныхъ на городищѣ близъ деревни Галкиной, на устьѣ рѣки Чусовой. Тамъ же, томъ III, Казань. 1884 года, стр. 180.

***) Путешествіе въ города Чердынь и Соликамскъ для изысканія историческихъ древностей. С.-Петербургъ 1821 г.

и такое множество (желѣзнаго?) шлака, что „можно бы думать, что въ Искорѣ жили только кузнецы“ (стр. 97). Очевидно г. Берхъ коснулся при раскопкахъ болѣе позднихъ культурныхъ слоевъ данной мѣстности, когда уже обработывалось здѣсь желѣзо. Эти поверхностныя и мимоходныя изслѣдованія все же не лишены значенія. Присутствіе печей, массы желѣзнаго шлака и желѣзныхъ издѣлій въ разрытыхъ кучахъ на поверхности Искора могутъ доказывать, что здѣсь было желѣзное производство раньше русскаго водворенія на Уралѣ, но къ какой эпохѣ это могло относиться, данныя Берха того не указываютъ. Въ описаніи мѣстоположенія городища *Искоръ**) Берхъ сообщаетъ нѣкоторыя подробности, которыхъ нѣтъ у Рычкова. Такъ онъ говоритъ: „съ трехъ сторонъ городище окружается неприступными утесами, а съ четвертой находится ровная, покатая плоскость, со стороны которой и были возведены искусственныя огражденія. Площадь городища заключаетъ въ себѣ около 200 кв. саженъ“ (стр. 96). О прочихъ городищахъ по Камѣ и Колвѣ Берхъ упоминаетъ только по разсказамъ крестьянъ. Послѣдніе, между прочимъ, сообщали ему, будто бы въ почвѣ городищъ встрѣчается очень много углей, что подтверждаетъ и Берхъ (стр. 115). Это заявленіе можетъ служить доказательствомъ бывшихъ здѣсь когда-то деревянныхъ построекъ, уничтоженныхъ пожаромъ.

Намъ остается еще сказать о городищахъ по нижнему теченію Камы, въ центрѣ древней Болгарской области, или въ нынѣшней Казанской губерніи. Благодаря Казанскому археологическому Обществу и университету, древности этого района, какъ болѣе близкаго и доступнаго, были изслѣдованы гораздо тщательнѣе, чѣмъ въ другихъ, рѣдко посѣщаемыхъ учеными, мѣстахъ. О Казанскихъ городищахъ имѣется достаточно литературныхъ указаній, поэтому мы не будемъ описывать ихъ въ подробности, указавъ источники, гдѣ можно найти эти свѣдѣнія. На первомъ планѣ здѣсь должно поставить книгу профессора Сергѣя Михайловича *Шпилевскаго*, изданную въ Казани въ 1877 году, подъ заглавіемъ: „Древніе города и другіе болгарско-татарскіе памятники въ Казанской губерніи“. Въ этомъ обширномъ трудѣ (585 страницъ 8°) собраны и тщательно разсмотрѣны почти всѣ основные факты, относящіеся къ городищамъ Казанской губерніи. Вслѣдъ за Шпилевскимъ продолжало работать въ частностяхъ Казанское археологическое Общество, въ напечатанныхъ трудахъ („Извѣстіяхъ“) котораго съ 1878 года было помѣщено много весьма цѣнныхъ статей по тому же вопросу. Въ 1890 году напечаталъ свой многолѣтній трудъ проф. Н. А. *Толмачевъ*, подъ заглавіемъ: „объ остаткахъ древности въ предѣлахъ Казанской губерніи“ (докладъ IV археологическому съѣзду, изъ перваго тома трудовъ этого

*) Названіе *Искоръ* напоминаетъ имя Тобольскаго городища *Искеръ*. То и другое, вѣроятно, имѣетъ въ основѣ своей татарское слово *иски* старый, древній.

съѣзда). Это изданіе важно въ томъ отношеніи, что здѣсь, кромѣ обстоятельнаго описанія городищъ, лично осмотрѣнныхъ и измѣренныхъ авторомъ, помѣщены тщательно выполненные планы ихъ и рисунки съ картами мѣстностей. Изъ городищъ особенно любопытны *Чаллынское* и *Жукотинское*, какъ окруженныя *четверными рядомъ валовъ* и рвовъ (Табл. III, рис. № 12 и 14). Первое находится въ Лаишевскомъ уѣздѣ при рѣкѣ *Шумбутъ*, изливающейся въ Каму противъ города Чистополя. *Жукотинское* городище помѣщается на лѣвомъ высокомъ берегу Камы, верстахъ въ семи ниже Чистополя, близъ деревни Данауровки. Мѣстность городища ограждена съ сѣвера обрывомъ высокаго берега Камы, съ запада и юго-запада крутымъ обрывомъ глубокаго оврага, а съ востока и юго-востока *тремя параллельными рядами высокихъ валовъ* съ двумя промежуточными между ними рвами; размѣръ городища по сѣверной сторонѣ 450 шаговъ, по юго-западной 415, по восточной и юго-восточной 409 шаговъ (стр. 24). Кромѣ Чаллынскаго и Жукотинскаго, въ окрестностяхъ города Чистополя (въ 15 верстахъ) находится еще одно древнее укрѣпленіе въ селѣ *Зміевѣ*. Нынѣшнее русло Камы у села Зміева отдаляется отъ горныхъ возвышеній лѣваго берега на нѣсколько верстъ, оставляя между рѣкой и горами поемные луга, среди которыхъ встрѣчаются небольшія озера и течетъ рѣчка Прыть (остатокъ стараго русла Камы). Село *Зміево городище* расположено у самаго обрыва лѣваго горнаго берега отступившей рѣки. Городище находится въ самомъ селѣ. Съ запада оно ограждается тоже высокимъ береговымъ обрывомъ, а съ открытой стороны, съ востока и юга были построены *три параллельные вала*, раздѣленные рвами. Длина южныхъ валовъ равняется 185 саженямъ, а восточныхъ 120 саж. Въ трехъ верстахъ отъ Зміева находится еще городище, окруженное валомъ въ видѣ дуги полукруга, упиравшейся концами въ оврагъ. Діаметръ его Н. А. Толмачевъ опредѣляетъ на глазомѣръ примѣрно саженей 100 (стр. 23). Если справедливо предположеніе, что ниже гор. Чистополя въ древности отдѣлялся южный рукавъ рѣки Камы, впадавшій въ Волгу у самаго города Болгара (см. чертежъ въ началѣ слѣдующей главы), то этимъ можно было бы отчасти объяснить, почему въ окрестностяхъ Чистополя было сосредоточено столько укрѣпленій.

Прослѣдивъ, по мѣрѣ возможности, по литературнымъ источникамъ, распространеніе городищъ по западную сторону Урала, намъ слѣдуетъ теперь перечислить доисторическіе слѣды древнихъ поселеній на восточной сторонѣ Уральскаго хребта. Естественнѣе всего ихъ предполагать по берегамъ тѣхъ рѣкъ, которыя въ древности должны были служить путями сообщеній между Сибирью и Пермской областью. Главнѣйшую роль въ этомъ отношеніи, повидимому, играла многоводная Тавда (западный притокъ Тобола) съ ея сѣверными притоками Сосвой и Лозвой, близко подходящими

къ вершинамъ Пермскихъ рѣкъ Камскаго бассейна (Вишеры, Язьвы и Яйвы). Другимъ путемъ черезъ Уралъ служила р. Тура съ ея западными притоками: Тагиломъ и Ницей, ведущими къ волокамъ на р. Чусовую. Южнѣе этого направленія существовалъ еще одинъ выходъ на Чусовую при посредствѣ р. Исети, съ волокомъ въ окрестностяхъ нынѣшняго Екатеринбурга*). По всѣмъ этимъ линіямъ несомнѣнно существовало въ древности судоходное движеніе, иначе невозможно объяснить присутствіе городищъ и другихъ слѣдовъ доисторической жизни, сохранившихся по берегамъ названныхъ рѣкъ, часто среди неприступныхъ горъ, или въ глуши непроходимыхъ болотъ и лѣсовъ. Ясно, что промышленная и торговая жизнь проникала въ эти дебри только по теченію рѣкъ и ютилась только по берегамъ ихъ, гдѣ до сихъ поръ сохранились ясные слѣды бывшихъ поселеній съ остатками культуры, свойственной курганной эпохѣ. Для археолога эти побережныя городища вдвойнѣ любопытны и важны: они не только опредѣляютъ древніе пути сообщеній, но вмѣстѣ съ тѣмъ указываютъ на единство древне-сибирской и западно-русской культурной жизни; ибо общій типъ встрѣчающихся здѣсь земляныхъ укрѣпленій оказывается одинъ и тотъ же и съ тѣми же находками культурныхъ предметовъ, какія свойственны городищамъ Европейской Россіи въ древнюю эпоху курганнаго погребенія.

Полнаго систематическаго обзора городищъ сѣверной сибирской полосы мы не имѣемъ до сего времени. Особенно въ этомъ отношеніи чувствуются пробѣлы на крайнемъ сѣверѣ, котораго археологи еще совсѣмъ не касались. Даже по р. Тавдѣ первое указаніе на городища было сдѣлано только въ 1892 г. И. Я. *Словцовымъ*, во время его путешествія по этой рѣкѣ. „Не сомнѣнно было время, замѣчаетъ г. Словцовъ**), когда по Тавдѣ шли караваны изъ самыхъ нѣдръ Азіи въ торговую Біармію. Негдѣ искать другой древней дороги въ Европу, кромѣ этой рѣки, а потому и Тавдинскій край не могъ быть пустыннымъ и одинокимъ. Прошли вѣка, населеніе было ра-

*) *Поповъ* въ „Хозяйственномъ описаніи Пермской губерніи“ (С.-Петербургъ 1811 г. ч. I, стр. 186) указываетъ нѣсколько пунктовъ, гдѣ притоки рѣки Чусовой сближаются съ притоками сибирскихъ рѣкъ. Извѣстный путь Ермака съ р. Чусовой и р. Серебрянки на р. Тагилъ даетъ волокъ въ 9 верстъ до р. Баранчи, впадающей въ Тагилъ. Второй путь съ Чусовой при посредствѣ р. Шишимъ и оз. Исетскаго ведетъ въ р. Нейву. Здѣсь волокъ всего 2—3 версты. *Паллассъ* указываетъ, какъ на самый удобный пунктъ соединенія Чусовой съ сибирскими рѣками, на Черное озеро, у Черноисточинскаго завода, и рр. Висимъ и Шайтанку.—Этими волоками нынѣ не пользуются по причинѣ мелководности притоковъ, но въ древнія времена, когда воды было больше, они могли вполнѣ соотвѣтствовать цѣли передвиженія при малой осадкѣ судовъ. Кромѣ перечисленныхъ волоковъ, существуетъ нѣсколько не менѣе удобныхъ переваловъ черезъ сѣверный Уралъ, въ Березовскомъ и Обдорскомъ краѣ, при посредствѣ сближающихся вершинъ притоковъ Оби и Печоры; но въ настоящее время мы не имѣемъ никакихъ археологическихъ данныхъ для того, что бы судить, пользовались ли этими сѣверными путями въ древности для сношеній Сибири съ Великою Пермью.

**) *Словцовъ*, въ странѣ кедра и соболя. Очеркъ Тавдинско-пелымскаго края. Извѣстія Зап.-Сибир. отдѣла Импер. русск. геогр. общ. книжка XIII, вып. I.

зогнано и уничтожено, а многоводная рѣка совершенно забыта. Только безпримѣрные по величинѣ земляныя насыпи и курганы остались безмолвными свидѣтелями, что долина этой рѣки была когда то населена племенемъ, стоящимъ на весьма высокой степени культурнаго развитія". Описаніе этихъ древнихъ земляныхъ сооруженій по Тавдѣ г. Словцовъ обѣщаетъ представить въ отдѣльной спеціальной работѣ, а въ указанной статьѣ онъ ограничивается только перечисленіемъ древностей отмѣченныхъ во время путешествія. За неимѣніемъ болѣе подробнаго описанія, мы ограничиваемся тѣмъ, что уже опубликовано Ив. Як. Словцовымъ.

„По всему теченію Тавды, говоритъ авторъ, курганныхъ насыпей весьма немного; большинство сооруженій представляютъ городища, или древніе укрѣпленные пункты, расположенные какъ по берегу Тавды, такъ и по впадающимъ въ нее притокамъ. Городища эти имѣютъ различную форму и величину, но всегда расположены на высокихъ холмахъ и обнесены кругомъ валомъ и рвомъ. Площадь внутри вала содержитъ слѣды поселеній въ видѣ небольшихъ ямъ, въ которыхъ находятъ обыкновенно обломки горшечной посуды, кости различныхъ животныхъ и предметы домашняго и военнаго быта".

1) Начиная съ верховьевъ Тавды, первое городище лежитъ въ 50 верстахъ отъ Пелыми, при впаденіи рѣчки Воглы (Вагилы) и называется *Усть-Вагильскимъ*. 2) Въ полуверстѣ отъ села Пелымскаго, вверхъ по рѣкѣ Пелымкѣ, на высокомъ прибрежномъ холмѣ, часть городища обрушилась и образовался поперечный разрѣзъ его. Здѣсь видны сооруженія изъ обожженной глины (печи?). 2) Въ 45 в. отъ Пелыми, внизъ по Тавдѣ, близъ дер. Зуевой, городище раскопано крестьянами на глубинѣ четырехъ аршинъ (жаль, что г. Словцовъ не упоминаетъ, хотя бы вкратцѣ, о характерѣ находокъ при раскопкахъ). 4 и 5) Въ 22 верстахъ отъ Зуевой, близъ деревни Дворниковой два городища. Оба лежатъ по рѣчкѣ Пашенной, впадающей въ Тавду съ правой стороны. 6) Въ 82 верстахъ отъ Дворниковой, по рѣчкѣ Черной два городища: одно въ полуверстѣ отъ берега Тавды, совершенно вспаханное, и другое въ двухъ верстахъ съ признаками рвовъ и валовъ. 7) По рѣчкѣ Волчимьѣ небольшое городище окружено высокимъ валомъ и рвомъ. 8) Въ 50 вер. отъ Чернавской, внизъ по Тавдѣ около деревни Сотниковой городище со рвомъ, окруженнымъ высокимъ холмомъ, имѣетъ въ діаметрѣ 47 саж. 9) Близъ села Табаринскаго, по рѣчкѣ Шишу находится разрушенное городище, но признаки вала и рва сохранились. 10 и 11) Въ 30 вер. отъ Табаровъ въ Тавду впадаетъ съ лѣвой стороны р. Иска, а при устьѣ ея ясачная деревня *Городокъ*. Названіе это деревня получила, вѣроятно, отъ положенія ея между древними городищами. Нѣкоторыя изъ нихъ уничтожены пашнями, но три сохранились вполнѣ.

Одно лежитъ въ двухъ верстахъ отъ деревни, при рѣчкѣ Куланья, а два другія близъ озера Урай, съ южной и съ восточной стороны. Озеро Урай, длиною полторы версты, соединяется съ Тавдой посредствомъ старицы и имѣетъ видъ обширной рѣчной бухты. 12) Верстахъ въ 23-хъ на востокъ отъ Городка лежитъ озеро *Индра*. Оно имѣетъ 18 верстъ въ окружности и около 6 верстъ длины. Кромѣ своего имени, оно представляетъ въ археологическомъ отношеніи тотъ интересъ, что со дна его временами выбрасываетъ разные предметы древности, какъ то: мѣдныя чаши, стрѣлы, обломки посуды и пр. Ближайшій обзоръ окрестностей обнаружилъ здѣсь три обширнѣйшихъ городища; одно съ юго-восточной стороны озера Индра, а другія два верстахъ въ полуторыхъ къ югу. 13) Тутъ же около Городка, по дорогѣ на Индру, на берегу рѣчки Иски, при впаденіи въ нее Тяпки, видны слѣды небольшого городища, съ валомъ и рвомъ. 14) Верстахъ въ 30 отъ Городка, внизъ по Тавдѣ, около дер. Галкиной на высокомъ крутомъ береговомъ яру городище съ полукруглымъ валомъ, на половину разрушено обвалами. 15) Отъ Галкиной на югъ, по теченію Тавды съ лѣвой стороны, впадаетъ притокъ Карабашка; съ этой рѣчкой посредствомъ истока соединяется большое озеро Чербакуль (Яничковское). Отъ него въ полуторыхъ верстахъ лежитъ городище въ 20 саж. длины и 15 саж. ширины. Валъ его въ планѣ имѣетъ видъ элипсиса, въ 2½ саж. вышины. Это городище интересно въ томъ отношеніи, что расположено не на холмѣ, а на равнинѣ и сооружено изъ чернозема, очевидно, добытаго въ окрестностяхъ. 16, 17, 18) Близъ села Тавдинскаго, по рѣкѣ Саранкѣ находится три городища; одно самое большое въ деревенскомъ выгонѣ, а другія два въ полуверстѣ отъ него. 19) Наконецъ, на рѣчкѣ Лобутѣ, впадающей въ Тавду съ лѣвой стороны, видна обширная насыпь разрушеннаго городища".

„Кургановъ по Тавдѣ сравнительно мало; они встрѣчаются только по правому берегу рѣки между деревнями Васьковой и Андрюшиной. Три изъ нихъ ближе къ первой деревнѣ, одинъ близъ второй и два по рѣчкѣ Долгой и Уралу, ея притоку, впадающихъ въ Тавду съ правой стороны. Итакъ, оказывается, что на протяженіи Тавды въ 713 верстъ сохранилось 19 укрѣпленныхъ пунктовъ. Не свидѣтельствуютъ ли они, заключаетъ г. Словцовъ, о кипучей дѣятельности стародавняго населенія Тавдинскаго края и извѣстной степени его цивилизаціи?".

Не смотря на такое краткое перечисленіе Тавдинскихъ городищъ и отсутствіе археологическихъ указаній на ихъ содержимое, мы все же имѣемъ основаніе считать, если не всѣ, то многія изъ нихъ сверстниками курганной эпохи. Расположеніе ихъ по берегу судоходной рѣки очевидно имѣло цѣлію охрану водяного пути, а выборъ мѣста на высокихъ мысахъ и полукружная форма валовъ соотвѣтствуютъ общему типу древнихъ земляныхъ

укрѣпленій, о которыхъ мы говорили выше. При этомъ нельзя не принять во вниманіе, что вогульскими постройками XV—XVI в. они не могутъ быть уже потому самому, что въ это время по Турѣ и Тавдѣ, какъ видно изъ русскихъ историческихъ актовъ, населеніе было крайне ничтожное*). Оно не могло быть многочисленнымъ, а тѣмъ болѣе осѣдлымъ и культурнымъ, и въ предшествовавшіе вѣка, по крайней мѣрѣ въ то время, когда съ Югрой, Печорой и Самоядью имѣли дѣла новгородскіе купцы и ратники. По сохранившемуся до сихъ поръ складу бродячей жизни сибирскихъ остяковъ и самоѣдовъ мы имѣемъ основаніе думать, что они до ознакомленія съ русскими никогда не принадлежали къ разряду культурныхъ народовъ. Слѣдовательно, приписывать имъ постройку древнихъ земляныхъ укрѣпленій, въ связи съ рѣчнымъ судоходствомъ и осѣдлою жизнію въ этихъ городкахъ, было бы по меньшей мѣрѣ произвольно.

Считая р. Тавду однимъ изъ судоходныхъ путей, ведущихъ изъ Сибири въ Великую Пермь, мы должны были бы прослѣдить дальнѣйшее направленіе этого пути, по Сосвѣ и Лозвѣ, до перевала въ бассейнъ Камы, или Печоры. Такой выходъ долженъ былъ существовать, иначе нельзя объяснить присутствія многочисленныхъ городищъ въ глухомъ Пелымскомъ краѣ. Къ сожалѣнію, на этотъ вопросъ при настоящемъ запасѣ археологическихъ данныхъ нельзя дать никакого отвѣта, такъ какъ названныя рѣки никѣмъ не были обслѣдованы съ археологическою цѣлію. Однако же, принимая во вниманіе, что древній русскій путь на Тавду шелъ по р. Лозвѣ и городъ Пелымъ первоначально былъ построенъ на этой рѣкѣ, а не на Тавдѣ, можно предполагать, что и въ доисторическое время Лозва служила главною арте-

*) Въ статьѣ *Небольсина* „Покореніе Сибири“, помѣщенной въ Отечеств. Запискахъ за 1848 г. (октябрь, ноябрь и декабрь) въ гл. VI приведены статистическія данныя, извлеченныя изъ грамотъ и другихъ документовъ, о народонаселеніи по Тагилу, Турѣ и Тавдѣ въ концѣ XVI и въ началѣ XVII в. По Турѣ пашенныхъ татаръ, т. е. осѣдлыхъ вогуловъ и остяковъ, считалось всего 34 человѣка. По Тагилу и Чусовой населенія совсѣмъ не было. О населеніи по Тавдѣ точныхъ свѣдѣній не указано, но въ общихъ чертахъ оно едвали многимъ превосходило Туринское. Наибольшая часть вогуловъ и остяковъ вела бродячую жизнь, не имѣя опредѣленной осѣдлости. Хотя приведенныя свѣдѣнія относятся и къ болѣе позднему времени, но все же они даютъ понятіе о томъ малолюдствѣ, какое было по Турѣ и Тавдѣ во время прихода Ермака. Этимъ только и можно объяснить, что дружина его, не свыше 500 человѣкъ, покорила цѣлую страну. Повидимому, не многочисленно было населеніе сѣверныхъ финскихъ странъ и въ предшествовавшіе вѣка. Изъ описанія зимняго похода князей *Курбскаго*, *Ушатаго* и *Бражника* въ 1500 году на восточную сторону Урала, до города Лянина, видно, что небольшая русская рать не встрѣтила здѣсь особенныхъ сопротивленій, быстро покорила страну по нижней Оби и Кондѣ (присоединеніе къ царскому титулу именованія вел. кн. Обдорскаго и Кондинскаго) и возвратилась въ Москву „далъ Богъ здорово вовсе“. Тоже самое мы видимъ въ дѣйствіяхъ казаковъ послѣ Ермака, въ XVII в.—финское населеніе было крайне малочисленно и безсильно. Если въ историческихъ актахъ и въ книгѣ Большого Чертежа упоминается о вогульскихъ и остяцкихъ городахъ, то подъ этимъ именемъ нельзя разумѣть не только настоящихъ городовъ, но даже тѣхъ небольшихъ земляныхъ укрѣпленій, съ которыми имѣетъ дѣло археологія.

ріею для выхода съ Тавды на Печору, или на Вишеру и верхнюю Каму, въ нынѣшнемъ Чердынскомъ уѣздѣ.

По рѣкамъ *Тоболу* и *Турѣ* наиболѣе важныя изъ древнихъ земляныхъ укрѣпленій встрѣчаются на мѣстахъ нынѣшнихъ городовъ Ялуторовска и Тюмени. Мѣсто гдѣ нынѣ стоитъ Ялуторовскъ (основанный въ 1659 г.) у татаръ носило названіе *Ялу-Тура*, что значитъ прикрытый, укрѣпленный городъ. Такое имя было дано ему по причинѣ находившагося здѣсь древняго городища, расположеннаго на лѣвомъ берегу Тобола, при устьѣ рѣки Исети. По описанію Абрамова*) городище это съ двухъ сторонъ было окружено рѣкой, съ третьей оно примыкало къ озеру *Чать*, а съ четвертой открытой стороны было защищено *двойнымъ* рвомъ, глубиною въ 3 сажени; между рвами находился земляной валъ, примыкавшій концами къ берегу рѣки Тобола. Площадь городища, во второй половинѣ XVII в., при построеніи Ялуторовскаго острога, имѣла 70 саженъ длины и 50 саж. ширины. Какъ бы въ подкрѣпленіе этого пункта, въ 33 вер. выше по Тоболу, недалеко отъ Заводоуковскаго села, возвышенный береговой мысъ оказывается тоже укрѣпленнымъ земляным валомъ, длиною около версты. Внутри того и другого изъ этихъ городищъ, съ словъ Абрамова, замѣчается много бугровъ, на подобіе могилъ. Въ окрестностяхъ по берегамъ Тобола находится много высокихъ земляныхъ кургановъ.

Отъ Ялуторовска на западъ линія древнихъ укрѣпленій идетъ по лѣвому берегу рѣки *Исети*. Въ семи верстахъ отъ села Исетскаго, къ западу, при рѣчкѣ Юрюмѣ, на горѣ находится очень красивый берегъ, выдающійся мысомъ. Этотъ мысъ обнесенъ земляным валомъ и рвомъ, около 100 саженъ въ окружности; внутри этого пространства, называемаго «Чудское городище» стоитъ земляной курганъ.—Далѣе вверхъ по Исети, въ 3½ верстахъ отъ села Рафаиловскаго, на высокомъ берегу снова встрѣчается городище, окруженное валомъ и рвомъ. Оба они находятся на берегу пересохшаго стараго русла Исети (старицы), въ 300 саженяхъ отъ нынѣшняго теченія рѣки.

Слѣдующее городище по р. Исети находится въ 6 верстахъ (къ востоку) отъ села Далматовскаго (бывшій заштатный городъ Далматовъ), на правой сторонѣ рѣчки *Суварыша*, здѣсь же впадающей въ Исеть, (лѣвый притокъ) почти противъ устья значительной рѣки Течи, праваго притока Исети. Валы и рвы этого городища имѣютъ видъ неправильнаго шестиугольника. Внутри его и въ окрестностяхъ находятся земляные курганы. Одинъ изъ нихъ, вышиной не менѣе 3—4 саженъ, въ началѣ сороковыхъ годовъ, когда я жилъ въ Далматовѣ, стоялъ на самой окраинѣ селенія, къ сѣверо-во-

*) *Абрамовъ.* Курганы и городища въ Тюменскомъ, Ялуторовскомъ и Курганскомъ уѣздахъ Тобол. губ. Извѣстія Импер. Археологич. общ. Т. 2, стр. 220. С.-Петербургъ. 1861 года.

стоку. Онъ состоялъ изъ чистаго чернозема, что *я помню потому*, что жители Далматова брали отсюда землю для засыпки потолковъ (на чердакахъ избъ), вслѣдствіе чего въ курганѣ оказалась довольно глубокая выемка, въ родѣ траншеи, дававшая возможность судить о строеніи его толщи. Помню также, что въ городищѣ на Суварышѣ находили много узорчатыхъ черепковъ битой глиняной посуды; попадались также и костяныя стрѣлки, которыя мы, будучи дѣтьми, особенно любили розыскивать.

Западнѣе Далматова до самаго Екатеринбурга городищъ, повидимому, совсѣмъ не встрѣчается. Ихъ не оказывается также и южнѣе Исети, по рѣкамъ Течѣ и Міасу, насколько мнѣ извѣстны эти мѣста. Между тѣмъ на этомъ пространствѣ находится не мало кургановъ, большею частью разсѣянныхъ не многочисленными группами. Это доказываетъ, что Исетская провинція нѣкогда входила въ черту однороднаго курганнаго царства и потому не нуждалась въ особой искуственной охранѣ, направленной почти исключительно противъ сѣверныхъ лѣсныхъ областей.

Прежде чѣмъ перейти къ описанію древнихъ укрѣпленій по Турѣ, Тагилу и Чусовой, мы остановимся на городищахъ рѣки *Иртыша*, замыкавшихъ Тобольскую стратегическую линію съ востока. Всѣ они располагаются на правомъ высокомъ берегу Иртыша и сосредоточиваются преимущественно противъ устья р. Тобола, какъ главнаго выхода на многоводный и широкій Иртышъ изъ центра сибирскаго курганнаго царства, занимавшаго южную половину нынѣшней Тобольской губерніи. Иртышъ самъ по себѣ представлялъ самую крупную артерію сибирскихъ водяныхъ сообщеній. Начинаясь отъ Китайскихъ границъ, онъ прорѣзаетъ прямою линіею всю западную Сибирь, давая удобнѣйшій естественный путь на сѣверъ не только для произведеній Алтая, но и для торговыхъ сношеній съ нѣдрами Азіи. Кромѣ того, по Иртышу же должны были происходить торговыя и иныя сношенія съ существовавшими значительными центрами курганнаго населенія въ нынѣшнихъ Тарскомъ, Каинскомъ, Барнаульскомъ и Семипалатинскомъ округахъ. *)

Нельзя не обратить вниманія на тотъ археологическій фактъ, что ни въ верхнихъ плесахъ Иртыша, начиная съ Тары, ни въ глубинѣ Семипалатинскихъ, Акмолинскихъ и Ишимскихъ степей **) почти совсѣмъ не встрѣчается

*) Курганнымъ населеніемъ мы называемъ то племя, у котораго существовалъ обычай курганнаго погребенія. Распространеніе его и сосредоточеніе въ извѣстныхъ областяхъ опредѣляется по сохранившимся многочисленнымъ группамъ курганныхъ могилъ. Въ Западной Сибири такихъ мѣстностей весьма много. Подробное топографическое описаніе ихъ будетъ составлять предметъ особой главы въ спеціальной части нашего сочиненія. По топографическому распространенію этихъ кладбищъ можно будетъ видѣть, какія области были заняты курганнымъ племенемъ и какое отношеніе они имѣли къ городищамъ, обыкновенно располагавшимся по границамъ или внутри инородческаго (финскаго) населенія.

**) Въ путешествіи *Палласа* (ч. II, кн. 2, стр. 88) упоминается только объ одномъ городищѣ близъ села *Боровскаго*, Ишимскаго округа, лежащемъ на высокомъ яру при излучинѣ р. *Карасуля*, впадающей въ Ишимъ. Валы *дугообразной формы*, имѣютъ протяженіе 250 шаговъ. Въ окрестностяхъ этого городища множество кургановъ.

городищъ, не смотря на множество курганныхъ кладбищъ и слѣдовъ древняго металлургическаго промысла. Не доказываетъ ли это, что вся вышеочерченная страна представляла въ то время однородное, не враждовавшее между собою населеніе, которому не было надобности охранять себя искусственными крѣпостями. Городища, какъ мы уже говорили, появляются по Иртышу въ предѣлахъ Тобольскаго округа, противъ устья р. Тобола. Этотъ пунктъ требовалъ стратегической охраны главнымъ образомъ потому, что рѣкою Тоболомъ открывался выходъ съ Иртыша въ Тавду и Туру, черезъ которыя, какъ мы видѣли выше, проходилъ путь на Чусовую и Каму, въ Болгарію и Великую Пермь. Кромѣ того, отъ устья Тобола, къ востоку и сѣверу, начиналось коренное финское царство, съ непроходимою тайгой и болотами, откуда можно было ожидать враждебныхъ дѣйствій.

Городища по р. Иртышу почти исключительно сосредоточены въ окрестностяхъ нынѣшняго города Тобольска. Ближайшее изъ нихъ находится въ 3—4 верстахъ отъ города, на правомъ берегу Иртыша, на такъ называемомъ *Чувашскомъ мысу*, почти противъ самаго (прежняго) устья р. Тобола. Крутой, почти отвѣсный берегъ рѣки здѣсь имѣетъ вышину до 25 саженъ. Восточная, открытая сторона мыса была искусственно укрѣплена земляным валомъ, шириною до 5 арш., и рвомъ, глубиною въ 3 аршина и шириною болѣе 3-хъ саженъ. Слѣдующее городище *Искеръ* находится въ 20 верстахъ отъ Тобольска, вверхъ по тому же берегу рѣки, на такъ называемой Алафейской горѣ, имѣющей до 35 саженъ вышины, въ 6 верстахъ отъ села *Абалакскаго*, при впаденіи въ Иртышъ небольшой рѣчки *Сибирки* (См. приложенный планъ). Оно носитъ также названіе *Кучумова городища*. Это укрѣпленіе съ двухъ сторонъ защищается обрывистымъ высокимъ берегомъ Иртыша и ущельемъ, по которому протекаетъ рѣчка Сибирка, а съ остальныхъ двухъ сторонъ укрѣплено *тройнымъ рядомъ валовъ*, изъ коихъ одинъ выше другого, и полузасыпавшимися нынѣ рвами (до 2-хъ аршинъ глубины). Самая площадь городища, не болѣе 50 саженъ въ діаметрѣ, нынѣ заросшая дикою травою, покрыта буграми и ямами, образовавшимися частію отъ бывшихъ здѣсь раскопокъ, частію отъ существовавшихъ когда-то строеній. За валами и за рѣчкою Сибиркою сохранилось до сего времени нѣсколько довольно значительной величины кургановъ. На мѣстѣ нынѣшняго села Абалакскаго, въ 6—7 верстахъ отъ Кучумова городища, тоже на берегу Иртыша около 25 саж. вышины, въ 40-хъ годахъ существовали рвы и валы, указывающіе, что здѣсь также было городище. Наконецъ, въ 50 верст. отъ Тобольска, вверхъ по Иртышу, находятся остатки древняго укрѣпленія—*Касимъ-Тура*, окруженнаго рвами и валами. Наружный ровъ имѣетъ до 7 арш. ширины и до 1½ арш. глубины, а валъ шириною 2 саж. и вышиною 1 арш.; второй ровъ шириною до 2 саж. и

глубиною до 2 аршинъ, а валъ шириною до 3 арш., вышиною 1 арш.*) Валы Искера и Чувашской горы имѣютъ *полукруглое очертаніе* (форма кокошника), примыкая концами къ обрыву берега, форма же городища *Касимъ-Тура* мнѣ неизвѣстна.

О Тобольскихъ городкахъ упоминается въ сибирскихъ лѣтописяхъ при описаніи похода Ермака противъ Кучума. Эти свѣдѣнія заслуживаютъ полнаго вниманія потому, что они заносились въ лѣтопись по свѣжимъ слѣдамъ мѣстныхъ воспоминаній о подвигахъ Ермаковой дружины. Слѣды древнихъ городищъ, естественно, служили при этомъ для повѣствователей какъ бы наглядным доказательствомъ недавнихъ преданій какъ о мѣстѣ пребыванія Кучума, такъ и о происходившихъ здѣсь битвахъ. Въ лѣтописи *Саввы Есипова* сказано; «самъ же царь (Кучумъ) повелѣ засѣку учинити *подлъ рѣку Иртышъ подъ Чувашевымъ* и засыпати землею и многими крѣпостьми утвердити, яко же есть достойно утвержденія.» Почти тѣми же словами описывается сооруженіе названной засѣки у *Ремезова* (въ Тобольскомъ лѣтописцѣ) и въ такъ называемой Строгановской лѣтописи. Здѣсь въ словахъ лѣтописца нужно обратить вниманіе, что засѣка была устроена *не на горѣ*, гдѣ находится Чувашское городище, *а на нижней террасѣ возлѣ самой рѣки*. Слѣдовательно, татары не понимали значенія городища и не умѣли имъ пользоваться. Подходя къ Иртышу въ стругахъ, казаки держались лѣваго, луговаго берега Тобола, гдѣ они были безопасны отъ татарскихъ полчищъ, сновавшихъ по правому берегу. Тому же пріему они слѣдовали, войдя въ Иртышъ изъ Тобола, при устьѣ котораго собралась татарская рать «овіи на конехъ, овіи же пѣши». Здѣсь, при устьѣ Тобола, (т. е. между Тоболомъ и лѣвымъ берегомъ Иртыша) казаки высадились: «на брегъ взыдоша и поставиша брань: и въ то время бысть смертное пораженіе погаными, и вдашася поганіи невозвратному бѣгству. Царь же Кучумъ видя (съ другого берега Иртыша, черезъ рѣку) своихъ паденіе, изыде со многими людьми на высоко мѣсто, на гору, рекомую Чувашеву; у засѣки же подъ горой сынъ его Маметкулъ со многими же людьми». Но Ермакъ, какъ и слѣдовало ожидать, не пошелъ къ укрѣпленнымъ горамъ, а придерживаясь лѣваго берега, направился вверхъ по Иртышу. Въ трехъ верстахъ отъ устья Тобола, гдѣ нынѣ находится татарская деревня Заостровныя Юрты, существовалъ небольшой городокъ, вѣроятно, укрѣпленный тыномъ (признаковъ валовъ здѣсь нѣтъ), гдѣ жилъ тогда татарскій мурза Атикъ. Ермакъ безъ труда овладѣлъ этимъ пунктомъ, прогналъ татаръ и устроилъ въ городкѣ свой первый укрѣпленный станъ. Здѣсь онъ обдумалъ свои дальнѣйшіе планы, выждалъ благопріятное время, и 23 октября 1581 года переправился

*) Списки населенныхъ мѣстъ. Тобольская губернія. Спб. 1871 г. стр. LXXXIX.—*Миллеръ.* Описаніе Сибирскаго царства Спб. 1750 стр. 135.

на своихъ стругахъ черезъ широкій Иргышъ на правую его сторону, чтобы поразить татаръ въ рѣшительной битвѣ подъ Чувашскою горой (Подчуваши). *Подчувашами* до сихъ поръ называется нижняя площадка земли между рѣкою и крутымъ берегомъ Чувашскаго мыса, образовавшаяся вслѣдствіе отступленія русла Иртыша къ западу (см. приложенный планъ). Она служитъ продолженіемъ той низменной равнины, на которой нынѣ расположена подгорная половина города Тобольска. Все это пространство занимаетъ мѣста около 4—5 верстъ въ длину и не болѣе версты въ ширину. Стѣсненное крутымъ береговымъ яромъ и рѣкой, оно представляло очень невыгодную позицію для Кучумовыхъ воиновъ. Выборъ такого неудобнаго мѣста для рѣшительной битвы доказываетъ, что татары не понимали значенія укрѣпленныхъ позицій и что ихъ военная тактика не имѣла ничего общаго съ тѣми земляными крѣпостями, которыя оказываются въ разсматриваемой мѣстности по высокому берегу рѣки. Проигравъ битву, татары, по свойственной имъ привычкѣ, искали спасенія въ быстротѣ своихъ коней, не подумавъ о томъ, что въ ихъ распоряженіи были такія крѣпкія позиціи, какъ укрѣпленные валами и рвами *Чувашскій мысъ и Искеръ*, считавшійся столицею Кучума. Такое быстрое бѣгство удивило Ермака, никакъ не предполагавшаго, что Искеръ будетъ брошенъ безъ боя и окажется пустымъ. Вотъ какъ описываетъ это событіе сибирскій лѣтописецъ Савва Есиповъ: «Егда же убо подъ Чювашевымъ ста (остановилось, прекратилось) бранное ополченіе, воинстіи людіе утрудишася, уже бо нощи пришедши, отъидоша оттуду *) и обночевашася... На утріе же поидоша ко граду Сибири безъ боязни. Да якоже приближишася близъ града—и не бѣ слышати во градѣ ни гласа, ни послушанія; мняще же яко егда скрышася во градѣ окаяннїи». Отъ Атика до Искера (около 20 верстъ вверхъ по Иртышу) казаки, очевидно, шли по рѣкѣ, на стругахъ. Искеръ стоялъ на отвѣсной кручѣ высокой горы и подняться къ нему можно было только по ущелью рѣчки Сибирки; поэтому понятна осторожность Ермака, опасавшагося засады и недовѣрявшаго встрѣченной тишинѣ и безлюдью. На самомъ дѣлѣ оказалось, что верхній Иртышскій берегъ былъ пустъ и укрѣпленія Кучумовой столицы, о которыхъ Ермакъ очевидно имѣлъ уже свѣдѣнія, безпрепятственно могли быть заняты русскою ратью, основавшеюся на этомъ, почти неприступномъ мѣстѣ съ цѣлію провести здѣсь первую трудную зиму.

Останавливаясь на лѣтописныхъ повѣствованіяхъ о завоеваніи Сибири Ермакомъ, мы имѣли въ виду уяснить себѣ по историческимъ источникамъ вопросъ о городищахъ на Иртышѣ. Какъ извѣстно, городища эти принято

*) По другимъ спискамъ: «казаки же съ побоища того поидоша во свой градъ (т. е. въ станъ по другую сторону рѣки),—понеже утрудишася, и поставиша стражу крѣпку, сами же нощью почиша».

считать татарскими, основываясь будто бы на сибирскихъ лѣтописцахъ *). На самомъ же дѣлѣ мы видимъ, что въ лѣтописяхъ нѣтъ на это прямыхъ указаній, за исключеніемъ того, что Искеръ называется столицею Кучума. Слово *Искеръ* на татарскомъ языкѣ значитъ собственно старое жилое мѣсто, (отъ татар. слова *Иски* старый) что соотвѣтствуетъ русскому слову городище, но не настоящій городъ. Такое названіе, очевидно, было присвоено Искеру, какъ урочищу, окруженному древними валами и рвами, въ сосѣдствѣ съ которымъ, можетъ быть, существовало въ XVI в. какое—либо остяцкое, или татарское поселеніе. Само по себѣ это городище, въ предѣлахъ его валовъ, по размѣрамъ своимъ (въ 50—60 саж. въ діаметрѣ) могло бы служить только цитаделью или опорнымъ пунктомъ для защиты, но никакъ не столицею царства **). Между тѣмъ, по сибирскимъ лѣтописямъ не видно, чтобы Кучумовцы дорожили и пользовались такими опорными пунктами. На Чувашскомъ мысу была прекрасная, укрѣпленная валами, позиція, но они въ рѣшительную минуту не обратили на нее вниманія. Равнымъ образомъ они не воспользовались и земляными укрѣпленіями Искера, очевидно не придавая имъ значенія. По этимъ актамъ можно уже заключить, что земляные валы названныхъ городищъ были сооружены не въ татарскую эпоху. Археологическія изслѣдованія, о которыхъ мы скажемъ ниже, безспорно убѣждаютъ въ правильности такого заключенія.

Если современные намъ ученые историки и археологи не затрудняются приписывать всѣ Тобольскія древности Кучумовскимъ татарамъ, то тѣмъ болѣе это было простительно старымъ сослуживцамъ Ермака, дававшимъ показанія архіепископу Кипріану. Не мудрствуя о сѣдой старинѣ и не имѣя

*) Первыя свѣдѣнія о походѣ Ермака, какъ извѣстно, были собраны и записаны, сорокъ лѣтъ спустя послѣ покоренія Сибири, Тобольскимъ архіепископомъ *Кипріаномъ*, въ 1622 году: «Во второе лѣто архипастырства своего онъ повелѣ спросити Ермаковыхъ казаковъ: како они пріидоша въ Сибирское царство и гдѣ у нихъ съ погаными были бои и кого у нихъ поганіи убили. Казаки же принесоша ему списки, како они пріидоша въ Сибирь и о бояхъ». Эти данныя послужили основою для составленія первой сибирской лѣтописи, составленной *Саввою Есиповымъ* въ 1636 году. Такъ называемая *Строгановская лѣтопись* составлена, неизвѣстно кѣмъ, не раньше второй половины XVII столѣтія. *Ремезовская лѣтопись*, или Тобольскій лѣтописецъ, написана въ концѣ XVII в., около 1697—1699 года. Наиболѣе достовѣрною можно считать лѣтопись Есипова, основанную на показаніяхъ участниковъ Ермакова похода. Интересующія насъ мѣста битвъ съ татарами здѣсь не могли быть перепутаны, потому что у живыхъ разсказчиковъ, сподвижниковъ Ермака, они должны были сохраниться въ памяти и въ точности указаны тутъ же на мѣстѣ, въ окрестностяхъ Тобольска. Читая это повѣствованіе и примѣняя его къ мѣстнымъ топографическимъ условіямъ, нельзя не убѣдиться въ его правдивости. Кромѣ огнестрѣльнаго оружія и храбрости дружины, Ермаку главнымъ образомъ помогало то обстоятельство, что его непріятели были безсильны на водѣ, не имѣя рѣчной флотиліи; кромѣ того, они не умѣли обороняться въ укрѣпленныхъ позиціяхъ.

**) Городища *Чувашъ* и *Искеръ* нѣсколько разъ были разрываемы Тобольскими любителями археологіи, поэтому валы ихъ въ настоящее время сильно попорчены и не могутъ дать полнаго представленія о прежнемъ ихъ видѣ, напр. въ то время, когда ихъ описывалъ Лепехинъ.

объ ней никакого понятія, они, естественно, относили къ мѣстному сибирскому населенію всѣ мѣста и урочища, о которыхъ шла рѣчь. Поселившись въ занятомъ ими укрѣпленномъ городкѣ Искерѣ, они имѣли основаніе называть его столицею сибирскаго царства уже потому самому, что съ занятіемъ этого пункта исчезло сибирское царство и Кучумова осѣдлость.

Былъ ли Искеръ окруженъ только земляными валами, или имѣлъ также деревянный полисадъ, объ этомъ лѣтописи не говорятъ. Если здѣсь дѣйствительно существовалъ укрѣпленный городокъ съ жилыми домами, то вѣроятнѣе предположить, что онъ былъ обнесенъ деревяннымъ тыномъ, по примѣру остяцкихъ городковъ того времени. Въ томъ же родѣ, вѣроятно, былъ устроенъ городокъ *Атыкъ Мурзы*, на лѣвомъ берегу Иртыша, гдѣ въ первый разъ утвердился Ермакъ послѣ высадки на лѣвый берегъ. Здѣсь земляныхъ валовъ не оказывается, равно какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ упоминаемыхъ въ лѣтописи татарскихъ резиденцій, напр., *Улусъ-Карачи*, *Бацыкъ-Тура*, *Касымъ-Тура*, городокъ царицы *Сузге*, городокъ *Маметкула* и пр. (см. приложенный планъ). Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что земляныя укрѣпленія, сохранившіяся до сего времени по высокому берегу рѣки, построены были не татарами*).

По поводу Тобольскихъ городищъ мы позволили себѣ коснуться нѣкоторыхъ историческихъ данныхъ, въ надеждѣ, что это можетъ послужить къ уясненію взгляда на сибирскія древности вообще. Тобольскія городища принадлежатъ къ числу весьма немногихъ пунктовъ въ Сибири, гдѣ было произведено не только наружное описаніе, но и археологическое изслѣдованіе самой почвы этихъ древнихъ укрѣпленій. Вмѣстѣ съ тѣмъ объ нихъ имѣются и историческія указанія, разъясняющія, какъ мы показали выше, ошибочность установившагося взгляда, будто бы эти памятники старины относятся не къ доисторической эпохѣ, а ко временамъ болѣе близкимъ.

Раскопки городища и кургановъ на Чувашскомъ мысу были произведены въ концѣ 70-хъ годовъ Тобольскимъ чиновникомъ г. *Знаменскимъ* и въ 1881 году предсѣдателемъ Тобольскаго губернскаго правленія А. И. *Дмитріевымъ-Мамоновымъ*. Послѣднимъ было раскопано болѣе десятка кургановъ, находившихся частію въ чертѣ городища, частію внѣ его валовъ, въ ближайшемъ отъ нихъ разстояніи. Эта работа отличалась особенной научной тщательностью и результаты раскопокъ въ точности занесены въ журналъ по мѣсту и обстановкѣ нахожденія предметовъ. Раскопки Знаменскаго ка-

*) Сибирскіе городки во времена Едигера и Кучума могли строиться вогулами, остяками и татарами не иначе, какъ по примѣру казанскихъ, болгарскихъ и русскихъ. Тѣ и другіе въ эту эпоху окружались деревянными стѣнами, полисадами, или засѣками, но не земляными открытыми валами. Поэтому въ финскихъ сѣверныхъ странахъ, при большомъ числѣ существовавшихъ тамъ городковъ, напримѣръ, перечисляемыхъ въ книгѣ Большого чертежа, отъ нихъ въ настоящее время не осталось никакого слѣда.

сались преимущественно площади и валовъ городища, но мѣсто нахожденія его древностей не отмѣчалось съ такою топографическою точностью. Знаменскій собиралъ свою коллекцію для продажи, поэтому въ нее отчасти поступили и нѣкоторые курганные предметы, а также извлеченные изъ городища Искеръ. Дмитріевъ-Мамоновъ руководился исключительно научными интересами и его коллекція не заключаетъ въ себѣ никакихъ случайныхъ находокъ. Та и другая коллекціи въ настоящее время находятся въ археологическомъ музеѣ Томскаго университета: первая была пріобрѣтена мною въ 1881 году отъ Знаменскаго за 300 руб. на средства М. К. Сидорова, а вторая подарена университету А. И. Мамоновымъ въ 1885 году. О значеніи этихъ коллекцій, взаимно пополняющихъ одна другую, можно судить по перечню предметовъ въ печатномъ каталогѣ Томскаго музея*).

Г. Знаменскій описываетъ свои находки такимъ образомъ: „снявъ аршинный, наросшій въ продолженіи вѣковъ, слой земли, принялся я разбираться въ остаткахъ брошеннаго города. Впереди, по всему краю холма, лежатъ въ безпорядкѣ наконечники костяныхъ стрѣлъ разнообразной формы; между ними найдено нѣсколько желѣзныхъ; тутъ же костяные топоры (скребки, по каталогу №№ 209—263), кое гдѣ колечки отъ кольчугъ и маленькія костяныя стрѣлки... Въ центрѣ укрѣпленія—остатки большихъ костровъ (угли), кости лошадей, оленей, птицъ и множество рыбьихъ костей; тутъ же масса разбитой глиняной посуды и небольшое число костяныхъ ложекъ, грубо отдѣланныя, неоконченныя стрѣлы, свистки для приманки птицъ и пр. Внѣ валовъ найдены каменныя и гончарныя привѣски къ неводамъ, костяные ножи для чистки рыбы, небольшія глиняныя лошадки съ накладными сѣдлами и изъ глины же сдѣланнымъ сѣдокомъ“ (Тобольскія Губернскія Вѣдомости 1881 года № 17).

Костяныя стрѣлы, во множествѣ находимыя въ валахъ и на площади городищъ Чувашскаго мыса и Искера, также часто встрѣчаются въ прочихъ городищахъ Сибири и Камской Болгаріи. Они могутъ быть отнесены къ такъ называемой *Гуннской эпохѣ*, или вообще къ первымъ вѣкамъ послѣ Р. Х. Во время похода Ермака и ранѣе того при нашествіи татаръ на Россію объ этихъ стрѣлахъ не было уже помина**). Еще болѣе подтверж-

*) Каталогъ изданъ мной въ 1888 году. Коллекціи Знаменскаго и Мамонова занимаютъ въ немъ №№ 1—1070, стр. 1—52. Оцѣнка археологическаго значенія этихъ предметовъ, отчасти уже намѣченная въ примѣчаніяхъ къ изданному каталогу, будетъ подробнѣе изложена въ соотвѣтствующихъ главахъ настоящаго сочиненія.

**) Въ *Далматовскомъ* Успенскомъ *монастырѣ*, основанномъ въ 1644 году, если не участникомъ похода Ермака, то близкимъ къ этому времени Тобольскимъ жителемъ, Дмитріемъ Мокрицкимъ, въ бытность мою тамъ (въ 40-хъ годахъ) существовало довольно значительное собраніе древняго татарскаго оружія, въ томъ числѣ очень много стрѣлъ, луковъ и колчановъ. Ни одного костянаго наконечника тамъ не было и, сколько мнѣ извѣстно, такихъ стрѣлъ не оказывается ни въ одной коллекціи оружія историческаго времени; объ нихъ не упоминаютъ также и русскія лѣтописи.

дают доисторическую древность городища находимыя здѣсь массы орнаментированныхъ черепковъ битой глиняной посуды. По формѣ своей и рисункамъ, оттиснутымъ по сырой глинѣ, эти культурные остатки вполнѣ тождественны съ курганными (погребальными) горшечками, найденными какъ при раскопкѣ тобольскихъ кургановъ, такъ и во всѣхъ сибирскихъ и россійскихъ городищахъ и курганныхъ могилахъ. Эти орнаментированные черепки несомнѣнно доказываютъ, что тобольскіе городища и курганы существовали одновременно и принадлежали одному и тому же народу. О татарахъ и финскихъ народностяхъ здѣсь опять не можетъ быть рѣчи, такъ какъ ни тѣ, ни другіе, за исключеніемъ вполнѣ осѣдлыхъ и давно обрусѣвшихъ, глиняной посуды до сихъ поръ не употребляютъ. При кочевой и бродячей жизни, она не могла войти въ употребленіе по причинѣ своей хрупкости и неудобства перевозки. Бронзовыя и мѣдныя издѣлія архаической формы, найденныя въ тобольскихъ городищахъ, также оказываются весьма сходными съ курганными находками этого рода, и по типу своему не могутъ быть относимы къ историческому времени (См. каталогъ Томскаго археологическаго музея). Все это вполнѣ подтверждаетъ, что городища по берегу Иртыша и тутъ же находящіеся курганы суть сверстники между собой и къ татарской эпохѣ они относимы быть не могутъ. Слѣдовательно, если даже буквально довѣрять словамъ лѣтописца, что Искеръ служилъ столицею сибирскаго царства, то это слѣдуетъ понимать не иначе, какъ въ смыслѣ основанія новаго городка на существовавшемъ здѣсь ранѣе укрѣпленномъ земляными валами мѣстѣ. Такіе примѣры многократно встрѣчаются въ исторіи населенныхъ мѣстъ.

Кстати здѣсь мы можемъ сказать еще нѣсколько словъ по поводу того, что съ тобольскими городищами, чаще всего съ Искеромъ, обыкновенно связываютъ происхожденіе *названія Сибири*. „По тому царствующему граду *Сибири старой*, говоритъ лѣтописецъ, и *по рѣчкѣ Сибирки* вся страна сибирская отъ Верхотурскаго Камени, и до Лены, и до Даурскія земли, и до моря наречена быть Сибирью.—И вмѣсто царствующаго града *старыя Сибири* Тобольскъ, новый градъ старѣйшинство пріятъ и стольный нарѣчеся градъ въ лѣто 1586 года“ *). Имя Сибири, какъ видно изъ царскихъ грамотъ и другихъ историческихъ актовъ, было извѣстно на Руси по меньшей мѣрѣ за полсотни лѣтъ до Ермака. Оно относилось и къ странѣ, и къ городу, а можетъ быть и къ народу, въ томъ смыслѣ, какъ у насъ говорилось: Пермь, Болгары, Югра. О происхожденіи слова Сибирь я высказалъ свое мнѣніе раньше, въ замѣткѣ, помѣщенной въ первомъ томѣ «Извѣстій Томскаго университета» (за 1888—89 годъ), гдѣ я ставлю это слово въ

*) Древняя Россійская Вивліофика, изд. Новиковымъ. Изд. 2-е, часть III. Москва 1788, стр. 108.

связь съ именемъ Гунновъ *Савировъ или Сѣверянъ*, которые назывались такъ потому, что на прежней своей родинѣ занимали самую сѣверную страну по отношенію къ прочимъ гуннскимъ племенамъ. Такою страной за восточнымъ склономъ Урала могла быть только Тобольская область, по нижнему Тоболу, Исети и Турѣ. Главный пунктъ этой области находился на Иртышѣ, при устьѣ Тобола, гдѣ былъ центральный узелъ рѣчныхъ путей. Далѣе на сѣверъ и востокъ начиналась, какъ и нынѣ, глухая тайга, въ которой могли жить только бродячія финскія племена остяковъ и вогуловъ. Если ключемъ царства Савировъ дѣйствительно служили тѣ древнія укрѣпленія на берегу Иртыша, противъ устья Тобола, о которыхъ мы только что говорили, то городище Искеръ по праву могло носить названіе столицы древняго Савирскаго царства или *Старой Сибири*, какъ его называютъ лѣтописцы. Такимъ образомъ имя города Сибири, какъ столицы сѣверянъ или Савировъ, могло дѣйствительно существовать именно на томъ мѣстѣ, гдѣ указываютъ лѣтописи, и память объ этомъ могла сохраниться въ преданіи подобно тому, какъ она до сихъ поръ сохраняется о городѣ Болгарѣ (на Камѣ), не смотря на то, что уже около XII вѣковъ здѣсь нѣтъ и слѣда прежняго болгарскаго народа.

Высказанное предположеніе о столицѣ Савировъ или Старой Сибири не противорѣчитъ тѣмъ археологическимъ находкамъ, какія оказались при раскопкахъ на городищахъ и въ курганахъ Чувашскаго мыса и Искера. Масса найденныхъ костяныхъ наконечниковъ стрѣлъ указываетъ на жившую здѣсь не татарскую, а на гуннскую народность. Византійскіе историки отмѣтили этотъ фактъ какъ характерную особенность Гунновъ. Такія же костяныя стрѣлы оказываются при раскопкахъ почти на всѣхъ сѣверно-сибирскихъ, уральскихъ и болгарскихъ городищахъ. Правда, онѣ встрѣчаются также и въ нѣкоторыхъ странахъ Западной Европы, особенно по мѣстамъ бывшихъ славянскихъ поселеній, но тамъ костяныя стрѣлки попадаются не такъ часто и не въ такомъ множествѣ, какъ въ Сибири. Онѣ могли быть занесены сюда тѣми же гуннами, или принадлежать ихъ одноплеменникамъ.

Если городища Старой Сибири дѣйствительно принадлежали гуннамъ-Савирамъ, то сдѣланныя здѣсь археологическія находки могли бы послужить къ разъясненію гуннскаго вопроса вообще. Самый типъ земляныхъ укрѣпленій, выборъ мѣста для нихъ на высокихъ береговыхъ мысахъ, большею частію полукруглая форма валовъ, курганныя могилы въ сосѣдствѣ съ городищами и типы бронзоваго оружія, утвари и украшеній,—все это могло бы служить доказательствомъ близкаго родства жившаго нѣкогда въ Сибири племени гунновъ съ племенемъ древнихъ камскихъ болгаръ и скиѳовъ южной Россіи. По этимъ признакамъ можно было бы заключить, что гунны, вышедшіе изъ Сибирскаго курганнаго царства, дѣйствительно представляли

собой многочисленную народность, родственную славянству по культурѣ, а можетъ быть и по племени, что камскіе древніе болгары составляли только часть этого племени, нѣкогда населявшаго всю южную Сибирь до меридіана Тобольска и передвинувшагося потомъ на Волгу, сѣверный Кавказъ и на Дунай. Такимъ образомъ по имени Сибири и по гуннамъ Савирамъ, въ связи съ вещественными памятниками ихъ пребыванія на Тоболѣ и Иртышѣ, можно было бы до нѣкоторой степени разъяснить запутанный вопросъ о гуннской народности. Намъ представляется весьма правдоподобнымъ, что никому другому, какъ этому племени, должны принадлежать сибирскіе памятники курганной эпохи, по крайней мѣрѣ, въ послѣднемъ періодѣ ея существованія. При такомъ взглядѣ на гунновъ объяснилась бы и историческая связь ихъ съ европейскими скиѳами, болгарами и славянами, о которой такъ много говорится у западныхъ писателей временъ Аттилы.

Послѣ Тобольскихъ городищъ, по плану нашего изложенія, мы должны еще указать на городища по р. Турѣ и ея притокамъ. Первое изъ нихъ, считая отъ Тобольска, находится на мѣстѣ нынѣшней Тюмени, т. е. на разстояніи около 250 верстъ. Такой большой промежутокъ незащищеннаго пространства, особенно при устьяхъ судоходныхъ рѣкъ Туры и Тавды, можно объяснить тѣмъ, что линія охраны отъ Иртыша направлялась не по Турѣ, а южнѣе, по Тоболу (см. Ялуторовскъ) и Исети, кромѣ сѣверной линіи, которая шла по Тавдѣ, какъ мы уже говорили выше. По возвышеннымъ берегамъ Туры находится не малое число земляныхъ кургановъ, доказывающихъ, что эта средняя полоса, между Тоболомъ и Тавдою, была въ древности заселена, такъ называемымъ, курганнымъ племенемъ въ тѣхъ участкахъ, гдѣ не было непроходимыхъ болотъ и глухихъ лѣсовъ.

Тюменское укрѣпленіе, также какъ Тобольскія городища Искеръ и Чувашп, принято приписывать татарскимъ ханамъ. Передъ завоеваніемъ Сибири оно будто бы носило названіе *Чимги* или *Чинги Тура**), но ни у одного сибирскаго лѣтописца не упоминается, чтобы Ермакъ, проходя Турою мимо нынѣшней Тюмени, встрѣтилъ здѣсь какое либо укрѣпленіе, или противодѣйствіе со стороны мѣстныхъ жителей. Очевидно, въ это время здѣсь не было никакого укрѣпленнаго пункта, ни татарскаго, ни вогульскаго, но существовало старое городище, на мѣстѣ котораго и былъ поставленъ въ

*) Свѣдѣнія о городкѣ *Чинги-Турѣ*, повидимому, имѣютъ такой же легендарный характеръ, какъ въ разсказахъ о Тобольскихъ городищахъ, происхожденіе конхъ связывалось въ преданіи съ городками татарскихъ владѣтелей. Не слѣдуетъ забывать, что сибирскіе татары, ногаи и башкирцы, конца XVI в. были кочевники. Ихъ бытовыя отношенія выражались словами *юртъ*, *аулъ*, *улусъ*, *орда*, но настоящаго понятія о городѣ они не имѣли. По русскимъ историческимъ актамъ осѣдлое населеніе по Турѣ было въ то время самое ничтожное (нѣсколько десятковъ душъ), и это были почти исключительно вогулы и остяки, которые въ актахъ иногда называются также „пашенными татарами“ (Миллеръ. Сибирская Исторія, стр. 230, 237).

1585 или въ 1586 г. воеводами Сукинымъ, Мясновымъ и Чулковымъ первый русскій городъ въ полузавоеванной сибирской странѣ. При выборѣ мѣста для города, воеводы, вѣроятно, руководились какъ высотою обрывистыхъ береговъ Туры и Тюменки, такъ и существовавшимъ здѣсь старымъ городищемъ, положеніе котораго вполнѣ отвѣчало стратегическимъ принципамъ русскихъ крѣпостей. Эти-то старые валы естественно возбуждали любопытство туземцевъ и русскихъ. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, происхожденіе ихъ приписывается либо неизвѣстному народу, либо знаменитому историческому лицу, въ данномъ случаѣ Чингизъ-Хану, откуда и произошло названіе Чинги-Тура.

Тюменское городище занимало такую же крѣпкую позицію, какъ Искеръ. Съ сѣвера оно примыкало къ высокому обрывистому берегу р. Туры, съ востока и юга его прикрывалъ глубокій оврагъ, по которому протекаетъ рѣчка Тюменка, а западная сторона, сливающаяся съ высокою равниною, была укрѣплена искусственно рвами и валами. Первый ровъ и валъ начинался отъ озера Лямина, близъ нынѣшней Спасской улицы, и примыкалъ къ берегу р. Туры. Длиною онъ былъ 600 саженъ, вышиной около сажени. Второй ровъ и валъ направлялся параллельно первому *). Первоначальный острогъ, поставленный воеводами въ 1586 году, вѣроятно, занималъ только часть этого пространства, близъ устья Тюменки. По обычаю того времени онъ состоялъ изъ деревяннаго заплота или полисада, подобно первому Тобольскому острогу, о которомъ есть свѣдѣнія, что онъ „былъ срубленъ Даниломъ Чулковымъ изъ судоваго, лодейнаго (барочнаго) лѣса небольшой, и острогомъ иное забиранъ, и стоялъ тотъ городъ по 1594 годъ“ **). Сколько времени стоялъ первый Тюменскій острогъ, неизвѣстно. Въ прошломъ столѣтіи, по описанію Лепехина ***), сохранялись еще живыя воспоминанія о полуразрушенныхъ стѣнахъ крѣпости (вѣроятно второй постройки), стоявшихъ на старомъ земляномъ валу: „На оном валу, говоритъ Лепехинъ, поставленъ былъ высокій полисадъ съ деревянными башнями, которыя отъ долговременности, такъ же какъ и деревянный кремль надъ ручьемъ Тюменкою, совсѣмъ пропали“. Въ настоящее время отъ Тюменскихъ укрѣпленій ничего не осталось.

Въ 20 верстахъ отъ Тюмени, по лѣвую сторону почтоваго тракта въ Ялуторовскъ, на берегу Андреевскаго озера, на такъ называемомъ Козьемъ мысу, И. Я. *Словцовъ* описываетъ нѣсколько земляныхъ городковъ, окруженныхъ рвами и валами, съ признаками бывшаго внутри ихъ жилья. При

*) Списки населенныхъ мѣстъ Тобольской губ. 1871 г. стр. LXXXVIII—Щекатовъ, Географическій словарь ч. VI 1808 г. стр. 511.

**) Записки къ сибирской исторіи служащія, или описаніе, сколько въ Сибири въ Тобольскѣ и во всѣхъ сибирскихъ городахъ и острогахъ бояръ и окольничихъ и стольниковъ и дворянъ и стряпчихъ на воеводствахъ бывали и пр. Древняя Россійская Вивліоѳика Н. Новикова, изд. 2-е, часть III. Москва 1788 года стр. 108.

***) *Лепехинъ*, Дневныя записки путешествія въ 1771 г. ч. III, стр. 5.

раскопкахъ здѣсь найдены были разныя каменныя орудія, много узорчатыхъ черепковъ битой глиняной посуды и *слѣды плавки желѣзной руды**). Эти городки, хотя также принадлежатъ къ очень древней эпохѣ, но судя по мѣстоположенію, едва ли имѣли значеніе оборонительныхъ пунктовъ, какъ городища по берегамъ рѣкъ.

Далѣе вверхъ по Турѣ, на правомъ, высокомъ ея берегу встрѣчается довольно много кургановъ, но старыхъ земляныхъ укрѣпленій, повидимому, нѣтъ ни одного. На мѣстѣ нынѣшняго города *Туринска* въ концѣ XVI вѣка существовалъ *Епанчинъ Улусъ*, но при немъ не было никакого укрѣпленія. Туринскъ, какъ извѣстно, основанъ былъ въ 1600 году послѣ того, какъ русскимъ промышленникомъ *Бабиновымъ* открыта была дорога въ Сибирь черезъ Верхотурье (въ 1597 г.). Городъ первоначально былъ огороженъ деревянною стѣною съ башнями, но никакихъ земляныхъ валовъ раньше здѣсь не было. Лепехинъ (ч. III, стр. 49) упоминаетъ о невысокомъ валѣ и рвѣ, окружавшихъ городъ съ западной и южной стороны, но эти сооруженія относятся къ русскому періоду.

Для построенія города *Верхотурья* (въ 1598 г.) было выбрано мѣсто древняго Чудскаго городища, носившаго названіе *Неромкура*. Довольно любопытна грамота, данная царемъ Ѳедоромъ Іоанновичемъ на построеніе этого города. Изъ нея видны принципы, которыми руководились у насъ при выборѣ мѣста для такихъ сторожевыхъ пунктовъ. Вотъ ея содержаніе, сообщенное Миллеромъ**): „Въ нынѣшнемъ въ 106 году октября въ 3 день, писалъ къ намъ изъ Перми Сарычъ Шестаковъ, да прислалъ городовому и острожному дѣлу роспись городище Неромкуру. А въ росписи написано: отъ рѣки отъ Туры по берегу крутова камени горы, отъ воды вверхъ высотою саженъ съ двѣнадцать и больше, а саженьми не мѣряно. А та гора крута, утесъ, и тово мѣста по Турѣ по рѣкѣ по самому берегу 60 саженъ большихъ, и по смѣтѣ де (по соображенію) тому мѣсту городовая стѣна не надобѣ, потому что то мѣсто добрѣ крѣпко, ни которыми дѣлы взлѣзть не можно, и по ихъ бы смѣтѣ потому мѣсту городовая стѣна не надобѣ, потому что то мѣсто и безъ городовыя стѣны всякова города крѣпче, развѣ-бъ по тому мѣсту велѣти хоромы поставить врядъ, что городъ же, да избы подѣлать, а дворы-бъ поставить постѣпно, а по угламъ города отъ рѣки отъ Туры поставить наугольныя башни“. По такому соображенію и была выстроена Верхотурская крѣпость: къ открытому полю поставлены деревянныя стѣны, а береговыя кручи оставлены безъ искусственнаго огражденія. О земляныхъ валахъ и рвахъ здѣсь не упоминается; ихъ не было и въ старомъ городищѣ Неромкурѣ.

---

*) Записки Западно-Сиб. отд. географ. Общ. Кн. VII вып. 1. 1885 г. стр. 16.

**) Миллеръ. Сибирская исторія, стр. 335.

Такимъ образомъ на протяженіи всей Туры, кромѣ Тюменскихъ валовъ, не оказывается ни одного древняго земляного укрѣпленія. Это можно объяснить, какъ мы уже говорили, тѣмъ, что охранительная линія водяныхъ путей проходила не по этой рѣкѣ, а по р. Тавдѣ. Небольшое пространство между этими параллельно лежащими рѣками не требовало охраны даже въ томъ случаѣ, если Тура въ древности служила такимъ же обычнымъ водянымъ путемъ изъ Сибири къ Уралу, какъ и Тавда, что, по всей вѣроятности, и было на самомъ дѣлѣ. Обѣ эти рѣки какъ въ настоящее время соперничаютъ между собою въ судоходствѣ, такъ и въ древности должны были служить одинаковой цѣли, съ тою лишь разницей, что первая изъ нихъ открывала путь къ среднему Уралу, на Чусовую и Каму, а вторая, при посредствѣ Богословской Сосвы и Лозвы, вела на Вышеру и Печору, т. е. прямо въ Великую Пермь*). Путь съ Туры черезъ Уралъ на Чусовую могъ имѣть нѣсколько направленій: 1) по р. Пышмѣ (правый притокъ Туры), параллельно нынѣшнему Тюменско-Екатеринбургскому тракту; 2) по р.р. Ницѣ и Нейвѣ (Невья) къ нынѣшнему Невьянскому заводу; 3) по р. Тагилу на Нижне-Тагильскій, или Черноисточинскій заводъ; 4) по Салдѣ на Кушвинскій заводъ и, наконецъ, въ 5) по верховьямъ Туры къ тому же пункту (см. выше стр. 230 примѣч.). Которое изъ этихъ направленій избиралось предпочтительнѣе, это могли бы рѣшить только археологическіе памятники по берегамъ названныхъ рѣкъ; но, къ сожалѣнію, этотъ матеріалъ до настоящаго времени не только не разработанъ, а даже не перечисленъ въ надлежащей полнотѣ. Укажемъ здѣсь на тѣ факты, какіе занесены въ литературу.

Въ запискахъ Уральскаго Общества любителей естествознанія (1887 г. Т. XI, вып. 1, стр. 103) горный инженеръ Ф. Ю. Гебауеръ описываетъ городище при селѣ *Кашинскомъ*, на правомъ берегу р. Кунары, недалеко отъ впаденія ея въ р. Пышму (въ 30 верстахъ отъ города Камышлова). Рѣка *Кунара* образуетъ въ этомъ мѣстѣ довольно длинную и узкую языкообразную извилину, огибая при этомъ высокій правый берегъ, который такимъ образомъ простирается въ видѣ длиннаго узкаго мыса слишкомъ на 500 метровъ на сѣверо-востокъ, отдѣляясь довольно рельефно отъ окружающей его долины рѣки и сравнительно низкаго ея лѣваго берега. Этотъ мысъ сплошь состоитъ изъ слоевъ горнаго известняка и возвышается на 50 метровъ выше уровня рѣки, имѣя при этомъ довольно крутые, мѣстами отвѣсные, боковые откосы. На этомъ мысу, съ трехъ сторонъ окруженному рѣкою, только одна сторона требовала искусственнаго огражденія. Для этой

*) Лозва, одна изъ двухъ составныхъ частей р. Тавды, беретъ начало противъ истоковъ Печоры на восточномъ склонѣ Урала. Первоначально, въ 1589 г. городъ *Пелымъ* былъ построенъ на Лозвѣ, при устьѣ Ивдиля, и назывался *Лозвинскимъ*, и только впослѣдствіи былъ перенесенъ на Тавду. До Ивдиля Лозва судоходна, а выше она протекаетъ въ необитаемыхъ мѣстахъ, потому перевалъ съ нее на Печору мало извѣстенъ.

цѣли были насыпаны два параллельныхъ земляныхъ вала, въ разстояніи 15 метровъ одинъ отъ другого, пересѣкающихъ мысъ во всю его ширину на протяженіи 25 метровъ. Впереди наружнаго вала замѣтенъ правильный ровъ. За этими валами съ внутренней стороны укрѣпленія находится еще болѣе высокая земляная насыпь подковообразной формы, расположенная на самомъ узкомъ мѣстѣ мыса. За нею разстилается совершенно ровная площадка городища, шириной 29 метровъ и длиной 65 метровъ. При раскопкѣ подковообразной насыпи она оказалась состоящею изъ чернобурой земли, перемѣшанной съ мелкимъ щебнемъ известняка, кусками древеснаго угля, частей обугленнаго дерева, обломковъ костей и узорчатыхъ черепковъ. Здѣсь же было найдено нѣсколько глиняныхъ бусъ, костяные наконечники стрѣлъ, глиняныя напрясла и т. п. Къ статьѣ г. Гебауера приложены планъ *Кунарскаго* мыса и городища и таблица рисунковъ съ найденныхъ при раскопкѣ предметовъ. Узорчатые черепки, напрясла и костяныя стрѣлки вполнѣ сходны съ такими же архаическими предметами, встрѣчающимися во всѣхъ древнихъ городищахъ курганной эпохи. По этимъ признакамъ можно съ увѣренностью сказать, что *Кунарское* городище относится къ доисторическому времени.

Кромѣ этого городища, другихъ ему подобныхъ по р. Пышмѣ мнѣ не извѣстно. Равнымъ образомъ я не нашелъ въ литературныхъ источникахъ никакихъ указаній о существованіи городищъ по рѣкамъ Ницѣ и Нейвѣ.

Къ числу археологическихъ знаковъ, коими отмѣчались древніе пути по рѣкамъ въ горныхъ мѣстностяхъ, принадлежатъ, между прочимъ, такъ называемые *писаные камни*. Значеніе ихъ до сихъ поръ остается не яснымъ, но нѣтъ сомнѣнія, что эти намалеванные на скалахъ бытовыя сцены и знаки обязаны своимъ происхожденіемъ не праздному желанію показать искусство малеванія. Подобные „писанцы“ на утесистыхъ берегахъ большею частію встрѣчаются въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ рѣка прорѣзаетъ горные хребты, или ведетъ къ водораздѣлу или волоку. Таковы писаные камни на вершинахъ и верхнихъ притокахъ Енисея, Абакана, Иртыша, Бухтармы; такое же положеніе они занимаютъ на Уралѣ, по рѣкамъ Вишерѣ и Тагилу, въ Семирѣченской области по р. Караталу и на берегахъ р. Томи, между Томскомъ и Кузнецкомъ (противъ устья Писаной рѣчки, близъ деревни того же имени)*). Такъ какъ подобныя начертанія до сего времени были находимы почти исключительно въ глухихъ, мало на-

*) Григорій *Спасскій*, о достопримѣчательнѣйшихъ памятникахъ сибирскихъ древностей и сходствѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ съ великорусскими. Зап. Импер. русскаго геогр. общ. Кн. XII. 1857 г. стр. 135.—*Спасскій*, Сибирскій Вѣстникъ 1818 года.—*Strahlenberg*. Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm 1730 p, 337 Tab. VII и VIII.—*Семеновъ*. Географическій словарь; см. рѣку Караталъ.—*Адріановъ*, Путешествіе на Алтай и за Саяны. Записки Импер. русск. геогр. общ. по общей географ. Спб. 1888, стр. 402, рис. табл. II.

селенныхъ и рѣдко посѣщаемыхъ мѣстахъ, то описаніе и даже перечисленіе ихъ въ опубликованныхъ литературныхъ источникахъ, по всей вѣроятности, далеко не полно. Впрочемъ, насъ въ данномъ случаѣ больше всего интересуютъ *начертанія* на скалахъ *по р. Тагилу*. Относительно ихъ въ Томскомъ археологическомъ музеѣ имѣется рукописный атласъ, неизвѣстно кѣмъ составленный, съ 12 таблицами въ листъ (№ по каталогу 2551), на которыхъ изображены снимки съ Тагильскихъ писаныхъ камней. На *Соколиномъ* и *Змѣевомъ* камнѣ, въ числѣ изображеній разныхъ фигуръ оказываются также отдѣльные знаки, похожіе на алфавитные, встрѣчающіеся въ такъ называемомъ руническомъ сибирскомъ письмѣ *). Присутствіе писаныхъ камней на скалистыхъ берегахъ рѣки Тагила можетъ служить доказательствомъ, что эта рѣка служила однимъ изъ переходныхъ путей съ Туры на Чусовую (перевалъ на рѣчку Серебрянку, по которой шелъ Ермакъ для завоеванія Сибири). Такъ какъ Тагильскія надписи, сколько мнѣ извѣстно, ни разу еще не были опубликованы, то я считаю не безполезнымъ приложить имѣющіеся у меня снимки къ настоящему изданію. *На табл. 1-ой* (по атласу листъ 4-й) воспроизводятся изображенія, начертанныя на камнѣ, называемомъ *„Балабанъ“* на правомъ берегу р Тагила*). Изображенія размѣщены въ шести группахъ. На первой, съ лѣвой стороны, представлены только однѣ вертикальныя черты, въ двухъ горизонтальныхъ рядахъ, по три черты въ каждомъ. Въ слѣдующей группѣ, въ верхнемъ ярусѣ нарисованъ кругъ съ двойнымъ ободкомъ, а въ срединѣ его медвѣдь, къ шеѣ котораго сверху проведена длинная черта, наружный конецъ ея выходитъ за край круга. Въ нижнемъ ярусѣ той же группы изображенъ продолговато-овальный кругъ, въ родѣ лежащаго яйца, съ большою точкою внутри, ближе къ заднему концу. Рядомъ съ яйцомъ—животное въ родѣ соболя или бобра, съ длиннымъ хвостомъ, соприкасающимся съ яйцомъ. Въ третьей группѣ изображены два большіе шара; въ четвертой—въ верхнемъ ярусѣ фигура въ формѣ славянской буквы Г, а въ нижнемъ, повидимому, фигура человѣка. Въ пятой группѣ представлено животное, похожее на медвѣдя; въ шестой овальный лежачій кружокъ съ точкою въ центрѣ, а надъ нимъ зигзагъ въ родѣ того, какъ изображаютъ падающую молнію. *На табл. 2-й* (по атласу 5 и 6). На первомъ рисункѣ слѣва изображено начертаніе на камнѣ, называемомъ *„Караульный“* на лѣвомъ берегу рѣки Тагила. Въ верхней половинѣ этого рисунка, слѣва и вверху, находятся

*) См. 51 примѣчаніе къ каталогу археологическаго музея Томскаго университета 1888 г. стр. 173.

**) Въ атласѣ рисунки изображены коричневою краскою; размѣръ ихъ въ прилагаемыхъ нами снимкахъ сохраненъ тотъ же самый, какъ въ оригиналѣ. Насколько точно рисунки воспроизводятъ подлинникъ на скалахъ, объ этомъ я судить не могу, но принимая во вниманіе тщательность выполненія снимковъ, можно относиться къ нимъ съ довѣріемъ.

два значка, похожихъ на алфавитные, а внизу фигура съ пятью неровными зубцами, направленными книзу, въ родѣ граблей. Въ правой половинѣ верхняго отдѣла въ самомъ верху изображенъ шаръ, а внизу, повидимому, алфавитные знаки. Въ нижней половинѣ рисунка представлены четыре косвенныя черты и одна вертикальная. Въ самомъ низу, какъ бы въ придаткѣ къ рисунку, изображенъ какой то сложный знакъ.

Слѣдующіе два рисунка, помѣщенные у насъ на томъ же листѣ, представляютъ надписи на камнѣ, называемомъ „*Соколей*“, тоже на лѣвомъ берегу р. Тагила. На рисункѣ 2-мъ изображены только алфавитные знаки; на рисункѣ 3-мъ вверху характерный алфавитный знакъ въ формѣ клѣтки съ выдающимися концами, весьма часто встрѣчающійся въ текстахъ древнихъ сибирскихъ письменъ. Рядомъ съ нимъ нарисованъ маленькій звѣрокъ. Въ нижнемъ ярусѣ того же рисунка слѣва представлена клѣтчатая фигура, въ родѣ бороны или оконной рамы, рядомъ съ ней нѣчто похожее на алфавитный знакъ, а справа и внизу клѣтка въ видѣ неправильнаго четырехугольника, раздѣленная по срединѣ чертой. *На табл. 3 й* (по атласу 8 и 7-й) помѣщены надписи на камнѣ, называемомъ „*Змѣевый*“, на лѣвомъ берегу Тагила. Здѣсь же помѣщенъ одинъ снимокъ тоже со Змѣеваго камня на правомъ берегу Тагила. Рисунки Змѣеваго камня расположены въ шести группахъ. Въ самой верхней слѣва изображенъ алфавитный знакъ и рядомъ съ нимъ горизонтальная черта. Ниже ихъ длинная колѣнчатая фигура съ привѣскою по срединѣ. Въ слѣдующей группѣ (2) налѣво нарисована фигура, похожая на грабли, съ пятью зубцами, обращенными влѣво; подъ нею такая же фигура съ четырьмя зубцами, обращенными вверхъ. Въ третьей группѣ (3) изображены алфавитные знаки. Въ четвертой группѣ (4) налѣво три алфавитныхъ знака, а подъ ними фигура неопредѣленнаго характера; тоже и съ правой стороны. Изображенія пятой фигуры (5) довольно сложны. Между ними, повидимому, находится нѣсколько алфавитныхъ знаковъ. На шестой группѣ (6) вверху нарисованъ одинъ алфавитный знакъ, а внизу неопредѣленная фигура. Рисунокъ на Змѣевомъ камнѣ праваго берега (7) представляетъ собою кругъ, внутри котораго косой крестъ, въ родѣ знака умноженія, и полулунная фигурка; отъ наружнаго ободка круга проведена вертикальная черта. На верхнемъ лѣвомъ углу рисунка изображенъ наконечникъ стрѣлы.

На табл. 4-й (по атласу 9) изображены начертанія, снятыя съ того же *Змѣеваго камня* лѣваго берега Тагила, но ниже предыдущихъ по теченію рѣки и выше ихъ по своему мѣсту на скалахъ, какъ значится въ атласѣ. Рисунокъ состоитъ изъ разныхъ, довольно сложныхъ, большею частію прямолинейныхъ фигуръ и знаковъ. *На табл. 5-й* (по атласу 10) представлены надписи на камнѣ, называемомъ „*Писаный*“, на лѣвомъ берегу р. Тагила.

На табл. 6-й (по атласу 11) сняты начертанія съ того же писанаго камня, какъ продолженіе предыдущихъ. Здѣсь на ряду съ разными геометрическими фигурами встрѣчается также нѣчто похожее на алфавитные знаки. На листѣ 12-мъ атласа изображено городище на обрывистомъ берегу р. Тагила, безъ обозначенія мѣста его нахожденія. Впрочемъ, судя по чертежу, ясно, что здѣсь представлено такъ называемое *Ермаково городище*, находящееся въ 15 верстахъ отъ Нижне-Тагильскаго завода. Объ немъ упоминаетъ Поповъ въ хозяйств. описаніи Пермской губ. (ч. I, стр. 32) въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Слѣдуя по дорогѣ изъ Нижне-Тагильскаго въ Нижнелайскій заводъ, за 3 версты передъ р. Лаею видна по правую сторону р. Тагила островерхая гора, называемая камень Медвѣдь, около 50 саж. вышиной, а въ сей странѣ по лѣвую сторону р. Тагила, въ 150 саж. отъ небольшого источника (рѣчки) въ Тагилъ текущаго, лежитъ на крутомъ его берегу древнее укрѣпленіе, извѣстное подъ именемъ Ермакова городища. Оно состоитъ нынѣ изъ прямоугольнаго рва въ 2 сажени шириной и нѣсколько аршинъ глубиной, вырытаго на мысу такимъ образомъ, что 14 саженная фланка проведена къ сѣверу, а 10 саженная къ востоку". Рисунокъ 12-й атласа вполнѣ соотвѣтствуетъ этому описанію (у насъ этотъ рисунокъ не помѣщенъ).

О писаныхъ камняхъ по берегамъ р. Тагила въ хозяйственномъ описаніи Пермской губ. у Попова упоминаются: „а) *Балобанъ* въ 5 верстахъ отъ деревни Пряшниковой; но замѣчательнѣйшій изъ нихъ есть: б) *Писаной камень*, лежащій на лѣвой сторонѣ рѣки, около деревни Гаевой, въ 10 саженъ вышиною, по начертаннымъ на немъ *краснаго цвѣта фигурамъ*. Простой народъ думаетъ, что сіи непонятныя никому изображенія написалъ извѣстный завоеватель Сибири Ермакъ Тимофѣевъ, когда плылъ по рѣкѣ Тагилу. Нѣкоторыя изъ нихъ (начертаній) срисованы и здѣсь для любопытства представляются". На стр. 33 (ч. I) Поповымъ изображены только четыре фигуры, снятыя съ писанаго камня, изъ коихъ первыя двѣ соотвѣтствуютъ рисункамъ нашего атласа (табл. 6, фигуры изъ группы 3 и 7-й), а остальныя двѣ, вѣроятно, были скопированы неправильно, такъ какъ въ нашемъ атласѣ ихъ не оказывается. Поповъ не говоритъ, видѣлъ ли онъ эти надписи въ натурѣ, или онѣ сняты были другимъ лицомъ. Послѣднее предположеніе вѣроятнѣе, потому что при личномъ обозрѣніи авторъ не упустилъ бы случая перечислить Тагильскіе писаные камни съ большею подробностью. Между тѣмъ въ его сочиненіи упоминается только объ одномъ писаномъ камнѣ и изъ многочисленныхъ его начертаній сняты, болѣе или менѣе правильно, только двѣ фигуры. Послѣ Попова объ этихъ археологическихъ памятникахъ никто не упоминалъ; поэтому они не вошли ни въ обзоръ древностей Пермскаго края архимандрита Макарія, ни въ сочиненія Спас-

скаго, спеціально изучавшаго писаные камни какъ въ Сибири, такъ и въ Европейской Россіи, ни въ новѣйшія изданія по тому же предмету.

Разсматривая Тагильскіе писанцы въ частностяхъ, мы замѣчаемъ, что они существенно отличаются отъ сибирскихъ. Въ послѣднихъ преобладаютъ пастушескія сцены, въ первыхъ геометрическія фигуры и алфавитные знаки, размѣщенные большею частію въ одиночку, рѣже небольшими группами. Эти значки, мнѣ кажется, безошибочно можно принимать за буквы на томъ основаніи, что они въ той же самой формѣ постоянно встрѣчаются на Минусинскихъ и Орхонскихъ камняхъ, какъ это видно изъ опубликованныхъ текстовъ, гдѣ тѣ же знаки стоятъ въ сочетаніи съ другими буквами, образуя цѣлыя слова и довольно пространныя письмена*).

О древнихъ земляныхъ городищахъ по направленію водяныхъ путей съ Туры на Чусовую мы знаемъ очень немного, можетъ быть потому, что они здѣсь рѣдко устраивались, или, быть можетъ, этотъ районъ недостаточно изслѣдованъ въ археологическомъ отношеніи. По восточному склону Урала, въ Верхотурскомъ уѣздѣ, описывается такое городище на правомъ берегу *Прокофьевской Салды* (притокъ Туры), ниже деревни *Буксиной*. Оно расположено на утесистой горѣ, окружено рвомъ и валомъ въ формѣ дуги, хорда которой въ 40 аршинъ. Концы рва сливаются съ неприступнымъ скатомъ горы. Въ этихъ же мѣстностяхъ указываются земляные курганы **). По рѣкѣ Чусовой извѣстно нѣсколько городищъ. Изъ нихъ наиболѣе замѣчательное, такъ называемое, *Верешнское*, близъ деревни того же имени. Оно помѣщается на лѣвомъ берегу р. Чусовой, на краю мыса очень высокой горы, почти вертикально стоящей надъ рѣкой; съ открытыхъ сторонъ оно окружено земляным валомъ, вышиною до полуторыхъ саженъ. Въ разстояніи версты отъ этого городища, на другомъ мысу той же горы, при деревнѣ *Родниковой*, находится другое городище; оно съ сѣверной стороны защищено утесомъ, съ восточной — оврагомъ, а съ остальныхъ двухъ сторонъ—земляным валомъ. Въ $^3/_4$ в. отъ деревни Верейной, на правомъ берегу р. Чусовой находится урочище, называемое „*Могилицы*“, гдѣ было древнее кладбище. Далѣе по теченію Чусовой, при деревнѣ *Тюриной*, также на мысу высокой горы, опять встрѣчается городище, съ восточной и западной стороны окруженное глубокими оврагами, съ сѣверной—утесомъ горы, вертикально возвышающимся надъ Чусовой, а съ

*) *Спасскій* l. c. О достоприм. памятн. Сибир. древн. Табл. VI. *Радловъ* В. В. Труды Орхонской экспедиціи. Атласъ 1892 года.

**) Списки населенныхъ мѣстъ, Пермская губ. С.-Петербургъ 1875 г., стр. CXLIX. Рисунокъ городища на Прокофьевской Салдѣ помѣщенъ на первомъ листѣ рукописнаго атласа съ Тагильскими надписями, о которомъ мы говорили выше.

***) Архимандритъ *Макарій*, Памятники древности въ Пермской губерніи. Зап. Импер. Археолог. Общ. Т. VIII Спб. 1856 г. стр. 212.

южной — земляным валомъ, имѣющимъ нынѣ около сажени вышины ***). Поповъ, въ хозяйственномъ описаніи Пермской губерніи (часть III, 1813 г. стр. 64) перечисляетъ еще нѣсколько городищъ, но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ сочиненіи (у Попова и архиман. Макарія) нѣтъ подробнаго описанія этихъ археологическихъ памятниковъ, хотя бы по одному внѣшнему виду, какъ это мы видѣли у Рычкова. Въ такомъ же родѣ перечисляется нѣсколько городищъ въ Кунгурскомъ уѣздѣ Пермской губерніи, по рр. Сылвѣ и Ирени, но мы не упоминаемъ объ нихъ, потому что для цѣлей нашего изложенія они не прибавляютъ новыхъ данныхъ къ тому, что уже было описано выше.

Познакомившись, такимъ образомъ, съ общимъ топографическимъ расположеніемъ городищъ Пермской, Вятской и Уфимской губерній, въ связи съ Западной Сибирью *), мы можемъ теперь разсмотрѣть ихъ археологическое значеніе. Послѣ того, что было уже сказано о городищахъ въ настоящей и, особенно, въ предъидущей главѣ, едва-ли является надобность снова объяснять неосновательность ходячихъ мнѣній о происхожденіи разсматриваемыхъ древностей. Для меня, по крайней мѣрѣ, ясно, что ни татарская эпоха, ни пресловутая финская доисторическая культура, ни миѳическій бытъ какихъ-то невѣдомыхъ дикарей каменнаго вѣка здѣсь не имѣютъ мѣста. Сибирскія и Пріуральскія городища были построены не дикарями, или баснословною Чудью, а народомъ болѣе или менѣе осѣдлымъ и культурнымъ, умѣвшимъ добывать и обработывать металлы, широко пользовавшимся рѣчнымъ судоходствомъ и при помощи послѣдняго имѣвшимъ торговыя сношенія съ далекими южными и западными странами. Что касается до эпохи сооруженія городищъ разсматриваемаго нами типа, то ее невозможно пріурочивать не только ко времени завоеванія Сибири, но даже ко времени основанія Русскаго государства. Начиная съ IX—X в. бытъ русскаго и инородческаго населенія нынѣшней Россіи въ общихъ чертахъ не безъизвѣстенъ; но историческіе документы и вещественные памятники не даютъ намъ никакихъ данныхъ въ подтвержденіе того, чтобы сѣверныя финскія племена того времени стояли на болѣе высокой степени развитія, чѣмъ нынѣ, и чтобы они могли заниматься и горными промыслами, и земледѣліемъ, и судостроеніемъ, и международною торговлей. Напротивъ того, въ исторіи древней русской жизни дѣйствительно сохранились многія черты, свидѣтельствующія о наслѣдственной связи русской культуры съ доисторическою сибирскою. Сюда относятся: курганныя могилы, типы городскихъ укрѣпленій, исконная привычка къ

*) Въ Западной Сибири мы не упомянули о городищахъ по р. Инѣ и Томи и по нѣкоторымъ Алтайскимъ долинамъ, потому что они составляютъ особую (южную) линію укрѣпленій, неимѣющихъ отношенія къ пріуральскимъ областямъ, о которыхъ у насъ идетъ рѣчь въ настоящей главѣ.

земледѣлію, начиная съ скиѳской эпохи, привычка къ деревяннымъ постройкамъ, типы гончарныхъ издѣлій*) и многое другое, о чемъ мы будемъ говорить подробно въ своемъ мѣстѣ.

Въ каждой области человѣческихъ знаній умственный горизонтъ разширяется по мѣрѣ накопленія фактовъ. Археологія въ этомъ отношеніи проходитъ только первые дѣтскіе шаги, потому нерѣдко впадаетъ въ двѣ противуположныя крайности. Заключенія ея часто оказываются либо слишкомъ близорукими, либо чрезмѣрно дальнозоркими, витающими чуть не въ геологическихъ эпохахъ. Первая изъ этихъ крайностей болѣе свойственна людямъ съ узкими историческими преданіями. Киргизы Акмолинской области увѣрены, что высокіе курганы въ ихъ странѣ относятся по времени Кенисары Касимова, семирѣченскіе киргизы приписываютъ ихъ сосѣднимъ Китайцамъ; Тобольскіе татары всякую древность связываютъ съ Чингисханомъ, или съ Кучумомъ, уральскіе крестьяне съ Ермакомъ, русскіе книжники былого времени любили приписывать наиболѣе выдающіяся древности Александру Македонскому. Ближайшій или наиболѣе чтимый герой, безъ дальнихъ разсужденій, воплощалъ въ себѣ объясненіе неразгаданныхъ фактовъ. Тѣмъ же грѣхомъ отчасти заражена и наша археологическая литература, гдѣ сплошь и рядомъ безъ всякаго основанія проводятся излюбленныя финскія и татарскія теоріи, почему то признаваемыя болѣе научными. На самомъ же дѣлѣ это тѣ-же народныя сказки о вымершей или заживо похоронившей себя Чуди, или мусульманскій бредъ о великомъ прошломъ татарскаго племени. Другая, не менѣе произвольная крайность допускается археологами въ томъ случаѣ, когда они эпоху городищъ относятъ къ каменному вѣку,—на основаніи узорчатыхъ черепковъ, костяныхъ стрѣлъ, каменныхъ скребковъ и молотковъ, разсуждаютъ о дикомъ или первобытномъ человѣкѣ. То и другое направленіе одинаково фальшивы и могутъ вводить только въ заблужденіе, сбивая съ истиннаго пути.

Въ началѣ сочиненія мы уже высказывали нашъ взглядъ на археологическіе памятники Европейской Россіи и Сибири. Они не должны терять связи съ существующими народностями и съ продолжающимися до нашихъ дней культурными теченіями; вмѣстѣ съ тѣмъ они должны занимать свое хронологическое мѣсто по отношенію къ всемірной исторіи. Понятіе о доисторической эпохѣ въ этомъ случаѣ не есть абсолютное; оно относится лишь къ той мѣстности, или народности, о которыхъ по данному времени не сохранилось письменныхъ историческихъ свидѣтельствъ. Это время по отношенію

*) Узорчатые черепки одинаковыхъ рисунковъ, находимыя массами почти въ каждомъ городищѣ не только Сибири и Европейской Россіи, но и въ славянскихъ странахъ Балтійскаго побережья, представляютъ собою весьма любопытный археологическій матеріалъ. По одному этому признаку можно уже утверждать, что наши городища были населены не финскими племенами.

къ разсматриваемымъ нами сибирскимъ памятникамъ во всякомъ случаѣ не должно совпадать съ недосягаемою глубиною вѣковъ.

Едвали мы будемъ далеки отъ истины, если предположимъ, что дѣятельная жизнь древняго сибирскаго населенія, въ рудникахъ, городищахъ и на черноземныхъ сибирскихъ равнинахъ, покрытыхъ курганными могилами, начавшаяся можетъ быть съ очень далекаго времени, продолжалась не дальше первыхъ III—IV вѣковъ христіанскаго лѣтосчисленія. Послѣ этой эпохи, совпадающей съ великимъ переселеніемъ народовъ, мы имѣемъ уже историческіе намеки на то, что южная Сибирь стала заселяться татарскимъ и монгольскимъ племенемъ, въ свою очередь мало по малу распространявшимся на западъ. По мѣрѣ передвиженія гунновъ на Каму и Волгу, а потомъ къ Азовскому и Черному морю, южныя Сибирскія степи постепенно теряли свое прежнее осѣдлое и промышленное населеніе, замѣщавшееся кочевымъ народомъ. Съ какого времени и въ какой послѣдовательности замѣщалась Сибирь татарами, это въ точности не извѣстно. Клапротъ полагаетъ, на основаніи китайскихъ источниковъ, что татары подъ китайскимъ именемъ *Тукюэ* (Thoukhiu-Turcs) появились въ горныхъ долинахъ Алтая нераньше III—IV в. по Р. Х. Въ половинѣ VI в. они представляли уже сильное государство, дѣлавшее частыя нападенія на китайцевъ, и даже на Персію, и посылавшее пословъ въ Константинополь*). Судя по тѣмъ же даннымъ, татарское населеніе распространялось тогда отъ Алтайскихъ горъ преимущественно на западъ, въ нынѣшнюю Семипалатинскую область и далѣе къ Сыръ-Дарьѣ; скоро оно проникло въ Туркестанскія и Оренбургскія степи, но сѣверъ Западной Сибири долго еще оставался внѣ татарскаго вліянія. Равнымъ образомъ оно не простиралось еще въ это время на горныя Уральскія области и на древнюю Камскую Болгарію, въ которыхъ могла продолжаться прежняя торгово-промышленная жизнь.

Изъ предъидущаго обзора древнихъ рудныхъ разработокъ на Алтаѣ, въ Акмолинской области и на Уралѣ мы ясно усматриваемъ въ какомъ широкомъ размѣрѣ велось это горное дѣло. Мы видѣли также, что изъ металловъ добывались только золото, серебро и медь, не касаясь желѣза, и что орудія производства были также мѣдныя. Отсюда несомнѣнно слѣдуетъ, что такъ называемыя Чудскія копи на Алтаѣ и Уралѣ разработывались не позднѣе первыхъ вѣковъ нашего лѣтосчисленія, т. е. до эпохи татарскаго водворенія въ Сибири. Далѣе мы видѣли, что мѣста древнихъ рудныхъ разработокъ почти всегда сопутствуются городищами опредѣленнаго типа и курганными могилами. Отсюда позволительно заключить, что тѣ и другія существовали одновременно и представляютъ слѣды жизни одного и того же племени. Тѣ же курганы и городища мы встрѣчаемъ въ Пермскомъ и Вятскомъ

*) *Klaproth*, Tableaux historiques de l'Asie. Paris 1826. p. 115.

краѣ, въ послѣднемъ тѣ же слѣды древней разработки мѣдныхъ рудъ. Это даетъ право думать, что между Сибирскими, Болгарскими и Пермскими рудокопами существовала близкая этнографическая связь. Очерченные нами пути древнихъ водныхъ сообщеній, со слѣдами тѣхъ же городищъ, показываютъ, что между Сибирью и Пермью существовали оживленныя сношенія, слѣдовательно производилась торговля. Между предметами вывоза изъ Сибири въ Великую Пермь и Болгарію наиболѣе крупную статью должны были составлять металлы, которыми Сибирь изобиловала. Я не говорю здѣсь о вывозѣ другихъ сибирскихъ продуктовъ, напримѣръ, скотоводства (кожи, шерсть и пр.), можетъ быть даже земледѣлія, такъ какъ объ этомъ будетъ рѣчь впереди.

Торговые пути черезъ Уралъ, какъ мы уже говорили, направлялись тремя линіями: 1) самая сѣверная по Тавдѣ и ея притокамъ прямо въ Великую Пермь, 2) по Турѣ и ея притокамъ на Чусовую и Каму, откуда товары могли идти и въ Пермь и въ Болгарію, 3) по Уфѣ и Бѣлой въ Болгарскіе города. Первыя два изъ этихъ направленій, какъ связанныя съ Иртышомъ и Тоболомъ, служили для непосредственнаго сообщенія съ Алтайскими мѣстностями, гдѣ по преимуществу производилась добыча серебра. Не этимъ ли обстоятельствомъ объясняется скопленіе этого металла именно въ Пермскомъ и Вятскомъ краѣ, что подтверждается какъ многочисленными находками здѣсь серебряныхъ издѣлій, такъ и лѣтописными свѣдѣніями о закамскомъ серебрѣ и прозваніемъ камскихъ Болгаръ *серебряными* или *Нукратскими* Болгарами (отъ арабскаго слова *нукратъ* серебро). Мѣстныхъ серебряныхъ рудниковъ по Камѣ не имѣется, не найдено здѣсь и слѣдовъ древнихъ разработокъ серебряныхъ рудъ. Очевидно, серебро сюда привозилось изъ другихъ странъ, либо въ издѣліяхъ, въ обмѣнъ на товары, либо непосредственно съ мѣста его добычи, какъ продажный товаръ. Послѣднее весьма правдоподобно, потому что Пермь по расположенію торговыхъ путей должна была служить главнымъ рынкомъ для сбыта Алтайскаго серебра *).

*) Кстати здѣсь сказать о происхожденіи слова *Алтай*. Какъ извѣстно, его производятъ отъ тюрко-монгольскаго *алта* или *алтынъ* золото: отсюда *алтанъ-ула*, или по Манджурски Алтай-алинъ, золотыя горы: отсюда же монгол. *Алтанъ-норъ*, золотое озеро, по русски *Алтонъ*. Съ археологической точки зрѣнія такое объясненіе названія Алтая намъ казалось бы не вполнѣ удовлетворительнымъ. Во-первыхъ, въ алтайскихъ предгоріяхъ въ древности добывалось преимущественно серебро, рѣже золото; во вторыхъ, татарскія и монгольскія племена, пришедшія сюда позднѣе, не участвовали въ этой добычѣ и едва ли даже имѣли понятіе о рудныхъ богатствахъ Алтая; въ третьихъ, по золотымъ пріискамъ можно было бы назвать Алтаемъ развѣ отдѣльныя части золотоносныхъ долинъ или горъ, но не цѣлый хребетъ. По этому намъ кажется, что для слова *Алтай*, извѣстнаго съ 7 вѣка, нужно искать другаго объясненія. Если это имя дано Киргизами или Татарами, то не образовалось ли оно изъ сокращеннаго *Ала-тау* (ал-тау) т. е. пестрыя горы, по цвѣту горныхъ вершинъ, частію покрытыхъ снѣгами. Но еще вѣроятнѣе, что въ словѣ Алтай звучитъ какой нибудь древне-арійскій корень, затемненный монгольскимъ или киргизскимъ произношеніемъ, напр. *alt*, altus, кельтское *alp* высокій (отсюда Альпы).

Нѣтъ основанія отрицать, что и добываемая въ Сибири мѣдь привозилось на тѣже зауральскіе рынки. Потребность въ металлахъ всегда была велика, а области ихъ мѣсторожденій ограничены. Поэтому трудно предполагать, чтобы такія металлоносныя страны какъ Алтай, Уралъ и Акмолинская область, въ которыхъ производились рудныя работы въ обширныхъ размѣрахъ, удовлетворяли бы только собственнымъ мѣстнымъ потребностямъ. Бронза и мѣдь курганныхъ могилъ южной и западной Россіи, не говоря уже объ Ананьевскомъ могильникѣ и о находкахъ въ области древней Камской Болгаріи, навѣрное приготовлялись изъ уральскаго и сибирскаго металла. Если принять во вниманіе древнюю торговую славу Перми и Болгаріи, существовавшіе здѣсь обширные города и сношенія съ другими европейскими и азіатскими странами (на основаніи находимыхъ здѣсь сасанидскихъ и византійскихъ монетъ), то не покажется невѣроятнымъ предположеніе о вывозѣ металловъ даже за предѣлы древней Скиѳіи, хотя на это и не имѣется прямыхъ историческихъ указаній. Мы знаемъ, что греческія республики еще въ IV—III вѣкѣ до Р. Х. продовольствовались скиѳскимъ хлѣбомъ (см. выше стр. 24), вывозили отъ насъ рыбу, кожи и другіе продукты, почему же не допустить, что и металлы также могли служить предметомъ вывоза. Торговыя сношенія съ Персіей (по Волгѣ и Каспійскому морю), повидимому, были еще обширнѣе. На это указываютъ находимые въ Перми и Болгаріи клады древнихъ персидскихъ монетъ и серебряныхъ издѣлій, о которыхъ мы говорили выше (стр. 200).

Цвѣтущее время Камской Болгаріи и Перми продолжалось до тѣхъ поръ, пока въ ихъ рукахъ находились главные источники богатства—горные промыслы. Мы уже сказали, что съ III—IV в. по Р. Х. въ Алтайскихъ долинахъ появилось новое кочевое населеніе. Постепенно усиливаясь, оно мало по малу заняло Ишимскія и Оренбургскія хлѣбородныя степи. Сибирь была потеряна для промышленности и торговли, и это нанесло Болгаріи первый ударъ. Когда это случилось, трудно сказать въ точности, но можно гадательно предположить, что распространеніе татарщины за Ураломъ стояло въ связи съ ослабленіемъ древняго сибирскаго населенія курганной эпохи и съ постепеннымъ выселеніемъ Болгаръ сначала на нижнюю Волгу и къ Азовскому морю, потомъ къ Дунаю. Это было, по всей вѣроятности, въ концѣ IV и въ первой половинѣ V вѣка. Приблизительно около того же времени должны были подвигаться татары къ восточнымъ склонамъ Уральскаго хребта, вытѣсняя древнихъ сибирскихъ жителей, или слѣдуя за ними, по мѣрѣ ихъ удаленія. Собственно Болгарія (между рѣками Бѣлой, Камой и Волгой) въ это время еще не испытала на себѣ давленія алтайскихъ выходцевъ, но она была окружена финскими инородцами, изъ коихъ нѣкоторые, напр. мадьяры, при долгомъ сожительствѣ съ болгарами, достигли уже такого гражданскаго развитія, что сами являлись соперниками болгаръ.

Въ Болгарію татарскіе элементы проникли, вѣроятно, съ юго-востока, изъ Оренбургскихъ степей. Точнаго времени этого вторженія исторія не знаетъ, но оно, по всей вѣроятности, должно было совершиться не ранѣе половины V вѣка. Во второй половинѣ VI вѣка, судя по описанію Менандромъ византійскаго посольства къ турецкому хану Турксанту, кочевавшему въ степяхъ между Волгой и Кавказомъ, жившее здѣсь ранѣе гуннское племя Утургуровъ было уже покорено турками *). Съ этого времени начинается видимое преобладаніе татарскаго элемента надъ болгарскимъ во всемъ нижнемъ поволжьѣ, распространившееся впослѣдствіи и на сѣверную Болгарію. Отъ сосѣдства этихъ турокъ Болгары, а за ними и Угры, восприняли тѣ турецкія черты въ своемъ этнографическомъ обликѣ, которыя дали поводъ многимъ писателямъ, старымъ и новымъ, принимать болгарское племя за татарское. Еще раньше, при появленіи татаръ въ степяхъ западной Сибири, сосѣдство ихъ такимъ же образомъ отчасти отразилось на жившихъ тамъ нѣкоторыхъ племенахъ Гунновъ, родственныхъ Болгарамъ и принимаемыхъ нами за древнее курганное населеніе Сибири. Это также послужило поводомъ къ ошибочному смѣшенію Гунновъ съ турецкими племенами. О національности коренныхъ болгаръ и гунновъ, о сходствѣ древней болгарской культуры съ пермскою и сибирскою и о смѣнахъ населенія въ этихъ странахъ мы скажемъ подробнѣе въ слѣдующей главѣ. Теперь же, въ заключеніе, должны прибавить еще нѣсколько замѣчаній о судьбѣ Великой Перми.

Въ то время, когда Камская Болгарія, благодаря свободному пути по Волгѣ и Каспійскому морю, сохраняла еще тѣнь своей торговой славы (въ IX—X в.), Пермская область уже совсѣмъ потеряла прежнее международное значеніе. Она, какъ отрѣзанный глухой уголъ, была забыта и норвежцами, и византійцами, и персами. Даже болгарскіе купцы смотрѣли на нее, какъ на недоступную «страну мрака» (см. стр. 186). Одни новгородцы не отступились отъ нее, продолжая по старымъ традиціямъ дорожить сѣверомъ, но уже не въ смыслѣ международнаго рынка, а какъ центромъ звѣроловнаго промысла. Можетъ быть, тяготѣніе къ сѣверу у нихъ поддерживалось и старыми воспоминаніями о далекой и богатой Сибири, доступъ къ которой въ то время былъ возможенъ только черезъ самые сѣверные Уральскіе проходы, мимо Печоры и Югры. Въ русскихъ лѣтописяхъ и историческихъ актахъ есть намеки на то, что новгородцы знали не только Пермь и Югру, но также рѣку Обь съ ея сѣверными притоками. По картѣ Герберштейна (1549 г.), составленной по Московскимъ чертежамъ, были извѣстны р. Иртышъ съ городкомъ Сибирью, р. Тоболъ и даже были слухи о Монголіи и китайскомъ городѣ Канбалыкѣ (Пекинъ). Въ концѣ XV в.

*) См. объ этомъ въ книгѣ *Д. И. Иловайскаго* „Разысканія о началѣ Руси", изд. 2, Москва, 1882 г., стр. 254.

русскіе государи включали въ свой титулъ наименованіе «кондинскихъ и обдорскихъ», считая себя владѣтелями земель по рр. Кондѣ и нижней Оби. Съ паденіемъ Казанскаго царства русскіе заняли Камскую Болгарію и средній Уралъ, проложивъ, такимъ образомъ, прямой и болѣе близкій путь къ Сибири по рѣкамъ Чусовой и Турѣ. Послѣ того неизбѣжно должно было совершиться въ той или другой формѣ завоеваніе Сибири, входившее въ планы Ивана Грознаго, считавшаго эту страну, равно какъ и Казань, исконнымъ достояніемъ Русскаго государства.

Возвращеніемъ Сибири закончилась многовѣковая борьба русской народности съ татарскою,—розорвано то желѣзное кольцо, которое роковымъ образомъ сковывало естественные предѣлы Россіи и такъ долго задерживало ея физическій и духовный ростъ. Тысячелѣтній размахъ историческаго маятника, съ IV—V вѣка покачнувшійся на западъ, съ XVI в. снова пошелъ на востокъ. Колоссальная народная волна, нахлынувшая на Россію, разбилась о твердые устои русскаго государства и теперь снова возвращается назадъ въ тѣ же предѣлы, но въ видѣ русской волны. Нынѣшняя Сибирь, воскресившая въ новыхъ формахъ земледѣліе и горную промышленность курганной эпохи, въ близкомъ будущемъ возвратитъ себѣ и прежнее значеніе великаго транзитнаго пути изъ южной Азіи въ Европу. Тогда, можетъ быть, воскреснетъ и забытая слава Великой Перми, если при современныхъ способахъ передвиженія откроется свободный выходъ въ Сѣверный Океанъ, и знаменитыя нѣкогда рѣки, Двина и Печора, снова получатъ то значеніе, какое онѣ имѣли въ древности. Культурный прогрессъ не мѣняетъ естественныхъ условій страны, а лишь совершенствуетъ ихъ при содѣйствіи науки и искусства. Въ этихъ естественныхъ рамкахъ течетъ преемственная историческая жизнь, обыкновенно повторяющая то, что было раньше, но въ болѣе совершенныхъ формахъ. Рѣки древней Болгаріи: Волга, Кама, Бѣлая и Вятка, давно уже служатъ русскому государству ихъ старую доисторическую службу. Возрождается и значеніе сибирскихъ рѣкъ: Оби, Иртыша, Тобола, Туры и Тавды. Одна Пермь Великая остается пустынною и забытою, не смотря на ея крупныя историческія заслуги въ прошедшемъ и несомнѣнныя выгоды въ будущемъ. Природа создала ее широкою дверью изъ Сибири въ Европу чрезъ Сѣверный Океанъ. Наши предки, повидимому, когда-то пользовались этимъ выходомъ, но, потерявъ сибирскія рѣки и устранившись отъ европейской жизни, нашли его излишнимъ и ненужнымъ. Только теперь, съ возрожденіемъ экономическаго и торговаго значенія Сибири, вопросъ о выходѣ съ Оби на Печору и въ открытое море снова предъявляетъ свои права и, по всей

вѣроятности, дождется скораго разрѣшенія. Тогда и для Великой Перми наступятъ прежнія времена торговаго процвѣтанія.*)

Прибавленіе къ V главѣ, къ стр. 234.

Описывая городища по р. Исети, мною случайно пропущены два укрѣпленія, находящіяся между городомъ Шадринскомъ и Далматовскимъ селомъ. Одно изъ нихъ находится въ 7 верстахъ отъ Шадринска, близъ деревни *Мыльниковой*, на лѣвомъ высокомъ берегу прежняго русла рѣки Исети. Оно окружено двумя параллельными валами и рвами, имѣющими подковообразную форму. Концы валовъ теряются въ обрывѣ берега. Растояніе между валами по берегу 30 саженъ. Второе городище находится близъ села *Замараевскаго*, въ 28 верстахъ къ западу отъ Шадринска, тоже на берегу р. Исети. Валы и рвы его имѣютъ круглую форму, около 95—130 саж. въ окружности. Въ сосѣдствѣ по берегу находится болѣе сотни кургановъ, изъ нихъ 15 имѣютъ значительную высоту.

(Извѣстія Импер. Археологич. Общ. т. IV, вып. 4, сентябрь, 1863 г., стр. 407, статья Зырянова. Здѣсь же помѣщены рисунки описываемыхъ городищъ).

---

*) Вопросъ о соединеніи Оби съ Печорой былъ возбужденъ еще въ сороковыхъ годахъ. В. Н. *Латкинъ*, послѣ путешествія по Печорѣ и Усѣ въ 1840—1843 годахъ, первый указалъ на возможность соединенія Оби съ Печорой черезъ рѣки Собь, Симаруху, Елецъ и Усу (Дневникъ Латкина былъ напечатанъ только въ 1853 г.). Послѣ того бывшій Тобольскій губернаторъ В. А. *Арцимовичъ* обсуждалъ тотъ же вопросъ при участіи Тобольскихъ купцовъ-рыбопромышленниковъ, хорошо знакомыхъ съ этимъ краемъ, и, кажется, возбуждалъ объ этомъ оффиціальное ходатайство. Въ Тобольскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1857 годъ было напечатано объ этомъ предположеніи нѣсколько статей, изъ коихъ видно, что проектированный путь, дѣйствительно, осуществимъ.

Въ 60-хъ годахъ извѣстный ревнитель русскаго сѣвера М. К. *Сидоровъ* рекомендовалъ, на основаніи личныхъ изысканій, устроить сообщеніе между Обью и Печорой при посредствѣ Березовской Сосвы и Сыгвы, съ колеснымъ волокомъ (или конно-желѣзною дорогою) въ 150 верстъ къ Печорской пристани Оранецъ (*Сидоровъ*. Сѣверъ Россіи. Спб. 1870, стр. 347). Это направленіе имѣетъ то преимущество передъ первымъ, что оно пролегаетъ болѣе чѣмъ на 2° южнѣе и разстояніе отъ Оби до Печоры здѣсь значительно короче. Устроить, даже не колесную, а конно-желѣзную дорогу на протяженіи 150 верстъ дешевле, чѣмъ сооруженіе канала съ системою шлюзовъ, а главное эксплоатація конно-желѣзнаго пути могла бы совершаться круглый годъ и не представляла бы тѣхъ неожиданностей, какія, къ несчастію, оказались при осуществленіи Екатерининскаго и Обь-Енисейскаго каналовъ. Такъ или иначе, но только съ устройствомъ прямого выхода съ Оби на Печору и въ открытое море можетъ вполнѣ разцвѣсти широкая экономическая жизнь Сибири и могутъ снова возстановиться тѣ естественныя, указанныя самою природою, отношенія между Сибирью и Пермскимъ краемъ, какія существовали въ древнія, доисторическія времена.

ГЛАВА VI.

Городище Болгары и Камская Болгарія.

Топографія городища Болгары.—Старая Кама и вытекающія отсюда соображенія о времени основанія города Болгара.—Описаніе городища и его древность.—Археологическія находки въ Болгарахъ и сходство древней болгарской культуры съ сибирской.—Остатки каменныхъ построекъ: столпы и ихъ происхожденіе. Бѣлая и черная палаты, цитадель.—Историческія свѣдѣнія о Камской Болгаріи.—Національность и имя Болгаръ.—Отношеніе ихъ къ Гуннамъ или древнему сибирскому курганному населенію.

Городище Болгары*), на которомъ нынѣ расположено село Успенское, находится въ 22 верстахъ отъ города Спасска, Казанской губерніи, по почтовому тракту изъ этого города въ Тетюши. Оно расположено на высокомъ крутомъ яру, у подножія котораго, съ сѣверной стороны города, когда-то протекала рѣка, впадающая въ Волгу. Волга находится въ шести верстахъ отъ Болгаръ съ западной стороны. Мѣстность, на которой расположено городище, представляетъ высокую равнину съ легкимъ склономъ на сѣверъ. Съ этой стороны, съ обрыва горы, открывается обширный видъ на луговую сторону Камы и Волги. Начиная отъ болгарскаго яра, вплоть до нынѣшняго русла р. Камы, мѣстность очень низменная, на большомъ пространствѣ заливаемая весенними водами, покрыта во многихъ мѣстахъ озерами и болотами и прорѣзана, въ направленіи къ Волгѣ, обсохшими руслами нѣкогда протекавшихъ здѣсь рукавовъ рѣки. По всѣмъ признакамъ все это пространство было ничто иное, какъ старая дельта р. Камы, которая въ прежнее время вливалась въ Волгу нѣсколькими рукавами. Спасскій затонъ, повидимому, есть позднѣйшій остатокъ стараго Камскаго устья, до сихъ поръ еще не разобщенный отъ Волги, и соединяющійся съ нею въ видѣ залива. Въ него впадаетъ маленькая рѣчка *Бездна*, сливающаяся пе-

*) Я предпочитаю писать не „Булга́ры“ или „Бо́лгары“, а „Болга́ры“, потому что только послѣдняя форма соотвѣтствуетъ русскимъ лѣтописямъ и живому произношенію донынѣ существующаго Болгарскаго народа. Форма *Булгаръ* или *Булгары*, взятая отъ Византійскихъ и Арабскихъ писателей, указываетъ на восточную (арабскую) передѣлку народнаго славянскаго имени.—Болгарію я называю *Камской*, а не Волжской, на томъ основаніи, что центръ древняго Болгарскаго царства находился не на Волгѣ, а на Камѣ.

редъ этимъ съ камско-волжскимъ протокомъ *Чертыкомъ*. Длина теченія Бездны 50 верстъ, ширина около 15 саженъ при устьѣ *).

Около самыхъ Болгаръ наиболѣе явственно обозначается ложе бывшаго южнаго рукава Камы, до сихъ поръ извѣстное у крестьянъ подъ именемъ *Старой Камы*. Оно имѣетъ видъ пересохшей рѣки, шириною около 70—100 саженъ, по руслу которой теперь растутъ камыши, да кое-гдѣ замѣтны небольшія плеса воды. Съ Волгою этотъ протокъ въ настоящее время не соединяется: устье его занесено пескомъ. Противуположный конецъ его можно прослѣдить, паралельно горѣ, на разстояніи верстъ тридцати, но крестьяне говорятъ, что онъ будто бы идетъ вплоть до Чистополя, слѣдовательно все протяженіе этого рукава составляло около 120 верстъ. Въ то время, когда этимъ рукавомъ можно было пользоваться для судоходства, онъ долженъ былъ представлять для Болгаръ большое преимущество сравнительно съ нынѣшнимъ русломъ нижней Камы, если даже допустить, что оно также существовало одновременно съ южнымъ ея рукавомъ. Посредствомъ Болгарскаго протока значительно сокращался путь изъ Волги въ р. Вятку, и далѣе въ Пермскую область, а кромѣ того болгарскій мысъ представлялъ при устьѣ Камы единственное незатопляемое мѣсто лѣваго (луговаго) берега Волги, вплоть до Казани.

Южный берегъ старой Камы поднимается надъ всею окрестностію, идущею къ сѣверу, въ видѣ высокаго, сплошнаго крутаго яра, примѣрно въ 30—40 саженъ вышины. Несомнѣнно это былъ коренной лѣвый берегъ Камы, а все идущее отъ него пространство къ сѣверу, до нынѣшняго Камскаго устья, нужно признать старою дельтою этой рѣки, раздѣлявшейся здѣсь на нѣсколько рукавовъ. Самый южный рукавъ былъ Болгарскій, слѣдующій за нимъ Спасскій, съ нынѣшнимъ протокомъ Чертыкъ, не считая существовавшихъ второстепенныхъ протоковъ. Между протоками были невысоко приподнятые острова, образовавшіеся отъ рѣчныхъ наносовъ. Они въ настоящее время и служатъ по преимуществу мѣстомъ большей части поселеній Спасскаго уѣзда.

Существованіе болгарскаго рукава Старой Камы объясняетъ намъ, почему древніе Болгары избрали именно этотъ пунктъ для основанія своего города. При настоящихъ гидрографическихъ условіяхъ этотъ выборъ не имѣлъ бы смысла; ибо въ настоящее время, при обсохшемъ протокѣ, городище Болгары не только разобщено отъ судоходной рѣки, но даже не имѣетъ воды для обыденныхъ надобностей. Жители села Успенскаго (Болгары тожъ), не смотря на ихъ малочисленность, терпятъ въ этомъ отно-

*) См. приложенный *глазомѣрный* чертежъ, набросанный мною въ 1885 году. Пунктиромъ отъ Спасскаго затона до Болгаръ обозначенъ путь, которымъ обыкновенно ѣздятъ въ Болгары съ пароходной пристани отъ Спасскаго затона.

шеніи ощутительное неудобство, такъ какъ воду имъ приходится брать либо изъ озера, находящагося въ значительномъ разстояніи отъ села, далеко за валами, либо изъ колодцевъ, рыть которые очень трудно по причинѣ слишкомъ высокой мѣстности*). Для большого и притомъ торговаго города, каковы были древніе Болгары, существованіе при такихъ условіяхъ, очевидно было невозможно. Поэтому не остается сомнѣнія, что при заложеніи здѣсь города весь разсчетъ былъ основанъ на существовавшемъ тогда южномъ рукавѣ Камы. Примыкая непосредственно къ крутому берегу, гдѣ расположенъ былъ городъ, этотъ рукавъ, кромѣ продовольствія водой, имѣлъ стратегическое и торговое значеніе. Онъ охранялъ городъ съ сѣвера, потому съ этой стороны не было сооружено ни валовъ, ни рвовъ, какъ съ прочихъ сторонъ, въ томъ числѣ и со стороны Волги. Примыкать укрѣпленіе непосредственно къ рѣкѣ, по возможности судоходной,—это, какъ мы видѣли, былъ общій принципъ всѣхъ древнихъ славянскихъ городищъ.

Когда именно пересохъ южный рукавъ Камы, этого опредѣлить невозможно; но въ историческія времена, судя по описаніямъ, онъ уже не существовалъ. Въ книгѣ Большого Чертежа сказано: „а ниже города Лаишева изъ Камы рѣки потекла протока Чертыкъ и пала въ Волгу (въ Спасскій затонъ), а Кама пала въ Волгу ниже Лаишева 38 верстъ". „А противъ Тетюшъ по Волгѣ, по луговой сторонѣ Болгары**)". О Болгарскомъ рукавѣ Камы здѣсь не говорится ни слова. Далѣе, въ русскихъ лѣтописяхъ, при описаніяхъ походовъ на Болгары, ни разу не упоминается о томъ, чтобы русскія ладьи останавливались у устья Камы противъ Болгаръ, или вообще подходили бы къ городу съ сѣверной стороны; мѣстомъ ихъ высадки всегда была Волга. При описаніи похода великаго князя Всеволода Юрьевича въ 1184 году***) упоминается, что Болгары напали на русскій станъ, приплывъ на защиту своего города въ ладьяхъ. Когда они были отбиты русскою ратью, то побѣжали къ своимъ ладьямъ, *къ Волгѣ*, а не къ Камѣ, что было бы естественнѣе, если бы южный камскій рукавъ въ то время существовалъ. Вообще по русскимъ лѣтописямъ устье Камы отмѣчается на его нынѣшнемъ мѣстѣ, а объ южной протокѣ совсѣмъ не говорится. По этому можно заключить, что съ XI—XII вѣка теченіе Камы имѣло приблизительно тотъ же видъ, какъ и нынѣ, слѣдовательно Болгарскій протокъ обсохъ гораздо раньше.

*) На это обстоятельство обратилъ вниманіе еще Палласъ. Онъ говоритъ: „по справедливости должно удивляться, что столь знатный и хорошо построенный прежде бывшій городъ Болгары имѣлъ въ разсужденіи воды столь худое положеніе. Инако не можно оной имѣть, какъ только изъ вырытыхъ на семъ мѣстѣ колодезей, изъ коихъ и нынѣшняя деревня довольствуется водою. Волга находится отсюда, считая по прямой линіи, по крайней мѣрѣ въ девяти верстахъ" (путешеств. I, стр. 185).

**) Кн. Бол. Черт. изд. Языкова 1838 г. стр. 153—154.

***) Полн. собран. русск. лѣтоп. т. XV стр. 268 и 330.

Изъ арабскихъ писателей наиболѣе подробныя свѣдѣнія о Болгарахъ сообщаетъ, какъ очевидецъ, *Ибнъ-Фодланъ* (X столѣтія). По отношенію къ вопросу о южномъ протокѣ Камы у этого писателя не находится никакихъ свѣдѣній, хотя положеніе Волги у него опредѣлено вѣрно. „Туземцы разсказывали мнѣ, говоритъ *Ибнъ-Фодланъ*, что зимній день у нихъ бываетъ такъ коротокъ, что если кому изъ нихъ случается на разсвѣтѣ идти къ рѣкѣ, называемой Итилемъ (Волгою), которая отстоитъ отъ нихъ менѣе, чѣмъ на парасангъ (по Френу парасангъ равняется 7 верстамъ), прежде чѣмъ онъ дойдетъ, все небо покроется звѣздами" *). Изъ этого видно, что въ X в. Волга находилась въ томъ же разстояніи отъ Болгаръ, какъ и нынѣ, т. е. около 7 верстъ. Еслибы въ то время существовала вблизи самаго города другая рѣка, то едвали бы арабскій писатель упустилъ случай упомянуть о ней.

Нѣкоторые изъ позднѣйшихъ арабскихъ писателей упоминаютъ, что Волга прежде окружала городъ Болгаръ съ *сѣверной стороны* (Абульфеда), но это, очевидно, относится либо къ старому преданію, либо занесено какъ догадка, основанная на существованіи стараго русла Камы, въ родѣ того, какъ нынѣшніе крестьяне села Успенскаго по этому сухому руслу догадываются, что здѣсь когда-то была рѣка. Тоже значеніе имѣетъ и разсказъ Шерифъ-Эддинъ-*Булгари* (1551 года), по словамъ котораго Волга прежде протекала у самаго города Болгара, но во время Бараджъ-Хана, ушедъ оттуда, потекла съ западной стороны, что случилось, будто-бы, въ 1005, 1006 году. Упомянутый писатель въ XVI столѣтіи не могъ имѣть никакихъ данныхъ для такого точнаго заключенія. Итакъ, мы можемъ съ увѣренностію сказать, что начиная съ X вѣка Болгары находились въ тѣхъ же гидрографическихъ условіяхъ, какъ и нынѣ, а принимая во вниманіе, что крупныя гидрографическія перемѣны вообще совершаются чрезвычайно медленно, мы должны заключить, что основаніе города относится къ глубокой древности. Не опредѣляя этого въ точности, едвали мы ошибемся, высказывая предположеніе, что не только болгарская культура, но и самый городъ Болгаръ, въ тѣхъ предѣлахъ, какъ онъ обозначается нынѣ по рвамъ и валамъ, относятся ко временамъ до Р. Х.

Городище Болгары много разъ было изслѣдовано и описано. Раньше всего на него обратилъ вниманіе Казанскій митрополитъ Тихонъ, въ 1712 году. Желая устроить на этомъ мѣстѣ православный мужской монастырь, онъ писалъ по этому поводу слѣдующее: „Издревле по походѣ благовѣрнаго князя Андрея Боголюбскаго (1164 г.) пустѣетъ въ Казанскихъ предѣлахъ царственное мусульманксое городище, весьма преславное и прекрасное, что царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ весьма любилъ и почиталъ его и потому тогдашнему митрополиту Казанскому Іоасафу указалъ писатися Казанскимъ

*) В. В. *Григорьевъ*, Россія и Азія 1876 стр. 87.

и Болгарскимъ митрополитомъ, и что весьма прилично сіе городище возобновить и просвѣтить строеніемъ здѣсь церквей Божіихъ, основаніемъ монастыря и населеніемъ благочестія" *).

По поводу основанія монастыря въ томъ же 1712 г. было предписано дьяку Михайлову: „осмотря, что въ городищѣ какого древняго строенія есть, описать и землю отмѣря отвесть подъ монастырь". Это было первое обстоятельное и точное описаніе Болгарскаго городища, отысканное въ древнихъ актахъ К. И. Невоструевымъ и напечатанное имъ въ трудахъ перваго археологическаго съѣзда. Десять лѣтъ спустя, въ 1722 г. Болгары посѣтилъ Петръ Великій во время персидскаго похода, плывя Волгою изъ Казани въ Астрахань. Онъ первый обратилъ царственное вниманіе на развалины Болгаръ и выразилъ заботу объ охраненіи находящихся здѣсь древнихъ зданій. Въ 1768 г. Болгарское городище подробно описалъ академикъ *Палласъ*, и въ томъ же году *Озерецковскій* въ дневныхъ запискахъ путешествія Лепехина. Въ текущемъ столѣтіи объ этомъ предметѣ писали: въ 1822 г. профессоръ *Ердманъ*, въ 1824 году Павелъ *Свиньинъ*, въ 1832 г. *Кафтанниковъ*, въ 1840 г. проф. Казан. университета *Второвъ*, въ 1853 г. *Березинъ*, въ 1870 г. полковникъ *Риттихъ*, въ 1871 г. *Невоструевъ*, въ 1877 году проф. *Шпилевскій* (сводъ литературныхъ данныхъ **).

Изъ опубликованныхъ плановъ городища Болгары самый старый и обстоятельный помѣщенъ въ атласѣ архитектора *Шмита*, изданномъ въ 1832 г. подъ заглавіемъ: „Архитектурные чертежи развалинъ древнихъ Болгаръ" (14 листовъ). Эти чертежи были сняты съ натуры въ 1827 году ***). Въ настоящее время они составляютъ библіографическую рѣдкость; поэтому я помѣщаю здѣсь копію съ плана Шмита и нѣкоторые изъ его архитектурныхъ рисунковъ, дабы имѣть болѣе ясное представленіе о Болгарскихъ древностяхъ †).

---

*) *Невоструевъ*. О городищахъ древняго волжско-болгарскаго и казанскаго царствъ. Труды перваго археологическаго съѣзда въ Москвѣ. Томъ II. 1871 года, стр. 525.

**) Цитаты этихъ трудовъ можно найти въ вышеуказанной статьѣ Невоструева и въ книгѣ Шпилевскаго Древніе города и пр. стр. 196.

***) Кромѣ изданія *Шмита*, планъ Болгарскаго городища помѣщенъ въ сочиненіи *Риттиха* (Матеріалы для этнографіи Россіи, Казанская губернія, Казань 1870 г.) и въ собраніи картъ, плановъ и рисунковъ къ трудамъ I археологическаго съѣзда. Москва 1871 г.

†) Здѣсь помѣщаемъ *объясненіе нумерацій плана*:

1) Древняя каменная палата, нынѣ обращенная въ *Церковь св. Николая*.

2) *Большой столпъ*, нынѣ совершенно уничтоженный. Онъ стоялъ между каменной цитаделью (№ 7) и новой сельской церковью Успенія Пресвятой Богородицы (№ 21). Цифра 2, помѣщенная ошибочно внутри четырехугольной цитадели, должна стоять внѣ ея, рядомъ съ сѣверной стѣной.

3) *Малый столпъ*, существующій до сихъ поръ.

4) Такъ называемая *Черная* или Судная *палата*.

5) Такъ называемая *Бѣлая палата*, нынѣ совершенно уничтоженная.

6) Четырехугольная палата, носившая названіе *ханской*; нынѣ почти совсѣмъ разрушена.

Болгарскія земляныя укрѣпленія были основаны по типу, общему для всѣхъ подобнаго рода древнихъ славянскихъ сооруженій, именно: 1) Мѣсто для нихъ выбрано на высокомъ береговомъ яру, при сліяніи двухъ громадныхъ рѣкъ Камы и Волги. 2) Очертаніе земляныхъ валовъ и рвовъ имѣетъ видъ неправильнаго полукружія. 3) Кромѣ большого наружнаго вала существовалъ внутри городища такой же полукруглый внутренній валъ (такъ называемый Малый окопъ), въ которомъ сосредоточивались важнѣйшія части города, соотвѣтственно принятому въ древней Руси днѣпшнему городу или дѣтинцу. 4) Сторона городища, примыкавшая непосредственно къ крутому берегу рѣки, не была защищена валомъ, что также служитъ отличительнымъ признакомъ древнихъ земляныхъ крѣпостей. 5) Такъ называемый Малый городокъ, пристроенный въ видѣ узкаго придатка къ южной части укрѣпленія, соотвѣтствуетъ передовымъ фортамъ или дополнительнымъ городкамъ, какіе мы неоднократно встрѣчали при описаніи болѣе значительныхъ болгарскихъ и пермскихъ городищъ (см. выше). Такимъ образомъ, судя по мѣстоположенію и по очертанію валовъ, мы имѣемъ основаніе думать, что укрѣпленія Болгаръ были построены тѣмъ же народомъ, которому принадлежали прочія безчисленныя городища въ Европейской Россіи и Сибири. Они отличаются отъ другихъ только болѣе обширными размѣрами площади городища, но это объясняется исключительной важностью даннаго пункта. Болгары представляли собой не обыкновенный укрѣпленный городокъ, а настоящій городъ, обширный, торговый и административный центръ, или столицу царства.

Пространство, занимаемое городомъ, внутри валовъ, составляетъ въ длину, со включеніемъ малаго городка, 1350 саженъ, въ поперечникѣ по высокому берегу около 1200 саженъ, а все протяженіе окружности города, считая и сѣверный открытый бокъ, около 9 верстъ; площадь городища, по измѣренію Риттиха, занимаетъ около $3^1/_2$ квадр. верстъ. Форма наружнаго

---

7) Четыре *башни цитадели*. Стѣны между башнями нынѣ не существуютъ. Отъ нихъ остались груды мусора.

8—14) Фундаменты палатъ разнаго вида; самыхъ стѣнъ уже не существуетъ.

15) *Малый городокъ* съ валомъ и рвомъ. Малымъ городкомъ правильнѣе назвать весь придатокъ, выступающій къ югу отъ главныхъ валовъ городища.

16) Развалины четырехъ квадратныхъ зданій. бывшихъ въ Маломъ городкѣ.

17) Большой *земляной валъ*, окружавшій весь городъ. Снаружи его долженъ быть показанъ ровъ.

18) Развалины каменнаго строенія подъ горой, съ большими круглыми башнями, на возвышенной насыпи, на берегу Старой Камы.

19) Урочище *Ага-базаръ*, гдѣ видны развалины зданія съ башнями и признаки вала.

20) Развалины (слѣды фундаментовъ и мусоръ) разныхъ каменныхъ построекъ.

21) Новая сельская *церковь Успенія Пресвятой Богородицы*, выстроенная рядомъ съ бывшимъ большимъ столпомъ.

26) Бывшій *Малый окопъ* (валъ и ровъ), нынѣ не существующій. Покрытые штрихами кварталы означаютъ новыя сельскія постройки.

вала до настоящаго времени сохранилась довольно отчетливо. Онъ имѣетъ отвѣсную высоту около полуторыхъ саженъ; довольно крутые откосы его покрыты густой травой и мѣстами кустарникомъ; снаружи вала на всемъ протяженіи устроенъ ровъ, глубиною и шириною около трехъ саженъ. Такъ какъ нынѣшнее село Успенское расположено внутри этихъ укрѣпленій, то частію для выѣзда изъ него на сосѣднія поля, частію, можетъ быть, по другой причинѣ наружный валъ во многихъ мѣстахъ разрытъ и взятою отсюда землею засыпанъ ровъ (въ родѣ земляного моста), чтобы дать возможность переѣзда черезъ него. На планѣ Шмита такихъ интерваллovъ показано слишкомъ много. На самомъ дѣлѣ ихъ значительно меньше. Большинство авторовъ, описывавшихъ Болгары, считаютъ эти разрытыя мѣста за естественные обвалы земляной насыпи, но съ этимъ едвали можно согласиться. Сколько мы знаемъ объ этихъ сооруженіяхъ вообще (древніе валы русскихъ и доисторическихъ городовъ, курганныя могилы), они оказываются болѣе прочными и долговѣчными, чѣмъ каменныя стѣны. Сложенныя изъ дерна, или покрытыя дерномъ, такія насыпи обыкновенно сами собой не обваливаются, если имъ былъ данъ надлежащій откосъ. Выше мы видѣли, что на такихъ старыхъ улежавшихся валахъ возводили впослѣдствіи даже каменныя стѣны, не опасаясь осадки или оползанія. Поэтому я думаю, что разрушеніе древнихъ земляныхъ насыпей почти всегда происходитъ отъ рукъ человѣка, рѣже отъ обвала береговой площади городища, подмываемаго рѣкой, что по отношенію къ Болгарамъ не имѣетъ мѣста.

Кромѣ главнаго вала, окружавшаго весь городъ, и малаго городка, примыкавшаго къ нему съ юга, находился еще второй, внутренній валъ со рвомъ,—такъ называемый *малый окопъ*. Онъ упоминается только въ самыхъ старыхъ документахъ, именно въ выписи 1712 г. и въ описаніи подполковника Савенкова. Въ первомъ изъ этихъ документовъ размѣры этого городка не опредѣлены, а только говорится, что „внутрь *малаго окопа*, гдѣ былъ царскій домъ, отведено подъ строеніе (Успенскаго) монастыря земли длиннику 80 саж., поперекъ 60 саж. трехъ-аршинныхъ“. Обстоятельнѣе объ этомъ сказано у Савенкова: „перваго замочнаго валу отъ горы до горы 545 саж., межъ валовъ и горою 250 саженъ. Въ немъ каменный замокъ“. Малый окопъ здѣсь названъ *замочнымъ валомъ*, т. е. валомъ спеціально защищавшимъ центральную часть города, съ лучшими находившимися здѣсь постройками. Размѣры его были довольно значительны, именно съ востока на западъ 545 саж., съ юга на сѣверъ 250 саж. Думаю такъ на томъ основаніи, что выраженіе „отъ горы до горы“ едвали можно понимать иначе, какъ въ смыслѣ „отъ насыпи до насыпи“, т. е. отъ западнаго вала до восточнаго, а выраженіе „межъ валовъ и горою“ надо считать между внутреннимъ валомъ и Камскимъ берегомъ (яромъ). Иныхъ горъ, или

естественныхъ возвышеній на площади городища не имѣется. Такимъ образомъ, малый окопъ будетъ составлять внутреннее кольцо земляныхъ укрѣпленій, окружавшее цитадель и находившіяся около нея постройки. Съ сѣвера, какъ и главный наружный валъ, онъ оставался открытымъ, примыкая непосредственно къ крутому берегу рѣки. Это обстоятельство, вмѣстѣ съ расположеніемъ центра города на сѣверной сторонѣ, несомнѣнно подтверждаетъ высказанный нами взглядъ на значеніе для Болгаръ стараго рукава Камы и въ связи съ этимъ указываетъ на древнѣйшее время основанія болгарскихъ сооруженій. Кама, очевидно, служила наиболѣе обезпеченнымъ тыломъ, куда защитники города могли свободно отступить даже въ томъ случаѣ, если бы непріятель овладѣлъ малымъ городкомъ и занялъ южную половину большого города. И при этой неудачѣ Болгары могли еще защищаться изъ за второго ряда валовъ внутренняго окопа, подкрѣпляемаго каменною цитаделью, и только въ крайности искать спасенія на судахъ.

Во второй половинѣ прошлаго столѣтія малый окопъ уже не существовалъ. Поэтому объ немъ не упоминаютъ ни Палласъ, ни Лепехинъ, ни послѣдующіе за ними писатели. Надо полагать, что его уничтожили крестьяне села Успенскаго, вѣроятно потому, что онъ, находясь въ чертѣ разраставшагося селенія, мѣшалъ правильному распространенію улицъ.

Съ стратегической или фортификаціонной точки зрѣнія болгарская крѣпость обнаруживаетъ въ строителяхъ ея глубокую обдуманность и знаніе военной тактики. Изъ очертанія валовъ ея видно, что наибольшую опасность отъ непріятелей представляла южная сторона*), вслѣдствіе чего въ этой половинѣ площадь крѣпости уже,—восточный и западный валы находятся другъ отъ друга на разстояніи только 500 саженъ, вмѣсто 1000 саженъ, какъ на сѣверной сторонѣ. Это давало возможность легче концентрировать силы защитниковъ на болѣе угрожаемыхъ пунктахъ и подавать своевременную помощь, при случаѣ опаснаго натиска, съ восточнаго вала на западный, или наоборотъ. Еще больше соотвѣтствуетъ этой цѣли примкнутый къ южной части главной крѣпости малый городокъ. Ширина его внутри валовъ не болѣе 125 саж., а въ самой южной оконечности не болѣе 80—100 саж., что даетъ возможность сосредоточивать здѣсь большія силы на маломъ протяженіи и защищать каждую точку. Сверхъ того, малый городокъ, отстоя отъ сѣвернаго края города болѣе чѣмъ на двѣ версты, могъ служить удобнымъ пунктомъ для вылазокъ въ томъ случаѣ, если бы непріятель сосредоточилъ свои нападенія на сѣверо-восточную или сѣверо-западную часть

*) Съ сѣвера крѣпость была почти неприступна, благодаря крутому яру и протекавшей у подошвы его рѣки; съ запада, до извѣстной степени, защищала Волга съ ея береговымъ склономъ; съ востока высокій берегъ пересѣченъ оврагами, препятствующими свободному движенію осаждающаго войска.

укрѣпленій. При этомъ защитники изъ малаго городка являлись бы въ тылу у непріятеля. Въ виду такого важнаго значенія, малый городокъ былъ окруженъ, кромѣ высокаго вала, двойнымъ рвомъ, и сверхъ того имѣлъ четыре каменныхъ крѣпостныхъ башни, вѣроятно соединявшихся между собою стѣнами, служа особою цитаделью для этого передового укрѣпленія (см. приложенный планъ).

Имѣлъ ли городъ, кромѣ валовъ и рвовъ, еще деревянные заплоты и полисады, это остается сомнительнымъ. Березинъ *) и Риттихъ (l. cit.) допускаютъ такое предположеніе, основываясь на показаніяхъ русскихъ лѣтописей относительно города Ошеля, который былъ, дѣйствительно, укрѣпленъ дубовымъ тыномъ и двумя оплотами, между которыми находился валъ. Риттихъ необходимость присутствія дубовой стѣны за валомъ выводитъ изъ того обстоятельства, что безъ этого было бы весьма трудно оборонять такую громадную линію валовъ.—Эти соображенія могли имѣть мѣсто по отношенію къ Болгарамъ XII—XIV вѣка, когда городъ, дѣйствительно, былъ малолюденъ и когда деревянные оплоты были въ большомъ употребленіи; но нельзя того же сказать про обычаи фортификаціи древнѣйшихъ временъ. Болгарская крѣпость строилась не въ X или XI вѣкѣ, а можетъ быть раньше Р. Х., потому ея стратегическіе принципы должны соотвѣтствовать не татарскому, а скиескому періоду.

Въѣздъ на городище Болгары со стороны сѣвернаго крутого берега въ настоящее время идетъ (по Спасской дорогѣ) по приспособленному для этой цѣли сѣверо-восточному оврагу. Весьма вѣроятно, что и въ древности подъемъ былъ тоже въ этомъ пунктѣ, такъ какъ по крутизнѣ обрыва другого удобнаго спуска не имѣется. Между тѣмъ подгорная часть, очевидно, находилась въ непосредственной связи съ городомъ. Выше мы уже говорили, что старая Кама въ цвѣтущее время города не только должна была снабжать его водой, но имѣть при этомъ особое торговое и стратегическое значеніе. Безъ протекавшей здѣсь рѣки не было бы смысла строить обширный городъ на этомъ мѣстѣ. Всѣ авторы, писавшіе о Болгарахъ, говорятъ, что подъ горой по ту и другую сторону Старой Камы существовали слѣды каменныхъ построекъ. Въ актѣ 1712 года объ нихъ сказано такъ: „у другого (сѣвернаго) конца того же поперечника, за валомъ же, три палаты, двѣ стоятъ одна противъ другой, развалились до половины, а третья, особо отъ нихъ въ 10 саженяхъ, развалилась вся“. Лепехинъ указываетъ размѣры этихъ зданій по фундаментамъ: первое длиною и шириною по 4 сажени, второе 3 и 2½ сажени, а третье 7 саженъ длины и 5 саж. ширины. На планѣ Шмита указано мѣсто одной изъ нихъ (№ 18) съ слѣдующимъ объясненіемъ въ текстѣ: „развалины палатъ съ большими круглыми башнями на возвышенномъ курганѣ, на берегу Старой Камы за болотомъ, гдѣ по преданію

*) Булгаръ на Волгѣ. Учен. Зап. Казан. Унив. 1852 г. Кн. III.

стоялъ маякъ". На планѣ 1869 г. означены еще развалины у самой горы, въ 150 саж. отъ первыхъ къ юго-востоку. Очевидно, и тѣ и другія соотвѣтствуютъ показаннымъ въ актѣ 1712 г. и въ сочиненіи Лепехина. Въ настоящее время отъ этихъ зданій не осталось никакихъ слѣдовъ, но сооруженіе ихъ подъ горой, на низкомъ болотистомъ мѣстѣ, очевидно имѣло связь съ протекавшей здѣсь рѣкой и ея значеніемъ для города. Зданія были построены на искусственной насыпи (на курганѣ, какъ сказано у Шмита) вѣроятно по той причинѣ, что мѣстность во время разлива затоплялась водой, какъ и въ настоящую пору. Назначеніе этихъ строеній, можетъ быть, состояло въ томъ, чтобы охранять существовавшую здѣсь рѣку отъ вторженія непріятеля со стороны Волги. Маякомъ они быть не могли, потому что маяки обыкновенно ставятся на высокомъ мѣстѣ и этой цѣли гораздо болѣе могли удовлетворять высокія болгарскія зданія, особенно столпы, которые и нынѣ видны верстъ за 15—20, подъѣзжая съ сѣвера къ Болгарамъ.

Прежде чѣмъ перейдти къ описанію древностей, сохранившихся на городищѣ Болгары, считаю нужнымъ еще разъ обратиться къ вопросу о времени его основанія. Городъ Болгары, какъ извѣстно, начиная съ X вѣка является уже историческимъ городомъ. И въ русскихъ лѣтописяхъ, и въ арабскихъ сказаніяхъ имѣются объ немъ довольно обстоятельныя свѣдѣнія, которыми, естественно, прежде всего воспользовались авторы, писавшіе о болгарскихъ древностяхъ. Историческій городъ, такимъ образомъ, закрылъ собой его археологическое значеніе. Во всѣхъ сочиненіяхъ довольно обширной литературы по этому предмету имѣется въ виду исключительно мусульманскій періодъ (съ 922 г.) исторіи города, а потому и всѣ его древности пріурочиваются обыкновенно къ татарской, или точнѣе мусульманской эпохѣ. По мнѣнію проф. *Березина*, „существующіе нынѣ остатки отъ Булгара принадлежатъ всѣ безъ исключенія мусульманской эпохѣ, т. е. съ X по XV столѣтіе". *Невоструевъ*, считая такое мнѣніе весьма вѣроятнымъ, прибавляетъ, что послѣ разрушенія Булгара Монголами въ XIII в." онъ снова оправился, сдѣлавшись резиденціей золотоордынскихъ царей. Для безопасности отъ непріятеля городъ былъ обведенъ валомъ и рвомъ, уцѣлѣвшими доселѣ, и по всей вѣроятности деревянною только стѣною" (l. cit. стр. 525). Такимъ образомъ, не только остатки каменныхъ зданій, но даже древніе валы городища приписываются сравнительно недавнему историческому времени, т. е. послѣ XIII в. Точныхъ историческихъ основаній для такого заключенія собственно не имѣется никакихъ. Это не болѣе, какъ историческая догадка.

Въ началѣ главы мы уже высказали нѣкоторыя соображенія, почему городище Болгары слѣдуетъ считать однимъ изъ древнѣйшихъ. Къ этому прибавимъ историческія данныя о болгарскомъ народѣ, которыя могутъ подтверж-

дать тоже самое. Какъ извѣстно, въ началѣ X вѣка болгары, еще до принятія ислама, составляли уже сильное государство, имѣли города, вели обширную торговлю и повиновались одному самодержавному государю. Такое политическое значеніе ихъ, извѣстное арабамъ по торговымъ сношеніямъ Болгаріи съ Персіей и Малою Азіей, вѣроятно и было причиною, что мусульманскіе халифы такъ заботились о распространеніи своей религіи въ этой далекой странѣ. Но болгары, вѣроятно, были еще могущественнѣе до выселенія съ Волги значительной части этого народа за Дунай. Это совершилось, какъ извѣстно, во второй половинѣ VII вѣка. Живя по Камѣ и Волгѣ и имѣя здѣсь большіе торговые города и многочисленныя крѣпости, они, конечно, съ давнихъ поръ привыкли къ осѣдлой жизни и умѣли укрѣплять города безъ содѣйствія арабскихъ художниковъ. Система ихъ укрѣпленій не могла существенно отличаться отъ той, какая была принята въ то время для всей Европейской Россіи и Сибири, т. е. она соотвѣтствовала тѣмъ земляным городищамъ, обзоръ которыхъ мы сдѣлали въ двухъ предыдущихъ главахъ.

О времени основанія города Болгаръ точныхъ историческихъ свѣдѣній, конечно, не имѣется; но есть археологическія данныя, позволяющія предполагать, что болгарскія города по Волгѣ и Камѣ существовали съ тѣхъ поръ, когда появилась здѣсь болгарская народность. «Если вѣрить Моисею Хоренскому, замѣчаетъ В. В. Григорьевъ, болгары жили въ этихъ мѣстахъ (т. е. по Камѣ и Волгѣ) еще во второмъ столѣтіи до Р. Х., потому что они изъ за Кавказскихъ горъ уже тогда дѣлали вторженія въ Арменію. Но это доказываетъ только, продолжаетъ авторъ, что они были извѣстны азіатцамъ уже въ пятомъ вѣкѣ (когда писалъ М. Хоревскій)» (l. c. стр. 81). Это показаніе не только не противорѣчитъ археологическимъ фактамъ (городища, слѣды добычи и обработка металловъ и пр., о чемъ мы говорили выше), но подтверждается ими и въ свою очередь разъясняетъ ихъ. Изъ сопоставленія тѣхъ и другихъ данныхъ видно, что около Р. Х., а можетъ и гораздо раньше, въ разсматриваемыхъ краяхъ обиталъ промышленный, торговый и культурный народъ, называвшійся потомъ Болгарами. Не касаясь пока вопроса объ ихъ національности, мы вправѣ теперь замѣтить, что большая часть древнихъ городищъ по Камѣ и Волгѣ были построены этимъ древнимъ народомъ.

Для болѣе точнаго опредѣленія степени древности того или другого городища обыкновенно служатъ археологическія находки, встрѣчающіяся въ его почвѣ. Этотъ критерій имѣетъ значеніе и въ отношеніи къ Болгарамъ, хотя можетъ быть, въ меньшей степени, чѣмъ для другихъ городищъ, гдѣ не было смѣны культуръ. Какъ руководящій слѣдъ, въ Болгарахъ чаще всего изучали арабскія куфическія и золотоордынскія монеты; но онѣ для

насъ не имѣютъ особаго значенія, такъ какъ поясняютъ лишь историческія данныя сравнительно недавняго времени. Гораздо важнѣе находки римскихъ и византійскихъ монетъ, хотя и не столь многочисленныя. Въ первый разъ на нихъ указалъ *С. Ешевскій*. «Въ Булгарѣ, говоритъ онъ, *найдены были при мнѣ* одновременно обломки металлическаго зеркала съ древнею тибетскою или китайскою надписью и *римскія монеты* III и IV вѣка» (Пермск. сборн. 1858 г. Кн. I, страница 135). Извѣстный Казанскій археологъ, нынѣ покойный, *А. Ѳ. Лихачевъ* имѣлъ въ своей коллекціи найденную имъ лично въ 1873 г. въ мѣстности древняго города Булгара, монету императора Авреліана (270—275). Онъ же приводитъ извѣстіе о находкѣ здѣсь же на берегу Волги монеты императора Антонина (138—161 г.) *). Какъ ни ограниченно число такихъ фактовъ, но они все же могутъ вполнѣ доказывать, что мѣстность городища Болгаръ была уже заселена, по меньшей мѣрѣ, со второго или третьяго вѣка.

Но гораздо больше оказывается въ почвѣ Болгаръ, такъ называемыхъ, культурныхъ остатковъ стараго доисторическаго времени. Сюда относятся: орнаментированные черепки древней глиняной посуды, костяные наконечники стрѣлъ, масса глиняныхъ напрялъ, разноцвѣтныхъ бусъ, бронзовыхъ и желѣзныхъ издѣлій. *А. Ѳ. Лихачевъ*, какъ постоянный житель Казани и старый землевладѣлецъ Спасскаго уѣзда (въ сосѣдствѣ съ Болгарами), составилъ обширную и замѣчательную коллекцію собственно изъ Болгарскихъ древностей. Благодаря собранному имъ матеріалу, А. Ѳ. выступилъ съ ослзательными данными для разрѣшенія стоявшаго въ программѣ второго археологическаго съѣзда вопроса: «Всѣ ли памятники, находимые въ мѣстности древняго Булгара относятся къ мусульманскому періоду и не встрѣчается ли между ними такихъ памятниковъ, которые могутъ быть отнесены къ болѣе древнему періоду»? Докладъ его по данному вопросу, подъ заглавіемъ: «Бытовые памятники великой Булгаріи» напечатанъ въ первомъ выпускѣ трудовъ названнаго съѣзда (Спб. 1876 г. Стр. 1—50). Въ этой статьѣ подробно разсматривается по вещественнымъ памятникамъ древняя болгарская культура и несомнѣнно выясняется, что она почти цѣликомъ относится къ эпохѣ до мусульманства. Арабскому вліянію авторъ приписываетъ только каменныя постройки, но и это мнѣніе, хотя высказываемое довольно рѣшительно, не обставлено убѣдительными доказательствами. Вопросъ о каменныхъ постройкахъ мы разберемъ ниже. Что же касается до остальныхъ ископаемыхъ предметовъ, то они, независимо отъ своей доисторической древности, носятъ на себѣ ясные слѣды продолженія одной и той же древне-сибирской и Пермской культуры.

*) *Лихачевъ А.* Скиоскій слѣдъ на Болгарской почвѣ. Извѣстія Казанск. Общ. археологіи, исторіи и этнографіи. Т. V 1884 г. стр. 11.

По поводу находокъ на городищѣ Болгары считаемъ не излишнимъ сдѣлать одно предварительное замѣчаніе. Не смотря на богатство литературы по этому предмету, не смотря на собранныя многочисленныя коллекціи болгарскихъ древностей (Лихачева, Казанскаго университета и Казанскаго Археолог. Общества и нѣкоторыхъ частныхъ лицъ),—не смотря, наконецъ, на близость и легкую доступность разсматриваемой мѣстности и частое посѣщеніе ея учеными и туристами, до сего времени здѣсь не было произведено ни одной систематической и правильной раскопки. Это отчасти объясняется обширностью городища и тѣмъ, что важнѣйшая его часть нынѣ занята сельскими постройками. Можетъ быть этому содѣйствовало и господствовавшее мнѣніе, что всѣ находимые здѣсь памятники принадлежатъ татарской эпохѣ, слѣдовательно, для русской археологіи не представляютъ большого интереса. Какъ бы то ни было, но большинство собранныхъ въ Болгарахъ коллекцій были добыты не путемъ систематическихъ раскопокъ, а пріобрѣтены, какъ случайныя находки. Отъ этого болгарскія коллекціи не имѣютъ надлежащей полноты и законченности. Равнымъ образомъ не производилось въ этой мѣстности и курганныхъ раскопокъ, которыя могли бы существенно пополнять археологическія данныя при оцѣнкѣ вещей съ городища. Правда, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Болгарами курганы, повидимому, не встрѣчаются; но они въ достаточномъ числѣ существуютъ въ уѣздахъ Казанской губерніи и раскопка ихъ, вѣроятно, помогла бы точнѣе ориентироваться въ болгарскихъ древностяхъ.

По собраннымъ до сего времени находкамъ, собственно на городищѣ, болгарскую доисторическую культуру можно было бы отнести къ *переходной эпохѣ отъ бронзы къ желѣзу*. Здѣсь ни разу еще не находили ни характерныхъ бронзовыхъ сѣкиръ, какъ въ Ананьевскомъ могильникѣ и въ южно-сибирскихъ курганахъ, ни бронзовыхъ серповъ, ни типичныхъ для бронзоваго вѣка бронзовыхъ кинжаловъ, стрѣлокъ, дротиковъ и копій; даже кельты, такъ сильно распространенные въ Сибири и на сѣверномъ Уралѣ, здѣсь встрѣчаются сравнительно рѣдко. Въ коллекціяхъ преобладаютъ желѣзные топоры оригинальнаго болгарскаго типа, большія желѣзныя стрѣлы сибирскаго типа, называемыя графомъ Уваровымъ мерянскими; нерѣдко встрѣчаются кольчужные панцыри. Рядомъ съ желѣзными издѣліями, однако же, мы имѣемъ: бронзовыя долота, такія же зеркала, серьги, поясныя пряжки, фибулы и разныя другія украшенія, бронзовые и мѣдные котлы, чаши и многіе другіе предметы, указывающіе на глубокую древность.

Принимая во вниманіе, что почти всѣ болгарскія находки попадались случайно и что многія изъ нихъ, именно желѣзные предметы, могли относиться къ болѣе позднему періоду существованія Болгара, мы все же, на основаніи данныхъ коллекцій, имѣемъ право сказать, что болгарская культура

можетъ восходить къ эпохѣ до Р. Х. или, по крайней мѣрѣ, къ первымъ вѣкамъ христіанства. Она представляетъ собою непосредственное продолженіе, или слѣдующее звѣно древней пермской, а также тобольской культуры, отчетливо представленной въ коллекціяхъ нашего Томскаго археологическаго музея. Въ находкахъ съ Чувашскаго мыса и Искера мы видимъ тотъ же типъ предметовъ и ту же переходную эпоху отъ бронзы къ желѣзу. Если въ Перми и Тобольскѣ бронзовыя издѣлія являются преобладающими, и они представлены полнѣе и разнообразнѣе, — это можно объяснить съ одной стороны тѣмъ, что предметы тобольскихъ коллекцій были извлечены не только изъ городища, но и изъ курганныхъ могилъ, слѣдовательно, не представляли случайныхъ находокъ, съ другой стороны на Тобольскихъ городищахъ не было послѣдующихъ культурныхъ наслоеній, какъ въ Болгарахъ.

Послѣ того какъ мы до нѣкоторой степени уяснили себѣ эпоху существованія городища Болгаръ, можно перейти теперь къ разбору сохранившихся тамъ археологическихъ памятниковъ. Здѣсь мы ограничимся только краткимъ перечнемъ тождественныхъ или сходныхъ сибирскихъ и болгарскихъ предметовъ, оставляя подробное описаніе ихъ до слѣдующихъ главъ.

Начнемъ съ предметовъ *керамики* и *костяныхъ издѣлій*. Древности этого рода принято считать настолько примитивными и общими, что ихъ обыкновенно относятъ къ такъ называемому каменному періоду, или къ первобытной культурѣ человѣчества вообще. Я не буду здѣсь касаться вопроса, основательно ли такое мнѣніе, но долженъ отмѣтить фактъ, что принадлежащіе къ этой рубрикѣ предметы встрѣчаются далеко не повсемѣстно. Поэтому они должны выражать не общую для всего человѣчества первобытную индустрію, а опредѣленный складъ народныхъ вкусовъ и привычекъ.

1) Самый распространенный на сѣверѣ типъ глиняной посуды съ *оттиснутыми по сырой глинѣ орнаментами* опредѣленныхъ рисунковъ, встрѣчающійся во всѣхъ россійскихъ и сибирскихъ городищахъ, совсѣмъ не обыченъ ни въ южной Азіи, ни въ Западной Европѣ. Между тѣмъ, тотъ же самый типъ оказывается въ культурныхъ слояхъ древней Трои (см. описаніе и рисунки у Шлиманна), у древнихъ балтійскихъ и дунайскихъ славянъ и кое-гдѣ въ Швейцаріи. Очевидно, такая орнаментированная глиняная посуда характеризуетъ своеобразное культурное теченіе, замѣчаемое только въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ, почти исключительно тамъ, гдѣ мы встрѣчаемъ земляныя крѣпости и курганы.*) Въ Великой Перми и Камской Болгаріи форма глиняныхъ горшковъ, цвѣтъ ихъ (большею частью черный) и орнаменты настолько сходны съ сибирскими, что не оставляютъ никакого сом-

*) Подробнѣе объ этомъ см. въ 22 примѣчаніи къ каталогу Томск. археол. музея (1888 г.), стр. 59—66.

нѣнія въ единствѣ культурныхъ началъ обитавшаго здѣсь народа *). Въ продолженіи какого періода времени употреблялись по ту и другую сторону Урала узорчатые горшки, сказать съ точностью трудно. Присутствіе ихъ въ Ананьевскомъ могильникѣ, относимомъ къ эпохѣ до Р. Х., въ скиѳскихъ и сибирскихъ курганахъ того же времени, а тѣмъ болѣе открытіе Шлиманномъ такихъ же типовъ посуды въ древней Троѣ указываетъ на глубокую древность обычая наводить орнаменты по сырой глинѣ. Когда вывелся такой обычай, это опредѣлить еще труднѣе. Судя по мерянскимъ могиламъ графа Уварова, гдѣ узорчатые черепки и сосуды оказывались въ желѣзномъ вѣкѣ и даже въ IX—X столѣтіи, можно предполагать, что сосуды этого рода, примѣнявшіеся главнымъ образомъ при языческомъ курганномъ погребеніи, вышли изъ употребленія на Руси послѣ принятія христіанства. Въ мусульманскую эпоху Болгаріи они постепенно замѣнялись керамикою восточныхъ образцовъ изъ желтой, хорошо обоженной глины, безъ орнаментовъ (высокіе кувшины съ вытянутымъ горлышкомъ).

2) Какъ въ Болгарахъ, такъ и въ тобольскихъ городищахъ, самыми распространенными находками являются *глиняныя напрясла*. Обыкновенно они имѣютъ форму плоскихъ кружковъ, съ дырочкою въ центрѣ, для вставленія веретена. Одна сторона ихъ (верхняя) почти всегда бываетъ орнаментирована. Орнаменты эти, хотя тоже наведенные по сырой глинѣ, большею частію отличаются отъ горшечныхъ узоровъ своею линейною геометрическою формою. Чаще всего напрясла встрѣчаются глиняныя, но попадаются также изъ кости, гораздо рѣже изъ камня, или бронзы. Послѣднихъ въ нашемъ Томскомъ музеѣ имѣется всего по нѣсколько экземпляровъ (въ Казанскихъ музеяхъ тоже не больше), но глиняныхъ и костяныхъ оказывается весьма много. Форма и рисунки тѣхъ и другихъ, т. е. болгарскихъ и сибирскихъ, совершенно одинаковы. Но еще любопытнѣе, что таже самая форма напряслъ, глиняныхъ и костяныхъ, оказывается въ культурныхъ слояхъ города Трои (см. у Шлиманна Ilios, литограф. таблицы въ концѣ книги). Встрѣчаясь здѣсь массами, вмѣстѣ съ узорчатыми черепками и сосудами общаго типа съ сибирскими и древне-болгарскими, они видимо указываютъ на близкую культурную связь всѣхъ этихъ странъ. Распространялась ли эта троянская культура отъ Геллеспонта на Волгу, Каму и въ Сибирь, или она шла одновременно въ разные пункты изъ центральной Азіи, для насъ этотъ вопросъ теперь безразличенъ. Объ узорчатыхъ черепкахъ и напряслахъ мы упоминаемъ здѣсь только для того, чтобы показать связь сибирской индустріи съ болгарскою. Въ древнихъ городахъ по Иртышу и Тоболу также усердно зани-

*) Рисунки и описанія, сюда относящіеся см. въ статьяхъ Ѳ. А. Теплоухова (О Пермскихъ древностяхъ), въ статьяхъ А. Ѳ. Лихачева (О болгарскихъ древн.) и въ трудахъ Казанск. археол. общ.

мались пряжей и тканьемъ и употребляли такія же расписныя веретена, какъ въ Болгарахъ и Билярскѣ.

Рядомъ съ плоскими или полусферическими напряслами, въ Болгарахъ и Билярскѣ весьма часто находятъ хорошо обожженные изъ красной глины предметы, совершенно похожіе по размѣрамъ и формѣ на косточки китайскихъ и русскихъ счетъ. Размѣръ этихъ предметовъ меньше, съ боковъ они представляются какъ бы граненными и никогда не бываютъ покрыты никакими узорами. Ихъ также называютъ напряслами, но мнѣ кажется правильнѣе ихъ принимать за *настоящіе счеты*. Въ сибирскихъ городищахъ они встрѣчаются очень рѣдко.

3) Къ числу издѣлій керамики, указывающихъ на связь болгарской культуры съ сибирскою, принадлежатъ еще *глиняныя водопроводныя трубы*. Въ Болгарахъ и Билярскѣ ихъ находили неоднократно. Нѣсколько образчиковъ (звеньевъ) этихъ находокъ хранятся въ Казанскомъ археологическомъ музеѣ. При сличеніи ихъ съ сибирскими трубами, привезенными мной изъ Семирѣченской и Семипалатинской области (хранятся въ Томскомъ археологическомъ музеѣ) нельзя не видѣть полнаго сходства между тѣми и другими издѣліями, какъ по величинѣ и формѣ, такъ и по способу ихъ примѣненія для подземнаго водоснабженія *). Тождество техники здѣсь несомнѣнно, но можетъ явиться только одинъ вопросъ: къ какому времени слѣдуетъ относить эти гончарные водопроводы—къ мусульманской, или домусульманской эпохѣ? Вопросъ этотъ существенно важенъ потому, что въ связи съ нимъ стоитъ разгадка времени постройки нѣкоторыхъ каменныхъ болгарскихъ зданій, напр., Бѣлой Палаты, гдѣ эти трубы тоже были найдены. Подробнѣе этотъ вопросъ мы разсмотримъ въ своемъ мѣстѣ; теперь же вкратцѣ укажемъ, что система гончарныхъ водопроводовъ практиковалась не арабами, а именно древними болгарами. Они занесли это искусство въ Византію; имъ же, вѣроятно, принадлежали и тѣ гончарныя водопроводныя трубы, которыя найдены въ числѣ древностей города Ѳеодосіи. Ни у арабовъ, ни у персовъ, ни въ нынѣшнемъ Туркестанскомъ краѣ мы не знаемъ ничего подобнаго. Да и едва ли тамъ была надобность въ подземныхъ замкнутыхъ водопроводахъ, когда по климатическимъ условіямъ южныхъ странъ легко было обходиться открытыми акведуками, или даже простыми арыками. Поэтому мы считаемъ весьма правдоподобнымъ, что гончарныя трубы въ Болгарахъ и Билярскѣ были проложены раньше мусульманской эпохи, именно болгарами, до ихъ переселенія къ Черному морю и Дунаю. При такомъ объясненіи указанное выше тождество семирѣченскихъ, семипалатинскихъ и бол-

*) См. объ этомъ 28 примѣчаніе къ каталогу Томск. археолог. музея, стр. 76--83.

гарскихъ водопроводовъ можетъ служить наглядным доказательствомъ близкой культурной связи между этими странами *).

4) О *костяныхъ наконечникахъ стрѣлъ* мы уже упоминали выше (стр. 241). На всѣхъ болгарскихъ городищахъ ихъ встрѣчается множество, точно такъ же, какъ и въ Сибири, и форма ихъ совершенно одинаковая, большею частію трехгранная. Въ Билярскѣ и на нѣкоторыхъ пермскихъ городищахъ указаны пункты, гдѣ эти стрѣлы выдѣлывались и сохранялись въ массахъ, повидимому, для продажи. Въ Сибири такихъ пунктовъ не найдено, но, принимая во вниманіе слишкомъ большое распространеніе костяныхъ стрѣлъ и другихъ подѣлокъ изъ кости, можно думать, что онѣ были также мѣстнымъ сибирскимъ произведеніемъ. У византійскихъ историковъ есть прямыя указанія на обычное употребленіе костяныхъ стрѣлъ гуннами, и это свидѣтельство, въ связи съ нашими археологическими фактами, можетъ до извѣстной степени служить подтвержденіемъ принятаго въ исторіи мнѣнія о родинѣ гунновъ и отчасти объ ихъ національности. Судя по костянымъ стрѣламъ, можно было бы думать, что гунны-болгары и гунны-савиры (съ Иртыша) суть отрасли одного и того же племени.

5) Кромѣ костяныхъ стрѣлъ, въ Болгарахъ часто были находимы и *желѣзныя стрѣлы*, своеобразной *сибирской формы*. А. Ѳ. Лихачевъ объ этомъ предметѣ отзывается такъ: „наконечники стрѣлъ (желѣзные), встрѣчающіеся на почвѣ Великой Булгаріи, отличаются безконечнымъ разнообразіемъ формъ. Въ моей коллекціи есть до 25 видовъ, изъ которыхъ многіе очень похожи на мерянскіе **). Одинъ видъ наконечника, съ двумя расходящимися концами, совершенно соотвѣтствуетъ таковому же найденному въ мерянскихъ могилахъ (фиг. 24). Наконечники въ видѣ большого ромба и въ

*) О гончарныхъ водопроводныхъ трубахъ А. Ѳ. Лихачевъ въ цитированномъ уже сочиненіи о бытовыхъ памятникахъ Великой Болгаріи (стр. 30) пишетъ слѣдующее: «Слѣдуетъ упомянуть о большихъ и малыхъ водопроводныхъ трубахъ, изъ красновато-желтой гончарной глины, которыя не рѣдко попадаются между развалинами города Булгара, изъ чего можно заключить, что въ немъ были, вѣроятно, бассейны и даже фонтаны. Фактъ существованія въ Булгарѣ водопроводовъ доказываетъ, что городъ въ свое время былъ достаточно снабженъ водой, которая, при этомъ, должна была быть поднята на значительную высоту и, слѣдовательно, напрасно было изумленіе нѣкоторыхъ позднѣйшихъ путешественниковъ (Палласъ и др.), удивлявшихся, какъ могли существовать жители, довольствуясь одною колодезною водой». Здѣсь почтенный авторъ, видимо, ошибается, предполагая, что вода была проведена изъ рѣки у подножія Болгаръ. Поднять воду на такую высоту по глинянымъ трубамъ невозможно, вслѣдствіе хрупкости ихъ стѣнокъ, да и не обладали древніе такою двигательною силою, которая могла бы нагнетать воду на высоту берега. По гончарнымъ трубамъ вода проводилась *самотокомъ* изъ вышележащихъ источниковъ (вѣроятно, извнѣ городскихъ валовъ). Поэтому всѣ находки трубъ были наверху, на площади городища, а не подъ горой. Судя по діаметру трубъ, онѣ не могли давать притока воды больше 100 ведеръ въ часъ; слѣдовательно, при большомъ народонаселеніи города этимъ водоснабженіемъ могли пользоваться только въ крайности, или въ подспорье къ другимъ источникамъ.

**) Сравни въ собраніи картъ, плановъ и рисунковъ къ трудамъ 1-го археолог. съѣзда, таб. XXX, фиг, 1, 2, 3, 10, 15 и 24.

видѣ треугольника съ выемками принадлежатъ къ формамъ, не встрѣчающимся между мерянскими, но первый очень походитъ на наконечникъ, *найденный* въ скиѳскихъ могилахъ". *) Въ Сибири формы желѣзныхъ стрѣлъ оказываются еще разнообразнѣе. **) Между ними часто встрѣчаются и болгарскія, и мерянскія, и скиѳскія формы, изъ коихъ особенно характерны плоскія ромбическія и вилообразныя, какъ мы ихъ назвали въ каталогѣ *„рогатыя стрѣлы"*. Желѣзныя стрѣлы встрѣчаются въ сибирскихъ городищахъ и на пашняхъ въ весьма большомъ числѣ и нерѣдко рядомъ съ костяными наконечниками. Изъ этого можно заключить, что тѣ и другія были въ употребленіи одновременно, также какъ и въ Болгаріи. Бронзовыя литыя стрѣлки находятъ значительно рѣже, преимущественно въ курганныхъ могилахъ. Очевидно, онѣ цѣнились дороже и не пускались въ обыденное обращеніе. Форма ихъ либо та же самая, какъ въ скиѳскихъ могилахъ, т. е. двуперая съ втулкою, либо, вмѣсто втулки, онѣ имѣютъ плоскій заостренный черенокъ.

6) Настолько же сходны болгарскія и сибирскія *желѣзныя копья*. Древнѣйшія изъ нихъ выковывались по образцу бронзовыхъ, съ глубокою круглою втулкою и съ широкимъ двухстороннимъ ланцетовиднымъ лезвіемъ. (№ катал. 1368). Типъ мѣднаго копья безъ втулки, которую замѣняетъ плоскій черенокъ (стержень), изображенный у Лихачева на табл. II рис. 12, въ нашемъ Томскомъ музеѣ повторяется на желѣзномъ орудіи точно такой же формы (№ 2408). Кромѣ того въ нашемъ музеѣ есть и мѣдное копье съ черенкомъ вмѣсто втулки, форма котораго болѣе плоская и широкая, чѣмъ въ болгарскомъ экземплярѣ г. Лихачева.

7) Изъ бронзовыхъ боевыхъ орудій, въ городищѣ Болгары, какъ мы уже упоминали, до сихъ поръ не находили *кельтовъ*, между тѣмъ въ Сибири они были чрезвычайно распространены. Въ курганныхъ могилахъ они оказываются почти неизбѣжною принадлежностью каждаго мужскаго погребенія; много ихъ встрѣчается и на городищахъ ***). На сѣверномъ Уралѣ кельты также не составляютъ рѣдкости. Въ Ананьевскомъ могильникѣ (на Камѣ, близъ Елабуги) ихъ найдено нѣсколько десятковъ экземпляровъ и притомъ совершенно сходныхъ съ сибирскими (съ однимъ и съ двумя ушками, съ прямымъ клинообразнымъ и съ выгнутымъ лезвіемъ). Эти находки доказываютъ, что кельты, считающіеся по преимуществу сибирскимъ оружіемъ, были въ употребленіи и въ Камской Болгаріи и въ Великой Перми, точно также какъ они были извѣстны у Балтійскихъ славянъ, въ Скандинавіи, отчасти въ Галліи и въ Швейцаріи. Судя по этому, отсутствіе ихъ собствен-

*) Древности Геродотовой Скиѳіи, вып. I, атласъ л. I рис. 6.

**) См. примѣч. 46 къ каталогу Томск. археологическаго музея стр. 155, о желѣзныхъ стрѣлахъ большого формата, а также прим. 44, стр. 145 о мерянскихъ древностяхъ.

***) Въ Томскомъ археолог. музеѣ имѣется 69 кельтовъ.

но въ городищѣ Болгарахъ, если бы это подтвердилось и дальнѣйшими разысканіями, могло бы доказывать только замѣну этого орудія желѣзнымъ болгарскимъ топоромъ въ болѣе позднее время. Кельты, очевидно, принадлежатъ къ орудіямъ очень древнимъ, и послѣ Р. Х. они едвали уже употреблялись. Поэтому ихъ легче отыскать въ древнихъ могильникахъ, чѣмъ на городищахъ, особенно такихъ, какъ Болгары или Билярскъ, гдѣ народная жизнь продолжалась непрерывно по меньшей мѣрѣ до XV столѣтія.

8) На Болгарскихъ городищахъ, какъ бы въ замѣну бронзовыхъ кельтовъ и сѣкиръ, весьма часто находятъ *желѣзные топоры, своеобразной болгарской формы*. Они отличаются отъ обыкновенныхъ топоровъ тѣмъ, что лезвіе ихъ сильно вытянуто къ сторонѣ топорища, въ видѣ длиннаго языка. Такіе топоры нерѣдко попадаются въ курганныхъ, такъ называемыхъ, мерянскихъ могилахъ болѣе поздняго времени*), а также въ Ливонскихъ древностяхъ (атласъ *Бера*, таблица XIV № 4, 6, 8 и 9; атласъ *Крузе*, табл. I и VII № 3 и 6, таб. XXVI № 15 и 16). Этотъ типъ, повидимому, сохранился до сего времени у Дунайскихъ Болгаръ**), но въ Сибири такихъ экземпляровъ не оказывается. Очевидно, они принадлежатъ не къ общему зауральскому типу оружія, а къ западному, или болгарскому, болѣе позднему, замѣнившему кельты. Послѣднее предположеніе я высказываю на томъ основаніи, что разсматриваемые топоры первоначально служили не плотничнымъ, а боевымъ орудіемъ. Плотничный мѣдный и желѣзный топоръ въ Болгарахъ существовалъ самъ по себѣ. Онъ имѣетъ узкое лезвіе и широкій обухъ, соотвѣтственно такимъ же сибирскимъ образцамъ, имѣющимся въ Томскомъ музеѣ, мѣднымъ и желѣзнымъ.

9) Изъ плотничныхъ орудій укажемъ на *бронзовыя долота*. Въ Томскомъ музеѣ ихъ имѣется 15 штукъ, всѣ прекрасной отдѣлки, со втулкою. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ передній конецъ полулунной формы (№№ 2900, 3193, 3194, 4038 и 4049). Точно такой же бронзовый экземпляръ показанъ въ атласѣ А. Ѳ. Лихачева (листѣ III, рис. 32).

10) Судя по *бронзовымъ серпамъ*, земледѣліе въ Сибири, повидимому, началось раньше, чѣмъ въ Болгаріи и Перми. Въ Казанской, Вятской и Пермской губерніяхъ о находкахъ бронзовыхъ серповъ до сихъ поръ не было заявлено, но древніе желѣзные серпы здѣсь попадаются часто. Въ Сибири же, напротивъ того, рѣдко можно встрѣтить археологическій желѣзный серпъ (не зубреный), но бронзовые попадаются чаще, чѣмъ гдѣ либо***). Я объ-

*) Графъ Уваровъ, Les Meriens. St. Petersb. 1875 г.; атласъ таблица V (XXIX въ труд. I археологическ. съѣзда) рис. 11.

**) Образчикъ современныхъ болгарскихъ топоровъ я видѣлъ на одной изъ археологическихъ выставокъ Казанскаго университета, въ 1882 году. Онъ былъ вывезенъ изъ-за Дуная по окончаніи послѣдней восточной войны.

***) Въ Томскомъ археол. музеѣ бронзовыхъ серповъ имѣется 10 штукъ, а желѣзныхъ всего два экземпляра (№ 1399 и 3532).

ясняю это тѣмъ, что въ Перми и Болгаріи земледѣліе продолжалось безпрерывно вплоть до нашихъ дней, въ Сибири же оно прекратилось вслѣдъ за выселеніемъ курганнаго племени, т. е. около II—III в. послѣ Р. Х., когда эту страну заняли кочевыя, монголо-татарскія народности. Поэтому бронзовые серпы тамъ не были постепенно вытѣсняемы желѣзными, а сохранились въ культурныхъ слояхъ, какъ орудіе, бывшее во всеобщемъ употребленіи. Въ Болгаріи же они исчезли постепенно, подъ вліяніемъ прогрессирующей земледѣльческой культуры. Если они могли здѣсь сохраниться, то развѣ въ могилахъ бронзоваго вѣка, но не въ городищахъ. Тѣмъ не менѣе, по общему ходу культурныхъ теченій, мы должны предполагать, что и въ Камской Болгаріи было время, когда для жатвы употреблялись только бронзовые серпы. Они должны оказаться при болѣе тщательныхъ раскопкахъ древнихъ курганныхъ могилъ. Частію это уже констатировано въ Уфимской губерніи, нѣкогда входившей въ область Камской Болгаріи. Ѳ. А. Теплоуховъ въ статьѣ „Земледѣльческія орудія Пермской Чуди“ *) на стр. 31 говоритъ: „Въ мѣстностяхъ, гдѣ находки предметовъ бронзоваго вѣка встрѣчаются чаще, чѣмъ въ Пермской губерніи, попадаются нерѣдко бронзовыя и мѣдныя орудія, относящіяся несомнѣнно къ числу серповъ. Такъ въ Уфимскомъ городскомъ музеѣ хранится *пять* подобныхъ орудій, найденныхъ вмѣстѣ съ кельтами и другими предметами изъ мѣди и бронзы, въ лѣсу, вблизи деревни Дербедень, Мензелинскаго уѣзда. Тамъ же находится подобное орудіе изъ красной мѣди, въ общемъ весьма похожее на наши (пермскія) чудскія косы, но имѣющее, при ширинѣ около 5 сантим., всего около 34 сант. въ длину. Найдено оно въ курганѣ на рѣчкѣ Лазаревой, въ 8 верстахъ отъ города Уфы“. Обломокъ подобной же мѣдной косы имѣется и въ нашемъ Томскомъ музеѣ (№ 4051). Такимъ образомъ весьма вѣроятно, что земледѣльческая культура началась въ Камской Болгаріи еще въ бронзовомъ вѣкѣ. Трудно рѣшить, откуда она была занесена въ эти края,—изъ Персіи или Греціи, или же изъ общаго источника—центральной Азіи, черезъ Сибирь. Послѣднее предположеніе намъ представляется болѣе вѣроятнымъ, потому что вся болгарская культура имѣетъ болѣе тѣсную связь съ сибирскими образцами, нежели съ классическими европейскими, хотя бронзовые серпы по формѣ своей весьма сходны съ древними римскими и греческими той же бронзовой эпохи.

Объ орудіяхъ для паханія земли мы здѣсь не будемъ говорить, такъ какъ всѣ они относятся къ желѣзному вѣку и потому сопоставленіе ихъ съ сибирскими орудіями этого рода имѣетъ мало значенія. Въ цитированной статьѣ г. Теплоухова этотъ вопросъ разсмотрѣнъ въ подробностяхъ по отно-

*) Сборникъ „Пермскій край“, т. I Пермь 1892 г. Я пользовался отдѣльными оттисками, любезно доставленными мнѣ авторомъ.

шенію къ Пермскому краю. Въ той же статьѣ помѣщены рисунки разнообразныхъ желѣзныхъ ральниковъ (сошниковъ), найденныхъ на Пермскихъ городищахъ. Нѣкоторые изъ нихъ, напр. рис. 6, 9, и 10 имѣются и въ нашемъ музеѣ въ числѣ желѣзныхъ предметовъ (№№ каталога 3527—3528), но объ этихъ экземплярахъ, найденныхъ на пашнѣ, нельзя опредѣленно сказать, въ какую эпоху они были въ употребленіи. Кромѣ того, въ нашемъ музеѣ находится литой *чугунный сошникъ* (№ 4153), найденный на правомъ берегу р. Исети близъ села Красноярскаго, въ 1½ верстахъ отъ городища Лизунова. Въ томъ же мѣстѣ были находимы мѣдныя и каменныя стрѣлки и узорчатые черепки глиняной посуды, что даетъ поводъ предполагать, что сошникъ относится къ той же эпохѣ, какъ и городище. Онъ отличается отъ пермскихъ ральниковъ тѣмъ, что имѣетъ поперечно-овальную глубокую втулку (14 сант. длины, 8 сант. ширины и 19 сант. глубины), куда вставлялась деревянная подошва отъ разсохи. Длина сошника 24 сант., ширина на заднемъ концѣ 22 сант.

11) Единство сибирской и пермско-болгарской культуры отчетливѣе всего выражается на предметахъ личнаго и бытоваго убранства, соотвѣтствующихъ народному вкусу, привычкамъ и вѣрованіямъ. Изъ этой области мы могли бы привести цѣлый рядъ сопоставленій, указывающихъ, что древняя Сибирь и Болгарія нѣкогда подчинялись общимъ культурнымъ идеямъ, составляли нѣчто цѣлое и однообразное и притомъ независимое отъ вѣяній классическаго запада и персидскаго юга. Они составляли особый сѣверовосточный міръ, развивавшійся на своихъ началахъ, вдали отъ культурной Европы и Азіи. Часть этого сибирскаго достоянія съ раннихъ поръ проникла въ сѣверную Россію, въ Скандинавію и въ прибалтійскія страны западной Европы, еще большая часть перенесена была на западъ въ эпоху великаго переселенія народовъ, но нѣкоторыя, болѣе древнія, формы остались для Европы совсѣмъ неизвѣстными. Онѣ погасли на мѣстѣ своей родины, оставивъ свой слѣдъ только въ могилахъ и городищахъ русскаго сѣверовостока. „Всматриваясь въ мѣдные и бронзовые предметы, попадающіеся на востокѣ и сѣверовостокѣ Россіи, говоритъ П. Полевой, мы видимъ нѣчто совершенно оригинальное, не имѣющее ничего общаго съ произведеніями европейскаго бронзоваго вѣка. Даже и самое поверхностное сравненіе съ предметами, добытыми въ прошломъ столѣтіи изъ сибирскихъ могилъ и тѣми, которые и теперь постоянно тамъ откапываются, выяснило тотъ фактъ, что мѣдные и бронзовые предметы, находимые на сѣверо-востокѣ Россіи, были занесены сюда изъ за Урала, изъ Азіи“ *). Не считая кельтовъ, своеобразныхъ бронзовыхъ сѣкиръ и кинжаловъ, костяныхъ и желѣзныхъ массивныхъ стрѣлъ, къ этому разряду зауральскихъ предметовъ принадлежатъ: характерныя мужскія и

*) *П. Полевой.* Очеркъ русской исторіи въ памятникахъ быта. Бронзовый вѣкъ, стр. 47. С.-Петербургъ 1879 г.

женскія украшенія, напр., массивныя серьги съ подвѣсками, разнообразныя бляхи съ изображеніемъ животныхъ и фантастическимъ звѣринымъ орнаментомъ, металлическіе наборы для поясовъ и украшеній конской сбруи, тоже большею частію съ звѣриной орнаментикой, бронзовыя стремена, разные амулеты, бубенчики и привѣски, изображенія идоловъ и многое другое. Здѣсь не мѣсто разбирать въ подробностяхъ всѣ эти произведенія сѣвернаго искусства; достаточно сказать, что они нѣкогда одновременно господствовали по ту и другую сторону Урала, что было уже неоднократно указано въ разныхъ археологическихъ сочиненіяхъ и закрѣплено многочисленными находками*). Мы позволимъ себѣ здѣсь остановиться только на идолахъ, такъ какъ этотъ отдѣлъ древностей до сего времени еще не достаточно разъясненъ.

Въ 1888 г. при изданіи перваго выпуска каталога Томскаго археологическаго музея, въ примѣчаніи 36 (стр. 120—125, каталога стр. 64) я описалъ 14 экземпляровъ крылатыхъ идоловъ, найденныхъ въ Кузнецкомъ и Каинскомъ округахъ. Въ томъ же примѣчаніи мною было дано посильное объясненіе происхожденія этихъ изображеній и указаны случаи нахожденія ихъ въ другихъ мѣстностяхъ, именно: въ одномъ изъ скиѳскихъ кургановъ (Муральтъ), на берегахъ р. Печоры (Эйхвальдъ), въ предѣлахъ Камской Болгаріи, въ Калмыцкой степи въ Астраханской губерніи (Монфоконъ) и на берегахъ р. Исети. На этихъ дняхъ я получилъ статью Ѳ. А. Теплоухова „о древностяхъ Пермской Чуди“, гдѣ, между прочимъ, описываются „идолы въ видѣ птицъ“, по типу совершенно сходные съ нашими. Авторъ говоритъ, что въ Пермскомъ краѣ „такіе птицевидные идолы встрѣчаются, сравнительно, довольно часто и извѣстны мѣстнымъ жителямъ подъ именемъ *голубковъ*, хотя по своимъ признакамъ напоминаютъ скорѣе птицу въ родѣ орла или сокола“ (стр. 12). На груди у этихъ птицъ-идоловъ большею

*) Довольно многочисленные рисунки сибирскихъ металлическихъ предметовъ съ характернымъ, такъ называемымъ, звѣринымъ орнаментомъ см. въ третьемъ выпускѣ древностей графа И. И. Толстого и Кондакова. Здѣсь же помѣщены изображенія нѣкоторыхъ предметовъ, снятыя съ оригиналовъ изъ нашего Томскаго археологическаго музея, именно: рис. 37 на стр. 36 (№ нашего каталога 2407), рис. 38 стр. 40 (№ 1279), рис. 41, стр. 43 (№ 1227, идолъ въ видѣ птицы, найденный въ Каинскомъ округѣ), рис. 77, стр. 66 (№ 1278, два буйвола), рис. 79, стр. 68 (скиѳскій котелъ), рис. 183, стр. 158 (№ 3359, лось или сохатый), рис. 184 на послѣдней страницѣ (№ 2613, однорогій аркаръ). На бронзовыхъ бляхахъ и пластинкахъ нашего музея чаще всего изъ мѣстныхъ животныхъ изображаются: буйволы (3 экземпляра), конь (4 экз.), лось или сохатый (2 экз.), олень (3 экз.), горный баранъ и медвѣдь. Конь и олень часто изображаются съ поджатыми ногами, какъ бы летящими. Головки барана или козла, обращенныя другъ къ другу, служили любимымъ украшеніемъ для рукоятки кинжаловъ (задняго конца). На одномъ бронзовомъ ножѣ рукоятка оканчивалась изящной головкой мула или осла съ большими торчащими ушами. Ручки одного массивнаго котла (по верхнему краю) представляли собою стоящаго коня съ поднятою кверху и украшенною челкою. Рельефное изображеніе медвѣдя служило любимою темою для металлическаго набора поясовъ. Фигуръ нападающихъ или грызущихся хищныхъ звѣрей въ нашихъ коллекціяхъ не имѣется.

частію помѣщается дополнительное изображеніе человѣческаго лица, намѣченнаго въ общихъ чертахъ. Крылья птицы иногда бываютъ распростертыми, какъ бы осѣняющими изображеннаго на груди человѣка, иногда опущенными. Перья на крыльяхъ и хвостѣ всегда изображаются въ видѣ параллельныхъ рельефныхъ бороздокъ, придающихъ передней поверхности фигуры полосатый видъ. Въ коллекціи г. Теплоухова*) находится 6 такихъ экземпляровъ. Кромѣ того на трехъ такихъ же экземплярахъ вмѣсто человѣческаго лица на груди птицы помѣщено изображеніе маленькаго звѣрка или птички, три экземпляра отличаются отъ предыдущихъ (съ человѣческимъ лицомъ на груди) тѣмъ, что птица представлена двуглавою и на двухъ экземплярахъ—трехглавою, но въ остальныхъ частяхъ типъ идоловъ тотъ же самый. Всѣ эти предметы (14 штукъ) найдены въ Пермской губерніи, «большею частію на правомъ берегу Камы, по рр. Косвѣ и Инвѣ, въ мѣстностяхъ, какъ замѣчаетъ авторъ, отличающихся особымъ обиліемъ памятниковъ Чудской культуры, сохранившихся въ видѣ городищъ и находокъ различнаго рода». Судя по описанію и рисункамъ, они, очевидно, представляютъ тотъ же самый типъ птицевидныхъ идоловъ, какіе были доставлены въ нашъ музей изъ находокъ въ Томской губерніи. Отсутствіе у насъ двухглавыхъ и трехглавыхъ экземпляровъ нисколько не противорѣчитъ этому заключенію, такъ какъ они и въ Перми представляютъ собой лишь разновидность основнаго типа, притомъ, сравнительно, болѣе рѣдкую.

Кромѣ экземпляровъ своей коллекціи Ѳ. А. Теплоуховъ указываетъ, что въ музеѣ Уральскаго общества любителей естествознанія въ Екатеринбургѣ находится 8 такихъ же изображеній найденныхъ въ верховьяхъ р. Печоры, близъ впаденія въ нее р. Уньвы. Въ этой мѣстности найдено было, въ видѣ клада, около пуда металлическихъ вещей, изъ коихъ попало въ Екатеринбургскій музей не болѣе 20 предметовъ, въ томъ числѣ и упомянутые 8 изображеній птицевидныхъ идоловъ. Пять идоловъ, описанныхъ въ статьѣ проф. Эйхвальда (О древностяхъ заволочской Чуди Печорскаго края), найдены были тоже на Печорскомъ волокѣ, на р. Соплясъ, въ Усть-сысольскомъ уѣздѣ. Судя по изображеніямъ (въ атласѣ Аспелина), они совершенно сходны съ Пермскими и Томскими. Вмѣстѣ съ крылатыми идолами, въ нашей Кузнецкой находкѣ оказались два диска изъ прекраснаго металлическаго сплава, изящной отливки, покрытые типическимъ кружковымъ орнаментомъ. На одномъ изъ этихъ дисковъ (№ каталога 1265) кружки расположены въ четыре пирамидальныя группы, сходящіяся вершинами къ центру, на другомъ (№ 1266) группы кружковъ изображаютъ другія фигуры, крестообразно направляющіяся отъ центра къ периферіи, на четыре стороны.

*) *Теплоуховъ*, Древности Пермской Чуди въ видѣ баснословныхъ людей и животныхъ. 1893 г., съ тремя таблицами рисунковъ.

Диски эти очевидно имѣли отношеніе къ идоламъ, или точнѣе къ религіознымъ обрядамъ. Въ рисункахъ болгарскихъ древностей Лихачева (атласъ 2 археологическаго съѣзда, листъ 1, фиг. 1) изображенъ подобный же дискъ съ пирамидальными группами кружковъ.

Птицевидные идолы, а равно и кружковый орнаментъ, часто встрѣчающійся на сибирскихъ и болгарскихъ древностяхъ, особенно на костяныхъ издѣліяхъ, должны принадлежать къ типическимъ особенностямъ древней сибирской, пермской и болгарской культуры. Область распространенія этихъ идоловъ довольно опредѣленно исчерпывается указанными выше предѣлами. До сихъ поръ они не были найдены ни на югѣ, ни на западѣ Россіи, слѣдовательно этотъ религіозный культъ можно считать мѣстнымъ сибирскимъ и пермско-болгарскимъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ его едва-ли можно приписывать финскимъ языческимъ вѣрованіямъ, такъ какъ подобныя же формы идоловъ съ изображеніемъ человѣческаго лица на груди и съ птицею на головѣ, съ кружковымъ и полосатымъ орнаментомъ на платьѣ, были найдены еще въ концѣ прошлаго столѣтія въ числѣ древностей Балтійскихъ славянъ, на мѣстѣ предполагаемаго города Ретры *).

Этимъ мы закончимъ, можетъ быть неумѣстно широкій въ данномъ случаѣ, перечень сопоставленій сибирской, пермской и болгарской культуры. Замѣчаемое въ этомъ отношеніи единство можетъ съ одной стороны служить подтвержденіемъ сказаннаго нами въ предыдущей главѣ о городищахъ и рѣчныхъ путяхъ изъ Сибири въ Великую Пермь и въ Болгарію, съ другой стороны можетъ указывать на глубокую древность народныхъ сношеній между этими странами. Тѣ же культурныя сравненія устанавливаютъ болѣе широкій взглядъ на время существованія городища Болгары и на его древности. Было бы слишкомъ близоруко пріурочивать все это къ татарскому времени, или къ X—XIV вѣку, когда рядъ археологическихъ фактовъ указываетъ намъ на болѣе далекія доисторическія времена. Эту точку зрѣнія нельзя упускать изъ вниманія и при разсмотрѣніи архитектурныхъ памятниковъ Болгаръ, къ разбору которыхъ мы теперь обратимся.

При посѣщеніи Болгаръ лѣтомъ 1885 года, послѣ такъ называемой ремонтировки болгарскихъ руинъ, произведенной по иниціативѣ Казанскаго археологическаго Общества, тамъ существовали изъ древнихъ строеній только слѣдующія: 1) *Малый столпъ*. 2) Такъ называемая *черная* или судная *палата*; 3) палата, превращенная въ *церковь св. Николая*; 4) палата, извѣстная подъ именемъ монастырскаго погреба; 5) такая же палата близъ Малаго столпа (обѣ съ провалившимся куполомъ и съ полуобрушенными стѣ-

*) *Masch.* Die gottesdienstlichen Alterthümer der Obotriten. Berlin 1771.—*Potocki*, Jean. Voyage dans quelques parties de la Bas-sax pour la recherche des antiquités slaves ou Vendes. Hamburg 1795.—Примѣчаніе къ каталогу Томскаго археологическаго музея, стр. 126.

нами); 6) древняя *цитадель* съ сохранившимися основаніями четырехъ угловыхъ башенъ и съ буграми каменнаго мусора по протяженію бывшихъ между ними стѣнъ; 7) два полуразвалившіяся строенія на границѣ между главнымъ крѣпостнымъ валомъ и такъ называемымъ малымъ городкомъ; сверхъ того, на всей площади, занимаемой древними Болгарами (внутри вала) разсѣяно множество каменнаго мусора, частію отъ фундаментовъ древнихъ зданій, частію отъ развалившихся и растасканныхъ стѣнъ.

Въ XVIII вѣкѣ число уцѣлѣвшихъ зданій было гораздо больше*). Мы не будемъ перечислять ихъ въ подробности, такъ какъ объ этомъ много разъ говорилось въ описаніяхъ Болгарскаго городища, но при надобности будемъ ссылаться на эти описанія. Въ настоящемъ случаѣ замѣтимъ только, что каменныя зданія и остатки ихъ фундаментовъ разсѣяны были не только по всему пространству площади города, внутри валовъ, но они находились даже внѣ укрѣпленія, именно, круглыя башни подъ горой, по ту и другую сторону Старой Камы, и остатки каменнаго зданія на западной сторонѣ, за валомъ, въ направленіи къ Волгѣ. Это обстоятельство не лишено значенія, такъ какъ оно можетъ указывать на сооруженіе построекъ не въ періодъ упадка Болгаръ, а въ цвѣтущее ихъ время.

Начнемъ прежде всего съ описанія *Столповъ*, или, какъ ихъ называютъ, минаретовъ. Отъ древнихъ временъ ихъ сохранилось два: *Большой столпъ*, находившійся у сѣверной стѣны главной цитадели, нынѣ совершенно разрушенный, и *Малый столпъ*, существующій до сихъ поръ. Первый изъ нихъ, по описи 1712 года, имѣлъ вышину 11 саженъ, а по Лепехину 12 саженъ и столько же въ окружности у основанія. Петръ Великій при посѣщеніи болгарскихъ развалинъ приказалъ верхнюю часть этой грандіозной башни оковать двумя желѣзными обручами, потому что въ верхней части ея существовала трещина. Впослѣдствіи столпъ былъ покрытъ досчатою коническою кровлею, а въ 1837 г. оштукатуренъ, деревянная кровля его замѣнена желѣзною. Столпъ этотъ развалился въ 1841 г. (или въ 1845 г.). По собраннымъ мною на мѣстѣ распросамъ крестьянъ, причиною его разрушенія была трещина, вѣроятно та самая, противъ которой принимались мѣры еще въ началѣ XVIII в. Но еще больше содѣйствовало паденію столпа то обстоятельство, что крестьяне растаскали каменную облицовку его основанія. Взятые отсюда массивные камни были употреблены подъ фундаментъ строившейся рядомъ со столпомъ колокольни, на которую потомъ и рухнула вся масса подточеннаго зданія. Такъ мнѣ разсказывали мѣстные старожилы села Успенскаго (Болгаръ). Въ настоящее время отъ Большаго столпа не оста-

*) По свидѣтельству *Лепехина*, въ его время насчитывалось еще до 44, болѣе или менѣе уцѣлѣвшихъ, зданій (Дневныя записки путешест. 1768--1769 г., ч. I изд. 2-е, 1795 Спб. стр. 266).

лось никакого слѣда, кромѣ груды мусора и щебня. Къ счастію, это, самое грандіозное, зданіе въ Болгарахъ было вовремя снято на чертежи опытной рукой, что даетъ возможность судить не только объ его наружномъ стилѣ и размѣрахъ, но и о планѣ постройки. Лучшими и наиболѣе точными снимками можно считать рисунокъ и планъ, сдѣланные архитекторомъ Шмитомъ въ 1827 г. (см. его атласъ болгарскихъ древностей, изд. въ 1832 г.) и рисунокъ, помѣщенный въ путешествіи Палласа (2-е изд. Спб. 1809 г. ч. 1 стр. 168). Судя по этимъ чертежамъ, Большой столпъ имѣлъ у основанія четырехугольную форму, до высоты двухъ саженъ; потомъ, въ слѣдующемъ отдѣлѣ, переходилъ въ восьмиугольную, тоже на протяженіи около двухъ саженъ, а остальная часть до вершины была круглая. Нижніе два яруса были облицованы, какъ и большая часть прочихъ болгарскихъ зданій, отлично притесанными массивными камнями крѣпкаго известняка или песчаника. Палласъ къ этому прибавляетъ, что на „оную (башню) входятъ по круглой лѣстницѣ о 72 ступеняхъ, изъ коихъ каждая въ парижскій футъ вышиной. Въ стѣнахъ башни оставлены небольшія скважины, въ которыя свѣтъ проходитъ, и потому видно ходить по лѣстницѣ". По разсказамъ лицъ, хорошо помнившихъ этотъ столпъ до его разрушенія, онъ имѣлъ точно такую-же внутреннюю компактную кладку и такую же конструкцію лѣстницы, какъ существующій донынѣ Малый столпъ.

Малый столпъ находится въ сѣверо-восточной части древняго города, въ разстояніи отъ цитадели около 120 саженъ. По выписи 1712 г. онъ имѣлъ вышину 7 саженъ и въ окружности 8 саженъ. Туже мѣру приводитъ и Лепехинъ. Палласъ даетъ столпу 9 саженъ вышины, вѣроятно считая вмѣстѣ съ деревянною крышею. По измѣренію въ 1885 г. высота Малаго столпа до верхняго карниза оказалась 6 саженъ и отъ карниза до крыши 1 саж. $10^1/_2$ вер., всего до крыши 7 саж. $10^1/_2$ верш. Основаніе башни здѣсь также четырехугольное, но потомъ, на разстояніи, примѣрно, около сажени, зданіе получаетъ осьмиугольную форму, переходя далѣе въ круглую, съ легкимъ утонченіемъ кверху. Въ верхней трети столпа, также какъ и въ первомъ зданіи, находится обрѣзъ, или карнизъ, соотвѣтственно которому уменьшенъ діаметръ верхней части постройки. Ширина этого обрѣза не больше $^3/_4$ аршина, площадь его почти горизонтальная, слегка наклоненная книзу и ровная. Въ началѣ текущаго столѣтія мѣстные татары, по словамъ Второва, будто бы, устроили здѣсь перила, вслѣдствіе чего по обрѣзу, при нуждѣ, можно было пройти одному человѣку, хотя и не безъ труда*). Они же покрыли столпъ желѣзною крышею, на шпицѣ которой воздвигли луну. Въ настоящее время ни перилъ, ни луны не существуетъ. Испортившаяся желѣзная крыша замѣнена новою, деревянною.

*) Вѣроятно спускаясь на обрѣзъ съ вершины башни по приставной лѣсенкѣ.

Попытка объяснить существованіе площадки верхняго уступа мусульманскими цѣлями и пріурочить Малый столпъ къ минарету, по моему мнѣнію, не выдерживаетъ критики. Если-бы это зданіе дѣйствительно строилось мусульманами для такой цѣли, то оно имѣло-бы соотвѣтствующую архитектуру. Всѣ минареты, какъ извѣстно, строились и строятся такимъ образомъ, что башня ихъ передъ верхней площадкой нѣсколько расширяется. Это расширеніе и даетъ возможность образовать тотъ балкончикъ, не менѣе аршина ширины, который необходимъ для муэдзина. Для выхода на балкончикъ необходимо продѣлывалась дверь. Внутри стѣнъ минарета, какъ во всѣхъ настоящихъ башняхъ, оставлялось свободное пространство, раздѣляемое на ярусы, въ которомъ устраивалась лѣстница. Часть башни, выше балкончика, имѣла либо одинаковую ширину, какъ въ томъ мѣстѣ, откуда начиналось расширеніе для послѣдняго, либо нѣсколько съуживалась, но не представляла такого рѣзкаго яруснаго уступа, какъ въ Маломъ столпѣ, или какъ это дѣлается на русскихъ многоярусныхъ колокольняхъ. Этихъ признаковъ въ Маломъ столпѣ не существуетъ. Прежде всего, его внутренность не соотвѣтствуетъ ни минарету, ни башнѣ. Все его зданіе, отъ основанія до вершины, состоитъ изъ *сплошной каменной кладки*, въ которой оставлено свободное пространство, не болѣе 11—12 вершковъ, только для винтовой лѣстницы. Лѣстница здѣсь не составляетъ отдѣльнаго сооруженія внутри полаго зданія, а какъ-бы высѣчена въ сплошномъ каменномъ массивѣ, или, точнѣе сказать, для нея оставлено при кладкѣ столпа только такое свободное пространство, которое можетъ дать мѣсто одному проходящему человѣку. Ступени, состоящія изъ цѣльныхъ притесанныхъ камней известняка, въ 1 футъ толщиной, уложены по самой кладкѣ сплошной стѣны столпа, а не укрѣплены на особыхъ сводахъ, или косоурахъ, какъ это обыкновенно дѣлается на лѣстницахъ. Почти всѣ камни стерты по срединѣ на одну треть своей толщины, что указываетъ на весьма продолжительную службу лѣстницы, если принять во вниманіе, что ходьба по ней, при узкости и неудобствѣ прохода, во всякомъ случаѣ не могла быть велика. Форма лѣстничной спирали выведена очень правильно, но довольно круто; на мѣстахъ поворотовъ лѣстницы оставлены въ стѣнѣ небольшія четырехугольныя или продолговатыя отверстія для освѣщенія, вообще довольно слабаго. Вышина окошечекъ около 6 вершковъ, ширина около 4 верш. Одно изъ такихъ окошечекъ приходится у самаго основанія верхняго уступа. Черезъ него взрослый человѣкъ съ трудомъ можетъ просунуть голову на площадку послѣдняго. Признавать въ этомъ узкомъ отверстіи дверь для выхода на балкончикъ минарета рѣшительно невозможно. Нельзя даже допустить, чтобы это окно когда либо было больше, во первыхъ потому, что его не зачѣмъ и некому было-бы потомъ задѣлывать, во вторыхъ,— по мѣстнымъ условіямъ спиральной

лѣстницы въ этомъ пунктѣ было-бы невозможно помѣстить высокій проемъ въ формѣ двери.

Лѣстница выходитъ узкимъ отверстіемъ на самый верхъ столпа, гдѣ этотъ послѣдній представляетъ сплошную площадку изъ каменной кладки, точно также, какъ и на всемъ его протяженіи. По этой площадкѣ, а равно и по боковымъ стѣнамъ лѣстницы можно видѣть, какъ бы въ разрѣзѣ, способъ каменной кладки. Онъ ничѣмъ не отличается отъ кладки прочихъ болгарскихъ зданій, именно: весь массивъ зданія состоитъ изъ крупныхъ, неправильной формы кусковъ твердыхъ, большею частію известковыхъ камней и туфовъ, связанныхъ между собою отличнымъ известковымъ цементомъ. Въ составъ цемента входили также, вмѣстѣ съ крупнымъ пескомъ, мелкія рѣчныя раковины. Цементомъ обильно и очень плотно заполнялись (заливались) всѣ, нерѣдко значительныя пустоты, образовавшіяся отъ угловатыхъ камней, такъ что въ разрѣзѣ такая постройка представляла плотно слившуюся цементную массу, со втиснутыми въ нее камнями разнообразной формы, величины и свойства (булыжникъ, известковые туфы, куски песчаника и пр.). Снаружи всѣ болгарскія зданія облицовывались массивными, прекрасно обтесанными камнями, большею частію изъ крѣпкихъ песчаниковъ *). По сохранившимся образчикамъ, каждый такой камень имѣлъ 12—16 вершковъ длины и около 8 вершковъ ширины, въ формѣ правильнаго удлиненнаго 4-хъ-угольника, съ ровною наружною поверхностью и очень плотными швами при стыкахъ. При такой облицовкѣ, клавшейся насухо, наружный видъ зданія получался очень красивый, грандіозный и прочный. Къ сожалѣнію, эти тесаные камни, какъ матеріалъ очень цѣнный, расхищались прежде всего. Ихъ выковыривали съ основанія зданія сначала на высоту человѣческаго роста, а потомъ и выше. Въ настоящее время облицовка въ Болгарахъ сохранилась только на башняхъ цитадели, да и здѣсь, начиная съ лѣта 1884 года, камни начали обдирать. На угловой сѣверо-западной башнѣ я видѣлъ свѣжіе слѣды такого варварскаго разрушенія.

Происхожденіе древнихъ архитектурныхъ памятниковъ вообще и въ частности разсматриваемыхъ нами столповъ, кое гдѣ сохранившихся въ предѣлахъ русскихъ владѣній, должно имѣть гораздо больше значенія для русской археологіи, чѣмъ это кажется до сихъ поръ. Ученые изслѣдователи не оцѣнили въ должной мѣрѣ этого драгоцѣннаго матеріала и не приняли своевременно мѣръ къ его сохраненію. Невозвратимое упущеніе произошло главнымъ образомъ отъ укоренившагося ложнаго взгляда, будто-бы наши архитектурныя древности не суть мѣстныя оригинальныя произведенія, а слабые подражательные слѣды арабскаго зодчества XII—XIV в. При такой точкѣ зрѣнія, усвоенной русскими учеными и мѣстными администраторами и искус-

*) Облицовки на Маломъ столпѣ въ настоящее время уже не существуетъ.

ственно привитой мѣстному крестьянскому населенію, естественно было ожидать не только полнаго равнодушія, но даже пренебреженія къ подобнымъ развалинамъ. Какъ мусульманскія постройки, онѣ не имѣли въ глазахъ ученыхъ большой исторической или художественной цѣны, а какъ татарскіе памятники, онѣ не внушали администраціи и мѣстнымъ крестьянамъ особой охранительной заботы. Такимъ образомъ, благодаря пущенной въ ходъ, смѣемъ думать, ложной теоріи, мы отстраняемъ отъ себя, можетъ быть, самые драгоцѣнные историческіе памятники и косвенно содѣйствуемъ истребленію такихъ научныхъ фактовъ, которыхъ потомъ нельзя будетъ ни возстановить, ни отыскать въ другой разъ. Это въ особенности относится до знаменитыхъ болгарскихъ развалинъ, несравненныхъ по числу, разнообразію и полнотѣ архитектурнаго типа.

Татарская теорія объясненія архитектурныхъ памятниковъ восточной Россіи обязана своимъ происхожденіемъ, главнымъ образомъ, оріенталистамъ. Въ отношеніи болгарскихъ зданій въ частности, обыкновенно основываются на показаніи арабскаго писателя Ибнъ-Фоцлана (922 г.), бывшаго въ болгарской землѣ съ посольствомъ отъ халифа къ болгарскому царю. Этотъ послѣдній просилъ прислать ему наставника для ученія исламу и мастера, который могъ-бы построить мечеть и крѣпость. Изъ этого вывели заключеніе, что халифъ *вѣроятно* исполнилъ просьбу болгарскаго царя, а слѣдовательно и болгарскія постройки *вѣроятно* сооружены были арабскими зодчими, хотя прямо объ этомъ нигдѣ не говорится.

Укоренившаяся привычка начинать исторію камскихъ Болгаръ съ мусульманскаго періода поддерживалась также тѣмъ обстоятельствомъ, что въ многочисленныхъ городищахъ и древнихъ кладбищахъ Болгарскаго царства было находимо весьма много предметовъ дѣйствительно мусульманской эпохи. Сюда относятся преимущественно монеты и надгробныя надписи, по справедливости имѣвшія въ глазахъ историковъ гораздо больше доказательной силы, чѣмъ прочіе предметы, хронологическое значеніе которыхъ требовало еще спеціальнаго объясненія. Такимъ образомъ, по монетамъ и надписямъ, въ связи со свидѣтельствомъ арабскихъ писателей, сложилось опредѣленное представленіе о всѣхъ болгарскихъ древностяхъ. Все, что ни находили въ Болгарахъ, относили къ татарскому періоду, забывая, что изслѣдованія этого рода уясняютъ исторію не болгаръ въ собственномъ смыслѣ, а преемниковъ ихъ, занявшихъ ихъ мѣсто послѣ выселенія болгарскаго народа. Съ X—XI в., когда о камскихъ Болгарахъ стали появляться въ русскихъ и восточныхъ лѣтописяхъ болѣе опредѣленныя свѣдѣнія, бытописатели имѣли дѣло не съ тѣмъ болгарскимъ народомъ, который ранѣе того владѣлъ всѣмъ Поволжьемъ и простиралъ свое вліяніе на весь сѣверовостокъ Россіи, а съ его обломками и замѣстителями.

О татарскихъ каменныхъ постройкахъ и объ арабскомъ зодчествѣ въ предѣлахъ Россіи существуютъ вообще преувеличенныя понятія. Татары, какъ кочевой народъ, не скоро освоились съ осѣдлою жизнью, и тѣ немногіе города ихъ, о которыхъ упоминаютъ лѣтописи, не оставили послѣ себя никакихъ монументальныхъ зданій. Не странно ли, въ самомъ дѣлѣ, что даже самая столица ихъ, Сарай, по истеченіи такого короткаго времени и, можно сказать, на глазахъ у лѣтописцевъ, совсѣмъ затерялась: ученые должны задавать себѣ вопросъ, на какомъ мѣстѣ она находилась, и наудачу пріурочивать ее къ разнымъ пунктамъ волжскаго побережья. Не указываетъ ли это на отсутствіе тамъ капитальныхъ построекъ и на то, что столица Золотой Орды была не болѣе, какъ полукочевая ставка. Равнымъ образомъ и городъ Казань, существующій съ конца XIV или съ начала XV в., и долго служившій центромъ осѣдлой татарской жизни, не сохранилъ ни одного памятника татарской архитектуры. Всѣ его постройки были деревянныя, за исключеніемъ 2—3 мечетей, царскаго дома и части городской стѣны (замка), сложенной изъ дикаго камня, совсѣмъ не по болгарскому и не по арабскому, а по русскому образцу. Также точно и болгарскій городъ Ошель, о которомъ подробно говорятъ русскія лѣтописи, былъ весь деревянный. Изъ этого позволительно заключить, что и городъ Болгары, если бы онъ обстраивался въ мусульманскую эпоху, не представлялъ бы исключенія изъ общаго правила. Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ. Арабскій писатель XIII в. Якутъ, въ статьѣ подъ заглавіемъ Булгаръ, передъ запискою Ибнъ-Фоцлана (въ Большомъ словарѣ) говоритъ: „Булгаръ главный городъ *славянъ*, онъ лежитъ на далекомъ сѣверѣ. Булгары строятъ свои дома *только изъ дерева*, одно бревно кладутъ на другое и соединяютъ ихъ крѣпкими, тоже деревянными гвоздями“. Но лучшимъ доказательствомъ отсутствія у татаръ (а равно и у финскихъ инородцевъ древней болгарской области) собственнаго, или арабскаго зодчества служатъ ихъ нынѣшнія постройки. Всѣ онѣ, не исключая и деревянныхъ мечетей, выстроены по образцу русскихъ домовъ (рубка въ уголъ, крылечки, форма крыши и украшеній). Ничего въ нихъ нѣтъ, что бы напоминало характеръ восточной, или древне болгарской архитектуры, которую они не могли бы такъ скоро забыть и бросить, особенно въ религіозныхъ постройкахъ, если-бы только они пользовались когда либо услугами арабскаго зодчества.

По поводу столповъ мы должны еще упомянуть объ одномъ фактѣ, именно о существованіи на Маломъ столпѣ мусульманской надписи. Она находится на каменной доскѣ, вдѣланной снаружи въ западную стѣну столпа, немного выше человѣческаго роста. Достаточно поверхностнаго взгляда на эту вдѣлку, чтобы видѣть въ ней работу новѣйшаго времени. Ни шрифтъ, ни форма доски, ни способъ ея прикрѣпленія къ стѣнѣ не ука-

зываетъ, чтобы эта работа была одновременна съ постройкой столпа. Надпись эта сдѣлана татарами вслѣдствіе того, что у нихъ сохранилось преданіе, будто бы противъ этого мѣста были когда-то похоронены ихъ святые мужи, на могилу которыхъ мусульмане часто приходятъ на поклоненіе. Дѣйствительно, шагахъ въ десяти отъ зданія на лужайкѣ видны два четыреугольника, обложенные въ одинъ рядъ булыжникомъ. Это и есть предполагаемое мѣсто могилъ. Камешки, по словамъ татаръ, положены для того, чтобы мѣсто не осквернялось бродячимъ деревенскимъ скотомъ. Фактъ указанія могилъ наровномъ открытомъ мѣстѣ, а не внутри какого либо древняго зданія, подтверждаетъ намъ, что легенды, придуманныя татарами для объясненія нѣкоторыхъ болгарскихъ развалинъ (палатокъ), какъ надгробныхъ памятниковъ татарской эпохи, не имѣютъ никакого основанія.

Въ церковно-славянскомъ и русскомъ языкѣ слово *столпъ* первоначально употреблялось въ спеціальномъ значеніи каменной или деревянной колонны. При описаніи языческаго обряда трупосожиганія лѣтопись говоритъ: „и по семъ, собравше кости, вложаху въ сосудъ малъ и *поставляху на столпѣ*, на путехъ, иже творятъ Вятичи и нынѣ. Си же обычай творяху и Кривичи и прочіи поганіи, не вѣдуще закона Божія“. Въ Ипатской лѣтописи упоминается о столпѣ (колоннѣ), стоявшемъ недалеко отъ города Холма: «Стоитъ же *столпъ* поприще отъ города *каменъ*, а на немъ орелъ каменъ изваянъ, высота же камени десять лакотъ, съ головами же и съ подножками 12 лакотъ». Тутъ же при описаніи Холмской боевой башни сказано, что она была поставлена на каменномъ основаніи, т. е. на столпѣ: «Вежа же средь города высока, якоже бити съ нея окрестъ града, *подсздана каменіемъ въ высоту 15 лакотъ*, создана же сама (вежа) древомъ тесаныхъ и убѣлена яко сыръ, свѣтящися на всѣи стороны» (лѣт. по Ипатск. списку, годъ 1259. Изд. 1871 г. стр. 559). Здѣсь вежа, какъ деревянное сооруженіе, отличается отъ столпа, который предполагается не иначе, какъ каменнымъ. Въ такомъ смыслѣ, повидимому, понимали слово πυργός при переводѣ священныхъ книгъ на славянскій языкъ; такъ понимаетъ слово столпъ русскій народъ и до сего времени.

Впослѣдствіи въ книжномъ языкѣ стали примѣнять это слово къ обозначенію не только колонны, или вообще каменной компактной кладки, но и *къ каменной полой башнѣ*. Въ этомъ смыслѣ столпъ является синонимомъ вежи. «Столпъ бо бѣ камень высокъ стоя передъ вороты города и бяху въ немъ заперлися Пруси и не быть имъ (русскимъ князьямъ) мимо онъ пойти къ городу, побивахуть бо со столпа того» (тамъ же стр. 579). О такомъ же башенномъ столпѣ упоминается при построеніи городовъ Бреста и Каменца княземъ Владиміромъ Васильковичемъ въ 1288 году. «Зруби Берестій и за Берестіемъ зруби городъ на пустомъ мѣстѣ и нарече имя

ему Каменецъ, зане бысть камена земля. Сѣзда же въ немъ столпъ каменъ, высотою 17 саженей, подобенъ удивленію всѣмъ зрящимъ нань» (стр 608). «Въ Берестіи же сѣзда стѣлпъ каменъ, высотою яко и Каменецкый» (стр. 610). Рисунокъ сохранившагося Каменецкаго столпа помѣщенъ въ книгѣ П. Н. Батюшкова «Холмская Русь» (С.-Петербургъ. 1887 г.) на стр. 29. Здѣсь же на страницѣ 21 помѣщенъ рисунокъ «Столпенской башни близъ города Холма». По этимъ изображеніямъ можно судить, что постройки этого рода въ XIII вѣкѣ сооружались уже по европейскому образцу. въ формѣ отдѣльно стоящихъ, круглыхъ или четыреугольныхъ высокихъ башенъ, съ полуциркульными арками надъ дверьми и окнами. Онѣ назначались для защиты города и для наблюденія за непріятелемъ, какъ видно изъ вышеприведеннаго текста лѣтописи. Но тѣмъ не менѣе, однако же, при построеніи у насъ такихъ европейскихъ башенъ, онѣ все же продолжали называться по прежнему *столпами*, а не какимъ либо новымъ европейскимъ именемъ. Отсюда можно заключить, что древній славянскій столпъ по формѣ своей имѣлъ сходство съ башнею и потому названіе его могло быть перенесено на послѣднюю. Едва ли мы ошибемся, предположивъ, что разница между столпомъ и башнею состояла не столько въ наружномъ видѣ, сколько въ самой конструкціи постройки: первый представлялъ собою компактную кладку, родъ высокой колонны, вторая же имѣла внутри пустоту. Болгарскіе столпы являются, такимъ образомъ, представителями перваго, древнѣйшаго типа, а столпы Холмской Руси XIII в. удержали только старое названіе, но существенно измѣнили свою конструкцію, вмѣстѣ съ перемѣною ихъ назначенія.

Построеніе столповъ, а можетъ быть и самое названіе ихъ, по всей вѣроятности ведетъ свое начало изъ центральной Азіи. Разсматривая происхожденіе индійскихъ монументовъ этого рода, *Карлъ Риттеръ* связываетъ ихъ съ исторіей буддизма *). Въ Азіи они называются *ступа* или *топа*, по китайски *sou-tupo* или *Tha* (*Thurm*), что, по объясненію Абель-Ремюза и Клапрота, означаетъ *драгоцѣнное возвышеніе* или башню (kostbare Erhöhung oder Thurm). Въ санскритскомъ языкѣ слово *Stûpa* имѣетъ тоже значеніе (Риттеръ стр. 150). Эти памятники воздвигались въ честь Будды и представляли собой компактную каменную кладку различной величины, иногда очень массивную, состоящую изъ круглаго высокаго цоколя и полусферическаго верха. Въ основаніи сооруженія, подъ землей, выводился четырехугольникъ, гдѣ помѣщались какія либо буддійскія реликвіи, надъ которыми собственно и воздвигался священный памятникъ. Въ толщѣ его массива не оставлялось никакого полаго пространства, не было ни оконъ,

*) *Carl Ritter*, Die Stupas (Topes) oder die architectonischen Denkmale an der Indo-Baktrischen Königsstrasse. Berlin 1838.

ни дверей, но постройка раздѣлялась на ярусы, или точнѣе прослойки, число которыхъ иногда доходитъ до 7, 9, 12 и болѣе. При раскопкахъ находили заложенными въ этихъ прослойкахъ разные мелкіе предметы*).

Карлъ Риттеръ въ цитированной книгѣ доказываетъ, что изъ индійской *ступы* или *топы* развилась китайская многоярусная *пагода* хотя послѣдняя въ конструктивномъ отношеніи существенно отличается отъ первой. Индійскій монументъ имѣетъ сферическую куполообразную форму и не заключаетъ въ себѣ свободнаго помѣщенія, а пагода представляетъ настоящую, большею частію шестигранную, пирамидальную башню, раздѣленную на ярусы, съ окнами и внутреннею лѣстницею. Авторъ поясняетъ, что сходство между этими постройками лежитъ въ идеѣ и цѣли ихъ сооруженія. Пагоды появились послѣ распространенія въ Китаѣ буддизма, строились въ честь Будды и его святыхъ и въ этомъ отношеніи вполнѣ соотвѣтствовали индійскимъ ступамъ, служившимъ для нихъ прототипомъ. Я не буду здѣсь приводить въ подробностяхъ тѣхъ основаній, изъ которыхъ Риттеръ выводитъ свое заключеніе о генетической связи пагоды съ топой, но укажу на факты, по моему мнѣнію, подтверждающіе этотъ выводъ. Я хочу сказать объ особомъ типѣ древнихъ башенъ, встрѣчающихся по сю сторону Гималаевъ, въ томъ числѣ и въ Семирѣченской области, составляющихъ какъ бы переходную форму отъ индійской топы къ пагодѣ. Эти башни по своей конструкціи представляютъ полное подобіе нашихъ болгарскихъ столповъ и въ этомъ отношеніи могутъ выяснять исторію происхожденія послѣднихъ. Сходство ихъ съ топами состоитъ въ томъ, что они, также какъ и послѣднія, представляютъ собою сплошную компактную кладку, заключая внутри только одну узкую винтовую лѣстницу; съ пагодами они сближаются по своей внѣшней башнеобразной формѣ. Мы будемъ называть ихъ *столпами*, такъ какъ это названіе болѣе всего соотвѣтствуетъ ихъ конструкціи.

Переходныя формы отъ индійской топы или ступы къ столпу появляются только по сю сторону Гималаевъ, именно въ Афганистанѣ и въ сѣверныхъ окраинахъ Памира. Въ числѣ рисунковъ въ цитированной книгѣ К. Рит-

*) У буддистовъ западнаго Китая въ настоящее время нерѣдко можно встрѣтить миніатюрное глиняное изображеніе *топы*, которое хранятъ въ домахъ, какъ символъ, приносящій благополучіе жилищу. Будучи въ Вѣрномъ, я пріобрѣлъ два экземпляра такого изображенія, хранящіеся нынѣ въ Томскомъ археологическомъ музеѣ подъ № 1987. Болѣе крупный изъ нихъ представляетъ собою миніатюрную модель настоящей топы, вылѣпленную изъ блѣднорозовой массы, похожей на глину. Онъ имѣетъ видъ конической горки, 9 сант. вышины и 8 сант. въ діаметрѣ круглаго основанія. Наружная поверхность его въ нижней трети представляетъ гладкій поясъ, а верхнія $^2/_3$ сплошь орнаментированы. Орнаменты расположены въ видѣ параллельныхъ семи полосокъ или ярусовъ, не считая самаго верхняго конуса, который имѣетъ вертикальный зубчатый орнаментъ. Горизонтальныя полоски, какъ мнѣ говорили, означаютъ восходящія степени нравственнаго совершенства или приближенія къ небу. Такія же изображенія домашней топы дѣлаются и меньшаго размѣра; во второмъ нашемъ экземплярѣ оно имѣетъ всего $2^1/_2$ сант. высоты и 3 сант. ширины въ основаніи.

тера на табл. V показаны два такихъ изображенія, взятыя изъ статьи *Генигбергера* и *Жаке*, въ Journal Asiatique*). Они представляютъ собою сверху полуразрушенныя *круглыя* башни, повидимому, сплошной компактной кладки. Та и другая стояли не далеко отъ Кабула: первая изъ нихъ имѣла вышину въ 50 футовъ, вторая 30 футовъ, не считая разрушеннаго верха. У той и другой внизу показанъ широкій ободокъ, въ видѣ цоколя, выложенный узоромъ. На одной изъ башенъ, на уровнѣ ободка (но все же на значительной высотѣ отъ поверхности почвы) изображены входныя двери съ полуциркульною аркою, что указываетъ на существованіе внутри зданія прохода, вѣроятно, въ формѣ винтовой лѣстницы, какъ это обыкновенно устраивалось въ столпахъ. Оконъ или какихъ либо просвѣтовъ въ стѣнахъ на описываемыхъ рисункахъ не показано.

Не смотря на отсутствіе (у Риттера) подробнаго описанія Кабульскихъ башенъ, въ нихъ нельзя не замѣтить, по рисунку, больше сходства со столпами, чѣмъ съ топами, хотя авторъ и причисляетъ ихъ къ разряду послѣднимъ (Die Schtop oder Topes). Сходство это выражается: 1) круглою и высокою формою, въ родѣ массивной колоны, а не сферическою, какъ въ индійскихъ топахъ, 2) присутствіемъ входной двери, слѣдовательно, лѣстницы, чего въ топахъ не бываетъ.

Еще больше сходства со столпами представляетъ древняя башня въ Узгентѣ, изображеніе которой приложено къ трудамъ покойнаго Н. А. Сѣверцова**). Этотъ рисунокъ былъ сфотографированъ съ натуры во время послѣдней экспедиціи Николая Алексѣевича на Памиръ и предназначался, въ числѣ другихъ, для общаго описанія его путешествія, но вслѣдствіе неожиданной смерти знаменитаго автора въ 1885 году, описанія заготовленныхъ фотографій не было имъ сдѣлано. Рисунки помѣщены въ цитированной книгѣ, въ видѣ приложенія, безъ объяснительнаго текста. Тотъ рисунокъ, о которомъ идетъ у насъ рѣчь (табл. XXII), изображаетъ массивную, очень высокую (не менѣе 11—12 с.) круглую башню, или, правильнѣе, колонну, нѣсколько съуживающуюся кверху. Снаружи она украшена узорчатой выкладкой въ видѣ горизонтальныхъ чередующихся поясовъ, подобно тому, какъ это мы увидимъ ниже при описаніи башни Бураны. Внизу колонны показана входная дверь, черезъ которую можно подняться по винтовой лѣстницѣ на самый верхъ сооруженія. Доказательствомъ тому служитъ снятая на фотографіи человѣческая фигура, стоящая на самой вершинѣ башни. Оконъ

*) *M. Honigberger* und *S. Jacquet*. Journal Asiatique, trois. sér. Paris. 1836 Sept. p. 106—107 и 118—120. Этого изданія мы не имѣли въ рукахъ; цитаты взяты изъ книги Риттера.

**) *И. А. Сьверцовъ*, орографическій очеркъ Памирской горной системы. Зап. Импер. русскаго географическаго общества по общей географіи, т. XIII, С.-Петербургъ, 1886 г. Посмертное изданіе подъ редакціей Мушкетова. Рисунокъ башни на таблицѣ XXII въ концѣ книги.

въ зданіи на рисункѣ не видно, за исключеніемъ одного четыреугольнаго отверстія въ предпослѣднемъ верхнемъ поясѣ. Если даже предположить, что на другой сторонѣ башни, не изображенной на фотографіи, находится еще одно или два такихъ окна, то они указывали бы только на слабое освѣщеніе винтовой лѣстницы, выложенной въ массивѣ постройки, но не на полую башню, для которой требовалось бы больше свѣта. Въ надписи подъ рисункомъ значится; «Узгентъ, древній минаретъ,» но этому опредѣленію едва ли можно придавать значеніе. Очевидно, оно помѣщено потому, что у мѣстныхъ мусульманъ происхожденіе башни объясняется какъ древній минаретъ, подобно тому, какъ это мы видимъ по отношенію къ болгарскимъ столпамъ. О неосновательности такого мнѣнія мы уже говорили выше и будемъ говорить еще послѣ описанія башни Бураны, имѣющей наибольшее сходство съ древнимъ памятникомъ города Узгента и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе точно изслѣдованной.

Башня Бураны подробно обслѣдована, по моей просьбѣ, въ октябрѣ 1886 года, инспекторомъ народныхъ училищъ Семирѣченской области г. Городецкимъ. Доставленное имъ описаніе привожу здѣсь въ подлинникѣ. «Башня находится въ восьми верстахъ къ юго-западу отъ города Токмака (въ Семирѣченской области). Она помѣщается внутри четыреугольника, образуемаго рѣкою и валами значительныхъ размѣровъ, но не въ срединѣ его, а ближе къ углу, образуемому восточной и южной его сторонами и прилегающему къ рѣкѣ Буранѣ. Ближайшая къ башнѣ сторона вала (южная) открыта, но не на всемъ протяженіи. Сѣверо-восточная часть четыреугольника прилегаетъ къ упомянутой рѣкѣ, которая подмываетъ эту сторону и обнаруживаетъ кирпичи бывшихъ здѣсь построекъ и черепки глиняной посуды. Въ одномъ мѣстѣ этой стороны найдены были двѣ глиняныя *водопроводныя трубы*. Площадь четыреугольника имѣетъ $^3/_4$ кв. версты и заключаетъ въ себѣ пять кургановъ, изъ которыхъ два можно назвать громадными, остальные меньшей, но тоже значительной высоты и объема. Кромѣ того, около башни, со стороны, обращенной къ Токмаку, находятся развалины бывшаго строенія съ массой обожженаго кирпича".

„Высота башни, по измѣренію, произведенному однимъ изъ мѣстныхъ топографовъ, 12 саженей, но на глазомѣръ она кажется выше (около 15 с.). Надо полагать, что первоначальная высота башни была больше, судя потому, что стѣны на вершинѣ ея носятъ слѣды разрушенія (покрыты обломками кирпича).. Башня состоитъ изъ двухъ частей: основанія, имѣющаго форму правильной *осьмиугольной* призмы, и утвержденнаго на немъ круглаго столпа, кверху понемногу съуживающагося. Длина вертикальныхъ граней основанія 5 аршинъ, и горизонтальныхъ 5 арш. 10 вершковъ; но изъ этихъ послѣднихъ такую длину въ настоящее время имѣютъ только двѣ грани,

сохранившіяся въ цѣломъ видѣ, двѣ остальныя-же вверху обсыпались, а внизу обломаны. Должно замѣтить, что ни одна сторона нижней части осьмиугольника нынѣ не находится въ цѣломъ видѣ. Заключая по длинѣ цѣлыхъ граней, первоначальная окружность башни равнялась 45 аршинамъ. Теперь-же, по произведенному измѣренію, окружность основанія башни равняется 30 арш. Снизу до $^2/_3$ высоты осьмиугольника кирпичи выломаны крестьянами для печей и другихъ надобностей. Въ осьмиугольникѣ, начиная почти съ самаго основанія и до полуторыхъ аршинъ въ высоту, имѣется 10 отверстій, въ родѣ небольшихъ продушинъ (печурокъ), продолжающихся до самаго центра, но не сквозныхъ и не противолежащихъ. Въ каждой сторонѣ верхней части осьмиугольника имѣется по одному углубленію или нишкѣ".

Какъ осьмиугольное основаніе, такъ и круглый башенный столпъ сложены изъ обожженаго кирпича, на цементѣ, такимъ образомъ, что кромѣ узкаго пространства для винтовой лѣстницы въ постройкѣ не остается другаго открытаго помѣщенія. Стѣдовательно, это сооруженіе соотвѣтствуетъ не башнѣ въ нынѣшнемъ смыслѣ, а компактной колоннѣ или столпу. Кладка кирпичей обыкновенная, по широкой плоскости кирпичей, съ перекрытіемъ или перевязкою рядовъ; но съ наружной стороны столпа, для красоты, изъ кирпичей выкладывались черезъ каждые три аршина чередующіеся узорчатые ярусы. Они отличаются тѣмъ, что горизонтальные ряды симметрично испещрялись выдающимися ребрами вертикально поставленныхъ кирпичей, образующихъ съ первыми попеременно то прямую, то обратную форму буквы ⊤⊥. Вслѣдствіе такого рода кладки, наружная сторона башни представляетъ 12 чередующихся, гладкихъ и узорчатыхъ, поясковъ, каждый шириною приблизительно въ три аршина. Эти пояса помогаютъ опредѣлить высоту башни на глазъ.

Въ стѣнахъ башни находятся такія же четыреугольныя отверстія или гнѣзда, какъ и въ осьмиугольномъ основаніи. Ближе къ послѣднему ихъ насчитывается 14, а въ верхней части 15*). Круглый башенный столпъ заканчивается площадкой, образуемой толщею самой стѣны (т. е. всего компактнаго столпа). На немъ нѣтъ ни слѣдовъ крыши, ни вообще того, чѣмъ заканчивалась башня. Съ сѣверо-восточной стороны часть вершины его обвалилась вслѣдствіе образовавшейся трещины (около 10 аршинъ длиной) и попадающей туда воды, которая, замерзая зимою, расшатываетъ кирпичи.

Входъ въ башню съ западной стороны, на значительной высотѣ отъ земли (5 арш.), непосредственно надъ осьмиугольнымъ основаніемъ. Онъ имѣетъ видъ узкой двери, около 2 арш. въ вышину и одного аршина въ ширину. Лѣстницы нѣтъ, и не видно, чтобы она существовала при постройкѣ. Теперь можно войти въ башню только по приставной лѣстницѣ, кото-

*) Не назначались-ли эти каналы для просушки (вентиляціи) толстыхъ стѣнъ башни?

рую нужно везти съ собой изъ Токмака. Отъ входа начинается внутренняя винтовая лѣстница, т. е. то свободное пространство въ столпѣ, которое оставлялось при кладкѣ, съ выложенными при этомъ ступеньками, для восхожденія на его вершину. На пространствѣ всей лѣстницы имѣются только двѣ небольшія площадки: одна нижняя у самаго входа, другая—тремя ступеньками выше. Длина послѣдней—17½ вершковъ, а ширина, какъ и всей лѣстницы,—14½ верш. Начинаясь съ западной стороны, лѣстница направляется винтообразной дугой на южную, восточную и выходитъ на вершинѣ башни съ сѣверо-восточной стороны. Противъ двадцать первой ступеньки, на юго-восточной сторонѣ для освѣщенія лѣстницы оставлено въ стѣнѣ небольшое четырехугольное сквозное отверстіе (окно). Въ наружное отверстіе его едва помѣщается голова взрослаго человѣка, а къ внутренней сторонѣ откосы окна такъ расширяются, что въ просвѣтѣ можно помѣстить не только голову, но и плечи. Подоконникъ не горизонтальный, а срѣзанъ внизъ, сложенъ изъ кирпича и доской не покрытъ. На лѣвомъ простѣнкѣ его (откосѣ) находятся вырѣзанныя вглубь пять надписей, повидимому, арабскими письменами. Одна изъ нихъ только нацарапана*). Ступени лѣстницы сдѣланы изъ того же кирпича, какъ и весь массивъ башни, т. е. онѣ представляютъ собою ни что иное, какъ самую стѣну, выложенную въ формѣ ступенекъ въ той части сплошной кладки, гдѣ оставлялось внутри столпа свободное пространство для прохода (въ ширину около 14 вершковъ и въ вышину въ средній человѣческій ростъ). Каждая ступенька покрыта деревянною доской, края которой вдѣланы въ стѣну башни на глубину около 9 вершковъ, какъ это видно по одному оставшемуся свободнымъ отверстію. Толщина доски 1 вершокъ, но теперь такая толщина осталась только на концахъ, на остальномъ-же пространствѣ доски частію стерты ногами, частію сгнили отъ времени. Полныхъ ступенекъ въ настоящее время насчитывается 33 и еще имѣются выше ихъ слѣды двухъ,—куски оставшихся въ стѣнахъ досокъ. Самая верхняя часть лѣстницы обрушилась вмѣстѣ съ частію верхней стѣны. Высота ступенекъ не всегда одинакова, отъ 6 до 7 вершковъ, вмѣстѣ съ доской.

Такія башни или столпы, какъ памятники древнихъ сооруженій, встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ. Изъ нихъ мы укажемъ на древній городъ Сауранъ, находящійся въ 50 верстахъ отъ Туркестана, на Сыръ-Дарьѣ. Сохранившаяся сауранская башня имѣетъ семь саженъ вышины. Рядомъ съ нею, на разстояніи 16 футовъ, стояла другая, обрушившаяся весною 1878 года. При разрытіи холма у основанія уцѣлѣвшей башни оказалось,

*) Можно думать, что эти надписи позднѣйшаго происхожденія. Подобныя имъ существуютъ и продолжаютъ вновь появляться также на лѣстницѣ болгарскаго Малаго Столпа. Ихъ дѣлаютъ мусульмане, признающіе Болгарскій столпъ за древній минаретъ.

что до фундамента ея отъ нынѣшней поверхности цѣлая сажень. Видъ этихъ башенъ, взятый съ фотографическаго снимка 1866 г., сдѣланнаго г. Пріоровымъ, помѣщенъ на виньеткѣ 63 стр. сочиненія г. Пашино: «Туркестанскій край въ 1866 г. Спб. 1878 г.». Въ описаніи г. Пашино сказано, что башни выстроены изъ обожженаго кирпича, имѣютъ видъ колонны, аршинъ 6 въ діаметрѣ, съ внутреннею, хорошо сложенною винтообразною лѣстницею до самаго верха. На одной изъ башенъ шейка украшена, по словамъ Пашино (стр. 59), голубыми съ позолотою изразцами. Для входа въ эту постройку существуетъ съ одной стороны, на высотѣ полуторыхъ саженъ отъ основанія, небольшое четырехугольное отверстіе (узкая дверь), ведущее на винтовую лѣстницу. Лѣстница освѣщается небольшими, продѣланными въ стѣнахъ, четырехугольными окошечками, точно также, какъ въ Болгарахъ и на башнѣ Бураны*). Не смотря на краткость даннаго описанія, все таки ясно, что типъ этихъ построекъ и назначеніе ихъ были тѣ же, что и въ Болгарахъ.

Сауранскія башни г. Лерхъ принимаетъ за остатки бывшаго мусульманскаго зданія, будто бы, построеннаго, въ первой половинѣ XVI столѣтія. Основаніемъ для такого предположенія послужило свѣдѣніе, взятое изъ тюркскаго перевода одной персидской рукописи, озаглавленной «Чудеса происшествій» гдѣ говорится о постройкѣ медрессе въ Собранѣ, по волѣ Шейбанида Убейдъ-уллахъ-хана. Относились ли цитируемыя г. Лерхомъ свѣдѣнія именно къ описываемымъ башнямъ, а не къ другому какому нибудь зданію разрушеннаго города, ясныхъ доказательствъ въ его сочиненіи невидно. Равнымъ образомъ не приведено и тѣхъ соображеній, по которымъ башни признаются за остатки бывшаго зданія медрессе. Не повторяется ли здѣсь тоже самое голословное предположеніе, какое высказывалось столько разъ по отношенію къ болгарскимъ столпамъ, до сихъ поръ почти всѣми признаваемымъ за мусульманскіе минареты.

Изъ описанія башни Бураны мы видимъ, что сходство ея съ болгарскими столпами выражается въ слѣдующихъ признакахъ:

1) Въ восьмиугольномъ основаніи башни, которое на высотѣ 5 аршинъ переходитъ въ круглую форму. Въ томъ и другомъ болгарскомъ столпѣ оказывается такой же восьмиугольный поясъ, коему предшествуетъ еще четырехъугольная часть около двухъ саженъ вышиной. Существовала-ли эта послѣдняя на азіатскихъ башняхъ, трудно сказать безъ тщательныхъ раскопокъ, такъ какъ у основанія башни находятся высокія груды каменнаго мусора, подъ которыми можетъ быть оказался бы четырехъугольный ярусъ. У Сауранской башни Лерхъ дѣлалъ попытку подобной раскопки, при чемъ ока-

*) *Лерхъ*, Археологическая поѣздка въ Туркестанскій край въ 1867 г. С.-Петербургъ 1870 г. Извлеченіе изъ отчета.

залась еще цѣлая сажень постройки отъ поверхности земли до фундамента, но въ отчетѣ Лерха не сказано, какую форму имѣлъ этотъ подземный ярусъ. Въ сочиненіи Риттера объ индійскихъ «ступахъ» указывается, что они постоянно возводились на четырехугольномъ фундаментѣ, обыкновенно скрытомъ подъ землей, на которомъ строился уже круглый наружный ярусъ. Восьмиугольнаго яруса тамъ не оказывается, но въ башнѣ Бураны и въ болгарскихъ столпахъ онъ, повидимому, составлялъ существенную форму сооруженія.

2) Какъ въ азіатскихъ, такъ и въ болгарскихъ столпахъ нижніе ярусы состояли изъ сплошной каменной кладки, гдѣ не оставлялось даже пространства для узкой внутренней лѣстницы. Послѣдняя начинается либо въ восьмиугольной части, либо у основанія круглой, на высотѣ 4—5 аршинъ отъ поверхности земли, гдѣ устраивалась и входная дверь. Такое расположеніе двери, требовавшее либо пристройки особаго крыльца, либо подставной лѣстницы, по всей вѣроятности, также обусловливалось какими либо общими для этихъ построекъ соображеніями, соотвѣтственно ихъ назначенію.

3) Ступени винтовой лѣстницы, какъ уже было сказано, укрѣплялись не на косоурахъ или сводахъ, а выкладывались въ самомъ массивѣ столпа, гдѣ для этой цѣли оставлялось свободное пространство въ высоту человѣческаго роста и въ ширину не болѣе аршина. Тамъ, гдѣ спираль лѣстничнаго прохода подходила ближе къ наружной поверхности столпа, оставлялось небольшое окошечко для освѣщенія. Подобная, довольно оригинальная, конструкція лѣстницы составляетъ отличительную особенность столповъ, не извѣстную ни въ древнемъ классическомъ мірѣ, ни въ Европѣ среднихъ вѣковъ. Нельзя не обратить вниманія, что такой же типъ внутреннихъ винтовыхъ лѣстницъ нерѣдко былъ примѣняемъ при постройкахъ древнихъ русскихъ храмовъ, когда винтовая лѣстница выкладывалась либо внутри массивнаго пилона, либо въ одной изъ толстыхъ стѣнъ. Такая конструкція вѣроятно была взята съ болгарскихъ столповъ, а для этихъ послѣднихъ заимствована изъ Центральной Азіи, судя по башнѣ Бураны.

4) Лѣстница въ столпахъ выкладывалась до самаго верха, гдѣ она выходила на открытую верхнюю площадку, повидимому не имѣвшую ни парапета, ни другихъ какихъ либо огражденій. Судя по сохранившемуся въ Болгарахъ Малому Столпу и по планамъ Большаго Столпа, они заканчивались только круглой, ровной площадкой, безъ какой либо дальнѣйшей надстройки или прикрытія. Площадка, вѣроятно, имѣла свое значеніе, иначе зданіе было бы закончено либо конусомъ, либо полушаріемъ, при чемъ не было бы надобности выводить лѣстницу до самаго верха. Башня Бураны и другіе азіатскіе столпы, повидимому, заканчивались вверху такимъ же способомъ.

5) По способу кладки болгарскіе столпы отличаются отъ азіатскихъ. Вся основная масса болгарскихъ столповъ сложена изъ плитняка, булыжни-

ка и разныхъ неправильной формы камней, слившихся въ обильномъ известковомъ растворѣ какъ бы въ сплошный монолитъ. Нижнія четырехугольныя и восьми-угольныя части были сверхъ того облицованы массивными, прекрасно притесанными камнями, что придавало зданію красивый и величественный видъ. Тотъ же способъ кладки съ каменною облицовкою примѣнялся и на прочихъ, болѣе значительныхъ, болгарскихъ постройкахъ. Здѣсь, слѣдовательно, мы видимъ сочетаніе съ одной стороны древне-персидскаго и греческаго строительнаго искусства, т. е. кладку на сухо, въ притеску, изъ массивныхъ, хорошо обдѣланныхъ камней (наружная облицовка), съ другой стороны древне-азіатскую кладку на известковомъ растворѣ, изъ камней неправильной формы *). Это способъ, котораго долго держались на Руси при постройкѣ древнихъ церквей и другихъ каменныхъ сооруженій.

Башня Бураны вся сложена, какъ мы уже говорили, изъ квадратнаго кирпича. Ни булыжника, ни каменной облицовки здѣсь нѣтъ. Для того, чтобы придать зданію болѣе красивый и величественный видъ, наружный фасадъ его украшенъ тѣми же кирпичами, расположенными по особому рисунку, образующему девять чередующихся поясовъ. Подобный же способъ украшенія мы видимъ на вышеупомянутой башнѣ въ Узгентѣ (рисунокъ Сѣверцова) и на нѣкоторыхъ другихъ азіатскихъ высокихъ постройкахъ. Можно предполагать, что во время ихъ сооруженія въ Азіи, не смотря на изобиліе отличныхъ каменныхъ породъ, не любили каменотеснаго искусства, но въ совершенствѣ владѣли кирпичемъ, при помощи котораго достигали весьма красивыхъ архитектурныхъ орнаментацій. Кромѣ эстетическаго вкуса, въ нихъ выражается своеобразный стиль, повтореніе котораго отчасти мы встрѣчаемъ и на западѣ. Такъ, напримѣръ, если сравнить поясныя украшенія башни Бураны съ такими же чередующимися полосами древняго храма въ Абхазіи Бидшвинту, въ Пицундѣ, которыми такъ восхищался Дюбуа-де-Монпере (см. выше стр. 104—105), то нельзя не замѣтить въ томъ и другомъ сооруженіи общаго принципа орнаментики. Разница только въ томъ, что древній христіанскій храмъ въ Пицундѣ строился изъ смѣшаннаго матеріала, камня и кирпича, а башня Бураны изъ одного кирпича. Поэтому орнаментирующія полосы въ первомъ случаѣ образуются изъ чередующихся рядовъ кладки краснаго кирпича и сѣраго песчаника, а во второмъ случаѣ изъ чередующихся рядовъ узорчатой и гладкой кирпичной кладки. Въ томъ и другомъ случаѣ общее впечатлѣніе *пояснаго орнамента* остается одно и тоже. Въ Сванетскихъ храмахъ можно указать еще на одну черту, сближающую ихъ съ болгарскими столпами и съ баш-

*) Известь, употреблявшаяся при постройкѣ болгарскихъ зданій, повидимому, имѣла гидравлическія свойства. Поэтому, не смотря на отсутствіе крыши, зданіе не подвергалось разрушительному вліянію сырости и перемѣнъ температуры.

ней Бураны,—это *восьмиугольная форма* барабановъ, на которыхъ возвышаются купола, а съ болгарскими постройками они сближаются еще каменной облицовкой нижнихъ ярусовъ зданій. Кирпичъ, изъ котораго сложены верхнія части зданій, также какъ въ Болгарахъ и въ башнѣ Бураны, имѣетъ квадратную форму, о чемъ мы уже говорили выше (см. стр. 124).

Изъ всего, что было сказано, мы ясно видимъ, что болгарскіе столпы имѣютъ большое сходство съ такими же сооруженіями азіатскими. О послѣднихъ мы можемъ сказать, что они развились изъ индійской топы, на началахъ буддійскихъ идей, и принадлежатъ къ памятникамъ религіознаго значенія; но для какой цѣли строились болгарскіе столпы? О буддійскихъ идеяхъ здѣсь едва ли можетъ быть рѣчь, потому что на почвѣ Камской Болгаріи до сихъ поръ не найдено ясныхъ слѣдовъ этого религіознаго культа, за исключеніемъ, можетъ быть, металлическихъ зеркалъ, значеніе которыхъ до сихъ поръ не вполнѣ выяснено*). Правда, мы совершенно не знаемъ, какую религію исповѣдывали болгары до принятія ислама (до X в.), а судя по бывшимъ нѣкогда близкимъ сношеніямъ ихъ съ южною Сибирью и восточною Азіею мы не считали бы невѣроятнымъ распространеніе буддизма и въ эти сѣверные предѣлы; но все же объяснять болгарскіе столпы какъ буддійскіе монументы мы не имѣемъ достаточнаго основанія.

Цѣль постройки болгарскихъ столповъ во всякомъ случаѣ должна быть не декоративная и не стратегическая, а религіозная. Какъ фортификаціонное сооруженіе, они могли бы служить развѣ дозорною башней, но для этого не было бы надобности строить два столпа въ близкомъ другъ отъ друга разстояніи. Для защиты цитадели (дѣтинца) столпы тоже были мало пригодны, потому что, кромѣ узкой лѣстницы, они не имѣли внутри никакого помѣщенія для воиновъ, верхняя же площадка была совершенно открыта и слишкомъ мала, чтобы имѣть значеніе, какъ пунктъ обороны. На ней могли бы помѣститься не болѣе 5—6 человѣкъ. Для оборонительныхъ цѣлей столпы непремѣнно строились бы полые, подобно Холмскимъ башнямъ, съ окнами (бойницами) на всѣ стороны, и на верху имѣли бы парапетъ, или заканчивались бы крышею. Ничего подобнаго въ болгарскихъ столпахъ не имѣется.

Религіозное значеніе болгарскихъ столповъ естественно должно быть связано съ той религіей, какую болгары имѣли въ эпоху ихъ постройки. Но до введенія мусульманства, объ этомъ мы ничего не знаемъ. Языческая религія славянъ едва-ли можетъ быть всецѣло распространяема на Камскую Болгарію, которая росла и развивалась при другихъ воздѣйствіяхъ. Благодаря близкимъ отношеніямъ къ древнему сибирскому населенію и торговымъ свя-

*) Бывшій Енисейскій губернаторъ Степановъ, въ изданной имъ въ 1835 г. книгѣ, подъ заглавіемъ „Енисейская губернія“, признаетъ эти зеркала за принадлежность буддійскаго богослуженія (для освященія воды). См. объ этомъ примѣчаніе 40 къ каталогу Томскаго археологическаго музея на стр. 136-й.

земъ съ Малою Азіею и Персіею, она легко могла подчиниться религіозной пропагандѣ и со стороны восточнаго буддизма, и со стороны вѣроученій передней Азіи. Какое изъ этихъ вѣяній оказывалось преобладающимъ, объ этомъ нельзя ничего сказать, по неимѣнію историческихъ данныхъ; но во всякомъ случаѣ нельзя отрицать индо-персидскаго, или даже ассирійскаго культурнаго вліянія на Болгарію. Оно сказывается и въ строительной техникѣ древнихъ болгарскихъ городовъ (употребленіе кирпича и известковаго цемента), и въ архитектурныхъ мотивахъ (стрѣльчатыя арки, своды), и въ нѣкоторыхъ археологическихъ находкахъ на болгарскихъ городищахъ (кувшины съ коническимъ дномъ, изображеніе центавра, крылатыхъ идоловъ и т. п.). При такомъ вліяніи весьма возможно, что и религіозныя идеи могли проникать въ Болгарію изъ Халдеи, Сиріи и Персіи.

Въ большихъ торговыхъ городахъ, каковы были Болгары и Билярскъ, гдѣ стекались разноплеменныя народности и происходилъ живой обмѣнъ не только товаровъ, но и культурныхъ идей, легко прививается извѣстная доля вѣротерпимости. Даже въ мусульманскую эпоху мы видимъ, что въ Болгарахъ и Можарахъ существовали христіанскіе храмы одновременно съ мечетями. Нѣтъ причины отстранять подобное предположеніе о существовавшей религіозной равноправности и въ болѣе далекія времена. Поэтому, при той или другой господствующей въ Болгарахъ религіи могли быть допускаемы здѣсь иновѣрческіе храмы и постройки ранѣе введенія мусульманства. Въ этомъ смыслѣ и буддизмъ, и христіанство, и религія Зороастра могли имѣть здѣсь своихъ представителей и свои храмы, которыми мусульмане могли впослѣдствіи воспользоваться для своихъ религіозныхъ цѣлей.

Сама по себѣ мусульманская архитектура, какъ извѣстно, никогда не имѣла самостоятельныхъ корней. Въ самую цвѣтущую пору умственнаго и политическаго развитія арабы не внесли въ искусство ничего новаго, а лишь воспроизводили готовые образцы архитектурныхъ мотивовъ. Въ Персіи, Сиріи, Испаніи и Африкѣ въ арабскихъ и турецкихъ постройкахъ мы видимъ явственные признаки ранѣе существовавшихъ мѣстныхъ строительныхъ типовъ. Корень этой азіатской архитектуры идетъ изъ Ассиріи, древней Персіи и Индіи. На этой восточной почвѣ развился вкусъ къ высокимъ, уходящимъ въ небеса, зданіямъ, башнямъ и столпамъ, чего не зналъ классическій міръ Греціи и Рима. Здѣсь же выработалась строительная кирпичная техника,— луковичные купола, стрѣльчатыя арки, искусство примѣнять цвѣтные изразцы и цементъ для кирпичной кладки и т. п. Отсюда же ведутъ свое начало высокіе столпы, мусульманскіе минареты и наши русскія колокольни, образцы которыхъ, очевидно, взяты съ азіатскихъ столповъ и ассирійскихъ башенъ. Тѣмъ не менѣе, для примѣненія идеи столпа къ мусульманскимъ, или христіанскимъ цѣлямъ необходимо было измѣнить его конструкцію,—въ первомъ

случаѣ устроить балкончикъ для муэдзина, съ выходною для него дверью, во второмъ случаѣ оставить въ полой башнѣ слуховые пролеты для колоколовъ. Въ томъ видѣ, какъ строились древніе столпы по буддійской идеѣ, или сирійскія и вавилонскія башни, они не могли удовлетворять новому назначенію, ни мусульманскому, ни христіанскому. Они не могли быть даже приспособлены къ этому помощію какихъ либо дополнительныхъ пристроекъ. Поэтому можно утверждать, что какъ болгарскіе столпы, такъ и башня Бураны строились не въ качествѣ минаретовъ, слѣдовательно, не арабскими зодчими.

Если арабы, какъ племя болѣе талантливое и прогрессивное, не были въ состояніи дать строительному искусству ни новыхъ идей, ни оригинальныхъ формъ (за исключеніемъ, можетъ быть, орнаментики), то тѣмъ болѣе не могли этого дать татары XIII—XIV вѣка. По мѣткому выраженію Віолле ле Дюка, это были «трутни человѣчества», пользовавшіеся только чужими изобрѣтеніями и чужими трудами и не создавшіе ни одного собственнаго оригинальнаго памятника. Если бы столпы были ихъ произведеніемъ и представляли бы древній типъ минаретовъ (на что они ни мало не похожи), то естественнѣе всего было бы ожидать такую постройку не въ Болгарахъ и Билярскѣ, а въ Казани, какъ въ столицѣ татарскаго царства. Между тѣмъ, при взятіи Казани въ 1552 г., по сказанію Курбскаго, по русскимъ лѣтописямъ и писцовымъ книгамъ, каменныхъ зданій тамъ было весьма немного. Городская стѣна мочти вся была деревянная, всѣ дома въ посадѣ тоже были выстроены изъ дерева, по образцу русскихъ, и только въ крѣпости, на ханскомъ дворѣ, Курбскій упоминаетъ о пяти каменныхъ (мурованныхъ) мечетяхъ*). Судя по описи, произведенной 14 лѣтъ спустя послѣ взятія Казани, эти зданія не представляли ни солидныхъ, ни величественныхъ построекъ**). Хотя мы и не имѣемъ точнаго описанія ихъ конструкціи, но едвали можно сомнѣваться, что они ни мало не походили на древнія болгарскія постройки. Въ настоящее время отъ нихъ не осталось никакого слѣда.

Къ числу Казанскихъ памятниковъ древней татарской эпохи многіе авторы относятъ существующую донынѣ, такъ называемую, *Сумбекину башню*. О

---

*) „На ней же (горѣ) градъ стоитъ и палаты царскія и мечети зѣло высокія, мурованныя, идѣже ихъ умершіе царіе клались, числомъ памятамися пять ихъ“ (мечетей, или гробницъ?)

**) Повидимому объ этихъ самыхъ мечетяхъ упоминается въ писцовой книгѣ 1566 года гдѣ сказано: „Внутри-жъ города у царскаго двора церковь Введенія Пречистыя, а въ предѣлѣ церковь Николая Чудотворца. Да у Введенія мѣсто, гдѣ былъ царевъ дворъ, а на мѣстѣ двѣ палаты старыя, да передъ царскимъ дворомъ палата стараяжъ, да подлѣ царскаго-жъ двора палата“ (Шпилевскій Древніе города и пр. стр. 459) Очевидно, только эти палаты и были каменныя. О высокихъ мурованныхъ минаретахъ въ Писцовой книгѣ 1566 г. совсѣмъ не упоминается.

времени ея постройки не имѣется никакихъ точныхъ данныхъ, но достаточно взглянуть на свѣжесть ея неоштукатуренныхъ стѣнъ и въ особенности на форму и размѣры кирпича, изъ котораго она сложена, чтобы вывести заключеніе о ея недавнемъ происхожденіи. Судя по кирпичу (не татарскаго, а новаго русскаго размѣра), ее можно отнести къ постройкамъ не позднѣе XVII столѣтія. Но если бы даже считать этотъ памятникъ татарскимъ сооруженіемъ XV вѣка, то форма кирпича и способъ кладки доказывали бы только, что между болгарскимъ и казанскимъ строительнымъ искусствомъ не было ни малѣйшаго сходства.

Покончивъ со столпами, теперь перейдемъ къ описанію слѣдующихъ болгарскихъ зданій. Прежде всего скажемъ о такъ называемой *Бѣлой палатѣ*, въ настоящее время уже не существующей. Первое описаніе ея, какъ и всѣхъ болгарскихъ памятниковъ, относится къ 1712 году. Въ описи этого года она изображается такъ: «Палата крестообразная, мѣрою пять саженъ въ той палатѣ въ глубину 8 ходовъ, выкладены камнемъ, а сколь тѣ ходы глубоки и какое тамъ (въ подвалѣ) строеніе, того за утѣсненіемъ проходовъ усмотрѣть невозможно. Въ той же палатѣ въ стѣнахъ 4 окна круглыхъ, да сверху свода окно круглое-жъ. Да въ углахъ той же палаты 4 палаты, мѣрою длины и ширины по сажени съ аршиномъ; въ томъ числѣ въ дву палатахъ въ глубину ходъ, да во всѣхъ тѣхъ палатахъ вверху сводовъ по одному окну круглыхъ. Да съ дву сторонъ большой палаты двѣ палаты ветхихъ, длиною по три сажени съ аршиномъ, шириною по сажени съ аршиномъ; у той-же палаты въ сторонахъ двѣ палаты ветхи и своды обвалились; палата четыреугольная мѣрою длины и ширины по три сажени съ полуаршиномъ, входъ въ одни двери, въ ней два окна четвероугольныя, да вверху свода окно большое круглое».

Болѣе подробное описаніе находится у Палласа (1768 г.). Онъ называетъ Бѣлую палату знатнымъ, нарочито крѣпкимъ строеніемъ, архитектура котораго достойна особеннаго примѣчанія. Вотъ ея описаніе: «сѣверная, узкая часть или сѣни, на сдѣланномъ изъ известковыхъ плитъ фундаментѣ, складены изъ большихъ татарскихъ кирпичей, и изъ нихъ же и верхушки всего строенія сдѣланы. Въ оныя сѣни ходъ съ восточной стороны, и въ боковыхъ стѣнахъ много окошечекъ. Помянутыя сѣни раздѣляетъ поперечная стѣна на четыреугольную переднюю и на другую продолговатую комнату. Изъ сей послѣдней входятъ въ главное строеніе, въ которое кромѣ сего нѣтъ никакого другого хода. Все строеніе (не считая передъ симъ описанной сѣверной части), выключая верхушки, складено изъ отесанныхъ камней, которые длиною почти въ аршинъ, шириною болѣе полуаршина, а толщиною въ пядень. Самое большое мѣсто раздѣлено простирающимися отъ складеннаго изъ толстыхъ плитъ фундамента до самаго свода стѣнами на че-

тыре особливыя угольныя комнаты, между которыми находится ходъ накрестъ. Въ сей ходъ проходитъ свѣтъ сквозь большой сводомъ сдѣланный куполъ, въ срединѣ котораго есть осьмиугольное отверстіе, и еще на каждой сторонѣ по малому окошку. Около сего большаго купола стоятъ такіе же четыре малые надъ угольными комнатами; у каждаго изъ нихъ находится въ срединѣ осьмиугольное отверстіе, посредствомъ котораго проходитъ свѣтъ въ комнаты. Внутри оныхъ (куполовъ) сдѣланы круглопродолговатыя лунки съ фигурами штукатурной работы, такія же видны и въ среднемъ куполѣ. Угольныя комнаты точно четвероугольны, а особливаго вниманія достойно то, что двери въ оныя сдѣланы не въ боковыхъ стѣнахъ, но въ томъ самомъ углу, который выдался въ среднемъ ходу. Къ южному концу сего главнаго строенія придѣланы три комнаты, изъ коихъ въ восточную и самую малую нѣтъ никакого входа или отверстія, кромѣ пролома въ юго-восточную угольную комнату средняго зала. Въ среднюю ходятъ въ двери изъ сдѣланныхъ на крестъ переходовъ онаго зала; а западная комната, у которой задняя стѣна выдалась на сажень отъ главнаго строенія, не имѣетъ съ другими сообщенія, и есть въ оную особливый снаружи ходъ такой же, какъ сдѣланъ у находящейся въ Касимовѣ мечети при ханскомъ кладбищѣ. Подъ всѣмъ главнымъ строеніемъ простирается погребъ со сводами, подъ южною стѣною котораго сдѣланъ былъ, такъ какъ и въ Касимовѣ, ходъ въ землю. Но въ срединѣ подъ южною побочною комнатою сводъ обвалился и ходъ засыпанъ, такъ что я не могъ туда пройти и доволенъ былъ тѣмъ, что по находящемуся тамъ согнившему деревянному обрубу, гдѣ можетъ быть ставили тѣла усопшихъ, могъ я заключить, что оное мѣсто служило кладбищемъ»*).

Свиньинъ о Бѣлой Палатѣ говоритъ слѣдующее: «Еще замѣчательнѣе для любителя древности развалины огромнаго зданія, отсюда (отъ Черной Палаты) во ста саженяхъ къ полудню, называемаго жителями Бѣлою Палатой. Она около 12 саженъ въ длину**) и 3 въ вышину, подъ куполомъ, и принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя болѣе другихъ потерпѣли отъ времени съ тѣхъ поръ, какъ видѣли его наши академики. Кирпичная постройка, бывшая съ сѣверной стороны и заключавшая двѣ переднія комнаты, или сѣни, совершенно разрушилась; нынѣ остаются только два отдѣльные столба или полуарки. Правильность угловъ и гладкость стѣнъ изъ тесоваго камня замѣнилась неровностями и заросла терновникомъ. Отъ южной постройки остался одинъ фундаментъ; стѣна съ сей стороны обрушилась и образовала проломъ, чрезъ который внутренность развалинъ представ-

*) *Палласъ*, Путешествіе, ч. 1, изд. 1809 г. стр. 190.

**) *Примѣчаніе Свиньина*: «Во время путешествія академика Н. Я. Озерецковскаго она (Бѣлая Палата) была длиною 30, и шириною 7 саженъ». У Палласа длина Палаты показана 17 саженъ. Это измѣреніе надо считать наиболѣе вѣрнымъ.

ляется весьма живописно, такъ что сей пунктъ можно почитать лучшимъ для изображенія болгарскихъ развалинъ. При входѣ во внутренность главнаго зданія еще можно получить понятіе о первоначальномъ расположеніи онаго, но чрезвычайно трудно опредѣлить для какой цѣли воздвигнуто было сіе зданіе?... Внутренность храмины устроена правильнымъ *крестомъ*, образовавшимся въ большомъ квадратѣ изъ четвероугольныхъ отдѣленій по всѣмъ угламъ. Надъ срединою креста, составляющею самую большую залу, возвышается огромный куполъ, имѣющій въ срединѣ осьмиугольное отверстіе и два окошка по бокамъ; равно и каждое изъ угловыхъ отдѣленій покрыто было особымъ круглымъ сводомъ или куполомъ съ окошечкомъ на верху. Входъ въ зданіе съ сѣверной стороны чрезъ узкую дверь, находящуюся по срединѣ креста (?), четвероугольныя же отдѣленія сообщаются посредствомъ отверстій (дверей), сдѣланныхъ въ капитальной стѣнѣ, во внутреннихъ углахъ оной»*). Въ томъ-же видѣ Бѣлая палата представлена и въ атласѣ Шмита. Въ его время отъ сѣверной кирпичной пристройки оставалось только два столба, центральная часть имѣла еще своды, а отъ южной пристройки оставались полуобвалившіяся стѣны. Протяженіе центральной и южной части, по приложенному масштабу, показано въ 11 саженъ, что вполнѣ соотвѣтствуетъ плану Палласа.

Относительно сѣверной пристройки высказывалось мнѣніе, что она была выстроена позднѣе центральной и южной части. Основаніемъ къ такому мнѣнію служило то обстоятельство, что сѣверная часть сложена изъ кирпича, а остальныя части были облицованы тесанымъ камнемъ, какъ большая часть прочихъ болгарскихъ зданій. Не отрицая этого предположенія, мы должны, однако-же, замѣтить, что употребленіе кирпича не есть еще признакъ позднѣйшей эпохи. Этотъ строительный матеріалъ встрѣчается и на другихъ болгарскихъ постройкахъ, въ томъ числѣ и тѣхъ, которыя находились подъ горою, на берегу старой Камы, глубокая древность которыхъ едва ли подлежитъ сомнѣнію. Далѣе, мы знаемъ, что въ древней византійской архитектурѣ (IV—VI в.) восточный кирпичъ часто употреблялся одновременно съ каменною кладкою на одномъ и томъ-же зданіи. Тотъ-же принципъ иногда примѣнялся и въ древней русской архитектурѣ. По отношенію къ Бѣлой Палатѣ одновременность кирпичной и каменной кладки можно подтвердить слѣдующими признаками: 1) Въ центральной и южной части верхъ постройки и своды сдѣланы были не изъ камня, а изъ кирпича. 2) Сводъ сѣверной части былъ устроенъ по той-же системѣ, какъ и въ прочихъ помѣщеніяхъ, съ окномъ вверху свода (см. описаніе 1712 года). 3) На рисункѣ Палласа наружныя двери сѣверной пристройки, съ полукруглою аркою, облицованы тесанымъ камнемъ, а окна имѣютъ стрѣльчатую арку, что

*) Свиньинъ. Картины Россіи. Спб. 1839 г. стр. 199.

вполнѣ соотвѣтствуетъ типу прочихъ болгарскихъ построекъ. Эти признаки приводятъ къ мысли, что едва ли можно предполагать большую хронологическую разницу во времени постройки отдѣльныхъ частей описываемаго зданія. Я болѣе склоненъ объяснять кирпичный стиль сѣвернаго отдѣленія и другую форму его сводовъ тѣмъ, что это помѣщеніе предназначалось, какъ притворъ, для другихъ цѣлей, чѣмъ остальныя части зданія.

Изъ вышеприведенныхъ описаній видно, что Бѣлая палата имѣла подпольный этажъ, въ который былъ ходъ изнутри. Подробнаго описанія этого этажа мы не имѣли до 1888 года, когда были опубликованы изслѣдованія г. Казаринова, напечатанныя во второмъ выпускѣ VI тома Извѣстій Казанскаго археологическаго Общества. Изъ этого сообщенія оказывается, что подполье было устроено только подъ центральной (кресчатой) частію зданія и назначалось оно ни для чего другаго, какъ для *пневматическаго отопленія*. Для этой цѣли въ стѣнахъ была устроена цѣлая система жаровыхъ каналовъ для проведенія нагрѣтаго воздуха. Въ подпольѣ открыта и развалившаяся обширная печь въ $2^3/_4$ арш. въ діаметрѣ и въ $1^1/_2$ арш. въ вышину. Къ сожалѣнію, нельзя было опредѣлить въ подробностяхъ конструкцію этой печи и направленіе дымовыхъ ходовъ, такъ какъ стѣны зданія выше уровня земли нынѣ совершенно уничтожены. Описываемое г. Казариновымъ отопленіе не было исключительною особенностію Бѣлой палаты. «Подобные подпольные ходы и трубы, говоритъ авторъ, мнѣ встрѣчались и при другихъ раскопкахъ въ Болгарахъ, напр. на мѣстѣ, гдѣ предполагаютъ существовали «Ханскія палаты». Здѣсь также оказались подземные каналы, расходящіеся въ разныя стороны, и глиняныя трубы, заложенныя въ стѣнахъ, гдѣ горизонтально, гдѣ вертикально». Тоже найдено и въ развалинахъ Билярска. Крестьяне, разбиравшіе груды строительнаго мусора въ Билярскомъ городищѣ, находили въ остаткахъ старыхъ стѣнъ много подобныхъ ходовъ и вставленныхъ въ стѣнахъ по разнымъ направленіямъ трубъ (Казар. стр. 32). По словамъ нѣкоторыхъ крестьянъ, здѣсь-же оказывались и слѣды печей. «Открываемыя печи походили на наши русскія, но, по всѣмъ отзывамъ, были гораздо больше нашихъ; да еще удивляло крестьянъ то, что отъ нихъ (печей) расходились трубы по разнымъ направленіямъ» (Изв. общ. арх. ист. и этн. Каз. унив. т. III, 1880—1882 г., стр. 106).

Подобный способъ отопленія существовалъ у римлянъ, въ примѣненіи къ банямъ. Такъ напр. въ помпейскихъ термахъ устраивалось особое отдѣленіе—нагрѣвальня (hypocaustum), съ топкою внизу, изъ которой горячій воздухъ распространялся подъ полы банныхъ комнатъ, утвержденные на столбахъ вышиною въ два фута, и посредствомъ трубъ проводился вверхъ прямо въ бани. Въ частныхъ помпейскихъ домахъ не найдено ни печей, ни дымовыхъ трубъ (исключая пекарни): въ тепломъ климатѣ жилыя помѣ-

щенія нагрѣвались солнцемъ, а въ болѣе холодное время переносными печками, нагрѣваемыми древеснымъ углемъ. Въ средней и сѣверной Италіи, во времена имперіи, стали строить печи той-же системы, какъ и въ баняхъ, т. е. подъ поломъ, откуда нагрѣтый воздухъ проводился посредствомъ трубъ подъ полы и въ стѣны (Велишскій. Бытъ грековъ и римлянъ, стр. 65 и 130). Такимъ образомъ болгарская система отопленія публичныхъ зданій, повидимому, напоминаетъ римскую. На этомъ предположеніи я позволяю себѣ остановиться еще болѣе потому, что осматривая помпейскія пекарныя печи въ 1862 году, я нашелъ въ нихъ большое сходство съ нашей русской печью. Тоже самое чело съ полукруглою аркою и шесткомъ, та-же дымовая труба, идущая вертикально кверху *впереди чела*, тотъ-же подшестокъ, въ видѣ второй полукруглой арки ниже шестка, куда у насъ кладутъ ухваты и другія печныя орудія. Я помню, меня съ перваго раза поразило такое близкое сходство древнеримской печи съ настоящею русскою, и теперь думаю, что это совпаденіе едвали случайное. Если кухонная печь такъ долго сохранила у насъ свой первоначальный типъ, почему не допустить что и болѣе сложная система центральнаго (подвальнаго пневматическаго) отопленія могла сохраниться у болгаръ съ незапамятныхъ временъ, какъ общая съ римскою системою. Въ сѣверныхъ холодныхъ странахъ печное искусство должно цѣниться выше, и успѣхи, достигнутые въ этомъ отношеніи должны быть устойчивѣе, чѣмъ въ жаркихъ странахъ, гдѣ въ жизни народа печь играетъ второстепенную роль. Поэтому примѣненіе сложной системы центральнаго отопленія жилыхъ помѣщеній едва ли могло быть занесено въ Камскую Болгарію изъ южныхъ азіатскихъ областей. У турокъ такая система могла найти примѣненіе въ баняхъ, которыя не были ихъ собственнымъ изобрѣтеніемъ, а были заимствованы со всею обстановкою отъ византійцевъ, какъ достояніе классическаго міра.

Типъ кладки Бѣлой палаты не былъ опредѣленъ ни однимъ изъ видѣвшихъ ее писателей. Объ этомъ можно судить теперь только по догадкамъ. Принимая, однакоже, во вниманіе черты этаго зданія, сохраненныя въ описаніяхъ и рисункахъ, можно думать, что стѣны его были возведены по тому же способу, какой мы видимъ на сохранившихся болгарскихъ постройкахъ, т. е. толща стѣны была сложена изъ неправильныхъ камней, втиснутыхъ въ массу цемента, а снаружи была правильная облицовка изъ массивныхъ тесаныхъ камней. Это мы видимъ на рисункахъ Палласа и въ его сочиненіи. На рисункахъ Шмита облицовки стѣнъ уже не существуетъ, но остается находящійся подъ нею массивъ стѣнъ, подтверждающій, что онѣ были сложены не изъ сплошнаго тесанаго камня *).

*) Тоже самое доказываютъ и груды известковаго мусора отъ развалившихся стѣнъ палаты. Каменная облицовка клалась безъ цемента, насухо.

Слѣдовательно, рисунокъ Палласса относится къ рисунку Шмита также, какъ нынѣ существующія башни четырехугольника, съ сохранившеюся облицовкою, къ башнѣ съ ободраннымъ наружнымъ покровомъ. Всего любопытнѣе были-бы частныя описанія кирпичной кладки, особенно сводовъ и куполовъ, но, къ сожалѣнію, объ этомъ въ настоящее время нельзя сказать ничего положительнаго, такъ какъ въ прежнихъ сочиненіяхъ объ этомъ не упоминается, а въ существующихъ зданіяхъ не сохранилось къ тому никакой аналогіи *).

По внѣшнимъ архитектурнымъ признакамъ Бѣлая палата представляетъ собою общій типъ съ прочими болгарскими постройками. Онъ выражается въ слѣдующемъ: 1) облицовка стѣнъ тесанымъ камнемъ, 2) купольная форма покрытія всѣхъ помѣщеній, 3) существованіе въ центрѣ купола окна для верхняго освѣщенія, 4) существованіе подвальнаго этажа (Черная палата), 5) стрѣльчатая форма оконныхъ арокъ, 6) полуциркульная форма дверныхъ арокъ, 7) облицовка оконъ и дверей (косяковъ) массивнымъ тесанымъ камнемъ.

На рисункѣ Шмита Бѣлая палата представлена, между прочимъ, въ разрѣзѣ по центральной части. Здѣсь мы видимъ правильную сферическую форму главнаго купола, сложеннаго, по описанію Палласа, изъ кирпичей. Здѣсь же показана весьма стройная, полуциркульная, обширная арка, отдѣлявшая центральную часть креста отъ четырехъ вѣтвей его. Эти четыре арки, вмѣстѣ съ выступами стѣнъ угловыхъ комнатъ, изображавшими родъ пилоновъ, поддерживавшихъ обширный куполъ, должны были представлять очень стройный и красивый видъ. При такомъ устройствѣ центральная часть зданія напоминаетъ средину покрытаго куполомъ христіанскаго храма. Кромѣ центральнаго купола, надъ четырьмя угловыми комнатами также находились четыре сферическихъ купола меньшихъ размѣровъ, что въ общемъ придавало верхней части постройки форму нашихъ пятиглавыхъ церк-

*) Благодаря любезности профессора Казанскаго Университета Н. А. *Толмачева* мнѣ удалось получить размѣры кирпича Бѣлой Палаты, взятаго 17 іюля 1887 г. во время производившихся раскопокъ подземнаго (подвальнаго) этажа этого зданія. Кирпичъ оказывается двухъ сортовъ: квадратный, имѣющій длину и ширину 23 сант. а толщину 4 —4½ сант. и продолговатый, длиною 29 сант. шир. 15, при толщинѣ отъ 7½ до 9½ сант. Размѣръ перваго типа близко подходитъ къ размѣрамъ квадратнаго кирпича, находимаго во всѣхъ развалинахъ Поволжья и Семирѣченской области (см. стр. 124 о кирпичѣ), а продолговатый кирпичъ по типу соотвѣтствуетъ древнему Иссыкъ-Кульскому (ширина приблизительно равняется половинѣ длины), но вдвое толще послѣдняго. Какъ въ Болгарахъ, такъ и на Иссыкъ-Кулѣ встрѣчается одновременно квадратный и продолговатый кирпичъ. Вмѣстѣ со свѣдѣніями о кирпичѣ Бѣлой палаты, проф. Толмачевъ прислалъ мнѣ размѣры квадратнаго кирпича изъ городища *Увекъ*, близъ Саратова, взятые съ трехъ экземпляровъ его собственной коллекціи. Размѣры эти слѣдующіе: длина 21, 22 и 25½ сант., ширина тоже 21, 22 и 25½ сант., толщина 5, 4½ и 4 сант. Мы уже имѣли случай указать, что какъ квадратный, такъ и продолговатый кирпичъ подобныхъ размѣровъ встрѣчается также въ византійскихъ и древне-германскихъ постройкахъ, слѣдов. мнѣніе о татарскомъ его происхожденіи слѣдуетъ считать по меньшей мѣрѣ не доказаннымъ.

вей. Этотъ внѣшній намекъ заставляетъ насъ внимательнѣе отнестись къ конструктивной формѣ Бѣлой палаты и, въ частности, разсмотрѣть значеніе крестообразной формы внутренняго ея помѣщенія и характеръ ея куполовъ.

Изъ плана Бѣлой палаты видно*), что средняя ея часть представляетъ правильный четырехугольникъ, раздѣленный внутри восмью стѣнками, идущими отъ наружныхъ стѣнъ подъ прямымъ угломъ, по двѣ отъ каждаго угла, къ центру помѣщенія. По угламъ эти стѣнки образуютъ четыре замкнутыхъ комнатки, имѣющихъ дверь въ самомъ внутреннемъ углѣ сходящихся стѣнокъ, а свободное пространство вдоль и поперекъ палаты получаетъ форму равноконечнаго креста. Средина этого крестчатаго пространства покрыта центральнымъ куполомъ, а вѣтви его отдѣляются вверху высокими полукруглыми арками, на которыхъ покоится центральный куполъ. Эта крестчатая форма внутренняго расположенія Бѣлой палаты придаетъ ей сходство съ древнѣйшими христіанскими храмами.

Извѣстно, что въ первые вѣка христіанства церкви строились круглыя, восьмигранныя и въ формѣ креста, съ куполами, выведенными съ парусовъ, или прямо со стѣнъ. Крестчатая форма нерѣдко повторялась и въ позднѣйшее время, какъ наиболѣе соотвѣтствующая священному символу христіанства. Купольное покрытіе составляло неотъемлемую принадлежность храма, но форма купола развивалась постепенно. Въ древнѣйшихъ византійскихъ церквахъ онъ имѣлъ видъ шароваго сегмента, въ нижней части котораго прорѣзывались небольшія окна для верхняго освѣщенія (св. Софія въ Константинополѣ). Затѣмъ куполъ становится выше, изъ сегмента превращается въ полушаръ; окна находящіяся въ нижней его части, дѣлаются больше. Такимъ образомъ вытянутый куполъ съ окнами представляетъ зачатки барабана (церковь св. Виталія въ Равеннѣ). При дальнѣйшемъ развитіи, круглый или многогранный барабанъ совсѣмъ отдѣляется отъ купольнаго свода, какъ особая составная часть постройки, и куполъ помѣщается на немъ. Эта форма существуетъ до сихъ поръ.

Въ сохранившихся византійскихъ церквахъ крестчатой формы купольное покрытіе производилось такимъ образомъ. Два нефа равной высоты пересѣкаются между собою, образуя въ планѣ равноконечный крестъ. Надъ пересѣченіемъ поднимается главный куполъ, опирающійся на пилоны, помѣщенные по угламъ квадрата. Каждый конецъ креста также покрытъ подобнымъ же куполомъ, выведеннымъ на парусахъ. Такимъ образомъ получался пятиглавый храмъ. Въ иныхъ случаяхъ концы креста покрывались цилиндрическими сводами. Съ входной стороны храма всегда примыкала паперть, въ видѣ широкой поперечной крытой галлереи, или притвора. Типъ возведенія центральнаго купола на пилонахъ, равно какъ и форма барабана при-

*) См. прилож. чертежи. Табл. XI и XIV.

надлежитъ къ второму періоду византійскаго церковнаго зодчества, именно VI—X вѣку.

Примѣняя Бѣлую палату къ памятникамъ древняго византійскаго зодчества, можно усмотрѣть между ними слѣдующія сходныя черты: 1) Крестообразное расположеніе внутренняго помѣщенія, напоминающее христіанскій храмъ первыхъ вѣковъ. 2) Пять куполовъ, изъ нихъ средній возвышающійся надъ остальными, уподобляютъ Бѣлую палату пятиглавымъ соборамъ. 3) Существующія въ главномъ куполѣ боковыя окна и освѣщеніе изъ центра всѣхъ куполовъ напоминаютъ зачатокъ церковнаго барабана и принципъ верхняго освѣщенія, существовавшій въ древнихъ храмахъ. 4) Четыре угловыя комнатки Бѣлой палаты образовались вслѣдствіе конструктивной задачи придать внутренности храма кресчатую форму. Вмѣстѣ съ тѣмъ внутренніе углы образующихъ ихъ стѣнъ служили вмѣсто пилоновъ для поддержанія центральнаго купола. Такой строительный пріемъ указываетъ на древнѣйшую форму постройки, когда еще не знали пилоновъ. Впрочемъ, по такому именно плану устраивались церкви и въ болѣе позднее время. Такъ напр. въ атласѣ Султанова изображенъ планъ церкви св. Рипсины, въ Арменіи, въ которой главный куполъ помѣщается на выступахъ стѣнъ *). Вслѣдствіе этихъ выступовъ церковь, снаружи имѣющая форму четырехугольника, внутри получаетъ форму креста, а по угламъ образуются четыре отдѣльныхъ комнатки, скрытыя отъ глазъ зрителей. Изъ сравненія этого плана съ планомъ Бѣлой палаты видно, что типъ той и другой постройки совершенно одинаковъ, съ тою лишь разницею, что армянская церковь, какъ позднѣйшая, представляетъ болѣе совершенную архитектурную отдѣлку (закругленныя ниши въ стѣнахъ). 5) Сѣверная кирпичная пристройка могла имѣть значеніе притвора или паперти, т. е. отдѣленія для кающихся и оглашенныхъ. Назначеніе южной пристройки трудно опредѣлить: можетъ быть она предназначалась, какъ второй входъ въ церковь, для церковно-служителей, или для раздѣленія половъ молящихся, что въ древнемъ христіанствѣ могло имѣть мѣсто. Во всякомъ случаѣ, въ поперечныхъ стѣнахъ южной пристройки, по всей вѣроятности, были двери, не показанныя у Палласа. Онѣ могли быть впослѣдствіи либо задѣланы, когда зданіе получило другое назначеніе, либо были не замѣчены Палласомъ, такъ какъ стѣны этой пристройки въ его время находились уже въ полуразрушенномъ состояніи.

До сихъ поръ Бѣлую палату принимали то за баню, то за мечеть. Перваго мнѣнія держались Эрдманъ, Кафтанниковъ, Риттихъ и Шпилевскій, втораго—Палласъ и отчасти Березинъ. Березинъ замѣчаетъ, что для бани такая сложная и съ лѣпною работою постройка немного роскошна, потому

*) *Султановъ.* Исторія зодчества у народовъ древняго и новаго міра. С.-Петерб. 1883. Атласъ черт. 101, текстъ стр. 31.

онъ болѣе склоняется къ предположенію, что это была мечеть. Свиньинъ противъ этого замѣчаетъ, что мусульмане никогда не допустили-бы въ своей мечети формы креста, притомъ здѣсь нѣтъ никакихъ признаковъ минарета. Предположеніе о банѣ онъ опровергаетъ тѣмъ, что на полу крестчатой комнаты онъ замѣтилъ плиты съ надгробными надписями *). Далѣе Свиньинъ говоритъ: „Разныя церковныя вещи, въ томъ числѣ и упомянутый образъ (рипида), хотя и могли дать мысль, что въ зданіи семъ была *гречежая церковь*, но внимательное разсмотрѣніе сего зданія убѣждаетъ, что оно переходило, по обстоятельствамъ, изъ одного назначенія въ другое, при чемъ и дѣланы были разныя пристройки и поправки“ (стр. 261). Такимъ образомъ Свиньинъ высказываетъ первый намекъ, что Бѣлая палата могла быть христіанскою церковью, но самъ затемняетъ эту мысль, приравнивая далѣе это зданіе къ индійскимъ постройкамъ, описаннымъ и изображеннымъ въ путешествіяхъ Даніэля и Лянглеса. „Сходство стиля, говоритъ онъ, съ индійскимъ зодчествомъ примѣтно не только въ цѣломъ (зданіи), но и въ частяхъ онаго, напр. въ карнизѣ, оставшемся во внутренности одного изъ четвероугольныхъ отдѣленій“ **).

Безпристрастный наблюдатель, соображая архитектурные признаки Бѣлой палаты, долженъ согласиться съ тѣмъ, что ходячее мнѣніе о банѣ и мечети къ данному случаю, дѣйствительно, не примѣнимо. Оно могло явиться только на почвѣ ложнаго убѣжденія, будто-бы болгарскія постройки непремѣнно должно быть мусульманскаго происхожденія, а изъ общественыхъ зданій у мусульманъ нельзя было подыскать ничего подходящаго, да и не было ничего, кромѣ бань и мечетей. Выше мы неоднократно указывали, что на болгарскіе памятники нельзя смотрѣть такимъ узкимъ взглядомъ. Древность ихъ далеко восходитъ за мусульманскій періодъ, слѣдовательно и въ объясненіяхъ Бѣлой палаты невозможно ограничиваться арабскими или татарскими сравненіями. Я не вижу основанія, почему бы не остановиться на мысли, такъ нерѣшительно высказанной Свиньинымъ. Во всякомъ случаѣ мы имѣемъ гораздо больше данныхъ угадывать въ Бѣлой Палатѣ древнюю христіанскую церковь, чѣмъ мечеть или баню.

Причисляя развалины болгарскихъ зданій къ памятникамъ домусульманской эпохи, а Бѣлую Палату, въ частности, принимая за христіанскій храмъ, мы могли бы отнести эти постройки, судя по характеру купола, примѣрно, къ IV—V в. по Р. Х. Въ это время болгарское строительное искусство

*) Объ этомъ интересномъ фактѣ не упоминаетъ никто, кромѣ Свиньина. Что это были за надписи и дѣйствительно-ли онѣ существовали,—остается не разъясненнымъ.

**) Очень жаль, что г. Свиньинъ, помѣщая въ своемъ сочиненіи много хорошихъ рисунковъ, не оставилъ изображеній болгарскихъ построекъ и особенно ихъ орнаментики, въ то время уже исчезавшей. На лѣпныя украшенія Бѣлой палаты указываютъ и другіе авторы, но никто не описываетъ ихъ въ подробности.

должно было стоять въ связи съ древнимъ кавказскимъ зодчествомъ, такъ какъ поселенія болгаръ того времени распространялись вплоть до кавказскихъ горъ.

Черная или судная палата. Черная палата принадлежитъ къ числу немногихъ, уцѣлѣвшихъ до сего времени, зданій древняго Болгара. Благодаря ремонтировкѣ, произведенной въ 1884 году, она въ настоящее время имѣетъ видъ прочной постройки, хотя, надо сознаться, въ ущербъ археологическимъ требованіямъ. Не извѣстно, почему эта палата получила прозваніе черной. Мѣстные крестьяне, впрочемъ, называютъ ее *Судною палатою. Свиньинъ* описываетъ ее такимъ образомъ: „зданіе сіе о четырехъ ярусахъ, изъ коихъ каждый уменьшается вверхъ небольшимъ уступомъ, образующимъ снаружи родъ узкой террасы. Оно четвероугольное; при подошвѣ около 4 саженъ, а въ вышину до 6 саженъ; покрыто куполомъ, имѣющимъ въ срединѣ круглое окошко; прочіе ярусы отдѣлялись внутри деревянными полами или накатами, что замѣтно еще на стѣнахъ, покрытыхъ мѣстами толстою штукатуркою. Нижній этажъ имѣетъ одинъ входъ черезъ дверь съ полукруглою аркою. Кромѣ двери, въ этажъ сей не было никакого другого отверстія или свѣта, а потому можно полагать, что это (т. е. нижнее помѣщеніе) была темница. Съ наружной стороны видны примыкавшія стѣны низменнаго строенія, коимъ былъ обнесенъ вокругъ сей этажъ и которое, вѣроятно, служило галлереею для второго яруса. Зданіе сіе (т. е. одноэтажная пристройка), какъ видно, раздѣлялось: съ запада на три четырехъугольные покоя, съ юга по два, нѣсколько болѣе первыхъ, съ востока и сѣвера имѣло по одной длинной залѣ. Во второмъ этажѣ находится по полукруглой двери въ срединѣ (стѣны) и сверхъ того по два окошка съ южной и западной стороны. Третій ярусъ освѣщенъ только четырьмя окошками, устроенными надъ дверми втораго яруса и украшенными карнизомъ. Четвертый ярусъ, представлялъ видъ восмиугольника. Въ 50 шагахъ къ сѣверу замѣтны остатки фундамента стѣны, коею, вѣроятно, была окружена сія палата“ (стр. 198).

По словамъ *Палласа*, Черная палата была знатнѣе и обширнѣе прочихъ болгарскихъ зданій. Она находилась почти посрединѣ города и была окружена пристройками, коихъ основанія находятся вокругъ главнаго строенія, именно: „на восточной сторонѣ три малыя комнаты, на южной двѣ побольше и въ срединѣ отдѣленныя, а на западной сторонѣ одна длинная комната; при сѣверо-западномъ углѣ сей комнаты видно еще продолговатое четвероугольное основаніе, однимъ только угломъ до оной касающееся. Но на сѣверной сторонѣ главнаго строенія, на которой сдѣланъ входъ, не видно слѣдовъ побочныхъ комнатъ (часть I, стр. 189)“. Къ описанію Палласъ присоединяетъ снятый имъ рисунокъ Черной палаты, точную копію котораго мы помѣщаемъ здѣсь на табл. XII.

Въ описи 1712 г. тоже зданіе опредѣляется такъ: „Палата снизу четырехъугольная, мѣрою всѣ стѣны по три сажени безъ полуаршина,—знатно (замѣтно, видно) была о двухъ жильяхъ (этажахъ), съисподи входъ въ одни двери, въ верхнемъ жильѣ шестеры двери, вверху до сводовъ осьмигранная; въ той палатѣ оконъ: въ нижнемъ ярусѣ 4 окна четвероугольныя, въ верхнемъ ярусѣ 8 оконъ круглыхъ, вверху свода окно круглое. Кругъ тоя палаты придѣлы безъ сводовъ, ветхіе: съ одной стороны съ приходу отъ монастыря (съ сѣверо-востока) на правой сторонѣ два придѣла длины по 2 сажени, ширины по сажени, на лѣвой сторонѣ той же палаты одинъ придѣлъ длины 5 саженъ съ аршиномъ, поперегъ сажень съ аршиномъ“ *). Въ этомъ описаніи размѣры палаты опредѣлены неправильно: вмѣсто 4½ саж. они показаны въ три сажени безъ полуаршина.

У Лепехина размѣръ Черной палаты опредѣленъ: длина и ширина по 4½ сажени и вышина 6½ саженъ. Это измѣреніе по провѣркѣ въ 1885 году оказалось совершенно точнымъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что толщина стѣнъ въ нижнемъ ярусѣ 2½ аршина; характеръ кладки тотъ же самый, что въ Маломъ столпѣ, въ башняхъ и въ прочихъ болгарскихъ зданіяхъ. Изъ приведеннаго описанія видно, что начиная съ 1712 г. въ Черной палатѣ различали главное зданіе отъ окружавшихъ его придѣловъ. Первое представляло собою постройку въ четыре яруса, изъ коихъ первые три имѣли четырехъугольную форму, послѣдній восьмиугольную. Ярусы шли уступами, вслѣдствіе чего зданіе кверху дѣлалось уже и заканчивалось купольнымъ сводомъ съ круглымъ окномъ въ его центрѣ. Въ общемъ палата получала видъ какъ бы пирамиды. Что касается до периферической пристройки (придѣловъ), то изъ описанія трудно уяснить, какое она имѣла значеніе. Въ самомъ первомъ описаніи (1712 г.) она не представляла уже настоящихъ стѣнъ закрытаго помѣщенія, а лишь „ветхіе придѣлы безъ сводовъ“. Въ томъ же видѣ описываютъ эти пристройки Палласъ и Свиньинъ. На рисункѣ Палласа можно ясно видѣть, что это были остатки стѣнъ, идущихъ подъ прямымъ угломъ отъ стѣны главнаго зданія. Начинаясь отъ перваго уступа, они образуютъ родъ трехъугольниковъ и даютъ общее впечатлѣніе *контрафорсовъ*. Я полагаю, что они дѣйствительно были не что иное, какъ контрафорсы, служившіе вмѣстѣ съ тѣмъ устоями для лѣстницъ, ведущихъ во второй ярусъ. Этому вполнѣ соотвѣтствуетъ и расположеніе разсматриваемыхъ пристроекъ. Онѣ на рисункѣ Палласа показаны какъ разъ по сторонамъ дверей, ведущихъ во второй ярусъ палаты, а тѣ, которыя находятся по угламъ, исполняли назначеніе собственно контрафорсовъ (быковъ). Для многоэтажнаго массивнаго зданія подобная подпора была далеко не излишня, и въ древнихъ русскихъ постройкахъ она примѣнялась весьма часто.

*) Шпилевскій стр. 211.

Въ пользу моего мнѣнія говоритъ и то обстоятельство, что при ремонтировкѣ Черной Палаты въ 1884 году оказались признаки, доказывавшіе, что нижній ярусъ зданія былъ прежде облицованъ тесанымъ камнемъ, по расхищеніи котораго палата и часть ея фундамента остались какъ бы подточенными. Это и послужило главною причиною разрушенія стѣнъ, въ которыхъ послѣ 1827 года оказались широкія бреши, угрожавшія всему зданію паденіемъ (Сравни рисунки Палласа и Шмита на табл. XII и XIV). Во время Палласа эта облицовка еще существовала и зданіе имѣло свою первоначальную форму. Въ концѣ двадцатыхъ годовъ отъ каменной облицовки не оставалось уже никакого слѣда, вмѣстѣ съ тѣмъ исчезли контрафорсы, и Черная палата измѣнила свою внѣшнюю форму, какъ это видно изъ сравненія рисунка Палласа съ рисункомъ Шмита.

Присутствіе облицовки на наружныхъ стѣнахъ перваго яруса палаты можетъ служить доказательствомъ, что эта часть зданія не была закрыта периферическими пристройками. Слѣдовательно, о предполагаемыхъ здѣсь комнатахъ едва ли можетъ быть рѣчь, тѣмъ болѣе о покрытіи ихъ сводами. Объ этомъ авторы говорили только по догадкѣ, не зная, какъ объяснить существовавшіе каменные отростки, идущіе отъ наружныхъ стѣнъ и угловъ зданія.

Сколько было дверей во второмъ ярусѣ палаты, теперь трудно опредѣлить. Опись 1712 года ихъ насчитываетъ шестеры, что очевидно неправильно: за двери здѣсь приняты были также и окна. Свиньинъ говоритъ, что „во второмъ этажѣ находится по полукруглой двери въ срединѣ“, что, вѣроятно, надо понимать въ срединѣ каждой стѣны, или нѣкоторыхъ изъ четырехъ стѣнъ. На рисункѣ Палласа показаны двѣ двери, но, къ сожалѣнію, не опредѣлено, съ которой стороны снятъ былъ этотъ рисунокъ и существовали ли такія же двери на остальныхъ двухъ стѣнахъ. Судя по присутствію двухъ оконъ по сторонамъ двери на лѣвой стѣнѣ рисунка, можно думать, что здѣсь показана южная стѣна, а направо восточная. На рисункѣ Шмита фасадъ взятъ съ сѣверной стороны, а въ разрѣзѣ показана южная стѣна. Изъ сопоставленія этихъ рисунковъ можно заключить, что на сѣверной сторонѣ существовало по одной двери въ первый и во второй ярусъ, а на южной и восточной по одной двери во второмъ ярусѣ. Была ли дверь на западной сторонѣ, остается неизвѣстнымъ. Южная дверь у Шмита показана полуразрушенною, облицовки косяковъ и арки здѣсь уже не было. Въ сѣверныхъ дверяхъ въ первомъ этажѣ показана облицовка съ полуциркульною аркою, а во второмъ этажѣ арка обвалилась, но дверные косяки еще оставались. Дверныя арки во всѣхъ болгарскихъ зданіяхъ были полуциркульныя, а окна стрѣльчатыя. Въ 1884 году на южной и западной стѣнѣ зданія существовали громадныя бреши, вышиной болѣе трехъ саженъ, занимавшія первые два яруса. Чрезъ эти отверстія свободно про-

ходилъ въ Палату деревенскій скотъ, скрываясь здѣсь отъ лѣтняго зноя и непогоды. Ничѣмъ не укрѣпленныя стѣны проломовъ постепенно осыпались и зданію въ близкомъ будущемъ грозило полное разрушеніе, если бы Казанское археологическое Общество не приняло противъ этого нѣкоторыхъ мѣръ. Къ сожалѣнію, при ремонтировкѣ, произведенной лѣтомъ 1884 г. подъ руководствомъ архитектора г. Пашковскаго, имѣлось въ виду главнымъ образомъ возстановить прочность зданія, а не его древній архитектурный стиль. Причиною тому было частію недостатокъ денежныхъ средствъ, частію недостатокъ научнаго вниманія и опытнаго руководства.

Ремонтировка Черной Палаты состояла въ слѣдующемъ: 1) подточенныя стѣны перваго яруса, начиная съ фундамента, были укрѣплены новою кирпичною кладкою, при чемъ, однако же, стѣны возстановлены почти отвѣсными, а не настолько уширенными внизу, какъ было показано на рисункѣ Палласа. Каменной облицовки ихъ невозможно было возстановить, такъ какъ эта, слишкомъ дорогая, работа превышала средства Общества. Существовавшіе прежде контрафорсы также не были сдѣланы, вѣроятно, по той причинѣ, что Археологическое общество признавало ихъ побочными пристройками, не имѣвшими непосредственной связи съ конструкціею Черной палаты. 2) Упомянутые выше проломы въ восточной, южной и западной стѣнахъ задѣланы частію кирпичемъ, частію тѣмъ же каменнымъ мусоромъ, который находится по близости отъ разрушенныхъ старыхъ построекъ. При этомъ всѣ двери, существовавшія во второмъ ярусѣ, были задѣланы наглухо, а надъ окнами второго этажа, гдѣ были каменные стрѣльчатые косяки, выложены кирпичныя полуциркульныя арки. Такая же кирпичная арка сложена надъ входною дверью въ первый ярусъ. 3) Существовавшее въ центрѣ купола круглое окно, представлявшее весьма любопытную конструктивную особенность Черной палаты и не дававшее никакого повода къ ремонтировкѣ, безъ всякой причины задѣлано наглухо. Надъ этимъ задѣланнымъ отверстіемъ, снаружи, на вершинѣ купола, поставленъ, почему-то, круглый деревянный шаръ, которымъ вѣроятно разсчитывали украсить зданіе. 4) Вывѣтрившіяся наружныя стѣны зашпаклеваны глиной (или быть можетъ известковой штукатуркой) и выбѣлены известью, подъ которой теперь скрыты и признаки типа древней кладки зданія, и новыя его заплаты. Въ общемъ Черная палата, можетъ быть, получила достаточную прочность и устойчивость, но ея древній архитектурный стиль сильно пострадалъ отъ ремонтировки. Въ прежнемъ видѣ сохранился только верхній ярусъ и куполъ, за исключеніемъ задѣланнаго въ немъ круглаго окна. Что же касается до прочихъ ярусовъ, то они въ настоящее время не даютъ той картины, какая существовала еще не только во времена Палласа, но даже при Свиньинѣ и Шмитѣ. Наружный видъ палаты, благодаря отсутствію каменной облицовки

и устраненію характерной наклонной формы нижнихъ стѣнъ, потерялъ свою типическую красоту и величавость. Во второмъ ярусѣ теперь нѣтъ дверей, не говоря уже о ведшихъ когда-то къ нимъ наружныхъ крыльцахъ, утвержденныхъ на каменныхъ устояхъ и, можетъ быть, соединявшихся круговою галлереею, или широкимъ помостомъ. Эти двери, обдѣланныя красивыми косяками и арками изъ массивнаго тесанаго камня, и выходы на широкія крыльца всѣхъ четырехъ сторонъ, должны были придавать зданію особенную красоту и оригинальность. Нынѣ, когда ихъ нѣтъ, а равно нѣтъ и пола, отдѣлявшаго первый или подвальный ярусъ отъ послѣдующихъ, внутренность зданія получаетъ видъ какого-то каменнаго мѣшка, или глухой башни.

Надо полагать, что при первоначальномъ назначеніи верхніе три яруса Черной палаты составляли одно помѣщеніе, около 4½ саженъ вышины, увѣнчанное красивымъ куполомъ, освѣщавшимся сверху круглымъ окномъ, независимо отъ 8 оконъ верхняго яруса, 4 оконъ третьяго и двухъ или четырехъ второго яруса. Такимъ образомъ палата представляла одну общую залу, свѣтъ въ которую проводился главнымъ образомъ сверху, а входъ былъ черезъ наружныя крыльца въ широкія двери, находившіяся по срединѣ каждой стѣны второго яруса. Первый ярусъ, имѣвшій только однѣ двери, и притомъ узкія, имѣлъ значеніе подвальнаго этажа, не сообщавшагося съ главною залою. При такомъ устройствѣ зданіе, очевидно, предназначалось не для частнаго жилища, а для общественныхъ собраній. Былъ ли это храмъ, народное судилище, или мѣсто собранія народной думы (вѣче)— это рѣшить весьма трудно, но во всякомъ случаѣ это была не школа (медресэ) и не мечеть, какъ полагаютъ многіе авторы. Для школы оно слишкомъ хорошо и величественно, для мечети не подходитъ по своей формѣ и по количеству дверей.

Внутреннее помѣщеніе залы Черной Палаты было оштукатурено и украшено лѣпною работою. Слѣды штукатурки кое-гдѣ остались до сихъ поръ, но отъ украшеній сохранились такіе ничтожные обрывки, по которымъ невозможно воспроизвести древній типъ орнаментики. Въ разрѣзѣ у Шмита показаны на южной стѣнѣ нишки и карнизы между ярусами, а между окнами тонкія пилястры, но капители ихъ на рисункѣ выражены не ясно. При осмотрѣ мною палаты въ 1885 году кое-гдѣ по угламъ оставалась еще штукатурка, на которой видны тонкія вытянутыя колонки, но изъ этихъ остатковъ нельзя вынести никакого цѣльнаго впечатлѣнія. Наибольшая поверхность стѣнъ перваго и второго яруса залы были замѣнены новою кладкою, вслѣдствіе чего старая орнаментировка этихъ участковъ исчезла безъ слѣда, а въ верхнемъ ярусѣ большая часть штукатурки обвалилась.

На рисункахъ Шмита въ стрѣльчатыхъ окнахъ третьяго яруса палаты (второго яруса залы) надъ бывшими входными дверями (нынѣ задѣланными)

сѣверной и южной стѣны показанъ замѣчательный орнаментъ въ формѣ *креста*. Это изображеніе меня интересовало болѣе всего, какъ признакъ, могущій до извѣстной степени служить къ объясненію древняго значенія зданія. Къ моему огорченію, крестъ на южной стѣнѣ нынѣ совершенно уничтоженъ вмѣстѣ съ характерною аркою этого окна, задѣланнаго во время послѣдней ремонтировки. Второй крестъ, показанный у Шмита на передней, сѣверной стѣнѣ, сохранился. Онъ изображенъ на прорѣзи бѣлой пластинки, вставленной въ окно въ видѣ ширмы. Сквозная прорѣзь въ этой пластинкѣ, пальца въ три шириной, представляетъ собою форму равноконечнаго креста съ закругленными утолщеніями на концахъ каждой его вѣтви*). Въ настоящее время внутренніе края этой крестообразной прорѣзи по мѣстамъ осыпались, но тѣмъ не менѣе не трудно составить себѣ полное представленіе объ ея первоначальной формѣ. Мѣстные крестьяне давно обращали вниманіе на эту характерную орнаментацію, и лично мнѣ передавали, что поднятъ ее со словъ старожиловъ почти съ самаго основанія ихъ селенія. Такой же крестъ существовалъ до послѣдняго времени и въ окнѣ южной стѣны, какъ показано у Шмита и, по мнѣнію крестьянъ, онъ по формѣ и величинѣ своей вполнѣ соотвѣтствовалъ находящейся нынѣ въ ихъ церкви, такъ называемой, *„явленной иконѣ“*. Эта явленная икона есть та самая *рипида*, которую описалъ покойный Измаилъ Ивановичъ Срезневскій, относя ее къ XI столѣтію, или даже раньше**). По словамъ Срезневскаго она была найдена при распашкѣ земли въ полѣ, верстахъ въ двухъ отъ Успенской церкви, но крестьяне мнѣ передавали, что мѣсто ея нахожденія было именно между Черною и Бѣлою палатами. Рипида эта мѣдная, позолоченая, имѣетъ форму четырехконечнаго креста съ уширеніями на закругленныхъ концахъ. Въ промежуткахъ между вѣтвями креста, повидимому, прежде существовали лучеобразныя сіянія. На той и другой сторонѣ доски приклепано по пяти выпуклыхъ кружковъ, по $1\frac{1}{2}$ вершка въ діаметрѣ, такъ что одинъ занимаетъ средину креста, а четыре по концамъ его. На одной сторонѣ рипиды начертаны лики: въ срединѣ Спасителя, налѣво отъ него Пресвятой Дѣвы, направо Іоанна Предтечи, вверху архангела Михаила, внизу архангела Гавріила. На другой сторонѣ находятся такіе же нарѣзные лики: въ срединѣ св. Василій, направо Козьма, налѣво Даміанъ, вверху Кирилъ, внизу Никола. Судя по начертаніямъ буквъ этихъ надписей „можно думать, говоритъ Срезневскій, что эта рипида—произведеніе XII вѣка, или и болѣе раннее“. Судя по глазомѣрному сличенію, размѣры конечныхъ кружковъ этого обра-

*) На рисункѣ Шмита крестъ изображенъ не вполнѣ точно, безъ уширеній на концахъ и съ болѣе удлиненными продольными вѣтвями.

**) Труды четвертаго археолог. съѣзда, бывшаго въ Казани въ 1877 г. Томъ первый. Казань 1884 года отд. I, Общіе вопросы, страница 17.

за дѣйствительно очень близки съ соотвѣтствующими размѣрами концовъ крестовой прорѣзи окна, а равно и вся форма рипиды до извѣстной степени походитъ на фигуру прорѣзи. Я не хочу этимъ сказать, что то и другое изображеніе имѣютъ между собою дѣйствительную историческую связь; но во всякомъ случаѣ нельзя не обратить на это совпаденіе серьезнаго вниманія. Оно показываетъ, что на почвѣ городища Болгаръ существовало христіанство, а слѣдовательно могли существовать и христіанскіе храмы ранѣе XII вѣка.

Въ какое время могло быть сдѣлано въ окнахъ Черной Палаты изображеніе креста, на это трудно дать положительный отвѣтъ. Въ одномъ едвали можетъ быть сомнѣніе, что эти пластинки не могли относиться къ мусульманскому періоду, слѣдовательно, онѣ могли быть сдѣланы либо до X вѣка, либо въ самое новѣйшее время, напр. при основаніи въ Болгарахъ православнаго монастыря (въ XVIII в.). Ибо трудно допустить, чтобы зданіе съ крестами въ окнахъ могло быть выстроено христіанами въ центрѣ мусульманскаго города, и притомъ зданіе, служившее лучшимъ его украшеніемъ. Еще невѣроятнѣе было бы то предположеніе, чтобы мусульмане XI—XIV вѣка могли изобразить христіанскій крестъ въ окнахъ своей, какой бы то ни было, общественной постройки. Послѣ окончательнаго запустѣнія Болгаръ и до водворенія на мѣстѣ стараго городища новыхъ русскихъ поселенцевъ не можетъ быть и рѣчи о постановкѣ крестообразныхъ украшеній. Едва ли могли это сдѣлать и монастырскія власти въ XVIII в. Въ это время, какъ мы видѣли изъ описи 1712 г., Черная палата не имѣла никакого утилитарнаго примѣненія и не высказывалось мысли, чтобы и раньше она могла служить для какихъ либо христіанскихъ цѣлей. Въ описаніи Савенкова (XVIII в.) объ этой палатѣ сказано, что мѣстные татары не знаютъ, что это была за палата, „токмо признакомъ признаваютъ, что знатно была школа“. О бывшемъ примѣненіи ея къ монастырскимъ потребностямъ не упоминается ни въ одномъ документѣ; объ этомъ не сохранилось воспоминанія и у мѣстныхъ крестьянъ. Такимъ образомъ не оказывается никакого основанія къ предположенію о новѣйшей постановкѣ разсматриваемыхъ нами крестовъ. Поэтому позволительно остановиться на той гипотезѣ, что кресты въ окнахъ Черной палаты всего вѣроятнѣе существовали, если не со времени ея постройки, то, по крайней мѣрѣ, до водворенія въ Болгарахъ мусульманства, и въ такомъ случаѣ они могли бы указывать на не мусульманское происхожденіе самой постройки палаты.

Допуская гипотезу о древнемъ происхожденіи крестовыхъ орнаментовъ Черной Палаты, мы должны коснуться вопроса: могли ли эти изображенія сохраниться въ продолженіи такого длиннаго періода времени? При этомъ слѣдуетъ принять въ разсчетъ, что причиною ихъ разрушенія могли бы быть

либо механическія поврежденія, либо атмосферныя вліянія. Положеніе пластинокъ въ глубокой амбразурѣ окна защищало ихъ отъ того и другого. Каменная облицовка (косяки) этихъ оконъ была цѣла до тридцатыхъ годовъ текущаго столѣтія, а въ сѣверномъ окнѣ она сохраняется до сихъ поръ, слѣдовательно стѣны въ этихъ мѣстахъ не подвергались разрушенію. Далѣе, эти окна помѣщаются очень высоко отъ поверхности земли, или бывшаго пола, притомъ они имѣютъ небольшіе размѣры при очень толстой стѣнѣ. Пластинка находится почти по срединѣ амбразуры, вслѣдствіе чего ее не легко пробить даже нарочно брошеннымъ камнемъ. Такимъ образомъ при своемъ благопріятномъ положеніи она могла уцѣлѣть отъ механическаго разрушенія, хотя бы даже со времени постройки Черной Палаты. Что касается до атмосферныхъ вліяній, то они могли бы быть приняты въ разсчетъ въ томъ только случаѣ, если бы въ точности было извѣстно, изъ какого матеріала сдѣланы упомянутыя пластинки. Къ сожалѣнію, я затрудняюсь сказать объ этомъ что либо положительное, ибо видѣлъ пластинку только съ земли, на значительномъ разстояніи (лѣстницы подъ руками не было). Судя по наружному виду, она кажется вылита изъ гипса, но также можетъ быть, что это тонкая плита изъ бѣлаго полупрозрачнаго камня. Допуская даже первое предположеніе, я не могу отрицать, чтобы гипсовое издѣліе не могло просуществовать при данныхъ условіяхъ въ теченіи многихъ столѣтій. Мы знаемъ, что въ той же Черной Палатѣ штукатурка на стѣнахъ сохранялась до послѣднихъ десятилѣтій, и если она обваливалась, то скорѣе отъ разрушенія стѣнъ, чѣмъ отъ неблагопріятныхъ атмосферныхъ вліяній. То же самое мы видимъ на известковомъ цементѣ обнаженныхъ стѣнъ: скорѣе вываливаются камни, расшатанные попадающей въ углубленія между ними и замерзающей влагой, чѣмъ разсыпается связующій ихъ цементъ. Въ мусорѣ обвалившихся стѣнъ нерѣдко попадаются крупные куски штукатурки или цемента, которые весьма долго лежатъ на открытомъ воздухѣ и не разсыпаются, пока не будутъ разбиты какой либо механической силой. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ г. Адріановъ нашелъ въ одной изъ сибирскихъ курганныхъ могилъ гипсовыя маски, пролежавшія въ землѣ, во всякомъ случаѣ, болѣе тысячелѣтія и сохранившія такую свѣжесть, какъ будто-бы онѣ за нѣсколько дней вышли изъ мастерской. Въ окнахъ Черной Палаты пластинки находились въ лучшихъ условіяхъ: куполъ этого зданія все время былъ цѣлъ, а глубокія ниши оконъ еще болѣе защищали ихъ отъ дождя. Потому я не вижу ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что даже гипсовая, а не каменная пластинка могла сохраниться здѣсь въ продолженіи многихъ вѣковъ.

Башни четырехугольника или дѣтинца. На сѣверной сторонѣ бывшаго города, въ ста саженяхъ отъ береговаго яра, находятся развалины древней городской цитадели. Въ настоящее время онѣ представляютъ

собою четырехугольникъ, состоящій изъ остатковъ одихъ только угловыхъ башенъ, бывшія же между ними стѣны совершенно разрушены. Онѣ, повидимому, не существовали уже и въ прошломъ столѣтіи, или, покрайней мѣрѣ, отъ нихъ оставались только отдѣльныя полуразрушенныя части. Такъ, въ выписи 1712 года объ этомъ говорится: «да на томъ городничномъ мѣстѣ, въ окопѣ, гдѣ напредь сего былъ царевъ домъ, древняго каменнаго строенія по четыремъ угламъ четыре палаты круглыхъ, въ знакъ малаго городка, мѣрою палата отъ палаты по 18 саженъ, вышины тѣ палаты по $1^1/_2$ саж., а внутри тѣхъ палатъ, по однимъ стѣнамъ 13, а по другимъ 15 саженъ» *) *Лепехинъ* объ этомъ пишетъ такъ: «еще четыре большія башни, коимъ мѣра: первой въ окружности 7 саж. съ половиною, вышины 2 сажени, второй въ окружности 8 саж. съ половиною, вышины 2 саж., третьей въ окружности 12 саж., вышины 2 саж. съ полуаршиномъ, четвертой въ окружности 6 саж. съ половиною, вышины 1 сажень. Между оными башнями *развалившіяся двѣ стѣны*, длиною по 30 (вѣроятно по ошибкѣ поставлено вмѣсто 15 саж.), да другія двѣ по 11 саженъ. Столпу, отъ первой башни на одну сажень отстоящему, въ окружности по основанію 12 саж., вышины столько же **).

Въ описи подполковника *Савенкова* объ этомъ сказано: «въ первомъ замочномъ валу, въ маломъ окопѣ каменный замокъ; первая башня округлостію съ воиной стороны 11 саж. Вторая башня округлостію 9 саж., стѣна отъ второй башни до третьей 12 саженъ. Третья башня округлостію 8 саж. и 1 арш., отъ третьей башни до четвертой стѣна 11 саж. 1 арш. Четвертая башня окружностію 12 саж. Отъ четвертой до первой башни стѣна 13 саж. съ аршиномъ. Башнямъ и стѣнамъ высоты писать не возможно для того, что осыпались». У Савенкова счетъ башенъ, повидимому, начинается съ юго-западнаго угла. Мѣра окружности башенъ и протяженіе стѣнъ во всѣхъ трехъ описаніяхъ не сходятся между собой, что, вѣроятно, произошло отъ неточности измѣренія, либо отъ того, что за исходную точку мѣры взяты были не одни и тѣже пункты. При этомъ необходимо замѣтить, что точныя границы стѣнъ съ внутренней и наружной стороны въ настоящее время опредѣлить очень трудно, ибо онѣ представляютъ собою не что иное, какъ широкіе валы каменнаго мусора, во многихъ мѣстахъ обросшаго травой. Изъ того же мусора состоятъ многочисленныя неровности и бугры внутри четырехугольника и съ наружной стороны угловыхъ башенъ. Вся цитадель представляется въ настоящее время стоящею какъ бы на искусственномъ холмѣ, при чемъ трудно рѣшить, была ли эта насыпь сдѣлана при основаніи крѣпости, или она образовалась впослѣдствіи отъ разрушившихся построекъ.

*) Шишлевскій, стр. 201.

**) Лепехинъ, дневн. зап. пут. Ч. I, стр. 270.

По этой же причинѣ нельзя съ точностью опредѣлить высоту сохранившихся башенъ, имѣя поводъ предполагать, что часть ихъ основанія завалена мусоромъ.

Всѣ четыре башни имѣютъ круглую форму, въ діаметрѣ, по верхней площадкѣ, отъ 8 до 10 шаговъ. Наружныя стѣны ихъ, какъ упомянуто выше, облицованы массивными, отлично притесанными и выглаженными камнями, что придаетъ постройкѣ величественный и несокрушимый видъ. Внутри этой кольцеобразной облицовки все пространство заполнено неправильною каменною кладкою, съ громаднымъ количествомъ цемента, въ родѣ того, какъ объ этомъ было сказано при описаніи кладки Малаго столпа. Въ числѣ камней, изъ коихъ сложенъ внутренній массивъ башни, болѣе всего встрѣчаются крупные куски известняковъ, булыжника, известковаго туфа и глинистаго сланца, разнообразной формы. Вся эта масса неправильныхъ камней какъ бы втиснута въ неменьшую по объему массу цемента. Въ известковомъ цементѣ встрѣчается весьма много мелкихъ ракушекъ. Въ общемъ башни представляютъ нѣчто въ родѣ цѣльнаго круглаго монолита, около двухъ саженъ вышины отъ поверхности земли (насыпи). Верхнія площадки ихъ совершенно ровныя.

Въ томъ видѣ, какъ башни представляются въ настоящее время, онѣ съ большимъ правомъ могли бы носить названіе столповъ, потому что въ нихъ нѣтъ никакого полаго пространства. Но неизвѣстно, всегда-ли онѣ существовали въ такомъ размѣрѣ. Можно предполагать, что надъ нынѣшнимъ ихъ основаніемъ въ свое время была либо деревянная постройка (вежа), либо продолжались каменныя стѣны съ лѣстницею внутри, какъ въ столпахъ, или даже въ формѣ настоящей башни съ бойницами. Первое предположеніе, о деревянной вежѣ, мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ. На это указываетъ ровная, какъ бы срѣзанная, форма верхнихъ площадокъ, безъ карниза или пояска и безъ малѣйшихъ слѣдовъ разрушенія въ толщѣ стѣны.

О формѣ бывшихъ стѣнъ четырехугольника тоже нельзя вывести никакого заключенія, кромѣ того, что онѣ были каменныя и кладка ихъ, судя по мусору, была того же свойства и изъ того же матеріала, какъ и кладка башенъ. Выше было мною упомянуто, что на сѣверо-западной башнѣ въ 1885 г. каменная облицовка оказалась ободраною на высоту почти человѣческаго роста. По разсказамъ крестьянъ это было сдѣлано осенью 1884 г. Камни, будто бы, понадобились на предполагавшуюся въ этомъ году ремонтировку Черной палаты. Благодаря этому непростительному варварству, я имѣлъ случай убѣдиться: 1) что подъ облицовкою, на всей высотѣ зданія, каменная кладка сохраняетъ тотъ же самый характеръ, какъ въ Маломъ столпѣ и на верхней площадкѣ башни; 2), облицовочные камни вдавались въ стѣну, судя по оставшимся послѣ нихъ впадинамъ, (гнѣздамъ) не менѣе 8—10 вершковъ.

Назначеніе четырехугольника объяснялось различно. Обыкновенно его считаютъ замкомъ, внутри котораго стоялъ царскій домъ. У Савенкова онъ носитъ тоже названіе, но рядомъ съ этимъ прибавляется, что «по сказкѣ татарскаго языка абызовъ, это была соборная мусульманская мечеть». Свиньинъ *) въ книгѣ своей «Картины Россіи» заявляетъ, что «нѣтъ никакого сомнѣнія, что на семъ мѣстѣ былъ отдѣльный укрѣпленный замокъ, обнесенный толстыми стѣнами, кои по всѣмъ угламъ имѣютъ низкія башни» (стр. 193) **). Березинъ и Шпилевскій признаютъ четырехугольникъ и находившееся въ немъ зданіе за соборную мечеть.

Относительно существовавшаго внутри цитадели царскаго дворца въ настоящее время нельзя сказать ничего опредѣленнаго. Это зданіе уже въ началѣ прошлаго столѣтія, повидимому, представляло только слѣды разрушенныхъ стѣнъ. Въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, по словамъ Свиньина, отъ него оставался только фундаментъ, нынѣ же не остается никакихъ слѣдовъ, кромѣ груды мусора. Поэтому невозможно судить, была ли это постройка общаго съ прочими уцѣлѣвшими зданіями типа, или она представляла зданіе иного характера. Что же касается до угловыхъ башенъ, то едва-ли можно сомнѣваться, что онѣ не имѣли никакого отношенія къ мусульманству. Наружный видъ ихъ, равно какъ и всего четырехугольника, явственно носитъ характеръ укрѣпленнаго мѣста (замка или дѣтинца). Этому же значенію соотвѣтствуетъ и отношеніе его къ внутреннему или малому окопу. Мысль, что это была мечеть, основывается только на словахъ мѣстныхъ татаръ, но это слишкомъ слабое доказательство. Тѣже татары утверждаютъ, что весь четырехугольникъ прежде былъ покрытъ общимъ куполомъ, что нужно признать явной несообразностью. Куполъ имъ понадобился потому, что непокрытая мечеть въ нашемъ климатѣ—дѣло невозможное, а башни въ томъ видѣ, какъ онѣ существуютъ теперь, совсѣмъ не подходятъ къ молитвенному дому. Правда, Березинъ не затруднялся высказать такую гипотезу, что они служили для помѣщенія духовенства, или для украшенія;

*) Развалины гор. Булгара. Въ Отеч. Зап. 1824 г. № 48 и въ сборникѣ статей И. Свиньина „Картины Россіи“ Спб. 1839.

**) Объ описаніяхъ Свиньина слѣдуетъ замѣтить, что въ нихъ нерѣдко встрѣчаются большія неточности. Можетъ быть это произошло отъ того, что авторъ дѣлалъ свои замѣтки не на мѣстѣ, а впослѣдствіи, на память. Такъ, напримѣръ, о Маломъ столпѣ онъ говоритъ, что „отъ высоты его осталось не болѣе трехъ саженъ съ половиною“, а находящіяся около него палаты онъ размѣщаетъ неправильно (стр. 197). По отношенію къ четырехугольнику Свиньинъ смѣшиваетъ палатки съ башнями. Говоря, что стѣны его по угламъ имѣли низкія башни, онъ тутъ-же продолжаетъ: „двѣ изъ нихъ (т. е. башенъ) доселѣ еще довольно цѣлы: одна нѣкогда обращена была въ христіанскую церковь во имя Св. Николая Чудотворца, а другая служила монастырскимъ погребомъ“. Такимъ образомъ, границы четырехугольника онъ распространяетъ гораздо шире; угловыми башнями его считаетъ церковь Св. Николая и монастырскій погребъ, а башни собственно цитадели съ разрушенными ея стѣнами принимаетъ за фундаментъ царскаго дворца, что совсѣмъ несправедливо.

но чтобы задать себѣ такую мысль, нужно было доказать, что внутри башенъ было свободное пространство (чего въ нихъ нѣтъ), или другими словами, что надъ нынѣшнимъ ихъ основаніемъ существовали настоящія башни. Но для чего же тогда потребовалось бы выводить сплошную каменную кладку на высоту болѣе двухъ саженъ? Очевидно, башни предназначались не для жилья, а единственно для защиты отъ непріятеля. Каждая изъ нихъ напоминаетъ собою основаніе Холмской вежи, о которой мы уже говорили выше: «Вежа же среди города высока, якоже бити съ нея окрестъ града, подсздана (подстроена, приподнята) *каменіемъ* въ высоту 15 лакотъ». На такомъ высокомъ каменномъ столпѣ была выстроена Холмская вежа изъ дерева, въ родѣ каланчи, и у лѣтописца объяснена цѣль такой постройки: «якоже бити съ нея окрестъ града» т. е. обстрѣливать съ высоты окрестность. Такія сооруженія были обычны на Руси, и болгарскія башни четырехугольника, очевидно, служили для той же цѣли, имѣя наверху деревянныя вежи, защищавшія со всѣхъ сторонъ дѣтинецъ или самое сердце болгарской крѣпости. При такомъ значеніи башенъ и стѣнъ четырехугольника, стоявшее внутри его зданіе не могло быть ничѣмъ другимъ, какъ царскимъ домомъ и мѣстомъ, гдѣ хранились сокровища. По этому вдвойнѣ жаль, что отъ внутренней крѣпостной постройки не только не сохранилось стѣнъ, но нѣтъ даже описанія ихъ слѣдовъ. Царскій домъ, очевидно, былъ разрушенъ во время одного изъ непріятельскихъ штурмовъ, если только онъ не былъ деревяннымъ и не уничтоженъ пожаромъ. Послѣднее предположеніе нельзя считать невѣроятнымъ, потому что древніе Болгары, какъ славянское племя, предпочитали для частныхъ жилищъ деревянныя постройки, изъ камня же строили главнымъ образомъ общественныя монументальныя зданія, молитвенные дома и частію укрѣпленія. Для уясненія вопроса о царскомъ домѣ было-бы весьма полезно произвести внутри четырехугольника цитадели болѣе основательныя раскопки, которыя, можетъ быть, дали бы новыя данныя для болгарскихъ древностей вообще. До сего времени здѣсь производились иногда только частныя попытки къ такимъ раскопкамъ въ грудахъ строительнаго мусора, не проникавшія до коренной почвы и не захватывавшія всей площади четырехугольника.

Такъ называемыя палатки. Кромѣ вышеперечисленныхъ зданій, на Болгарскомъ городищѣ описывалось нѣсколько каменныхъ построекъ малаго размѣра, которыя крестьяне называютъ палатками. Въ прошломъ столѣтіи ихъ существовало не менѣе 5 или 6. Но нынче сохранилась, въ болѣе или менѣе цѣломъ видѣ, только одна, благодаря тому, что она до начала разрушенія была обращена въ православную церковь во имя Св. Николая Чудотворца и нѣкоторое время заботливо охранялась мѣстнымъ духовенствомъ. Кромѣ этой церкви, въ 1885 г. сохранялись остатки полуразрушенныхъ

стѣнъ еще двухъ палатокъ, съ провалившимися сводами, одна недалеко отъ Малаго столпа, другая съ сѣверной стороны четырехугольной цитадели. Судя по сохранившимся остаткамъ, чертежамъ и описаніямъ, всѣ эти зданія имѣли болѣе или менѣе однообразный типъ, подобно церкви Св. Николая. Размѣръ ихъ не превышалъ 4—5 саженъ въ длину и 3—4 саж. въ ширину, при высотѣ около 2—3 саженъ, считая вмѣстѣ съ куполомъ. Въ основаніи палатки имѣли четырехугольную форму, а въ верхней половинѣ восьмиугольную. Въ нихъ вела одна дверь, начинающаяся отъ самой поверхности земли. Косяки двери, какъ и во всѣхъ болгарскихъ зданіяхъ, состояли изъ массивныхъ отесанныхъ камней, вверху образующихъ полуциркульную арку. Полъ въ этихъ зданіяхъ, вѣроятно, былъ изъ каменной плиты, въ уровень съ землей, но его нигдѣ не сохранилось, такъ какъ эти плиты легче всего было выбрать и утилизировать. Освѣщались палатки небольшими окошечками, косяки которыхъ тоже были сдѣланы изъ вытесаныхъ камней, вверху образующихъ стрѣльчатую арку. Стѣны сложены по общему болгарскому типу, т. е. снаружи облицовка камнемъ, а внутри—частію изъ квадратнаго кирпича, но больше всего изъ различныхъ камней неправильной формы, связанныхъ цементомъ. Всѣ палатки были покрыты сводами. Въ бытность мою въ Болгарахъ въ 1885 г. купольный сводъ можно было видѣть только въ церкви св. Николая (въ остальныхъ палаткахъ онъ давно обрушился). По причинѣ восьмиугольности стѣнъ, пяты свода выведены съ угловыхъ парусовъ. Сводъ выложенъ на цементѣ не изъ кирпича, а изъ легкихъ известковыхъ ноздреватыхъ туфовъ, которые видны на неоштукатуренныхъ частяхъ свода. Форма свода совершенно правильная и довольно красивая, но въ настоящее время въ куполѣ оказывается нѣсколько трещинъ.

Церковь св. Николая была устроена въ одной изъ древнихъ палатокъ въ XVIII столѣтіи, едва ли не послѣ посѣщенія Болгаръ Петромъ Великимъ. Для этой цѣли нужно было сдѣлать нѣкоторыя приспособленія, именно: перенести дверь на западную сторону и пробить новыя окна въ восточной стѣнѣ. Они отличаются отъ старыхъ своей четырехугольной (а не стрѣльчатой) формою и тѣмъ, что косяки ихъ не обложены тесанымъ камнемъ, а выложены кирпичемъ. Мѣсто для одного окна было выбрано неудачно подъ самой сѣверо-восточной пятой свода, и это вѣроятно послужило причиною образовавшейся здѣсь трещины. Перемѣщеніе двери я предполагаю на томъ основаніи, что нынѣшняя дверь не имѣетъ полуциркульной арки, какая оказывается въ древнихъ дверяхъ всѣхъ болгарскихъ зданій, хотя косяки ея и состоятъ изъ массивныхъ тесаныхъ камней, вѣроятно, перенесенныхъ сюда отъ прежней двери. Можетъ быть вслѣдствіе предполагаемаго перемѣщенія дверей въ юго-западной части свода тоже образовалась трещина, а подъ нею, въ верхней части южной стѣны, подъ крышею, было ви-

ніе шапокъ, это прятаніе ихъ подъ мышку, это сидѣніе съ открытой головой передъ старшими, это присутствіе обоихъ половъ въ баняхъ, эти поклоны въ поясъ, повѣрье о молніи, березовый сокъ, питейный медъ, который сверхъ того называется *сычев*(ка), все это—неотъемлемыя принадлежности славянскаго племени". Таковы общіе выводы В. В. Григорьева, основанные на изученіи арабскихъ текстовъ. Я считаю излишнимъ распространяться о нихъ въ подробности, такъ какъ это можно найти въ цитированномъ сочиненіи автора, но укажу только еще на одну ссылку на арабскаго космографа *Демешки*. Когда онъ спрашивалъ у пилигримовъ, шедшихъ черезъ Багдадъ на поклоненіе въ Мекку—„что вы за народъ?" они отвѣчали ему: „мы булгары, а булгары суть смѣсь турокъ съ славянами" (стр. 99). Этотъ отвѣтъ вполнѣ выражалъ этнографическое понятіе о болгарскомъ народѣ того времени. Это была дѣйствительная смѣсь остатковъ болгарскихъ славянъ съ финнами и татарами, объединявшимися частію подъ вліяніемъ мусульманской религіи, но главнымъ образомъ, отъ быстро возраставшей численной и политической силы турецкаго элемента.

Впрочемъ, мусульманство, повидимому, больше прививалось къ тюркскимъ племенамъ, нежели къ финнамъ, составлявшимъ весьма значительную часть населенія Камской болгаріи. Чуваши (буртасы), черемисы, мордва, вотяки и башкиры, очевидно, оставались все время *язычниками*, какими они оказываются и въ XVI вѣкѣ, послѣ покоренія казанскаго царства. Если бы они были когда-либо мусульманами, не могли бы потерять этой религіи при владычествѣ татаръ. Язычество у нихъ имѣетъ глубокіе корни и отдаленную связь съ религіозными идеями передней Азіи. „Болѣе чѣмъ вѣроятно, замѣтилъ Сбоевъ, что у чувашей (и у другихъ финновъ болгарскаго царства) первоначально господствовалъ дуализмъ, можетъ быть, заимствованный либо отъ послѣдователей древней Зароастровой религіи, либо отъ сосѣднихъ хозаръ, исповѣдывавшихъ еврейскую, вѣроятно, не совсѣмъ чистую религію"*). Основываясь на вѣрованіяхъ теперешнихъ некрещеныхъ чувашей, Сбоевъ приходитъ къ заключенію, что въ древности ихъ вѣра была чище, но впослѣдствіи она *регрессировалась*, включивъ въ число боговъ не только силы природы, но множество разныхъ духовъ покровителей, добрыхъ и злыхъ. „Все это, говоритъ Сбоевъ, долженствуетъ служить доказательствомъ, что чуваши нѣкогда были не совсѣмъ недоступны образованію, что жизнь ихъ и дѣятельность были далеко значительнѣе той, какую влачатъ ихъ настоящіе потомки". Время, когда они исповѣдывали дуализмъ и были „не чужды образованія", должно совпадать не съ эпохою мусульманства, а съ предшествовавшимъ періодомъ, когда казанскіе инородцы входили въ составъ

*) *Сбоевъ.* Изслѣдованіе объ инородцахъ Казанской губерніи, ч. I. Казань 1845—50 г. (отдѣльный оттискъ изъ Казанскихъ „Губ. Вѣдомостей") стр. 143.

самостоятельнаго Болгарскаго царства*). Можно полагать, что въ это время и коренные болгары держались того же вѣроученія. Слѣды дуализма и боготворенія силъ природы мы видимъ въ язычествѣ и у русскихъ славянъ. Мадьяры, жившіе нѣкогда въ сосѣдствѣ съ Камской болгаріей, во время переселенія своего въ Паннонію (въ IX—X в.), по свидѣтельству арабскаго писателя Ибнъ-Дасты, были огнепоклонниками. Башкиры до половины прошлаго столѣтія, равно и киргизы, не были мусульманами. Такимъ образомъ, въ древней Болгаріи мусульманская религія далеко не была всеобщею, народною, особенно до времени нашествія татаръ. Можно предполагать, что даже и въ городахъ мусульманство не сразу пустило глубокіе корни, не смотря на то, что правители Болгаріи не только приняли эту религію, но и пропагандировали ее.

Въ большомъ торговомъ городѣ Болгарѣ, гдѣ жило много иностранцевъ разныхъ исповѣданій и гдѣ собственное населеніе страны не раздѣляло религіи правителей, неизбѣжно должна была существовать значительная доля вѣротерпимости. При такихъ условіяхъ легко могли быть занесены сюда и *сѣмена христіанства*, даже въ очень раннюю пору, именно со стороны Кавказа, гдѣ болгары, до переселенія своего за Дунай, были близки къ Сванетіи и Грузіи**). Кто знаетъ, можетъ быть, не этому ли сосѣдству обязаны Дунайскіе болгары тѣмъ, что у нихъ раньше, чѣмъ у прочихъ славянъ, зародилась склонность къ принятію христіанства, съ идеями котораго они могли познакомиться, будучи подготовлены, независимо отъ Византіи, еще на прежней своей родинѣ. Кто знаетъ, не потому ли и у насъ на Руси такъ глубоко почитаются Грузинскія святыни и такъ охотно воспроизводятся внѣшнія формы храмовъ, подобныхъ Сванетскимъ? Зародыши народныхъ чувствъ и склонностей часто лежатъ далеко за предѣлами исторіи, а документальное объясненіе историческихъ фактовъ не рѣдко принимаетъ ближайшій поводъ событій за единственную причину ихъ возникновенія. Можетъ быть и въ Камской болгаріи христіанство укоренилось бы раньше

*) Большинство чувашъ и другихъ инородцевъ Казанской губерніи обращены въ православіе только въ половинѣ прошлаго столѣтія; многіе изъ нихъ до сихъ поръ остаются язычниками, но ни тѣ, ни другіе никогда не были магометанами.

**) Начатки христіанства у черноморскихъ славянъ и волжскихъ болгаръ являются уже въ первыхъ вѣкахъ по Р. Х. (проповѣдь апостола Андрея и Римскаго епископа Климента). Со времени Константина Великаго на Таврическомъ полуостровѣ появляются уже христіанскіе храмы. Около того же времени христіанство распространяется у таврическихъ готовъ, а затѣмъ и у азовскихъ болгаръ (Керченскія катакомбы). Вскорѣ послѣ воцаренія Юстиніана I, а именно въ 528 г. князь Гунновъ *Гордасъ* лично отправляется къ императору для заключенія съ нимъ союза и для принятія св. крещенія. Юстиніанъ былъ его воспріемникомъ отъ купели и почтилъ его многими дарами (Д. И. *Иловайскій*, разысканія о началѣ Руси, изд. 2, стр. 233). Эти, хотя и отрывочные факты показываютъ, что сѣмена христіанства могли проникать къ Волжскимъ болгарамъ не только со стороны Кавказа, изъ Сванетіи, но также со стороны Боспора Киммерійскаго и Херсонеса Таврическаго.

магометанства, если бы не произошло коренныхъ этнографическихъ перемѣнъ въ народонаселеніи сѣвернаго Кавказа и Волги и если бы Камскіе болгары (городскія сословія) слишкомъ рано не подчинились вліянію быстро возраставшей арабской цивилизаціи. Вспомнимъ христіанство на Кавказѣ, въ Крыму, въ нынѣшней Азіатской Турціи, даже въ далекой Семирѣченской области (Несторіане). Если въ этихъ мѣстахъ, гдѣ оно достигало широкаго разцвѣта, оно было вытѣснено мусульманскою силою и почти забыто исторіей, то что же сказать о Камской болгаріи, гдѣ оно только что начало прививаться среди языческаго міра и не могло противустоять напору мусульманской волны. Естественно, что оно не оставило здѣсь никакихъ документальныхъ слѣдовъ, и воспоминаніе объ немъ можно возстановить только ощупью, при помощи 2 –3 гадательныхъ памятниковъ (Бѣлая и Греческая палаты и проч.). Въ Сванетіи, входившей въ составъ Восточной Римской имперіи, сохранился цѣлый рядъ замѣчательныхъ православныхъ церквей, но тѣмъ не менѣе не осталось объ нихъ никакихъ историческихъ книжныхъ воспоминаній; неизвѣстно даже какому народу они принадлежали. Тѣмъ болѣе нельзя ожидать документальныхъ разъясненій о христіанствѣ въ городѣ Болгарѣ, о которомъ (городѣ) первыя свѣдѣнія являются только въ X вѣкѣ и притомъ у мусульманскаго писателя.

Со времени основанія Русскаго государства Камскіе болгары уже не причислялись къ семьѣ славянскихъ народностей. Объ ихъ происхожденіи составилась такая легенда: Болгары и Хвалисы ведутъ свой родъ «*отъ дщерей Лотовыхъ, яже зачаста отъ отца своего,—тѣмъ же нечисто племя ихъ*». Въ такой не лестной аттестаціи сказывается взглядъ нашихъ старыхъ книжниковъ на совершавшіяся въ Болгарахъ помѣси съ разноплеменными народностями. Таковы болгары и были на самомъ дѣлѣ. Они все время жили въ близкомъ сосѣдствѣ съ финскими и татарскими племенами, и это не могло не отразиться на ихъ крови и на ихъ этнографическихъ свойствахъ. Во время пребыванія на Камѣ и Волгѣ они не столько тяготѣли къ западному славянству, сколько къ Персіи и Азіи вообще. Поэтому естественно, что для западныхъ славянъ они казались чужимъ народомъ, не смотря на то, что происходили отъ одного съ ними корня.

Въ русскихъ лѣтописяхъ Камскіе Болгары, какъ мусульмане, нарицаются то агарянами, или сарацинами, то бесерменами, или татарами, безъ различія національностей. Поэтому лѣтописныя свѣдѣнія для насъ могутъ имѣть значеніе не въ смыслѣ опредѣленія народности болгаръ, а только примѣнительно къ частнымъ событіямъ. Такъ напр. въ Никоновской лѣтописи подъ 990 г. (6498) упоминается о посылкѣ въ Болгары Вел. Кн. Владиміромъ философа *Марка Македонянина* для проповѣди слова Божія, «да вѣруютъ въ Господа и Спаса нашего Іисуса Христа, и да крестятся божественнымъ Его крещеніемъ,

и съ нами единовѣрніи и единосвѣтни будутъ». «Филосовъ же иде въ Болгары, и много глаголавъ имъ слово Божіе; они же безуміемъ своимъ объюродѣша»*). Тѣмъ не менѣе миссія Марка Македонянина не осталась совсѣмъ безплодной. «Того же лѣта пріидоша изъ Болгаръ къ Володиміру въ Кіевъ *четыре князя и просвѣтившася божественнымъ крещеніемъ*».

О существованіи христіанъ въ Камской болгаріи упоминается въ лѣтописяхъ еще подъ 1239 г. по поводу мученической кончины нѣкоего *Авраамія*, богатаго купца въ *Великомъ городѣ***). Мусульмане пытались принудить его отречься отъ христіанской религіи; «онъ же не покорися, но вся оставивъ, изволи паче умрети за Христа, и тако усѣченъ бысть мѣсяца апрѣля въ 1 день. Христіанамъ (по другимъ спискамъ *Русь-Хрестьяне*) вземшемъ тѣло его и положиша во гробѣ на мѣстѣ, идѣже и прочихъ христіянъ погребаху въ земли Болгарстей»***). Приведенные изъ лѣтописей два факта показываютъ, что въ Камской болгаріи, даже послѣ введенія ислама, жили также и христіане. Они имѣли здѣсь свои кладбища, весьма вѣроятно, имѣли и молитвенные дома или церкви. Правда, лѣтописи не подтверждаютъ послѣдняго предположенія, но оно является логическимъ выводомъ изъ факта присутствія христіанъ, и по аналогіи съ городомъ Можарами, гдѣ, какъ мы видѣли, христіанскіе храмы тоже существовали (см. стр. 114).

Въ Болгарахъ въ XVIII в. указывались развалины одной христіанской церкви, подъ именемъ *Греческой палаты*. Она стояла за валомъ, по западную сторону, въ направленіи къ Волгѣ, въ разстояніи отъ вала на 67 саженъ (Лепехинъ). Въ записи 1712 г. эти развалины опредѣлены длиною въ 5 саж. съ аршиномъ и 3½ саж, ширины, при чемъ замѣчено: «знатно (видно), что та палата была напредь сего *церковью*, потому что около ея *многіе есть кладбищные каменья съ надписями*, а надписи походили на армянскія письма. Отъ той палаты *столпъ* небольшой, въ знакъ часовни, вышины 1½ сажени, кругомъ 3 сажени» (по Лепехину 4 сажени). Разстояніе палаты отъ столпа Лепехинъ опредѣляетъ въ 79 саженъ. Палласъ объ этихъ развалинахъ говоритъ: «за валомъ есть въ западной сторонѣ остатки знатнаго строенія, которое мужики, не знаю по какой причинѣ, называютъ *Греческою палатою*». Въ сочиненіи Кафтанникова передаются сообщенныя ему свѣдѣнія о посѣщеніи Греческой палаты Петромъ Великимъ †) въ такихъ выраженіяхъ: „Отъ большаго минарета (столпа) Петръ отправился къ

*) Полное собр. лѣтоп. т. IX, 1862 г. стр. 58–59.

**) Подъ *Великимъ городомъ* здѣсь можно разумѣть и Болгаръ, и *Биляръ*.

***) Полное собр. лѣтоп. т. VII, 1856 г., лѣтоп. по Воскресенскому списку, стр. 135.

†) Источники особыхъ подробныхъ свѣдѣній Кафтанникова объ этомъ событіи объяснены въ книгѣ С. М. Шпилевскаго (древн. города и проч.) на стр. 226, въ примѣч. Отсюда же мы беремъ выписку его текста.

развалинамъ, называемымъ *Греческою палатою* или *греческимъ монастыремъ*. Найдя эту палату совершенно уже разрушенною, распрашивалъ о прежнемъ ея фасадѣ, но не получивъ удовлетворительнаго отвѣта, *приказалъ* только *беречь эти остатки* въ воспоминаніе, что *нѣкогда христіане покланялись здѣсь Творцу міра*, и что прахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ тутъ покоится". Вмѣстѣ съ тѣмъ Петръ Великій приказалъ списать и перевести на русскій языкъ надписи надгробныхъ плитъ болгарскаго городища, какъ мусульманскихъ, такъ и христіанскихъ (армянскихъ). Эта предусмотрительная мѣра отчасти помогла сохраненію надписей, такъ какъ самые камни въ скоромъ времени исчезли. Значительная часть ихъ была употреблена вмѣсто бута при кладкѣ фундамента строившейся Успенской церкви; остальная часть растаскана крестьянами для разныхъ хозяйственныхъ надобностей. Снимковъ съ мусульманскихъ надписей сохранилось 47. Большинство изъ нихъ относятся къ XIII в. и къ первой половинѣ XIV в. Изъ армянскихъ (христіанскихъ) надписей сохранилось всего 4; онѣ относятся къ первой половинѣ XIV вѣка*).

Такимъ образомъ, сохранившееся о Греческой палатѣ преданіе, что она нѣкогда была христіанскою церковью, подтверждается надписями на могильныхъ плитахъ похороненныхъ здѣсь христіанъ. Надписи показываютъ, что церковь существовала здѣсь до половины XIV столѣтія, слѣдовательно, почти до времени окончательнаго разрушенія и запустѣнія Болгаръ; но когда и кѣмъ она была выстроена, на это, конечно, не имѣется никакихъ историческихъ указаній. Достаточно и тѣхъ фактовъ, что христіанство въ Болгарахъ имѣло своихъ представителей со времени вел. кн. Владиміра и что мусульманская среда не препятствовала ему имѣть здѣсь свои храмы.

Косвенный намекъ на существованіе въ Болгарахъ христіанскихъ элементовъ можно видѣть и въ томъ историческомъ фактѣ, что въ XII и въ первой половинѣ XIII столѣтія въ Суздальскій край приходили изъ Болгаръ мастера для построенія церквей, перенося на Русь новые типы церковнаго зодчества. Въ книгѣ С. М. Шпилевскаго по этому поводу приведена ссылка на Лаврентьевскую лѣтопись и на исторію Татищева (Древн. города, стр. 114). Въ лѣтописи сказано: «1230 г. Святославъ (Всеволодовичъ), князь въ Юрьевѣ, руши церковь св. Юрга каменную, также бѣ обетшала и поломалася, юже бѣ создалъ дѣдъ его Юрга». Татищевъ, передавая о разрушеніи и построеніи этой церкви, прибавляетъ, что *мастеръ былъ болгарскій*. Въ примѣчаніи Татищевъ говоритъ, что «церковь сія въ Юрьевѣ Польскомъ доднесь стоитъ, сдѣлана изъ *бѣлаго камени*, и вся рѣзана, на которой имя князя Святослава Гавріила, и той надписи разобрать не безъ

*) Болѣе подробный разборъ вопроса о болгарскихъ надписяхъ можно найти въ цитированной книгѣ С. М. Шпилевскаго, стр. 239—253.

труда. Сія есть, по ея древности и особой архитектурѣ, во всѣхъ русскихъ строеніяхъ изящнѣйшая*).

Новый церковно-строительный стиль, перенесенный въ Суздальскую область изъ Болгаріи, или черезъ Болгарію, очевидно, состоялъ въ подражаніи древнимъ Кавказскимъ храмамъ (см. выше стр. 109—111). Красивая облицовка наружныхъ стѣнъ тесанымъ камнемъ заимствована тоже изъ Болгаръ, откуда привозился и самый строительный матеріалъ. Знаменитая церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы, выстроенная вел. кн. Андреемъ Боголюбскимъ на устьѣ р. Нерли, сооружена по болгарскому способу и облицована такими же отлично обтесанными и выглаженными камнями, какіе употреблялись при постройкѣ почти всѣхъ болгарскихъ зданій. Въ житіи Андрея Боголюбскаго упоминается, что какъ Покровская церковь на Нерли, такъ и Успенскій соборъ во Владимірѣ были выстроены изъ камней, вывозимыхъ изъ Болгаръ**). Это было въ 1164 году***). Невозможно предположить, чтобы наши благочестивые князья при постройкѣ храмовъ Божіихъ могли обращаться къ помощи мусульманскихъ зодчихъ, или вообще заимствовать архитектурные образцы отъ народа, совершенно чуждаго христіанской религіи. Поэтому въ приведенныхъ фактахъ можно видѣть доказательство не одного только процвѣтанія строительнаго искусства въ древнихъ Болгарахъ, но и присутствія тамъ образцовъ христіанскаго зодчества, или, по крайней мѣрѣ, поклонниковъ христіанской религіи, особенно до времени покоренія Болгаръ татарами.

Уже въ первыхъ лѣтописныхъ извѣстіяхъ исторія рисуетъ намъ Камскихъ Болгаръ народомъ болѣе богатымъ и культурнымъ, чѣмъ прочіе инородцы, сосѣдившіе съ Русью, и даже тѣ славянскія племена, которыя вошли въ составъ Русскаго государства. Извѣстное замѣчаніе Добрыни князю Владиміру (985 г.), что всѣ болгарскіе плѣнники носятъ сапоги, и потому трудно разсчитывать, чтобы этотъ народъ сдѣлался данникомъ Россіи, можетъ служить доказательствомъ благосостоянія Болгаръ въ концѣ X вѣка.

---

*) Татищевъ. Истор.-Россійская. Т. III, стр. 456 и примѣч. 635.

**) Каменоломни, гдѣ добывались камни для облицовки болгарскихъ зданій, по указанію Риттиха, находились вблизи села Сюкеева, въ 16 верстахъ выше Болгара по Волгѣ. Камень этотъ, отличной доброты и прочности, состоитъ изъ кремнекислаго доломита. Болгары, по словамъ Риттиха, что и я могу подтвердить личнымъ осмотромъ, доводили обтеску камней „до превосходной чистоты поскостей и граней“. Сложенные при облицовкѣ на сухо, эти камни даютъ ровный, плотный, едва замѣтный шовъ. Въ Суздальскую область они должны были доставляться водой, по Волгѣ, Окѣ и Клязьмѣ, на очень значительномъ разстояніи, притомъ вверхъ, противъ теченія, что еще болѣе затрудняло доставку. Камни, безъ сомнѣнія, доставлялись уже въ обработанномъ видѣ, такъ какъ тонкое каменотесное искусство во Владимірѣ и Суздалѣ въ то время едва ли было извѣстно. Можно даже высказать догадку, *не добывались ли эти камни изъ разрушенныхъ зданій* опустошеннаго княземъ Андреемъ *города Болгара*, такъ какъ о доставкѣ ихъ упоминается вслѣдъ за 1164 годомъ.

***) В. Доброхотовъ. Древній Боголюбовъ городъ. Москва. 1852. Стр. 70—71.

Трудно предположить, чтобы они достигли такого культурнаго развитія, благодаря арабскому просвѣщенію, 60 лѣтъ спустя послѣ принятія мусульманства (въ 922 г.). Очевидно, Болгары пріобрѣли сравнительно высокую степень гражданственности и развитія гораздо раньше, благодаря торговому и промышленному значенію своей страны и давнимъ сношеніямъ съ Персіей и Кавказомъ. Отсюда же, а не отъ арабовъ, пріобрѣли они и познанія въ строительномъ искусствѣ, особенно по сооруженію каменныхъ зданій, чѣмъ они, очевидно, славились на Руси; иначе Суздальскіе князья не обращались бы къ нимъ, какъ спеціалистамъ по этой части, и не заимствовали бы отъ нихъ строительныхъ образцовъ. Если это отмѣчается въ Русской исторіи подъ 1164 годомъ, то отсюда можно вывести заключеніе, что въ это время городъ Болгары уже имѣлъ большую часть тѣхъ каменныхъ построекъ, разбору которыхъ мы посвятили большую половину этой главы.

Годъ 1164 былъ роковымъ годомъ для города Болгара по случаю знаменитаго похода Вел. Кн. *Андрея Боголюбскаго*. Походъ этотъ въ Лаврентьевской лѣтописи описывается такимъ образомъ: «Иде Князь Андрей на Болгары съ сыномъ своимъ Изяславомъ, и съ братомъ своимъ Ярославомъ, и съ Муромскимъ княземъ Гюргемъ, и поможе имъ Богъ и святая Богородица на Болгары; самыхъ изсѣкоша множьство, а стягы ихъ поймаша и одва въ малѣ дружинѣ утече князь Болгарскый до *Великаго города*; князь же Ондрей воротися съ побѣдою, видѣвъ поганыя Болгары избиты, а свою дружину всю здраву...., и шедше взяша градъ ихъ славный *Брячимовъ*, а передн три городы ихъ пожгоша. Се же бысть чюдо новое святыя Богородицы Володимерское» *). Въ Степенной книгѣ, при передачѣ того же событія о взятіи четырехъ болгарскихъ городовъ и пятаго *Брячимова*, прибавлено: „и положи (кн. Андрей) землю ту пусту и прочая грады осади и повелѣ дань имати на нихъ».

Послѣ похода Андрея Боголюбскаго городъ Болгаръ заглохъ и опустѣлъ. Лѣтописи объ немъ не упоминаютъ съ 1164 по 1374 г. С. М. Шпилевскій причину этого молчанія лѣтописей объясняетъ тѣмъ, что съ 1164 г. Великимъ городомъ, или столицею Болгаріи сдѣлался *Билярскъ* (l. c. стр. 173), а разоренный и сожженный Болгаръ не имѣлъ уже никакого значенія и потому не привлекалъ вниманія лѣтописцевъ. Послѣ 1236 года, когда Билярскъ былъ разоренъ татарами и опустошенъ, городъ Болгаръ снова началъ оправляться, и въ 1399 г. онъ опять называется въ лѣтописяхъ *Великимъ городомъ*. Съ 1272 г. въ немъ появляются татарскіе надгробные памятники (ibid. стр. 123), а въ послѣдующія времена начинаютъ чеканить татарскую монету.

*) Полн. собр. лѣтоп., Т. I, 1846 г., стр. 150—151,

Во второй половинѣ XIV вѣка Золотая орда быстро клонится къ упадку. Раздираемая междуусобіями, она распадается на четыре части, каждая съ своимъ центромъ. Въ числѣ ихъ является и *Болгаро-Казанское царство*, какъ особая политическая единица, съ центромъ сначала въ городѣ Болгарѣ, потомъ въ Казани. Около половины XV в. Болгаръ окончательно погибъ и опустѣлъ; его мѣсто заняла *Новая Казань*, существовавшая въ качествѣ татарской столицы до 1552 года.

Такимъ образомъ въ исторіи Болгаръ мы должны различать нѣсколько періодовъ. Изъ нихъ самый продолжительный и цвѣтущій долженъ быть отнесенъ къ доисторической эпохѣ, когда Болгары разработывали мѣдныя руды и вели обширную торговлю съ Сибирью и Великою Пермью. Этотъ періодъ можно было бы назвать *славянскимъ*. Второй періодъ начинается съ введеніемъ мусульманства (съ 922 г.) и оканчивается 1164 годомъ, когда городъ Болгаръ былъ опустошенъ кн. Андреемъ Боголюбскимъ. Въ этотъ періодъ населеніе города имѣло смѣшанный характеръ, отчасти славянскій, отчасти инородческій (финно-татарскій). Благосостояніе города все еще было довольно значительное и торговля продолжалась, преимущественно съ Русью, съ Закавказскими краями, Сиріей и Персіей. Тяготѣніе Болгаръ въ это время было къ арабской культурѣ, потому этотъ періодъ можно было бы назвать *арабскимъ*. Имъ закончилось блестящее время древняго Болгара. Послѣ того, по меньшей мѣрѣ сотню лѣтъ, городъ Болгаръ оставался въ запустѣніи. Въ концѣ XIII или въ началѣ XIV в. онъ снова начинаетъ оживать, дѣлаясь средоточіемъ отдѣльнаго татарскаго царства. Этотъ періодъ можно назвать *татарскимъ*. Онъ продолжался не болѣе 100—150 л., послѣ чего центръ Болгаро-Казанскаго царства перешелъ въ городъ Казань, а Болгары окончательно запустѣли.

Соотвѣтственно этимъ періодамъ можно распредѣлить и болгарскіе археологическіе памятники. Къ первому изъ нихъ будутъ относиться всѣ предметы доисторической эпохи, находимые въ почвѣ городища, какъ-то: узорчатые черепки, глиняныя напрясла, костяныя стрѣлы, металлическія зеркала и разныя орудія и украшенія конца бронзоваго и начала желѣзнаго вѣка. Сюда же относятся и земляныя укрѣпленія городища. Всѣ эти древности не имѣютъ никакого отношенія ни къ арабской, ни къ татарской культурѣ, и могутъ быть названы *славянскими*. Ко второму періоду мы считали бы возможнымъ отнести нѣкоторую часть каменныхъ болгарскихъ руинъ, хотя многія изъ нихъ, напр. Столпы, Бѣлая и Черная палаты и зданія подъ горой, на берегу Старой Камы, могли быть сооружены гораздо раньше X вѣка. То не сомнѣнно, что при жизни Андрея Боголюбскаго Болгары уже славились своею каменно-строительною техникою и въ этомъ отношеніи служили для сѣверной Россіи того времени, покрайней мѣрѣ, для Суздальскаго княжества, образ-

цомъ и школою строительнаго искусства. Сами Болгары выучились этому не отъ арабскихъ мастеровъ, какъ обыкновенно думаютъ *), а усвоили пріемы каменныхъ построекъ еще въ доисторическое время, при сношеніяхъ съ Персіей и Кавказомъ. Принимая во вниманіе, что во второмъ періодѣ исторіи Болгаръ здѣсь было смѣшанное населеніе, въ томъ числѣ и древнее славянское, а мусульманская религія, принятая добровольно, не сразу сдѣлалась господствующей и допускала въ городѣ и странѣ значительную свободу вѣроисповѣданій, мы имѣемъ поводъ думать, что сохранившіяся до нашего времени каменныя зданія въ Болгарахъ не только могли быть выстроены не для мусульманскихъ цѣлей, но даже послѣ X вѣка могли сохранять свое прежнее назначеніе. Черная палата по конструкціи своей могла быть, напримѣръ, мѣстомъ тѣхъ или другихъ народныхъ собраній, а Бѣлая палата, какъ мы уже говорили, —христіанскою церковью. Въ такомъ городѣ, какъ Болгары, гдѣ сосредоточивалось разнообразное и разноплеменное торговое населеніе, зачатки христіанства могли быть перенесены съ Кавказа (изъ Абхазіи и Сванетіи) раньше появленія здѣсь мусульманскихъ проповѣдниковъ. Христіанская церковь могла существовать въ средѣ языческаго міра для группы мѣстныхъ христіанъ, изъ Болгаръ или изъ иностранныхъ купцовъ, на ряду съ капищами другихъ религій.

Если въ арабскомъ, сравнительно цвѣтущемъ, періодѣ исторіи Болгаръ мы видимъ въ числѣ древностей этого городища такое слабое выраженіе собственно арабской культуры, то отъ слѣдующаго періода мы уже не замѣчаемъ почти никакихъ наслоеній. Это объясняется съ одной стороны кратковременностью этого періода возрожденныхъ Болгаръ и тѣмъ, что городъ въ это время далеко уже не имѣлъ того значенія, какъ въ былыя времена, съ другой стороны татарское господство само по себѣ не могло внести въ болгарскую культуру ничего новаго и оригинальнаго. Татарское племя, какъ мы уже говорили выше, не одарено творческимъ талантомъ. Оно всегда пользовалось чужимъ культурнымъ достояніемъ, умѣло больше разрушать, чѣмъ созидать. Поэтому ни въ Болгарахъ, ни въ Казани татары не оставили ни одного прочнаго памятника, кромѣ нѣсколькихъ десятковъ надгробныхъ плитъ надъ могилами умершихъ.

Такимъ образомъ археологическое значеніе древняго города Болгара связывается не съ татарской эпохой и даже не съ арабскою культурой, а съ

*) Каменныя зданія въ Болгарахъ и въ древнихъ, давно исчезнувшихъ и забытыхъ городахъ по Волгѣ и сѣверному Кавказу были такъ многочисленны, что онѣ, очевидно, были построены не пришлыми рабочими и архитекторами, а мѣстными силами. Изъ иностранцевъ мусульманъ въ Болгарію пріѣзжали чаще всего купцы, иногда проповѣдники и ученые путешественники, но ни откуда не видно, чтобы приходили сюда изъ южныхъ странъ рабочіе каменотесы, кирпичники, или каменщики. Между тѣмъ эти ремесла требуютъ долговременнаго навыка, и онѣ обыкновенно укореняются въ мѣстномъ населеніи только путемъ продолжительнаго упражненія.

древне-болгарскою, т. е. славянскою народностью. Поэтому изученіе и охраненіе этихъ древностей для насъ важно не по куфическимъ или золотоордынскимъ монетамъ и могильнымъ татарскимъ надписямъ, а по сохранившимся здѣсь слѣдамъ славянскаго искусства и, можетъ быть, первымъ слѣдамъ христіанства. Съ этой точки зрѣнія смотрѣли на болгарскія развалины и царь Ѳедоръ Алексѣевичъ, и Петръ Великій, и казанскіе митрополиты, находя это историческое мѣсто «*весьма преславнымъ* и *прекраснымъ*», достойнымъ заботливаго охраненія и почитанія. Но, къ сожалѣнію, ученые нашего времени не поняли смысла этихъ древностей и сдѣлали ихъ предметомъ почитанія только для казанскихъ мусульманъ, при полномъ равнодушіи, или даже враждебномъ отношеніи къ нимъ мѣстныхъ крестьянъ села Успенскаго. При такой мусульманской точкѣ зрѣнія, единственные въ своемъ родѣ памятники болгарскаго искусства быстро разрушались и расхищались крестьянами, такъ что въ настоящее время отъ нихъ остаются лишь ничтожные слѣды, притомъ крайне обезображенные неумѣлой и небрежной ремонтировкой. Пройдетъ еще десятокъ, или нѣсколько десятковъ лѣтъ, и отъ знаменитой столицы Болгарскаго царства останется одно книжное воспоминаніе.

Замѣтка объ имени Болгаръ. Этимологическія разысканія въ области народныхъ и географическихъ именъ по справедливости считаются неблагодарнымъ и нерѣдко безплоднымъ трудомъ, именно потому, что здѣсь обыкновенно не оказывается твердой исходной точки. И въ самомъ дѣлѣ, кто можетъ угадать, какими мотивами руководился тотъ или другой народъ, избирая себѣ то или другое имя,—при какихъ условіяхъ и когда явилось это имя? Подобные вопросы весьма часто остаются неразрѣшенными даже для современниковъ; насколько же они должны быть трудны въ отношеніи къ такому народу, у котораго не вполнѣ опредѣлена даже національность.

Про имя Болгаръ мы знаемъ только, что оно существовало въ первые вѣка послѣ Р. Х. и было не общимъ племеннымъ, а мѣстнымъ, по всей вѣроятности, географическимъ. Далѣе, можно сказать, что имя это не было дано Болгарамъ иностранцами, а служило собственнымъ ихъ прозваніемъ, взятымъ съ ихъ собственнаго языка. На это указываетъ переносъ имени съ Волги за Дунай и сохраненіе его въ устахъ народа до сего времени.

Имя Болгаръ пытались объяснять весьма различно. Одни производили его отъ слова Волга*), но такое объясненіе признано несостоятельнымъ. И дѣйствительно, перемѣна основной начальной буквы В въ Б въ данномъ случаѣ была бы совершенно произвольна: ни современные Болгары не называютъ себя *Волгарями*, ни Волгу они не называютъ *Болгою*. Другіе, выходя изъ финно-татарской теоріи происхожденія Болгаръ, признаютъ это

*) Первый высказалъ такое объясненіе *Никифоръ Грегора* въ своей Византійской исторіи.

имя финно-турецкимъ. Этого мнѣнія держится большинство современныхъ писателей, въ числѣ ихъ преимущественно оріенталисты. «Слово *Булгаръ*, или по другому произношенію *Вуляръ*, какъ нельзя болѣе татарское», говоритъ В. В. Григорьевъ*). Тоже самое рѣшительно высказываетъ почтенный изслѣдователь славянскихъ древностей *Шафарикъ***). По его мнѣнію имя булгары составлено изъ двухъ словъ—*Бул* и *гары*, но что обозначали эти слова, онъ не объясняетъ. Равнымъ образомъ онъ не рѣшается сказать, въ какой формѣ употребляли это имя сами Болгары, такъ какъ западные писатели ихъ называютъ весьма различно, напр. *Bilcri*, *Bulari*, *Biliri*, *Burgari*, *Wurgari* и т. под. (стр. 273). Шафарикъ думаетъ, что нынѣшняя форма *Блгаре* един. ч. Блгаринъ, сербс. Бугаре, русск. Болгаре принята была отъ чужого урало-угорскаго народа и передѣлана на славянскій манеръ. Въ основѣ этого мнѣнія лежитъ убѣжденіе, что Болгары были иноплеменниками для славянъ и поэтому не могли носить имя съ славянскимъ словообразованіемъ. Имя ихъ должно быть аналогично со словами *Унгаръ*, *Мадьяръ*, *Хозаръ*. Покойный *Золотницкій*, много занимавшійся чувашскимъ и татарскимъ языками, окончаніе *аръ* въ именахъ народовъ производитъ отъ джагатайско-турецкаго *йёр*, татарскаго *јир* чуваш. *свирь*, башк. *зир*—земля, мѣстность, страна. Выходя изъ этой основы и руководясь предполагаемыми имъ законами татарско-финской фонетики, онъ отождествляетъ слово *Булгаръ* съ *Буларъ*, *Бійгеръ* и *Мургаръ*, что еще болѣе запутываетъ вопросъ***).

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что слово Болгаръ трудно поддается объясненію. Всѣ попытки дешифрировать его неизбѣжно сводятся къ вопросу о національности этого народа, а эта канва до сихъ поръ еще не прочна. Для ея укрѣпленія недостаточно приводимыхъ десятковъ собственныхъ именъ, взятыхъ, будто бы, изъ древняго болгарскаго языка; для этого требуется болѣе тщательное изученіе болгарскихъ археологическихъ памятниковъ, по которымъ можно удачнѣе воспроизвести обликъ древней болгарской культуры и народности. Ознакомленіе съ этими памятниками располагаетъ меня держаться не финско-татарской, а славянской теоріи. Поэтому я считаю позволительнымъ присоединить къ высказаннымъ разными авторами гипотезамъ по вопросу объ имени Болгаръ еще нѣкоторыя догадки. Не выдавая ихъ за строго научную находку, я хочу только показать этимъ, что имя Болгаръ также возможно производить и отъ арійскаго корня, какъ и отъ финскаго или татарскаго, т. е. что собственно въ имени этомъ нѣтъ еще неоспоримаго доказательства не славянства Болгаръ.

*) Россія и Азія, стр. 95.

**) Слав. древности, перев. Бодянскаго, т. II, кн. I, стр. 274.

***) Извѣстія Общ. арх. ист. и этногр. при Казанскомъ универс. Т. III, стр. 42.

Прежде всего желательно было бы выяснить, какая форма произношенія правильнѣе: русская—*Болгары*, или иностранная *Булгары*, На сторонѣ русской формы, по моему мнѣнію, находится то преимущество, что она существуетъ у народа, ближе всего стоящаго къ этому имени. Въ русскихъ лѣтописяхъ мы не встрѣчаемъ слова *Булгары*, *Булгаръ*, а постоянно—*Болгары*, *Болгаръ*. Едва ли можно думать, что эту звуковую форму мы заимствовали отъ южныхъ славянъ, ибо слово Болгаръ, безъ сомнѣнія, существовало на Руси раньше переселенія этого народа съ Камы или Волги за Дунай. Равнымъ образомъ едва ли вѣроятно, чтобы русскіе славяне, по законамъ своего языка, должны были извращать правильное произношеніе имени Булгаръ, если бы таковое существовало въ дѣйствительности; ибо русскій языкъ, весьма богатый звуковыми средствами, съ одинаковою легкостью могъ бы усвоить и татарское и славянское произношеніе. Если наши лѣтописи Мадьяръ называютъ Уграми, а большую часть финскихъ инородцевъ не тѣми именами, какими они (инородцы) зовутъ сами себя, то это происходитъ не отъ трудности воспроизвести на русскомъ языкѣ подлинное названіе, а отъ привычки давать чужимъ народамъ свои прозвища. Къ слову Болгары такая перемѣна имени относиться не можетъ, потому что это слово не было замѣнено другимъ, русскимъ, а взято изъ дѣйствительнаго имени народа, слѣдовательно, и должно было быть воспроизведено во всей звуковой точности. Поэтому вѣроятнѣе, что славянская форма *Болгаръ* правильнѣе, нежели татарская *Булгаръ*. Само собою разумѣется, что такое предположеніе получитъ силу въ томъ лишь случаѣ, когда будетъ доказано, что волжскіе Болгары происходили не отъ татарскаго, а отъ славянскаго рода, слѣдовательно не славяне должны были примѣнять это имя къ своему языку, а арабы и татары передѣлывать его на свой языкъ съ славянскаго.

Не маловажною точкою опоры для изыскателей болгарскихъ древностей служила болгарская нумизматика. На болгарскихъ монетахъ господствуетъ, какъ извѣстно, слово Булгаръ, а не Болгаръ; но это не можетъ быть доказательствомъ, что первое изъ этихъ словъ вѣрнѣе втораго. Монеты болгарскія чеканились исключительно въ тотъ періодъ времени, когда Камская болгарія была уже мусульманскою страной и жители ея были уже не тѣ Болгары, которые издревле населяли эту страну. При новомъ этнографическомъ составѣ названіе ея должно было произноситься по татарскому складу, что неизбѣжно должно было войти и въ нумизматику. Съ этого же времени появились арабскія повѣствованія о Болгарахъ. Въ нихъ также было воспроизведено это имя по складу восточныхъ языковъ.

Сами болгары произносятъ свое имя *Блъгаръ*, *Блъгары*. Этимологическій составъ этого слова могъ имѣть двоякое происхожденіе, смотря по тому, го-

родъ ли назывался по народу, или народъ по городу. Было возможно и то и другое. Если слово Блъгаръ первоначально было употреблено въ смыслѣ народа, то основу словообразованія въ немъ должны составлять первыя четыре буквы—*Блъг*, а послѣднія три (*аръ*) могутъ быть разсматриваемы какъ опредѣлительное окончаніе. Окончаніе именъ существительныхъ на *аръ* и *арь* есть древнѣйшая индоевропейская форма словообразованія. Въ родоначальномъ индо-европейскомъ языкѣ корень *аръ* имѣлъ слѣдующее значеніе:

1) *ar*—поднимать, возвышать, возбуждать, производить, заниматься чѣмъ либо (ремесломъ), отправлять что.

2) *ar*—достигать, равняться, доставать, попадать, найти кого или что, угодить.

Въ томъ и другомъ значеніи это слово существовало въ санскрит. языкѣ. Изъ него въ греческ. языкѣ произошло ὄρ, ὄρνυσι—возбуждать, производить,—латинск. *or-ior*, возвышаться, подниматься, всходить; сюда же относится санскрит. *ara*—готовъ (bereit), зендск. *ara*, *âra*—превосходный, отмѣнный, хорошій, греческ. ἄρ-ιστος. Въ связи съ существительнымъ, этою приставкою *аръ* опредѣлялось знаніе, способность, искусство, дѣйствіе. Такъ образовались санскрит. слова: *gnât-ar*, *j-nât-ar*—знатокъ, знающій человѣкъ, экспертъ, поручитель, порука, по славянски было-бы *знат-арь*.

Ghvât-ar, зват-арь, ватель.

Dât-ar, дат-арь, датель, даватель, дающій, гречес. δοτήρ.

Pakt-ar, пекарь, латин. *coct-or*, варитель.

Pât-ar, лат. *pot-or*, пьющій.

Mât-ar, ваятель, художникъ, творецъ, *мастеръ*.

Vaidt-ar, *vatt-ar*, *вѣд-арь*, тотъ кто знаетъ, видитъ, лат. *vis-or*.

Въ славянскомъ языкѣ по тому же принципу образовалось весьма много существительныхъ, обозначающихъ мастерство, знаніе, дѣйствіе, такъ напримѣръ: пах-арь, знах-арь, ток-арь, сто-ляръ, сле-сарь, рат-арь, вертоград-арь, глав-арь, *боч-аръ*, пек-арь, звон-арь, *гонч-аръ*, кол-арь (колесникъ), гусл-яръ и т. д.

Въ примѣненіи къ слову *Блъг-аръ* окончаніе *аръ* могло также обозначать свойство, искусство, способность, опредѣляемыя въ частности первою половиною слова—*блъг*. Труднѣе сказать, по отсутствію гласныхъ, что могло обозначать это послѣднее слово. Возможно, что оно имѣло здѣсь смыслъ *блага*, т. е. добра, имущества, достатка, счастія. При такомъ производствѣ *Блъг-аръ* соотвѣтствовало бы возможной формѣ *благарь*, *благарь*, т. е. человѣкъ, достигшій богатства, богатый, созидающій благо, богачъ, соотвѣтственно слову *боляръ*—большой человѣкъ, аристократъ—*боляр инъ*. Если имя Болгаръ первоначально имѣло географическій смыслъ, и отъ города или мѣстности было передано народу, то составъ его долженъ быть другой. Въ

этомъ случаѣ оно могло образоваться изъ *бол* и *гаръ* или гардъ, градъ. *Бол* соотвѣтствуетъ славянскому болій, велій, а *гар* санскритскому и персидскому *гари*—гора, русскому *у горъ*, *бу-горъ*. Слово гора въ русскомъ языкѣ, какъ извѣстно, обозначаетъ также яръ, или высокій берегъ рѣки. Въ такомъ смыслѣ *Бол-гаръ* могъ обозначать либо большія горы, либо высокій берегъ.

Если вмѣсто *гаръ* предположить первоначальную форму *гардъ*, то названіе могло соотвѣтствовать имени *Велеградъ* или *Болградъ*, т. е. Великій городъ. Такая форма не чужда древнеславянскому языку.

На которой бы изъ этихъ догадокъ мы не остановились, во всякомъ случаѣ онѣ болѣе соотвѣтствуютъ смыслу разбираемаго имени, нежели приведенныя выше объясненія изъ предполагаемыхъ угорско-татарскихъ корней. Не имѣя основанія сомнѣваться въ томъ, что собственно болгарская, а за нею и русская форма произношенія имени Болгаръ суть наиболѣе точныя, мы по этому самому должны признать, что финская и татарская теорія здѣсь менѣе всего примѣнима.

Послѣ всего сказаннаго въ послѣднихъ двухъ главахъ о близкомъ родствѣ великопермской, болгарской и сибирской культуры, о промышленныхъ и торговыхъ связяхъ между этими странами и о времени, когда велась и процвѣтала эта промышленность, намъ остается теперь сопоставить вышеприведенныя данныя съ историческими свѣдѣніями о народахъ заволжскихъ и зауральскихъ странъ. Народы эти, выступившіе на историческую сцену въ началѣ среднихъ вѣковъ, прозывались у европейскихъ писателей общимъ именемъ *гунновъ*. Время ихъ появленія въ Южной Россіи соотвѣтствуетъ не менѣе крупнымъ народнымъ передвиженіямъ и на восточной половинѣ нынѣшней Россійской имперіи. Какъ бы по пятамъ гунновъ слѣдуютъ отъ Алтайскихъ горъ къ Уралу и Волгѣ монголо-татарскія племена, которыхъ большинство историковъ склонны принимать за основную гуннскую народность. Татары и монголы, смѣнившіе въ сибирскихъ степяхъ древнее курганное населеніе, стали напирать на болгаръ и угровъ, которые въ свою очередь постепенно передвигались дальше на западъ, въ тѣже черноморскія и дунайскія страны,—Болгары къ VI—VII вѣка, Угры въ VIII—IX в. Точно по проторенному пути, съ востока на западъ, двигались въ продолженіи вѣковъ эти народныя волны, образуя попутно новыя царства. Это, дѣйствительно, великое переселеніе народовъ, длившееся, быть можетъ, цѣлыя столѣтія, завершилось въ XIII в. однороднымъ съ прежними событіемъ—нашествіемъ монголовъ и татаръ, имѣвшимъ мѣсто уже при дневномъ свѣтѣ всемірной исторіи. Сибирскія степи, такимъ образомъ, являются какъ бы въ спеціальной роли народнаго питомника, гдѣ выростали до могучей, но географически неустойчивой, численной силы разныя племена, точно по влеченію

рока устремлявшіяся потомъ на западныя государства для разрушенія, или обновленія дряхлѣющихъ цивилизацій. Начало этихъ народныхъ перемѣщеній кроется въ глубинѣ доисторическихъ вѣковъ (переселеніе арійцевъ, въ частности кельтовъ, германцевъ и части славянъ); но послѣ Р. Х. въ этомъ движеніи принимаютъ участіе только гуннскія племена и болгары, затѣмъ, позднѣе, угры и татары. Изъ нихъ первыя двѣ народности, по даннымъ археологіи и этнографіи, должны имѣть ближайшее отношеніе къ разсматриваемымъ нами болгарскимъ и сибирскимъ древностямъ, послѣднія же, какъ новѣйшія и хорошо извѣстныя, въ чертахъ своей жизни не представляютъ никакихъ признаковъ, которые роднили бы ихъ съ сибирскою археологіей. Поэтому мы остановимся только на вопросѣ о гуннахъ и болгарахъ.

О народности гунновъ и болгаръ, какъ извѣстно, существуютъ *двѣ теоріи*: одна *угро-татарская*, другая *славянская*. Первая разработывалась преимущественно нѣмецкими учеными, къ которымъ, вслѣдъ за Шафарикомъ, примкнули весьма многіе изъ западно-славянскихъ и русскихъ историковъ. Эта теорія до сихъ поръ считается господствующей, хотя далеко не убѣдительною. Славянская теорія въ первый разъ была высказана Юліемъ Ивановичемъ *Венелинымъ*, карпатороссомъ по происхожденію, врачемъ по образованію на медиц. факультетѣ Московскаго университета. Въ его сочиненіи «Древніе и нынѣшніе Болгаре» (Москва, 1829 года, 2 тома) развивается и доказывается та мысль, что гунны и болгаре составляли одну и туже народность и что тѣ и другіе были славянскаго племени. Не смотря на вѣскіе доводы, взглядъ Венелина казался въ то время слишкомъ неожиданнымъ и смѣлымъ. Первокласный авторитетъ въ лицѣ знаменитаго слависта Шафарика, отнесшагося къ книгѣ молодаго Венелина съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, на первыхъ же порахъ дискредитировалъ эту славянскую теорію гунно-болгаръ въ глазахъ современныхъ ученыхъ.

Мысль Венелина, однако же, не угасла и дала свой плодъ. Славянство болгаръ (дунайскихъ) было слишкомъ очевидно, а ходячій взглядъ на гунновъ, какъ на дикую азіатскую орду, проповѣдывался настолько односторонне, что эта тюрко-финская теорія должна была вызвать реакцію въ средѣ русскихъ историковъ. Къ числу такихъ лицъ, пользующихся заслуженной извѣстностью и авторитетомъ, принадлежатъ И. Е. *Забѣлинъ* и Д. И. *Иловайскій*, оба москвичи. Въ книгѣ Забѣлина*) подробно и основательно доказывается, что въ числѣ гуннскихъ племенъ были не только болгары, какъ думалъ Венелинъ, но главнымъ образомъ тѣ сѣверные славяне, которые впослѣдствіи вошли въ составъ Русскаго государства, объединившіеся подъ державнымъ скипетромъ Аттилы. Иловайскій, доказывавшій славянство болгаръ, въ первомъ изданіи своихъ „Розысканій“, не касался вопроса о народности

*) Исторія русской жизни, ч. I. Москва 1876 г. Стр. 318--383.

гунновъ, но впослѣдствіи, при тщательной и подробной разработкѣ историческихъ документовъ по этому вопросу, онъ высказался за славянство не только болгаръ, но и гунновъ, признавая тѣхъ и другихъ одною и тою же вѣтвію восточнаго славянскаго племени *).

Мы не будемъ здѣсь повторять ни историческихъ фактовъ, ни свидѣтельствъ римскихъ писателей, ни сопоставленій и разсужденій названныхъ русскихъ историковъ, подробно разсмотрѣвшихъ гуннскій вопросъ въ цитированныхъ выше сочиненіяхъ. Послѣ ознакомленія съ сибирскими и болгарскими древностями, я не могу не раздѣлять основныхъ взглядовъ Венелина, Забѣлина и Иловайскаго, не смотря на то, что въ научномъ мірѣ эти взгляды до сихъ поръ признаются немногими. Я основываю свое мнѣніе не на латинскихъ и греческихъ текстахъ, а на реальныхъ археологическихъ фактахъ, которые, смѣю думать, въ данномъ случаѣ говорятъ убѣдительнѣе, нежели комментаріи средневѣковыхъ писателей. Археологія намъ ясно рисуетъ почти полное тождество древне-сибирской, болгарской и вообще славянской культуры:—тѣже земляныя курганныя могилы, одинаковыя прибрежныя городища съ полукруглымъ очертаніемъ, нерѣдко двойныхъ и тройныхъ валовъ, туже керамику, тѣже орудія, украшенія и военное оружіе какъ по ту, такъ и по сю сторону Урала. Несомнѣнно, что въ той и другой половинѣ нынѣшней Россіи жилъ нѣкогда родственный народъ, процвѣтала одна и таже, сравнительно высокая, индустрія. Опредѣляемый по археологическимъ даннымъ обликъ этого народа отнюдь не похожъ ни на восточныхъ финновъ, ни на татаръ. Равнымъ образомъ, онъ не соотвѣтствуетъ древностямъ ни Галліи, ни Германіи. Кому же могли принадлежать эти безчисленныя рудныя копи, эти искусныя и своеобразныя подѣлки и отливки изъ бронзы, золота и серебра, эти бронзовые серпы и прочія орудія земледѣлія, плотничнаго и скорняжнаго ремесла, эти слѣды широкаго судоходства по рѣкамъ и осѣдлой жизни въ укрѣпленныхъ городкахъ? Только у однихъ славянъ въ ихъ начальной исторіи мы встрѣчаемъ продолженіе тѣхъ же привычекъ и того же искусства, какія видимъ въ древнемъ курганномъ царствѣ, только у нихъ, а не у финно-татарскихъ народовъ, тысячелѣтняя исторія подтвердила запасъ духовной энергіи, политической устойчивости и прочныхъ задатковъ соціальнаго прогресса. Ни финскія, ни татарскія племена не показали ничего подобнаго, за исключеніемъ небольшой части Мадьяръ, проявившихъ политическую живучесть только благодаря воспринятымъ ими славянскимъ основамъ, судя по даннымъ ихъ языка. Такимъ образомъ, мы можемъ утверждать съ полнымъ убѣжденіемъ, что сибирскія древности курганной эпохи суть слѣды древней славянской культуры, а по-

*) Разысканія о началѣ Руси. Изд. 2-е Москва 1882 г. Стр. 507.

тому вопросъ о народности гунновъ и болгаръ, на почвѣ археологическихъ фактовъ, не можетъ быть иначе рѣшенъ, какъ въ смыслѣ ихъ славянства.

Мы уже упоминали, что Венелинъ и Иловайскій отождествляютъ гунновъ съ болгарами, а Забѣлинъ видитъ въ нихъ все сѣверное славянство, случайно сплоченное подъ властію одного вождя. Тотъ и другой взглядъ собственно не представляютъ существенныхъ противорѣчій, если на гунновъ смотрѣть, какъ на коллективную народную силу. Въ этомъ смыслѣ не только восточныя и сѣверныя, но и западныя славянскія племена входили въ составъ гуннскаго ополченія. Но если подъ гуннами въ строгомъ смыслѣ разумѣть одно восточное племя, давшее своимъ вмѣшательствомъ перевѣсъ славянской стихіи надъ германскою, какъ это изображается у Іорнанда и другихъ писателей того времени, то, не отрицая ихъ (гунновъ) славянства, мы имѣли бы право относить это имя только къ волжскимъ или азовскимъ болгарамъ и къ тѣмъ славянскимъ поколѣніямъ, которыя передвинулись къ Волгѣ изъ сибирскихъ странъ передъ эпохою великаго переселенія народовъ, т. е. къ остаткамъ древняго курганнаго сибирскаго населенія.

Самое слово гунны, въ смыслѣ его происхожденія и значенія, до сихъ поръ остается неяснымъ. Во всякомъ случаѣ, едва ли это было общее имя народности, какъ мы теперь различаемъ славянъ, германцевъ, грековъ, финновъ и т. п., а вѣроятнѣе оно имѣло частное, видовое значеніе, обобщенное только западными писателями. По существу дѣла вопросъ здѣсь заключается не въ имени, а въ той вспомогательной силѣ, при помощи которой сѣверные славяне оттѣснили готовъ и временно сплотились въ одно славянское политическое тѣло. Такимъ объединяющимъ цементомъ едва ли могла служить финнская или монголо-татарская орда. Совсѣмъ другое значеніе въ данномъ случаѣ имѣло бы восточное славянство. Археологія рисуетъ его, сравнительно съ населеніемъ сѣверной Руси того времени, во всѣхъ отношеніяхъ передовымъ, наиболѣе богатымъ и культурнымъ народомъ. Таковы были волжскіе и камскіе болгары, такими же представляются намъ сибирскія племена курганной эпохи. Участіе такихъ помощниковъ въ борьбѣ между южными славянами и готами, естественно, должно было дать рѣшительный перевѣсъ славянству и сдѣлать объединенное славянское племя грознымъ для всей Европы. Подъ восточными славянами, иначе гуннами, я разумѣю здѣсь не однихъ болгаръ, составлявшихъ только часть цѣлаго, но и тѣ племена, которыя незадолго передъ тѣмъ занимали плодородныя равнины Западной Сибири. У византійскихъ историковъ они извѣстны подъ разными частными наименованіями: гунновъ утургуровъ, кутургуровъ, сарагуровъ, оногуровъ, альтціагуровъ, не считая савировъ, о которыхъ мы говорили выше (стр. 243). Что значатъ эти имена, гдѣ и изъ какихъ корней они образовались, это едва ли удастся разрѣшить когда либо. По окончанію *гу-*

ры или *гиры* можно было бы догадываться, что это были племена, жившія нѣкогда вблизи горъ, или пришедшія изъ-за горъ, въ данномъ случаѣ, можетъ быть, Уральскихъ или Алтайскихъ. Во всякомъ случаѣ складъ этихъ прозвищъ звучитъ не по европейски, а напоминаетъ азіатскій востокъ, слѣдовательно, говоритъ о выходцахъ изъ зауральскихъ странъ.

При этомъ нѣтъ необходимости предполагать, чтобы названныя племена перекочевали на Донъ и сѣверный Кавказъ (гдѣ указываютъ историки мѣсто ихъ жительства) одновременно съ нашествіемъ гунновъ. Переселенія могли совершаться постепенно, какъ мы уже говорили объ этомъ не однократно. И Камская Болгарія, и Великая Пермь, и Вятка имѣли давнія сношенія съ Сибирью; можетъ быть и населились онѣ благодаря этимъ сношеніямъ (см. стр. 216). Тоже самое разселеніе могло имѣть мѣсто и по отношенію къ южнымъ прикаспійскимъ и пріазовскимъ странамъ.

Спустя нѣкоторое время послѣ гуннскаго погрома, имена утургуровъ, кутургуровъ и др. исчезли, равно какъ и самое имя гунновъ. Но это отнюдь не доказываетъ, чтобы исчезли самыя народности, или отхлынули бы опять куда-то въ Азію. Въ Азіи тоже не сохранилось этихъ именъ. Поэтому естественнѣе всего предположить, что онѣ, какъ частныя, географическія, или родовыя прозванія, замѣнены другими, вслѣдствіе иной политической группировки народовъ. Тѣмъ не менѣе имя гунновъ у западныхъ писателей еще долго употреблялось какъ синонимъ имени славянъ, или, въ частности, болгаръ. Славянскія курганныя могилы въ нынѣшней Германіи до сихъ поръ называются могилами гунновъ (Hünen Graben). Настоящіе гунны или восточные славяне,—эти древніе савиры (сѣверяне), утургуры, кутургуры, сарагуры, вѣроятно, точно также продолжаютъ свое потомство въ составѣ населенія нынѣшней Россіи. При этомъ нѣтъ никакого повода включать въ гуннскую генеалогію ни мерю, ни мордву, ни черемисъ, ни башкиръ или угровъ, предполагаемыхъ предковъ нынѣшнихъ мадьяръ. Однѣ славянскія народности сѣверной Россіи, съ ихъ областными подраздѣленіями и разнообразными говорами, могутъ въ достаточной мѣрѣ служить современными представителями потомковъ гуннскихъ племенъ, или иначе древняго зауральскаго славянства.

Мы коснулись здѣсь вопроса о гуннахъ болѣе чѣмъ кратко. Для лицъ, не раздѣляющихъ славянской теоріи, этотъ взглядъ можетъ казаться голословнымъ, основаннымъ не столько на данныхъ науки, сколько на національномъ чувствѣ. Мы желали бы устранить отъ себя такой упрекъ, но для этого пришлось бы посвятить разбору гуннскаго вопроса особую обширную главу, что не входитъ въ планъ настоящаго сочиненія. Притомъ мы имѣемъ право предполагать, что безпристрастные читатели, интересующіеся этимъ вопросомъ, уже знакомы съ основными доказательствами какъ славянской, такъ и

угро-татарской теоріи, по историческимъ книгамъ и критическимъ статьямъ, посвященнымъ спеціально этому предмету. Если мы съ полнымъ убѣжденіемъ раздѣляемъ славянскую теорію, то высказываемъ это, конечно, не по чувству національнаго шовинизма, а по здравому разсужденію и сравнительному взвѣшиванію доказательствъ той и другой стороны, подкрѣпляемыхъ новыми археологическими данными. Для человѣка, ищущаго исторической правды, не должно быть ни самопрославленія, ни самоуничиженія. Та и другая крайность одинаково вредна для науки и не совмѣстна съ чувствомъ національнаго самосознанія.

Этимъ мы можемъ закончить общую, вступительную часть нашего сочиненія. Здѣсь мы хотѣли уяснить себѣ тѣ основанія, которыя даютъ намъ право разсматривать сибирскія древности въ связи съ общеславянскими. Прослѣдивъ въ краткомъ очеркѣ доисторическую судьбу славянства, начиная съ древнѣйшей арійской эпохи, мы намѣтили въ общихъ чертахъ пути и предѣлы распространенія этого племени и тѣ культурныя воздѣйствія, на которыхъ созидались первые устои славянской самобытности и цивилизаціи. Набросанная съ этою цѣлію археологическая канва съ перваго раза можетъ поразить чрезмѣрной обширностью географическихъ границъ и непривычной для многихъ глубиной источниковъ славянской самобытности. Со школьной скамьи насъ учили и заставляли учить, что въ ряду европейскихъ націй славянская и въ частности русская нація принадлежатъ къ наиболѣе юнымъ. Насъ ставили всегда въ хвостѣ Европы, идущими ощупью по ея стопамъ и потому признавали во всѣхъ отношеніяхъ менѣе самобытными и менѣе культурными. При такихъ взглядахъ, закрѣпленныхъ авторитетомъ науки, трудно было рѣшиться на розысканія археологическихъ слѣдовъ собственной славянской культуры, при томъ въ такихъ широкихъ географическихъ и хронологическихъ предѣлахъ, какъ на это намекаетъ археологія.

Между тѣмъ археологическіе факты осязательно выдвигаютъ этотъ вопросъ на иную точку зрѣнія. Поразительное сходство сибирскихъ, пермскихъ, болгарскихъ, великорусскихъ, южнославянскихъ и балтійско-славянскихъ доисторическихъ древностей ясно говоритъ за единство бытовыхъ началъ на всемъ этомъ обширномъ пространствѣ и за высокое, сравнительно, и оригинальное развитіе народной жизни въ отдаленныя доисторическія времена. Для объясненія этихъ данныхъ многіе находятъ позволительнымъ рисовать въ своемъ воображеніи какой-то миѳическій золотой вѣкъ финскихъ народностей, о которомъ не сохранилось никакихъ слѣдовъ не только въ ихъ преданіяхъ, но даже въ лексическомъ составѣ ихъ языка. Столь же неосновательна и другая теорія *„вымороченыхъ цивилизацій,“* т. е. предположеніе о какихъ-то неизвѣстныхъ народахъ, совершенно исчезнувшихъ съ лица земли. Раздѣлять такія гипотезы значитъ умышленно устранять всякую

попытку дать доисторическимъ древностямъ логическое и живое объясненіе. Имѣя въ виду неудовлетворительность нынѣ существующаго взгляда на сибирскія древности, я считалъ позволительнымъ обратить вниманіе на возможность другого ихъ происхожденія и съ этою цѣлію долженъ былъ предпослать спеціальному ихъ описанію особую *вступительную часть*.

Доисторическая археологія по существу своему представляетъ трудно разрѣшимую загадку, къ раскрытію которой позволительно приступать съ разныхъ концовъ, пока мы не откроемъ руководящую нить запутаннаго клубка. Всякая попытка подобнаго рода, хотя бы и не вполнѣ удачная, по моему мнѣнію, полезнѣе шаблоннаго повторенія задовъ уже по тому самому, что при новой точкѣ зрѣнія можетъ явиться другое освѣщеніе фактовъ. Смѣю думать, что только такимъ путемъ разнородныхъ взглядовъ, рано или поздно, можетъ быть выработано болѣе удовлетворительное объясненіе сибирскихъ древностей, а въ связи съ ними и основныхъ вопросовъ начальной русской исторіи.

КРАТКІЙ АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ КЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Акмолинская область, какъ мѣсто древнѣйшей добычи металловъ 211 стр.
Алтай, происхожденіе его названія 256.
Амальхіумъ, (Amalchium mare) 36.
Аму-Дарья, древній Оксъ. 19.
Аральское море, его древнія названія 19.
Археологія, ея задачи XI.
Архитектура византійская 102, 103, 116.
Арьясъ, Арійцы 6, 8.
Аттила 55, походъ его въ Галлію 160.
Балтія (Baltia, Balticum mare) 38.
Балхашъ оз., происхожденіе его имени 20.
Башня, происхожденіе этого слова 138.—Башня древняя въ гор. Узгентѣ 294.—Башня Бураны въ Семирѣченской области 295.—Сауранскія башни 298.—Сумбекина башня въ Казани 303, 304.—Башни цитадели въ Болгарѣ. 321.
Билярскъ, его древности 221.
Біармія 40, 186, 191, 198.
Болгары городище 261,—обзоръ литературы о немъ 265.—Описаніе мѣстоположенія и земляныхъ укрѣпленій городища 266.—Время основанія города Болгара 270. -Римскія монеты, найденныя на городищѣ 272.—Города болгарскіе на сѣверномъ Кавказѣ 116.—Мѣховая торговля болгаръ 186.—Историческія свѣдѣнія о камск. болгарахъ 331, 332, 333.—Упадокъ города Болгара 334.—Національность болгаръ 335.—Религія ихъ 336.—Помѣси съ финнами и татарами 338.—Опустошеніе города Болгара 342.—Имя Болгаръ 345.
Браслеты курганной эпохи. 99.
Бряхимовъ 331.
Бусы и *ожерелья* курган. эпохи 100.
Бѣлая палата въ Болгарахъ 304.—Пневматическое отопленіе ея 307.—Сходство съ христіанскою церковью 310,344.
Вавилонъ, его городскія стѣны 144.—Башня вавилонскаго столпотворенія 145.
Валы земляные въ Новгородѣ 167, въ Старой Ладогѣ, Изборскѣ, Старой Рязани, въ Кіевѣ 168, во Владимірѣ, Твери 169, - въ Бѣлозерскѣ, Костромѣ, и Курскѣ 172,—въ Москвѣ 173,—на Чувашскомъ мысу и Искерѣ 236, 237,—въ Тюмени (Чинги-Тура) 245—(см. также *городища* и *земляныя* укрѣпленія).
Варяги 63, 67, 69.
Вежа, происхожденіе этого слова 137.—Вежа въ гор. Холмѣ 291, 324.
Венеты арморійскіе и балтійскіе 47, 53.—Города ихъ 48, ихъ мореходство и устройство судовъ 48, 49.—Венеты адріатическіе 50.—Венеты волжскіе или болгары 332.—Происхожденіе имени Венетовъ и ихъ національность 51,52. -ихъ торговля и промыслы въ сѣверныхъ моряхъ 41.
Верхотурье гор., его основаніе и первыя укрѣпленія 246.
Византизмъ, его внѣшнія формы и происхожденіе 89—94.—его отношеніе къ скиѳской культурѣ 101.
Витязь и *Wiking*, связь этихъ словъ 65.
Волоки и *водораздѣлы*, на Уральскомъ хребтѣ, между рѣками 230, 233, 247,—въ Великой Перми 192. 194, 196, 260.
Галкинское городище при устьѣ р. Чусовой 226—227.
Германія во время Тацита 42, 44.
Германцы, борьба ихъ съ славянами 54.—Отсутствіе у нихъ крѣпостей 155.
Геты, ихъ національность и древняя исторія 82—84.
Горные промыслы древнихъ народовъ 206—220.
Городище, значеніе этого слова 134.—Общая характеристика городищъ по ихъ мѣстоположенію, очертанію валовъ и пр. 178 —Древность ихъ 183.
Городища по р. Бѣлой 220,—по рр. Большому и Малому Черемшану 221, 222,—по Вяткѣ Чепцѣ и Обвѣ 223—225,—по Камѣ и Колвѣ 225,—по нижней Камѣ охоло Чистополя 229,—по Тавдѣ 231,—по Тоболу, Турѣ и Исети 234 260,—по Иртышу 235,—по Салдѣ и Чусовой 252. - Происхожденіе сибирскихъ и болгарскихъ городищъ 253.
Городъ, происхожденіе этого слова 133.—Славянская терминологія городскихъ укрѣпленій 142.
Греческая палата въ Болгарахъ 339.
Гривна шейная 99.
Губинское городище на Камѣ 225.
Гумешевскій рудникъ, археологическія находки въ немъ 218.
Гунны 55.—Полевыя укрѣпленія ихъ 161—земляные оконы на Каталаунскомъ полѣ 162.—Отношеніе ихъ къ болгарамъ 350.—Отношеніе ихъ къ славянамъ 351, 352.
Даки, ихъ національность 82.

Долговѣчность народовъ 80, 81, – каменныхъ построекъ 327.
Долота бронзовыя 279.
Дьтинецъ или днѣшній городъ 135, 323.
Ериданъ рѣка 31, 32.
Земледѣліе у германцевъ 45,—у скиѳовъ 23, 24, у древнихъ жителей Сибири X и въ древней Перми 281.
Земляныя укрѣпленія (валы и рвы) у римлянъ 151,—у галловъ 152, двойные и тройные валы у римлянъ 154,—у Балтійскихъ славянъ 157, —у восточныхъ и сѣверныхъ славянъ 159, 164—170.—(см. слово *валы*).
Золото, легенды о его добычѣ въ древности 209, 214,—самородки золота на Уралѣ и Алтаѣ 210, 217,—рудное золото въ Акмолинской области 213.—Золото сибирскихъ курганныхъ могилъ 214—215.
Золотыя ворота въ Кіевѣ 330.
Идолы птицевидные пермскіе, болгарскіе и сибирскіе 282, 284.
Ильменица, рѣка у Балтійскихъ славянъ, и у русскихъ озеро *Ильмень* 59.
Искеръ или Кучумово городище, на Иртышѣ 236—240.
Искоръ, городище на Колвѣ 225, 228.
Казань, татарскія постройки въ ней 290, 303, 348.
Кама старая, близъ Болгара 262.
Камни надгробные съ надписями въ Болгарахъ 340.—Строительные тамъ-же 341, 344.
Каширское городище на рр. Пышмѣ и Кунарѣ 247.
Кельты бронзовые 278.
Кирпичи древніе на сѣверномъ Кавказѣ 108,—на берегахъ Волги 111,—размѣры и форма ихъ 118,—происхожденіе кирпича и размѣры ассирійскаго и вавилонскаго кирпича 119,—греческій и римскій кирпичъ 121,—византійскій кирпичъ 123,—русскій археологическій 125,—происхожденіе слова кирпичъ 126.
Колоніи греческія по берегамъ Чернаго моря 29.
Колыбель человѣчества 3.
Кольчуги 100.
Копья желѣзныя и мѣдныя 278.
Корабль, происхожденіе этого слова 57.
Костеръ, родъ городского укрѣленія 138.
Костяныя стрѣлы у финновъ 46,—въ Пермской области 226. 227, 235, 241, 248, 277.
Кремль, происхожденіе этого слова 136.
Кроніумъ (Cronium) 33, 35.
Культура міровая, ея единство и преемственность 1, 2,—арійская 8, – скиѳская 23,—славянская 24—27,— болгарская и сибирская 253, 274.
Куманы и р. *Кума* 116.
Курганы Сибирскіе, общее впечатлѣніе ими производимое III
Ладья, лодка, происхожденіе этихъ словъ 75.
Лѣтописи Сибирскія, ихъ происхожденіе 239.
Мастера болгарскіе при постройкѣ русскихъ церквей 340,—новгородскіе 329.
Мидяне, ихъ отношеніе къ сарматамъ, созвучіе со словомъ мѣдь 96.
Можары, древній городъ 112—118.
Моримаруза (Morimarusa) 34, 35.
Мѣдь, самородки ея въ Акмолинской и Семипалатинской области 210,—обработка мѣдныхъ рудъ и плавка ихъ въ Сибири 211, 212,—древняя добыча мѣди въ Уфимскій губерніи 219.
Напрясла глиняныя 275.
Насыпи земляныя при осадѣ городовъ ассиріанъ 147,—у римлянъ 150, 154.
Начертанія на скалахъ р. Тагила (см. писанные камни) 249.
Нева р., *Невья* р. (Невьянскій заводъ) Ѳ.
Общества археологическія, русскія I.
Обь рѣка, происхожденіе ея имени 21.—Археологич. находки на нижней Оби 204.—Проектъ соединенія Оби съ Печорой 260.
Ока рѣка, имя ея 19.
Орнаменты на глиняной посудѣ 274.
Острогъ, происхожденіе и значеніе этою слова 139.
Отеръ, его путешествіе въ Біармію 199.
Пагода китайская, см. слово *Столпъ*.
Палата Бѣлая и Черная въ Болгарахъ (см. слова Бѣлая и Черная палата).
Палатки болгарскія каменныя 324, 326
Памиръ 4.
Патавій гор. у Адріатич. венетовъ 50, 51.
Пеласги 8.
Пермь Великая, происхожденіе и значеніе этого слова 192.—Границы Пермской области 193. Причины ея процвѣтанія и упадка 195 197.—Находки монетъ 200.—Серебряныхъ блюдъ и украшеній 201—203,
Писаные камни по р. Тагилу 249—252.
Пиѳій, его путешествіе въ сѣверныхъ моряхъ 30.
Племена человѣческія 2.
Подчудаки 238.
Постройки болгарскія, ихъ долговѣчность 327. —Новгородскія 328, 329.—Кіевскія 330.—Византійскія 329.
Посуда глиняная орнаментированная 274.
Пути сообщенія черезъ Уралъ 218, 219, 229 —230, 247, 256.
Ра (Rha, Волга) 33.
Равенсбергское городище, около Новаго Бранденбурга, его земляные валы 157.
Раильники желѣзные Пермскіе 281.
Раскопки на Чувашскомъ мысу и Искерѣ 240.
Ремнія въ Камской Болгаріи 337.
Рождественское городище на р. Обвѣ 224.
Рубеасъ (Rubeas) мысъ 35.
Русодивъ, городъ у Балтійскихъ славянъ и у русскихъ (Нарва) 59.
Руды серебряныя по р. Ую и разработка ихъ древними 217 (см. *Серебро*).
Рѣки Уральскія, какъ пути сообщенія и сибирской торговли 216, 218.
Санскритъ II,—родство санскр. языка съ славянскимъ 13—15.
Сарматія 98.
Сарматы, ихъ имя, отношеніе къ мидянамъ и переселеніе ихъ въ Черноморскія области 96.—Отношеніе ихъ къ персамъ и скиѳамъ 97.
Свинецъ, нахожденіе его въ Акмолинской области 212.

Семиты, ихъ родина 7.
Серебро закамское 73, 194. Добыча его въ древнихъ алтайскихъ рудникахъ 207, 210.—Въ Малой Азіи 208.—Въ Испаніи 208.—На Уралѣ 217.
Серпы бронзовые 279, 280.
Серьги курганной эпохи 99.
Сибирь, ея завоеваніе Ермакомъ 237, происхожденіе ея названія 242.—Древнее сибирское населеніе и смѣна его монголо-татарскимъ 255.—Торговыя связи съ Великою Пермью и Болгаріей 256.
Скивы азіатскіе, ихъ бытъ 22.—Степень культурнаго развитія 23.—Хлѣбопашество 24—*Европейскіе скивы*, ихъ культура 45.—Національность 95.—Отношеніе къ сарматамъ 97.
Славяне, древнѣйшіе слѣды ихъ осѣдлости по даннымъ языка 24—26.—Тоже относительно ихъ духовныхъ идей и семейныхъ отношеній 27.—Первое извѣстіе объ имени ихъ 33.—Борьба славянъ съ германцами 56.—Области балтійскихъ славянъ и ихъ родовыя группы 57.—Города ихъ 59.—Причина ослабленія балтійскихъ славянъ 61—62.—Отношеніе ихъ къ варягамъ и Русскому государству 63—67.—Славяне Балканскаго полуострова во времена Юстиніана 84—88.
Соболь, происхожденіе этого слова и значеніе соболя въ промышленности и торговлѣ древней Перми 188.
Сошникъ чугунный 281.
Столпъ 137.—Болгарскіе столпы 285.—Значеніе слова столпъ 291.—Историческое происхожденіе столповъ 292.—Отношеніе ихъ къ индійскимъ *топамъ* и китайскимъ *пагодамъ* 293.—Сходство болгарскихъ столповъ съ азіатскими 299.—Религіозное значеніе столповъ 301.
Страбонъ, его географія сѣверныхъ странъ 33.
Стрѣлы костяныя 46, 227, 235, 241, 277.—Желѣзныя большаго формата сибирскія и болгарскія 277, 278.
Стѣна, происхожденіе этого слова 136.—Каменныя городскія стѣны у евреевъ 144.—У персовъ 145.—У троянцевъ 147.—У грековъ 149.—У галловъ 153.—У венетовъ 156.
Стѣны деревянныя, появленіе ихъ въ Россіи 170.—Въ Москвѣ 172.—У Камскихъ болгаръ 175.—У Финновъ 174, 176.—Появленіе въ Россіи каменныхъ оградъ 173.
Судоходство русское 71—74, 76—78.—Русская судоходная терминологія 75.
Сыръ-Дарья, рѣка, древнія ея названія 18.
Смѣзды археологическіе въ Россіи II.
Тацитъ, его описаніе германцевъ 41.
Техника строительная, см. *постройки*.
Тобольскъ и его окрестности въ археологическомъ отношеніи 236.
Томы, городъ въ странѣ гетовъ на Дунаѣ, мѣсто ссылки Овидія 82, 83.
Топа индійская, см. слово *столпъ*.
Топоръ болгарской формы 279.
Троянская война 8—10.
Трубы водопроводныя глиняныя 276, 277.
Туле (Thule) островъ Пифія 33,—объясненіе этого слова 37,—отношеніе этого имени къ Исландіи 39.
Тура рѣка, происхожденіе ея имени 22.
Туринскъ, время его основанія 246.
Тюмень, ея основаніе на мѣстѣ древняго городища 244, 245.
Финны во времена Тацита 46.
Холмогоры 40.
Храмы христіанскіе древніе въ Абхазіи 104, 110, 327.
Христіанство на Кавказѣ 103,—слѣды его въ Камской болгаріи 337—340.
Церковь св. Николая въ Болгарѣ 325, св. Георгія въ Старой Ладогѣ 329, церкви въ Кіевѣ 330.—Греческая или армянская церковь въ Болгарахъ 340.—Православная въ Можарахъ 114.
Черепки узорчатые см. *посуда* глинян.
Черная палата въ Болгарахъ, ея описаніе 313,—ремонтировка ея въ 1884 г. 316,—назначеніе этого зданія 317, 344,—изображеніе креста въ ея окнахъ 318.
Чувашскій мысъ, городище 236.
Чудскія копи 206, 216.
Эстіи, литовское племя въ сѣверной Пруссіи во времена Пифія и Тацита 46.
Юстиніанъ I, императоръ, его славянское происхожденіе 84.
Ялуторовскъ, его имя (явлу или яблутура) и древнее городище 234.
Янтарь, извѣстія Пифія и Тацита о мѣстѣ его нахожденія 46.
Ѳракійцы, вопросъ объ ихъ національности 81

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строки.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
X	6 сверху	знаки	злаки
25	9 снизу	dalare	dolare
—	5 »	dalare	dolare
28	12 »	той у другой	той и другой
41	8 сверху	направлялась	направлялась
—	9 снизу	Тацитъ.	Тацитъ
44	15 сверху	Обработывали,	обработывали
—	26 »	серебро	сребро
—	10 снизу	Германцы,	германцы
—	5 »	выучилась	выучились,
45	9 сверху	имѣюшей	имѣющей
—	16 »	скифская	скиѳская
—	13 снизу	проникать	проникать
47	6 сверху	при томъ	притомъ
65	7 »	подвигались	надвигались
70	1 »	на рѣкошася	нарѣкошася
—	2 »	славѣни	словѣни
—	9 снизу	океану	океану,
98	6 сверху	соовѣтствовало	соотвѣтствовало
99	4 снизу	на запястьѣ а	на запястьѣ и
113	13 »	о которой	о которыхъ
138	2 сверху	stmaba	stamba
144	7 »	наружнной	наружной
168	15 »	1830	1330
207	9 снизу	встрѣчаются,	встрѣчаются
214	нумерація	страницы 421	214

Таблица I.

Надпись на камнѣ, называемомъ „Калабанъ" на правомъ берегу р. Тагила.

Рис. 1½.

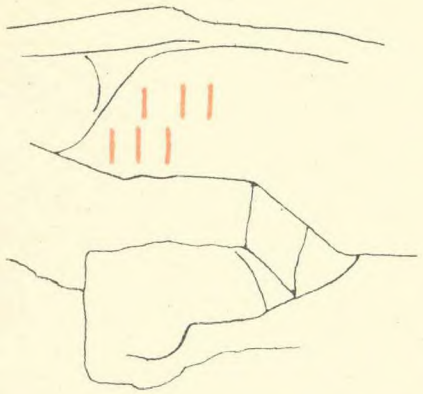


Рис. 2½.

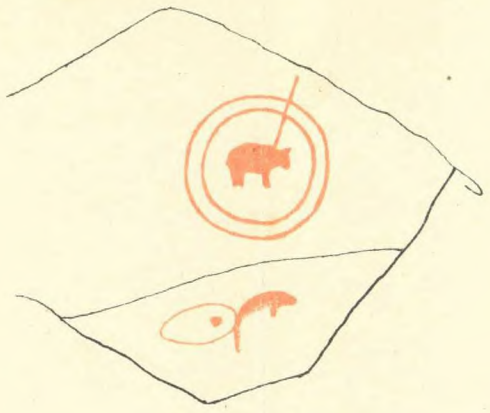


Рис. 3½.

Рис. 4½.

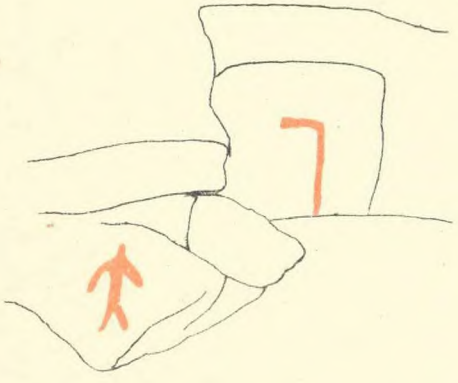


Рис. 5½.

Рис. 6½.

Надпись на камнях: „Караульный" (рис 1½) и „Соколій" (остальн. рис.) на лѣвомъ берегу р. Тагила.

Рис. 1½.

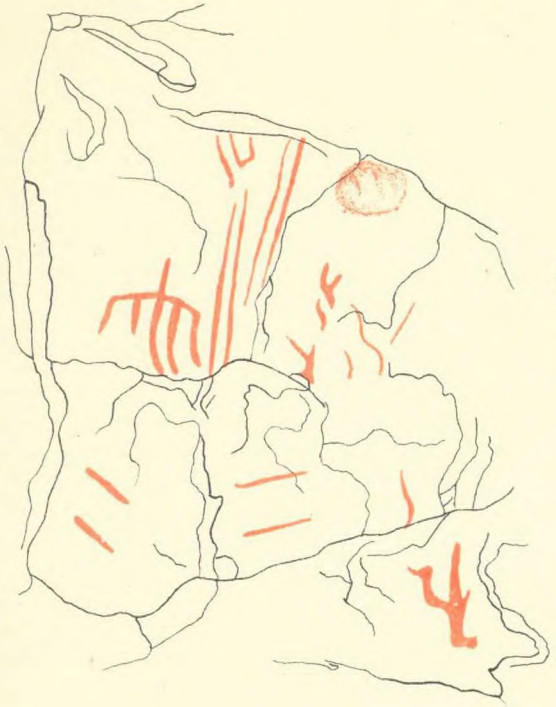


Рис. 2½.

Рис. 3½.

Надписи на камнѣ, называемомъ „Змѣевый" на лѣвомъ берегу р. Таштыпа; (рис. 7½ на правомъ.)

Рис. 1½.

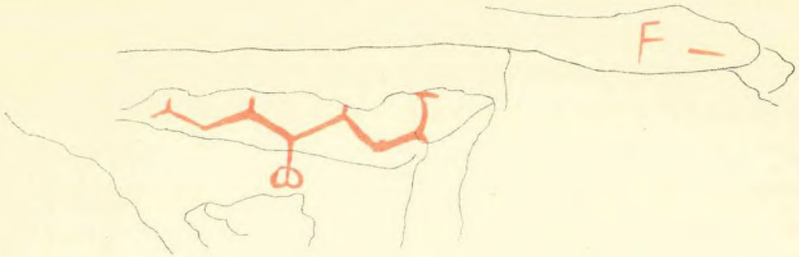


Рис. 2½.

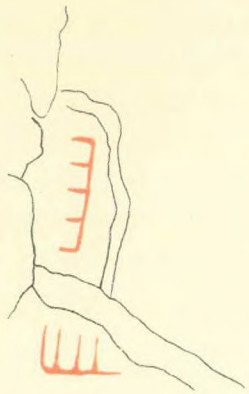


Рис. 3½.

Рис. 5½.

Рис. 6½.

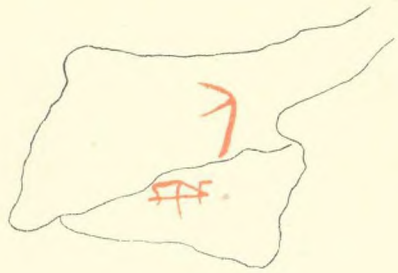


Рис. 7½.

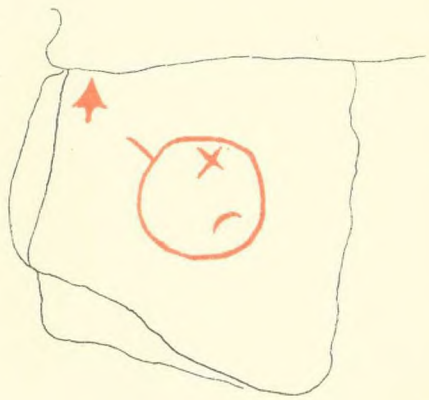
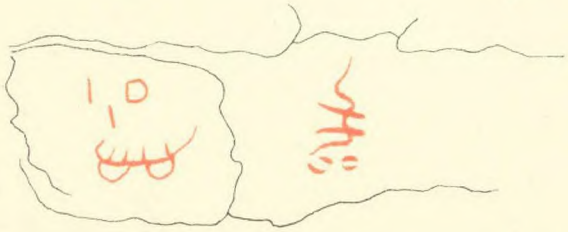


Рис. 4½.



Надписи на Змѣевомъ Камнѣ, на лѣвомъ берегу р. Тагила, ниже превышущихъ по теченію рѣки и выше ихъ по своему мѣсту на скалахъ.

Рис. 1½.

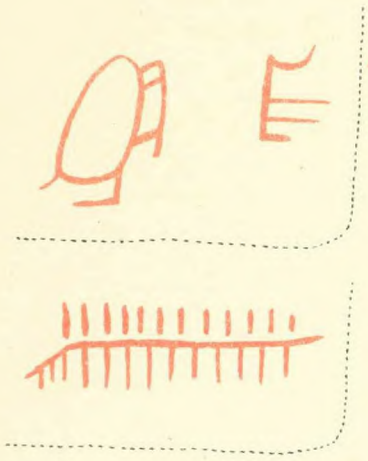


Рис. 2½.

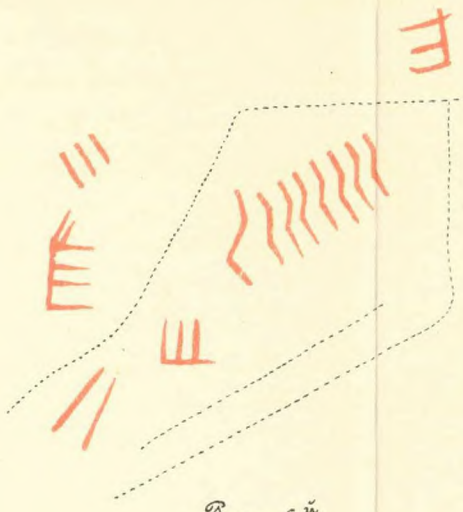


Рис. 3½.

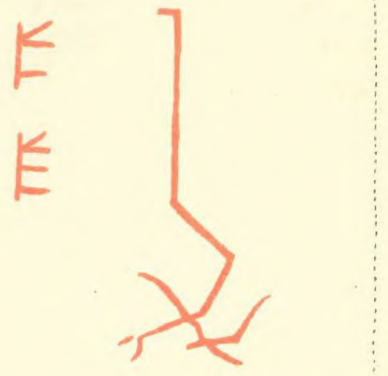


Рис. 4½.

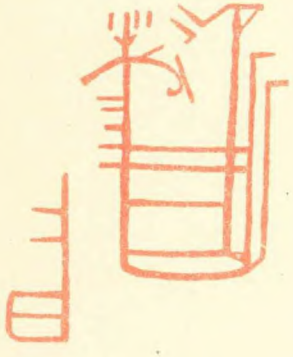


Рис. 5½.

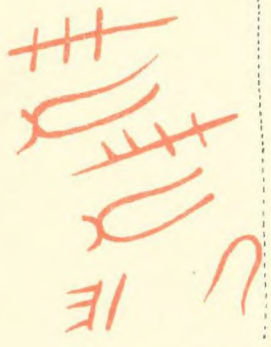
Рис. 6½.

Рис. 7½.

Рис. 8½.

Рис. 9½.

Рис. 10½.



Надписи на камнѣ, называемомъ „Писаной" на лѣвомъ берегу р. Тагила.

Рис. 1½.

Рис. 2½.

Рис. 3½.

Рис. 4½.

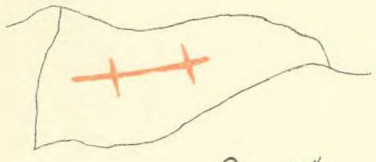


Рис. 5½.

Рис. 6½.

Рис. 7½.

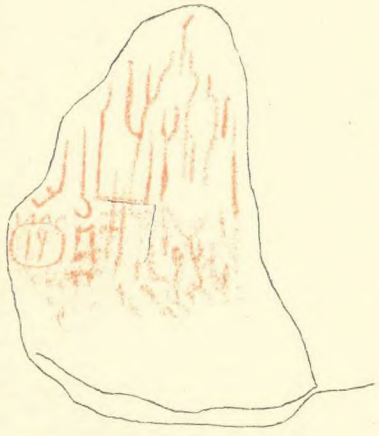


Рис. 8½.

Надписи на томъ же Писанномъ камнѣ.

Рис. 1й.

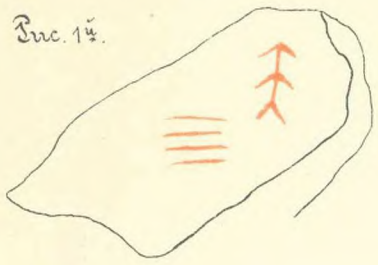


Рис. 4й.

Рис. 6й.

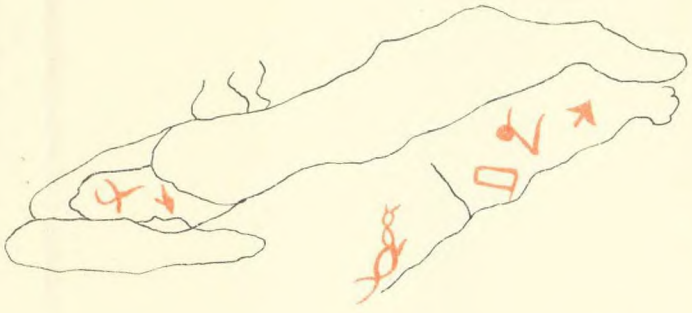
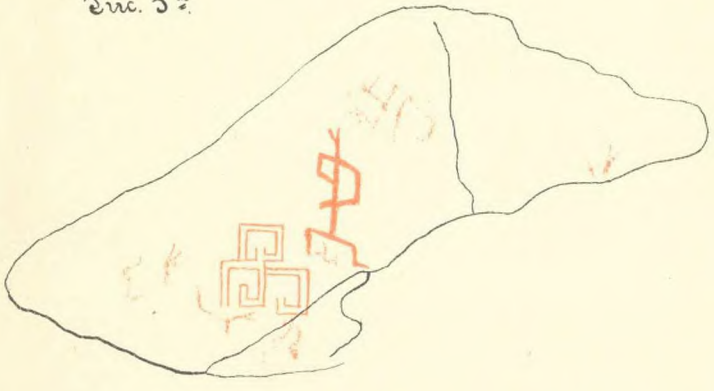


Рис. 2й.

Рис. 5й.

Рис. 7й.

Рис. 3й.



ПЛАНЪ
ОКРЕСТНОСТЕЙ ТОБОЛЬСКА.

1. Городъ Тобольскъ.
2. Кобгуваши.
3. Городокъ Чувашскаго мыса
4. Городокъ Атыкъ-Мурзы-
5. Соускапскій мысъ.
6. Рѣчка Сибирка.
7. Искеръ.
8. Абалакъ.

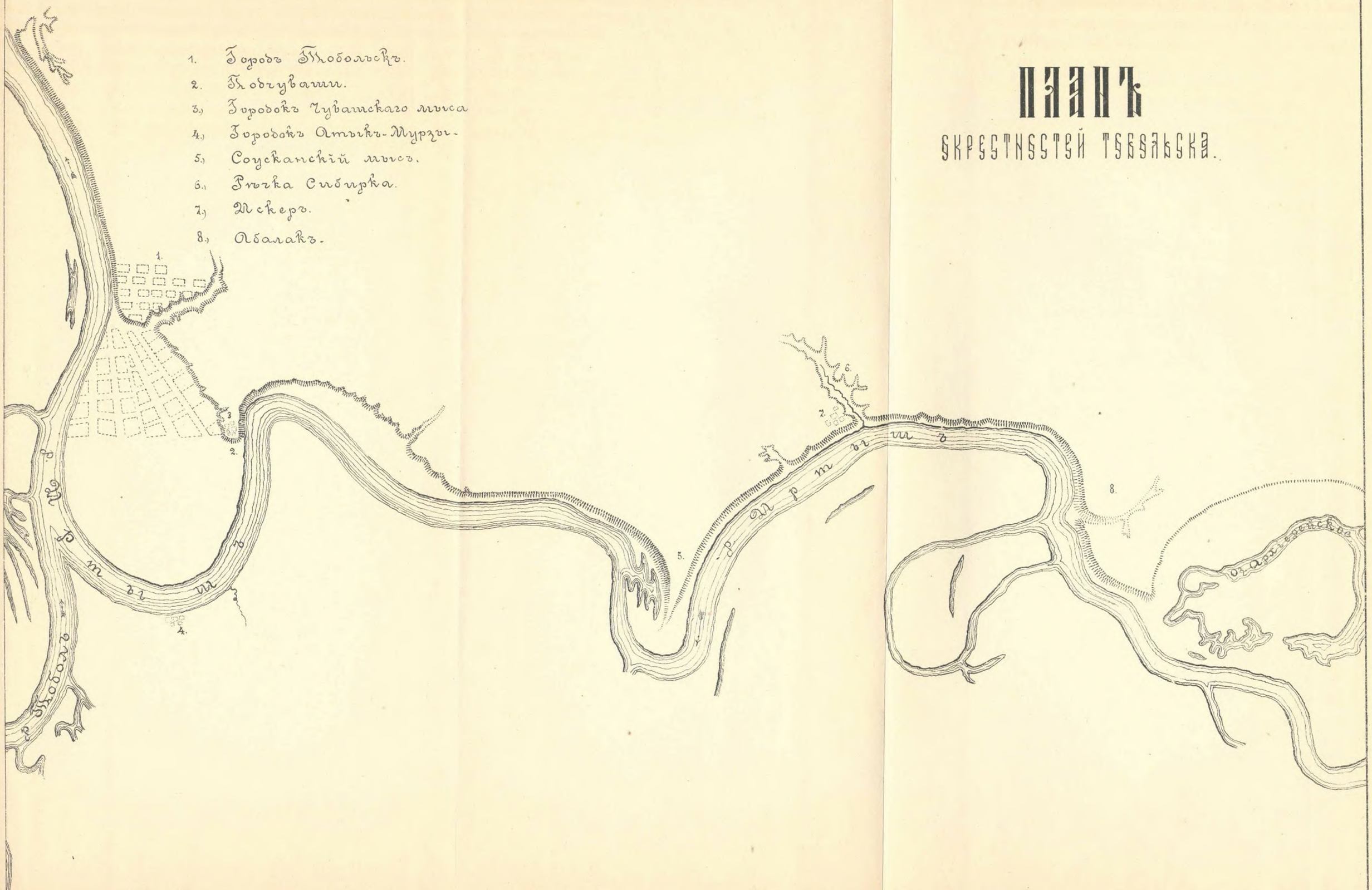
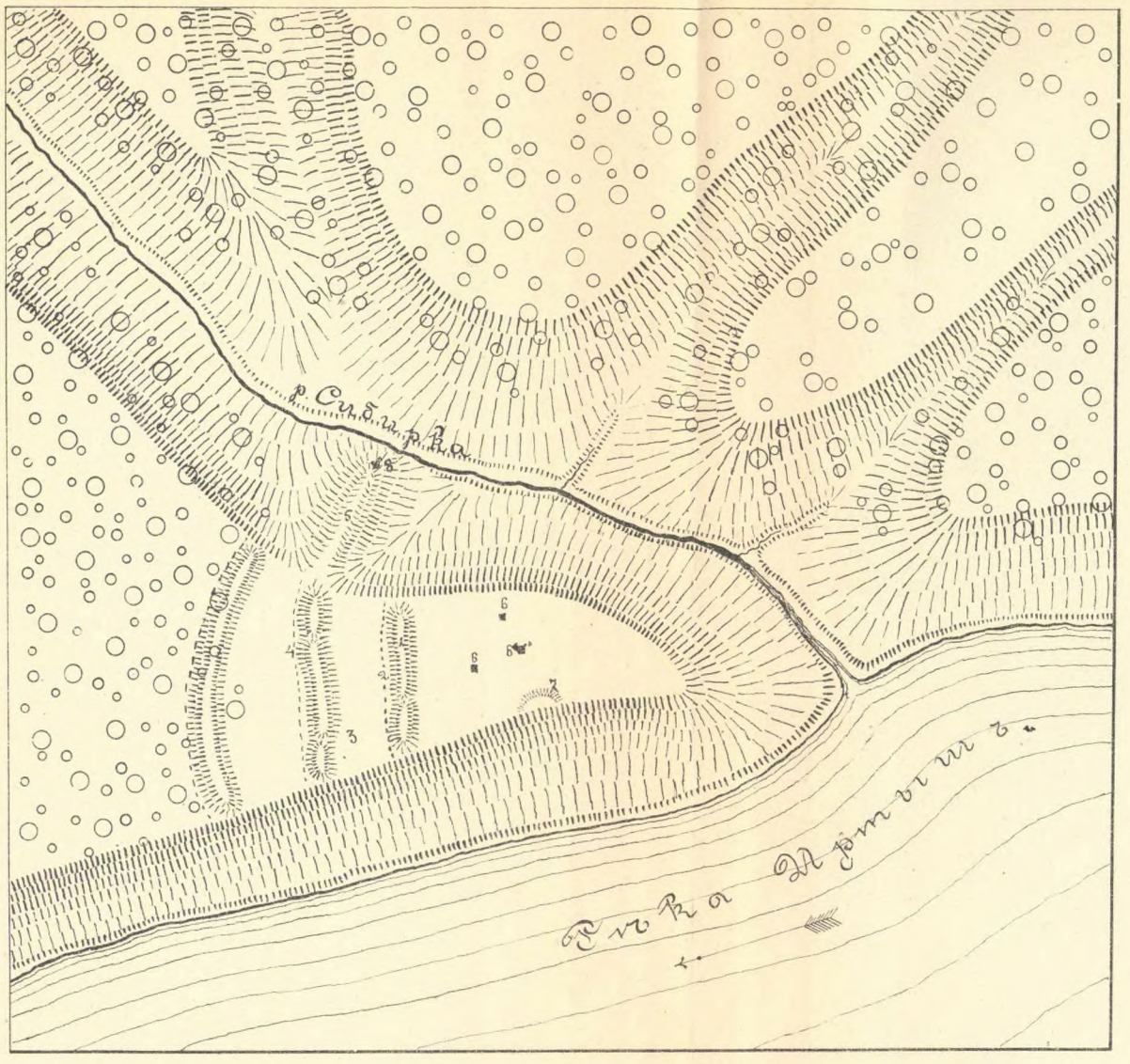
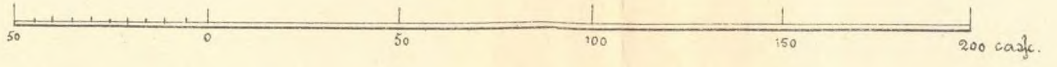


Таблица VIII.

Планъ
городища Искеръ.

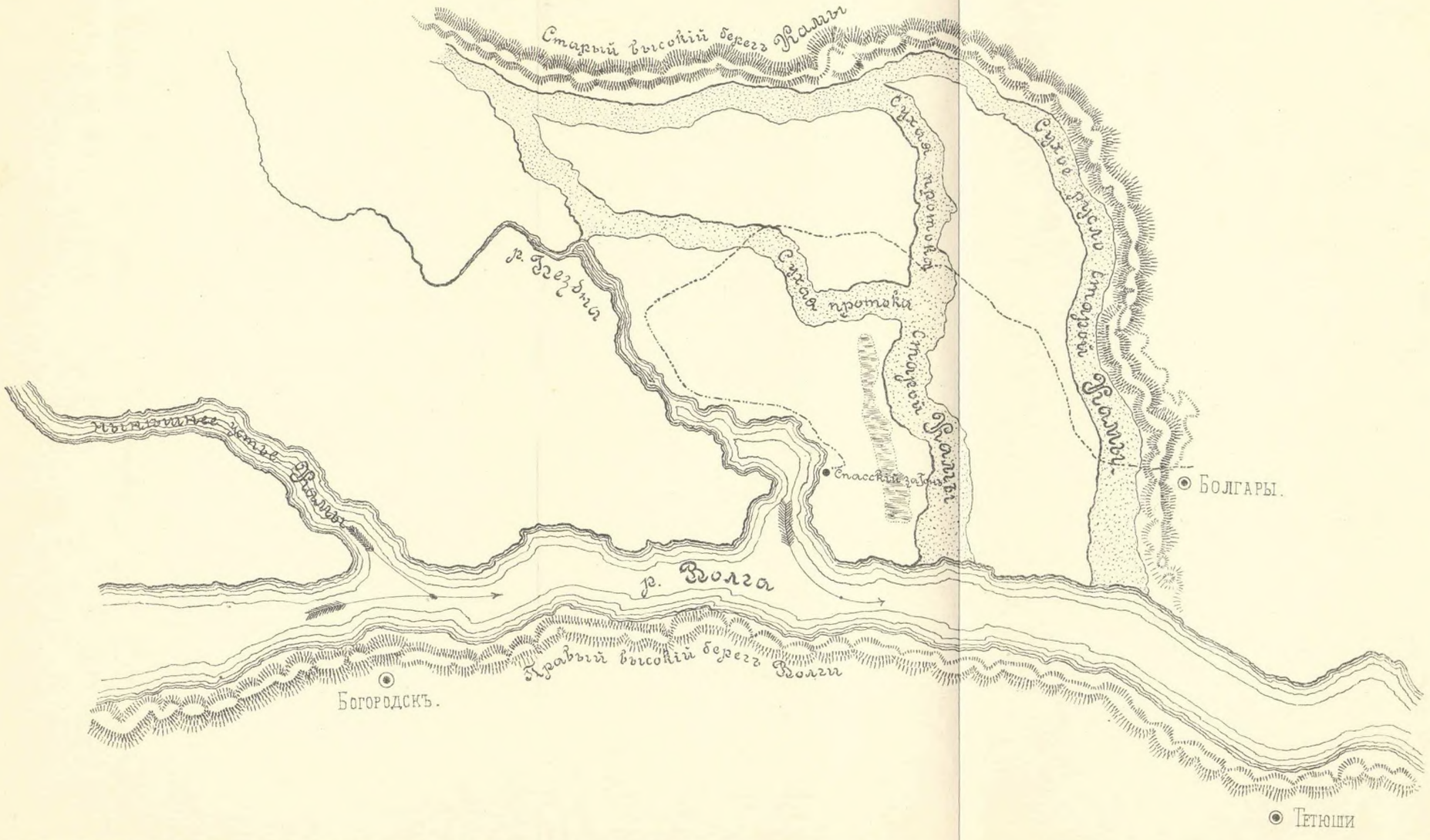




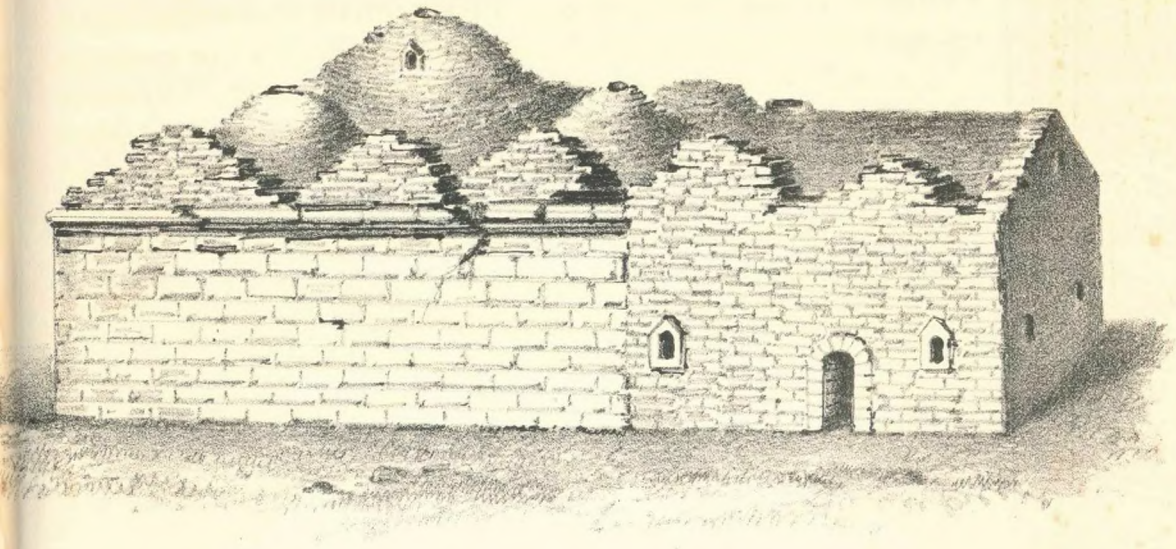
Обозначеніе.

1) Валъ.
2) Ровъ
3) Остатки прежнихъ валовъ и рвовъ.
4) Бывшій мостъ
5) Спускъ къ ручью.
6) Ямы
7) Остатокъ кургана
8) Колодезь.

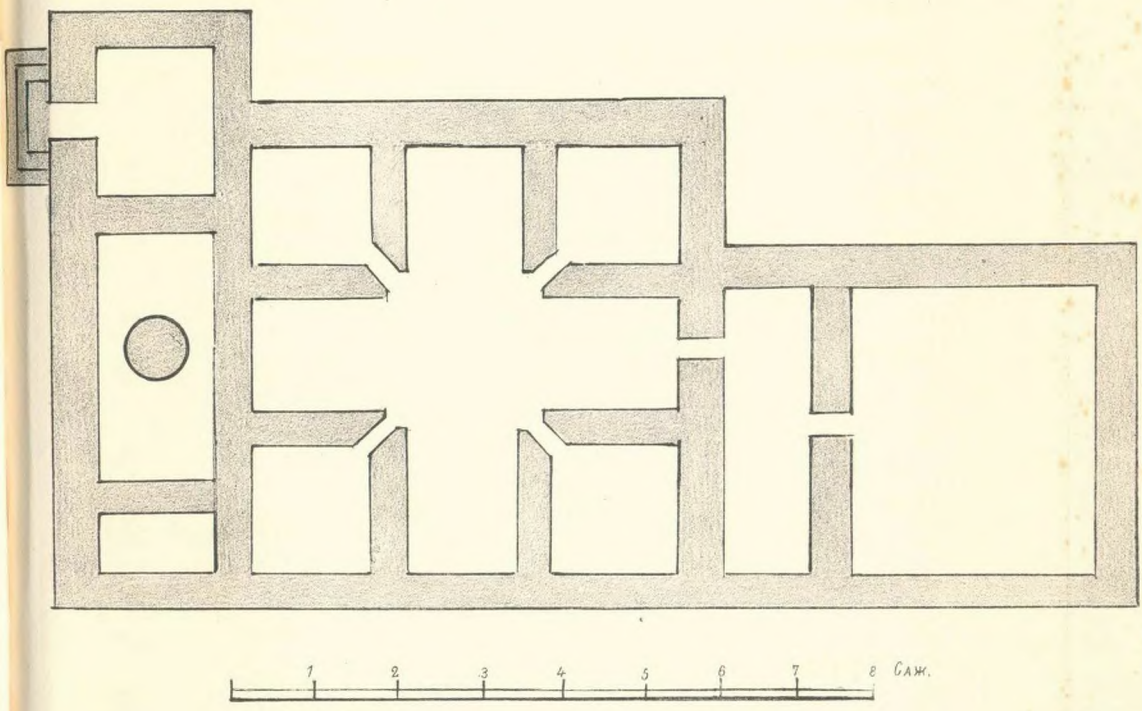
Прежнее теченіе рѣки Камы при ея устьѣ.



К ст. В. М. Флоринского.

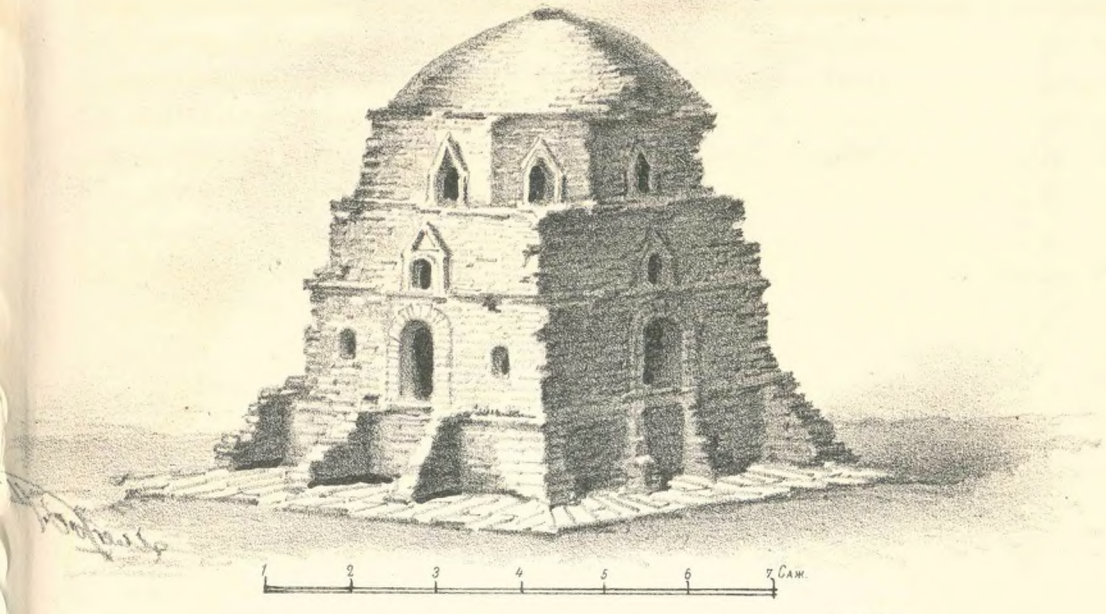


Бѣлая палата по рисунку Палласа въ 1768 г.

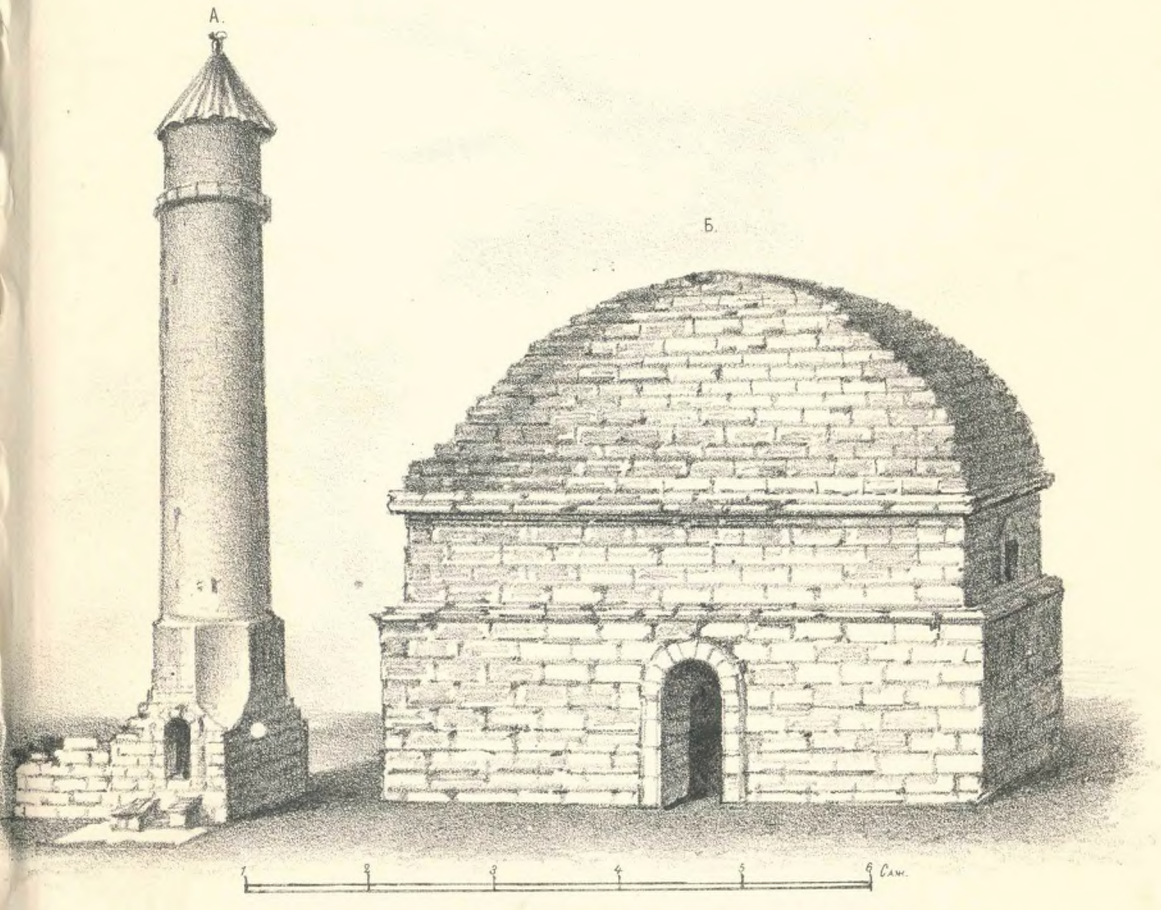


Планъ Бѣлой палаты.

Лито-Металлография Ш. Ивансонъ, Петерб. ст., Б. пр., №21/33, С. П. Б.

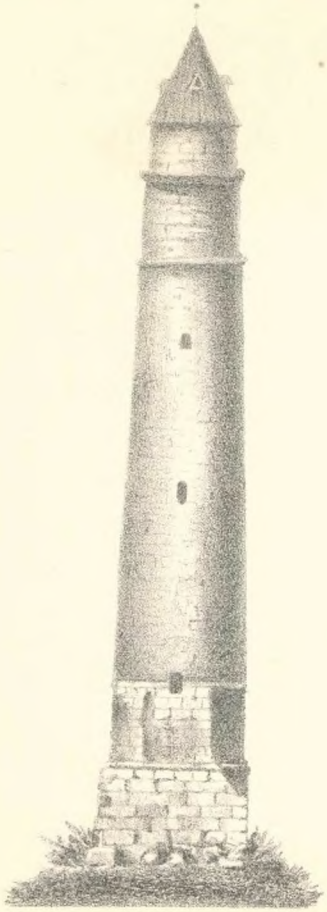


Черная палата по рисунку Палласа въ 1768 г.



А) Большой столпъ. Б) Одна изъ палатокъ по рисунку Палласа въ 1768 г.

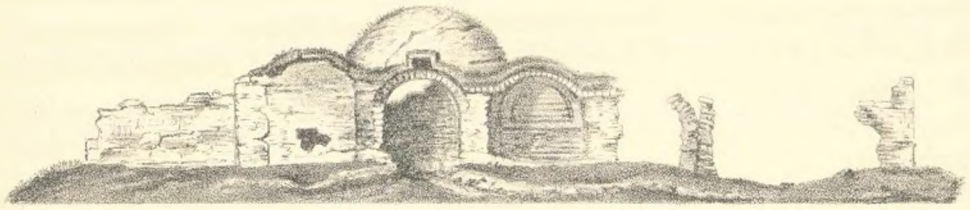
Лито-Металлографія Ш. Ивансонъ, Петерб. ст., Б. пр., № 1/33, С.П.Б.



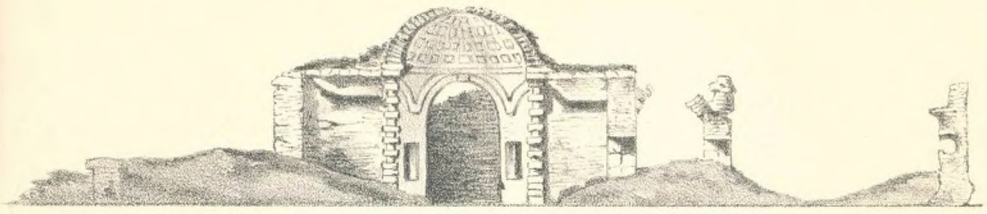
Больш. и малый столпъ изъ атласа Шмита, рисованнаго съ натуры въ 1827 г.

Палатка, обращенная въ церковь Св. Николая

Лито. Металлография Ш. Ивансонъ, Почтов. ст., Б. пр., №1/33, С.-П.Б.

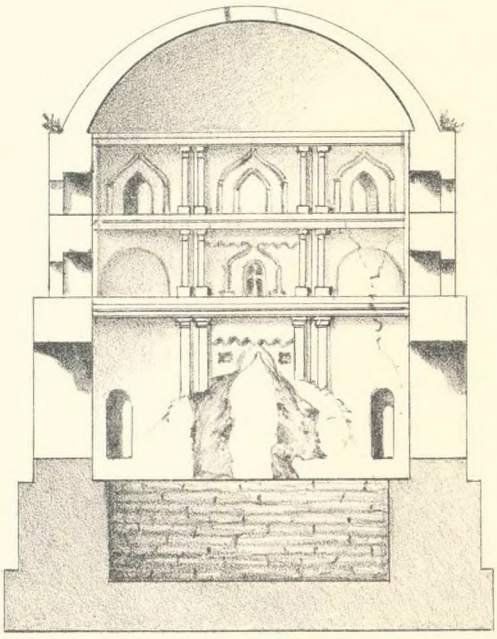


Бѣлая палата въ 1827 г. по рисунку Шмита.



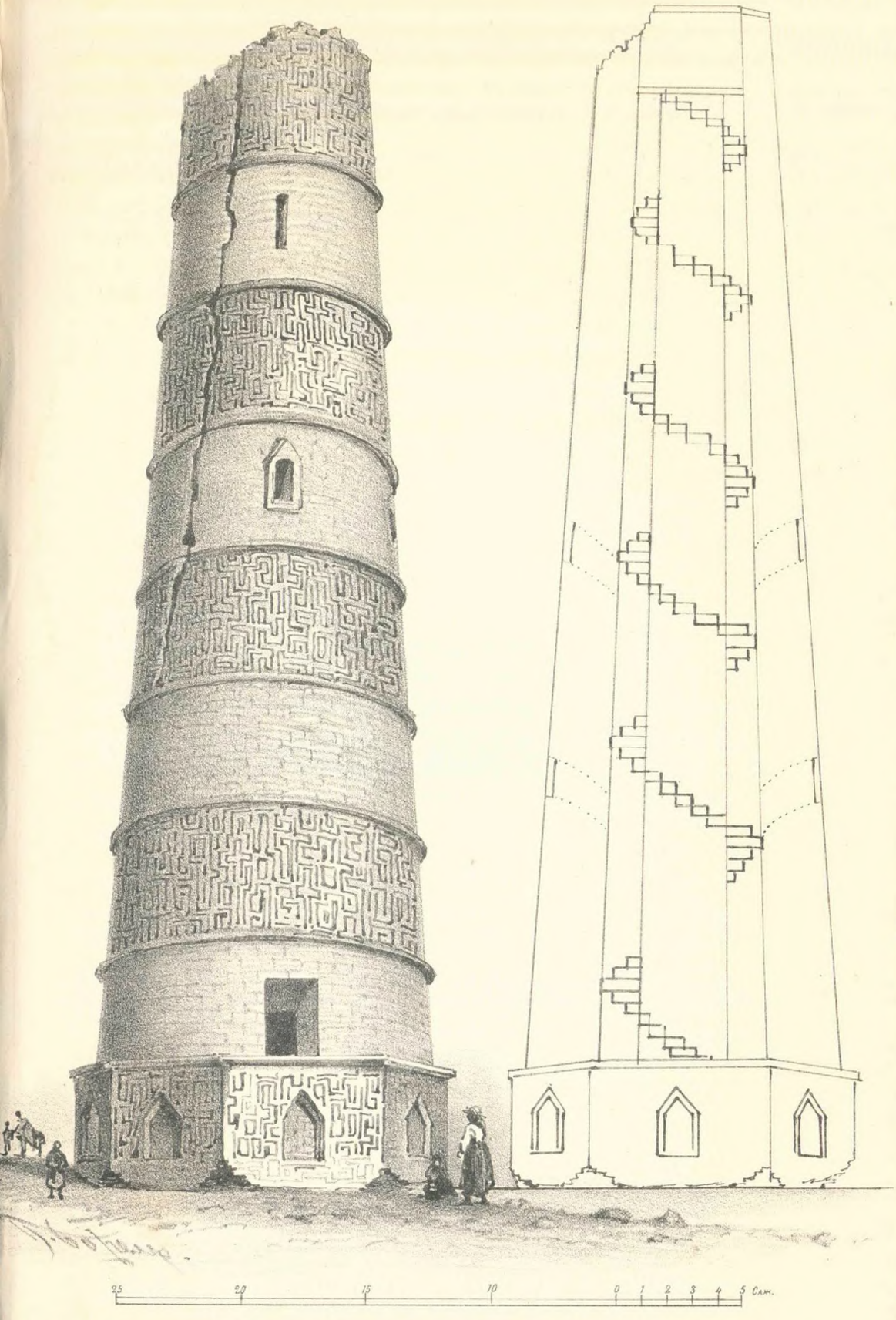
Разрѣзъ Бѣлой палаты по рисунку Шмита.

ерная палата въ 1827 г. по рисунку Шмита
(сѣверная сторона.)



Разрѣзъ Черной палаты по рисунку Шмита
въ 1827 г.

Лито-Металлографія Ш. Ивансонъ, Петерб. ст., Б. пр., № 39.



Видъ башни Бураны съ запада въ 1886 г

Видъ башни Бураны въ 1891 г. (по фотографическому снимку.)

Лито-Металлографія Ш. Ивансонъ, Петерб. ст., Б. пр., №61/33, С. П. Б.

МАТЕРІАЛЫ

для

АНТРОПОЛОГІИ СИБИРИ.

VI.

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМЪ ТИПѢ КИРГИЗОВЪ.

Прозектора С. Чугунова.

Глубокоуважаемому моему учителю

ПРОФЕССОРУ АНАТОМІИ

Николаю Михайловичу

Маліеву

преданнѣйше посвящаетъ свой трудъ

Авторъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Посвящая настоящій трудъ свой глубокоуважаемому профессору Н. М. Маліеву, изъ школы котораго я вышелъ, я этимъ исполняю нравственный долгъ ученика предъ своимъ учителемъ.

Когда я, заинтересованный съ давняго времени строеніемъ человѣческаго скелета, будучи еще студентомъ Казанскаго университета, весной 1876 г., впервые обратился къ прозектору Н. М. Маліеву съ просьбой объяснить мнѣ способы производимыхъ авторами измѣреній череповъ, Николай Михайловичъ съ величайшей готовностью разъяснилъ сущность дѣла и подарилъ мнѣ свою полную глубокаго интереса диссертацію „Матеріалы для сравнительной антропологіи", послужившею мнѣ толчкомъ для дальнѣйшихъ изысканій. — Позднѣе, двѣнадцать лѣтъ спустя, благодаря Н. М. Маліеву, осуществилось мое завѣтное желаніе — работать въ анатомическомъ институтѣ, гдѣ мнѣ дана возможность какъ для собиранія анатомическаго матеріала, такъ и для занятій антропологіей.

Будучи, такимъ образомъ, дважды въ жизни обязанъ Н. М. Маліеву, я, въ знакъ своей глубокой признательности, посвящаю ему настоящій свой трудъ, какъ ревностному изслѣдователю устанавливаемаго здѣсь тюркскаго типа, для характеристики котораго Николай Михайловичъ съ такою предупредительною любезностью предоставилъ въ мое распоряженіе тотъ драгоцѣнный матеріалъ, который въ настоящее время сосредоточивается въ музеѣ Томскаго анатомическаго института и гдѣ впервые дана возможность соединить посмертныя измѣренія скелета съ изученіемъ живыхъ людей, ихъ фотографическихъ изображеній и всѣхъ соматическихъ особенностей изслѣдуемыхъ народностей.

ТОМСКЪ.
2 апрѣля 1894 года.

С. ЧУГУНОВЪ.

VI.

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМЪ ТИПѢ КИРГИЗОВЪ.

Прозектора С. Чугунова.

Среди инородцевъ юго-западной Сибири и Туркестанскаго края, по численности и занимаемой ими территоріи, видное мѣсто принадлежитъ *киргизамъ*—народности тюркскаго племени по языку, тюрко-монгольскаго—по наружному виду, малокультурной—по соціальному положенію.

Литература о киргизахъ довольно обширна: быть, языкъ, вѣрованія, исторія этого народа достаточно подробно описаны историками, этнографами и лингвистами *). Но нельзя того же сказать, безъ оговорки, объ антропологіи киргизовъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи существуютъ такіе пробѣлы, которые настоятельно требуютъ матеріала, чтобы дать опредѣленное сужденіе объ антропологическомъ типѣ этого народа.

Описаніе внѣшняго вида киргизъ довольно обстоятельно сдѣлано акад. *Миддендорфомъ* **), *Радловымъ* ***), *А. Харузинымъ* †) и др.

Антропометрическія изслѣдованія производили на живыхъ киргизахъ: *Уйфальви* †*), измѣрившій 16 чел. киргизовъ Малой орды (11 мужчинъ и 5 женщинъ) и 27 каракиргизъ (26 муж. и 1 женщ.), *Поярковъ* †**), давшій

*) Подробная библіографія киргизовъ помѣщена въ сочиненіи *А. Харузина*—«Киргизы Букеевской орды». Вып. I, 1889 г. и Вып. II, ч. 1, 1891 г.—въ «Трудахъ Антрополог. Отд.» Т. X и Т. XIV, Вып. I «Извѣстій» Московскаго Общ. Люб. Ест., Антр. и Этногр.—Считаю долгомъ замѣтить, что, при перечисленіи сочиненій вышедшихъ въ періодъ 1880—1885 г. (Вып. I, стр. XLVI—LI и Вып. II, ч. 1, стр. XXVII—XXXII), не упомянуто солидное соч. *Миддендорфа*—«Очерки Ферганской долины» изд. 1882 г.—и извѣстный сборникъ *Семенова*—«Живописная Россія» Т. X, Русская Средняя Азія, изд. 1885 г. Сочиненія *Кушелевскаго* (1891), *Тропова* (1891), *Маркова* (1893), на которыя я дѣлаю здѣсь ссылки, вышли послѣ изданія *А. Харузинымъ* первой части Вып. II.

**) *Миддендорфъ*—«Очерки Ферганской долины». Спб. 1882.

***) *Radloff*—«Aus Sibirien». Bd. I. Leipzig. *Weigel.* 1884.

†) *А. Харузинъ*—«Киргизы Букеевской орды», Вып. I. М. 1889.

†*) *Ch. de Ujfalvy de Mesö-Kövesd*—«Expédition scientifique française en Russie, en Sibérie et dans le Turkestan». Paris. 1878—1880.

†**) *Мацыевскій и Поярковъ*—«Краткія этнографическія замѣтки о туземцахъ бывшаго Кульджинскаго района». Омскъ 1883.

измѣренія 30 киргизовъ Большой орды, *Зеландъ* *), измѣрившій 50 (40 муж. и 10 жен.) каракиргизовъ и 20 киргизъ-кайсаковъ—(10 муж. и 10 жен.), *Горбачевъ* **), давшій измѣренія одного киргизъ-казака изъ Джаркента (Семирѣченской обл.), *А. Харузинъ* ***), измѣрившій 157 чел. разнаго возраста киргизовъ Букеевской орды, *А. А. Ивановскій*, доставившій г. *Харузину* измѣренія 126 киргизовъ Средней орды, и *Троновъ* †), измѣрившій 49 чел. Средней орды (36 муж. и 13 жен.). Всего, слѣд., до сихъ поръ измѣрено 476 человѣкъ киргизовъ разнаго возраста и пола (39 женщ.). И если къ этой почтенной цифрѣ измѣренныхъ я присоединяю измѣренія двоихъ киргизовъ изъ Ферганы, то мной въ этомъ руководитъ единственно желаніе провѣрить, насколько эти два киргиза, по своему антропологическому характеру, подходятъ къ описанному уже въ литературѣ типу.

Извѣстно, что существенными недостатками всѣхъ антропометрическихъ изслѣдованій надъ живыми всегда являются: 1) неточность измѣреній, зависящая отъ различной толщины и подвижности кожи, подкожной клѣтчатки, мышцъ и т. д., 2) невозможность производить нѣкоторыя весьма важныя измѣренія на живыхъ, какъ высоту черепа, его основаніе, величину различныхъ частей позвоночника и проч., и 3) затрудненія, въ которыя становится изслѣдователь при сравненіи измѣреній надъ живыми съ измѣреніями череповъ и скелетовъ исчезнувшихъ поколѣній. Вотъ почему изученіе скелета народа, для опредѣленія типа его строенія, всегда является наиболѣе желательнымъ для антрополога.

Между тѣмъ, изъ перечисленныхъ выше авторовъ, только *А. Харузинъ* имѣлъ въ своемъ распоряженіи десять киргизскихъ череповъ, добытыхъ имъ при раскопкахъ въ Букеевской ордѣ. Измѣреній киргизскаго скелета до сихъ поръ не было сдѣлано †*).

Въ виду такого значенія, какое имѣютъ коллекціи череповъ и скелетовъ для изученія народа, считаю полезнымъ удѣлить нѣсколько словъ выясненію причинъ бѣдности остеологическаго матеріала въ нашемъ случаѣ—въ дѣлѣ остеологіи киргизовъ.

*) *Зеландъ*—«Киргизы. Этнологическій очеркъ» въ «Запискахъ Западно-Сибирскаго Отдѣла Имп. Русскаго Географич. Общества». Кн. VII. Вып. II. Омскъ 1885.

**) «Антропологич. наблюденія надъ таранчами, дунганами, кашгарцами и киргизами Джаркента» въ «Проток. Засѣд. Антроп. Отдѣла» «Извѣстій» Москов. Общ. Люб. Ест., Антр. и Этн. Т. XLIX, вып. 5. М. 1890.

***) Указан. соч. Вып. I и II.

†) *Троновъ*—«Матеріалы по антропологіи и этнологіи киргизъ» въ «Запискахъ И. Русскаго Географическаго Общ. по отдѣленію этнографіи», Т. XVII, вып. II. СПБ. 1891.

†*) *А. Харузинъ* пишетъ (Вып. I, стр. 142), что онъ добылъ и скелеты киргизовъ, но измѣреній послѣднихъ въ вышедшихъ выпускахъ не помѣстилъ; измѣренія череповъ помѣщены въ Вып. I, стр. 539—550.—Остеологическій матеріалъ, добытый изъ кургановъ Букеевской степи, изъ озера Иссыккуля, изъ древнихъ могилъ Тургайской области и др. мѣстъ, можетъ быть признанъ или не признанъ за киргизскій лишь послѣ того, какъ будетъ выясненъ типъ киргизовъ на основаніи автентичнаго матеріала.

На недостатокъ старыхъ кладбищъ въ Ферганѣ и вообще въ киргизскомъ краѣ, конечно, жаловаться нельзя. „У туземцевъ,—говоритъ *Кушелевскій* *) — всегда существовалъ обычай устраивать кладбища въ городской чертѣ и даже въ самыхъ центральныхъ частяхъ города. Слѣдовательно, въ каждомъ изъ древнихъ городовъ Ферганы погребены милліоны труповъ на всемъ протяженіи площади, занимаемой этимъ городомъ... Кладбища устраиваются среди селенія (кишлаковъ) точно также, какъ и въ городахъ". Тѣмъ не менѣе пріобрѣтеніе череповъ и скелетовъ киргизовъ сопряжено часто съ непреоборимыми затрудненіями. *Зеландъ* **) говоритъ по этому поводу: „Уваженіе къ мѣстамъ погребенія у киргизовъ почти достигаетъ степени религіознаго культа. По всему киргизскому краю въ степи разсѣяны кладбища, окруженныя каменною оградою съ башенками по угламъ. Покойника кладутъ въ яму въ сидячемъ положеніи, головою на востокъ; нерѣдко для тѣла выдалбливаютъ логовище въ боковой стѣнѣ главной могильной ямы. Надъ могилой иногда бываютъ памятники изъ земли, камня или глины. На могилахъ киргизы нерѣдко творятъ молитву. Мѣста, гдѣ лежатъ кости предковъ, считаются священными; за могилами и цѣлостью ограды смотрятъ зорко. Достать киргизскій скелетъ представляетъ поэтому трудную задачу". „Изъ религіозныхъ обрядовъ— пишетъ *Мейеръ* ***)— весьма значительны у киргизовъ уваженіе къ могиламъ извѣстныхъ предковъ и обычай молиться на этихъ кладбищахъ, называемыхъ ими святыми".—*А. Харузинъ* †) отзывается такимъ образомъ объ уваженіи букеевскихъ киргизовъ къ могиламъ: „у киргиза нѣтъ ни палатъ, ни даже мечетей, ни традиціонныхъ домовъ, но всѣ архитектурныя способности и стремленія вложилъ киргизъ въ постройки надгробныхъ памятниковъ своихъ предковъ и отцовъ. Въ первоначальномъ, старинномъ быту киргизовъ (въ которомъ сохранился теперь мѣстами еще средне-азіатскій киргизъ), мы видимъ безпредѣльное почитаніе могилъ своихъ предковъ, доходящее въ нѣкоторыхъ случаяхъ до боготворенія. Не даромъ киргизъ приноситъ свою присягу, которую онъ чтитъ и за которую онъ берется съ крайней осторожностью, не даромъ, говорю я, приноситъ онъ свою присягу на могилахъ предковъ, показывая этимъ, что у него нѣтъ ничего болѣе священнаго, нѣтъ ничего имъ болѣе чтимаго, какъ предки и мѣсто, хранящее ихъ останки".

Такихъ указаній достаточно, чтобы понять трудность добыванія киргизскихъ череповъ и скелетовъ. Но въ Букеевской ордѣ, по указаніямъ, соб-

*) *Кушелевскій*—«Матеріалы для медицинской географіи и санитарнаго описанія Ферганской области». Т. II. Н. Маргеланъ. 1891. Стр. 15—16. 20.

**) *Зеландъ*. Указан. сочин. Стр. 32.

***) *Мейеръ*—«Матеріалы для географіи и статистики Россіи. Киргизская степь Оренбургскаго вѣдомства». Спб. 1865. Цит. у *А. Харузина* въ Вып. I, стр. 141.

†) *А. Харузинъ*—Указан. сочин. Вып. I, стр. 139—140.

раннымъ *А. Харузинымъ*, старинный языческій строй жизни и культъ распадается, благодаря насильственному введенію магометанства со временъ хана Джангира (съ 1826 г.), изолированности букеевцевъ отъ азіатскихъ братій и тѣсныхъ сближеній съ татарами и отчасти съ русскими. Этимъ только и можно объяснить слѣдующія слова *А. Харузина**): „Въ добываніи череповъ и скелетовъ изъ могилъ мнѣ особыхъ затрудненій не представилось, и я раскопалъ (дѣйствительно ночью) 10 могилъ съ помощью самихъ же киргизовъ". Такимъ образомъ все таки для киргизовъ букеевской орды раскопка могилъ—явленіе исключительное, а для сибирскихъ киргизовъ (по крайней мѣрѣ до сихъ поръ)—невозможное.

Въ числѣ серьезныхъ причинъ, препятствующихъ изученію остеологіи киргизовъ, кромѣ указанной, существуетъ еще одна, о которой приходится говорить съ нѣкоторой осторожностью, такъ какъ сами киргизы въ ней менѣе всего повинны. Я говорю о магометанствѣ киргизовъ. Всѣ авторы, изучавшіе религіозныя воззрѣнія киргизовъ, въ одинъ голосъ утверждаютъ, что киргизы скорѣе язычники—огнепоклонники и „имѣютъ рѣшительное отвращеніе къ мечетямъ" **). Но „правительство признаетъ ихъ магометанами (сунитскаго толка), хотя это ничѣмъ не выражаетъ народъ, кромѣ развѣ того, что по требованію султановъ приноситъ пожертвованія на построеніе мечетей, которыхъ никогда не посѣщаетъ" ***). Англійскій путешественникъ *Лансделъ* говоритъ, что киргизы по стольку сдѣлались магометанами, по скольку ихъ принуждали къ исламу сами же русскіе, строившіе мечети и содержавшіе муллъ †).

Я не могу здѣсь касаться вопроса, насколько ревнители корана способствуютъ развитію киргизовъ и сліянію ихъ съ русскими; я здѣсь привожу только факты, чтобы показать, насколько вредно отзывается меж-

---

*) *А. Харузинъ*, указан. сочин. Вып. I, стр. 142.

**) *А. Харузинъ*, указ. соч. Вып. I, стр. 94.

***) *Красовскій*—«Матеріалы для географіи и статист. Россіи». Ч. II. Спб. 1868.—*Мейеръ* пишетъ: «Нерѣдко случается, что муллы и султаны загоняютъ простыхъ киргизовъ плетьми въ мечети; эта мѣра считается весьма естественною и сугубо-полезною». Цит. у *Харузина* въ Вып. I, стр. 94.

†) *Lansdell*—«Russisch-Central-Asien». Bd. I, Leipzig 1885.—Тоже говоритъ *Марковъ* въ статьѣ «Фергана» («Русскій Вѣст.» 1893, № 6, стр. 86—88).—*А. Харузинъ* (Вып. I, стр. 101—102) говоритъ по этому поводу: «укрѣпленіе ислама въ степи совсѣмъ не желательно, а между тѣмъ, со стороны мѣстной администраціи, дѣлается все для омагометаненія киргизовъ. Нельзя при столкновеніи съ инородцемъ оскорблять его религіозныя чувства, нельзя ему насильно съ перваго же дня навязывать православіе, но *не слѣдуетъ потакать враждебному нашимъ государственнымъ началамъ направленію магометанско-татарскому*». *А. Харузинъ* далѣе (стр. 103) отмѣчаетъ такой фактъ: русскіе купцы, выстроивъ «незавидную деревянную церковь на Баскунчакѣ, собирались въ 1887 г. строить каменную мечеть для киргизовъ».—Насколько не успѣшно вліяніе христіанскихъ миссій на магометанъ, прекрасно изложено у *Остроумова* —«Историческій очеркъ взаимныхъ отношеній между христіанствомъ и мусульманствомъ». Спб. 1888. Отд. отт. изъ журн. «Странникъ» за 1888.

ду прочимъ и на развитіи нашей науки фанатизмъ муллъ и среднеазіатскихъ біевъ.

*Зеландъ**), говоря о затрудненіяхъ, встрѣченныхъ имъ при измѣреніи живыхъ, въ особенности женщинъ, замѣчаетъ: „главными препятствіями при этомъ оказались не сами женщины, а *біи*, которые не пропустили случая показать свои глубокія свѣдѣнія въ юриспруденціи, на основаніи которыхъ они пришли къ выводу, что *по ихъ законамъ* такихъ измѣреній производить нельзя, въ особенности надъ бабами".—Проф. *Н. М. Маліевъ***), по поводу добытыхъ имъ въ 1875 г. пяти башкирскихъ череповъ, пишетъ: „Произведенныя мною раскопки сильно взволновали мѣстное башкирское населеніе, въ особенности, когда стало извѣстнымъ, что я намѣренъ взять съ собою вырытыя изъ могилъ кости. Съ ранняго утра началось сильное движеніе въ деревнѣ, шумъ, крики. Наиболѣе недовольные, фанатическіе послѣдователи корана, поддерживаемые муллой, не смотря на свои преклонныя лѣта, съ оживленіемъ бѣгали со двора на дворъ, чтобы воспрепятствовать моимъ работамъ и возбудить умы; на улицѣ раздавались угрожающіе голоса и крики неудовольствія.... Собралась большая сходка, потребовавшая меня на объясненіе. Не безъ нѣкотораго волненія явился я туда. «Пожалуйста, не копай, айда другая деревня.... Магометанскій законъ запрещаетъ такія раскопки",—говорили мнѣ.—„Ты тащишь голова съ собой; когда душа придетъ къ могилѣ, гдѣ она найдетъ своя башка?" Опасаясь довести недовольство жителей до крайняго предѣла, я поспѣшилъ оттуда уѣхать".

Такіе случаи, какъ описанный, къ сожалѣнію, долго еще не отойдутъ въ область преданій.

Если анатомическій институтъ Томскаго университета обладаетъ незначительной коллекціей череповъ и скелетовъ, полученныхъ отъ труповъ магометанъ, которые были доставлены преимущественно изъ томской пересыльной тюрьмы, то это произошло благодаря исключительно счастливому стеченію обстоятельствъ, не смотря на постоянныя препятствія со стороны ревнителей корана. Но, вслѣдствіе ходатайства мѣстнаго муллы передъ администраціей объ изъятіи труповъ магометанъ отъ поступленія въ анатомическій институтъ, послѣдній съ 1893 г. лишенъ надежды обогащаться цѣннымъ антропологическимъ матеріаломъ для изученія киргизовъ, башкировъ, татаръ и др. омагометанившихся народовъ Сибири, Туркестанскаго края, Кавказа и Восточной Россіи, матеріаломъ, которымъ изобилуетъ томская пересыльная тюрьма.

Принимая во вниманіе вышеизложенныя условія, въ которыя поставлено пріобрѣтеніе киргизскихъ череповъ и скелетовъ, мы видимъ, почему имѣю-

*) *Зеландъ*. Стр. 34—35.

**) *Маліевъ*—«Антропологическій очеркъ башкиръ» въ «Трудахъ Общ. Ест. при Имп. Казанск. Унив.». Т. V, Вып. 5. К. 1876. Стр. 9—10.

щіеся у насъ подъ руками два черепа и одинъ полный скелетъ, принадлежащіе киргизамъ Ферганской области, пріобрѣтаютъ особенную цѣнность и значеніе.

I. Географическій, историческій и этнографическій краткіе очерки.

Подъ киргизами разумѣется народность, кочующая въ восточной части Астраханской губерніи и въ юго-западныхъ степяхъ Сибири и русской Средней Азіи. Эту народность составляютъ Малая, Средняя и Большая орды и каракиргизы. Общая цифра первыхъ достигаетъ 3½ милліоновъ, а каракиргизъ—до 300,000 *).

Въ 1802 г. султанъ Малой орды Букей съ частью киргизовъ перекочевалъ за Уралъ, въ Астраханскія степи, чѣмъ и положилъ начало Букеевской ордѣ. Малая орда въ настоящее время занимаетъ Уральскую область, часть Оренбургской губ. и большую часть области Тургайской; Средняя—обитаетъ въ Семипалатинской, Акмолинской и частію Тургайской областяхъ; Большая орда кочуетъ преимущественно въ областяхъ Семипалатинской, Семирѣченской, Сыръ-Дарьинской и въ восточныхъ частяхъ Туркестанскихъ степей.

Однако, этимъ ордамъ названіе «киргизскихъ» придано русскими; «сами себя они, говоритъ *Зеландъ***),—рѣшительно не называютъ киргизами», а зовутъ *казаками*, или, какъ точнѣе пишетъ *А. Харузинъ****), *кхазаками* («съ легкимъ придыханіемъ»), что прежде писалось *кайсаками*. Названіе же «киргизы» даетъ себѣ та сходная почти во всѣхъ отношеніяхъ съ этими *кхазаками* народность, которая обитаетъ главнымъ образомъ въ Тянь-Шаньскомъ хребтѣ, въ Пишпекскомъ и Иссыккульскомъ уѣздахъ Семирѣченской области (90.000), въ областяхъ Сыръ-Дарьинской (47,000), Ферганской (110,000), въ Бухарѣ (50,000) и отчасти въ предѣлахъ Китая и на Памирѣ†). Этихъ киргизовъ русскіе зовутъ *дикокаменными* или *настоящими* киргизами, также *Черной* ордой, *черными* киргизами, *каракиргизами* и *бурутами*.

Изъ приписанныхъ послѣднимъ киргизамъ названій понятно только: «настоящіе киргизы». Названіе «дикокаменные», по *Зеланду*†*), «по всей вѣроятности, произошло отъ обилія скалъ и камней въ мѣстахъ ихъ жительства»; слово «*бурутъ* означаетъ *орелъ*, что можетъ быть въ связи съ тѣмъ, что

*) *Яворскій*—«Опытъ медицинской географіи и статистики Туркестана». Ч. 1. Спб. 1889. Стр. 349 и 354.

**) *Зеландъ*—«Киргизы». Стр. 1.

***) *А. Харузинъ*—«Киргизы Букеевской орды» Вып. 1, стр. 24.

†) *Яворскій*—Указан. соч. стр. 320.

†*) *Зеландъ*—«Киргизы». Стр. 2.

эти киргизы живутъ преимущественно въ высокихъ мѣстахъ. Происхожденіе слова *каракиргизы*, т. е. черные киргизы—неизвѣстно. Сами киргизы говорятъ, будто бы до прихода русскихъ они этимъ именемъ не назывались; по крайней мѣрѣ цвѣтъ ихъ кожи нисколько не темнѣе, чѣмъ у кайсаковъ, слѣдовательно съ этой стороны названіе не оправдывается».

*Марковъ**), описывая киргизъ Ферганской области, говоритъ, что они «всегда въ нахлобученныхъ на глаза характерныхъ острыхъ колпакахъ съ разрѣзанными, вверхъ загнутыми, полями изъ бѣлаго войлока. Эти бѣлыя шапки еще рѣзче оттѣняютъ черноту ихъ лица и ихъ волосъ и придаютъ имъ еще болѣе воинственный видъ». «Глядя на встрѣчавшійся намъ народъ,—пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ**),—на всѣ эти коричнево-смуглыя образины, съ разкосыми глазами, съ широкими приплюснутыми носами, суровыя, густо обросшія чернымъ волосомъ, поймешь, почему ихъ называютъ черными киргизами (каракиргизъ)». Такимъ образомъ, *Марковъ* объясняетъ приставку *кара* впечатлѣніемъ, получаемымъ отъ рѣзкой разницы между загорѣлымъ цвѣтомъ лица и бѣлымъ головнымъ уборомъ.

Съ другой стороны, при ближайшемъ знакомствѣ съ исторіей этого народа, нельзя ли объяснить всѣ данныя русскими названія, включая и приставку *кара* (черный), дикимъ характеромъ ***) каракиргизъ, ихъ по истинѣ орлиными, внезапными набѣгами на наши владѣнія и на подвластныхъ намъ съ прошлаго столѣтія киргизъ-казаковъ? †).—Нынѣшняя Ферганская область, бывшая до 1875 г. Кокандскимъ ханствомъ, представляла въ теченіи двухъ послѣднихъ столѣтій настоящее разбойничье гнѣздо. Жители города Андиджана †*), расположеннаго почти въ центрѣ Ферганской долины, издавна славились хищничествомъ.

---

*) *Марковъ*—«Фергана» въ журн. «Русскій Вѣстн.» 1893, № 7, стр. 85.

**) *Марковъ*—«Русскій Вѣстникъ», 1893. № 9. стр. 28.

***) Любопытно сходство слова киргизскаго «караки», что значитъ «разбойники», съ названіемъ «каракиргизъ».

†) Малая орда въ подданствѣ съ 1732 г., Средняя съ 1734, а Большая—съ 1846 г.; каракиргизы приведены въ покорность лишь съ 1876 г.

†*) По другому правописанію *Андижанъ*. «Названіе городъ получилъ съ тѣхъ поръ, когда былъ занятъ тюрками, колѣномъ *Анди*», говоритъ *Кушелевскій* (стр. 104). По описанію султана *Бабура* (XVI в) въ Андижанѣ «всѣ жители турки» и «славятся своей красотой» (*Кушелевскій*, стр. 105). Въ настоящее время жителей въ туземномъ городѣ «около 30 тысячъ и они всѣ по преимуществу кипчаки» (тамъ же стр. 107). Кипчаки же, какъ говоритъ *Мушкетовъ*, составляютъ племя каракиргизовъ. См. «Памиръ и Алай» въ «Живоп. Россіи», т. X, стр. 319.

I.

Горная система Тянь-Шаня («Небесныя горы» китайцевъ)*), представляя сѣть параллельныхъ хребтовъ, тянется съ юга-запада на сѣверо-востокъ на протяженіи 2,500 верстъ; его линія вѣчнаго снѣга на второстепенномъ его хребтѣ Алаѣ («рай» киргизовъ) достигаетъ 14,000 ф. надъ уровнемъ моря.

Средняя высота Тянь-Шаня въ предѣлахъ Россіи 12,000 ф., мѣстами повышается до 16—18 тысячъ, а хребетъ Тенгри-ханъ («царь духовъ») поднимается до 24,000 ф., хребетъ Петра Великаго достигаетъ до 25,000 ф. Сѣверо-восточная часть Тянь-Шаня, образуя нѣсколько плоскогорій, заключаетъ въ себѣ озера, поднятыя на значительную высоту, изъ которыхъ самое большое Иссыккуль расположено на 5,300 ф. Съ юга къ системѣ Тянь-Шаня примыкаетъ высокое плоскогоріе Памиръ (Бамъ-и-Дунья—«крыша міра» персовъ), достигающее 12—14 тысячъ ф. н. у. м. «Здѣсь,—говоритъ *Генри Юль*,—если вѣрны нѣкоторыя толкованія, находится колыбель рода человѣческаго, о которой повѣствуютъ *Моисей* и арійскія преданія». Къ этому плоскогорію пріурочены и монгольскія преданія о раѣ, какъ первобытномъ жилищѣ народовъ.—Тянь-Шань дважды глубоко прорѣзанъ широкими долинами—Ферганской и Илійской. Ферганская долина вдвигается въ Тянь-Шань съ запада и ограничена хребтомъ Алай на югѣ и цѣпью горъ Ферганскихъ, Уткалъ и Чаткалъ на сѣверѣ. Въ глубинѣ долины протекаетъ Сыръ-Дарья, начало которой, р. Нарынъ, бурно пробиваетъ себѣ путь черезъ разсѣлины скалъ. Кромѣ входныхъ воротъ близъ Ходжента, лежащаго на западѣ долины, въ Фергану съ другихъ сторонъ ведутъ лишь неудобныя, часто опасныя горныя тропы, проведенныя еще въ древнѣйшія времена человѣческими руками.

II.

Берега озера Иссыккуля имѣли поселенія въ отдаленныя отъ насъ времена. Въ началѣ II вѣка до Р. Х. китайцы, желая положить предѣлъ вторженіямъ кочевниковъ съ запада, около великаго изгиба Желтой рѣки, вытѣснили жившихъ здѣсь темноволосыхъ *юэчжи*, тибетскаго племени, и русоволосыхъ и голубоглазыхъ *усуней*, индо-европейскаго племени. Послѣдніе заняли Илійскую долину и Иссыккульскую котловину, гдѣ и жили

*) Я позволилъ себѣ вкратцѣ изложить географическое положеніе Ферганы и озера Иссыккуля, а равно и исторію населенія этихъ мѣстъ, въ виду того, что имѣющійся у насъ матеріалъ (черепа) принадлежитъ киргизамъ Ферганской области, а одинъ изъ взятыхъ для сравненія череповъ добытъ со дна озера Иссыккуля. Изложеніе сдѣлано преимущественно по сочиненіямъ *Миддендорфа, Яворскаго* и авторовъ—составителей Т. X «Живописной Россіи» (*Семенова, Мушкетова* и др.).

нѣсколько вѣковъ, ведя кочевый образъ жизни. Усуни имѣли городъ—Чигу-Чжень—у восточной оконечности Иссыккуля, существовавшій еще въ V вѣкѣ нашей эры. Полагаютъ, что этотъ городъ исчезъ подъ волнами озера, благодаря провалу. Иссыккульскія волны по временамъ выбрасываютъ на берега различныя древнія вещи: жернова, мѣдныя орудія, каменныя молотилки, кирпичи, человѣческія кости и проч.*). Есть указаніе, что въ X—XIV вѣкѣ на сѣверо-восточной сторонѣ Иссыккуля стоялъ несторіанскій монастырь, но неизвѣстно, долго ли онъ существовалъ и даже не найдено мѣста, гдѣ онъ былъ построенъ. Въ началѣ XV в. по южному берегу озера проходилъ съ своими войсками Тамерланъ. На картѣ Джунгаріи *Іоганна Рената*, составленной въ XVIII в., «на сѣверномъ берегу озера обозначено имя *усуней*, а такъ какъ нынѣ три племени Большой орды носятъ собирательное имя *Усунь*, то несомнѣнно, что остатки *усуней*, нѣкогда властвовавшихъ на Иссыкъ-кулѣ, вошли въ разноплеменный союзъ казаковъ или кайсаковъ, которому русскіе дали названіе киргизъ-кайсацкаго народа» (*Семеновъ*, 343).

Древнѣйшая же исторія Ферганы связана съ исторіей Ассиріи, Персіи, Китая, Индіи, Греціи и Македоніи. Туземное населеніе Средней Азіи первоначально принадлежало скиѳскимъ племенамъ арійскаго происхожденія. Въ началѣ нашей эры (II вѣкъ) центральная часть пояса степей была занята тюрко-монгольскими племенами, разъединившими потомковъ скиѳовъ: послѣдіе частью остались въ занимаемой ими Индіи, частью отодвинулись къ сѣверо-западу. Не вдаваясь въ историческія подробности, обстоятельно изложенныя въ трудѣ г. *Яворскаго* **), я считаю необходимымъ указать, что послѣ разгрома Чингисханомъ Азіи и восточной Европы (1218—1226), спустя два столѣтія, Фергана занимаетъ въ исторіи видное мѣсто. Въ концѣ XIV в., владыка ея Тамерланъ, основавъ на развалинахъ имперіи Чингисхана свое всемірное царство, избралъ себѣ резиденціей Самаркандъ, сына же своего послалъ управлять Андиджаномъ. Въ половинѣ XV в., въ періодъ паденія царства Тимуридовъ, происходитъ борьба киргизовъ съ узбеками. Оба народа представляютъ, какъ думаютъ, осѣвшіе въ Средней Азіи остатки разноплеменной рати Чингисхана. Предполагаютъ, что киргизы первоначально обитали въ долинѣ Верхняго Енисея и на Черномъ Иртышѣ и въ VI в. проникли въ бассейнъ Иссыккуля, гдѣ живутъ и теперь «подъ древнимъ своимъ названіемъ кергизъ или киргизъ (черные или дикокаменные киргизы)»; съ VI до IX в. они вели борьбу съ турками (*Семеновъ*, 339).—

*) По мнѣнію *Зеланда*, «въ бассейнѣ нынѣшняго Иссыккуля были не одинъ, а нѣсколько городовъ». Стр. 7.

**) *Яворскій*—указан. соч. стр. 241—310, а также у *Миддендорфа* въ упом. сочин., стр. 368—385.

Въ началѣ XVI в. узбеки овладѣли Ферганой и бассейномъ рѣкъ Аму и Сыръ-Дарьи. Въ половинѣ XVII ст. узбекскій предводитель Ша-рахъ-бекъ, выходецъ изъ Поволжья, основалъ Кокандское ханство *).

«Съ той поры,—говоритъ *Миддендорфъ* (384),—Коканъ былъ ареною непрерывнаго ряда насилій. Онъ то оборонялся отъ своихъ сильныхъ сосѣдей, живущихъ въ юго-западныхъ оазисахъ—Хивѣ и Бухарѣ, то распространялъ свою власть на весь Западный Туркестанъ, даже до Аральскаго моря. Внутри же страны господствовалъ восточно-варварскій порядокъ въ его наиболѣе типичной формѣ. Насильственные захваты, отравленія, умерщвленіе цѣлыхъ династическихъ родовъ ближайшими родственниками, ночныя нападенія, утопленіе, сажаніе прежнихъ властителей на колъ живьемъ, похищеніе юныхъ принцевъ для приданія законности возстанію, претенденству, регенству и т. д., слѣдовали одно за другимъ безпрерывной чередою».

Съ начала XIX столѣтія Кокандъ постоянно дѣлаетъ набѣги на Китай; самый значительный набѣгъ былъ произведенъ въ 1827 г., когда киргизы и «андиджанцы» разграбили Восточный Туркестанъ. Въ 40-хъ годахъ независимые *буруты* побѣждаютъ «въ злой сѣчѣ» смѣлаго наѣздника—батыря (богатыря) Кенисара Касимова, поднявшаго знамя независимости киргизъ-казацкой орды.

Постоянные набѣги разноплеменныхъ хищниковъ на наши границы, а также смуты и неурядицы, происходившія съ среднеазіатскихъ ханствахъ, заставляли наше правительство съ каждымъ десятилѣтіемъ подвигать войска ближе къ Ферганской долинѣ. Вслѣдъ за паденіемъ въ 1875 г. Кокандскаго ханства, которое было переименовано въ Ферганскую область, въ Андиджанѣ разыгралось возстаніе, и только въ слѣдующемъ году каракиргизы и алайскіе киргизы были приведены въ покорность силою оружія.

Выдѣливъ вкратцѣ исторію киргизовъ, мы видимъ, что они никогда не отличались чертами, свойственными нравственно-сильной народности. Напротивъ, они играютъ видную роль только какъ хищники: то рати Чингисхана, то Тамерлана, то менѣе извѣстныхъ предводителей.

Благодаря тому, что Фергану проходили, грабили и занимали разныя племена, ея населеніе издавна не могло быть однороднымъ. Каждое полчище, проникавшее въ Фергану, считало долгомъ истреблять мужское населеніе и при этомъ полоняло населеніе женское, чѣмъ производило смѣшеніе расъ **).

---

*) Указаніе *Хорохмина*; по другимъ—Коканъ основалъ Абду-Рагимъ-бій въ 1732 г. См. у *Кушелевскаго*, т. II, стр. 66.

**) Такой образъ дѣйствій былъ свойственъ не однимъ кочевникамъ, но и полчищамъ Александра Македонскаго, истреблявшимъ въ Средней Азіи города и даже цѣлыя племена (въ 329—327 г. до Р. Хр.) См. у *Яворскаго*, Op. cit., стр. 265—266. Да—какъ видно изъ былины о Вольгѣ Всеславьевичѣ—не чужды были ему и наши предки. См. «Книга о Кіевскихъ богатыряхъ. Сводъ былинъ древне-кіевскаго эпоса». Составилъ *Авенаріусъ*. Спб. 1876. Стр. 13—14.

Вотъ почему здѣсь существуетъ цѣлая народность, получившая издавна свое названіе не вслѣдствіе племеннаго происхожденія, а рода занятій и образа жизни: это — сарты. «Сартъ» — презрѣнное въ глазахъ кочевника слово, означающее «земледѣльца»*) Сартовъ въ области болѣе 475.000, а во всемъ Туркестанскомъ краѣ до 2 милліоновъ (*Яворскій*, 320).

Говоря о совершающемся въ настоящее время «великомъ переворотѣ во всемъ строѣ внутренняго быта киргизскаго народа», именно о перемѣнѣ его кочеваго образа жизни на осѣдлый, г. *Яворскій* (351 – 352) указываетъ, что въ этой перемѣнѣ наблюдается нѣсколько фазъ. Такъ сначала мѣста перекочевокъ имѣютъ меньшій радіусъ, чѣмъ прежде, какъ это происходитъ у киргизовъ Малой орды; затѣмъ кругъ кочевки ограничивается небольшими округами, какъ это видно у киргизъ Большой орды; далѣе является потребность проводить зиму въ постоянныхъ болѣе или менѣе прочныхъ жилищахъ (кишлакахъ), а весною, передъ уходомъ на кочевку, засѣвать небольшіе участки простѣйшими сортами хлѣбныхъ растеній, какъ это въ широкихъ размѣрахъ наблюдается у киргизовъ Ферганской области. «Затѣмъ кочевка превращается въ краткодневную роскошь, въ замѣну душныхъ мазанокъ и землянокъ кибитками», какъ это происходитъ въ Кураминскомъ, Джизакскомъ и Чимкентскомъ уѣздахъ (Сыръ-Дарьинской области), а также у башкиръ Оренбургской и Самарской губерніи,—и наконецъ, «послѣдней фазой является полное прикрѣпленіе къ землѣ съ весьма слабыми намеками на бывшій кочевой образъ», какъ у большинства кураминцевъ, воздвигающихъ грандіозныя ирригаціонныя сооруженія, у узбековъ, у башкиръ Уфимской губ.

Общая площадь Ферганской области равняется 84,000 квад. верстъ**). Общая цифра населенія, по *Яворскому* (320), 660 т., при чемъ на долю *каракиргизъ* (киргизъ-казаковъ нѣтъ) приходится 110 т. и 9 т. прочихъ тюрко-монгольскихъ народностей. По *Кушелевскому*, въ 1888 г. общее число жителей области опредѣлялось въ 775,600 ч., изъ нихъ туземцевъ 773,394 ч., изъ послѣдней цифры на долю *киргизъ* приходится 112,170 ч.— Статистики Ферганы, очевидно, названія «киргизъ» и «каракиргизъ» считаютъ равнозначущими.

---

*) *Остроумовъ* («Сарты», Вып. I. Ташкентъ. Изд. авт. 1890), соглашаясь съ *Лерхомъ*, что «слово *сартъ* съ самаго начала отнюдь не имѣло племеннаго значенія» (28), заключаетъ, что оно «имѣетъ происхожденіе очень древнее» и прилагается къ туземнымъ жителямъ городовъ и селеній, но не заключаетъ въ себѣ ни ругательнаго, ни насмѣшливаго значенія, какъ думаютъ нѣкоторые авторы (31). Кочевникъ (киргизъ), дѣлаясь осѣдлымъ горожаниномъ, называется сартомъ.

**) *Яворскій*, 1 т., стр. 316. По *Кушелевскому* (указ. соч. т. II)—90.000. По *Миддендорфу* (стр. 328), Фергана занимаетъ площадь въ 1330 кв. миль, или 65. 170 кв. в.

III.

Всѣ авторы причисляютъ киргизовъ къ группѣ тюрко-татарскихъ племенъ.

Винклеръ *) говоря, что «тюркскія племена Средней Азіи (киргизы, каракиргизы, узбеки и др.) даютъ почти тѣже цифры широтныхъ отношеній (черепа), какъ и чистые монголы», соглашается съ *Диффенбахомъ*, по мнѣнію котораго въ уральской вѣтви народовъ тюрки по психикѣ и физикѣ стоятъ ближе всего къ монголамъ и всего больше отдаляются отъ финновъ.

Акад. *Шренкъ* **) замѣчаетъ: нѣкоторые народы, по языку турко-татарскіе, каковы якуты и киргизы, имѣютъ монгольское строеніе лица.

Петри ***) относитъ киргизъ къ тюркамъ, составляющимъ одну изъ „периферическихъ группъ" народовъ монгольскаго типа.

В. М. Флоринскій †), отдѣляя башкиръ отъ монголовъ и причисляя ихъ къ группѣ тюрко-татарскихъ племенъ, замѣчаетъ: «Соединенные въ одно политическое цѣлое со времени Чингиза, монголы и татары естественно должны были заимствовать другъ у друга весьма многое, какъ относительно языка, такъ и въ привычкахъ и обычаяхъ. При политическомъ единствѣ помѣсь должна была идти еще дальше—должна была отразиться на самомъ анатомическомъ типѣ. И дѣйствительно, мы видимъ это на киргизахъ, гдѣ анатомическій типъ напоминаетъ много монгольской помѣси. То же самое можно замѣтить въ привычкахъ и обычаяхъ. Киргизская шляпа и юрта суть признаки монгольскіе, хотя, съ другой стороны, языкъ киргизовъ скорѣе приближаетъ ихъ къ тюркскому племени. Эта помѣсь анатомическихъ и этнографическихъ признаковъ у киргизовъ выражается настолько рѣзко, что они могутъ считаться чѣмъ-то среднимъ между монголами и тюрками, тогда какъ у башкиръ монгольскія черты почти не замѣтны, и вообще башкиры стоятъ гораздо ближе къ татарамъ, нежели къ монголамъ.»

Радловъ †*) пишетъ: «Судя по внѣшности киргизъ—казаковъ, можно сказать, что этотъ народъ представляетъ смѣсь народовъ монгольскаго и кавказскаго племенъ. Большая часть киргизскихъ физіономій указываетъ на сильное вліяніе монгольской крови. *Левшинъ* объясняетъ это тѣмъ, что киргизы въ теченіи многихъ вѣковъ старались брать въ жены калмычекъ; въ особенности это часто случалось въ прошломъ столѣтіи послѣ покоренія возвращающейся съ Волги Торгоутской орды. Вотъ почему еще до сихъ поръ у киргизовъ женщины черноволосы, между тѣмъ мужчины болѣе

*) *Winkler*—„Uralaltaische Völker und Sprachen". Berlin. 1884. S. 15—17.

**) *Шренкъ*—Объ инородцахъ Амурскаго края, Т. 1, Спб. 1883. Стр. 211.

***) *Петри* „Антропологія". Т. 1. Спб. 1890. Отр. 103.

†) *Флоринскій*—«Башкирія и башкиры» въ «Вѣстникѣ Европы» 1874 г. Кн. 12, стран. 728—729.

†*) Radloff—„Aus Sibirien„ Bd. 1. Leipzig. 1884. S. 410—411 и 526.

шатены. Но я думаю, что такое смѣшеніе имѣло мѣсто значительно ранѣе, такъ какъ, по моему, цѣлыя колѣна киргизовъ чисто монгольскаго происхожденія, напр., Найманы. Монгольскій типъ здѣсь выраженъ не такъ рѣзко, какъ у алтайскихъ калмыковъ: хотя киргизы также обладаютъ широкими плоскими лицами, однако ихъ лобъ менѣе покатъ, чѣмъ у калмыковъ, скуловыя кости не такъ рѣзко выступаютъ, а носовыя—болѣе выдвинуты изъ плоскости лица, чѣмъ у алтайскихъ калмыковъ.—У киргизовъ маленькій ротъ, черные узко-разрѣзанные, но не косо лежащіе глаза, и очень жидкая бородка. Среди этихъ наиболѣе родственныхъ монгольскому типу физіономій мы встрѣчаемъ, почти во всѣхъ киргизскихъ семьяхъ, лицъ съ совершенно инымъ типомъ: овально-удлиненныя физіономіи, болѣе рѣзко окрашенные черные глаза, густыя брови, густую бороду и выдающіеся впередъ сильно горбатые носы.—Роста киргизы въ общемъ средняго, хотя среди нихъ не рѣдко встрѣчаются лица очень высокаго роста,—широкоплечи, коренасты, съ широкой часто бычачьей шеей (mit breitem, oft stierartigem Nacken)".

„Совершенно на той же степени цивилизаціи, что и киргизъ-казаки, стоятъ ихъ юговосточные сосѣди—каракиргизы. По языку, нравамъ и обычаямъ, одеждѣ и устройству жилищъ, равнымъ образомъ по роду занятій и образу жизни, каракиргизы въ очень малой степени отличаются отъ киргизъ-казаковъ.—Типъ каракиргизовъ значительно разнится отъ типа киргизъ-казаковъ, что въ особенности мнѣ бросилось въ глаза при первомъ посѣщеніи каракиргизовъ изъ племени Бугу, которыхъ я видѣлъ на р. Каркарѣ въ 1862 г. Физіономія каракиргизовъ въ сильной степени напоминаетъ мнѣ обличье горныхъ калмыковъ или телеутовъ».

По мнѣнію *Яворскаго*)* «каракиргизы составляютъ народъ тюркскаго племени, образуя довольно обособленную вѣтвь общекиргизскаго народа... Изъ всѣхъ народовъ Туркестана тюркскаго племени каракиргизы наиболѣе приближаются къ типу монгольскому».

«Киргизы (Средней и Малой орды),—читаемъ мы у *Латкина***)—замѣчательно рослы, обыкновенно выше средняго роста, отличаются здоровымъ плотнымъ тѣлосложеніемъ... Болѣе рослые, стройные и ловкіе встрѣчаются въ южныхъ волостяхъ областей Тургайской и Акмолинской; между этими киргизами встрѣчаются лица болѣе тюркскаго типа, чѣмъ монгольскаго. У киргизовъ широкое, плоское лицо, выдающіяся скулы, узкіе, впалые глаза темнаго цвѣта, кожа смуглая. Киргизскія женщины небольшаго роста, черноволосы.»

---

*) *Яворскій*—„Опытъ медицинской географіи и статистики Туркестана". Ч. I. Спб. 1889. Стр. 354.

**) *Латкинъ*—«Малая и Средняя киргизская орда» въ сборникѣ *Семенова* «Живописная Россія». Т. X. Спб.—М. 1885. Стр. 189.

*Марковъ**) о киргизахъ Ферганы (каракиргизахъ) говоритъ, что «это все крѣпкій, плотный, ширококостный народъ, здоровый и сильный, съ наклонностію къ ожирѣнію; смуглы до черна, съ всклоченными черными бородами, суроваго и смѣлаго взгляда... Теперешніе киргизы несомнѣнно потомки Чингисовыхъ, Тамерлановыхъ и другихъ воинственныхъ полчищъ, проносившихъ огонь и мечъ по городамъ и весямъ Средней Азіи. Хотя въ нихъ огромная доля монгольской крови, судя по характерному типу ихъ лица, который нашъ русскій солдатикъ мѣтко прозываетъ «калмыковатымъ», однако, между ними и настоящимъ монголомъ, какъ, напримѣръ, калмыкомъ или китайцемъ, разница громадная».

По указанію *Кушелевскаго***), «на Памирѣ живутъ каракиргизы монгольскаго племени, родственные нашимъ Алайскимъ. У нихъ некрасивое лицо, съ широкими скулами, и отличаются отъ другихъ киргизовъ тѣмъ, что у многихъ сильно развиты борода и усы».

Такимъ образомъ, по мнѣнію *Радлова* и *Яворскаго*, типъ каракиргизовъ стоитъ ближе къ монгольскому, чѣмъ типъ киргизъ-казаковъ; эти мнѣнія подтверждаются и описаніями, съ одной стороны, *Латкина*, съ другой, *Маркова* и *Кушелевскаго*, при чемъ, однако, послѣдніе указываютъ на развитыя бороды каракиргизовъ, особенность, не свойственную ни монгольскому, ни тюркскому типамъ. Отзывы нижеслѣдующихъ авторовъ, по моему мнѣнію, имѣютъ для насъ болѣе значенія, такъ какъ ихъ наблюденія отличаются большей тщательностью.

Султанъ *Мендали Ширалиевъ****) (самъ киргизъ—казакъ) пишетъ о каракиргизахъ: «Киргизы—это особый отъ насъ народъ, обитающій около озера Иссыкуля и къ юго-востоку отъ него, народъ одного съ нами тюркскаго племени, но политически совершенно намъ чуждый».

Уйфальви†) говоритъ, что между тѣмъ какъ киргизы—кочевники степей, каракиргизы—кочевники горъ, что типы ихъ измѣнились подъ вліяніемъ чисто-мѣстныхъ условій, что типъ киргизъ-кайсаковъ, благодаря смѣшенію съ многочисленными народностями, варіируетъ гораздо больше, чѣмъ типъ каракиргизовъ и что главное различіе въ типѣ тѣхъ и другихъ заключается въ болѣе темномъ цвѣтѣ кожи (доходящемъ до цвѣта обугленнаго дерева) на открытыхъ мѣстахъ у послѣднихъ. *Уйфальви* считаетъ каракиргизовъ красиво-сложенными и рослыми и ставитъ ихъ, какъ исключеніе среди тюрко-монголовъ.

---

*) *Марковъ*—„Фергана“ въ „Русск. Вѣст.“ 1893. № 7, стр 85. 92—93. Также № 9, стр. 28.

**) *Кушелевскій*—„Матеріалы для медицинск. географіи и санитарнаго описанія Ферганской обл.“ Т. II. Н. Маргеланъ. Стр. 146.

***) *А. Харузинъ* считаетъ мнѣніе *Ширалиева* болѣе вѣскимъ, чѣмъ мнѣніе *Радлова*. Вып. 1, стр. 287.

†) Указан. соч.—„Le Kohistan, le Ferghanah et Koulidja“. Paris. 1878. Цит. у *А. Харузина*, Вып. 1, стр. 288 и у *Миддендорфа*, стр. 405—411.

По мнѣнію *Катрфажа* и *Ами* *) киргизы—болѣе, вообще говоря, тюрко-монголы, чѣмъ узбеки; авторы, слѣдуя *Уйфальви*, считаютъ каракиргизовъ частью обще-киргизскаго народа.

Топинаръ **) причисляетъ киргизовъ (бурутовъ и кайсаковъ) вмѣстѣ съ якутами, узбеками, нагайцами и др. къ группѣ *Тюркскихъ* народовъ, при чемъ указываетъ, согласно *Кляпроту*, что киргизы и узбеки, будучи сходны во многихъ отношеніяхъ съ монголами, представляютъ болѣе или менѣе измѣнившіеся остатки жившихъ на Алтаѣ *уйгуровъ*, на языкѣ которыхъ говорятъ и теперь буруты.

Федченко ***), путешествовавшій по горамъ Кокандскаго ханства въ 1871 г., говоритъ, что въ наружности каракиргизовъ онъ не замѣтилъ «существенныхъ отличій» отъ киргизъ-казаковъ (ташкентскихъ): «можно было замѣтить, дабавляетъ онъ, только нѣкоторую грубость въ ихъ чертахъ».

Изъ путешественниковъ, описывавшихъ каракиргизовъ, у акад. *Миддендорфа* †) мы встрѣчаемъ первую «попытку» дать полную характеристику этого народа, по частнымъ физическимъ признакамъ, въ проведенной параллели между типами таджика (иранскаго происхожденія) и каракиргиза:

	I. Таджикъ.	II. Кара-киргизъ.
	У обоихъ черепъ спереди назадъ короткій (настолько брахицефалическій, что діаметръ по ширинѣ почти равенъ діаметру по длинѣ), волоса смуглые, радужная оболочка темная, очень тощія икры, маленькія ноги и руки.	
Черепъ.	емкій и высокій	больше въ обхватѣ по ширинѣ, но ниже (платицефалическій и хамецефалическій).
Темя . . .	высокое, круглосводчатое	низкое, спускающееся на обѣ стороны
Очертаніе лица	овальное	кругловато-четырехъ угольное
Лобъ	благородный, высокій и широкій	низкій, покатый назадъ
Надбровныя дуги	выступающія, густо и дугообразно покрытыя волосами	плоскія, покрытыя волосами слабо и горизонтально
Разстояніе внутреннихъ глазн. угловъ	уже, чѣмъ прорѣзъ между вѣками	шире этого прорѣза

*) *A. de Quatrefages et T. Hamy*—„Les crânes des races humaines". Paris. 1882. Pag. 412.

**) *Топинаръ*—„Антропологія". Пер. Спб. 1879. Стр. 456—457.

***) *Федченко*—„Путешествіе въ Туркестанъ", Т. 1, ч. II. „Въ Коканскомъ ханствѣ", стр. 71, въ „Извѣстіяхъ" Моск. Общ. Люб. Е., А. и Э. Т. XI. вып. 7. Спб.—М. 1875.

†) *Миддендорфъ*—„Очерки Ферганской долины". Спб. 1882. Стр. 394.

Межбровье	возвышенное	плоское
Переносье.	впадистое	плоское
Глаза	европейскіе	съ монгольскимъ разрѣзомъ (но лишь слегка косые, съ приподнятыми наружными углами), огненно-подвижные
Носъ. . .	толстый, высоко-выступающій, горбатый (еврейскій)	у корня плоскій и широкій, не рѣдко короткій и притупленный
Яремныя дуги (челюсти).	сдавленныя на европейскій ладъ (криптозигическія)	широкія и толстокостныя, выпячивающіяся въ стороны (фанерозигическія)
Жевательные органы	при разсматриваніи сбоку, отвѣсны (ортогнаты, прямозубые)	вытянутые впередъ (прогнаты, косозубые)
	при разсматриваніи спереди, овальнаго очертанія	настолько широки въ челюстныхъ углахъ, что этимъ обусловливается квадратная форма лица
Губы. . .	европейскія	вздутыя
Волосы . .	каштаново-черные, вьющіеся	черные, гладкіе
Борода . .	очень густая (волосяной покровъ на щекахъ, вокругъ рта и на подбородкѣ)	безбородые (или лишь слѣды бороды); особенно лишены волосъ щеки (нѣтъ бакенбардовъ) и углы рта
Затылокъ .	средне-толстый	толстый и короткій
Наружный видъ рослый		короткій, приземистый, широкоплечій
Ноги и руки умѣренной величины		маленькія
Тазъ	европейскій	монгольскій

Дѣлая эту «попытку» установить типъ каракиргизовъ, *Миддендорфъ* имѣлъ въ виду мнѣніе *Пеше* (Die Arier, 1878 p. 43), что «уже втеченіи тысячелѣтій нѣтъ вполнѣ однородныхъ народовъ; но есть не мало особей, представляющихъ въ чистотѣ расовый характеръ своего народа» (393). Только этимъ и можно объяснить, почему *Миддендорфъ*, встрѣчая на пути харак-

терныя лица при низкомъ ростѣ, поставилъ, вопреки измѣреніямъ и наблюденіямъ *Уйфальви*, «короткій, приземистый» наружный видъ въ число характеристическихъ признаковъ для каракиргиза. Однако, въ концѣ концовъ, *Миддендорфъ* признается, что «у насъ нѣтъ данныхъ, на основаніи которыхъ мы могли бы точно установить физическія различія между узбеками и киргизъ-кайсаками, и кара-киргизами или кипчаками (407)» и что «различеніе этихъ тюрко-монгольскихъ племенъ нынѣ, кажется, имѣло-бы почти только историко-политическое значеніе: узбеки, киргизъ-кайсаки, кара-киргизы и кипчаки словно слились въ одно цѣлое, изъ котораго невозможно выдѣлить его составныхъ частей» (408).

По мнѣнію *Зеланда**), кара-киргизы и киргизъ-казаки «въ сущности представляютъ одинъ народъ. Типъ ихъ настолько сходенъ,—говоритъ авторъ,—что я до сихъ поръ не берусь отличить по наружности каракиргиза отъ киргизъ-казака» и что если есть какое различіе въ языкѣ, то во всякомъ случаѣ, «оно менѣе, чѣмъ различіе между великорусскимъ и малороссійскимъ нарѣчіями».

Зеландъ характеризуетъ**) киргизовъ слѣдующимъ образомъ: «Киргизъ средняго роста, довольно строенъ, широкъ въ плечахъ, шея не коротка и не толста, грудь очень хорошо развита, ноги прямыя, кисти рукъ и ступни небольшія. Цвѣтъ кожи смуглый, волосы темные. Голова, покрытая жесткими, черными, коротко остриженными или выбритыми волосами, представляетъ сильно брахицефалическую форму (короткоголовость въ особенности выражена у каракиргизовъ), съ обостреніемъ кверху. Боковыя ея части отъ ушей поднимаются большею частью не кнаружи, а вертикально, или тотчасъ наклоняются слегка внутрь, къ темени; у нѣкоторыхъ, если смотрѣть спереди или сзади, по среднему шву даже замѣчается килевидное возвышеніе (лодкообразная голова). Задняя часть тоже очень мало развита, у нѣкоторыхъ спускъ отъ макушки къ затылку даже круче, чѣмъ ко лбу. Тѣмъ не менѣе и лобная часть наклонена довольно значительно, вслѣдствіе чего лицевой уголъ меньше, чѣмъ у европейца. Уши средней величины, но у многихъ они, въ верхней части или даже во всю длину, торчатъ кнаружи, вслѣдствіе глубокаго надвиганія мѣховой шапки..... Выстояніе скулъ менѣе бросается въ глаза, чѣмъ у чисто монгольскихъ народовъ. Вообще лицо киргиза не соотвѣтствуетъ исто-монгольскому типу. Когда я въ первый разъ увидѣлъ бурятъ въ Забайкальскомъ краѣ, меня поразило сходство ихъ съ наружностью гунновъ, описаніе которыхъ оставилъ потомству латинскій историкъ

*) *Зеландъ*—„Киргизы", стр. 2. „Записки Западно-Сибирскаго Отд. И. Р. Г. О.". Кн. VII, вып. II.

**) Въ данномъ случаѣ я передаю характеристику только по „описательнымъ" признакамъ; тоже дѣлаю ниже по отношенію наблюденій *А. Харузина* и *Тронова*. Характеристика на основаніи измѣреній будетъ предметомъ слѣдующей главы.

Ammianus Marcellinus. *Киргизы же болѣе приближаются къ благообразному кавказскому или арійскому типу.* Лобные бугры и возвышенія мало выражены, брови большею частью дугой, темныя и густыя, глаза прямые и довольно большіе, темные, безъ складки вдоль верхняго вѣка... Иногда попадаются киргизы, у которыхъ направленіе глазъ слегка косвенное, но это исключеніе. Носовая выемка незначительная, носъ выдающійся, не слишкомъ широкій, вогнутый, прямой или горбатый. Ротъ небольшой, но верхняя губа большею частью нѣсколько выдающаяся; зубы прямые, бѣлые и средней величины. Зубы мудрости иногда показываются очень поздно. Подбородокъ средній, иногда выдающійся. Усы и борода у нѣкоторыхъ свѣтлѣе головныхъ волосъ и большею частью довольно жидкіе; вообще волосами кожа киргиза не богата, кромѣ головной части и бровей. Кожа довольно гладкая, отдающая запахомъ дыма. Выраженіе лица бодрое. Тѣло киргиза весьма закалено и обладаетъ большимъ здоровьемъ и энергіей сопротивленія, чѣмъ тѣло культурнаго человѣка. Температура крови выше, выносливость къ холоду, жару, голоду и жаждѣ замѣчательная, боль и физическія страданія выносятся терпѣливо. Замѣчательная жизненность сказывается при раненіяхъ: значительныя раны, даже черепныя, часто протекаютъ безъ лихорадки и безъ исчезновенія аппетита, а члены, перерубленные по суставу или по протяженію костей, заживаютъ безъ дальнѣйшихъ околичностей. Болѣзней у киргизъ вообще меньше. Мышечная сила выше средней, но все-таки киргизъ слабѣе русскаго простолюдина» (35—37).

Мнѣніе *Зеланда*, что киргизы болѣе приближаются къ благообразному (по нашимъ понятіямъ) арійскому типу, чѣмъ къ монгольскому, представляется весьма любопытнымъ не только въ виду мнѣній *В. М. Флоринскаго*, *Радлова*, *Яворскаго* и др., но и при сопоставленіи съ мнѣніемъ *А. Харузина*. Всѣ эти авторы сходятся какъ разъ въ томъ, что киргизы стоятъ на срединѣ между кавказскимъ и монгольскимъ типами, склоняясь въ сторону послѣднихъ. И *Топинаръ**) говоритъ: «первичный тюркскій типъ долженъ былъ существовать, но только въ настоящее время его невозможно опредѣлить; вѣроятно, онъ приближался къ монгольскому типу». Какъ ни одиночно, такимъ образомъ, мнѣніе *Зеланда*, однако и оно заключаетъ въ себѣ нѣкоторую долю истины, которую я попытаюсь, хотя бы отчасти, раскрыть ниже.

А. Харузинъ **) слѣдуя за *Уйфальви* и *Зеландомъ*, полагаетъ, что каракиргизы и киргизъ-казаки «составляютъ одно племя. Я считаю возможнымъ—говоритъ онъ—соединить каракиргизовъ и киргизъ-кайсаковъ въ одну антропологическую группу» (12). Но изъ того факта, что *Уйфальви*

*) *Топинаръ* „Антропологія“, пер. Спб. 1879. Стр. 457.

*) *А. Харузинъ* — „Киргизы Букеевской орды“. Вып. 1. М. 1889.

измѣренія каракиргизовъ и киргизъ-казаковъ «не подводитъ подъ общій итогъ и ставитъ ихъ отдѣльно другъ отъ друга», *А. Харузинъ* заключаетъ, что «это обстоятельство заставляетъ насъ относиться къ вопросу объ единствѣ каракиргизовъ съ киргизъ-кайсаками съ осторожностью. Хотя,—продолжаетъ онъ дальше,—многія измѣренія (среднія цифры), полученыя мною на киргизахъ, почти тожественны съ цифрами, полученными *Зеландомъ* на каракиргизахъ» (289).

Мнѣ кажется, что разъ, съ одной стороны, мы имѣемъ данныя, говорящія за варіированіе типа каракиргиза и киргизъ-казака, съ другой стороны, за то, что эти варіаціи сходятся часто въ такомъ общемъ и распространенномъ типѣ, который даетъ намъ основаніе соединить въ одну антропологическую группу эти родственныя по языку и быту племена,—наша задача и должна заключаться именно въ болѣе точномъ опредѣленіи этого общаго типа. Если подмѣченный нами типъ будетъ часто встрѣчаться у череповъ (и скелетовъ) курганныхъ и могильныхъ, древнихъ и новыхъ, какъ на пространствѣ, занимаемомъ нынѣ данной народностью, такъ и внѣ его,—то мы получимъ руководящую нить для болѣе точнаго опредѣленія, при помощи, правда, исторіи и археологіи, путей народныхъ движеній. Такая распространенность во времени обрисованнаго типа ясно будетъ говорить за то, что установленный нами типъ реаленъ, т. е. что онъ именно *типъ*, а не *помѣсь*, легко исчезающая во времени и по своему характеру не стойкая, а склонная быстро распадаться на свои составные элементы (первоначальные типы).

Я думаю, что именно эту общую мысль хотѣлъ приложить *А. Харузинъ* къ киргизамъ, говоря: „лично я склоненъ думать, что каракиргизы и киргизъ-кайсаки представляютъ одну и ту же антропологическую группу, которая, варіируя сама въ себѣ, представляетъ часто большую разницу и по мѣстностямъ, и по родамъ, и по отдѣльнымъ индивидуумамъ, что не трудно встрѣтить двухъ киргизовъ по типу сильно разнящихся другъ отъ друга, съ другой же стороны не трудно встрѣтить киргиза и каракиргиза, по типу тожественныхъ» (289).

Положеніе о единствѣ киргизовъ и каракиргизовъ *А. Харузинъ* высказываетъ, какъ выводъ послѣ разсмотрѣнія размѣровъ роста, туловища и конечностей тѣхъ и другихъ и, наконецъ, ставитъ въ числѣ заключительныхъ выводовъ послѣ изученія размѣровъ головы. Эти выводы формулированы авторомъ такимъ образомъ:

«Нѣтъ никакого основанія считать каракиргизовъ за особую отъ киргизовъ (киргизъ-кайсаковъ) антропологическую группу.

«Напротивъ того, все говоритъ за то, чтобы каракиргизовъ считать съ киргизами за одну антропологическую народность.

«Меньшія колебанія въ цифрахъ, полученныхъ на каракиргизахъ, слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что измѣрялись (*Зеландомъ*) исключительно вполнѣ взрослые каракиргизы и, быть можетъ, *отчасти*—болѣе стойкимъ типомъ ихъ (въ сравненіи съ типомъ киргизовъ), обусловливаемымъ жизнью въ горахъ, т. е. въ замкнутой средѣ» (405—406).

Заключительный выводъ автора:

«1) Киргизы и каракиргизы представляютъ одну антропологическую группу.

«2) Разсматривая киргизскую народность (киргизовъ и каракиргизовъ) съ антропологической точки зрѣнія, мы видимъ большую разницу въ типѣ ихъ» (537).

По разсмотрѣніи фотографическихъ снимковъ Букеевскихъ киргизовъ, *А. Харузинъ* пришелъ къ наглядному выводу «въ разницѣ и колебаніяхъ, которыя дѣйствительно существуютъ въ типѣ киргизовъ», при чемъ онъ не замѣтилъ преобладанія какого либо изъ типовъ. Тѣмъ не менѣе, по мнѣнію автора, *средній преобладающій типъ существуетъ*, но, въ сущности, не какъ типъ, а «какъ продуктъ смѣси данныхъ составныхъ частей».

«Конечно, продолжаетъ *А. Харузинъ*,—и этотъ средній типъ не настолько стоекъ, что бы онъ могъ быть очерченъ нѣсколькими характерными никогда не уклоняющимися чертами, конечно, и онъ клонится больше то къ монгольскому типу, то къ европейскому, но онъ несомнѣнно существуетъ и можетъ быть въ общихъ чертахъ очерченъ довольно опредѣленно. Ростъ киргизовъ, такъ сказать, средняго типа, во взрослomъ состояніи, обыкновенно средній, сложеніе плотное, грудь хорошо развитая, тѣло склонно къ ожирѣнію, ноги короткія, кривыя, кисть руки и ступня ноги малыя... Для этого средняго типа можно считать довольно характернымъ широкій носъ, черный цвѣтъ волосъ (впрочемъ, онъ преобладаетъ вообще среди киргизовъ, также какъ и каріе глаза), довольно рѣдкую бороду, глаза нерѣдко съ болѣе или менѣе сильно выраженною складкою верхней вѣки, довольно значительную скуластость, большія нерѣдко оттопыренныя уши... Въ общемъ такія лица обнаруживаютъ долю монгольскихъ чертъ и болѣе всего напоминаютъ племена тюркскія, напримѣръ, татаръ» (281—282).

Я полагаю, что разъ мы ищемъ типъ, т. е. нѣчто стойкое во времени, нѣчто такое, что можетъ быть, правда, сглажено смѣшеніемъ съ инородnымъ типомъ, но проявляется вновь путемъ реверсіи, атавизма, въ силу естественнаго свойства помѣси распадаться на первоначальные типы,—намъ нѣтъ надобности ни брать иллюзорныя «среднія», какъ это дѣлалось не такъ давно при характеристикѣ разноплеменнаго народа, ни стараться обрисовать помѣсь, чтобы ею охарактеризовать народъ. Давно кѣмъ то была высказана глубоко вѣрная мысль, что если бы наши предки, жившіе 1000 лѣтъ назадъ, возстали, то мы сразу узнали бы ихъ по чертамъ лица, но плохо

понимали бы ихъ рѣчь. Конечно, мы узнали бы своихъ предковъ по общему съ нами типу, стойкому во времени и склонному къ повторенію въ насъ. Напротивъ, если бы мы встрѣтили среди этихъ предковъ помѣсь, то, навѣрное, сочли бы такого субъекта за инородца и во всякомъ случаѣ скорѣе поняли бы его языкъ, чѣмъ его типъ. Вотъ почему въ попыткѣ *А. Харузина* охарактеризовать киргизовъ путемъ описанія распространенной между ними помѣси можно видѣть только желаніе предсказать, что выйдетъ изъ смѣси различныхъ типовъ, если такая смѣсь будетъ стойка. Но *А. Харузинъ* самъ признается, что «этотъ средній типъ не стоекъ», значитъ, отъ такого типа можно ожидать или распаденія на первоначальные типы или созданія новыхъ, но уже стойкихъ типовъ.

Авторъ дѣлаетъ такія заключенія о происхожденіи киргизовъ:

«1) Киргизское племя есть продуктъ смѣси различныхъ народностей, какъ монгольской, такъ и европейской расъ.

2) Съ теченіемъ времени образовался и продолжаетъ образовываться средній антропологическій типъ, свойственный только самимъ киргизамъ.

3) Кромѣ средняго типа встрѣчаются типы, клонящіеся усиленно то къ кавказской, то къ монгольской расѣ, разоблачая составные элементы киргизской народности.

4) На субъектахъ молодыхъ, особенно на дѣтяхъ, признаки монгольской расы выражены болѣе рѣзко, чѣмъ на субъектахъ взрослаго возраста.

5) Старики носятъ мало или почти совсѣмъ теряютъ монгольскія черты и приближаются къ типу европейскому.

6) Характерныя антропологическія черты, выраженныя въ 4 и 5 положеніяхъ, указываютъ на смѣшеніе крови европейской и монгольской и удѣляютъ киргизамъ въ антропологическомъ ряду народностей мѣсто среднее между этими двумя расами» (286).

Слѣдовательно, составные элементы киргизской народности или ея первоначальные типы, по *А. Харузину*, это типы монгольскій и кавказскій. Однако, если бы это было вполнѣ вѣрно, то мы, при нестойкомъ среднемъ типѣ, чаще встрѣчали бы, въ силу реверсіи, среди киргизовъ типичнаго монгола, что на самомъ дѣлѣ рѣдко, или типичнаго арійца, что еще рѣже. Мнѣ кажется, вопросъ о происхожденіи киргизовъ тѣсно связанъ съ вопросомъ о происхожденіи тюрковъ вообще. Если тюркскій типъ «долженъ былъ существовать» (*Топинаръ*) и многіе современные народы Азіи признаются происходящими отъ него, то ближе, полагаю, сдѣлать предположеніе, что и киргизы есть продуктъ смѣси основной тюркской расы съ расами монгольской и кавказской. На основаніи такого предположенія мы поймемъ, почему среди степныхъ киргизовъ, напр., Букеевскихъ, въ типахъ проявляется больше разнообразія, чѣмъ у горныхъ киргизовъ, у каракиргизовъ.

Что касается характерныхъ «монгольскихъ» чертъ, проявляющихся у киргизовъ въ молодости, то такое наблюденіе имѣетъ, по нашимъ понятіямъ, иное высокое значеніе въ вопросѣ о происхожденіи расъ. Проф. *Мечниковъ* впервые такой фактъ констатировалъ на калмыкахъ—«прототипѣ монгольской расы*). Если мы, слѣдуя пріему проф. *Мечникова*, обратимъ вниманіе на дѣтей кавказской расы, то также у послѣднихъ встрѣтимъ въ широкомъ межглазничномъ промежуткѣ, широкомъ лицѣ, плоскомъ широкомъ носѣ, большой круглой (впрочемъ, далеко не всегда круглой, а чаще овальной) головѣ и проч. признакахъ—«монгольскія» (по *Мечникову*) черты. Эти черты, однако, сглаживаются довольно рано, въ первые годы жизни. Я убѣжденъ, что если бы первые звуки ребенка и даваемые имъ, *вопреки обученію старшихъ*, своеобразныя названія предметамъ и явленіямъ были подвергнуты строгому наблюденію со стороны филологовъ, то, навѣрное, въ первомъ лепетѣ ребенка нашли бы много общаго съ языкомъ нѣкоторыхъ первобытныхъ народовъ. Укажу еще на характерную походку дѣтей «на четверенькахъ», рѣзко отличающуюся отъ походки «на четверенькахъ» антропоидныхъ обезьянъ. Однако, всѣ эти явленія ранняго періода жизни дѣтей говорятъ скорѣе объ отдаленномъ общемъ человѣческомъ корнѣ, но не о томъ времени, когда уже образовались человѣческія расы. И ссылка *А. Харузина* на сглаживаніе «монгольскихъ» признаковъ у взрослыхъ киргизовъ также, мнѣ кажется, мало указываетъ на ихъ монгольское происхожденіе, какъ и сглаживаніе такихъ признаковъ у европейцевъ, тѣмъ болѣе, что эти признаки исчезаютъ съ возрастомъ и у самыхъ калмыковъ, какъ замѣтилъ проф. *Мечниковъ* (стр. 208). Поясню свою мысль такимъ примѣромъ. Изъ того факта, что всѣ вылупившіеся птенцы не могутъ летать и покрыты не перьями (pennae), а пухомъ (plumae), можно только заключать объ единствѣ отдаленнаго корня птицъ, но не объ общемъ прародителѣ породъ голубей или породъ куръ.

По разсмотрѣніи описательныхъ признаковъ киргизовъ, *А. Харузинъ* приходитъ, *откидывая крайности*, къ слѣдующей характеристикѣ:

«1) Волосы на головѣ черные.
2) Волосы на бородѣ немного свѣтлѣе.
3) Борода выростаетъ поздно.
4) Борода рѣдкая.
5) Борода сѣдѣетъ поздно, но ранѣе, чѣмъ волосы на головѣ.
6) Цвѣтъ глазъ карій.

*) *Мечниковъ*—«Антропологическій очеркъ калмыковъ, какъ представителей монгольской расы» въ «Извѣстіяхъ» Московск. Общ. Люб. Е., А. и Э. Т. XX. М. 1876. Тр. Антр. Отд. Кн. 2. В. 1.

7) Цвѣтъ кожи на покрытыхъ мѣстахъ бѣлый, безкровный, съ легкой желтизной.

8) Цвѣтъ кожи лица значительно темнѣе.

9) Тѣло свободно отъ волосъ.

10) Носъ большой, широкій съ горбомъ.

11) Губы не приподнятыя.

12) Зубы средней величины, но крупные, здоровые.

13) Волосы на головѣ прямые, довольно жесткіе» (302).

Въ заключительныхъ выводахъ антропологической части работы *А. Харузина* ставитъ положенія:

«Антропологическій анализъ киргизскаго племени выясняетъ, что киргизы суть продуктъ сліянія разнородныхъ элементовъ.

«Лица киргизовъ обнаруживаютъ извѣстную долю монгольскихъ чертъ, выраженныхъ болѣе рѣзко у молодыхъ субъектовъ, преимущественно у мальчиковъ, и выраженныхъ наименѣе рѣзко у стариковъ.

«Киргизы вообще представляютъ большія колебанія въ типѣ по возрастамъ.

«Среди киргизовъ замѣтно три господствую-(щихъ?) типа, изъ которыхъ одинъ преобладаетъ.

«Для господствующихъ типовъ можно (откидывая крайности) считать слѣдующія черты характерными:

a)—ростъ средній («выше» и «ниже средняго»); хорошо развитая грудь; кисть руки и ступня небольшія; тѣло крѣпкое, склонное къ ожирѣнію (преимущественно въ старости) съ желтовато-бѣлымъ цвѣтомъ кожи; *ноги кривыя, короткія.*

b)—форма головы сильно брахицефалическая; голова съ черными, прямыми и довольно жесткими, поздно сѣдѣющими волосами.

c)—*Лицо довольно скуластое*, съ темнымъ цвѣтомъ кожи, широкимъ носомъ, довольно рѣдкою, поздно выростающею черною бородою.

d)—Глаза каріе, съ болѣе темнымъ оттѣнкомъ въ молодомъ возрастѣ» (538).

«Кривыя, короткія» ноги и «довольно скуластое» лицо представляютъ черты несогласныя съ выводами *Зеланда*, но близко подходящія къ характеристикѣ *Миддендорфа*.

Замѣчанія, которыя я позволилъ себѣ сдѣлать при изложеніи выводовъ *А. Харузина*, имѣютъ своею цѣлью не указаніе на какіе либо недостатки въ—по-истинѣ колоссальномъ и составляющемъ гордость нашей антропологической литературы—трудѣ *А. Харузина*, но желаніе взглянуть на нѣкоторые общіе вопросы съ нѣсколько иной точки зрѣнія. Трудъ *А. Харузина* явился въ печати пока только въ двухъ томахъ, и авторъ обѣщаетъ

въ будущемъ еще два тома. Но уже и по изданнымъ томамъ видна точка зрѣнія автора, расходящаяся съ нашей. Мы считаемъ скелетъ и его измѣренія исходнымъ пунктомъ для изслѣдованія всякой народности—современной и исчезнувшей, полагая, что ни цвѣтъ кожи, волосъ и глазъ, ни ростъ волосъ, ни часто даже абсолютные и относительные размѣры, взятые у живыхъ, не дадутъ намъ той опредѣленной характеристики типа народа, какую дастъ изученіе скелета. *А. Харузинъ*, напротивъ, относитъ описаніе скелета и подробное изученіе черепа къ заключительнымъ главамъ своего труда, слѣдовательно, руководится для характеристики типа народа прежде всего изученіемъ живаго человѣка.

*Троновъ**), измѣрявшій киргизъ Зайсанскаго уѣзда, Семипалатинской области (киргизы Средней орды), пишетъ: «при взглядѣ на киргиза бросаются слѣдующія характерныя черты: смуглый цвѣтъ кожи, высокій ростъ, широкія плечи, сильно развитая грудь, лицо большею частію плоское, большой носъ, чаще всего приплюснутый, широкая переносица, внутренніе углы глазъ часто закрыты кожей, идущей въ видѣ складки отъ носа на вѣки, сильно развитыя и выдающіяся скулы, глаза довольно большіе, темнокаріе, наружные углы глазъ лежатъ выше внутреннихъ угловъ относительно горизонтальной прямой (такъ называемые косые глаза), довольно прямой лобъ, большія уши, часто значительно отстоящія отъ головы; при ближайшемъ разсмотрѣніи головы бросаются въ глаза: малое развитіе затылочной части головы, затылокъ какъ бы срѣзанъ, затылочныхъ бугровъ часто совершенно незамѣтно, часто встрѣчаются неправильныя и не симметрично-развитыя половины головы, особенно это касается теменныхъ бугровъ, часто одинъ изъ нихъ значительно больше другого и рѣзко выстоитъ» (46—47).

«Вообще лицо у киргизъ можно назвать широкимъ, и эта ширина при первомъ же взглядѣ бросается въ глаза наблюдателю... Характерную особенность носа киргизъ составляетъ его приплюснутость у большинства, горбатыхъ носовъ совершенно почти нѣтъ; у нѣкоторыхъ субъектовъ носъ какъ въ длину, такъ и въ ширину одинаковой величины; носъ въ большинствѣ случаевъ не рѣзко переходитъ въ щеки, а постепенно, края его представляютъ малую покатость» (48).

«Вообще характерную особенность киргизскихъ глазъ составляетъ то, что глаза положительно у всѣхъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые представляютъ явно смѣшанный типъ, имѣютъ косое направленіе—наружный уголъ стоитъ выше внутренняго относительно горизонтальной линіи. О каракиргизахъ докторъ *Зеландъ* говоритъ совершенно обратное: косое направленіе глазъ ни у одного изслѣдованнаго не найдено. Косое направленіе глазъ у кир-

*) *Троновъ*—«Матеріалы по антропологіи и этнологіи киргизъ»—въ «Запискахъ И. Русск. Географич. Общ. по отд. Этнографіи». Т. XVII, в. II. Спб. 1891.

гизъ настолько характерно, что одно уже отсутствіе его указываетъ на явную смѣшанность типа, или же на совершенно другой типъ» (48—49).

«Киргизы—сильно брахицефалы. Прогнатизмъ у киргизъ мало выраженъ.

«Вообще киргизскій типъ—типъ смѣшанный, въ которомъ преобладаютъ характерныя черты монгольскаго типа» (51).

Рѣзкость штриховъ, которыми обрисовалъ *Тронов*ъ киргизовъ, заставляетъ признать, что киргизы Зайсанскаго уѣзда, благодаря сосѣдству съ Китаемъ, издавна приняли въ свой первоначальный (тюркскій) типъ много монгольскихъ чертъ, при чемъ дѣйствительно образовался одинъ изъ смѣшанныхъ типовъ—тюрко-монгольскій, клонящійся по формѣ лица, носа и глазъ къ монгольскому типу. Тотъ же типъ, который *Тронов*ъ называетъ «явно смѣшаннымъ» или «совершенно другимъ», представляетъ, по нашимъ понятіямъ, типъ ближе подходящій къ первоначальному тюркскому типу; однако, этотъ типъ не приближается къ кавказскому, какъ полагаетъ *Зеланд*ъ.

«Въ средней Азіи,—говоритъ *Яворскій* (332),—гдѣ одно населеніе народностей смѣнялось другимъ чуть не черезъ каждыя два столѣтія, трудно надѣяться встрѣтиться съ болѣе или менѣе чистыми этнографическими типами... Но и здѣсь, какъ и во всякой другой странѣ, составляющей топографически болѣе или менѣе рѣзко очерченный районъ, можно встрѣтить не мало особей, представляющихъ въ большей или меньшей чистотѣ свой племенной характеръ. Только по этимъ памятникамъ исторической этнологіи опытный этнологъ и можетъ разобраться въ томъ хаосѣ народовъ, которые въ Туркестанѣ слились въ одинъ агломератъ». Тѣмъ не менѣе я полагаю, что изъ описаній авторовъ можно сдѣлать попытку выдѣлить черты того типа, который ближе подходилъ бы къ нашему представленію о первоначальномъ тюркскомъ или—точнѣе—тюрко-киргизскомъ типѣ; но такую работу я отлагаю до той главы, гдѣ буду разсматривать данныя, добытыя изъ сравнительнаго изученія черепа и скелета киргизовъ.

Заключенія, къ которымъ мы приходимъ, на основаніи изложенныхъ мнѣній авторовъ о киргизахъ, слѣдующія:

1) Киргизы, представляя народность тюркскаго происхожденія, занимаютъ область отъ границъ западнаго Китая до Волги и въ политическомъ отношеніи дѣлятся на степныхъ (Малой, Средней, Большой орды) и горныхъ (каракиргизъ).

2) Благодаря въ теченіи вѣковъ происходившимъ въ предѣлахъ указанной области волнамъ народныхъ движеній, первоначальный киргизскій типъ подвергся значительнымъ измѣненіямъ: на востокѣ—монгольскаго, на югѣ—арійскаго типа, на западѣ—разнообразныхъ племенъ различнаго типа.

3) Горные киргизы, киргизы Ферганы, могли лучше сохранить свой первоначальный типъ, благодаря географическому положенію, дѣлавшему ихъ болѣе изолированными отъ вліяній чуждыхъ типовъ.

2. Два трупа киргизовъ изъ Ферганы.

Имѣя въ виду сдѣланныя выше заключенія, а также мнѣнія авторовъ о типѣ киргизовъ, я перехожу къ имѣющемуся у меня матеріалу.

Въ мартѣ 1892 г. изъ томской пересыльной тюрьмы были доставлены въ нашъ анатомическій институтъ два трупа при слѣдующихъ свѣдѣніяхъ, извлеченныхъ мною изъ статейныхъ списковъ Ферганскаго Областнаго Правленія:

1) *Хайдаръ-Али-Мамаевъ*, 32 л., киргизъ мѣстности Бобришебой, Шабаскетской волости, Андижанскаго уѣзда, Ферганской области. Роста 2 арш. 5⅓ вершка (165,93 ст.). Волосы черные, борода рыжеватая, козлиная, лицо широкое круглое, глаза черные. За разбой приговоренъ къ каторжнымъ работамъ на восемь лѣтъ. Женатъ. Умеръ 1892 г. 13 марта въ томской пересыльной тюрьмѣ отъ бугорчатки легкихъ. Магометанскаго вѣроисповѣданія. Приложена фотографическая карточка съ надписью „Хайдаръ-Али-Мамаевъ“.

2) *Усманъ-Бекъ-Ташбаевъ*, 23 л., киргизъ. Житель кишлака Базаръ—Курганъ, Юльбарской волости, Андижанскаго уѣзда, Ферганской области. Роста 2 арш. 5½ верш. (166,67 ст.). Волосы темно-русые, бороды нѣтъ, глаза сѣрые. За убійство въ раздраженіи жены своей Аджаръ-Биби сосланъ въ каторжныя работы на семь лѣтъ. Умеръ въ томской пересыльной тюрьмѣ 1892 г. 14 марта отъ бугорчатки легкихъ. Магометанскаго вѣроисповѣданія. Приложена фотографическая карточка съ надписью «Усманъ-Бекъ-Ташбаевъ».

Желая воспользоваться такимъ рѣдкимъ антропологическимъ матеріаломъ, я тогда же произвелъ надъ трупами нѣсколько измѣреній. Къ сожалѣнію, по недостатку матеріала для надобностей каѳедры оперативной хирургіи, пришлось, по выбору, первый трупъ употребить на практическія занятія студентовъ по вылущеніямъ суставовъ, почему скелетъ этого киргиза уцѣлѣлъ; второй же трупъ весь ушелъ на занятія по ампутаціямъ и резекціямъ, и отъ него сохранилась только голова, въ видѣ засушеннаго препарата съ налитыми анатомической инъекціонной массой сосудами.

Принимая во вниманіе разноплеменный составъ туземнаго населенія Ферганы, полагаю, прежде всего важно установить, насколько можно довѣрять свидѣтельству статейныхъ списковъ о принадлежности нашихъ труповъ киргизамъ. Въ этомъ отношеніи полезно указаніе г. *Яворскаго*, знатока Туркестанскаго края.

Говоря о регистраціи туркестанскаго населенія, г. *Яворскій* полагаетъ, что ей нельзя отказать въ извѣстной степени достовѣрности, въ особенности для кочеваго населенія, такъ какъ „принадлежность того или другого рода къ данной народности еще свѣжо сохраняется въ памяти народной“ (333). Вотъ почему,—говоритъ онъ,—если туземецъ записывается въ ту или другую расу, относится къ той или другой изъ нихъ, то такая запись можетъ считаться достаточно вѣрной.—Эту же мысль подтверждаютъ въ своихъ очеркахъ гг. *Кушелевскій* и *Остроумовъ*.

Слѣд., автентичность нашихъ киргизовъ не подлежитъ сомнѣнію.

I.

Обращаясь къ описательнымъ признакамъ, мы отмѣтимъ:

1) *Цвѣтъ кожи*. У обоихъ нашихъ киргизовъ цвѣтъ кожи—бѣлый.—По *Зеланду*, цвѣтъ кожи каракиргизовъ—„смуглый“, „кожа довольно гладкая, отдающая запахомъ дыма“ (35.37).—*Троновъ* также находилъ у киргизовъ ее „смуглой“ (46).—*А. Харузинъ* (Вып. 1, стр. 299—300) нашелъ рѣзкую разницу у букеевскихъ киргизовъ между цвѣтомъ кожи открытыхъ мѣстъ и покрытыхъ. „Между тѣмъ какъ лице,—говоритъ онъ,—бываетъ всегда темнымъ, красноватымъ, коричневатымъ—тѣло всегда (за немногими исключеніями) бѣлое“. Изъ 105 субъектовъ, изслѣдованныхъ *А. Харузинымъ*, у 49 (46.6%) цвѣтъ кожи былъ бѣлый съ легкой желтизной; въ другихъ случаяхъ чаще встрѣчался бѣловато-желтый (21 сл.) и розовато-желтый (20 сл.).—Акад. *Миддендорфъ* говоритъ: „Типически желтый цвѣтъ истыхъ монголовъ не встрѣчается среди тюрко-монголовъ: они бѣлокожи, подобно иранцамъ, хотя этотъ цвѣтъ, смотря по климату и другимъ обстоятельствомъ, можетъ переходить у нѣкоторыхъ особей въ темно-бурый, а по *Уйфальви*—даже въ цвѣтъ обугленнаго дерева“ (411).

2) *Цвѣтъ волосъ*. Волосы на головѣ у перваго киргиза черные, у втораго темно-русые.—*Зеландъ* изъ 40 случаевъ только разъ нашелъ темно-каштановые, въ остальныхъ случаяхъ—черные.—*А. Харузинъ* встрѣчалъ обыкновенно черные и рѣдко темно-русые. *Уйфальви* у каракиргизовъ чаще видѣлъ черный цвѣтъ, а у киргизовъ—каштановый. *Мацѣевскій* и *Ояркова* находили у киргизовъ волосы на головѣ обыкновенно черными (93%). *Миддендорфъ* считаетъ для каракиргизовъ характерными черные волосы, для таджиковъ (иранскаго происхожденія)—каштаново-черные. По *Радлову*, женщины у киргизовъ—черноволосы, а мужчины—болѣе шатены.—Такимъ образомъ, болѣе типичнымъ для большинства въ отношеніи цвѣта волосъ на головѣ является нашъ первый киргизъ.

3) *Борода* была только у перваго киргиза: рѣдкая, „козлиная“, по выраженію статейнаго списка, длиной 8 ст., какъ и рѣдкіе усы, рыжеватаго цвѣта; у втораго не отмѣчено ни усовъ, ни бороды.—Такую бѣдность растительностью на лицѣ *Миддендорфъ* считаетъ характерной для киргизовъ, въ отличіе отъ иранцевъ. *Радловъ* отмѣчаетъ тоже для киргизовъ. *Зеландъ*, *Харузинъ*, *Уйфальви*, *Мацѣевскій* и *Пояркова* одинаково говорятъ за рѣдкость, болѣе свѣтлый цвѣтъ и позднее выростаніе бороды у киргизовъ. *А. Харузинъ* видитъ въ этомъ явленіи подтвержденіе положенія проф. *Мечникова* о дефинитивныхъ признакахъ монгольской расы, соотвѣтствующихъ провизорнымъ европейской (Вып. 1, стр. 294). Указанія *Маркова* и *Кушелевскаго* на густые усы и бороды алайскихъ киргизовъ могутъ, конечно, говорить и за вліяніе иранское или персидское, но также и за остатокъ у нѣкоторыхъ племенъ первобытнаго волосянаго покрова.

4) *Цвѣтъ глазъ*. У перваго киргиза глаза—черные, у втораго—сѣрые. —*Миддендорфъ* считаетъ темную радужную оболочку общей для таджиковъ и каракиргизовъ. *Радловъ* находилъ у киргизовъ черные глаза. По *Зеланду*, чаще всего встрѣчаются у каракиргизовъ каріе глаза; сѣроголубые, зеленосѣрые и зеленые составляютъ для мужчинъ 10%; *Пояркова* сѣрыхъ глазъ не встрѣчалъ, зеленыхъ и голубыхъ—13,3%, у остальныхъ были каріе (*Зеландъ*, 49). *Тронова* находилъ почти у всѣхъ темно-каріе: „сѣрыхъ или голубыхъ глазъ не встрѣчается“ (49); сѣрые онъ относитъ къ смѣшанному типу (3 случая). По наблюденіямъ *А. Харузина*, у киргизовъ обыденный цвѣтъ глазъ карій разныхъ оттѣнковъ, сѣрые и другихъ цвѣтовъ—исключеніе; съ возрастомъ глаза какъ бы выцвѣтаютъ, почему черный цвѣтъ свойственъ болѣе юношескому возрасту, а свѣтло-карій встрѣчается „только у стариковъ“.—Явленіе выцвѣтанія глазъ довольно обычно и среди русскихъ, какъ для карихъ, такъ, въ особенности, для сѣрыхъ и голубыхъ.—По *Уйфальви*, у каракиргизовъ глаза въ общемъ темнѣе, чѣмъ у киргизъ—казаковъ.—Слѣд., и въ отношеніи цвѣта глазъ нашъ первый киргизъ представляетъ типичнаго субъекта.

5) *Глазная щель* у обоихъ киргизовъ, какъ видно по фотографіямъ, снятымъ en face, расположена горизонтально, приподнятія наружнаго ея угла нѣтъ.—*Миддендорфъ* считаетъ характерными для каракиргизовъ глаза „лишь слегка косые, съ приподнятыми наружными углами“ (394) а „узкіе, но не подтянутые“ - переходными къ таджику (405). *Радловъ* замѣтилъ у киргизовъ „узко—разрѣзанные, но не косолежащіе глаза“ (411). *Зеландъ* и *Пояркова* косаго направленія глазъ не нашли ни у одного изъ изслѣдованныхъ ими; слѣд., каракиргизы *Зеланда* и киргизы Большой орды *Мацѣевскаго* и *Пояркова* въ этомъ отношеніи сходны (*Зеландъ*, 48). Напротивъ, *Тронова* только разъ встрѣтилъ „прямые“ глаза (въ „смѣшанномъ“

типѣ, съ сѣрыми глазами) и считаетъ характернымъ для киргизовъ Зайсанскаго уѣзда то, что у нихъ „наружные углы глазъ лежатъ выше внутреннихъ“ (47). Судя по мѣсту жительства, это киргизы Средней орды. Любопытно, что я имѣлъ случай наблюдать одного интеллигентнаго киргиза средняго возраста, родомъ изъ Средней орды, также съ косымъ расположеніемъ глазъ.—По *Харузину*, складка верхняго вѣка у букеевскихъ киргизовъ встрѣчается преимущественно въ молодомъ возрастѣ, во взрослomъ и старческомъ этотъ „монгольскій признакъ“ сглаживается (296).—На основаніи приведенныхъ указаній, я полагаю, что косое расположеніе глазъ говоритъ, вопреки мнѣнію *Тронова* и *Миддендорфа*, за смѣшанный, переходный къ монгольскому, типъ и что тюрко-киргизскому типу, въ его болѣ чистомъ видѣ, свойственны, именно, какъ выражается *Радловъ*, „узко-разрѣзанные, но не косо лежащіе глаза“. Наши киргизы въ этомъ отношеніи являются характерными.

Что касается другихъ описательныхъ признаковъ, каковы: форма лица, носа, уши, зубы,—то о нихъ будетъ сказано при измѣреніяхъ соотвѣтственныхъ частей головы и черепа.

Перейду къ сдѣланнымъ мной измѣреніямъ туловища и конечностей на трупахъ.

II.

1) *Ростъ.* По указанію статейныхъ списковъ, ростъ Мамаева 165,93 ст., а Ташбаева—166,67. По моимъ измѣреніямъ, у перваго—168 ст., у втораго—169 ст. Разница въ первомъ случаѣ на 2,07 ст., во второмъ—но 2,33 ст. Но такая разница въ цифрахъ будетъ понятна, если мы вспомнимъ, что въ Ферганскомъ Областномъ Правленіи (Н. Маргеланъ) измѣренія были произведены надъ живыми, въ вертикальномъ положеніи, а я дѣлалъ ихъ надъ трупами, слѣд., послѣ продолжительнаго пребыванія изслѣдуемыхъ въ постели. Эта разница объясняется сжимаемостью межпозвоночныхъ хрящей (*Ландуа*, 685) и увеличеніемъ искривленій позвоночника при вертикальномъ положеніи (*Гиртль*, 275), и равняется у взрослыхъ обыкновенно почти 2 ст. На основаніи сказаннаго, цифру роста нашихъ киргизовъ по статейнымъ спискамъ нужно считать правильной.

Средній ростъ населенія земнаго шара опредѣляется въ *165 ст.* (ростъ французовъ); цифры отъ 165 до 170 считаются для роста *выше средняго*, выше 170—для *высокаго*; цифры отъ 165 до 160—для роста *ниже средняго*, а меньше 160—для *низкаго* роста (*Топинаръ*, 309—310).—Слѣд., наши киргизы имѣютъ ростъ выше средняго. Такой ростъ вполнѣ согласуется со средней *Харузина*—165,6—, взятой изъ 288 измѣреній (киргизовъ и каракиргизовъ) его собственныхъ и предшествующихъ ему авторовъ, кромѣ *Гор-*

бачева и *Тронова*. Ростъ киргизъ-казака у перваго автора былъ 158 ст. (цитир. соч., 608). Средняя цифра роста Зайсанскихъ киргизовъ у *Тронова* изъ 33 измѣреній 163,1; такая цифра близка къ выведенной г. *Харузинымъ* изъ 162 измѣреній для однихъ киргизовъ=163,5.—Подробный анализъ величины роста у киргизовъ и каракиргизовъ, произведенный *Харузинымъ*, показываетъ, что хотя цифра роста колеблется на 43 ст. (отъ 141 до 184), однако большинство %, почти при всѣхъ комбинаціяхъ, падаетъ на ростъ выше средняго, при чемъ ростъ каракиргизовъ является не только выше роста киргизъ-казаковъ, но и болѣе стойкимъ и колеблется менѣе, чѣмъ у послѣднихъ (303—312).

2) *Высота пупка*: у перваго киргиза—99 ст., у втораго—97 ст.—*А. Харузинъ* (стр. 351—354) изъ 133 измѣреній букеевскихъ киргизовъ опредѣлилъ среднюю высоту въ 95,6 ст., а изъ 40 изм. каракиргизовъ *Зеланда* —96,7. При постановкѣ цифръ въ ряды (съ разностью въ 5 ст.), однако, наибольшій процентъ падаетъ на рядъ 95—100; для киргизовъ 34,5%, для каракиргизовъ—50%, для обоихъ племенъ—38,1%. Тоже *Харузинъ* нашелъ и при сортировкѣ на возрастныя группы: на рядъ 95—100 въ возрастѣ 20—30 л. падаетъ 43,3%, въ возрастѣ 30—40 л.—41,1% и т. д. Колебанія у каракиргизовъ въ отношеніи высоты пупка значительно меньше, чѣмъ у киргизовъ (15 : 28).—Такимъ образомъ, наши киргизы съ разсмотрѣнной стороны являются типичными для большинства.

У перваго киргиза пупокъ стоитъ выше половины роста на 15 ст. (такъ на трупѣ; если же примемъ ростъ на живомъ, то на 16,04), у втораго на 12,5 (13,67). По даннымъ *Харузина*, у киргизовъ вообще на 13 ст., у казаковъ на 13,85, у каракиргизовъ *Зеланда* на 14,1, у осетинъ *Гильченко**) 16,05 и у калмыковъ *Мечникова* на 16,65. Если обратимся къ отношеніямъ высоты пупка къ росту, то получимъ: для перваго киргиза 58,9 (59,6), для втораго 57,3 (58,2), для киргизовъ вообще 57,8, для казаковъ —58,4, для каракиргизовъ—58,5, для осетинъ—59,47 и для калмыковъ 60,0. При такой постановкѣ цифръ, киргизы вообще далѣе отстоятъ отъ калмыковъ, чѣмъ осетины, которыхъ, однако, по организаціи не подозрѣваютъ въ родствѣ съ калмыками.—На основаніи этихъ данныхъ, первый нашъ киргизъ, до сихъ поръ типичный во всѣхъ отношеніяхъ, одинаково приближается и къ осетинамъ, и къ калмыкамъ, второй же далеко стоитъ отъ тѣхъ и другихъ.

3) При изслѣдованіи оказалось, что средина роста у обоихъ киргизовъ приходится у верхняго края лоннаго соединенія. Проф. *Мечниковъ* это обстоятельство, какъ и высоту пупка въ $^3/_5$ роста, считаетъ характернымъ

*) *Гильченко*—«Матеріалы для антропологіи Кавказа. 1. Осетины». Спб., 1890. Стр. 127. Высота пупка осетинъ 100,8, средній ростъ 169,5.

для монгольской расы (206). Однако, едва-ли можно ставить въ связь оба указанные признака, такъ какъ у осетинъ *Гильченко*, благодаря высокимъ ногамъ, половина роста находится ниже линіи, соединяющей вершины trochanter'овъ (52,3), у каракиргизовъ *Зеланда* выше этой линіи (49,4), а у калмыковъ почти на уровнѣ ея (50,7).

4) Высота spinae ilei anterioris superioris у перваго киргиза 89, у втораго 91 ст.—*Зеландъ* на каракиргизахъ получилъ среднюю 91,3, при чемъ 20% падаетъ на рядъ 85—90 и 55% на рядъ 90—95. *Мечниковъ* на калмыкахъ получилъ среднюю 92,2. Отношеніе къ росту, взятому на живыхъ, будетъ у перваго киргиза 53,6, у втораго—52,7, у каракиргизовъ 55,2 и у калмыковъ 56,3.

5) Окружность груди у перваго киргиза 88, у второго—77 ст.—*Харузинъ* получилъ изъ 139 изм. на киргизахъ—среднюю 91,3; *Зеландъ* на 40 каракиргизахъ—88,4; *Гильченко* у 196 осетинъ—89,3; у китайцевъ она 85,7. У *Харузина* на рядъ 90—95 падаетъ 40, 2%; у *Зеланда* на рядъ 85—90 падаетъ 57,5%. По отношенію къ росту окружность груди будетъ: у перваго киргиза—53,03; у втораго—46,2 (не развита вслѣдствіе его молодости); для киргизъ-казаковъ—55,8; для каракиргизовъ—53,4; для осетинъ—52,7; для русскихъ солдатъ изъ 4930 измѣреній, по *Зеланду*, 53,4; у китайцевъ—52,6.

6) Большой размахъ у перваго киргиза 173, у втораго—166.—*Харузинъ* получилъ на киргизахъ 171,6; *Зеландъ* на каракиргизахъ—171, *Гильченко* у осетинъ—175,4. Отношеніе къ росту: у перваго киргиза—104,2; у втораго—99,5; у киргизъ-казаковъ—104,9; у каракиргизовъ—103,4; у осетинъ—103,4.

7) Ширина плечъ (измѣрялась лентой) у перваго киргиза 40, у втораго 37.—*Харузинъ* на киргизахъ получилъ 38,6; *Зеландъ* на каракиргизахъ 37,6; *Гильченко* на осетинахъ—39,2. Отношеніе къ росту: у перваго киргиза 24,1, у втораго—22,1; у киргизовъ—23,6; у каракиргизовъ—22,8; у осетинъ—23,1.

8) Разстояніе между подвздошными остями у перваго киргиза 27, у втораго—25,5. По *Зеланду* средняя у каракиргизовъ—23,3, при чемъ на рядъ отъ 20 до 25 приходится 77,5%, а на рядъ отъ 25 до 30—22,5%.

9) Размѣры кисти руки перваго киргиза—17,5, втораго—17.—По *Зеланду*, у каракиргизовъ 18,9 (стр. 42), у осетинъ *Гильченко*—19,6. Отношеніе къ росту: у перваго киргиза—10,5; у втораго—10,2; у каракиргизовъ 11,4,—у осетинъ—11,6. Кисти рукъ у нашихъ киргизовъ значительно менѣе, чѣмъ у каракиргизовъ. Но, при ближайшемъ разсмотрѣніи, такое заключеніе неправильно. Цифра *Зеланда*—18,9—выведена изъ разности между средними: изъ 20 измѣреній высоты шиловиднаго отростка луча и 39 изм.

высоты конца средняго пальца (табл. 1, л. 2). Если мы возьмемъ среднее изъ измѣреній на однихъ и тѣхъ же субъектахъ (19 измѣр.), то получимъ длину кисти 17 $\left(\frac{14905-11674}{19}\right)$; при такой длинѣ отношеніе къ росту (тѣхъ же 19 субъектовъ) будетъ 10,3, т. е. та же величина, что и у нашихъ киргизовъ.

10) Длина ступни у перваго киргиза 24, у второго—23,5; у каракиргизовъ *Зеланда* 23,28; у осетинъ *Гильченко*—25,68. Отношеніе къ росту: у перваго—14,4; у втораго—14,1; у каракиргизовъ—14,1 и у осетинъ—15, 14.

III.

Измѣренія головы.

1) Длина головы, L: у перваго киргиза 181 mm., у втораго—180 mm.
Ширина » Q » » » 170 » » » » 155 »
Cephalindex, $\frac{Q,100}{L}$ » » » 93,92 » » » 86,11

Для сравненія cephalindex'овъ привожу данныя, заимствованныя мной преимущественно у *А. Харузина**).

Чис. изм.	*Киргизы.*	Авторъ	Cephalindex.	Ростъ.
40	Каракиргизы	*Зеландъ*	87,28	165,30
26	Каракиргизы	*Уйфальви*	84,47	170,50
36	Зайсанскіе	*Троновъ*	86,13	163,10
126	Средней орды	*Ивановскій*	89,53	164.66
11	Малой орды	*Уйфальви*	87,52	167,90
157	Букеевск. орды	*Харузинъ*	86,28	162,90
1	Джаркентскій	*Горбачевъ*	83,97	158,
30	Большой орды	*Поярковъ*	83,26	164,16

Раздѣляя, согласно *А. Харузину* (вып. II, ч. I, стр. 166), истинныхъ брахицефаловъ (указатель выше 83,33) на брахицефаловъ *перваго* порядка, съ указателемъ до 85,50, и брахицефаловъ *втораго* порядка, съ указателемъ выше 85,50**),—мы находимъ, что киргизы, какъ казаки, такъ и кара-

*) *А. Харузинъ*—"Киргизы Букеевской орды", Вып. II, ч. 1. М. 1891. Стр. 162—165.

**) По Frankfurter Verständigung принято считать:

Dolichocephalia . . . . . до 74,99
Mesocephalia . . . . 75,00 „ 79,9
Brachicephalia . . . . 80.0 „ 84,9
Hyperbrachicephalia отъ 85,0 и выше.

киргизы, представляютъ преимущественно брахицефаловъ втораго порядка; къ послѣдней категоріи относятся и наши киргизы. Однако *А. Харузинъ*, сравнивая оба племени киргизовъ, находитъ, что «каракиргизы все таки немного болѣе короткоголовы, чѣмъ киргизы Букеевской орды» (стр. 161).

Размѣщая каракиргизовъ *Зеланда, Уйфальви* и нашихъ по cephalindex'у, мы получаемъ такіе ряды:

Авторъ.	№№	Index.	Ростъ.
У.	19	73,40	165
1 долихоцефалъ.			
У.	26	79,74	171
У.	5	79,80	172
У.	8	79,89	167
3 мезатицефала		*79,81*	*170*
У.	11	80,10	175
З.	17	80,72	168,3
У.	3	81,22	164
У.	24	81,76	160
У.	1	81,90	180
З.	32	82,63	168,3
З.	2	82,65	167,8
У.	23	82,79	165
З.	20	82,97	157,7
У.	9	83,06	174
У.	10	83,06	—
З.	25	83,07	172
12 суббрахицефаловъ. . .		*82,14*	*168,3*
У.	21	83,51	180
У.	12	83,59	165
З.	30	83,68	163,8
З.	5	83,78	169,0
У.	18	84,15	175
З.	1	84,21	167,7
У.	16	84,65	166
З.	34	84,93	173,5
З.	10	84,97	161,7
З.	37	85,02	167,8
З.	12	85,12	170
З.	11	85,40	165,1
12 брахицефаловъ 1-го пор. .		*84,41*	*168,7*
З.	40	85,56	173
З.	16	85,63	168,5
З.	39	85,78	168,5
З.	33	85,79	163,4
З.	29	86,02	149,3
Ч.	2	86,11	166,6
З.	27	86,31	163
З.	8	86,48	158
З.	3	86,48	164,2
З.	19	86,66	164,1
У.	22	86,77	165
З.	26	86,84	171
У.	15	87,16	175
З.	35	87,16	164,5
У.	17	87,43	172
З.	23	87,57	168,5
У.	14	87,84	179
У.	25	87,91	170
З.	18	87,91	161
У.	6	88,30	176
З.	38	88,70	165,5
З.	13	88,70	167
З.	22	88,88	166,5
З.	21	89,20	169,4
У.	4	89,67	169
З.	28	89,71	156

Авторъ.	№№	Index.	Ростъ.	Авторъ.	№№	Index.	Ростъ.
З.	9	89,72	166	Ч.	1	93,92	165,9
У.	20	90,17	161	З.	36	94,11	158,8
У.	13	90,37	—	З.	6	94,73	163,3
З.	4	91,39	171	З.	15	94,79	159,4
У.	2	91,62	177	З.	31	95,55	172,5
З.	7	91,66	161	З.	14	98,78	160
У.	7	92,22	163	40 брахицефа-			
З.	24	92,43	166	ловъ 2-го пор.		*89,30*	*166,2*

Слѣд. изъ 68 человѣкъ 40 (58,8%)—брахицефаловъ втораго порядка, по 12 (17,6%) — брахицефаловъ перваго порядка и суббрахицефаловъ, 3 (4,4%) — мезатицефала и одинъ (1,4%) — долихоцефалъ. На основаніи сдѣланныхъ выше заключеній о большей чистотѣ киргизскаго типа среди каракиргизовъ, мы въ правѣ думать, что именно въ ряду брахицефаловъ второго порядка и нужно искать первоначальный киргизско-тюркскій типъ. *Шаровидность* головы является первымъ признакомъ этого послѣдняго. Въ самомъ дѣлѣ, монгольскія племена не обладаютъ такой шаровидностью, они скорѣе *коротко*-головы, какъ показываютъ слѣдующія цифры авторовъ:

30	Китайцы Кульджи	*Поярковъ*	78,36	166,6
30	Манджуры (Шибинцы)	„	82,32	166,8
16	Китайцы	*Топинаръ*	82,1	—
23	Калмыки	*Деникеръ*	81,3	163,5
10	Калмыки	*Ф.-Эркертъ*	80,9	—
30	Калмыки Арбунсумуны	*Поярковъ*	82,93	161,1
30	Дунгане	„	75,80	166,2

А. Харузинъ заключаетъ по поводу монгольскаго cephalindex'а: „настоящимъ монголамъ не свойственъ малый головной указатель, а, повидимому, напротивъ, указатель большой, но не достигающій тѣхъ размѣровъ, какъ у нѣкоторыхъ тюрковъ и не превышающій 85,0“ (Вып. II, стр. 170). Тѣмъ не менѣе, по его мнѣнію, „группа тюрковъ, съ точки зрѣнія антропологической, группа искусственная“ (Ib., 168).

Полагая, однако, что брахицефалія втораго порядка представляетъ характерный признакъ *тюркской* расы, мы въ состояніи понять и то обстоятельство, что при смѣшеніи народностей тюркскаго и монгольскаго типа, cephalindex послѣднихъ увеличился, какъ видно изъ слѣдующаго:

4	Кульджинскіе калмыки	*Уйфальви*	86,97	—
30	Турфанскіе калмыки	*Поярковъ*	85,49	163,3
30	Калмыки—торгоуты	„	84,76	162,3
73	Калмыки—торгоуты	*Ивановскій*	84,47	163,3
30	Калмыки—чухары	*Поярковъ*	84,75	162,2

Cephalindex же тюркскій оказывается болѣе стойкимъ, чѣмъ монгольскій, какъ видно на киргизахъ *Тронова*, носящихъ, по заключенію автора, монгольскія черты:

№№	Q	L	$\frac{Q.\ 100.}{L}$	Ростъ.
8	145 :	200 =	72,50	163
	1 долихоцефалъ			
35	155 :	190 =	81,58	160
26	160 :	195 =	82,05	156
25	160 :	195 =	82,05	177
	3 суббрахицефала		*81,89*	*164,3*
5	155 :	185 =	83,78	155
16	155 :	185 =	83,78	157
6	155 :	185 =	83,78	158
3	155 :	185 =	83,78	162
13	155 :	185 =	83,78	163
2	160 :	190 =	84,21	—
27	160 :	190 =	84,21	169
22	160 :	190 =	84,21	172
24	165 :	195 =	84,61	176
9	170 :	200 =	85,00	176
	10 брахицеф. 1-го порядка . . .		*84,11*	*165,3*
11	155 :	180 =	86,11	153
17	155 :	180 =	86,11	154
7	155 :	180 =	86,11	159
21	155 :	180 =	86,11	168
4	160 :	185 =	86,48	—
15	160 :	185 =	86,48	—
10	160 :	185 =	86,48	158
23	160 :	185 =	86,48	159
19	160 :	185 =	86,48	160
20	165 :	190 =	86,84	170
36	165 :	190 =	86,84	160
18	160 :	180 =	88,88	159
32	160 :	180 =	88,88	159
34	160 :	180 =	88,88	165
33	165 :	185 =	89,18	161
31	165 :	185 =	89,18	165
29	165 :	185 =	89,18	166
1	165 :	185 =	89,18	167
30	165 :	185 =	89,18	167
28	165 :	180 =	91,66	163
14	170 :	185 =	91,89	154
12	185 :	195 =	94,87	171
	22 брахицефала 2-го порядка . .		*88,24*	*161,9*
	Среднее *)		86,13	163,1

*) У *Тронова* не вычислены cephalindex'ы для каждаго отдѣльно; вотъ почему я здѣсь помѣстилъ цифры головныхъ діаметровъ. При этомъ необходимо сказать, что средній cephalindex у *Тронова* показанъ неправильно—89.3: онъ равенъ 86,13 (310080 : 36). Изъ повторенія цифръ index'а я заключаю, что эти index'ы могутъ считаться только за приблизительные.

Изъ сопоставленія индексовъ каракиргизовъ и киргизовъ *Тронова* нетрудно замѣтить одну общую тѣмъ и другимъ черту: при увеличеніи cephalindex'а сначала идетъ увеличеніе роста —

каракиргизы	*киргизы*
82,14 — 168,3	81,89 — 164,3
84,41 — 168,7	84,11 — 165,3,—

а при высшихъ степеняхъ брахицефаліи ростъ падаетъ:

89,30 — 166,2	88,24 — 161,9

Какъ въ первомъ выпускѣ своего труда (стр. 430), такъ и во второмъ (стр. 157), *Харузинъ* приходитъ къ заключенію, что у киргизовъ „короткоголовость увеличивается съ возрастомъ" и что у киргизовъ Средней и Малой орды замѣчается неперемѣнное увеличеніе и уменьшеніе cephalindex'а съ дѣтства. *Харузинъ* даетъ такія цифры для Букеевскихъ киргизовъ и каракиргизовъ *Уйфальви*, къ которымъ я присоединяю цифры, полученныя мной у *Зеланда*:

	Возрастъ.	20—30 л.	30—40 л.	40—50 л.
Киргизы Букеевск. орды	Ростъ	162,7	163,9	164,4
	Cephalindex	87,80	85,52	85,73
Каракиргизы *Уйфальви*	Ростъ	162,5	172,5	170,2
	Caphalindex	82,84	84,87	87,17
Каракиргизы *Зеланда*	Ростъ	166,2	162,3	168,0
	Cephalindex	86,81	88,59	87,66

Явленіе увеличенія cephalindex'а съ возрастомъ, даже не смотря на повышеніе роста, тѣмъ болѣе интересно, что проф. *Маліевъ* нашелъ на 100 измѣренныхъ имъ вотякахъ обратное: соотвѣтственно увеличенію роста черепъ дѣлается болѣе длиннымъ, при чемъ, однако, авторъ не находилъ связи съ возрастомъ *).

Однако повышеніе указателя и увеличеніе роста имѣютъ мѣсто только до брахицефаліи втораго порядка: въ этой послѣдней, повидимому, фактъ, под-

*) *Маліевъ*—„Матеріалы для сравнительн. антропологіи". К. 1874. Стр. 33.—*Гузе* (Houzé. „La taille des Flamands et des Wallons." Br. 1887) для двухъ бельгійскихъ областей нашелъ, что съ повышеніемъ роста новобранцевъ замѣчается увеличеніе долихоцефаліи:

Фламанд. обл.	166,1 ст. роста при index'ѣ	79,7
Валлонск. обл.	164,8 ст. „ „ „	81,6

Это явленіе „находится въ очевидной зависимости отъ расы": среди фламандцевъ было констатировано болѣе бѣлокурыхъ и голубоглазыхъ, чѣмъ среди валлонцевъ, у которыхъ преобладаютъ брюнеты.—См. *Анучинъ*—„О географ. распред. роста мужскаго населенія Россіи". Зап. И. Р. Г. О. по отд. стат. Т. VII, вып. 1. Спб. 1889. Стр. 35—36.

мѣченный *Маліевымъ*, сохраняетъ свою силу: брахицефалы второй степени имѣютъ въ среднемъ наиболѣе низкій ростъ, который у каракиргизовъ *выше* средняго, у киргизовъ *Тронова—ниже* средняго.

Но если мы возьмемъ цифры *Зеланда* (вмѣстѣ съ нашими) и *Тронова* для крайнихъ брахицефаловъ,—

Зеландъ			*Троновъ*			Среднее	
Число.	Ростъ.	Index.	Число.	Ростъ.	Index.	Ростъ.	Index.
6	156,9	91,64	10	157,5	87,42	157,2	89,00
8	163,06	88,33	3	163,0	89,90	163,04	88,76
11	167.12	88,78	6	167,16	88,27	167,14	88,60
4	171,87	89,83	1	171	94,87	171,7	90,84

то замѣтимъ, что и здѣсь съ увеличеніемъ роста увеличивается cephalindex, исключая только самыхъ низкорослыхъ. Въ этомъ послѣднемъ фактѣ, быть можетъ, слѣдуетъ видѣть вліяніе калмыковъ на киргизскій типъ, состоящее въ томъ, что типъ калмыцкій отразился на киргизахъ главнымъ образомъ въ пониженіи роста послѣднихъ и только въ слабой степени на уменьшеніи брахицефаліи. Что брахицефалія тюркскаго типа отличается особенной стойкостью, можно заключать изъ изслѣдованій *А. Харузина* «о вліяніи тюркской крови на иранскій типъ осетинъ»*).

Ниже, при изслѣдованіи череповъ киргизовъ, я буду еще разъ говорить по поводу ихъ cephalindex'а; теперь же укажу лишь на тотъ фактъ, что и другія тюркскія племена (узбеки, кипчаки и др.) отличаются такой же высокой степенью брахицефаліи. Что касается башкиръ и татаръ, то первые заключаютъ въ себѣ, очевидно, два типа: одинъ брахицефалическій—тюркскій (карагай-кипчакскій и дангаурскій рода Оренбургской губ.), другой—болѣе овальный (Уфимская и Оренбургская губ., Бурзянскій родъ); татары же представляютъ различные типы.

2) Горизонтальная окружность головы у перваго киргиза 560 *mm*, у втораго—550. Отношеніе ея къ росту: у перваго—33.14; у втораго—32.33.

Среднія цифры авторовъ слѣдующія:

Число.	*Киргизы.*	Авторъ.	Окружн.	Отн. къ росту.
40	Каракиргизы	*Зеландъ*	566,2	34,25
26	Каракиргизы	*Уйфальви*	563,8	33,06
36	Киргизы	*Троновъ*	558,9	34,26
126	Средн. орды	*Ивановскій*	550,5	33,37

*) „Дневникъ Антрополог. Отдѣла“ 1890. Вып. 5. Стр. 191—197.

Число.	*Киргизы.*	Авторъ.	Окружн.	Отн. къ росту.
11	Малой орды	*Уйфальви*	560,5	33,57
157	Букеевск. орды	*Харузинъ*	569,7	34,97
1	Джаркентск.	*Горбачевъ*	545	34,49
30	Большой орды	*Поярковъ*	569,0	34,66

У калмыковъ это отношеніе больше, у кавказскихъ народовъ меньше:

23	Калмыки	*Мечниковъ*	576,0	35,24
30	Калм. арбунсум.	*Поярковъ*	566,3	35,64
200	Осетины	*Гильченко*	560,0	33,03
12	Цыгане ср.-азіят.	*Уйфальви*	556,2	31,78

Проф. *Мечниковъ* (стр. 206—207) въ высокой цифрѣ горизонтальной окружности калмыковъ видитъ дефинитивный признакъ монгольской расы, соотвѣтствующій провизорному состоянію кавказской; но такое заключеніе можетъ быть отнесено только къ калмыкамъ, такъ какъ другія народности монгольской расы имѣютъ разсматриваемое отношеніе не высокимъ, напр.:

30	Манджуры (Шибинцы)	*Поярковъ*	566,4	33,95
30	Дунгане	*Поярковъ*	565,6	34,03

3) Полная длина лица у перваго киргиза 195, у втораго—170. Отношеніе ея къ росту: у перваго—11,75, у втораго 10,19.

Каракиргизы *Зеланда* даютъ среднюю этого отношенія 11,05, при чемъ на 11 падаетъ 58% и на 10—13%; колебаніе цифръ—между 9,84 (№ 15) и 12,52 (№ 29). Каракиргизы *Уйфальви* даютъ среднюю 11,06, при чемъ на 11 падаетъ 58%, а колебаніе цифръ—между 9,17 (№ 25) и 12,77 (№ 16).—*А. Харузинъ* считаетъ характернымъ для тюрковъ отношеніе «не больше 11,6% роста и не меньше 11,0% (Вып. II, 356); бо́льшая цифра характеризуетъ монгольскій типъ (кульджинскіе калмыки, дунгане, самоѣды, также телеуты), меньшая—свойственна иранцамъ (персіяне, осетины, среднеазіатскіе цыгане).

4) Высота лба у перваго киргиза 68 mm., у втораго—65.
Длина носа » » » 56 » » » 45.
Нижняя часть лица » 71 » » » 60.

По отношенію къ лицевой линіи эти части будутъ:
у перваго: 34,87—28,71—36,41 и
у втораго: 38,23—26,47—35,29.

У каракиргизовъ *Зеланда* высота лба составляетъ въ среднемъ 37,32% лицевой линіи, у *Уйфальви*—36,26, при чемъ наибольшее число случаевъ падаетъ на цифры 38 и 40. *А. Харузинъ* находитъ, что меньшая цифра даннаго отношенія болѣе свойственна иранцамъ (персіяне—31, осетины—32), а большая—монгольскимъ и финскимъ племенамъ (дунгане, самоѣды—37, алтайскіе калмыки, лопари—39, также телеуты—42).

Длина носа у каракиргизовъ *Зеланда* составляетъ 26,21% лицевой линіи, у *Уйфальви*—26,11, причемъ наибольшее число случаевъ падаетъ на цифры 25, 26 и 28.

Нижняя часть лица у каракиргизовъ *Зеланда*—36,83 лицевой линіи, у *Уйфальви*—37,61, при чемъ наибольшее число случаевъ падаетъ на цифру 37 (20%), а на 36 и 35—по 14%.

5) Наибольшая ширина лица: у перваго—163, у втораго—137. Отношеніе къ лицевой линіи: у перваго—83,58, у втораго—80,59.

Изъ среднихъ цифръ *Зеланда* и *Уйфальви*, приведенныхъ у *Харузина* (Вып. II, для лицевой линіи 182,7—189,6 на стр. 334 и для наибольшей ширины лица 160,7 и 160,3 на стр. 730), слѣдуетъ, что лицевой указатель у каракиргизовъ *Зеланда*—87,41 и *Уйфальви*—84,54.—Эти цифры указываютъ на значительно широкое лицо, о чемъ, впрочемъ, я буду говорить подробнѣе при описаніи череповъ.

6) Межглазничное пространство у перваго киргиза 37, у втораго—32. Отношеніе къ лицевой линіи: у перваго—18,97, у втораго—18,82. У каракиргизовъ *Зеланда* въ среднемъ 18,60 (колебанія: 14,58 у № 30 и 21, 91 у № 35), при чемъ большее число падаетъ на 18, 19 и 20; у каракиргизовъ *Уйфальви* среднее 17,95 (колебанія: 14,57 у № 2 и 21, 79 у № 25), большее число процентовъ (36%) падаетъ на цифру 18.—Вообще тюрки, по *Харузину*, имѣютъ межглазничное пространство близкое къ таковому у монголовъ и у нѣкоторыхъ кавказцевъ, напр., у осетинъ—18,78 (*Гильченко*).

7) Ширина носа у перваго—34, у втораго—34; носовой указатель: у перваго—60,71, у втораго—75,55. Для каракиргизовъ *Зеланда* даетъ въ среднемъ 74,94. У калмыковъ, по *Ф. Эркерту*, 75,3; у осетинъ, по *Гильченко*, 67,84, а по *Ф. Эркерту*—62,5. Вообще носъ кавказцевъ значительно уже монгольскаго (на живыхъ). Нѣкоторые авторы полагаютъ, что узкій носъ составляетъ принадлежность высшей расы.

8) Длина уха у перваго киргиза 63, у втораго—60. У калмыковъ, по *Ф. Эркерту*, длина уха 69,5; у кавказскихъ народовъ меньше, напр. у осетинъ—63,7.

Этимъ заканчиваются мои измѣренія киргизовъ.

Путемъ сравненія съ описанными разными авторами, преимущественно *А. Харузинымъ*, *Зеландомъ* и *Уйфальви*, каракиргизами и киргизъ-казаками, мы въ правѣ заключить, что наши два киргиза принадлежатъ къ каракиргизамъ и что первый изъ нихъ (Хайдаръ-Али Мамаевъ), скелетъ котораго сохранился, представляетъ наиболѣе типичнаго для большинства каракиргизовъ субъекта. Такое заключеніе для меня важно въ томъ отношеніи, что, измѣряя только одинъ киргизскій скелетъ и перенося его характеристику на всю народность, я надѣюсь избѣгнуть упрека въ неосмотрительности при попыткѣ очертить тюрко-киргизскій типъ по такому слишкомъ скудному матеріалу.

3. Киргизскіе черепа.

Чтобы рельефнѣе очертить строеніе киргизскихъ череповъ, я считаю полезнымъ вести описаніе послѣднихъ параллельно съ описаніемъ череповъ представителей кавказской и монгольской расъ. Кромѣ этого, здѣсь описаны два ископаемыхъ черепа изъ Туркестанскаго края. О такомъ матеріалѣ, взятомъ для сравненія, считаю долгомъ сказать нѣсколько словъ.

За представителей *кавказской* расы взяты два скелета отъ труповъ, поступившихъ въ 1892 г. въ анатомическій институтъ нашего университета изъ томской пересыльной тюрьмы. Свѣдѣнія объ одномъ изъ нихъ были уже напечатаны въ V очеркѣ настоящихъ «Матеріаловъ для антропологіи Сибири» (стр. 90). Это—*Искандеръ Оглы*, 26 лѣтъ, житель Бакинской губ. Изученіе его скелета показало, что по отношеніямъ длинныхъ костей между собою этотъ субъектъ часто поразительно сходенъ съ типомъ, установленнымъ *Брока* для европейской расы. Свѣдѣнія о другомъ скелетѣ такого же кавказца, извлеченныя изъ статейнаго списка, слѣдующія:

Нуръ-Эддинъ-Исамеддинъ-Оглы, 26 л. Каторжный арестантъ, лишенный правъ. Роста 2 арш. 5 вершковъ (164,45 ст.)—Волосы черные, глаза сѣрые. За составленіе разбойничьей шайки и совершеніе въ составѣ оной разныхъ разбоевъ и побѣгъ изъ Кубанской тюрьмы, соединенный съ насиліемъ противъ стражи и убійствомъ часоваго Селиванова, осужденъ въ каторжныя работы на двадцать лѣтъ. Холостъ. Магометанинъ. Умеръ въ томской пересыльной тюрьмѣ 7 іюня 1892 г. отъ бугорчатки легкихъ.

За представителей *монгольской* расы взяты три черепа: калмыцкій, бурятскій и монгольскій.

Свѣдѣнія о калмыцкомъ черепѣ вмѣстѣ съ измѣреніями костей туловища и конечностей помѣщены въ V очеркѣ настоящихъ «Матеріаловъ» (стр. 90). Это—*Цохоровъ Дорджъ*, 56 л., калмыкъ Астраханской губ., Малодербетовскаго улуса, рода Шаратова.—Мужской бурятскій черепъ изъ Забайкалья доставленъ въ анатомическій институтъ изъ г. Верхнеудинска

докторомъ *Болтенко* въ 1890 г. вмѣстѣ съ двумя другими бурятскими черепами, повидимому—женскими.—Черепъ монгола (безъ нижней челюсти), взятый около монастыря Эрдени-Дзо, въ Монголіи, доставленъ изъ Забайкалья Верхнеудинскимъ окружнымъ сельскимъ врачемъ г. *Кириловымъ* въ маѣ 1893 г.

Два ископаемыхъ черепа принадлежатъ археологическому музею нашего университета. Эти черепа кратко описаны въ каталогѣ «Археологическаго музея Томскаго университета» и болѣе подробно въ статьѣ *В. М. Флоринскаго*: «Двадцать три человѣческихъ черепа Томскаго археологическаго музея»*).

1) «571. Человѣческій черепъ, вырытый изъ кургана близъ г. Вѣрнаго (Семирѣченской области). Круглоголовый. (При скелетѣ не было найдено ни одного предмета; трупъ былъ зарытъ въ самомъ курганѣ, не глубоко отъ его поверхности, поэтому можно думать, что это было позднѣйшее погребеніе въ существовавшемъ уже курганѣ. *Флор.*»). Добытъ въ 1886 г. («Археологическій музей Томскаго университета». Т. 1888. Стр. 25). Черепъ безъ нижней челюсти.

По мнѣнію *В. М. Флоринскаго*, «вѣрненскій черепъ правильнѣе было бы причислить къ короткоголовымъ, чѣмъ къ круглоголовымъ» («Двадцать три челов. черепа Томск. археологич. музея», стр. 58). Признавая въ общемъ этотъ черепъ за татарскій, *В. М. Флоринскій* высказываетъ подозрѣніе, что въ частности онъ, «можетъ быть, киргизскій» (Стр. 58).

2) «2820. Человѣческій черепъ (безъ нижней челюсти), извлеченный докторомъ *Могилянскимъ* изъ озера Иссыкъ-Куля. Находился въ пескѣ, подъ водой, не далеко отъ берега» («Прибавленіе къ каталогу Археологическаго музея Томскаго университета». Т. 1890. Стр. 167).

По описанію *В. М. Флоринскаго*, «общій типъ черепа длинноголовый» («Двадцать три чел. черепа. Т. арх. музея» стр. 56).

Предпославъ эти общія свѣдѣнія о черепахъ, перехожу къ ихъ описанію.

I.

Черепа кавказской расы.

1) *Искандеръ-Оглы.* Norma verticalis овально-удлиненная, болѣе широкая въ переднемъ (лобномъ) отдѣлѣ, чѣмъ въ заднемъ (затылочномъ). Черепъ слегка перекошенъ вправо вслѣдствіе того, что правая теменная область представляется болѣе развитой и правый tuber parietale лежитъ болѣе кзади, чѣмъ лѣвый. Всѣ швы ясно выражены, synostosis spheno—basi-

*) Труды Томскаго Общества Естествоиспытателей. Г. 1. Т. 1890.

laris образовался. Ptèrion en H, шириною 14—17 mm.; въ лобной части замѣтна наклонность къ образованію processus temporalis. На мѣстѣ встрѣчи вѣнечнаго шва со стрѣловиднымъ (въ области бывшаго родничка) находится большая вставная кость, длиною 21 mm., шириною въ переднемъ (большемъ) отдѣлѣ —14 mm.; со стороны полости черепа эта кость треугольнаго очертанія*). Въ ламбдовидномъ швѣ три маленькія вставныя кости. На уровнѣ астеріоновъ обѣихъ сторонъ, поперегъ затылочной чешуи, замѣтенъ слѣдъ шва, на протяженіи 28 mm. Glabella № 2, inion № 1. Мѣста мышечныхъ прикрѣпленій ясно выражены.

Межглазничное пространство—умѣренное, съ носовой выемкой; носовыя кости выдаются впередъ горбомъ, сильно выпуклы въ поперечномъ направленіи. Fossae caninae умѣренны. При боковомъ осмотрѣ—очертаніе лба красиво округлено, челюсти стоятъ прямо. Spina nasalis № 3. Зубовъ $^{16}/_{16}$, степень стиранія ихъ № 1, расположены дугообразно. Spina palatina тупая.

По состоянію швовъ и зубовъ и по развитію мышечныхъ прикрѣпленій —черепъ IV возраста.

2) *Нуръ-Эддинъ-Исамеддинъ Оглы*. Norma verticalis овально-удлиненная, болѣе широкая въ переднемъ (лобномъ) отдѣлѣ, чѣмъ въ затылочномъ. Всѣ швы ясно выражены, synostosis spheno-basilaris образовался. Ptérion en H, шириною 11—14 mm.; въ правомъ—маленькая вставная кость, подлѣ височной чешуи. Въ ламбдовидномъ швѣ одна маленькая вставная кость. Glabella № 3, inion № 1. Мѣста мышечныхъ прикрѣпленій ясно выражены.

Межглазничное пространство узкое,—съ носовой выемкой; носовыя кости выдаются горбомъ, сильно выпуклы въ поперечномъ направленіи. Fossae caninae умѣренны. При боковомъ осмотрѣ очертаніе лба правильно округлено, челюсти стоятъ прямо. Spina nasalis № 4. Зубовъ $^{16}/_{16}$, степень ихъ стиранія № 1; первые коренные зубы нижней челюсти каріозны. Расположеніе зубовъ дугообразное. Spina palatina—острая.

По состоянію швовъ и зубовъ и по развитію мышечныхъ прикрѣпленій —черепъ IV возраста.

3) *Черепъ со дна озера Иссыкъ-куля*. (Археологическаго музея № 2820). Norma verticalis—овально-удлиненная, болѣе широкая въ лобномъ отдѣлѣ, чѣмъ въ затылочномъ. Черепъ симметриченъ. Всѣ швы, исключая задней части височно-темянного правой стороны, ясно выражены. Лѣвый ptérion en H, шириною 18 mm. (правый разрушенъ). По описанію *В. М. Флоринскаго*, „отличительными признаками его (черепа) служатъ: правильное закругленіе черепнаго свода съ слабо выраженными темянными буграми; затылочная об-

*) *Груберъ* въ ст. „Ueber den Stirnfontanellknochen (os fonticuli frontalis) bei dem Menschen und bei den Säugethieren“, на Tab. I. Fig. 6 u. 7 изобразилъ такую кость. Mémoires de l' Académie Impériale des sciences d. St-Petersbourg, VII-e Série. T. XIX, № 9. 1873.

ласть довольно сильно развита, выпячивается больше назадъ, чѣмъ въ стороны, бугоръ затылочной кости представляетъ рѣзко выраженную шишку".— Эта шишка представляетъ развитую linea nuchae superior, соотвѣтствуя tuber linearum *Генле*, но не torus occipitalis transversus (см. замѣчаніе о torus на стр. 67 „Матеріаловъ").— „Лобъ—умѣренной величины, отлого закругленъ, красиваго очертанія: надбровныя дуги значительно развиты. Общій типъ черепа длинноголовый, скорѣе низкій, чѣмъ высокій. Norma verticalis имѣетъ видъ вытянутаго эллипсиса, съ незначительнымъ суженіемъ въ височныхъ областяхъ" (стр. 56). Впереди pterion'a правой стороны височный отдѣлъ лобной кости образуетъ незначительную выпуклость. Glabella № 2—3, inion № 3. Мѣста мышечныхъ прикрѣпленій выражены.

Межглазничное пространство умѣренное, съ носовой выемкой; носовыя кости длинны, выдаются впередъ горбомъ, выпуклы въ поперечномъ направленіи. Fossae caninae слабо выражены. При боковомъ осмотрѣ, челюсти стоятъ прямо, spina nasalis № 3. Зубовъ (верхнихъ) 14; по уцѣлѣвшему коренному зубу можно думать, что стираніе ихъ № 1; расположеніе—дугообразное. Spina palatina—острая.

По мнѣнію *В. М. Флоринскаго*, черепъ принадлежитъ мужчинѣ, около 25 лѣтъ.

Черепа тюркской расы.

1) *Хайдаръ-Али-Мамаевъ*. Norma verticalis—круглаго очертанія, черепъ —симметриченъ. Швы явственны, исключая области obelion'a, гдѣ сглажены. Ptérion en H, шириною 17—19 mm., въ лѣвомъ вставная кость средней величины, расположена у височной чешуи. У астеріоновъ по одной вставной кости средней величины. Небольшія вставныя кости въ вершинѣ ламбдовиднаго шва срощены съ сосѣдними костями. Glabella № 2, inion № 0. Мѣста мышечныхъ прикрѣпленій выражены.

Межглазничное пространство—широкое, безъ носовой выемки. Носовыя кости съ легкимъ горбомъ, слабо выпуклы въ поперечномъ направленіи. Нижній край носоваго отверстія, какъ у кавказскихъ череповъ, рѣзко очерченъ. Spina nasalis № 3. Fossae caninae развиты. Processus marginalis. При боковомъ осмотрѣ, прогнатизма не замѣчено. Зубовъ $^{15}/_{16}$, степень стиранія № 1, расположены дугообразно. Небная ость—тупая.

Черепъ IV возраста.

2) *Усманъ-Бекъ-Ташбаевъ*. Norma verticalis круглаго очертанія. Швы,—гдѣ они свободны отъ покрововъ,—явственны. У астеріоновъ замѣтны вставныя кости. Сосуды головы представляютъ густую сѣть анастомозовъ (удачная инъекція?). Glabella № 3, inion № 0.

Межглазничное пространство широко, съ носовой выемкой. Носовыя кости съ легкимъ горбомъ. Fossae caninae умѣренны. Зубовъ $^{15}/_{16}$, цѣлы, расположены подковообразно.

Черепъ IV возраста.

3) *Вѣрненскій черепъ.* (Археологическаго музея № 571). Norma verticalis—овальная. Швы ясно выражены. Ptérion en H, шириной 8—13 mm. Въ ламбдовидномъ швѣ пять мелкихъ вставныхъ костей. По описанію *В. М. Флоринскаго*, сводъ черепа „приподнятый и не имѣетъ правильнаго закругленія. Начиная со лба, черепъ раздѣляется какъ бы на двѣ половины вслѣдствіе приподнятаго валика, идущаго по направленію лобнаго (зарощеннаго) и стрѣловиднаго шва. Отъ этого выдающагося гребня половинки лобной и темянной костей опускаются по сторонамъ въ видѣ отлогой крыши. Височныя области не выпуклы, а нѣсколько сжаты“ (стр. 58). Glabella—№ 2, inion № 1. Мѣста мышечныхъ прикрѣпленій выражены.

Межглазничное пространство—широкое, со слабой выемкой; носовыя кости широки, слабо выпуклы; нижній край носоваго отверстія слегка сглаженъ. Fossae caninae развиты. При боковомъ осмотрѣ, лобъ правильно закругленъ, прогнатизма не замѣтно. Spina nasalis № 3. Зубовъ (верхнихъ) 16, стираніе ихъ № 2, расположеніе—дугообразное.

Черепъ IV возраста.

Черепа монгольской расы.

1) *Цохоровъ Дорджъ, калмыкъ.* Norma verticalis кругло-овальная, симметриченъ. Осложненіе вѣнечнаго шва № 3; сростаніе стрѣловиднаго № 2 (на половину), сростаніе ламбдовиднаго № 3 (менѣе половины) Ptérion en H, шириной 11—13 mm. Linea semicircularis заходитъ высоко, разстояніе между линіями на темянныхъ костяхъ доходитъ до 54 mm. Вслѣдствіе значительнаго развитія plani temporalis, сдавившаго черепъ съ боковъ, наибольшая ширина черепа—151 mm.—падаетъ на задній конецъ нижнихъ височныхъ линій; но такъ какъ на другихъ черепахъ измѣренія ширины производятся выше этихъ точекъ, то въ таблицѣ (стр. 46) поставлена цифра ширины черепа 146—размѣръ наибольшій надъ lin. temporal. infer. Glabella—№ 3, inion—№ 1. Мѣста мышечныхъ прикрѣпленій развиты.

Межглазничный промежутокъ широкъ, безъ носовой выемки. Носовыя кости—съ легкимъ горбомъ, слабо выпуклы. Processus marginalis. Fossae caninae умѣренны. Fossae praenasales развиты. Лобъ сильно покатъ, челюсти стоятъ прямо. Spina nasalis № 2—3. Зубовъ $^{16}/_{16}$, стираніе ихъ—№ 2,

расположеніе дугообразное. Наружныя пластинки крыловидныхъ отростковъ слабо развиты.

Черепъ V возраста.

2) *Бурятскій черепъ изъ Забайкалья.* Norma verticalis круглаго очертанія. Швы всѣ явственны, исключая затылочно-сосцевидныхъ (ниже астеріонъ), которые сглажены. Ptérion en H, шириной 19 mm.; въ переднемъ ихъ отдѣлѣ по вставной кости: въ правомъ—кость тянется кверху на 26 mm., при ширинѣ (въ срединѣ) въ 6 mm., въ лѣвомъ—длиной 13, шириной 8. Височные отдѣлы лобной кости выпуклы. На затылочной кости, съ правой стороны, processus paracondyloideus съ сочленовной фасеткой на вершинѣ. Glabella № 0—1, inion № 0. Мѣста мышечныхъ прикрѣпленій развиты.

Межглазничное пространство—умѣренное, плоское. Носовыя кости плоски. Нижній край носоваго отверстія представляетъ развитыя fossae praenasales. Fossae caninae слабо выражены. Въ профиль—лобъ правильно закругленъ, прогнатизмъ рѣзко замѣтенъ. Spina nasalis № 2—3. Зубовъ $^{16}/_{15}$, степень стиранія № 2, расположеніе U—образное.

Черепъ IV возраста.

3) *Черепъ монгола, взятый около монастыря Эрдени-Дзо, въ Монголіи.* Norma verticalis кругло-овальная, слегка перекошена влѣво. Швы всѣ явственны, кромѣ лѣваго затылочно-сосцевиднаго. Ptérion en H, шириною 18—15 mm. Височные отдѣлы лобной кости выпуклы. Glabella № 0; inion № 2: linea nuchae superior представляетъ поперечно лежащій незначительный валикъ.

Межглазничное пространство умѣренное, плоское. Носовыя кости узки и плоски. Нижній край носоваго отверстія сглаженъ. Processus marginalis. Fossae caninae умѣренны. Лобъ правильно закругленъ, носовыя кости мало выдаются, прогнатизмъ слабо выраженъ. Spina nasalis № 2—3. Зубовъ (верхнихъ) 11, обломаны, расположеніе дугообразное. Наружныя пластинки крыловидныхъ отростковъ узки.

Черепъ IV возраста.

II.

Измѣренія, опредѣляющія основной типъ череповъ, слѣдующія:

Черепа.	L	Q	H	bn	bf	qq
Кавказскій № 1	177	142	140	103	36	33
» № 2	182	137	126	101	36	30
Иссыккульскій	187	137	131	104	40	31
Киргизскій № 1	175	162	128	102	40	33

Черепа.	L	Q	H	bn	bf	qq
Киргизскій № 2	176	152	138	100	37	36
Вѣрненскій № 571	173	140	130	99	37	29
Калмыцкій	180	146	131	106	38	33
Бурятскій	175	154	135	101	36	27
Монгольскій	182	152	130	98	37	29

По абсолютнымъ размѣрамъ продольнаго діаметра изучаемые черепа средней величины; только у иссыккульскаго длина относится къ большимъ величинамъ. Ширина киргизскихъ череповъ и череповъ представителей монгольской расы относится къ большимъ величинамъ, вѣрненскаго и кавказскихъ—къ среднимъ. По высотѣ № 1 кавказскій, № 2 киргизскій и бурятскій—велики, остальные—средніе. По величинѣ основанія № 2 киргизскій, вѣрненскій и монгольскій—средніе, остальные—большіе. Длина затылочнаго отверстія большая у иссыккульскаго и у № 1 киргизскаго, у другихъ—средняя. Ширина отверстія большая у № 1 кавказскаго, у обоихъ киргизовъ и у калмыка, у остальныхъ—средняя.

Киргизскіе черепа, въ нашемъ случаѣ, отличаются развитіемъ наибольшаго широтнаго размѣра и шириной затылочнаго отверстія. Вѣрненскій черепъ по размѣрамъ стоитъ ближе къ кавказскимъ.

Отношенія этихъ абсолютныхъ размѣровъ слѣдующія:

Черепа.	$\frac{Q.\ 100}{L}$	$\frac{H.\ 100}{Q}$	$\frac{H.\ 100}{L}$	$\frac{qq.\ 100}{bf}$	$\frac{nb.\ 100}{L}$	$\frac{bf.\ 100}{L}$	$\frac{qq.\ 100}{Q}$
Кавказскій № 1	80,22	98,59	79,09	91,67	58,19	20,33	23,24
» № 2	75,27	91,97	69,23	83,31	55,49	19,78	21,89
Иссыккульскій	73,26	95,62	70,05	77,5	55,61	21,39	22,62
Киргизскій № 1	92,57	79,01	73,14	82,50	58,28	22,85	20,37
» № 2	86,36	90,79	78,41	97,3	56,81	21,02	23,68
Вѣрненскій	80,92	92,85	75,14	78,38	57,22	21,38	20,68
Калмыцкій	81,11	89,72	72,77	86,84	58,88	21,11	22,60
Бурятскій	88.	87,66	77,14	75.	57,71	20,57	17,53
Монгольскій	83,51	85,52	71,42	78,38	53,84	20,33	19,07

Мы находимъ, что

1) изъ кавказцевъ:
одинъ—суббрахицефалъ, высокоузкій, высокоголовый и широкохребетный, другой—субдолихоцефалъ, широконизкій, низкоголовый и среднехребетный, слѣдовательно, принадлежатъ двумъ различнымъ типамъ.
2) иссыккульскій:
долихоцефалъ, средне-широковысокій, низкоголовый и узкохребетный, слѣдовательно, близокъ по типу ко второму кавказскому черепу.

3) киргизы—брахицефалы *втораго* порядка (указатель выше 85,50), при чемъ:
первый—широконизкій, средневысокій и среднехребетный,
второй—широконизкій, высокоголовый и широкохребетный.
4) вѣрненскій:
суббрахицефалъ, средне-широковысокій, высокоголовый и узкохребетный.
5) калмыкъ:
суббрахицефалъ, широконизкій, средневысокій и широкохребетный.
6) бурятъ:
брахицефалъ 2 пор., широконизкій, высокоголовый и узкохребетный.
7) монголъ:
брахицефалъ 1 пор., широконизкій, низкоголовый и узкохребетный.

Слѣдовательно, по своему основному типу киргизы приближаются болѣе къ бурятскому, чѣмъ къ другимъ двумъ монгольскимъ типамъ.

Высокая степень брахицефаліи бурятъ подтверждается не только двумя другими черепами (женскими), имѣющимися въ Томскомъ анатомическомъ институтѣ, но и коллекціей бурятскихъ череповъ Казанскаго анатомическаго музея, которые измѣрены проф. *Маліевымъ**), и черепами *Катрфажа* и *Ами***).

Киргизскіе черепа г. *Харузина****) даютъ такія цифры указателей:

№№	$\frac{Q. 100}{L}$	$\frac{H. 100}{Q}$	$\frac{H. 100}{L}$	$\frac{qq. 100}{bf}$
II	89,71	78,34	70,28	79,99
V	86,28	86,09	74,28	86,48
VI	82,32	93,95	77,34	82,92
VII	85,87	92,1	79,09	82,86
VIII	93,52	83,01	77,64	79,4
IX	89,01	89,6	79,77	77,78
Среднее	87,72	87,18	76,56	81,57

Слѣд., въ среднемъ характеризуются, какъ

брахицефалы 2 пор., широконизкіе, высокоголовые, узкохребетные
(5 изъ 6) (4 изъ 6) (4 изъ 6) (3 изъ 6)

Черепъ VI представляетъ уклоненіе отъ большинства, будучи суббрахицефалъ, среднеширококовысокъ, высокоголовъ и среднехребетный, и напоминаетъ собою нашъ *вѣрненскій* черепъ.

*) *Маліевъ*—„О бурятскихъ черепахъ“ въ прил. къ проток. засѣд. Общ. Ест. при Казанск. Ун. 1876–1877 г.

**) „Les crânes des races humaines“. Paris. 1882. Pag. 408.

***) *Харузинъ*—„Киргизы Букеевской орды“. Вып. 1. Стр. 539—550.

Катрфажъ и *Ами* въ Crania ethnica*) приводятъ цифры измѣреній, произведенныхъ *Шпенгелемъ* на двухъ киргизскихъ черепахъ; одинъ изъ этихъ череповъ изображенъ *Блюменбахомъ* въ Decas altera Collectionis suae craniorum diversarum gentium illustratae (Goettingae, 1793), на табл. XIX. Среднія указателей этихъ череповъ: 81,72—90,46—73,92.

Измѣренные проф. *Маліевымъ* узбекскіе черепа изъ Ферганы**) характеризуются также брахицефаліей *втораго* порядка (5 изъ 10), широконизки (5 изъ 8), высокоголовы (5 изъ 8) и склонны къ узкохребетности (3 узк., 3 сред. и 2 широк.).

Проф. *Богдановъ*, на основаніи измѣреній череповъ туркестанскихъ инородцевъ***), заключаетъ, что «въ туркестанскомъ населеніи мы имѣемъ царство брахицефаліи» (стр. 71), что „громадно преобладаютъ въ туркестанскомъ населеніи высокіе черепа, а низкіе весьма рѣдки» (стр. 72), что „преобладающими въ общей массѣ туркестанскихъ череповъ являются широконизкіе, а за ними слѣдуютъ среднешироковысокіе; узковысокихъ сравнительно мало. Слѣд., развитіе черепа всего больше происходило въ ширину, потомъ въ высоту и всего менѣе въ длину“ (стр. 73), и, наконецъ, что «всего чаще попадаются узкохребетные“, которыхъ авторъ нашелъ 46, среднеширокохребетныхъ 29 и широкохребетныхъ 21 (стр. 79).

Приведенныя данныя позволяютъ заключить, что *киргизскіе черепа, какъ представители тюркской расы, характеризуются, какъ брахицефалы втораго порядка, широконизкіе, высокоголовые и узкохребетные.*

Другіе поперечные размѣры череповъ и ихъ отношенія:

ЗНАКИ.	Кавказцы 1	Кавказцы 2	Иссык-кульскій	Киргизы 1	Киргизы 2	Вѣрненскій.	Калмыкъ.	Бурятъ.	Монголъ.
F′F′	99	85	96	103	96	90	92	93	96
FF	121	109	105	128	126	109	100	120	105
F^2F^2	121	111	115	129	—	115	117	132	127
O′O′	117	110	116	125	—	112	118	128	122
OO	125	116	124	144	—	125	138	136	136
MM	126	117	130	146	130	126	141	135	135
SS	111	104	111	117	115?	105	116	107	111

*) *A. de Quatrefages et T. Hamy*—„Les crânes des races humaines“. Paris. 1882. Texte. Pag. 412.

**) *Маліевъ*—„Объ узбекскихъ черепахъ“. Прилож. къ проток. засѣд. Общ. Естествоисныт. при Казанскомъ Университетѣ № 86.

***) *Богдановъ*—„Антропометрическія замѣтки относительно туркестанскихъ инородцевъ“, въ „Путешествіе въ Туркестанъ *А. П. Федченко*“ вып. 22. т. III. Изв. Импер. Общ. Любит. Ест., Антр. и Этногр. Т. XXXIV, вып. 5. М. 1888. Стр. 70—84.

ЗНАКИ.	Кавказцы 1	Кавказцы 2	Иссык-кульскій.	Киргизы. 1	Киргизы. 2	Вѣрненскій.	Калмыкъ.	Бурятъ	Монголъ.
$\frac{F'F'.100}{Q}$	69,72	62,04	70,07	63,58	63,16	64,28	63,01	60,39	63,16
$\frac{FF.100}{Q}$	85,21	79,56	76,64	79,01	82,89	77,85	68,49	77,92	69,08
$\frac{F^2F^2.100}{Q}$	85,21	81,02	83,94	79,62	—	82,14	80,13	85,71	83,55
$\frac{OO'.100}{Q}$	82,39	80,29	84,67	77,15	—	80.	80,82	83,11	80,26
$\frac{OO.100}{Q}$	88,02	84,67	90,51	88,89	—	89,28	94,52	88,31	89,47
$\frac{MM.100}{Q}$	88,73	85,40	94,89	90,12	85,52	89,99	96,57	87,66	88,81
$\frac{SS.100}{Q}$	78,17	75,91	81,02	72,22	83,94?	75.	79,45	69,48	73,02
$\frac{F'F'.100}{FF}$	81,82	77,98	91,42	80,47	76,19	82,57	92.	77,5	91,42
$\frac{F'F'.100}{F^2F^2}$	81,82	76,58	83,47	79,84	—	78,25	78,63	70,45	75,59
Разность между лоби. ук.	0.	1,4	7,95	0,63	—	4,32	13,37	6,05	15,83

Абсолютные размѣры въ ширину у перваго кавказца большіе, у второго—малые; размѣры иссыккульскаго черепа ближе стоятъ къ послѣднимъ. У киргизовъ размѣры большіе, у вѣрненскаго черепа—средніе, у калмыка—болѣе развиты въ задней половинѣ черепа; у бурята и монгола—большіе.

Черепъ перваго кавказца и иссыккульскій—большелобы, остальные всѣ—малолобы. Большой лобно-широтный указатель иссыккульскаго черепа подтверждаетъ заключеніе *В. М. Флоринскаго*, который говоритъ: «По гладкости и граціозности костей, по значительному развитію *лобной* и темянныхъ областей, сравнительно съ нижнею половиною черепа, можно догадываться, что *субъектъ принадлежалъ къ интеллектуальной расѣ*. Во всякомъ случаѣ, онъ не изъ числа Тамерлановыхъ полчищъ; въ немъ нѣтъ ни монгольскихъ, ни татарскихъ признаковъ» (стр. 56). Хотя въ составъ Тамерлановыхъ полчищъ, вѣроятно, входили и субъекты изъ интеллектуальныхъ расъ, тѣмъ не менѣе это заключеніе подтверждается и величиной затылочнаго указателя, по которому иссыккульскій черепъ, подобно кавказскимъ, широкозатылочный.—Первый киргизскій черепъ въ этомъ указателѣ сходится съ черепами бурятскимъ и монгольскимъ, которые также узкозатылочны, но не калмыцкимъ—широкозатылочнымъ или вѣрненскимъ—среднешироко-затылочнымъ.

По стефаническому указателю *Брока* черепа иссыккульскій, калмыцкій и монгольскій—широколобы, остальные—узколобы. Но, въ виду значительнаго развитія plani temporalis у монгольскихъ череповъ, необходимо признать, что сходство иссыккульскаго черепа съ послѣдними только кажущееся. При указателѣ $\frac{F'F'.100}{F^2F^2}$ всѣ черепа узколобы, исключая иссыккульскаго, который относится къ среднешироколобымъ. Указатель развитія plani tempo-

ralis иссыккульскаго черепа почти таковъ же, какъ у бурята, уступая въ этомъ отношеніи калмыцкому и монгольскому и значительно превосходя кавказскіе, киргизскій и даже вѣрненскій.

У бурятскаго и монгольскаго череповъ наиболѣе развитъ ушной діаметръ, у прочихъ—мастоидальный.

Височный діаметръ слабо превалируетъ надъ большимъ лобнымъ у иссыккульскаго и калмыцкаго череповъ; у прочихъ—височный меньше большаго лобнаго.

Киргизскіе черепа г. *Харузина* даютъ такія отношенія лобныхъ и затылочнаго діаметровъ:

№№	II	V	VI	VII	VIII	IX
$\frac{F'F'.\ 100}{Q}$	60,51	62,91	67,11	61,84	59,12	64,93
$\frac{F\ F.\ 100}{Q}$	82,16	80,79	79,86	77,63	77,35	81,16
$\frac{SS.\ 100}{Q}$	73,24	75,49	77,85	76,31	73,58	73,37
$\frac{F'F'.\ 100}{F\ F}$	73,64	77,87	84,03	79,66	76,42	80.

Исключая среднелобаго № VI, всѣ малолобы и узколобы; по затылочному указателю всѣ, безъ исключенія, средне-широкозатылочны.—По стефаническому указателю, въ связи съ чертами суббрахицефаліи, № VI отличается отъ остальныхъ и приближается къ типу нашего вѣрненскаго черепа.

Проф. *Богдановъ*, характеризуя туркестанскіе черепа, говоритъ, что «широкозатылочные преобладаютъ только въ черепахъ Гальчи, а узкозатылочныхъ особенно много у таджиковъ, хотя у нихъ почти столько же и среднеширокозатылочныхъ» (стр. 73). Относительно лобнаго (стефаническаго) указателя проф. *Богдановъ* замѣчаетъ: «не только преобладаютъ, но составляютъ поразительно большой процентъ черепа съ малыми лобными отношеніями, т. е. сильно расширяющіеся въ верхней части лба сравнительно съ нижней» (стр. 74).

Такимъ образомъ, *киргизы, какъ представители тюркскаго типа, характеризуются малымъ и узкимъ лбомъ и болѣе или менѣе узкимъ затылкомъ.*

Знаки.	Кавказцы. 1	Кавказцы. 2	Иссык-кульскій	Киргизы. 1	Киргизы. 2	Вѣрненскій.	Калмыкъ.	Бурятъ.	Монголъ.
A.	511,	507,	513,	536,	528,	496,	525,	523,	534,
oro	304,	296,	297,	318,	325,	304,	293,	332,	315,
nclf	364,	369,	364,	342,	370,?	352,	361,	365,	374,
nc	126,	118,	130,	120,	123,	125,	122,	132,	134,

ЗНАКИ.	Кавказцы. 1	Кавказцы. 2	Иссык-кульскій.	Киргизы 1	Киргизы 2	Вѣрненскій.	Калмыкъ.	Буратъ.	Монголъ.
cl	130,	130,	121,	113,	—	121,	120,	112,	129,
lf	108,	121,	113,	109,	—	106,	119,	121,	111,
lT	61,	70,	54,	55,	—	56,	62,	64,	50,
Tf	47,	51,	59,	54,	—	50,	57,	57,	61,
y	111,	106,	113,	106,	110,	110,	110,	114,	119,
y'	114,	115,	107,	103,	—	108,	108,	104,	113,
y^2	89,	99,	88,	92,	—	92,	99,	104,	91,
$\frac{y\ 100}{nc}$	88,09	89,83	86,92	88,33	89,43	88,	90,16	86,36	88,8
$\frac{y'\ 100}{cl}$	87,69	88,46	88,42	91,14	—	89,25	90,	92,85	87,59
$\frac{y^2\ 100}{lf}$	82,41	81,82	77,87	84,4	—	86,78	85,19	85,94	81,98
$\frac{lT.\ 100}{lf}$	56,48	57,85	47,78	50,46	—	52,82	52,11	52,89	45,05

По горизонтальной и вертикальной окружностямъ киргизскіе черепа относятся къ большимъ, по сагиттальной первый—къ малымъ, второй—къ среднимъ; но высокая цифра у втораго киргиза обусловлена присутствіемъ на немъ засохшихъ мягкихъ частей. Кавказскіе черепа и иссыккульскій принадлежатъ къ среднимъ, вѣрненскій—къ малымъ; черепа представителей монгольской расы большихъ размѣровъ, только у калмыка поперечная дуга малыхъ размѣровъ. Что касается до частей сагиттальной окружности, то у киргизовъ, какъ и слѣдовало ожидать, всѣ онѣ малыхъ размѣровъ.

По степени кривизны лобной дуги,—значительной покатостью лба отличается калмыкъ, наибольшей выпуклостью лба—черепа бурятскій и иссыккульскій. Теменная дуга болѣе искривлена у монгола, кавказцевъ и иссыккульскаго черепа: болѣе прямолинейна — у бурята, киргиза и калмыка. Затылочная кривизна рѣзко выражена у иссыккульскаго черепа, слабо—на вѣрненскомъ, бурятскомъ и киргизскомъ.

Относительная величина межтеменной части затылочной дуги мала у монгола, иссыккульца и киргиза, и развита у кавказцевъ.

Киргизскіе черепа г. *Харузина* въ среднемъ даютъ тѣ же величины окружностей, т. е. большія для горизонтальной (523) и поперечной (325,8) и малую для сагиттальной (346,3).

Относительная величина межтеменной части на киргизскихъ черепахъ г. *Харузина* колеблется: въ четырехъ случаяхъ она больше половины затылочной дуги, въ двухъ (VI,VII)—меньше.

Проф. *Богдановъ* имѣлъ въ своемъ распоряженіи незначительное число большихъ череповъ изъ Туркестана (для A—16 изъ 99, для OPO—18 изъ 103 и для nclf—17 изъ 98), потому онъ заключилъ, что «по направленію

всѣхъ трехъ окружностей туркестанскіе черепа среднихъ или малыхъ размѣровъ» (стр. 76).

ЗНАКИ.	Кавказцы 1	Кавказцы 2	Иссык-кульскій.	Киргизы 1	Киргизы 2	Вѣрненскій	Калмыкъ	Бурятъ.	Монголъ.
ω	1490	1390	1420	1590	1630	1320	1480	1590	1600
W	612	545	570	577	—	632	655	672	800
w	100	85	—	100	—	—	111	100	—
W'	712	630	—	677	—	—	766	772	—
$\frac{\omega}{W}$	2,25	2,55	2,49	2,75	—	2,08	2,25	2,36	2,0
$\frac{W}{w}$	6,12	6,4	—	5,7	—	—	5,9	6,7	—

Киргизскіе черепа, подобно типичнымъ представителямъ монгольской расы, обладаютъ высокой цифрой вмѣстимости; черепа кавказской расы имѣютъ среднюю или лишь немного выше средней вмѣстимость (считая среднюю вмѣстимость отъ 1382 до 1450 куб. сант.). Вѣрненскій черепъ малой вмѣстимости.

По абсолютному вѣсу (по *Ледерле*) наши черепа принадлежатъ къ среднимъ, кромѣ тяжелаго монгольскаго; по относительному вѣсу—также къ среднимъ и только монгольскій и вѣрненскій явно склоняются въ сторону тяжелыхъ череповъ.

Нижняя челюсть, судя по относительному ея вѣсу, болѣе развита у киргизовъ, чѣмъ у кавказцевъ и бурятъ; но въ общемъ у всѣхъ сравниваемыхъ череповъ она относится къ тяжелымъ.

III.

Лицевые размѣры череповъ въ длину:

ЗНАКИ.	Кавказцы. 1	Кавказцы. 2	Иссык-кульскій	Киргизы. 1	Киргизы. 2	Вѣрненскій.	Калмыкъ.	Бурятъ.	Монголъ.
nk	122	124	—	130	113	—	120	126	—
nx'	74	76	79	80	68	66	78	81	72
y	23	23	27	24	24	21	26	27	25
xx'	22	21	22	22	21	16	22	25	18
bk	105	118	—	116	120	—	117	110	—
$\frac{y.\ 100}{nx'}$	31,08	30,26	34,17	30	35,29	31,82	33,33	33,33	34,72
$\frac{xx'\ 100}{nx'}$	29,73	27,63	27,85	27,5	30,88	24,34	28,2	30,86	25,
$\frac{bk.\ 100}{nb}$	101,94	116,83	—	113,72	120	—	110,37	110,91	—

Верхняя часть лица у монгола и на вѣрненскомъ черепѣ средней величины, у прочихъ—большая.

По абсолютной высотѣ скулы киргизовъ, кавказцевъ и вѣрненскаго черепа малы; у иссыккульскаго и у представителей монгольской расы средней величины. По отношенію къ длинѣ лица скулы втораго киргиза, иссыккульскаго черепа и монгола—средней толщины, у перваго киргиза, у кавказцевъ, калмыка, бурята и на вѣрненскомъ черепѣ—малой.

Подносовая линія только на вѣрненскомъ черепѣ средней величины, у остальныхъ череповъ—большая; тоже видно и по отношенію ея къ лицевой линіи.

Киргизскіе черепа г. *Харузина* даютъ слѣдующія величины размѣровъ лица въ длину:

№№.	nx'.	y.	xx'.	$\frac{y.100}{nx'}$	$\frac{xx'.100}{nx'}$
II	60	21	13	35	21,67
V	67	24	14	35,82	20,89
VI	75	29	17	38,66	22,66
VII	67	28	12	41,79	17,91
VIII	75	32	21	42,66	28,
IX	71	36	17	50,7	23,91
Среднее	69,2	28,3	15,6	40,77	22,5

Большой величины лицевая линія встрѣчается на двухъ черепахъ, малая —на одномъ и на трехъ—средняя.

Высота скуловой кости на двухъ—большая, на двухъ—малая и на одномъ—средняя; по отношенію къ лицевой линіи высота скулы у двухъ череповъ средняя и на четырехъ—большая.

Подносовая линія у одного—малая, у двухъ—средняя и у трехъ—большая. По отношенію къ лицевой линіи—большая только у одного (VIII) и у трехъ—малая *).

Проф. *Богдановъ*, по поводу лицевой линіи туркестанскихъ череповъ, говоритъ: «преобладаетъ длинная лицевая линія, рѣже бываетъ она средняя и всего рѣже малая» (стр. 78).

Всѣ эти данныя, по сравненію съ нашими, не исключаютъ возможности считать наши киргизскіе черепа характерными.

*) При классификаціи отношенія $\frac{xx'.100}{nx'}$: до 21,99 — величины малыя,
до 24,99 — „ среднія,
выше 24,99 — „ большія.

Поперечники лица и ихъ отношенія:

ЗНАКИ.	Кавказцы. 1	Кавказцы. 2	Иссык-кульскій	Киргизы. 1	Киргизы. 2	Вѣрненскій	Калмыкъ.	Бурятъ.	Монголъ.
j^1	98	91	98	106	98	96	102		102
j^2	105	99	116	117	107	104	108	103	111
j^3	135	125	133	156	132	133	141	138	143
m	96	101	—	109	102	—	108	100	—
$\frac{j^1 . 100}{j^3}$	72,59	72,8	73,68	67,95	74,24	72,18	72,34	70,29	71,33
$\frac{j^2 . 100}{j^3}$	78,78	79,2	79,69	75	81,06	78,19	76,59	74,63	77,62
$\frac{m . 100}{j^3}$	71,11	80,8	—	69,87	77,27	—	76,59	72,46	—
$\frac{nk . 100}{j^3}$	90,37	99,2	—	83,33	85,6	—	85,1	91,3	—
$\frac{nx^1 . 100}{j^3}$	54,81	60,8	58,39	51,28	51,51	49,62	55,32	58,69	50,35
$\frac{FF^1 . 100}{j^1}$	101,02	94,5	97,96	97,16	97,96	93,75	90,19	95,88	94,12
$\frac{OO^1 . 100}{j^3}$	92,59	92,8	93,23	92,3	—	93,98	97,87	98,55	95,1
$\frac{H . 100}{j^3}$	103,7	100,8	98,49	82,05	104,54	97,74	92,9	97,82	90,91

При большихъ размѣрахъ верхней ширины лица у всѣхъ череповъ (только у втораго кавказскаго она—средняя), наибольшая ширина рѣзко варіируетъ: у второго кавказскаго она—малая, у перваго кавказскаго, у вѣрненскаго и второго киргизскаго—средняя, на черепахъ монгольской расы и на первомъ киргизскомъ—большая.

По скуловому указателю, широкоскулыми являются бурятъ и первый киргизъ; узкоскулымъ—второй киргизъ, остальные—среднеширокоскулы.

По лицевому указателю, широколицыми являются оба киргиза, монголъ и вѣрненскій черепъ; длинолицыми—бурятъ, иссыккулецъ и второй кавказецъ.

По лобно-лицевому указателю, широколобымъ является первый кавказскій черепъ, среднешироколобыми—иссыккульскій, оба киргизскіе и бурятскій, узколобыми—второй кавказскій, вѣрненскій, монгольскій и калмыцкій.

Ширина скулъ болѣе значительно превышаетъ ушной діаметръ у кавказцевъ, иссыккульскаго, вѣрненскаго и перваго киргизскаго череповъ; у представителей монгольской расы ея преобладаніе надъ ушнымъ діаметромъ менѣе значительно.

Высота черепа у кавказцевъ и втораго киргиза превышаетъ ширину скулъ; у перваго киргиза, монгола и калмыка значительно уступаетъ послѣдней; на иссыккульскомъ черепѣ, вѣрненскомъ и бурятскомъ преобладаніе ширины скулъ надъ высотой черепа незначительно.

О развитіи поперечниковъ лица у туркестанскихъ череповъ проф. *Богдановъ* пишетъ: «внѣшній глазничный діаметръ по преимуществу средней ве-

личины, иногда достигаетъ и большой, но въ весьма рѣдкихъ случаяхъ представляется малымъ»; «наибольшій лицевой діаметръ имѣетъ значительную величину всего чаще у узбековъ, а также у кладбищенскихъ смѣшанныхъ череповъ, у остальныхъ же онъ или средній или малый» (стр. 81).

О степени скуластости, на основаніи другого скулового указателя, проф. *Богдановъ* говоритъ: «по этому указателю нахожденіе явственной ширины въ скуловой части довольно сильно проявляется у всѣхъ череповъ, хотя все таки преобладаютъ среднія величины; замѣчательно, что у узбековъ (12 череповъ) не оказалось по этому указателю узкоскулыхъ» (стр. 81).

На основаніи другого лицеваго указателя, проф. *Богдановъ* нашелъ, что туркестанскіе черепа «принадлежатъ къ широколицымъ, т. е. лицо значительно расширено сравнительно съ нижней лобной частью» (стр. 82).

Измѣренія области глазницъ и носа:

ЗНАКИ.	Кавказцы. 1	Кавказцы. 2	Иссык-кульскій	Киргизы. 1	Киргизы. 2	Вѣрненскій	Калмыкъ.	Бурятъ.	Монголъ.
T	20	17	25	24	21	23	22	22	20
D'	40	37	38	42	40	38	41	38	42
D	34	32	36	38	36	29	37	37	35
OZ	69	70	67	72	71?	69	75	76	74
nx	54	58	58	58	49	50	56	56	55
r	24	23	22	24	24	24	27	30	27
xk	72	69	—	74	63	—	65	73	—
r. 100 / nx'	27,02	22,37	31,64	30	30,88	34,85	28,2	27,16	27,78
D. 100 / D'	85	86,48	90,73	90,47	90	76,31	90,24	97,37	83,33
OZ. 100 / nb	66,98	69,3	64,42	70,58	71	69,69	70,75	75,24	75,51
r. 100 / nx	44,44	39,65	37,93	41,38	48,98	48	48,21	53,57	49,09
nx. 100 / nk	44,26	46,77	—	44,61	43,36	—	46,66	44,44	—
xk. 100 / nk	58,01	55,64	—	56,93	55,75	—	54,16	57,93	—

Межглазничное пространство у разсматриваемыхъ череповъ вообще средней величины, только у кавказцевъ и монгола оно узко. По отношенію къ лицевой линіи оно болѣе развито у киргизовъ, у иссыккульскаго и вѣрненскаго череповъ, и болѣе узко у кавказскихъ.

Ширина глазницъ у киргизовъ, калмыка и монгола большая, у остальныхъ —средняя; высота —значительна у киргизовъ, калмыка и бурята, у вѣрненскаго черепа—мала, у кавказцевъ—средняя. Слѣдов., по размѣрамъ глазницы киргизскіе и калмыцкій черепа принадлежатъ къ большеорбитнымъ черепамъ.

Глазничный указатель характеризуетъ киргизскіе, бурятскій, калмыцкій и иссыккульскій черепа высокоорбитными; вѣрненскій черепъ—низкоорбит-

нымъ, монгольскій—склоннымъ къ низкимъ орбитамъ, а кавказскіе черепа—среднеорбитными.

Выдвинутость впередъ наружнаго края глазницы развита у представителей монгольской расы, менѣе значительна—у киргизовъ, у кавказскихъ, иссыккульскаго и вѣрненскаго—слабо выражена. Разсматривая величину OZ относительно основанія черепа, мы находимъ, что у бурята и монгола она развита въ высокой степени (фанеродзигность), у калмыка и киргизовъ—менѣе, а у перваго кавказскаго и иссыккульскаго всего слабѣе (криптозигность).

Длина носа у киргизовъ различна: у перваго носъ длинный, у втораго—короткій, что, при одинаковой ширинѣ, даетъ различные указатели, по которымъ первый—узконосый, второй—среднешироконосый.—У вѣрненскаго черепа носъ короткій и по указателю онъ стоитъ на границѣ съ узконосыми.—Кавказцы и иссыккульскій черепъ обладаютъ развитымъ въ длину носомъ и по указателю они—узконосы.

Представители монгольской расы имѣютъ носы, развитые въ ширину, но по указателю, къ широконосымъ относится только бурятъ: монголъ и калмыкъ—среднешироконосы.

Сглаженный нижній край носоваго отверстія отличаетъ представителей монгольской расы отъ кавказцевъ и киргизовъ, у которыхъ, напротивъ, нижній край рѣзко очерченъ. У вѣрненскаго черепа этотъ край не рѣзко очерченъ, но стоитъ ближе къ кавказскому, чѣмъ къ монгольскому очертанію.

Киргизскіе черепа г. *Харузина* даютъ слѣдующія цифры для области глазницъ:

№№	T	D¹	D	OZ	$\frac{T.\ 100}{nx'}$	$\frac{D.\ 100}{D'}$	$\frac{OZ.\ 100}{nb}$
II	19	39	32	66	31,67	82,05	69,47
V	21	38	32	72	31,34	84,21	72,72
VI	26	44	39	72	34,66	88,63	66,45
VII	20	42	37	74	29,85	88,09	73,26
VIII	18	36	38	75	24.	105,55	75.
IX	21	42	37	70	29,57	88,09	71,42
Среднее	20,8	40,2	35,8	71,5	30,18	89,43	71,22

Межглазничное пространство въ одномъ случаѣ значительно (№ VI), въ трехъ—мало; по отношенію къ лицевой линіи оно во всѣхъ случаяхъ не велико.

Большеглазыхъ, т. е. имѣющихъ мегаземичныя ширину и высоту глазницъ, три черепа. По глазничному указателю черепа—высокоорбитны, при чемъ одинъ низкоорбитный, три—склонны къ высокимъ орбитамъ и одинъ—высокоорбитный.

По степени выдвинутости наружнаго края глазницы, два черепа—средніе, четыре—мегаземичные.

Среди туркестанскихъ череповъ проф. *Богданова* оказалось почти одинаковое количество низко-, средне- и высокоорбитныхъ, при чемъ, по замѣчанію автора, послѣдніе, однако, «явственно преобладаютъ» на черепахъ Гальча и узбековъ (стр. 83).—Въ величинѣ межглазничнаго пространства у череповъ преобладаетъ средняя величина, «довольно часто встрѣчается большая, малая попадается рѣже» (стр. 78).—По носовому указателю проф. *Богдановъ* нашелъ 52 узконосыхъ, 40—среднеширокоиосыхъ и 9 широконосыхъ (стр. 83).

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, черепъ *тюрко-киргизскаго типа* можно охарактеризовать, какъ *черепъ широколицый, средне-широколобый* (по лобно-лицевому указателю), *широкоскулый, большеорбитный, склонный къ высокимъ орбитамъ, съ умѣренно выдвинутымъ наружнымъ краемъ глазницъ, и узконосый.*

Измѣренія нёба и степени прогнатизма:

ЗНАКИ.	Кавказцы. 1	Кавказцы. 2	Иссык-кульскій	Киргизы. 1	Киргизы. 2	Вѣрненскій.	Калмыкъ.	Бурятъ.	Монголъ.
M	47	53	49	54	47	47	52	57	52
M'	42	39	40	44	38	46	46	43	46
N	44	43	42	42	45	40	45	42	43
$\frac{M'.100}{M}$	89,36	73,58	81,63	81.48	81,85	97,87	88,46	75,43	88,46
bx	94,	98	91	96,	92	88	96,	95	95
bx'	94	100	95	102	95	90	101	103	100
$\frac{bx.100}{nb}$	91,26	97,03	87,5	94,12	92	88,89	90,56	94,06	96,94
$\frac{(bx'-bx).100}{nb}$	0	1,98	3,84	5,88	3	2,02	4,71	7,92	5,1
$\frac{bx'.100}{nb}$	91,26	99,01	91,34	100	95	90,91	95,27	101,98	102,04

Оба размѣра нёба велики у перваго киргиза и представителей монгольской расы. По нёбному указателю черепа киргизскіе и иссыккульскій широконёбны, еще болѣе развитъ указатель у череповъ—перваго кавказскаго, калмыцкаго, монгольскаго и вѣрненскаго; бурятскій и второй кавказскій черепа—средне-широконёбны.

Разстояніе задняго края нёба отъ передней окружности затылочнаго отверстія значительной величины на второмъ киргизскомъ черепѣ, на первомъ кавказскомъ и у калмыка; у остальныхъ—средней величины.

Киргизскіе черепа г. *Харузина* даютъ слѣдующія цифры измѣреній области нёба:

№№	M	M'	$\frac{M' \cdot 100}{M}$	N
II	48	34	70,83	49
V	48	43	89,58	46
VI	51	44	86,27	43
VII	42	34	80,95	46
VIII	45	41	91,1	51
IX	48	47	97,92	44
Среднее	47	40,5	86,1	46,5

Длина нёба средней величины; ширина—четыре раза большой и два раза малой. По нёбному указателю, пять череповъ широконёбныхъ и одинъ—узконёбный. По величинѣ разстоянія задняго края нёба отъ затылочнаго отверстія, всѣ черепа принадлежатъ къ мегаземамъ.

По г. *Богданову*, среди туркестанскихъ череповъ замѣчается „громадное преобладаніе широконёбныхъ“ (стр. 84).

На основаніи всѣхъ этихъ наблюденій, *черепъ тюрко-киргизскаго типа можно признать широконебнымъ.*

Челюстный прогнатизмъ на нашихъ черепахъ не выраженъ, но склонность къ нему замѣчается у втораго кавказскаго и монгольскаго череповъ. —Подносовой прогнатизмъ ясно выраженъ на бурятскомъ черепѣ $\left(\frac{(bx' - bx) \cdot 100}{nb} > 7\right)$, склонность къ нему замѣтна у калмыка, монгола и перваго киргиза. —Прогнатизмъ челюстно-подносовой развитъ у монгола, какъ результатъ выдвинутости впередъ тѣла челюсти и подносовой части, —затѣмъ, у бурята и перваго киргиза, какъ выраженіе, главнымъ образомъ, подносоваго прогнатизма. Склонность къ челюстно-подносовому прогнатизму выражена на второмъ кавказскомъ черепѣ и обусловлена въ данномъ случаѣ исключительно выдвинутостью тѣла челюсти.

IV.

Сводя вмѣстѣ характерныя черты изученныхъ череповъ, мы получаемъ слѣдующую таблицу (стр. 60—61):

Изъ этой таблицы, въ связи съ тѣми свѣдѣніями, какія приведены выше о киргизскихъ (мужскихъ) черепахъ г. *Харузина* и черепахъ туркестанскихъ инородцевъ проф. *Богданова*, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Киргизскій черепъ многими признаками близко подходитъ къ бурятскому типу монгольской расы. Эти общія черты такія:

1) брахицефалія *втораго* порядка,
2) широконизкій черепъ,
3) высокоголовый „
4) узкохребетный „
5) малолобый „
6) узколобый „
7) узкозатылочный „
8) большеголовый черепъ,
9) значительной ёмкости,
10) со слабо развитыми темянной и
11) затылочной дугами,
12) широкоскулый,
13) среднеширококолобый (по $\frac{F'F'.100}{j^i}$).

Напротивъ, другой рядъ признаковъ или сближаетъ киргизовъ съ кавказцами, или представляетъ только слабые намеки на монгольскія черты, именно:

1) широкое лицо,
2) средняя степень фанеродзигности,
3) склонность къ высокимъ орбитамъ,
4) узкій носъ съ рѣзко очерченнымъ нижнимъ краемъ apertura pyriformis, характеризуя вообще тюркскій типъ, сближаетъ киргизовъ съ кавказцами,
5) большое широкое нёбо и
6) склонность къ подносовому прогнатизму ставятъ киргизовъ ближе къ монгольской расѣ.

Первый киргизъ, признанный нами болѣе типичнымъ на основаніи измѣреній его трупа, оказывается и при изученіи строенія его черепа болѣе характернымъ, чѣмъ второй.

Этотъ послѣдній даетъ такія черты, которыя сближаютъ его болѣе съ кавказцами, именно:

1) широкохребетность,
2) широкій затылокъ,
3) узкія скулы и
4) отсутствіе прогнатизма.

2) Вѣрненскій черепъ нѣкоторыми признаками сходится съ киргизскимъ типомъ, каковы:

1) высокоголовость,
2) узкохребетность,
3) малый и
4) узкій (по *Брока*) лобъ,
5) широкое лицо,
6) склонность къ узкому носу, при отсутствіи рѣзко выраженныхъ fossarum praenasalium,
7) широкое нёбо,
8) слабая фанеродзигность;

ЗНАКИ.	Калмыкъ.	Монголъ.	Бурятъ.	Киргизы. 1	Киргизы. 2	Вѣрненскій.	Кавказцы. 1	Кавказцы. 2	Иссыккульскій.
Q. 100 / L	суббрахицефалъ	брахицефалъ 1-го порядка	брахицефалы второго порядка			суббрахицефалы		субдолихоцефалъ	долихоцефалъ
H. 100 / Q	ши	роко	ни	зки		средній	высокоузкій	широконизкій	средній
H. 100 / L	средневысокъ	низкоголовъ	высокоголовъ	средневысокъ	высокоголовы			низкоголовы	
qq. 100 / bf	широкохребетный	узкохребетны		среднехребетный	широкохребетный	узкохребетный	широкохребетный	среднехребетный	узкохребетный
F^1F^1. 100 / Q	м	а	ло	ло	б	ы	большелобый	малолобый	большелобый
F^1F^1. 100 / FF	широколобы		у	з	ко	ло	б	ы	широколобый
SS. 100 / Q	широкозатылочный	узкозатылочны			широкозатылочный	среднеширокозатылочный	широкозатылочны		
A	бо	льше	головы			малоголовый	средиеголовы		
ω	средней вмѣстим.	большой вмѣстимости				малой вмѣстимости	средней вмѣстимости		
y. 100 / nc	лобъ покатый	—	лобъ выпуклый	—	—	—	—	—	лобъ выпуклый
y^1. 100 / cl	—	—	теменная дуга слабо развита		—	—	—	—	—
y^2. 100 / lf	—	—	затылочная дуга слабо развита		—	затылочная дуга слабо развитая	—	—	затылочная дуга развита
nx^1. 100 / j^3	среднешироколицый	широколицый	длинолицый	ши	роколицые		среднешироколицый	длинолицые	
j^2. 100 / j^3	среднеширокоскулы		широкоскулы		узкоскулый	среднеширокоскулы			
F^1F^1. 100 / j^1	узколобы		среднешироколобы			узколобый	широколобый	узколобый	среднеширококолобый
D и D^1	большеорбитный	—	—	большеорбитны (склоненъ)		—	—	—	—
D. 100 / D^1	среднеорбитный	склоненъ къ низкимъ орбитамъ	высокоорбитны			низкоорбитный	среднеорбитны		высокоорбитный
OZ. 100 / nb	средняя фанерозиг.	значительная	фанерозигность	средняя фанерозигность		слабая фанер.	криптозигическій	слабая фанер.	криптозигическій
r. / nx	среднешироконосы		широконосый	узконосый	среднеширококоносый	склоненъ къ узконосымъ	узкоконосые		
Нижній край apert. pyr.	fossae praenasales		рѣзко очерчены			слабо очерченъ	рѣзко очерчены		
M^1. 100 / M	широконебны		среднеширококонебный	ши	роконебны			среднеширококонебный.	широконебный
bx. 100 / nb	—	склоненъ	—	—	—	—	—	склоненъ	—
$(bx^1—bx)$. 100 / nb	склоненъ	склоненъ	прогнатъ	склоненъ	—	—	—	—	—
bx^1. 100 / nb	—	прогнаты			—	—	—	склоненъ	—

но такими чертами, какъ

1) суббрахицефалія,
2) средняя широконизкость,
3) средней ширины затылокъ,
4) средней ширины скулы,
5) низкоорбитность,
6) узкій, по лобно-лицевому указателю, лобъ,
7) малоголовость,
8) малая вмѣстимость,—

рѣзко отличается какъ отъ киргизскаго и монгольскаго типовъ, такъ и отъ кавказскаго. Въ то же время этотъ черепъ послѣдними чертами сходится съ черепами туркестанскихъ инородцевъ проф. *Богданова*, тѣмъ болѣе, что выраженіе проф. *Богданова*—„въ туркестанскомъ населеніи мы имѣемъ царство брахицефаліи"—не исключаетъ суббрахицефаліи, которая у узбековъ достигаетъ 24,4% и у таджиковъ—12,5% (стр. 71).

Во всякомъ случаѣ, суббрахицефалія, высокоголовость, узкохребетность, малый и узкій (по *Брока*) лобъ, средній затылокъ, круглое лицо, умѣренныя скулы, узкій носъ, низкія орбиты, широкое небо, слабая степень фанеродзигности вѣрненскаго черепа напоминаютъ *башкирскій* типъ, и только малоголовость при малой вмѣстимости, узкій, по отношенію къ лицу, лобъ и отсутствіе рѣзко выраженнаго подносоваго прогнатизма отдѣляютъ этотъ черепъ отъ описаннаго нами *башкирскаго* типа („Матеріалы для антропологіи Сибири", стр. 36)*).

Вѣрненскій черепъ былъ взятъ для изслѣдованія, чтобы опредѣлить, не сроденъ ли онъ киргизскимъ черепамъ, каковое подозрѣніе было высказано *В. М. Флоринскимъ* (стр. 51 и 58). Анализъ показалъ, что типъ этого черепа ближе подходитъ къ башкирскому типу. Такимъ образомъ, нашимъ анализомъ подтверждается мнѣніе *В. М. Флоринскаго*, который призналъ вѣрненскій черепъ татарскимъ (стр. 56), т. е. принадлежащимъ одному изъ субъектовъ *тюркской* расы. Конечно, такимъ анализомъ не отвергается возможность, что вѣрненскій черепъ принадлежалъ субъекту, жившему среди киргизовъ и считавшемуся киргизомъ, возможность, не имѣющая антропологической подкладки.

3) Иссыккульскій черепъ археологическаго музея нашего университета необходимо сравнить съ тремя черепами, добытыми изъ озера Иссыккуля и присланными г. *Поярковымъ* въ антропологическій музей Московскаго университета. Эти послѣдніе описаны г. *Ивановскимъ* **). Вотъ сравнительная таблица череповъ:

*) „Извѣстія Императорскаго Томскаго университета", Кн. VI, стр. 168. Томскъ. 1893.

**) „Черепа изъ оз. Иссыкъ-куля", въ „Дневникѣ Антропологическаго Отдѣла" 1890. Вып. 5. Стр. 173–182. Извѣстія Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи. Т. LXVIII. Труды Антропологическаго Отдѣла. Т. XII. М. 1890.

ЗНАКИ.	Антропологическаго музея. 1	2	3	Археологическаго музея.	
$\frac{Q.100}{L}$	80,7	78,61	82,85	73,26	
$\frac{H.100}{Q}$	95,65	94,12	—	95,62	
$\frac{H.100}{L}$	77,19	73,98	—	70,05	
$\frac{qq.100}{bf}$	76,46	85,29	—	77,5	
$\frac{F'F'.100}{Q}$	65,94	69,11	68,27	70,07	
$\frac{F'F'100}{FF}$	80,53	86,24	85,34	91,42	(83,47)
$\frac{SS.100}{Q}$	76,81	78,67	76,55	81,02	
A	510	504	520	513	
$\frac{F'F'.100}{j'}$	98,91	98,95	97,06	97,96	
$\frac{D.100}{D'}$	94,87	89,47	75,61	94,73	
OZ	74	70	71	67	
$\frac{OZ.100}{nb'}$	77,89	70,7	—	64,42	
$\frac{r.\ 100}{nx}$	47,05	52,38	48,93	37,93	
$\frac{M'100}{M}$	90,56	84	77,59	81,63	

Изъ этой таблицы видно, что иссыккульскій черепъ Томскаго археологическаго музея довольно рѣзко отличается отъ иссыккульскихъ череповъ Московскаго антропологическаго музея. Общія черты слѣдующія:

1) среднее развитіе высоты по $\frac{H.100}{Q}$,
2) узкохребетность,
3) средняя ширина лба (по *Брока*),
4) широкій лобъ по $\frac{F'F'.100}{j'}$,
5) высокоорбитность,
6) широкое небо,
7) средняя величина черепа.

Различіе же между черепами касается существенныхъ сторонъ, именно:

томскій	*московскіе*
длинноголовый,	круглый или овальные,
низкоголовый,	высокій или средній, (по $\frac{H.\ 100}{L}$),
большелобый,	среднелобые,
широкозатылочный,	среднеширокозатылочные,
узконосый,	среднешироконосые,
криптозигическій.	съ выраженной (особенно рѣзко въ одномъ случаѣ) фанеродзигностью.

Эти послѣднія данныя ближе ставятъ нашъ иссыккульскій черепъ къ кавказскимъ черепамъ („интеллектуальной расы“, по выраженію *В. М. Флоринскаго*), а черепа московскіе—къ туркестанскимъ черепамъ проф. *Богданова*.

Иссыккульскій черепъ, подобно вѣрненскому, также былъ взятъ для изслѣдованія съ тою цѣлью, чтобы узнать, не найдется ли на немъ чертъ, родственныхъ киргизскимъ черепамъ.

4. Скелетъ киргиза.

При описаніи скелета киргиза, я слѣдую тому же пріему сравненія, какъ и при описаніи череповъ. Лица, отъ которыхъ мы имѣемъ скелеты, слѣдующіе:

1) Кавказецъ, *Искандеръ Оглы*, 26 л.
2) Кавказецъ, *Нуръ-Эддинъ-Исамеддинъ Оглы*, 26 л.
3) Киргизъ, *Хайдаръ-Али-Мамаевъ*, 32 л.
4) Калмыкъ, *Цохоровъ Дорджъ*, 56 л.

Хотя измѣренія перваго и послѣдняго изъ нихъ были приведены въ V очеркѣ настоящихъ „Матеріаловъ“, однако, для удобства, я счелъ за лучшее снова помѣстить ихъ цифры.

I.

Измѣренія позвоночника.		Кавказцы. 1	Кавказцы. 2	Киргизъ.	Калмыкъ.
Длина позвоночника		580	555	580	550
по изгибу спереди	длина его шейной части	125	110	125	130
	» » грудной »	293	295	293	265
	» » пояснич. »	192	170	190	200
Высота тѣлъ позвонковъ:					
шейные:	2 съ process. odontoid.	40	36	38	40
	3 позвонокъ	13,5	13,5	12,5	13
	4 »	12	13	12,5	13
	5 »	12	11,5	12,5	14
	6 »	13,5	10,5	11	13,5
	7 »	13	14,5	15	13
	Сумма .	104	99	101,5	106,5

Измѣренія позвоночника	Кавказцы. 1	Кавказцы. 2	Киргизъ.	Калмыкъ.
грудные: 1 позвонокъ	16	17	17	14
2 „	17	19	17	17
3 „	17	19	18	18
4 „	18	20	18	19
5 „	19,5	20	18	18
6 „	20	21	18,5	19
7 „	21	21	19	19,5
8 „	21	21,5	21	19,5
9 „	21	23	22	22
10 „	21	23	23	22
11 „	21	23	24	23
12 „	24	24	25	23
Сумма .	236,5	251,5	240,5	234
поясничные: 1 „	27	25	26,5	25
2 „	27	26	28	25
3 „	29	26	28	24
4 „	30	26	27	24
5 „	31	27	27	23
Сумма .	144	130	136,5	121
Общая сумма высотъ тѣлъ позвонковъ	484,5	480,5	478,5	461,5
Ширина 6-го шейн. позвонка . .	52	47	57	55
Ширина тѣла 6-го груди. позв. .	33	30	35	33
„ „ 12 „ „ „ .	46	46	48	49
„ „ 1 „ поясничн. „ .	48	48	51	50
„ „ 3 „ „ „ .	53	54	59	57
„ „ 5 „ „ „ .	54	50	57	55
Ширина груди. позв. между попер. отростками: 1-го	77	72	84	76
6 „	65	62	74	65
12 „	53	43	53	53
Ширина поясничн. позвонковъ между process. costar. 1-го	78	71	86	78
3 „	96	99	113	95
5 „	94	86	97	87
Сагиттальный діаметръ отв. атланта	33	32,5	32	35
Ширина „ „	30	26	34	29
Отнош. размѣровъ отверстія атланта	90,91	80.	106,25	82,86

Въ отношеніи длины позвоночника и его частей, равно суммы высотъ шейныхъ, грудныхъ и поясничныхъ позвонковъ, киргизскій скелетъ ближе стоитъ къ кавказскимъ, чѣмъ къ калмыцкому. Впрочемъ, необходимо указать, что у калмыка сумма высотъ грудныхъ и поясничныхъ позвонковъ, общая длина по изгибу грудной части, а также общая сумма высотъ тѣлъ позвонковъ короче, чѣмъ у киргиза и кавказцевъ. Насколько характерна эта черта калмыцкому скелету вообще и не стоитъ ли она въ связи съ возрастомъ даннаго субъекта—вопросъ открытый.

Принимая общую сумму высотъ тѣлъ позвонковъ за 100, мы имѣемъ у нашихъ скелетовъ:

Скелеты.	Кавказцы. 1	Кавказцы. 2	Киргизъ.	Калмыкъ.
Шея	21,46	20,60	21,21	23,07
Грудь	48,81	52,34	50,26	50,70
Поясница	29,72	27,05	28,52	26,21

Болѣе длинной (относительно) шеей обладаетъ калмыкъ; киргизъ же, по относительнымъ величинамъ частей позвоночника, долженъ быть поставленъ въ одномъ ряду съ кавказскими скелетами.

Ширина тѣлъ позвонковъ и разстоянія какъ между поперечными отростками грудныхъ, такъ и между processus costarii поясничныхъ—у киргиза больше, чѣмъ у кавказцевъ и калмыка.

Указатель отверстія атланта, стоящій у кавказцевъ и калмыка около или даже ниже 90, у киргиза—106,25; но чтобы установить смыслъ такой цифры, необходимъ рядъ измѣреній.—Sinus atlantis у киргиза съ обѣихъ сторонъ превращенъ въ отверстіе. Акад. *Шренкъ**) нашелъ такую особенность на скелетѣ гиляка, съ лѣвой стороны; проф. *Анучинъ***)—на двухъ аинскихъ скелетахъ, съ обѣихъ сторонъ. *Гиртль, Эби, Генле, Саппей*, упоминая объ этой аномаліи у „европейскихъ“ труповъ, не дѣлаютъ, къ сожалѣнію, указаній на національность.

Поперечный отростокъ 6-го шейнаго позвонка у киргиза имѣетъ узенькое отверстіе—въ 2,5 mm. (foramen intertransversarium), тогда какъ на другихъ шейныхъ позвонкахъ оно нормальной величины—въ 6 и болѣе mm.

Измѣренія грудной кости.	Кавказцы. 1	Кавказцы. 2	Киргизъ.	Калмыкъ.
Длина всей грудной кости . .	173	174	200	200
„ безъ мечевидн. отростка .	155	156	169	162
„ manubrii	48	44	51	53

*) *Шренкъ*—„Объ инородцахъ Амурскаго края“. Т. 1 Спб. 1883. Стр. 223.

**) *Анучинъ*—„Матеріалы для антропол. восточн. Азіи. 1. Племя айновъ“. Изв. Общ. Люб. Ест., Антр. и Этн. Т. XX. М. 1876. Стр. 143.

Измѣренія грудной кости.	Кавказцы. 1	Кавказцы. 2	Киргизъ.	Калмыкъ.
„ corporis sterni	107	113	118	113
$\frac{\text{Длина manubrii} \times 100}{\text{corpor. sterni}}$	44,85	38,93	43,22	46,9
Наибольшая ширина manubrii .	70	71	78	75
Ширина incisurae jugularis . .	27	32	20	29
„ corporis sterni	31	33	39	35

Грудная кость киргиза, повидимому, стоитъ ближе къ кавказской, чѣмъ къ калмыцкой.

Измѣренія ключицы и лопатки.	Кавказцы. 1 прав.	Кавказцы. 1 лѣв.	Кавказцы. 2 прав.	Кавказцы. 2 лѣв.	Киргизъ. прав.	Киргизъ. лѣв.	Калмыкъ. прав.	Калмыкъ. лѣв.
Длина ключицы (Cl).	155	151	141	145	160	161	—	156
Отн. ключицы къ плечевой кости. . .	48,58	47,78	45,19	46,62	50,63	50,78	—	48,59
Длина обѣихъ ключ.+ incisura jugular .		333		318		341		341
$\frac{\text{(2 Cl+incisura jugul.). 100}}{\text{Ростъ.}}$		20,2		19,1		20,9		20.7
Окружность ключицы.	44	42	41	41	40	40	—	45
Перимеральн. указат. ключицы. . . .	27,74	27,81	29,07	28,27	25,0	24,84	—	28,84
Длина лопатки (1) .	164	164	172	172	167	167	159	162
Длина лопатки по вн. кр. (2)	159	159	178	174	164	164	165	160
Ширина лопатки. .	113	113	108	108	110	110	115	123
Отн. ширины лопатки къ длинѣ (1) . .	68,9	68,9	62,8	62,8	65,8	65,8	77,32	69,75

Ключица киргиза тоньше и длиннѣе кавказской; лопатка представляетъ какъ бы среднее между треугольной лопаткой кавказцевъ и широкой калмыка.

Взявъ длину обѣихъ ключицъ и приложивъ къ суммѣ цифру ширины incisurae jugularis, мы получимъ на скелетѣ примѣрную ширину плечъ. Изъ отношенія такой ширины плечъ къ росту видно, что первый кавказецъ, киргизъ и калмыкъ принадлежатъ къ широкоплечимъ, второй кавказецъ имѣетъ узкія плечи *).

Измѣренія таза.	Кавказцы. 1	Кавказцы. 2	Киргизъ.	Калмыкъ.
Отъ верхн. кр. лона до ости 5-го поясничн. позвонка	193	190	195	185
Между crist. ilei (l).	267	258	293	288
„ spin. ant. sup.	245	215	263	254

*) На скелетахъ остяковъ отношеніе ширины плечъ къ росту слѣдующее: № 5—19,4; № 20—19,9 и № 18—19,4, что, конечно, характеризуетъ остяковъ узкоплечими. Въ предыдущемъ очеркѣ эти цифры были случайно опущены.

Измѣренія таза.	Кавказцы. 1	2	Киргизъ.	Калмыкъ.
Высота таза (h)	218	220	220	213
Отъ tub. isch. до tub. il.-pect. .	112	107	107	106
Conjugata vera (C. v.)	115	110	110	100
Diamet. transv. входа (D. t.). .	125	112	132	129
„ obliquus „	124	114	129	120
Прямой діаметръ выхода . . .	111	110	97	—
Между spin. ischii	85	83	85	93
„ tuber. „	117	107	107	116
Изгибъ крестца	115	120	120	—
Высота „	100	105	105	—
Ширина „	119	105	115	107
Наибольшій діаметръ for. obturat.	59	56	60	59
Поперечный » » » .	34	34	40	42
$\frac{\text{C. v.} \times 100}{\text{D. t.}}$	92,0	98,21	83,33	77,52
$\frac{\text{l.} \cdot 100}{\text{h.}}$	122,4	117,3	133,1	132,8

По указателю входа въ малый тазъ киргизъ стоитъ на серединѣ между кавказцами и калмыкомъ; по величинѣ же и общей формѣ киргизскій тазъ имѣетъ большее сходство съ калмыцкимъ и рѣзко отличается отъ кавказскихъ отлого расположенными широкими подвздошными впадинами.

II.

Размѣръ длинн. костей конечн.	Кавказцы. 1 прав.	1 лѣв.	2 прав.	2 лѣв.	Киргизъ. прав.	Киргизъ. лѣв.	Калмыкъ. прав.	Калмыкъ. лѣв.
Humerus	319	316	312	311	316	317	331	321
Окружность humeri. . .	66	65	66	65	65	63	67	66
Ulna	268	260	260	256	261	258	272	265
Radius.	239	236	234	230	243	244	250	244
Femur.	450	450	428	435	432	436	440	445
Окружность femoris. . .	90	88	90	90	86	86	90	92
Tibia	348	344	348	349	335	337	346	345
Окружность tibiae . . .	75	74	76	75	75	75	72	72
Сагиттал. діаметръ tibiae.	33	33	34	35	31	30	31	33
Поперечн. » » .	25	25	25	25	24	25	23	25
Perone.	360	353	353	354	350	351	358	358

Длинныя кости киргиза, при сравненіи съ таковыми кавказцевъ и калмыка, тоньше, но эпифизы ихъ представляются болѣе развитыми. Въ отношеніи развитія мѣстъ мышечныхъ прикрѣпленій на діафизахъ, кости киргиза особенностей не имѣютъ.

Указатели и отношенія костей между собою.	Кавказцы. 1 прав.	Кавказцы. 1 лѣв.	Кавказцы. 2 прав.	Кавказцы. 2 лѣв.	Киргизъ. прав.	Киргизъ. лѣв.	Калмыкъ. прав.	Калмыкъ. лѣв.
Указ. плечевой кости $\frac{R. 100}{H.}$	74,9	74,6	75,	73,9	76,9	76,9	75,5	76,
Указатель бедра . .	20,	19,5	21,	20,6	19,9	19,7	20,4	20,6
» tibiae . .	21,5	21,5	21,8	21,8	22,3	22,2	20,8	20,8
Платикнемія . . .	75,7	75,7	73,5	71,4	77,4	83,3	74,2	75,7
$\frac{T. 100}{F.}$	77,3	76,4	81,3	80,2	77,5	77,2	78,6	77,5
$\frac{H. 100}{F}$	70,8	70,2	72 9	71,5	73,1	72,7	75,2	72,1
$\frac{(H+R).100}{F+T.}$	69,9	69,5	70,3	69,0	72,8	72,5	73,9	71,5

По периметральнымъ указателямъ кости киргиза въ общемъ одинаково крѣпки, какъ у кавказцевъ и калмыка, но, въ частности, tibia оказывается у киргиза толще.

По отношенію длины лучевой кости къ длинѣ плеча киргизъ ближе стоитъ къ калмыку, чѣмъ къ кавказцамъ; то же нужно сказать и о величинѣ отношенія humerus+radius къ femur+tibia.

Платикнемія (четвертой степени, по *Анучину**) киргиза меньше, чѣмъ платикнемія калмыка и кавказцевъ.

По отношенію tibiae ad femoris и humeri ad femoris киргизъ стоитъ на срединѣ между калмыкомъ и кавказцами.

Размѣры длинныхъ костей, отнесенные къ росту скелета, принятому за 100, у насъ будутъ:

Скелеты.	Ростъ.	Humerus. прав.	Humerus. лѣв.	Radius. прав.	Radius. лѣв.	Femur. прав.	Femur. лѣв.	Tibia. прав.	Tibia. лѣв.
Кавказецъ № 1.	164,6	19,3	19,1	14,5	14,3	27,2	27,2	21,1	20,8
Кавказецъ № 2.	161,0	19,3	19,2	14,5	14,2	26,5	27,0	21,6	21,6
Киргизъ . . .	163,0	19,3	19,4	14,9	14,9	26,5	26,7	21,2	21,1
Калмыкъ. . .	164,6	20,1	19,5	15,1	14,8	26,7	27,0	21,0	20,9

Долженъ сказать, что при установкѣ величины роста скелетовъ я былъ поставленъ въ затрудненіе.

Ростъ живыхъ субъектовъ былъ слѣдующій:

Кавказцы. 1	Кавказцы. 2	Киргизъ.	Калмыкъ.
166,6	164,5	165,9	166,6

*) *Серджи* расположилъ index latitudinalis tibiae такимъ образомъ:

платикнемія (*саблевидная голень*) . . . . . до 66,00
субплатикнемія. . . . . отъ 66,01 до 71,00
эйкнемія (*нормальная голень*) . . . . . „ 71,01 и выше.

Измѣряя не однажды высоту скелетовъ и устанавливая ихъ по возможности правильно, я получалъ колебанія цифръ до одного сантиметра, при чемъ разница роста между скелетами всегда была почти одна и таже. Мнѣ пришлось взять среднія измѣреній, при чемъ, по сравненію съ ростомъ живыхъ, эти послѣднія дали не одинаковую цифру разности; именно:

Ростъ скелетовъ	164,6	161,0	163,0	164,6
Разность по отношенію къ жив.	2,0	3,4	2,9	2,0

Эта разность, колеблющаяся между 2—4 ст. и стоящая, вѣроятно, въ зависимости и отъ роста (собственно вѣса тѣла), и отъ возраста, можетъ, однако, вліять на вычисленія цифръ отношеній длинныхъ костей къ скелету; вотъ почему, мнѣ кажется, необходимо опредѣлять ее возможно точнѣе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

Сравнивая относительную величину длинныхъ костей у нашихъ скелетовъ, мы находимъ, что кости киргиза стоятъ какъ бы на срединѣ между кавказскими и калмыцкими.

Измѣренія ручной кисти и стопы.	Кавказцы. 1 прав.	1 лѣв.	2 прав.	2 лѣв.	Киргизъ. прав.	Киргизъ. лѣв.	Калмыкъ. прав.	Калмыкъ. лѣв.
Ручная кисть . . .	182	180	188	188	175	176	175	175
Os metacarpi pollicis.	48	47	47	48	45	45	45	45
Окружность oss. metac. poll	35	35	33	33	34	34	35	35
Периметрал. указат..	72,9	74,4	70,2	68,7	75,5	75,5	77,7	77,7
Отнош. ручн. кисти къ росту.	11,0	10,9	11,6	11,6	10,7	10,8	10,6	10,6
Длина стопы . . .	226	226	235	235	235	232	230	230
Os metatarsi hallucis.	59	59	64	63	60	59	57	57
Окр. oss. metat. hall .	41	42	44	44	44	45	45	45
Периметр. указат. .	69,4	71,1	68,7	69,8	73,3	76,2	78,9	78,9
Отнош. стопы къ росту.	13,7	13,7	14,6	14,6	14,4	14,2	13,9	13,9
Длина пяточной кости.	76	76	79	79	80	80	75	75
Отн. пяточн. кости къ длинѣ стопы . .	33,6	33,6	33,6	33,6	34,0	34,4	32,6	32,6

Ручная кисть киргиза*) по абсолютнымъ и относительнымъ размѣрамъ сходна съ калмыцкой, т. е. меньше кавказской. Стопа же киргиза рѣзко отличается

*) Размѣръ скелета кисти у киргиза оказался равенъ размѣру кисти на трупѣ (17,5) потому, что обыкновенно берутся различныя точки для измѣренія. Кисть руки измѣряется отъ конца шиловиднаго отростка луча до конца средняго пальца; скелетъ же кисти — отъ верхней выпуклой поверхности ossis navicularis, стоящей значительно выше proces. styl. radii, до конца ногтевой фаланги средняго пальца, стоящей немного выше конца этого пальца.

отъ калмыцкой и приближается по величинѣ и отношеніямъ къ стопѣ кавказскаго скелета № 2.—При этомъ нужно упомянуть, что на наружной сторонѣ пяточныхъ костей киргиза находится хорошо выраженный processus inframalleolaris calcanei, который, по словамъ *Гиртля*, «заслуживаетъ вниманіе хирурговъ, а, безъ сомнѣнія, также и сапожниковъ» *). Не менѣе вниманія онъ заслуживаетъ и со стороны антропологовъ: проф. *Анучинъ* его встрѣтилъ на скелетѣ айна **), мы—на обоихъ остяцкихъ скелетахъ.

По периметральнымъ указателямъ кости большаго пальца на рукѣ и стопѣ киргиза занимаютъ средину между кавказскими и калмыцкими.

5. Общіе выводы о типѣ киргизовъ.

Сводя вмѣстѣ указанія авторовъ на антропологическій типъ киргизовъ, мы должны отмѣтить слѣдующія мнѣнія:

1) Академикъ *Шренкъ* ***) говоритъ, что киргизы имѣютъ монгольское строеніе лица.

2) *Винклеръ* †), *Яворскій* †*), *Марковъ* †**), *Латкинъ* †***), *Миддендорфъ* ††), *Катрфажъ* и *Ами* ††*), *Топинаръ* ††**), *Троновъ* ††***) считаютъ киргизовъ въ тѣсномъ родствѣ съ монголами, называя ихъ представителями тюрко-монголовъ.

3) По мнѣнію *В. М. Флоринскаго* †††), киргизы занимаютъ средину „между монголами и тюрками“ (представителями послѣднихъ онъ считаетъ башкиръ) и представляютъ смѣсь основной тюркской расы съ монгольской.

4) *Радловъ* †††*) пишетъ, что киргизы по внѣшности—„мѣсиво изъ народовъ монгольскаго и кавказскаго племенъ“. *Харузинъ* †††**) заключаетъ, что киргизы—„продуктъ смѣси различныхъ народностей, какъ монгольской,

*) „Руков. къ анат. челов. тѣла“. Русск. изд. третье. Спб. 1887. Стр. 327.

**) „Матеріалы для антропологіи восточной Азіи. 1. Племя Айновъ“. Тр. Антропол. Отд. Московск. Общ. Люб. Ест., Антр. и Эти. М. 1876. Стр. 164.

***) „Объ инородцахъ Амурскаго края“. Т. I. Спб. 1883. Стр. 211.

†) „Uralaltaische Völker und Sprachen“. Berlin. 1884. S. 15–17.

†*) „Опытъ медицинской географіи и статистики Туркестана“. Ч. I. Спб. 1889. Стр. 354.

†**) „Фергана“ въ журн. „Русскій Вѣст.“ 1893, № 7. Стр. 92—93.

†***) „Малая и средняя киргизская орда“ въ сборникѣ „Живописная Россія“, Т. X. Спб.—М. 1885. Стр. 189.

††) „Очерки Ферганской долины“. Спб. 1882. Стр. 408.

††*) Les crânes des races humaines“. Paris. 1882. Pag. 412.

††**) „Антропологія“, Пер. Спб. 1879. Стр. 456.

††***) „Матеріалы по антропологіи и этнологіи киргизъ“ въ „Запискахъ Императорскаго Русскаго Географич. Общ. по отдѣлу Этнографіи “. Т. XVII, вып. II. Спб. 1891. Стр. 51.

†††) „Башкирія и Башкиры“ въ журн. „Вѣстникъ Европы“. 1874, кн. 12. Стр. 729.

†††*) „Aus Sibirien“. Bd. I. Leipzig. 1884. S. 410.

†††**) „Киргизы Букеевской орды“. Вып. I. М. 1889. Стр. 286.

такъ и европейской расъ", чѣмъ, въ сущности, повторяетъ мнѣніе *Радлова*,—и что черты лица, „удѣляютъ киргизамъ въ антропологическомъ ряду народностей мѣсто среднее" между европейской и монгольской расой.

5) По *Зеланду* *), „киргизы болѣе приближаются къ кавказскому типу", а *Уйфальви* **) считаетъ каракиргизовъ „красиво -сложенными и рослыми и ставитъ ихъ какъ исключеніе среди тюрко-монголовъ".

Мы полагаемъ, что заключеніе о типѣ народа: „это—мѣсиво изъ различныхъ племенъ"—нисколько не выясняетъ вопроса о составѣ народа. Всякій народъ представляетъ мѣсиво изъ различныхъ племенъ, и цѣль антропологіи именно въ томъ и заключается, что бы, изучивъ это „мѣсиво", разложить его на его составные элементы—первоначальные типы.

Первой попыткой дать полную характеристику киргизскому типу была „попытка" акад. *Миддендорфа* ***).

Второй—обширная работа о киргизахъ *А. Харузина* †), которая, впрочемъ, еще не окончена въ ея существенномъ отдѣлѣ—описаніи череповъ и скелетовъ.

Здѣсь я позволю себѣ сдѣлать третью попытку для дифференціальной діагностики тюрко-киргизскаго типа, основываясь на наблюденіяхъ надъ киргизами изъ Ферганы, въ связи съ описаніями и антропометрическими данными о киргизахъ у различныхъ авторовъ:

1) Шарообразная (брахицефалія *втораго* порядка) †*), высокая голова †**), съ умѣренно развитой glabella и слабымъ inion'омъ †***), и

круглое лицо ††) безъ рѣзко выдающихся въ стороны скулъ ††*) и впередъ челюстей ††**),

съ узкимъ рѣзко очерченнымъ небольшимъ носомъ, безъ носовой выемки†††***), съ легкой горбиной (на черепѣ) †††), или носомъ прямымъ, умѣ-

---

*) „Киргизы" въ „Записк. Западно-Сибирск. Отд. И. Р. Г. О." Кн. VII, вып. II. Омскъ. 1885. Стр. 36.

**) Цит. у *Миддендорфа* въ „Оч. Ферганск. долины", стр. 411.

***) Упом. сочин. Стр. 394.

†) „Киргизы Букеевской орды" Вып. I, 1889, Вып. II, ч. I, 1891 и статьи въ „Дневникѣ Антропологическаго Отдѣла" 1890 и 1891 г.

†*) *Миддендорфъ, Уйфальви, Зеландъ, А. Харузинъ, Троновъ* и наши наблюденія.

†**) *Харузинъ, Богдановъ* и наши наблюденія; результаты измѣреній череповъ.

†***) Наши наблюденія; результаты измѣреній череповъ.

††) По наблюденію всѣхъ авторовъ.

††*) *Радловъ, Уйфальви, Зеландъ*, наши наблюденія.

††**) Это, однако, не исключаетъ склонности къ подносовому прогнатизму, который у однихъ болѣе развитъ, у другихъ менѣе, но вообще характеренъ типу. *Миддендорфъ, Трояовъ* („прогнатизмъ мало выраженъ"), *Зеландъ*, наши наблюденія.

††***) *Харузинъ*, наши наблюденія, результаты измѣреній череповъ.

†††) Наши наблюденія.

ренной величины и умѣренно выдвинутымъ изъ плоскости лица (на живомъ) *),

и горизонтально лежащимъ разрѣзомъ глазъ, при средне-орбитномъ указателѣ**),—отличаютъ тюрко-киргизскій типъ, съ одной стороны,

отъ короткихъ низкихъ головъ монгольскаго характера, которымъ свойственны овальное или длинное плоское лицо, съ выдающимися въ стороны скулами, съ широкимъ расплывчатымъ носомъ (на живомъ) или съ выраженными fossibus praenasalibus (на черепѣ), съ выдвинутымъ наружнымъ краемъ глазницъ, съ косымъ (кнаружи и кверху) разрѣзомъ глазъ и замѣтно выдающимися челюстями,—а, съ другой стороны, отличаютъ тюрко-киргизскій типъ

отъ овальныхъ или овально-удлиненныхъ высокихъ головъ кавказцевъ, съ развитыми glabella и inion'омъ, съ овальнымъ или овально-удлиненнымъ лицомъ съ открытымъ широкимъ лбомъ и узкими скулами, узкимъ и длиннымъ болѣе или менѣе горбатымъ носомъ и открытыми прямыми глазами и прямо стоящими челюстями.

2) Роста тюрко-киргизы выше средняго, даже высокаго***),

широкоплечи†), ширококостны†*), съ хорошо развитой грудью†**),

ноги имѣютъ прямыя†***), кисти рукъ (соотвѣтственно росту) небольшія" ††), ступни средней величины††*),

тазъ по внѣшнему очертанію монгольскаго характера, т. е. большой, широкій, плоскій, не высокій††**), что, однако, при высокомъ ростѣ, не исключаетъ впечатлѣнія объ ихъ стройности††***)

---

*) *Радловъ*, отчасти *Миддендорфъ* (носъ короткій), *Зеландъ*, отчасти *Харузинъ* (носъ большой широкій съ горбомъ), наши наблюденія.

**) *Радловъ*, (узко-разрѣзанные, но не косо лежащіе глаза), *Миддендорфъ* (лишь слегка косые глаза), *Зеландъ*, *Мацѣевскій* и *Поярковъ*, *Харузинъ*, наши наблюденія. Результаты измѣреній череповъ.—Впрочемъ, слово „средне-орбитный", быть можетъ, правильнѣе замѣнить выраженіемъ—„склонный къ высокимъ орбитамъ".

***) *Радловъ*, *Латкинъ*, *Марковъ*, *Уйфальви*, *Зеландъ*, *Троновъ*, наши наблюденія.

†) *Радловъ*, *Марковъ* (крѣпкій, плотный, здоровый и сильный народъ), *Миддендорфъ*, *Зеландъ*, *Троновъ*, наши наблюденія.

†*) *Радловъ*, (такъ мы понимаемъ выраженіе: „высокаго роста, широкоплечи, коренасты, mit breitem oft stierartigem Nacken), *Марковъ*.

†**) *Харузинъ*, *Зеландъ*, *Троновъ*, наши наблюденія.

†***) *Зеландъ*, *Уйфальви*, наши наблюденія.

††) *Миддендорфъ*, *Зеландъ*, *Харузинъ*, наши наблюденія.

††*) *Миддендорфъ*, *Зеландъ*, *Харузинъ* называютъ „небольшими". По *Зеланду*, отношеніе ступни къ росту 14,1; у насъ: для перваго киргиза 14,4, для втораго—14,1. На скелетъ киргиза 14,3 (въ среднемъ). Очевидно, ступни нашего скелета большія. Но, во всякомъ случаѣ, киргизскую ступню нельзя называть, подобно калмыцкой, „малой" величины, какъ это дѣлаетъ *Миддендорфъ* въ своей характеристикѣ, которая, впрочемъ, у него относится къ каракиргизу низкаго роста.

††**) *Миддендорфъ*, измѣренія нашего скелета.

††***) *Латкинъ*, *Уйфальви*, *Зеландъ*.

3) Что касается размѣровъ и отношеній частей киргизскаго скелета, то одними признаками—длина позвоночника и его частей, отношеніе частей грудной кости между собою, отношеніе плеча къ росту, стопы къ росту,—онъ приближается къ кавказскому типу,—по другимъ—форма лопатки, указатель входа въ малый тазъ, отношенія tibiae къ femoris, humeri къ femoris и луча къ росту, периметральные указатели костей большаго пальца на рукѣ и ногѣ - стоитъ на срединѣ между кавказскимъ и калмыцкимъ скелетами,—по третьимъ—ширина плечъ, общая форма таза, отношенія луча къ плечу, humerus+radius къ femur+tibia, ручной кисти къ росту—сближается съ калмыцкимъ скелетомъ и, наконецъ, по четвертымъ признакамъ—широкій позвоночникъ, болѣе развитые эпифизы костей, слабая платикнемія и вообще ширококостность и крѣпость—является рѣзко выдѣляющимся изъ ряда кавказскихъ и калмыцкихъ скелетовъ.

Наши выводы о крѣпости скелета тюрко-киргизовъ, въ связи съ ихъ ростомъ и засвидѣтельствованной всѣми наблюдателями*) физической силой и выносливостью, вполнѣ совпадаютъ съ характеристикой, вложенной нашимъ народомъ въ уста славнаго богатыря Ильи Муромца, характеристикой той „поганой силушки", которая наводнила Русскую землю въ XIII вѣкѣ:

„А и крѣпокъ же татаринъ—не изломится,
А и жиловатъ собака—не изорвется!"

Очевидно, не одна многочисленность, но и выдающаяся крѣпость организаціи иноплеменниковъ приводила въ удивленіе нашихъ богатырей и въ унынie нашъ народъ, потому что

О тѣла поганыя татарскія
Иступились сабли острыя,
Расщепились копья долгомѣрныя,
Изломались палицы тяжелыя**).

Киргизы, какъ извѣстно, въ общественномъ быту разлѣляются на киргизовъ *бѣлой* кости, которые представляютъ собою populus, аристократію народа, или, примѣняя выраженіе проф. *Богданова*, „распустившіеся цвѣтки" народнаго типа, и киргизовъ *черной* кости, vulgus, чернь, грубыя черты

*) Изъ того, что пишетъ *Зеландъ* о физической силѣ, ловкости и выносливости киргизовъ, я рѣшительно не могу придти къ его выводу, что „*все-таки* киргизъ слабѣе русскаго простолюдина" (37).

**) „Книга о Кіевскихъ богатыряхъ. Сводъ былинъ древне-кіевскаго эпоса". Составилъ *В. Авенаріусъ*. Спб. 1876. Стр. 186. 185.

которыхъ можно уподобить, по *Богданову*, «безразличной почкѣ» растенія; нашъ первый киргизъ по типу красоты является представителемъ скорѣе *черной* кости,—второй—*бѣлой*.

Очерченый здѣсь тюрко-киргизскій типъ въ настоящее время распространенъ среди русскаго населенія и его не трудно встрѣтить среди «овальныхъ головъ» (выраженіе *Пеше* и *Радлова**) и «лошадиныхъ лицъ» (по выраженію китайскихъ писателей**) русскихъ. Однако это не только не портитъ красоты народа, но, напротивъ, увеличиваетъ ея разнообразіе, потому что тюрко-киргизскій типъ, въ его «распустившихся цвѣткахъ», также принадлежитъ къ красивымъ типамъ***), и уже дѣло вкуса, кому отдать предпочтеніе въ красотѣ.

Но не въ этихъ ссылкахъ на народную поэзію и указаніяхъ на красоту типа заключается практическая цѣль нашей попытки установить тюрко-киргизскій типъ. Установка этого типа по чертамъ строенія, главнымъ образомъ, черепа имѣетъ цѣлью опредѣлить типы череповъ неизвѣстныхъ, ископаемыхъ, курганныхъ: насколько эти послѣдніе близки по антропологическому характеру къ тюрко-киргизамъ. Такими, напр., ископаемыми курганными, неизвѣстнаго народа, черепами являются описанные нами въ IV очеркѣ настоящихъ «Матеріаловъ» три черепа. Чтобы быть краткимъ, я возьму для сравненія только черепъ мужской (№ 1), добытый *С. К. Кузнецовымъ* въ «курганѣ № VII» близъ дер. «Казанскія юрты», на берегу р. Томи (стр. 37).

Характеристика этого черепа выведена нами слѣдующая (стр. 39—44):

$\frac{Q.\ 100}{L}$ брахицефалъ втораго порядка,

$\frac{H.100}{Q}$ широконизкій,

$\frac{H.100}{L}$ высокоголовый,

$\frac{чч.\ 100}{bf.}$ узкохребетный, $\frac{nx.100}{j^3.}$ широколицый,

$\frac{F^1F^1.\ 100}{Q}$ малолобый, $\frac{j2\ 100}{j^3.}$ среднеширокоскулый,

$\frac{F.F\ 100}{F\ F}$ среднеширокол. (узколобый) $\frac{F.F.100}{j.1}$ узколобый,

$\frac{SS100}{Q}$ узкозатылочный, $\frac{D.\ 100}{D.}$ среднеорбитный,

*) *Миддендорфъ* —„Очерки Ферганской долины", стр. 398.

**) Loco citato. Стр. 389.—Такъ характеризуютъ насъ, индо-европейцевъ, „точные господа-китайцы", „въ противоположность своей собственной, высоко-цѣнимой наружности».

***) У акад. *Миддендорфа*, въ указан. соч., на гравюрѣ VII каракиргизъ представляетъ, прекрасный образецъ тюрко-киргизскаго типа, но каракиргизка носитъ монгольскія черты. Тоже и на табл. 11 и 12 *Finsch* n. W. Sibirien.—Въ журналѣ „Вокругъ Свѣта" за 1894 г. № 14, изображена на гравюрѣ „монгольская дама—аристократка" изъ г. Урги, въ Монголіи; черты лица этой молодой дамы рѣшительно выражаютъ тюркскій типъ.

A	большеголовый,	$\frac{OZ.100}{nb}$	съ развитой фанеродзигностью,
ω	большой вмѣстимости,	$\frac{r\ 100}{nx}$	среднешироконосый,
$\frac{y.\ 100}{n\ c}$	лобъ отлогій,	$\frac{M.100}{M}$	широконебный,
$\frac{y'.\ 100}{cl}$	темянная дуга слабо развита,	$\frac{(bx\text{-}bx).\ 100}{nb}$	съ подносов. прогнатизмомъ,
$\frac{y^2.\ 100}{lf}$	затылочная дуга развита,		и выраженными foss. praenasal.

Различіе между черепомъ «Казанскихъ юртъ» и черепомъ установленнаго здѣсь тюрко-киргизскаго типа касается только двухъ существенныхъ чертъ —значительнаго выступанія наружнаго края глазницы и ясно выраженныхъ fossarum praenasalium, —чертъ монгольскаго характера. Прочія различія не существенны, именно:

1) болѣе отлогій лобъ и болѣе развитая затылочная дуга не могутъ быть считаемы настолько рѣзкими чертами, чтобы отнести черепа къ разнымъ типамъ;

2) средняя ширина скулъ, средняя ширина носа, среднія орбиты и узкій (по лобно-лицевому указателю) лобъ такъ близки, при равенствѣ прочихъ условій, къ широкимъ скуламъ, узкому носу, склонности къ высокимъ орбитамъ и среднему лбу, что и эти черты также нельзя считать настолько рѣзкими, чтобы требовалось отнести черепа къ разнымъ типамъ.

Если мы вспомнимъ, что на каждомъ черепѣ существуютъ индивидуальныя черты, которыя обусловлены главнымъ образомъ вліяніемъ на основной типъ чуждыхъ типовъ или возвратомъ къ одному изъ бывшихъ въ ряду поколѣній скрещиваній,—то такія уклоненія въ строеніи черепа «Казанскихъ юртъ» не могутъ смутить насъ и не заставятъ отказаться отъ пользованія нашими выводами, которые въ данномъ случаѣ ясны.

Стараясь положить основы для дифференціальной діагностики черепа *тюркскаго* происхожденія *киргизскаго* типа, я пользовался бѣднымъ краніологическимъ, но за то богатымъ антропометрическимъ матеріаломъ, полученнымъ авторами на живыхъ. Тѣмъ не менѣе въ основу предложенной характеристики мною положено изученіе черепа и скелета киргизовъ.

Меня выручила, въ данномъ случаѣ, типичность для огромнаго большинства измѣренныхъ бывшаго въ моемъ распоряженіи киргиза. Однако я, вполнѣ сознаю, что мой очеркъ, если будетъ удостоенъ вниманія, встрѣтитъ много серьезныхъ возраженій. Въ числѣ ихъ я укажу на слѣдующія.

Первымъ существеннымъ возраженіемъ является вопросъ, по существу мало затронутый въ этомъ очеркѣ, вопросъ: насколько характерны для своего типа взятые для сравненія черепа калмыка, бурята и монгола? Если первый изъ этихъ череповъ имѣетъ за собой хотя извѣстное происхожденіе

(Цохоровъ Дорджъ) и, слѣд., можетъ считаться представителемъ своего типа, то, вѣдь, послѣдніе не имѣютъ за собой такого преимущества. Наши «бурятъ» и «монголъ» не автентичнѣе тѣхъ череповъ *Блюменбаха**) *Катрфажа* и *Ами***), *Гушке****), *Велькера* †) и другихъ авторовъ, череповъ, на которыхъ, кромѣ ярлыковъ: Tatar, Kirghise, Baschkir, Mongol, Turc, Bouriate, нѣтъ ничего достовѣрнаго, но которые, по крайней мѣрѣ, имѣютъ за собой блестящій авторитетъ ихъ изслѣдователей.

Въ этомъ случаѣ мнѣ приходится указать на тотъ несомнѣнный фактъ, что наши «монголъ» и «бурятъ» получены отъ врачей г. г. *Кирилова* и *Болтенко*, очевидно, заинтересованныхъ въ вопросахъ антропологіи. Такимъ образомъ, мнѣ приходится противопоставить авторитету лицъ, доставившихъ черепа славнымъ именамъ *Блюменбаха* и *Катрфажа*, авторитетъ нашихъ русскихъ врачей. Кромѣ этого должно замѣтить, что о киргизкомъ черепѣ *Блюменбаха* и о башкирскомъ *Катрфажа* авторы Crania ethnica говорятъ, что они «болѣе монголы, чѣмъ тюрки» †*), а обратнаго мнѣнія про наши черепа сказать нельзя.

Вторымъ серьезнымъ возраженіемъ является типичность для кавказской расы нашего втораго кавказца (Нуръ-Эддинъ-Исамеддинъ-Оглы). Его низкоголовость, узкій лобъ, явная склонность къ челюстному прогнатизму, относительно длинныя кисти рукъ и ступни, высокій тазъ †**), вмѣстѣ съ его дикимъ прижизненнымъ нравомъ, за который онъ былъ осужденъ на двадцать лѣтъ каторги,—рисуютъ его „выродкомъ", могущимъ служить прекраснымъ демонстративнымъ объектомъ для уголовной антропологіи, но не для характеристики изящнаго кавказскаго типа.— Въ этомъ случаѣ я считаю возможнымъ указать лишь на тѣ общіе признаки, которые тѣсно связываютъ этого кавказца съ первымъ (Искандеръ-Оглы), какъ по строенію

*) Черепъ киргиза доставленъ *Блюменбаху* изъ Оренбурга въ 1793 г.

**) Черепъ башкира (казака), убитаго въ 1814 г. при осадѣ Парижа.

***) Два башкирскихъ черепа отъ солдатъ, убитыхъ въ 1812 г.

†) Пять башкирскихъ череповъ неизвѣстнаго происхожденія.

†*) „Les cranes des races humaines". Pag. 412. 413.

†**) Перечисленные признаки напоминаютъ длинноголовый негритянскій типъ. Можетъ быть, мы имѣемъ случай реверсіи нѣкоторыхъ чертъ къ одному изъ бывшихъ въ ряду поколѣній этого субъекта скрещиваній иранскаго типа съ негритянскимъ?— Любопытно, что членъ Антропологическаго Отдѣла Московск. Общ. Люб. Ест., Дг. *Баженовъ*, въ засѣданіи Отдѣла 10 сентября 1890 г., замѣтилъ по поводу типа крымскихъ южнобережныхъ татаръ, что «ему неоднократно встрѣчались лица южно-бережниковъ съ явно выраженнымъ негритянскимъ типомъ, выражающимся въ прогнатизмѣ лица, курчавости волосъ, вздутости губъ и плоскости лица, а также въ длинѣ верхнихъ конечностей; какъ примѣръ такого типа онъ представилъ и передалъ въ Отдѣлъ фотографическій снимокъ съ одного татарина такого типа, въ которомъ эти черты выражены весьма рѣзко". „Дневникъ Антропол. Отдѣла". Вып. IX. М. 1890. Стр. 386.

головы, такъ и скелета, и которые невольно бросаются въ глаза, при взглядѣ на скелеты и при осмотрѣ таблицъ измѣреній и отношеній.

Третьимъ вѣскимъ возраженіемъ является вопросъ: что же такое *тюркская* раса, при существованіи указанныхъ здѣсь двухъ типовъ: *тюрко-киргизскаго* и *тюрко-башкирскаго*? Имѣетъ ли она raison d'etre, какъ раса, или должна считаться отраслью монгольской или кавказской расы?—Отъ обсужденій этихъ вопросовъ я позволю себѣ уклониться. Замѣчу только, что, по моему мнѣнію, въ число монгольскихъ признаковъ попали нѣкоторые сомнительные, какъ, напр., брахицефалія втораго порядка. Этотъ послѣдній признакъ, вмѣстѣ съ рѣзко очерченнымъ узкимъ носомъ, ослабленной фанеродзигностью и горизонтально расположеннымъ разрѣзомъ глазъ, настолько поразилъ г. *Зеланда*, что этотъ авторъ, вопреки всѣмъ другимъ наблюдателямъ, убѣжденно говоритъ: „киргизы болѣе приближаются къ благообразному кавказскому или арійскому типу“ *).

Я позволилъ себѣ здѣсь коснуться общихъ вопросовъ о тюркской расѣ еще потому, что, по приведеннымъ въ исторической главѣ этого очерка указаніямъ, „киргизы первоначально обитали въ долинѣ верхняго Енисея и на Черномъ Иртышѣ“ **) и что „киргизы и узбеки признаются за болѣе или менѣе измѣнившіеся остатки *уйгуровъ*, на языкѣ которыхъ говорятъ и теперь буруты“ (каракиргизы) ***). *Степановъ* высказалъ предположеніе, что уйгуры, можетъ быть, были родоначальниками остяковъ †), вышедшихъ, по мнѣнію *Кастрена*, также съ верховьевъ Енисея †*).

Невольно является вопросъ: нѣтъ ли какой-нибудь антропологической связи между тюрко-киргизскимъ типомъ и остяками?

Такая связь, мнѣ кажется, существуетъ и на самомъ дѣлѣ въ томъ круглоголовомъ среди остяковъ типѣ, который я пытался установить въ предыдущемъ очеркѣ †**), хотя, долженъ прибавить, эта связь можетъ быть проще объясняема и позднѣйшимъ вліяніемъ татарскаго владычества на остяковъ.

---

*) *Зеландъ*, 36.

**) *Семеновъ*, 339.

***) *Топинаръ*,—„Антропологія“, стр. 457.

†) *Степановъ*—„Енисейская губ.“ Спб. 1835. Ч. II, стр. 41. Тоже у *Кривошапкина*—„Енисейскій окр. и его жизнь“. Спб. 1865. Т. II, стр. 120.

†*) „Путешествіе *Александра Кастрена* по Лапландіи, Сѣверной Россіи и Сибири“. Магазинъ землевѣд. и путешествій. М. 1860. Т. IV, ч. II, стр. 206.

†**) „Матеріалы для антропологіи Сибири“, стр. 85.

Въ заключеніе считаю долгомъ принести здѣсь свою искреннюю благодарность Господину Попечителю Западно-Сибирскаго учебнаго округа *В. М. Флоринскому*, завѣдующему археологическимъ музеемъ Императорскаго Томскаго университета, и проф. анатоміи *Н. М. Маліеву* — за предоставленную мнѣ возможность пользоваться антропологическимъ матеріаломъ, и проф. оперативной хирургіи *И. С. Поповскому* — за разрѣшеніе произвести настоящую работу, въ свободное отъ служебныхъ обязанностей время, въ его кабинетѣ.

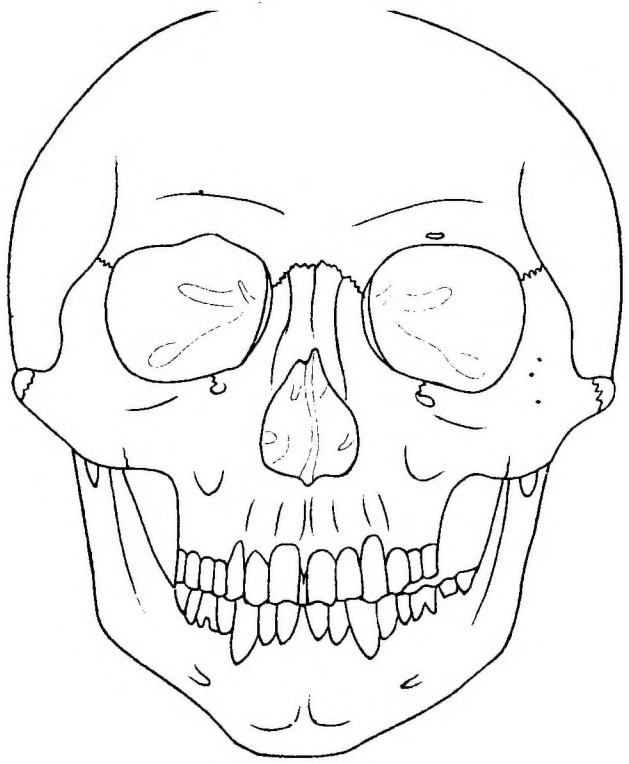
ОБЪЯСНЕНІЕ РИСУНКОВЪ.

Фиг. 1. Norma verticalis черепа Хайдаръ-Али-Мамаева. Брахицефалія втораго порядка: cephalindex—92, 57.

Фиг. 2. Norma lateralis его-же. Явная склонность къ прогнатизму: $\frac{bx'.100}{nb}$=100 и $\frac{(bx'-bx).100}{nb}$=5, 88.

Фиг. 3. Norma frontalis его-же. Круглое лицо: $\frac{nx'.100}{j^s}$=51, 28 и $\frac{nk.100}{j^s}$==83, 33.

Снимокъ съ фотографической карточки его-же.



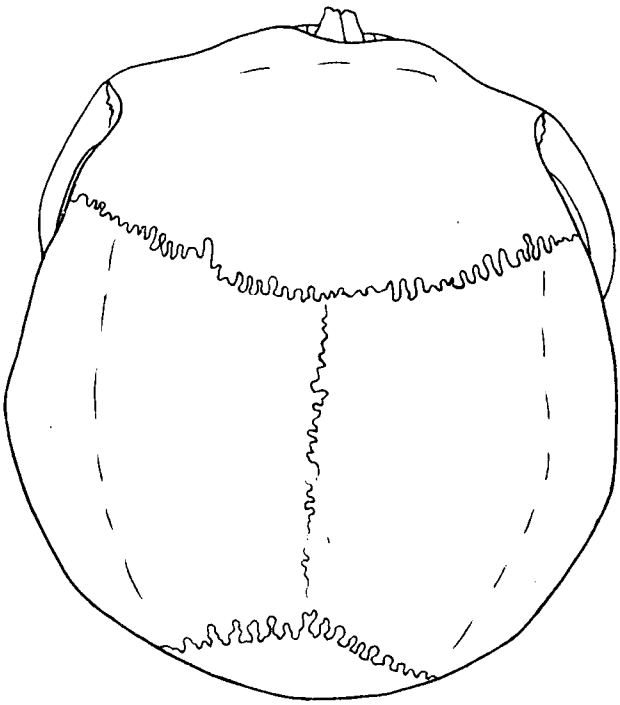
Фиг. 3.

Снимокъ съ фотографической карточки Хайдаръ-Али-Мамаева.

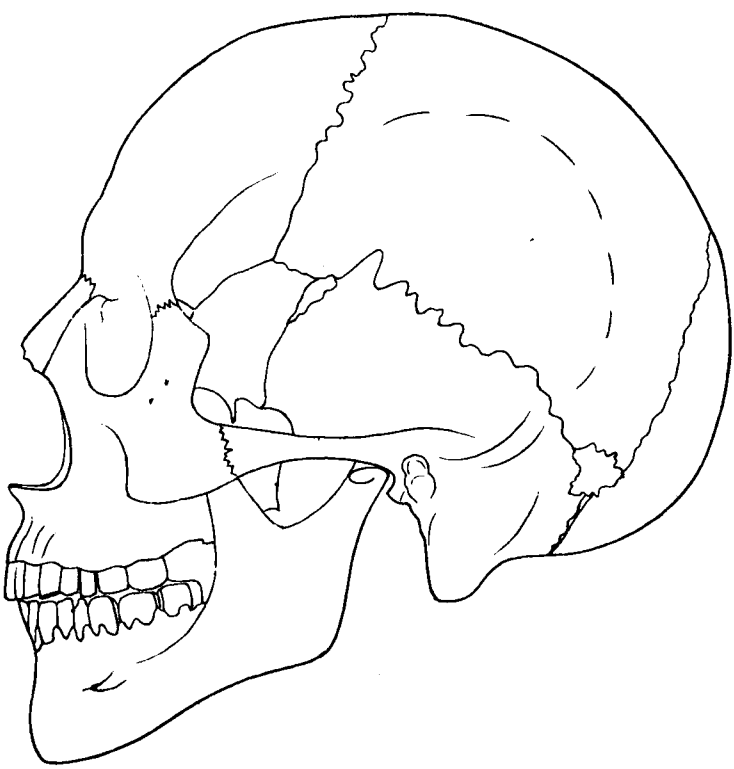
ЧЕРЕПЪ КИРГИЗА

Хайдаръ-Али-Мамаева, изъ Ферганской обл., Андижанскаго уѣзда, мѣстности Бобришебой.

Въ $^1/_2$ натуральной величины.



Фиг. 1.



Фиг. 2.

СТАРООБРЯДЧЕСКІЙ РАСКОЛЪ ВЪ ТОМСКОЙ ГУБЕРНІИ.

(ПО СУДЕБНЫМЪ ДАННЫМЪ)

Авторъ настоящей статьи имѣлъ возможность ознакомиться съ цѣлою серіею раскольничьихъ криминальныхъ дѣлъ, состоявшихъ въ производствѣ Томскаго Губернскаго Суда съ 1878 до 1892 года включительно. Для лицъ, интересующихся расколомъ и его жизнію, расколъ въ отдаленной, обширной Томской губерніи представляетъ почти совершенно невѣдомую книгу. Поэтому позволительно надѣяться, что настоящее о немъ сообщеніе, добытое на основаніи правдиваго судебнаго матеріала, въ общей литературѣ о расколѣ окажется неизлишнимъ и небезполезнымъ.

Сколько можно заключить по даннымъ предлежащихъ дѣлъ, расколъ въ предѣлахъ Томской губерніи распространенъ необыкновенно сильно. Онъ имѣется во всѣхъ округахъ губерніи: Томскомъ, не исключая угрюмаго и пустыннаго Нарымскаго края, Маріинскомъ, Кузнецкомъ, Каинскомъ. Но особенно изобилуютъ имъ южныя и хлѣбороднѣйшія части губерніи, т. е. округа Барнаульскій и Бійскій. Многія изъ селъ и деревень населены явными и тайными „кержаками“ *) почти сплошь и пріобрѣли для Томскаго старообрядчества значеніе центральныхъ мѣстъ. Сюда принадлежатъ: Выдриха Бійскаго—, Буранова и деревни Кулундинской степи Барнаульскаго—, деревни Меньшикова и Яркульская—Каинскаго округовъ.

Недовольствуясь открытымъ проживаніемъ въ селахъ и деревняхъ, раскольники, по исконной привычкѣ укрываться отъ постороннихъ взоровъ, часто уходятъ въ малодоступныя таежныя дебри, устраиваютъ тамъ заимки, при нихъ молельни и что-то въ родѣ монастырьковъ съ начетчикомъ-настоятелемъ во главѣ. Изъ дѣлъ, которыми пользуемся, мы знаемъ такую заимку, устроенную раскольниками Нифонтовыми въ глухой тайгѣ около деревни Писаной Кузнецкаго округа) **) и цѣлый рядъ ихъ въ тайгѣ Маріинской по р. Тя-

*) Такимъ именемъ называетъ раскольниковъ православное населеніе всей Сибири.

**) Дѣло Томскаго Губ. суда о распространеніи раскола Нифонтовыми № 698. 1892.

жинъ *). Въ эти потаенныя и укромныя мѣста нерѣдко увлекаются вновь совращенные въ расколъ, разумѣется, въ томъ вѣрномъ соображеніи, что здѣсь, втиши и вдали отъ чуждыхъ вліяній, неофиты удобнѣе и скорѣе могутъ быть утверждены и укрѣплены въ воззрѣніяхъ и правилахъ вновь принятой вѣры.

Томскій старообрядческій расколъ состоитъ изъ поповцевъ, пріемлющихъ австрійское священство, и изъ безпоповцевъ поморскаго и отчасти ѳедосѣевскаго согласій. Нашъ матеріалъ лишенъ указаній на существованіе въ губерніи послѣдователей страннической секты. Но что странники имѣются въ ней, это удостовѣрено отчетомъ Томскаго противораскольническаго братства за 1892—93 г. гдѣ говорится, что названная, крайне-фанатичная секта нашла возможнымъ свить себѣ гнѣздо въ окрестностяхъ Томска и имѣетъ крупныхъ представителей даже въ самомъ Томскѣ **).

По документамъ дѣлъ, возникавшихъ по частнымъ и случайнымъ поводамъ, нѣтъ конечно, возможности прослѣдить всѣ звенья, входящія въ механизмъ того, что называется внутренней организаціей томскаго раскола. Тѣмъ не менѣе нѣсколько данныхъ, и при томъ довольно выразительныхъ, имѣемъ на этотъ счетъ. И говоря объ организаціи австрійской поповщины, прежде всего наталкиваемся на слѣдующій любопытный фактъ: въ недавнемъ прошломъ томскіе поповцы имѣли своего лжеепископа, который вдобавокъ назывался епископомъ *всея Сибири*. Это званіе принадлежало крестьянину уже упомянутой деревни Выдрихи—Михаилу Михайлову *Якимову*.

Выдриха находится въ полосѣ тѣхъ многочисленныхъ, расположенныхъ по Алтаю селеній, которыя были основаны въ прошломъ столѣтіи раскольниками—выходцами изъ Стародубья и Вѣтки***). Многіе изъ потомковъ этихъ давнихъ насельниковъ Сибири въ первой половинѣ текущаго столѣтія приняли единовѣріе и образовали въ Бійскомъ Алтаѣ цѣлый рядъ единовѣрческихъ приходовъ. Выдриха вначалѣ вошла въ приходъ села Секисовки. Есть указаніе, что Михайло Якимовъ когда-то былъ также на сторонѣ единовѣрія. Въ 1846 году вмѣстѣ съ другими односельчанами-единовѣрцами онъ ходатайствовалъ предъ начальствомъ о перечисленіи родной деревни изъ Секисовскаго въ болѣе близкій по разстоянію къ Выдрихѣ единовѣрческій Шиманаихинскій приходъ †). Но въ 50-хъ годахъ Якимовъ находится уже подъ судомъ за совращеніе въ расколъ 12 семей †*). За недостаточностію уликъ судъ оставилъ Якимова въ сильномъ подозрѣніи. „Подозрѣніе“ нисколько не смутило его

*) Дѣло о потерявшейся Маріинской мѣщанкѣ Елизаветѣ Семеновой № 3063. 1886 г.

**) См. Записка о состояніи раскола въ Томской епархіи и противораскольнической дѣятельности епархіальнаго братства Св. Димитрія Ростовскаго. 1893.

***) Завалишинъ. Описаніе Запад. Сибири. Т 2, стр. 13.

†) См. журналъ Томской Консисторіи о Меоодіи, приложенный къ судебн. дѣлу о немъ.

†*) Это видно изъ справокъ объ Якимовѣ, данныхъ Убинскимъ Волостнымъ Правленіемъ.

и не вразумило. Роль расколоучителя онъ смѣло продолжаетъ дальше и достигаетъ званія раскольническаго попа. Вѣроятно, въ этомъ званіи Якимовъ пожелалъ принять монашеское постриженіе и былъ названъ именемъ *Меѳодія*. Ревностная дѣятельность Меѳодія въ пользу древняго благочестія, его относительная начитанность привлекли къ нему вниманіе воротилъ русскаго раскола, и въ октябрѣ 1885 года онъ уже былъ облеченъ величіемъ архіерейскаго сана съ титуломъ епископа Пермскаго и всея Сибири*). Возможно догадываться, что и санъ, и титулъ Меѳодій унаслѣдовалъ отъ бывшаго до него лжеепископа сибирскаго Савватія, который незадолго передъ тѣмъ жилъ въ Тобольскихъ предѣлахъ, наставилъ тамъ много поповъ, между прочимъ, и для томскихъ старообрядцевъ**). Но отъ кого именно Меѳодій получилъ посвященіе—неизвѣстно. Во все продолженіе судебнаго слѣдствія, возбужденнаго по обвиненію Меѳодія въ распространеніи раскола, онъ ни словомъ не обмолвился на счетъ обстоятельствъ своей хиротоніи. Напротивъ, въ его словахъ усматриваемъ желаніе представить дѣло такъ, что никакой хиротоніи надъ нимъ и не было, что сначала попомъ, а затѣмъ епископомъ старообрядцы называли его независимо отъ посвященій, такъ просто, по взаимному согласію, уважая его умѣніе справлять духовную службу***). Разумѣется, это уловка, притомъ сшитая слишкомъ грубо и замѣтно. Въ дѣйствительности отъ старообрядцевъ шла молва, что за посвященіемъ на архіерейство Меѳодій ѣздилъ въ Москву. Изъ Москвы онъ вернулся въ ту-же Выдриху, гдѣ протекла его предшествующая жизнь. Но Выдриха слишкомъ глухое и скромное мѣстечко, чтобы служить резиденціей для такого важнаго лица, какъ «епископъ всея Сибири». Старообрядцы сознавали это и рѣшили было перевезти Меѳодія въ Барнаулъ. Въ Барнаулѣ готовились къ торжественному пріему лжеіерарха †). Переѣздъ не состоялся, вѣроятно потому, что во время затянувшихся переговоровъ по этому поводу, о Меѳодіи началось слѣдственное дѣло, повлекшее за собою распоряженіе о передачѣ подсудимаго особому полицейскому надзору.

Въ Выдрихѣ и во всемъ окружномъ старообрядческомъ мірѣ прибытіе новопоставленнаго епископа вызвало необычайное оживленіе. Прибытіе состоялось передъ праздникомъ Рождества Христова. Во дни этого большаго праздника, какъ и въ слѣдующій за нимъ праздникъ Богоявленія деревня переполнилась богомольцами. Каждому изъ окрестныхъ старообрядцевъ было лестно побывать на первыхъ богослуженіяхъ доморощеннаго «владыки». Бого-

*) Журналъ Томской духовной консисторіи, приложенный къ дѣлу о Меѳодіи.

**) О Савватіи. См. приложеніе къ сей статьѣ.

***) „Уже нѣсколько десятковъ лѣтъ—говорилъ Меѳодій засѣдателю,—собратьями по вѣрѣ я избранъ руководителемъ при молитвѣ, иначе сказать попомъ, а затѣмъ тѣ-же собратья удостоили признать меня старшимъ попомъ или епископомъ. Но это—только была воля старообрядцевъ и ничего больше". Дѣло № 65. 1891.

†) Рапортъ свящ. с. Шеманаихи о. Ливанова.

служеніе происходило въ обширной моленной, гдѣ была разставлена походная шелковая церковь. Меѳодій одѣвался въ полное, блиставшее новизной, архіерейское облаченіе и служилъ при участіи лжедіакона изъ мѣстныхъ-же крестьянъ. Пѣли на обоихъ клиросахъ пѣвчіе изъ мужчинъ и женщинъ. Послѣ ряда богослуженій въ родномъ селѣ, Меѳодій пожелалъ отслужить въ сосѣднихъ деревняхъ: Большой Рѣчкѣ, Быструхѣ, Пихтовкѣ и Александровкѣ. Въ послѣдней служеніе вышло особенно торжественно, такъ какъ за этимъ служеніемъ Меѳодій, кажется, въ первый разъ воспользовался своимъ мнимымъ правомъ на совершеніе тайны священства. Былъ поставленъ въ попа крестьянинъ д. Александровки Аѳанасій Бояриновъ*). Да и вездѣ богослуженіе производило сильное впечатлѣніе, поражая присутствовавшихъ невиданностію церемоній и красотою архіерейскаго облаченія. „На епископѣ-то шапка-то какая,—вся въ золотѣ и крестахъ. А ризы?—Ризы и сказать нельзя, какъ хороши,“—выражалъ свой сладостный восторгъ одинъ изъ крестьянъ деревни Быструхи. Самъ Меѳодій называлъ свое служеніе *святольпнымъ* и двери моленной широко отворялъ не только для раскольниковъ, но для единовѣрцевъ, какъ равно и православныхъ, зазывая на святолѣпную службу всякаго безъ различія.

Открытая и свободная дѣятельность лжеепископа воодушевила старообрядцевъ мыслію, что въ религіозныхъ дѣлахъ имъ дозволено теперь все, что начальство признало ихъ вѣру правой. Руководствуясь этимъ соображеніемъ, они безъ стѣсненій вынесли изъ устроенной въ Выдрихѣ единовѣрческой часовни всѣ церковныя вещи въ моленную Якимова, часовню заперли и ключъ передали лжедіакону**). Единовѣрцы не возражали, какъ-бы не находя въ дѣйствіи старообрядческихъ односельчанъ ничего произвольнаго и ничего противозаконнаго. Меѳодій продолжалъ служить въ Выдрихѣ неопустительно каждый воскресный и праздничный день, ставя за своими служеніями поповъ и діаконовъ для своей многочисленной паствы. Онъ же самолично исправлялъ и частныя требы опять безъ разбора для всѣхъ, кто бы къ нему за этимъ дѣломъ ни обратился. Закономъ строжайше воспрещено раскольническимъ наставникамъ совершать требоисправленія для людей, не принадлежащихъ расколу. Но для Меѳодія это запрещеніе какъ-бы не существовало. „Какой я буду пастырь, если буду отталкивать отъ себя приходящихъ ко мнѣ“ ***)—говорилъ лжеепископъ одному изъ единовѣрцевъ, явившемуся съ просьбой къ нему о повѣнчаніи сына. Меѳодій повѣнчалъ. Повѣнчаній на ряду съ старообрядческими единовѣрческихъ паръ въ его моленной было произведено очень много†).

*) Изъ рапорта свящ. с. Секисовки.—Дѣло № 65. 1891 г.

**) Донесеніе священника о. Ливанова отъ 5 іюля 1886 г.

***) Показаніе крестьянина Христоф. Ларіонова.

†) Списокъ единовѣрческихъ браковъ, повѣнчанныхъ лжеепископомъ—см. журналъ Том. Дух. Консисторіи по дѣлу о Меѳодіи.

Крестьяне единовѣрческой деревни Екатерининской Безпаловъ и Раченковъ сосватали невѣстъ первый за пасынка, второй за сына. Для переговоровъ по поводу задуманныхъ вѣнчаній названные крестьяне отправились къ приходскому священнику въ с. Шепуновское. Священникъ вынужденъ былъ отклонить оба брака, такъ какъ въ одномъ случаѣ жениху недоставало цѣлаго года до совершеннолѣтія, въ другомъ—между сговоренными нашлось близкое родство. Но крестьяне уже потратились. Извѣстно, что расходовъ, вызываемыхъ обычаями сватовства, въ крестьянствѣ не мало. Безцѣльныхъ затратъ было жаль. Оба хозяина поѣхали въ Выдриху къ „преосвященному“ Меѳодію. Къ ихъ величайшему удовольствію, „преосвященный“ уладилъ дѣло безъ всякихъ затрудненій. Были обрачены обѣ пары и при томъ за недорогую плату *). Такимъ образомъ епископъ не находилъ нужнымъ стѣсняться препятствіями, какія на счетъ брачныхъ заключеній указаны въ законѣ. Можно указать нѣсколько и другихъ случаевъ, когда Меѳодій смѣло рѣшался на вѣнчаніе жениховъ 17 и даже 16 лѣтъ**). Не могло остановить его рвенія къ совершенію таинства брака надъ единовѣрцами даже то обстоятельство, что разъ жениха и невѣсту привезли въ моленную въ сильно неприглядномъ, пьяномъ видѣ ***).

Въ документахъ, которыми пользуемся, говорится преимущественно о дѣятельности Меѳодія въ Выдрихѣ и окрестныхъ деревняхъ. Но понятно, что вліяніе епископа, поставленнаго для старообрядцевъ всей Сибири, не могло ограничиться такимъ малымъ райономъ. За недостаткомъ матеріала мы не имѣемъ возможности очертить это вліяніе во всей его полнотѣ. Но его твердо устанавливаетъ во 1) то, что Меѳодій, какъ уже упомянуто, имѣлъ сношеніе съ Барнаульскими раскольниками, вполнѣ признававшими его епископскій авторитетъ †). Затѣмъ, одна изъ свидѣтельницъ, допрошенныхъ по дѣлу Якимова, показала, что видѣла въ его домѣ собраніе *многихъ поповъ*, несомнѣнно подчиненныхъ ему и прибывшихъ въ Выдриху для совмѣстнаго съ епископомъ обсужденія какихъ-либо дѣлъ, имѣющихъ значеніе для всего сибирскаго старообрядчества †**). Наконецъ, среди документовъ, относящихся къ Меѳодію, имѣется его пастырское посланіе, адресованное старообрядцамъ австрійскаго согласія, имѣющимъ жительство въ отдаленномъ Якутскѣ. Достаточно одного этого посланія, чтобы видѣть до какой степени смѣло и широко раскинулъ Меѳодій свою пастырскую юрисдикцію.

*) За повѣнчаніе пасынка Безпалова Меѳодій взялъ всего семь рублей.

**) Семнадцати лѣтъ былъ повѣнчанъ крестьянинъ единовѣрецъ Василій Богатыревъ, шестнадцати - барнаульскій мѣщанинъ Петръ Черныхъ.

***) Собственное признаніе повѣнчанныхъ крестьянъ С.....хъ.

†) Сношенія съ барнаульскими раскольниками доказываются, кромѣ переговоровъ Меѳодія съ ними по дѣлу о перемѣщеніи своей резиденціи, еще тѣмъ, что Меѳодій обвѣнчалъ нѣсколькихъ Барнаульскихъ мѣщанъ.

†*) Показаніе крестьянки Евдокіи Терентьевой.

Въ посланіи лжеепископъ дѣлаетъ выговоръ Якутской паствѣ за недостатокъ ея вниманія къ матеріальнымъ нуждамъ присланнаго къ ней духовнаго лица, за нерадѣніе въ обезпеченіи себя достаточнымъ количествомъ требоисправителей и, наконецъ, за то, въ чемъ лжеархіерей не безвиненъ былъ и самъ—за допущеніе браковъ въ близкихъ степеняхъ родства.

Но лучше приведемъ самый текстъ любопытнаго посланія.

Господи Ісусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ.

Милостивому Государю Амосу Лукичу Борисову и всему вашему боголюбивому обществу.

„Предпосылаю миръ Божій и наше архипастырское прощеніе и благословеніе, на вѣки нерушимое. За симъ увѣдомляю Ваше боголюбіе, что посланный къ вамъ на время для исправленія вашихъ духовныхъ нуждъ священноинокъ о. Виталій намъ *вторично* пишетъ, что у васъ стоитъ ужасный голодъ: ржаная мука 5 руб. пудъ. А вы прихожане о немъ (т. е. Виталіи) никакой заботы не имѣете. Ему же кромѣ обязательнаго духовнаго дѣла пріискивать себѣ ремесла не приходится. Вы же его совсѣмъ забываете. Потомъ онъ жалобится на васъ, что одинъ правитъ за попа и причетника, самъ дрова носитъ, самъ топитъ молельную и келью. Далъ ему Акинсимъ Михайловъ Кушнеревъ въ августѣ три пуда муки, и съ тѣмъ онъ долженъ у васъ и зимовать. А онъ просилъ у васъ прихожанъ по 1 пуду на мѣсяцъ, но отъ васъ и этого къ нему не оказалось“.—

Онъ пишетъ затѣмъ, что у васъ въ обществѣ есть одинъ человѣкъ, въ попы годный, но по вашему нерадѣнію минуло уже два года, а у васъ все недостатки доставить его на рукоположеніе къ нашему смиренію. Итакъ видно, и всегда у васъ будетъ недоставать на прогоны. По сему предписываемъ вамъ: съ полученіемъ сего письма поимѣть наблюденіе о содержаніи священноинока Виталія и прислать на рукоположеніе человѣка, котораго укажетъ Виталій. А въ случаѣ вашего непослушанія и непокоренія онъ, о. Виталій, отъ васъ уберется и будете жить, какъ безсловесный скотъ, чего вамъ не желаемъ. Прошу принять всевозможныя мѣры для содержанія при себѣ другаго бѣлаго попа, который-бы могъ исправлять у васъ 6-ю тайну бракосочетанія, такъ какъ священноиноку св. правила запрещаютъ браки вѣнчать, какъ равно мірскому, т. е. бѣлому попу инока постригать“.

„А еще доносятъ намъ о вашемъ пребываніи, что вы брачитесь въ близкихъ степеняхъ родства. Одинъ изъ васъ взялъ жену, которая ему приходится въ 4-ой степени родства. Такъ обращенныхъ церковь Божія въ общеніе не пріемлетъ, дондеже бракъ не распутится,—виновные въ церковь Божію

(по правиламъ) да не внидутъ, ихъ приносы на свѣщи и просфоры не пріемлются. Отъ такого беззаконія прошу васъ всѣхъ вообще оберегаться. Призывая на васъ милость Божію, (шлю) искреннее привѣтствіе и желаю отъ Христа всѣхъ благъ.

*Смиренный Мефодій (Sic), епископъ Томскій *).*

Выдриха.
23 октября, 1887 г.

Такимъ образомъ воочію убѣждаемся, что Меѳодій успѣлъ отправить своего монаха въ Якутскъ, получалъ чрезъ него свѣдѣнія о жизни тамошнихъ старообрядцевъ, дѣлалъ предложенія и предупрежденія, по смыслу замѣченныхъ въ ней недостатковъ, и все это съ неопровержимостію доказываетъ, что титулъ епископа всея Сибири онъ носилъ далеко не напрасно.

За лжеепископомъ идутъ лжепопы.

Кромѣ упоминаемыхъ въ процессѣ Якимова, старообрядческіе попы, въ качествѣ вождей и руководителей поповщинскаго раскола, встрѣчаются въ нашихъ дѣлахъ очень часто. Тамъ они крестятъ, въ другомъ мѣстѣ вѣнчаютъ и хоронятъ, но кто они по именамъ—это тщательно затушевывается раскольниками. Болѣе другихъ довелось обнаружить себя попу Прокопію *Семенову* изъ мѣщанъ заштатнаго города Колывани. Онъ получилъ посвященіе отъ Тобольскаго лжеархіерея Савватія, и въ оправданіе посвященія имѣлъ выданную и подписанную Савватіемъ ставленную грамоту**). Съ этой грамотой Прокопій явился въ деревню Буранову Боровлянской волости, Барнаульскаго округа и открылъ здѣсь богослуженіе въ молельномъ домѣ во дворѣ крестьянина Сизикова. Самого Сизикова народная молва называла діакономъ Прокопія. Кромѣ обычныхъ служеній по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, Прокопій въ своей молельной крестилъ, брачилъ, отпѣвалъ умершихъ, нисколько не смущаясь запрещенной закономъ публичностію своихъ дѣйствій. И на обычныя богослуженія, и для исправленія частыхъ требъ къ попу съѣзжалось и сходилось много народа не изъ Бурановой только, но главнымъ образомъ изъ окрестныхъ селъ и деревень. Время отъ времени Семеновъ и самъ выѣзжалъ изъ Бурановой для обозрѣнія мѣстъ, которыя включалъ въ область своего прихода. При этомъ онъ объѣзжалъ волости Боровлянскую, Легостаевскую, Бердскую, Николаевскую, углублялся далеко и въ предѣлы Кузнецкаго округа. Нужно знать объемъ Сибирской волости, равняющійся если не превосходящій размѣры обычнаго россійскаго уѣзда, чтобы судить до какой степени былъ великъ приходъ, находившійся въ завѣдываніи попа Прокопія. Онъ самъ объявилъ суду, что приходъ у него огромный и для

*) Посланіе написано собственноручно Меѳодіемъ. Нѣкоторыя изъ безграмотныхъ мѣстъ посланія мы поправили, нѣкоторыя же, недобравшись въ нихъ смысла, опустили.—Посланіе приложено къ большому дѣлу о распространеніи Меѳодіемъ раскола. № 65. 1891 г.

**) Текстъ грамоты приводимъ ниже—въ приложеніи къ сей статьѣ.

одного попа почти непосильный, что его начальствомъ признана необходимость разбить этотъ приходъ на два, и для того уже сдѣлано распоряженіе. Думаемъ, что распоряженіе не осталось безъ соотвѣтствующаго исполненія*). Одновременно съ Прокопіемъ между Томскими старообрядцами австрійскаго толка дѣйствовалъ еще лженопъ Степанъ Никифоровъ *Шумихинъ*. Онъ проживалъ въ томъ же Барнаульскомъ округѣ, Бѣлоярской вол., въ деревнѣ Полковниковой (Легачево тожъ). Отсюда часто посѣщалъ г. Барнаулъ, гдѣ между прочимъ находилъ пріютъ у мѣстнаго купца А... О Шумихинѣ возникло дѣло по поводу совершеннаго имъ браковѣнчанія раскольника съ православной. Дѣло тянулось долго. На требованіе властей о высылкѣ обвиняемаго изъ Полковниковой для допроса въ Барнаулъ крестьяне этой деревни (замѣчательно, что большинство ихъ по фамиліи *Полковниковы*) не разъ отвѣчали: „Шумихина дома нѣтъ и гдѣ находится—неизвѣстно“. Но когда лженопъ все-таки былъ отысканъ и наконецъ допрошенъ, онъ наотрѣзъ отказался отъ всякой соприкосновенности съ фактомъ преступнаго дѣянія. Обвѣнчанные энергично его поддержали. Дѣло кончилось безъ послѣдствій для ловкаго Шумихина **).—Кромѣ поповъ, пріуроченныхъ къ извѣстному опредѣленному приходу, въ сибирскомъ и въ частности томскомъ старообрядчествѣ то и дѣло встрѣчаются попы бродячіе, заѣзжіе. Въ своемъ матеріалѣ мы нашли неоднократныя указанія на такихъ поповъ и очень нерѣдко съ поясняющимъ добавленіемъ, что въ Сибирь жалуютъ эти гости изъ дальней Москвы. Очевидно, что пресловутое МосковскоРогожское кладбище не оставляетъ своимъ нежелательнымъ попеченіемъ даже отдаленныхъ частей нашего отечества.

Само собою понятно, что своихъ вожаковъ имѣютъ и послѣдователи безпоповщинскихъ сектъ. Изъ дѣлъ видно, что въ каждомъ селѣ или деревнѣ, гдѣ въ томъ или иномъ количествѣ проживаютъ раскольники-безпоповцы, непремѣнно найдется безпоповщинскій наставникъ или наставница. Наставники отправляютъ службы для единомышленниковъ, исполняютъ ихъ требы и назидаютъ ихъ въ духѣ своихъ сектанскихъ воззрѣній. Среди многочисленныхъ наставниковъ обычнаго ранга во всякое время возможно появленіе личностей, выдающихся и своей относительной начитанностью и особой силою энергіи, направленной къ поддержанію и развитію сектанства. Такія лица пріобрѣтаютъ огромное вліяніе на безпоповцевъ своего толка и нерѣдко являются наставниками для самихъ наставниковъ. Къ числу такихъ выдви-

*) Дѣло по обвиненію Прокопія Семенова въ повѣнчаніи крестьянина Кузнецкаго округа Захара Шаночникова съ дѣвицею Калачиковой. № 40, 1889 г.

**) Дѣло о повѣнчаніи лженономъ Шумихинымъ дѣвицы Анны Курбатовой съ крестьянскимъ сыномъ Артамономъ Шумихинымъ. 1887. № 367. И сами повѣнчанные и ихъ родители на вопросъ: Кто вѣнчалъ?—единодушно отвѣчали: «Вѣнчалъ какой-то старообрядческій попъ,—имени и фамиліи его не знаемъ».—Въ томъ-же родѣ раскольники отвѣчаютъ всегда, когда дѣло доходитъ до разспросовъ о ихъ раскольническихъ попахъ.

гающихся дѣятелей томскаго безпоповщинскаго раскола въ недавнемъ прошломъ, по указаніямъ нашего матеріала, принадлежали Степанъ *Бородихинъ*, крестьяне Пермской губерніи, Кунгурскаго уѣзда, Иванъ *Останинъ* и Иванъ *Абрамовъ* и нарымскіе мѣщане братья Алексѣй и Василій Никифоровы *Нифонтовы*.

Бородихинъ дѣйствовалъ преимущественно черезъ женщинъ и вмѣстѣ съ ними, и своею энергіею оживилъ поморство въ Каинскомъ округѣ, главнымъ образомъ около деревень Яркульской и Меньшиковой *).

Останинъ и Абрамовъ вышли изъ Россіи въ Сибирь чуть-ли не съ исключительнной цѣлью расколоучительства. Оба они поселились въ Алтайской волости Бійскаго округа,—первый въ деревнѣ Деминой,второй—въ Нижне-Каменской. Оба, не спрашивая дозволенія со стороны начальства, открыли при своихъ домахъ моленныя, въ которыя безпоповцы шли гурьбами **). Особенно это должно сказать относительно молельни Абрамова. Одинъ изъ крестьянъ разсказывалъ, что разъ по обязанности полицейскаго сотника онъ долженъ былъ объявить наказъ Алтайскаго единовѣрческаго причта о тѣхъ недѣляхъ Великаго Поста, въ теченіи которыхъ Нижне-Каменцы всего удобнѣе могли бы исполнить долгъ своего „постованія“ (говѣнія). Около дома Абрамова ему встрѣтились „толпы людей“, шедшихъ съ восковыми свѣчами въ рукахъ. На сдѣланное объявленіе сотнику грубо отвѣчали: «видишь поди, что идемъ постовать. Наше постованіе у дѣдушки Ивана“ (такъ звали старика Абрамова въ Нижне-Каменской) ***). Кромѣ совершенія богослужебныхъ дѣйствій, дѣдушка Иванъ по рукописнымъ тетрадямъ читалъ своимъ прихожанамъ о томъ, что греко-русская церковь есть вмѣстилище ересей, что единовѣріе, хотя и допущено Россійскою церковію, однако она смотритъ на его послѣдователей, какъ на слѣпцовъ, погруженныхъ во тьму заблужденій. Проповѣди выслушивались съ большимъ вниманіемъ; передъ начитанностью дѣдушки слушатели благоговѣли.

Поселившіеся въ глухомъ лѣсу около деревни Писаной братья Нифонтовы охватили своимъ вліяніемъ огромный районъ, далеко выходившій изъ предѣловъ Кузнецкаго округа въ предѣлы Томскаго. Въ многочисленныхъ зараженныхъ расколомъ селеніяхъ этого района Нифонтовы были самые желанные и почетные гости. Стараясь дѣйствовать главнымъ образомъ на наставниковъ, они руководили ихъ совѣтами, разъясненіями, предупрежденіями. Изъ двухъ братьевъ особенною ревностію въ пользу раскола отличался Алексѣй Нифонтовъ. По отзыву священника о. Жигачева, къ приходу котораго принадлежала Писаная, „Алексѣй—самый упорный и самый фанатичный защитникъ рас-

*) Дѣло о совращеніи въ расколь кр. Тузикова и другихъ. № 50. 1883 г.

**) Существованіе молельнь у Останина и Абрамова установлено и показаніями крестьянъ деревень Деминой и Каменки и полицейскимъ дознаніемъ путемъ осмотра домовъ расколоучителей.

***) Показаніе крестьянина Гнѣздилова.

кола". Всюду, въ границахъ указаннаго района, гдѣ расколу приводилось вступать въ борьбу съ православіемъ на почвѣ теоретическихъ, книжныхъ разсужденій, Алексѣй Нифонтовъ являлся непремѣнно и неизбѣжно. Въ такихъ случаяхъ онъ былъ готовъ отстаивать не только ученіе своей поморской секты, но и ученія другихъ старообрядческичъ толковъ, лишь бы нападать на православіе. „Яро нападая на это послѣднее, Алексѣй называлъ православную церковь вавилонскою блудницею, православныхъ — жидами, власти, не исключая царской, — антихристовыми" *).

Можно уже заранѣе предугадать, до какой степени вредно должна была отзываться дѣятельность всѣхъ исчисленныхъ расколоучителей на православіи. Расколъ въ мѣстностяхъ, гдѣ жили и агитировали они, возросталъ быстро и возросталъ, понятно, на счетъ православія. Мы уже видѣли, какъ воспрянуло старообрядчество въ Выдрихѣ и около нея съ прибытіемъ Якимова въ званіи епископа. Его моленная была полна народомъ, а въ этомъ народѣ было много и послѣдователей единовѣрія, которые наконецъ позволили запереть въ Выдрихѣ свою единовѣрческую часовню. Въ длинномъ ряду повѣнчанныхъ Меѳодіемъ паръ встрѣчается не мало паръ единовѣрческихъ. Но фактъ вѣнчанія у него и отъ него былъ вмѣстѣ фактомъ перехода вѣнчавшихся изъ единовѣрія въ расколъ. Изъ дѣла о Меѳодіи мы убѣждаемся, что обращенные «владыкою» стоятъ всегда на сторонѣ раскола и иногда такъ твердо и прочно, что ихъ нельзя было вернуть къ прежней вѣрѣ никакими увѣщаніями. Несомнѣнно въ Выдрихѣ и около нея Меѳодій практиковалъ и болѣе прямыя мѣры, направленныя ко вреду православія, — мѣры въ родѣ уговоровъ и наставленій на тему о превосходствѣ старообрядства надъ „никоніанствомъ", хотя эта сторона его дѣятельности всячески закрывается свидѣтелями. — Нужно сказать, что въ большинствѣ свидѣтели сочувствовали мнимому епископу. — Все-таки одинъ изъ крестьянъ долженъ былъ признаться, что онъ вмѣстѣ съ отцомъ ушелъ въ расколъ, „плѣненный" Якимовымъ. Правда, этотъ крестьянинъ «одумался», вернулся къ православію, но отецъ не захотѣлъ одуматься **). Кромѣ того, передъ нами характерное показаніе причетника единовѣрческой церкви с. Шеманаихи—Степанова, котораго Меѳодію

---

*) Дѣло о распространеніи раскола бр. Нифонтовыми № 698. 1892.

**) Одумавшійся—крестьянинъ Фирсовъ. Онъ разсказывалъ, что „богослуженіе Якимова часто и безпрепятственно посѣщалось единовѣрцами и въ особенности потому, что Якимовъ самъ приглашалъ единовѣрцевъ смотрѣть его старообрядческую службу и этимъ путемъ переманивалъ въ расколъ".

Свящ. Ливановъ писалъ, что, когда старообрядцы заперли въ Выдрихѣ единовѣрческую часовню, единовѣрцы стали переходить на сторону раскола, „думая, что раскольническая вѣра правая и дѣйствіе раскольниковъ свободное".

очень хотѣлось привлечь на свою сторону. Степановъ разсказывалъ, что всякій разъ, когда ему доводилось бесѣдовать съ Меѳодіемъ, послѣдній заводилъ рѣчь о несостоятельности единовѣрія и изъ какой-то книги приводилъ соблазнительное свидѣтельство на тотъ счетъ, что единовѣрческіе священники въ своей присягѣ должны проклинать двуперстное сложеніе.—Умноженіемъ въ Сибири количества австрійскихъ поповъ, дѣломъ ихъ руководительства, сношеніемъ съ старообрядческими общинами самыхъ отдаленныхъ мѣстъ Сибири,—всѣмъ этимъ довершается большой вредъ, какой Меѳодій нанесъ православію въ предѣлахъ не только Томской, но и другихъ сибирскихъ губерній *).

Относительно попа Семенова мы слышимъ единогласное увѣреніе со стороны православныхъ дер. Бурановой, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ водворился въ этой деревнѣ, число православныхъ въ ней уменьшилось, а раскольниковъ увеличилось, тоже повторилось во всѣхъ другихъ селеніяхъ, въ которыя наѣзжалъ Семеновъ для служеній и требоисправленій. Въ своей пропогандаторской дѣятельности Семеновъ, по словамъ допрошенныхъ крестьянъ, имѣлъ много пособниковъ «какъ изъ мужиковъ, такъ и изъ женщинъ» **).

Нисколько не менѣе имѣли успѣха въ дѣлѣ совращеній и указанные выше безпоповщинскіе расколоучители. Останинъ еще на своей родинѣ, въ Кунгурскомъ уѣздѣ, два раза судился за распространеніе раскола, а съ того времени, какъ онъ и его землякъ старикъ Иванъ Абрамовъ поселились въ Алтайской волости, расколъ началъ умножаться здѣсь такъ быстро и сильно, что православный элементъ въ деревняхъ Деминой и Нижне-Каменной вынужденъ былъ хлопотать объ удаленіи названныхъ наставни-

*) За публичное отправленіе богослуженія по раскольническому обряду, за вѣнчаніе по тому же обряду, съ цѣлію увлеченія въ расколъ, послѣдователей единовѣрія и вообще за дѣянія, направленныя къ распространенію раскола, опредѣленіемъ Сената отъ 15 сентября 1892 г. крестьянинъ Михайло Михайловъ Якимовъ (Меѳодій) приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и высылкѣ на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири.

По „епископъ“ не захотѣлъ подчиниться правосудію.—Заранѣе прослышавъ о своей законномъ опредѣленной участи, онъ рѣшилъ уйти изъ Выдрихи въ самую глубь и глушь Алтая, гдѣ скрывался, тщательно оберегаемый своими приверженцами. Долго розыски преслѣдуемаго оставались безъ всякаго успѣха. Наконецъ въ сентябрѣ прошлаго 1893 года убѣжище Меѳодія посчастливилось открыть засѣдателю г. Смоленскому. Оказалось, что бѣжавшій лжеархіерей затаился въ верховьяхъ р. *Убы*, вытекающей изъ Алтайскихъ Карагонскихъ бѣлковъ. Здѣсь радѣтели выстроили для него избу въ глуши дремучаго лѣса. При арестѣ Меѳодія засѣдатель нашелъ у него: печать съ вырѣзкою словъ: *Божіей Милостію Томскій епископъ Меѳодій* и съ изображеніемъ на срединѣ благословляющей руки въ видѣ старообрядческаго двуперстія, архіерейскія облаченія и шелковую походную церковь.—Меѳодій былъ взятъ и препровожденъ въ Бійскій тюремный замокъ.—Сибир. Вѣстн. 1893 г. № 131.

**) „Хотя Прокопій открыто и не подговариваетъ въ свою секту говорили крестьяне дер. Бурановой,—но сильно замѣтно увеличеніе его приверженцевъ и уменьшеніе числа православныхъ въ нашемъ селеніи; всѣ переходятъ къ нему. Къ нему многіе пріѣзжаютъ изъ другихъ селеній и самъ онъ ѣздитъ въ Легостаевскую, Бердскую и Николаевскую волости, а также въ Кузнецкій округъ для исправленія требъ. Не было бы его, навѣрно, у насъ столько не уклонилось бы въ расколъ нашихъ однообщественниковъ“.—Дѣло объ уклоненіи въ расколъ крестьянина дер. Кантеревской, Камаевской вол., Василія Меньщикова, № 44, 1891 г.

ковъ изъ ихъ волости. Хлопоты не увѣнчались успѣхомъ и расколоучители продолжали развивать свое совратительное дѣло. „Мы слабы въ вѣрѣ и къ тому-же удалены отъ православнаго храма, потому ловить насъ въ свои сѣти Останину очень не трудно“—говорили Деминскіе крестьяне *). „Абрамовъ вредный человѣкъ,—въ свою очередь утверждали Нижне-Каменцы,—онъ не удерживается отъ порицанія православія даже на общественныхъ сходахъ.- Онъ совратилъ половину нашей деревни“.—„Прежде въ нашей деревнѣ держалось раскола только нѣсколько стариковъ, но они позволяли крестить дѣтей въ православной и единовѣрческой церквахъ, но теперь расколъ умножился *страсти какъ*“.—Съ увеличеніемъ раскола сильно поднялось и количество сводныхъ браковъ, т. е. браковъ безъ церковнаго вѣнчанія. А эти браки, по словамъ крестьянъ, вели за собой большія замѣшательства въ ихъ крестьянскихъ общественныхъ дѣлахъ. Одинъ изъ православныхъ говорилъ Абрамову въ лицо: «намъ православнымъ житья отъ васъ (раскольниковъ) не стало... въ одинъ мѣсяцъ у васъ бываетъ болѣе сводовъ, чѣмъ (въ годъ) церковныхъ браковъ **). Представленные суду миссіонеромъ Угрюмовымъ длинные списки лицъ, принадлежащихъ разнымъ селеніямъ и увлеченныхъ въ расколъ подъ вліяніемъ братьевъ Нифонтовыхъ, являются краснорѣчивымъ указаніемъ на ту обильную жатву, которую Нифонтовы собирали съ православнаго поля. Если взять во вниманіе, что составленные миссіонеромъ списки не могли быть полными (несомнѣнно, много совращенныхъ убереглось отъ переписи), если затѣмъ представимъ, что районъ, охваченный вліяніемъ Нифонтовыхъ, былъ несравненно больше, чѣмъ пространство, на которомъ дѣйствовали Останинъ и Абрамовъ, то естественно, что пропогандаторскіе успѣхи послѣднихъ, передъ соотвѣтствующими успѣхами Нифонтовыхъ должны поблѣднѣть. „*Великій вредъ*, причиненный братьями Нифонтовыми людямъ хотя православнымъ, но неграмотнымъ, нетвердымъ въ вѣрѣ и потому часто попадающимъ въ сѣти раскола“, удостовѣренъ Преосвященнымъ Макаріемъ, епископомъ Томскимъ, какъ это видно изъ его отношенія къ г. управляющему Томской губерніи отъ 13 декабря 1891 г. ***).

Но понятно, что распространеніе раскола, его количественное на счетъ православія возростаніе нельзя объяснять исключительно изъ дѣятельности

*) Такъ говорили Деминскіе крестьяне на судебномъ слѣдствіи объ Останинѣ и, кромѣ того, въ особомъ приговорѣ писали: „со времени прибытія Останина расколъ въ нашей деревнѣ сталъ сильно увеличиваться, проявились сводные браки, на что просимъ обратить вниманіе, чтобы его, Останина, удалить изъ нашего общества“. Приговоръ еще отъ 9 января 1873 года. „Останинъ хотя и занимается небольшимъ хлѣбопашествомъ, но мы полагаемъ, что поселился въ нашей деревнѣ съ цѣлію распространенія раскола“. (Показаніе крестьянъ судеб. слѣдователю). Дѣло объ Останинѣ № 337. 1888 г.

**) Дѣло о совращеніи въ расколъ крестьянъ дер. Каменки Абрамовымъ, № 115, часть II.

***) См. Отношеніе Преосвященнаго Макарія, епископа Томскаго и Семипалатинскаго, приложенное къ дѣлу о Нифонтовыхъ.

тдѣльныхъ расколоучителей и наставниковъ; оно шло и идетъ и отъ всей ногочисленной массы раскола, тѣмъ болѣе, что эта масса живетъ въ Томской уберніи гораздо болѣе спокойно и свободно, чѣмъ могла бы жить гдѣ-либо во нутреннихъ частяхъ Россіи. Томская губернія слишкомъ велика и сравнительно ало населена, чтобы начальство могло услѣдить за всѣми законными и неза-онными перепетіями въ жизни изворотливыхъ сектантовъ во всѣхъ и часто лубоко затаенныхъ уголкахъ ихъ обитанія. Сельскіе приходы слишкомъ азбросаны по отдѣльнымъ поселкамъ и деревнямъ, чтобы приходское духо-енство могло своевременно знать, предупреждать и отстранять каждое изъ проявленій тенденціозно направленнаго воздѣйствія раскольниковъ на его па-омыхъ. Отсюда нерѣдко поражающія самоувѣренность и смѣлость раскола ъ его прямыхъ и косвенныхъ нападкахъ на православіе.

Мѣры и средства, которыми раскольники стараются въ выгодномъ для ебя смыслѣ воздѣйствовать на православныхъ, разумѣется, самыя разнообраз-ыя. То они кротко вздыхаютъ и скорбятъ о томъ якобы погибельномъ пути, оторый неизбѣжно долженъ привести „никоніанъ“ въ геенну огненну *), то ерзко осмѣиваютъ православіе не только на словахъ, но и при посредствѣ арочно изготовляемыхъ для той цѣли кощунственныхъ картинъ **), то аспространяютъ и усиленно поддерживаютъ молву, что изданъ государевъ казъ, по которому сводные браки признаны будто-бы правильными, а слѣдо-ательно правой найдена и вѣра, дозволяющая эти браки***). Довольно точно и мѣтко пути, при посредствѣ которыхъ расколъ достигаетъ своихъ похищеній изъ православной среды, обозначены священникомъ одного изъ зараженныхъ расколомъ приходовъ о. Черницкимъ. Донося рапортомъ благочинному о по-тепенномъ усиленіи раскола въ деревняхъ своего прихода, о. Черницкій пи-алъ:„—Въ праздничные дни раскольники собираются въ домъ наставника—грамотея для служенія и для бесѣдъ. Привлекаются сюда и православные, въ присутствіи которыхъ грамотей старается порицать православіе и церковь съ особымъ усиліемъ. Зажиточные раскольники нанимаютъ къ себѣ право-славныхъ молодыхъ работниковъ и работницъ и совращаютъ ихъ въ свою вѣру, обольщая иногда деньгами или другими матеріальными вспомощество-ваніями. Или:—сыновья раскольниковъ покупаютъ православныхъ дѣвицъ на сводные браки и послѣднія подъ давящимъ вліяніемъ среды сами дѣлаются раскольницами, а рождающіяся отъ нихъ дѣти и подавно воспитываются въ

*) „Если кто изъ православныхъ увидитъ какъ кладутъ раскольники въ могилу своего покойника, то говорятъ *погибла душа*, т. е. погибла отъ того, что на покойника взглянулъ православный.—Дѣло объ Останинѣ. № 337. 1888 г.

**) Дѣло по обвиненію кр. Степана Моношкина въ распр. раскола. Къ дѣлу приложены и самыя картины, при посредствѣ которыхъ Моношкинъ осмѣивалъ православіе. № 571 1892 г.

***) Дѣло по обвиненію крестьянъ Харинныхъ въ распространеніи раскола. № 191. 1888 года.

раскольническихъ правилахъ" *), Все указаное о. Черницкимъ относительно своего прихода практикуется съ разными варіаціями и въ другихъ приходахъ Томской епархіи, гдѣ въ томъ или иномъ количествѣ имѣются раскольники**).—Въ частности переданный священникомъ послѣдній способъ совращеній, т. е. способъ совращеній при посредствѣ брачныхъ связей, мы имѣемъ возможность иллюстрировать рядомъ фактовъ, дошедшихъ до суда вслѣдствіе обмана и насилій, которымъ въ такихъ случаяхъ нерѣдко подвергаются жертвы.

Вотъ первый изъ этихъ фактовъ, какъ онъ переданъ потерпѣвшей.

Томскіе мѣщане Ремешкины въ 1887 г. просватали дочь свою Марфу за мѣщанина-же Сергѣя Силантьева. Родители невѣсты и сама невѣста были убѣждены, что женихъ принадлежитъ православному вѣроисповѣданію. Бракъ былъ совершенъ въ одной изъ Томскихъ православныхъ церквей. Вскорѣ послѣ свадьбы мужъ увезъ жену въ тайгу за 60 верстъ отъ Томска на пасѣку, принадлежащую отцу. Здѣсь молодая узнала, что ея новая семья принадлежитъ къ безпоповповщинскому расколу и поддерживаетъ постоянное сношеніе съ завѣдующимъ таежными, около Томска, раскольническими поселеніями безпоповщинскимъ наставникомъ Иваномъ *Быстрыхъ* Принялись уговаривать Марфу, чтобы не разнилась вѣрою съ мужемъ и приняла новое крещеніе. Она не соглашалась, за что подвергалась придиркамъ, ругани, угрозамъ со стороны свекра и побоямъ отъ мужа. Жизнь стала невыносимой. Марфа тайно бѣжала изъ тайги къ своимъ родителямъ и начала хлопотать о свидѣтельствѣ на отдѣльное отъ мужа проживаніе. Побои, перенесенные ею отъ мужа передъ самымъ побѣгомъ изъ тайги, были удостовѣрены медицинскимъ осмотромъ. На жалобу жены догадливый мужъ отвѣтилъ собственной жалобой Томскому полицеймейстеру, въ которой писалъ, что бѣжавшая жена украла у него 205 рублей, будто-бы переданные ей безъ свидѣтелей, что кража и была единственной причиной ея побѣга изъ тайги. Супруги разошлись окончательно ***).

Объ аналогичныхъ, но еще болѣе рѣзко выраженныхъ обстоятельствахъ разсказывается въ просьбахъ, поданныхъ Томскому губернатору и прокурору проживавшей въ Томскѣ крестьянкой Акулиной Блохиной. Въ 1888 году Блохина выдала свою дочь за раскольника крестьянина Томскаго округа, Ояшинской волости, дер. Макуриной Ивана Гилева. Передъ временемъ совершенія брака Гилевъ согласился перейти въ православіе, но лицемѣрно; онъ отпалъ отъ него лишь только бракъ совершился. Молодые уѣхали въ

*) Рапортъ о. Черницкаго приложенъ къ дѣлу о расколоучителяхъ Нифонтовыхъ.

**) Дѣлъ о совращеніяхъ въ расколъ передъ нами десятки.

***) Дѣло о Силантьевѣ, обвиняемомъ въ совращеніи жены своей въ расколъ и нанесеніи ей побоевъ. № 635. 1889.

деревню, гдѣ отецъ сразу сталъ угнетать и оскорблять молодую, порицая ея вѣру и стараясь этими мѣрами достичь ея совращенія. Къ мѣрамъ отца мужъ присоединялъ свои: тяжелые побои. Молодая женщина два раза убѣгала изъ деревни къ матери въ Томскъ, но возвращалась, когда мужъ являлся съ притворной повинной. Послѣ послѣдняго побѣга совращаемую избили до такой степени жестоко, что съ отчаянія она кинулась въ петлю. Къ счастію, во время успѣли замѣтить и предупредить самоубійство. Испуганная вѣстью о страшно тяжеломъ происшествіи съ дочерью мать Гилевой поскакала въ Макурину и нашла избитую въ такомъ положеніи, что „постороннему больно было на нее посмотрѣть: голова проломлена, волосы вырваны, а тѣло представляло сплошной синякъ;—сильно зашибленная правая рука бездѣйствовала". На упреки Блохиной обращенные къ зятю:—что онъ сдѣлалъ съ женою?—Гилевъ отвѣтилъ, что жена виновата въ томъ, что изъ за нея онъ долженъ былъ передъ вѣнчаніемъ отречься отъ вѣры отцевъ, что „вообще онъ воленъ дѣлать съ нею, что хочетъ. Можетъ даже зарѣзать ее".—По поводу жалобъ матери началось оффиціальное разслѣдованіе отношеній Гилева къ женѣ. Потребовался по этому дѣлу отзывъ со стороны сельскихъ властей. Послѣдніе витіеватою рукою сельскаго грамотея отвѣтили, что изложенное въ жалобахъ Блохиной, „ложь и неправда. Совершеннно очевидно то, что городскіе дѣвочки не могутъ угодить деревенскому быту и состоянію. Отъ своей натуры и природы онѣ имѣютъ желаніе сидѣть не за работой, а за самоваромъ, попивать чаекъ и послаще покушать. Гилева вышла замужъ за кержака, и надо не по своей дудкѣ плясать", а поступать нужно сообразуясь съ требованіями семьи, въ которую *„вступила второю ногою* черезъ законный бракъ". Дѣло Гилева было прекращено производствомъ, такъ какъ черезъ полтара года послѣ жалобъ Блохиной, представленныхъ губернатору и прокурору, она сдѣлала заявленіе, что изложенное въ тѣхъ жалобахъ написано „по недоразумѣнію". Вѣроятно „недоразумѣніе" было вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что Гилевъ былъ сданъ въ солдаты и въ новыхъ условіяхъ своей жизни, вдали отъ родины, не могъ уже достать жены, ушедшей къ матери. Слѣдовательно, преслѣдованіе найдено было безполезнымъ и безцѣльнымъ *).

Но согласимся, что все дѣло Гилевыхъ дѣйствительно возникло по недоразумѣнію. Недоразумѣніе не приложимо къ побоямъ изъ религіозныхъ мотивовъ, нанесенныхъ крестьянской женѣ Сигклетикіѣ Сальниковой и тѣмъ менѣе къ истязаніямъ дѣвицы Варвары Ванѣевой, вовлеченной въ раскольническую семью путемъ самаго наглаго обмана.

*) Дѣло по обвиненію крестьянъ Ивана и Никиты Гилевыхъ по 1489 и 196 ст. Улож. о нак. № 481. 1891 г.

Сигклетикія жаловалась своему отцу, что ей житья нѣтъ отъ постоянныхъ побоевъ со стороны мужа и свекра—крестьянъ Морковскаго выселка Егора Михайлова и Михаила Сальниковыхъ. Они бьютъ ее, какъ и чѣмъ попало, принуждая къ поморству и посѣщеніямъ моленной бр. Нифонтовыхъ, и она чувствуетъ что отъ стѣсненій и побоевъ здоровье ея начинаетъ надрываться. Отецъ Сигклетекіи заявилъ о ея положеніи священнику приходской церкви въ селѣ Пачинскомъ о. Кочетову и Пачинскому сельскому старостѣ, въ вѣдѣніи котораго находится Морковскій выселокъ. Потерпѣвшую допросили на сходѣ. Къ прежнему заявленію, данному отцу, она присоединила показаніе, что мужъ и свекоръ недавно били еще разъ: мужъ таскалъ за волосы и билъ кулаками, а свекоръ колотилъ палкой, и все это за то, что не соглашается изъ православія перейти въ расколъ и настаиваетъ на крещеніи въ православной церкви своихъ маленькихъ дѣтей. Свѣжіе знаки отъ побоевъ были освидѣтельствованы черезъ женщинъ и установлены самымъ положительнымъ образомъ. Позванъ былъ къ допросу мужъ. Какъ и слѣдовало ожидать, онъ отвѣтилъ, что если иногда и билъ жену, то не изъ-за вѣроисповѣдныхъ побужденій, а за то что она говорила ему грубости. Что же касается до того, что не позволяетъ крестить своихъ дѣтей въ православной церкви, то это его „произволъ“, въ которомъ онъ не желаетъ давать отчета никому *).

Перейдемъ къ Ванѣевой. Она вынесла истязаніе за свою православную вѣру, неожиданно попавши въ раскольническую семью Ѳеофилактовыхъ.

Кузнецкій мѣщанинъ Николай Ѳеофилактовъ со всею семьею выѣхалъ изъ г. Кузнецка и поселился на постоянное жительство въ деревнѣ Березовоярской Томскаго округа. Ѳеофилактовы были ярыми представителями поморскаго раскола и никогда и не опускали случая уловить въ свою вѣру постороннихъ **). Двухъ старшихъ сыновей Николай женилъ на православныхъ дѣвицахъ въ томъ разчетѣ, что рано или поздно, но ему непремѣнно удастся перевести ихъ въ расколъ. По словамъ цѣлаго ряда крестьянъ, хорошо знакомыхъ съ бытомъ въ домѣ Ѳеофилактовыхъ, обѣимъ женщинамъ привелось вынести много притѣсненій и обидъ отъ свекра и мужей за несговорчивость на перемѣну вѣры. Одна, болѣе энергичная, устояла въ православіи, даже съумѣла уговорить мужа къ выдѣлу отъ отца для жизни въ другой деревнѣ, другая—стала и *„нашимъ и вашимъ“*. Настала пора женить младшаго сына, Матвѣя. Его выборъ, охотно одобренный родителями, остановился на дородной, красивой и скромной дѣвушкѣ Варварѣ

*) Сельскія власти были изумлены заносчивымъ тономъ, съ которымъ Сальниковъ давалъ показанія, какъ равно его упорствомъ въ нежеланіи продолжать показаніе.—Дѣло бр. Нифонтовыхъ.

**) „Ѳеофилактовы постоянно подговариваютъ въ свою вѣру постороннихъ“.—Показаніе сельскаго старосты.—„Ѳеофилактовы съ своими единовѣрцами не оставляютъ въ покоѣ постороннихъ и многихъ сбили“. Пок. др. свидѣтелей.

изъ бѣдной православной семьи Ванѣевыхъ, проживавшей въ недалекомъ отъ Березовоярской сельцѣ Воскресенскомъ. Зимою 1889 г. Ѳеофилактовы явились сватать Варвару на условіи своднаго брака, но получили рѣзкій отказъ. Мать невѣсты и слышать не хотѣла о бракѣ безъ вѣнчанія въ церкви; не соглашалась на такой бракъ и сама невѣста, хотя противъ личности Матвѣя ничего не имѣла. Но Ѳеофилактовымъ сильно не хотѣлось терять здоровой и тихой дѣвушки и они рѣшили повторить сватовство. Результатъ былъ тотъ-же. Вторичный отказъ разсердилъ раскольниковъ. Выходя отъ Ванѣевыхъ, они пригрозили: „не отдаете добромъ, возьмемъ силой". „Но, —разсказывала мать Варвары, — „мы не обратили на эти слова ни малѣйшаго вниманія", считая ихъ выраженіемъ пустого самохвальства. — Спустя нѣкоторое время изъ Березовоярской явилась въ Воскресенское пожилая дѣвица Авдотья Кипріанова. Она была родной племянницей хорошаго знакомаго Ванѣевыхъ Березовоярскаго крестьянина Коробейникова. Авдотья зашла къ Ванѣевымъ; послѣдніе приняли ее ласково и усадили пить чай. За чаемъ гостья разсказывала, что пріѣхала въ Воскресенское по дѣлу къ овчиннику Аѳанасію, у котораго имѣются на выдѣлкѣ овчины изъ ея дома, и кромѣ того ей дано порученіе просить Варвару къ Коробейниковымъ. „Тетка, т. е. Корабейникова, больна, ребятишки малы: посмотрѣть за ними и за домашностію некому. Сильно просятъ Варвару погостить недѣльку, какъ гостила у нихъ прежде". Родители сочувственно выслушали нужду своихъ добрыхъ знакомыхъ и охотно отпустили дочь съ Авдотьей, неподозрѣвая рѣшительно ничего дурнаго. Дорогой, до выѣзда еще изъ сельца, къ путницамъ подсѣла сестра Матвѣя Ѳеофилактова—Ирина.—Все было подстроено.—Авдотья и Ирина были подосланы Ѳеофилактовыми увести невѣсту обманомъ и въ то время, какъ первая сидѣла у Ванѣевыхъ и за чаемъ вела свои хитрыя рѣчи, другая скрывалась въ домѣ овчинника—раскольника. Удачно заполучивъ жертву въ свои руки, женщины завели разговоръ о недавнемъ сватовствѣ Варвары и о томъ, какъ худо дѣлаетъ она съ матерью, отказываясь отъ родства съ богатымъ домомъ. Въ разговорахъ незамѣтно доѣхали до Березовоярской. Но вмѣсто того, чтобы направить лошадь ко двору Коробейниковыхъ, дѣвушку подвезли къ Ѳеофилактовымъ, гдѣ ее встрѣтили, какъ „жданную гостью" *). Въ домъ вскорѣ набралось много раскольниковъ, приглашенныхъ Ѳеофилактовыми на семейное празднество. Изъ православныхъ былъ позванъ только одинъ—полицейскій сотникъ. Растерявшуюся дѣвушку обступили со всѣхъ сторонъ съ совѣтами и уговорами не противиться браку безъ церковнаго вѣнчанія. „Любить и лелѣять тебя будемъ—говорили Ѳеофилактовы,—только согласись. Охотно повѣнчали бы тебя въ церкви и сейчасъ, да теперь денегъ нѣтъ, а послѣ Пасхи повѣнчаемъ непремѣнно!" Во время

*) Такъ говорила о встрѣчѣ въ домѣ Ѳеофилактовыхъ сама Варвара.

сумятицы этихъ увѣщаній и обѣщаній къ Варварѣ подвели жениха, сложили ихъ руки вмѣстѣ, благословили иконой и хлѣбомъ съ солью, затѣмъ усадили за столъ, объявивъ, что теперь они уже мужъ и жена. Началась обычная пирушка, по окончаніи которой молодыхъ приводили на брачную постель.—„Варвара едва-ли сознавала, что съ ней дѣлали“,—говорилъ о состояніи Варвары за описываемое время очевидецъ—полицейскій сотникъ. „Она растерялась, заговоренная толпой раскольниковъ. Близкихъ около нея никого не было: гдѣ было ей противиться. Попала слѣпо и безсознательно. Какъ во снѣ исполняла чужую волю“.—„Завезли Варвару силою, добавляла это показаніе мать, хорошо знавшая тихій нравъ своей дочери, и „покончили съ нею разомъ, такъ что не дали ей одуматься и рта раскрыть. Была она одна-одинешенька. Что хотѣли, то и дѣлали съ ней Ѳеофилактовы. Скромная и кроткая она отъ природы. Она не въ силахъ была имъ противиться“.

На третій день послѣ брака, заключеннаго такъ оригинально, молодые въ сопровожденіи стариковъ Ѳеофилактовыхъ, поѣхали къ Ванѣевымъ просить прощенія и благословенія. „Какъ громомъ сразило насъ“, предоставимъ опять говорить матери,—„когда мы увидѣли, что дочь и Матвѣй сведены. Но Ѳеофилактовы утѣшали, говоря, что ничего худого не выйдетъ: Варвара обижена не будетъ и безъ вѣнчанія въ церкви не обойдется. Мужъ мой первый сдался на уговоры. Онъ вотчимъ Варварѣ и ему не такъ было жаль дѣвушки, какъ мнѣ. „Куда мы теперь съ нею дѣнемся,—указывалъ онъ,—обабилась она, поддалась—ну такъ и Богъ съ ней. Будетъ—кормилъ, а такую кормить не стану“.—

— „Дѣло наше бѣдное, продолжала Ванѣева, а это имѣли въ виду Ѳеофилактовы и потому такъ смѣло рѣшались обидѣть насъ... Видя, что потерянаго не воротишь, согласилась примириться (съ обидчиками) и я, но съ условіемъ, чтобы Варвара непремѣнно была повѣнчана, иначе нѣтъ ей моего благословенія“.

Варварѣ мать наказывала особо, чтобы стойко держалась своей вѣры и въ вѣру Ѳеофилактовыхъ не уходила.

Примирившись съ обстоятельствами, Ванѣевы угостили молодыхъ и даже выдали имъ посильное приданое.

Варвара, вѣрная наказамъ матери, чѣмъ дальше подвигалось время, тѣмъ чаще напоминала Ѳеофилактовымъ о необходимости приготовленій къ вѣнчанію. Особенно настойчиво она заговорила объ этомъ, когда почувствовала себя беременной. Но именно въ этомъ обстоятельствѣ, такъ тѣсно и крѣпко сближавшемъ молодуху съ новой семьей, Ѳеофилактовы и усмотрѣли возможность дѣйствовать сообразно съ своими намѣреніями прямо и открыто. Рѣзко они объявили Варварѣ, что вѣнчанія въ церкви не будетъ, что войдя въ поморскій домъ, она и сама должна принять поморство и тогда будетъ повѣн-

чана по обряду этой вѣры *). Для молодой женщины настали печальные дни. Съ ней начали обходиться грубо и дерзко;—за несогласіе на перемѣну вѣры ее нерѣдко били. Чтобы ея семейное положеніе по возможности было шито крыто, старались не выпускать молодуху изъ дому. Тѣмъ не менѣе изрѣдка ей удавалось забѣжать къ сосѣдямъ, которымъ она изливала скорбь своего безутѣшнаго состоянія; жаловалась, что Ѳеофилактовы обманомъ заманили ее къ себѣ, обманомъ уговорили жить съ Матвѣемъ, теперь тѣснятъ, бьютъ, и не знаетъ она, что и дѣлать съ собою. Особенно, указывала Варвара, тяжелъ для нея грѣхъ беременности:—„готова была бы повѣнчаться съ кѣмъ угодно“—лишь бы прикрыть этотъ позорящій грѣхъ. Тяжелое положеніе заставило ее обдумывать средства къ побѣгу. Приготовляясь бѣжать, она тайно вынула изъ мужнина ящика свои вещи и припрятала ихъ въ узлу на погребѣ. Свекровь примѣтила спрятанный скарбъ, догадалась о намѣреніи невѣстки, сообщила семейнымъ, и началась дикая расправа. Сначала потребовали у виновной ключъ отъ мужниного ящика для провѣрки въ немъ вещей. Варвара не отдавала. Тогда братъ Матвѣя, Леонтій повалилъ ее на полъ и сдавилъ горло такъ, что несчастная, задыхаясь, выбросила ключъ немедленно. Но ей не дали подняться съ полу. Леонтій ухватился за голову, старуха-свекровь насѣла на ноги, а Матвѣй принялся бить беременную жену плотнымъ бичемъ, сложеннымъ вдвое. Въ срединѣ бичъ имѣлъ вплетенное желѣзное кольцо. Сѣченіе было настолько жестоко, что истязуемая наконецъ впала въ обморокъ. Страшную сцену расправы подсмотрѣли игравшія на улицѣ дѣти, которыя потомъ разсказывали о ней старшимъ**). Между тѣмъ старикъ Ѳеофилактовъ побѣжалъ къ сельскому старостѣ, чтобы въ его присутствіи пересмотрѣть взятыя съ погреба вещи. Несомнѣнно Ѳеофилактовымъ хотѣлось изобразить въ глазахъ посторонникъ дѣло такъ, что били свою молодуху единственно за воровство, хотя старикъ прежде не разъ проговаривался, что давно уже несетъ эпитимію, наложенную односогласниками за то, что не можетъ привести Варвару въ поморство ***). Да и Матвѣй, бичуя жену, приговаривалъ †): «иди въ нашу вѣру, я тебя заставлю

*) Раскольническій безпоповщинскій обрядъ при вѣнчаніи такъ называемыхъ сводныхъ браковъ въ одномъ изъ раскольническихъ дѣлъ описанъ такъ: вѣнчающихся ставятъ противъ аналоя на бѣлый холстъ. На аналоѣ полагаются евангеліе и крестъ. Наставникъ читаетъ молитвы, евангеліе и нѣсколько разъ спрашиваетъ: волей или неволей вступаютъ въ бракъ. Въ концѣ вѣнчанія наставникъ молитвенно оговаривается, что совершаетъ бракъ по нуждѣ за неимѣніемъ священства. Молодыхъ заставляютъ отстоять часы и вечерню.

**) «Бабушка Ѳедора,—разсказывали дѣти,—держала молодуху за ноги, дядя Леонтій за голову, а Матвѣй билъ бичемъ».

***) Крестьяне изъ православныхъ на очной ставкѣ говорили Ѳеофилактовымъ: «всѣмъ извѣстно, что вы совращали Варвару въ расколъ, изъ васъ Николай даже на сходѣ высказывался, что на него одновѣрцы наложили эпитимію на цѣлый годъ: молиться и стоять въ моленной позади всѣхъ за то, что не можетъ совратить Варвару“.

†) „Когда Матвѣй билъ—говорила Варвара,—то приговаривалъ: „убью, если не пойдешь въ нашу вѣру, а что дальше происходило, я не помню—была выбита изъ памяти“.

перекреститься» (принять новое сектантское крещеніе). Староста поспѣшилъ явиться въ раскольническій домъ съ понятыми. Избитая и растрепанная Варвара со всхлипываніями отъ слезъ заявила пришедшимъ, что подверглась жестокому сѣченію за несогласіе принять поморскую вѣру. Пересмотрѣли взятыя Варварой вещи, и оказалось, что она припрятала только свои, данныя ей матерью вещи, не касаясь ничего, что принадлежало Ѳеофилактовымъ. Староста распорядился проводить избитую въ домъ крестьянина Богданова, поручивъ Богдановой съ другими женщинами освидѣтельствовать нанесенные несчастной побои. Когда Варвара выходила изъ избы, разсвирѣпѣвшій Матвѣй накинулся бить ее еще разъ, но былъ удержанъ посторонними:—привелось ограничиться только злобнымъ толчкомъ ногою сзади. Женщины, осматривавшія избитую нашли, что вся спина и ноги исполосованы сплошь, не было ни малѣйшаго мѣста съ бѣлой кожей, „вездѣ слившіеся багровые рубцы, ссадины и просѣки“ съ ясно выраженными знаками отъ металическаго кольца. На спинѣ больная лежать не могла, лежала, согнувшись и уткнувшись лицомъ внизъ. Всю ночь вздрагивала, тяжело охала и стонала. «Мы, показывала Богданова, опасались за ея жизнь».

Пріѣхала изъ Воскресенскаго Ванѣева и, увидѣвъ положеніе дочери, пришла въ великій ужасъ:—„спина была черная, страшно смотрѣть“. Явившись къ Ѳеофилактовымъ, Ванѣева, не распространясь въ безцѣльныхъ упрекахъ, усиленно просила выдать ей Варварины вещи. Ей отвѣтили, что выдадутъ въ томъ только случаѣ, если дастъ подписку, что не будутъ заводить дѣла и жаловаться начальству.—«Да впрочемъ, застращивали Ѳеофилактовы, своей жалобой ты ничего не выиграешь, еще Варвару подведешь подъ отвѣтъ. Вѣнчать ее въ церкви мы не обѣщались. Она добровольно согласилась жить съ Матвѣемъ въ сводномъ бракѣ, а разъ согласилась, то и должна жить. Вѣдь намъ *Государемъ разрѣшено* (!) жить безъ церковнаго вѣнчанія“. Дѣло всетаки началось. Его возбудила сельская полицейская власть. На слѣдствіи Ванѣева указывала засѣдателю, что не находитъ для Варвары возможности оставаться въ домѣ Ѳеофилактовыхъ даже при томъ условіи, если-бы они согласились повѣнчать ее съ Матвѣемъ. «Тогда имъ будетъ воля. Законную жену будутъ бить сколько угодно и принудятъ таки вступить въ расколъ. Устоять ей противъ нихъ будетъ невозможно: больно скромна она, а Ѳеофилактовы—звѣри*)».—Судъ приговорилъ Матвѣя за жестокое обращеніе съ женой къ тюремному заключенію въ исправительномъ домѣ на два года**).

Изъ многихъ характерныхъ показаній по изложенному дѣлу выдающимся по своему содержанію является показаніе одной молодой раскольницы-

*) Кромѣ матери, о добромъ нравѣ Варвары единогласно говорили всѣ знавшіе ее въ Березовоярской.—«Она добрая, скромная и умная, безупречная во всѣхъ отношеніяхъ».

**) Дѣло о Ѳеофилактовыхъ № 87, 1890 г.

поморки, которая была привлечена къ допросу на судебномъ слѣдствіи въ силу очень близкой прикосновенности къ незавидно-устроившейся судьбѣ Варвары. Въ этомъ показаніи ярко рисуется, до какой степени непрочны въ безпоповщинскомъ расколѣ брачныя связи и какъ легко къ обязанностямъ, налагаемымъ бракомъ, относятся даже женщины.

«Родители мои, говорила эта раскольница, исповѣдуютъ поморскую вѣру, по которой любовная связь женщины съ постороннимъ мужчиною ничего не значитъ. Я напримѣръ стала имѣть любовную связь съ разными лицами очень рано. 17 лѣтъ вышла замужъ своднымъ бракомъ за крестьянина Ивана Петрова по фамиліи *не знаю*. Съ нимъ жила всего полгода, въ теченіи котораго имѣла связь со многими, и поэтому не знаю отъ кого забеременила и родила дѣвочку. Съ Петровымъ разошлась и состояла въ связи съ Кипріаномъ Ивановымъ три года. Его бросила и вышла опять своднымъ бракомъ за крестьянина Петра Исаева, съ которымъ живу и по сіе время» *).

Само собою навѣвается предположеніе, что предѣлы *сему времени* не заставили себя ждать очень долго.

Ознакомившись съ дѣломъ Варвары Ванѣевой, невольно приходишь къ раздумью: сколько этихъ Варваръ потонуло въ расколѣ безгласно. Сколько обидъ и притѣсненій надъ православными женщинами, такъ или иначе увлеченными въ раскольническія семьи, утаено въ мрачныхъ глубинахъ захолустной жизни безъ обнаруженія на свѣтъ Божій **)!

Съ какою изворотливостью и вмѣстѣ съ тѣмъ съ какою смѣлостію дѣйствуютъ раскольники при уводѣ православныхъ дѣвушекъ для брачнаго сожительства съ кѣмъ либо изъ своихъ семейныхъ, избѣгая при этомъ церковнаго вѣнчанія,—это, кромѣ случая съ Ванѣевой, показываютъ еще слѣдующіе два примѣра.

Православный крестьянинъ дер. Брюхановой (Кузнецкаго округа) Платонъ Калачиковъ просваталъ въ 1884 году свою дочь Степаниду за молодого торговца—вдовца, изъ д. Сапоговой, Захара Шапошникова. Отецъ жениха Иванъ Шапошниковъ ***) указывалъ свату—Калачникову, что священники приходовъ, къ которымъ принадлежатъ Брюханова и Сапогова, слишкомъ много берутъ за браки—берутъ будто-бы по 50 и по 100 рублей, и поэтому,

*) Сущность показанія передана нами съ буквальной точностію. Имена мы нашли нужнымъ измѣнить. Въ 1889 году, когда дано было показаніе, раскольница имѣла 27 лѣтъ.

**) Одна женщина писала въ прошеніи, что послѣ перехода въ расколъ, она снова хотѣла вернуться къ православію, но семейные тѣснили ее за это намѣреніе и между прочимъ хотѣли сбросить съ сопки, т. е. съ утеса въ Алтаѣ. Впослѣдствіи эта женщина отказалась отъ жалобы на счетъ угрозъ свергнуть ее съ сопки, тѣмъ не менѣе продолжала утверждать, что исповѣдывать православную вѣру семейные ей рѣшительно не дозволяютъ. См. Дѣло объ Останинѣ.

***) Ранѣе судился за совращеніе въ расколъ разныхъ лицъ. Дѣло о повѣнчаніи Шапошникова попомъ Прокопіемъ. № 40. 1890 г.

во избѣжаніе слишкомъ обременительныхъ расходовъ, не лучше-ли было-бы повѣнчать сговоренныхъ въ единовѣрческой церкви города Томска. Калачиковъ, зная тяготѣніе Шапошниковыхъ къ старымъ обрядамъ, ничего не возразилъ на сдѣланное предложеніе. Были взяты паспорты изъ волостнаго правленія, и Иванъ Шапошниковъ повезъ жениха съ невѣстой по направленію въ Томскъ. Но вскорѣ свернули съ этой дороги и поѣхали въ сторону. Невѣстѣ объяснили, что вмѣсто того, чтобы ѣхать въ далекій Томскъ, можно повѣнчаться поближе,—именно въ Суэнгинской единовѣрческой церкви. На самомъ дѣлѣ пріѣхали въ дер. Буранову, гдѣ проживалъ уже извѣстный намъ лжепопъ Прокопій Семеновъ, который и повѣнчалъ Шапошникова и Калачикову въ своей устроенной на подобіе храма моленной въ оградѣ крестьянина Сизикова. Прокопій священнодѣйствовалъ въ ризахъ и возлагалъ на брачущихся вѣнцы. Моленная была полна зрителями свадьбы *). Калачикова была увѣрена, что вѣнчается въ единовѣрческой церкви **). Молодые прогостили въ Бурановой три дня. Самъ Калачиковъ раскрылъ обманъ, вѣроятно, очень скоро. Но онъ примирился съ неустранимостью совершившагося съ дочерью до тѣхъ поръ, пока обстоятельства не вынудили его заявить о надувательствѣ передъ судомъ.—Мы снова встрѣчаемся съ фактомъ возмутительно-звѣрскаго обращенія съ молодой женщиной въ раскольнической семьѣ. Изъ дѣла не видно, чтобы тутъ имѣла мѣсто причина религіозной розни, такъ какъ Степанида аккуратно исполняла раскольническіе обряды. Но Шапошниковы не взлюбили молодуху, били часто и такъ сильно, такъ жестоко, какъ въ пылу гнѣва не всегда позволяетъ себѣ бить животное самый грубый хозяинъ. Ее рвали за волосы, топтали ногами (въ состояніи беременности), сѣкли плетью, колотили не только кулаками, но и полѣномъ и, наконецъ, сильно избитую, почти не имѣющую возможности двигаться, въ зимній холодъ въ одной рубашкѣ выгнали изъ дому безъ позволенія возвращаться въ него. Несчастная подвергалась опасности замерзнуть, если-бы въ ея положеніи не поспѣшилъ принять участіе сердобольный сельскій десятскій ***).

Рѣшеніемъ суда Захаръ Шапошниковъ былъ приговоренъ къ тюремному заключенію на 1 годъ и 8 мѣсяцевъ †).

Другой примѣръ:

Къ крестьянину Салаирскаго рудника (Кузнец. окр.) Кузьмѣ Березовскому пріѣхалъ когда-то давно нѣсколько знакомый ему отставной унтеръ-офицеръ Поповъ, проживавшій довольно далеко отъ Салаира на отдѣльной

*) Тоже дѣло.

**) Это утверждала Калачикова на допросахъ при судебномъ слѣдствіи.

***) Изгоняя отъ себя Степаниду, Шапошниковъ говорилъ ей, что она ему вовсе не жена и нигдѣ въ церкви съ нимъ не вѣнчана. Между тѣмъ фактъ вѣнчанія установленъ даже сознаніемъ самаго попа Прокопія.

†) Дѣло о крестьянахъ Шапошниковыхъ, по описи № 68. 1888 г.

заимкѣ, гдѣ имѣлъ очень хорошее хозяйство. Цѣлью пріѣзда было сватовство дочери Кузьмы—Капитолины—за пріемнаго сына Попова, Ивана, котораго Поповъ привезъ съ собою. Семья Березовскаго православная. Поповы держались раскола, но тщательно укрывали передъ Березовскимъ это обстоятельство. Сватовство умѣло началось тѣмъ, что состоятельный Поповъ одарилъ бѣднаго заводскаго рабочаго, его жену и сына и деньгами, и вещами. Состоялось рукобитье. Спустя два дня Поповъ завелъ лукавую рѣчь съ Березовскимъ на тотъ счетъ, чтобы было бы гораздо удобнѣе и выгоднѣе совершить бракъ не въ Салаирской церкви, а въ Барнаульскомъ соборѣ. Иначе, представлялъ онъ, слишкомъ хлопотливо будетъ съ брачными документами и дорого обойдется ихъ выправка. „Иванъ крещенъ въ Барнаульскомъ соборѣ, да и метрическая запись Капитолины, рожденной въ Барнаульскомъ округѣ (гдѣ прежде жили Березовскіе), должна храниться (будто!) при томъ же соборѣ". Такимъ образомъ въ Барнаулѣ можно повѣнчаться безъ особыхъ хлопотъ, а отъ Салаирскаго причта достаточно взять свидѣтельство о бытіи Капитолины на исповѣди. Березовскій посовѣтовался съ женою и оба нашли, что будущій сватъ говоритъ вполнѣ резонно. Исповѣдное свидѣтельство было взято. Березовскіе благословили и отпустили дочь съ Поповыми, давши ей въ провожатые своего 14-ти лѣтняго сына—Василія. Въ Барнаулѣ Поповы съ невѣстой постоянно уходили куда-то, а Василій, по настоянію Попова, долженъ былъ безотлучно оставаться въ квартирѣ и сторожить лошадей. Черезъ шесть дней брачный поѣздъ вернулся въ Салаиръ и остановился въ домѣ крестьянина Плотникова. Къ Березовскимъ прислали за бѣльемъ для молодыхъ, и началось обычное свадебное гулянье. Поповы уѣхали затѣмъ съ молодой на свою заимку. Вскорѣ послѣ ихъ отъѣзда по Салаиру разнеслась молва, что Капитолина вышла за Ивана невѣнчаной. Березовскіе встревожились. Мать поспѣшила отправиться къ мѣсту жительства новыхъ родныхъ, чтобы изъ ихъ собственныхъ устъ узнать—достовѣренъ-ли слухъ?

Разумѣется, Поповы постарались увѣрить Березовскую, что все—сплетни, что бракъ совершенъ былъ какъ слѣдуетъ, за исключеніемъ того, что на брачившихся не надѣвали вѣнцовъ. „Бракъ вѣнчался не въ соборѣ, какъ предполагалось вначалѣ, поясняла старуха Попова, а въ другой церкви. Церковь еще строится, и брачныхъ вѣнцовъ завести въ ней пока не успѣли". Простодушная женщина успокоилась, тѣмъ болѣе, что фактъ вѣнчанія настойчиво утверждала и ея дочь—Капитолина. Но самъ Березовскій „надоумился" разъяснить дѣло болѣе надежнымъ путемъ. Онъ попросилъ Салаирскій церковный причтъ войти по его дѣлу съ официальнымъ запросомъ къ благочинному церквей г. Барнаула. Благочинный не замедлилъ отвѣтомъ, что брака, о которомъ его запросили, въ Барнаулѣ нигдѣ не было.—По жалобѣ Березов-

скаго началось судебное слѣдствіе*). Его процессъ обнаружилъ, что церковнаго брака дѣйствительно не было нигдѣ. Въ Барнаулѣ Поповы фланировали съ невѣстой по городу для мелкихъ закупокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣроятно, для отвода глазъ Василія, брата Капитолины, при чемъ послѣдней разными обѣщаніями было внушено, чтобы и вида не подавала объ обманѣ, лежавшемъ въ основѣ ихъ Барнаульской поѣздки. Въ отношеніи къ родителямъ Капитолина блестяще исполнила внушеніе не только въ Салаирѣ, но даже, какъ мы видѣли, и на заимкѣ. Впослѣдствіи она и ея мужъ признались, что на заимкѣ они жили такъ, безъ всякаго вѣнчанія**), а когда Поповы переѣхали на новое мѣстожительство въ дер. Жирнову, ихъ повѣнчалъ на дому какой-то заѣзжій раскольническій попъ. При совершеніи обрядовъ вѣнчанія попу прислуживали какихъ-то двое неизвѣстныхъ людей. Увлеченная Поповыми въ расколъ и повѣнчанная раскольническимъ обрядомъ, Капитолина отказалась отъ возврата въ православіе ***).

По даннымъ изложенныхъ дѣлъ передъ нами ясно выступаетъ общій образъ дѣйствій раскольниковъ въ отношеніяхъ къ православнымъ. Эти жестокости, насилія, обманы, при посредствѣ которыхъ старообрядцы вербуютъ себѣ неофитовъ, ближайшимъ образомъ, конечно, должны быть отнесены къ грубости и невѣжеству, царящимъ въ темной раскольнической средѣ во всей полнотѣ ихъ разнообразныхъ проявленій. Но несомнѣнно еще большее значеніе имѣетъ здѣсь принципіальный взглядъ раскольника на православіе. По этому взгляду, православіе ничто иное, какъ еретичество, а въ воззрѣніи раскольника-безпоповца, это еретичество вдобавокъ заполнено духомъ антихриста. Отсюда враждебныя чувства къ православію и соотвѣтствующія мѣры въ обращеніи съ православными, если въ томъ или другомъ случаѣ открывается возможность для практики такихъ мѣръ. Отсюда же и злобно-фанатическія выходки раскольниковъ противъ православія, его представителей и послѣдователей, выражаемыя иногда безъ всякаго повода со стороны послѣднихъ.

Такъ, безъ всякаго внѣшняго повода крестьянинъ-раскольникъ Чудиновъ, проходя въ Барнаулѣ въ день праздника св. пророка Иліи (1889 г.) мимо мучныхъ лавокъ, у дверей которыхъ сидѣли торговцы, произнесъ на св. пророка и святителя Николая такую хулу, что православные не могли выразить ее безъ великаго ужаса †).

---

*) Жалоба изложена въ прошеніи на Высочайшее Имя.

**) Самъ воспитанникъ Попова Иванъ на судебномъ слѣдствіи признался, что „ѣздили въ Барнаулъ для примѣра, будто-бы тамъ повѣнчались, чего на самомъ дѣлѣ не было".

***) Дѣло о Поповыхъ № 944.

†) Дѣло о Чудиновѣ № 39, 1890 г.

Не менѣе рѣзко богохульствовалъ на счетъ православной церкви безпоповецъ села Секисовки крестьянинъ Черныхъ, когда узналъ, что его братъ носилъ своего умершаго ребенка для отпѣванія въ единовѣрческій храмъ*).—

Крестьянинъ Савелій Неизвѣстный озлобленно бранилъ православіе въ присутствіи всего общественнаго схода, собраннаго въ селѣ Верхне—Кулибинскомъ, Каинскаго округа, 5 іюля 1889 г.**)

Раскольникъ Распономаревъ, зашедшій въ день Покрова въ гости къ односельчанину Осипову, поднялъ здѣсь насмѣшки, сопровождаемыя ругательствомъ, когда увидѣлъ, что другіе гости при входѣ въ домъ Осипова молятся на иконы, осѣняя себя крестомъ, сложеннымъ трехперстно***).

Крестьянинъ, держащійся поморскаго согласія, Пушкаревъ (деревни Пушкаревой Барнаульск. округа) въ одинъ изъ пасхальныхъ дней завелъ разговоръ съ православными однообщественниками о св. таинствѣ причащенія, къ коему православные приступали въ истекшія недѣли великаго поста. Въ разговорѣ онъ дошелъ до такого азарта и вмѣстѣ съ тѣмъ до такого поруганія надъ указаннымъ таинствомъ, которое (поруганіе) превосходитъ мѣру всякаго изумленія. Свидѣтели богохульства дали знать о немъ мѣстному благочинному, а послѣдній въ свою очередь долженъ былъ доложить возмутительный фактъ Томскому епископу †).

Въ виду однородности другихъ случаевъ, при которыхъ раскольники выступали съ хулою на православіе, выражаемою публично и притомъ безъ всякаго вызывающаго повода со стороны православныхъ, мы опускаемъ ихъ безъ перечисленія.—Насъ не можетъ не изумлять частая повторяемость такихъ случаевъ по томскимъ селамъ и деревнямъ. Тѣмъ болѣе, нескрыта она отъ взоровъ томскаго сельскаго духовенства. Въ рапортѣ по дѣлу о богохульствѣ Пушкарева о. благочинный писалъ преосвященному Исаакію, что случай съ Пушкаревымъ никакъ не можетъ быть отнесенъ къ разряду единичныхъ. Ему самому доводилось быть свидѣтелемъ подобнаго кощунства. „Въ виду того, что такіе случаи слишкомъ часты и глубоко возмутительны для православнаго чувства, православные жители деревень, въ которыхъ находятся раскольники, *со слезами просятъ архипастырской защиты дорогихъ ихъ сердцу вѣрованій*» †*).

Еще съ большею силою раскольники всегда готовы выразить свою ненависть къ православію и православнымъ при условіяхъ такихъ столкновеній съ православной средой, когда видятъ, что такъ или иначе задѣвается ихъ

*) Дѣло по описи 1022. 1882 г.
**) Дѣло о крестьянинѣ Неизвѣстномъ. № 90, 1890 г.
***) Дѣло о Распономаревѣ № 434, 1891 г.
†) Дѣло о кощунствѣ Пушкарева № 227. 1887 г.
†*) Тамъ-же. Рапортъ благоч. о. Ершова.

неприкосновенность и еще больше цѣлость и неприкосновенность ихъ раскольнической вѣры. Въ источникѣ нашихъ свѣдѣній о расколѣ разсказывается о многихъ происшествіяхъ возмущеній старообрядческаго населенія по разнымъ мѣстностямъ при сборахъ съ него ружной платы въ пользу православнаго духовенства. Такую плату въ качествѣ общественной повинности нѣкоторые изъ раскольниковъ несутъ по одинаковой раскладкѣ съ православными того или иного прихода и, разумѣется, страшно недовольны ею. Они недовольны ею не только потому, что считаютъ ее несправедливымъ для себя расходомъ, но и потому еще, что взносы на содержаніе служителей «еретической» церкви имъ представляются какъ-бы нѣкоторою измѣною своей вѣрѣ, нарушеніемъ ея правилъ объ отношеніяхъ къ еретикамъ *).

Въ августѣ 1886 г. сельскій староста дер. Глушинской (Барнаульск. окр.) во исполненіе распоряженія, даннаго начальствомъ, хотѣлъ было приступить къ описи имущества не задолго передъ тѣмъ уклонившихся въ расколъ крестьянъ названой деревни Кирилла, Павла, Матвѣя и Ѳеодора Жуковыхъ, Осипа Гусельникова, Василія Инюшева, Ивана Упорова и др. Опись была вызвана тѣмъ, что всѣ эти крестьяне отказались отъ уплаты руги въ пользу мѣстнаго причта. Но лишь только староста съ полицейскимъ сотникомъ и понятыми явился къ домамъ раскольниковъ, послѣдніе, собравшись вмѣстѣ и вооружившись кольями, рѣзко и рѣшительно выразили угрозу, что если кто либо осмѣлится коснуться принадлежащихъ имъ вещей, будетъ мертвымъ положенъ на мѣстѣ, что если бы къ нимъ прибылъ волостной старшина, или даже самъ исправникъ, все равно никого не допустятъ до описи безъ вооруженнаго сопротивленія. Это сопротивленіе, добавляли «кержаки», они оказываютъ по силѣ раскольническаго закона **). (Какого?)

По тому-же поводу упорное непослушаніе сельскимъ властямъ оказали крестьяне-раскольники Казанцевскаго Выселка, Чумышской волости ***). А раскольники дер. Санниковой, Бѣлоярской волости, на требованіе платить причтовую ругу съ кольями въ рукахъ отвѣчали односельчанамъ и бывшему съ ними земскому засѣдателю: — „не отдадимъ, а кто тронетъ наше имущество, тому раскроимъ голову. Пускай насъ садятъ въ тюрьмы, гноятъ тамъ, ссылаютъ, снимаютъ головы, присылаютъ солдатъ и стрѣляютъ въ насъ,—мы готовы принять мученическую смерть за вѣру, но останемся непреклонны въ своей вѣрѣ и убѣжденіяхъ и описывать имущество не дозволимъ.» Изъ этихъ словъ убѣждаемся, что уплата руги, въ глазахъ раскольника, не только излишній расходъ, но и нарушеніе цѣлости вѣры. Сопротивленіе Санниковскихъ ста-

*) Если не ошибаемся, отъ обязательствъ ружной платы не освобождаются тѣ изъ раскольниковъ, которые офиціально не отчислились въ расколъ при составленіи послѣдней ревизской переписи.

**) Дѣло о сопротивленіи властямъ Жукова, Упорова и др. № 65. 1887 г.

***) Дѣло о сопротивленіи властямъ раскольн. Казанцевскаго Выселка. № 461, 1888

рообрядцевъ до такой степени возбудило православныхъ крестьянъ, что дѣло готово было разрѣшиться жестокой рукопашной схваткой. Со стороны засѣдателя потребовалось много осторожности и усилій, чтобы предупредить кровавый финалъ *).

Въ иныхъ случаяхъ столкновенія доходили и до такого финала, хотя не въ такихъ размѣрахъ, какъ этого можно было опасаться въ Санниковой. Въ апрѣлѣ 1879 г. Бѣлоярскій волостной старшина описывалъ за неплатежъ причтовой руги имущество у раскольниковъ деревни Бажевой. При этомъ раскольникъ Григорій Бутаковъ, схватившись за вилы, сказалъ старшинѣ: «ты, ваше почтеніе, г. старшина, не ходи ко мнѣ описывать имѣніе, а то я тебя вилами. Съ меня никакой руги и денегъ не слѣдуетъ: я принадлежу къ старообрядческой сектѣ". Вилы изъ рукъ Григорія успѣли вырвать понятые. Послѣ того онъ отошелъ въ сторону, проговоривъ: «ну, что хотите, то и дѣлайте!». Очередь дошла до описи имущества, принадлежащаго другому Бутакову—Игнатію. Когда старшина и понятые вошли на его дворъ, Игнатій съ сыновьями Ѳедоромъ и Леонтіемъ кинулись къ пришедшимъ съ кольями въ рукахъ, которые и не замедлили пустить въ дѣло. Одинъ изъ понятыхъ получилъ сильный ударъ въ голову съ разсѣченіемъ кожи, другіе были зашиблены по спинѣ и по ногамъ. Старшина, „видя что дѣло выходитъ неладное", бросилъ опись и понятымъ велѣлъ разойтись по домамъ**). Въ подобныхъ же обстоятельствахъ, происшедшихъ въ 1888 году въ дер. Песчаной (Бійскаго округа), двое изъ понятыхъ были исколоты вилами, и одинъ изъ раскольниковъ, котораго за буйство хотѣли взять и связать, крикнулъ, чтобы принесли топоръ. Топоръ былъ принесенъ, но во время былъ отобранъ у принесшаго мальчика и закинутъ на крышу сарая въ снѣгъ. Во дворъ, гдѣ это происходило, начали угрожающими толпами собираться раскольники. Сельскій староста приказалъ понятымъ уйти по домамъ немедленно ***).

Извѣстно, что по селамъ и деревнямъ всей Россіи во дни тѣхъ или иныхъ праздниковъ или же во времена, каждый разъ опредѣляемыя особо, принято совершать общественныя моленія, отправляемыя или въ самомъ селѣ или же внѣ его—на поляхъ. По окончаніи общаго молебствія св. иконы нерѣдко обносятся по частнымъ домамъ для отдѣльныхъ молебствій. Это исконное установленіе, имѣющееся вездѣ, существуетъ и въ селеніяхъ Томской епархіи. Понятно, что раскольникамъ, совмѣстно живущимъ съ православными, такія установленія непріятны сами по себѣ; но свою непріязнь они позволяютъ себѣ выражать открыто, когда находятъ, что то, что исполняютъ «нико-

*) См. Постановленіе земскаго засѣдателя г. Егорова въ дѣлѣ о раскольникахъ д. Санниковой, № 318. 1886 г.

**) Дѣло о сопротивленіи властямъ крестьянами Бутаковыми 1882 г. № 38.

***) Дѣло о сопротивленіи властямъ Кулятина и Шведчикова № 112, 1890 г.

ніане», какъ-бы неправильно затрогиваетъ и ихъ, или только еще опасаются, что можетъ затронуть. Раскольничье раздраженіе, возникающее при такихъ условіяхъ, проявляется въ оскорбленіяхъ главнымъ образомъ по отношенію къ православнымъ священно-служителямъ.

Здѣсь еще разъ приходится вспомнить того расколоучителя Абрамова, о которомъ упоминалось выше. 1878 г. 8 ноября, въ день св. архистратига Михаила, священникъ прихода, къ которому приписана деревня Каменская, обходилъ въ ней съ молебствіями дома крестьянъ. Во всемъ облаченіи и съ св. крестомъ въ рукахъ вошелъ онъ и въ домъ Абрамова, тогда еще не считая послѣдняго записнымъ и явнымъ раскольникомъ *). Хозяинъ и всѣ его семейные не захотѣли встать при появленіи православнаго священника, не захотѣли сдѣлать это и тогда, когда священникъ пригласилъ ихъ къ вставанью. Тѣмъ не менѣе онъ началъ молебенъ. Во время служенія присутствовавшіе вели себя такъ, какъ будто ничего не происходило въ ихъ домѣ: сидѣли, разговаривали, щелкали орѣхи, а сынъ Абрамова лежалъ на кровати съ открытыми глазами. Когда служеніе кончилось, Абрамовъ соскочилъ съ лавки, подбѣжалъ къ священнику и запальчиво сказалъ: «ты... (ругательство)», а не священникъ». Священникъ замѣтилъ, что за оскорбленіе, нанесенное ему во время священнослуженія, онъ, Абрамовъ, можетъ отвѣтить очень тяжело. Замѣчаніе вызвало повтореніе ругательства. Священникъ заявилъ объ оскорбленіи прихожанамъ. Рѣшили составить актъ. Во время его написанія Абрамовъ въ присутствіи многихъ односельчанъ не переставалъ издѣваться надъ священникомъ. Передразнивая его службу, онъ махалъ руками и головой, дѣлалъ движеніе туловищемъ: «какъ бы приплясывалъ». Свидѣтели насмѣшки были глубоко возмущены ею **).

Подобное же происшествіе имѣло мѣсто въ деревнѣ Поперечной Корниловскаго прихода (Барнаульскаго окр.). По издавна заведенному въ этой деревнѣ благочестивому обычаю, священникъ 27 іюня 1892 г. отслужилъ для крестьянъ сначала общее молебствіе, а затѣмъ съ иконами сталъ обходить частные дома. Раскольники не задолго предъ тѣмъ переѣхавшіе въ Поперечную взволновались, и подойдя къ священнику, заявили ему: «мы не желаемъ тебя. Ты еретикъ, щепотникъ; иконъ твои не признаемъ. Отъ нихъ нѣтъ никакой благодати. Онѣ не иконы, а просто доски. Убирайся отъ насъ, покуда ты цѣлъ». Православное населеніе деревни само, особымъ

*) Томская консисторія чрезъ благочиннаго спрашивала священника с. Каменскаго:— почему онъ заходилъ съ молебствіемъ къ Абрамову, зная, что Абрамовъ принадлежитъ къ безпоповщинскому расколу? Священникъ отвѣтилъ, что въ бесѣдахъ съ нимъ Абрамовъ нѣсколько разъ говорилъ о своемъ крещеніи и вѣнчаніи въ православной церкви, почему онъ, священникъ, не считалъ его въ то время кореннымъ раскольникомъ, «а признавалъ уклонившимся въ расколъ, каковыхъ въ тотъ день посѣщалъ и дѣлалъ краткія увѣщанія».

**) Дѣло объ оскорбленіи священника Абрамовымъ. № 115. 1879 г.

приговоромъ, просило священника возбудить дѣло о законномъ преслѣдованіи «надругателей, ибо, писали православные въ приговорѣ, оскорбленіе святыни и духовнаго отца въ высшей степени обидило насъ" *).

Раскольница Титкова, въ селѣ Тальменскомъ, произнося ругательства, грозила священнику и богоносцамъ кулаками, когда увидѣла, что шествіе съ иконами въ праздникъ Пасхи приближается къ ея дому**). А въ деревнѣ Лебяжьей Локтевской волости (Бійск. окр.) одинъ изъ раскольниковъ при совершеніи крестнаго хода пародировалъ несеніе св. хоругви несеніемъ вершины дерева, которую не хотѣлъ бросить, не смотря на предупрежденія крестьянъ. А когда, по окончаніи хода, священникъ съ діакономъ зашли отдохнуть въ домъ одного изъ православныхъ жителей Лебяжьей, туда явился другой раскольникъ, завелъ споръ о перстосложеніи. Свое нескладное преніе онъ кончилъ страшнымъ богохульствомъ и кромѣ того тяжелымъ словеснымъ оскорбленіемъ, нанесеннымъ о. діакону***).

Очеркъ проявленій фанатизма въ Томскомъ расколѣ мы должны еще дополнить нѣсколькими разсказами о томъ, до какой степени злобно выражается негодованіе раскольниковъ на православіе съ поруганіемъ ему, когда въ пользу ненавистной православной стороны имъ приводится терять кого либо изъ своихъ. Если сами раскольники вербуютъ въ свою среду новыхъ членовъ между прочимъ при посредствѣ браковъ, то случается, хотя сравнительно рѣже, и наоборотъ:—тѣмъ же путемъ и православные уводятъ раскольницъ въ свои семьи. Но, повторяемъ, православнымъ это удается очень рѣдко, такъ какъ при такихъ обстоятельствахъ расколъ всегда готовъ выступить и выступаетъ на дѣло самозащиты не только энергично, но и чрезвычайно бурно.

Крестьянинъ дер. Баюновой Даніилъ Мѣновщиковъ склонилъ на бракъ съ собою дочь безпоповца Соломина изъ другой деревни Новочесновки. Повѣнчались тайно отъ родителей невѣсты въ православномъ храмѣ. Черезъ нѣсколько времени пріѣзжаетъ въ Баюнову отецъ молодой и начинаетъ уговаривать ее уйти къ нему обратно. Переговоры засталъ мужъ, вернувшійся съ работы. Подозрѣвая въ чемъ дѣло, онъ немедленно побѣжалъ къ сотнику просить его содѣйствія для удержанія жены. Сотникъ явился къ дому Мѣновщиковыхъ и указалъ Соломину, что теперь онъ уже не можетъ увести дочь и удерживать ее въ своей вѣрѣ, такъ какъ она повѣнчана священникомъ въ православной церкви. Соломинъ отвѣтилъ: «захочу, такъ увезу. Не священникъ ее вѣнчалъ, а . . . . , не вѣнцы были у ней на головѣ, а . . .

*) Дѣло по обвиненію крестьянъ Показановыхъ и Шабуровыхъ въ богохуленіи № 362, 1891 г.

**) Дѣло объ Ульянѣ Титковой, № 1692. 1885 г.

***) Дѣло о кощунствѣ крестьянъ: Рыжнева и Трофимова, № 205. 1885.

лукошки!» За кощунственныя слова Соломина хотѣли арестовать, но онъ схватился сначала за полѣно, а затѣмъ за вилы *).

Въ дер. Укропской молодому крестьянскому парню Трофиму Ильиныхъ приглянулась дѣвушка Агафья изъ раскольнической семьи Дорониныхъ. Въ свою очередь и Агафьѣ Трофимъ нравился. Молодые люди сблизились такъ, что не было дня, когда бы они не видѣлись:—«куска не ѣли другъ безъ друга». Условились повѣнчаться и, разумѣется, скрытно отъ родителей Агафьи, такъ какъ знали, что никакими силами ихъ нельзя уговорить на бракъ дочери съ православнымъ женихомъ **). Отецъ Трофима заранѣе съѣздилъ къ приходскому священнику въ село Карпысакъ — разъяснить: можно-ли повѣнчать сына съ 17-лѣтней раскольницей. Священникъ отвѣтилъ, что можно, если невѣста дастъ подписку о своемъ согласіи на принятіе православія. Оставалось устроить договоренную съ невѣстой процедуру ея похищенія отъ родителей. 1885 г. 2 мая, въ праздникъ Вознесенія Дорониныи всей семьей были въ гостяхъ у Ильиныхъ. Возвращались изъ гостей уже въ сумеркахъ. Агафья съ сестрой и провожавшими ихъ дѣвушками, сестрами жениха, шла впереди. Сзади на довольно большомъ разстояніи медленно плелись старики Доронины. Самъ былъ сильно пьянъ, жена вынуждена была вести его подъ руку. Какъ-бы неожиданно къ группѣ дѣвушекъ подскакала запряженная бойкими лошадьми телѣга, въ которой, кромѣ возницы, находились Трофимъ съ братомъ. Агафью усадили и быстро повезли въ Карпысакъ. На другой день утромъ женихъ и невѣста въ сопровожденіи брачныхъ свидѣтелей отправились къ священнику. Здѣсь Агафья заявила о своемъ желаніи присоединиться къ православію и въ знакъ добровольнаго на то согласія при написаніи подписки подала руку сельскому старостѣ и писарю. Въ Карпысакъ прибыли изъ Укропской отецъ жениха, дружка и сваха; въ свою очередь поспѣшила явиться сюда-же и ярая раскольница—мать невѣсты. Когда женихъ и невѣста вмѣстѣ съ свидѣтелями брака и поѣзжанами шли въ церковь, Доронина нѣсколько разъ пыталась подбѣжать къ дочери и кричала: «зачѣмъ, мерзавка, идешь ты въ стаю, въ хлѣвъ. Какъ можно отбивайся и топчи вѣнцы!» Дочь продолжала идти, не отвѣчая ни слова. Во время вѣнчанія мать успѣла пробраться на паперть храма и вновь начала неистово кричать: «что ты мерзавка дѣлаешь? — Ломай, топчи вѣнцы!». Ея буйство остановили крестьяне, собравшіеся на паперть посмотрѣть свадьбу. Послѣ совершенія брака молодые, напившись на своей квартирѣ чаю, отправились домой въ

*) Дочь Соломина все-таки бросила мужа, ушла къ отцу и снова перешла въ расколъ. Дѣло о богохульствѣ Соломина № 154, 1891 г.

**) Женихъ и невѣста, говорилъ одинъ изъ крестьянъ, украдкой уговорились къ вѣнчанію добровольно, невѣста часто видѣлась съ женихомъ, а половину мѣсяца и куска они не ѣли другъ безъ друга. „Агафья, разсказывала сваха, сама согласилась выйти за Трофима и въ видѣ задатка выдала ему платокъ, вообще выходила любя“.

Укропскую, гдѣ спокойно и благополучно отпировали свадьбу. «Агафья, показывали свадебные гости, ни видомъ, ни словомъ ни разу не выразила, что увлечена къ браку силою, помимо своей воли". На третій день пришелъ отецъ молодухи и потребовалъ отъ нея одежду, въ которой поѣхала вѣнчаться. При этомъ онъ упрекалъ дочь за то, что рѣшилась уйти самовольно и спрашивалъ, неужели останется жить у Ильиныхъ навсегда? Дочь отвѣтила: «законъ я приняла, такъ куда-же больше пойду?».—«Ну такъ живи,—какъ червякъ ползай по землѣ» съ гнѣвомъ сказалъ отецъ. Но черезъ три съ половиною недѣли Агафья, постоянно подстрекаемая родителями, убѣжала отъ мужа и немедленно была препровождена въ дер. Желтоногину, «притонъ и разсадникъ поморскаго раскола».

Несомнѣнно она должна была понести въ Желтоногиной очистительную эпитимію во искупленіе «тяжелаго грѣха» сближенія съ православными и отступленія отъ вѣры отцовъ. Возвратившись изъ Желтоногиной, Агафья наотрѣзъ отказалась отъ сожительства съ мужемъ, какъ равно и отъ православія. Ильиныхъ настаивали на ея возвращеніи въ ихъ семью. Началось судебное разслѣдованіе обстоятельствъ брака, при этомъ молодая разсказывала, что въ Карпысакъ «увезли ее насильно, насильно тамъ потащили къ священнику».—„Священникъ спрашивалъ меня: согласна-ли принять бракъ или нѣтъ? И когда я отвѣтила, что нѣтъ, священникъ сталъ высказывать угрозы: «если ты не пойдешь (за Трофима), то тебя посадятъ въ острогъ; вотъ здѣсь и земскій засѣдатель, который сейчасъ же увезетъ тебя».—«Когда привели въ церковь, то присоединяли-ли меня къ православію, спрашивалъ-ли священникъ о моемъ желаніи вступить въ бракъ и даже была-ли я вѣнчана,—совершенно ничего не помню отъ страха".—„Въ домѣ Ильиныхъ меня держали подъ карауломъ и одну никуда не отпускали.—Присоединенной къ православію и вѣнчанной себя не признаю и желаю называться по отцѣ Дорониной, какою была прежде». Сочинительство въ показаніи Агафьи, несомнѣнно продиктованное ей родителями и „добрыми" совѣтниками изъ Желтоногиной, разоблачено самымъ убѣдительнымъ образомъ на очныхъ ставкахъ съ цѣлымъ рядомъ свидѣтелей. Изъ нихъ одинъ говорилъ, что при поѣздкѣ въ Карпысакъ Агафья сидѣла рядомъ съ женихомъ «въ удовольствіи» *), другіе указаніями разныхъ частностей и подробностей ясно раскрыли слѣдователямъ, что молодуха прекрасно сознавала и помнила все, что было у священника предъ вѣнчаніемъ и въ церкви во время присоединенія къ православію и во время вѣнчанія и т. д. Но особенно выразительно было то, что въ присутствіи слѣдователей говорили Агафьѣ съ глазу на глазъ всѣ члены семьи Ильиныхъ:—«Съ добра мы тебя, Агафья Степановна, брали, и все время, пока ты жила

*) Показаніе крестьянина Суворова, бывшаго возницей при поѣздкѣ Трофима и Агафьи въ Карпысакъ для вѣнчанія.

у насъ добромъ тебя держали. Напрасно взводишь на насъ клевету. Побойся ты Господа Бога. Священникъ угрозъ тебѣ дѣлать не могъ и недѣлалъ,—грѣшно клеветать на отца духовнаго. Неужели ты не помнишь, какъ сама разувалась въ церкви (при муропомазаніи). Чрезъ три дня послѣ вѣнчанія приходилъ къ намъ за твоими вещами твой отецъ. Ты сама ему сказала, что буду здѣсь жить. Отъ чего-бы тебѣ тогда не уйти, если ты того постоянно желала. Не то, чтобы тебя запирать на замокъ и караулить, мы тебя напротивъ лелѣяли, какъ малое дитя. Грѣшно, грѣшно тебѣ, Агафья Степановна, взводить такія жалобы на насъ. Можешь-ли ты это сказать, взглянувъ на св. иконы? Вѣдь ты теперь приняла св. крещеніе и законный бракъ, слѣдовательно теперь ты наша, православная христіанка, а не прежняя поморка.—Не мы, а наши слезы заставляютъ изобличать тебя»...

Агафья стояла на своемъ, присоединяя, что ни православной, ни вѣнчанной себя не признаетъ и желаетъ оставаться той-же по отцѣ Дорониной, какою была до замужества *). Навсегда она и осталась въ расколѣ **).

«Убѣгомъ» отъ раскольниковъ-родителей невѣсты уговорились повѣнчаться крестьянинъ православнаго вѣроисповѣданія дер. Мысковъ Тюменцовскаго прихода, Кулундинской волости, Иванъ Дементьевъ Шабуровъ и дочь крестьянина той-же деревни Ивана и Хевроніи Корниловыхъ—дѣвица Анастасія, 22-хъ лѣтъ. Вѣнчаніе происходило въ церкви с. Тюменцовскаго 27 января 1891 года. Отецъ, мать и братъ Анастасьи догадались о ея побѣгѣ для вѣнчанія и кинулись къ храму, прихвативши съ собой своего единомышленника по вѣрѣ Василія Бестужева. Въ оградѣ «кержаки» встрѣтили крестьянина Семена Тюменцева и, подозрѣвая въ немъ пособника Шабуровымъ, принялись его бить; избили до крови. Затѣмъ всѣ они ринулись въ храмъ, но оказалось, что двери извнутри успѣли запереть. Корниловы нашли гдѣ-то толстую лѣсину и начали колотить ею въ двери. Колотили потомъ и въ закрытыя ставнями окна храма и разбили стекло ***). Во все время этого буйства раскольники кричали, ругая церковь самыми непотребными словами. Вѣнчаніе кончилось и кто-то неосторожно отперъ двери. Иванъ и Хевронья Корниловы съ шумомъ ворвались внутрь храма, причемъ Иванъ не снялъ даже шапки, и принялись срывать съ дочери верхнія одежды.

*) Подробное изложеніе показаній на очныхъ ставкахъ см. Дѣло о Дорониной, обвиняемой по 180 ст. уложенія. № 868. 1888.

**) Къ слѣдствію по дѣлу о вѣнчаніи Агафьи съ Ильиныхъ привлеченъ былъ для допроса и священникъ с. Карпысакъ. Чрезъ депутата со стороны духовенства его допрашивали: на основаніи какихъ законныхъ данныхъ онъ совершилъ этотъ бракъ? Священникъ отвѣтилъ, что повѣнчалъ раскольническую дѣвицу, 17-лѣтъ, на основаніи указа Святѣйшаго Сунода отъ 28 октября 1842 г. и I примѣчанія къ 18 § Высочайше утвержденной инструкціи благочиннымъ.—„Въ силу указанныхъ распоряженій, онъ имѣлъ право повѣнчать раскольническую дѣвицу безъ разрѣшенія родителей при условіи ея присоединенія къ православію".

***) Ставни церковныхъ оконъ были закрыты, такъ какъ бракъ совершался вечеромъ.

Крики неистовыхъ ругательствъ церкви и священнику продолжались безумолку. Разумѣется, православные свидѣтели брака старались унять разсвирѣпѣвшихъ и разбушевавшихся раскольниковъ. Но Иванъ одного изъ нихъ сильно ударилъ, а Хевронья вцѣпилась ему-же въ бороду. Обезумѣвшая отъ злобы женщина побѣжала затѣмъ къ алтарю, очевидно, съ намѣреніемъ нанести оскорбленіе священнику, но была удержана вблизи Царскихъ Вратъ, гдѣ успѣла уронить подсвѣщникъ*).

За свое буйство и кощунство Корниловы поплатились двухлѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ **).

Мы извлекли изъ своего матеріала все, что на нашъ взглядъ нашлось въ немъ существеннаго. Можетъ быть нашъ очеркъ будетъ найденъ слишкомъ скуднымъ и по недостатку въ количествѣ выразительныхъ фактовъ, и по неполнотѣ въ изложеніи и освѣщеніи тѣхъ, которые въ немъ имѣются. Предъ нами все-таки хоть краешекъ печальной картины, на полѣ которой жизнь встрѣчаетъ тормазъ въ религіозномъ разномысліи. Прискорбно это разномысліе въ особенности потому, что разъединяетъ людей одной русской крови, живущихъ совмѣстно, имѣющихъ помимо религіозныхъ воззрѣній и того, что условливается ихъ особенностію, одни обычаи и привычки, одни и тѣ-же вѣками воспитанные взгляды и склонности.—Выражаясь по сибирски, „кержаки“ не терпятъ православія и потому невполнѣ пріязненно относятся и къ православнымъ. Часто они не хотятъ съ ними ѣсть и пить и непріятно затрогиваютъ ихъ не только со стороны ихъ вѣрованій, но и разными деталями своего житейскаго склада. Съ своей стороны и православные не чувствуютъ къ кержакамъ особенной симпатіи. Въ ихъ глазахъ раскольники хитры, скрытны и всегда при удобномъ случаѣ готовы причинить имъ, православнымъ, ту или другую непріятность. Крестьянину, нравится, правда, строгость старообрядцевъ въ исполненіи всѣхъ внѣшнихъ, формальныхъ предписаній вѣры, но того-же крестьянина не могутъ не возмущать глумленія раскольниковъ надъ православіемъ, а очень не рѣдко и открытыя ругательства надъ нимъ.—Мы видѣли затѣмъ, что жители одного изъ селеній жалуются, что своими частыми сводными браками раскольники производятъ путаницу въ дѣлахъ ихъ общественнаго порядка, а въ другомъ случаѣ слышимъ заявленіе православнаго населенія деревни, что раскольничьи

*) „Ругали страшно Корниловы церковь, ругали и меня,—разсказывалъ священникъ, жена Корнилова уронила подсвѣщникъ. Словомъ, поступки Корниловыхъ были крайне возмутительны. Я опасался за себя: не быть-бы избитымъ. Корниловы съ семействомъ, какъ равно и крестьянинъ Бестужевъ закоренѣлые кержаки“ (показаніе священника).

**) Дѣло по обвиненію крестьянъ Корниловыхъ въ оскорбленіи святыни, ст. 347. 1891 г.

дѣла *мучаютъ* его*). Большинство нами обозрѣнныхъ судебныхъ дѣлъ возникло именно на почвѣ столкновеній раскольниковъ съ православной средой. Разъединеніе, порождаемое расколомъ, несомнѣнно большое зло въ жизни сельскаго населенія всей Россіи, а въ Томской губерніи, гдѣ расколъ многочисленъ, гдѣ онъ живетъ бойко и задорно, зло этой разладицы должно выступать и выступаетъ съ особою силой. Но если расколъ—большое зло въ чисто гражданскомъ смыслѣ—въ области общественныхъ и бытовыхъ отношеній, тѣмъ болѣе тяжкимъ горемъ является онъ для русской православной церкви. Она раздирается расколомъ, стоящимъ въ противорѣчіи съ ея основною задачею. Идіально-святая задача церкви водворить и утвердить православіе, какъ единственно истинное христіанское ученіе во всѣхъ концахъ земли русской. Русская церковь пламенно желаетъ, чтобы всѣ принадлежащіе или привившіеся къ русской семьѣ исповѣдали и прославляли Бога *едиными устами и единымъ сердцемъ*, чтобы каждый, устраивая свое спасеніе, пользовался тѣми освящающими средствами, которыя во всей полнотѣ церкви вручены свыше. И вслѣдствіе того, что раскольники не только христіане, но и русскіе люди, русской церкви тѣмъ прискорбнѣе ихъ заблужденія, ставшія печальною преградой между ними и ею. Относясь къ послѣдователямъ раскола, какъ къ своимъ недужнымъ или даже отпавшимъ членамъ, церковь давно и усиленно зоветъ ихъ на соединеніе съ собою своими просвѣтительными мѣрами. Въ общемъ труды ея на этомъ поприщѣ не остаются безъ успѣха. Этого успѣха предвидится больше, когда по селамъ и деревнямъ умножатся и окрѣпнутъ церковно-приходскія школы, имѣющія назначеніемъ повысить религіозное образованіе въ русскомъ народѣ. Въ настоящую пору церковь борется съ расколомъ преимущественно при посредствѣ противораскольническихъ братствъ. Для ослабленія томскаго раскола въ Томской епархіи учреждено братство святителя Димитрія Ростовскаго. Но оно выступило на свою дѣятельность только еще недавно и располагаетъ самымъ ограниченнымъ количествомъ противораскольническихъ миссіонеровъ.—Необычайно трудно дѣло этихъ скромныхъ, незамѣтныхъ міру дѣятелей, но въ сферѣ, гдѣ расколъ угнѣздился обильно и крѣпко, гдѣ онъ обнаруживаетъ себя не только смѣло, но по мѣстамъ и временамъ даже до фанатизма бурно, всякая заслуга для его уменьшенія есть большая, патріотичная и святая заслуга.

*) См. уже процитованное на 27-й стр. дѣло о сопротивленіи властямъ со стороны крестьянъ Бутаковыхъ.

ПЕРВЫЙ ЛЖЕЕПИСКОПЪ ВЪ СИБИРИ—САВВАТІЙ.

Представители русскаго, пріемлющаго австрійскую іерархію раскола, обнимая своимъ попеченіемъ «духовное благо» единомышленниковъ, разсѣянныхъ по всему пространству нашего отечества, не хотѣли отстранить отъ своего сердца заботъ и о старообрядцахъ, обитающихъ въ отдаленной Сибири. Долго скорбѣли они безплодно о томъ, что многочисленное сибирское старообрядчество лишено собственнаго епископа и такимъ образомъ представляетъ изъ себя плачевный видъ сиротствующей или вдовствующей церкви. Наконецъ въ одномъ изъ засѣданій Московскаго Духовнаго Совѣта или, по раскольнически, „освященнаго собора“ въ 1862 г. было рѣшено: выдѣливъ изъ Сибири особую епархію, поставить для нея епископомъ іеромонаха Савватія съ присвоеніемъ ему титула «епископа Тобольскаго».

Савватій или, по просту, Степанъ Васильевъ Левшинъ (онъ же Кулаковъ) происходилъ изъ крѣпостныхъ крестьянъ г.г. Демидовыхъ. Еще въ 1850-хъ годахъ онъ удалился въ одинъ изъ потаенныхъ раскольническихъ скитовъ на Уралѣ, здѣсь постригся въ иночество и вскорѣ затѣмъ Саратовскимъ лжеепископомъ Аѳанасіемъ былъ посвященъ въ санъ іеромонаха. Въ званіи іеромонаха Савватія отправили священнодѣйствовать для раскольниковъ-поповцевъ Тюменскаго, Ялуторовскаго, Курганскаго округовъ Тобольской губерніи и Шадринскаго уѣзда Пермской губ. Безостановочно объѣзжая свой колоссально-огромный приходъ, Савватій имѣлъ достаточно времени и опыта, чтобы съ полной основательностью ознакомиться съ характеромъ, бытомъ и нуждами сибирскихъ раскольниковъ и съумѣлъ всецѣло расположить ихъ въ свою пользу. Безъ сомнѣнія—это онъ постоянно указывалъ Московскому Духовному Совѣту неотложную необходимость въ учрежденіи для Сибири особой епископской каѳедры; онъ-же вовремя успѣлъ прибыть въ Москву, когда узналъ, что вопросъ по сему дѣлу вполнѣ назрѣлъ для рѣшенія въ положительномъ смыслѣ. Да и кто лучше могъ замѣстить собою вновь открываемую каѳедру, какъ не кандидатъ, давно жившій въ Сибири и уже пріобрѣтшій у тамошнихъ раскольниковъ широкую извѣстность, тѣмъ болѣе, что за Савватія были лестныя рекомендаціи, представленныя Духовному Совѣту громкими у старообрядцевъ именами лжеепископовъ Аѳанасія и Геннадія.

Хиротонія была совершена торжественно цѣлымъ сонмомъ старообрядческихъ лжеіерарховъ: Пафнутіемъ Казанскимъ, Аѳанасіемъ Саратовскимъ, Онуфріемъ, намѣстникомъ Бѣлокриницкой митрополіи, Софроніемъ Симбирскимъ и Виталіемъ Уральскимъ. Всѣ эти главныя величины раскола подписали настольную для новопоставленнаго лжеархіерея грамоту и пастырское отъ «освященнаго собора» посланіе всѣмъ православнымъ христіанамъ Сибири, т. е. обитающимъ въ Сибири старообрядцамъ. Въ грамотѣ и посланіи говорилось, что хотя Савватію присвоивается наименованіе епископа Тобольскаго, но ему ввѣряется управленіе всѣми сибирскими старообрядцами, которые отселѣ обязываются къ безпрекословному повиновенію ему также, какъ и самъ онъ во всемъ долженъ повиноваться освященному собору, —что хотя резиденціи новопоставленнаго признается г. Тюмень, но онъ не долженъ оставаться на одномъ мѣстѣ, а обязывается къ неустаннымъ разъѣздамъ по сибирскимъ городамъ и селеніямъ для служеній среди пасомыхъ и духовнаго надзора за ними.— Почетное порученіе водворить Савватія на каѳедрѣ вновь учрежденной епархіи Духовный Совѣтъ возложилъ на лжеепископа Казанскаго Пафнутія. Послѣдній проводилъ новопоставленнаго до Тюмени, здѣсь отслужилъ вмѣстѣ съ нимъ первую въ его наствѣ литургію, по окончаніи которой лжеархіереи прочитали обильно собравшимся въ моленную раскольникамъ упомянутыя настольную грамоту и «посланіе православнымъ христіанамъ». Тюменскіе старообрядцы приняли присланнаго къ нимъ перваго архіерея, — хорошо имъ извѣстнаго Савватія, — съ распростертыми объятіями. Ихъ радушіе и ласки не могли его не радовать; — порадовало Савватія и то, что на первыхъ же порахъ его лжеархіерейской дѣятельности ему безъ труда удалось увеличить количество пасомыхъ присоединеніемъ нѣсколькихъ сотъ раскольниковъ, прежде принадлежавшихъ къ бѣглопоповщинскому расколу. Съ другой стороны встрѣтилось не малое огорченіе. Дѣло въ томъ, что вѣсть о прибытіи въ Сибирь спеціально назначеннаго для нея раскольническаго архіерея распространилась быстро и такъ широко, что дошла до слуха высшаго начальства въ Тобольскѣ. А по силѣ дѣйствовавшихъ въ 1860-хъ годахъ узаконеній о раскольникахъ начальство не имѣло возможности допустить не только явныхъ, но и тайныхъ богослуженій «владыки австрійскаго посвященія». Савватію приводилось разсчитывать на свою личную изворотливость и на содѣйствіе въ нелегкомъ дѣлѣ укрывательствъ со стороны пасомыхъ. Довольно долгое время лжеепископъ лавировалъ до такой степени искусно, что полиція, не смотря на самые тщательные розыски, рѣшительно нигдѣ не могла напасть на его горячій слѣдъ, хотя ей нерѣдко доводилось слышать, что Савватій бываетъ и тамъ и тутъ, а всего чаще въ Тюмени. Въ маѣ 1864 года Тюменскому городничему улыбнулась наконецъ удача накрыть Савватія,—накрыть, но не изловить.

Прибывъ откуда-то въ Тюмень, Савватій назначилъ вечеромъ 15-го мая служеніе всенощной, а утромъ на другой день—литургіи. Служенія должны были произойти въ домѣ купчихи П—вой, въ обширномъ залѣ котораго была разставлена походная церковь. Всенощную служили всюду сопровождавшіе Савватія лжеіеромонахъ Питиримъ и лжедіаконъ Памва, а самъ онъ, какъ и подобаетъ архіерею, выходилъ только на литію и для чтенія акаѳиста. По окончаніи богослуженія радушная хозяйка угостила епископа съ его свитою ужиномъ и оставила ночевать у себя. Здѣсь же въ виду ранняго служенія на слѣдующій день остались переночевать и многіе изъ богомольцевъ. Въ 11 часовъ ночи уже всѣ спали, но «не дремалъ,—говорится въ источникѣ излагаемыхъ нами свѣдѣній,—„заклятый врагъ Савватія въ лицѣ Тюменскаго городничаго». Прослышавъ о пріѣздѣ въ свой городъ давно искомаго лжеепископа и назначенной имъ въ домѣ купчихи всенощной, городничій составилъ планъ взять Савватія съ поличнымъ, т. е. въ процессѣ самаго богослуженія. Начальникъ города былъ твердо убѣжденъ, что осторожливые раскольники никакъ не рѣшатся служить засвѣтло, что всенощную непремѣнно начнутъ поздней ночью, но, какъ мы видѣли, ошибся въ разсчетѣ. Полицейскіе съ толпою понятыхъ изъ мѣстныхъ гражданъ подошли ко двору П—вой тихо и осторожно,—окольными путями, дворъ оцѣпили и городничій началъ громко стучать въ крѣпко запертыя двери дома. На вопросъ хозяйки: «кто тамъ?»—послышалось повелительное «отворяйте». «Голосъ для хозяйки былъ знакомый, и она сразу поняла въ чемъ дѣло. Не отпирая дверей, П—ва бросилась спасать церковь со всѣми ея принадлежностями. Въ нѣсколько минутъ ее сняли съ мѣста, свернули и спрятали въ чуланъ. Оторопѣвшіе люди съ Савватіемъ во главѣ собрались въ кучу въ залѣ и съ трепетомъ ожидали, что будетъ, когда отворятся двери. Отъ напора полицейскихъ двери, наконецъ, открылись и, къ ужасу хозяйки и всѣхъ ея гостей, въ комнату влетѣлъ самъ городничій, сопровождаемый служителями, грозно повелѣвал всѣмъ стоять на мѣстѣ и отвѣчать правду, о чемъ спросятъ. Савватій, до сихъ поръ стоявшій съ прочими растерянно настолько, что забылъ накинуть на себя подрясникъ и надѣть сапоги, вдругъ пришелъ въ себя и въ виду явной опасности въ одной сорочкѣ, босой и безъ шапки моментально бросился чрезъ окно во дворъ». Легкой тѣнью промелькнулъ онъ мимо неуспѣвшаго ахнуть стража и скрылся неизвѣстно куда. На другой день полиціи донесли, что на тройкѣ лихихъ коней Савватій промчался по Ирбитскому тракту. Кинулись въ погоню. Но изловить на дорогѣ того, кто умѣлъ изъ рукъ ускользнуть въ домѣ, было почти недостижимымъ дѣломъ. «Владыка» свернулъ съ Ирбитской дороги и ускакалъ въ Москву.

Въ началѣ 70-хъ годовъ онъ снова явился въ Сибирь и на этотъ разъ успѣлъ благополучно добраться до г. Кузнецка (Томской губерніи), но

здѣсь былъ задержанъ и по распоряженію генералъ-губернатора Западной Сибири препровожденъ въ Тулу, такъ какъ лжеепископъ официально уже давно числился купцомъ этого города.

О дальнѣйшихъ посѣщеніяхъ Савватіемъ своей сибирской паствы въ источникѣ, которымъ пользуемся, нѣтъ свѣдѣній. Но несомнѣнно эти посѣщенія повторялись. Невозможно допустить, чтобы лжеархіерей забросилъ пасомыхъ безъ надзора на долгіе годы, тѣмъ болѣе, что при свиданіи съ тюменцами, бывшемъ на подневольномъ пути въ Тулу, онъ далъ имъ крѣпкое слово бывать въ Сибири по возможности чаще *).

Имѣемъ основанія съ вѣроятностію догадываться **), что бывшій первый представитель епископіи сибирскихъ раскольниковъ есть одно лицо съ тѣмъ Савватіемъ, который въ настоящую пору благополучно и пышно священнодѣйствуетъ среди богатыхъ московскихъ старообрядцевъ съ громкимъ титуломъ «архіепископа».

Лжеепископъ Меѳодій, проживавшій въ Выдрихѣ, повторяемъ, былъ преемникомъ Савватія по званію и титулу епископа всей Сибири.

Текстъ священнической грамоты, выданной Савватіемъ своему ставленнику лженону Прокопію Семенову, представляетъ для насъ интересъ въ той своей части, гдѣ грамота содержитъ нѣкоторыя особенности по сравненію съ соотвѣтствующими грамотами православныхъ іереевъ. Эти особенности заставляютъ насъ относить первоначальное составленіе сего текста еще ко времени патріаршества Іосифа. Извѣстно, что тогда духовныя власти усиленно занимались дѣломъ благоустройства въ богослуженіи русской церкви и тогда же строго узаконили единогласіе при богослуженіи въ устраненіе и отвращеніе прежняго безпорядочнаго многогласія, т. е. пѣнія и чтенія разныхъ церковныхъ пѣсней, псалмовъ и молитвъ одновременно двумя или нѣсколькими голосами.

Грамота кромѣ того устанавливаетъ, что въ то время, когда гражданскій законъ относился къ раскольникамъ очень строго, раскольническіе архіереи находили все-таки возможнымъ намѣчать въ своихъ епархіяхъ главные пункты приходовъ, открывать здѣсь храмы, къ которымъ и не стѣснялись опредѣлять лженоповъ для постоянныхъ богослуженій.

Довольно искусно, четко и чисто грамота отлитографирована въ какой нибудь изъ тайныхъ раскольническихъ литографій.

*) Изложенныя свѣдѣнія о Савватіи мы почерпнули изъ статьи о немъ, напечатанной въ Памятной книжкѣ Тобольской губерніи на 1884 г.

**) См. Странникъ, 1894 г. Январь.—Статья: „Въ дебряхъ современнаго раскола“.

Божіею Милостію азъ нижеподписавшійся епископъ по благодати дара всесвятаго и животворящаго духа по власти данной намъ отъ самаго великаго архіерея Господа Іисуса Христа чрезъ святыя и священныя Его апостолы, ихъ намѣстники и преемники благоговѣйнаго его мужа *Прокопія* всецѣло первѣе опаснымъ изстязаніемъ прилежно испытавше и достовѣрными свидѣльствы отъ общества, наипаче же духовнаго его отца, іерея священноинока *Евѳимія*, о немъ увѣрившеся, по обычаю и чину святыя апастольскія восточныя церкви, благословеніемъ и рукоположеніемъ, содѣйствующу тому же животворящему Святому Духу, посвятили мы во іерея *ко храму Покрова* Пресвятыя Богородицы Томской губерніи Барнаульскаго уѣзда въ деревню *Буранову*, и утвердили ему власть тайными святыми совершати человѣка въ жизнь духовную.....

Подобаетъ же ему іерею, по нашему повелѣнію и по его должности, вся порученныя ему священнослуженія въ страхѣ Божіи нелѣностно исправляти и еже о благочиніи службы Божіея и церковнаго пѣнія веліе прилежаніе и тщаніе показывати и *въ два гласа не пѣти и не читати*, дерзающихъ же тако творити строго воспрещати, понеже творяй дѣло Божіе съ небреженіемъ проклятъ есть. Но быти терпѣливу въ молитвѣ и пѣти разумно отъ сердца, елико силъ и некрещати молитвы (sic) ниже что-либо ради человѣкоугожденія творити, яко Богъ разсыпаетъ кости человѣкоугодникомъ. Правила же святыхъ апостоловъ и святыхъ богоносныхъ отецъ седми вселенскихъ и девяти помѣстныхъ соборовъ, иже въ книгѣ *Кормчей и Номоканонѣ* и другихъ священныхъ книгахъ прилежно и часто прочитывати и вся въ оныхъ узаконенная исполняти. Аще же онъ, іерей, начнетъ безстрашно жити или что неприлично священному сану дѣяти, т. е. уныватися или кощунствовати или грабежа и хищенія каковымъ-либо образомъ творити или безчинствовати, запрещеніе іерейства да пріиметъ, дондеже исправится и покажетъ житіе незазорное, благочинное, іереемъ подобающее. Аще же что возбраняющее священству содѣетъ, тогда изверженію сана іерейска подлежитъ....

Дадеся ему сія наша грамота рукою нашею подписана и печать приложена въ лѣто отъ мірозданія 7373 (1864) г. мѣсяца февраля въ 28 день. Память преподобнаго отца нашего Василія Исповѣдника *при церкви Успенія* Пресвятыя Богородицы.

Смиренный Саватій (sic) *епископъ Тобольскій.*

ПОГРѢШНОСТИ.

Страницы.	Строки.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
3	4 сверху	древняго благочестія	„древняго благочестія“
3	8 »	санъ, и титулъ Мееодій	санъ и титулъ епископа „всея Сибири“ Мееодій
5	10 »	дѣло	дѣла.
8	19 снизу	Московско	Московское
12	1 сверху	изъ ихъ волости	изъ своей волости
15	19 снизу	*Силетикіь*	*Силетикіи*
25	8 »	доводилось	довелось
32	32 сверху	крестьянина	крестьянъ.

ЧУДО, КАКЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ОТКРОВЕНІЯ.

(ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦІЯ)

Проф. Д. Бѣликова.

Исторія Богомъ даннаго людямъ Откровенія неразрывно связана съ чудомъ. Содержащія въ себѣ Богооткровенное ученіе священныя книги Библіи намъ такъ часто говорятъ о чудесахъ. Чудеса имѣли много мѣста въ исторіи Откровенія ветхозавѣтнаго. Обиліемъ чудесъ открывается новозавѣтное время при жизни его Божественнаго Основоположителя; знаменія и чудеса особеннымъ образомъ отмѣтили собою и первые дни христіанской церкви, (въ періодъ проповѣдническаго служенія апостоловъ)*).

Сомнѣніе соблазняется чудомъ и готово его отвергнуть, невѣріе отрицаетъ чудо рѣшительно и безусловно. Наша задача посильно раскрыть, насколько въ данномъ случаѣ резонны сомнѣніе и невѣріе, и можетъ ли вѣра въ чудо, какъ принадлежность Откровенія, разсчитывать на опору для себя въ доводахъ разума, непредубѣжденнаго, не подкупленнаго уже заранѣе въ пользу той или иной изъ отрицающихъ теорій.

Прежде чѣмъ начать аргументацію къ намѣченномъ направленіи, намъ необходимо остановиться на опредѣленіи: что такое чудо по смыслу священно-библейскихъ книгъ, которыя о немъ повѣствуютъ, и чѣмъ характеризуется оно въ отношеніи къ своей конечной цѣли? Библейское чудо—это событіе дивное, изумляющее и поражающее, находящее свое объясненіе въ чрезвычайномъ явленіи Божественнаго могущества. Можно указать не мало примѣровъ, когда въ чудесный актъ, привходятъ въ качествѣ служебныхъ естественные дѣятели и силы, но всегда съ результатомъ, за которымъ нельзя не видѣть мановенія Божественнаго перста. Руководимый указаніями верховной Воли Моисей, сложивши съ евреевъ иго египетскаго рабства, привелъ ихъ къ берегу Чермнаго моря. Далѣе идти было невозможно. Народъ, въ виду грозной погони за нимъ фараона со всѣми его боевыми силами, находился въ ужасномъ смятеніи. Но вотъ, по молитвѣ Моисея, поднялся сильный вѣтеръ. Онъ не переставалъ дуть всю ночь. Вѣтеръ обнажилъ дно моря, какъ бываетъ оно обнажено при отливахъ, и евреи спасены**). И это было чудомъ. Чудес-

---

*) Дѣян. Апостол. 5, 12.

**) Исход. 14.

ное здѣсь въ томъ, что явленіе вѣтра и имъ обусловленнаго отлива послѣдовали именно въ то время, когда покровительствуемый Богомъ народъ находился въ критическомъ состояніи. Явленія дождя и грома, конечно, явленія всецѣло естественныя даже тогда, когда происходятъ въ необычное время года. Но если они были даны въ качествѣ напередъ предсказаннаго Самуиломъ знаменія для вразумленія людей,—потребнаго въ извѣстный, опредѣленный моментъ, то эти естественныя явленія становятся сверхъестественными *). Въ минуты смерти Спасителя землетрясеніе совпало съ событіемъ затмѣнія. Сочетаніе землетрясенія съ мрачнымъ видомъ неба наблюдалось не разъ и можетъ быть признано вполнѣ физическимъ феноменомъ, но когда это произошло одновременно съ послѣднимъ вздохомъ висящаго на крестѣ Богочеловѣка, когда при этомъ еще завѣса въ Іерусалимскомъ храмѣ раздралась на двое сверху до низу и *многія тѣлеса усопшихъ святыхъ возстали*, то уже здѣсь нельзя разсуждать на неблагодарную тему о простой случайности **). Въ огромномъ ряду другихъ чудесъ обычные естественные факторы также не устраняются отъ дѣйствія, но ихъ дѣйствіе идетъ необычайнымъ, ускореннымъ процессомъ, и въ результатѣ неизъяснимое, дивное. Таково большинство чудесныхъ исцѣленій, таково чудо съ изсохшей смоковницей. Такія же чудеса, какъ претвореніе воды въ вино, хожденіе по водѣ, воскрешеніе мертвыхъ и т. под. стоятъ безусловно *внѣ* и *сверхъ* силъ и законовъ природы, почему и называются чудесами *абсолютными*. Во всякомъ случаѣ, въ каждомъ изъ чудесъ есть непремѣнно неизъяснимый, сверхъестественный элементъ, безъ котораго чудо не было бы чудомъ,—тотъ именно элементъ, который заставляетъ возводить чудо къ его исключительному верховному виновнику—Богу.

Какъ дѣйствіе, имѣющее свою причину въ чрезвычайномъ обнаруженіи Божественнаго могущества, чудо непремѣнно должно быть направлено къ цѣлямъ высшаго порядка. Таковы цѣли религіозно-нравственнаго характера. Всѣ библейскія чудеса разсчитаны на содѣйствіе людямъ въ ихъ движеніи къ религіозной истинѣ и въ трудномъ для нихъ дѣлѣ усовершенія своего нравственнаго бытія и состоянія. Чудеса, шедшія къ человѣку отъ Бога, должны были приводить человѣка къ Богу, въ Коемъ его истинная жизнь, его дѣйствительное благо и счастіе. Въ каждомъ изъ чудесъ Богъ дѣйствіемъ вѣщалъ о Себѣ человѣку: *Я Господь Богъ твой;—возлюбиши Господа Бога твоего отъ всего сердца твоего, отъ всея души твоя и отъ всея силы твоея* ***). Человѣкъ, съ своей стороны долженъ открыть свое мысленное око, внять дивному призыву съ отвѣтомъ на него: да, Ты мой Богъ,—для своего наивысшаго блага Тебя я долженъ познавать и познавать для того, чтобы Тебя возлю-

*) Царствъ 12, 16.

**) Сн. Христіан. апологетика проф. Рождественскаго ч. II, стр. 167—168.

***) Второзак. 6,5.

бить и за Тобою слѣдовать! Нельзя указать въ Библіи чуда, которое стояло-бы внѣ религіозно-нравственной цѣли приведенія людей къ Богу для служенія Ему, хотя на сторонѣ человѣческой свободы чудо не подавляетъ возможности слѣдовать чудному внушенію или противодѣйствовать ему упорствомъ и ожесточеніемъ. Предъ нами цѣлый рядъ чудесъ, называемыхъ египетскими казнями. Ближайшимъ образомъ казни были ниспосланы для того, чтобы смягчить сердце фараона, не желавшаго отпустить евреевъ изъ Египта, не смотря на всѣ настоянія Моисея. Но за этою ближайшею цѣлію мы усматриваемъ другую высшую,— выраженную самимъ Богомъ въ словахъ: *да узнаютъ* (погрязшіе въ идолопоклонствѣ) *Египтяне, что Я Господь* *).— *Покажу славу Мою на фараонѣ и на всемъ войскѣ, на колесницахъ и на всадникахъ его, да узнаютъ всѣ египтяне, что Я Господь*—изрекъ Господь и по отношенію къ тому чуду, когда фараонъ, невнявшій велѣніямъ свыше, со всѣмъ войскомъ своимъ погибъ въ волнахъ Краснаго моря **). Но тѣ же самыя чудеса и для израильтянъ должны были служить разительнымъ доказательствомъ, что Тотъ, Кто чудно изводилъ ихъ изъ Египта, есть Іегова, —единый истинно Сущій. Знаменія, совершенныя въ Египтѣ, должны были усилить и укрѣпить вѣру и надежду израильтянъ на Іегову при самомъ же началѣ того фазиса въ ихъ исторіи, когда Онъ принялъ ихъ въ Свое особенное покровительство и благоволеніе. Память о тѣхъ чудесахъ очевидцы евреи обязаны были хранить не только для себя, но перенести ее въ свое отдаленное потомство. *Ты*, говорилъ Богъ Моисею, а въ его лицѣ и каждому изъ евреевъ, *долженъ разсказать сыну твоему и сыну сына твоего о томъ, что Я сдѣлалъ въ Египтѣ и о знаменіяхъ Моихъ, которыя Я показалъ въ немъ, чтобы вы знали, что Я Господь* ***). Едва ли нужно говорить, что чудеса, явленныя Богомъ для израильтянъ въ періодъ ихъ странствованія въ пустыни, всѣ запечатлѣны характеромъ воспитательныхъ мѣръ то строгихъ и даже грозныхъ, какъ требовали того упорство и строптивость огрубѣвшаго подъ игомъ египетскаго рабства народа, то отечески благостныхъ и милостивыхъ, когда народъ не выступалъ изъ предѣловъ послушанія педагогически направлявшей его волѣ или же когда искренно оплакивалъ фактъ своего неповиновенія и противленія. Но опять таки высшимъ назначеніемъ этихъ, какъ и всѣхъ, когда либо совершенныхъ въ исторіи израиля чудесъ, является то, чтобы израиль крѣпко держался Іеговы и только Его Одного, ходилъ предъ Нимъ прямо, служилъ Ему въ правдѣ и чистотѣ, не позволяя себѣ ни на шагъ уклоняться въ слѣдъ боговъ чуждыхъ и ложныхъ. О Іеговѣ, единомъ, истинномъ Богѣ должны были знать не одни евреи.

*) Исход. 7, 5.
**) Исход. 14, 17—18.
***) Исход. 10, 2.

служеніе происходило въ обширной моленной, гдѣ была разставлена походная шелковая церковь. Меѳодій одѣвался въ полное, блиставшее новизной, архіерейское облаченіе и служилъ при участіи лжедіакона изъ мѣстныхъ-же крестьянъ. Пѣли на обоихъ клиросахъ пѣвчіе изъ мужчинъ и женщинъ. Послѣ ряда богослуженій въ родномъ селѣ, Меѳодій пожелалъ отслужить въ сосѣднихъ деревняхъ: Большой Рѣчкѣ, Быструхѣ, Пихтовкѣ и Александровкѣ. Въ послѣдней служеніе вышло особенно торжественно, такъ какъ за этимъ служеніемъ Меѳодій, кажется, въ первый разъ воспользовался своимъ мнимымъ правомъ на совершеніе тайны священства. Былъ поставленъ въ попа крестьянинъ д. Александровки Аѳанасій Бояриновъ*). Да и вездѣ богослуженіе производило сильное впечатлѣніе, поражая присутствовавшихъ невиданностію церемоній и красотою архіерейскаго облаченія. „На епископѣ-то шапка-то какая,—вся въ золотѣ и крестахъ. А ризы?—Ризы и сказать нельзя, какъ хороши,“—выражалъ свой сладостный восторгъ одинъ изъ крестьянъ деревни Быструхи. Самъ Меѳодій называлъ свое служеніе *святолѣпнымъ* и двери моленной широко отворялъ не только для раскольниковъ, но для единовѣрцевъ, какъ равно и православныхъ, зазывая на святолѣпную службу всякаго безъ различія.

Открытая и свободная дѣятельность лжеепископа воодушевила старообрядцевъ мыслію, что въ религіозныхъ дѣлахъ имъ дозволено теперь все, что начальство признало ихъ вѣру правой. Руководствуясь этимъ соображеніемъ, они безъ стѣсненій вынесли изъ устроенной въ Выдрихѣ единовѣрческой часовни всѣ церковныя вещи въ моленную Якимова, часовню заперли и ключъ передали лжедіакону**). Единовѣрцы не возражали, какъ-бы не находя въ дѣйствіи старообрядческихъ односельчанъ ничего произвольнаго и ничего противозаконнаго. Меѳодій продолжалъ служить въ Выдрихѣ неопустительно каждый воскресный и праздничный день, ставя за своими служеніями поповъ и діаконовъ для своей многочисленной паствы. Онъ же самолично исправлялъ и частныя требы опять безъ разбора для всѣхъ, кто бы къ нему за этимъ дѣломъ ни обратился. Закономъ строжайше воспрещено раскольническимъ наставникамъ совершать требоисправленія для людей, не принадлежащихъ расколу. Но для Меѳодія это запрещеніе какъ-бы не существовало. „Какой я буду пастырь, если буду отталкивать отъ себя приходящихъ ко мнѣ“ ***)—говорилъ лжеепископъ одному изъ единовѣрцевъ, явившемуся съ просьбой къ нему о повѣнчаніи сына. Меѳодій повѣнчалъ. Повѣнчаній на ряду съ старообрядческими единовѣрческихъ паръ въ его моленной было произведено очень много †).

*) Изъ рапорта свящ. с. Секисовки.—Дѣло № 65. 1891 г.

**) Донесеніе священника о. Ливанова отъ 5 іюля 1886 г.

***) Показаніе крестьянина Христоф. Ларіонова.

†) Списокъ единовѣрческихъ браковъ, повѣнчанныхъ лжеепископомъ—см. журналъ Том. Дух. Консисторіи по дѣлу о Меѳодіи.

Крестьяне единовѣрческой деревни Екатерининской Безпаловъ и Раченковъ сосватали невѣстъ первый за пасынка, второй за сына. Для переговоровъ по поводу задуманныхъ вѣнчаній названные крестьяне отправились къ приходскому священнику въ с. Шепуновское. Священникъ вынужденъ былъ отклонить оба брака, такъ какъ въ одномъ случаѣ жениху недоставало цѣлаго года до совершеннолѣтія, въ другомъ—между сговоренными нашлось близкое родство. Но крестьяне уже потратились. Извѣстно, что расходовъ, вызываемыхъ обычаями сватовства, въ крестьянствѣ не мало. Безцѣльныхъ затратъ было жаль. Оба хозяина поѣхали въ Выдриху къ „преосвященному“ Меѳодію. Къ ихъ величайшему удовольствію, „преосвященный“ уладилъ дѣло безъ всякихъ затрудненій. Были обрачены обѣ пары и при томъ за недорогую плату *). Такимъ образомъ епископъ не находилъ нужнымъ стѣсняться препятствіями, какія на счетъ брачныхъ заключеній указаны въ законѣ. Можно указать нѣсколько и другихъ случаевъ, когда Меѳодій смѣло рѣшался на вѣнчаніе жениховъ 17 и даже 16 лѣтъ**). Не могло остановить его рвенія къ совершенію таинства брака надъ единовѣрцами даже то обстоятельство, что разъ жениха и невѣсту привезли въ моленную въ сильно неприглядномъ, пьяномъ видѣ***).

Въ документахъ, которыми пользуемся, говорится преимущественно о дѣятельности Меѳодія въ Выдрихѣ и окрестныхъ деревняхъ. Но понятно, что вліяніе епископа, поставленнаго для старообрядцевъ всей Сибири, не могло ограничиться такимъ малымъ райономъ. За недостаткомъ матеріала мы не имѣемъ возможности очертить это вліяніе во всей его полнотѣ. Но его твердо устанавливаетъ во 1) то, что Меѳодій, какъ уже упомянуто, имѣлъ сношеніе съ Барнаульскими раскольниками, вполнѣ признававшими его епископскій авторитетъ †). Затѣмъ, одна изъ свидѣтельницъ, допрошенныхъ по дѣлу Якимова, показала, что видѣла въ его домѣ собраніе *многихъ поповъ*, несомнѣнно подчиненныхъ ему и прибывшихъ въ Выдриху для совмѣстнаго съ епископомъ обсужденія какихъ-либо дѣлъ, имѣющихъ значеніе для всего сибирскаго старообрядчества †*). Наконецъ, среди документовъ, относящихся къ Меѳодію, имѣется его пастырское посланіе, адресованное старообрядцамъ австрійскаго согласія, имѣющимъ жительство въ отдаленномъ Якутскѣ. Достаточно одного этого посланія, чтобы видѣть до какой степени смѣло и широко раскинулъ Меѳодій свою пастырскую юрисдикцію.

*) За повѣнчаніе пасынка Безпалова Меѳодій взялъ всего семь рублей.

**) Семнадцати лѣтъ былъ повѣнчанъ крестьянинъ единовѣрецъ Василій Богатыревъ, шестнадцати - барнаульскій мѣщанинъ Петръ Черныхъ.

***) Собственное признаніе повѣнчанныхъ крестьянъ С.....хъ.

†) Сношенія съ барнаульскими раскольниками доказываются, кромѣ переговоровъ Меѳодія съ ними по дѣлу о перемѣщеніи своей резиденціи, еще тѣмъ, что Меѳодій обвѣнчалъ нѣсколькихъ Барнаульскихъ мѣщанъ.

†*) Показаніе крестьянки Евдокіи Терентьевой.

примѣняемое въ исторіи человѣка и человѣчества, когда выступаютъ мотивы чрезвычайной въ немъ потребности.

Если идущее отъ Бога чудо всегда цѣлесообразно, если оно назначется на содѣйствіе человѣку въ сферѣ его высшихъ интересовъ духовно-нравственнаго свойства, то понятно, что чудо не могло и не можетъ быть эффектомъ для эффекта, зрѣлищемъ для зрѣлища. Въ каноническихъ евангеліяхъ замѣчается не разъ, что высшій на землѣ Носитель чудотворной силы—Спаситель какъ бы удерживалъ проявленіе чуда, когда не предвидѣлъ нравственнаго отъ него плода ни для кого изъ его свидѣтелей. Вызываетъ Христа на чудесное о себѣ заявленіе діаволъ при искушеніи въ пустыни и слышитъ отвѣтъ: *отойди отъ Меня сатана* *). Въ началѣ своего проповѣдническаго служенія Спаситель встрѣтилъ отрицаніе своей проповѣди въ своемъ отечественномъ Назаретѣ. *И дивился Іисусъ*, передаетъ св. Маркъ, *невѣрію* жителей Назарета *и не могъ сотворить тамъ никакого чуда; только на немногихъ больныхъ возложивъ руки, исцѣлилъ ихъ* **). *Вы просите и ищите знаменій*, говорилъ Господь упорствовавшимъ въ невѣріи Іудейскимъ начальникамъ, *но не дастся вамъ знаменій, кромѣ знаменія Іоны пророка* т. е. кромѣ чуда воскресенія***). Совершенія чего либо изумляющаго ждалъ отъ Христа Иродъ, когда Христосъ во время своихъ страданій былъ приведенъ къ нему отъ Пилата, но чуда для скучающаго, пресыщеннаго эпикурейца не послѣдовало, и Господь отданъ былъ на поруганіе †). О чудесахъ безцѣльныхъ, чудесахъ, какъ праздныхъ диковинкахъ очень много повѣствуютъ апокрифическія евангелія, почему Церковь и отвергла ихъ, какъ повѣствованія измышленныя, извращающія и принижающія великое достоинство и дѣло нашего Искупителя. Цѣлесообразность чуда по отношенію къ дѣлу спасенія человѣка всегда вообще служила критеріемъ для опредѣленія дѣйствительнаго чуда. Чудо не только вредное для религіозно-нравственнаго состоянія, но и безразличное къ сему состоянію не можетъ быть признано истиннымъ чудомъ. Извѣстный противникъ христіанства языческій философъ Цельсъ, нападая на христіанъ за почитаніе Христа, какъ Бога, съ упрекомъ указывалъ, что языческій мудрецъ Аристей совершилъ чудесъ не менѣе Христа, однакожъ язычники никогда не соглашались на его обоготвореніе. Отвѣчавшій Цельсу Оригенъ сомнѣвается въ достовѣрности чудесъ, приписываемыхъ Аристею, но если бы эти чудеса и были, какую пользу, спрашивалъ древній апологетъ, принесли они человѣчеству,—гдѣ оставленные ими слѣды? Между тѣмъ, по словамъ Оригена, на чудесахъ Іисуса Христа основалась Церковь, а черезъ нея и въ

*) Мато. 4 гл.
**) Марк. 6, 5.
***) Марк. 8, 11—13. Лук. 11, 29—30.
†) Лук. 23, 8—11.

ней дано людямъ спасеніе*). Словомъ чудо, въ которомъ нельзя усмотрѣть нравственно-благой для человѣка цѣли, не есть истинное чудо и его источникъ не есть Богъ**).

Дивное дѣйствіе Божественнаго могущества, назначенное на содѣйствіе человѣку въ достиженіи его высшаго блага, и по способу совершенія, по своей формѣ, должно быть достойно и величія своего дѣятеля и высотѣ своей цѣли. Мы отвергаемъ и должны отвергнуть чудеса языческихъ миѳовъ не только потому, что они чужды высокаго, а часто и всякаго нравственнаго элемента, не только потому, что въ сущности они ведутъ ко злу, устанавливая и поддерживая ложныя формы религіознаго сознанія, но и въ силу того еще, что формою своего исполненія они слишкомъ оскорбительны для величія Живущаго на небесѣхъ и для серьезности здраваго человѣческаго смысла. Не видимъ нужды исчислять примѣры подобныхъ чудесъ, въ громадномъ множествѣ имѣющіеся въ миѳологіяхъ даже культурныхъ народовъ язычества. Но вотъ чудеса, взятыя изъ буддизма. Вѣдь безъ улыбки нельзя читать о чудѣ буддійскаго святого, который, по сказанію Даронаты, умѣлъ безцѣльно извлекать молоко отъ коровы, нарисованной на стѣнѣ***). Не лучше, если не хуже чудо самаго Будды. Его родственники не хотѣли воздать ему должнаго почтенія. Будда подумалъ: мои родственники не хотятъ оказать мнѣ чести, но я научу ихъ этому. Онъ научилъ тѣмъ, что поднялся на воздухъ и сыпалъ на ихъ головы пыль со своихъ сапогъ. По образу своего „великаго“ учителя подобное же дѣло совершилъ и его ближайшій ученикъ Сагатта. Въ присутствіи 80,000 свидѣтелей Сагатта поднялся на воздухъ, прискакивалъ и опускался въ атмосферѣ, садился и испускалъ дымъ и огонь. Видѣвшіе воскликнули: поистинѣ это удивительно, это чудно†)! Въ свою очередь мы должны воскликнуть: поистинѣ это низменно, пошло и нелѣпо! А таковы почти всѣ чудеса буддизма, большая часть чудесъ мухаметанства и еврейскаго талмуда. Совершенно иное впечатлѣніе получается, когда читаемъ о библейскомъ чудѣ, прочитываемъ сказаніе о немъ въ самомъ источникѣ. Библейское сказаніе о чудѣ необыкновенно просто и естественно, самое чудо выступаетъ предъ нами въ ореолѣ святости и величія, и въ сердцѣ, надъ которымъ не тяготѣетъ вліяніе предубѣжденнаго ума, не можетъ не вселить благоговѣйнаго чувства. Когда приходится сравнивать знаменія Откровенія съ чудесами ложныхъ религій, невольно переживается впечатлѣніе рѣзкаго, непріятнаго диссонанса. Но устраняя собственное впечатлѣніе,

*) P. Schanz. Apologie d. Christenthums. 2 Theil. *Das Wunder.*

**) *Если возстанетъ среди тебя пророкъ или сновидецъ и представитъ тебѣ знаменіе или чудо, и сбудется то знаменіе или чудо, о которомъ онъ говорилъ тебѣ и скажетъ притомъ: пойдемъ въ слѣдъ боговъ иныхъ... и будемъ служить имъ, то не слушай словъ пророка сего или сновидца сего...* Второз. 13, 1—4.

***) *Еписк. Хрисанѳъ.* Религіи древняго міра. Буддизмъ.

†) *Вѣра и Разумъ.* 1887. Т. I, ч. I. Буддійскія легенды и евангелія.

одного попа почти непосильный, что его начальствомъ признана необходимость разбить этотъ приходъ на два, и для того уже сдѣлано распоряженіе. Думаемъ, что распоряженіе не осталось безъ соотвѣтствующаго исполненія*). Одновременно съ Прокопіемъ между Томскими старообрядцами австрійскаго толка дѣйствовалъ еще лжепопъ Степанъ Никифоровъ *Шумихинъ*. Онъ проживалъ въ томъ же Барнаульскомъ округѣ, Бѣлоярской вол., въ деревнѣ Полковниковой (Легачево тожъ). Отсюда часто посѣщалъ г. Барнаулъ, гдѣ между прочимъ находилъ пріютъ у мѣстнаго купца А... О Шумихинѣ возникло дѣло по поводу совершеннаго имъ браковѣнчанія раскольника съ православной. Дѣло тянулось долго. На требованіе властей о высылкѣ обвиняемаго изъ Полковниковой для допроса въ Барнаулъ крестьяне этой деревни (замѣчательно, что большинство ихъ по фамиліи *Полковниковы*) не разъ отвѣчали: „Шумихина дома нѣтъ и гдѣ находится—неизвѣстно“. Но когда лжепопъ все-таки былъ отысканъ и наконецъ допрошенъ, онъ наотрѣзъ отказался отъ всякой соприкосновенности съ фактомъ преступнаго дѣянія. Обвѣнчанные энергично его поддержали. Дѣло кончилось безъ послѣдствій для ловкаго Шумихина **).—Кромѣ поповъ, пріуроченныхъ къ извѣстному опредѣленному приходу, въ сибирскомъ и въ частности томскомъ старообрядчествѣ то и дѣло встрѣчаются попы бродячіе, заѣзжіе. Въ своемъ матеріалѣ мы нашли неоднократныя указанія на такихъ поповъ и очень нерѣдко съ поясняющимъ добавленіемъ, что въ Сибирь жалуютъ эти гости изъ дальней Москвы. Очевидно, что пресловутое МосковскоРогожское кладбище не оставляетъ своимъ нежелательнымъ попеченіемъ даже отдаленныхъ частей нашего отечества.

Само собою понятно, что своихъ вожаковъ имѣютъ и послѣдователи безпоповщинскихъ сектъ. Изъ дѣлъ видно, что въ каждомъ селѣ или деревнѣ, гдѣ въ томъ или иномъ количествѣ проживаютъ раскольники-безпоповцы, непремѣнно найдется безпоповщинскій наставникъ или наставница. Наставники отправляютъ службы для единомышленниковъ, исполняютъ ихъ требы и назидаютъ ихъ въ духѣ своихъ сектанскихъ воззрѣній. Среди многочисленныхъ наставниковъ обычнаго ранга во всякое время возможно появленіе личностей, выдающихся и своей относительной начитанностью и особой силою энергіи, направленной къ поддержанію и развитію сектанства. Такія лица пріобрѣтаютъ огромное вліяніе на безпоповцевъ своего толка и нерѣдко являются наставниками для самихъ наставниковъ. Къ числу такихъ выдви-

*) Дѣло по обвиненію Прокопія Семенова въ повѣнчаніи крестьянина Кузнецкаго округа Захара Шапочникова съ дѣвицею Калачиковой. № 40, 1889 г.

**) Дѣло о повѣнчаніи лжепопомъ Шумихинымъ дѣвицы Анны Курбатовой съ крестьянскимъ сыномъ Артамономъ Шумихинымъ. 1887. № 367. И сами повѣнчанные и ихъ родители на вопросъ: Кто вѣнчалъ?—единодушно отвѣчали: «Вѣнчалъ какой-то старообрядческій попъ,—имени и фамиліи его не знаемъ».—Въ томъ-же родѣ раскольники отвѣчаютъ всегда, когда дѣло доходитъ до разспросовъ о ихъ раскольническихъ попахъ.

гающихся дѣятелей томскаго безпоповщинскаго раскола въ недавнемъ прошломъ, по указаніямъ нашего матеріала, принадлежали Степанъ *Бородихинъ*, крестьяне Пермской губерніи, Кунгурскаго уѣзда, Иванъ *Останинъ* и Иванъ *Абрамовъ* и нарымскіе мѣщане братья Алексѣй и Василій Никифоровы *Нифонтовы*.

Бородихинъ дѣйствовалъ преимущественно черезъ женщинъ и вмѣстѣ съ ними, и своею энергіею оживилъ поморство въ Каинскомъ округѣ, главнымъ образомъ около деревень Яркульской и Меньшиковой*).

Останинъ и Абрамовъ вышли изъ Россіи въ Сибирь чуть-ли не съ исключительнной цѣлью расколоучительства. Оба они поселились въ Алтайской волости Бійскаго округа,—первый въ деревнѣ Деминой,второй—въ Нижне-Каменской. Оба, не спрашивая дозволенія со стороны начальства, открыли при своихъ домахъ моленныя, въ которыя безпоповцы шли гурьбами**). Особенно это должно сказать относительно молельни Абрамова. Одинъ изъ крестьянъ разсказывалъ, что разъ по обязанности полицейскаго сотника онъ долженъ былъ объявить наказъ Алтайскаго единовѣрческаго причта о тѣхъ недѣляхъ Великаго Поста, въ теченіи которыхъ Нижне-Каменцы всего удобнѣе могли бы исполнить долгъ своего „постованія“ (говѣнія). Около дома Абрамова ему встрѣтились „толпы людей“, шедшихъ съ восковыми свѣчами въ рукахъ. На сдѣланное объявленіе сотнику грубо отвѣчали: «видишь поди, что идемъ постовать. Наше постованіе у дѣдушки Ивана“ (такъ звали старика Абрамова въ Нижне-Каменской)***). Кромѣ совершенія богослужебныхъ дѣйствій, дѣдушка Иванъ по рукописнымъ тетрадямъ читалъ своимъ прихожанамъ о томъ, что греко-русская церковь есть вмѣстилище ересей, что единовѣріе, хотя и допущено Россійскою церковію, однако она смотритъ на его послѣдователей, какъ на слѣпцовъ, погруженныхъ во тьму заблужденій. Проповѣди выслушивались съ большимъ вниманіемъ; передъ начитанностью дѣдушки слушатели благоговѣли.

Поселившіеся въ глухомъ лѣсу около деревни Писаной братья Нифонтовы охватили своимъ вліяніемъ огромный районъ, далеко выходившій изъ предѣловъ Кузнецкаго округа въ предѣлы Томскаго. Въ многочисленныхъ зараженныхъ расколомъ селеніяхъ этого района Нифонтовы были самые желанные и почетные гости. Стараясь дѣйствовать главнымъ образомъ на наставниковъ, они руководили ихъ совѣтами, разъясненіями, предупрежденіями. Изъ двухъ братьевъ особенною ревностію въ пользу раскола отличался Алексѣй Нифонтовъ. По отзыву священника о. Жигачева, къ приходу котораго принадлежала Писаная, „Алексѣй—самый упорный и самый фанатичный защитникъ рас-

*) Дѣло о совращеніи въ расколъ кр. Тузикова и другихъ. № 50. 1883 г.

**) Существованіе молельнь у Останина и Абрамова установлено и показаніями крестьянъ деревень Деминой и Каменки и полицейскимъ дознаніемъ путемъ осмотра домовъ расколоучителей.

***) Показаніе крестьянина Гнѣздилова.

прикоснуться къ нему изъ опасенія заразы. Изслѣдованіе обнаружило обильное изверженіе матеріи, что было вѣрнымъ признакомъ начавшагося исцѣленія. И Христосъ могъ увѣренно сказать: „очистись“. Тотъ, кто въ Евангеліи Іоанна названъ слѣпорожденнымъ, болѣлъ воспаленіемъ глазъ, и ему помогло примѣненное Іисусомъ охлаждающее средство. Дочь Іаира не умерла, а спала, какъ замѣтилъ и Самъ Христосъ, и потому съ ней произошло не воскрешеніе, а только пробужденіе. Ученики крѣпко спали на Ѳаворѣ, когда Іисусъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нихъ молился. Проснувшись, они были ослѣплены блистающимъ свѣтомъ, отраженнымъ отъ снѣговыхъ массъ на сосѣднихъ горныхъ вершинахъ, могъ быть при этомъ громъ, могъ быть еще и электрическій свѣтъ и этихъ элементовъ было совершенно достаточно, чтобы сложилось сказаніе о чудесахъ Преображенія. Также просто нужно объяснить и то, что называютъ чудомъ изъ чудесъ, т. е. воскресеніе Христа. Іисусъ на крестѣ впалъ въ обморокъ. Обморокъ признали смертію и мнимоумершаго предали погребенію. Но въ прохладной гробницѣ подъ дѣйствіемъ сильныхъ ароматическихъ средствъ обмершій проснулся и вышелъ изъ гроба. Пришедшія ко гробу ночью энтузіастки-женщины приняли бѣлыя одежды, оставленныя во гробѣ Христомъ, за ангеловъ. Основаніе для чуда Вознесенія нужно усматривать только въ слѣдующихъ дѣйствительныхъ чертахъ. Іисусъ рѣшился въ уединеніи укрыться отъ міра. На горѣ устроилось Его послѣднее прощаніе съ учениками. По окончаніи прощальной бесѣды ученикамъ представилось, что ихъ Учителя закрыло и восхитило облако, между тѣмъ Онъ ушелъ только на другую сторону горы *).

Слишкомъ много наивности, неестественности, возмутительнаго насилія надъ священнымъ текстомъ допущено во всѣхъ этихъ и подобныхъ *естественныхъ* объясненіяхъ чудесъ, чтобы здѣсь можно было усмотрѣть что либо серьезное, резонное и тѣмъ еще менѣе научное. Теорія для такого рода устраненія чудесъ предложена была Эйнгорномъ, принята Паулюсомъ, Вегшейдеромъ и др. Когда-то она вызвала восторгъ въ Германіи, на ея сторонѣ былъ Шиллеръ, примѣнившій ее въ своемъ историческомъ курсѣ, но теперь она падаетъ все болѣе и болѣе подъ давящимъ грузомъ своей несостоятельности, которую не могъ скрасить и прикрыть даже авторитетъ Ренана.

Но большинство умовъ, настроенныхъ по отношенію къ сверхъестественному скептически, зачеркиваютъ сверхъестественное въ Библіи, не разсуждая о достовѣрности или недостовѣрности ея книгъ, зачеркиваютъ на этотъ разъ голословно, исходя изъ положенія, что все сверхъестественное недопустимо, что чуда не можетъ быть, что природа и наука о природѣ ничего не говорятъ о чудѣ.

*) Изложеніе раціоналистическаго объясненія библейскихъ чудесъ см. *Лопухинъ*. Библейская исторія ч. 1. *Лютардъ*. Стр. 11—19. Апологія христіанства перев. 1892г., стр 558—560.

Пусть наука не говоритъ о чудѣ, но природа громко вѣщаетъ за него и за его возможность своими собственными тайнами и чудесами. Если бы кто либо вступилъ въ природу для ея объясненія во всеоружіи современнаго знанія, если бы при этомъ онъ былъ изъятъ отъ всякихъ предзанятостей, а главное отъ нашей обычной близорукости, онъ долженъ былъ бы признать, что загадки и чудеса кругомъ и около него. Ихъ нельзя исчислить, ихъ можно только развѣ намѣтить. Сколько таинственнаго въ областяхъ явленій, подлежащихъ вѣдѣнію такъ называемыхъ точныхъ дисциплинъ? Сколько загадокъ въ физикѣ, въ химіи, загадокъ, только потому насъ не волнующихъ, потому не обращающихъ на себя наше вниманіе, что мы слишкомъ часто мимо нихъ проходимъ, слишкомъ привыкли къ нимъ. Камень падаетъ на землю. Почему? Вслѣдствіе тяготѣнія. Но какъ, зачѣмъ и какимъ путемъ частицы вещества взаимно притягиваются, объ этомъ рѣшительно никому неизвѣстно,—это тайна. Паденіе камня—это постоянно повторяющійся фактъ и только вслѣдствіе *повторенія* онъ является для насъ естественнымъ. Но со стороны пониманія основныхъ его причинъ онъ вполнѣ сверхъестественъ. Мы вызываемъ явленія электричества, пользуемся магнетизмомъ. Но что такое электричество и магнетизмъ сами по себѣ? Откуда происходятъ, въ силу чего дѣйствуютъ? Въ отвѣтахъ—неизвѣстно. Мы взяли единичные, отрывочные феномены, но и въ отношеніи къ массѣ другихъ фактовъ въ физикѣ за отсутствіемъ или недостаткомъ положительнаго знанія цѣлый рядъ гипотезъ, изъ которыхъ большинство, говоритъ Хвольсонъ, безплодно*). Мы привыкли мыслить матерію чѣмъ-то совершенно намъ извѣстнымъ и понятнымъ. Но что такое матерія, химія не разъясняетъ намъ и разъяснить не можетъ. Первовещество, какъ основу всѣхъ матеріальныхъ тѣлъ, полагаютъ въ атомахъ. При точномъ же и глубокомъ обсужденіи дѣла природа атомовъ, какъ недѣлимыхъ, отъ насъ ускользаетъ; доказательствъ за реальность атомовъ представить невозможно, между тѣмъ матерію мы вынуждены признать существующей**). Не болѣе счастливо обстоитъ дѣло съ силой

*) *Проф. Соколовскій.* Современные вопросы жизни. 1891 г. Стр. 30—37.

**) „Что нужно признать за первоматерію? Гелій Локайера, водородъ Пруша, пронилъ или лучистую матерію Крукса, или эфиръ Секки? Наука не знаетъ, хотя за единство матеріи стоятъ весьма компетентные физики Фарадей, Штоксъ, Томсонъ и др. Относительно матеріи въ пространствѣ, то обыкновенно представляютъ ее или непрерывной или тождественной съ протяженіемъ или состоящей изъ множества частицъ, которыя принимаются опять или физически недѣлимыми атомами или геометрическими точками. Декартъ и Спиноза полагали основное свойство матеріи въ протяженности, Гассенди- въ атомахъ Эпикура, Гельмгольцъ, Дюма, Менделѣевъ высказываются за непрерывность матеріи. Босковичъ думаетъ, что послѣдніе элементы матеріи суть недѣлимыя точки безъ протяженности, но окруженныя сферами притягательной и отталкивательной силы... Монертюи ввелъ чувствующіе атомы, а Робине придалъ всякой малѣйшей частицѣ жизнь и духъ.—Сложимъ всѣ эти частицы, кольца, сферы, вихри, точки и предположимъ ихъ существующими, какой огромный пантеонъ миѳическихъ созданій!“ —Современные вопросы жизни. Соколовскій. Стр. 34.

ковъ изъ ихъ волости. Хлопоты не увѣнчались успѣхомъ и расколоучители продолжали развивать свое совратительное дѣло. „Мы слабы въ вѣрѣ и къ тому-же удалены отъ православнаго храма, потому ловить насъ въ свои сѣти Останину очень не трудно“—говорили Деминскіе крестьяне *). „Абрамовъ вредный человѣкъ,—въ свою очередь утверждали Нижне-Каменцы,—онъ не удерживается отъ порицанія православія даже на общественныхъ сходахъ.—Онъ совратилъ половину нашей деревни“.—„Прежде въ нашей деревнѣ держалось раскола только нѣсколько стариковъ, но они позволяли крестить дѣтей въ православной и единовѣрческой церквахъ, но теперь расколъ умножился *страсть какъ*“.—Съ увеличеніемъ раскола сильно поднялось и количество сводныхъ браковъ, т. е. браковъ безъ церковнаго вѣнчанія. А эти браки, по словамъ крестьянъ, вели за собой большія замѣшательства въ ихъ крестьянскихъ общественныхъ дѣлахъ. Одинъ изъ православныхъ говорилъ Абрамову въ лицо: «намъ православнымъ житья отъ васъ (раскольниковъ) не стало... въ одинъ мѣсяцъ у васъ бываетъ болѣе сводовъ, чѣмъ (въ годъ) церковныхъ браковъ **). Представленные суду миссіонеромъ Угрюмовымъ длинные списки лицъ, принадлежащихъ разнымъ селеніямъ и увлеченныхъ въ расколъ подъ вліяніемъ братьевъ Нифонтовыхъ, являются краснорѣчивымъ указаніемъ на ту обильную жатву, которую Нифонтовы собирали съ православнаго поля. Если взять во вниманіе, что составленные миссіонеромъ списки не могли быть полными (несомнѣнно, много совращенныхъ убереглось отъ переписи), если затѣмъ представимъ, что районъ, охваченный вліяніемъ Нифонтовыхъ, былъ несравненно больше, чѣмъ пространство, на которомъ дѣйствовали Останинъ и Абрамовъ, то естественно, что пропогандаторскіе успѣхи послѣднихъ, передъ соотвѣтствующими успѣхами Нифонтовыхъ должны поблѣднѣть. „*Великій вредъ*, причиненный братьями Нифонтовыми людямъ хотя православнымъ, но неграмотнымъ, нетвердымъ въ вѣрѣ и потому часто попадающимъ въ сѣти раскола“, удостовѣренъ Преосвященнымъ Макаріемъ, епископомъ Томскимъ, какъ это видно изъ его отношенія къ г. управляющему Томской губерній отъ 13 декабря 1891 г. ***).

Но понятно, что распространеніе раскола, его количественное на счетъ православія возростаніе нельзя объяснять исключительно изъ дѣятельности

*) Такъ говорили Деминскіе крестьяне на судебномъ слѣдствіи объ Останинѣ и, кромѣ того, въ особомъ приговорѣ писали: „со времени прибытія Останина расколъ въ нашей деревнѣ сталъ сильно увеличиваться, проявились сводные браки, на что просимъ обратить вниманіе, чтобы его, Останина, удалить изъ нашего общества“. Приговоръ еще отъ 9 января 1873 года. „Останинъ хотя и занимается небольшимъ хлѣбопашествомъ, но мы полагаемъ, что поселился въ нашей деревнѣ съ цѣлію распространенія раскола“. (Показаніе крестьянъ судеб. слѣдователю). Дѣло объ Останинѣ № 337. 1888 г.

**) Дѣло о совращеніи въ расколъ крестьянъ дер. Каменки Абрамовымъ, № 115, часть II.

***) См. Отношеніе Преосвященнаго Макарія, епископа Томскаго и Семипалатинскаго, приложенное къ дѣлу о Нифонтовыхъ.

отдѣльныхъ расколоучителей и наставниковъ; оно шло и идетъ и отъ всей многочисленной массы раскола, тѣмъ болѣе, что эта масса живетъ въ Томской губерніи гораздо болѣе спокойно и свободно, чѣмъ могла бы жить гдѣ-либо во внутреннихъ частяхъ Россіи. Томская губернія слишкомъ велика и сравнительно мало населена, чтобы начальство могло услѣдить за всѣми законными и незаконными перепетіями въ жизни изворотливыхъ сектантовъ во всѣхъ и часто глубоко затаенныхъ уголкахъ ихъ обитанія. Сельскіе приходы слишкомъ разбросаны по отдѣльнымъ поселкамъ и деревнямъ, чтобы приходское духовенство могло своевременно знать, предупреждать и отстранять каждое изъ проявленій тенденціозно направленнаго воздѣйствія раскольниковъ на его паствомыхъ. Отсюда нерѣдко поражающія самоувѣренность и смѣлость раскола въ его прямыхъ и косвенныхъ нападкахъ на православіе.

Мѣры и средства, которыми раскольники стараются въ выгодномъ для себя смыслѣ воздѣйствовать на православныхъ, разумѣется, самыя разнообразныя. То они кротко вздыхаютъ и скорбятъ о томъ якобы погибельномъ пути, который неизбѣжно долженъ привести „никоніанъ“ въ геенну огненну *), то дерзко осмѣиваютъ православіе не только на словахъ, но и при посредствѣ нарочно изготовляемыхъ для той цѣли кощунственныхъ картинъ **), то распространяютъ и усиленно поддерживаютъ молву, что изданъ государевъ указъ, по которому сводные браки признаны будто-бы правильными, а слѣдовательно правой найдена и вѣра, дозволяющая эти браки***). Довольно точно и мѣтко пути, при посредствѣ которыхъ расколъ достигаетъ своихъ похищеній изъ православной среды, обозначены священникомъ одного изъ зараженныхъ расколомъ приходовъ о. Черницкимъ. Донося рапортомъ благочинному о постепенномъ усиленіи раскола въ деревняхъ своего прихода, о. Черницкій писалъ: „—Въ праздничные дни раскольники собираются въ домъ наставника—грамотея для служенія и для бесѣдъ. Привлекаются сюда и православные, въ присутствіи которыхъ грамотей старается порицать православіе и церковь съ особымъ усиліемъ. Зажиточные раскольники нанимаютъ къ себѣ православныхъ молодыхъ работниковъ и работницъ и совращаютъ ихъ въ свою вѣру, обольщая иногда деньгами или другими матеріальными вспомоществованіями. Или:—сыновья раскольниковъ покупаютъ православныхъ дѣвицъ на сводные браки и послѣднія подъ давящимъ вліяніемъ среды сами дѣлаются раскольницами, а рождающіяся отъ нихъ дѣти и подавно воспитываются въ

*) „Если кто изъ православныхъ увидитъ какъ кладутъ раскольники въ могилу своего покойника, то говорятъ *погибла душа*, т. е. погибла отъ того, что на покойника взглянулъ православный.—Дѣло объ Останинѣ. № 337. 1888 г.

**) Дѣло по обвиненію кр. Степана Моношкина въ распр. раскола. Къ дѣлу приложены и самыя картины, при посредствѣ которыхъ Моношкинъ осмѣивалъ православіе. № 571 1892 г.

***) Дѣло по обвиненію крестьянъ Хариныхъ въ распространеніи раскола. № 191. 1888 года.

ли рискованно поступаютъ люди, фанатически отвергающіе чудо, которое, по существу своему есть дѣйствіе изъ области намъ недовѣдомой,—сферы сверхъестественной. Ограничиваемся пока только этимъ выводомъ изъ сейчасъ сказаннаго *).

Таинственна и чудна природа въ своемъ существованіи, тѣмъ болѣе чудна она по своему возникновенію и происхожденію. Твореніе міра есть сверхъестественный фактъ. Человѣкъ имѣетъ законное стремленіе все узнать, все постичь; ему хотѣлось бы уяснить для себя все и въ великомъ генезисѣ происхожденія вселенной. Построено на этотъ счетъ не мало теорій. Болѣе или менѣе остроумно описываютъ онѣ образованіе міровыхъ тѣлъ по существующимъ физическимъ законамъ. Но откуда взялось то, изъ чего состоятъ міровыя массы, изъ чего сконцентрировались они по существующимъ законамъ, затѣмъ, откуда и отъ кого самые законы? Остаются безъ отвѣта самые заглавные вопросы или уже съ отвѣтомъ, который читаемъ у автора новѣйшей теоріи происхожденія міра—Фая. „Вся матеріальная жизнь,—говоритъ Фай, является намъ нитью, конецъ которой тамъ *вверху*“ **). Но, кромѣ того, откуда жизнь положимъ на поверхности той планеты, которая служитъ мѣстомъ нашего обитанія,—откуда она, развертывающаяся со своими тайнами и чудесами по длинной цѣпи существъ отъ инфузоріи до человѣка включительно?—Міръ не можетъ найти въ себѣ самомъ достаточнаго основанія. И то, что въ противорѣчіе сему положенію лепечетъ атеизмъ—есть только именно *лепетъ*, скудныя и жалкія рѣчи ***). Бытіе міра съ его величіемъ, красотою, порядкомъ, жизнію и разумностію въ жизни предполагаетъ другое высшее бытіе, гдѣ непремѣнно должна быть положена его первопричина. Фактомъ своего чуднаго появленія и устройства міръ устанавливаетъ необходимость признанія Бога. Но если Богъ существуетъ и существуетъ, какъ бытіе особое, отличное отъ міра, то чудно устроившій міръ можетъ чудно, т. е. для насъ непостижимо, и заявить о Себѣ въ немъ, когда требуютъ того вѣчные интересы высшаго въ видимомъ мірѣ созданія—человѣка.

Изъ философскихъ направленій противъ чуда, какъ необычайнаго дѣйствія Божественнаго могущества:—матеріализмъ, пантеизмъ и деизмъ.

Матеріализмъ отрицаетъ чудо, потому что отрицаетъ Бога и если иногда разсуждаетъ о сверхъестественномъ, то не иначе, какъ въ тонѣ глумленія. Но такъ какъ матеріализмъ рѣшительно не въ состояніи объяснить ни начала вещей, ни смысла въ ихъ существованіи, такъ какъ съ своей теоріей

*) Со всѣхъ сторонъ, говоритъ въ свою очередь Милль, мы окружены тайною. Ограниченная область нашего опыта есть *маленкій островъ* среди *безпредѣльнаго океана*, который вмѣстѣ и устрашаетъ и возбуждаетъ наше воображеніе своею безпредѣльностію и таинственностію.

**) Фауе. Происхожденіе міра. Перев. 1892. Введеніе (наука и религія).

***) Карлейль.

слѣпого механизма онъ ни откуда и никакъ не можетъ вывести ни жизни, ни духа, мы отвергаемъ матеріализмъ, какъ міровоззрѣніе узкое и низменное, оставляющее человѣка въ потьмахъ на самые жгучіе вопросы его сознанія.

Пантеизмъ полагаетъ, что Богъ неотлученъ отъ природы; Онъ органически слитъ съ нею. Или лучше: Богъ есть природа и природа—Богъ. Все, что находимъ, что видимъ въ природѣ,—въ этомъ Богъ выразилъ Себя въ силу внутренней, Ему присущей необходимости и выразить больше не можетъ. Чудо, о которомъ разсказываютъ библейскіе памятники—есть *дѣло новое*. Сама по себѣ природа его не произвела бы, его причина полагается внѣ природы, а внѣ природы или, что-тоже, Бога ничего нѣтъ, и потому чудо невозможно. Съ точки зрѣнія пантеизма оно дѣйствительно невозможно. Но человѣческій здравый смыслъ всегда будетъ находить невозможнымъ и то понятіе о Богѣ, какое даетъ пантеизмъ. Сливая Бога съ природою, пантеизмъ долженъ отказать Богу въ полнотѣ Его сознанія, такъ какъ природа въ большинствѣ своихъ явленій безсознательна. Природа доходитъ до своего, если такъ позволительно выразиться, сознанія только въ существѣ человѣка, но и человѣческое сознаніе, несовершенное и ограниченное мы не можемъ перенести на Того, Кто долженъ быть всесовершеннымъ и безграничнымъ по самой мысли о Немъ. Богъ, безсознательный или ограниченный въ сознаніи, не есть истинный Богъ. Съ абсолютною полнотою самосознанія въ Богѣ должна быть и полнота могущества, и поэтому мы не въ состояніи представить Бога, который *не можетъ*, и тѣмъ еще менѣе, который связанъ закономъ необходимости. Вытекаетъ, что необходимость какъ бы повелѣваетъ Богомъ, господствуетъ надъ нимъ, стоитъ выше него Пантеизмъ унижаетъ Бога и такимъ образомъ разрушаетъ идею о Немъ, какъ существѣ высочайшемъ, присущую всему человѣчеству.—Свои краткія критическія замѣчанія о пантеизмѣ дополняемъ словомъ разочарованія въ немъ нѣкогда пылкаго его сторонника всѣмъ извѣстнаго поэта-мыслителя Гейне. „На жизненномъ пути я находилъ бога пантеистовъ, но ничего не могъ изъ него сдѣлать. Это бѣдное мечтательное сознаніе сплелось и срослось съ міромъ. Этотъ богъ поистинѣ заточенный узникъ міра и обращается къ вамъ съ открытыми устами, безгласный и немощной. Имѣть волю значитъ имѣть личность; чтобы заявлять о себѣ, нуженъ хоть малѣйшій просторъ“*). Отстраняя пантеистическое воззрѣніе на Божество, мы, естественно, должны отринуть и всѣ слѣдующія изъ этого воззрѣнія доводы пантеистовъ на тему о невозможности чуда.

Деизмъ, къ коему тѣсно примыкаетъ и раціонализмъ, признаетъ Бога личнаго и живаго и утверждаетъ, что только Онъ одинъ могъ создать міръ, Онъ

*) *Тренчъ*. Чудеса І. Христа, перев. Зиновьева. 1893. Примѣч. къ стр. 59.

только былъ въ состояніи утвердить вселенную. Но вызвавъ міръ изъ небытія въ бытіе, Богъ надѣлилъ его разъ навсегда такими силами и законами, управляясь которыми міръ можетъ вести свою жизнь самостоятельно,—можетъ вести независящую отъ Бога жизнь и каждое изъ отдѣльныхъ существованій въ мірѣ. Промысла не нужно и его нѣтъ, и потому не можетъ быть Откровенія и соприсущаго ему чуда.—Какъ и въ разборѣ предшествующихъ воззрѣній, не вдаваясь въ подробности критики, мы прежде всего, въ отношеніи деизма, должны замѣтить: не странно ли представлять Творца тѣмъ холоднымъ существомъ, которое, создавъ міръ, удаляется отъ него въ недосягаемыя глубины своей вѣчности, отказывается отъ своихъ правъ и попеченій о немъ въ пользу механически-дѣйствующихъ, Имъ же установленныхъ законовъ? Но здѣсь не только странность, здѣсь и коренное заблужденіе. Міръ, не имѣющій въ себѣ самомъ достаточной причины для своего возникновенія, долженъ и продолжать свое бытіе при неизбѣжной поддержкѣ и въ зависимости отъ той высшей причины, которая вызвала его къ существованію. *Отвращшу Тебѣ*, Господи, *Лице, возмятутся*—вотъ боговдохновенное выраженіе этой истины въ словахъ псалмопѣвца (Псал. 103, 29). Если бы міръ существовалъ и могъ существовать независимо отъ Бога, тогда мы вынуждены были бы признать его совершенство во всѣхъ отношеніяхъ и притомъ совершенство абсолютное. А если бы онъ обладалъ абсолютнымъ совершенствомъ, то долженъ былъ бы стать по своему достоинству рядомъ съ Богомъ; вышелъ бы дуализмъ, что въ отношеніи къ Божеству является логическимъ абсурдомъ. Затѣмъ, каждое явленіе въ мірѣ, каждый предметъ въ немъ громко вопіетъ о своей ограниченности и зависимости и ближе всего свидѣтельство о несовершенствѣ мы видимъ и слышимъ въ себѣ самихъ, не смотря на то, что человѣкъ—цвѣтъ во всей наличности видимаго творенія. Кто изъ насъ рѣшится сказать, что не нуждается онъ въ поддержкѣ Всевышняго, въ попеченіяхъ съ Его стороны? Кто это можетъ сказать въ виду своей и физической и моральной немощности? Кромѣ того съ понятіемъ о Божествѣ и самый деизмъ долженъ связывать и, въ противорѣчіе себѣ, связываетъ представленіе о наивысшей любви и благости. А любовь не можетъ быть самозамкнутой, безмолвной особенно въ виду ее ищущихъ и въ ней нуждающихся. Благость, создавшая міръ и человѣка, и затѣмъ покинувшая и забывшая ихъ, не есть уже благость. И по опредѣленію деизма, Богъ есть Высочайшій духъ. А неотъемлемое свойство духа есть жизнь, которая потому что она есть жизнь не можетъ быть недѣятельной и неподвижной.—Полагаю, что нетрудно разоблачаемая несостоятельность деизма очевидна. Съ признаніемъ же его общей несостоятельности должны пасть въ нашихъ глазахъ и его возраженія противъ чуда, имѣющаго свое мѣсто въ промысле-

тельномъ о насъ попеченіи со стороны того, въ коемъ, по словамъ апостола, *мы живемъ, движемся и есмы* *).

Обращаясь къ жизни народовъ, а не къ отдѣльныхъ и единичныхъ личностей, мы всегда и вездѣ находимъ вѣру въ чудо, какъ дѣйствіе, имѣющее свое начало въ премудрой волѣ всемогущаго Бога. Для нашего убѣжденія относительно возможности чуда въ этомъ обстоятельствѣ мы должны находить важный аргументъ. Вѣрилъ и всецѣло признавалъ чудо древній израиль въ чувствѣ глубочайшаго восторга восклицавшій: *кто Богъ великій, яко Богъ нашъ? Ты еси Богъ творяй чудеса*,—вѣрили въ чудеса и язычники и даже тѣ изъ языческихъ мыслителей, которые заявили себя особою враждебностію къ христіанству. Цельсъ, Порфирій, импер. Юліанъ и проч. упрекали христіанство по тому и другому поводамъ, но никогда за то, что христіане признаютъ возможность чудеснаго, такъ какъ и сами всецѣло были на сторонѣ того же признанія. Они ограничиваются только желаніемъ умалить достоинство христіанскихъ чудесъ, объясняя ихъ или присущимъ христіанамъ знаніемъ тайныхъ силъ природы или же приравнивая ихъ къ чуднымъ дѣйствіямъ своихъ языческихъ мудрецовъ: Аристея, Аполлонія Тіанскаго и др. **). Съ вѣрою древнихъ совпадаетъ полное принятіе возможности и дѣйствительности чуда со стороны современнаго человѣчества. Ближайшее сему доказательство видимъ въ томъ, что человѣчество молится. Въ самомъ дѣлѣ актомъ своей молитвы мы молчаливо выражаемъ крѣпкое убѣжденіе между прочимъ на тотъ счетъ, что Богъ въ своей дѣятельности не связанъ порядкомъ естественнаго теченія дѣлъ, Онъ выше его и можетъ распоряжаться имъ по своей волѣ и своему хотѣнію. Мы молимся объ отвращеніи бѣды, когда, повидимому, она уже совершенно готова подавить насъ своею тягостію,—просимъ Господа объ исцѣленіи больного, когда отъ больного только лишь отошелъ врачъ съ безутѣшно-роковымъ приговоромъ.—Встревоженная, озабоченная, согбенная отъ горя мать сидитъ у постели умирающаго ребенка. Она видитъ его исхудалыя черты, прислушивается къ прерывистому дыханію и съ страшною душевною болью убѣждается, что съ каждымъ часомъ жизненныя силы ребенка убываютъ все болѣе. Въ глубоко-скорбномъ состояніи она поднимаетъ глаза къ образу, бросается на колѣни и съ плачемъ умоляетъ Бога, да мимоидетъ отъ нея горькая чаша. Скажите этой женщинѣ: неразумная! Что ты молишься? Все въ природѣ совершается по вѣчнымъ, неизмѣннымъ законамъ,—все происходитъ, какъ неминуемо должно происходить. Женщина покачаетъ тяжелою отъ слезъ головой и отвѣтитъ: правда, такъ должно совершиться. Но и у всемогущаго Бога,—милосердаго о насъ Отца все возможно ***).

*) Дѣян. 17, 28.

**) Schanz. Apologie Christhen. *Das Wunder.*

***) Примѣръ взятъ изъ апологіи Геттингера.

И въ ея отвѣтѣ заключена глубокая философская истина, которую сознательно или безсознательно фактомъ своей вѣры въ возможность чуда проповѣдуетъ все человѣчество, именно ту истину, что для Бога живого и личнаго данные Имъ-же природѣ силы и законы не могутъ стать стѣною, за которою уже нѣтъ мѣста для дѣйствій Его могущества и Его премудрости.

Насколько возможно постараемся уяснить эту неоспоримую и благотворную для насъ истину.—Вникнемъ хотя немного, что происходитъ въ самой природѣ. Мы постоянно усматриваемъ, что въ ея области одни явленія, однѣ силы какъ бы распоряжаются другими, господствуютъ надъ ними, преобѣждаютъ ихъ. Магнитъ сдерживаетъ и ограничиваетъ силу тяготѣнія, съ которою влечется къ землѣ кусокъ желѣза. Туже силу земнаго тягогѣнія перевѣшиваетъ луна притяженіемъ къ себѣ при явленіяхъ морскихъ и рѣчныхъ приливовъ. Теплота, доведенная до извѣстнаго градуса, уничтожаетъ магнитныя свойства желѣза. Вода, расширяясь при замерзаніи, въ состояніи разрывать твердыни скалъ. Органическое начало, положимъ въ растеніи, заставляетъ усвоенное имъ вещество къ такимъ химическимъ модификаціямъ, которыя безъ этого дѣйствующаго начала сами собой не произошли бы. Такъ въ природѣ безсознательной. А въ какой мѣрѣ господствуетъ надъ окружающимъ разумно-сознательное существо — человѣкъ, краснорѣчивое свидѣтельство въ этомъ отношеніи доставляетъ вся наличность выработанной человѣчествомъ культуры. Въ сущности культура есть ничто иное, какъ достояніе нашей побѣды надъ природою съ ея силами и законами. При постройкѣ дома, какъ бы просто она ни была задумана, человѣкъ постоянно преобѣждаетъ природу, взимая отъ нея то, что ему въ этомъ дѣлѣ потребно и все приспособляя къ цѣлямъ своего удобства. Каждая машина представляетъ изъ себя средство, при помощи коего человѣкъ естественные законы и силы содержитъ на своей службѣ. Воду мы заставляемъ вертѣть мельничьи жернова. Таже вода, обращенная въ паръ, движетъ для насъ пароходы и локомотивы. Изъ угля извлекается газъ, которымъ пользуемся для освѣщенія улицъ и домовъ. Пользуясь электричествомъ, мы не только добываемъ свѣтъ и тепло, но и умѣемъ съ быстротою молніи передавать наши мысли съ одного конца свѣта на другой. До извѣстной мѣры человѣкъ пріобрѣтаетъ возможность распоряженія законами, управляющими развитіемъ органической жизни. Изъ вида того или другого растенія садовникъ въ состояніи воспитать самую причудливую разновидность. Поднимаясь выше, доходя до сферы нравственныхъ явленій въ жизни человѣка, и здѣсь убѣждаемся въ возможности и дѣйствительности возобладанія однихъ силъ и движеній надъ другими. Въ святомъ дѣлѣ возвышенія моральнаго достоинства своего *я* каждый изъ насъ идетъ путемъ подавленія присущихъ нашему существу низшихъ стремленій въ пользу побужденій высшаго свойства и характера. Мы можемъ, хотя и не всегда без-

условно счастливо, сдерживать волнующія насъ страсти самообладаніемъ, чувственность воздержаніемъ, гнѣвъ, даже справедливый, милосердіемъ и прощеніемъ. Августъ, дружески протянувшій руку примиренія Циннѣ, который за благодѣянія императора воздалъ злодѣяніемъ тайнаго заговора на его жизнь, могъ по справедливости сказать, какъ говоритъ у поэта: „торжествую теперь надъ самымъ праведнымъ гнѣвомъ, который когда либо волновалъ грудь смертнаго"! — Вообще всѣ добродѣтели, какими украшается существо человѣка, представляютъ непремѣнный результатъ счастливой борьбы за преобладаніе высшихъ нравственныхъ силъ надъ силами того же порядка нисшими или даже противоположными. Законъ зла мы препобѣждаемъ закономъ добра.

Итакъ, если даже въ области безсознательной природы одна сила или законъ соприкасается съ другимъ для возобладанія надъ нимъ, если вовнѣ и въ себѣ самомъ такъ господственно и свободно распоряжается человѣкъ, то не должна ли поражать насъ странностію по своему смыслу рѣчь, что только Богъ одинъ не можетъ коснуться имъ сотвореннаго міра съ его законами и силами, чтобы по своимъ премудрымъ цѣлямъ внушительно для сознающихъ существъ и для ихъ блага заявить о Себѣ въ его сферѣ.

Однакожъ могутъ указать и указываютъ, что тамъ, гдѣ одинъ законъ пріостанавливаетъ дѣйствіе другого или какъ бы подавляетъ и поглощаетъ его—тамъ происходитъ дѣло естественное. Когда силы сталкиваются и одна уступаетъ мѣсто другой, она уступаетъ ей также по закону, обезпечивающему стройность мірового порядка. Равнымъ образомъ въ каждомъ актѣ воздѣйствія человѣка на явленія окружающаго міра также можно уловить или хотя предположить естественно-законныя нити и средства Между тѣмъ чудо, о которомъ разсказываютъ священныя книги, не укладывается въ естественныя рамки и потому является дѣломъ неестественнымъ или противозаконнымъ, а какъ таковое, оно должно вносить безпорядокъ въ общую гармонію природы.— Богъ никакимъ образомъ не можетъ быть виновникомъ безпорядка, и уже одна эта противорелигіозная мысль заставляетъ предположить въ указанномъ возраженіи противъ чуда недоразумѣніе, которое и слѣдуетъ отстранить.—Въ природѣ мы усматриваемъ постепенную градацію силъ и законовъ механическихъ, динамическихъ, жизненныхъ или органическихъ и наконецъ нравственныхъ. Но развѣ можно сказать, что кромѣ нихъ и тѣхъ явленій, въ коихъ обнаруживается ихъ дѣйствіе, въ необъятной области бытія нѣтъ ничего ихъ больше и ничего выше? Впереди мы нарочно отмѣтили тотъ неисчислимый рядъ явленій изъ наблюдаемой нами сферы, предъ которымъ намъ приходится изумленно стоять съ своимъ *не знаю*. Мы не знаемъ массы вещей не потому только, что они еще не изслѣдованы и не изучены, но и потому, что самое изслѣдованіе вслѣдствіе ограниченности нашихъ познавательныхъ средствъ и способностей часто для насъ недоступно и невозможно. Отрѣшаясь отъ самообольщенія,

перекреститься» (принять новое сектантское крещеніе). Староста поспѣшилъ явиться въ раскольническій домъ съ понятыми. Избитая и растрепанная Варвара со всхлипываніями отъ слезъ заявила пришедшимъ, что подверглась жестокому сѣченію за несогласіе принять поморскую вѣру. Пересмотрѣли взятыя Варварой вещи, и оказалось, что она припрятала только свои, данныя ей матерью вещи, не касаясь ничего, что принадлежало Ѳеофилактовымъ. Староста распорядился проводить избитую въ домъ крестьянина Богданова, поручивъ Богдановой съ другими женщинами освидѣтельствовать нанесенные несчастной побои. Когда Варвара выходила изъ избы, разсвирѣпѣвшій Матвѣй накинулся бить ее еще разъ, но былъ удержанъ посторонними:—привелось ограничиться только злобнымъ толчкомъ ногою сзади. Женщины, осматривавшія избитую нашли, что вся спина и ноги исполосованы сплошь, не было ни малѣйшаго мѣста съ бѣлой кожей, „вездѣ слившіеся багровые рубцы, ссадины и просѣки“ съ ясно выраженными знаками отъ металическаго кольца. На спинѣ больная лежать не могла, лежала, согнувшись и уткнувшись лицомъ внизъ. Всю ночь вздрагивала, тяжело охала и стонала. «Мы, показывала Богданова, опасались за ея жизнь».

Пріѣхала изъ Воскресенскаго Ванѣева и, увидѣвъ положеніе дочери, пришла въ великій ужасъ:—„спина была черная, страшно смотрѣть“. Явившись къ Ѳеофилактовымъ, Ванѣева, не распространясь въ безцѣльныхъ упрекахъ, усиленно просила выдать ей Варварины вещи. Ей отвѣтили, что выдадутъ въ томъ только случаѣ, если дастъ подписку, что не будутъ заводить дѣла и жаловаться начальству.—«Да впрочемъ, застращивали Ѳеофилактовы, своей жалобой ты ничего не выиграешь, еще Варвару подведешь подъ отвѣтъ. Вѣнчать ее въ церкви мы не обѣщались. Она добровольно согласилась жить съ Матвѣемъ въ сводномъ бракѣ, а разъ согласилась, то и должна жить. Вѣдь намъ *Государемъ разрѣшено* (!) жить безъ церковнаго вѣнчанія“. Дѣло всетаки началось. Его возбудила сельская полицейская власть. На слѣдствіи Ванѣева указывала засѣдателю, что не находитъ для Варвары возможности оставаться въ домѣ Ѳеофилактовыхъ даже при томъ условіи, если-бы они согласились повѣнчать ее съ Матвѣемъ. «Тогда имъ будетъ воля. Законную жену будутъ бить сколько угодно и принудятъ таки вступить въ расколъ. Устоять ей противъ нихъ будетъ невозможно: больно скромна она, а Ѳеофилактовы—звѣри*)».—Судъ приговорилъ Матвѣя за жестокое обращеніе съ женой къ тюремному заключенію въ исправительномъ домѣ на два года**).

Изъ многихъ характерныхъ показаній по изложенному дѣлу выдающимся по своему содержанію является показаніе одной молодой раскольницы-

*) Кромѣ матери, о добромъ нравѣ Варвары единогласно говорили всѣ знавшіе ее въ Березовоярской.—«Она добрая, скромная и умная, безупречная во всѣхъ отношеніяхъ».

**) Дѣло о Ѳеофилактовыхъ № 87, 1890 г.

поморки, которая была привлечена къ допросу на судебномъ слѣдствіи въ силу очень близкой прикосновенности къ незавидно-устроившейся судьбѣ Варвары. Въ этомъ показаніи ярко рисуется, до какой степени непрочны въ безпоповщинскомъ расколѣ брачныя связи и какъ легко къ обязанностямъ, налагаемымъ бракомъ, относятся даже женщины.

«Родители мои, говорила эта раскольница, исповѣдуютъ поморскую вѣру, по которой любовная связь женщины съ постороннимъ мужчиною ничего не значитъ. Я напримѣръ стала имѣть любовную связь съ разными лицами очень рано. 17 лѣтъ вышла замужъ своднымъ бракомъ за крестьянина Ивана Петрова по фамиліи *не знаю*. Съ нимъ жила всего полгода, въ теченіи котораго имѣла связь со многими, и поэтому не знаю отъ кого забеременила и родила дѣвочку. Съ Петровымъ разошлась и состояла въ связи съ Кипріаномъ Ивановымъ три года. Его бросила и вышла опять своднымъ бракомъ за крестьянина Петра Исаева, съ которымъ живу и по сіе время» *).

Само собою навѣвается предположеніе, что предѣлы *сему времени* не заставили себя ждать очень долго.

Ознакомившись съ дѣломъ Варвары Ванѣевой, невольно приходишь къ раздумью: сколько этихъ Варваръ потонуло въ расколѣ безгласно. Сколько обидъ и притѣсненій надъ православными женщинами, такъ или иначе увлеченными въ раскольническія семьи, утаено въ мрачныхъ глубинахъ захолустной жизни безъ обнаруженія на свѣтъ Божій **)!

Съ какою изворотливостью и вмѣстѣ съ тѣмъ съ какою смѣлостію дѣйствуютъ раскольники при уводѣ православныхъ дѣвушекъ для брачнаго сожительства съ кѣмъ либо изъ своихъ семейныхъ, избѣгая при этомъ церковнаго вѣнчанія,—это, кромѣ случая съ Ванѣевой, показываютъ еще слѣдующіе два примѣра.

Православный крестьянинъ дер. Брюхановой (Кузнецкаго округа) Платонъ Калачиковъ просваталъ въ 1884 году свою дочь Степаниду за молодого торговца—вдовца, изъ д. Сапоговой, Захара Шапошникова. Отецъ жениха Иванъ Шапошниковъ ***) указывалъ свату—Калачникову, что священники приходовъ, къ которымъ принадлежатъ Брюханова и Сапогова, слишкомъ много берутъ за браки—берутъ будто-бы по 50 и по 100 рублей, и поэтому,

---

*) Сущность показанія передана нами съ буквальной точностію. Имена мы нашли нужнымъ измѣнить. Въ 1889 году, когда дано было показаніе, раскольница имѣла 27 лѣтъ.

**) Одна женщина писала въ прошеніи, что послѣ перехода въ расколъ, она снова хотѣла вернуться къ православію, но семейные тѣснили ее за это намѣреніе и между прочимъ хотѣли сбросить съ сопки, т. е. съ утеса въ Алтаѣ. Впослѣдствіи эта женщина отказалась отъ жалобы на счетъ угрозъ свергнуть ее съ сопки, тѣмъ не менѣе продолжала утверждать, что исповѣдывать православную вѣру семейные ей рѣшительно не дозволяютъ. См. Дѣло объ Останинѣ.

***) Ранѣе судился за совращеніе въ расколъ разныхъ лицъ. Дѣло о повѣнчаніи Шапошникова попомъ Прокопіемъ. № 40. 1890 г.

но непротиворѣчивое. Разсматривая дѣло съ этой правильной точки зрѣнія, мы не имѣемъ права говорить, что чудеса нарушаютъ законы нашей видимой природы въ смыслѣ противорѣчія имъ. Въ нихъ дѣйствуютъ законы сильнѣйшаго порядка и высшаго совершенства, не нарушая, а замѣщая собою силы и законы нашего земного порядка *). И еслибы природа нашего міра могла мыслить и чувствовать, она не только не оскорблялась бы мнимымъ безпорядкомъ, вносимымъ въ ея жизнь моментомъ чуда, напротивъ она должна была-бы радоваться не только тому, что призывается на служеніе наивысшимъ интересамъ духовно-нравственнаго существа, которое увѣнчиваетъ ее собою и для котораго она существуетъ вообще, но и тому, что въ чудѣ и черезъ него она какъ бы вдвигается, поднимается въ пребывающую надъ ней область высшихъ силъ и болѣе дивной гармоніи. Думается, что изложеннымъ разсужденіемъ мы поставили чудо на то мѣсто для нашего мышленія, съ котораго можетъ его низринуть только лишь тотъ, кто кромѣ наличнаго бытія не признаетъ никакого другаго. Но таковой неизбѣжно замыкаетъ себя въ узкій кругъ объектовъ мышленія и отъ всѣхъ окружающихъ насъ загадокъ и волнующихъ нашу душу запросовъ долженъ отдѣлываться очень простымъ, но крайне нерезоннымъ способомъ смеженія своихъ умственныхъ очей.

Пусть чудо a priori совершенно возможно, пусть по своему существу оно не есть и противорѣчіе нашей природѣ, во всякомъ случаѣ, возражаютъ вѣрѣ въ чудо,—фактомъ своей возможности оно должно разрушать наше ручательство въ прочномъ и надежномъ знаніи природы,—ручательство, опирающееся на условіе полной неизмѣнности данныхъ природѣ силъ и законовъ, постоянство въ ихъ обнаруженіи и дѣйствіи.—Но вѣдь чудеса—исключительныя явленія и какъ таковыя, конечно, никакъ не могутъ разрушать правила, существующаго въ нашемъ обычномъ опытѣ, поэтому не должны и не могутъ колебать нашей увѣренности въ прочности и неизмѣнности силъ и условій, коими ближайшимъ образомъ управляется природа. Не колеблетъ же и не устраняетъ ее то, что многіе изъ естественныхъ законовъ имѣютъ свои исключенія, свои какъ-бы критическіе пункты. Извѣстно, что законъ расширенія тѣлъ при увеличивающейся теплотѣ встрѣчаетъ исключеніе въ одномъ изъ главнѣйшихъ элементовъ матеріальнаго міра—въ водѣ. Законъ Маріотта о давленіи воздуха также не имѣетъ безусловнаго значенія... А главное, можно-ли опасаться за то, что изучающему природу вдругъ на пути его изслѣдованій явится чудо, и это чудо ниспровергнетъ его выводы относительно изученнаго

*) „Чудо являетъ намъ не нарушеніе закона, а нейтрализацію низшаго закона, прекращеніе его власти, хотя и временное, сильнѣйшимъ закономъ... Въ чудесахъ нашъ міръ приводится въ систему высшаго порядка вещей... Истинное чудо есть высшая и чистѣйшая природа,—оно нисходитъ изъ міра невозмутимаго, совершеннѣйшаго согласія въ нашъ міръ и возвращаетъ оный хотя на одинъ таинственный моментъ въ гармонію міра высшаго".—Тренчъ. Стр. 13—14.

порядка тѣхъ или другихъ вещей. Къ дѣлу изученія и познанія природы чудо не имѣетъ нималѣйшаго касательства. Оно принадлежитъ области иного характера, его мѣсто въ сферѣ взаимоотношеній между Богомъ и человѣкомъ, т. е. въ сферѣ религіознонравственной.

Не съ большею глубиною въ своей резонности выступаетъ и слѣдующее возраженіе противъ чуда. Чудо, особенно чудо абсолютное, опредѣляется въ качествѣ дѣйствія, которое не можетъ быть произведено никакой силою природы и должно находить свое объясненіе въ законахъ, исходящихъ изъ высшаго міра. Но, указываютъ, еще не родился тотъ естествовѣдъ, который изучилъ бы всю сумму силъ, присущихъ и нашему видимому, дольнему міру. Поэтому возможно, что явленіе, признаваемое сверхъестественнымъ на самомъ дѣлѣ есть дѣло естественное, какъ продуктъ дѣятелей намъ еще неизвѣстныхъ, нами не опознанныхъ. Для древнихъ горѣніе извести отъ соприкосновенія съ водой—было предметомъ изумленія,—въ своемъ родѣ чудомъ, но какъ легко объясняется это чудо теперь изъ дознанныхъ простыхъ условій для химическихъ реакцій. Когда въ первый разъ заговорили о поражающихъ эффектахъ внушенія, о дѣйствіи мысли и воли на разстояніи—вообще о явленіяхъ гипнотизма—мы также готовы были придать всему этому чудный характеръ, тѣмъ не менѣе настанетъ время и оно, навѣрное, уже не далеко, когда указанныя явленія будутъ уложены всѣ въ естественно-научныя формы.— Не смѣемъ оспаривать этого предсказанія, но къ дѣлу истиннаго чуда оно не можетъ имѣть дѣйствительнаго примѣненія. По смыслу изложенныхъ разсужденій, предполагается, что лица, при посредствѣ которыхъ были совершены или явлены чудеса, обладали знаніемъ тайныхъ и доселѣ еще неразгаданныхъ естественныхъ средствъ и условій. При этомъ упускается изъ вида то обстоятельство, что чудеса откровенія помѣщаются только еще въ начальной стадіи исторіи развитія человѣческихъ знаній и совершаются они преимущественно въ той средѣ, гдѣ объ изученіи сокрытыхъ въ природѣ силъ почти не поднималось рѣчи. Но что еще важнѣе:— достоинство нравственнаго характера святыхъ носителей чуднаго могущества представляетъ незыблемое ручательство, что производимое собственною силою и знаніемъ они никогда не выдали-бы за дѣло Божіе. Съ мыслію о Моисеѣ, объ апостолахъ и самомъ Іисусѣ Христѣ предположеніе о возможности съ ихъ стороны вовлечія людей въ обольщеніе и обманъ съ какою-бы то ни было цѣлью падаетъ какъ nonsens, какъ что-то необычайно-противорѣчивое.

Тѣмъ не менѣе поставленное возраженіе невольно вызываетъ вопросъ: какъ же опознать чудо при несомнѣнной невозможности для отдѣльнаго человѣка извѣдать не только всѣ существующія въ природѣ силы и законы, но и узнать всѣ возможныя дѣйствія тѣхъ изъ нихъ, которые уже стали доступны знанію человѣчества in corpore? Душа вѣрующаго, причастная благодатной жизни въ Богѣ, конечно, чутка къ дѣлу каждой милости Божіей

и тѣмъ болѣе не можетъ не распознать она особенный даръ сей высшей милости, являемый въ чудѣ. Но чудо подается не для однихъ вѣрующихъ, но і невѣрующихъ. Какъ же удостовѣриться въ немъ этимъ послѣднимъ? Думаемъ, что для этого достаточно правила, по которому слѣдствіе должно быть равномѣрно своей причинѣ. Но равномѣрности между средствомъ и дѣйствіемъ въ чудесахъ не въ состояніи уловить даже самый подозрительный умъ. Если, по слову Іеговы, Моисей, вложившій руку въ пазуху, вынимаетъ ее покрытою проказою, какъ снѣгомъ, а при вторичномъ, по тому же слову, вложеніи видитъ ее внезапно исцѣленною,—кто не усмотритъ здѣсь, что между словомъ и тѣмъ, къ чему повело это слово, нѣтъ ни малѣйшаго естественнаго соотвѣтствія? Нѣтъ нималѣйшаго соотвѣтствія между словомъ Спасителя и многочисленными исцѣленіями, вызванными тѣмъ сверхъестественно—мощнымъ словомъ,—между Его изреченіемъ, обращеннымъ къ разбушевавшейся стихіи: *умолкни, перестань* и его дивнымъ слѣдствіемъ: *вѣтеръ утихъ и сдѣлалась великая тишина* *) Если Господь далъ зрѣніе слѣпорожденному, предварительно помазавъ его глаза броніемъ, то въ этомъ средствѣ найдетъ достаточное объясненіе чуда только развѣ безповоротно предубѣжденный противъ чуда. Въ причинѣ исцѣленій чрезъ наложеніе руки Спасителя или прикосновеніе къ Его одеждамъ нельзя положить даже симпатіи, потому что исцѣленія совершились вдругъ. И всегда мы имѣемъ возможность убѣдиться одними соображеніями своего здраваго смысла, что то или другое изъ чудесъ, все ближе по своему характеру стоящее къ области извѣстнаго естественнаго закона, на самомъ дѣлѣ непремѣнно стоитъ внѣ даже воображаемыхъ его границъ, и потому никакимъ образомъ не можетъ умѣститься въ связность его обычнаго порядка.

Можетъ быть чудо—естественное послѣдствіе той силы, которую человѣкъ носитъ въ себѣ, въ своей вѣрѣ? Нынѣ заговорили о леченіи вѣрою, да и у Спасителя, по евангеліямъ, такъ часты выраженія: „иди, вѣра твоя спасла тебя“.—Вѣра, какъ субъективное состояніе человѣка, часто привлекала чудодѣйственную силу, являясь въ высокой степени важнымъ условіемъ для ея обнаруженія, но сама по себѣ чуда въ истинномъ смыслѣ произвести не можетъ. Если вѣра своей естественной силой и можетъ исцѣлить тяжело больнаго, то во всякомъ случаѣ не мгновенно. Между тѣмъ разслабленный, лежавшій въ разслабленіи много лѣтъ, сразу же послѣ того, какъ услышалъ: встань и ходи, *тотчасъ взялъ одръ и пошелъ* **); прокаженнымъ изрѣчено: идете, покажитесь священникамъ,—и *быть идущимъ имъ, очистишася*—читаемъ въ евангеліи отъ Луки***). Какимъ образомъ субъективная вѣра можетъ

*) Марк. 4, 39.
**) Іоан. 5, 8—9.
***) Лук. 17, 14.

воскресить мертваго, или вызвать чудодѣйственныя явленія въ области физической, безсознательной природы, какъ наприм., умноженіе хлѣбовъ въ извѣстныхъ чудесахъ, изсушеніе смоковницы и проч.?

Другія возраженія противъ чуда, отличающіяся искусственностію, мы отстраняемъ, не придавая имъ серьезнаго значенія.

Нельзя оставить безъ разъясненія только того изъ нихъ, которое готово отринуть чудо на основаніи отсутствія чудесъ въ настоящее время. Въ настоящую пору все совершается такъ, какъ должно совершаться по естественному порядку теченія дѣлъ, но если нѣтъ чудесъ теперь, то сомнительно, чтобы для нихъ гдѣ-нибудь было мѣсто и въ прошлой исторіи человѣчества*). Таково заключеніе этого возраженія. Но заключеніе по формѣ: нѣтъ, слѣдовательно не было и не могло быть,—съ логической стороны является невозможнымъ заключеніемъ, разумѣется, если вещь не абсурдна по существу. Имѣя въ виду постоянство въ повторяемости однихъ и тѣхъ-же наличныхъ явленій житель средне-африканскихъ странъ, по указанной формѣ заключенія, легко могъ-бы не повѣрить въ существованіе снѣга. Но это невѣріе было-бы неосновательнымъ невѣріемъ. И по отношенію къ чудесамъ, составляющимъ для насъ дѣйствія необычайныя, но, какъ мы видѣли, ни въ какомъ случаѣ не абсурдныя, должно сказать: живъ Богъ, живетъ и дѣйствуетъ въ церкви Духъ Божій, и потому чудеса всегда возможны. Предъ нами прежде всего чудеса благодати, совершающіяся въ душахъ вѣрующихъ. Возрожденіе и обновленіе человѣческой души необъяснимыми воздѣйствіями Духа Святаго—это чудо постоянно украшало и не перестаетъ украшать христіанскую жизнь на всемъ ея протяженіи. Когда сильнѣйшія наклонности старой природы укрощаются, нравственно-невозможное становится возможнымъ, когда полярность въ человѣкѣ перемѣщается, плоть—этотъ положительный полюсъ дѣлается отрицательнымъ, а духъ—прежде отрицательный полюсъ положительнымъ—развѣ при всемъ этомъ не предполагается неизслѣдимыхъ для насъ найтій Божественной благодати?**) Вмѣстѣ съ нравственной природой человѣка никогда не можетъ быть закрыта для чудныхъ дѣлъ Божественнаго могущества и никакая другая Имъ сотворенная природа. Чудеса провиденціальныя (Промысла), при которыхъ естественные дѣятели и силы неожиданно Вышней Рукою складываются во благо и спасеніе того или другого изъ насъ, такія чудеса неисчислимы, хотя не столько они бываютъ открыты для взора всѣхъ, сколько воспринимаются благоговѣйнымъ убѣжденіемъ того, для кого проявлены. Въ продолженіе своего многовѣко-

*) *Гдѣ обѣтованія пришествія Его? Ибо съ тѣхъ поръ, какъ стали умирать отцы, отъ начала творенія, все остается также.* — Это возраженіе со стороны скепсиса записано еще въ книгахъ Свящ. Писанія; 2 Петра 3, 4.

**) Тренчъ. Чудеса Іисуса Христа.

ваго существованія церковь не разъ указывала и на поразительно дивныя событія, тамъ и здѣсь явленныя Богомъ во свидѣтельство вѣры. Тѣмъ не менѣе о томъ множествѣ абсолютно-дивныхъ и для всѣхъ очевидныхъ дѣлъ, о которыхъ разсказываютъ библейскія книги, мы теперь дѣйствительно не слышимъ. Неизбѣжно возникаетъ вопросъ: почему?

Обращаясь къ библейскимъ временамъ, видимъ, что и тамъ чудеса такого рода не были даны въ видѣ неизмѣнно безпрерывной и всегда ровно идущей цѣпи чрезвычайныхъ явленій. Сравнительно частыя чудеса отмѣтили собою первоначальный періодъ въ исторіи богоизбраннаго народа при Моисеѣ и Іисусѣ Навинѣ, какъ особое время учрежденія на землѣ царства Божія, въ коемъ должно произойти спасеніе человѣчества.—Подъ вліяніемъ усиленныхъ сношеній съ сосѣдними языческими племенами евреи сильно наклоняются въ сторону многобожія послѣ Соломона при царяхъ іудейскихъ и израильскихъ, и потому вѣра въ Единаго истиннаго Бога, служащая краеугольнымъ камнемъ въ великомъ дѣлѣ устроенія человѣческаго спасенія, запечатлѣвается вновь обнаруженіемъ чудныхъ дѣйствій, совершонныхъ главнымъ образомъ чрезъ посредство пророковъ. Отъ событія освобожденія іудеевъ изъ подъ ига Вавилонскаго плѣна до послѣднихъ дней Ветхаго завѣта мы почти не встрѣчаемъ чудесъ. Но ярко заблистало ими время пришествія и земной жизни Христа, своимъ совершеннымъ ученіемъ открывшаго новую эру въ земной исторіи царства Божія,—установившаго новый союзъ между Богомъ и людьми.—тотъ союзъ, при которомъ, въ силу крестныхъ заслугъ Искупителя, на пути движенія людей къ Богу устранена преграда ихъ исконнаго грѣха. Чудо продолжается и при апостолахъ, разсѣявшихся въ мірѣ для того, чтобы *впервые* огласить его словомъ Христа, но уже рѣже встрѣчаемъ его (чудо) во дни дальнѣйшей жизни церкви. Такимъ образомъ убѣждаемся, что Богъ не расточаетъ чуда, какъ дѣйствія разительно и внушительно для всякаго выникающаго изъ обычнаго строя вещей. Наиболѣе значительныя чудеса выступаютъ всегда при самыхъ знаменательныхъ, рѣшительныхъ или поворотныхъ пунктахъ исторіи спасенія,—при избраніи новыхъ носителей Откровенія, при установленіи новыхъ отношеній между Богомъ и людьми. Въ промежуточные-же періоды чудеса совершаются рѣже. А когда оказывается болѣе нужнымъ сохранять лишь существующее, чѣмъ учреждать новое, „тогда господствуетъ одно только слово — внутреннѣйшій образъ откровенія, единственная форма его“ *).

Чудо—чрезвычайное дѣло и какъ таковое оно примѣняется только къ чрезвычайнымъ, т. е. крайнимъ потребностямъ въ совершеніи человѣческаго спасенія. Все сказанное и должно быть нашимъ отвѣтомъ требующимъ чудесъ

*) „Разумъ и Откровеніе“. Прав. Обозрѣніе 1876 г. Іюль; стр. 439—440.

въ настоящую пору, чтобы по нимъ можно было наглядно убѣдиться въ чудесахъ прошлаго, чудесахъ Откровенія**).

Мы разсуждаемъ о чудѣ, именно какъ принадлежности Божественнаго откровенія. Повторяемъ, что и самое это откровеніе есть чудо. Его содержаніе неизъяснимо изъ обычныхъ естественныхъ условій ни по отношенію его ветхозавѣтной части, ни тѣмъ болѣе къ той полнотѣ откровеннаго слова, какая дана въ Новомъ Завѣтѣ. Мы не можемъ не изумляться ветхозавѣтному ученію о Богѣ,—ученію, по своей чистотѣ и высотѣ стоящему одинокимъ свѣтомъ среди мглы языческихъ политеистическихъ заблужденій, не можемъ нигдѣ въ обыкновенной сферѣ причинъ подыскать источника для происхожденія обѣтованій о будущемъ Избавителѣ, коими дышалъ и жилъ древній израиль, не найдемъ объясненія, помимо дара внушеній свыше, какимъ образомъ у *жестоковыйнаго* еврейскаго народа могъ явиться нравственный законъ, своимъ превосходствомъ далеко оставляющій за собою моральныя доктрины лучшихъ мыслителей древности. Раціонализмъ въ своихъ усиліяхъ низвести происхожденіе всего этого къ естественно-земнымъ факторамъ постоянно выражаетъ желаніе встать подъ авторитетъ научныхъ изысканій. Въ свою очередь и мы рады наукѣ; пусть только глубже и шире идутъ ея археологическія, историческія и лингвистическія изслѣдованія, и тогда истина, что евреямъ вѣрены были словеса Божія***) предстанетъ еще убѣдительнѣе. Неизбѣжно въ такомъ видѣ должно быть наше сужденіе въ приложеніи къ тому, что въ планѣ домостроительства человѣческаго спасенія было только преддверіемъ христіанства. Но христіанство съ его неслыханными евангельскими возвѣщеніями о Богѣ, какъ всемилосердомъ Отцѣ, какъ Единомъ въ Троичности Лицъ,—съ его принципами святости и чистоты, усматривающими

*) Чудеса не расточаются; въ нихъ мы усматриваемъ послѣднія средства для великихъ потребностей царства Божія. Это—орудія, при истощеніи другихъ средствъ, ничѣмъ незамѣнимыя.—Тренчъ. Чудеса I. Хр., стр. 41.

У Тренча же приведены слова св. Златоуста, въ которыхъ великій учитель и отецъ церкви объясняетъ, почему въ настоящее время мы не встрѣчаемъ чудесъ, подобныхъ библейскимъ? — „Подобно какъ хозяинъ, вѣрившій молодое деревцо нѣдрамъ земли, считаетъ нужнымъ, пока оно нѣжно имѣть за нимъ заботливый уходъ, со всѣхъ сторонъ его ограждая, обставляя камнями и окружая терновникомъ, чтобы его не повалили вѣтры, чтобы не повредило стадо и ничто не погубило, но видя наконецъ, что оно укоренилось и разрослось, онъ отнимаетъ подпорки, такъ какъ съ этихъ поръ дерево можетъ само держаться и устоять противъ всякой невзгоды. Такъ было и въ дѣлѣ нашей вѣры. При ея первомъ насажденіи пока она укрѣплялась, потребно было, отовсюду блюсти ее; когда же окрѣпла, укоренилась и достигла высокаго роста и наполнила весь міръ, Христосъ отъемлетъ ея опоры и на будущее время устраняетъ и другія подкрѣпленія. Такъ при началѣ Онъ ниспосылаетъ дары даже недостойнымъ, ибо въ первое время и такое пособіе нужно, а напослѣдокъ Онъ не даетъ этихъ даровъ даже и достойнымъ, такъ какъ сила вѣры уже не нуждается въ такомъ пособіи". Бесѣд. Златоуста на заглавіе къ Дѣян. Ап.—Тренчъ, стр. 48. Примѣч.—Мысли Златоуста прекрасно воспроизведены и развиты у нашего отечественнаго проповѣдника—богослова Иннокентія, архіеп. Херсонскаго. Собраніе словъ, бесѣдъ и рѣчей. Т. I. Кіевъ. 1836.

***) Римл. 3, 2.

и извлекающими грѣхъ изъ самыхъ затаенныхъ глубинъ человѣческой мысли и сердца, съ его бездною премудрости и любви въ дѣлѣ нашего искупленія и освященія,—развѣ оно отъ міра сего? Развѣ отъ міра сего неразрывно связанное съ христіанствомъ Лице Его Виновника, по своимъ духовнымъ и нравственнымъ свойствамъ представляющее достоинство въ исторіи міра единственное и ни для кого изъ сотворенныхъ недосягаемое? Все откровеніе, выражаясь образно, есть шествіе Бога по землѣ, ищущаго спасенія людей и призывающаго ихъ къ нему разнообразными провозглашеніями и дѣлами своей безмѣрной благости. Если же Откровеніе всѣмъ своимъ существомъ доказываетъ свое происхожденіе изъ міра нездѣшняго, если оно является особымъ даромъ Небесъ въ помощь человѣку блуждающему и грѣшному для его возстановленія въ союзѣ общенія съ Богомъ, то и слѣдуетъ ожидать, что дивное въ центрѣ должно имѣть соотвѣтствующее сіяніе и въ периферіи. Если Высшій Провозвѣстникъ откровенія Христосъ есть Единородный Сынъ Божій. сый въ лонѣ Отчемъ, то можетъ-ли быть что-либо непокорно Ему въ силахъ и законахъ небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ,—возможно-ли, что Онъ, сшедши на землю,—чтобы быть признаннымъ здѣсь, не открылся, какъ властелинъ природы, какъ самодержавное и всемогущее Существо? Откровеніе представляетъ выраженіе Божественной любви къ людямъ. Чудо, соприсущее Откровенію, слѣдовательно относится къ области той-же любви. Чудеса — это силы и знаменія (δυνάμεις, σημεῖα), коими свидѣтельствовался, утверждался и не перестаетъ утверждаться авторитетъ откровеннаго слова, съ цѣлью привести человѣка къ нему, и черезъ него къ Богу. Конечно вѣрно, что Откровеніе само свидѣтельствуетъ за себя всѣми внутренними признаками своей истинности, всѣми высокоблаготворными отраженіями на человѣческую душу,—вѣрно, что и Спаситель въ доказательство своего небеснаго посланничества прежде всего указывалъ на самосвидѣтельство Своей личности, Своего ученія *), но чудо, какъ дѣло самой нѣжной отечески-руководительной попечительности, какъ знаменіе, непререкаемое и для всякаго очевидное, доступное даже внѣшнимъ чувствамъ: зрѣнію, осязанію и т. д., имѣло назначеніемъ еще подвести человѣка къ воспріятію этихъ самосвидѣтельствъ и затѣмъ разительнѣе и глубже запечатлѣть въ сознаніи ихъ голосъ **).

*) *Я самъ свидѣтельствую о себѣ. Если Я Самъ о Себѣ свидѣтельствую, свидѣтельство мое истинно; потому что Я знаю, откуда пришелъ и куда иду.* Іоан. 8, 14—18. *Кто изъ васъ обличитъ Меня въ неправдѣ.* 8, 46. *Мое ученіе не мое, но пославшаго меня.* Іоан. 7, 16. *Видѣвшій меня видѣлъ Отца.* Іоан. 14, 9. 12, 45. *Я и Отецъ—Одно* Іоан.—10, 30. И мн. др.

**) „Чудеса служатъ для подтвержденія слова послѣдствующимъ знаменіемъ, для удостовѣренія въ небесномъ посланничествѣ; они, какъ говоритъ Апостолъ, знаменія для невѣрующихъ (I Коре. 14, 22). Однако здѣсь Апостолъ разумѣетъ не положительно не вѣрующихъ, не тѣхъ, которые сердцемъ и волею чуждаются истины, но отрицательно не вѣрующихъ, для которыхъ истина недостаточно убѣдительна. Знаменіе не для положительнаго невѣрія, ибо Св. Писаніе представляетъ примѣры, когда могущество чудесъ безсильно надъ людьми, кото-

Еще разъ припомнимъ изреченіе Господа: когда не вѣрите мнѣ, вѣрьте дѣламъ моимъ, чтобы узнать и повѣрить, что Отецъ во мнѣ и Я въ немъ. Никодимъ вначалѣ обратилъ свой взоръ къ пришедшему изъ Галилеи во Іерусалимъ Учителю ради совершенныхъ Имъ чудесъ, вдумчиво заключая, что *такихъ чудесъ никто не можетъ творить, если не будетъ съ нимъ Богъ* *). И затѣмъ этотъ прежде потаенный ученикъ Господа съ отверстыми умомъ и сердцемъ слушаетъ дивно-величественную ночную бесѣду о необходимости для каждаго, ищущаго благъ Царствія Божія, новаго рожденія таинственнымъ дѣйствіемъ Святаго Духа. Въ одномъ изъ своихъ посланій Ап. Павелъ, убѣждая христіанъ къ усиленному и дѣятельному вниманію касательно всего возвѣщеннаго намъ о спасеніи, прибавляетъ, что слово о спасеніи, *бывъ сначала проповѣдано Господомъ, утвердилось слышавшими отъ Него, при засвидѣтельствованіи отъ Бога знаменіями и чудесами и различными силами* **). Въ этихъ словахъ Апостоломъ выразительно отмѣчена высокая роль чудесъ въ качествѣ подтвердительнаго знака для чрезвычайнаго достоинства возвѣщеннаго Богомъ ученія, съ цѣлію призванія людей къ вѣрѣ въ него и послѣдованію ему.

Пусть настроеніе отдѣльныхъ людей и даже цѣлаго времени не благопріятствуетъ чуду, сомнѣваясь въ немъ или даже совсѣмъ отрицая его. Но истина Господня, данная на вѣки въ ореолѣ чуда и представляющая чудо сама по себѣ, слишкомъ высока, чтобы ее можно было оцѣнивать съ точки зрѣнія временнаго человѣческаго къ ней отношенія. Возставали и возстаютъ на чудо ради тѣхъ или иныхъ философскихъ соображеній, въ размѣры которыхъ оно не укладываются, между тѣмъ невозможно исчислить въ исторіи тьмы душъ, первоначально, подобно Никодиму, пришедшихъ къ Евангелію подъ впечатлѣніемъ чудесъ и затѣмъ нашедшихъ въ немъ все благо своей жизни. Вѣдь чудеса Откровенія, при неопровержимой достовѣрности сказаній о нихъ, не перестаютъ свидѣтельствовать откровенную истину и по совершеніи ихъ также, какъ при самомъ совершеніи. Еслибы кто-либо указалъ на излишекъ чудесъ для удостовѣренія въ неземномъ достоинствѣ откровеннаго слова, такъ какъ это слово съ достаточною убѣдительностію говоритъ само за себя, мы должны были преклониться предъ высокою степенью духовной зрѣлости и чуткости этого человѣка и вмѣстѣ съ тѣмъ на-

---

рые враждуютъ противъ истины; эти упорствуютъ и уклоняются отъ нихъ, какъ упорствуютъ и уклоняются отъ всякаго другого свидѣтельства о бытіи Бога и Его промысла, *а для невѣрующихъ, которые такими остаются не по своей винѣ,—для тѣхъ, предъ которыми истина впервые приходитъ*". Тренчъ стр. 41—42. Точно и подробно выяснено на основаніи свящ. Писанія значеніе чудесъ для вѣры въ откровенную истину въ сочиненіи г. *Струнникова*: „Вѣра, какъ увѣренность по ученію Православія". 1887 г.

*) Іоан. 3, 1—2.

**) Евр. 2, 3—4.

стойчиво утверждать необходимость чудесъ въ виду того, что не были люди таковы, когда въ первый разъ сообщалось міру откровеніе *), не всѣ они были и есть таковы и въ послѣдующіе вѣка. Но кто-бы и когда подъ тѣмъ или инымъ мотивомъ ни нападалъ на чудо, во всякомъ случаѣ онъ долженъ признать, что разсуждая безпристрастно и точно, а не въ тѣсныхъ предѣлахъ излюбленнаго воззрѣнія, чудо опровергнуть нельзя **). И это тѣмъ болѣе, что всѣ мы поставлены въ виду ежедневныхъ чудесъ.

Еще разъ вкороткѣ повторимъ то, о чемъ болѣе подробно разсуждали выше. Каждая лежащая предъ нами самая ничтожная частица матеріи со стороны происхожденія ее составляющихъ элементовъ, есть для насъ чудо. Чудо—связаные съ этой частицей и ею управляющіе законы и силы, на неизмѣнность которыхъ такъ часто указываютъ отрицающіе чудо Писанія. Развѣ не чудо жизнь, развивающаяся въ матеріи и являющаяся, какъ нѣчто новое для нея? Сѣмя, постепенно развертывающееся въ тотъ или другой видъ злака или дерева, зародышъ, формирующійся во чревѣ матери въ живой организмъ человѣка и въ процессѣ своего образованія пріобрѣтающій душу —сколько тутъ дивнаго для всего цикла существующихъ біологическихъ наукъ? Кто осмѣлится сказать, что отъ начала до конца ему понятны эти процессы? Основныя дѣйствующія здѣсь причины органическаго и психическаго сложенія отъ насъ закрыты и для насъ таинственны ***). Имѣемъ-ли послѣ сего право отрицать существованіе намъ невѣдомыхъ силъ, неизслѣдимое дѣйствіе которыхъ въ состояніи возвратить жизнь мертвому? Чудеса природы перестали насъ изумлять только, потому что мы слишкомъ къ нимъ привыкли,—замѣтилъ еще бл. Августинъ. Чудеса Откровенія выдѣляются изъ ряда еже-

*) *Вы не увѣруете, если не увидите знаменій и чудесъ*, Іоан, 4, 48. Такъ говорилъ І. Христосъ, обращаясь къ современникамъ его земной жизни.

**) „Не возможно разумно разсуждать противъ чудесъ"—изреченіе Паскаля. Мысли. перев. Первова. Стр. 257.

***) Никакимъ образомъ нельзя ослабить значеніе словъ Фарарра въ его чтеніи: „О достовѣрности чудесъ". Сорвите и покажите ботанику, хотя бы самый простенькій и не важный на нашъ взглядъ цвѣтокъ, онъ скажетъ вамъ его названіе, видъ, родъ, классъ, къ которому цвѣтокъ принадлежитъ, мѣсто, гдѣ растетъ, исторію и видоизмѣненіе. Но можетъ-ли онъ произвести хотя одну жилку въ этой ткани, хотя одну часть затѣйливаго узора на лепесткѣ? Можетъ-ли онъ разсказать вамъ причину происхожденія хотя одной линіи въ этомъ дивномъ рисункѣ или подсмотрѣть въ микроскопъ хотя одну изъ жизненныхъ формъ, которая въ ней обнаруживаются... „Пусть въ видѣ сырого матеріала предоставлены будутъ натуралисту всѣ природные элементы, вмѣсто лабораторіи—цѣлая вселенная, онъ не только не будетъ въ состояніи создать или вызвать изъ небытія ни одной самой ничтожной, самой малой, грубой жизненной формы въ видѣ былинки, живаго существа или простѣйшей формы протоплазмы, но не съумѣетъ опредѣлить различія между самопроизвольнымъ дѣйствіемъ и живою волею, затеряется въ безчисленной и многостороней роскоши разнообразія окружающей его жизни. Для него будетъ лестно и то, если онъ осилитъ составить опредѣленіе: что такое жизнь въ реальномъ ея проявленіи". Прав. Обозр. 1876.—О жизни, какъ тайнѣ по происхожденію см. мнѣнія длиннаго ряда современныхъ ученыхъ „Zur Apologie d. Wunders". D. Beweis des Glaubens. Juni, 1894.

дневныхъ чудесъ своею разительно указующею на Бога необычайностію. Но тѣ и другія одинаково должны вести нашу мысль въ міръ высшій, невидимый, сверхъестественный, въ которомъ видимое и естественное только и находитъ свой смыслъ и свое объясненіе.—Глубоко воспринята эта послѣдняя истина сознаніемъ человѣчества въ его цѣломъ. И тогда какъ со стороны отдѣльныхъ, частныхъ умовъ, слишкомъ склонныхъ къ такъ называемому положительному міросозерцанію, мы нерѣдко слышимъ заявленія какого-то глумливаго отношенія къ сверхъестественному, съ другой стороны для всего человѣчества вѣрованіе въ сверхъестественное, „есть фактъ естественный, изначальный, всеобщій, постоянно пребывающій въ жизни и исторіи. Во всѣ времена, вездѣ, во всѣхъ общественныхъ состояніяхъ, на всѣхъ степеняхъ образованности, родъ человѣческій неизмѣнно является свободно—вѣрующимъ въ событія, въ причины, внѣшнія міру чувственному“, здѣшнему міру видимому*).

Въ незримой области этихъ-то признаваемыхъ обще-человѣческимъ смысломъ причинъ, мы и полагаемъ родину чуда, сопутствующаго сверхъестественному Откровенію для удостовѣренія его Божественнаго авторитета.

*) Гизо. Размышленія о сущ. христ. вѣры. Стр. 56.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Отчетъ.

Стр.	Строка	Напечатано	Слѣдуетъ читать.
63	16 снизу	Колчеданъ	Комитетъ

Журналы Совѣта.

Стр.	Строка	Напечатано	Слѣдуетъ читать.
7	14 снизу	къ свѣдѣнію	предложеніе.
7	17 „	изданія	изданіями
24	12 сверху	тераневтическій	терапевтическій
25	6 снизу	поставленое	составленное
26	5 сверху	паталогіи	патологіи
26	5 снизу	подлинникѣ	подлинникѣ
43	8 „	профоссора	профессора
43	2 „	вч виду	Въ виду

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВОЙ КНИГИ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

№№		Страницы.
1.	Свѣдѣнія о состояніи Университета за первое полугодіе его существованія, съ 1 іюля по 31 декабря 1888 г.	1— 75
2.	Журналы засѣданій Совѣта Императорскаго Томскаго Университета за 1888 г.	75—129

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

3.	**В. М. Флоринскій.** Замѣтка о происхожденіи слова «Сибирь» . .	3— 14
4.	**В. М. Флоринскій.** Топографическія свѣдѣнія о курганахъ Семирѣченской и Семипалатинской области.	15— 31
5.	**В. М. Флоринскій.** Нѣкоторыя свѣдѣнія о курганахъ юго-западной части Семирѣченской области	32— 49
6.	**В. М. Флоринскій.** Общая замѣтка объ археологическомъ значеніи Семирѣчья	50— 57
7.	**В. М. Флоринскій.** Курганы Томской губерніи	58— 86
8.	**Н. А. Гезехусъ.** О значеніи метеорологическихъ наблюденій по отношенію къ Сибири. Рѣчь, произнесенная на университетскомъ актѣ 22 окт. 1889 года	87—112
9.	**Н. А. Гезехусъ.** О нѣкоторыхъ новыхъ приборахъ и приспособленіяхъ въ физическомъ кабинетѣ Императорскаго Томскаго Университета . .	113—118
10.	**Ст. Залѣскій.** Упрощенія макро- и микро-химическихъ реакцій на желѣзо	119—124
11.	**Э. А. Леманъ.** Химическій анализъ воды, употребляемой въ Томскѣ для питья и различныхъ хозяйственныхъ надобностей.	125—130

Труды Томскаго Общества Естествоиспытателей.

12.	Уставъ Томскаго Общества Естествоиспытателей и врачей	3— 7
13.	Протоколы засѣданій 23 и 30 сентября и 29 октября 1889 года .	8— 20
14.	**В. М. Флоринскій.** Вступительная рѣчь при открытіи Общества .	21— 26
15.	**А. М. Зайцевъ.** Замѣтка о геологическомъ строеніи окрестностей г. Томска	27— 32

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОЙ КНИГИ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

1. Отчетъ о состояніи Университета за 1889 годъ . . . . . 3— 71
2. Журналы засѣданій Совѣта Императорскаго Томскаго Университета за 1889 годъ . . . . . 1— 93
3. Программы и обозрѣніе преподаванія въ Императорскомъ Томскомъ Университетѣ за 1889—1890 и 1890—1891 годъ . . . . . 1— 38

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

4. **Н. Ф. Кащенко.** Задачи зоологіи въ Сибири. Рѣчь, приготовленная для произнесенія на Университетскомъ актѣ 1890 года . . . . . 1— 22

Труды Томскаго Общества Естествоиспытателей.

5. Протоколы засѣданій 3 ноября и 2 декабря 1889 года. . . . . 1— 15
6. **В. М. Флоринскій.** Двадцать три человѣческихъ черепа Томскаго археологическаго музея . . . . . 16— 46
7. **А. Державинъ.** Геологическій разрѣзъ береговъ р. Томи отъ Кузнецка до Томска. Съ рисунками . . . . . 47— 59
8. Протоколъ засѣданія 3 января 1890 г. . . . . 61— 63
9. **В. М. Флоринскій.** Памяти проф. С. П. Боткина . . . . . 64— 70
10. Проф. **Н. Маліевъ.** Перемѣщеніе и неправильный ходъ правой подключичной артеріи. Съ рисунками . . . . . 71— 75
11. **И. Я. Словцовъ.** Матеріалы о распредѣленіи кургановъ и городищъ въ Тобольской губерніи . . . . . 76— 97
12. **В. М. Флоринскій.** Замѣтка объ инфлюэнцѣ. . . . . 98—106
13. **С. Чугуновъ.** О натуральной муміи, найденной въ г. Томскѣ. . . 107—122
14. **С. К. Кузнецовъ.** Отчетъ объ археологическихъ розысканіяхъ въ окрестностяхъ г. Томска, произведенныхъ лѣтомъ 1889 года. Съ планомъ и рисунками . . . . . 123—200
15. Протоколы засѣданій 18 февраля и 7 мая 1890 года . . . . . 201—215
16. **А. Державинъ.** Геологическія наблюденія по линіи Томско-Барнаульскаго и Барнауло-Кузнецкаго трактовъ . . . . . 217—226
17. **М. Горстъ.** Анализъ жировоска, найденнаго въ Томской почвѣ . . 227—236
18. **Н. Ф. Катановъ.** Бубенъ и колотушка шамана, по описанію Минусинскихъ татаръ . . . . . 237—239
19. **І. І. Березницкій.** Докладъ о случаяхъ эпидемической инфлюэнцы, по наблюденіямъ Томскихъ врачей, во вторую половину 1889 года . 240—242
20. **Г. І. Родзевичъ.** Каменная болѣзнь въ Сибири . . . . . 243—249
21. **В. М. Флоринскій.** Общій взглядъ на природу и ея силу . . . 250—271
22. Отчетъ за истекшій 1889—90 г. и списокъ членовъ . . . . . 272—278

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЬЕЙ КНИГИ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

1. Отчетъ о состояніи Университета за 1890 годъ . . . . . 1— 65
2. Журналы засѣданій Совѣта Императорскаго Томскаго Университета за 1890 г. №№ 1—18 съ приложеніями . . . . . 1—142
3. Программы и обозрѣнія преподаванія въ Императорскомъ Томскомъ Университетѣ за 1890—91 учебный годъ . . . . . 143—177

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Труды членовъ Университета.

4. **П. Крыловъ.** Лица на предгорьяхъ Кузнецкаго Алатау . . . . 1— 40
5. Проф. **Э. Салищевъ.** Къ казуистикѣ актиномикоза . . . . . 41— 47
6. Проф. **Э. Салищевъ.** Къ вопросу о камнесѣченіяхъ . . . . . 48— 96
7. Проф. **А. Зайцевъ.** О породахъ нѣкоторыхъ пунктовъ Киргизской степи между Иртышемъ и озеромъ Балхашемъ . . . . . 97—106
8. Проф. **Э. Леманъ.** Составъ солей, содержащихся въ водѣ озеръ Широ и Шунетъ и рѣчки Солоновки. . . . . 107—119

Въ видѣ приложенія къ Извѣстіямъ напечатано:

9. Проф. **Н. Кащенко.** Краткое руководство по зоологіи, преимущественно для студентовъ медицины. Выпускъ 1. Съ 16-ю таблицами рисунковъ. 1—208

СОДЕРЖАНІЕ ЧЕТВЕРТОЙ КНИГИ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

1. Журналы засѣданій Совѣта Императорскаго Томскаго Университета за 1891 г. съ приложеніями . . . . . 1—143
2. Обозрѣніе и программы преподаваній за 1891—92 учебный годъ . . 145—189

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Труды Членовъ Университета.

3. **П. Крыловъ.** Ботаническій матеріалъ, собранный Г. Н. Потанинымъ въ восточной части Семипалатинской области и сводъ предыдущихъ изслѣдованій . . . . . 1—106
4, Проф. **Э. Салищевъ.** Къ казуистикѣ добавочныхъ зобовъ. Новый истинный отдѣльный боковой добавочный зобъ . . . . . 107—118
5. Проф. **М. Поповъ.** Вступительная лекція въ курсъ судебной медицины,

читанная 31 августа 1891 года . . . . . 119—136
6. Проф. **А. Судаковъ**. Современная гигіена и ея главнѣйшія задачи. Рѣчь, произнесенная на университетскомъ актѣ, 22 окт. 1891 года . 137—183
7. Проф. **Н. Кащенко**. Отчетъ объ изслѣдованіи глистной эпизоотіи рыбъ въ Барабинскихъ озерахъ. . . . . 184—213
8. Проф. **А. Догель**. Нервные элементы сѣтчатой оболочки глаза человѣка. Съ 3-мя таблицами рисунковъ . . . . . 214—248
9. Проф. **Н. Маліевъ**. Рѣдкая форма двуглаваго паразитирующаго плода. Съ рисункомъ . . . . . 249—254
10. Проф. **Н. Роговичъ**. Рѣчь, произнесенная при открытіи клиникъ 1 октября 1891 г. . . . . 255—271
11. Проф. **А. Репревъ**. Вступительная лекція изъ общей патологіи . . 272—281

Труды Томскаго Общества Естествоиспытателей и Врачей.

12. Протоколы засѣданій, отчетъ о дѣятельности общества въ 1890—1891 году и списокъ членовъ . . . . . 1— 40
13. **А. И. Макушинъ**. Венерическія болѣзни въ Томскѣ съ 1884 до 1890 года . . . . . 1— 15
14. **І. І. Березницкій**. Къ вопросу о распространеніи каменной болѣзни въ Сибири . . . . . 16— 19
15. Проф. **А. Судаковъ**. Проэктъ организаціи санитарной ститистики въ Томскѣ . . . . . 20— 46
16. **А. И. Макушинъ**. Минеральныя воды Томской губерніи. Съ планомъ Рахмановскихъ ключей . . . . . 47— 74
17. Проф. **А. Догель**. Объ окончаніи нервовъ въ осязательныхъ тѣльцахъ. Съ таблицей рисунковъ . . . . . 75— 85
18. **А. Догель**. Концевыя нервныя тѣльца (Концевыя колбы W. Krause) въ роговицѣ и соединительной оболочкѣ глаза человѣка. Съ таблицей рисунковъ . . . . . 86— 99
19. Проф. **К. Виноградовъ**. О кантагіозномъ моллюскѣ въ полости рта. Съ таблицей рисунковъ . . . . . 100—115
20. Проф. **К. Виноградовъ**. О новомъ видѣ двуустки (Distomum sibiricum) въ печени человѣка. Съ таблицей рисунковъ . . . . . 116—130
21. Проф. **К. Виноградовъ**. Второй случай сибирской двуустки (Distomum sibiricum) въ печени человѣка . . . . . 131—135
22. **В. М. Флоринскій**. Границы человѣческой жизни. Рѣчь, произнесенная въ годовомъ собраніи Томскаго Общества Естествоисп. и Врачей 22 сентября 1891 г. . . . . 136—148

СОДЕРЖАНІЕ ПЯТОЙ КНИГИ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

1. Отчетъ о состояніи Университета за 1891 годъ . . . . . 1— 77
2. Отчетъ по операціямъ ссудо-сберегательной кассы при Университетѣ . 79— 93
2. Правила пользованія библіотекою Университета . . . . . 94—106

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Труды членовъ Университета.

4. Хранит. ботанич. каб. **П. Крыловъ.** Матеріалы къ флорѣ Тобольской губерніи . . . . . 1— 80
5. Проф. **С. Коржинскій.** Флора востока Европейской Россіи въ ея систематическихъ и географическихъ отношеніяхъ . . . . . 81—299
6. Проф. **А. Догель.** Къ вопросу о строеніи нервныхъ клѣтокъ и отношеніи осево-цилиндрическаго (нервнаго) ихъ отростка къ протоплазматическимъ (дендритамъ) . . . . . 300—322
7. Проф. **А. Репревъ.** Вліяніе голода на человѣческій организмъ. Публичная лекція въ пользу школъ мѣстностей, пострадавш. отъ неурожая, прочитана 26 января 1892 г. . . . . 323—339
8. Проф. **Н. Кащенко.** Краткое содержаніе объяснительной лекціи о кукушкѣ, читанной 26 апрѣля 1892 г. . . . . 340—348
9. Проф. **К. Виноградовъ.** О глистахъ, паразитирующихъ въ человѣческомъ тѣлѣ . . . . . 349—360
10. Д-ръ **Ѳ. Романовъ.** Къ вопросу о многогнѣздномъ эхинококкѣ печени. 361—375
11. Проф. **М. Поповъ.** О птомаинахъ, токсальбуминахъ и объ иммуннитетѣ. 376—386
12. Студ. **И. Левашовъ.** Гуммозныя опухоли нижней челюсти . . . . 387—392
13. Хранит. минерал. каб. **А. Н. Державинъ.** Отчетъ о геологической экскурсіи на р. Томь въ 1891 г. Съ геогностическою картою рѣки Томи. 393—404
14. Проф. **В. Великій.** Свѣтъ и жизнь. Рѣчь, произнесенная на торжественномъ собраніи въ четвертую годовщину Университета, 22 октября 1892 года . . . . . 405—423
15. Проф. **И. Поповскій.** Современное направленіе въ анатоміи и хирургіи. Вступительная лекція по оперативной хирургіи съ топографической анатоміей, читанная 21 сентября 1892 года . . . . . 424—439
16. Проф. **А. Коркуновъ.** Рѣчь при открытіи клиникъ Императорскаго Томскаго Университета 1 ноября 1892 года . . . . . 440—447

Въ видѣ приложенія къ извѣстіямъ напечатано:

17. Проф. **К. Кащенко.** Краткое руководство по зоологіи, премущественно для студентовъ медицины. Выпускъ II. Съ 13 таблицами рисунковъ . 209—452

Труды Томскаго Общества Естествоиспытателей и Врачей.

18. Протооклы засѣданій Общества . . . . . 1— 16
19. **И. И. Степановъ.** Нервы радужной оболочки глаза. Съ 4 табл. рисунковъ . . . . . 1— 30
20. **М. К. Горстъ.** Матеріалы для изслѣд. растенія Allium Victoriale—L. Съ рисункомъ . . . . . 31— 48
21. Студ. **И. Коровинъ.** Къ ученію объ актиномикозѣ у человѣка Съ рисунк. 49— 69
22. **А. И. Макушинъ.** Заразныя болѣзни въ Томскѣ . . . . . 70— 81
23. Проф. **А. Судаковъ.** Отчетъ о дѣятельности Общества въ 1891—92 г. 82— 84
24. Проф. **А. Судаковъ.** О зараженіи. Рѣчь, читанная на годичномъ собраніи Томскаго Общества Естествоиспытателей и Врачей, 25 сентября 1892 года . . . . . 85—102